UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
STACKS

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА.

ДЖОРДЖЪ ЭЛІОТЪ.

АДАМЪ БИДЪ.

РОМАНЪ.

съ 12-ю иллюстраціями, біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями и объяснительнымъ словаремъ.

Переводъ съ англійскаго

М. Д. Шишмаревой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1902.

823
C88a:R

Джорджъ Эліотъ.

Маріанна Эвансъ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи извѣстной подъ именемъ Джорджъ Эліотъ, родилась въ небольшомъ мѣстечкѣ Гриффѣ, въ Варвикширѣ. Отецъ ея, Робертъ Эвансъ, происходилъ изъ бѣдной семьи и началъ жизнь простымъ плотникомъ; потомъ своимъ трудомъ и энергіей онъ достигъ того, что сдѣлался зажиточнымъ фермеромъ, пользующимся общимъ уваженіемъ сосѣдей за свои обширныя и разнообразныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Это былъ мужественный, честный человѣкъ, который послужилъ впослѣдствіи оригиналомъ для героя лучшаго изъ романовъ своей дочери—„Адама Бида". Мать ея была очень добрая женщина, чрезвычайно любившая своихъ дѣтей и мужа, и прекрасная хозяйка. Въ этой патріархальной, трудящейся семьѣ, всецѣло погруженной въ ежедневныя хозяйственныя заботы, росла и развивалась будущая писательница, и лучшія, наиболѣе художественныя произведенія ея, какъ „Адамъ Бидъ", „Мельница на Флоссѣ", „Сайласъ Марнеръ", посвящены описанію этой, съ дѣтства знакомой ей, жизни англійской деревни.

Маленькая Маріанна совсѣмъ не была похожа на „феноменальнаго ребенка": это была живая, шаловливая дѣвочка, не любившая сидѣть на одномъ мѣстѣ и всегда готовая на всякія проказы. Ей даже трудно было выучиться читать и писать, что, впрочемъ, происходило не отъ неспособности, а отъ ея чрезвычайной живости. Уже и въ эти ранніе годы въ ней проявилась одна характерная черта, сохранившаяся въ теченіе всей ея послѣдующей жизни; говорю объ ея необыкновенной привязчивости и страстномъ, ревнивомъ отношеніи къ предмету своей привязанности. Въ дѣтствѣ такимъ предметомъ былъ ея братъ Исаакъ, и описаніе Мэгги и Тома въ „Мельницѣ на Флоссѣ" заключаетъ въ себѣ много автобіографическихъ подробностей.

По мѣрѣ того, какъ Маріанна становилась старше, характеръ ея измѣнялся, и она дѣлалась все задумчивѣе и серьезнѣе. Когда къ отцу приходили по дѣламъ или вообще на фермѣ собирались гости, она обыкновенно забиралась куда нибудь въ уголъ и цѣлыми часами неподвижно просиживала

---

*) Джорджъ Эліотъ. Біогр. оч. Л. К. Давыдов й. Изд. Д. Павленкова: «Жизнь замѣчательныхъ людей» Спб. 1-91 г.

тамъ, внимательно слушая, о чемъ разговариваютъ взрослые. Сама она пишетъ про себя впослѣдствіи въ письмѣ къ миссъ Левисъ, въ 1839 г.: „Когда я была еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, я никакъ не могла удовлетвориться тѣмъ, что происходитъ вокругъ меня, и постоянно жила въ какомъ-то особенномъ мірѣ, созданномъ моимъ воображеніемъ. Я даже радовалась, что у меня не было никакихъ товарищей, такъ что я на свободѣ могла предаваться своимъ мечтамъ и выдумывать всевозможныя исторіи, въ которыхъ я была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Можете себѣ представить, какую пищу доставляли такимъ мечтамъ разные романы, рано попавшіе въ мои руки". Къ чтенію она пристрастилась очень рано, но дома у нея было мало книгъ, и она всѣ ихъ знала почти наизусть отъ частаго перечитыванія. Любимыми книгами ея были басни Эзопа и „Исторія чорта" Дефо. Поступивъ же въ пансіонъ къ миссъ Велингтонъ въ Ньюжантонѣ, она съ жадностью набросилась на чтеніе и читала все, что ей попадалось подъ руки.

Маріанна училась очень хорошо, и когда она изъ ньюжантонскаго пансіона перешла въ пансіонъ миссъ Франклинъ въ ближайшемъ городѣ Ковентри, то сдѣлалась положительно предметомъ гордости своихъ учителей. Особенно хорошо она писала сочиненія и занималась музыкой.

Возвращаясь на праздники домой, Маріанна не предавалась разнымъ дѣтскимъ шалостямъ и играмъ. Все это рано перестало занимать ее, и она просиживала за книжкой цѣлые дни и даже ночи, къ большому неудовольствію своей матери, хозяйственное сердце которой не могло помириться съ тѣмъ, что дочь ея тратитъ такъ много свѣчей за своими книгами. Впрочемъ, родители очень гордились своей умной и ученой дочерью, и ея успѣхи въ пансіонѣ были для нихъ большой радостью. Они не жалѣли денегъ на ея образованіе и предоставляли ей полную свободу заниматься и читать сколько ей угодно. Дѣвочка устроила воскресную школу около фермы отца и занималась тамъ съ крестьянскими дѣтьми.

Въ 1855 г. она кончила свое образованіе и вернулась домой, гдѣ ей пришлось всецѣло посвятить себя уходу за больной матерью, здоровье которой все ухудшалось.

Миссъ Эвансъ въ это время была вся проникнута евангелическими идеями, навѣянными на нее ея бывшей учительницей миссъ Левисъ, и, поглощенная мыслями о Богѣ и спасеніи души, старалась подчинить жизнь своимъ аскетическимъ религіознымъ принципамъ.

Она постоянно работала надъ своимъ образованіемъ, продолжала изучать нѣмецкій и итальянскій языки и часть своего времени посвящала также филантропіи. Но все это, конечно, не могло удовлетворить молодую дѣвушку, полную жажды знанія и умственныхъ запросовъ, такъ что одинокая жизнь

въ заброшенной, отдаленной деревнѣ казалась ей подчасъ нестерпимо скучной и однообразной.

Главнымъ образомъ ее интересовали религіозные вопросы, и она съ особеннымъ увлеченіемъ читала религіозныя книги, какъ напримѣръ „Мысли“ Паскаля, письма Ганны Моръ, жизнеописаніе Умберфильда, „Подражаніе Христу“ Ѳомы Кемпійскаго и др. Глубокая вѣра въ Бога и работа надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ—вотъ что составляло главное содержаніе ея духовной жизни въ это время. Она была изъ тѣхъ глубокихъ, сосредоточенныхъ въ себѣ натуръ, въ которыхъ живетъ постоянное стремленіе къ чему-то великому и вѣчному, лежащему за предѣлами явленій обыденной жизни, и въ ранней молодости это мистическое стремленіе къ безконечности находило себѣ полное удовлетвореніе въ религіи.

Религіозное настроеніе молодой дѣвушки вылилось въ ея первомъ литературномъ произведеніи—въ стихотвореніи, задуманномъ во время ея одинокихъ прогулокъ по лѣсамъ, окружающимъ ферму отца. Въ этомъ стихотвореніи она, какъ бы чувствуя близость смерти, прощается съ тѣмъ, что ей было всего дороже на землѣ—съ природой и со своими книгами—и съ радостью готовится къ переходу въ другую жизнь. Стихотвореніе было напечатано въ духовномъ журналѣ—Christian Observer—и вслѣдъ затѣмъ миссъ Эвансъ въ теченіе 17-ти лѣтъ ничего больше не писала по части изящной литературы.

* * *

Миссъ Эвансъ было около 21 года, когда братъ ея женился, а отецъ, сдавъ ему ферму, переѣхалъ съ дочерью въ сосѣдній городъ Ковентри. Переходъ отъ уединенной сельской жизни къ городской имѣлъ большое вліяніе на молодую дѣвушку. Здѣсь она познакомилась съ кружкомъ интеллигентныхъ, развитыхъ людей, съ которыми очень сошлась и, благодаря имъ, ей пришлось столкнуться съ совершенно новыми для нея идеями и взглядами, произведшими цѣлый переворотъ въ ея міровоззрѣніи. Кружокъ ея новыхъ знакомыхъ состоялъ изъ мѣстнаго фабриканта м-ра Брэя, человѣка очень умнаго и начитаннаго, занимавшагося въ свободное отъ дѣлъ время философіей и френологіей, и семьи его жены — ея сестры, миссъ Сары Геннель, сдѣлавшейся потомъ самымъ близкимъ другомъ миссъ Эвансъ, и брата ея, м-ра Чарльза Геннеля, автора извѣстнаго въ свое время сочиненія „О происхожденіи христіанства“, въ которомъ онъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ Штраусъ въ своей „Жизни Христа“. Все это были люди, интересующіеся наукой и литературой и слѣдящіе за умственной жизнью своего времени. У нихъ бывали многіе изъ выдающихся писателей и дѣятелей, какъ напримѣръ историкъ Фрэудъ, Эмерсонъ, Робертъ Овенъ.

Они часто видѣлись, вмѣстѣ читали, изучали языки, зани-

мались музыкой, говорили и спорили о всевозможныхъ предметахъ, и подъ вліяніемъ такого частаго общенія съ людьми другого образа мыслей, для нея насталъ періодъ религіозныхъ сомнѣній.

Эти сомнѣнія разрѣшились въ концѣ концовъ и переломъ въ ея жизни, выразился прежде веего въ томъ, что она перестала ходить въ церковь, такъ какъ ея цѣльная, искренняя натура всегда заставляла ее стремиться согласовать свои убѣжденія съ поступками и дѣйствіями во всемъ.

Эта перемѣна повела къ крупной размолвкѣ съ отцомъ, но, благодаря вмѣшательству ихъ друзей и м-ра Исаака Эванса, старикъ рѣшился помириться съ дочерью, и все осталось попрежнему.

Приведемъ слѣдующія слова, показывающія ея взглядъ на задачи писателя-романиста: „Искусство должно стоять какъ можно ближе къ жизни; оно пополняетъ нашъ личный опытъ и расширяетъ наши свѣдѣнія о людяхъ. Особенно же священна обязанность писателя, берущагося изображать жизнь народа. Если мы получимъ невѣрныя представленія о манерахъ и разговорахъ какихъ нибудь маркизовъ и графовъ, то бѣда еще будетъ не особенно велика; но важно, чтобы у насъ установилось правильное отношеніе къ радостямъ и горестямъ, къ труду и борьбѣ въ жизни людей, обреченныхъ на тяжелое, трудовое существованіе, и въ этомъ намъ должна помочь литература“. Всякаго, кто знакомъ съ романами Дж. Эліотъ, невольно поразитъ ихъ соотвѣтствіе съ теоретическими требованіями, высказанными въ вышеприведенныхъ строкахъ.

Изъ всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ въ Лондонѣ она ближе всѣхъ сошлась съ Гербертомъ Спенсеромъ, тогда еще начинающимъ писателемъ, обнародовавшимъ только свою „Соціальную статику“. Дружба съ нимъ, по словамъ самой Дж. Эліотъ, была самымъ свѣтлымъ явленіемъ въ ея лондонской жизни. „Безъ него мое существованіе здѣсь было бы довольно таки безотрадно“, пишетъ она миссъ Геннель. Спенсеръ же познакомилъ ее съ Льюисомъ, которому суждено было играть такую важную роль въ ея жизни. Льюисъ былъ въ то время однимъ изъ самыхъ популярныхъ англійскихъ журналистовъ. Это былъ человѣкъ очень разносторонне образованный и обладавшій большимъ писательскимъ дарованіемъ.

Льюисъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ его, былъ необыкновенно симпатиченъ: это былъ живой, увлекающійся, остроумный человѣкъ, всюду вносившій съ собой оживленіе. Своей наружностью и манерами, всклокоченными волосами и бородой, громкимъ голосомъ и постоянной жестикуляціей, онъ поражалъ чопорное англійское общество и казался въ немъ какимъ-то иностранцемъ. Онъ велъ очень подвижный образъ жизни, много путешествовалъ, изучалъ самыя разнообразныя

отрасли знанія, писалъ журнальныя статьи, пробовалъ свои силы въ беллетристикѣ (написалъ два романа: „Рантронъ“ и „Розовая, бѣлая и лиловая“) и даже когда-то изображалъ арлекина въ труппѣ странствующихъ актеровъ. Текерей говорилъ про него, что онъ нисколько бы не удивился, еслибы въ одинъ прекрасный день увидѣлъ Льюиса, разъѣзжающаго по улицамъ Лондона на бѣломъ слонѣ. Льюисъ былъ женатъ и имѣлъ троихъ сыновей, но разошелся съ женой черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы. Въ то время какъ онъ, черезъ Спенсера, познакомился съ миссъ Эвансъ, онъ жилъ въ Лондонѣ на положеніи холостого человѣка и издавалъ еженедѣльную газету „Leader“ (Руководитель). Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на миссъ Эвансъ, было скорѣе неблагопріятное. Она пишетъ про него миссъ Геннель, что „съ виду это нѣчто вродѣ Мирабо въ миніатюрѣ“, и съ легкой ироніей относится къ его шумнымъ манерамъ и постоянной веселости. Но это первое впечатлѣніе, повидимому, скоро изгладилось: они часто видѣлись по дѣламъ редакціи и между этими, столь различными во всемъ, людьми постепенно установились близкія, дружескія отношенія, незамѣтно для обоихъ перешедшія въ совсѣмъ другого рода чувство.

Сойтись съ женатымъ человѣкомъ и открыто жить съ нимъ, какъ его жена—это былъ такой смѣлый шагъ, котораго никто не могъ ожидать отъ тихой, молчаливой, немного даже сухой дѣвушки, всецѣло погруженной въ философію, въ свои литературныя работы и, повидимому, никогда не думавшей о любви. Какъ справедливо замѣчаетъ Ковалевская въ своихъ воспоминаніяхъ о Джорджъ Эліотъ, чтобы понять все значеніе этого поступка, нужно вспомнить о страшной чопорности и гнетѣ приличій, господствующемъ въ англійскомъ обществѣ. Родные миссъ Эвансъ были такъ скандализированы ея „безнравственностью“, что прервали съ ней всякія сношенія: огромное большинство знакомыхъ тоже отступилось отъ нея; даже Брэи, съ которыми ее связывала такая искренняя и многолѣтняя дружба, были чрезвычайно недовольны совершившейся въ ея жизни перемѣной.

Въ письмѣ къ миссъ Брэй, написанномъ черезъ годъ послѣ отъѣзда за границу, Элліотъ высказываетъ, какъ она сама смотритъ на свой союзъ съ Льюисомъ

„Если такой незараженный предразсудками человѣкъ, какъ вы,—пишетъ она,—называетъ мои отношенія къ м-ру Льюису „безнравственными“, то я могу объяснить себѣ это, только, припоминая, изъ какихъ сложныхъ и разнообразныхъ элементовъ слагаются сужденія людей. И я всегда стараюсь помнить это и снисходительно отношусь къ тѣмъ, которые такъ сурово осуждаютъ насъ. Впрочемъ, отъ огромнаго большинства мы и не могли ждать ничего, кромѣ самаго строгаго

приговора. Но мы такъ счастливы другъ съ другомъ, что все это перенести не трудно".

Въ 1865 г., значитъ черезъ 10 лѣтъ послѣ ихъ сближенія, она пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Джорджъ опять страшно занятъ. Какъ я люблю его постоянную бодрость духа, его умъ, его теплую заботливость о всѣхъ, кто въ немъ нуждается! Эта любовь—лучшая часть моей жизни"..

Прочность ихъ отношеній обусловливается въ значительной степени тѣмъ, что, кромѣ любви, жизнь ихъ была полна самыми разнообразными умственными интересами, которые были для нихъ обоихъ выше всего на свѣтѣ, и вотъ отчего имъ было такъ хорошо вмѣстѣ. Джорджъ Эліотъ принимала самое живое участіе въ научной дѣятельности своего мужа, также какъ онъ въ ея литературныхъ работахъ. Льюисъ страстно любилъ миссъ Эвансъ. Какую роль она играла въ его жизни, видно изъ отрывка его дневника.

Говоря о своей дружбѣ со Спенсеромъ, онъ прибавляетъ: „Я ему чрезвычайно обязанъ . . . . . ,

. . . . . .

Общеніе съ нимъ снова возбудило мою энергію и воскресило мою любовь къ наукѣ, которая уже умирала во мнѣ Спенсеру же я обязанъ другимъ, гораздо болѣе важнымъ и глубокимъ переворотомъ въ моей судьбѣ: черезъ него я познакомился съ Маріанной; ее знать—это значило ее любить, и съ тѣхъ поръ для меня началась новая жизнь. Ей я обязанъ всѣми своими успѣхами и всѣмъ своимъ счастьемъ. Богъ да благословитъ ее".

Для сыновей Льюиса Джорджъ Эліотъ была настоящей матерью. По ея перепискѣ съ ними, въ то время, когда они были въ школѣ, видно, что она входила во всѣ мелочи ихъ дѣтской жизни и относилась къ нимъ съ чисто-материнской заботливостью. Мальчики называли ее матерью и очень ее любили. Изъ всего этого очень ясно, какъ неправы были тѣ, которые такъ пламенно негодовали на миссъ Эвансъ за то, что она разрушила чужую семью, тогда какъ она, напротивъ того, устроила настоящую семейную жизнь для Льюиса и его дѣтей.

* * *

Съ ранней молодости она втайнѣ лелѣяла мечту когда-нибудь написать большой романъ. Изъ этого романа было написана всего одна глава—описаніе англійской деревни, и затѣмъ она больше и не принималась за него. Мечты о романѣ. однако, не покидали ее, но она все больше и больше сомнѣвалась въ своей способности когда-нибудь выполнить эту задачу. Второй мужъ ея, м-ръ Кроссъ, разсказываетъ, что когда онъ однажды сталъ уговаривать ее написать свою автобіографію, она сказала на это: „Единственное, что могло бы быть интересно въ моей автобіографіи — это то полнѣйшее

отчаяніе, въ которое я приходила отъ моей абсолютной неспособности написать что-либо беллетристическое. Это, можетъ быть, пріободрило бы какого-нибудь начинающаго писателя". Сближеніе съ Льюисомъ дало рѣшительный толчекъ ея таланту. Его постоянная поддержка и одобреніе имѣли для нея громадное значеніе. При ея нерѣшительной и неувѣренной въ себѣ натурѣ, она уже не бралась за оригинальныя произведенія: ей казалось, что у нея нѣтъ таланта и что навѣрное ничего изъ ея писанія не выйдетъ.

И дѣйствительно, всѣ внѣшнія данныя были противъ нея: ей было уже 37 лѣтъ, она всегда была застѣнчива, серьезна и молчалива, изучала философію, древніе языки и писала ученыя статьи — все это совершенно не соотвѣтствовало общепринятымъ представленіямъ о художественномъ талантѣ.

Только очень близко знавшіе ее люди видѣли, что подъ этой ученой внѣшностью синяго чулка кроется живой, наблюдательный человѣкъ, обладающій большимъ юморомъ и пониманіемъ людей. Льюисъ, живя вмѣстѣ съ нею, лучше всѣхъ узналъ ее съ этой стороны и чутьемъ любящаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ опытнаго литератора угадывалъ въ ней выдающійся талантъ. Его предположенія еще болѣе укрѣпились, когда она однажды въ Берлинѣ прочла ему первую и единственную главу изъ своего романа, написанную въ молодости. Это простое описаніе деревни поразило его своей художественностью, и онъ горячо началъ уговаривать свою жену приняться за беллетристику.

Подъ вліяніемъ его постоянныхъ подстрекательствъ и поощреній она начала писать свою первую повѣсть „Амосъ Бартонъ" и кончила ее менѣе чѣмъ въ два мѣсяца. Когда повѣсть была кончена, Льюисъ, который все время чрезвычайно интересовался работой жены и читалъ ее по главамъ, откровенно признался ей, что она превзошла всѣ его ожиданія. Онъ былъ убѣжденъ, что описательная сторона выйдетъ у нея очень хорошо, но сомнѣвался въ ея умѣніи изображать драматическіе и патетическіе моменты; послѣдняя глава повѣсти—описаніе смерти Милли — окончательно разубѣдила его въ этомъ. Повѣсть, подписанная скромнымъ псевдонимомъ „Джорджъ Эліотъ", была послана въ журналъ „Blockvoods Magazine", гдѣ она тотчасъ же была напечатана и обратила на себя вниманіе читающей публики.

Когда этотъ первый шагъ былъ сдѣланъ такъ удачно, Джорджъ Эліотъ начала работать съ удивительной быстротой. Она какъ будто старалась вознаградить себя за долгіе безплодно-прошедшіе годы молодости, и въ тотъ же годъ написала еще двѣ повѣсти—„Любовь м-ра Гильфиля" и „Исповѣдь Дженнетъ", которыя также были напечатаны въ журналѣ и въ концѣ года вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Сцены изъ жизни духовенства".

„Сцены изъ жизни духовенства“ сразу обратили на себя общее вниманіе, и неизвѣстный авторъ, скрывающійся подъ ничего неговорящимъ псевдонимомъ Джорджъ Эліотъ, сдѣлался предметомъ многочисленныхъ толковъ и догадокъ. Большинство придерживалось того взгляда, что авторъ этихъ повѣстей — священникъ; самъ издатель, по случайному сходству почерковъ, подозрѣвалъ одно время въ авторствѣ профессора физіологіи Овена; другіе приписывали новую книгу лорду Бульверу Литтону. Но въ одномъ пунктѣ всѣ были согласы, всѣ были убѣждены, что новый авторъ, обладающій такимъ выдающимся литературнымъ талантомъ, несомнѣнно мужчина. Единственный, кто разгадалъ женщину въ таинственномъ писателѣ, котораго принимали то за священника, то за профессора физіологіи, былъ Е. Диккенсъ. Приведемъ отрывокъ изъ его письма къ Джорджъ Эліотъ, написанный въ благодарность за присланный ему экземпляръ повѣстей: „Книга, которую вы были такъ любезны прислать мнѣ черезъ Блэквуда, произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я не могу удержаться отъ того, чтобы не выразить вамъ моего восторга по поводу ея необыкновенныхъ достоинствъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ такой правды и такой художественности, какими дышатъ юмористическія и патетическія сцены этихъ повѣстей. Обращая эти нѣсколько словъ къ автору „Заключеній Амоса Бортона“ и печальной исторіи „Любви м-ра Гильфиля“, я обязанъ признавать то имя, которымъ автору угодно было назвать себя. Но если бы я могъ слѣдовать голосу своего чувства, я бы сказалъ, что вы—женщина. Я подмѣтилъ такія женственныя черты въ вашихъ разсказахъ, что мужского имени на заглавномъ листѣ недостаточно, чтобы разубѣдить меня въ этомъ предположеніи“.

Кончивъ „Сцены изъ жизни духовенства“, Дж. Эліотъ тотчасъ же принялась за новый романъ „Адамъ Бидъ“, надъ которымъ она работала немного болѣе года (отъ октября 1857 г. до ноября 1858 г.).

„Адамъ Бидъ“ имѣлъ громадный успѣхъ. Съ первыхъ же дней своего появленія онъ сразу обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ журналы и газеты единогласно признали его автора звѣздой первой величины и отвели ему мѣсто въ одномъ ряду съ Диккенсомъ и Теккереемъ. Въ первый же годъ романъ этотъ выдержалъ 7 изданій и разошелся въ количествѣ 16,000 экземпляровъ. Джорджъ Эліотъ со всѣхъ сторонъ получала самыя восторженныя письма по поводу своего новаго произведенія, отъ Диккенса, Бульвера и др.

Всѣ были чрезвычано заинтересованы личностью неизвѣстнаго автора, романъ котораго имѣлъ необычайный успѣхъ. Особенно много волненій возбудилъ этотъ романъ на родинѣ Джорджъ Эліотъ—въ маленькомъ городкѣ Ньюжантонѣ въ Варвикширѣ. Никто не могъ догадаться, кто авторъ этого за-

мѣчательнаго произведенія; несомнѣнно было только одно, что это былъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, потому что въ немъ описывались лица и событія, извѣстныя всѣмъ въ Ньюжантонѣ.

Ньюжантонскіе жители были въ полномъ недоумѣніи относительно того, кто-бы могъ написать этотъ романъ и „Сцены изъ жизни духовенства", въ которыхъ тоже было много для нихъ знакомаго. Они думали, думали, и наконецъ рѣшили, что Джорджъ Эліотъ—ни кто иной, какъ нѣкій м-ръ Лиджинсъ, сынъ булочника и единственный человѣкъ въ Ньюжантонѣ, который былъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ и слѣдовательно могъ имѣть нѣкоторыя притязанія на ученость. Когда къ нему пришли его сограждане и объявили ему, что онъ авторъ „Сценъ изъ жизни духовенства", онъ отвѣчалъ уклончиво, не признавая за собою авторства, но и не отрицая его. Когда же вышелъ второй романъ Эліотъ „Адамъ Бидъ", надѣлавшій столько шуму въ англійскомъ обществѣ и разошедшійся въ такомъ громадномъ количествѣ экземпляровъ, то Лиджинсъ уже не въ силахъ былъ противустоять искушенію прослыть такой знаменитостью. Слава его быстро распространилась, и для бѣднаго кандидата теологіи, котораго почитатели его таланта въ первый разъ застали за такимъ скромнымъ занятіемъ, какъ чистка своей кухонной посуды, началось привольное житье: его всюду чествовали какъ Джорджъ Эліотъ, устраивали въ его честь обѣды, поили его дорогимъ виномъ и подчивали сигарами.

Послѣ появленія въ свѣтъ „Адама Бида" Джорджъ Эліотъ сразу сдѣлалась одной изъ самыхъ знаменитыхъ писательницъ своего времени, но эта внезапная слава не дала ей особеннаго счастья. Она пишетъ въ письмѣ къ м-съ Бодишанъ: „Я не упоена своимъ успѣхомъ—напротивъ того, послѣднее время мнѣ было такъ тяжело, какъ давно не было; я больше думала о будущемъ и о томъ, что еще предстоитъ сдѣлать, чѣмъ о томъ, что уже сдѣлано... Я часто вспоминаю о моихъ прежнихъ мечтахъ, когда мнѣ была года 24—25. Я думала тогда, какъ много счастья дала бы мнѣ слава! Теперь-же слава сама по себѣ не доставляетъ мнѣ вовсе большого удовольствія".

* * *

Джорджъ Эліотъ находилась на вершинѣ своей литературной славы. Романы ея расходились въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и переводились на иностранные языки; каждое ея новое произведеніе составляло цѣлое событіе въ литературномъ мірѣ, о немъ говорили и писали во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

Джорджъ Эліотъ отовсюду получала самыя восторженныя письма по поводу своихъ сочиненій; самые выдающіеся англійскіе писатели и ученые искали ея знакомства. Но все это нисколько не повліяло на нее и, сдѣлавшись знаменитой пи-

сательницей, она осталась такой-же застѣнчивой, скромной и задумчивой, молчаливой женщиной, какой была 15 лѣтъ тому назадъ.

Она постоянно сомнѣвается въ томъ, что ея вещи имѣютъ дѣйствительно какое-нибудь значеніе. Если-бы Джорджъ Эліотъ не отличалась такой глубокой правдивостью, можно было-бы положительно заподозрить ее въ неискренности, читая напримѣръ слѣдующее письмо, написанное вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ одного изъ ея романовъ („Даніеля Деронды"), имѣвшаго почти небывалый въ англійской литературѣ успѣхъ. Она пишетъ Фредерику Гарриссону: „Я вамъ ужасно благодарна за ваше письмо. Оно много содѣйствовало тому, чтобы вывести меня изъ чрезвычайно подавленнаго состоянія духа, въ которое меня повергло сознаніе моей полной безполезности. Вы не можете себѣ представить, до чего меня угнетаетъ сомнѣніе въ томъ, имѣю-ли я вообще право высказывать людямъ свои взгляды; это сомнѣніе всегда страшно парализуетъ мою энергію".

Вотъ какія мысли наполняли душу Джорджъ Эліотъ въ то время, какъ имя ея гремѣло по всей Англіи, и она единогласно признавалась всѣми одной изъ величайшихъ писательницъ нашего времени.

* * *

Романъ Джорджъ Эліотъ „Даніель Деронда" появился 4 года спустя послѣ „Мидльмарча" — въ 1875 г. Эти четыре года Джорджъ Эліотъ жила, окруженная любовью своей семьи и друзей, получая со всѣхъ сторонъ доказательства своей возрастающей популярности. Но что отравляло ея существованіе, это болѣзненно усиленныя умственныя занятія разрушительнымъ образомъ дѣйствовавшія на ея организмъ, и въ письмахъ ея, особенно за послѣдніе годы, постоянно встрѣчаются жалобы на физическія страданія. Адская головная боль совершенно уничтожаетъ удовольствія, доставляемыя славой, жалуется она, и т. д. Тѣмъ не менѣе этому роману она посвятила много подготовительной работы. Рѣшивши затронуть въ своемъ романѣ еврейскій вопросъ, она основательно изучила исторію еврейства, его современное положеніе въ различныхъ европейскихъ государствахъ и познакомилась даже съ талмудомъ. Еврейскому языку она выучилась еще въ молодости, при переводѣ Штрауса, и довольно свободно владѣла имъ.

„Даніель Деронда" заключаетъ въ себѣ два романа: центромъ перваго изъ нихъ является молодая англичанка Гвендолина Горлетъ, центромъ второго—Мордохей, фанатическій еврей, мечтающій о возстановленіи Іудеи. Съ внѣшней стороны эти двѣ части почти независимы одна отъ другой, но между ними существуетъ глубокая внутренняя связь. Джорджъ Эліотъ противопоставила другъ другу гордую англійскую

аристократію и загнанное, безпріютное еврейство; этимъ сопоставленіемъ она хотѣла показать, какъ далеки такъ называемыя „христіанскія“ націи отъ осуществленія христіанскаго идеала, и какъ ни что ни даетъ имъ права во имя Христа тѣснить и презирать евреевъ. Вѣковая несправедливость по отношенію къ цѣлой націи не могла не возмущать такого гуманнаго и высоко-развитаго человѣка, какъ Джорджъ Эліотъ, и послѣдній свой романъ, послѣ котораго она уже ничего больше не писала, она посвятила защитѣ евреевъ.

Героиня романа—Гвендолина Горлетъ—одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ, изображенныхъ Джорджъ Эліотъ. Она совершенно не похожа на прочихъ героинь ея романовъ и не принадлежитъ къ числу любящихъ, кроткихъ, готовыхъ на всякое самопожертвованіе женскихъ натуръ, каковы Дина, Мегги и Доротея. Напротивъ того, по натурѣ и особенно вслѣдствіе полученнаго ею воспитанія, она эгоистка, тщеславная, пустая дѣвушка, привыкшая быть предметомъ всеобщаго поклоненія и никогда не думающая ни о чемъ, кромѣ своихъ удобствъ и удовольствій. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней есть какая-то сила, какое-то обаяніе, дѣлавшее ее неотразимо привлекательной. Читая исторію ея жизни, начавшейся такъ весело и радостно и превратившейся потомъ въ такую печальную драму, понимаемъ, почему мать и сестры боготворили ее, не смотря на всѣ огорченія, которыя она имъ причиняла, почему всѣ окружающіе невольно подчинялись ей. Но нашелся одинъ человѣкъ, который ей не подчинился, и этотъ человѣкъ былъ ея мужъ.

Типъ Грэндкорта чрезвычайно удался Джорджъ Эліотъ: это холодный, сухой человѣкъ, съ непреклонной волей, для котораго все въ жизни уже утратило свою прелесть и для котораго единственное удовольствіе заключается въ сознаніи своей силы и могущества надъ людьми. Благодаря его громадному богатству и положенію въ свѣтѣ, это удовольствіе дается ему часто. Онъ страшный эгоистъ, но не по легкомыслію и непониманію, какъ Гвендолина, а эгоистъ сознательный, который презираетъ людей и считаетъ себя въ полномъ правѣ дѣлать только то, что ему нравится, не заботясь ни о чемъ другомъ. Онъ женится на Гвендолинѣ, потому что она очень красива и своеобразна; заставить такую дѣвушку признать его власть, сломить ея волю кажется ему очень интереснымъ экспериментомъ. Гвендолина выходитъ замужъ почти съ такими-же мыслями относительно его.

Исторія ихъ совмѣстной жизни, постепенное подчиненіе Гвендолины своему мужу, ея все увеличивающаяся ненависть къ нему, доводящая ее до мыслей объ убійствѣ, ея отношеніе къ Деронде—все это описано съ удивительнымъ мастерствомъ и читается съ захватывающимъ интересомъ. Но какъ ни привлекательна Гвендолина, и какъ ни интересна ея судьба,

главная суть романа заключается не въ ней, а въ исторіи самого Даніеля Деронды.

Деронда воспитывался въ семьѣ одного богатаго англійскаго лорда и самъ находился въ невѣдѣніи относительно своего происхожденія. Случайная встрѣча съ молодой дѣвушкой—еврейкой, которую онъ удерживаетъ отъ самоубійства, сближаетъ его съ еврейской средой. Въ числѣ его новыхъ знакомыхъ находится одинъ чахоточный старикъ, который поражаетъ его своими страдальческими, странно-блестящими глазами. Онъ сразу догадывается, что это человѣкъ не отъ міра сего, и что у него какая-то своя завѣтная мечта, составляющая содержаніе его жизни. Когда они сближаются, Мордохей повѣряетъ ему эту свою завѣтную мечту—мечту о возстановленіи іудейскаго царства. Этой мечтѣ онъ посвятилъ всю свою жизнь, и чувствуя, что приближается смерть, онъ больше всего мучился тѣмъ, что ему некому передать своихъ завѣтныхъ мыслей, что нѣтъ около него молодого, сильнаго человѣка, который сдѣлаетъ то, чего ему не удалось сдѣлать, и который приступитъ къ осуществленію его мечты. Но незадолго передъ смертью онъ встрѣчается съ Дерондой и избираетъ его въ свои ученики. Его горячія, восторженныя слова про еврейство и его будущность западаютъ въ душу молодого человѣка. Фанатическая вѣра Мордохея воодушевляетъ его и, когда онъ наконецъ узнаетъ тайну своего происхожденія, узнаетъ, что онъ тоже еврей, котораго, по просьбѣ матери, воспитывали какъ христіанина, чтобы спасти его отъ тяжелой и унизительной участи его собратьевъ, то это извѣстіе не только не огорчаетъ его, а напротивъ того, доставляетъ ему большое счастье. Онъ отказывается отъ всѣхъ преимуществъ, которыя имѣетъ, благодаря своему положенію въ домѣ богатаго лорда, порываетъ всякія сношенія со своими великосвѣтскими знакомыми, заявивши имъ, что онъ еврей, и всецѣло отдается дѣлу своего народа. Въ концѣ романа мы видимъ Деронду уѣзжающимъ на Востокъ, чтобы на мѣстѣ изучить положеніе евреевъ въ Палестинѣ.

Самъ Деронда—самая неудачная фигура во всемъ романѣ. Онъ нарисованъ очень блѣдно и слишкомъ ужъ безупреченъ и добродѣтеленъ, такъ что производитъ впечатлѣніе какого то манекена. Типъ Мордохея, очевидно, былъ навѣянъ разсказами Льюиса про одного стараго часовщика-еврея, котораго онъ зналъ въ молодости и который первый возбудилъ въ немъ интересъ къ философіи, познакомивъ его съ сочиненіями Спинозы. Клубъ, подобный тому, какой описанъ въ „Дерондѣ“, дѣйствительно когда-то существовалъ, и Льюисъ, будучи совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, часто посѣщалъ его. Все это послужило канвой для романа. Ни одинъ изъ романовъ Джорджъ Эліотъ не имѣлъ такого громаднаго, сенсаціоннаго успѣха и не возбудилъ столько разнорѣчивыхъ толковъ, какъ „Даніель Деронда“.

Многіе недоумѣвали, какимъ образомъ Джорджъ Эліотъ могла выбрать такой сюжетъ. Сама она заранѣе предвидѣла подобное отношеніе къ своему роману. Она пишетъ Бичеръ-Стоу: „Что касается еврейскаго элемента въ „Дерондѣ", то я съ самаго начала, еще писавши его, предвидѣла, что онъ встрѣтитъ много порицанія и враждебнаго отношенія. Но именно потому, что отношеніе христіанъ къ евреямъ такъ безсмысленно и такъ противорѣчитъ духу нашей религіи я чувствовала потребность написать о евреяхъ... Можетъ-ли быть что нибудь возмутительнѣй, чѣмъ когда такъ называемые развитые люди занимаются глупыми шутками объ ѣденіи свинины и выказываютъ полное незнаніе той связи, которая существуетъ между всей нашей цивилизаціей и исторіей того народа, надъ которымъ они изощряютъ свое остроуміе".

* * *

Второй бракъ Джорджъ Эліотъ является какой-то загадкой. Трудно представить себѣ, чтобы женщина въ 60 лѣтъ, проживши 24 года съ человѣкомъ, который ее сильно любилъ и котораго она, судя по ея постояннымъ увѣреніямъ, тоже любила, могла черезъ годъ послѣ его смерти выйти замужъ за человѣка на 30 лѣтъ моложе себя! Такой поступокъ кажется совершенно несовмѣстнымъ съ характеромъ Джорджъ Эліотъ и набрасываетъ какую-то тѣнь на всю ея личность. Но если хорошенько вдуматься въ этотъ фактъ, то увидимъ, что никакого противорѣчія съ основными чертами характера великой писательницы тутъ нѣтъ.

Обладая чисто мужскимъ складомъ ума, Джорджъ Эліотъ по натурѣ была необыкновенно женственна и всегда нуждалась въ сильной поддержкѣ мужчины. Въ раннемъ дѣтствѣ такой поддержкой для нея былъ братъ, позднѣе отецъ и м-ръ Грей. Въ Лондонѣ она была очень дружна со Спенсеромъ и наконецъ, сошлась съ Льюисомъ, который былъ для нея и отцомъ, и братомъ, и мужемъ. Въ теченіе ихъ 24-хъ лѣтней совмѣстной жизни Льюисъ окружалъ ее самой нѣжной любовью и самыми заботливыми попеченіями. Онъ всячески оберегалъ ее отъ столкновеній съ практической жизнью, отъ разныхъ матеріальныхъ заботъ, завѣдывалъ изданіемъ ея сочиненій и велъ всю ея дѣловую корреспонденцію. Послѣ его смерти Джорджъ Эліотъ осталась совершенно одинока и безпомощна: она такъ привыкла къ любви и къ заботѣ о себѣ, къ тому, чтобы имѣть кого нибудь, на кого можно опереться, что просто не могла жить безъ этого, и поэтому рѣшилась опять выйти замужъ.

М-ръ Кроссъ познакомился съ Джорджъ Эліотъ, будучи 20-ти лѣтнимъ юношей; онъ съ перваго-же раза влюбился въ эту уже не молодую, некрасивую женщину и въ теченіе цѣлыхъ 10-ти лѣтъ оставался вѣрнымъ своей любви.

Когда прошелъ годъ послѣ смерти Льюиса, м-ръ Кроссъ

началъ убѣждать любимую женщину сдѣлаться его женой. Джорджъ Эліотъ долго колебалась; она сознавала, что въ ея годы выходить замужъ за совсѣмъ еще молодого человѣка по меньшей мѣрѣ неблагоразумно; но, должно быть, страхъ одиночества, а можетъ быть и любовь къ м-ру Кроссу были слишкомъ велики, и 6-го мая 1880 г. она обвѣнчалась съ нимъ.

Со своимъ вторымъ мужемъ Джорджъ Эліотъ вела приблизительно такую-же жизнь, какъ и съ первымъ, съ той только разницей, что творческія силы уже покинули ее, и она больше не писала. Они цѣлые дни читали вмѣстѣ и оба, одинаково наслаждаясь этимъ занятіемъ, были очень счастливы. Ковалевская разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что когда ей сообщили о второмъ бракѣ Джорджъ Эліотъ, это такъ поразило ее, что она, будучи опять въ Лондонѣ, рѣшила не идти къ ней: ей не хотѣлось портить того чуднаго впечатлѣнія, которое произвела на нее Джорджъ Эліотъ при первомъ знакомствѣ. Но потомъ она все-таки не выдержала, пошла къ ней и тутъ убѣдилась, что Джорджъ Эліотъ осталась все тою же, и что ея новый бракъ нисколько не измѣнилъ ея. „Они оба какъ будто совершенно не сознавали неестественности своего положенія и казались просто хорошими товарищами“ пишетъ Ковалевская.

Джорджъ Эліотъ не долго прожила со своимъ вторымъ мужемъ. Она умерла 22-го декабря 1881 г., черезъ полтора года послѣ своей свадьбы. Она не боялась смерти и давно уже готовилась къ ней. Въ ея письмахъ, за послѣднія 10 лѣтъ, часто упоминается о близости смерти и о томъ, что мысль эта не возбуждаетъ въ ней никакихъ горькихъ чувствъ. Романистка писала еще въ 1874 г. м-съ Смитъ: „Я рада тому, что чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ яснѣй мнѣ представляется близость и неизбѣжность смерти“. При всей своей любви къ жизни, она сумѣла какимъ-то образомъ примириться съ мыслью о роковомъ концѣ. Говоря о смерти Джорджъ Эліотъ, нельзя не вспомнить уже приведеннаго выше ея разговора съ Ковалевской, когда она говорила, что довѣріе къ смерти часто придавало ей мужество жить. И смерть дѣйствительно оправдала ея довѣріе: она пришла какъ разъ во время, прежде чѣмъ Джорджъ Эліотъ успѣла раскаяться въ своемъ шагѣ, и унесла ее въ могилу въ самомъ расцвѣтѣ ея поздняго счастья. Джорджъ Эліотъ похоронили рядомъ съ Льюисомъ.

* * *

Взглядъ на душевные запросы человѣчества лучше всего высказанъ въ ея критическомъ очеркѣ о поэмѣ Юнга „Ночныя мысли“, написанномъ 1857 г. Она говоритъ тамъ: „Человѣкъ долженъ быть честенъ и справедливъ не потому, что онъ разсчитываетъ продолжать жить въ другомъ мірѣ, а потому что онъ на себѣ испыталъ тягостныя послѣдствія не-

честности и несправедливости, и имѣетъ сочувствіе къ другимъ людямъ, которымъ было-бы также тяжело, если-бъ онъ по отношенію къ нимъ былъ безчестенъ и несправедливъ... Намъ больно смотрѣть на страданія другого человѣка, и эта боль дѣлается еще острѣе отъ сознанія, что человѣкъ смертенъ, что жизнь его такъ коротка, и мы бы хотѣли наполнить ее радостью, а не горемъ. Чувство состраданія къ людямъ не находится въ прямой зависимости отъ вѣры въ будущую жизнь; напротивъ того, можетъ быть, у многихъ людей сознаніе того, что жизнь такъ коротка и что съ нею все кончается, скорѣе можетъ породить нравственное воодушевленіе, чѣмъ идея о безконечномъ существованіе.

Уже изъ этихъ словъ видно, что Джорджъ Эліотъ, по существу своему, писательница тенденціозная. У нея нѣтъ опредѣленныхъ политическихъ или соціальныхъ тенденцій, но черезъ всѣ ея романы красной нитью проходитъ одна великая идея—идея любви къ человѣчеству. Какъ всѣ англійскіе романисты, она въ своихъ произведеніяхъ является не только художникомъ, но и моралистомъ.

Считая задачей литературы возбуждать въ читателѣ чувство симпатіи къ людямъ, Джорджъ Эліотъ естественно должна была остановиться на изображеніи жизни низшихъ классовъ народа, и въ этомъ заключается одна изъ самыхъ существенныхъ ея заслугъ. Эта великая писательница сдѣлала по отношенію къ крестьянству то же, что сдѣлалъ Диккенсъ по отношенію къ буржуазіи, и Теккерэй—по отношенію къ аристократіи. Лучшія, наиболѣе законченныя въ художественномъ отношеніи, произведенія ея взяты изъ народной жизни, и кто хочетъ познакомиться съ жизнью англійской деревни, тотъ не найдетъ для этого лучшаго литературнаго матеріала, чѣмъ сочиненія Джорджъ Эліотъ.

Герои и героини въ произведеніяхъ г-жи Джорджъ Эліотъ *) „Адамъ Бидъ“ и др.

Высшей задачей искусства авторъ „Адама Бида“ считаетъ правду и естественность, и находитъ, что антитезъ реализма ложь и фальшь, а вовсе не идеализмъ, совмѣстимый съ художественной правдой въ твореніяхъ высшаго порядка (прим., Сикстинская Мадонна). Она признаетъ истинное искусство великимъ цивилизующимъ средствомъ, „потому что правдивая картина человѣческой жизни, созданная великимъ художникомъ, увлекаетъ вниманіе даже пошлыхъ и себялюбивыхъ людей, незамѣтно для нихъ самихъ, къ предметамъ, лежащимъ внѣ ихъ; а такого рода вниманіе можно уже назвать сырымъ матеріаломъ сочувствія“. „Искусство, какъ приближеніе къ жизни, расширяетъ опытъ и увеличиваетъ число точекъ соприкосновенія между людьми“. При изображеніи народной жизни и ея неизмѣнныхъ нуждъ и интересовъ, на художникѣ лежитъ болѣе серьезная отвѣтственность за правду, нежели при изображеніи искусственныхъ и условныхъ формъ существованія высшихъ круговъ, потому что ложныя понятія и ложное направленіе нашихъ симпатій относительно меньшей и обездоленной братіи имѣютъ громадное значеніе. Вошедшія въ моду „сельскія идилліи“ ей не по душѣ, потому что онѣ лѣнивы. Простолюдинъ, встрѣчаемый въ книгахъ, на картинахъ и на сценѣ, не похожъ на простолюдина истиннаго. Она нападаетъ на замашку выставлять простой народъ цвѣтущимъ, улыбающимся и отпускающимъ остроты, или же наивнымъ, простодушнымъ. „Труженики съ виду не приглядны и обыкновенно серьезны, если не унылы. Веселыми они становятся всего чаще подъ пьяную руку и тогда шутятъ и смѣются не по нашему; настоящее царство остроумія и вымысла для записного деревенскаго весельчака находится на днѣ третьей кварты“. Что касается деревенскаго простодушія, то, по ея мнѣнію, „молотильщикъ безспорно окажется въ большинствѣ случаевъ наивнымъ въ сложномъ ариѳметическомъ обманѣ, но зато ловко унесетъ часть хозяйскаго зерна въ карманахъ или обуви; жнецъ не будетъ сочинять просительныхъ писемъ, но сумѣетъ ухаживать за ключницей, въ надеждѣ выманить бутылку эля, вмѣсто

*) В. Е. 84 V—VI. А. С.

положеннаго легкаго пива". Себялюбивые инстинкты человѣка не побѣждаются зрѣлищемъ полевыхъ цвѣтовъ, и безкорыстіе не насаждается классическимъ сельскимъ занятіемъ мытья овецъ. Чтобы сдѣлать людей нравственными, недостаточно поставить ихъ на подножный кормъ",—заключаетъ писательница, умѣвшая соединить глубокое знаніе простого люда и безпристрастный взглядъ на него—съ горячей любовью.

* * *

Какъ извѣстно, г-жи М. Эвансъ долгое время скрывала свою литературную дѣятельность, при чемъ только немногіе угадывали подъ именемъ Д. Эліотъ—женщину.

Въ то время, какъ общество и критика, такимъ образомъ, старались разгадать личность автора „Томаса Бартона" и другихъ, получившихъ уже извѣстность романовъ, Дж. Эліотъ была поглощена новымъ романомъ, который окончила въ октябрѣ 1858 г., т. е. черезъ годъ послѣ „Жанеты". Нужно удивляться быстротѣ ея работы, особенно принимая въ разсчетъ ту тщательность, съ которой она обдумывала и отдѣлывала мельчайшія подробности, не позволяя себѣ небрежности даже въ рукописи. (Въ рукописи, отдаваемой въ печать, все было написано какъ бы въ одинъ присѣстъ, ровнымъ крупнымъ почеркомъ и безъ всякихъ помарокъ). Вдобавокъ лѣто было проведено на континентѣ, гдѣ правильность кабинетныхъ занятій неизбѣжно нарушалась. По желанію автора, „Адамъ Бидъ" былъ напечатанъ сразу отдѣльной книгой (янв. 1859 г.). Посылая Дж. Эліотъ первый экземпляръ, Блэквудъ писалъ: „Какъ бы ни пошла подписка, я убѣжденъ въ успѣхѣ, въ крупномъ успѣхѣ. Книга такъ оригинальна и такъ правдива, что остается въ моей памяти, какъ рядъ дѣйствительныхъ событій въ жизни знакомыхъ людей.

„Адамъ Бидъ" никогда не войдетъ въ кругъ романовъ для легкаго чтенія; но люди, способные цѣнить силу, глубокій юморъ и вѣрность природѣ, отдадутъ должное вашему симпатичному столяру и группамъ живыхъ людей, которыми вы населили Гейслопъ и его окрестности". Въ первыхъ книжкахъ журнала вышелъ разборъ „Адама Бида", написанный лицомъ, удостоивавшимъ отзываться лишь о выдающихся произведеніяхъ. Его оцѣнка побудила Дж. Эліотъ написать издателю: „Я бы очень желала выразить мою признательность автору рецензіи. Вижу съ радостью, что онъ сочувствуетъ тѣмъ именно мѣстамъ, которыя мнѣ всего болѣе хотѣлось уберечь отъ похвалъ третьестепенныхъ оцѣнщиковъ. Онъ доставилъ мнѣ большую отраду, отмѣтивъ страницы, написанныя мною, подъ вліяніемъ искренняго чувства и точнаго знанія, безъ всякаго разсчета произвести впечатлѣніе на критиковъ", „Адамъ Бидъ" завоевалъ сразу симпатіи избраннаго круга читателей, а затѣмъ и публики, обратившей на него особенное вниманіе послѣ похвалъ „Times" а. Къ апрѣлю 1859 г.

понадобилось второе изданіе, и книга переводилась на всѣ языки. Общее любопытство насчетъ имени автора обострилось и получило неожиданное удовлетвореніе, благодаря довольно забавной случайности. Именно, сходство нѣкоторыхъ лицъ и обстоятельствъ въ „Сценахъ изъ клерикальной жизни“ заставило обывателей Ньюжантона подозрѣвать, что авторъ долженъ быть мѣстнымъ жителемъ. Когда же въ „Адамѣ Бидѣ“ вышла новая коллекція портретовъ, подозрѣніе перешло въ увѣренность. А такъ какъ Ньюжантонъ не кишѣлъ талантами, то всѣ глаза устремились на м-ра Лиджинса, промотавшагося джентльмена, получившаго университетское образованіе. Сначала тотъ отнѣкивался, что было принято за скромность; но успѣхъ „Адама Бида“ превозмогъ его любовь къ правдѣ, и въ „Times“'ѣ появилось заявленіе какого-то знакомаго клерджимена, что авторъ „Сценъ“ и новаго романа не кто иной, какъ ньюжантонскій м-ръ Лиджинсъ. Такая наглость вызвала протестъ отъ имени Дж. Эліотъ, послѣ чего возникла полемика уже безъ всякаго участія со стороны писательницы, и для прикосновенныхъ къ литературѣ псевдонимъ разоблачился вполнѣ. Публика, однако, узнала настоящее имя автора „Адама Бида“ не прежде выхода въ свѣтъ „Мельницы на Флоссѣ“.

Дж. Эліотъ не разъ говорила, что сѣверъ Англіи былъ съ ранняго дѣтства окруженъ для нея особымъ ореоломъ поэзіи. вслѣдствіе разсказовъ отца и семейныхъ преданій. Этотъ поэтическій ореолъ она сообщила Адаму Биду (гдѣ театромъ дѣйствія избранъ Дербиширъ) и здѣсь въ самомъ дѣлѣ уподобилась „чародѣю, открывающему въ каплѣ чернилъ видѣнія прошедшаго“.

Естественность завязки и постепеннаго развитія дѣйствія въ этомъ романѣ поистинѣ изумительна. Послѣ четверти часа, проведеннаго по волѣ автора въ столярной мастерской, мы уже въ общихъ чертахъ знакомы съ героемъ повѣсти, энергическимъ и разсудительнымъ Адамомъ и съ его мягкимъ, мечтательнымъ братомъ Сэтомъ; видимъ ясно умственное и нравственное превосходство перваго надъ товарищами по ремеслу; догадываемся про любовь Сэта къ юной методисткѣ Динѣ Моррисъ и наконецъ сильно подозрѣваемъ, что и для Адама существуетъ магнитъ на той же фермѣ Пойзеровъ.

Слѣдующая затѣмъ картина проповѣди на лугу подъ развѣсистымъ вязомъ—верхъ совершенства. Она точно на самомъ дѣлѣ освѣщена лучами заходящаго солнца, полна росистой свѣжести и вечерней тишины. Пестрыя группы поселянъ, женщинъ, дѣтей и забавная особа трактирщика придаютъ ей жизнь и движеніе. Центральная фигура картины—проповѣдница Дина—нарисована съ особенной любовью, Но при всемъ удивительномъ согласіи между красотой внутренней и внѣшней, которыми украсилъ ее художникъ, въ Динѣ нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ жизненной правдой. Она во всѣхъ случаяхъ

простая, кроткая дѣвушка изъ фабричной среды, и возвышается надъ этой средой только любящимъ сердцемъ и поэтическимъ воображеніемъ, которое (какъ это бываетъ у простолюдиновъ) сосредоточивается на религіозныхъ предметахъ, не переходя въ безплодный мистицизмъ, вслѣдствіе привычки къ труду. Она служитъ ближнимъ по естественному влеченію и потому, что это евангельскій законъ; проповѣдуетъ тоже по искренному убѣжденію, что слова даются ей отъ Бога. Она ждетъ небеснаго указанія для всѣхъ своихъ поступковъ и ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись съ Библіей. Въ Динѣ, однако, на первомъ планѣ любящая женщина, а не холодная исполнительница закона. Правда, она идетъ, куда зоветъ долгъ, но она болѣетъ сердцемъ съ каждой скорбной душой и оттого способна утѣшать и смягчать людей.

„Взглянувъ на лицо Дины, можно угадать ея судьбу,—говоритъ Бэйнъ.—И точно всякій ждетъ, что эту чистую полевую лилію подкоситъ земная страсть. Она будетъ бѣжать отъ любви, какъ отъ грѣховной слабости; но природа возьметъ верхъ, и библейскій текстъ не откажетъ въ санкціи“. Англичане удивляются рѣшимости Дж Эліотъ включить въ романъ длинную евангельскую проповѣдь, и еще болѣе тому, что эта вставка не нарушаетъ впечатлѣнія. Напротивъ, восторженное чувство, которымъ она проникнута, какъ будто сообщается читателю. „Не странно-ли, что люди думаютъ, будто я заимствовала откуда нибудь проповѣдь и молитвы Дины, между тѣмъ какъ я писала ихъ въ горячихъ слезахъ совершенно такъ, какъ онѣ складывались въ моемъ воображеніи“,—пишетъ Дж. Эліотъ своей пріятельницѣ, С. Геннель.

Послѣ отвлеченной поэзіи первыхъ главъ, мы переносимся въ осязательно-реальную житейскую прозу, знакомясь съ матерью обоихъ братьевъ. Лизбета Бидъ довольно несносная, ворчливая и слезливая старуха, которая слегка труситъ своего любимаго старшаго сына и смѣло вымѣщаетъ хандру на безотвѣтномъ Сэтѣ. Лизбета несносна, но до такой степени живое лицо, что мы проникаемся сознаніемъ ея правъ на нытье и пиленье, и слушаемъ съ соотвѣтствующимъ интересомъ*).

---

*) По поводу этой ноющей старухи Бейнъ сравниваетъ Дж. Эліотъ съ Диккенсомъ. Диккенсъ тоже искренно любитъ меньшую братію, знаетъ ей цѣну и смотритъ добродушно на ея слабости. Но онъ не можетъ относиться къ ней серьезно. Инстинктъ каррикатуры беретъ у него верхъ надъ юморомъ; онъ смѣется и смѣшитъ другихъ. Пеготти и вся ея родня (чтобы не цитировать менѣе знакомыхъ именъ) забавны при всей симпатичности. Въ Дж. Эліотъ уваженіе къ людямъ исключало даже самое невинное глумленіе. Подобное отношеніе къ человѣку, безъ различія званія и степени развитія, встрѣчается и у В. Скотта (прим., семья рыбака въ «Антикваріѣ» и сцена починки лодки, какъ параллель ночной работы Адама надъ гробомъ). Любопытно сужденіе самой Дж. Эліотъ о Диккенсѣ. Отдавая должную дань удивленія вѣрности созданныхъ имъ народныхъ типовъ и патетичности его паріевъ, она замѣчаетъ:

Какъ, однако, ни замѣчательна въ художественномъ отношеніи Лизбета, она для насъ далеко не первенствующее изъ вводныхъ лицъ. Насъ занимаетъ гораздо болѣе г-жа Пойзеръ, умная, дѣльная и работящая фермерша, необыкновенно бойкая на языкъ и мягкосердечная подъ нѣсколько бранчивой внѣшностью. Миссисъ Пойзеръ безподобна, хотя и не замысловато построена; природное остроуміе бьетъ у нея ключемъ, притомъ именно та категорія остроумія, которая свойственна фермершѣ; она предъ нами точно живая, и пока она на сценѣ, и у насъ съ лица не сходитъ улыбка. Мыза Пойзеръ вообще уютный семейный уголокъ. И хозяинъ, и дѣти, и слуги—все полно жизни и довольства; порядокъ и чистота кухни и молочной соблазнительны, и миссисъ Пойзеръ гордится своимъ хозяйствомъ не напрасно. Кромѣ временной гостьи, Дины, здѣсь можно видѣть и другую племянницу, красотку Гетти (у которой „сердце не мягче кремня", по замѣчанію тетки). Ради нея-то ходитъ сюда Адамъ Бидъ, и ради нея же заѣзжаетъ капитанъ Артуръ Доннитoрнъ, молодой человѣкъ, добродушный и веселый, легко плывущій по теченію въ сладкой увѣренности, что всѣ его любятъ, и что онъ того стоитъ. Молодой сквайръ засматривается на Гетти, которая замѣтно кокетничаетъ передъ нимъ (перемывая масло) и гордится его вниманіемъ. Она по своему даже влюблена въ него, хотя наряды и коляски всегда рисуются въ ея воображеніи рядомъ съ его фигурой. Ухаживанье Адама она только терпитъ, отчасти тоже изъ тщеславія: ей пріятно помыкать этимъ молодцомъ, котораго всѣ побаиваются. Понятно, что дѣло кончается обольщеніемъ Гетти. Но Дж. Эліотъ не дѣлаетъ изъ Артура низкаго соблазнителя или безсердечнаго негодяя—и въ этомъ глубокое нравоученіе этой исторіи... (Онъ не думалъ поступать дурно; онъ немогъ имѣть безчестныхъ намѣреній; онъ только не размышлялъ о томъ, что творилъ, ухаживая за Гетти. „Онъ — корабль, который съ виду сулилъ благополучное плаваніе, и обнаружилъ свои недочеты при первой бурѣ". Въ очаровательной вечерней сценѣ въ паркѣ все какъ будто сводится на то, что „глазамъ Артура недостаетъ твердости египетскаго гранита", при видѣ заплаканнаго личика Гетти. „У него кружится голова, языкъ говоритъ не то, что надо, руки протягиваются, губы цѣлуютъ... время и дѣйствительность исчезаютъ". Такъ или иначе, упоеніе молодого сквайра губитъ Гетти и навлекаетъ не мало горя и стыда на

«Если-бъ Д. съумѣлъ изобразить ихъ психологическій характеръ, понятія и чувства такъ же вѣрно, какъ воспроиводитъ ихъ рѣчь и внѣшніе пріемы,—его сочиненія были бы драгоцѣннѣйшимъ вкладомъ искусства на пользу человѣчества». В. Скотта она считала однимъ изъ тѣхъ великихъ художниковъ, которые способствуютъ смягченію сердецъ и расширенію человѣческихъ симпатій, а слѣдовательно удовлетворяютъ высокимъ задачамъ искусства.

всѣхъ близкихъ ей, начиная съ Адама. Артуру, хотя онъ и уѣзжаетъ своевременно въ полкъ, тоже бываетъ не по себѣ, когда въ его головѣ мелькаетъ образъ Гетти и мысль, что слуги и друзья могутъ презирать его. На его счастье, онъ не склоненъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ, особенно на непріятномъ. Описаніе страданій Гетти, ея бѣгства, ея покушеній на самоубійство и убійство ребенка, способно растрогать самого спокойнаго читателя—до того жалко это хрупкое созданіе „это хорошенькое юное животное съ легкимъ налетомъ человѣческихъ аттрибутовъ", въ своей безпомощности и сосредоточенности въ себѣ самой. Глубина и вѣрность анализа характера Гетти выше всякихъ словъ. Въ мелочахъ будничной жизни, въ мечтахъ о любви, передъ лицомъ большого горя, въ тюрьмѣ, наканунѣ казни—Гетти вездѣ одна и та же мелкая природа, не способная подняться надъ уровнемъ себялюбивыхъ разсчетовъ и личныхъ огорченій, но способная тѣмъ безпредѣльнѣе быть несчастной. Патетическая сцена въ тюрьмѣ, между Гетти и Диной, пришедшей провести съ осужденной послѣднюю ночь, заканчивается геніальнымъ штрихомъ. Динѣ удалось растрогать окаменѣлую Гетти, заставить ее плакать, молиться и каяться. Но лишь только исповѣдь кончена, у Гетти, еще заплаканной, является разсчетъ на награду — на избавленіе отъ мучительныхъ галлюцинацій: „Теперь, когда я все сказала, дастъ-ли Богъ, чтобы я перестала слышать этотъ плачъ"? Судомъ надъ Гетти, приговоренной къ казни, кончаются идеальныя совершенства романа. Помилованіе черезъ посредство скачущаго откуда-то Артура является непріятнымъ диссонансомъ въ дивной гармоніи этой правдивой повѣсти. Романъ между Адамомъ и Диной тоже менѣе интересенъ, хотя бракъ ихъ (послѣ смерти Гетти въ колоніяхъ) удовлетворяетъ чувству справедливости читателя. Дж. Эліотъ вообще мастерица распутывать болѣе сложныя нити человѣческаго сердца, чѣмъ менѣе замысловатые узлы внѣшнихъ происшествій. Въ первой области у нея почти нѣтъ соперниковъ, но для событій и развязокъ ей часто недостаетъ воображенія и энергіи. Съ другой стороны, созданныя ею лица въ такой степени поглощаютъ вниманіе, что событія отодвигаются на второй планъ. Говоря о привлекательныхъ характерахъ въ „Адамѣ Бидѣ", нельзя не вспомнить о м-рѣ Ирвайнѣ, нерадивомъ пастырѣ духовнаго стада, а по поводу этого симпатичнаго джентльмена не обратить вниманія на отношеніе Дж. Эліотъ къ духовнымъ лицамъ. Расходясь съ ними въ основныхъ взглядахъ, ненавидя ханженство и лицемѣріе, она въ своихъ повѣстяхъ никогда не выставляетъ клерджименовъ въ смѣшномъ или отталкивающемъ свѣтѣ — самое большое, если позволитъ себѣ добродушную улыбку надъ слабостями какого нибудь м-ра Крью. Добрая память о викаріѣ школы, гдѣ она училась, и о многихъ почтенныхъ пасторахъ, у ко-

торыхъ искала просвѣтленія въ дни юности, сохранилась въ ней рядомъ съ уваженіемъ къ прежней вѣрѣ и убѣжденіямъ другихъ. Этимъ воспоминаніямъ мы обязаны цѣлой галлереей симпатичныхъ и художественныхъ портретовъ, отъ Джильфиля до Лайонса.

* * *

Слѣдующій извѣстный романъ „Мельница на Флоссѣ" имѣетъ автобіографическій интересъ.

Героиня романа, Мегги, нравится вообще болѣе всѣхъ женщинъ, созданныхъ Джорджъ. Эліотъ, и дѣйствительно, она полна молодой жизни и непосредственной поэтической прелести. Дѣвочкой—она своеобразное и премилое маленькое существо, живущее отчасти въ мірѣ, созданномъ собственнымъ воображеніемъ, и дѣлающее много промаховъ въ дѣйствительномъ. Особенно туго поддается Мегги условнымъ формамъ приличія и внѣшней культурѣ, которую ея мать и тетки считаютъ необходимыми для барышни. Отсюда возникаетъ для нея много огорченій, доводящихъ ее до бѣгства къ цыганамъ. Г-жа Телливеръ и ея три сестрицы (урожденныя Додсонъ!)—разновидности одного и того-же типа респектабельныхъ англійскихъ идіотокъ средняго сословія, отличающихся болѣе или менѣе неумолимой опредѣленностью и китайской незыблемостью основъ, какъ по части домашняго хозяйства, такъ и всего мірового порядка. Тетушки, особенно сварливая тетка Глеггъ, очень забавны въ началѣ, но подъ конецъ надоѣдаютъ однообразіемъ и вообще смахиваютъ нѣсколько на тѣхъ тряпичныхъ куколъ, которыхъ вертитъ иногда Диккенсъ на потѣху себѣ и другимъ, но которыми Дж. Эліотъ обыкновенно не развлекается. Можно подумать, что она поддалась здѣсь чувству личной мести, подобно своей Мегги, и вбила нѣсколько лишнихъ гвоздей въ голову фетиша. Хотя истязанія куклы (изображавшей тетку Глеггъ) и другія выходки дѣтской запальчивости плохо рекомендуютъ Мегги со стороны кротости, но она добрая и великодушная дѣвочка, и затронуть хорошія стороны ея богатой природы гораздо легче дурныхъ. Она горячо привязана къ отцу, неизмѣнно заступающемуся за свою „дѣвченку", и къ брату, который ее частенько обижаетъ, и за нихъ готова, что называется, отдать душу. Телливеръ, владѣлецъ мельницы (служащей театромъ дѣйствія), очерченъ очень рельефно. Честный и добрый но упрямый и запальчивый старикъ сознаетъ, что въ нынѣшнемъ мудреномъ свѣтѣ ему трудно разобраться, и старается обезпечить сына противъ подобной безпомощности образованіемъ, котораго самъ не получилъ. Но несмотря на убѣжденіе, что мошенники всегда берутъ верхъ надъ честными людьми, онъ постоянно заводитъ тяжбы; дѣлая крупныя ошибки, упорно стоитъ на своемъ и вопитъ въ своихъ неудачахъ всѣхъ, кромѣ самого себя. Своихъ противниковъ онъ видитъ

въ самомъ черномъ и безпощадномъ свѣтѣ. Такъ, адвокатъ, выигравшій противъ него тяжбу и косвенно участвовавшій въ его разореніи „мерзавецъ“, котораго онъ ненавидитъ всѣми силами души, требуя, чтобы и дѣти чувствовали заодно съ нимъ и поклялись на Библіи въ ненависти къ всему роду Іокима. Между тѣмъ, ловкій дѣлецъ далеко не негодяй; и въ его сердцѣ скрыта живая и нѣжная струна любви къ горбатому сыну Филиппу, съ которымъ, между прочимъ, черноглазая Мегги водитъ дружбу, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ухаживалъ за больнымъ Томомъ въ школѣ (изъ любви къ Мегги, разумѣется). Нѣжно любимый Томъ далеко неравнодушенъ къ сестрѣ и не золъ, но относится къ ней немного свысока и, главное, проникнутъ чувствомъ справедливости, т. е. принципомъ возмездія. Фатумъ преслѣдуетъ разсѣянную и стремительную Мегги всего чаще именно въ отношеніи ея любимца: она, по забывчивости, моритъ его кроликовъ; она слизываетъ картинку съ его коробочки (цѣлуя ее въ порывѣ восторга); она упускаетъ въ рѣку удочку; она умудряется даже проткнуть головой его бумажный змѣй—словомъ, она бываетъ часто виновата. А разъ она виновата, юный отпрыскъ Додсоновъ считаетъ нужнымъ такъ или иначе наказать ее. Въ разсудительномъ и недалекомъ Томѣ, мы видимъ настоящаго англійскаго мальчика и юношу средняго сословія — типичнаго представителя того сорта людей, безъ которыхъ, по замѣчанію Бейне, „міръ, въ особенности міръ дѣловой и коммерческій, не могъ бы существовать, но которые не привлекаютъ къ себѣ симпатій. Это люди полезные и почтенные и далеко не безсердечные для тѣхъ, кто, подобно имъ, поступаетъ какъ слѣдуетъ. Только ждать отъ нихъ сочувствія или жалости къ заблудшимъ и падшимъ немыслимо. Спокойные и добродѣтельные отъ рожденія, они не вѣдаютъ сомнѣній въ себѣ или раскаянія; сложныя же и увлекающіяся натуры, типа Мегги, всегда готовы винить и терзать себя, искупая легкіе проступки дорогой цѣной“. Къ Тому нельзя не чувствовать уваженія, когда онъ 16-лѣтнимъ юношей беретъ на свои плечи обузу отцовскихъ долговъ и, съ энергіей мужчины, отстаиваетъ достоинство разоренной семьи. Когда онъ, скопивъ извѣстную сумму, говоритъ безпомощному отцу, что тотъ еще собственными руками заплатитъ свои долги и доживетъ до дня, когда опять будетъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза—ему хочется пожать руку. Относительно кузины Люси, которая не платитъ ему взаимностью, Томъ тоже безупреченъ. Но хорошія и почтенныя стороны его характера блѣднѣютъ и меркнутъ передъ — нельзя сказать, сухостью его сердца, а деспотическими наклонностями, и всего болѣе передъ неумолимой суровостью его приговоровъ. Томъ можетъ служить образчикомъ того, какъ относится Дж. Эліотъ къ своимъ лицамъ. Даже такой несложный характеръ имѣетъ у нея много сторонъ, и мы узнаемъ ихъ

изъ различныхъ столкновеній съ обстоятельствами и людьми такъ же естественно, какъ будто-бы мы имѣли дѣло съ живымъ лицомъ. Выводя на сцену сложныя природы въ сложныхъ положеніяхъ, Дж. Эліотъ всегда остается на высотѣ своей задачи. Поэтому ея „характеры“ поглощаютъ обыкновенно все вниманіе читателя, почти въ ущербъ его интересу къ внѣшнимъ происшествіямъ романа. Если Тому, съ его хладнокровіемъ и разсудительностью, приходится переживать ломки въ жизни и даже испытывать разочарованія въ любви, то понятно, что много испытаній и бѣдъ должно выпасть на долю его безпокойной и страстной сестры въ „тернистой пустынѣ“, которую придется пройти до окончательнаго крушенія. Томъ застрахованъ хоть отъ самого себя; Мегги открыта внутреннимъ, разнообразнымъ и весьма сильнымъ бурямъ. Изъ перваго серьезнаго испытанія озлобленія, вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ банкротство отца— 15-ти-лѣтняя Мегги выходитъ побѣдительницей, благодаря случайно попавшей ей въ руки книгѣ ветхаго экземпляра. „Подражаніе Христу“. Исторія этого чтенія интересна и какъ художественная картина, и какъ автобіографическій фактъ. Раскрывъ книгу, въ минуту тоски и досады, Мегги видитъ на потемнѣвшихъ поляхъ черту, читаетъ отмѣченныя строки и съ возрастающимъ волненіемъ продолжаетъ слѣдить за невидимой рукой, указывающей мѣста, точно нарочно для нея написанныя. Да, ея печали вытекали изъ себялюбія. Она забыла про другихъ дѣтей; искала радостей для себя одной; не думала, что она ничтожнѣйшая частичка великаго цѣлаго. Мегги потрясена и даетъ себѣ слово работать надъ собой и перемѣниться. „Книга Ѳомы Кемпійскаго до сего дня творитъ чудеса, — замѣчаетъ Джорджъ Эліотъ, — потому что она не пышная проповѣдь, придуманная на бархатномъ креслѣ для внушенія безропотности тѣмъ, кто ходитъ по камнямъ окровавленными ногами, а задушевная исповѣдь брата, скорбной души, которая, хотя и въ далекомъ прошломъ, но все подъ тѣмъ же безотвѣтнымъ небомъ, томилась одинаковой съ нами жаждой, боролась, изнемогала“. Всѣ въ домѣ замѣчаютъ нѣчто особенное въ Мегги, и мать спѣшитъ воспользоваться этимъ добрымъ настроеніемъ, чтобы уложить, наконецъ, непокорные волосы дочери вѣнкомъ на маковкѣ. Смуглая красавица, съ непривычнымъ выраженіемъ кроткой задумчивости и восторга на лицѣ, прелестна въ этомъ царственномъ уборѣ. Понятно, что, глядя на нее, восторженный аскетизмъ долженъ вскорѣ уступить мѣсто увлеченіямъ, болѣе свойственнымъ ея годамъ. Менѣе счастливымъ можно назвать исходъ второй бури, постигшей Мегги и ея перваго романа съ умнымъ, талантливымъ и симпатичнымъ художникомъ Филиппомъ, имѣвшимъ большое вліяніе на ея развитіе и заставившимъ забыть Ѳ. Кемпійскаго для свѣтскихъ

поэтовъ и писателей. Бѣдный Филиппъ давно знаетъ, что его не можетъ полюбить никакая женщина; но въ обожаемой имъ съ дѣтства Мегги онъ видитъ существо особенное, и, на перекоръ разсудку, ему кажется порой, что она не отвергнетъ его преданной любви. Молодые люди, разлученные семейной враждой, встрѣчаются случайно въ рощѣ.

Между ними быстро возстановляется короткость школьныхъ дней, а затѣмъ выступаетъ на сцену любовь. Собственно говоря, страсть существуетъ здѣсь съ одной стороны; Мегги, увлекаемая дружбой и состраданіемъ къ Филиппу, только старается убѣдить себя, что платитъ ему взаимностью И вотъ—въ одну изъ тѣхъ опасныхъ минутъ, когда слова бываютъ искренни и въ то же время обманчивы, когда чувство, поднявшись высоко надъ обычнымъ уровнемъ, оставляетъ знаки, до которыхъ ему не суждено болѣе подняться,—она цѣлуетъ блѣдное лицо Филиппа, смотрящее на нее съ робкой мольбой. У нея на глазахъ слезы, въ сердцѣ трепетъ; и въ то же время она говоритъ себѣ: „Если тутъ жертва, тѣмъ выше и достойнѣе будетъ любовь.“ Когда грубое вмѣшательство Тома кладетъ внезапный конецъ идилліи, и Мегги, ради больного отца, рѣшается на временную разлуку съ Филиппомъ (взявъ мѣсто учительницы въ сосѣднемъ городѣ), ей уже приходится презирать себя за то, что, въ разлукѣ съ женихомъ, она ощущаетъ не печаль, а смутное чувство освобожденія...

Конечная катастрофа въ жизни Мегги во многихъ оставляетъ неудовлетворенное чувство. Обстоятельства усложняются здѣсь такъ внезапно и сердечныя драмы нѣсколькихъ лицъ достигаютъ такой интенсивности, что обыкновенное воображеніе не въ силахъ придумать другого исхода, кромѣ смерти, и сама Дж. Эліотъ принуждена обратиться къ этому крайнему средству. Въ первыя каникулы, которыя Мегги проводитъ въ Оггеѣ въ домѣ кузины, она знакомится съ женихомъ Люси, Стифеномъ Гестомъ. Оба чувствуютъ другъ къ другу внезапное, необъяснимое, непобѣдимое влеченіе, и съ обѣихъ сторонъ идетъ борьба между страстью и долгомъ. Невинная Люси ничего не замѣчаетъ; чуткій Филиппъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, всячески старается стушеваться, чтобы облегчить своей невѣстѣ отступленіе. Вслѣдствіе этого старанія и умышленнаго отказа отъ условленной прогулки, между влюбленными происходитъ неожиданный tête-à-tête въ лодкѣ, который и рѣшаетъ ихъ судьбу. Въ какомъ-то магнетическомъ упоеніи, безотчетно и безсознательно плывутъ они съ отливомъ по теченію Флосса, мимо знакомыхъ береговъ, мимо сборнаго пункта, гдѣ ихъ ждетъ Люси, мимо береговъ незнакомыхъ и приходятъ въ себя только въ открытомъ морѣ. При видѣ моря и корабля, у Стифена внезапно родится мысль увезти Мегги и обвѣнчаться

съ ней; но всѣ его страстныя убѣжденія разбиваются въ прахъ передъ рѣшимостью дѣвушки, пришедшей въ себя и терзаемой совѣстью. Корабль доставляетъ пассажировъ въ ближайшую гавань, и черезъ нѣсколько дней мы видимъ бѣдную Мегги, принесшую на алтарь долга свою любовь, но, тѣмъ не менѣе, безповоротно погибшую въ общемъ мнѣніи и разбившую счастье Филиппа, Люси и безумно влюбленнаго Стифена,—видимъ бѣдную, еле-живую Мегги у дверей мельницы. „Томъ, я пришла къ тебѣ, пришла домой искать пріюта и разсказать все". — „Нѣтъ, для тебя дома подъ одной кровлей со мной,—отвѣчаетъ Томъ, задыхаясь отъ ярости,—ты опозорила всѣхъ насъ, опозорила имя отца, ты поступила низко и подло. Я умываю руки, я не хочу тебя знать!"—Печально доживаетъ свой вѣкъ Мегги въ семьѣ стараго пріятеля Боба, въ домишкѣ на берегу рѣки. Всѣ попытки добрыхъ людей оправдать ее разбиваются о видимость факта. Утѣшеніемъ служитъ только прощеніе доброй Люси и письмо Филиппа, написанное, можно сказать, кровью самаго великодушнаго и нѣжнаго сердца. Стифенъ напрасно шлетъ ей страстныя письма—она рѣшила, что не должна принадлежать ему. Но сумма всѣхъ страданій, очевидно, выше ея силъ и исходъ—каковъ бы онъ ни былъ—весьма желателенъ. И вотъ, въ одну бурную ночь, происходитъ наводненіе. Флоссъ, игравшій столь сложную роль въ ея жизни, столько разъ грозившій затопить окрестность, разливается, наконецъ, до тѣхъ размѣровъ, о которыхъ съ ужасомъ вспоминаютъ старожилы. Мегги бросается въ лодку искать Тома. Томъ, при видѣ опасности и блѣдной, исхудалой сестры, забываетъ всякое умыванье рукъ и съ прежнимъ ласковымъ „Мегги" садится подлѣ нея. Мимо нихъ волны мчатъ груды снесенныхъ бревенъ и обломковъ; большая черная глыба несется прямо на ихъ лодку. „Берегись", кричитъ кто-то. Томъ и Мегги прижимаются другъ къ другу, какъ дѣти былого времени. Еще минута—и они исчезаютъ въ волнахъ, „примиренные въ смерти". Критики порицаютъ искусственность этого финала и находятъ, что сила творчества постепенно падаетъ къ концу романа, и что Джорджъ Эліотъ, „какъ настоящая женщина", проявляетъ необыкновенную изобрѣтательность въ житейскихъ мелочахъ и теряется передъ катастрофами. Піетисты-англичане черпаютъ сверхъ того въ этомъ романѣ аргументы противъ скептицизма, омрачающаго міросозерцаніе писателей. Хотя исторія таинственнаго обоюднаго влеченія между Стифеномъ и Мегги полна правды, поэтической прелести и какого-то особаго обаянія, дѣйствующаго на нервы читателя,—она по преимуществу возбуждаетъ пересуды. Одни находятъ любовныя сцены слишкомъ грубо-реальными, что вполнѣ несправедливо. Другіе съ большимъ правомъ замѣчаютъ, что, „хотя въ жизни нерѣдко случается

видѣть, какъ прелестныя дѣвушки влюбляются въ недостойныхъ субъектовъ и гибнутъ, законы художественной правды не допускаютъ подобныхъ аномалій въ области вымысла. Дѣвушка, подобная Мегги, можетъ чувствовать нѣжность къ симпачному Филиппу и, презрѣвъ его уродство, считать бракъ съ нимъ возможнымъ. Это понятно, хотя практически нежелательно. Но ея увлеченіе ничтожнымъ фатомъ—ошибка, которая въ романѣ разрушаетъ иллюзію, и, слѣдовательно, непростительна. Стифенъ Гестъ къ тому же не вышелъ у Джорджъ Эліотъ живымъ лицомъ и напоминаетъ нелѣпые мужскіе характеры дюжиннаго женскаго творчества". Но, не взирая на нѣкоторыя погрѣшности, поэтическая „Мельница на Флоссѣ", вся проникнутая свѣтомъ и тепломъ молодой жизни и страсти, имѣла громадный и вполнѣ понятный успѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ публика въ первый разъ и не безъ удивленія узнала, что авторъ этого романа женщина, нѣкая г-жа Эвансъ, скрывающаяся подъ псевдонимомъ—Джорджъ Эліотъ.

* * *

„Ромола", занимавшая Джорджъ Эліотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вышла въ 1863 г. и, въ противоположность прежнимъ романамъ, не имѣла непосредственнаго успѣха въ публикѣ. Серьезнымъ людямъ она понравилась, но масса нашла ее слишкомъ серьезной, ученой и скучной. Отъ читателя требовалась извѣстная подготовка, чтобы дышать свободно въ этой исторической атмосферѣ, или извѣстная энергія для борьбы съ преградами, мѣшающими отдаться вполнѣ лицамъ, выведеннымъ на сцену,—именно лицамъ, а не событіямъ, потому что величайшее достоинство „Ромолы" (помимо исторической вѣрности, удивляющей знатоковъ) заключается не въ занимательности событій, а въ глубокомъ психологическомъ интересѣ характеровъ. Многихъ поражаетъ не столько жизнь и движеніе, сколько умъ и вкусъ въ выборѣ, постановкѣ и освѣщеніи сюжета. Центръ культуры эпохи возрожденія у Джорджъ Эліотъ въ аренѣ кровопролитій и ужасовъ, хотя изображаемый ею періодъ принадлежитъ къ самымъ бурнымъ. Взоръ художника и мыслителя остановился не на судорожныхъ искаженіяхъ, вызванныхъ потрясающими событіями,—хотя событія не обойдены,—а на обычной физіономіи города и его преобладающемъ настроеніи. Но главное—авторомъ не забыто, что „при всѣхъ условіяхъ общественнаго броженія люди всегда остаются одними и тѣми-же изъ вѣка въ вѣкъ", и что „борьба партій и мнѣній всѣхъ временъ—итогъ борьбы отдѣльныхъ существъ на жизнь или смерть". „Этой точки зрѣнія, прямо высказаной въ поэтической „поэмѣ" (гдѣ, какъ въ оперной увертюрѣ, намѣчены всѣ основные мотивы), Дж. Эліотъ остается вѣрна и сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, что вѣчно и неизмѣнно въ природѣ и человѣкѣ, а слѣдовательно неизмѣнно близко

и понятно каждому. Вотъ почему, при полномъ равнодушіи къ Флоренціи 1484—1509 гг. и наперекоръ всякой археологіи, лица, выведенныя на эту чуждую намъ сцену, способны увлекать и возмужать насъ. Въ послѣднемъ отношеніи. первое мѣсто принадлежитъ безспорно молодому греку Тито Мелемѣ, котораго можно назвать идеаломъ безнравственности. Мы видимъ передъ собой не кровожаднаго или сумрачнаго злодѣя, а обольстительнаго юношу, который не только далекъ отъ намѣреній дѣлать зло, но даже не выноситъ зрѣлища страданія и не можетъ жить безъ людской симпатіи. Тайна всѣхъ его преступленій и всей его низости въ томъ, что онъ слабъ и любитъ себя, свой покой и свое удовольствіе больше всего на свѣтѣ. Особенно тонко организованный инстинктъ себялюбія побуждетъ его постоянно стремиться къ пріятнымъ ощущеніямъ и избѣгать всего непріятно дѣйствующаго на его утонченную нервную систему. Съ этого прямого пути Тито никогда не сбивается посторонними соображеніями; руки его безошибочно протягиваются къ тому, что всего заманчивѣе или доступнѣе; препятствія обходятся, отодвигаются или опрокидываются, смотря по обстоятельствамъ. Какъ человѣкъ весьма образованный и развитой, и притомъ крайне чуткій. Тито не можетъ не замѣчать содѣяннаго; но онъ умѣетъ ловко стряхнуть съ себя тягостное бремя внутренняго недовольства и снова придти въ равновѣсіе. Сознаніе вины вызываетъ въ немъ еще другую характерную реакцію—отчужденіе, болѣе или менѣе враждебное, отъ тѣхъ, кто пострадалъ по его милости или имѣютъ право прощать его, вмѣстѣ съ стремленіемъ пріютиться въ такомъ уголкѣ, гдѣ судить его некому и гдѣ, слѣдовательно, дышется свободно. (Отъ зоркихъ глазъ Ромолы Тито бѣжитъ къ молящейся на него дурочкѣ Тессѣ; и, разумѣется, обманываетъ и ее безъ зазрѣнія совѣсти). Пока жизнь идетъ, что называется, „по маслу", ничего отъ него не требуя, Тито—олицетворенная доброта и мягкость. Его безпечная веселость, его лучезарная улыбка сіяетъ, какъ солнце, на праведныхъ и злыхъ. Онъ очаровываетъ всѣхъ и каждаго. Но чуть на пути задоринка, затрудненіе, искушеніе—свѣтлый обликъ его души мѣняется и проходитъ всѣ метаморфозы, требуемыя обстоятельствами, прихотью минуты и неизмѣннымъ инстинктомъ достиженія наибольшаго счастья для себя. Внѣшній же его образъ упорно противостоитъ внутреннему разложенію и остается безмятежнымъ. Не даромъ чудакъ - живописецъ, скептически взирающій на людей, замѣчаетъ при встрѣчѣ съ Тито, что лицо этого юноши идеальный типъ предателя: „порокъ и измѣна не могутъ оставить на немъ слѣда. Въ личныхъ отношеніяхъ Тито и въ общественныхъ столкновеніяхъ того смутнаго времени много нежелательныхъ осложненій и препятствій, много соблазновъ. И вотъ — при полномъ отсутствіи нравственнаго

тормаза и возжей, именуемыхъ совѣстью — онъ катитъ подъ гору все быстрѣе и быстрѣе, отъ мелкихъ къ крупнымъ обманамъ, измѣнамъ и предательствамъ, отъ преступленій тонкаго разбора къ грубымъ злодѣйствамъ. Тито въ полномъ смыслѣ слова ужасенъ. Нельзя безъ содроганія видѣть этой постепенно разверзающейся бездны нравственнаго паденія. Такъ и чувствуешь, что она готова поглотить любого изъ насъ въ указанныхъ намъ предѣлахъ. Разумѣется не Джорджъ Эліотъ открыла, что сердце человѣческое есть бездна подлости, и что необходимо зорко слѣдить за собой и оглядываться на другихъ. Но она облекла эту старую и вѣчно юную истину въ осязательный образъ и, отмѣтивъ съ особеннымъ искусствомъ первыя ступени паденія и ихъ роковую послѣдовательность (количественное, а не качественное измѣненіе)— сдѣлала изъ Тито Мелемы страшное memento mori. Всѣ единогласно признаютъ, что на созданіи этого характера лежитъ печать генія: что только глубокій мыслитель могъ взяться за развитіе отъявленнаго злодѣя изъ добродушнаго юноши, и только великій художникъ могъ осуществить эту задачу столь блестящимъ образомъ. Одинъ Шекспиръ, прибавляютъ многіе, способенъ создавать такіе общіе типы, при рѣзкой индивидуальности, такія осязательныя живыя лица для воплощенія отвлеченной идеи. Противоположность Мелемы находимъ мы въ совершенномъ отсутствіи своекорыстныхъ стремленій, прямотѣ и искренности его жены Ромолы. Вѣра въ любимаго человѣка составляетъ вопросъ жизни для ея нѣжнаго и гордаго сердца. Нравственные идеалы ея возвышены и опредѣленны. Смѣлый и свѣтлый умъ не допускаетъ лжи ни въ какой формѣ. Образованіе, пріобрѣтенное въ студіи ученаго отца, ставитъ ее на высотѣ всѣхъ общественныхъ и научныхъ интересовъ того времени. Ее нельзя удовлетворить призраками и надолго затуманить ея ясныхъ глазъ. Ромола—идеальная красавица и идеальная женщина, но все-таки не отвлеченная добродѣтель и не теорія, какъ увѣряли нѣкоторые. Она не чужда увлеченій и слабостей, и въ своей любви къ Тито — проникшему въ студію ея слѣпого отца на подобіе луча свѣта и въ горькомъ разочарованіи, заставившемъ ее бѣжать отъ него, и наконецъ, даже въ той возвышенной метаморфозѣ, которую производятъ во всемъ ея существѣ слова Савонаролы. Обращеніе Ромолы до извѣстной степени напоминаетъ исторію Жанеты и Тріана, хотя въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ и съ значительными видоизмѣненіями. О задушевности и смиреніи, о чувствѣ братства, которыми дышетъ бесѣда Тріана, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Савонарола говоритъ тономъ человѣка непогрѣшнаго и властнаго съ заблудшей женщиной. Онъ побѣждаетъ гордость Ромолы, искусно затронувъ самую живую и больную струну ея уязвленной души (обвиняя ее въ измѣнѣ долгу, по творствѣ

страстямъ, малодушіи тѣхъ свойствъ, которыя убили ея любовь къ Тито и заставили покинуть его домъ). И, гонимая страшнымъ призракомъ, Ромола смиряется передъ логикой самоотверженія, передъ проповѣдью креста изъ устъ грубаго доминиканца, одного изъ тѣхъ людей, которыхъ она привыкла презирать за узкій фанатизмъ, невѣжество и суевѣріе. Она зоветъ его отцомъ — именемъ для нея святымъ, она рыдаетъ у его ногъ. По своему воспитанію въ правилахъ древнихъ стоиковъ, Ромола была способна увлечься въ христіанскомъ ученіи одной любовью къ ближнему,—чертой, отсутствующей въ отвлеченной классической морали, и потому, вернувшись, по приказанію Савонаролы, во Флоренцію, гдѣ царили голодъ, чума и всякія смуты, весьма естественно ушла въ дѣла милосердія. Исторія отношеній Тито и Ромолы до ея бѣгства представляетъ психологическій этюдъ необычайной тонкости. Столь же художественно изображены послѣдующія болѣе крупныя столкновенія въ жизни супруговъ. Тито, падая ниже и ниже, переходитъ постепенно отъ отчужденія къ враждѣ и ненависти, а Ромола, въ своихъ чувствахъ къ нему—отъ жгучихъ страданій у постели умирающаго къ тупой боли при отпѣваніи трупа. Подъ конецъ она только слѣдитъ за нимъ съ холоднымъ отчаяніемъ, стараясь предупредить бѣды: которыя онъ можетъ навлечь на Флоренцію и близкихъ ея сердцу людей, потому что Тито ведетъ опасную двойную игру съ разными политическими партіями,—игру, за которую платятъ жизнью достойнѣйшіе граждане, и которая въ концѣ-концовъ губитъ его самого. Весьма интересна также исторія второго удара, постигшаго сердце этой женщины, т. е. ея разочарованія въ Савонаролѣ. Когда Ромолѣ пришлось увидѣть честолюбивые разсчеты, уклончивость и малодушіе въ любимомъ учителѣ, котораго она считала недосягаемымъ для мелкихъ личныхъ соображеній, и когда міръ, въ которомъ пріютилась ея душа послѣ перваго крушенія, въ свою очередь рухнулъ,—то понятно, что жизнь должна была утратить для нея смыслъ и цѣну, а смерть показаться желаннымъ исходомъ. Эпизодъ съ лодкой, въ которой она отдалась на произволъ волнующагося моря, и зачумленнымъ селомъ, къ которому прибило лодку, при всей поэтичности, слишкомъ замысловатъ; но фактъ возвращенія къ вѣрѣ въ высокія истины, независимо отъ того, кто ихъ проповѣдывалъ, непреложенъ въ природахъ такого закала. Глубокимъ убѣжденіемъ звучатъ поэтому слова Ромолы: „низостью было съ моей стороны желать умереть. Если все на свѣтѣ—ложь, страданіе, которое можно облегчить, несомнѣнная истина“. И читатель убѣжденъ, что дальнѣйшая жизнь ея будетъ осуществленіемъ этихъ словъ. Въ романѣ имѣетъ совершенно мелодраматическій характеръ одна исторія сумасшедшаго Бальтазаро. При всемъ томъ она хватаетъ за

сердце, благодаря мастерскому изображенію душевнаго состоянія безпомощнаго старика, сознающаго, что теряетъ память и разсудокъ въ то самое время, какъ все существо его судорожно цѣпляется за прежнее *я* для осуществленія завѣтнаго, жгучаго желанія. Языческое миросозерцаніе сдѣлало для Бальтазаро месть закономъ; и когда предательство Тито падаетъ тяжкимъ ударомъ на его сѣдую голову, уже расшатанную крутымъ переломомъ въ судьбѣ и непосильными трудами неволи—его любовь превращается въ ненависть, въ инстинктивную жажду мести. Въ такомъ настроеніи слушаетъ онъ, укрывшись въ соборѣ, пламенную проповѣдь Савонаролы, громящую зло и злодѣевъ, и, разумѣется, слышитъ въ ней то, что соотвѣтствуетъ его оскорбленному чувству,—то, что касается часа отмщенія, вѣчныхъ каръ, вѣчныхъ мукъ. Онъ упивается восторгомъ проповѣдника и, подобно ему, готовъ идти на смерть за святое дѣло. Это переложеніе мотивовъ проповѣди на регистрѣ разстроеннаго мозга слушателя, одержимаго неотвязной мыслью, какъ равно и вся картина помѣшательства Бальтазаро, поразительно вѣрны и способны привести въ восторгъ психіатра, Вся театральность сценъ, въ которыхъ мы видимъ старика, исчезаетъ передъ осязательной реальностью его образа.

Только заключительный эпизодъ между Бальтазаро и Тито все-таки желательно было-бы замѣнить менѣе жестокой развязкой. Переходимъ къ послѣднему изъ главныхъ лицъ. Нѣкоторые находятъ, что, послѣ Мелемы, интересъ романа сосредоточивается на характерѣ Савонаролы, одинаково замѣчательномъ съ исторической и художественной точекъ зрѣнія. По мнѣнію же другихъ, на этомъ характерѣ слишкомъ явны слѣды обдуманной и кропотливой работы вмѣсто свободнаго творчества. Дж. Эліотъ, говорятъ они, не удалось сдѣлать Савонаролу живымъ лицомъ, хотя удалось воплотить въ его проповѣдяхъ восторженный аскетизмъ монаха съ такой силой, какъ будто она была ревностнѣйшей католичкой и сама перешла всѣ стадіи религіознаго экстаза. Савонарола изображенъ у Дж. Эліотъ весьма сложной природой, соединеніемъ большой нравственной силы съ болѣзненной впечатлительностью, и безкорыстной жажды добра и правды съ широкимъ честолюбіемъ. Въ тиши монастыря, бѣжавшій отъ міра аскетъ „постигъ великія истины и вѣрилъ, что онъ, а никто другой, призванъ осуществить ихъ для общаго блага“. Въ этомъ сознаніи онъ вполнѣ искренно обрекалъ себя на мученичество въ минуты молитвеннаго восторга. По мѣрѣ того, однако, какъ неблагопріятныя обстоятельства и гоненія стали накопляться на его пути, послѣ временнаго упоительнаго успѣха, честолюбіе высшаго порядка стало постепенно вырождаться въ желаніе, во что бы то ни стало, удержать за собой власть надъ умами. Савона-

рола началъ измѣнять себѣ въ словахъ и поступкахъ и, обладая возвышеннымъ и утонченнымъ умомъ, не могъ не гнушаться избираемыми средствами и не сознавать мучительно своего паденія. Въ этомъ основной трагизмъ его судьбы, по мнѣнію Дж. Эліотъ. Осуждать его она предоставляетъ тому, „кто въ полдень своей жизни, усталый и разбитый, не вспоминалъ обѣтовъ юности съ краской въ лицѣ". Всего удачнѣе изображенъ Савонарола къ концу своей карьеры, когда его аскетическая проповѣдь успѣла надоѣсть изнѣженнымъ высшимъ слоямъ; простой народъ, озлобленный напрасными ожиданіями, голодомъ и болѣзнями, сталъ тяготиться запросами на самоотреченіе; а враги, зорко слѣдившіе за Савонаролой и колебаніями общественнаго мнѣнія, начали пускать въ ходъ недостойнѣйшія средства съ цѣлью подорвать авторитетъ бывшаго народнаго любимца и добить человѣка, утратившаго популярность вмѣстѣ съ вѣрой въ себя. Послѣднія главы романа читаются съ глубокимъ волненіемъ. Савонарола здѣсь точно живой стоитъ передъ нами „въ своей двойной агоніи". Дж. Эліотъ не отступила отъ исторической правды изъ любви къ своему герою. Твердости, мужества, нравственнаго величія онъ не обнаруживаетъ передъ варварскимъ судомъ. Подъ вліяніемъ жестокихъ пытокъ, онъ то признается въ честолюбивыхъ замыслахъ, ради святой цѣли, то обвиняетъ себя въ тщеславіи и гордости, повергаясь въ прахъ передъ карающей десницей; то смиренно бесѣдуетъ наединѣ съ божествомъ, мучительно сознавая свои ошибки, моля о духовномъ обновленіи, вѣря, что „онъ ничто, но что свѣтъ, видѣнный имъ, былъ истинный свѣтъ". На кострѣ мы видимъ его безгласной жертвой. Кругомъ вопитъ чернь, издѣваясь и проклиная: она отчасти вѣритъ, что со смертью лжепророка кончатся бѣдствія Флоренціи, отчасти непосредственно наслаждается зрѣлищемъ униженія и мукъ. Друзья трепетно ждутъ, что хоть въ послѣднюю минуту онъ выйдетъ изъ оцѣпенѣнія, скажетъ что-нибудь, отстоитъ себя. Но Савонарола обводитъ толпу тусклымъ, безучастнымъ взглядомъ и молчитъ. „Не такою, конечно, рисовалъ онъ себѣ мученическую смерть". „Тѣмъ съ большей справедливостью", говоритъ Дж. Эліотъ въ заключеніе своей художественной лѣтописи, „назовутъ его мученикомъ будущія поколѣнія; потому что сильные міра возстали противъ него не за его слабости, а за его величіе; не за то, что онъ хотѣлъ обольстить міръ, а за то, что хотѣлъ возвысить его и облагородить". Читателю пріятно поэтому, что Ромола въ эпилогѣ вспоминаетъ о своемъ учителѣ съ теплымъ чувствомъ и отдаетъ ему должное. Весьма характерна ея бесѣда съ Лилло (сыномъ Тессы и Тито, напоминающимъ отца лицомъ и замашками). Она говоритъ ему въ словахъ, понятныхъ для отрока, что—преслѣдуемъ ли мы высшія или себялюбивыя цѣли—мы

одинаково не застрахованы отъ несчастныхъ случайностей. Погибъ Савонарола, погибъ и „одинъ человѣкъ“, искавшій только пріятнаго себѣ. Вся разница въ томъ, что, если бѣдствіе постигаетъ низкую душу, то отрады нѣтъ уже ни въ чемъ, и человѣку остается сказать: „лучше бы мнѣ не родиться“.

* * *

„Амосъ Бартонъ“ точно написанъ на премію золотой медали за искуство увлечь читателя сюжетомъ, который онъ впередъ назоветъ избитымъ, скучнымъ и приторнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя придумать событій менѣе эффектныхъ, и въ особенности лица менѣе интереснаго, чѣмъ этотъ пошловатый пасторъ съ его ограниченностью, самодовольствомъ и неприглядной наружностью, усугубленной неряшествомъ. А между тѣмъ онъ насъ занимаетъ, порой злитъ, порой трогаетъ. Мы съ живымъ участіемъ слѣдимъ не только за его крупными огорченіями—заботами о кускѣ хлѣба—но и за мелочными житейскими затрудненіями, каковы: сочиненіе проповѣдей, при отсутствіи воображенія и шаткости грамматическихъ правилъ; руководство школой (представителемъ которой служитъ неприличный мистеръ Фоденъ съ чадолюбивой маменькой за спиной), при недостаткѣ находчивости и твердости духа; посѣщеніе паствы безъ требуемыхъ обстоятельствами шиллинговъ въ карманѣ и т. д.—слѣдимъ съ живымъ участіемъ, потому что Амосъ облеченъ въ плоть и кровь. Главный интересъ повѣсти сосредоточивается, впрочемъ, не на немъ, а на его женѣ, которая дѣлается для насъ сразу дорогимъ и близкимъ существомъ, несмотря на всѣ ея идеальныя и неисчислимыя совершенства: Милли, чтобы свести концы съ концами, работаетъ безъ устали днемъ, а подчасъ и ночью. Милли своей кроткой красотой и врожденнымъ изяществомъ скрашиваетъ убогую обстановку дома, дѣйствуя на нервы усталаго и забитаго Амоса, какъ свѣжій воздухъ или теплый лучъ (понимать и цѣнить жену онъ не въ состояніи, а способенъ лишь безсознательно ощущать ея благотворное вліяніе). Горячаго сердца ея достаетъ не только на то, чтобы, глядя на своихъ, дѣйствительно, прелестныхъ дѣтей, забывать всѣ труды и лишенія; не только на то, чтобы терпѣливо сносить невзгоды, навлекаемыя на весь домъ, а на нее въ особенности, глупымъ честолюбіемъ и самомнѣніемъ Амоса (знакомство съ сомнительной графиней, сѣвшей имъ на шею. и ссора съ духовнымъ начальствомъ, лишившая его мѣста). Нѣтъ, этого сердца достаетъ на искреннюю привязанность къ мужу и довольство своей судьбой. „Милый, милый другъ,—говоритъ, умирая, выбившаяся, наконецъ, изъ силъ молодая женщина, — ты былъ всегда такъ добръ ко мнѣ и дѣлалъ все для моего счастья“. И все, что Милли дѣлаетъ и говоритъ, выходитъ такъ естественно и просто, что для насъ всѣ впечатлѣнія сливаются въ

одно теплое чувство любви къ ней, какъ къ живому лицу. Когда, послѣ смерти жены, съ глазъ Амоса спадаетъ чешуя, и онъ, совсѣмъ потерянный, горько оплакиваетъ свою утрату, мы не только миримся съ нимъ, но намъ его душевно жаль. Когда же, по маломъ времени, постигшее его горе возвращаетъ ему расположеніе начальства, а 12-ти лѣтняя Патти, продолжая дѣло матери, приноситъ себя въ жертву его удобствамъ и покою, въ насъ возникаетъ враждебное чувство, потому что Амосъ несомнѣнно перебралъ противъ обычной доли любви и заботливости, отпускаемой судьбой посредственностямъ. Это единственный упрекъ, который можно сдѣлать разсказу. Все остальное въ немъ вполнѣ согласно съ художественной правдой. Сантиментальныя скалы и мели пройдены побѣдоносно. Впечатлѣніе отъ предсмертной сцены и похоронъ Милли почти слишкомъ сильно для слезъ. Монотонность печальныхъ картинъ разсѣяна появленіемъ кумушекъ и докторовъ, изображенныхъ съ неподражаемымъ юморомъ. Дѣти неизмѣнно радуютъ сердце (талантъ Дж. Эліотъ изображать дѣтей разныхъ типовъ сказался тоже сразу). Нѣтъ ни одного вводнаго лица, которое не дышало бы жизнью и не было строго необходимо для хода событій, развивающихся съ поразительной послѣдовательностью. Наконецъ, весь разсказъ проникнутъ глубокой поэзіей картинъ природы.

* * *

Въ романѣ м-ра Джильфиля, въ обстановкѣ аристократическаго деревенскаго дома, разыгрываются двѣ сердечныя драмы, одинаково глубокія и трогательныя, но различныя по характеру, соотвѣтственно различіямъ темпераментовъ и національностей героевъ: юной итальянки пѣвицы, пылкой и необузданной въ любви и ненависти, не взирая на англійское воспитаніе, и молодого чистокровнаго британца, въ которомъ энергія, самообладаніе и страсть соединены почти съ женской нѣжностью. Такимъ свойствамъ молодого клерджемена Майнарда Джильфиля дано въ повѣсти широкое примѣненіе, потому что Тина, предметъ его страсти, влюблена, разумѣется, не въ него, а въ красавца Антони, сына добрякалорда и чопорной леди, призрѣвшихъ чужестранную сиротку. Майнардъ долженъ быть молчаливымъ зрителемъ ея горячей привязанности къ негодяю, и небрежнаго ухаживанія послѣдняго за нею, и наконецъ ея страданія при беззастѣнчивой помолвкѣ Антони съ высокомѣрной дурой, оскорбляющей бѣдную дѣвушку. Долженъ смотрѣть терпѣливо на все это, не отступать и не выдавать своей тайны, потому что Тинѣ нуженъ другъ, которому она бы довѣрялась какъ брату. Дж. Эліотъ умѣетъ немногими штрихами сдѣлать Майнарда живымъ лицомъ и изобразить отчаяніе влюбленной дѣвочки во всей подавляющей силѣ перваго горя. Картина ночи въ одинокой комнаткѣ, гдѣ Тина негодуетъ и плачетъ, взята прямо

изъ жизни и пріобрѣтаетъ особое освѣщеніе отъ намека автора на невозмутимое теченіе вселенной среди бурь, разбивающихъ отдѣльныя существованія. Что такое маленькая Тина и ея горе въ могучемъ потокѣ, несущемся отъ одного страшнаго неизвѣстнаго къ другому? Ничтожнѣе мельчайшей единицы трепетной жизни въ каплѣ воды, незамѣтнѣе и безразличнѣе острой боли въ груди пташки, которая спѣшитъ къ гнѣзду съ трудно добытымъ кормомъ—и находитъ гнѣздо разореннымъ и пустымъ. Послѣ того, какъ бѣдная итальяночка, ослѣпленная ревностью, едва не дѣлается убійцей и бѣжитъ изъ дому, Майнардъ превращается въ самоотверженную няньку. Удается ли ему залечить окончательно глубокія раны въ сердцѣ Тины,—остается неяснымъ. Молодая дѣвушка, однако, какъ-будто оживаетъ подъ лучами его преданной любви, и разъ вечеромъ, по собственному побужденію, кладетъ голову на его вѣрную грудь и протягиваетъ свой алый ротикъ для поцѣлуя. Счастье Майнарда во всякомъ случаѣ не продолжительно; Тина таетъ на его глазахъ и умираетъ въ первыхъ родахъ. Какъ мощное дерево покрывается наростами и рубцами, если отрубить вѣтви, которымъ оно привыкло отдѣвать лучшіе соки, — замѣчаетъ Дж. Эліотъ въ заключеніе, — такъ захудалъ и Джильфиль послѣ этой утраты. Между молодцомъ съ открытымъ взоромъ и ясной улыбкой, котораго мы видимъ на портретѣ въ завѣтной комнатѣ (рядомъ съ блѣднолицей дѣвушкой, съ задумчивыми черными глазами, и тѣмъ старикомъ, который сидитъ у камина съ трубкой и стаканомъ грога, обмѣниваясь время отъ времени унылымъ взглядомъ съ вѣрнымъ Понто, лежащимъ у его ногъ,—можно сказать цѣлая пропасть. А между тѣмъ, наперекоръ узламъ и наростамъ, въ добрякѣ-пасторѣ сохранились всѣ великодушныя, честныя, нѣжныя черты его природы основныя свойства могучаго ствола, питавшаго нѣкогда его первую и единственную любовь. Съ этими-то чертами знакомимся мы въ началѣ повѣсти, въ живыхъ сценахъ между почтенымъ чудакомъ — пасторомъ и прихожанами разнаго возраста (отчасти уже знакомымъ по Амосу Бартону, такъ какъ приходы лежатъ по сосѣдству). Сцены эти составляютъ рамку для приведеннаго выше романическаго эпизода, — рамку, отъ которой онъ безконечно выигрываетъ, потому что читатель видитъ въ героѣ стараго и въ высшей степени симпатичнаго знакомаго.

* * *

Передавать содержаніе „Исповѣди Жанеты“ довольно мудрено. Борьба чахоточнаго евангелическаго проповѣдника, Тріана, со старой церковной рутиной и предубѣжденіями обывателей провинціальнаго городка и вліяніе, которое онъ постепенно пріобрѣтаетъ надъ ними, а особенно надъ одной молодой женщиной, предававшейся пьянству вслѣдствіе се-

мейныхъ огорченій, — не такая тема, чтобы вчужѣ показаться интересной. Она пріобрѣтаетъ невыразимое обаяніе лишь подъ перомъ Дж. Эліотъ, умѣвшей соединять глубокія душевныя драмы съ идиллическими картинами и забавными бытовыми сценами.

Въ драмѣ развертывается здѣсь передъ читателемъ всего поразительнѣе встрѣча между Тріаномъ и Жанетой. Однажды ночью, послѣ крупной ссоры, пьяный извергъ-мужъ выталкиваетъ Жанету прямо съ постели на улицу, и она, во избѣжаніе позора, принуждена искать убѣжища у сосѣдки, отъявленной тріанитки. Добрѣйшая сосѣдка, испуганная тупымъ отчаяніемъ молодой женщины, убѣждаетъ ее на другое утро обратиться къ м-ру Тріану за совѣтомъ (хотя знаетъ, что Жанета принадлежитъ къ его врагамъ и даже принимала участіе въ недостойномъ заговорѣ, устроенномъ Демпстеромъ) и приглашаетъ проповѣдника къ себѣ. Нервы Жанеты такъ натянуты, оскорбленіе такъ свѣжо и такъ явно служитъ извиненіемъ ея пороку и намѣренію никогда не возвращаться къ мужу, что, явись передъ нею суровый обличитель или даже просто посредникъ, сознающій свое превосходство надъ падшими, она дошла бы до изступленія. Но кроткое, болѣзненное лицо Тріана, задушевныя слова утѣшенія, которыя она слышитъ отъ него вмѣсто укоровъ, его скорбное признаніе въ собственныхъ грѣхахъ, вмѣсто суда надъ нею-все это въ гордой красавицѣ производитъ неожиданную реакцію. Она видитъ передъ собою друга, ищетъ у него защиты отъ самой себя, отъ ненависти къ мужу, отъ искушающаго ее демона. Вся скорбная душа ея изливается въ скорбной исповѣди, и эта минута служитъ началомъ ея нравственнаго возрожденія. Есть слова, которыя навсегда остаются для насъ посторонними звуками, но другія—превращаются въ нашу плоть и кровь: такія слова умѣлъ найти Тріанъ. Тяжкая болѣзнь спившагося Демпстера освобождаетъ вскорѣ Жанету отъ колебанія, по поводу возвращенія въ домъ мужа: забыто все, кромѣ жалости къ нѣкогда любимому человѣку и желанія примириться съ нимъ. Послѣ смерти Демпстера, Жанета посвящаетъ себя служенію ближнимъ, и между нею и Тріаномъ постепенно растетъ и крѣпнетъ духовная близость и глубокая, сердечная привязанность. Дж. Эліотъ считала духовный союзъ идеаломъ человѣческихъ отношеній и много разъ олицетворяла этотъ идеалъ въ своихъ романахъ. Въ данномъ случаѣ она, не боясь ложныхъ толкованій, скрѣпила его святымъ поцѣлуемъ, въ которомъ слились блѣдныя губы умирающаго Тріана и полныя жизни уста спасенной имъ Жанеты. Сверхъ личной привлекательности Жанета интересна, какъ первая представительница типа, часто повторяющаго въ романахъ Дж. Эліотъ—женщинъ, стремящихся къ нравственному совершенству, жаждущихъ самопожертвованія и под-

вига. Восхищаясь этими идеалами, одинъ изъ критиковъ, хорошо знакомый со взглядами писательницы, замѣчаетъ: „отличительное и почти непонятное свойство ея генія то, что на почвѣ разрушительнаго и безплоднаго скептицизма возникъ у нея цѣлый міръ существъ, заявляющихъ свою человѣчность въ горячихъ порывахъ мысли, вѣры, страсти“.

Воспоминанія о Джорджъ Эліотъ г-жи С. Ковалевской*).

Изданная въ прошломъ году „Жизнь Джорджъ Эліотъ по ея письмамъ и отрывкамъ изъ ея дневника“ живо заинтересовала всѣхъ почитателей этой замѣчательной писательницы и первое англійское изданіе этой книги, несмотря на весьма высокую цѣну, разошлось въ Англіи въ нѣсколько недѣль. Столь ненавистная англійскимъ издателямъ фирма Tauchnitz тоже не замедлила воспользоваться своимъ правомъ безвозмездно перепечатывать всѣ замѣчательныя произведенія англійской литературы, и въ этомъ изданіи переписка Джорджъ Эліотъ уже проникла, вѣроятно, въ круги русскихъ читателей. Для многихъ, впрочемъ, книга эта была до нѣкоторой степени разочарованіемъ. Частная жизнь великихъ людей всегда возбуждаетъ въ публикѣ значительное любопытство, которое еще усиливается, разумѣется, когда дѣло касается частной жизни „знаменитой женщины“. Кромѣ того, въ жизни Джорджъ Эліотъ, какъ извѣстно по ея многочисленнымъ, уже опубликованнымъ біографіямъ, были нѣкоторые факты, довольно странные и любопытные съ психологической точки зрѣнія и не нашедшіе себѣ отголоска и истолкованія ни въ одномъ изъ ея романовъ. Многіе привѣтствовали поэтому изданіе ея переписки съ друзьями, въ надеждѣ, что если письма ея и не откроютъ какихъ нибудь новыхъ, еще неизвѣстныхъ большинству публики событій ея жизни, то, во всякомъ случаѣ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на ея внутренній міръ, на ея отношеніе къ этимъ событіямъ и на сокровенные мотивы, руководившіе ея дѣйствіями. Но въ этомъ отношеніи ожиданія совершенно не оправдались, да и не могли оправдаться. Переписка эта, изданная вторымъ мужемъ Джорджъ Эліотъ, м-ромъ Кроссъ, всего пять лѣтъ послѣ ея смерти, содержитъ лишь избранныя и тщательно просмотрѣнныя ея письма, изъ которыхъ исключено, повидимому, все, имѣющее слишкомъ личный, интимный характеръ. Иначе, разумѣется, въ виду данныхъ обстоятельствъ, и быть не могло. Во всей этой довольно многочисленной и объемистой перепискѣ Джорджъ Эліотъ говоритъ обо всемъ, только не о самой себѣ. Поэтому матеріаломъ для біографіи Джорджъ Эліотъ эта переписка

*) „Р. М.“. 1886, іюнь.

врядъ-ли можетъ служить; въ своихъ письмахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя опубликованы теперь, также какъ и въ своихъ романахъ, она никогда не показываетъ намъ и не объясняетъ самое себя; если читатель все же хочетъ узнать ее, то онъ долженъ, такъ сказать, самъ отыскивать ее, угадывать ее по легкимъ намекамъ, ловить каждое мимолетное замѣчаніе, да и то, я думаю, ему лишь въ томъ случаѣ удастся вызвать ясный образъ ея, если у него у самого въ душѣ есть отзывныя, симпатичныя ей струны; въ противномъ случаѣ она сама и многое въ ея дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ останется для него неяснымъ и загадочнымъ. Наибольше всего интереса представитъ, я думаю, эта переписка для тѣхъ, кто лично зналъ эту замѣчательную женщину. Къ числу этихъ счастливцевъ принадлежала и я, и мнѣ, читая ея письма, такъ живо вспоминались нѣкоторые изъ нашихъ разговоровъ съ нею, и она сама, съ ея тихимъ, плавнымъ, симпатичнымъ голосомъ, съ ея нѣсколько вычурною, немножко „книжной“ манерой выражаться и съ ея очень своеобразной привычкой вся какъ бы уходить въ предметъ разговора, такъ живо воскресла передъ моими глазами, что мнѣ пришло невольно желаніе поговорить о ней и разсказать о моемъ съ ней знакомствѣ.

Я познакомилась съ нею въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ это время я сама только что начала заниматься математикой, подъ руководствомъ извѣстнаго берлинскаго профессора Вейерштрассе и, пользуясь одними изъ осеннихъ каникулъ въ нѣмецкихъ университетахъ, пріѣхала на нѣсколько недѣль въ Лондонъ. Знакомствъ и связей въ литературномъ мірѣ у меня въ то время еще почти совсѣмъ не было. Былъ у меня, правда, одинъ общій знакомый съ семьею Люисовъ,— м-ръ Ральстонъ, одинъ изъ директоровъ британскаго музея и одинъ изъ немногихъ англичанъ, знающихъ русскій языкъ и русскую литературу. Его разсказы о Джорджъ Эліотъ и о разныхъ подробностяхъ ея частной жизни еще усилили то восторженное поклоненіе, которое я въ то время питала къ ея сочиненіямъ, и еще увеличили мое желаніе познакомиться съ нею лично. На бѣду, моего знакомаго именно не было въ Лондонѣ ко времени моего пріѣзда. Послѣ многихъ колебаній я рѣшилась, наконецъ, написать Джорджъ Эліотъ и высказать ей мое желаніе познакомиться съ нею. Она отвѣтила мнѣ тотчасъ же очень любезнымъ письмомъ, въ которомъ сообщала мнѣ, что слышала уже обо мнѣ отъ одного англійскаго математика, встрѣтившаго меня случайно на лекціяхъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, и, съ своей стороны тоже очень желаетъ познакомиться со мною. Она назначила мнѣ время, когда я могу навѣрное застать ее дома и побесѣдовать нѣсколько часовъ съ нею и ея мужемъ, м-ромъ Льюисомъ, наединѣ. Само собою разумѣется, что въ назначенный день я не преминула явиться по ея приглашенію. М-ръ Льюисъ и

Джорджъ Эліотъ занимали въ это время небольшой домикъ на John Wood's road, очень хорошенькой части Лондона, богатой частными садами. Молоденькая горничная, чистая и чопорная, какъ всѣ англійскія горничныя, ввела меня въ довольно просторную гостиную, меблированную довольно нарядно, но безъ всякой претензіи на оригинальность, по шаблону типической гостиной въ „порядочномъ“ англійскомъ домѣ.

Мистеръ Льюисъ и Джорджъ Эліотъ уже ждали меня и любезно вышли мнѣ на встрѣчу. Я должна сознаться, что при первомъ взглядѣ на Джорджа Эліотъ во мнѣ возникла смутная, отчаянная надежда, что я ошибаюсь, что это не она, а другая: до такой степени показалась она мнѣ стара, дурна, а, главное, такъ не похожа на тотъ образъ, который я въ воображеніи составила себѣ о ней. Я никогда передъ тѣмъ не видѣла ея портрета; м.-ръ Ральстонъ, говоря о ней, отзывался о ней такъ, что она, разумѣется, вовсе не красива, но что у нея очень хорошіе глаза и волосы, и что она вообще необыкновенно симпатична. Въ моемъ воображеніи, какъ то незамѣтно для меня самой, сложился очень опредѣленный, рельефный образъ идеальной Джорджъ Эліотъ. Но, увы, теперь вдругъ оказалось, что образъ этотъ нисколько не походитъ на дѣйствительность. Небольшая, худощавая фигурка съ непропорціонально большою, тяжелою головой, ротъ съ огромными, выдающимися впередъ „англійскими“ зубами, носъ, хотя и правильнаго, красиваго очертанія, но слишкомъ массивный для женскаго лица, какая-то старомодная, странная прическа, черное платье изъ легкой, полупрозрачной ткани, выдающее худобу и костлявость шеи и рѣзче выставляющее на видъ болѣзненную желтизну лица, — вотъ что, къ ужасу моему, представилось мнѣ въ первую минуту. Я еще не успѣла опомниться отъ моего замѣшательства, когда Джорджъ Эліотъ подошла ко мнѣ и заговорила своимъ мягкимъ, чуднымъ, бархатнымъ голосомъ. Первые звуки этого голоса вдругъ примирили меня съ дѣйствительностью и возвратили мнѣ мою Джоржъ Эліотъ, ту, которая жила въ моемъ воображеніи. Никогда въ жизни не слыхала я болѣе мягкаго вкрадчиваго, „чарующаго“ голоса. Когда я читаю извѣстныя слова Отелло о голосѣ Дездемоны, мнѣ всегда невольно вспоминается голосъ Джорджъ Эліотъ.

Она усадила меня на маленькомъ диванѣ рядомъ съ собою, и между нами вдругъ, совершенно естественно, завязался такой искренній, простой разговоръ, какъ будто бы мы уже были давнишними знакомыми. Въ настоящую минуту я не могу даже припомнить, о чемъ именно мы говорили, при этой первой нашей встрѣчѣ; я не могу сказать, было ли что-либо очень умное или оригинальное въ томъ, что она говорила, но я знаю, что не прошло и получаса, какъ я уже совершенно

подлалась ея обаянію, какъ я уже чувствовала, что ужасно люблю ее, и что настоящая Джорджъ Эліотъ въ десять разъ лучше и прекраснѣе моей воображаемой. Я рѣшительно не въ состояніи описать и объяснить, въ чемъ именно заключалось то своеобразное, безспорное обаяніе, которому невольно подчинялся каждый, кто только ни приближался къ ней. Я думаю, было бы совершенно невозможно объяснить это человѣку, самому не испытавшему чего-либо подобнаго; но, навѣрное, каждый, сколько-нибудь близко знавшій Джорджъ Эліотъ, подтвердитъ мои слова. Тургеневъ, который, какъ извѣстно, былъ большой поклонникъ и цѣнитель женской красоты, говоря со мною разъ о Джорджъ Эліотъ, выразился о ней такъ: „Я знаю, что она дурна собою, но когда я съ ней, я не вижу этого". Онъ говорилъ также, что Джорджъ Эліотъ первая заставила его понять, что можно безъ ума влюбиться въ женщину безусловно, безспорно не красивую. Что касается меня, то каждый разъ впослѣдствіи, когда я послѣ нѣкотораго отсутствія опять встрѣчалась съ нею, я неизмѣнно поражалась ея наружностью и говорила себѣ: „нѣтъ, она дѣйствительно очень дурна", но не проходило и получаса, какъ я уже сама удивлялась, какъ это я когда-либо могла находить ее безобразною.

Всѣ, знавшіе Джорджъ Эліотъ всегда вспоминаютъ ту особую прелесть, то особое наслажденіе, которое испытывали при разговорѣ съ нею. Между тѣмъ мнѣ очень рѣдко приходилось слышать, чтобы кто-нибудь припоминалъ что-либо особенно глубокое, оригинальное или остроумное изъ всего сказаннаго ею. Такъ называемыхъ bons mots она никогда не говорила, разсказчица была плохая и въ общемъ разговорѣ тоже мало выдѣлялась, даже рѣдко принимала въ немъ участіе. За то она въ высшей степени владѣла искусствомъ, такъ сказать, втягивать человѣка въ разговоръ; она не только налету ловила и угадывала мысли того лица, съ которымъ говорила, но словно подсказывала ихъ ему, какъ бы безсознательно руководила ходомъ его мыслей. „Я никогда не чувствую себя такимъ умнымъ и глубокимъ, какъ во время разговора съ Джорджъ Эліотъ", — сказалъ мнѣ однажды одинъ нашъ общій пріятель, и я должна признаться, что сама не разъ испытала то же самое. Можетъ быть, именно въ этомъ-то ощущеніи легкости мысли и довольства собою, которыя она безсознательно заставляла возникать въ душѣ своего собесѣдника, и заключался главный секретъ ея обаятельности.

Что касается мистера Льюиса, то это былъ живой, сухощавый, подвижной человѣкъ, принадлежащій къ тому типу людей, возрастъ которыхъ очень трудно опредѣлить, которые старообразны въ двадцать и моложавы въ пятьдесятъ лѣтъ. Пресловутый англійской степенности и замкнутости мало было въ этомъ живомъ человѣкѣ, который, казалось, минуты

не могъ посидѣть на мѣстѣ спокойно, у котораго во время разговора такъ и прыгали въ дополненіе къ словамъ и глаза и руки, и словно передергивалась каждая жилка на его не красивомъ, сморщенномъ лицѣ. Льюисъ былъ тоже очень дуренъ собою, но у него было именно такъ называемое умное безобразіе, съ которымъ легко свыкнуться и примириться. Онъ говорилъ охотно и много; любилъ разсказывать и, при случаѣ, поострить; разговоръ его вообще былъ интересенъ и обличалъ въ немъ большую начитанность. Онъ съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ и простодушіемъ разспрашивалъ меня о томъ, цѣнятъ-ли въ Россіи произведенія его жены и его собственныя. Онъ рѣшительно пришелъ въ восторгъ, когда я сообщила ему, какой успѣхъ имѣла у насъ "Физіологія обыденной жизни", пользовавшаяся въ то время особенною популярностью, и разсказала ему шутя, что стоитъ у насъ барышнѣ прочесть эту книгу или даже попросту украсить ею свой письменный столъ, чтобы тотчасъ же прослыть современной и развитой.

Услышавъ это, онъ такъ и залился самымъ искреннимъ, веселымъ и простодушнымъ смѣхомъ; но за то его, повидимому, очень опечалило, когда на его вопросъ, читала ли я его романъ „Ракторпъ," я принуждена была отвѣтить отрицательно.

Трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ тотъ, который представляли собою Льюисъ и Джорджъ Элліотъ. Она натура замкнутая, чуткая до болѣзненности ко всякому диссонансу, всегда живущая въ какомъ-то собственномъ, ею созданномъ мірѣ и способная впадать въ грубѣйшіе промахи и ошибки при всякомъ столкновеніи съ дѣйствительностью; онъ же, наоборотъ, весь отдающійся впечатлѣнію данной минуты, съ настойчивою потребностью немедленной, кипучей дѣятельности, съ удивительнѣйшею способностью охватывать умомъ вещи наиболѣе разнородныя и безъ всякаго, повидимому, усилія перескакивать съ одного предмета на другой и тотчасъ же популяризировать и облекать въ вещественную, осязательную форму понятія наиболѣе отвлеченныя,—трудно и представить себѣ двѣ натуры, обѣ самобытныя и даровитыя, но болѣе противоположныя другъ другу, чѣмъ они. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть и сомнѣнія, что именно эти-то противоположности подѣйствовали крайне благотворно на развитіе таланта обоихъ. Льюисъ съ какимъ-то даже наивнымъ преувеличиваньемъ любилъ выставлять на видъ превосходство Джорждъ Элліотъ и ея безусловное вліяніе на него. Съ другой же стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что именно эти-то несвойственныя ей самой качества или недостатки Льюиса послужили, такъ сказать, первымъ толчкомъ для развитія таланта Джорждъ Элліотъ. Она принадлежала именно къ тѣмъ натурамъ, у которыхъ чуткость и критика способны

развиваться до болѣзненности, до загубленія всякаго творчества. Сойдись она въ молодости съ человѣкомъ, болѣе похожимъ на нее самое, обоимъ угрожала бы опасность замкнуться въ себѣ, не высказаться вовсе изъ боязни высказаться не вполнѣ, опошлить свою задушевную мысль. Но для психолога интересно было бы знать, какъ сказывалась эта противоположность натуры на частной, личной жизни обоихъ? Страстная, не вполнѣ свободная даже отъ склонности къ сантиментальности и расплывчатости, Джорждъ Эліотъ не могла не страдать отъ легкости, подвижности, иногда поверхностности натуры Льюиса; онъ же, съ своей стороны, ужъ навѣрное возмущался не разъ противъ того нравственнаго гнета, который она безсознательно налагала на него.

Вообще вся исторія Льюиса и Джорджъ Эліотъ представляетъ чрезвычайно интересный психологическій этюдъ.

Джорджъ Эліотъ—мисъ Эвансъ происходила, какъ извѣстно, изъ небогатаго, но очень почтеннаго семейства мелкой англійской буржуазіи, принадлежала, слѣдовательно, къ наиболѣе консервативной, узко-мѣщански моральной средѣ, какая, можетъ быть, существуетъ во всемъ мірѣ. Въ этой средѣ она взросла, воспиталась и прожила въ ней, разумѣется, не безъ внутренняго протеста, но, во всякомъ случаѣ, безъ всякой рѣшительной попытки вырваться изъ нея до тридцати двухъ лѣтъ, т.-е. до возраста, когда по старымъ понятіямъ жизнь женщины уже почти кончена. Быть можетъ, она и теперь не вырвалась бы изъ этой среды, если бы внѣшнія обстоятельства (смерть отца, распаденіе семьи и необходимость зарабатывать себѣ собственный кусокъ хлѣба) не вытѣснили ее оттуда почти насильственно. И вотъ послѣ такого воспитанія, послѣ такимъ образомъ проведенной молодости мисъ Эвансъ, начавъ свою литературную карьеру писаніемъ критическихъ статей въ „Westminster Review“, сходится съ Льюисомъ, человѣкомъ женатымъ, но разошедшимся съ женою, сначала дружится съ нимъ, какъ съ добрымъ пріятелемъ, товарищемъ по ремеслу, съ которымъ можно весело и безъ стѣсненія пошутить и посмѣяться, пойти вмѣстѣ въ театръ, убить свободный отъ работы вечеръ. Онъ представляетъ изъ себя даже въ извѣстной степени родъ chaperon въ ея одинокой лондонской жизни; и такъ и всѣ окружающіе смотрятъ на ихъ отношенія, никому и въ голову не входитъ, что тутъ можетъ быть что-либо другое. Но вдругъ отношенія мѣняются. Ко всеобщему ужасу и удивленію, она уѣзжаетъ съ Льюисомъ за границу, начинаетъ жить съ нимъ открыто и публично объявляетъ себя его женою, несмотря на существованіе другой, законной, хотя и покинувшей семью, мистрисъ Льюисъ, т.-е. рѣшается на шагъ, который сразу и безвозвратно ставитъ ее въ разрѣзъ со всѣмъ ея прошлымъ и навсегда исключаетъ ее изъ ряда „порядочныхъ“ женщинъ. Фактъ этотъ, самъ по себѣ, у насъ

въ Россіи и въ наше время, разумѣется, не представлялъ бы изъ себя ровно ничего необычайнаго и любопытнаго, но чтобы оцѣнить весь его психологическій интересъ, не надо забывать, что онъ происходилъ 35 лѣтъ тому назадъ въ Англіи, въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе дѣйствительно представляетъ изъ себя всесильнаго божка, строго и безпощадно карающаго каждаго, кто дерзнетъ пойти наперекоръ его безапелляціоннымъ постановленіямъ.

И вотъ, что всего страннѣе: чѣмъ ближе изучаешь характеръ Джорджъ Эліотъ по ея сочиненіямъ, тѣмъ труднѣе становится понять и уяснить себѣ психологическую подкладку этого факта. Первое, что приходитъ на умъ при подобныхъ обстоятельствахъ, это, разумѣется, сослаться на страсть. Когда въ дѣло замѣшается страсть, то всякое противорѣчіе становится естественнымъ, всякая непослѣдовательность логичною; всеподавляющая и всепоглощающая важность и значительность данной минуты, въ глазахъ дѣйствующаго лица, вполнѣ затемняетъ и заслоняетъ для него какъ прошедшее, такъ и будущее; поэтому всякія дальнѣйшія объясненія становятся излишними. Вотъ вслѣдствіе чего, когда читаешь, напримѣръ, романы Жоржъ Зандъ и вдумываешься въ ея біографію, то послѣ перваго невольнаго изумленія, которое испытываешь передъ нѣкоторыми фактами въ ея жизни, потомъ уже ровно ни чему не удивляешься; все начинаетъ казаться вполнѣ понятнымъ и естественнымъ, лишь только проникашьеся тою интенсивностью жизни, тою необузданностью желанія, которыя должны были переполнять все ея существо въ иныя минуты ея жизни, и передъ которыми блѣднѣли всѣ ея обычныя соображенія. Но совершенно иное дѣло относительно Джорджа Эліотъ.

Именно страсть, не разсуждающая, нелогичная страсть чужда, повидимому, ея натурѣ, по крайней мѣрѣ, если судить по ея сочиненіямъ. Ихъ основная нота, ихъ вѣчно возвращающійся мотивъ состоитъ въ глубокомъ, прочувствованномъ признаніи единства всей цѣли человѣчества, ничтожества всякой отдѣльной личности, лишь только она попытается вырваться изъ этой цѣли, и ея важности и значенія, когда она подчиняетъ свои дѣйствія, желанія общей волѣ, живетъ общею жизнью. Читая романы Джорджа Эліотъ, очень трудно представить себѣ, чтобы она сама когда либо испытала минуту той одуряющей страсти, подъ вліяніемъ которой вся жизнь можетъ вдругъ, неожиданно для самого человѣка, сложиться наперекоръ всѣмъ преднамѣреннымъ его дѣйствіямъ, въ разрѣзъ со всѣмъ его прошлымъ. Сознаніе, что собственная жизнь сложилась подъ вліяніемъ такой минуты, не могло бы пройти безслѣдно для такого правдиваго наблюдателя, строго и безпощадно анализирующаго жизнь и самого себя, какимъ она постоянно является намъ. Это сознаніе нару-

шило бы ту строго продуманную, цѣльную, нѣсколько суровую гармонію, которая составляетъ сущность всего ея міросозерцанія и весь жизненный смыслъ ея произведеній.

Еще одно обстоятельство можетъ служить почти несомнѣннымъ признакомъ того, что Джорджъ Эліотъ рѣшилась *обдуманно* связать свою жизнь съ жизнью Льюиса, и что для нея самой все было ясно въ ея поступкахъ: это обстоятельство именно то, что этотъ ея шагъ нисколько не отразился на ея литературныхъ произведеніяхъ, что ни въ одномъ изъ ея романовъ нельзя найти положенія, сколько нибудь похожаго на ея собственное. Въ первую минуту такое сужденіе можетъ показаться, пожалуй, страннымъ и парадоксальнымъ, но я думаю, что оно несомнѣнно вѣрно. Никогда человѣкъ не испытываетъ такой потребности разсказать свои поступки объяснить ихъ другимъ, какъ именно тогда, когда они для него являются странною неожиданностью. А если это такъ для обыкновеннаго человѣка, то ужъ несомнѣнно должно быть еще болѣе вѣрно для писателя, котораго уже по самому ремеслу его должно раздражать все необъясненное, противорѣчивое въ человѣческой природѣ. Возьмемъ, напримѣръ, Жоржъ Зандъ и Альфреда Мюссе. Ихъ романъ дѣйствительно нужно назвать цѣпью противорѣчій, а, главное, рядомъ неожиданностей для нихъ же самихъ. Да и самая завязка романа произошла какъ бы на наперекоръ всякой логикѣ. Онъ всю свою жизнь смѣялся надъ женщинами-писательницами, боялся ихъ хуже огня и воспѣвалъ воздушную блондинку, живущую данной минутой и не признающую другихъ законовъ, кромѣ законовъ собственной фантазіи. Она глубоко презирала нервныхъ, слабохарактерныхъ кутилъ; ея идеалъ былъ человѣкъ съ непреклоннымъ характеромъ, съ титаническими, но подавленными желѣзною волей страстями; и вотъ судьба свела ихъ и какъ бы въ насмѣшку заставила ихъ влюбиться другъ въ друга. Оба несомнѣнно были люди съ душою благородной, съ чуткими, тонкими чувствами, тѣмъ не менѣе, вся кратковременная исторія ихъ любви полна такихъ странныхъ разнообразностей, передъ которыми остановились бы даже люди очень грубые и развращенные. И вотъ, несмотря на то, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе того, что исторія ихъ такая нелѣпая, такъ мало дѣлаетъ чести и тому, и другому, оба внезапно охватываются точно какимъ-то зудомъ поскорѣе разсказать, оповѣстить эту исторію всему міру. И ужъ, конечно, ими руководило при этомъ не одно только желаніе возстановить свою репутацію, очистить себя въ глазахъ другихъ. Самое простое соображеніе показало бы имъ, что такимъ путемъ они ужъ, навѣрное, не достигнутъ цѣли и ни кого не обманутъ; что самое выгодное для каждаго изъ нихъ—это молчать, хотя бы уже изъ-за одного того, чтобы не вызвать другого на разоблаченія. Но

именно молчать-то они и не могли въ ту минуту. Самое важное для нихъ было разъяснить самимъ себѣ свои „неожиданные“ поступки; а главное, они и не могли писать ни о чемъ другомъ, такъ какъ все остальное въ мірѣ внезапно утратило всякій интересъ, и только и было для нихъ важнаго и значительнаго, что та горячка, которая внезапно охватила ихъ, перевернувъ вверхъ дномъ все установившееся ихъ міросозерцаніе.

Совсѣмъ другое дѣло Джорджъ Эліотъ. Ни въ одномъ изъ ея романовъ не находимъ мы ни одного положенія, сколько-нибудь напоминающаго ея собственное. А, между тѣмъ, никакъ нельзя согласиться, чтобы она принадлежала къ числу писателей, черпающихъ свое вдохновеніе только изъ наблюденій надъ другими. Можно даже сказать, наоборотъ, что, хотя ни одна изъ ея героинь не срисована съ нея самой, но въ каждой изъ нихъ можно, при внимательномъ изученіи, найти слѣды ея, ею продуманнаго и прочувствованнаго. Ея дѣтство подробно разсказано въ *Мельницѣ на Флоссѣ;* ея собственная порывистость, недовѣріе къ себѣ, постоянное разочарованіе при столкновеніи съ дѣйствительностью нашли себѣ отголосокъ въ *Доротеѣ въ Миддельмарчѣ.* Даже и тѣ мелкіе уколы, которые наносились въ молодости ея тщеславію, вслѣдствіе ея некрасивой наружности, и тѣ не трудно угадать по ея романамъ; только этотъ самый важный шагъ ея жизни прошелъ, повидимому, совершенно безслѣдно для ея литературныхъ произведеній. Я думаю, это можно объяснить только тѣмъ, что въ этомъ своемъ поступкѣ она не испытывала ни малѣйшей потребности ни оправдаться, ни объясниться: такимъ простымъ, неизбѣжнымъ казался онъ ей. И дѣйствительно, часто такъ бываетъ въ жизни: иной поступокъ, иное рѣшеніе представляется постороннимъ ужасно сложнымъ; кажется, что нужно было имѣть невѣсть сколько мужества и рѣшимости, чтобы пойти на него. Для самого же дѣйствующаго лица все произошло такъ просто и естественно, что и разсказывать объ этомъ нечего.

Все англійское общество было, разумѣется, крайне возмущено поступкомъ Джорджъ Эліотъ и вначалѣ рѣшилось вполнѣ игнорировать ее. Впослѣдствіи ей удалось, однако, до извѣстной степени пересилить даже англійскіе предразсудки и завоевать себѣ очень видное мѣсто въ лондонскомъ обществѣ. До самаго конца ея жизни находились, однако, люди, не прощавшіе ея исключительнаго положенія, и ея самолюбію наносились иногда очень чувствительные уколы. Еслибы уколы эти были направлены только со стороны такъ называемаго лондонскаго high life'а, то они были бы вполнѣ понятны, и, я думаю, она сама могла бы вполнѣ примириться съ ними; но она не могла оставаться столь же равнодушною, когда даже со стороны ученыхъ, со стороны представителей

свободной мысли въ Англіи встрѣчала относительно себя такія же проявленія лицемѣрія и непослѣдовательности. Такъ, напримѣръ, многіе изъ выдающихся ученыхъ и литераторовъ, встрѣчаясь съ Льюисами гдѣ-нибудь на континентѣ, очень ухаживали за ними, дорожили ихъ обществомъ, но по возвращеніи въ Лондонъ, прерывали съ ними всякое знакомство; другіе сами охотно посѣщали домъ Льюисовъ, но, не рѣшались ввести въ него своихъ женъ и дочерей. Всякій подобный фактъ,—а ихъ встрѣчалось не мало въ ея жизни,—глубоко печалилъ бѣдную Джорджъ Эліотъ. Но всѣ эти мелкіе уколы самолюбія обильно вознаграждались для нея тою безграничною преданностью, тѣмъ восторженнымъ почитаніемъ, которое она умѣла внушить довольно многочисленному кругу своихъ близкихъ друзей. Дѣйствительно, мало женщинъ имѣли счастье встрѣтить въ жизни столько глубокой, исключительной и постоянной привязанности, какъ она.

Льюисы вели вообще жизнь довольно уединенную; только по воскресеньямъ, отъ двухъ до пяти, принимали они всѣхъ своихъ знакомыхъ и эти воскресные пріемы становились, разумѣется, все извѣстнѣе и многолюднѣе по мѣрѣ того, какъ росла литературная слава хозяйки дома. Однако же, до самаго конца они не утратили своего характера интимности и непринужденности, и хотя въ гостиной Льюисовъ можно было подъ конецъ ихъ жизни встрѣтить цвѣтъ всего англійскаго ученаго и литературнаго общества, такъ сказать, букетъ знаменитостей, но каждый даже самый темный посѣтитель чувствовалъ себя въ ней совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, не испытывая ни малѣйшаго стѣсненія. Каждый, кто имѣлъ случай присутствовавать на одномъ изъ этихъ пріемовъ, навѣрное сохранилъ о немъ пріятное воспоминаніе. Противоположность характеровъ Льюиса и Джорджъ Эліотъ никогда не сказывалась такъ ярко, какъ въ то время, когда они принимали гостей. Льюисъ все время расхаживалъ по комнатѣ, переходя отъ одного посѣтителя къ другому, жестикулировалъ, каждому находилъ что-нибудь сказать особенно для него пріятное и интересное, и все лицо его сіяло милымъ, нескрываемымъ удовольствіемъ, когда онъ видѣлъ, что разговоръ идетъ живо и гостямъ весело. Джорджъ Эліотъ, наоборотъ, никогда не нарушала своего обычнаго спокойствія. На своемъ неизмѣнномъ мѣстѣ, словно затерянная въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, защищенномъ отъ лампы темнымъ абажуромъ, она обыкновенно вся посвящала себя какому-нибудь одному избраннику, какъ бы забывая, что она хозяйка этой гостиной. Если разговоръ становился для нея интереснымъ, ей случалось такъ увлекаться имъ, что и не замѣчать входа новыхъ гостей, и потомъ вдругъ удивляться, когда взглядъ ея случайно падалъ на какое-нибудь новое лицо, которое, можетъ быть, уже съ полчаса какъ раскланивалось съ нею.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ посѣтителей этихъ воскресныхъ пріемовъ и однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей Джорджъ Эліотъ былъ Гербертъ Спенсеръ. Здѣсь имѣла и я случай познакомиться съ нимъ, и я должна сознаться, что наше знакомство состоялось довольно оригинальнымъ образомъ.

Это было въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній послѣ моего перваго визита у Джорджъ Эліотъ. Въ гостиной ея уже было собрано человѣкъ 12 гостей. Общество было довольно смѣшанное; былъ, помнится, какой-то молоденькій лордъ, только что вернувшійся изъ дальняго путешествія въ какую-то малоизвѣстную страну, нѣсколько музыкантовъ и живописцевъ, еще двѣ или три личности, не имѣвшія, какъ кажется, опредѣленной спеціальности; изъ дамъ, кромѣ меня, находилась только одна, очень молоденькая жена одного изъ присутствовавшихъ живописцевъ. Какъ я уже сказала, изъ числа дамъ „порядочнаго“ англійскаго общества, немногія рѣшались показываться въ гостиной Джорджъ Эліотъ. Мистеръ Льюисъ представлялъ мнѣ каждаго новаго посѣтителя и обыкновенно сообщалъ мнѣ даже всѣ тѣ стороны, которыми новое лицо могло заинтересовать меня. Я находилась уже нѣкоторое время въ гостиной, когда въ комнату вошелъ старикъ съ сѣдыми баками и типическимъ англійскимъ лицомъ. На этотъ разъ никто не назвалъ мнѣ фамилію вошедшаго, но Джорджъ Эліотъ тотчасъ же обратилась къ нему: „Какъ я рада, что вы пришли сегодня,—сказала она.—Я могу вамъ представить живое опроверженіе вашей теоріи—женщину-математика“. „Позвольте вамъ представить моего друга,—продолжала она, обращаясь ко мнѣ, но все же не называя его имени.—Надо васъ только предупредить, что онъ отрицаетъ самую возможность существованія женщины-математика. Онъ согласенъ допустить, въ крайнемъ случаѣ, что могутъ время отъ времени появляться женщины, которыя по своимъ умственнымъ способностямъ возвышаются надъ среднимъ уровнемъ мужчинъ, но онъ утверждаетъ, что подобная женщина всегда направитъ свой умъ и свою проницательность на анализъ жизни своихъ друзей и никогда не дастъ приковать себя къ области чистой абстракціи. Постарайтесь-ка переубѣдить его“.

Старичекъ усѣлся рядомъ со мною и посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Я совсѣмъ не подозрѣвала, кто онъ такой, тѣмъ болѣе, что во всей его манерѣ ровно ничего не было „внушительнаго“ Разговоръ перешелъ на вѣчную, нескончаемую тему о правахъ и о способностяхъ женщинъ и о томъ, будетъ ли вредъ или польза для всего человѣчества вообще, если большое число женщинъ посвятитъ себя и изученію наукъ. Мой собесѣдникъ сдѣлалъ нѣсколько полу-ироническихъ замѣчаній которыя, какъ я теперь могу

судить, были главнымъ образомъ, разсчитаны на то, чтобы вызвать меня на возраженія. Я должна сказать, что мнѣ въ то время еще не было двадцати лѣтъ; тѣ немногіе годы, которые отдѣляли меня отъ дѣтства, я провела въ постоянной домашней борьбѣ, отстаивая свое право предаться любимымъ занятіямъ; немудрено поэтому, что я испытывала въ ту пору къ такъ называемому „женскому вопросу“ весь восторженный пылъ неофитки, и что всякая застѣнчивость пропадала, когда мнѣ приходилось ломать копье за правое дѣло. Къ тому-же, какъ я уже замѣтила, мнѣ и въ умъ не приходило, съ какимъ противникомъ мнѣ приходится состязаться, да и Джорджъ Эліотъ, со своей стороны, дѣлала все отъ себя зависящее, чтобы подзадорить меня на споръ. Это было дѣломъ далеко не труднымъ. Увлеченная споромъ, я вскорѣ забыла все окружающее и въ ту минуту даже и не замѣтила, какъ всѣ остальные гости смолкли мало-по-малу, прислушиваясь съ любопытствомъ къ нашему разговору, который становился все оживленнѣе.

Добрыхъ три четверти часа длился нашъ поединокъ, прежде чѣмъ Джорджъ Эліотъ рѣшилась прекратить его. „Вы хорошо и мужественно защищали наше общее дѣло,—сказала она мнѣ, наконецъ съ улыбкой,—и если мой другъ Гербертъ Спенсеръ все еще не далъ переубѣдить себя, то я боюсь, что его придется признать неисправимымъ“. Тутъ только узнала я, кто былъ мой противникъ, и можно представить себѣ, какъ я сама изумилась собственной храбрости,

По окончаніи моихъ каникулъ я вернулась въ Берлинъ и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ мнѣ не приходилось лично встрѣчаться съ Джорджъ Эліотъ. Всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что мы обмѣнивались поклонами и привѣтствіями черезъ посредство общихъ знакомыхъ; но въ ноябрѣ 1880 года мнѣ снова представился случай побывать въ Лондонѣ. Однако, на этотъ разъ я не торопилась возобновить мое знакомство съ знаменитою писательницей, а, напротивъ, откладывала посѣщеніе ея со дня на день, пока мнѣ не сказали, наконецъ, что она знаетъ о моемъ пріѣздѣ отъ общихъ знакомыхъ и обидится, если я не навѣщу ее.

Причина того нежеланія и страха, которые овладѣвали мною при мысли увидѣть снова Джорджъ Эліотъ, заключалась въ слѣдующемъ: большія перемѣны произошли за это время въ ея жизни. Льюисъ скончался, и не прошло и года послѣ его смерти, какъ всѣ друзья и почитатели Эліотъ были поражены извѣстіемъ о ея вторичномъ бракѣ съ тридцатилѣтнимъ мистеромъ Кроссомъ, тогда какъ ей самой было уже шестьдесятъ.

Я должна признаться, что на меня лично это извѣстіе произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Джорджъ Элліотъ была окружена въ моихъ глазахъ такимъ ореоломъ величія

и поэзіи, что я рѣшительно не могла примириться съ мыслью о необходимости если не вполнѣ развѣнчать мой идеалъ, то ужъ во всякомъ случаѣ на нѣсколько ступеней опустить его пьедесталъ. Вотъ почему я такъ боялась увидѣть Джорджъ Эліотъ въ ея новомъ положеніи и такъ откладывала наше свиданіе. Шестидесятилѣтняя старуха, выходящая замужъ за человѣка вдвое ея моложе,—дѣйствительно, не легко принять подобный фактъ и примириться съ нимъ.

Я вовсе не намѣрена подыскивать здѣсь какое-нибудь объясненіе этому странному событію; еще менѣе входитъ въ мои намѣренія оправдывать подобные браки вообще, но правдивость заставляетъ меня сознаться, что, несмотря на то предубѣжденіе, съ которымъ я шла къ Джорджъ Эліотъ, лишь только я увидѣла ее вмѣстѣ съ ея вторымъ мужемъ, ихъ союзъ внезапно показался мнѣ совершенно въ иномъ свѣтѣ, и я перестала находить въ немъ что либо ужасное и возмутительное. Я поняла, почему и другіе друзья Джорджъ Эліотъ такъ скоро и такъ вполнѣ примирились съ этимъ фактомъ въ ея жизни.

Объяснить это, вѣроятно, можно тѣмъ, что оба, и онъ, и она, казалось, и не замѣчали вовсе, что въ ихъ взаимномъ положеніи есть что-то неественное, и оба были такъ искренне, такъ просто, такъ хорошо счастливы. Когда человѣкъ дѣйствительно счастливъ, другіе угадываютъ это чутьемъ. Поддѣлаться подъ счастье, разыграть роль счастливаго очень трудно. Истинное счастье, такое счастье, которое убиваетъ всякое тщеславіе, которое удовлетворяется самимъ собою, не заботясь о томъ, чтобы заставить другихъ признать себя, и не смущаясь насмѣшками постороннихъ, — это вещь такая рѣдкая и такая завидная, что невольно преклоняешься передъ нимъ, въ какой бы странной, необыденной и непривычной формѣ не встрѣтилось оно въ жизни. И Джорджъ Эліотъ со своимъ вторымъ мужемъ именно были счастливы такимъ образомъ. Я знаю, многіе пріѣзжали къ нимъ въ первый разъ въ полной увѣренности, что увидятъ что-то странное, ненормальное, уродливое, смѣшное, но затѣмъ, проведя нѣсколько часовъ въ обществѣ этихъ двухъ милыхъ людей, за серьезной задушевной бесѣдой, въ атмосферѣ тихаго, ровнаго довольства и обоюдной искренности, уѣзжали совсѣмъ съ инымъ чувствомъ и даже, наоборотъ, не безъ затаенной зависти говорили себѣ: „Что за славные, счастливые люди, и какъ имъ хорошо живется!“

Джорждъ Эліотъ очень мало перемѣнилась за тѣ семь лѣтъ, которыя прошли съ нашей первой встрѣчи. Это была все таже худощавая, некрасивая женщина, съ болѣзненнымъ добрымъ серьезнымъ лицомъ, вдумчивыми, лучистыми глазами и удивительно пріятнымъ голосомъ, какъ и прежде. Она показалась даже моложавѣе, чѣмъ въ первый разъ. Главное, въ ней незамѣтно было ни малѣйшаго желанія молодиться, ни

тѣни безпокойства или заботы о своей наружности, и она уже вовсе не походила на ту „влюбленную старуху“, которая невольно рисуется въ воображеніи, когда идетъ рѣчь о такихъ неравныхъ бракахъ, какъ ея.

Что касается мистера Кросса, то это былъ въ то время очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ и съ наружностью чистѣйшаго англо-саксонскаго типа: высокая, стройная, хотя и мускулистая фигура, свѣтло-каштановые, слегка вьющіеся волосы, правильныя тонкія черты и чудеснѣйшій, чисто-англійскій цвѣтъ лица. Больше всего поражали въ немъ, однако, каріе глаза, удивительно добрые, простодушные и преданные, какъ у большой ньюфаундленской собаки, и ротъ, который по своему тонкому очертанію и нервному подергиванію губъ скорѣе шелъ бы къ женскому лицу и какъ-то даже противорѣчилъ вполнѣ здоровому, откровенному выраженію всей остальной фигуры. На меня мистеръ Кроссъ произвелъ впечатлѣніе натуры очень искренней, очень чуткой ко всему прекрасному, но лишенной способности самому воплотить свой идеалъ, выразить его словами или вообще придать ему какую бы то ни было осязательную форму, за то тотчасъ же подмѣчающій и цѣнящій эту способность у другихъ. Я прибавлю еще что мистеръ Кроссъ принадлежитъ къ очень хорошему семейству и самъ обладаетъ вполнѣ независимымъ состояніемъ, вслѣдствіе чего Джорджъ Эліотъ завѣщала свое состояніе, все безъ раздѣла, дѣтямъ Льюиса отъ его первой жизни. Мать и сестры Кросса не только не противились его браку съ Джорджъ Эліотъ, но, напротивъ, съ распростертыми объятіями приняли ее въ свою семью. Мнѣ разсказывали тоже люди, близко знающіе ихъ, что Кроссъ еще совсѣмъ молоденькимъ мальчикомъ познакомился съ Джорджъ Эліотъ, полюбилъ ее съ перваго раза и въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ былъ вѣренъ своему идеалу.

Джоржъ Эліотъ послѣ своей свадьбы переѣхала въ другое помѣщеніе. Та комната, въ которой она теперь приняла меня, была замѣчательно уютная, какъ бы располагающая къ тихимъ, задушевнымъ разговорамъ. Полукабинетъ, полубибліотека, съ нѣсколькими мягкими, очень спокойными креслами и съ массою книгъ и эстамповъ на столѣ, на полкахъ, на висячихъ этажеркахъ, занимающихъ всякій свободный простѣнокъ,—эта комната представляла несравненно болѣе подходящую рамку для всей ея фигуры, нежели тотъ нарядный, банальный салонъ, въ которомъ я увидѣла ее въ первый разъ. Она сказала мнѣ, что эта комната ихъ любимая въ домѣ, и что они съ мужемъ проводятъ весь день, читая, работая или разговаривая. Дѣйствительно, она съ своимъ мужемъ производили впечатлѣніе двухъ добрыхъ товарищей, у которыхъ общіе вкусы, общія привычки, общія за-

нятія, и изъ которыхъ младшій безпредѣльно восхищается старшимъ.

Разговоръ нашъ сначала касался литературы вообще, затѣмъ перешелъ на романъ самой Джорджъ Эліотъ. Она разсказала мнѣ, что каждый разъ, когда она начинаетъ печатать новый романъ, ее осаждаютъ массами писемъ отъ совершенно незнакомыхъ ей лицъ; иные изъ неизвѣстныхъ ей корреспондентовъ подаютъ ей совѣты, какъ дальше вести интригу, выражаютъ свои желанія насчетъ того, какъ должно развязаться то или другое усложненіе; другіе же объявляютъ ей, что узнали самихъ себя или своихъ знакомыхъ въ ея герояхъ и героиняхъ. Такъ, напр., когда я печатала „Мидельмарчъ", сказала она,—три молодыхъ дамы сдѣлали лестное для меня признаніе, что я угадала ихъ самыя сокровенныя мысли и вложила ихъ въ уста моей Доротеи. Я попросила каждую изъ этихъ интересныхъ дамъ прислать мнѣ свою фотографію; увы, какъ мало походили онѣ, по крайней мѣрѣ, по наружности, на мою героиню, какою я сама воображала ее себѣ. Нашелся тоже одинъ счастливый папаша, который написалъ мнѣ, что я вѣрно гдѣ-нибудь встрѣчала его двухъ дочекъ, иначе не могла бы такъ вѣрно и мѣтко обрисовать эгоистичную Розамунду".

Я позволила себѣ замѣтить Джорджу Эліотъ, что меня всегда поражала одна черта въ ея романахъ: всѣ ея герои и и героини умираютъ слишкомъ кстати, именно въ тотъ моментъ, когда психологическая завязка усложняется до крайняго напряженія, когда читатель хочетъ знать, какимъ образомъ распутаетъ жизнь послѣдствія того или другого поступка; вдругъ является смерть, и узелъ развязывается самъ собою.

Возьмемъ напр., „Мельницу на Флоссѣ." Очень легко можно понять, что Мегги, въ моментъ восторга, въ моментъ безсознательнаго влеченія къ самопожертвованію, могла отказаться отъ собственнаго счастья, отъ собственной любви, чтобы спасти счастье и любовь своей кузины. Никогда такъ не легко пожертвовать собою, какъ именно въ тѣ минуты, когда человѣкъ подавленъ, ошеломленъ огромнымъ неожиданнымъ счастьемъ. Въ такіе минуты страданіе представляется столь отдаленнымъ, столь призрачнымъ въ формѣ такъ мало похожей на дѣйствительность, что жертва вполнѣ возможна. Но останется ли Мегги вѣрна своему самобичеванію, когда за моментомъ экстаза послѣдуетъ неизбѣжный періодъ реакціи и ослабленія? Устоитъ ли она въ теченіе долгаго ряда недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ одинокаго, всѣми покинутаго существованія, однообразію котораго ни откуда не предвидится конца? Когда ея жертва дѣйствительно приметъ осязательную форму, когда она увидитъ, что ей на самомъ дѣлѣ удалось оттолкнуть отъ себя любовника, и когда ей, въ свою очередь, при-

дется испытать муки ревности, не овладѣетъ ли ею тогда безумное, неудержимое желаніе счастья, не раскается ли она въ своей жертвѣ и не захочетъ ли во что бы ни стало вернуть прошлое?

А если она устоитъ, несмотря ни на что, и останется до конца вѣрна своему самопожертвованію, какою сдѣлается она сама послѣ такого страшнаго, превышающаго человѣческія силы испытанія? Я хочу видѣть Мегги послѣ борьбы, я хочу знать, облагораживаетъ ли дѣйствительно самопожертвованіе, или же человѣкъ не можетъ убить страсть въ своемъ сердцѣ иначе, какъ загубивъ, въ то же время, все, что было живого, человѣческаго въ его природѣ, такъ что изъ борьбы выходитъ побѣдителемъ уже не живой человѣкъ, а какой-то фанатикъ, столь же безчувственный къ собственному страданію, какъ и къ радости и къ страданію другихъ людей. Вотъ что интересуетъ меня въ этомъ романѣ, вотъ на какіе вопросы хочу я отвѣта. Но взамѣнъ этого является наводненіе, и громадная черная волна, уносящая съ собою и Мегги, и ея брата, разрѣшаетъ вь одинъ мигъ всѣ ихъ сомнѣнія, кладетъ конецъ ихъ борьбѣ и даетъ имъ окончательное примиреніе.

Въ другихъ романахъ Джорджъ Эліотъ повторяется приблизительно то же самое. Въ „Мидельмарчѣ“ несносный мистеръ Казабонъ умираетъ какъ разъ въ пору, когда бѣдная восторженная Доротея еще не успѣла утратить ни молодости, ни свѣжести, ни красоты за служеніемъ тому безплодному, никому ненужному дѣлу, къ которому она въ порывѣ необдуманнаго самопожертвованія приковала себя. А что было бы если бы онъ прожилъ еще лѣтъ двадцать, напр., и умеръ какъ разъ тогда, когда у Доротеи не остается уже ни силъ, ни возможности быть счастливою самой и сдѣлать другого счастливымъ, а остается только еще достаточно жизненности, чтобы оплакивать свое даромъ загубленное существованіе? Въ „Даніель Деронда“ опять та же исторія: мужъ Гвендолины пользуется простою прогулкой въ лодкѣ, чтобы утонуть какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ супружеская жизнь сдѣлалась уже совершенно невозможною, и когда читатель съ любопытствомъ и интересомъ ожидаетъ, на что рѣшится Джорджъ Эліотъ, чтобы выпутать свою бѣдную героиню изъ того тще желаго положенія, въ которое завлекло ее малодушіе и тщеславіе. Всюду одно и то же. Смерть всегда является общею примирительницей и разрѣшительницей всѣхъ узловъ, затянутыхъ человѣческими страстями.

Все это высказала я Джоржу Эліотъ.

Она выслушала меня очень серьезно и затѣмъ возразила мнѣ слѣдующее: „Въ томъ, что вы говорите, есть доля правды; но я спрошу васъ только объ одномъ: неужели вы не замѣчали, что въ жизни дѣйствительно такъ бываетъ. Я лично

не могу отказаться отъ убѣжденія, что смерть болѣе логична, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Когда въ жизни положеніе становится ужъ черезчуръ натянуто, когда нигдѣ не видать исхода, когда обязанности самыя священныя взаимно противорѣчатъ одна другой, тогда является смерть, внезапно открываетъ новые пути, о которыхъ никто и не думалъ прежде, и примиряетъ то, что казалось непримиримымъ. Сколько разъ случалось уже, что довѣріе къ смерти придавало мнѣ мужество жить".

Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминался этотъ разговоръ съ Джорджъ Эліотъ. Ему суждено было быть однимъ изъ послѣднихъ, такъ какъ двѣ недѣли спустя она скончалась совершенно неожиданно, послѣ нѣсколькихъ часовъ болѣзни. Смерть дѣйствительно оправдала ея довѣріе. Она пришла для нея столь же неожиданно, какъ и для ея героинь, и притомъ, въ тотъ самый моментъ, когда ей предстояло, повидимому, разрѣшеніе трудной, быть можетъ, неразрѣшимой задачи. У нея достало мужества стать самой въ положеніе болѣе трудное, болѣе необычное, нежели то, въ которомъ находилась какая-либо изъ ея героинь. Соединяя свою судьбу съ судьбою человѣка вдвое ея моложе, она рѣшилась на очень рискованный опытъ. Въ данную минуту оба были счастливы, но могло ли это счастье продолжаться долго? Оказался ли бы талантъ въ силахъ навсегда заставить забыть о разницѣ лѣтъ? Можетъ ли поклоненіе таланту женщины наполнить жизнь мужчины и замѣнить для него другую, болѣе обыденную привязанность? Вотъ какіе дерзновенные вопросы задала Джорджъ Эліотъ судьбѣ. Кто рѣшится сказать теперь, какой бы отвѣтъ дала на нихъ жизнь? Но смерть пришла во-время; она обошлась нѣжно и милосердно съ бѣдной женщиной; она унесла ее вдругъ, почти не заставивъ ее страдать, въ моментъ самой полноты ея нежданнаго, запоздалаго счастья.

Часто потомъ вспоминались мнѣ ея слова: „довѣріе къ смерти придаетъ мнѣ мужество жить".

Книга первая.

ГЛАВА I.

МАСТЕРСКАЯ.

Съ помощью одной капельки чернилъ вмѣсто зеркала египетскій магъ берется показать всякому желающему далекія картины минувшаго. Это же самое, читатель, я собираюсь сдѣлать для васъ.

Съ помощью капельки чернилъ на концѣ моего пера я хочу показать вамъ просторную мастерскую мистера Джонатана Бурджа, плотника и строителя—подрядчика въ деревнѣ Гейслопъ,—показать ее въ томъ видѣ, какой она имѣла восемнадцатаго іюня блаженной памяти 1799-го года.

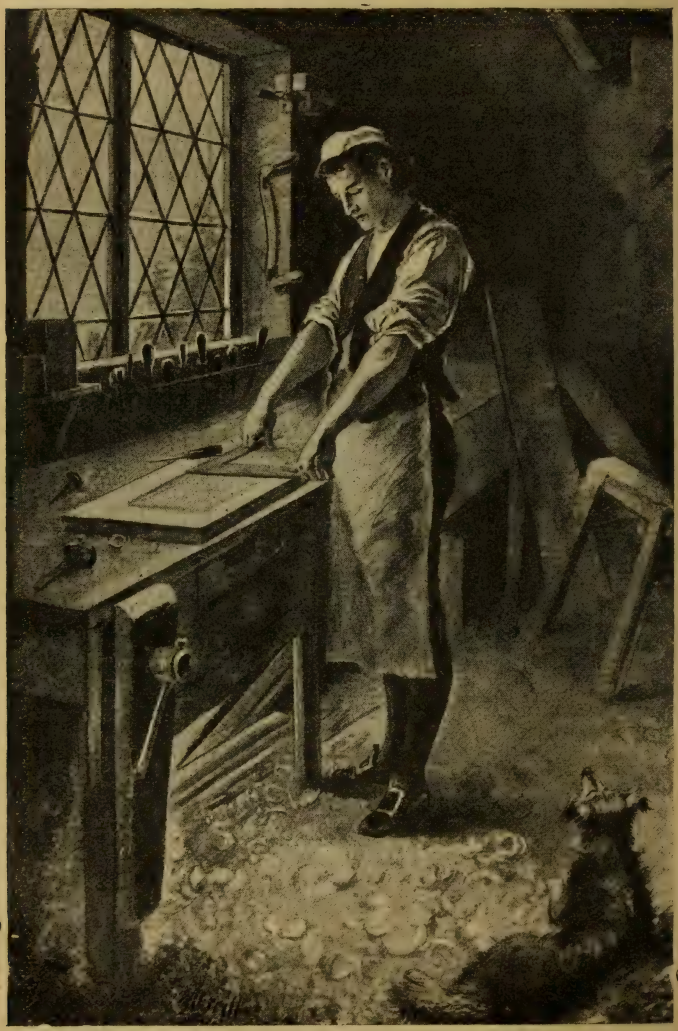
Восемнадцатаго іюня вечернее лѣтнее солнце обливало своими теплыми лучами пятерыхъ человѣкъ, работавшихъ въ этой мастерской надъ отдѣлкой дверей, оконныхъ рамъ и панелей. Запахъ сосны отъ новыхъ досокъ, составленныхъ въ кучу снаружи за отворенной дверью, смѣшивался съ запахомъ бузины, тянувшей свои усыпанныя лѣтнимъ снѣгомъ вѣтки къ открытому окну въ противоположной стѣнѣ. Косые лучи солнца насквозь пронизывали пушистыя, прозрачныя стружки, которыя гналъ передъ собой неутомимый рубанокъ, и освѣщали красивый рисунокъ древесныхъ волоконъ на дубовой панели, прислоненной къ стѣнѣ. Большой косматый сѣрый песъ—овчарка—устроилъ себѣ уютную постель на кучѣ этихъ стружекъ; онъ лежалъ, положивъ морду на переднія лапы, и только изрѣдка морщилъ свой лобъ, приподымая брови, чтобы взглянуть на самаго высокаго изъ пятерыхъ работниковъ,—того, который вырѣзывалъ щитъ на дубовой доскѣ для камина. Тому-же самому работнику принадлежалъ и сильный баритонъ, раздававшійся въ мастерской и покрывавшій собой визгъ рубанка и стукъ молотка. Голосъ пѣлъ:

„Проснись, моя душа, и вмѣстѣ съ солнцемъ
Свой путь дневной труда свершай.
Лѣнь скучную стряхни“...

Здѣсь пѣвцу понадобилось что-то такое отмѣрить, а это потребовало болѣе сосредоточеннаго вниманія, и звучное пѣніе

смѣнилось тихимъ насвистываньемъ; но въ слѣдующую минуту голосъ запѣлъ съ новой силой:

„Пусть рѣчь твоя всегда идетъ отъ сердца,
Какъ ясный день чиста твоя пусть будетъ совѣсть“.



Голосъ пѣлъ...

Такой голосъ могъ выходить только изъ широкой груди, и эта широкая грудь принадлежала широкоплечему, мускулистому человѣку почти шести футъ ростомъ, человѣку съ такою прямой и ровной спиной и такъ правильно поставленной головой, что когда онъ выпрямился, чтобъ лучше оглянуть свою работу, онъ имѣлъ видъ солдата, стоящаго „смирно". Засученный выше локтя рукавъ рубахи открывалъ руку, которая должна была брать призы во всѣхъ состязаніяхъ силы, а длинная гибкая кисть этой руки съ длинными и на концахъ широкими пальцами была какъ будто нарочно создана для тонкихъ работъ. Высокій и статный, Адамъ Бидъ былъ истый саксонецъ и оправдывалъ свое имя; но его черные какъ смоль волосы, казавшіеся еще чернѣй отъ контраста съ бѣлой бумажной шапочкой, бывшей на немъ, и острый взглядъ темныхъ глазъ, сверкавшихъ живымъ блескомъ изъ подъ рѣзко очерченныхъ, слегка нависшихъ и подвижныхъ бровей, указывали на примѣсь кельтской крови. Лицо у него было широкое и съ крупными, довольно грубыми чертами; единственную красоту этого лица, когда оно было спокойно, составляла та красота, которая бываетъ неразлучна съ выраженіемъ добродушія, честности и ума.

Слѣдующій работникъ—братъ Адама: это видно съ перваго взгляда. Онъ почти такого-же роста и того-же саксонскаго типа: тѣ-же черты, тотъ-же цвѣтъ волосъ и лица; но сильное семейное сходство какъ будто еще рѣзче выставляетъ на видъ поразительную разницу въ выраженіи лицъ и складѣ фигуръ. Широкія плечи Сета немного сутуловаты; глаза у него сѣрые, брови не такъ выдаются и менѣе подвижны, чѣмъ у брата; взглядъ мягкій и довѣрчивый. Онъ снялъ теперь свою бумажную шапочку, и вы можете видѣть, что волосы у него не густые и прямые, какъ у Адама, а рѣдкіе и волнистые, что даетъ возможность хорошо разсмотрѣть очертанія выпуклой верхней части лба, замѣтно преобладающей надъ нижней.

Разные бродяги и нищіе были всегда заранѣе увѣрены, что они не уйдутъ отъ Сета съ пустыми руками; съ Адамомъ ни одинъ изъ нихъ никогда, кажется, и не заговаривалъ.

Нестройный концертъ рабочихъ инструментовъ и пѣнія Адама былъ, наконецъ, прерванъ Сетомъ. Приподнявъ дверь, надъ которой онъ до тѣхъ поръ старательно работалъ, Сетъ отставилъ ее къ стѣнѣ и сказалъ:

— Ну вотъ, я таки кончилъ сегодня свою дверь.

Всѣ четыре работника подняли головы. Джимъ Сольтъ, дюжій парень съ красно-рыжими волосами, по прозванію Огненный Джимъ, пересталъ строгать, а Адамъ быстро взглянулъ на Сета и проговорилъ съ удивленіемъ:

— Какъ? Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что ты кончилъ эту дверь?

— Конечно, отвѣчалъ Сетъ, въ свою очередь удивленный вопросомъ Адама:—чего-же ей не хватаетъ?

Громкій взрывъ хохота заставилъ Сета сконфуженно оглянуться на трехъ другихъ рабочихъ. Адамъ не смѣялся, но на лицѣ его мелькнула слабая улыбка, когда онъ сказалъ мягкимъ тономъ:

— А панели-то? Ты забылъ про панели.

Всѣ опять захохотали, а Сетъ схватился за голову и покраснѣлъ до ушей.

— Ура! закричалъ маленькій вертлявый человѣкъ, Бенъ-Волчекъ по прозванію, выскакивая впередъ и хватаясь за Сетову дверь.—Мы подвѣсимъ эту дверь вонъ въ томъ углу и напишемъ на ней: „Работа Сета Бида, методиста". Эй, Джимъ, повай-ка сюда горшокъ съ красной краской.

— Глупости! сказалъ Адамъ.—Оставь дверь, Бенъ Крэнеджъ. Когда-нибудь и ты, можетъ быть такъ-же проштрафишься; посмотримъ, какъ-то ты тогда посмѣешься.

— Ну нѣтъ, Адамъ, меня на этомъ не поймаешь! отвѣчалъ Бенъ.—Понадобится много времени, чтобъ начинить мою голову методизмомъ.

— За то она у тебя часто начинена водкой,—а это похуже.

Между тѣмъ Бенъ завладѣлъ таки горшкомъ съ красной краской и, собираясь воспроизвести свою надпись, въ видѣ предисловія, выписывалъ въ воздухѣ воображаемое *Р.*

— Оставь—тебѣ говорятъ! крикнулъ Адамъ. Положивъ свои инструменты, онъ шагнулъ къ Бену и схватилъ его за правое плечо.—Оставь сейчасъ, или я вытрясу изъ тебя душу!

Бенъ зашатался подъ желѣзной лапой Адама, но, будучи храбрымъ маленькимъ человѣчкомъ, и не подумалъ сдаться. Лѣвой рукой онъ выхватилъ кисть изъ своей безпомощной правой и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто собирался писать. Въ тотъ-же мигъ Адамъ повернулъ его къ себѣ, схватилъ за другое плечо и, толкая передъ собой, пригвоздилъ къ стѣнѣ. Но тутъ заговорилъ Сетъ:

— Оставь его, Адди, оставь! Бенъ у насъ всегда шутитъ. Да онъ и въ правѣ смѣяться надо мной: я и самъ не могу не смѣяться.

— Я не пущу его, пока онъ не пообѣщаетъ, что не дотронется до двери, сказалъ Адамъ.

— Ну, Бенъ, голубчикъ, перестань! Не будемъ изъ за этого ссориться, продолжалъ Сетъ убѣдительнымъ тономъ.—Ты вѣдь знаешь, Адамъ ни за что не уступитъ. Легче повернуть телѣгу въ узкомъ проулкѣ, чѣмъ переупрямить Адама. Скажи, что ты не будешь больше трогать двери, и на этомъ покончимъ.

— Я не боюсь Адама, отвѣчалъ Бенъ,—но разъ ты просишь, Сетъ,—изволь, я скажу: я больше не дотронусь до двери.

— Вотъ это такъ! что умно, то умно, сказалъ Адамъ, засмѣявшись, и выпустилъ Бена.

Всѣ принялись опять за работу, но Бену-Волчку, котораго

побѣдили въ состязаніи силы, хотѣлось вознаградить себя за это униженіе побѣдой въ остроуміи.

— О чемъ ты думалъ, Сетъ, когда забылъ про панели? заговорилъ онъ опять.—О проповѣди или о хорошенькомъ личикѣ проповѣдницы?

— Сходи ее послушать, Бенъ, отвѣчалъ Сетъ добродушно;— сегодня она будетъ говорить на лугу. Сходи, послушай,—можетъ быть, тогда у тебя будетъ о чемъ думать,—о чемъ-нибудь получше тѣхъ нечестивыхъ пѣсенъ, которыя ты такъ любишь. Можетъ быть, ты научишься вѣрить и молиться, а для тебя это будетъ лучшее пріобрѣтеніе, какого только можно тебѣ пожелать.

— Все въ свое время, Сетъ. Я объ этомъ подумаю, когда затѣю жениться: для холостяковъ такія пріобрѣтенія слишкомъ тяжелый грузъ. А можетъ быть, когда-нибудь и я по твоему примѣру соединю ухаживанье съ заботой о душѣ. Но вѣдь не хочешь-же ты, чтобъ я вмѣшался между тобой и хорошенькой проповѣдницей и подтибрилъ ее у тебя изъ подъ носа? Не хочешь-же ты обратить меня такой цѣной?

— Объ этомъ можешь не безпокоиться, Бенъ: ни тебѣ, ни мнѣ ее не прельстить. Ты только сходи и послушай ее, и ты не станешь больше говорить о ней въ легкомысленномъ тонѣ.

А знаешь, я, кажется, и въ самомъ дѣлѣ пойду сегодня взглянуть на нее, если въ „Остролистникѣ“ не соберется наша компанія. Какой текстъ возьметъ она сегодня? Не скажешь-ли ты мнѣ, Сетъ, на тотъ случай, если я опоздаю? Какъ она начнетъ: не такъ-ли: „Зачѣмъ пришли вы сюда? не затѣмъ-ли, чтобъ видѣть пророчицу? Да, говорю вамъ, и болѣе, чѣмъ пророчицу,— замѣчательно хорошенькую женщину“.

— Довольно, Бенъ, сказалъ Адамъ сурово.—Оставь въ покоѣ Библію; ты слишкомъ далеко заходишь.

— Какъ, Адамъ! Развѣ и тебя обратили? А мнѣ еще недавно казалось, что ты глухъ къ краснорѣчію проповѣдницъ.

— Никто меня не обращалъ. Я ничего не говорилъ о проповѣдницахъ. Я сказалъ: оставь въ покоѣ Библію. Есть у тебя твоя книжка анекдотовъ, которою ты постоянно хвастаешься,— ну, и довольствуйся ею и не касайся чистаго твоими грязными руками.

— Эге, да ты становишься святой не хуже Сета. Должно быть, и ты пойдешь нынче слушать проповѣдь? Ты можешь отлично дирижировать пѣніемъ. Не знаю только, что скажетъ пасторъ Ирвайнъ, когда узнаетъ, что его любимецъ Адамъ Бидъ сдѣлался методистомъ.

— Пожалуйста, Бенъ, обо мнѣ не хлопочи. Я такой-же методистъ, какъ и ты, хотя—смотри—какъ-бы тебѣ не сдѣлаться чѣмъ-нибудь похуже методиста,—что-то похоже на то. А мистеръ Ирвайнъ слишкомъ уменъ, чтобы путаться въ чужія дѣла. Каждый вѣритъ по своему; такъ-ли я вѣрю, или иначе, это дѣло только мое, да Божье—онъ это самъ много разъ говорилъ.

— Такъ-то оно такъ, а все таки не очень-то онъ жалуетъ вашихъ диссентеровъ.

— Можетъ быть; и я вотъ тоже не большой охотникъ до крѣпкаго эля Джоша Тода, однако, я не мѣшаю тебѣ имъ напиваться до чертиковъ,

Всѣ засмѣялись отвѣту Адама, но Сетъ сказалъ серьезно:

— Нѣтъ, Адди, ничью вѣру не слѣдуетъ приравнивать къ крѣпкому элю. Не можешь-же ты не признать, что диссентеры и методисты такъ-же тверды въ вѣрѣ, какъ и члены господствующей церкви.

— Нѣтъ, Сетъ, нѣтъ, я никогда не позволю себѣ смѣяться надъ вѣрой человѣка, какая бы она ни была. Пусть поступаютъ, какъ имъ совѣсть велитъ,—вотъ и все. Только, мнѣ кажется, было-бы лучше, еслибы совѣсть позволяла имъ оставаться мирными членами нашей церкви: тамъ можно многому научиться. И потомъ: вѣдь и въ вопросѣ религіи можно пересолить; человѣку на землѣ нужно кое-что и кромѣ Евангелія. Взгляни на каналы, на водопроводы, взгляни на машины въ угольныхъ шахтахъ, на Аркрайтовы мельницы въ Кромфордѣ: чтобы все это сдѣлать, нужно знать что-нибудь побольше Евангелія—такъ мнѣ сдается. А послушать твоихъ проповѣдниковъ, такъ подумаешь, что человѣкъ долженъ всю жизнь сидѣть, закрывши глаза, и наблюдать, что̀ дѣлается у него въ душѣ. Я знаю, мы должны всѣмъ сердцемъ любить Бога и помнить слово Божіе. Но что-же говорится въ Библіи?—Тамъ говорится, что Богъ вложилъ свой духъ въ работника, строившаго скинію, чтобъ онъ могъ достойнымъ образомъ выполнить всю рѣзную работу и все то, что требуетъ искусства. Я такъ смотрю на этотъ вопросъ: духъ Божій живетъ во всемъ и во всѣ времена—во всякій день и часъ, въ будни, какъ и въ воскресные дни; духъ Божій въ великихъ изобрѣтеніяхъ и работахъ, въ машинахъ и планахъ. Богъ далъ намъ не только душу, но и голову и руки, и если въ часъ досуга человѣкъ займется какимъ-нибудь дѣломъ,—сложитъ печку для жены, чтобъ избавить ее отъ лишней ходьбы по пекарнямъ, или покопается въ своемъ огородикѣ и добьется того, что вмѣсто одной картошки у него выростутъ двѣ,—онъ сдѣлаетъ больше добра и будетъ ближе къ Богу, чѣмъ еслибъ онъ бѣгалъ за какимъ-нибудь проповѣдникомъ и цѣлый день вздыхалъ и молился.

— Хорошо сказано, Адамъ! замѣтилъ Огненный Джимъ, который пересталъ строгать и перекладывалъ свои доски, пока Адамъ говорилъ.—Прекрасная проповѣдь; я давно такой не слыхалъ... Кстати, ты мнѣ напомнилъ: вотъ уже годъ, какъ жена пилитъ меня, чтобъ я сдѣлалъ ей печку.

— Въ томъ, что̀ ты говоришь, Адамъ, есть правда, промолвилъ Сетъ серьезно,—но ты и самъ отлично знаешь, что тѣ самыя проповѣди, на которыя ты такъ нападаешь, не одного лѣнтяя превратили въ дѣльнаго, работящаго человѣка. Кто дѣ-

лаетъ то, что кабаки пустѣютъ?—Проповѣдникъ. А научившись вѣрить въ Бога, человѣкъ не станетъ отъ этого хуже работать.

— Только иногда онъ будетъ забывать про панели.—А? Какъ ты думаешь, Сетъ? сказалъ Бенъ Волчекъ.

— Ну вотъ, теперь ты всю свою жизнь будешь поминать мнѣ про эти панели и поднимать меня на зубокъ. Но религія тутъ непричемъ; тутъ виновата не религія, а Сетъ Бидъ, который всегда былъ ротозѣемъ. Религія только не вылѣчила его отъ этого порока, и это очень жаль.

— Не слушай меня, Сетъ, сказалъ Бенъ.—Ты—добрый, честный парень, даромъ что забываешь про панели; ты не ершишься за каждую шутку, какъ нѣкоторые изъ твоихъ близкихъ, которые, быть можетъ, и умнѣе тебя.

— Сетъ, дружище, ты на меня не сердись, сказалъ Адамъ, не обращая вниманія на камешекъ, пущенный въ его огородъ.— Въ томъ, что́ я сейчасъ говорилъ, я и не думалъ намекать на тебя. У каждаго свой взглядъ на вещи: одинъ смотритъ такъ, а другой иначе.

— Нѣтъ, нѣтъ, Адди, ты не хотѣлъ меня обидѣть—я знаю, отвѣчалъ Сетъ.—Ты какъ твоя собака Джипъ: ты лаешь на меня иногда, а потомъ самъ-же лижешь мнѣ руку.

Нѣсколько минутъ всѣ руки прилежно работали, и молчаніе не нарушалось, пока часы на колокольнѣ не начали бить. Еще не замеръ первый ударъ, какъ Огненный Джимъ выпустилъ рубанокъ и потянулся за своей курткой; Бенъ Волчекъ оставилъ свой винтъ до половины незавинченнымъ и бросилъ отвертку въ корзину съ инструментами; Тафтъ—Нѣмой (который, оправдывая свое прозвище, ни разу не раскрылъ рта во все время описаннаго разговора) швырнулъ въ сторону молотокъ въ тотъ самый моментъ, когда собирался поднять его для удара, и даже Сетъ выпрямилъ спину и протянулъ руку къ своей шапочкѣ. Одинъ Адамъ продолжалъ работать, какъ будто ничего не случилось. Но замѣтивъ, что стукъ прекратился, онъ поднялъ голову и сказалъ негодующимъ тономъ:

— Что-же это такое, братцы! Еще часы не успѣли пробить, а вы уже побросали свои инструменты. Не могу видѣть, когда люди такъ дѣлаютъ!—точно они не находятъ никакого удовольствія въ своей работѣ и боятся перерабатать.

Сетъ немножко сконфузился и замедлилъ свои сборы, но тутъ въ первый разъ заговорилъ Тафтъ-Нѣмой:

— Эхъ, братецъ, ты говоришь такъ, потому-что ты еще молодъ. Въ двадцать шесть лѣтъ легко такъ говорить. А вотъ какъ поживешь съ мое,—какъ стукнетъ тебѣ сорокъ шесть,— тогда небось поубавится прыти, тогда не захочешь работать задаромъ.

— Вздоръ! сказалъ Адамъ съ сердцемъ.—Что значитъ здѣсь годы? Тебя еще не разбилъ параличъ, слава Богу. Терпѣть не могу, когда съ первымъ ударомъ часовъ у человѣка опускаются

руки, точно его подстрѣлили,—какъ будто онъ не находитъ ни капли наслажденія въ трудѣ, какъ будто онъ не гордится своей работой. Жерновъ—и тотъ не сразу останавливается послѣ того, какъ его перестанутъ вертѣть.

— Чортъ возьми, Адамъ! Оставь ты малаго въ покоѣ! крикнулъ Бенъ-Волчекъ.—Ты только-что бранилъ проповѣдниковъ,—а видно ты и самъ охотникъ проповѣдывать. Люби себѣ работу—никто тебѣ не мѣшаетъ, а я люблю больше забаву. Тебѣ это кстати, и на руку: больше работы останется на твою долю.

Съ этой прощальной рѣчью, по его мнѣнію, весьма убѣдительной, Бенъ-Волчекъ взвалилъ свою корзину на плечи и вышелъ изъ мастерской. Тафтъ-Нѣмой и Огненный Джимъ вышли вслѣдъ за нимъ. Сетъ медлилъ и тоскливо посматривалъ на Адама, какъ будто ожидалъ, что тотъ ему что-нибудь скажетъ.

— Зайдешь ты домой передъ проповѣдью? спросилъ Адамъ, поднимая голову.

— Нѣтъ, я оставилъ свое платье и шляпу у Вилля Маскери. Я буду дома только къ десяти. Я, можетъ быть, провожу домой Дину Моррисъ, если она согласится; ты вѣдь знаешь, отъ Пойзеровъ никто съ ней не ходитъ.

— Такъ я скажу матери, чтобъ она тебя не ждала.

— А ты не пойдешь сегодня къ Пойзерамъ? спросилъ застѣнчиво Сетъ, поворачиваясь, чтобъ уходить.

— Нѣтъ, я иду въ школу.

До этой минуты Джипъ и не думалъ вставать со своей уютной постели; онъ только поднялъ голову и, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Адама, когда увидѣлъ, что другіе работники выходятъ. Но какъ только Адамъ положилъ въ карманъ свою линейку и, скрутивъ въ трубочку свой передникъ, принялся подтыкать его вокругъ пояса, Джипъ подбѣжалъ къ хозяину и съ терпѣливымъ ожиданіемъ сталъ глядѣть ему въ лицо. Еслибъ у Джипа былъ хвостъ, онъ, безъ сомнѣнія, вилялъ-бы хвостомъ, но, будучи лишенъ этого орудія изъявленія собачьихъ чувствъ, онъ раздѣлялъ участь многихъ другихъ почтенныхъ особъ, обреченныхъ судьбой казаться болѣе вялыми, чѣмъ создала ихъ природа.

— Что, Джипъ? Корзины дожидаешься—а? сказалъ Адамъ, и въ голосѣ его зазвучали тѣ-же мягкія ноты, какъ когда онъ говорилъ съ Сетомъ.

Джипъ сдѣлалъ прыжокъ и залаялъ короткимъ, отрывистымъ лаемъ, какъ будто говорилъ! „Разумѣется“. Бѣдный песъ! Невеликъ былъ запасъ его способовъ изъясняться.

Адамъ говорилъ про корзину, въ которой они съ Сетомъ брали себѣ обѣдъ на работу, и никакое чиновное лицо, шествующее во главѣ торжественной процессіи, не могло-бы имѣть такого важнаго вида человѣка, рѣшительно не желаю-

шаго узнавать своихъ знакомыхъ, какой имѣлъ Джипъ, когда онъ трусилъ за своимъ хозяиномъ съ этой корзиной въ зубахъ.

Выйдя изъ мастерской, Адамъ замкнулъ дверь, вынулъ ключъ и понесъ его въ домъ, стоящій на другомъ концѣ двора. Это былъ низенькій домикъ съ соломенной крышей и съ изжелта сѣрыми стѣнами, смотрѣвшій при вечернемъ освѣщеніи какъ-то особенно весело и уютно. Окна сверкали безукоризненной чистотой, каменныя ступеньки крылечка блестѣли, какъ голыши во время отлива. На крыльцѣ стояла чистенькая старушка въ темненькомъ полосатомъ холстинковомъ платьѣ, въ бѣломъ чепцѣ и красной косыночкѣ на шеѣ, и разговаривала съ пестрыми курами, привлеченными, повидимому, обманчивымъ ожиданіемъ холодной картошки или ячменя. Старушка, должно быть, плохо видѣла, потому что она не узнала Адама, пока онъ не сказалъ:

— Вотъ ключъ, Долли; будьте добры, передайте хозяину.

— Хорошо. А развѣ вы не зайдете, Адамъ? Миссъ Мэри дома, а мистеръ Бурджъ скоро придетъ. Я знаю, онъ будетъ радъ, если вы останетесь ужинать.

Нѣтъ, Долли, спасибо, я иду домой. Добрый вечеръ.

Адамъ вышелъ изъ дровяного двора и зашагалъ большими шагами по дорогѣ изъ деревни въ долину. Джипъ не отставалъ отъ него ни на шагъ. Когда путникъ спустился съ холма, какой-то пожилой всадникъ съ привязаннымъ за сѣдломъ чемоданомъ, поровнявшись съ нимъ, остановилъ свою лошадь, пропустилъ его мимо и, обернувшись назадъ, проводилъ долгимъ взглядомъ красиваго, статнаго работника въ бумажной шапочкѣ, кожаныхъ брюкахъ и синихъ шерстяныхъ чулкахъ.

Не подозрѣвая о вызванномъ имъ восхищеніи, Адамъ свернулъ съ дороги въ поле и затянулъ ту пѣсню, что весь день не выходила у него изъ головы:

„Пусть рѣчь твоя всегда идетъ отъ сердца,
Какъ ясный день чиста твоя пусть будетъ совѣсть,
Господь, вѣдь, знаетъ все: Всевидящему Оку
Открыто все—дѣла и помыслы твои“.

ГЛАВА II.

ПРОПОВѢДЬ.

Около семи часовъ вечера въ деревенькѣ Гейслопъ было замѣтно необычайное оживленіе. По всей длинѣ маленькой улицы, отъ „Герба Доннитторновъ“ до самаго кладбища, виднѣлись обитатели деревушки, привлеченные сюда, очевидно, не простымъ желаніемъ насладиться теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, а чѣмъ-то поважнѣе. Гостинница „Гербъ Доннитторновъ“

стояла при въѣздѣ въ деревню, и примыкавшіе къ дому хлѣбный дворъ и сѣнной сарай свидѣтельствовали о томъ, что заведеніе арендуетъ хорошенькій участокъ земли, и сулили путнику сытный обѣдъ для него самого и для его коня; такимъ образомъ онъ могъ вполнѣ утѣшиться и не слишкомъ горевать о томъ, что полинявшая отъ дождей вывѣска оставляла его въ полномъ невѣдѣніи насчетъ геральдическихъ аттрибутовъ древняго рода Доннитороновъ. Мистеръ Кассонъ, хозяинъ гостинницы, уже нѣсколько минутъ стоялъ въ дверяхъ своего заведенія, заложивъ руки въ карманы, перекачиваясь съ каблуковъ на носки и поглядывая вбокъ, на неогороженную лужайку съ развѣсистымъ кленомъ посерединѣ, куда, какъ ему было извѣстно, направлялись группы солиднаго вида мужчинъ и женщинъ, проходившія мимо него.

Наружность мистера Кассона была отнюдь не такого заурядного типа, чтобъ ее можно было пройти молчаніемъ. Съ передняго фаса его особа имѣла видъ двухъ шаровъ, состоящихъ приблизительно въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу, какъ земля къ лунѣ: другими словами, если опредѣлять на глазомѣръ, нижній шаръ былъ разъ въ тринадцать больше верхняго, который, такимъ образомъ, естественно игралъ роль простого спутника или придатка. Но на этомъ сходство кончалось, ибо голова мистера Кассона не имѣла ничего общаго съ меланхоличнымъ спутникомъ земли или съ „пятнистымъ шаромъ“, какъ непочтительно назвалъ луну Мильтонъ; напротивъ, едвали были гдѣ-нибудь на землѣ другія голова и лицо, которыя сіяли-бы такимъ завиднымъ здоровьемъ, и выраженіе этого лица, сосредоточенное, главнымъ образомъ, въ двухъ круглыхъ, румяныхъ щекахъ (ибо о маленькой пуговкѣ вмѣсто носа и нарушающихъ гармонію щекъ крошечныхъ ямкахъ для глазъ не стоитъ и говорить) было выраженіемъ довольства и веселья, умѣряемыхъ единственно лишь чувствомъ собственнаго достоинства, отличавшимъ каждое движеніе мистера Кассона. Едвали, впрочемъ, чувство собственнаго достоинства можно было назвать преувеличеннымъ въ человѣкѣ, который пятнадцать лѣтъ прослужилъ дворецкимъ при „фамиліи“ и который, занимая свое теперешнее высокое положеніе, по необходимости постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ низшими. Какъ примирить это достоинство съ удовлетвореніемъ естественнаго чувства любопытства, тянувшаго его на лужайку,—было задачей, которую вотъ уже пять минутъ, какъ мистеръ Кассонъ рѣшалъ въ своемъ умѣ; но въ тотъ моментъ, когда онъ уже рѣшилъ ее на половину,—когда онъ вынулъ руки изъ кармановъ, засунулъ большіе пальцы за проймы жилета и, скрививъ голову на бокъ, вооружился видомъ презрительнаго равнодушія ко всему, что могло попасться ему на глаза,—его размышленія были прерваны приближеніемъ всадника, — того самаго, съ которымъ

мы недавно познакомились, когда онъ остановилъ свою лошадь, чтобы взглянуть хорошенько на нашего друга Адама, и который теперь подъѣхалъ къ „Гербу Доннитторновъ“.

— Эй, малый! Разнуздай и напой мою лошадь, сказалъ путешественникъ молодому парню въ рабочей курткѣ, выбѣжавшему за ворота на стукъ лошадиныхъ подковъ.—Хозяинъ, что у васъ такое тутъ происходитъ? продолжалъ онъ, слѣзая съ коня.—Вся деревня въ движеніи.

— Это методисты, сэръ, методистская проповѣдь. Было объявлено, что одна методистка, молодая женщина, будетъ сегодня говорить на лугу, отвѣчалъ мистеръ Кассонъ сиплымъ фальцетомъ и не безъ аффектаціи.—Не угодно-ли войти? Не прикажете-ли чего-нибудь подать?

— Нѣтъ, мнѣ надо въ Россетеръ. Я хотѣлъ только коня напоить....

А любопытно, какъ относится вашъ пасторъ къ тому, что у него подъ носомъ проповѣдуютъ молодыя женщины?

— Пасторъ Ирвайнъ, сэръ, здѣсь не живетъ; онъ живетъ въ Боркстонѣ, тамъ, за горой. Здѣшній пасторскій домъ пришелъ въ разрушеніе, и господамъ нельзя въ немъ жить. Мистеръ Ирвайнъ пріѣзжаетъ къ намъ по воскресеньямъ и вечеромъ говоритъ у насъ проповѣдь, а лошадь свою у меня оставляетъ. У него сѣрая кобыла, сэръ, и онъ очень ее бережетъ. Онъ всегда ставилъ коня въ этомъ заведеніи,—еще раньше, чѣмъ, оно перешло въ мои руки. Я не здѣшній уроженецъ, сэръ, вы вѣрно замѣтили по моему говору. Чудно говоритъ здѣшній народъ; господамъ и понять то ихъ трудно. Я выросъ между господми, сэръ, и съ измальства наломалъ свой языкъ на господскій манеръ. А здѣсь развѣ языкъ?

Здѣсь не языкъ, а *дилектъ**). Я самъ сколько разъ слышалъ,

*) Т. е. діалектъ.

какъ сквайръ Доннитторнъ говорилъ: „Такой ужъ у нихъ здѣсь дилектъ“.

— Да, да, я знаю, проговорилъ, улыбаясь, незнакомецъ—Но скажите—развѣ у васъ здѣсь много методистовъ? Вѣдь вашъ округъ земледѣльческій. Я думалъ, здѣсь и встрѣтить-то методиста за рѣдкость. Вы вѣдь всѣ фермеры, не такъ-ли? А фермеры не очень то поддаются методистамъ.

— Въ нашей округѣ много ремесленниковъ, сэръ. Вонъ тамъ живетъ мистеръ Буржъ, владѣлецъ дровяного двора; онъ беретъ большіе подряды на постройки и на ремонтъ старыхъ зданій. А немного подальше каменоломня. Въ нашихъ мѣстахъ есть всякія профессіи, сэръ. А въ Треддльстонѣ у насъ цѣлая свора этихъ методистовъ. (Треддльстонъ—хорошій городокъ, съ рынкомъ,—можетъ вы проѣзжали мимо, сэръ?). Вотъ и сейчасъ ихъ понаѣхало оттуда нѣсколько дюжинъ: вонъ они тамъ, на лугу. Такъ вотъ откуда, сэръ, мы беремъ методистовъ, хотя во всемъ Гейслопѣ у насъ ихъ только два че-

ловѣка: Вилль Маскери, колесникъ, да Сетъ Бидъ, молодой парень, занимается плотничнымъ дѣломъ.

— Такъ значитъ проповѣдница изъ Треддльстона?

— Нѣтъ, сэръ, она изъ Стонишайра; отсюда будетъ миль тридцать.

Она гоститъ здѣсь у мистера Пойзера на Большой Фермѣ—видите?—вонъ тамъ налѣво, гдѣ гумно и высокія орѣшины. Она родная племянница жены Пойзера. Воображаю, какъ имъ должно быть пріятно, что она строитъ изъ себя такую дуру! Но этихъ методистовъ, когда имъ вступитъ въ голову, ничѣмъ, говорятъ, не проймешь; многіе съ ума сходятъ изъ за своей религіи. Впрочемъ эта молодая женщина на видъ совсѣмъ смирная—такъ я слышалъ; самъ я ея не видалъ.

— Жаль, что у меня такъ мало времени! Мнѣ очень хотѣлось-бы взглянуть на нее, да надо ѣхать. Я и то уже потерялъ двадцать минутъ: свернулъ съ дороги нарочно, чтобы посмотрѣть вашу долину и вонъ ту усадьбу. Это сквайра Донниторна имѣнье, должно быть?

— Такъ точно, сэръ, это замокъ Доннитороновъ. Чудесные дубы, не правда-ли, сэръ? Я хорошо знаю это имѣнье, да и какъ мнѣ не знать? Пятнадцать лѣтъ я прослужилъ тамъ дворецкимъ. Наслѣдникъ теперь—капитанъ Донниторнъ, внукъ сквайра. Нынѣшней осенью послѣ пожинокъ празднуютъ его совершеннолѣтіе, сэръ. Какихъ только чудесъ мы не насмотримся!... Всѣ здѣшнія земли, сэръ,—все, что вы видите, все—его, сквайра Донниторна.

— Мѣстечко хорошенькое, кому бы оно ни принадлежало, сказалъ путешественникъ, садясь на лошадь.—И какіе здоровые молодцы здѣсь у васъ попадаются! Съ полчаса тому назадъ я встрѣтилъ подъ горой молодого парня—такого богатыря, какихъ я рѣдко видѣлъ. Плотникъ, высокій, широкоплечій малый, черноволосый и черноглазый; шагалъ, какъ солдатъ. Намъ нужны такіе молодцы, чтобъ утереть носъ французамъ.

— А—а, это Адамъ Бидъ. Навѣрное онъ—готовъ побожиться! Сынъ Тіаса Бида; здѣсь всѣ его знаютъ. Онъ очень способный малый, хорошій работникъ и замѣчательно силенъ. Помилуй Богъ мою душу!—вы извините меня, сэръ, что я съ вами такъ говорю,—да ему ни почемъ пройти сорокъ миль въ день и поднять десять пудовъ. Господа очень его любятъ; капитанъ Донниторнъ и пасторъ Ирвайнъ носятся съ нимъ, какъ и нивѣсть съ какимъ сокровищемъ. Хорошій парень, только немножко задираетъ носъ и иа языкъ рѣзокъ.

— Ну, мнѣ, однако, пора. Добрый вечеръ, хозяинъ.

— Вашъ слуга, сэръ; добрый вечеръ.

Путешественникъ пустилъ свою лошадь крупнымъ шагомъ вдоль по деревнѣ; но когда онъ поровнялся съ лужайкой, красота открывшейся справа картины, странный контрастъ между

пестрыми групами крестьянъ и кучкой методистовъ, собравшихся подъ кленомъ, а главное—любопытство видѣть молодую проповѣдницу,—пересилили въ немъ нетерпѣніе поскорѣе добраться до цѣли своего путешествія, и онъ остановился.

Лужайка раскинулась на выѣздѣ изъ деревни. Въ этомъ мѣстѣ дорога развѣтвлялась на двѣ: одна вела дальше въ гору, мимо церкви; другая, слегка извиваясь, отлого спускалась въ долину. За лужайкой, со стороны церкви, прерваннный рядъ крытыхъ соломой домиковъ возобновлялся и тянулся почти до самаго кладбища, но съ противуположной, сѣверозападной стороны ничто не закрывало вида лѣсистой долины, отлого спускающихся къ ней зеленыхъ луговъ и темнѣющей вдали громады высокихъ холмовъ. Этотъ богатый растительностью, холмистый округъ Ломшайра (къ которому принадлежала и деревня Гейслопъ) вплотную прилегаетъ къ одной изъ унылыхъ окраинъ Стонишайра съ нависшими надъ ней обнаженными холмами: веселая долина жмется къ своему угрюмому сосѣду, точно молоденькая, цвѣтущая сестра, опирающаяся на руку высокаго, смуглаго, мужественнаго брата. Какихъ нибудь два, три часа ѣзды, и изъ пустынной, оголенной мѣстности, перерѣзанной грядами холодныхъ сѣрыхъ каменныхъ глыбъ, путникъ попадаетъ въ новый край, гдѣ путь его пролегаетъ по лѣсамъ, подъ тѣнистыми деревьями, или по холмамъ, между рядовъ живыхъ изгородей, между луговъ съ высокой травой и роскошными нивами, и гдѣ на каждомъ поворотѣ онъ натыкается на какую-нибудь красивую старинную усадьбу, пріютившуюся въ долинѣ или увѣнчивающую собою вершину холма, на какое-нибудь деревенское жилье съ длиннымъ низкимъ зданіемъ гумна и золотистыми скирдами хлѣба, на сѣрую колокольню, выглядывающую изъ за группы живописно обступившихъ ее деревьевъ и соломенныхъ или темнокрасныхъ черепичныхъ крышъ. Такую именно картину представила нашему путнику Гейслопская церковь, когда онъ началъ подниматься по покатому склону холма, и теперь, съ того мѣста у лужайки, гдѣ онъ остановился, передъ нимъ открылись почти всѣ другія типическія черты этой очаровательной мѣстности. На самомъ краю горизонта, но не настолько далеко, чтобы теряться въ таинственной пурпурной дымкѣ тумана, высились огромныя коническія вершины холмовъ, словно гигантскія укрѣпленія, предназначенныя защищать эту область хлѣбовъ и луговъ отъ рѣзкихъ, холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Ихъ темнозеленые склоны отчетливо виднѣлись вдали, усѣянные стадами овецъ, движенія которыхъ можно было только угадывать по памяти, а не различать глазомъ. Изо дня въ день слѣдили угрюмыя вершины за смѣной часовъ и временъ года, но сами ни въ чемъ не мѣнялись: веселый блескъ яснаго зимняго утра, крылатые отблески апрѣльскаго полдня, прощальный пурпуръ плодотворнаго лѣтняго солнца, уходя, оста-

вляли ихъ все такими-же печальными и угрюмыми. А прямо подъ ними глазамъ открывались болѣе близкіе предметы: ровная линія нависшаго надъ долиной лѣса по склонамъ, тамъ и сямъ перерѣзаннаго зелеными проплѣшинами пастбищъ или пашни и еще не одѣвшагося однообразнымъ лиственнымъ покровомъ середины лѣта, а позволяющаго различать темные тоны листвы молодыхъ дубовъ и нѣжную зелень ясеня и липы. Еще ниже тянулась долина, гдѣ лѣсъ становился гуще, какъ будто деревья нарочно скатились внизъ съ тѣхъ зеленыхъ прогалинъ и столпились здѣсь, чтобъ лучше оберегать высокій замокъ, тянувшійся къ небу своими высокими парапетами и выпускавшій между ними тонкія голубоватыя струйки лѣтняго дыма. Передъ фасадомъ замка навѣрно были и большой тѣнистый паркъ, и широкій зеркальный прудъ, но зеленый выступъ холма не позволялъ нашему путнику видѣть ихъ съ деревенской лужайки. За то передъ нимъ разстилался передній планъ картины, не менѣе привлекательный: заходящее солнце просвѣчивало золотомъ сквозь нѣжно склонившіеся стебли пушистой травы, прозрачнымъ золотомъ заливало высокій красный щавель и бѣлые вѣнчики болиголова на живыхъ изгородяхъ. Была та пора лѣта, когда свистъ натачиваемыхъ косъ заставляетъ насъ бросать долгіе прощальные взгляды на цвѣты, которыми пестрѣютъ луга.

Нашъ путешественникъ могъ бы увидѣть и другія красоты ландшафта—стоило ему только немного повернуться въ сѣдлѣ и взглянуть на востокъ, туда, гдѣ за дровянымъ дворомъ и лугомъ Джонатана Бурджа виднѣлись зеленыя пашни и высокія орѣшины Большой Фермы; но, должно быть, его больше интересовала группа живыхъ существъ, бывшихъ передъ нимъ. Тутъ собралась вся деревня отъ мала до велика,—начиная съ „дѣдушки Тафта“ въ его коричневомъ шерстяномъ колпакѣ и съ коротенькой дубинкой, на которую онъ опирался, перегнувшись почти пополамъ, но все еще такой бодрый и крѣпкій, что, казалось, ноги будутъ носить его еще много лѣтъ,—и кончая грудными ребятами съ болтающимися круглыми головенками въ полотняныхъ чепцахъ. Отъ времени до времени появлялись новыя лица,—какой-нибудь крестьянинъ, неповоротливый парень, который, уписавши свой ужинъ, вышелъ взглянуть на необычную сцену тупыми, воловьими глазами, и послушать, что́ будетъ говорить о ней народъ, но отнюдь не настолько заинтересованный, чтобъ предлагать вопросы. И замѣчательно: всѣ эти люди на лужайкѣ старательно избѣгали смѣшиваться съ методистами; ни одинъ изъ нихъ ни за что бы не признался, что онъ пришелъ послушать проповѣдницу, и каждый съ негодованіемъ отвергъ бы такое подозрѣніе.—Нѣтъ, вовсе нѣтъ!—они пришли только взглянуть, „что тамъ такое дѣлается“. Большинство мужчинъ столпилось подлѣ кузницы. Но не воображайте, пожалуйста, что они столпились въ кучу.

Крестьяне, желая побесѣдовать, никогда не сходятся тѣсной толпой: крестьянинъ совершенно не умѣетъ шептаться и почти такъ же мало способенъ говорить въ полголоса, какъ корова или козелъ. Настоящій деревенскій житель, земледѣлецъ, непремѣнно повернется спиной къ своему собесѣднику и кинетъ ему вопросъ черезъ плечо, какъ будто собирается убѣжать отъ отвѣта, да еще отойдетъ шага на два въ тотъ самый моментъ, когда діалогъ достигнетъ наивысшаго градуса интереса. Итакъ, толпа подлѣ кузницы отнюдь не была плотной толпой и не закрывала вида Чеду Крэнеджу, самому кузнецу, который стоялъ въ дверяхъ, прислонившись къ косяку и скрестивъ свои черныя отъ копоти руки, и черезъ каждыя десять минутъ хохоталъ лошадинымъ смѣхомъ собственнымъ своимъ шуткамъ, отдавая имъ замѣтное предпочтеніе передъ сарказмами Бена-Волчка, отказавшагося отъ пріятнаго времяпрепровожденія въ „Остролистникѣ“ ради удовольствія понаблюдать жизнь въ новыхъ формахъ. Но мистеръ Джошуа Раннъ относился съ одинаковымъ презрѣніемъ къ обоимъ родамъ остроумія. Кожаный фартукъ и меланхолическій видъ мистера Ранна ни въ комъ не оставляютъ сомнѣнія, что обладатель ихъ—деревенскій башмачникъ; а выдающіеся впередъ животъ и подбородокъ суть уже болѣе тонкіе признаки, долженствующіе подготовить простодушнаго чужестранца къ открытію, что онъ находится въ присутствіи приходскаго клерка. „Старикашка Джошъ“, какъ его непочтительно называютъ сосѣди, пребываетъ въ состояніи самаго пылкаго негодованія; но онъ еще не раскрывалъ рта, если не считать одного раза, когда онъ пустилъ въ полголоса глубокимъ, дребезжащимъ басомъ, точно настраивалъ віолончель: „Сигона, царя Аморрейскаго, ибо во вѣкъ милость Его; и Ога, царя Васанскаго, ибо во вѣкъ милость Его“.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта цитата не имѣетъ большой связи съ обстоятельствами данной минуты, но основательное изслѣдованіе не замедлитъ показать, что (какъ и всѣ другія аномаліи) она является естественнымъ выводомъ изъ предыдущаго. Мистеръ Раннъ отстаивалъ мысленно достоинство истинной Церкви передъ скандалезнымъ вторженіемъ методизма, а такъ какъ въ его представленіи это достоинство было неразрывно связано съ собственными его звучными отвѣтными возгласами во время церковной службы, то аргументація его естественно привела ему на память цитату изъ псалма, который онъ читалъ за вечерней въ прошлое воскресенье.

У женщинъ любопытство выражалось еще сильнѣй. Онѣ подошли къ самому краю лужайки, откуда можно было лучше разсмотрѣть квакерскій костюмъ и своеобразныя манеры методистокъ. Подъ кленомъ стояла небольшая повозка, которую прикатили сюда отъ колесника; она должна была служить кафедрой; по обѣ ея стороны поставили двѣ скамьи и съ деся-

токъ стульевъ полукругомъ. Нѣсколько человѣкъ методистовъ сидѣли на этихъ стульяхъ, закрывши глаза, съ такимъ видомъ, какъ будто они были погружены въ молитву или размышленіе. Остальные предпочитали стоять и, обратившись лицомъ къ группѣ крестьянъ, смотрѣли на нихъ съ грустнымъ состраданіемъ, что очень забавляло Бесси Крэнеджъ, толстощекую дочку кузнеца, извѣстную между сосѣдями подъ именемъ Чедовой Бессъ и въ настоящую минуту недоумѣвавшую, „зачѣмъ это люди строятъ такія рожи". Чедова Бессъ была предметомъ особеннаго состраданія методистовъ вслѣдствіе того, что ея зачесанные назадъ волосы, подвернутые подъ чепчикъ, сидѣвшій на самой макушкѣ ея головы, оставляли открытымъ украшеніе, которымъ она гордилась гораздо больше, чѣмъ своими румяными щечками, а именно—пару большихъ круглыхъ серегъ съ поддѣльными гранатами. Украшеніе это осуждали не только методисты, но и собственная кузина и тёзка Бесси—Тимофеева Бессъ: съ истинно родственнымъ чувствомъ эта особа часто повторяла, что „ужъ посмотрите, эти серьги не доведутъ до добра".

Тимофеева Бессъ, удержавшая за собой въ кругу близкихъ свое дѣвичье имя, была тѣмъ не менѣе замужемъ—и уже давно—за Огненнымъ Джимомъ и тоже владѣла своего рода драгоцѣнными украшеніями, изъ коихъ достаточно будетъ упомянуть о тяжеловѣсномъ младенцѣ, сидѣвшемъ у нея на рукахъ, и о здоровенномъ мальчишкѣ лѣтъ пяти въ коротенькихъ штанишкахъ и съ голыми красными икрами, который навѣсилъ себѣ на шею вмѣсто барабана ржавую кастрюльку и котораго весьма старательно избѣгала маленькая собаченка Чеда. Сей юный отпрыскъ (извѣстный всей деревнѣ подъ именемъ Бена Тимофеевой Бессъ), отличаясь любознательнымъ нравомъ, не сдерживаемымъ ложною скромностью, отдѣлился отъ группы женщинъ и дѣтей и разгуливалъ теперь вокругъ методистовъ съ разинутымъ ртомъ, заглядывая имъ въ глаза и въ видѣ аккомпанимента отбивая палочкой барабанную дробь по своей кастрюлѣ. Когда же одна старуха методистка нагнулась къ нему съ сердитымъ лицомъ и взяла было его за плечо, Бенъ Тимофеевой Бессъ лягнулъ ее ногой, а потомъ пустился удирать во всѣ лопатки и успокоился только тогда, когда почувствовалъ себя въ безопасности за прикрытіемъ отцовскихъ ногъ.

— Ахъ, ты висѣльникъ! сказалъ ему Огненный Джимъ съ родительской гордостью.—Если ты не угомонишься, я отниму у тебя эту палку. Какъ ты смѣешь лягаться!

— Отдай его мнѣ, Джимъ, сказалъ Чедъ Крэнеджъ;—я привяжу его и подкую, какъ я дѣлаю съ лошадьми... А, мистеръ Кассонъ, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что эта важная персона небрежнымъ шагомъ подходитъ къ группѣ мужчинъ. — Какъ поживаете? Поплакать съ нами пришли, постонать? Говорятъ, когда слушаешь методистовъ, такъ непремѣнно стонешь—все,

равно, какъ если животъ заболитъ. Я собираюсь стонать на всю улицу — не хуже того, какъ ревѣла ваша корова прошлую ночь; тогда проповѣдница будетъ увѣрена, что обратила меня на истинный путь.

— Совѣтую вамъ не дѣлать глупостей, Чэдъ, проговорилъ съ достоинствомъ мистеръ Кассонъ. — Хоть Пойзеру, можетъ быть, и непріятно, что племянница его жены затѣяла проповѣдывать, а все-таки едвали онъ будетъ доволенъ, если узнаетъ, что къ ней отнеслись непочтительно.

— А она премиленькая, замѣтилъ Бенъ Волчекъ.—Я всегда буду стоять за хорошенькихъ проповѣдницъ. Я знаю одно: хорошенькая женщина убѣдитъ меня гораздо скорѣе, чѣмъ какой-нибудь уродъ проповѣдникъ. Меня не удивитъ, если къ концу вечера я превращусь въ методиста и начну волочиться за проповѣдницей по примѣру Сета Бида.

— Твой Сетъ, сдается мнѣ, слишкомъ высоко мѣтитъ, сказалъ мистеръ Кассонъ.—Родня этой дѣвушки никогда не допуститъ ее унизиться до простого плотника.

— Ну, вотъ еще! протянулъ съ презрѣніемъ Бенъ.—Съ какой стати роднѣ путаться въ эти дѣла? Да и что они за важныя птицы! Жена Пойзера можетъ задирать носъ, сколько ея душѣ угодно, и забывать прошлое, но эта Дина Моррисъ, говорятъ, даже бѣднѣе, чѣмъ была ея тетка; она работаетъ на фабрикѣ и этимъ кормится съ грѣхомъ пополамъ. Хорошій работникъ, молодой парень, да еще такой убѣжденный методистъ, какъ Сетъ Бидъ, совсѣмъ не дурная для нея партія. Да чего вамъ лучше? Съ Адамомъ Бидомъ тѣ же самые Пойзеры носятся, какъ съ самымъ близкимъ роднымъ.

— Пустое болтаешь! — сказалъ мистеръ Джошуа Раннъ. — Адамъ и Сетъ два разные человѣка; развѣ ихъ можно сравнять?

— Можетъ быть, и нельзя,—отозвался презрительно Бенъ,— но я предпочитаю Сета, будь онъ хоть двадцать разъ методистъ. Сетъ меня совсѣмъ покорилъ: съ тѣхъ поръ, какъ мы работаемъ вмѣстѣ, я его постоянно дразню, и онъ никакого зла противъ меня не имѣетъ,—точно ягненокъ. А между тѣмъ онъ далеко не трусъ. Какъ-то разъ ночью шли мы съ нимъ по полю и вдругъ видимъ — горитъ старое дерево, — такъ все и пылаетъ. Я подумалъ — оборотень, испугался, а онъ, недолго думая, такъ прямо и пошелъ на него, какъ солдатъ.... А вотъ и онъ! Выходитъ отъ Вилля Маскери, и самъ Вилль съ нимъ идетъ. Что за добродѣтельный видъ у этого Вилля!—по гвоздю молоткомъ, и то, кажется, не рѣшится ударить—побоится сдѣлать ему больно.... А вотъ и хорошенькая проповѣдница.... Шляпку сняла, клянусь Богомъ! Надо подойти поближе.

Нѣкоторые изъ мужчинъ послѣдовали примѣру Бена. Путешественникъ тоже подъѣхалъ къ лужайкѣ въ тотъ моментъ, когда Дина, отдѣлившись отъ своихъ товарокъ, быстрымъ шагомъ подходила къ повозкѣ, стоявшей подъ кленомъ. Подлѣ

высокой фигуры Сета дѣвушка казалась маленькой; но теперь, когда она стояла въ повозкѣ одна и не съ кѣмъ было ее сравнивать, всякій сказалъ бы, что она выше средняго женскаго

Дина Моррисъ

роста, хотя въ дѣйствительности она была и не выше. Это впечатлѣніе зависѣло отъ того, что она была очень тонка, а также отъ ея костюма—чернаго шерстяного платья, падавшаго вокругъ ея стана прямыми, ровными складками. Увидѣвъ ее, какъ она шла и потомъ поднялась на повозку, путешественникъ былъ пораженъ, — пораженъ не столько нѣжной женственностью всего ея существа, сколько полнымъ отсутствіемъ самоувѣренности въ ея манерѣ держаться. Онъ ожидалъ, что она будетъ выступать размѣреннымъ шагомъ, съ скромно-торжественнымъ видомъ; онъ былъ увѣренъ, что на лицѣ ея будетъ играть улыбка сознательной святости, или что оно будетъ пылать горькимъ обличеніемъ. Онъ зналъ только два типа методистовъ — восторженный и желчный. Но Дина шла такъ просто, точно отправлялась на рынокъ, и такъ же мало, повидимому, думала о своей внѣшности, какъ какой-нибудь маленькій мальчикъ. Ни румянца смущенія, ни робкой нерѣшительности, которыя бы говорили: „Я знаю, вы находите меня хорошенькой и слишкомъ молодой для проповѣдницы“; ни воздѣтыхъ къ небу глазъ, ни стыдливо опущенныхъ рѣсницъ, ни крѣпко сжатыхъ губъ, ни неестественнаго положенія рукъ,—ничего, что бы добавляло: „но знайте,—я святая“. Въ ея рукахъ (безъ перчатокъ) не было книги; слегка скрестивъ пальцы, она опустила ихъ прямо передъ собой, когда встала въ повозкѣ и обвела толпу своими сѣрыми глазами. Въ этихъ глазахъ не было острой пытливости; они не наблюдали, а скорѣе разливали любовь; это былъ тотъ ясный, влажный взглядъ, который говоритъ вамъ, что умъ человѣка поглощенъ тѣмъ, что ему предстоитъ высказать, и не замѣчаетъ внѣшнихъ предметовъ. Она стояла, повернувшись лѣвымъ бокомъ къ заходящему солнцу; густыя вѣтви клена защищали ее отъ его лучей, но въ этомъ тепломъ полусвѣтѣ нѣжный колоритъ ея лица, какъ цвѣты по вечерамъ, пріобрѣталъ, казалось, какую-то особенную живую и тихую прелесть. Это было маленькое продолговатое личико прозрачной, ровной бѣлизны, съ яйцеобразной линіей щеки и подбородка, съ довольно полнымъ, но твердо очерченнымъ ртомъ, съ тонкими ноздрями и прямымъ низкимъ лбомъ, выступавшимъ высокимъ мыскомъ между двумя гладкими прядями свѣтлыхъ, слегка рыжеватыхъ волосъ. Волосы были зачесаны за уши совершенно гладко, и кромѣ узенькой — не больше двухъ дюймовъ — полоски надо лбомъ, прикрывались простымъ квакерскимъ чепчикомъ. Брови, одного цвѣта съ волосами, были прямыя и рѣзко очерченныя; рѣсницы, не темнѣе бровей,—длинныя и густыя. Въ этомъ лицѣ не было ничего незаконченнаго, ни одной скомканной или недодѣланной черты. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя невольно приводятъ на память бѣлые цвѣты съ чуть-чуть розоватыми краешками ихъ чистыхъ лепестковъ. Въ глазахъ не было никакой особенной красоты, кромѣ красоты

выраженія: они глядѣли такъ просто, такъ открыто, такъ серьезно-любовно, что самое строгое осужденіе, самая легкомысленная насмѣшка не могли не смутиться передъ этимъ взглядомъ.

Джошуа Раннъ закашлялся, какъ будто прочищая горло, но очевидно съ тѣмъ, что бы дать себѣ время придти къ новому соглашенію съ самимъ собой. Чедъ Крэнеджъ приподнялъ свою кожаную шапочку и почесалъ въ затылкѣ, а Бенъ Волчекъ съ недоумѣніемъ спросилъ себя, какъ хватаетъ смѣлости у Сета помышлять объ ухаживаніи за такой женщиной.

„Прелестная женщина", подумалъ незнакомецъ, „но ужъ, конечно, создавая ее, природа меньше всего предназначала ее въ проповѣдницы".

Быть можетъ онъ принадлежалъ къ числу людей, полагающихъ, что прибѣгаютъ къ пріемамъ драматурговъ и, заботливо приходя на помощь искусству и психологіи, создаютъ свои характеры такъ, чтобъ ужъ не могло выйти никакой ошибки на этотъ счетъ.... Но Дина заговорила.

— Дорогіе друзья,—начала она отчетливо, но не громко,— помолимся.

Она закрыла глаза и, опустивъ немного голову, продолжала тѣмъ же ровнымъ тономъ, не возвышая голоса, какъ будто говорила съ кѣмъ-нибудь, стоявшимъ рядомъ съ ней.

— Спаситель грѣшниковъ! Когда бѣдная женщина, отягченная грѣхами, пришла къ колодцу за водой, она застала Тебя сидящимъ у колодца. Она не знала Тебя, не искала Тебя. Въ душѣ ея была тьма, жизнь проходила въ грѣхѣ. Но Ты заговорилъ съ нею, Ты научилъ ее, Ты показалъ ей, что вся ея жизнь открыта Тебѣ,—и все таки не отказалъ ей въ прощеніи, котораго она никогда не искала.... Іисусъ! Ты посреди насъ и Ты читаешь въ сердцахъ нашихъ. Если есть между нами такіе, какъ та бѣдная женщина,—если въ душѣ ихъ тьма, и жизнь ихъ проходитъ въ грѣхѣ, и если не искать Тебя пришли они сюда и не поучаться,—яви имъ милосердіе Свое, какъ Ты явилъ его той женщинѣ. Заговори съ ними, Господи, отверзи ихъ уши словамъ посланія моего, сдѣлай, чтобы грѣхи ихъ предстали передъ ними, и чтобъ они возжаждали спасенія, которое Ты хочешь имъ дать.

— Господи! Ты всегда съ Твоими. Они видятъ Тебя среди ночного бдѣнія, и сердце въ нихъ горитъ, когда Ты говоришь съ ними у дороги. Ты близокъ и къ тѣмъ, кто никогда не зналъ Тебя: открой же глаза ихъ, чтобъ они могли Тебя видѣть,—видѣть Тебя плачущимъ надъ ними и говорящимъ: „Всякій, кто оставитъ отца и мать, и братьевъ и сестеръ.... и земли ради имени Моего.... наслѣдуетъ жизнь вѣчную";—видѣть Тебя висящимъ на крестѣ и говорящимъ: „Отче, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ";—видѣть Тебя, когда Ты придешь со славой судить ихъ въ послѣдній день. Аминь.

Дина замолчала, открыла глаза и обвела взглядомъ группу крестьянъ, стоявшихъ у нея по лѣвую руку. Вся эта толпа подалась немного впередъ и была теперь ближе къ ней.

— Дорогіе друзья!—заговорила она опять, слегка возвышая голосъ.—Вы всѣ бывали въ церкви и навѣрное слышали, какъ священникъ читалъ: „Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ". Это сказалъ Христосъ. Онъ сказалъ, что пришелъ *благовѣствовать нищимъ*. Не знаю, случалось-ли вамъ когда вдуматься въ эти слова; я только хочу разсказать вамъ, какъ я въ первый разъ услышала и запомнила ихъ. Это было лѣтомъ; былъ вечеръ — совершенно такой, какъ сегодня. Я была тогда маленькой дѣвочкой, и тетка, у которой я воспитывалась, взяла меня съ собой послушать проповѣдь одного хорошаго человѣка. Онъ говорилъ на открытомъ воздухѣ—какъ я теперь съ вами. Я хорошо помню его лицо: онъ былъ совсѣмъ старикъ, съ длинными сѣдыми волосами; голосъ у него былъ мягкій и звучный: я никогда до тѣхъ поръ не слыхала такого прекраснаго голоса. Я была крошка и мало что смыслила, но этотъ старикъ показался мнѣ до того непохожимъ на всѣхъ, кого я видѣла раньше, что я подумала: „Не сошелъ-ли онъ съ неба", и сказала теткѣ: „Тетя, онъ вѣрно опять улетитъ на небо сегодня, какъ Тотъ — на картинкѣ въ библіи".

— Этотъ Божій человѣкъ былъ мистеръ Уэсли. Всю жизнь свою онъ дѣлалъ то-же, что дѣлалъ нашъ Спаситель,—проповѣдывалъ Евангеліе бѣднымъ. Восемь лѣтъ тому назадъ онъ скончался. Подробности о немъ и о его жизни я узнала гораздо позднѣй, спустя много лѣтъ; тогда-же я была глупенькой дѣвочкой и изъ всего, что онъ намъ говорилъ, помню только одно. Онъ сказалъ намъ, что Евангеліе значитъ „благая вѣсть". Евангеліе, какъ вамъ извѣстно, это то, что говорится въ Библіи о Богѣ.

— Вдумайтесь въ эти слова. Христосъ дѣйствительно сошелъ къ намъ съ Неба, какъ это думала тогда я, неразумное дитя, о мистерѣ Уэсли,—сошелъ съ Неба, чтобъ принести намъ, бѣднякамъ, благую вѣсть о Богѣ. Дорогіе друзья! И вы, и я—бѣдные люди. Мы родились въ бѣдныхъ хижинахъ, выросли на овсяномъ хлѣбѣ и всегда жили суровою жизнью. Мы мало учились, мало читали и мало что знаемъ изъ того, что происходитъ за предѣлами непосредственно насъ окружающаго. Намъ больше, чѣмъ кому-нибудь, нужны благія, добрыя вѣсти. Ибо когда человѣкъ живетъ въ довольствѣ, добрыя вѣсти изъ дальнихъ странъ мало его интересуютъ; но бѣдняку, вся жизнь котораго проходитъ въ заботѣ и тяжеломъ трудѣ изъ за хлѣба, радостно получить вѣсточку о томъ, что у него есть другъ, который поможетъ ему. Конечно, и мы кое-что знаемъ о Богѣ, если даже мы никогда не слыхали Евангелія — этой благой вѣсти, которую принесъ намъ Спаситель. Мы знаемъ, что все

отъ Бога. Не говоримъ-ли мы чуть-ли не ежедневно: „Дастъ Богъ, то-то или то-то случится“, или: „Скоро косить начнемъ, если Господь пошлетъ ведро“. Мы очень хорошо знаемъ, что мы въ рукахъ Божіихъ: мы не своей волей явились на свѣтъ. Или еще: когда мы спимъ, кто бодрствуетъ надъ нами? И свѣтъ дневной, и вѣтеръ, и хлѣбъ, который мы ѣдимъ, и коровы, дающія намъ молоко,—все, что мы имѣемъ, — отъ Бога. Богъ далъ намъ душу, вложилъ въ насъ любовь къ родителямъ и дѣтямъ, къ мужу и женѣ. Но все-ли это, что намъ нужно знать о Богѣ?... Мы видимъ, что Онъ великъ и всемогущъ, что Онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ, но мы теряемся, изнемогаемъ, какъ пловецъ въ борьбѣ съ волнами океана, когда пытаемся думать о Немъ.

Не оттого-ли это происходитъ, что въ нашу душу закрадываются такія сомнѣнія: „Да полно, станетъ-ли Богъ удѣлять много вниманія намъ, бѣднымъ людямъ? Быть можетъ, Онъ создалъ міръ только для богатыхъ и мудрыхъ? Конечно, Ему ничего не стоитъ дать намъ нашу скромную долю пищи и одежды, но почемъ мы знаемъ, простирается-ли дальше этого Его забота о насъ? Можетъ быть, Ему до насъ столько-же дѣла, какъ бываетъ намъ до червей и разныхъ букашекъ въ огородѣ, когда мы садимъ нашъ лукъ и морковь? Вспомнитъ-ли Онъ о насъ, когда мы умремъ? Пошлетъ-ли намъ утѣшеніе, когда мы станемъ хромы, больны и безпомощны? Или, быть можетъ, Онъ гнѣвается на насъ, иначе зачѣмъ-бы быть засухѣ и неурожаю, и зачѣмъ приходятъ на насъ лихорадки и всякія другія болѣзни и невзгоды? Ибо жизнь наша полна невзгодъ, и если Господь дѣлаетъ намъ добро, то—казалось-бы—Онъ дѣлаетъ и зло. Какъ-же это такъ? Отчего?

— Ахъ, дорогіе друзья! Вы видите теперь, какъ сильно мы нуждаемся въ благой вѣсти. И что намъ всѣ другія добрыя вѣсти, если нѣтъ у насъ этой? Все на свѣтѣ имѣетъ конецъ: когда мы умремъ, мы ничего съ собой не возьмемъ. Но Господь вѣченъ и будетъ съ нами, когда у насъ ничего не останется. — Что же станемъ мы дѣлать, если Онъ не будетъ намъ другомъ?

Тутъ Дина разсказала, какъ благая вѣсть была принесена на землю, какъ Господь, всею жизнью Христа, явилъ свое милосердіе къ бѣднякамъ, и долго говорила о смиреніи Спасителя и о дѣлахъ милосердія, которыя Онъ совершалъ.

— Итакъ, вы видите, дорогіе друзья, продолжала она! — всю жизнь Свою Христосъ дѣлалъ добро бѣднымъ людямъ. Онъ говорилъ съ ними на полѣ и при дорогѣ, выбиралъ себѣ друзей изъ бѣдныхъ ремесленниковъ, училъ ихъ, трудился для нихъ. Конечно, онъ дѣлалъ добро и богатымъ, ибо Онъ любилъ всѣхъ людей; но Онъ понималъ, что бѣдняки больше нуждаются въ Его помощи. И Онъ исцѣлялъ больныхъ, хромыхъ и слѣпыхъ, творилъ чудеса кормилъ голодныхъ, по-

тому-что жалѣлъ ихъ, — такъ Онъ самъ говорилъ. Онъ былъ добръ къ маленькимъ дѣтямъ, утѣшалъ тѣхъ, кто потерялъ своихъ близкихъ, и ласково говорилъ съ бѣдными грѣшниками, сокрушавшимися о грѣхахъ своихъ.

— Неужели вы не полюбили-бы такого человѣка, еслибъ увидѣли его, еслибъ онъ жилъ здѣсь, между вами? Какое счастье было-бы имѣть такого друга, — друга, къ которому можно было-бы пойти со всякой бѣдой! Какъ радостно было-бы учиться у такого учителя!

— Кто-же былъ этотъ человѣкъ? Былъ-ли Онъ просто хорошимъ человѣкомъ,—очень хорошимъ и добрымъ,—и только? Такимъ, напримѣръ, какъ нашъ дорогой мистеръ Уэсли, котораго Господь взялъ отъ насъ?—Нѣтъ, Онъ былъ Сынъ Божій, рожденный „по образу Отца“—говорится въ Библіи, т. е. во всемъ подобный Богу, Который есть начало и конецъ всего сущаго,—тому Богу, Котораго мы такъ мало знаемъ, и о Которомъ намъ нужно знать. Итакъ, любовь, которую Іисусъ явилъ бѣднякамъ, есть та же любовь, которую питаетъ къ намъ Богъ. Мы понимаемъ, что чувствовалъ Христосъ, потому-что онъ пришелъ къ намъ въ человѣческомъ образѣ и говорилъ съ нами такъ, какъ мы говоримъ другъ съ другомъ. Раньше мы боялись думать о Богѣ, мы не могли себѣ представить, что такое Богъ,—тотъ Богъ, Который сотворилъ небо и землю, и молнію, и громъ. Мы никогда не видѣли Его; мы могли видѣть только Его твореніе, а изъ сотвореннаго Имъ есть много такихъ страшныхъ вещей, что немудрено, если, думая о Творцѣ, мы содрогались отъ ужаса. Но нашъ Спаситель показалъ намъ, что такое Богъ, показалъ такъ, что мы—бѣдные, темные люди,—поняли Его. Онъ открылъ намъ всю неизмѣримую доброту Божьяго сердца, всю великую любовь Его къ намъ.

— Но побесѣдуемъ еще немного о томъ, зачѣмъ пришелъ на землю Христосъ. Одинъ разъ онъ сказалъ: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“, и въ другой разъ: „Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“. Погибшіе!... Грѣшники!... Кто-жъ эти грѣшники, дорогіе друзья? Не вы-ли? Не я-ли?

Путешественникъ былъ все еще тутъ; его противъ воли приковало къ мѣсту очарованіе нѣжнаго, вибрирующаго голоса Дины, отличавшагося удивительнымъ разнообразіемъ переходовъ, точно прекрасный инструментъ, когда его касается рука, которою двигаетъ безсознательное музыкальное чувство. Самыя простыя вещи казались въ ея устахъ откровеніемъ, поднимали въ душѣ новыя чувства и поражали, какъ поражаетъ знакомая мелодія, пропѣтая чистымъ голоскомъ мальчика-хориста. Спокойное, глубокое убѣжденіе, которымъ было проникнуто каждое ея слово, казалось само по себѣ доказательствомъ подлинности ея миссіи. Незнакомецъ видѣлъ, что

она совсѣмъ завладѣла своими слушателями. Крестьяне окружили ее тѣснымъ кольцомъ, и на всѣхъ лицахъ читалось теперь одно лишь серьезное вниманіе. Говорила она медленно (хотя вполнѣ бѣгло и связно), часто пріостанавливаясь послѣ вопроса или передъ переходомъ къ новой мысли. Она не мѣняла позы, не дѣлала жестовъ. Сильное дѣйствіе ея рѣчи зависѣло исключительно отъ модуляцій голоса, и когда она дошла до вопроса: „Вспомнитъ-ли Онъ о насъ, когда мы умремъ?“, онъ прозвучалъ у нея такою трогательной мольбой, что у самыхъ суровыхъ людей показались на глазахъ слезы. Незнакомецъ давно уже пересталъ сомнѣваться (какъ сомнѣвался было вначалѣ, когда только-что увидѣлъ ее), что она можетъ овладѣть вниманіемъ болѣе грубой части своихъ слушателей; но ему все еще не вѣрилось, чтобъ у нея хватило умѣнья возбудить въ нихъ сильное чувство,—что должно было составлять необходимое условіе ея призванія, какъ проповѣдницы-методистки,—пока она не дошла до словъ: „Погибшіе!... Грѣшники!“ Тутъ голосъ ея и манера разомъ измѣнились. Передъ этимъ возгласомъ она сдѣлала длинную паузу, и пауза эта, казалось, была полна для нея волнующихъ мыслей, отразившихся въ ея чертахъ. Ея блѣдное лицо еще поблѣднѣло, темные круги подъ глазами обозначились рѣзче, какъ это бываетъ, когда накопившіяся слезы готовы хлынуть изъ глазъ. Любящіе, кроткіе глаза приняли выраженіе глубокой жалости и ужаса, какъ будто она увидѣла вдругъ ангела-истребителя, царящаго надъ головами собравшихся людей. Голосъ ея сталъ глубже и глуше, но жестикуляціи по прежнему не было. Нельзя было представить себѣ ничего, менѣе похожаго на обыкновенный типъ изступленнаго крикуна-проповѣдника. Дина не проповѣдывала, а просто говорила то, что ей подсказывало ея чувство, на что вдохновляла ее ея простая вѣра.

Но теперь потокъ воодушевлявшаго ея чувства вступилъ въ новое русло. Ея манера говорить сдѣлалась менѣе спокойна; рѣчь полилась быстрѣе, и въ голосѣ звучало волненіе. Теперь она старалась заставить этихъ людей понять всю ихъ преступность, упорство, съ которымъ они погрязали во мракѣ, неповиновеніе велѣніямъ Божіимъ. Она говорила имъ о гнусности грѣха, о благости Божіей и о страданіяхъ Спасителя, открывшихъ имъ путь къ спасенію. Въ своемъ страстномъ желаніи спасти заблудшихъ овецъ, она дошла, наконецъ, до того, что безличное обращеніе ко всѣмъ слушателямъ вообще уже не удовлетворяло ее. Она обращалась то къ тому, то къ другому изъ толпы, со слезами умоляя этихъ людей вернуться къ Богу, пока еще не поздно, рисуя передъ ними безнадежную картину состоянія ихъ душъ, погрязшихъ въ грѣхѣ, питающихся отбросами нашего жалкаго міра и удалившихся отъ Бога, ихъ Отца; говорила имъ о любви Спасителя, терпѣливо ожидающаго, чтобъ они вернулись къ Нему.

Изъ кучки ея собратьевъ методистовъ въ отвѣтъ на ея рѣчь часто раздавались вздохи и стоны; но умъ крестьянина воспламеняется нелегко: смутное чувство тревоги — слабая, едва тлѣющая искра, которая могла ежеминутно погаснуть,—вотъ пока все, чего добилась отъ нихъ Дина своими рѣчами. Однако, никто не уходилъ съ лужайки, кромѣ дѣтей да „дѣдушки Тафта", который, по своей глухотѣ, могъ слышать только черезъ пятое на десятое и скоро поплелся домой курить свою трубочку. Бенъ Волчекъ чувствовалъ себя очень неловко и почти жалѣлъ, зачѣмъ онъ пришелъ слушать Дину: онъ зналъ, что такъ или иначе то, что она теперь говорила, будетъ преслѣдовать его. И все-таки ему было пріятно глядѣть на нее и слушать ее, хотя онъ ни на секунду не переставалъ бояться, что взглядъ ея вотъ-вотъ остановится на немъ, и она заговоритъ съ нимъ. Она уже обратилась такимъ образомъ къ Огненному Джиму (стоявшему теперь съ ребенкомъ на рукахъ, котораго онъ взялъ отъ жены, желая ее облегчить), и этотъ огромный мягкосердый дѣтина утиралъ кулакомъ слезы съ смутнымъ намѣреніемъ исправиться, не такъ часто навѣдываться въ „Остролистникъ" и усерднѣе соблюдать воскресные дни.

Насупротивъ Огненнаго Джима стояла Чедова Бессъ, проявлявшая совершенно несвойственныя ей спокойствіе въ манерахъ и вниманіе съ той минуты, какъ Дина начала говорить. Впрочемъ, вначалѣ ее поглощала не столько самая проповѣдь, сколько многосложныя соображенія насчетъ того, какъ можетъ удовлетворяться жизнью молодая женщина, когда она ходитъ въ такихъ чепцахъ, какъ у Дины. Отчаявшись разрѣшить этотъ вопросъ, Бессъ принялась изучать Дининъ носъ, глаза, ротъ и волосы, спрашивая себя, что лучше: такое блѣдное лицо съ тонкими чертами, или толстыя красныя щеки и круглые черные глаза, какъ у нея, Бессъ? Но мало по малу общее серьезное настроеніе передалось и ей, и она начала понимать, что говорила Дина. Нѣжныя интонаціи голоса и трогательныя увѣщанія не дѣйствовали на нее; но когда дѣло дошло до суровыхъ воззваній, — она начала пугаться. Бѣдняжка Бесси всегда слыла вѣтреной дѣвченкой и знала это: если для того, чтобъ спастись, надо быть добродѣтельной, то ясно, что для нея нѣтъ надежды. Она никогда не умѣла сразу найти нужный текстъ въ своемъ молитвенникѣ, какъ Салли Раннъ; она зачастую хихикила втихомолку, подходя подъ благословеніе къ мистеру Ирвайну, и всѣ эти изъяны по части правилъ вѣры усугублялись соотвѣтственной распущенностью и въ правилахъ житейской морали, ибо Бесси безспорно принадлежала къ тому лѣнивому, неряшливому типу женщинъ, съ которыми можно позволить себѣ всякую вольность. Всѣ эти слабости она до извѣстной степени сама за собой сознавала и до сихъ поръ не особенно ихъ стыдилась. Но теперь у нея было такое чувство, точно ее пришли арестовать и сей-

часъ поведутъ судить за какое-то, неизвѣстное ей, преступленіе. У нея явилась увѣренность, ужасавшая ее,—увѣренность, что Богъ, на котораго она привыкла смотрѣть, какъ на нѣчто неизмѣримо далекое, былъ очень близко,—что Христосъ стоялъ тутъ, подлѣ нея, и глядѣлъ на нее, хоть она и не могла Его видѣть. Чувство бѣдной Бессъ объясняется очень просто: Дина, какъ и всѣ вообще методисты, вѣрила въ видимыя проявленія присутствія Спасителя, и вѣра ея сообщалась ея слушателямъ, помимо ихъ воли; оня заставляла ихъ чувствовать, что Онъ присутствуетъ между ними, облеченный плотью и кровью, и въ каждый данный моментъ можетъ явиться имъ въ такомъ видѣ, который поразитъ ихъ сердца смятеніемъ и раскаяніемъ.

— Смотрите! воскликнула она, поворачиваясь влѣво и устремляя глаза въ одну точку поверхъ головъ, стоявшихъ передъ нею.—Смотрите! — вотъ нашъ Спаситель! Вотъ Онъ стоитъ и плачетъ и простираетъ къ вамъ руки. Слышите?—Онъ говоритъ: „Сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ своихъ, какъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли“!..—И вы не захотѣли! повторила она тономъ горькой укоризны, переводя взглядъ на толпу.—Видите вы эти знаки отъ гвоздей на Его рукахъ и ногахъ?—Ихъ сдѣлали ваши грѣхи... Ахъ, какъ Онъ блѣденъ, какъ измученъ! Онъ только-что вытерпѣлъ свою великую муку въ Геѳсиманскомъ саду, когда душа Его скорбѣла, и съ чела падали на землю крупныя капли кроваваго пота. Они плевали на Него, били Его по щекамъ, бичевали, издѣвались надъ Нимъ, положили тяжелый крестъ на Его израненныя плечи. Потомъ распяли Его на этомъ крестѣ... О, какія страданія! Уста Его пересохли отъ жажды, а они продолжаютъ смѣяться надъ Нимъ, изнемогающимъ отъ муки, Онъ-же пересохшими своими устами молится за нихъ: „Отче, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ“. Но тутъ Его охватилъ ужасъ наступающей тьмы; Онъ почувствовалъ то-же, что чувствуютъ грѣшники, когда узнаютъ, что они навѣки отринуты Богомъ. Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу страданій. „Господи, Господи!“ восклицаетъ Онъ, „почто Ты покинулъ Меня“?

— Все это Онъ вытерпѣлъ ради васъ. Ради васъ,—а вы никогда не думаете о Немъ! Ради васъ,—а вы отворачиваетесь отъ Него! Вамъ нѣтъ дѣла до того, что Онъ вынесъ изъ-за васъ... А Онъ? — Несмотря ни на что, Онъ продолжаетъ трудиться для васъ. Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, Онъ молится за васъ одесную Отца Своего: „Отче, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ“. Онъ опять на землѣ,—здѣсь, между вами: я вижу Его израненное тѣло и Его любящій взоръ.

Тутъ Дина повернулась къ Бесси Крэнеджъ: жизнерадостная юность и бросающееся въ глаза тщеславіе дѣвушки возбудили въ ней глубокую жалость.

— Бѣдное дѣтя! Бѣдное дитя! Онъ говоритъ съ тобой, Онъ

обращается къ тебѣ съ горячей любовью, но ты не слушаешь Его. Ты думаешь о серьгахъ, о нарядныхъ платьяхъ и чепчикахъ и никогда не вспомнишь о Спасителѣ, который умеръ, чтобы спасти твою душу. Придетъ день, когда твои румяныя щечки покроются морщинами, волосы твои посѣдѣютъ, тѣло высохнетъ, и станъ согнется. Тогда ты поймешь, что ты не спасла свою душу; тогда ты предстанешь передъ Господомъ въ грѣхѣ, съ злыми чувствами и суетными помыслами. И тогда Іисусъ, который жаждетъ помочь тебѣ теперь, уже не поможетъ тебѣ: ты не захотѣла, чтобы Онъ сдѣлался твоимъ Спасителемъ, и Онъ будетъ твоимъ судьей. Теперь Онъ глядитъ на тебя съ любовью и страданіемъ и говоритъ: „Приди ко мнѣ, и ты получишь жизнь вѣчную“; тогда Онъ отвернется отъ тебя и скажетъ: „Уйди отъ меня въ огонь вѣчный“.

Широко раскрытые черные глаза бѣдной Бесси наполнились слезами, толстыя красныя щеки и губы сдѣлались бѣлѣй полотна, и все лицо исказилось гримасой, какъ у маленькаго ребенка, который собирается заревѣть.

— Бѣдное, бѣдное, слѣпое дитя! продолжала Дина. — Что, если съ тобой случится то, что случилось однажды съ одною слугой Господа во дни ея суетной молодости? И она тоже думала о кружевныхъ чепчикахъ, тратила всѣ свои деньги на наряды; и она тоже нисколько не заботилась о томъ, чтобъ имѣть чистую душу и незапятнанную совѣсть; ей хотѣлось только имѣть самыя лучшія кружева—лучше, чѣмъ у другихъ дѣвушекъ. И вотъ однажды, когда она надѣла новый чепецъ и смотрѣлась въ зеркало, она увидѣла передъ собой окровавленный Ликъ въ терновомъ вѣнцѣ. Этотъ ликъ смотритъ теперь на тебя,—и Дина указала на одну точку прямо противъ Бесси. — Сорви, сорви эти глупыя украшенія! Брось ихъ подальше отъ себя, какъ ядовитыхъ змѣй! Онѣ жалятъ тебя, отравляютъ твою душу; онѣ тащатъ тебя въ темную, бездонную пропасть, которая поглотитъ тебя навсегда, гдѣ ты будешь погружаться все ниже и ниже, все дальше отъ свѣта и Бога.

Бесси наконецъ не выдержала: въ непобѣдимомъ ужасѣ вырвала она серьги изъ ушей и швырнула на землю, громко рыдая. Отецъ ея, Чедъ, испугавшись, какъ бы и его не „зацапали“ (ибо поразительное усмиреніе непокорной Бессъ было на его взглядъ, по меньшей мѣрѣ, чудомъ), убрался поскорѣй во-свояси и принялся колотить по своей наковальнѣ, въ видахъ успокоенія взволнованныхъ чувствъ. „Сколько ты тамъ ни проповѣдуй“, бормоталъ онъ про себя, „а лошадямъ нужны подковы, и дьяволъ не можетъ взять мою душу только за то, что я буду ковать“.

Но Дина говорила уже не о карѣ Божіей, уготованной для грѣшниковъ; съ отличавшей ее простотой она говорила теперь о радостяхъ, которыя ожидаютъ покаявшихся, о божественномъ мирѣ и любви, наполняющихъ душу вѣрующаго, о томъ, что

любовь къ Богу превращаетъ для насъ бѣдность въ богатство, принося душѣ нашей такое полное удовлетвореніе, что ни мірскія вожделѣнія, ни страхъ уже не смущаютъ ее, что даже самое искушеніе умираетъ въ зародышѣ, и на землѣ начинается рай, ибо никакое облачко не омрачаетъ болѣе нашу душу, не закрываетъ отъ нея Бога, который есть вѣчный ея свѣтъ.

— Дорогіе друзья,—такъ закончила она свою проповѣдь,—братья и сестры—всѣ вы, кого я люблю, потому-что Господь умеръ за васъ,—повѣрьте мнѣ, я знаю это великое счастье, и потому, что я его знаю, я хочу, чтобъ и вы узнали его. Я бѣдна, какъ и вы; я должна своими руками зарабатывать хлѣбъ; но ни одинъ вельможа, ни одна знатная лэди не могутъ быть такъ счастливы, какъ я, если въ душѣ ихъ нѣтъ любви къ Богу. Подумайте, какое это великое благо—никого не ненавидѣть,—никого и ничего, кромѣ грѣха,—любить всякое твореніе Божіе, ничего не бояться, вѣрить, что все идетъ къ добру, спокойно переносить страданія, ибо такова воля Отца нашего, знать, что ничто, ничто—хотя-бы вся земля превратилась въ пепелъ, или воды вышли изъ береговъ и затопили насъ,—не разлучитъ насъ съ Богомъ, Который любитъ насъ и наполняетъ нашу душу миромъ и радостью, ибо мы вѣримъ, что всякое велѣніе Его справедливо, благо и свято.

— Возьмите же себѣ это счастье, дорогіе друзья! Оно вамъ дается. Счастье это—благая вѣсть, которую Христосъ принесъ бѣднякамъ. Это счастье—не то, что земныя богатства, изъ которыхъ чѣмъ больше мы беремъ, тѣмъ меньше остается другимъ. Богъ не имѣетъ конца, и любовь его безконечна:

«На весь Божій міръ, на каждое Божье творенье
Обильнымъ потокомъ она излилась
И никогда не изсякнетъ: на каждаго хватитъ, на всѣхъ,
Отнынѣ до вѣка на всѣ времена».

Дина говорила не менѣе часа, и догорающая алая заря уходящаго дня придала особенную торжественность ея заключительнымъ словамъ. Путешественникъ прослушалъ проповѣдь до самаго конца съ такимъ глубокимъ интересомъ, точно передъ нимъ развертывалась драма (искреннее краснорѣчіе импровизатора всегда дѣйствуетъ на насъ чарующимъ образомъ, ибо оно открываетъ намъ душевную драму оратора, волнующія его чувства); теперь онъ повернулъ коня и поѣхалъ своей дорогой. Онъ слышалъ, какъ Дина сказала: „Теперь попоемъ немного, братья“, и когда онъ спускался по склону холма, до него донеслись голоса методистовъ. Равномѣрно повышаясь и понижаясь, торжественная мелодія гимна неслась ему вслѣдъ, и въ ней звучала та странная смѣсь ликованія и скорби, которая всегда отличаетъ этотъ родъ мелодій.

ГЛАВА III.

ПОСЛѢ ПРОПОВѢДИ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ, послѣ того, какъ кончилась проповѣдь, Сетъ Бидъ шелъ рядомъ съ Диной вдоль изгороди. по тропинкѣ, огибавшей луга и зеленыя нивы, тянувшіяся между деревней и Большой Фермой. Чтобы свободнѣе наслаждаться прохладой лѣтняго вечера, Дина сняла свой маленькій квакерскій чепчикъ и несла его въ рукахъ, такъ-что Сетъ могъ ясно видѣть выраженіе ея лица, пока онъ шелъ подлѣ нея, перебирая въ умѣ то, что онъ хотѣлъ ей сказать. Это было выраженіе безсознательнаго, серьезнаго спокойствія, выраженіе человѣка, углубленнаго въ думы, не имѣющія никакой связи ни съ настоящей минутой, ни съ собственной личностью,—выраженіе, самое обезкураживающее для влюбленнаго. Даже походка ея отнимала надежду: въ ней была какая-то спокойная упругость, которая не нуждается въ поддержкѣ. Сетъ смутно это чувствовалъ. Онъ говорилъ себѣ: „Она слишкомъ хороша и чиста для всякаго, не только для меня“, и слова, которыя онъ приготовилъ, не сходили у него съ языка. Но другая, новая мысль придавала ему храбрости: „Никто не можетъ любить ее крѣпче меня, и ни съ кѣмъ она не будетъ такъ свободна отдаться дѣлу Божію“. Они молчали уже довольно давно, съ тѣхъ поръ, какъ кончили говорить о Бесси Крэнеджъ. Дина какъ будто позабыла объ его присутствіи и замѣтно ускорила шагъ. До воротъ Большой Фермы оставалось какихъ-нибудь нѣсколько минутъ ходьбы; это сознаніе придало, наконецъ, мужества Сету, и онъ заговорилъ:

— Вы окончательно рѣшили, Дина, возвратиться въ субботу въ Сноуфильдъ?

— Да, отвѣчала Дина спокойно.—Меня туда зовутъ. Въ воскресенье ночью мнѣ было видѣніе: я сидѣла, углубившись въ свои мысли, и тутъ-то Господь мнѣ открылъ, что сестра Алленъ нуждается во мнѣ (она вѣдь умираетъ). Я видѣла ее такъ-же ясно, какъ мы видимъ теперь вонъ тотъ прозрачный клочекъ бѣлаго облачка; она подняла свою бѣдную исхудалую руку и поманила меня. А нынче утромъ, когда я открыла Библію, ища указанія, первыя слова, которыя я прочла, были: „Послѣ сего видѣнія, тотчасъ мы положили отправиться въ Македонію“. Еслибъ не это ясное указаніе воли Божіей, я уѣзжала-бы неохотно, потому-что меня тянетъ къ тетѣ и ея малюткамъ, и сердце болитъ по этой бѣдной заблудшей овечкѣ Гетти Соррель. Послѣднее время я много молилась о ней, и на свое видѣніе смотрю, какъ на благопріятное для нея знаменіе: должно быть, Господь сжалился надъ нею и спасетъ ея душу.

— Дай Богъ, сказалъ Сетъ и прибавилъ:—Адамъ, сдается

мнѣ, такъ крѣпко къ ней привязанъ, что никогда не полюбитъ другую, а между тѣмъ мнѣ будетъ очень больно, если онъ на ней женится: не думаю, чтобъ она сдѣлала его счастливымъ.... Глубокая это тайна—любовь! Какъ это такъ выходитъ, что сердце мужчины прилѣпляется къ одной женщинѣ изъ всѣхъ, какихъ онъ видѣлъ въ жизни, и отчего онъ скорѣе готовъ проработать семь лѣтъ за *нее*, какъ Іаковъ за Рахиль, чѣмъ взять другую женщину, хотя-бы ему стоило лишь слово сказать, чтобъ обладать ею? Я часто думаю объ этихъ словахъ: „И служилъ Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ; и они показались ему за нѣсколько дней, потому-что онъ любилъ ее". Эти слова сбылись бы и надо мной, Дина,—я знаю,—если бъ вы дали мнѣ надежду, что черезъ семь лѣтъ я заслужу вашу любовь. Я знаю, вы боитесь, что мужъ слишкомъ наполнитъ собой ваши мысли, ибо апостолъ Павелъ говоритъ: „Замужняя женщина заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу", и, можетъ быть, вы считаете меня черезчуръ смѣлымъ, что я рѣшился опять заговорить съ вами объ этомъ, несмотря на то, что вы сказали мнѣ свое рѣшеніе въ прошлую субботу. Но я думалъ и передумывалъ о немъ дни и ночи; я молился, чтобы Господь не далъ моимъ личнымъ желаніямъ ослѣпить мой разумъ, чтобъ Онъ не допустилъ меня до мысли, что что́ хорошо для меня, должно быть хорошо и для васъ. И мнѣ кажется, въ Священномъ Писаніи вы найдете больше текстовъ въ пользу брака, чѣмъ противъ него. Въ другомъ мѣстѣ апостолъ Павелъ говоритъ такъ ясно, какъ только можетъ быть: „я желаю, чтобы молодыя вдовы вступали въ бракъ, рождали дѣтей, управляли домомъ, и не подавали противнику никакого повода къ злорѣчію", и дальше: „двое лучше одного"; а это можно примѣнить и къ браку такъ же точно, какъ ко всему другому. И мы съ вами, Дина, были бы одно сердце и одна душа. Мы служимъ одному Господину, трудимся ради одной и той же награды, и я, какъ мужъ, никогда не стану требовать отъ васъ того, что могло бы оторвать васъ отъ дѣла, на которое призвалъ васъ Господь. Я всѣми силами постараюсь давать вамъ какъ можно больше свободы и въ домѣ, и внѣ дома; тогда вы будете даже свободнѣе, чѣмъ теперь, потому-что теперь вамъ приходится работать, чтобы жить, а я достаточно силенъ, чтобъ заработать на двоихъ.

Разъ Сетъ рѣшился заговорить, онъ говорилъ съ жаромъ, почти стремительно, боясь, чтобы Дина не сказала свое послѣднее слово, прежде, чѣмъ выслушаетъ всѣ доводы, которые онъ приготовилъ. Щеки его пылали, глаза наполнились слезами, и голосъ дрогнулъ на послѣднихъ словахъ. Они дошли до одного изъ тѣхъ узенькихъ проходовъ между двухъ высокихъ камней, что исполняютъ въ Ломширѣ роль заставъ. Дина остановилась и, повернувшись къ Сету, проговорила своимъ нѣжнымъ вибрирующимъ голосомъ, ласково, но спокойно:

— Сетъ Бидъ, спасибо вамъ за вашу любовь. Еслибъ я

могла полюбить мужчину не только какъ брата во Христѣ, но иною любовью, я думаю, что полюбила-бы васъ. Но сердце мое не свободно для брака. Все это хорошо для другихъ женщинъ. Быть женою и матерью — великая вещь, но „каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призвалъ". Господь призвалъ меня служить другимъ; я не должна имѣть личныхъ радостей и печалей, а должна радоваться съ тѣми, кто радуется, и плакать съ тѣми, кто плачетъ. Онъ призвалъ меня проповѣдывать Его слово и постоянно поддерживалъ меня въ моемъ трудѣ. Ужъ если я могла покинуть моихъ братьевъ и сестеръ, которые такъ мало пользуются благами земными, которые живутъ въ Сноуфильдѣ, гдѣ деревьевъ такъ мало, что ребенокъ можетъ ихъ сосчитать, и гдѣ по зимамъ бѣдняку живется такъ трудно,—ужъ одно это доказываетъ, что мнѣ было ясное указаніе свыше. Мое дѣло тамъ было—помогать, утѣшать, ободрять мою маленькую паству, возвращать заблудшихъ на путь истины, и съ той минуты, какъ я встану поутру, пока не засну, душа моя полна этой мыслью. Моя жизнь слишкомъ коротка, и Божье дѣло—слишкомъ велико для моихъ силъ, чтобъ я могла еще мечтать имѣть свою семью въ этомъ мірѣ. Къ вашимъ рѣчамъ, Сетъ, я не осталась глуха. Когда я увидѣла, что ваше сердце отдано мнѣ, я подумала, что, можетъ быть, это промыселъ Божій,—что, можетъ быть, самъ Богъ повелѣваетъ мнѣ измѣнить мою жизнь и сдѣлаться вашей женой и товарищемъ, и я предоставила Ему рѣшить этотъ вопросъ за меня. Но всякій разъ, какъ я пыталась сосредоточить свои мысли на бракѣ, думать о нашей жизни вдвоемъ, другія мысли заслоняли ихъ; мнѣ приходило на память то время, когда я молилась у постели умирающихъ, и тѣ счастливые часы, когда я проповѣдывала, и сердце мое наполнялось любовью, и слова лились у меня сами собой. И когда я раскрывала Библію, въ надеждѣ найти указаніе, мнѣ всегда попадались слова, ясно говорившія, въ чемъ мое дѣло. Я вѣрю вамъ, Сетъ; вѣрю, что вы приложите всѣ старанія, чтобы не быть мнѣ помѣхой въ моемъ трудѣ, но я чувствую, что Богъ не хочетъ нашего брака. Онъ указываетъ мнѣ иной путь. Мое завѣтное желаніе—жить и умереть безъ мужа и дѣтей. Мнѣ кажется, въ моей душѣ нѣтъ мѣста для личныхъ нуждъ и заботъ, — такъ полно мое сердце, по благости Божіей, страданіями и нуждами бѣдныхъ людей.

Сетъ былъ не въ силахъ отвѣчать, и нѣсколько минутъ они шли молча. Наконецъ, когда они уже подходили къ воротамъ, онъ сказалъ:

— Ну, что-же, Дина, я постараюся собраться съ силами и перенести это испытаніе такъ, какъ будто я вижу Того, Кто невидимъ. Но я чувствую теперь, какъ слаба моя вѣра. У меня такое чувство, что, когда вы уѣдете, для меня навсегда умретъ всякая радость. Мнѣ кажется—то, что я испытываю къ вамъ,

выше обыкновенной любви мужчины къ женщинѣ. Я, напримѣръ, помирился-бы съ тѣмъ, что вы не будете моей женой, если бы могъ переѣхать въ Сноуфильдъ и быть всегда подлѣ васъ. Я вѣрилъ, что моя горячая любовь къ вамъ ниспослана мнѣ Богомъ, какъ знаменіе для обоихъ насъ, но, очевидно, она должна послужить мнѣ испытаніемъ. Быть можетъ, я люблю васъ больше, чѣмъ дозволено человѣку любить какое-бы то ни было живое существо, кромѣ Бога, ибо очень часто я невольно думаю о васъ словами гимна:

«Стоитъ лишь ей появиться во мракѣ—
И для меня займется заря.
Она души моей яркая звѣздочка,
Она-же и солнце мое».

Быть можетъ, это дурно съ моей стороны, и Господь хочетъ исправить меня... Но скажите, Дина, вы на меня не разсердитесь, если мои обстоятельства сложатся такъ, что я буду имѣть возможность уѣхать отсюда и поселиться въ Сноуфильдѣ?

— Нѣтъ, Сетъ, но я совѣтую вамъ быть терпѣливымъ: не годится легкомысленно покидать свою родину и близкихъ людей. Не предпринимайте ничего, пока Господь не выразитъ вамъ своей воли. Сноуфильдъ—пустынное, унылое мѣсто, ни капли не похожее на эту благодатную землю, къ которой вы привыкли. Никогда не слѣдуетъ спѣшить въ выборѣ своей судьбы: надо ждать указанія свыше.

— А вы разрѣшите мнѣ, Дина, написать вамъ, еслибы случилось что-нибудь такое, чѣмъ бы мнѣ захотѣлось съ вами подѣлиться?

— Конечно. Пишите, если у васъ будетъ горе. Я всегда буду молиться о васъ.

Теперь они дошли до воротъ, и Сетъ сказалъ:

— Я не войду, Дина; прощайте.

Она подала ему руку. Онъ помолчалъ и послѣ минутнаго колебанія прибавилъ:

— Какъ знать? Быть можетъ, со временемъ вы посмотрите на это дѣло иначе. Вы можете получить новое указаніе.

— Оставимъ это, Сетъ. Слѣдуетъ переживать только одинъ мигъ заразъ, какъ я читала въ одной изъ книжекъ мистера Уэсли. Не намъ съ вами загадывать впередъ; наше дѣло—повиноваться и вѣрить. Прощайте.

Она пожала ему руку съ печальнымъ выраженіемъ въ своихъ любящихъ глазахъ и прошла въ калитку, а онъ повернулся и медленно побрелъ домой. Но вмѣсто того, чтобы взять напрямикъ, онъ повернулъ назадъ и пошелъ по полямъ, тою-же дорогой, которою, они шли вмѣстѣ съ Диной, и я подозрѣваю, что его синій полотнянный платокъ насквозь вымокъ отъ слезъ задолго до того, какъ онъ сказалъ себѣ, наконецъ, что пора ему повернуть въ домку. Ему было всего двад-

цать три года, и онъ теперь только понялъ, что́ значитъ любить,—любить съ тѣмъ обожаніемъ, какимъ окружаетъ юноша женщину, которую онъ считаетъ выше и лучше себя. Такого рода любовь граничитъ съ религіознымъ чувствомъ. Да и о какой глубокой и чистой любви нельзя сказать того-же, будь это любовь къ женщинѣ или ребенку, къ живописи или музыкѣ? Наши ласки, наши нѣжныя слова, нашъ нѣмой восторгъ передъ осеннимъ закатомъ, передъ изящной колоннадой, величественной статуей или симфоніей Бетховена, всѣ эти выраженія сильнаго чувства приносятъ съ собой сознаніе, что они—не болѣе, какъ волны, мелкая рябь на бездонномъ океанѣ любви и красоты. Наше чувство въ сильнѣйшіе свои моменты можетъ выражаться только молчаніемъ; наша любовь,въ своемъ высшемъ приливѣ, выходитъ за предѣлы личнаго ощущенія и теряется въ сознаніи Божественной тайны. И съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, этотъ благословенный даръ обоготворяющей любви доставался въ удѣлъ слишкомъ многимъ изъ числа смиренныхъ его тружениковъ, чтобы мы могли удивляться, что такая любовь жила въ сердцѣ плотника — методиста полстолѣтія тому назадъ, въ эпоху, на которой лежалъ еще прощальный отблескъ тѣхъ временъ, когда Уэсли и его сотрудникъ, простой пахарь, питались ягодами шиповника и боярышника съ корнваллійскихъ изгородей и не щадили ни ногъ своихъ, ни легкихъ, разнося слово Божіе между тамошними бѣдняками.

Отблескъ той эпохи давно погасъ, и картина методизма, которую мы можемъ нарисовать въ своемъ воображеніи, уже не будетъ картиной амфитеатра зеленыхъ холмовъ, гдѣ, въ густой тѣни широколиственныхъ сикоморъ, толпа простодушныхъ людей, истомившихся сердцемъ женщинъ и мужчинъ, пьетъ изъ источника вѣры,—вѣры грубой, первобытной, обращающей мысли къ далекому прошлому, возвышающей фантазію надъ пошлой обстановкой узкаго, сѣренькаго существованія, и наполняющей душу сознаніемъ безконечнаго, любящаго, всепрощающаго присутствія Божества, сладкаго для бездомнаго горемыки, какъ дыханіе лѣта. Весьма возможно, что въ умѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей слово „методизмъ“ не вызываетъ ничего, кромѣ представленія о сборищахъ всякого сброда въ грязныхъ переулкахъ, о пройдохахъ-краснобаяхъ, о проповѣдникахъ-паразитахъ и ихъ лицемѣрномъ жаргонѣ—элементы, исчерпывающіе все содержаніе методизма, по мнѣнію очень многихъ людей высшаго круга.

Если такъ, — я очень объ этомъ жалѣю, ибо я не могу не повторить, что Сетъ и Дина были методисты, и притомъ самой чистой воды,—хотя, правда, не того современнаго типа, который читаетъ еженедѣльныя обозрѣнія и собирается въ часовняхъ съ колоннадами, а самаго стародавняго, отставшаго отъ моды. Они вѣрили въ чудеса,—въ то, что они соверша-

ются и въ наше время, — вѣрили въ мгновенныя обращенія, въ откровенія черезъ посредство сновъ и видѣній; они гадали, раскрывая Библію наугадъ и ища въ ней божественныхъ указаній. Святое Писаніе они понимали буквально, что совершенно не одобряется признанными авторитетами въ этой области, и при всемъ моемъ желаніи я не могу сказать, чтобъ они изъяснялись правильнымъ языкомъ или получили-бы либеральное воспитаніе. Но суть не въ этомъ. Если я хорошо поняла исторію церкви, то вѣра, надежда и милосердіе не всегда оказываются въ прямомъ отношеніи къ умѣнью обращаться съ грамматикой, и самыя ошибочныя теоріи могутъ— благодареніе Богу—уживаться съ самыми высокими чувствами. Кусокъ сырого сала, который неуклюжая Молли урѣзываетъ отъ своего скуднаго запаса, чтобы снести сосѣдскому сынишкѣ „отъ родимчика", — быть можетъ и недѣйствительное, и весьма жалкое средство; но великодушное движеніе сердца, побудившее ее на этотъ поступокъ, сіяетъ благотворнымъ свѣтомъ, который никогда не умретъ.

Принимая во вниманіе вышесказанное, мы едвали сможемъ придти къ заключенію, что Дина и Сетъ не заслуживаютъ нашего сочувствія, какъ-бы мы ни привыкли проливать слезы надъ возвышенными горестями героинь въ атласныхъ сапожкахъ и кринолинахъ, и героевъ, скачущихъ во весь опоръ на бѣшеныхъ коняхъ и раздираемыхъ еще болѣе бѣшеными страстями.

Бѣдняга Сетъ!—онъ ѣздилъ верхомъ только разъ въ жизни, маленькимъ мальчикомъ, когда мистеръ Джонатанъ Бурджъ посадилъ его на лошадь у себя за спиной, приказавъ ему „держаться покрѣпче". И теперь, вмѣсто того, чтобы разразиться неизвѣстными обличеніями по адресу Бога и рока, онъ тихонько плетется домой и, при торжественномъ сіяніи звѣздъ, даетъ себѣ слово побороть свое горе, поменьше поддаваться присущей человѣку наклонности творить свою волю и побольше жить для другихъ, какъ дѣлаетъ Дина.

ГЛАВА IV.

ДОМАШНІЯ ГОРЕСТИ.

Передъ нами зеленая долина съ пробѣгающимъ по ней ручейкомъ, раздувшимся отъ недавнихъ дождей и бурливымъ. Надъ ручьемъ низко свѣсились ивы. Черезъ ручей въ одномъ мѣстѣ перекинута доска; по доскѣ, своимъ увѣреннымъ шагомъ, идетъ Адамъ Бидъ, а за нимъ по пятамъ слѣдуетъ Джипъ съ корзиной. Оба видимо направляются къ тому домику съ соломенной крышей и съ грудой сваленнаго подлѣ него на

землѣ теса, что виднѣется шагахъ въ тридцати за ручьемъ, на противуположномъ скатѣ долины.

Дверь домика пріотворена, и изъ нея выглядываетъ пожилая женщина; но вы ошибетесь, если подумаете, что она спокойно любуется вечернимъ ландшафтомъ. Своими слабыми глазами она давно уже внимательно слѣдитъ за постепенно разрастающимся темнымъ пятнышкомъ впереди. Въ послѣднія нѣсколько секундъ она окончательно убѣдилась, что это идетъ ея милый сынъ, Адамъ. Лизбета Бидъ любитъ сына тою страстной любовью, какою можетъ любить своего первенца только женщина, долго не имѣвшая дѣтей. Лизбета—хлопотливая, безпокойнаго нрава, худая, но еще крѣпкая старуха, чистенькая, какъ снѣжинка. Ея сѣдые волосы зачесаны назадъ и аккуратно подвернуты подъ бѣлый полотнянный чепецъ, повязанный черной лентой, ея широкая грудь прикрыта желтымъ платочкомъ, подъ которымъ можно разсмотрѣть нѣчто въ родѣ коротенькаго халата изъ синей клѣтчатой холстины, притянутаго въ таліи и доходящаго до бедеръ; изъ подъ халата виднѣется большой кусокъ юбки изъ грубаго домотканаго сукна. Лизбета высока ростомъ, да и въ другихъ отношеніяхъ между нею и сыномъ ея Адамомъ замѣчается сильное сходство. Ея темные глаза уже немного потускнѣли—быть можетъ отъ слезъ, но ея широкія, рѣзко очерченныя брови все еще черны, зубы крѣпки и бѣлы, и когда она стоитъ, какъ въ эту минуту, съ вязаньемъ въ своихъ загрубѣлыхъ отъ работы рукахъ, быстро и безсознательно перебирая спицами, она держится такъ-же твердо и прямо, какъ и тогда, когда несетъ на головѣ ведро съ водой изъ ручья. У матери и у сына одинъ и тотъ-же складъ фигуры, одинъ и тотъ-же дѣятельный, живой темпераментъ, но не отъ матери взялъ Адамъ свой высокій выпуклый лобъ и отличающее его выраженіе ума и благородства.

Семейное сходство нерѣдко заключаетъ въ себѣ нѣчто глубоко грустное. Природа—этотъ великій трагикъ—связываетъ насъ между собой узами крови, но, давъ намъ одинаковые кости и мускулы, проводитъ между нами рѣзкую черту въ болѣе тонкихъ вещахъ, надѣливъ насъ различною мозговою тканью. Природа перемѣшиваетъ въ насъ влеченіе съ отвращеніемъ и привязываетъ насъ струнами сердца къ существамъ, каждое движеніе которыхъ насъ возмущаетъ. Мы слышимъ голосъ, звучащій интонаціями собственнаго нашего голоса и высказывающій мысли, которыя мы презираемъ. Мы видимъ глаза, какъ двѣ капли воды похожіе на глаза нашей матери,—и они отворачиваются отъ насъ въ холодномъ отчужденіи. Нашъ младшій ребенокъ, нашъ дорогой Веніаминъ, поражаетъ насъ манерами и жестами давно забытой сестры, съ которой много лѣтъ тому назадъ мы разстались съ горечью, въ размолвкѣ. Отецъ, которому мы обязаны лучшимъ нашимъ наслѣдствомъ—любовью къ механикѣ, живымъ чутьемъ къ му-

зыкальной гармоніи, безсознательнымъ умѣньемъ владѣть карандашомъ или кистью, — раздражаетъ насъ своими низкими слабостями и заставляетъ ежечасно краснѣть отъ стыда. Давно умершая мать, чье лицо мы начинаемъ видѣть въ зеркалѣ по мѣрѣ того, какъ собственное наше лицо покрывается морщинами, когда-то терзала нашу юную душу своими нелѣпыми требованіями и безпокойнымъ нравомъ.

Вы слышите голосъ такой именно безпокойной, любящей матери, когда Лизбета говоритъ сыну:

— Ну, сынокъ, слишкомъ семь часовъ по часамъ. Какъ ты еще не остался дожидаться, пока родится на свѣтъ послѣдній человѣкъ! Ѣсть хочешь, я думаю? Будешь ужинать?.. А гдѣ-же Сетъ? Навѣрно потащился за кѣмъ-нибудь изъ этихъ ханжей.

— Сетъ худого не сдѣлаетъ, матушка,—будь покойна. А отецъ гдѣ? быстро спросилъ Адамъ, войдя въ домъ и заглянувъ въ комнату налѣво, служившую мастерской.—Онъ такъ-таки и не сдѣлалъ гроба для Толера! Вонъ доски стоятъ у стѣны, какъ я ихъ оставилъ поутру.

— Не сдѣлалъ гроба? повторила Лизбета, слѣдуя за сыномъ и не переставая вязать, хотя въ ея устремленномъ на него, взглядѣ сквозила тревога.—Какой тамъ гробъ, сынокъ! Онъ съ самаго утра ушелъ въ Треддльстонъ и до сихъ поръ не возвращался. Боюсь, не завернулъ бы опять въ „Опрокинутую Телѣгу“.

Густой румянецъ гнѣва вспыхнулъ на лицѣ Адама. Онъ ничего не сказалъ, но сбросилъ съ себя куртку и принялся засучивать рукава рубахи.

— Что ты хочешь дѣлать, Адамъ? проговорила мать испуганнымъ голосомъ.—Неужели ты будешь опять работать, даже не поѣвши!

Но Адамъ былъ такъ взбѣшенъ, что не могъ говорить. Онъ молча прошелъ въ мастерскую. Тогда Лизбета швырнула въ сторону свое вязанье, побѣжала за нимъ и, схвативъ его за руку, заговорила тономъ жалобной укоризны:

— Сынокъ, сынокъ, нельзя-же безъ ужина! Есть картофель, жареный въ салѣ, какъ ты любишь; я нарочно приготовила для тебя. Пойдемъ, поужинай. Ну пойдемъ-же!

— Оставь! проговорилъ съ сердцемъ Адамъ, вырываясь отъ нея, и взялся за одну изъ досокъ, стоявшихъ у стѣны. — Что толковать объ ужинѣ, когда дѣло стоитъ! Ты сама знаешь: мы обѣщали, что гробъ будетъ готовъ завтра утромъ къ семи часамъ; теперь ему пора-бы быть уже въ Брокстонѣ, а за него еще и не принимались, — ни одинъ гвоздикъ не вбитъ... Да мнѣ кусокъ въ горло не пойдетъ—такъ я злюсь!

— Но сдѣлать гробъ—большая работа, сказала Лизбета:— ты все равно не успѣешь. Вѣдь надъ нимъ надо всю ночь простоять,—ты себя уморишь!

— Дѣло не въ томъ, сколько времени мнѣ придется надъ

нимъ простоять. Гробъ обѣщанъ. Какъ они похоронятъ человѣка безъ гроба. Пусть лучше у меня отсохнетъ рука отъ работы, чѣмъ обмануть людей, которые мнѣ вѣрятъ. Можно съ ума сойти отъ одной этой мысли... Ну, да я скоро распрощаюсь съ такими порядками, — довольно я терпѣлъ.

Бѣдная Лизбета не въ первый разъ слышала эту угрозу, и будь она благоразумнѣе, она ушла бы себѣ потихоньку и помолчала бы часокъ-другой. Но изъ всѣхъ уроковъ житейскаго опыта труднѣе всего дается женщинѣ правило — никогда не заговаривать съ разсерженнымъ или пьянымъ человѣкомъ. Лизбета опустилась на лавку и заплакала. Доплакавшись до увѣренности, что голосъ ея выйдетъ достаточно жалобнымъ, она заговорила.

— Нѣтъ, нѣтъ, сынокъ, ты не уйдешь! Ты не рѣшишься разбить материнское сердце и покинуть отца на погибель! Ты не захочешь допустить, чтобы меня снесли на кладбище безъ тебя,—ты долженъ меня проводить! Я не найду покоя въ могилѣ, если не увижу тебя передъ концомъ. А какъ же дадутъ тебѣ знать, что я умираю, если ты забредешь Богъ вѣсть куда, и Сетъ уйдетъ за тобой, а у отца твоего—ты самъ знаешь—такъ дрожатъ руки, что ему и пера-то не удержать, не говоря уже о томъ, что онъ не будетъ знать, куда тебѣ писать. А ты прости ему: негоже имѣть зло на отца. Онъ былъ тебѣ добрымъ отцомъ, пока не свихнулся. Онъ хорошій работникъ. Не забывай: онъ научилъ тебя твоему ремеслу. А меня онъ никогда пальцемъ не тронулъ, худого слова не сказалъ,—никогда, даже пьяный.... Ты не допустишь, чтобъ родной твой отецъ попалъ въ богадѣльню. Вспомни, онъ былъ взрослый человѣкъ и ловокъ въ работѣ — почти какъ ты теперь,— двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда ты былъ груднымъ младенцемъ.

Голосъ Лизбеты прерывался отъ рыданій и повысился на цѣлую ноту. Это было нѣчто въ родѣ воя — самаго раздражающаго изъ звуковъ, когда человѣку надо бороться съ настоящей невзгодой и дѣлать настоящее дѣло. Адамъ не выдержалъ.

— Да перестань же плакать, мама, и не говори такъ! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. — У меня и безъ того довольно заботъ. Что толку говорить о томъ, о чемъ я и такъ ни на минуту не перестаю думать! Еслибъ я объ этомъ не думалъ, зачѣмъ бы мнѣ дѣлать то, что я дѣлаю? Ради чего сталъ бы я тогда стараться уладить наши дѣла здѣсь? Но я терпѣть не могу болтать зря; я предпочитаю тратить свои силы на дѣло.

— Я знаю, сынокъ, что никого нѣтъ лучше тебя на работу. Но только зачѣмъ ты всегда такъ строго судишь отца? Для Сета ты готовъ распластаться; стоитъ мнѣ слово сказать противъ него,—и ты непремѣнно меня оборвешь. А на отца все сердишься,—ни на кого ты такъ не сердишься, какъ на него.

— А лучше было бы, какъ ты думаешь, еслибъ я говорилъ сладкія рѣчи, а самъ махнулъ бы рукой на семью, и все пошло бы прахомъ? Не будь я рѣзокъ съ отцомъ, онъ бы давно пропилъ весь дворъ до послѣдняго полѣна. У меня есть обязанности по отношенію къ отцу — я это знаю, но поощрять его летѣть стремглавъ въ пропасть — не есть моя обязанность. И зачѣмъ ты приплела сюда Сета? Парень худого не дѣлаетъ, сколько мнѣ извѣстно.... Ну, будетъ. Оставь меня, мама, дай мнѣ поработать.

Лизбета не посмѣла продолжать и встала. Не она позвала съ собой Джипа: Адамъ отказался отъ ужина, который она приготовила для него съ такою любовью, въ предвкушеніи удовольствія смотрѣть, какъ онъ будетъ ѣсть, и ей хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь утѣшить себя, накормивъ съ особенной щедростью собаку Адама. Но Джипъ, съ наморщеннымъ лбомъ и приподнятыми ушами, наблюдалъ за хозяиномъ, недоумѣвая, какъ ему понимать такое отступленіе отъ обычнаго порядка вещей, и хотя онъ взглянулъ на Лизбету, когда та его окликнула, и даже пошевелилъ въ волненіи передними лапами (потому-что онъ отлично зналъ, что его зовутъ ужинать),—онъ не рѣшился идти; онъ только перевелъ глаза опять на хозяина и остался сидѣть на заднихъ лапахъ, какъ былъ. Отъ вниманія Адама не ускользнула душевная борьба бѣднаго Джипа, и хотя раздраженіе ослабило его всегдашнюю нѣжность къ матери, оно не уменьшило его заботливости о собакѣ. Очень часто мы бываемъ добрѣе къ животнымъ, которыя привязаны къ намъ, чѣмъ къ женщинамъ, которыя насъ любятъ.—Не потому-ли, что животныя нѣмы?

— Иди, Джипъ! Иди, добрый песъ!—приказалъ Адамъ ободряющимъ тономъ. И Джипъ, видимо довольный открытіемъ, что на этотъ разъ долгъ не идетъ въ разрѣзъ съ удовольствіемъ, отправился за Лизбетой на кухню.

Но не успѣлъ онъ вылакать свой ужинъ, какъ возвратился къ хозяину, и Лизбета осталась одна проливать слезы надъ своимъ вязаніемъ. Женщинѣ не надо быть ни жестокой, ни злопамятной, чтобы быть нестерпимой, и если Соломонъ дѣйствительно былъ мудрецомъ, какимъ онъ прослылъ, то, я увѣренъ, что когда онъ сравнивалъ сварливую женщину съ непрерывнымъ паденіемъ дождевыхъ капель въ дурную погоду, онъ имѣлъ въ виду отнюдь не вѣдьму, не фурію съ когтями, себялюбивую и злую. Нѣтъ, — вѣрьте мнѣ, — онъ разумѣлъ добрую женщину, такую, которая все свое счастье полагаетъ въ счастьѣ любимыхъ людей, хотя и портитъ имъ жизнь,— которая откладываетъ для нихъ каждый лакомый кусочекъ, забывая себя,—такую, напримѣръ, какъ Лизбета,—терпѣливую и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно ноющую, самоотверженную и требовательную, способную цѣлый Божій день копаться во вчерашнихъ дрязгахъ и воображать завтрашнія невзгоды, проливаю-

щую слезы одинаково легко, какъ отъ радости, такъ и отъ горя. Но граничащая съ идолопоклонствомъ любовь Лизбеты къ сыну была не безъ примѣси благоговѣйнаго страха, и разъ Адамъ говорилъ ей: „Оставь иеня“, она всегда умолкала.

Минуты шли за минутами подъ громкое тиканье старинныхъ стѣнныхъ часовъ и стукъ инструментовъ Адама. Наконецъ, онъ крикнулъ, чтобъ ему принесли свѣту и воды напиться (пиво полагалось только по праздникамъ), и Лизбета, подавая то и другое, осмѣлилась сказать: „Если вздумаешь поѣсть,— твой ужинъ стоитъ на столѣ“.

— Ты бы легла, матушка,—проговорилъ Адамъ мягко. Его гнѣвъ за работой совсѣмъ испарился, и въ голосѣ слышалась особенная нѣжность къ матери. — Я присмотрю за отцомъ, когда онъ вернется, а можетъ онъ и не придетъ до утра. Мнѣ будетъ покойнѣе на душѣ, если ты ляжешь.

— Я только дождусь Сета; теперь онъ, я думаю, скоро придетъ.

Было уже слишкомъ девять по часамъ, которые, къ слову сказать, постоянно забѣгали впередъ, и прежде чѣмъ пробило десять, дверная щеколда щелкнула, и вошелъ Сетъ. Онъ слышалъ стукъ инструментовъ, когда подходилъ къ дому.

— Что это значитъ, матушка? Отецъ до сихъ поръ работаетъ? —спросилъ онъ.

— Да какже, станетъ твой отецъ работать въ такой часъ? Ты бы и спрашивать не сталъ, кабы голова твоя не была набита методистскими бреднями. Это твой братъ работаетъ за всѣхъ, потому-что, когда нужно, тутъ-то и нѣтъ никого, чтобъ ему помочь.

И Лизбета продолжала все въ томъ же духѣ. Сета она не боялась и обыкновенно выливала ему на голову всѣ свои жалобы и обиды, которыми не смѣла мучить Адама. Ни одного раза за всю свою жизнь Сетъ не сказалъ матери рѣзкаго слова, а трусливые люди всегда срываютъ сердце на безотвѣтныхъ. Не слушая матери, Сетъ съ встревоженнымъ лицомъ вошелъ въ мастерскую и сказалъ:

— Адди, что значитъ?... Какъ! отецъ забылъ сдѣлать гробъ?

— А, что ужъ тамъ! Старая исторія, братецъ. Но я его таки кончу,—проговорилъ Адамъ, поднимая глаза и окидывая брата однимъ изъ своихъ живыхъ, свѣтлыхъ взглядовъ. — Что это! Что съ тобой? Ты чѣмъ-то огорченъ.

У Сета глаза были красны, и на его кроткомъ лицѣ лежало выраженіе глубокой печали.

— Да, Адди, но помочь моему горю нельзя: надо терпѣть.— Но постой: ты значитъ не былъ въ школѣ?

— Въ школѣ?—Нѣтъ. Школа подождетъ, отвѣчалъ Адамъ, принимаясь опять стучать молоткомъ.

— Пусти-ка, я теперь поработаю, а ты пди ложись, — сказалъ Сетъ.

— Нѣтъ, Сетъ, не хочется бросать, теперь я разошелся. А когда я кончу, ты лучше помоги мнѣ снести его въ Брокстонъ. Я тебя разбужу на разсвѣтѣ. Иди ужинай, да притвори дверь, чтобы мнѣ не слышать маминой воркотни.

Сетъ зналъ, что Адамъ никогда не говоритъ на вѣтеръ, и разъ онъ что-нибудь рѣшилъ, то уже поставитъ на своемъ. Поэтому онъ, молча, повернулся и съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ прочь.

— Адамъ ни куска не проглотилъ съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ, сказала Сету мать.—А ты вѣрно поужиналъ у кого-нибуть изъ твоихъ методистовъ?

— Нѣтъ, матушка, я еще не ужиналъ, отвѣчалъ Сетъ.

— Ну, такъ садись. Только картошки не ѣшь: можетъ быть, Адамъ поѣстъ,—онъ любитъ картошку съ саломъ. Но сегодня онъ такъ разсердился, что не сталъ ѣсть, сколько я его ни упрашивала. И онъ опять грозился уйти, — причитала Лизбета,—и я увѣрена, что онъ уйдетъ когда-нибудь на разсвѣтѣ, до солнца....и ничего мнѣ не скажетъ.,.. и больше не вернется. Ахъ, я несчастная! Ни у кого нѣтъ такого молодца сына, — прямой и высокій, какъ тополь, и въ работѣ-то съ нимъ никто не сравнится, и господа его уважаютъ, — а все—таки лучше-бы мнѣ никогда не имѣть сына, чѣмъ потерять его теперь навсегда!

— Ну, полно, матушка, не сокрушайся понапрасну, проговорилъ Сетъ успокоительнымъ тономъ.—Съ чего ты взяла, что Адамъ непремѣнно уйдетъ? У него гораздо больше причинъ остаться. Мало-ли чего онъ не скажетъ въ сердцахъ, — а если онъ и сердится иногда, такъ это вполнѣ извинительно,— но онъ никогда не уйдетъ—насъ пожалѣетъ. Вспомни, какъ онъ всѣхъ насъ поддерживалъ, когда намъ приходилось особенно трудно,—какъ онъ отдалъ всѣ деньги, какія успѣлъ накопить, чтобъ избавить меня отъ солдатчины. Какъ онъ покупалъ лѣсъ для отца на свой заработокъ. А мало-ли на что онъ могъ-бы тратить свои деньги! Другой такой парень на его мѣстѣ давно-бы женился и жилъ своимъ домомъ. Нѣтъ, такой человѣкъ не измѣнится, не разрушитъ дѣла собственныхъ рукъ и не покинетъ тѣхъ, на кого онъ положилъ всю свою жизнь.

— Ахъ, не говори ты мнѣ про его женитьбу! сказала Лизбета, принимаясь опять плакать.—Привязался онъ на мое горе къ этой Гетти Соррель—къ дѣвушкѣ, у которой никогда не удержится копѣйки въ карманѣ, и которая всегда будетъ задирать носъ передъ его старухой матерью. Подумать только, что онъ могъ-бы взять за себя Мэри Бурджъ! Старикъ принялъ-бы его въ компаньоны, и былъ-бы онъ большой баринъ, какъ самъ мистеръ Бурджъ,—приказывалъ-бы рабочимъ.... Все это могло-бы быть — Долли мнѣ сколько разъ говорила, — не привяжись онъ къ этой вѣтреной дѣвченкѣ, отъ которой

столько-же проку, какъ отъ левкоя, что ростетъ у насъ на стѣнѣ. И вѣдь какая голова! На все дошлый—и читать, и считать,—а не сумѣлъ выбрать лучше!

— Но, матушка, человѣкъ не можетъ любить по заказу—ты сама знаешь. Одинъ Богъ воленъ надъ человѣческимъ сердцемъ. Я и самъ-бы хотѣлъ, чтобъ Адамъ сдѣлалъ другой выборъ, но я не могу корить его за то, въ чемъ онъ не властенъ. И потомъ, я подозрѣваю, что онъ старается побороть свое чувство. Но онъ не любитъ, когда съ нимъ объ этомъ говорятъ, и я могу только молиться Богу, чтобъ Онъ вразумилъ его и направилъ.

— Молиться-то ты всегда готовъ—я знаю; только я что-то не вижу толку отъ твоихъ молитвъ. Заработокъ твой отъ нихъ не прибавился. Со всѣмъ своимъ методизмомъ ты никогда и въ половину не будешь такимъ человѣкомъ, какъ твой братъ, хоть эти ханжи и стараются сдѣлать изъ тебя проповѣдника.

— Въ томъ, что ты сейчасъ сказала, матушка,—много правды, отвѣчалъ Сетъ кротко. — Адамъ гораздо лучше меня и сдѣлалъ для меня такъ много, какъ мнѣ никогда не удастся сдѣлать для него. Господь раздаетъ людямъ таланты. Но ты напрасно не вѣришь въ силу молитвы. Молитва, быть можетъ, не приноситъ намъ денегъ, но она даетъ то, чего не купишь ни за какія деньги.—силу воздерживаться отъ грѣха и безропотно покоряться волѣ Божьей, какое-бы испытаніе Онъ намъ ни послалъ. Еслибы ты почаще молилась Богу и вѣрила въ Его благость, ты бы не задавала себѣ столько напрасныхъ заботъ.

— Напрасныхъ? Слава Богу, мнѣ есть о чемъ заботиться! По тебѣ видно, что значитъ не имѣть заботъ. Все, что ты заработаешь, ты раздаешь: тебѣ и горя мало, что у тебя ни гроша не отложено про черный день. Еслибъ Адамъ былъ такой-же беззаботный, какъ ты, у него не нашлось-бы денегъ внести за тебя. „Не думайте о завтрашнемъ днѣ, не думайте о завтрашнемъ днѣ“, — только отъ тебя и слишышь. А что изъ этого выходитъ? — Только то, что Адаму приходится думать за тебя.

— Это слова изъ Библіи, мама, сказалъ Сетъ, — но они не значатъ, что человѣкъ долженъ лѣниться. Они означаютъ только, что не слѣдуетъ не въ мѣру безпокоиться и терзаться тѣмъ, что можетъ случиться завтра, а надо исполнять свои обязанности, остальное-же предоставить волѣ Божьей.

— Ну да, ты всегда такъ: возьмешь текстъ изъ Библіи и объяснишь по своему. Рѣшительно не понимаю, какъ это у тебя выходитъ, что „не думать о завтрашнемъ днѣ“ означаетъ все то, что ты тутъ наговорилъ. И еще я не могу понять вотъ чего: Библія такая толстая книга, и ты можешь прочесть ее всю отъ первой до послѣдней буквы и выбрать любой текстъ, какой хочешь,—такъ отчего-же ты такъ плохо выби-

раешь?—отчего не берешь текстовъ попроще, такихъ, которые не означали-бы больше, чѣмъ въ нихъ сказано? Адамъ никогда не приводитъ этого текста; онъ говоритъ другое, и его текстъ мнѣ понятенъ: „Богъ помогаетъ тому, кто самъ себѣ помогаетъ“.

— Это не изъ Библіи, мама, сказалъ Сетъ.—Это изъ одной книжки, которую Адамъ купилъ на лоткѣ въ Треддльстонѣ. Ее написалъ человѣкъ ученый, но, кажется, слишкомъ привязанный къ свѣту. Впрочемъ, изреченіе его до извѣстной степени вѣрно: и Библія тоже учитъ насъ трудиться вмѣстѣ съ Богомъ.

— Ну, почемъ мнѣ тамъ знать, откуда какія слова! Я думала—изъ Библіи, потому-что похоже на текстъ... Но что это такое съ тобой? Ты ничего почти не ѣшь. Не могъ-же ты наѣсться однимъ ломтикомъ овсянаго пирога. Да и блѣдный какой!—точно кусокъ свѣжаго сала.... Что съ тобой?

— Ничего особеннаго, матушка,—просто, не хочется ѣсть.... Я схожу теперь къ Адаму—спрошу, не пуститъ-ли онъ меня поработать за него.

— Выпей-ка теплаго бульону, сказала Лизбета, въ которой материнское чувство одержало таки верхъ надъ привычкой брюзжать.—Я мигомъ разожгу щепокъ.

— Нѣтъ, мама, спасибо, не надо. Какая ты добрая! проговорилъ съ искренней благодарностью Сетъ и, ободренный такимъ проявленіемъ ея нѣжности, продолжалъ: — не помолишься-ли ты со мной за отца, за Адама и за всѣхъ насъ? Увидишь, какое это принесетъ тебѣ облегченіе.

— Ну, что-жъ, помолимся,—противъ этого я ничего не имѣю.

При всей своей страсти противорѣчить Сету въ своихъ разговорахъ съ нимъ, Лизбета въ фактѣ его набожности смутно усматривала нѣкоторую поддержку и безопасность, и это избавляло ее отъ лишняго труда отправлять духовныя обязанности за свой собственный счетъ.

Итакъ, мать и сынъ опустились на колѣни, и Сетъ началъ молиться о бѣдномъ заблудшемъ отцѣ и о тѣхъ, кто скорбѣлъ за него дома. И когда, помолившись за отца, онъ обратился къ Богу съ воззваніемъ, чтобъ Онъ не допустилъ Адама разбить свой шатеръ въ далекой странѣ, и чтобы мать ихъ, во всѣ дни своего земного странствія, имѣла утѣшеніе и поддержку присутствія своего первенца, у Лизбеты заново полились всегда готовыя слезы, и она громко зарыдала.

Когда они поднялись съ колѣнъ, Сетъ опять пошелъ къ Адаму и сказалъ ему: „Прилягъ ты хоть часа на два, а я за тебя поработаю“.

— Нѣтъ, Сетъ, нѣтъ. Уложи матушку и ложись самъ.

Между тѣмъ Лизбета вытерла слезы и отправилась вслѣдъ за Сетомъ. Она пришла не съ пустыми руками: она несла буро-желтое глиняное блюдо съ поджаренной въ салѣ кар-

тошкой, перемѣшанной съ мелко нарѣзанными кусочками мяса. То были трудныя времена, когда пшеничный хлѣбъ и свѣжее мясо составляли роскошь для рабочаго человѣка. Лизбета робко поставила блюдо на скамью подлѣ Адама и сказала: „Ты можешь поѣсть между дѣломъ. Я принесу тебѣ еще воды“.

— Да, мама, пожалуйста, попросилъ Адамъ ласковымъ голосомъ;—мнѣ очень хочется пить.

Черезъ полчаса все смолкло; въ домѣ раздавалось лишь громкое тиканье старыхъ часовъ да стукъ инструментовъ Адама. Ночь была тихая. Когда Адамъ, ровно въ полночь, пріотворилъ дверь и выглянулъ во дворъ, единственнымъ движеніемъ въ природѣ, какое онъ могъ замѣтить, было слабое мерцаніе звѣздъ:—каждая былинка спала.

Усиленный физическій трудъ оставляетъ свободными наши мысли, и онѣ блуждаютъ тогда по прихоти воображенія и чувства. Такъ было въ тотъ вечеръ и съ Адамомъ. Покуда его мускулы работали, умъ оставался пассивнымъ: картины печальнаго прошлаго и такого же печальнаго будущаго проносились передъ нимъ быстрой чередой, смѣняя другъ друга.

Какъ живая, вставала въ его воображеніи сцена завтрашняго утра, когда онъ отнесетъ гробъ въ Брокстонъ и возвратится къ завтраку. Отецъ придетъ переконфуженный; старый, дряхлый, весь дрожащій онъ будетъ сидѣть за столомъ, низко свѣсивъ свою сѣдую голову, уставившись въ полъ и не смѣя поднять глазъ на сына, а мать спроситъ его, какимъ образомъ онъ могъ разсчитывать, что гробъ поспѣетъ къ сроку, когда онъ улизнулъ изъ дому, даже не притронувшись къ работѣ,—потому-что мать всегда скора на попреки, хоть она и возмущается его, Адама, суровостью къ отцу.

„И такъ пойдетъ изо дня въ день все хуже да хуже“, думалъ Адамъ. „Разъ человѣкъ покатился подъ гору, ему ужъ никогда не подняться“. И ему вспомнилось время, когда онъ маленькимъ мальчикомъ бѣжалъ бывало подлѣ отца, гордый сознаніемъ, что его берутъ съ собой на работу. А какъ ему пріятно было слышать, когда отецъ хвастался своимъ товарищамъ рабочимъ, какая „удивительная сметка у парнишки къ плотничному дѣлу“. Что за чудесный работникъ былъ отецъ его въ то время! Когда его, Адама, спросятъ бывало, чей онъ сынъ, съ какою гордостью онъ всегда отвѣчалъ: „Тіаса Бида“. Онъ былъ увѣренъ, что всякій знаетъ Тіаса Бида: развѣ не Бидъ соорудилъ изумительную голубятню при Брокстонскомъ пасторскомъ домѣ? Да, счастливое было времячко, особенно, когда Сетъ, бывшій на три года моложе, тоже началъ ходить на работу, и Адамъ изъ ученика превратился въ учителя... А тамъ настали печальные дни. На глазахъ сына, уже почти юноши, Тіасъ сталъ шататься по кабакамъ, а мать дома плакала и жаловалась на свою судьбу, не стѣсняясь присутствіемъ

сыновей. Адамъ хорошо помнилъ ту ночь стыда и горя, когда онъ впервые увидѣлъ отца пьянымъ. Тіасъ сидѣлъ съ пьяной компаніей въ трактирѣ „Опрокинутая Телѣга“ и дико оралъ какую-то пѣсню. Адамъ помнилъ, какъ одинъ разъ (ему тогда только-что минуло восемнадцать лѣтъ) онъ убѣжалъ было изъ дому съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться. Онъ вышелъ на разсвѣтѣ, съ узелкомъ на плечахъ, порѣшивъ, что онъ не въ силахъ больше выносить домашней неурядицы и пойдетъ искать счастья. Не зная, куда итти, онъ ставилъ свою палку на перекресткахъ и сворачивалъ въ ту сторону, куда она упадетъ. Но когда онъ добрался до Стонитона, мысль о матери и братѣ, которые остались одни мыкать горе, сдѣлалась нестерпимой, и его рѣшимость измѣнила ему. На другой день онъ возвратился домой, но мать его никогда не могла забыть того отчаянія и ужаса, которые она пережила въ эти два дня.

„Нѣтъ!“ говорилъ себѣ Адамъ въ эту ночь, „больше этого никогда не случится. Плохой я получу расчетъ въ День Судный, если моя бѣдная старая мать будетъ свидѣтельствовать противъ меня. Моя спина можетъ многое выдержать, и я буду хуже послѣдняго труса, если уйду и свалю всѣ тягости на плечи тѣхъ, кто вдвое слабѣе меня. *Сильные должны нести недуги слабыхъ, а не услаждать себя.* Не надо свѣчи, чтобы прочесть этотъ текстъ: онъ свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ. Тотъ человѣкъ на ложномъ пути, который бросается во всѣ стороны ради того только, чтобъ облегчить себѣ жизнь,—кому же это не ясно? Свинья можетъ тыкаться рыломъ въ корыто и забывать обо всемъ остальномъ, но человѣку съ человѣческимъ сердцемъ не такъ-то просто устроить себѣ мягкую постель, когда его близкіе спятъ на голыхъ каменьяхъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не сброшу ярма со своей шеи и не взвалю его на слабыхъ. Отецъ — мой крестъ въ этой жизни и будетъ имъ, вѣроятно, еще долгіе годы.—Ну, что же! У меня есть здоровье, есть силы и бодрость,—я снесу этотъ крестъ“.

Въ эту минуту раздался рѣзкій ударъ въ наружную дверь, какъ будто въ нее стукнули толстымъ сучкомъ или палкой, и Джипъ, вмѣсто того, чтобы залаять, какъ этого можно было ожидать,—громко завылъ. Адамъ, очень удивленный, сейчасъ же подошелъ къ двери и отворилъ ее. За дверью никого не было. Все кругомъ было такъ же тихо, какъ и часъ тому назадъ; листья на вѣткахъ не шевелились, и звѣзды обливали своимъ свѣтомъ спящія нивы по обѣ стороны ручья. Адамъ обошелъ вокругъ дома и не увидѣлъ ничего живого, кромѣ вспугнутой имъ крысы, прошмыгнувшей въ сарай. Онъ вернулся въ домъ въ полномъ недоумѣніи: стукъ былъ такой своеобразный, что онъ не могъ ошибиться, — ему тогда же представилось, что это кто-нибудь ударилъ въ дверь палкой. Онъ вспомнилъ, какъ мать много разъ говорила, что такой точно стукъ слышится въ домѣ, когда кто-нибудь изъ семьи

умираетъ. Адамъ не былъ особенно суевѣренъ, но въ жилахъ его текла крестьянская кровь, а крестьянинъ не можетъ не вѣрить въ традиціонныя примѣты, какъ не можетъ лошадь не дрожать, когда видитъ верблюда. Къ тому же, однимъ изъ свойствъ его натуры было сочетаніе глубокаго смиренія во всемъ, что недоступно уму человѣка, съ острой проницательностью въ области знанія: не одинъ только сильный здравый смыслъ, но и глубокое благоговѣніе къ Богу внушало ему такое отвращеніе къ доктринерству въ религіозныхъ вопросахъ, и онъ очень часто обрывалъ разсудочную аргументацію Сета, словами: „Э, братъ, это великая тайна. Много ли ты о ней знаешь!“ Такъ вотъ какимъ образомъ выходило, что проницательный умъ уживался въ этомъ человѣкѣ съ легковѣріемъ. Еслибъ обрушилось новое зданіе и ему бы сказали, что это судъ Божій, онъ отвѣтилъ бы: „Можетъ быть. Но стѣны и крыша были неправильно выведены, иначе онѣ бы не могли обвалиться“. И въ то же время онъ вѣрилъ въ сны и предчувствія, и до послѣдняго дня своей жизни задерживалъ дыханіе, разсказывая исторію таинственнаго стука въ дверь въ описанный вечеръ. Я разсказалъ ее, какъ разсказывалъ онъ самъ, не пытаясь объяснить явленіе естественными причинами: въ нашемъ стремленіи анализировать впечатлѣнія, проникающее ихъ чувство часто ускользаетъ отъ насъ.

Впрочемъ, Адамъ имѣлъ подъ рукой лучшее лѣкарство отъ воображаемыхъ страховъ: онъ долженъ былъ кончить заказъ, и въ слѣдующія десять минутъ стукъ молотка раздавался съ такою непрерывностью, что навѣрно покрывалъ собой всѣ другіе звуки, если они были. Но вотъ работнику понадобилась линейка; молотокъ замолчалъ, и тутъ ему опять послышался странный стукъ въ дверь, и Джипъ опять завылъ. Не теряя ни минуты, Адамъ бросился къ двери, но все было по прежнему тихо, и при свѣтѣ звѣздъ онъ ясно видѣлъ, что передъ домомъ не было ничего, кромѣ покрытой росою травы.

На одинъ мигъ Адамъ встревожился за отца, но въ послѣдніе годы старикъ никогда не возвращался домой въ темнотѣ, и были всѣ основанія предполагать, что въ эту минуту онъ вытрезвляется сномъ въ своемъ любимомъ трактирѣ. Притомъ въ умѣ Адама мысль о будущемъ была до такой степени неразлучна съ мучительнымъ образомъ пьянаго отца, что страхъ несчастныхъ случайностей, которыя грозили бы его жизни, не могъ овладѣть имъ надолго. Затѣмъ у него мелькнула новая мысль, заставившая его сбросить башмаки, осторожно подняться по лѣстницѣ и прислушаться у дверей спаленъ. Но и братъ и мать дышали спокойно и ровно.

Адамъ сошелъ внизъ и принялся опять за работу, говоря себѣ: „Не стану больше отворять. Безполезно пялить глаза, силясь увидѣть звукъ. Быть можетъ, существуетъ міръ, котораго мы не можемъ видѣть, но ухо острѣе глаза и иногда ула-

вливаетъ звуки изъ этого міра. Есть люди, которые воображаютъ, что они видятъ его, но у такихъ людей въ большинствѣ случаевъ глаза ни на что другое не годны. Что до меня, то, по моему разумѣнію, лучше видѣть, вѣрно ли поставленъ отвѣсъ, чѣмъ видѣть духовъ".

Такого рода мысли легко забираютъ силу по мѣрѣ того, какъ дневной свѣтъ заставляетъ блѣднѣть свѣтъ свѣчи и когда начинаютъ пѣть птицы. Къ тому времени, какъ яркое солнце засверкало на мѣдныхъ шляпкахъ гвоздей, изъ которыхъ были выложены инициалы на крышкѣ гроба, послѣдніе остатки тяжелаго предчувствія, вызваннаго въ душѣ Адама таинственнымъ стукомъ, потонули въ чувствѣ удовлетворенія сознаніемъ, что работа была кончена и обѣщаніе исполнено. Звать Сета не понадобилось, такъ какъ онъ уже ходилъ наверху и скоро сошелъ внизъ.

— Ну, братецъ, гробъ готовъ, сказалъ ему Адамъ, когда онъ появился. — Теперь мы понесемъ его въ Брокстонъ и къ половинѣ седьмого обернемся назадъ. Я только съѣмъ кусочекъ пирога, и пойдемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ гробъ плотно стоялъ на широкихъ плечахъ двухъ братьевъ, и они, въ сопровожденіи Джипа, выходили со двора на дорожку, огибавшую домъ съ задней стороны. Брокстонъ стоялъ на противуположномъ скатѣ долины, миляхъ въ полутора онъ ихъ дома; дорожка весело вилась по полямъ между изгородей, гдѣ пахло козьей жимолостью и шиповникомъ и гдѣ птицы щебетали въ густой листвѣ дубовъ и вязовъ. Это была очень оригинальная—смѣшанная картина: свѣжее лѣтнее утро съ его райской тишиной, сильныя, статныя фигуры двухъ братьевъ въ грубой рабочей одеждѣ и длинный гробъ на ихъ дюжихъ плечахъ. Они остановились у маленькой фермы на выѣздѣ изъ Брокстона. Къ шести часамъ все было окончено, гробъ заколоченъ, и Адамъ съ Сетомъ повернули домой. Теперь они пошли кратчайшей дорогой — прямикомъ по полямъ; ручей имъ приходилось перейти у самаго дома. Адамъ ничего не говорилъ Сету о ночномъ приключеніи, но впечатлѣніе, которое оно на него сдѣлало, было еще на столько свѣжо, что онъ сказалъ теперь:

Сетъ, если къ тому времени, какъ мы позавтракаемъ, отецъ еще не вернется, сходи-ка ты въ Треддльстонъ справиться о немъ, а кстати купишь мнѣ мѣдной проволоки. Не бѣда, что ты потеряешь время:—мы его наверстаемъ. Что ты на это скажешь?

— Что-жъ, я схожу... А погляди-ка, какія собрались тучи съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ дому. Должо быть, опять будетъ дождь. Какъ-то уберутъ сѣно, если опять затопитъ луга! Ручей и теперь уже полонъ воды; еще день-два дождя, и мостки зальетъ: придется ходить кругомъ, по дорогѣ.

Въ эту минуту они спустились въ долину и подошли къ лугу, черезъ который протекалъ ручей.

— Что это тамъ торчитъ около ивы? проговорилъ вдругъ Сетъ, ускоряя шаги.

У Адама екнуло сердце; его смутная тревога объ отцѣ перешла въ непобѣдимый ужасъ. Онъ не отвѣтилъ Сету, но пустился бѣжать къ ручью. Джипъ съ безпокойнымъ лаемъ бѣжалъ впереди. Въ двѣ секунды Адамъ былъ подлѣ мостковъ.

Такъ вотъ что означало предзнаменованіе! Быть можетъ, въ тотъ самый самый мигъ его отецъ, о которомъ всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ думалъ почти съ горечью, про котораго онъ говорилъ себѣ, что старикъ еще долго будетъ висѣть камнемъ на его шеѣ,—быть можетъ въ тотъ мигъ онъ боролся со смертью! Такова была первая мысль, пронизавшая мозгъ Адама, прежде чѣмъ онъ успѣлъ схватить за платье и вытащить изъ воды большое тяжелое тѣло. Сетъ, подоспѣвшій въ этотъ моментъ, помогъ ему, и когда утопленникъ очутился на берегу, оба сына опустились на колѣни и съ нѣмымъ ужасомъ глядѣли въ его стеклянные глаза, позабывъ, что нужно дѣйствовать,—позабывъ все на свѣтѣ, кромѣ того, что отецъ ихъ лежитъ передъ ними мертвый. Адамъ заговорилъ первый.

— Я побѣгу къ матери, сказалъ онъ громкимъ шепотомъ.— Я мигомъ сбѣгаю и вернусь къ тебѣ.

Бѣдная Лизбета суетилась, приготовляя сыновьямъ завтракъ, и похлебка для нихъ уже кипѣла на огнѣ. Ея кухня всегда блистала чистотой, но въ это утро она почему-то особенно старалась придать своему царству уютный и привлекательный видъ.

„Мальчики сильно проголодаются“, бормотала она въ полголоса, помѣшивая похлебку. „До Брокстона путь не близокъ, да на гору подняться съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,—какъ тутъ не проголодаться! Да, а теперь, когда въ немъ лежитъ бѣдняга Бобъ Толеръ, онъ сталъ еще тяжелѣй... Ну, ничего, похлебки, кажется, хватитъ; сегодня я наварила побольше. Можетъ быть, и отецъ подоспѣетъ. Ну, да онъ-то много не съѣстъ. Онъ проглотитъ на шесть пенсовъ пива и сбережетъ полпенса на похлебкѣ,—вотъ его способъ копить деньги, какъ я ему много разъ говаривала, да вѣрно и еще не разъ скажу. Правда и то, что на него, горемычнаго слова не очень-то дѣйствуютъ, — что подѣлаешь!..“ Но тутъ Лизбета вдругъ услыхала тяжелый топотъ ногъ бѣгущаго по травѣ человѣка и, быстро повернувшись къ двери, увидѣла на порогѣ Адама. Онъ былъ такъ блѣденъ и взволнованъ, что она громко вскрикнула и кинулась къ нему, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово.

— Тише, матушка, не пугайся, проговорилъ Адамъ хриплымъ голосомъ.—Отецъ свалился въ воду,—можетъ быть, намъ еще удастся привести его въ чувство. Мы съ Сетомъ сейчасъ его принесемъ. Достань одѣяло и погрѣй у огня.

Въ сущности Адамъ не сомнѣвался, что отецъ его умеръ, но онъ зналъ, что единственное средство сколько-нибудь сдержать бурный взрывъ отчаянія его матери, это — задать ей спѣшную работу, съ которой была-бы неразлучна надежда.

Онъ побѣжалъ опять къ Сету, и сыновья, въ благоговѣйномъ безмолвіи, подняли на руки печальную ношу. Широко раскрытые стеклянные глаза мертвеца были сѣрые, какъ у Сета. Когда-то они съ нѣжной гордостью глядѣли на двухъ мальчиковъ, передъ которыми впослѣдствіи опускались отъ стыда. Главными чувствами Сета были горе и ужасъ передъ внезапной смертью отца, испустившаго духъ безъ покаянія; но мысли Адама были всѣ въ прошломъ, наполнявшемъ его душу жалостью и раскаяніемъ. Когда приходитъ смерть—этотъ великій миротворецъ—мы никогда не скорбимъ о нашей прошлой нѣжности, а всегда—о суровости.

ГЛАВА V.

РЕКТОРЪ.

Къ полудню прошелъ сильный дождь, и въ саду ректорскаго дома въ Брокстонѣ стояла вода по обѣ стороны дорожекъ, усыпанныхъ крупнымъ пескомъ. Большія провансальскія розы жестоко потрепало вѣтромъ и побило дождемъ, а на грядкахъ всѣ цвѣты понѣжнѣй были прибиты къ землѣ и перемѣшались съ грязью. Печальное утро для деревни! Уже почти наставала пора сѣнокоса, и вдругъ луга затопило дождемъ.

Но обладатели благоустроенныхъ домовъ всегда имѣютъ подъ рукой комнатныя развлеченія, о которыхъ они бы и не вспомнили, еслибъ не дождь. Не будь дождя въ это утро, мистеръ Ирвайнъ не сидѣлъ-бы у себя въ столовой и не игралъ-бы въ шахматы съ своей матерью,—а мистеръ Ирвайнъ настолько сильно любитъ и мать свою, и шахматы, что, при ихъ помощи, нѣсколько часовъ дождливаго утра всегда промелькнутъ для него незамѣтно. Позвольте мнѣ ввести васъ въ эту столовую и показать вамъ преподобнаго Адольфуса Ирвайна, Брокстонскаго ректора, викарія Гейслопа и Блэйта, — духовную особу, противъ которой, не смотря на совмѣщеніе въ ея рукахъ столькихъ приходовъ, не могъ-бы питать злобнаго чувства самый строгій реформаторъ церкви. Мы войдемъ на-цыпочкахъ и смирненько станемъ въ открытыхъ дверяхъ, чтобы не разбудить какъ-нибудь двухъ собакъ—коричневаго сеттера съ лоснящейся шерстью, что лежитъ въ растяжку на коврикѣ у камина и кормитъ своихъ двухъ щенковъ, и моську, которая спитъ, приподнявъ кверху свою черную мордочку, точно задремавшій предсѣдатель суда.

Комната—высокая и просторная, съ большимъ полукруглымъ окномъ на одномъ концѣ. Стѣны, какъ видите, новыя,

еще не крашеныя; но мебель, когда-то дорогая, замѣтно выцвѣла отъ старости, и по размѣрамъ комнаты ея маловато; да и на окнѣ нѣтъ драпировки. Малиновая скатерть на большомъ обѣденномъ столѣ — хотя она и составляетъ пріятный контрастъ съ холодными тонами известки на стѣнахъ,—сильно поистерлась; но на этой скатерти стоитъ массивное серебряное блюдо съ графиномъ для воды такого точно образца, какъ два другихъ блюда побольше, что прислонены къ задней стѣнкѣ буфета, такъ-что вы можете хорошо разсмотрѣть вырѣзанный на нихъ гербъ. Вамъ сейчасъ-же приходитъ въ голову, что обитатели этой комнаты унаслѣдовали больше предковъ, чѣмъ денегъ, и навѣрно вы не убѣдитесь, если окажется, что мистеръ Ирвайнъ обладаетъ тонкими ноздрями и изящно очерченной верхней губой. Но пока намъ видны только его широкая прямая спина да густая шапка напудренныхъ волосъ, зачесанныхъ назадъ и стянутыхъ черной лентой,—остатокъ старины, свидѣтельствующій о томъ, что мистеръ Ирвайнъ уже немолодой человѣкъ. Авось онъ скоро къ намъ повернется, а покуда полюбуемся его матерью — величественной, красивой старухой, рѣзкой брюнеткой съ роскошнымъ цвѣтомъ лица, который прекрасно оттѣняется сложнымъ сооруженіемъ изъ чистѣйшаго бѣлаго батиста и кружевъ, облекающимъ ея голову и шею. Ея довольно полный станъ строенъ и прямъ, какъ у статуи Цереры, а выраженіе смуглаго лица съ тонкимъ орлинымъ носомъ, твердо очерченнымъ ртомъ и маленькими проницательными черными глазами, — такъ тонко насмѣшливо, что вы инстинктивно подставляете колоду картъ на мѣсто шахматъ и воображаете, что она вамъ гадаетъ. Маленькая смуглая рука, которою она приподняла сейчасъ свою королеву *), вся залита брилліантами, жемчугомъ и бирюзой, а прикрѣпленный у нея на макушкѣ длинный черный вуаль красиво облегаетъ ея шею, рѣзко выдѣляясь на бѣлыхъ складкахъ батиста. Не мало надо времени, чтобы одѣть поутру эту старую лэди. Но она должна быть одѣта именно такъ,—вамъ это кажется почти закономъ природы: ясно, что это одна изъ тѣхъ избранницъ судьбы, которыя никогда не сомнѣваются въ своемъ божественномъ правѣ и не встрѣчаютъ людей, настолько безсмысленныхъ, чтобы оспаривать его.

— Ну-съ, ваше преподобіе, какъ это у васъ называется? говоритъ великолѣпная старая лэди, спокойно поставивъ свою королеву и скрещивая руки на груди.—Мнѣ не хочется выговорить ужасное слово, которое оскорбитъ ваши чувства.

— Ахъ, мама, да вы просто колдунья! Какой крещеный человѣкъ можетъ выиграть, играя противъ васъ! Мнѣ слѣдовало опрыскать доску святой водой, прежде чѣмъ мы сѣли играть.

---

*) Фигура въ шахматной игрѣ.

Какъ себѣ хотите, а вы взяли эту партію нечистыми средствами,—не отпирайтесь.

— Ну да, побѣжденные всегда такъ говорятъ о великихъ побѣдителяхъ. Но взгляни: всю доску освѣтило солнцемъ точно, нарочно, чтобъ ты могъ видѣть, какой ты сдѣлалъ глупый ходъ вотъ этой пѣшкой... Ну, что-же, хочешь—сыграемъ еще?

— Нѣтъ, мама, я предоставляю васъ вашей совѣсти. Погода прояснилась, и мы съ Юноной пойдемъ пополощемся немножко въ грязи. Хочешь, Юнона?—Это возваніе относилось къ коричневому сеттеру, который, заслышавъ голосъ хозяина, вскочилъ на ноги и съ вкрадчивымъ видомъ положилъ морду ему на колѣни.—Только я зайду сперва наверхъ вглянуть на Анну. Я собирался было раньше зайти, да меня позвали хоронить Толера.

— Напрасно тебѣ и ходить къ ней, мой другъ; она все равно не можетъ теперь говорить. Кетъ мнѣ сказала, что сегодня у нея одна изъ самыхъ ея жестокихъ мигреней.

— О! это ничего не значитъ; ей будетъ все-таки пріятно, если я зайду. Головная боль никогда не сдѣлаетъ ее равнодушной къ вниманію близкихъ людей.

Если вамъ случалось размышлять о томъ, какъ многое въ человѣческой рѣчи говорится совершенно безцѣльно, единственно по привычкѣ. вы не удивитесь, когда я вамъ скажу, что вышеприведенное возраженіе мистрисъ Ирвайнъ и отвѣтъ на него повторялись тысячу разъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ сестра мистера Ирвайна, миссъ Анна, стала хворать. Великолѣпныя пожилыя дамы, употребляющія много времени на свой утренній туалетъ, часто страдаютъ недостаткамъ сочувствія къ болѣзненнымъ дочерямъ.

Но пока мистеръ Ирвайнъ сидѣлъ, развалившись въ своемъ креслѣ и поглаживая голову Юноны, въ дверяхъ показалась служанка и сказала:

— Сэръ, тамъ Джошуа Раннъ желаетъ васъ видѣть, если вы свободны.

— Пусть идетъ сюда, сказала мистрисъ Ирвайнъ, взявъ въ руки вязанье.—Я люблю иногда послушать мистера Ранна. У него навѣрно грязные башмаки, но вы присмотрите, Карроль, чтобъ онъ хорошенько ихъ вытеръ.

Черезъ двѣ минуты вошелъ мистеръ Раннъ, отвѣшивая почтительные поклоны, которые, впрочемъ, ничуть не подкупили въ его пользу сердитую моську: съ пронзительнымъ лаемъ она кинулась черезъ всю комнату, имѣя въ виду поближе познакомиться съ ногами неизвѣстнаго гостя, а два щенка, на которыхъ толстыя икры и шерстяные чулки мистера Ранна подѣйствовали оживляющимъ образомъ, принялись бросаться на нихъ и визжать въ дикомъ восторгѣ. Между тѣмъ мистеръ Ирвайнъ повернулся въ своемъ креслѣ и сказалъ:

— Здравствуйте, Джошуа. Вѣрно въ Гейслопѣ что-нибудь слу-

чилось, что вы пришли по такой мокротѣ? Садитесь, садитесь' Не бойтесь собакъ, — оттолкните ихъ легонько ногой.—Шарикъ, молчать! Негодяй ты этакій!

Пріятно бываетъ вглянуть на нѣкоторыхъ людей, когда они разомъ къ вамъ повернутся, — пріятно въ родѣ того, какъ пріятна зимой неожиданная струя теплаго воздуха или блескъ фейерверка въ темную ночь. Мистеръ Ирвайнъ былъ однимъ изъ такихъ людей. Между нимъ и его матерью было того-же рода сходство, какое существуетъ между нашимъ воспоминаніемъ о лицѣ любимаго человѣка и самымъ лицомъ: у сына всѣ очертанія были благороднѣе, улыбка свѣтлѣе, выраженіе болѣе открытое. Еслибы черты его были менѣе изящны, про него можно было бы сказать: „Вотъ добрякъ!"; но это слово совсѣмъ не годилось для опредѣленія того сочетанія добродушія и достоинства, которымъ дышало его лицо.

— Покорно благодаримъ ваше преподобіе, отвѣчалъ мистеръ Раннъ, стараясь показать, что онъ не боится за свои икры, но поминутно отбрыкиваясь отъ щенковъ. — Я постою съ вашего позволенія; такъ оно будетъ приличнѣй. Надѣюсь, что вы и мистрисъ Ирвайнъ въ добромъ здоровьѣ. И миссъ Ирвайнъ тоже здраствуетъ? И миссъ Анна?

— Да, Джошуа, благодарю васъ. Видите, какъ цвѣтетъ моя мать. Мы, молодежь, кажемся передъ ней стариками.—Но говорите-же, съ чѣмъ вы пришли?

— Вотъ видите-ли, серъ: мнѣ нужно было въ Брокстонъ—работу снести, ну, а ужъ, кстати, я счелъ своимъ долгомъ завернуть къ вамъ и разсказать, какія у насъ творятся дѣла. Я въ жизнь свою такого не видывалъ, а я жилъ въ нашей деревнѣ мальчишкой, жилъ и взрослымъ мужчиной.—на Ѳому исполнится шестьдесятъ лѣтъ, какъ я тамъ живу. Я собиралъ пасхальный сборъ для мистера Блика, еще до того, какъ ваше преподобіе переѣхали въ нашъ приходъ. Безъ меня не обходилось ни одной службы; ни одной могилы не вырыли безъ меня. Я пѣлъ въ хорѣ задолго до того, какъ неизвѣстно откуда появился Бартль Масси со своимъ новомоднымъ пѣніемъ, отъ котораго всякій, кромѣ него самого, готовъ заткнуть уши, — такъ они голосятъ, — тянутъ себѣ въ одну ноту, какъ стадо барановъ. Я знаю обязанности приходскаго клерка и знаю, что я погрѣшилъ-бы противъ вашего преподобія, противъ церкви и короля, еслибы скрылъ отъ васъ такія дѣла. Для меня это былъ совершенный сюрпризъ: я ничего не зналъ заранѣе... я былъ такъ взволнованъ, какъ будто растерялъ свои инструменты. Я и четырехъ часовъ не проспалъ въ прошлую ночь, да и то это былъ не сонъ, а какой-то кошмаръ, отъ котораго я измучился хуже, чѣмъ еслибъ вовсе не спалъ.

— Ради всего святого, Джошуа, въ чемъ-же, наконецъ, дѣло? Не воры ли опять пытались забраться въ церковь?

— Нѣтъ, сэръ, не воры... а между тѣмъ оно, пожалуй, можно

сказать, что и воры, и что они грабили церковь. — Все методисты, сэръ. И похоже на то, что они возьмутъ верхъ въ нашемъ приходѣ, если только ваше преподобіе или его милость сквайръ Доннитор нъ не разсудите за благо сказать свое слово и прекратить эти дѣла. Я вамъ, сэръ, не указываю; я никогда не забудусь до того, чтобы считать себя умнѣе тѣхъ, кто поставленъ выше меня. Но уменъ-ли я, или глупъ,—суть не въ томъ; говорю-же я только то, что я видѣлъ и знаю, а именно—что одна методистка, молодая женщина, которая гоститъ у мистера Пойзера, вчера вечеромъ говорила проповѣдь и молилась у насъ на лужайкѣ, и это такъ-же вѣрно, какъ то, что я стою передъ вашимъ преподобіемъ въ эту минуту.

— Говорила проповѣдь? повторилъ мистеръ Ирвайнъ съ удивленіемъ, но совершенно спокойно.—Это та хорошенькая бѣдная дѣвушка, которую я видѣлъ у Пойзеровъ? Я догадался по ея костюму, что она методистка или квакерша, или что-нибудь въ этомъ родѣ, но я не зналъ, что она проповѣдница.

— Все, что я разсказалъ вамъ, сэръ,—истинная правда, продолжалъ мистеръ Раннъ, сложивъ губы сердечкомъ и дѣлая настолько длинную паузу, чтобы въ ней могли умѣститься, по крайней мѣрѣ три восклицательныхъ знака.—Вчера вечеромъ она проповѣдывала на лужайкѣ и обратила Чедову Бессъ: съ тѣхъ самыхъ поръ дѣвчонка въ припадкѣ,—рыдаетъ въ три ручья, не можетъ удержаться.

— Ну, ничего. Бесси Крэнеджъ здоровая дѣвушка, и я надѣюсь, что она оправится. А кромѣ нея ни съ кѣмъ не случилось припадка?

— Нѣтъ, сэръ, больше ни съ кѣмъ. — лгать не стану. Но только Богъ одинъ знаетъ, что́ изъ всего этого выйдетъ!.... Если у насъ всякую недѣлю будутъ говориться такія проповѣди, въ деревнѣ житья не станетъ: методисты увѣрятъ народъ, что стоитъ человѣку позволить себѣ самое маленькое удовольствіе—выпить лишнюю кружку пива,—и онъ попадетъ въ адъ такъ-же вѣрно, какъ то, что онъ родился на свѣтъ. Я, слава Богу, не пьяница, не кутила,—никто не скажетъ этого про меня, — но я люблю пропустить лишній стаканчикъ на Пасху или тамъ на Святки, примѣрно сказать. И развѣ оно не естественно, когда ты ходишь изъ дому въ домъ—какъ мы, когда славимъ Христа, — и вездѣ тебя угощаютъ? Когда мнѣ приходится собирать церковные сборы, я тоже всегда выпиваю. Я прямо говорю: я люблю выпить кружку пива за трубкой, люблю разъ-другой въ мѣсяцъ покалякать по сосѣдски съ мистеромъ Кассономъ, потому что я, благодареніе Богу, выросъ въ правилахъ истинной церкви и тридцать два года прослужилъ приходскимъ клеркомъ. Кому-же и знать, если не мнѣ, въ чемъ состоитъ правая вѣра?

— Ну, такъ что-же вы мнѣ присовѣтуете, Джошуа? Что по вашему надо дѣлать?

— Я не думаю, ваше преподобіе, чтобы слѣдовало принимать какія-либо мѣры противъ молодой женщины. Не будь она проповѣдницей, противъ нея ничего нельзя сказать; къ тому-же я слыхалъ, что она скоро уѣзжаетъ домой, въ свою деревню. Она родная племянница мистера Пойзера, а я никогда не позволю себѣ говорить непочтительно объ этомъ семействѣ: я шью на нихъ башмаки—и на дѣтей, и на взрослыхъ,-съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался башмачникомъ. А вотъ Вилль Маскери, сэръ,—неисправимый методистъ, какого только можно себѣ представить,—онъ человѣкъ опасный. Я убѣжденъ, что это онъ подбилъ ее на вчерашнюю проповѣдь, и, если ему не подрѣжутъ крыльевъ, онъ къ намъ притащитъ изъ Треддльстона и другихъ проповѣдниковъ. Мнѣ кажется, хорошо-бы ему намекнуть, что ему перестанутъ отдавать въ починку церковныя повозки и утварь, а кстати напомнить, что домъ и дворъ, въ которыхъ онъ живетъ, принадлежатъ сквайру Доннитерну.

— Прекрасно, Джошуа, но вѣдь вы сами говорите, что до сихъ поръ на вашей памяти въ Гейслопѣ никогда не было проповѣдниковъ. Отчего-же вы думаете, что они начнутъ посѣщать васъ теперь? Методисты не любятъ проповѣдывать въ маленькихъ деревушкахъ, гдѣ не наберется и полусотни человѣкъ крестьянъ, да и тѣмъ за работой некогда ихъ слушать. Они почти съ такимъ-же успѣхомъ могли-бы проповѣдывать на необитаемомъ островѣ. Самъ Вилль Маскери, кажется, не проповѣдуетъ?

— Нѣтъ, сэръ, гдѣ ему? Онъ и двухъ словъ не свяжетъ безъ книги. Вздумай онъ заговорить, ему и не выкарабкаться,—завязнетъ, какъ корова въ болотѣ. Ну, а сосѣдей бранить—на это у него языка хватаетъ. Говорилъ-же онъ обо мнѣ, что я слѣпой фарисей. Подумайте только!—такъ злоупотреблять Священнымъ Писаніемъ! Брать изъ Библіи прозвища для людей, которые и почтеннѣе, и старше его! Да уже чего хуже?—онъ и васъ, ваше преподобіе, обзывалъ нехорошими словми Я могъ-бы привести свидѣтелей, и они показали-бы подъ присягой, что онъ называлъ васъ „лѣнивымъ пастыремъ“ и „безсловесной собакой“. Простите великодушно, что я повторяю такія слова.

— Напрасно повторяете, Джошуа. Пусть злыя слова умираютъ своею смертью. Вилль Маскери могъ-бы быть гораздо хуже, чѣмъ онъ есть. Говорятъ, прежде онъ былъ горькій пьяница и лѣнтяй,—не хотѣлъ работать, билъ жену; теперь онъ ведетъ себя скромно, живутъ они съ женой въ довольствѣ и, кажется, дружно. Если вы мнѣ докажете, что онъ ссорится съ сосѣдями и производитъ безпорядки,—я, какъ священникъ и должностное лицо, сочту своимъ долгомъ вмѣшаться. Но мы съ вами—умные люди; намъ неприлично поднимать шумъ изъ-за всякаго вздора, точно мы испугались за безо-

пасность истинной церкви только потому, что Вилль Маскери сболтнулъ, не подумавши, глупое слово, или какая-то молодая женщина побесѣдовала по душѣ съ горсточкой крестьянъ на лужайкѣ. Надо „жить и давать жить другимъ“, Джошуа; это одинаково относится и къ религіи, какъ ко всему остальному. Продолжайте исполнять ваши обязанности по приходу такъ-же хорошо, какъ исполняли ихъ до сихъ поръ, шейте вашимъ сосѣдямъ все такіе-же чудесные, крѣпкіе сапоги,—и, будьте увѣрены, ничего дурного съ Гейслопомъ не случится.

— Ваше преподбіе очень добры, что такъ говорите, и я хорошо понимаю, что какъ сами вы не живете въ приходѣ, то на моихъ плечахъ больше отвѣтственности.

— Разумѣется. И вы должны стараться не унижать нашу церковь въ глазахъ прихожанъ, показывая, что вы боитесь за нее по поводу всякой бездѣлицы. Я полагаюсь на вашъ здравый смыслъ, Джошуа, и надѣюсь, что вы больше не станете обращать вниманія на то, что скажетъ Вилль Маскери о васъ или обо мнѣ. И вы, и ваши сосѣди, покончивъ съ дневной работой, какъ добрые христіане,—можете продолжать пить свое пиво—конечно, умѣренно, и если Вилль Маскери не желаетъ присоединиться къ вашему обществу, а предпочитаетъ ходить въ Треддльстонъ на молитвенныя собранія,—пусть его дѣлаетъ, какъ знаетъ. Это васъ не касается, покуда и онъ не мѣшаетъ вамъ дѣлать то, что вамъ нравится. А если людямъ вздумается кое-когда позлословить на нашъ счетъ, то къ этому мы должны быть такъ-же равнодушны, какъ наша старая колокольня къ карканью грачей. Вилль Маскери каждое воскресенье ходитъ въ церковъ, а по буднямъ усердно занимается своимъ ремесломъ, и пока онъ это дѣлаетъ, мы не вправѣ его безпокоить.

— Да, сэръ, но когда онъ придетъ въ церковь, тошно бываетъ глядѣть на него. Какъ только мы запоемъ, онъ начинаетъ качать головой съ такой кислой рожей, что такъ вотъ—прости Господи—и чешутся руки дать ему въ зубы..... Ужъ извините меня, мистрисъ Ирвайнъ, и вы, ваше преподобіе, что я такъ говорю передъ вами. А одинъ разъ онъ даже сказалъ, что слушать наше рождественское пѣніе—все равно, что слушать, какъ трещитъ хворостъ въ печкѣ.

— Что-жъ, это только доказываетъ, что у него плохой музыкальный слухъ. Вы сами знаете, чего человѣкъ не можетъ понять,—ему не вдолбишь. А покамѣстъ вы поете какъ слѣдуетъ, ему никого не удастся убѣдить въ противномъ.

— Оно такъ, сэръ, вы правы; но только нельзя равнодушно слышать—всѣ внутренности переворачиваются, когда такъ обращаются съ Святымъ Писаніемъ. Я не хуже его знаю Библію; ущипните меня, когда я сплю, и я отбарабаню вамъ всѣ псалмы отъ слова до слова, но я не стану прикрывать свя-

тыми словами мои собственныя скверныя мысли,—я для этого слишкомъ глубоко чту Писаніе. Это все равно, что я взялъ-бы чашу отъ Святыхъ даровъ и сталъ-бы ѣсть изъ нея супъ за обѣдомъ.

— Это очень дѣльное замѣчаніе, Джошуа, но какъ я вамъ уже сказалъ...

Мистеръ Ирвайнъ еще не договорилъ, когда по каменному полу наружныхъ сѣней застучали каблуки чьихъ-то ботфортъ и послышалось бряцаніе шпоръ. Джошуа Раннъ поспѣшно отодвинулся отъ двери, пропуская въ комнату новаго гостя, который остановился на порогѣ и сказалъ звучнымъ теноромъ:

— Крестнику Артуру можно войти?

— Входи, входи, крестникъ! откликнулась мистрисъ Ирвайнъ густымъ, почти мужскимъ голосомъ, составляющимъ принадлежность здоровыхъ старухъ.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ правой рукой на перевязи. Послѣдовала веселая суматоха—смѣхъ, восклицанія, рукопожатія и взаимныя привѣтствія, въ перемежку съ короткимъ радостнымъ лаемъ и дружелюбнымъ помахиваніемъ хвостовъ со стороны четвероногихъ членовъ семейства, свидѣтельствовавшими о томъ, что посѣтитель коротко знакомъ въ этомъ домѣ. Молодой человѣкъ былъ Артуръ Доннитoрнъ, извѣстный въ Гейслопѣ подъ разнообразными кличками: „молодого сквайра“, „наслѣдника“ и „капитана“. Онъ состоялъ всего лишь въ чинѣ капитана Ломширской милиціи, но для обитателей Гейслопа онъ былъ болѣе подлиннымъ капитаномъ, чѣмъ каждый изъ молодыхъ джентльменовъ того-же чина въ регулярной арміи его величества. Онъ затмѣвалъ ихъ всѣхъ своимъ блескомъ, какъ затмѣваетъ собой Млечный Путь планета Юпитеръ. Если вы желаете поближе познакомиться съ его наружностью,—припомните одного изъ тѣхъ темноволосыхъ, кудрявыхъ молодыхъ англичанъ съ темно-рыжими бакенбардами и бѣлымъ лицомъ, которыхъ вамъ случалось встрѣчать заграницей и которыми вы гордились, какъ соотечественниками,—чистенькаго, вылощеннаго джентльмена, благовоспитаннаго, съ выхоленными бѣлыми руками, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему имѣть видъ хорошаго боксера, которому нипочемъ свалить противника однимъ взмахомъ руки. Во мнѣ не настолько сильна жилка портняжнаго искусства, чтобы я сталъ обременять ваше воображеніе подробностями его костюма и распространяться объ его полосатомъ жилетѣ, длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ съ отворотами.

Повернувшись, чтобы взять себѣ стулъ, капитанъ Доннитoрнъ сказалъ:

— Я не стану прерывать вашей дѣловой бесѣды. Продолжайте, Джошуа: вы что-то говорили.

— Прошу прощенья, ваша милость, отвѣчамъ Джошуа съ

неуклюжимъ поклономъ:—я хотѣлъ было сказать его преподобію объ одномъ дѣльцѣ, да за другими дѣлами совсѣмъ позабылъ

— Ну, говорите, Джошуа, да живѣй! сказалъ мистеръ. Ирвайнъ.

— Можетъ вы уже слышали, сэръ, что Тіасъ Бидъ умеръ— утонулъ нынче утромъ или, вѣрнѣе, вчера ночью въ ручьѣ у мостковъ, противъ самаго своего дома.

— Ахъ, Боже мой! воскликнули въ одинъ голосъ оба джентльмена, видимо пораженные этимъ извѣстіемъ.

— Сетъ Бидъ заходилъ ко мнѣ поутру,—просилъ передать вашему преподобію, что братъ его Адамъ очень васъ проситъ разрѣшить имъ выкопать могилу для отца у Бѣлыхъ Кустовъ: матери ихней, видите-ли, очень хочется похоронить его тамъ, потому-что она видѣла такой сонъ. Они бы и сами пришли васъ просить, да имъ очень много хлопотъ со слѣдствіемъ по поводу этого происшествія, а мать непремѣнно хотѣла теперь-же обезпечить за собой это мѣсто; она боится, какъ-бы его не занялъ кто-нибудь другой,—больно ужъ она привязалась къ мысли похоронить своего старика у Бѣлыхъ Кустовъ. Если ваше преподобіе даете разрѣшеніе, я, какъ только вернусь домой, пошлю своего мальчишку ихъ извѣстить: потому только я и осмѣлился безпокоить ваше преподобіе въ присутствіи его милости.

— Конечно, конечно, Джошуа. Передайте имъ, что мѣсто за ними. Попозже я и самъ заѣду къ Адаму. Но вы на всякій случай все-таки пошлите вашего мальчика, а то меня, пожалуй, что-нибудь задержитъ. Ну, кажется, все. Прощайте, Джошуа. Зайдите на кухню выпить кружечку элю.

— Бѣдняга Тіасъ! сказалъ мистеръ Ирвайнъ, когда Джошуа вышелъ.—Боюсь, не водка-ли помогла ему утонуть. Большое бремя свалилось съ плечъ нашего друга Адама, но я хотѣлъ-бы, чтобъ это случилось не при такой трагической обстановкѣ. Славный парень этотъ Адамъ! Послѣднія пять шесть лѣтъ онъ одинъ не давалъ отцу окончательно погибнуть.

— Да, онъ недюжинный малый, сказалъ капитанъ Доннитрнъ.—Когда я былъ мальчишкой, а Адамъ—здоровымъ, рослымъ юношей лѣтъ пятнадцати, онъ училъ меня плотничать, и, помню, я всегда бывало думалъ, что, если когда-нибудь я буду богатымъ султаномъ, я сдѣлаю Адама своимъ великимъ визиремъ. И я убѣжденъ, что онъ перенесъ-бы свое возвышеніе не хуже любого бѣдняка-мудреца въ исторіи Востока. Если я переживу моего дѣдушку и изъ голыша, зависящаго отъ его милости, превращусь въ богатаго помѣщика, Адамъ будетъ моей правой рукой. Я поручу ему надзоръ за лѣсами, потому-что я не встрѣчалъ человѣка, который-бы лучше его понималъ это дѣло, и я увѣренъ, что онъ выручитъ съ нашихъ лѣсовъ вдвое больше, чѣмъ получаетъ мой дѣдъ со своимъ знаменитымъ лѣсничимъ, этимъ ничтожнымъ старикашкой, Сатчеллемъ,

который смыслитъ въ лѣсоводствѣ не больше стараго карася.

Я уже пробовалъ раза два заговаривать съ дѣдушкой объ Адамѣ, но онъ почему-то его не возлюбилъ, и я ничего не могъ сдѣлать...

Но, кажется, ваше преподобіе собирались ѣхать верхомъ? Поѣдемте вмѣстѣ. Погода великолѣпная. Мы можемъ вмѣстѣ заѣхать къ Адаму, только мнѣ надо еще завернуть въ Большую Ферму—взглянуть на щенковъ, которыхъ приготовилъ для меня Пойзеръ.

— Подождите, Артуръ, сперва позавтракаемъ, сказала мистрисъ Ирвайнъ.—Скоро два часа. Карроль сейчасъ подастъ завтракъ.

— Я тоже заѣду къ Пойзерамъ, сказалъ мистеръ Ирвайнъ;—мнѣ хочется видѣть эту маленькую методистку, что́ гоститъ у нихъ. Джошуа мнѣ сказалъ, что вчера вечеромъ она говорила проповѣдь на лужайкѣ.

— Да что вы! Быть не можетъ! засмѣялся капитанъ Донниторнъ.—А на видъ она такая смиренная, точно мышка. Впрочемъ, правда, въ ней есть что-то особенное. Когда мы съ ней встрѣтились въ первый разъ, мнѣ стало положительно неловко. Она сидѣла на солнышкѣ у крыльца, когда я подъѣхалъ къ дому, и что-то шила, низко нагнувшись.

Я не замѣтилъ, что это сидитъ незнакомая мнѣ дѣвушка, и громко спросилъ: „Дома Мартинъ Пойзеръ?“ Она встала, посмотрѣла на меня и отвѣтила: „Онъ, кажется, въ домѣ; я его сейчасъ позову“. Больше она ничего не сказала, но, увѣряю васъ, я страшно переконфузился, что обратился къ ней такъ рѣзко. Она была точно Святая Катерина въ квакерскомъ платьѣ. Между нашимъ простонародьемъ рѣдко встрѣчается такой типъ лица.

— Мнѣ хотѣлось-бы видѣть эту дѣвушку, Дофинъ, сказала мистрисъ Ирвайнъ.—Пригласи ее къ намъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

— Не знаю, матушка... Едвали это будетъ удобно. Мнѣ меньше чѣмъ кому-нибудь пристало покровительствовать проповѣдницѣ—методискѣ, еслибъ даже она согласилась принять покровительство „лѣниваго пастыря“, какъ называетъ меня Вилль Маскери.—Очень жаль, Артуръ, что вы не пріѣхали раньше: послушали-бы, какъ Джошуа обличалъ своего сосѣда Маскери. Старику очень хотѣлось заставить меня отлучить отъ церкви провинившагося колесника, а затѣмъ предать его суду гражданскихъ властей, т. е. вашего дѣда, чтобы тотъ прогналъ его изъ дому и съ земли. Да, вздумай я только вмѣшаться въ это дѣло, вышла-бы премиленькая исторія религіозныхъ гоненій, которую методисты съ восторгомъ опубликовали-бы въ ближайшемъ номерѣ своего журнала. Мнѣ не стоило-бы большого труда убѣдить Чеда Крэнеджа, а съ нимъ еще съ полдюжины такихъ-же тупоголовыхъ молодцовъ, что они окажутъ

драгоцѣнную услугу истинной церкви, если вооружатся кнутами и вилами и выгонятъ Вилля Маскери изъ деревни. А тамъ можно бы вручить имъ полсоверена, чтобъ они отпраздновали выпивкой успѣхъ своего славнаго подвига,—и фарсъ былъ-бы завершенъ,—прелестнѣйшій фарсъ, который могъ-бы поспорить съ любымъ изъ тѣхъ, что разыгрывали въ своихъ приходахъ мои собратія за послѣднія тридцать лѣтъ.

— Но со стороны этого человѣка было во всякомъ случаѣ большою дерзостью назвать тебя, „лѣнивымъ пастыремъ“ и „безсловесной собакой“, сказала мистрисъ Ирвайнъ,—и за это я бы на твоемъ мѣстѣ немножко его проучила. Ты слишкомъ легко принимаешь къ сердцу такія вещи, Дофинъ.

— Неужто, матушка, вы-бы одобрили, еслибъ я сталъ мстить Виллю Маскери за его клевету? Неужели вы находите подобную месть хорошимъ способомъ для поддержанія моего достоинства? Притомъ я *не вполнѣ* увѣренъ, что это клевета. Я въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ и становлюсь страшно тяжелъ для верховой ѣзды, не говоря уже о томъ, что я трачу на кирпичъ и известку больше, чѣмъ позволяютъ мнѣ средства, и вслѣдствіе этого прихожу въ неистовство, когда какой-нибудь калѣка-нищій попроситъ у меня шесть пенсовъ. Эти несчастные, истомленные труженики, воображающіе, что они помогутъ возрожденію человѣчества, если поднимутся съ пѣтухами и скажутъ проповѣдь до начала своего дневного труда, имѣютъ полное основаніе быть плохого мнѣнія обо мнѣ... А вотъ и Карроль съ блюдомъ,—давайте-ка завтракать. Кетъ не придетъ къ завтраку?

— Миссъ Ирвайнъ приказала Бриджетъ подать ей завтракъ наверхъ, отвѣчала Карроль; — она не можетъ отойти отъ миссъ Анны.

— А, хорошо. Пусть Бриджетъ передастъ наверху, что я сейчасъ приду взглянуть на миссъ Анну.—А, вы уже можете дѣйствовать вашей правой рукой, Артуръ? спросилъ мистеръ Ирвайнъ, замѣтивъ, что капитанъ Доннитрнъ вынулъ руку изъ повязки.

— Да, немножко; но Годвинъ настаиваетъ, чтобы еще нѣкоторое время она оставалась на перевязи. Я, впрочемъ, все-таки надѣюсь возвратиться въ полкъ къ началу августа. Такая скука сидѣть въ этомъ замкѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда нельзя ни охотиться съ собаками, ни стрѣлять, и вообще нѣтъ никакихъ развлеченій, которыя нагоняли-бы на тебя къ вечеру пріятный сонъ. За то 30-го іюля мы собираемся удивить міръ. Дѣдушка даетъ мнѣ carte blanche на этотъ день, и я вамъ обѣщаю, что торжество будетъ вполнѣ достойно своего повода и причины. Великій день моего совершеннолѣтія не повторится два раза. Для васъ, крестная, я намѣренъ воздвигнуть высокій тронъ, или лучше—два: одинъ на лугу, а другой въ бальной залѣ, чтобъ вы могли взирать на насъ съ высоты, какъ олимпійская богиня.

— А я собираюсь надѣть самое мое парадное, глазетовое платье, которое было на мнѣ въ день твоихъ крестинъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, сказала мистрисъ Ирвайнъ.—Какъ сейчасъ вижу твою бѣдную мать въ этотъ день. Какъ она порхала въ своемъ бѣленькомъ платьѣ! Мнѣ и тогда оно почти казалось саваномъ, а черезъ три мѣсяца она лежала въ немъ на столѣ. Твое крестильное платьице и чепчикъ положили съ ней въ гробъ,—она такъ объ этомъ просила, бѣдняжка... Ты, слава Богу, вышелъ въ материнскую семью, Артуръ. Будь ты костлявымъ, желтымъ, хилымъ ребенкомъ, я ни за что не пошла бы къ тебѣ въ крестныя матери: я была-бы увѣрена, что изъ тебя выйдетъ Доннитор нъ. Но ты былъ такой толстощекій, плечистый, громогласный плутишка, что я сразу увидѣла, что ты весь въ породу Траджетовъ.

— Однако, матушка, легко могло оказаться, что вы вывели слишкомъ поспѣшное заключеніе, замѣтилъ, улыбаясь, мистеръ Ирвайнъ.—Помните, какъ вышло съ послѣдними щенками Юноны? Одинъ былъ вылитая мать, а всѣ повадки у него оказались отцовскія. Природа такъ умна, что можетъ перехитрить даже васъ, матушка.

— Вздоръ, дитя. Природа не создастъ хорька въ образѣ дворовой собаки. Ты никогда меня не увѣришь, чтобы я не могла опредѣлить человѣка по его внѣшнему виду. Если наружность твоя мнѣ не нравится,—будь увѣренъ, что я никогда тебя не полюблю. У меня такъ-же мало охоты узнавать ближе людей съ безобразнымъ, непріятнымъ лицомъ, какъ пробовать кушанья, которыя имѣютъ неаппетитный видъ. Когда съ перваго взгляда на человѣка меня бросаетъ въ дрожь, я говорю: „Уберите его“. Мнѣ дѣлается положительно дурно, когда я вижу некрасивые—свиные или рыбьи глаза; для меня это то-же, что скверный запахъ.

— Кстати о глазахъ, сказалъ капитанъ Доннитор нъ.—Это напомнило мнѣ, крестная, что я собирался привезти вамъ одну книгу. Я получилъ ее на дняхъ изъ Лондона вмѣстѣ съ другими. Я знаю, что вы любите фантастическіе разсказы. Это томикъ стихотвореній—„Лирическихъ балладъ“. Большая часть изъ нихъ—одно пустословіе, но первая недурна. Называется она—„Старый морякъ“. Мысль, признаюсь, мнѣ мало понятна, но разсказано занимательно. Я вамъ пришлю эту книжку. Есть еще двѣ другія,—можетъ быть *вы*, Ирвайнъ, захотите просмотрѣть. Это брошюры объ антиноміанизмѣ и евангелизмѣ, а что въ нихъ говорится,—ужъ не могу вамъ сказать. Не понимаю, съ чего вздумалъ этотъ уродъ—мой поставщикъ—угощать меня такими книгами. Я ему написалъ, чтобъ онъ больше не смѣлъ мнѣ присылать ни книгъ, ни брошюръ, которыя кончаются на *измъ*.

— Не могу сказать, чтобъ и я былъ большой охотникъ до *измовъ*, но я, пожалуй, просмотрю ваши брошюрки: все таки узнаешь, что дѣлается на свѣтѣ... Мнѣ нужно сперва сдѣлать

одно маленькое дѣльце, Артуръ, продолжалъ мистеръ Ирвайнъ, вставая, чтобъ выйти,—а тамъ я къ вашимъ услугамъ.

„Маленькое дѣльце“ мистера Ирвайна привело его на верхнюю площадку старинной каменной лѣстницы (одна часть дома была очень стара); здѣсь онъ остановился и тихонько постучался въ дверь. „Войдите!“ сказалъ женскій голосъ, и онъ вошелъ въ комнату, въ которой было такъ темно отъ спущенныхъ занавѣсокъ и шторъ, что миссъ Кетъ, худощавой, среднихъ лѣтъ дѣвушкѣ, стоявшей у постели, не хватило-бы свѣта ни для какой другой работы, кромѣ вязанья, лежавшаго подлѣ нея на маленькомъ столикѣ. Но въ настоящую минуту она дѣлала дѣло, для котораго было довольно даже самаго тусклаго свѣта,—примачивала свѣжимъ уксусомъ больную голову, покоившуюся на подушкѣ. У бѣдной страдалицы было маленькое, жалкое личико,—когда-то быть можетъ, и красивое, но теперь изможденное и желтое. Миссъ Кетъ подошла къ брату и шепнула ему: „Не заговаривай съ ней; сегодня она не можетъ говорить“. Глаза больной были закрыты, лобъ наморщенъ отъ нестерпимой боли. Мистеръ Ирвайнъ подошелъ къ постели, взялъ лежавшую на одѣялѣ худенькую ручку и поцѣловалъ. Слабое пожатіе тоненькихъ пальчиковъ сказало ему, что стоило труда подняться по лѣстницѣ ради этого. Онъ постоялъ съ минутку, посмотрѣлъ на нее, потомъ повернулся и пошелъ изъ комнаты, ступая почти неслышно:—прежде чѣмъ идти наверхъ, онъ снялъ сапоги и надѣлъ туфли. Кто припомнитъ, какъ часто этотъ человѣкъ не дѣлалъ того или другого даже для себя, лишь-бы избавить себя отъ труда лишній разъ снять и надѣть сапоги, тотъ не сочтетъ эту подробность не стоющей вниманія

А сестры мистера Ирвайна—какъ это могли-бы засвидѣтельствовать каждый высокорожденный джентльменъ и каждая высокорожденная лэди въ окрестностяхъ Брокстона на десять миль кругомъ,—были такія глупыя, неинтересныя особы! Вчужѣ жаль было видѣть, что у этой красавицы и умницы—мистрисъ Ирвайнъ,—такія вульгарныя дочери. Сама мистрисъ. Ирвайнъ... О! стоило проѣхать десять миль въ какую угодно погоду, чтобъ посмотрѣть на эту чудесную старуху. Ея красота, ея замѣчательно сохранившіеся память и умъ, ея старомодныя, исполненныя достоинства, манеры дѣлали ее одною изъ самыхъ занимательныхъ темъ для разговора,—не менѣе занимательной, чѣмъ, напримѣръ, здоровье короля, прелестныя новыя выкройки для лѣтнихъ костюмовъ, извѣстія изъ Египта, или процессъ лорда Дэси, который сводитъ съ ума бѣдняжку лэди Дэси. Но никому, не приходило въ голову говорить о двухъ миссъ Ирвайнъ.—никому кромѣ бѣдняковъ деревеньки Брокстона, которые считали ихъ обѣихъ глубоко свѣдущими „по лѣкарской части“ и довольно неопредѣленно называли ихъ „барышнями“. Еслибы вы спросили старика Джоба Доммилоу, кто подарилъ ему его фланелевую куртку,

онъ-бы отвѣтилъ: „Барышни—прошлой зимой“, а вдова Слипа очень любила распространяться о достоинствахъ цѣлебнаго „снадобья“, которое барышни дали ей отъ кашля. Все подъ тѣмъ-же наименованіемъ „барышенъ“ двухъ дѣвушекъ пускали также въ ходъ, съ большимъ успѣхомъ, какъ средство для усмиренія непокорныхъ ребятъ, такъ-что, завидѣвъ издали желтое лицо бѣдненькой миссъ Анны, не одинъ деревенскій малышъ проникался страшнымъ сознаніемъ, что ей извѣстны всѣ, самыя гнусныя его преступленія и даже точное число тѣхъ камешковъ, которыми онъ собирался запустить въ утятъ фермера Бриттона. Но для всѣхъ, кто не смотрѣлъ на нихъ сквозь призму мифическихъ вѣрованій, двѣ миссъ Ирвайнъ были только лишнимъ бременемъ на землѣ, двумя нехудожественными, неэффектными фигурами, совершенно безполезно загромождавшими полотно картины жизни. Миссъ Анна моглабы еще, пожалуй, имѣть кое-какой романическій интересъ, еслибы можно было объяснить ея хроническія головныя боли какою-нибудь трогательной исторіей обманутой любви; но никакой такой исторіи о ней не знали или не догадались сочинить, и общее мнѣніе вполнѣ согласовалось съ дѣйствительностью въ томъ, что сестры остались старыми дѣвами по самой прозаической причинѣ—потому, что не нашли приличныхъ жениховъ.

Какъ бы тамъ ни было, но—говоря парадоксально—существованіе на свѣтѣ ничтожныхъ людей имѣетъ весьма важныя послѣдствія въ жизни. Можно доказать, что оно вліяетъ на цѣны хлѣба и на заработную плату, что оно создаетъ злыхъ людей изъ простыхъ себялюбцевъ, и героевъ—изъ нѣжныхъ натуръ, да и въ другихъ отношеніяхъ играетъ въ драмѣ жизни немаловажную роль. Не будь у этого красиваго, изящнаго священника, аристократа по рожденію,—не будь у преподобнаго Адольфуса Ирвайна его двухъ безнадежно дѣвственныхъ сестеръ, судьба его была-бы совершенно иная. Весьма вѣроятно, что онъ женился-бы молодымъ на милой, хорошенькой женщинѣ, и теперь, когда его волосы начинали сѣдѣть подъ пудрой, уже имѣлъ бы рослыхъ сыновей и цвѣтущихъ дочерей,—словомъ, имѣлъ-бы такія сокровища, которыя, по общему мнѣнію, окупаютъ для человѣка весь трудъ его жизни. Но при существующихъ обстоятельствахъ, получая со всѣхъ трехъ своихъ приходовъ не болѣе семисотъ фунтовъ въ годъ и не видя никакихъ способовъ содержать свою великолѣпную мать и больную сестру (не считая другой сестры, къ имени которой не прибавлялось обыкновенно никакихъ прилагательныхъ), — содержать ихъ въ довольствѣ, по-барски, какъ подобало ихъ воспитанію и привычкамъ, и въ то-же время имѣть собственную семью,—мистеръ Ирвайнъ, какъ вы видите, въ сорокъ восемь лѣтъ оставался холостякомъ и даже не ставилъ себѣ въ заслугу этой жертвы. Когда-же съ нимъ заговаривали на эту тему, онъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что холостая жизнь даетъ ему, по

крайней мѣрѣ возможность потакать своимъ маленькимъ слабостямъ и позволять себѣ много такого, чего жена никогда-бы ему не позволила. И, быть можетъ, онъ одинъ во всемъ мірѣ не считалъ своихъ сестеръ неинтересными и лишними, ибо онъ былъ одною изъ тѣхъ любвеобильныхъ, широкихъ, благородныхъ натуръ, которымъ не знакомы узкіе себялюбивые помыслы,—натура эпикурейская, если хотите,—лишенная энтузіазма и живого сознанія долга, не склонная къ самобичеванію, но все-же, какъ вы могли замѣтить, обладающая достаточно тонкой нравственной организаціей, чтобы не тяготиться заботливымъ сочувствіемъ къ безвѣстному, однообразному страданію. Его широкая снисходительность дѣлала то, что онъ не видѣлъ черствости своей матери по отношенію къ дочерямъ, черствости тѣмъ болѣе поразительной, что она составляла рѣзкій контрастъ съ ея предупредительной нѣжностью къ нему самому. Но онъ этого не видѣлъ и не замѣчалъ: онъ не вмѣнялъ себѣ въ добродѣтель возмущаться неисправимыми недостатками людей.

Любопытно, какое различное впечатлѣніе выносимъ мы о человѣкѣ, когда прогуливаемся съ нимъ въ дружеской бесѣдѣ или вообще видимъ его въ домашнемъ кругу, и когда мы судимъ о немъ съ возвышенной исторической точки зрѣнія или даже просто разбираемъ его критически, скорѣе какъ воплощеніе той или другой системы, тѣхъ или другихъ взглядовъ, чѣмъ какъ живого человѣка. Мистеръ Ро, „странствующій проповѣдникъ“, заѣзжавшій между прочимъ и въ Треддльстонъ, говоритъ объ англиканскихъ священникахъ тамошняго округа, что все это—люди, потакающіе плотскимъ вожделѣніямъ, поглощенные мірской суетой; что всѣ они стрѣляютъ дичь, охотятся съ собаками, украшаютъ свои жилища, спрашиваютъ, что мы будемъ ѣсть и что мы будемъ пить, и во что одѣнемся, нимало не заботятся о снабженіи своей паствы хлѣбомъ жизни, въ лучшемъ случаѣ проповѣдуютъ лишь плотскую, усыпляющую душу мораль и торгуютъ человѣческой совѣстью, получая деньги за отправленіе пастырскихъ обязанностей въ приходахъ, гдѣ прихожане не видятъ ихъ и двухъ разъ въ году. И дѣйствительно, если мы заглянемъ въ парламентскіе отчеты того времени, мы убѣдимся, что многіе почтенные члены парламента, ревностные сторонники англиканской церкви, незапятнанные ни искрой сочувствія методистамъ—„этой породѣ лицемѣрныхъ ханжей“,—высказывались о нашихъ священникахъ почти такъ-же нелестно, какъ и самъ мистеръ Ро. Излагая свое мнѣніе о духовенствѣ господствующей церкви, Ро включилъ и мистера Ирвайна въ число этихъ господъ, и при всемъ моемъ желаніи я не могу сказать, чтобы онъ *безусловно* оклеветалъ нашего ректора, отведя ему мѣсто въ своей классификаціи. Совершенная правда, что мистеръ Ирвайнъ не задавался особенно высокими цѣлями и не отличался религіознымъ пыломъ. Еслибъ меня прижали къ стѣнѣ, мнѣ прит-

лось-бы сознаться, что онъ не испытывалъ серьезной тревоги за чистоту душъ своихъ прихожанъ и счелъ-бы чистѣйшей потерей времени поучать богословскимъ доктринамъ „дѣдушку Тафта“ или даже самого Чеда Крэнеджа, кузнеца, и стараться разжечь въ нихъ религіозный жаръ. Еслибъ онъ захотѣлъ возвести свои взгляды въ теорію, онъ, быть можетъ, сказалъ-бы, что единственная здравая форма, какую можетъ принять вѣра въ такого рода умахъ, это форма сильнаго, хотя-бы и смутнаго чувства, которое находило-бы себѣ исходъ въ семейныхъ привязанностяхъ, освящая ихъ собою, и въ исполненіи обязанностей по отношенію къ сосѣдямъ-односельчанамъ. Крещенію онъ придавалъ гораздо больше значенія, какъ обычаю, чѣмъ какъ таинству, и полагалъ, что духовныя преимущества, которыя крестьянинъ получаетъ отъ церкви, куда ходили молиться его отцы и дѣды, и отъ клочка священной земли, гдѣ лежатъ ихъ кости, находятся лишь въ слабой зависимости отъ яснаго пониманія литургіи и проповѣди. Ясно, что ректоръ нашъ не былъ „дѣятелемъ“, какъ это называется въ наши дни; исторію церкви онъ предпочиталъ богословію и гораздо больше интересовался характерами людей, чѣмъ ихъ мнѣніями. Онъ не былъ ни трудолюбивъ, ни явно самоотверженъ, ни особенно щедръ на милостыню, и теологія его, какъ видите, немножко хромала. Въ сущности, и направленіе его ума и вкусы были скорѣе языческіе: какое-нибудь изреченіе Софокла или Теокрита имѣло для него ароматъ, котораго онъ не находилъ ни у Исаіи, ни у Амоса. Но когда вы кормите вашего молодого сеттера сырой говядиной, можете-ли вы удивляться, если потомъ у него на всю жизнь останется пристрастіе къ сырымъ куропаткамъ? А у мистера Ирвайна всѣ воспоминанія дѣтства, весь энтузіазмъ и честолюбіе его ранней юности были связаны съ поэзіей и этикой, не имѣющими ничего общаго съ Библіей.

Но съ другой стороны я долженъ за него заступиться, ибо я горячо чту память нашего ректора. Онъ не былъ мстителенъ,—чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ филантропахъ; онъ не былъ нетерпимъ,—а между тѣмъ носятся слухи, будто иные ревностные богословы были не вполнѣ свободны отъ этого порока, — и хотя, по всей вѣроятности, онъ не согласился-бы сгорѣть живьемъ на кострѣ ради общаго дѣла и былъ далекъ отъ намѣренія раздать свое имущество нищимъ, — ему былъ присущъ тотъ видъ милосердія, котораго иногда не хватаетъ самой патентованной добродѣтели. Онъ былъ снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ и не склоненъ предполагать въ человѣкѣ дурное. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, — а эти люди не такъ-то часто встрѣчаются, — лучшія стороны которыхъ мы можемъ оцѣнить только тогда, когда вмѣстѣ съ ними покинемъ торжище — кафедру или подмостки — войдемъ къ нимъ въ домъ, послушаемъ, какимъ голосомъ говорятъ они со старыми и малыми членами своего домашняго очага, и слѣ

лаемся очевидцами ихъ любящей заботливости о повседневныхъ нуждахъ ихъ повседневныхъ товарищей, которые всю эту доброту принимаютъ какъ должное, отнюдь не считая ее достойной похвалъ.

Такіе люди жили по счастью и во времена процвѣтанія великаго зла и, случалось, бывали даже живыми представителями этого зла. Вотъ мысль, которая можетъ немного насъ утѣшить въ существованіи противуположнаго факта, а именно— что иногда бываетъ лучше не слѣдовать за великими реформаторами зла дальше порога ихъ дома.

Но что-бы вы ни думали теперь о мистерѣ Ирвайнѣ, а еслибы вы встрѣтили его въ то іюньское утро, когда онъ ѣхалъ на своей сѣрой кобылѣ, — статный, красивый, мужественный, съ добродушной улыбкой на тонко очерченныхъ губахъ, болтая со своимъ блестящимъ молодымъ спутникомъ на гнѣдомъ жеребцѣ, — вы-бы не могли не почувствовать, что, какъ-бы плохо ни согласовалась его жизнь съ здравыми теоріями насчетъ обязанностей особъ духовнаго званія, самъ онъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ этимъ мирнымъ ландшафтомъ.

Взгляните на нихъ хоть теперь, когда, освѣщенные солнцемъ, на которое поминутно набѣгаютъ рѣзвыя тучки, они поднимаются по склону холма со стороны Брокстона, гдѣ высокіе вязы и конекъ крыши ректорскаго дома переросли маленькую выбѣленную церковь. Скоро они будутъ въ Гейслопскомъ приходѣ: сѣрая Гейслопская колокольня и крыши деревенскихъ домовъ уже виднѣются впереди, а подальше, направо, они начинаютъ различать понемногу трубы Большой Фермы.

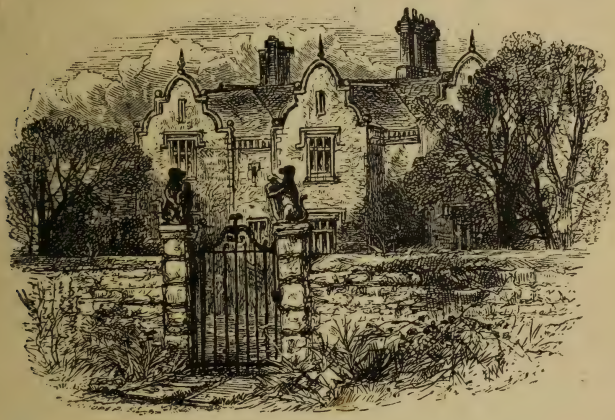
ГЛАВА VI.

Большая Ферма.

Ясно, что эти ворота никогда не отворяются: они кругомъ, по обѣ стороны, заросли высокой травой и, кромѣ того, такъ заржавѣли, что еслибы намъ вздумалось ихъ отворить, то для того, чтобы заставить ихъ повернуться на петляхъ, пришлось бы употребить такое усиліе, отъ котораго, чего добраго, разсыпались-бы четырехугольные каменные столбы по бокамъ, къ немалому ущербу для двухъ каменныхъ львицъ, скалящихъ зубы съ сомнительно плотоядной любезностью надъ щитами съ гербомъ, увѣнчивающими оба столба. При помощи уступовъ и выбоинъ намъ было-бы нетрудно вскарабкаться по этимъ столбамъ на гладкую каменную настилку кирпичной стѣны; но въ этомъ нѣтъ никакой надобности: стоитъ намъ приложиться глазомъ къ ржавой рѣшеткѣ воротъ, и мы уви-

димъ и домъ, и почти весь дворъ, заросшій травой, кромѣ развѣ самыхъ дальнихъ его уголковъ.

Это чудесный старый домъ—старинной постройки изъ кирпича, рѣзкій цвѣтъ котораго смягчается облѣпившими его блѣдными, пушистыми лишаями, разросшимися съ замѣчательно счастливымъ отсутствіемъ симметріи, что приводитъ красный кирпичъ въ самое дружелюбное сочетаніе съ гипсовыми орнаментами, увѣнчивающими края крыши, окна и наружную дверь. Но окна пестрѣютъ деревянными заплатами, а дверь, кажется, не лучше воротъ: она тоже никогда не отворяется, Охъ, какъ-бы застонала и заскрипѣла она по каменному полу, еслибъ мы вздумали ее отворить! Это вѣдь тяжелая, солидная, красивая дверь. Когда-нибудь навѣрно было время, что она со звономъ захлопывалась за ливрейнымъ лакеемъ послѣ того, какъ онъ выходилъ провожать парную карету, которая увезла со двора его господъ.



Большая ферма.

Но теперь, по виду дома, мы могли-бы подумать, что изъ за него идетъ тяжба въ канцлерскомъ судѣ, и что орѣхи съ тѣхъ высокихъ орѣшинъ, что идутъ двумя длинными рядами вдоль правой стѣны двора, падаютъ и сгниваютъ въ травѣ,—*могли-бы* подумать, еслибъ не слышали внушительнаго басистаго лая собакъ, доносящагося изъ высокаго строенія за домомъ. А вонъ и телята выходятъ изъ подъ крытаго дрокомъ навѣса, что тянется по лѣвую сторону двора, и глупо мычатъ въ отвѣтъ на этотъ ужасающій лай, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что онъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ шайкамъ съ молокомъ.

Да, очевидно, домъ обитаемъ, и мы сейчасъ увидимъ—кѣмъ, ибо воображеніе не признаетъ преградъ: оно не боится собакъ и можетъ безнаказанно перелѣзать черезъ стѣны и заглядывать въ окна. Приложитесь лицомъ къ одному изъ стеколъ въ правомъ окнѣ,—что вы видите?—Большой открытый очагъ съ стоящими на немъ ржавыми таганами, и голый досчатый полъ; въ дальнемъ углу нѣсколько дюжинъ сваленныхъ въ кучу охапокъ нечесаной шерсти; посрединѣ пустые мѣшки изъ подъ зерна. Вотъ вамъ убранство столовой. Ну, а въ лѣвое окно, что вамъ видно?—Нѣсколько принадлежностей упряжи, дамское сѣдло, самопрялка и старый сундукъ съ откинутой крышкой, биткомъ набитый какими-то пестрыми лоскутьями. Поверхъ этихъ лоскутьевъ, поближе къ краю, лежитъ большая деревянная кукла. Кукла имѣетъ большое сходство съ лучшими образцами греческой скульптуры въ смыслѣ полученныхъ ею увѣчій и въ особенности, благодаря полнѣйшему отсутствію носа. Тутъ-же стоитъ дѣтскій стулъ и валяется рукоятка отъ дѣтскаго кнутика.

Теперь исторія дома намъ совершенно ясна. Когда-то онъ былъ резиденціей деревенскаго сквайра; съ теченіемъ времени помѣщичья семья захудала, можетъ быть, вымерла и, въ лицѣ послѣдней своей представительницы, благородной дѣвицы, слилась съ болѣе породистой семьей Доннитрновъ, принявъ ея имя. Во времена оны это былъ большой помѣщичій домъ; теперь онъ сталъ Большой Фермой. Все равно, какъ въ какомъ-нибудь приморскомъ городкѣ, который былъ прежде моднымъ курортомъ, а потомъ превратился въ большую торговую гавань, аристократическія улицы затихаютъ и заростаютъ травой, а въ докахъ и складахъ кипитъ неугомонная жизнь,—въ Большой фермѣ жизнь измѣнила свой фокусъ и льетъ свои живые лучи уже не изъ гостиной, а изъ кухни и изъ хлѣбнаго двора.

Да, здѣсь довольно жизни, хотя теперь самая сонливая пора года—передъ началомъ сѣнокоса, и самое сонливое время дня—почти три часа по солнцу и половина четвертаго по часамъ мистрисъ Пойзеръ, чудеснымъ часамъ съ недѣльнымъ заводомъ. Но когда послѣ дождя проглянетъ солнышко, жизнь всегда чувствуется какъ-то сильнѣй, а въ эту минуту солнце льетъ свои лучи цѣлымъ потокомъ, зажигаетъ искорки на мокрой соломѣ, затопляетъ свѣтомъ каждую кучку зеленаго моха на красныхъ черепицахъ скотнаго двора, и даже мутную воду, быстро сбѣгающую по желобу въ дренажную канаву, превращаетъ въ зеркало для желтоносыхъ утятъ, которые спѣшатъ воспользоваться случаемъ лишній разъ напиться, стараясь при этомъ окунуться какъ можно поглубже. Тутъ цѣлый концертъ звуковъ. Огромный бульдогъ, сидящій на цѣпи противъ хлѣва, пришелъ въ неистовство изъ за того, что пѣтухъ какъ-то нечаянно слишкомъ близко подошелъ къ его

конурѣ, и оглашаетъ воздухъ громоноснымъ лаемъ, на который изъ противуположнаго хлѣва отвѣчаютъ тонкими голосами двѣ гончія. Старыя хохлатыя куры со своими цыплятами роются въ соломѣ и поднимаютъ сочувственное кудахтанье, когда къ нимъ возвращается обращенный въ бѣгство пѣтухъ. Свинья и ея потомство—всѣ въ грязи по самое брюхо—испускаютъ глубокія ноты stoccato... Наши пріятели телята мычатъ подъ своимъ навѣсомъ; и среди всего этого гама чуткое ухо различаетъ непрерывный гулъ человѣческихъ голосовъ.

Широкія ворота гумна стоятъ настежь: тамъ нѣсколько человѣкъ дѣятельно занимаются починкой упряжи подъ верховнымъ надзоромъ мистера Гоби, шорника, развлекающаго свою публику самыми свѣжими Треддльстонскими новостями. Пастухъ Аликъ безспорно выбралъ неудачный день, чтобы звать шорниковъ: очень неудобно имѣть въ домѣ лишній народъ въ такое дождливое утро, и мистрисъ Пойзеръ уже успѣла высказать въ довольно сильныхъ выраженіяхъ свое мнѣніе относительно грязи, которую всѣ эти люди нанесли въ домъ на сапогахъ во время обѣда. Сказать по правдѣ, ей и до сихъ поръ еще не удалось возстановить свое душевное равновѣсіе, хотя съ обѣда прошло почти три часа и полъ на па кухнѣ опять блистаетъ безукоризненной чистотой, какъ и все остальное въ этой изумительной кухнѣ. Единственная возможность найти здѣсь пылинку, это—взобраться на сундукъ и провести пальцемъ по верхней полкѣ, гдѣ наслаждаются своимъ лѣтнимъ отдыхомъ блестящіе мѣдные подсвѣчники, ибо лѣтомъ—кто-жъ этого не знаетъ?—всѣ ложатся спать еще засвѣтло, по крайней мѣрѣ, настолько засвѣтло, что, ушибившись о какой-нибудь предметъ, вы начинаете различать его очертанія. Ужъ, конечно, нигдѣ въ другомъ домѣ ни дубовые футляры для стѣнныхъ часовъ, ни дубовые столы не доводились до такого блеска при помощи одной только пыльной тряпки и рукъ,—чистѣйшаго, безъ примѣси, „ручного лака“, какъ выражалась мистрисъ Пойзеръ, благодарившая своего Создателя за то, что въ ея домѣ никогда и въ заводѣ не было никакой „этой вашей дряни“ для полировки вещей. Гетти Соррель, за спиной у тетки, частенько пользовалась случаемъ полюбоваться своимъ пріятнымъ отраженіемъ въ блестящей поверхности дубоваго стола, потому что обыкновенно онъ стоялъ на боку, въ видѣ экрана, и служилъ больше для украшенія, чѣмъ для полезныхъ цѣлей. Нерѣдко видѣла себя Гетти и въ большихъ круглыхъ оловянныхъ блюдахъ, разставленныхъ по полкамъ надъ длиннымъ обѣденнымъ сосновымъ столомъ и сверкавшихъ всегда, какъ стекло.

Впрочемъ, въ эту минуту все здѣсь сверкало, какъ стекло: солнце било прямо въ оловянныя блюда и, отражаясь отъ ихъ блестящей поверхности, разсыпалось цѣлыми снопами свѣта по ярко сверкающей мѣди посуды и мягко лоснящемуся дубу

стола. Оно освѣщало и еще одинъ, несравненно болѣе привлекательный, предметъ: нѣсколько лучей его падало на нѣжную щечку Дины и зажигало золотомъ свѣтло-рыжіе волосы на ея изящной головкѣ, низко склонившейся надъ какою-то громоздкой вещью изъ столоваго бѣлья, которое она чинила для тетки. Трудно было-бы и представить себѣ болѣе мирную сцену, еслибы мистрисъ Пойзеръ, доглаживавшая кое-какія мелочи изъ бѣлья, залежавшіяся съ послѣдней стирки, не звякала каждыя пять минутъ своимъ утюгомъ и не махала имъ по воздуху, когда нужно было его остудить, не забывая въ то-же время поглядывать своими зоркими голубовато-сѣрыми глазами то въ открытую дверь молочной, гдѣ Гетти била масло, то въ черную кухню, гдѣ Нанси вынимала изъ печки пироги. Вы не воображайте, однако, что мистрисъ Пойзеръ была старуха съ кислымъ, сварливымъ лицомъ.—Вовсе нѣтъ. Это была довольно красивая женщина лѣтъ тридцати восьми, не больше, — со свѣжимъ цвѣтомъ лица, рыжеватыми волосами, хорошо сложенная, съ легкой походкой. Самой выдающейся чертой ея наряда былъ широчайшій клѣтчатый холщевый передникъ, почти закрывавшій всю юбку, и ничего не могло быть проще ея чепца и платья, ибо ни къ одной человѣческой слабости мистрисъ Пойзеръ не была такъ строга, какъ къ женскому тщеславію и пристрастію къ красотѣ предпочтительно передъ пользой. Семейное сходство между нею и ея племянницей Диной Моррисъ и контрастъ ея остраго взгляда съ ангельской кротостью выраженія у Дины моглибы послужить живописцу превосходной натурой для Марфы и Маріи. Цвѣтъ глазъ у нихъ былъ совсѣмъ одинаковый, но еслибы вы захотѣли видѣть поразительное доказательство того, до какой степени различно было дѣйствіе взгляда этихъ двухъ паръ глазъ, вамъ стоило-бы только прослѣдить за поведеніемъ Трипа—черной съ подпалинами таксы, когда этому злосчастному, вѣчно подозрѣваемому псу случалось по неосторожности подвернуться подъ замораживающіе лучи хозяйскаго взора. Языкъ у мистрисъ Пойзеръ былъ, пожалуй, еще острѣй ея взгляда, и какъ только она была увѣрена, что которая-нибудь изъ дѣвицъ, ея подданныхъ, можетъ ее слышать, этотъ языкъ принимался за свою прерванную, никогда не кончавшуюся работу чтенія нотацій, какъ шарманка, заводящая свою музыку съ той ноты, на которой ее остановили.

Сегодняшній день былъ однимъ изъ тѣхъ дней недѣли, когда полагалось бить масло, и этотъ фактъ оказывался только лишней причиной, по которой было неудобно звать шорниковъ и, слѣдовательно, лишнимъ основаніемъ для мистрисъ Пойзеръ распушить работницу Молли съ особенной строгостью. Казалось бы, Молли самымъ примѣрнымъ образомъ выполнила свою послѣобѣденную работу: она „убралась“ замѣчательно проворно и теперь пришла, чтобы спросить смирен-

нѣйшимъ тономъ, можно-ли ей „попрясть“ до подоя. Но, по соображеніямъ мистрисъ Пойзеръ, такое безукоризненное поведеніе только прикрывало собою тайную склонность къ удовлетворенію недостойныхъ желаній, что она и не замедлила поставить Молли на видъ съ уничтожающимъ краснорѣчіемъ.

— „Попрясть“? Ну да, слыхали мы это. Не пряжа у тебя на умѣ, хоть сейчасъ побожиться! Знаю я, чего тебѣ хочется. Въ жизнь свою не встрѣчала такой вѣтрогонки. Слыханое-ли дѣло?—такая молодая дѣвчонка, и только и мечтаетъ, какъ бы ей улизнуть и поболтать съ мужчинами! Вѣдь ихъ тамъ шесть человѣкъ. „Попрясть“! Да на твоемъ мѣстѣ у меня не повернулся бы языкъ это выговорить. Вспомни: вѣдь ты живешь у меня съ самаго Михайлова дня, и, когда я нанимала тебя въ Треддльстонѣ, въ конторѣ, я даже аттестата не потребовала. Взяла тебя безъ аттестата, попала ты въ приличный домъ,—кажется, можно бы быть благодарной. И что ты умѣла, когда поступила ко мнѣ?—работала не лучше вороньяго пугала въ огородѣ. Ты сама знаешь, какая ты была безрукая. Кто научилъ тебя полы мыть, позволь тебя спросить? Вспомни, какъ ты оставляла по угламъ кучи сору, — никто бы не сказалъ тогда, что ты выросла въ христіанской странѣ. А какъ ты пряла? Да ты одной шерсти извела больше, чѣмъ на все твое заработанное жалованье, пока научилась. Лучше-бы ты объ этомъ подумала, чѣмъ разѣвать ротъ да пялить глаза на рабочихъ. На гумно захотѣлось? Чесать шерсть для шорниковъ?—знаю, знаю! Всѣ вы, дѣвчонки, на одинъ покрой: васъ такъ и тянетъ на этотъ путь, головой впередъ, прямо въ омутъ. Вамъ вѣдь не терпится, пока вы не подцѣпите сердечнаго дружка, такого же дурака, какъ вы сами. Вы воображаете, что нѣтъ на свѣтѣ ничего лучше, какъ выскочить замужъ, зажить своимъ домомъ. Хорошъ домъ! Хорошо счастье! Трехногая табуретка за все про все вмѣсто мебели, на улицу выйти—нечѣмъ плечи прикрыть, и весь обѣдъ—кусокъ овсянаго пирога, изъ за котораго дерутся трое ребятъ.

— Я и не думала проситься къ шорникамъ, ей Богу! захныкала Молли, совершенно сраженная этою дантовской картиной ея будущности. — Только правда, у мистера Оттли мы всегда чесали для шорниковъ шерсть,—вотъ я и пришла васъ спросить. На что мнѣ шорники! Я на нихъ и смотрѣть-то больше не стану, — съ мѣста не сойти, коли лгу.

— У мистера Оттли, скажите пожалуйста! Что ты мнѣ толкуешь про твоего мистера Оттли! Почемъ я знаю? — можетъ быть, жена его, а твоя госпожа любила, чтобы шорники пачкали ей полы. Мало-ли, что кому нравится, и какіе у кого бываютъ порядки. Изъ всѣхъ работницъ, какія поступали въ мой домъ, я не запомню ни одной, которая понимала бы что значитъ чистота; должно быть, люди на свѣтѣ живутъ, какъ свиньи. Взять хоть Бетти, — ту, что служила молочницей у

Трентовъ, прежде чѣмъ поступила ко мнѣ. Что она дѣлала съ сыромъ? По недѣлямъ не поворачивала. А крынки? Помню, когда я сошла внизъ послѣ моей болѣзни (докторъ сказалъ тогда, что у меня воспаленіе; счастье еще, что я осталась жива).... когда я сошла внизъ послѣ болѣзни, я могла написать свое имя на всѣхъ крышкахъ — столько на нихъ было пыли. Такъ вотъ и ты, Молли: ты ничѣмъ не лучше Бетти, а вѣдь уже девятый мѣсяцъ идетъ, что ты живешь у меня и, кажется, не можешь пожаловаться, чтобъ тебя мало учили.... Ну, чего ты здѣсь торчишь, какъ турокъ на часахъ? Отчего не берешься за прялку? Видно хочешь сѣсть за работу за пять минутъ до того, какъ будетъ пора ее бросать? — Я знаю, на это ты мастерица.

— Мама, мой утюзокъ плостылъ, соглѣй его позалуйста.

Тоненькій, щебечущій голосокъ, выговорившій эту просьбу, принадлежалъ маленькой золотокудрой дѣвочкѣ лѣтъ трехъ, четырехъ. Сидя на высокомъ стулѣ въ концѣ стола, на которомъ мать ея гладила, и изо всѣхъ силъ сжимая ручку миніатюрнаго утюжка своимъ пухленькимъ кулачкомъ, она разглаживала лоскутки съ такимъ усердіемъ, что даже высунула свой маленькій красный язычекъ такъ далеко, какъ только позволяла анатомія.

— Утюжокъ простылъ, моя кошечка? Экое несчастье! — отозвалась мистрисъ Пойзеръ, отличавшаяся удивительной легкостью переходовъ отъ офиціальнаго обличительнаго тона, какимъ она обращалась къ прислугѣ, къ тону материнской нѣжности или дружеской бесѣды.—Ну, ничего. Мама уже кончила гладить. Теперь мы будемъ убирать утюги.

— Мама, я хоцу къ Томми, на гумно, — на сорниковъ посмотлѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Тотти промочитъ ножки,—сказала мистрисъ Пойзеръ, унося свой утюгъ.—Сбѣгай лучше въ молочную, посмотри, кузина Гетти бьетъ масло.

— Мама, дай мнѣ сладкаго пилога,—продлжала Тотти, у которой былъ, повидимому, неизсякаемый запасъ требованій, и, пользуясь своимъ кратковременнымъ досугомъ, она въ тотъ же мигъ запустила пальцы въ чашку съ разведеннымъ крахмаломъ и опрокинула ее, такъ-что большая часть содержимаго вылилась на гладильную доску.

— Ну, видѣлъ-ли кто-нибудь такую дѣвчонку!—взвизгнула мистрисъ Пойзеръ, бросаясь къ столу, какъ только взглядъ ея упалъ на синюю струйку, бѣжавшую съ доски.—Стоитъ на минутку отвернуться, чтобъ она ужъ набѣдокурила что-нибудь. Ну, что тебѣ за это сдѣлать, скверная, скверная дѣвчонка!

Тѣмъ временемъ Тотти съ поразительной быстротой спустилась со своего стула и уже успѣла показать тылъ, обратившись въ бѣгство по направленію къ молочной и переваливаясь на бѣгу, какъ уточка. Впрочемъ, комочекъ жира на

шейкѣ подъ затылкомъ дѣлалъ ее еще болѣе похожей на бѣленькаго молочнаго поросенка.

При помощи Молли крахмалъ былъ вытертъ, утюги убраны, и мистрисъ Пойзеръ взялась за свое вязанье, которое всегда лежало у нея подъ рукой и было любимой ея работой, потому-что она могла исполнять ее механически, на ходу, между дѣломъ. Но теперь она подошла къ Динѣ, сѣла противъ нея и, не отрываясь отъ чулка изъ сѣрой шерсти, который она вязала, нѣсколько времени задумчиво смотрѣла на нее.

— Знаешь, Дина, когда ты вотъ такъ сидишь и шьешь, ты вылитый портретъ твоей тетки Юдифи. Глядя на тебя, я почти воображаю, что я опять маленькая дѣвочка, какъ тридцать лѣтъ назадъ, когда я жила у отца. Помню, какъ бывало Юдифь, управившись по хозяйству, сядетъ за свое шитье, а я гляжу на нее... Только тогда мы жили въ маленькомъ домикѣ: у отца былъ простой деревенскій коттеджъ, — не то, что эта огромная развалина, гдѣ не успѣешь вычистить въ одномъ углу, какъ уже въ другомъ набирается грязь.... Да, удивительно, до чего ты похожа на твою тетку Юдифь. Васъ почти можно смѣшать, только у той волосы были потемнѣе, да и собой она была полнѣй и шире въ плечахъ. Мы съ Юдифью всегда жили дружно, хоть она была большая чудачка; зато съ матерью твоей онѣ плохо ладили. Да-а, могла-ли думать твоя мать, что дочь ея будетъ портретомъ Юдифи, и та ее выроститъ и воспитаетъ, когда сама она будетъ лежать на Стонитонскомъ кладбищѣ. Я всегда говорила про Юдифь, что она съ радостью будетъ таскать изо дня въ день по пуду на собственныхъ плечахъ, лишь бы облегчить другого на золотникъ. И сколько я ее помню, она всегда была такая; на мой взглядъ она, даже сдѣлавшись методисткой, ни въ чемъ не измѣнилась,—только говорить стала какъ будто по иному, да чепчики носитъ другого фасона; но и до того, и потомъ во всю свою жизнь она гроша не истратила на свои удовольствія и удобства.

— Она была святая женщина, сказала Дина.—Господь далъ ей любящую, самоотверженную душу. И она тоже очень любила васъ, тетя Рахиль. Я часто слышала, какъ она говорила о васъ съ такою-же нѣжностью, какъ и вы о ней. Во время своей послѣдней болѣзни (мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ— вы знаете) она постоянно мнѣ говорила. „Если Господь возьметъ меня у тебя, ты найдешь на землѣ друга въ твоей теткѣ Рахили: у нея доброе сердце“, и теперь я знаю, что это правда.

Мнѣ кажется, дитя, каждый былъ-бы радъ сдѣлать что-нибудь для тебя. Ты какъ птица небесная. Богъ тебя знаетъ, какъ ты живешь! Я рада бы душой позаботиться о тебѣ — вѣдь я родная сестра твоей матери,—согласись ты только переѣхать въ наши края. Здѣсь и человѣку, и скотинѣ легче найти кровъ и пищу,—не то, что на вашихъ голыхъ холмахъ, гдѣ людямъ, какъ курамъ, приходится копаться въ пескѣ изъ

за каждаго зернышка хлѣба. А потомъ ты могла-бы выйти замужъ за хорошаго человѣка. Разстанься ты со своимъ проповѣдничествомъ,—а это вѣдь въ десять разъ хуже всего того, что продѣлывала твоя тетка Юдифь,—и охотниковъ довольно найдется, повѣрь. И вздумай ты даже выйти за Сета Бида—хоть онъ и методистъ, и бездомный бѣднякъ, который никогда не скопитъ про черный день, — я знаю, твой дядя поможетъ вамъ на первыхъ порахъ: свинью дастъ на хозяйство, а, можетъ быть, и корову, потому-что онъ всегда былъ добръ къ моей роднѣ, и домъ его всегда открытъ для нихъ — даромъ, что всѣ они бѣдные люди. Я совершенно увѣрена, что онъ сдѣлаетъ для тебя не меньше, чѣмъ сдѣлалъ-бы для Гетти, хоть она ему и родная племянница. А я бы бѣлья тебѣ удѣлила: въ домѣ, слава Богу, довольно холста; у меня его цѣлыя груды лежатъ для простынь и скатертей, и для полотенецъ. Я хоть сейчасъ могу отдать тебѣ цѣлую штуку, — ту, что мнѣ выпряла еще косоглазая Китти (она была рѣдкая пряха, даромъ что косила на одинъ глазъ и что дѣти терпѣть ея не могли): ты вѣдь знаешь, пряжа у насъ никогда не кончается; старое бѣлье не успѣетъ сноситься, какъ новаго уже наготовлено вдвое больше. Но что толку съ тобой говорить! Развѣ тебя убѣдишь? Развѣ ты поступишь такъ, какъ поступила-бы на твоемъ мѣстѣ всякая другая женщина въ здравомъ умѣ?... А какъ-бы хорошо! — вышла-бы замужъ, жила-бы своимъ домомъ, чѣмъ мучить себя этими проповѣдями, отбивать ноги, бродя изъ деревни въ деревню, и раздавать послѣдніе гроши. Ну, еще пока здорова—туда и сюда, а какъ придетъ болѣзнь,—тогда что? Вѣдь все твое имущество, я думаю, умѣстится въ одномъ узелкѣ не больше двухъ круговъ сыру. А все оттого, что у тебя преувеличенныя понятія о вѣрѣ; въ головѣ у тебя бродятъ такія мысли, какихъ нѣтъ ни въ катехизисѣ, ни въ молитвенникѣ.

— За то есть въ Библіи, тетя, сказала Дина.

— Нѣтъ, и въ Библіи нѣтъ, коли на то пошло, подхватила мистрисъ Пойзеръ съ нѣкоторымъ азартомъ, — иначе отчего-бы людямъ, которые знаютъ Библію, какъ свои пять пальцевъ,—отчего-бы священникамъ и всѣмъ, кому только и дѣла, что изучать Святое Писаніе, не жить такъ, какъ живешь ты? Но суть-то въ томъ, что еслибы каждый дѣлалъ, какъ ты, міру пришелъ-бы конецъ, потому что, если-бы никому не нужно было ни дома, ни крова, еслибы всѣ ѣли и пили только, чтобы не умереть съ голоду, и только-бы и дѣлали, что говорили о презрѣніи къ благамъ земнымъ, какъ ты это называешь,—хотѣла-бы я знать, для чего-же тогда землѣ родить хлѣбъ, и куда-бы дѣвался этотъ хлѣбъ и лучшіе свѣжіе сыры? Всѣ питались-бы хлѣбомъ изъ осѣвковъ и бѣгали-бы другъ за другомъ съ проповѣдями, и никто не ростилъ-бы семьи и не откладывалъ-бы въ копилку на случай неурожая.

Простой здравый смыслъ говоритъ, что такая вѣра не можетъ быть истинной вѣрой.

— Но, тетя, милая, я никогда не говорила, что всѣ люди должны бросить свои мірскія дѣла и семью. Разумѣется, надо, чтобы пахали землю и сѣяли, и собирали хлѣбъ, и пеклись о мірскомъ, и хорошо, чтобы люди заботились о семьяхъ своихъ и находили въ этомъ счастье и радость, лишь-бы они дѣлали это въ страхѣ Божіемъ и, радѣя о плоти, не забывали о душѣ. Каждый можетъ служить Богу, и на всякомъ поприщѣ, но Господь предназначаетъ каждому особое дѣло, смотря по способностямъ, которыя Онъ ему далъ, и по призванію. Мое призваніе — помогать моимъ ближнимъ. Я стараюсь дѣлать для нихъ, что могу, стараюсь спасти заблудшія души и кладу на это всю свою жизнь. Я не могу не дѣлать этого, какъ не можете вы удержаться, чтобы не броситься бѣжать, когда вы слышите крикъ вашей маленькой Тотти въ другомъ концѣ дома. Ея голосъ проникаетъ вамъ въ сердце, вамъ представляется, что дѣвочку обидѣли, что ей грозитъ опасность, и вы бѣжите, чтобы помочь ей и утѣшить ее.

— Ну да, я знаю, сказала мистрисъ Пойзеръ, вставая и подходя къ двери, — что бы я тебѣ ни говорила, это ни къ чему не поведетъ: ты все будешь твердить одно и то-же. Я могла-бы съ такимъ-же успѣхомъ обращаться къ ручью и пытаться убѣдить его, чтобъ онъ пересталъ течь.

Усыпанная пескомъ площадка передъ кухонной дверью теперь уже достаточно высохла, такъ-что мистрисъ Пойзеръ могла выйти безъ всякаго для себя неудобства и заглянуть, что дѣлается на дворѣ, при чемъ сѣрый чулокъ продолжалъ быстро подвигаться къ концу въ ея проворныхъ рукахъ. Но не простояла она за дверью и пяти минутъ, какъ прибѣжала назадъ и сказала Динѣ взволнованнымъ, испуганнымъ голосомъ.

— Представь, капитанъ Доннитoрнъ и мистеръ Ирвайнъ въѣзжаю вотъ дворъ. Даю голову на отрѣзъ, что они пріѣхали объясняться по поводу твоей вчерашней проповѣди. Ну, ужъ, какъ хочешь, отвѣчай имъ сама; я молчу,—я уже довольно сказала. Ты и сама должна понимать, какимъ непріятностямъ ты подвергаешь семью твоего дяди. Будь ты племянница мистера Пойзера, я бы слова не сказала: со своей родней люди должны сами улаживаться, какъ знаютъ. Мой кровный—все равно, что мой носъ,—одна плоть и кровь. Но если изъ за моей племянницы моего мужа прогонятъ съ земли.... Я просто не могу объ этомъ равнодушно подумать! Вѣдь я ничего не принесла ему въ приданое, кромѣ кое-какихъ крохъ моихъ сбереженій....

— Но, тетя Рахиль, дорогая моя, нѣтъ ни малѣйшей причины для такихъ опасеній, сказала Дина мягко.—Я не сдѣлала ничего такого, что могло-бы повредить вамъ, дядѣ и ва-

шимъ дѣтямъ, — я твердо въ этомъ увѣрена. Если я сказала проповѣдь, то я имѣла на то указаніе.

— Указаніе! Я отлично знаю, что значитъ на твоемъ языкѣ „указаніе“, возразила мистрисъ Пойзеръ, въ своемъ волненіи принимаясь вязать съ удвоенной быстротой. — Когда въ головѣ у тебя забродитъ сильнѣй обыкновеннаго, ты говоришь, что получила указаніе, и тутъ ужъ ничѣмъ тебя не сдвинешь, какъ статую на площади передъ Треддльстонской церковью, которой все равно, солнце-ли на дворѣ, дождь или снѣгъ,—она все будетъ смотрѣть и улыбаться. Съ тобой нѣтъ никакого человѣческаго терпѣнія!

Тѣмъ временемъ два джентльмена подъѣхали къ дому и сошли съ лошадей; было очевидно, что они намѣрены войти. Мистрисъ Пойзеръ вышла ихъ встрѣтить и сдѣлала глубокій реверансъ не безъ внутренней дрожи—отчасти отъ досады на Дину, отчасти отъ безпокойства за свои манеры, потому-что ей не хотѣлось уронить себя въ глазахъ джентельменовъ. Въ тѣ времена даже самые развитые изъ крестьянъ испытывали такой-же благоговѣйный страхъ при видѣ дворянина, какой испытывали люди въ мифологическую эпоху, когда передъ ними проходили боги въ человѣческомъ образѣ.

— Здравствуйте, мистрисъ Пойзеръ; какъ вы себя чувствуете послѣ дождя? сказалъ мистеръ Ирвайнъ съ отличавшей его величественной любезностью.—Вы не бойтесь: у насъ ноги сухія, мы не запачкаемъ вашихъ блестящихъ половъ.

— Ахъ, сэръ, стоитъ-ли объ этомъ говорить! отозвалась мистрисъ Пойзеръ.—Угодно вамъ пожаловать въ гостиную?

— Нѣтъ, мистрисъ Пойзеръ, благодарю васъ, отвѣчалъ капитанъ, озираясь по кухнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто отыскивалъ чего-то, чего тамъ не было.—Я такъ люблю вашу кухню! Право я, кажется, нигдѣ не встрѣчалъ другой такой пріятной комнатки. Слѣдовало-бы женамъ всѣхъ фермеровъ видѣть ее, чтобы взять себѣ за образецъ.

— Вы слишкомъ добры, сэръ, что такъ говорите. Садитесь пожалуйста, сказала мистрисъ Пойзеръ, немного успокоенная этимъ комплиментомъ и хорошимъ расположеніемъ духа капитана, но все еще съ тревогой поглядывая на мистера Ирвайна, который, какъ она замѣтила, не сводилъ глазъ съ Дины и теперь направился къ ней.

— А Пойзера нѣтъ дома? спросилъ капитанъ Доннитернъ, усаживаясь такимъ образомъ, чтобъ ему была видна открытая дверь въ молочную и коротенькій корридоръ, соединявшій ее съ кухней.

— Нѣтъ дома, сэръ: онъ уѣхалъ въ Россетеръ повидаться съ мистеромъ Уэстомъ, коммиссіонеромъ, насчетъ шерсти. Но если вамъ нужно, сэръ, я могу позвать отца: онъ на гумнѣ.

— Нѣтъ, не надо, благодарю васъ. Я только посмотрю щенковъ, напишу Пойзеру, какъ я ихъ нашелъ, а записку оставлю

вашему пастуху. Я заѣду какъ-нибудь въ другой разъ повидать вашего мужа; мнѣ нужно посовѣтоваться съ нимъ насчетъ лошадей. Не можете-ли мнѣ сказать, когда я вѣрнѣе застану его?

— Да вы всегда его застанете, сэръ, кромѣ тѣхъ дней, когда онъ ѣздитъ въ Треддльстонъ на рынокъ, т. е. кромѣ пятницы, потому-что если онъ гдѣ-нибудь въ полѣ, за нимъ всегда можно послать. Кабы намъ освободиться отъ Зеленой пустоши, у насъ бы не было дальнихъ полей, и я была-бы очень этому рада, потому-что какъ только случится въ домѣ что-нибудь особенное, всегда оказывается, что мужъ ушелъ на пустошь, и часто изъ за этого выходятъ непріятности. Очень неудобно, сэръ, когда одинъ клочокъ твоей земли въ одномъ мѣстѣ, а все остальное въ другомъ.

— Да, да, Зеленую пустошь слѣдовало-бы передать Чойсу, ему она будетъ гораздо сподручнѣй, тѣмъ болѣе, что у него не хватаетъ выгоновъ, а у васъ ихъ вдоволь. Но во всякомъ случаѣ ваша ферма—лучшая во всемъ имѣньи; и знаете, мистрисъ Пойзеръ, она очень меня соблазняетъ. Если я когда-нибудь женюсь и вздумаю поселиться въ деревнѣ, я, кажется, отниму у васъ вашу ферму, отдѣлаю заново этотъ чудесный старый домъ и самъ сдѣлаюсь фермеромъ.

— Ахъ, сэръ, вамъ здѣсь совсѣмъ не понравится, заговорила съ испугомъ мистрисъ Пойзеръ.—Вы еще не знаете, что такое хозяйство: это все равно, что класть одной рукой деньги въ карманъ, а другой вынимать. По моему глупому разумѣнію хозяйничать на землѣ значитъ ростить хлѣбъ для другихъ: это еще хорошо, если самъ будешь сытъ съ грѣхомъ пополамъ, да дѣтей кое-какъ прокормишь. Конечно, вы не то, что нашъ братъ бѣднякъ, которому приходится зарабатывать хлѣбъ своими руками; вамъ ничего, если вы и потеряете деньги на хозяйствѣ,—вы можете себѣ позволить такую трату. Только, сдается мнѣ, бросать деньги зря — плохая забава, хоть и слыхала я, что знатные доспода въ столицѣ очень любятъ такъ забавляться. Да вотъ и мужу моему на дняхъ говорили на ярмаркѣ, что будто старшій сынъ лорда Дэси проигралъ десятки тысячъ принцу Валлійскому, и будто милэди собирается заложить всѣ свои брилльянты, чтобъ заплатить этотъ долгъ. Впрочемъ, вамъ лучше знать про это, сэръ... Ну, а насчетъ хозяйства, такъ едвали оно вамъ понравится. Да и домъ здѣшній... Одни сквозняки чего стоютъ! Смертельную простуду можно нажить. И потомъ ,наверху полы совсѣмъ прогнили, а въ погребѣ крысъ не оберешься,—никакого спасенья отъ нихъ нѣтъ.

— Однако, мистрисъ Пойзеръ, вы мнѣ нарисовали ужасную картину. Я даже начинаю думать, что окажу вамъ большую услугу, избавивъ васъ отъ необходимости жить въ такомъ скверномъ мѣстѣ. Впрочемъ, едвали вы можете на это раз-

считывать. Если я и поселюсь въ деревнѣ, то не раньше, какъ лѣтъ черезъ двадцать, когда я превращусь въ толстаго сорокалѣтняго джентльмена. А дѣдушка ни за что не согласится разстаться съ такими хорошими арендаторами.

— Если ужъ онъ такого хорошаго мнѣнія о мистерѣ Пойзерѣ, какъ объ арендаторѣ, то я попросила-бы васъ, сэръ, замолвитъ ему словечко за насъ:—не разрѣшитъ-ли онъ подновить изгороди? Мой мужъ уже говорилъ и просилъ и ничего не могъ добиться. Вы сами знаете, сэръ, какъ много мужъ сдѣлалъ для фермы, а помогли-ли ему когда-нибудь хоть грошомъ даже въ самые трудные годы? Я и то постоянно ему твержу: „Повѣрь, еслибы капитанъ имѣлъ тутъ какую-нибудь власть, все было-бы иначе“. Я не имѣю намѣренія говорить непочтительно о тѣхъ, отъ кого мы зависимъ, но есть вещи, которыхъ не выдержитъ самая толстая кожа. Работаешь, работаешь, надрываешься, встанешь до зари, ложишься ужъ и не знаю когда, а и ляжешь, такъ спишь однимъ глазомъ,— все думаешь: не прокисли-бы сыры, не подохли-бы телята, не проросла-бы пшеница въ скирдахъ,—и за все за это къ концу года на повѣрку оказывается, что ты настряпалъ пиръ на весь міръ и за всѣ свои труды только понюхалъ его.

Разъ снявшись съ якоря, мистрисъ Пойзеръ уже летѣла на всѣхъ парусахъ, совершенно забывая свой почтительный страхъ передъ высшими. Твердая вѣра въ свое умѣнье излагать факты была для нея двигателемъ, превозмогавшимъ всѣ преграды.

— Боюсь, мистрисъ Пойзеръ, что я окажу вамъ медвѣжью услугу, если подниму вопросъ объ изгородяхъ, сказалъ капитанъ,—хотя могу васъ увѣрить, ни за одного изъ нашихъ арендаторовъ я не вступился-бы охотнѣе, чѣмъ за вашего мужа. Я знаю, что на десять миль кругомъ не найдется фермы, которая содержалась-бы въ такомъ порядкѣ, какъ ваша. Ну, а ужъ про кухню нечего и говорить, прибавилъ онъ, улыбаясь:— я убѣжденъ, что во всемъ королевствѣ не сыскать другой, ей подобной... Кстати: я никогда не видѣлъ вашей молочной; покажите мнѣ молочную, мистрисъ Пойзеръ.

— Ужъ и не знаю, право, сэръ, какъ я васъ туда поведу... Тамъ Гетти возится съ масломъ; сегодня поздно сбили, и мнѣ такъ совѣстно...

Сказавъ это, мистрисъ Пойзеръ покраснѣла, въ полной увѣренности, что капитанъ искренно интересуется ея крынками и кадушками, и что видъ ея молочной можетъ повліять на его мнѣніе о хозяйствѣ.

— О, я нимало не сомнѣваюсь, что ваша молочная въ образцовомъ порядкѣ. Пожалуйста, пойдемте туда.

И капитанъ самъ прошелъ впередъ, такъ-что мистрисъ Пойзеръ оставалось только послѣдовать за нимъ.

ГЛАВА VII.

МОЛОЧНАЯ.

Молочную дѣйствительно стоило посмотрѣть. Это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ такъ страстно томишься среди раскаленныхъ, пыльныхъ улицъ, — столько здѣсь было прохлады, чистоты,—такой свѣжій запахъ поднимался отъ только-что спрессованнаго сыра, отъ твердаго масла, отъ деревянной посуды, которую безпрестанно перемывали въ чистой водѣ,— такое мягкое сочетаніе цвѣтовъ ласкало вашъ глазъ, — такъ пріятно было смотрѣть на желтоватую поверхность сливокъ въ красныхъ глиняныхъ горшкахъ, на темное дерево пополамъ съ полированной жестью, на сѣрый камень и ярко оранжевый оттѣнокъ ржавчины на желѣзныхъ гиряхъ, на крюкахъ и петляхъ. Но всѣ эти мелочи ускользаютъ отъ насъ, оставляя по себѣ лишь смѣшанное, смутное впечатлѣніе, когда онѣ служатъ рамкой обворожительно хорошенькой семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, стоящей съ дѣловымъ видомъ подлѣ вѣсовъ въ своихъ маленькихъ деревянныхъ башмачкахъ и вынимающей изъ чашки отвѣшенный фунтъ масла пухленькой ручкой съ ямочкой на локтѣ.

Гетти покраснѣла, какъ роза, когда капитанъ Доннитернъ вошелъ въ молочную и заговорилъ съ ней. Но это не былъ румянецъ испуга, ибо онъ сопровождался улыбками, ямочками и искристымъ взглядомъ изъ подъ длинныхъ, темныхъ, загнутыхъ кверху рѣсницъ, и пока тетка распространялась передъ гостемъ о томъ, какъ мало остается молока на масло и сыръ, оттого-что еще не всѣ телята переведены на траву, и какое плохое молоко („что толку, что его много!") даетъ камолый скотъ, недавно купленный въ видѣ опыта, и еще о многомъ другомъ, что должно интересовать молодого джентльмена, который со временемъ будетъ помѣщикомъ, — племянница перебрасывала свой фунтъ масла изъ руки въ руку и похлопывала его весьма кокетливо и съ полнымъ самообладаніемъ, прекрасно сознавая, что ни одинъ поворотъ ея головки не пропадаетъ даромъ.

Существуетъ много родовъ красоты, заставляющихъ мужчинъ терять голову и проявлять всевозможные виды безумія— отъ отчаянія до идіотизма включительно. Но есть одинъ родъ красоты, какъ будто нарочно созданный, чтобы кружить головы не только мужчинамъ, но всѣмъ разумнымъ млекопитающимъ,—даже женщинамъ. Это красота котенка или маленькаго, только-что вылупившагося утенка, покрытаго пушкомъ и издающаго нѣжные, щебечущіе звуки своимъ мягенькимъ клювомъ, или еще лучше—ребенка, который только-что началъ ходить, но уже пускается на хитрости и такъ и норовитъ на-

шалить, какъ только отъ него отвернутся. На такую красоту невозможно сердиться, но иной разъ ее хочется раздавить,

Гетти Соррель.

уничтожить за ея полнѣйшую неспособность понять душевное состояніе, въ которое она васъ повергаетъ.

Красота Гетти Соррель именно этого рода. Тетка ея, мистрисъ Пойзеръ, трубившая всѣмъ и каждому о своемъ презрѣніи къ преимуществамъ внѣшности и воображавшая себя самымъ строгимъ изъ менторовъ, любовалась исподтишка красотою Гетти, невольно поддаваясь ея очарованію, и зачастую, задавъ ей хорошую головомойку, вытекавшую, обыкновенно, какъ естественное послѣдствіе, изъ ея искренняго желанія добра племянницѣ мужа („Бѣдняжка! Вѣдь у нея нѣтъ матери: кто же научитъ ее уму-разуму!"),—она сознавалась мужу потомъ, когда никто другой не могъ ее слышать, что „вѣришь ли, — чѣмъ больше эта плутовка капризничаетъ, тѣмъ она становится милѣе".

Зачѣмъ я стану говорить вамъ, что щечки Гетти были свѣжѣе лепестковъ только-что распустившейся розы, что ямки играли вокругъ ея пухленькихъ губокъ, что въ ея большихъ темныхъ глазахъ подъ длинными рѣсницами таились лукавство и нѣжность, что ея вьющіеся волосы, которые она откидывала назадъ и прятала подъ чепчикъ во время работы, упрямо выбивались наружу, падали ей на лобъ и обвивались изящными кольцами вокругъ ея прозрачныхъ бѣленькихъ ушекъ? Зачѣмъ я стану описывать, какъ красиво облегалъ ея шейку розовый съ бѣлымъ платочекъ, подвернутый концами подъ темно-лиловый корсажъ? Зачѣмъ стану увѣрять васъ, что полотняный рабочій передникъ съ нагрудникомъ казался на ней вѣнцомъ изящнаго вкуса, который не постыдилась бы взять за образецъ герцогиня, или что ея коричневые чулки и открытые башмаки на толстыхъ подошвахъ вовсѣмъ не смотрѣли неуклюжими на ея хорошенькихъ ножкахъ? — Всѣ мои слова будутъ напрасны, если вы никогда не встрѣчали женщины, которая дѣйствовала бы на васъ такъ, какъ дѣйствовала Гетти на тѣхъ, кто ее видѣлъ. Самый очаровательный женскій образъ, какой только вы сможете вызвать въ своемъ воображеніи, не дастъ вамъ и самаго слабаго понятія объ этой обворожительной дѣвушкѣ. Я могу съ какимъ угодно краснорѣчіемъ распространяться о божественной прелести яснаго весенняго дня, но если вамъ никогда не случалось слѣдить за полетомъ жаворонка въ вышинѣ или бродить по безмолвнымъ лугамъ, когда только-что распустившіеся весенніе цвѣты разливаютъ кругомъ свою святую, таинственную красу, и забывать при этомъ и себя, и весь міръ, — къ чему послужитъ мое краснорѣчивое описаніе? Мнѣ все равно не удастся вамъ передать мое впечатлѣніе отъ яснаго весенняго дня. Гетти была хороша именно такою красотой,—красотой яснаго весенняго дня, или юнаго, полнаго жизни, существа, которое шалитъ и рѣзвится и вводитъ васъ въ обманъ ложнымъ видомъ невинности,—невинности молоденькой телочки съ бѣлой звѣздочкой во лбу,

которая, пожелавъ прогуляться за предѣлы своей загородки, устраиваетъ вамъ изрядную гонку, заставляя васъ скакать за собой черезъ плетни и канавы, пока въ концѣ-концовъ не заведетъ васъ на середину болота.

Ни при одномъ занятіи хорошенькая дѣвушка не принимаетъ такихъ красивыхъ позъ и не дѣлаетъ такихъ граціозныхъ движеній, какъ тогда, когда она возится съ масломъ. Какъ очаровательно округляются руки, и какъ изящно изгибается бѣлая шейка, когда масло выкладывается изъ формы! А всѣ эти похлопыванья, перебрасыванья, всѣ эти послѣднія, заканчивающія операцію движенія,—развѣ они могутъ обойтись безъ самаго дѣятельнаго участія пухленькихъ губокъ и живой игры темныхъ глазъ? И потомъ, самый видъ масла придаетъ красавицѣ новое очарованіе,—такое оно чистое, душистое, выходитъ изъ формы такимъ твердымъ и крѣпкимъ, точно мраморъ при желтоватомъ свѣтѣ свѣчи. Впрочемъ, и то надо сказать: Гетти была большая искусница въ обращеніи съ масломъ; масло было единственнымъ изъ возложенныхъ на нее дѣлъ, не подвергавшимся строгой критикѣ ея тетки;—неудивительно, что она исполняла его со всею граціей, присущей артисту.

— Надѣюсь, мистрисъ Пойзеръ, что вы будете одною изъ участницъ великаго торжества 30-го іюля, сказалъ капитанъ Доннитор нъ, достаточно налюбовавшись молочной и высказавъ нѣсколько импровизированныхъ мнѣній о шведской рѣпѣ и камоломъ скотѣ. — Вамъ вѣдь извѣстно, какое событіе мы празднуемъ, и я разсчитываю, что вы и ваше семейство будете изъ числа тѣхъ гостей, которые придутъ первыми и распрощаются послѣдними... Миссъ Гетти, вы должны обѣщать мнѣ два танца. Если я не заручусь заранѣе вашимъ обѣщаніемъ, я буду лишенъ удовольствія танцовать съ вами: я знаю, что вся наша лучшая молодежь будетъ приглашать васъ на перебой.

Гетти улыбнулась и покраснѣла, но прежде чѣмъ она успѣла отвѣтить, мистрисъ Пойзеръ, скандализованная однимъ намекомъ на возможность того, что какіе-то мелкіе фермеры могутъ перебить дорогу молодому помѣщику, сказала:

— Право, сэръ, вы слишкомъ добры, оказывая ей такое вниманіе. Она должна гордится этимъ, какъ честью, и я увѣрена, что когда бы вамъ ни вздумалось протанцовать съ нею, она съ радостью пойдетъ, хотя бы изъ-за этого ей пришлось просидѣть весь остальной вечеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко относительно другихъ кавалеровъ. Но два танца вы мнѣ обѣщаете, не правда ли? продолжалъ капитанъ, твердо рѣшивъ, что онъ заставитъ Гетти взглянуть на него и отвѣтить.

Гетти сдѣлала очаровательный книксенъ и, бросивъ на него изподлобья полу-застѣнчивый, полу-кокетливый взглядъ, отвѣчала:

— Да, сэръ, благодарю васъ.

— Я думаю, мистрисъ Пойзеръ, мнѣ нѣтъ надобности говорить—это само собою разумѣется,—что вы должны привести съ собой всѣхъ вашихъ дѣтей — и мальчиковъ, и маленькую Тотти. Я хочу, чтобы на моемъ праздникѣ присутствовали всѣ, даже самые маленькія дѣти, которыя будутъ здоровыми, рослыми юношами и молодыми дѣвушками, когда я превращусь въ сквернаго старикашку.

— О, сэръ, вамъ еще долго этого дожидаться, сказала мистрисъ Пойзеръ, совершенно очарованная простотой и небрежностью тона, какимъ молодой помѣщикъ говорилъ о своей особѣ, и представляя себѣ, съ какимъ интересомъ будетъ слушать ее мужъ, когда она разскажетъ ему объ этомъ замѣчательномъ образчикѣ шутливости высшаго тона. Капитанъ пользовался по всему помѣстью репутаціей „веселаго барина, шутника", и былъ общимъ любимцемъ благодаря своимъ простымъ манерамъ. Всѣ арендаторы были увѣрены, что все пойдетъ иначе, когда бразды правленія перейдутъ въ его руки, что это будетъ блаженная пора изобилія новыхъ изгородей, неограниченнаго отпуска извести и десятипроцентныхъ доходовъ.

— А куда дѣвалась ваша Тотти! продолжалъ капитанъ.— Мнѣ бы хотѣлось ее видѣть.

— Гдѣ дѣвочка, Гетти? спросила мистрисъ Пойзеръ.—Она только-что ушла изъ кухни сюда.

— Не знаю. Должно, быть побѣжала къ Нанси, на черную кухню.

Польщенная мать, не въ силахъ противустоять искушенію показать свою Тотти, сейчасъ же отправилась разыскивать ее на черную кухню, при чемъ ея материнское сердце было далеко не свободно отъ опасеній насчетъ возможности какой-нибудь несчастной случайности, благодаря которой дѣвочка и нарядъ ея могли оказаться не вполнѣ приличными для пріема гостей.

— Вы сами носите масло на рынокъ, когда оно готово? спросилъ капитанъ у Гетти, когда мистрисъ Пойзеръ ушла.

— О, нѣтъ, сэръ, когда его много, я не ношу,—это было-бы мнѣ не подъ силу; тогда Аликъ возитъ на лошади.

— Ну, еще-бы! Ваши хорошенькія ручки меньше всего созданы для того, чтобы носить тяжести. Но вы гуляете когда-нибудь? Теперь такіе прелестные вечера! Отчего вы никогда не ходите въ нашъ паркъ? Тамъ очень хорошо,—такая чудесная зелень! Васъ, кажется, только и можно видѣть, что у васъ дома да въ церкви.

— Тетя не любитъ, чтобы я гуляла безъ цѣли, отвѣчала Гетти.—Но я иногда прохожу черезъ паркъ?

— Должно быть, вы бываете у мистрисъ Бестъ, нашей ключницы? Мнѣ, кажется, я какъ-то разъ видѣлъ васъ въ ея комнатѣ.

— Нѣтъ, у мистрисъ Бестъ я не бываю; я хожу къ мистрисъ Помфретъ, горничной милэди. Она учитъ меня сте-

гать и штопать кружева. Завтра послѣ обѣда я приглашена къ ней на чай.

Чтобы понять, какимъ образомъ это tête-à-tête могло такъ затянуться, надо заглянуть въ черную кухню, гдѣ Тотти была поймана на мѣстѣ преступленія въ тотъ самый моментъ, когда, подцѣпивъ гдѣ-то мѣшечекъ съ синькой, она терлась о него носомъ, и синяя жидкость обильно поливала ея чистый передникъ. Но теперь она появилась въ молочной вмѣстѣ съ матерью, которая вела ее за руку, при чемъ на кончикѣ ея круглаго носика были видны несомнѣнные слѣды недавней спѣшной полировки, при помощи воды и мыла.

— Вотъ она! закричалъ капитанъ, подхвативъ дѣвочку на руки и сажая ее на низенькую каменную лавку.—Вотъ она—Тотти!.. А кстати: какъ ея настоящее имя? Не можетъ быть, чтобъ священникъ такъ и окрестилъ ее Тотти.

— Конечно, нѣтъ, сэръ, это ужъ мы перековеркали ея имя. Ее зовутъ Шарлоттой. Въ роднѣ мистера Пойзера это семейное имя: его бабушку звали Шарлоттой. Сначала мы называли ее Лотти, а тамъ какъ-то передѣлали въ Тотти. Оно правда, что это имя больше пристало собакѣ, чѣмъ крещеному ребенку.

— Тотти чудесное имя и какъ разъ ей подходитъ.—Тотти-толстушка, есть у тебя карманъ? спросилъ капитанъ, принимаясь шарить въ своемъ собственномъ жилетномъ карманѣ.

Тотти съ величайшей торжественностью приподняла свою юбочку и показала ему маленькій розовый кармашекъ на шнуркѣ, сплюснутый въ лепешку.

— Тамъ ничего нѣтъ, сказала она очень серьезно, поглядѣвъ на карманъ.

— Ничего нѣтъ? Какая жалость! Такой хорошенькій кармашекъ, и ничего въ немъ нѣтъ! Ну, постойка-ка: кажется въ моемъ найдется нѣсколько штучекъ,—мы ихъ переложимъ къ тебѣ... Такъ и есть: цѣлыхъ пять кругленькихъ серебряныхъ штучекъ. Ну-ка послушаемъ, какъ онѣ зазвенятъ въ розовомъ кармашкѣ Тотти.

Съ этими словами капитанъ положилъ деньги ей въ карманъ и встряхнулъ его. Тотти оскалила всѣ свои зубки и наморщила носъ отъ восторга, но, сообразивъ, что больше уже ничего не дождешься, сколько ни жди, она соскочила съ лавки и побѣжала къ Нанси похвастаться своей удачей, позвякивая монетами въ карманѣ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что мать кричала ей вслѣдъ: „Ахъ ты, гадкая дѣвчонка! Какъ тебѣ не стыдно! Даже не поблагодарила за подарокъ... Благодарю васъ, сэръ, вы очень добры, но мнѣ, право, такъ совѣстно... Совсѣмъ избаловалась дѣвчонка,—отецъ не позволяетъ противорѣчить ей, никакого сладу съ ней нѣтъ. Она у насъ вѣдь младшая и единственная дѣвочка въ семьѣ“.

— Она у васъ славная кубышка; мнѣ она нравится, какъ есть... Однако, мнѣ пора уходить; я думаю, ректоръ меня дожидается.

Коротенькое: „Прощайте“, сіяющій взглядъ, поклонъ въ сторону Гетти,—и Артуръ вышелъ изъ молочной. Но онъ ошибался, воображая, что его дожидаются. Ректоръ такъ заинтересовался своей бесѣдой съ Диной, что и не думалъ ее прекращать. Сейчасъ вы услышите, о чемъ они говорили.

ГЛАВА VIII.

ПРИЗВАНІЕ.

Дина, поднявшаяся съ мѣста при входѣ джентльменовъ, но не выпуская изъ рукъ простыни, которую она штопала, почтительно присѣла мистеру Ирвайну, когда увидѣла, что онъ на нее смотритъ и приближается къ ней. Ей никогда еще не случалось говорить съ нимъ и сталкиваться такъ близко, и, когда глаза ея встрѣтились съ его взглядомъ, первою ея мыслью было: „Какое хорошее лицо! О, еслибъ доброе сѣмя упало на эту почву, оно принесло-бы плодъ“. Пріятное впечатлѣніе было, вѣроятно, взаимнымъ, ибо мистеръ Ирвайнъ въ свою очередь поклонился дѣвушкѣ такъ ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно, что поклонъ его былъ-бы вполнѣ умѣстенъ, будь она самою знатною лэди, а не простой работницей.

— Вы, кажется, не постоянная здѣшняя жительница, а только гостите въ нашихъ краяхъ? началъ мистеръ Ирвайнъ, садясь противъ нея.

— Да, сэръ, я изъ Стонишира, изъ деревни Сноуфильдъ. Тетка моя была такъ добра, что пригласила меня погостить у нея, чтобъ я могла немного отдохнуть и оправиться послѣ болѣзни:—я была недавно больна.

— Такъ вы изъ Сноуфильда... Я хорошо помню Сноуфильдъ; мнѣ довелось тамъ быть одинъ разъ. Унылое мѣсто. Въ то время тамъ строилась бумагопрядильня, но это было давно, много лѣтъ тому назадъ. Я думаю, съ тѣхъ поръ тамъ все измѣнилось; бумагопрядильня должна была внести большую перемѣну тѣмъ, что доставила населенію заработокъ.

— Да, бумагопрядильня привлекла къ намъ много народу, которому она даетъ возможность существовать, и въ этомъ отношеніи перемѣна дѣйствительно очень замѣтная; я сама тамъ работаю и благодарю за это судьбу, потому-что мнѣ съ избыткомъ хватаетъ моего заработка. Но мѣсто осталось все такое-же унылое, какъ вы совершенно вѣрно выразились, сэръ,—нисколько непохожее на здѣшнія мѣста.

— У васъ тамъ, вѣрно, есть родные, или вообще что-нибудь, что привязываетъ васъ къ Сноуфильду?

— У меня была тамъ прежде тетка; она меня выростила и воспитала,—я вѣдь сирота; но семь лѣтъ тому назадъ она умерла, и, сколько я знаю, кромѣ нея, у меня нѣтъ другихъ родствен-

никовъ, кромѣ тети Рахили Пойзеръ, которая очень добра ко мнѣ и постоянно уговариваетъ меня переѣхать сюда на житье. Я и сама знаю, что здѣсь хорошо,—земля лучше и хлѣба вдоволь. Но я не могу оставить Сноуфильдъ; я пустила тамъ корни,—срослась съ этимъ мѣстомъ, какъ трава съ землей, на которой она ростетъ.

— Да, правда, вѣдь у васъ тамъ много друзей—вашихъ единовѣрцевъ: вы вѣдь методистка—послѣдовательница Уэсли, если не ошибаюсь?

— Да, моя покойная тетка принадлежала къ общинѣ методистовъ, и благодаря этому, я съ ранняго дѣтства пользовалась духовными преимуществами, за которыя всегда благодарю Бога.

— А давно-ли вы проповѣдуете?—я слыхалъ, что вчера вечеромъ вы говорили проповѣдь у насъ въ Гейслопѣ.

— Я начала проповѣдывать четыре года тому назадъ, на двадцать второмъ году отъ рожденія.

— Такъ, значитъ, въ вашей общинѣ женщинамъ разрѣшается проповѣдывать?

— У насъ это не запрещается, сэръ, если только женщина имѣетъ истинное призваніе къ этому дѣлу, подлинность котораго подтверждается обращеніемъ грѣшниковъ и укрѣпленіемъ вѣры въ сердцахъ христіанъ. Первой проповѣдницей въ нашей общинѣ—какъ вы, можетъ быть, слышали,—была мистрисъ Флетчеръ; она проповѣдовала, кажется, до своего замужества, когда была еще миссъ Бозанкетъ, и мистеръ Уэсли одобрялъ ея дѣятельность. Она обладала большимъ даромъ слова. У насъ и теперь есть нѣсколько проповѣдницъ, которыя очень много способствуютъ распространенію слова Божія. Я слыхала, что за послѣднее время въ нашей общинѣ поднимаются голоса противъ женской проповѣди, но я увѣрена, что имъ никогда не удастся одержать верхъ. Люди могутъ строить каналы и направлять воду въ ту или другую сторону по своему желанію, но не человѣку указывать пути Духу Божію и говорить: „Теки сюда, а не туда“.

— Но не находите-ли вы, что ваши проповѣдники—и мужчины, и женщины (я не о васъ говорю, разумѣется, — вовсе нѣтъ).... не думаете-ли вы, что проповѣдникъ можетъ иногда воображать себя сосудомъ Духа Божія и ошибаться и, взявшись такимъ образомъ за дѣло, къ которому онъ неспособенъ, унижаетъ святыню?

— Конечно, это случается иногда. Между нами бывали дурные люди, пытавшіеся обмануть своихъ братьевъ; бывали и такіе, которые обманывали себя. Но въ нашей общинѣ есть дисциплина, и противъ подобныхъ злоупотребленій принимаются мѣры. У насъ соблюдается строгій порядокъ; всѣ мы слѣдимъ за чистотой совѣсти нашихъ братьевъ и сестеръ; мы понимаемъ, что должны будемъ отдать въ этомъ отчетъ передъ Богомъ. У насъ не принято, чтобы каждый шелъ своей дорогой и говорилъ: „Развѣ я сторожъ брату моему“?

— Но скажите мнѣ, если это не нескромный вопросъ,—мнѣ въ самомъ дѣлѣ интересно знать,—скажите, какъ вы надумали начать проповѣдывать?

— Сказать по правдѣ, сэръ, я совсѣмъ объ этомъ не думала. Я всегда любила разговаривать съ дѣтьми; съ шестнадцати лѣтъ я постоянно учила дѣтей, и иногда—когда я чувствовала особенный подъемъ духа,—я говорила въ классѣ. Кромѣ того, я часто молилась вслухъ у постели больныхъ. Но я не чувствовала призванія, потому-что вообще я даже не люблю говорить; когда я ничѣмъ особенно не взволнована, я люблю сидѣть въ сторонкѣ и думать. Мнѣ кажется, я была бы способна просидѣть такъ цѣлый день, думая о Богѣ. Моя душа тонетъ въ этихъ мысляхъ, какъ камешки въ чистыхъ водахъ ручейка. Вѣдь мысли о Богѣ такъ безконечно огромны — не правда-ли, сэръ? Онѣ затопляютъ человѣка, какъ глубокій потокъ, и для меня ничего нѣтъ легче, какъ забыть все окружающее, забыть, гдѣ я, и затеряться въ этихъ мысляхъ,—безотчетныхъ, и которыхъ я не могу выразить словами, потому-что не знаю, гдѣ онѣ начинаются и гдѣ кончаются. Сколько себя помню, это всегда было моей страстью; но иногда случалось, что мысли мои—безъ всякаго усилія съ моей стороны, помимо моей воли — выливались въ словахъ, какъ льются слезы отъ полноты сердца, и мы не можемъ ихъ удержать. И такія минуты бывали для меня всегда минутами величайшаго счастья, хоть мнѣ и въ голову не приходило, что я буду когда-нибудь говорить передъ цѣлымъ собраніемъ людей. Но, сэръ, десница Божія ведетъ насъ невѣдомыми путями, какъ малыхъ дѣтей. Господь призвалъ меня внезапно, и съ той поры никогда не оставлялъ меня въ сомнѣніи насчетъ дѣла, которое онъ на меня возложилъ.

— Разскажите-же мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ.... какъ именно случилось, что вы начали проповѣдывать. Какъ это было?

— Это было въ воскресенье. Мы съ братомъ Марло отправились пѣшкомъ изъ Сноуфильда въ Геттонъ-Дипсъ. Братъ Марло былъ одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ и уже пожилой человѣкъ, а Геттонъ-Дипсъ — это деревня; тамошніе жители работаютъ въ свинцовыхъ рудникахъ — тѣмъ и существуютъ; тамъ нѣтъ ни церкви, ни проповѣдниковъ, и живутъ они, какъ овцы безъ пастыря. Отъ Сноуфильда до Геттонъ-Дипса будетъ побольше двѣнадцати миль. Мы вышли раннимъ утромъ (это было лѣтомъ), и всю дорогу, пока мы шли по голымъ холмамъ (тамъ вѣдь не то, что здѣсь: тамъ, какъ вы знаете, сэръ, совсѣмъ нѣтъ деревьевъ, отъ которыхъ небо кажется меньше, и вы видите сводъ небесный, широко раскинувшійся надъ вами, какъ куполъ огромной палатки, и всегда чувствуете присутствіе Предвѣчной Десницы).... такъ вотъ, пока мы шли, сознаніе окружающей меня Божественной любви какъ-то особенно сильно наполняло мою душу. Еще не доходя

до Геттона, братъ Марло почувствовалъ себя дурно; у него кружилась голова, такъ-что онъ все время боялся упасть. Онъ давно уже переутомилъ себя непосильнымъ трудомъ—постоянными бдѣніями и молитвой и усиленной ходьбой для распространенія слова Божія. Нелегко было въ его годы выхаживать по нѣскольку миль въ день, да при этомъ работать еще для своего пропитанія (братъ Марло былъ прядильщикъ по ремеслу). Когда мы пришли въ деревню, его тамъ уже ожидали, потому-что въ послѣднее свое посѣщеніе онъ назначилъ имъ день, когда придетъ опять, и тѣ изъ жителей, которые желали слышать слово жизни, собрались на главной улицѣ—нарочно въ самомъ людномъ мѣстѣ, въ надеждѣ увлечь своимъ примѣромъ другихъ. Но братъ Марло едва стоялъ на ногахъ и не могъ проповѣдывать; пришлось уложить его въ первомъ же коттеджѣ, къ которому мы подошли. Я вышла сказать объ этомъ народу и думала, что предложу желающимъ зайти со мной въ который-нибудь изъ домовъ, почитаю имъ Библію и помолюсь вмѣстѣ съ ними. Но когда, проходя улицей мимо коттеджей, я увидѣла у дверей этихъ жалкихъ, дрожащихъ старухъ, когда я увидѣла грубыя лица мужчинъ, которые, казалось, были такъ же мало проникнуты высокимъ значеніемъ воскреснаго дня, какъ безсловесные быки, никогда не поднимающіе глазъ къ небесамъ,—вся душа перевернулась во мнѣ, я задрожала, какъ отъ сильнаго сотрясенія,—точно могучій духъ вошелъ въ мое слабое тѣло. И я пошла прямо къ тому мѣсту, гдѣ собралась въ ожиданіи проповѣди небольшая кучка людей, поднялась на низенькую стѣнку, прислоненную къ зеленому склону холма, и заговорила,—и слова полились свободно, сами собой. И всѣ эти люди вышли изъ домовъ и окружили меня, и многіе плакали, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ, и съ того дня пріобщились Богу. Такъ я начала проповѣдывать и съ тѣхъ поръ проповѣдую постоянно.

Дина уронила свою работу во время этого разсказа. Разсказывала она по обыкновенію просто, но съ тѣми искренними, раздѣльными, вибрирующими интонаціями, которыми она всегда покоряла своихъ слушателей. Теперь она нагнулась, подняла работу и углубилась въ нее. Мистеръ Ирвайнъ былъ глубоко заинтересованъ. Онъ говорилъ себѣ: „Надо быть презрѣннымъ фатомъ, чтобы разыгрывать педагога *здѣсь;* это было-бы то-же самое, что обращаться съ нравоученіемъ къ деревьямъ и стараться внушить имъ, чтобъ они росли такъ, а не иначе“.

— И васъ никогда не смущала ваша молодость... сознаніе что вы хороши собой, и что на васъ устремлены десятки мужскихъ глазъ? сказалъ онъ вслухъ.

— Нѣтъ, въ моей душѣ нѣтъ мѣста для такихъ чувствъ, и я не думаю, чтобъ кто-нибудь обращалъ на это вниманіе. Мнѣ кажется, сэръ, что когда мы чувствуемъ присутствіе Божіе

среди насъ, мы уподобляемся пылающей купинѣ. Развѣ Моисей замѣтилъ хоть разъ, какой кустъ горитъ передъ нимъ?—онъ видѣлъ только сіяніе славы Господней. Мнѣ приходилось проповѣдывать въ окрестностяхъ Сноуфильда передъ самыми грубыми, невѣжественными людьми, похожими на звѣрей, но никогда ни одинъ изъ нихъ не сказалъ мнѣ грубаго слова, и многіе ласково благодарили меня послѣ проповѣди и разступались, давая мнѣ дорогу, когда я уходила.

— *Этому* я повѣрю...*этому* я легко повѣрю, проговорилъ съ жаромъ мистеръ Ирвайнъ.—Ну, а какого вы мнѣнія о вашихъ вчерашнихъ слушателяхъ? Нашли-ли вы ихъ достаточно смирными и внимательными?

— Смирными—да; но я не замѣтила, чтобы слова особенно на нихъ дѣйствовали, за исключеніемъ одной молоденькой дѣвушки, по имени Бесси Крэнеджъ, по которой больше всего болѣло мое сердце. Мнѣ такъ стало жалко, когда я въ первый разъ увидѣла эту цвѣтущую юность, преданную суетности и тщеславію! Потомъ я имѣла съ ней разговоръ; мы вмѣстѣ молились, и мнѣ кажется, я тронула ея сердце. Но вообще я замѣтила, что въ деревняхъ, гдѣ люди ведутъ спокойную жизнь среди зеленыхъ пастбищъ и мирныхъ полей, обрабатывая землю и ухаживая за скотомъ, они бываютъ до странности глухи къ слову Божію,—совсѣмъ не то, что въ большихъ городахъ въ родѣ Лидса, гдѣ мнѣ довелось однажды бесѣдовать съ одной святой женщиной, тамошней проповѣдницей. Поразительно, какую богатую жатву сердецъ можно собрать на этихъ узкихъ пыльныхъ улицахъ, среди высокихъ стѣнъ, гдѣ чувствуешь себя точно на тюремномъ дворѣ, и гдѣ тебя оглушаетъ несмолкаемый гулъ мірской суеты. Можетъ быть, это оттого, что обѣщаніе кажется слаще, когда жизнь темна и печальна, и душа сильнѣе алчетъ, когда страдаетъ плоть.

— Да, это правда, нашихъ крестьянъ нелегко взволновать. Они принимаютъ жизнь почти такъ-же вяло какъ овцы и быки. Но у насъ есть здѣсь нѣсколько человѣкъ интеллигентныхъ работниковъ. Вѣроятно, вы знаете Бидовъ? Сетъ Бидъ—методистъ, между прочимъ.

— Я хорошо знаю Сета Бида; знаю немного и его брата Адама. Сетъ очень милый юноша,—искренній и добрый, а Адамъ напоминаетъ патріарха Іосифа своими познаніями, своей сноровкой въ работѣ и добротой, съ какою онъ заботится о своемъ братѣ и старикахъ.

— А вы не знаете, какое у нихъ случилось несчастье? Отецъ ихъ, Маттіасъ Бидъ, утонулъ вчера ночью въ ручьѣ, подъ ивами, недалеко отъ своего дома. Я ѣду сейчасъ навѣстить Адама.

— Ахъ, бѣдная мистрисъ Бидъ! Бѣдная старуха! сказала Дина, уронивъ руки на колѣни и глядя передъ собой скорбными глазами, какъ будто она видѣла предметъ своей жалости.—Она будетъ сильно горевать. Сетъ говорилъ мнѣ, что у нея впеча-

тлительное, безпокойное сердце. Надо пойти посмотрѣть, не могу-ли я чѣмъ-нибудь ей помочь.

Въ ту минуту, когда она встала и начала складывать свое шитье, капитанъ Донниторнъ, истощивъ весь свой запасъ благовидныхъ предлоговъ, позволявшихъ ему затянуть свое пребываніе между крынками, вышелъ изъ молочной въ сопровожденіи мистрисъ Пойзеръ. Мистеръ Ирвайнъ тоже всталъ и, сдѣлавъ шагъ къ Динѣ, протянулъ ей руку и сказалъ:

— До свиданья. Я слышалъ, вы скоро уѣзжаете; но вѣдь вы не въ послѣдній разъ навѣщаете вашу тетушку, такъ-что, надѣюсь, мы еще увидимся.

Его любезное обращеніе съ Диной разсѣяло всѣ страхи мистрисъ Пойзеръ, и лицо ея сіяло больше обыкновеннаго, когда она сказала:

— А я и позабыла, сэръ, спросить о вашей матушкѣ и сестрахъ. Надѣюсь, онѣ здоровы?

— Благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ, здоровы, только у миссъ Анны сегодня сильнѣйшая головная боль—одна изъ ея всегдашнихъ мигреней. Кстати: я васъ еще не поблагодарилъ за чудесный сливочный сыръ, который вы намъ прислали; онъ всѣмъ намъ очень понравился, особенно матушкѣ.

— Я очень рада слышать это, сэръ. Я рѣдко дѣлаю эти сыры, а тутъ какъ-то вспомнила, что мистрисъ Ирвайнъ очень ихъ любитъ. Будьте добры передать ей мое почтеніе, а также миссъ Кетъ и миссъ Аннѣ. Давно уже не заходили взглянуть на моихъ куръ, а у меня есть теперь нѣсколько штукъ прехорошенькихъ пестрыхъ цыплятъ—черныхъ съ бѣлымъ. Можетъ быть, миссъ Кетъ пожелала-бы завести такихъ у себя.

— Хорошо, я ей скажу; она зайдетъ посмотрѣть. Прощайте, добрый вечеръ, сказалъ ректоръ, садясь на лошадь.

— Поѣзжайте потихоньку, Ирвайнъ, сказалъ ему капитанъ Донниторнъ, тоже садясь на сѣдло.—Черезъ три минуты я васъ догоню. Мнѣ нужно только переговорить съ пастухомъ насчетъ щенковъ. Прощайте, мистрисъ Пойзеръ; скажите вашему мужу, что я скоро заѣду побесѣдовать съ нимъ.

Мистрисъ Пойзеръ сдѣлала почтительный книксенъ и дождалась, пока обѣ лошади скрылись за воротами посреди оглушительнаго кудахтанья куръ и хрюканья поросятъ, и подъ аккомпаниментъ негодующаго лая бульдога, исполнявшаго на своей цѣпи какой-то дикій танецъ, ежеминутно грозившій ее оборвать. Этотъ шумный отъѣздъ наполнилъ восхищеніемъ сердце мистрисъ Пойзеръ: онъ служилъ для нея только новымъ доказательствомъ того, какъ хорошо охранялся дворъ ее фермы, и убѣждалъ ее, что ни одинъ бродяга не войдетъ въ него незамѣченнымъ. Итакъ, она смотрѣла вслѣдъ отъѣзжающимъ, пока за капитаномъ Донниторномъ затворились ворота, и только тогда возвратилась на кухню, гдѣ Дина стояла со шляпкой въ

рукахъ, поджидая тетку, чтобы сказать ей, что она уходитъ къ Лизбетѣ Бидъ.

Но мистрисъ Пойзеръ, хоть она и замѣтила шляпку, воздержалась отъ разспросовъ по этому поводу: ей надо было сперва облегчить свою душу отъ изумленія, въ которое повергло ее поведеніе мистера Ирвайна.

— Такъ, значитъ, мистеръ Ирвайнъ не сердится на тебя? Что онъ говорилъ тебѣ, Дина? Не бранилъ за проповѣдь?

— Нѣтъ, онъ и не думалъ сердиться; онъ былъ со мной очень ласковъ. Мы долго бесѣдовали; мнѣ было какъ-то особенно легко съ нимъ говорить,—сама не знаю отчего: вѣдь я всегда считала его преданнымъ мірской суетѣ саддукеемъ. Но у него такое пріятное лицо!—а улыбка, точно свѣтъ утренняго солнца.

— Пріятное?—я думаю! А какое-же по твоему должно быть у него лицо? проговорила съ досадой мистрисъ Пойзеръ, принимаясь за свое вязанье.—*Пріятное* лицо!—конечно, пріятное. Вѣдь онъ природный джентльменъ, и мать у него какъ картина: хоть всю округу обойди, ты не найдешь другой такой шестидесятипятилѣтней старухи. Стоитъ посмотрѣть на этого человѣка, когда онъ въ воскресенье войдетъ на свою кафедру! Просто сердце радуется—все равно, какъ если смотришь на густую ниву спѣлой пшеницы или на заливной лугъ, когда на немъ пасется хорошій молочный скотъ: невольно думается, что хорошо жить на свѣтѣ,—я всегда говорю это Пойзеру... Да, это *человѣкъ*—не то, что тѣ людишки, за которыми бѣгаютъ ваши методисты. И поглядѣть то не на что: кожа да кости. Да, я лучше буду любоваться на тѣхъ ободранныхъ коровъ, что пасутся на общемъ выгонѣ, чѣмъ на такихъ сморчковъ. Развѣ такіе люди способны поучать народъ? И какъ имъ знать, что́ хорошо и что́ дурно, когда у нихъ такой видъ, точно они во всю свою жизнь не пробовали ничего кромѣ засохшаго сала да прокислаго пирога?.. Ну, что-же сказалъ тебѣ мистеръ Ирвайнъ насчетъ этой твоей сумасбродной затѣи... проповѣди на лугу?

— Онъ сказалъ только, что слышалъ объ этомъ; онъ ничѣмъ не показалъ, чтобъ это было ему непріятно. Но, тетя, милая, не думайте объ этомъ больше.... Мистеръ Ирвайнъ сказалъ мнѣ одну вещь, которая—я увѣрена—огорчитъ васъ, какъ она огорчила меня. Тіасъ Бидъ утонулъ въ ручьѣ прошлою ночью. Его бѣдная жена навѣрно нуждается въ утѣшеніи; я сейчасъ къ ней иду,—можетъ быть я могу быть ей полезна.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—Конечно иди, дитя мое, но прежде ты должна выпить чаю, сказала мистрисъ Пойзеръ, мгновенно спускаясь отъ высокихъ, пронзительныхъ тоновъ дискантоваго ключа къ пріятнымъ среднимъ нотамъ.—Черезъ минуту чай поспѣетъ,—чайникъ уже кипитъ. Кстати и ребятишки сейчасъ явятся,—имъ тоже пора чай пить. Я очень довольна, что ты надумала провѣдать бѣдную старуху: ты такой человѣкъ, что всякій будетъ тебѣ радъ въ бѣдѣ,—не по-

тому, что ты методистка; суть не въ методизмѣ, а въ томъ, изъ какого тѣста человѣкъ сдѣланъ. Въ этомъ вся разница, все равно какъ съ сырами: возьми ты сыръ изъ снятого молока и изъ цѣльнаго; называй ихъ какъ хочешь, а ты сейчасъ-же различишь ихъ по запаху и по вкусу.... Ну, а Тіасъ Бидъ.... пожалуй и лучше, что Богъ его прибралъ (да проститъ мнѣ Христосъ, что я такъ говорю); за послѣднія десять лѣтъ онъ не приносилъ домашнимъ ничего кромѣ горя.... А ты, когда пойдешь, захвати съ собой бутылочку рому для старухи: можетъ быть это ее подкрѣпитъ, а у нихъ въ домѣ навѣрно не найдется ни капли. Ну, садись-же, дитя, садись къ столу; все равно я не выпущу тебя, пока не напою чаемъ,— ты такъ и знай.

Во время послѣдней части этой рѣчи мистеръ Пойзеръ достала съ полки чашки и блюдца и направлялась было въ кладовую за хлѣбомъ (сопровождаемая по пятамъ маленькой Тотти, которая появилась на кухнѣ при первомъ звонѣ посуды), когда изъ молочной вышла Гетти, расправляя свои усталыя руки; она приподняла ихъ надъ головой и заложила за затылокъ, скрестивъ пальцы.

Молли, проговорила она томнымъ голосомъ,—сбѣгай принеси мнѣ пучекъ лопушника; масло готово,—можно заворачивать.

— Гетти, слыхала ты, что случилось? спросила ее тетка.

— Нѣтъ; какъ я могла тамъ что нибудь слышать? — былъ сварливый отвѣтъ.

— Ну, да еслибъ и слышала, навѣрно не очень-бы огорчилась. Тебѣ хоть весь свѣтъ перемри—ты и ухомъ не поведешь, лишь-бы тебѣ не мѣшали наряжаться передъ зеркаломъ по два часа кряду по столовымъ часамъ. Конечно такой вѣтрогонкѣ, какъ ты, все равно, что-бы тамъ ни случилось съ людьми, которые думаютъ о тебѣ гораздо больше, чѣмъ ты того стоишь, хотя всякой другой дѣвушкѣ было-бы не все равно. Адамъ Бидъ и вся его родня могутъ двадцать разъ утонуть,—какое тебѣ до нихъ дѣло? Черезъ минуту ты будешь опять заглядывать въ зеркало.

— Адамъ Бидъ.... утонулъ! проговорила Гетти, уронивъ руки съ растеряннымъ видомъ, хоть и подозрѣвала, что тетка по своему обыкновенію преувеличиваетъ, имѣя въ виду нравоучительную цѣль.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя милая, сказала ласково Дина, ибо мистрисъ Пойзеръ прослѣдовала въ кладовую, не удостоивъ Гетти отвѣтомъ.—Не Адамъ. Утонулъ отецъ Адама, старикъ Бидъ. Онъ утонулъ въ ручьѣ, вчера ночью. Я это сейчасъ только узнала отъ мистера Ирвайна.

— Это ужасно! сказала Гетти съ серьезнымъ лицомъ, но безъ особеннаго огорченія и, увидавъ Молли, которая въ эту минуту вошла съ листьями, взяла ихъ отъ нея и возвратилась въ молочную, не сдѣлавъ больше ни одного вопроса.

ГЛАВА IX.

МІРОКЪ ГЕТТИ СОРРЕЛЬ.

Боюсь, что, обкладывая душистое блѣдное масло широкими листьями, изъ которыхъ оно выглядывало, какъ весенняя желтая роза изъ зеленой чашечки, Гетти гораздо больше думала о тѣхъ взглядахъ, которые бросалъ на нее капитанъ Доннитернъ, чѣмъ объ Адамѣ и его горѣ. Сіяющіе, восхищенные взгляды красиваго молодого джентльмена съ бѣлыми руками, съ золотой цѣпочкой на груди, въ изящномъ мундирѣ, окруженнаго ореоломъ безграничнаго богатства и величія, были для Гетти теплыми лучами, заставлявшими трепетать ея бѣдное сердечко и повторять все тотъ-же и тотъ-же безумный напѣвъ. Статуя Мемнона, насколько намъ извѣстно, никогда не издавала своей мелодіи даже отъ самаго сильнаго вѣтра и вообще, повинуясь какому-либо иному вліянію, кромѣ вліянія первыхъ недолговѣчныхъ утреннихъ лучей солнца, и намъ-бы слѣдовало пріучить себя къ той истинѣ, что хитраго устройства, сложный инструментъ, именуемый человѣческимъ сердцемъ, очень часто обладаетъ весьма ограниченнымъ музыкальнымъ регистромъ и не отвѣчаетъ ни малѣйшимъ колебаніемъ на прикосновенія, заставляющія другія сердца трепетать отъ восторга или корчиться отъ боли.

Гетти давно привыкла къ мысли, что ею любуются. Она не оставалась слѣпа къ тому факту, что молодой Люкъ Бриттонъ изъ Брокстона являлся по воскресеньямъ въ Гейслопскую церковь съ единственной цѣлью видѣть ее, и что онъ отважился-бы и на болѣе рѣшительные авансы, если бъ ея дядя мистеръ Пойзеръ, бывшій невысокаго мнѣнія о молодомъ человѣкѣ, отецъ котораго такъ безобразно запускалъ свою землю, не запретилъ ея теткѣ поощрять его ухаживанья. Не безызвѣстно ей было и то, что мистеръ Крегъ, садовникъ замка, былъ по уши въ нее влюбленъ; не такъ давно онъ даже сдѣлалъ признаніе, въ значеніи котораго нельзя было ошибиться, хоть оно и было пересыпано гиперболическими сравненіями съ клубникой и сладкимъ горошкомъ. Еще лучше ей было извѣстно, что Адамъ Бидъ—высокій, статный, умный, честный Адамъ Бидъ, пользовавшійся такимъ авторитетомъ по всей ихъ округѣ, — Адамъ Бидъ, котораго дядя ея былъ всегда радъ видѣть по вечерамъ, и про котораго онъ говорилъ, что „Адамъ гораздо дальше видитъ вглубь вещей, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, кто считаетъ себя выше его“, — она прекрасно знала, что этотъ самый Адамъ, часто суровый къ другимъ и вовсе несклонный бѣгать за юбками, блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ одного ея слова или взгляда. Сфера сравненій Гетти была невелика, но она не могла не видѣть, что Адамъ

„настоящій“ человѣкъ. Всегда и на все онъ зналъ, что отвѣтить; онъ научилъ ея дядю, какъ лучше подпереть навѣсъ, и буквально въ секунду починилъ маслобойку; онъ съ одного взгляда опредѣлялъ стоимость орѣшины, заваленной вѣтромъ; зналъ, откуда берется сырость въ стѣнахъ, и какъ уничто жать крысъ; писалъ красивымъ четкимъ почеркомъ и умѣлъ считать въ умѣ—степень познаній, совершенно недоступная даже для богатѣйшихъ фермеровъ тѣхъ мѣстъ и въ тѣ времена. Далеко было до Адама этому олуху Люку Бриттону, который, когда она какъ-то разъ шла съ нимъ изъ Брекстона въ Гейслопъ, за всю дорогу только и нашелся сказать, что, „а наша сѣрая гусыня начала нестись“. Ну, а мистеръ Крегъ, садовникъ, хоть и неглупый былъ человѣкъ, но какъ-то непріятно присѣдалъ, когда ходилъ, и говорилъ нараспѣвъ, и потомъ, по самой снисходительной оцѣнкѣ, ему было подъ сорокъ лѣтъ.

Гетти не сомнѣвалась, что дядя ея желалъ-бы видѣть съ ея стороны поощреніе надеждамъ Адама и былъ-бы очень радъ, еслибъ она вышла за него. Въ тѣ времена еще не существовало строгаго разграниченія между званіемъ фермера и солиднаго ремесленника, и въ тавернахъ такъ-же, какъ и у домашняго очага, нерѣдко можно было видѣть того и другого, распивающими вдвоемъ бутылочку элю, причемъ фермеръ вполнѣ удовлетворялся внутреннимъ сознаніемъ значенія своего капитала и вліянія въ дѣлахъ прихода, составлявшихъ противовѣсъ превосходству его собесѣдника въ искусствѣ вести разговоръ. Мартинъ Пойзеръ рѣдко посѣщалъ таверны, но онъ любилъ поболтать съ пріятелемъ за кружкой домашнаго пива, и хотя чувствовать себя оракуломъ, поучая какого-нибудь тупоумнаго сосѣда, не имѣющаго понятія, какъ извлечь наибольшую выгоду изъ земли, было въ своемъ родѣ очень пріятно, но не менѣе пріятно было разнообразія ради и самому поучиться у такого смышленнаго малаго, какъ Адамъ Бидъ. Поэтому за послѣдніе три года—съ тѣхъ поръ, какъ на Большой Фермѣ подъ надзоромъ Адама строилась новая рига,—онъ былъ тамъ всегда желаннымъ гостемъ, особенно зимними вечерами, когда вся семья—хозяинъ и хозяйка, дѣти и слуги—собиралась по патріархальному въ знаменитой кухнѣ и строго по чинамъ разсаживались вокругъ яркаго огонька. И вотъ уже по крайней мѣрѣ два года, какъ Гетти постоянно слышитъ отъ дяди. „Ничего, что Адамъ Бидъ наемный рабочій; придетъ день, когда онъ будетъ хозяиномъ,—это такъ-же вѣрно, какъ то, что я сижу въ этомъ креслѣ. Мистеръ Бурджъ не дуракъ, что хочетъ взять его въ компаньоны и женить на своей дочери (если только правда, что люди болтаютъ). Женщина, которая за него выйдетъ, никогда не раскается“. И мистрисъ Пойзеръ всегда отъ души соглашалась съ этимъ мнѣніемъ. „Конечно, кто говоритъ“, прибавляла она, „хорошо

выйти за богача, если не попадешь на дурака, который все размотаетъ. А много-ли толку, что карманъ набитъ деньгами, коли онъ дырявый? И какое удовольствіе кататься въ собственной коляскѣ на пружинахъ, когда на козлахъ сидитъ олухъ, который опрокинетъ тебя въ первую канаву? Я всегда говорила, что ни за что не выйду за человѣка, у котораго нѣтъ царя въ головѣ, потому зачѣмъ женщинѣ и умъ, если она на всю жизнь связана съ дуралеемъ, надъ которымъ всякій смѣется? Это все равно, что разодѣться въ парадное платье и усѣсться задомъ напередъ на осла".

Такія рѣчи, хоть онѣ и носили фигуральный характеръ, довольно недвусмысленно показывали, какого мнѣнія была мистрисъ Пойзеръ насчетъ домогательствъ Адама, и хотя весьма возможно, что они съ мужемъ взглянули-бы на дѣло совершенно иначе, будь Гетти ихъ дочерью,—было ясно, что для племянницы, не имѣвшей гроша за душой, бракъ съ Адамомъ представлялся въ ихъ глазахъ какъ нельзя болѣе желательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ была-бы Гетти?—наемной служанкой, не возьми ее дядя къ себѣ въ домъ и не держи онъ ее въ качествѣ помощницы ея тетки, здоровье которой послѣ рожденія Тотти настолько ослабѣло, что тяжелый трудъ сталъ ей уже не подъ силу и все, на что она была способна, это — присматривать за прислугой и ходить за дѣтьми. Но Гетти никогда не подавала Адаму опредѣленныхъ надеждъ. Даже въ такія минуты, когда она особенно глубоко сознавала его превосходство надъ другими своими поклонниками, она ни на одинъ мигъ не думала о немъ, какъ о своемъ будущемъ мужѣ. Ей пріятно было чувствовать, что этотъ сильный, умѣлый человѣкъ, съ живыми глазами и острымъ умомъ,—въ ея власти, и она-бы вознегодовала, еслибъ онъ обнаружилъ малѣйшую попытку ускользнуть изъ подъ ига ея кокетливой тиранніи и привязаться къ кроткой Мэри Бурджъ, которая была-бы признательна за самый ничтожный знакъ вниманія съ его стороны. „Мэри Бурджъ съ ея безкровнымъ лицомъ—какая нелѣпость! Попробуй она надѣть клочекъ розовой ленточки, она будетъ желта, какъ подсолнечникъ, да и волосы у нея прямые, и плоскіе, какъ мотокъ нитокъ". И всякій разъ, когда случалось, что Адамъ по нѣскольку недѣль не являлся на Большую Ферму, или какъ нибудь иначе старался дать ей понять, что онъ рѣшился побороть свою глупую страсть, Гетти не жалѣла трудовъ, лишь-бы опять заманить его въ свои сѣти: тогда она становилась съ нимъ кротка, застѣнчиво-нѣжна, и дѣлала видъ, что его пренебреженіе глубоко ее огорчаетъ. Но выйти замужъ за Адама—это совсѣмъ другое дѣло. Ничто на свѣтѣ не могло заставить ее рѣшиться на такой шагъ. Ея щечки не становились ни на волосъ краснѣе, когда при ней называли его имя, она не ощущала ни малѣйшаго трепета, когда видѣла его въ окно проходящимъ по межѣ,

или неожиданно сталкивалась съ нимъ на тропинкѣ, пересѣкавшей ихъ лугъ. Когда глаза его останавливались на ней, она не испытывала ничего, кромѣ холоднаго торжества сознаніемъ, что онъ любитъ ее и нисколько не интересуется Мэри Бурджъ; онъ не могъ разбудить въ ней тѣхъ волнующихъ чувствъ, которыя составляютъ сладкое опьяненіе юной любви, какъ не можетъ изображеніе солнца на холстѣ разбудить весеннихъ соковъ въ тонкихъ волокнахъ растенія. Она видѣла въ немъ только то, чѣмъ онъ былъ,—бѣднаго человѣка, который долженъ кормить своихъ стариковъ и долго еще не будетъ въ состояніи доставить ей даже той роскоши, къ какой она привыкла въ домѣ дяди. А грезы Гетти всецѣло сосредоточивались въ роскоши: сидѣть въ гостиной съ ковромъ, не носить другихъ чулокъ, кромѣ бѣлыхъ, имѣть большія, красивыя модныя серьги, платье, отдѣланное ноттингемскими кружевами, и духи, чтобъ отъ ея носоваго платка такъ-же хорошо пахло, какъ отъ платочка миссъ Лидіи Доннитoрнъ, когда она вынимала его въ церкви, и чтобъ не надо было рано вставать, и чтобъ никто ея не бранилъ. Еслибъ Адамъ былъ богатъ и могъ доставить ей всѣ эти вещи, тогда....она полагала, что любила его достаточно, чтобы выйти за него.

Но за послѣднія нѣсколько недѣль Гетти находилась во власти новыхъ ощущеній,—смутныхъ, неосязаемыхъ, еще не сложившихся въ форму сознательныхъ надеждъ или ожиданій, но дѣйствовавшихъ на нее, какъ пріятное одуряющее зелье, подъ вліяніемъ котораго она ходила и работала какъ во снѣ, не чувствуя тяжести своего тѣла, не сознавая усталости, и видѣла окружающее сквозь какую-то мягкую, влажную дымку, какъ будто она жила не въ матеріальномъ мірѣ изъ камня и кирпича, а въ усовершенствованномъ отраженіи міра, какимъ намъ его показываютъ въ водѣ лучи солнца. Гетти сдѣлала открытіе, что мистеръ Артуръ Доннитoрнъ ищетъ случаевъ видѣть ее; что въ церкви онъ всегда садится такъ, чтобъ ему была видна вся ея фигура — сидитъ ли она, или стоитъ; что онъ безпрестанно находитъ предлоги заворачивать на Большую Ферму и всякій разъ старается сказать что-нибудь такое, чтобы втянуть ее въ разговоръ и заставить взглянуть на него. Бѣдная дѣвочка была въ то время такъ-же далека отъ мысли, что молодой помѣщикъ можетъ когда-нибудь стать ея любовникомъ, какъ далека отъ надежды сдѣлаться императрицей хорошенькая дочка какого-нибудь булочника, которую молодой императоръ замѣтилъ въ толпѣ и отличилъ императорской, хотя и восхищенной улыбкой. И тѣмъ не менѣе, дочка булочника, возвратившись домой, грезитъ прекраснымъ молодымъ императоромъ и, взвѣшивая муку, быть можетъ, ошибается въ счетѣ, мечтая о томъ, какое было-бы блаженство имѣть его мужемъ. Такъ и бѣдную Гетти преслѣдовало одно и то-же лицо; во всѣхъ своихъ грезахъ — во

снѣ и на яву—она видѣла его передъ собой: сіяющіе нѣжные взгляды проникали все ея существо, наполняя его какою-то странной, блаженной истомой. Глаза, бросавшіе на нее эти взгляды, не были и вполовину такъ хороши, какъ глаза Адама, смотрѣвшіе на нее иногда съ грустной, умоляющей нѣжностью; но въ пылкомъ воображеніи Гетти они нашли усерднаго посредника, который помогъ имъ проникнуть въ ея глупое сердечко, тогда какъ глаза Адама не находили къ нему путей. Вотъ уже, по крайней мѣрѣ, три недѣли вся ея внутренняя жизнь сводилась къ переживанію въ памяти того, что ей сказалъ Артуръ, или какъ онъ на нее посмотрѣлъ; вновь и вновь припоминала она свои ощущенія—какъ она сперва слышала за окномъ или на дворѣ его голосъ, и какъ потомъ онъ входилъ въ комнату, и она чувствовала, что глаза его обращены на нее, и думала о томъ, что вотъ этотъ высокій человѣкъ, который смотритъ на нее сверху внизъ такимъ взглядомъ, что она какъ будто ощущаетъ его прикосновеніе, подходитъ къ ней все ближе въ своемъ изящномъ платьѣ изъ тонкой ткани, распространяющемъ такой пріятный слабый запахъ — совершенно, какъ когда пахнетъ изъ сада благоуханіемъ свѣжихъ цвѣтовъ.... Безумныя мечты! Глупыя мысли!—Но мы не должны забывать, что все это происходило шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и что Гетти была простая, необразованная крестьянская дѣвушка, для которой дворянинъ съ бѣлыми руками былъ ослѣпительнымъ видѣніемъ, недосягаемымъ, какъ олимпійскій богъ. До сегодняшняго дня она никогда не заглядывала въ будущее дальше ближайшаго срока, когда можно было ожидать на ферму капитана Доннитерна, или слѣдующаго воскресенья, когда она увидитъ его въ церкви; но теперь она думала, что, можетъ быть, завтра, когда она пойдетъ въ замокъ, онъ постарается встрѣтиться съ ней, и—„что, если онъ заговоритъ и проводитъ ее немного?“.... и еще думала о томъ, что они будутъ одни.

Этого до сихъ поръ никогда не случалось, и теперь ея воображеніе не обращалось къ прошлому, а усердно работало надъ картинами будущаго—того, что случится завтра:—гдѣ именно, въ какомъ мѣстѣ парка она его увидитъ, какъ онъ къ ней подойдетъ, и какъ она надѣнетъ свою новую розовую ленточку, которой онъ еще не видалъ, и что онъ ей скажетъ, чтобы заставить ее отвѣтить на его взглядъ—этотъ взглядъ, который она была готова съ утра до ночи, безъ конца, воскрешать въ своей памяти.

Въ такомъ душевномъ состояніи могла-ли Гетти удѣлить хоть крупицу сочувствія невзгодамъ Адама или надолго остановиться на мысли, что бѣдный старикъ Тіасъ утонулъ? Юная душа, когда она купается въ этомъ сладкомъ чаду, бываетъ такъ-же мало отзывчива на чужія страданія, какъ бабочка, впивающая нектаръ цвѣтка: неодолимая преграда

грезъ отдѣляетъ ее отъ всякихъ призывовъ извнѣ — преграда невидимыхъ взглядовъ и неосязаемыхъ объятій.

Покуда ручки Гетти были заняты упаковкой масла, а голова наполнена волшебными картинами завтрашняго дня, Артуръ Доннитор нъ, подвигаясь потихоньку рядомъ съ мистеромъ Ирвайномъ по дорогѣ къ долинѣ ручья, тоже лелѣялъ кое-какія неопредѣленныя ожиданія, пробѣгавшія въ его умѣ тоненькой струйкой подводнаго теченія въ то время, какъ онъ слушалъ разсказъ объ его бесѣдѣ съ Диной,—ожиданія неопредѣленныя, это правда, но все-таки настолько живыя, что онъ вполнѣ ясно созналъ ихъ присутствіе, когда мистеръ Ирвайнъ неожиданно спросилъ:

— Артуръ, что такъ околдовало васъ въ молочной мистриссъ Пойзеръ? Давно-ли вы сдѣлались любителемъ сырыхъ каменныхъ плитъ и крынокъ съ молокомъ?

Артуръ слишкомъ хорошо зналъ ректора, чтобы не быть увѣреннымъ, что всякая выдумка—даже самая остроумная—будетъ здѣсь безполезна, и потому сказалъ съ всегдашней своей прямотой.

— Нѣтъ, мнѣ просто хотѣлось взглянуть на хорошенькую молочницу, на Гетти Соррель. Это настоящая Геба. Будь я художникъ, я бы нарисовалъ ее. Удивительно, какія хорошенькія дѣвушки попадаются между дочерьми этихъ фермеровъ, а вѣдь сами они такіе неуклюжіе уроды! Это круглое, румяное, пошлое лицо, какое постоянно видишь у здѣшнихъ мужчинъ,—лицо, состоящее изъ однѣхъ щекъ, какъ у Мартина Пойзера,—у женщинъ той-же семьи превращается въ самую очаровательную мордашку, какую только можно вообразить.

— Все это прекрасно, и я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы любовались Гетти съ артистической точки зрѣнія, но я вамъ не позволю поощрять ея тщеславіе и набивать ея глупую маленькую головку суетными мыслями. Вы этакъ совсѣмъ ее испортите; она вообразитъ себя красавицей, въ которую влюбляются благородные джентльмены, и едва-ли будетъ хорошей женой для бѣднаго человѣка,—для честнаго Крега, напримѣръ, который—я замѣтилъ—бросаетъ на нее нѣжные взгляды. Эта кошечка и такъ уже достаточно самонадѣянна,—ровно настолько, чтобы сдѣлать несчастнымъ своего мужа, какъ это предопредѣлено по законамъ природы всякому простому, скромному смертному, когда онъ женится на красавицѣ. Кстати о женитьбѣ: надѣюсь, что теперь, когда старикъ умеръ, нашъ другъ Адамъ женится и заживетъ своимъ домкомъ. Теперь на его рукахъ остается только мать, и я подозрѣваю, что онъ уже столковался съ этой милой, скромной дѣвушкой Мэри Бурджъ,—по крайней мѣрѣ, судя по тѣмъ намекамъ, которые недавно вырвались у старика Джонатана въ разговорѣ со мной. Впрочемъ, когда я заговорилъ объ

этомъ съ Адамомъ, онъ какъ-то съежился и перемѣнилъ разговоръ. Должно быть, его любовныя дѣла идутъ несовсѣмъ гладко, а, можетъ быть, онъ выжидаетъ, когда улучшится его положеніе. Да, это—независимый характеръ, и гордости у него на двоихъ,—пожалуй, даже съ излишкомъ.

— Это была-бы превосходная партія для Адама. Насиженное мѣстечко старика Бурджа какъ разъ пришлось-бы по немъ, и онъ расширилъ-бы дѣло—за это я отвѣчаю. Мнѣ-бы очень хотѣлось, чтобъ онъ прочно устроился въ нашемъ приходѣ; тогда у меня былъ-бы готовый великій визирь, когда онъ мнѣ понадобится. Мы-бы съ нимъ безъ конца строили планы и придумывали всякія усовершенствованія... Но я, кажется, ни разу не видѣлъ этой дѣвушки, Мэри Бурджъ, или, можетъ быть не обращалъ на нее вниманія.

— Вы можете ее видѣть въ воскресенье, въ церкви, они съ отцомъ сидятъ налѣво отъ каѳедры. Вы разсмотрите ее: кстати это не дастъ вамъ такъ много смотрѣть на Гетти Соррель. Знаете, какъ поступаю я въ трудныхъ случаяхъ жизни? Разъ я сказалъ себѣ мысленно, что я не въ состояніи купить собаку, которая меня соблазняетъ, я перестаю ее замѣчать, потому-что если она привяжется ко мнѣ и станетъ любовно заглядывать мнѣ въ глаза,—борьба между ариѳметическимъ расчетомъ и искушеніемъ можетъ принять непріятно острый характеръ. И во всѣхъ такихъ случаяхъ я горжусь моимъ благоразуміемъ, Артуръ, и, какъ человѣкъ старый, которому благоразуміе дешево достается, предлагаю вамъ позаимствоваться имъ у меня.

— Благодарю. Очень можетъ быть, что когда-нибудь оно мнѣ пригодится, но пока, насколько мнѣ извѣстно, я не испытываю въ немъ нужды... Ахъ, батюшки! какъ однако вздулся ручей! Не проскакать-ли намъ легонькимъ галопомъ? теперь мы спустились съ холма.

Великое это преимущество діалога на лошадяхъ,—что рысь или галопъ могутъ прервать его въ каждый данный моментъ, и, право, сидя въ сѣдлѣ, можно увильнуть отъ самого Сократа. Два друга были избавлены отъ необходимости продолжать бесѣду до самой той минуты, когда они остановили своихъ лошадей на узенькомъ дворикѣ у коттеджа Адама.

ГЛАВА X.

ДИНА НАВѢЩАЕТЪ ЛИЗБЕТУ.

Въ пять часовъ Лизбета сошла внизъ съ большимъ ключемъ въ рукѣ: это былъ ключъ отъ комнаты, гдѣ лежалъ ея умершій мужъ. Весь этотъ день—если не считать нѣсколькихъ приступовъ бурнаго горя,—она была въ непрерывномъ

движеніи, отдавая свой послѣдній долгъ мертвому тѣломъ съ такимъ благоговѣніемъ и точностью, какъ будто совершала религіозный обрядъ. Она достала свой небольшой запасъ бѣлья, много лѣтъ хранившійся у нея для этой торжественной цѣли. Казалось, это было только вчера,—а между тѣмъ сколько воды съ тѣхъ поръ утекло!—когда она сказала Тіасу, гдѣ лежитъ это бѣлье, чтобъ онъ зналъ, гдѣ его взять, когда умретъ *она*, потому-что она была старше его. Затѣмъ ей предстояла уборка и чистка: каждая вещь въ священной комнатѣ должна была быть доведена до идеальной чистоты и уничтожены всѣ слѣды будничныхъ, повседневныхъ занятій. Маленькое окошко, до этого дня свободно пропускавшее лунный свѣтъ по зимамъ, и теплые лучи восходящаго лѣтняго солнца—потому-что развѣ можетъ свѣтъ потревожить сонъ рабочаго человѣка—теперь необходимо было завѣсить чистой бѣлой простыней, ибо *этотъ* сонъ былъ одинаково священенъ и подъ голыми балками крестьянской избы, и подъ оштукатуреннымъ потолкомъ. Лизбета заштопала даже давнишнюю, едва замѣтную дырочку въ клѣтчатомъ пологѣ кровати, потому-что каждая минута была дорога, и мало уже оставалось минутъ, когда она еще могла оказать услугу или доказать свою любовь къ мертвому тѣлу, которому во всѣхъ своихъ мысляхъ она приписывала нѣкоторую долю сознанія. Наши мертвецы не умираютъ для насъ, пока мы ихъ не забыли: покойникъ можетъ чувствовать обиду, его можно больно оскорбить; онъ знаетъ наши потаенныя мысли, знаетъ, какъ болитъ наше сердце, когда мы глядимъ на пустое мѣсто, гдѣ онъ такъ недавно сидѣлъ,—видитъ всѣ поцѣлуи, которые мы расточаемъ бездушнымъ вещамъ, напоминающимъ о немъ. А старая женщина, крестьянка и подавно вѣритъ, что ея покойники сохраняютъ сознаніе. Во дни своего благоденствія Лизбета часто думала о томъ, какъ ее похоронятъ, и всегда желала, чтобы похороны были „хорошія“, въ неясномъ ожиданіи, что она будетъ чувствовать, какъ ее понесутъ на кладбище, и видѣть мужа и сыновей, идущихъ за ея гробомъ; и теперь она знала, что главная задача ея жизни—позаботиться, чтобы Тіаса—ужъ если ему было суждено умереть прежде,—похоронили какъ слѣдуетъ, подъ Бѣлыми Кустами, гдѣ (какъ ей приснилось однажды) она сама лежала въ гробу,—лежала и видѣла надъ собой солнце, и вдыхала благоуханіе бѣлыхъ цвѣтовъ, такъ густо покрывавшихъ кусты въ то воскресенье, когда она ходила принимать молитву послѣ рожденія Адама.

Но теперь она сдѣлала въ комнатѣ смерти все, что только могло быть сдѣлано сегодня,—сдѣлала своими руками (сыновья помогали ей только поднимать тѣло): она наотрѣзъ отказалась послать въ деревню за подмогой (впрочемъ, она и никогда не любила общества сосѣдокъ), а любимица ея

Долли, старая ключница мистера Бурджа, которая съ самаго утра, какъ только услыхала о смерти Тіаса, пришла ее утѣшать,—такъ плохо видѣла, что не могла ей быть особенно полезна. И вотъ, Лизбета заперла дверь и, какъ была, съ ключемъ въ рукѣ, въ изнеможеніи опустилась на стулъ, стоявшій не на мѣстѣ, посреди кухни, гдѣ въ обыкновенное время она ни за что бы не стала сидѣть. Кухня была сегодня въ полномъ забросѣ: весь полъ былъ перепачканъ слѣдами грязныхъ башмаковъ, а углы завалены платьемъ и другими неподходящими предметами. Но то, что въ другое время было-бы нестерпимо для Лизбеты съ ея привычкой къ чистотѣ и порядку, теперь казалось ей совершенно естественнымъ: такъ и должно было быть; каждая вещь должна смотрѣть непривычно-безпорядочно и уныло теперь, когда ея старикъ кончилъ жизнь такъ печально; ея кухня не должна имѣть такого вида, какъ будто ничего не случилось. Адамъ, измученный усталостью и волненіями этого дня послѣ безсонной, утомительной ночи, уснулъ на лавкѣ въ мастерской, а Сетъ возился въ черной кухнѣ: онъ развелъ огонь изъ лучинокъ и кипятилъ въ чайникѣ воду, въ надеждѣ уговорить мать выпить чашку чаю—роскошь, которую она рѣдко себѣ позволяла.

Когда Лизбета сошла въ кухню и опустилась на стулъ, тамъ не было ни души. Мутными, ничего не видящими глазами она озиралась кругомъ, на грязь и безпорядокъ, уныло выступавшіе въ яркихъ лучахъ вечерняго солнца. Такая обстановка вполнѣ гармонировала съ смутнымъ состояніемъ ея духа—неразлучнымъ спутникомъ первыхъ часовъ внезапно посѣтившей насъ скорби, когда бѣдная человѣческая душа уподобляется путнику, котораго перенесли соннаго и положили между развалинами огромнаго города, и который просыпается въ изумленіи и ужасѣ, не понимая, начинается, или кончается день, не понимая, зачѣмъ и откуда взялась эта картина безнадежнаго разрушенія, и отчего самъ онъ испытываетъ такое отчаяніе при видѣ ея.

Въ другое время первою мыслью Лизбеты было-бы: „А гдѣ-же Адамъ?“, но теперь внезапная смерть мужа возвратила ему первое мѣсто въ ея привязанностяхъ,—то мѣсто, которое онъ занималъ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ. Она забыла его недостатки, какъ забываемъ мы печали нашего отлетѣвшаго дѣтства, и вспоминала только доброту молодого мужа и терпѣливую кротость старика. Ея глаза блуждали, ничего не видя, пока не вошелъ Сетъ. Онъ сталъ прибирать разбросанныя вещи и готовить для матери чай на небольшомъ кругломъ сосновомъ столѣ.

— Что это ты собираешься дѣлать?—спросила она его довольно брюзгливо.

— Я хочу, чтобъ ты выпила чашечку чаю, мама,—отвѣ-

чалъ ласково Сетъ:—это тебя подкрѣпитъ. А я пока приберу вещи; тогда здѣсь станетъ все таки уютнѣй и веселѣй.

— Веселѣй! Какъ можешь ты говорить о весельѣ! Оставь, оставь. Умеръ твой бѣдный отецъ, и нѣтъ для меня больше ни радости, ни веселья,—заговорила она, и вмѣстѣ со словами полились слезы.—Тридцать лѣтъ я на него стирала и штопала, своими руками стряпала ему обѣдъ, и онъ всегда былъ благодаренъ мнѣ за всякую малость. А какъ онъ заботился обо мнѣ, когда я бывала больна или когда мнѣ приходилось няньчиться съ груднымъ ребенкомъ!.. Самъ приносилъ мнѣ наверхъ теплое молоко, и всегда съ радостью, какъ будто такъ и надо. Помню, захотѣлось мнѣ одинъ разъ провѣдать мою больную сестру (она и умерла вскорѣ послѣ того, въ ближайшія святки); такъ онъ всю дорогу, до самаго Варсонъ-Века, несъ мнѣ ребенка,—а Адамъ былъ претяжелый мальчишка, за двоихъ ребятъ вѣсилъ;—цѣлыхъ пять миль пронесъ, и хоть-бы слово—даже не пожаловался... И подумать только, что онъ утонулъ въ томъ самомъ ручьѣ, черезъ который мы съ нимъ переходили вдвоемъ, когда шли домой изъ подъ вѣнца... А какъ онъ тогда хорошо все для меня устроилъ!.. Полочекъ вездѣ понабилъ, и съ такой гордостью показывалъ мнѣ!—онъ зналъ, что мнѣ это будетъ пріятно. И вотъ, теперь онъ умеръ, а я и не знала, когда онъ умиралъ, спала себѣ спокойно въ постели, какъ будто мнѣ и дѣла до него нѣтъ! Ахъ, зачѣмъ я осталась жива и дожила до того, чтобъ видѣть его мертвымъ! Воображали-ли мы съ нимъ, что такъ кончится, когда мы поженились?—тогда мы думали, что будемъ счастливо жить... Оставь, сынокъ, оставь! Не хочу я чаю,—теперь мнѣ хоть никогда не ѣсть и не пить. Когда одинъ конецъ моста провалился, другому незачѣмъ стоять. Лучше и мнѣ умереть—слѣдомъ за моимъ старикомъ. Кто знаетъ—можетъ быть, я ему нужна тамъ?

Здѣсь причитанія Лизбеты перешли въ громкіе стоны, и она закачалась взадъ и впередъ на своемъ стулѣ. Сетъ, всегда робѣвшій передъ матерью отъ сознанія, что онъ не имѣетъ на нее никакого вліянія, понималъ, что всякія попытки съ его стороны успокоить ее будутъ безполезны, пока не пройдетъ этотъ приступъ бурнаго горя. Поэтому онъ вышелъ опять въ черную кухню, подложилъ въ огонь свѣжихъ лучинокъ и принялся складывать отцовское платье, сушившееся тамъ еще съ утра: онъ боялся оставаться съ матерью, чтобъ не раздражить ее еще больше.

Между тѣмъ Лизбета, покачавшись и постонавъ нѣсколько минутъ, разомъ стихла и потомъ сказала про себя, но такъ, что Сетъ услышалъ:

— Пойду погляжу, гдѣ Адамъ,—не понимаю, куда онъ дѣвался. Надо, чтобъ онъ сходилъ со мной наверхъ попрощаться съ покойникомъ, пока еще не стемнѣло... Недолго намъ оста-

лось смотрѣть на него,—минуты уходятъ, какъ тающій снѣгъ.

Сетъ вошелъ въ кухню и, видя, что мать поднялась со стула, сказалъ:

— Адамъ уснулъ въ мастерской, мама. Ты лучше его не буди. Онъ совсѣмъ измучился отъ работы, а тутъ еще это горе...

— Не буди! Кто-жъ собирается его будить? Развѣ я разбужу его тѣмъ, что погляжу на него? Вотъ уже два часа, что я его не не видала. Я, кажется, уже успѣла забыть, что онъ превратился въ большого мужчину изъ грудного младенца, котораго отецъ носилъ на рукахъ.

Адамъ спалъ на лавкѣ, сидя, положивъ одну руку и голову на длинный верстакъ, стоявшій посреди мастерской. Казалось, онъ присѣлъ на нѣсколько минутъ отдохнуть и уснулъ, даже не успѣвъ перемѣнить своей позы человѣка, измученнаго трудомъ и печальными думами. Лицо его, немытое со вчерашняго дня, было покрыто какимъ-то сѣроватымъ налетомъ; спутанные волосы свѣсились на лобъ, и закрытые глаза запали, какъ это всегда бываетъ послѣ безсонницы и слезъ. Лобъ былъ наморщенъ, и на всемъ лицѣ лежала печать утомленія и страданія. Джипъ, бывшій тутъ же, обнаруживалъ всѣ признаки безпокойства: онъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ, упершись передними въ полъ и положивъ морду на вытянутую ногу хозяина, и то лизалъ его безпомощно свѣсившуюся руку, то поглядывалъ на дверь и прислушивался. Бѣдный песъ былъ голоденъ и волновался, но не хотѣлъ бросить хозяина и нетерпѣливо ждалъ какой-нибудь перемѣны. Благодаря такому настроенію Джипа, намѣреніе Лизбеты не будить Адама не привело ни къ чему: волненіе Джипа было слишкомъ велико и требовало исхода. Какъ только Лизбета вошла въ мастерскую и подошла къ сыну, стараясь не шумѣть, несчастный песъ тявкнулъ короткимъ, рѣзкимъ лаемъ; въ тотъ-же мигъ глаза Адама открылись, и онъ увидѣлъ, что мать стоитъ передъ нимъ. Это было почти продолженіемъ его сна, ибо въ своихъ лихорадочныхъ грезахъ онъ почти-что буквально переживалъ все случившееся въ этотъ день, и мать съ ея бурной скорбью все время была передъ нимъ. Единственной разницей между его снами и дѣйствительностью было то, что во снѣ онъ видѣлъ также и Гетти, и присутствіе ея какъ-то странно переплеталось съ событіями, съ которыми она не имѣла ничего общаго. Она была у ручья, когда они вынимали изъ воды мертвое тѣло; она приходила въ ихъ домъ, что̀ очень сердило его мать; потомъ онъ шелъ въ Треддльстонъ къ коронеру подъ проливнымъ дождемъ, и она встрѣтилась ему на дорогѣ въ своемъ хорошенькомъ платьицѣ, вся промокшая. Но во всѣхъ этихъ грезахъ всякій разъ, какъ появлялась Гетти,—непремѣнно появлялась и его мать, такъ-что когда онъ открылъ глаза, онъ нисколько не удивился, увидѣвъ ее подлѣ себя.

— Охъ, сынокъ, сынокъ,—сейчасъ-же начала Лизбета, воз-

вращаясь къ своимъ жалобамъ, ибо свѣжее горе чувствуетъ потребность примѣшивать свою утрату и свои сѣтованія ко всякой перемѣнѣ обстановки и къ каждому новому событію,— некому теперь, кромѣ твоей старухи матери, мучить тебя и висѣть у тебя камнемъ на шеѣ: твой бѣдный отецъ никогда больше не будетъ тебя сердить, да и матери пора-бы отправиться вслѣдъ за нимъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому-что я никому теперь не нужна. Старое платье годится развѣ на то, чтобъ заплатать имъ другое, а больше ни на что не годится. У тебя скоро будетъ жена, которая станетъ тебя обшивать и стряпать на тебя; она сумѣетъ тебѣ угодить лучше твоей старухи матери, и я буду обузой для васъ — торчать у камина, какъ бѣльмо на глазу (Адамъ сморщился и безпокойно задвигался на лавкѣ: пуще всего онъ боялся, какъ-бы мать его не заговорила о Гетти). Конечно, кабы отецъ былъ живъ, мнѣ не пришлось-бы уступать другой свое мѣсто: онъ никогда-бы этого не допустилъ, — онъ не могъ-бы обойтись безъ меня, все равно какъ одна половина ножницъ—куда она годна безъ другой?... Охъ, отчего мы не умерли вмѣстѣ,—тогда глаза мои не видѣли-бы этого дня, да и хоронить-бы проще—обоихъ заразъ.

Тутъ Лизбета пріостановилась, но Адамъ продолжалъ сидѣть въ тягостномъ молчаніи: сегодня у него не хватало духа говорить съ матерью раздражительно, а между тѣмъ эта жалоба, помимо его воли, раздражала его. Бѣдная женщина не могла знать, какъ больно она огорчаетъ сына, какъ не можетъ знать раненая собака, что ея вой разстраиваетъ нервы ея господину. Какъ всякая изливающаяся въ жалобахъ женщина, она жаловалась въ надеждѣ, что ее начнутъ утѣшать, и когда Адамъ ничего ей не отвѣтилъ, это только подстрекнуло ее къ новымъ жалобамъ, еще болѣе горькимъ.

— Я знаю, безъ меня тебѣ будетъ лучше; ты будешь свободенъ идти куда хочешь, жениться на комъ тебѣ вздумается. И женись,—развѣ я запрещаю? Приведи въ домъ кого хочешь. Я ей худого слова не скажу, рта никогда не раскрою. Когда человѣкъ состарился и ни на что больше не годенъ, онъ долженъ быть благодаренъ, если его поятъ и кормятъ, — хоть и съ попреками, а и за то спасибо. И если даже тебѣ полюбится безприданница и мотовка, и будетъ все изъ дому тащить,— хотя ты могъ-бы жениться на дѣвушкѣ, которая сдѣлаетъ тебя человѣкомъ.—я и тогда ничего не скажу. Отецъ твой умеръ, утонулъ, — а что̀ я безъ него?—старая ручка отъ сломанаго ножа—ничего больше!

Не въ силахъ выносить долѣе, Адамъ молча поднялся съ лавки и прошелъ изъ мастерской на кухню. Но Лизбета пошла за нимъ слѣдомъ.

— Ты развѣ не сходишь наверхъ взглянуть на отца? Теперь я его прибрала, и ему будетъ пріятно, если ты придешь

на него посмотрѣть: онъ такъ всегда радовался, когда ты былъ ласковъ съ нимъ.

Адамъ сейчасъ-же повернулся къ ней и сказалъ:

— Да, мама, пойдемъ наверхъ.—Сетъ, иди и ты съ нами.

Они ушли наверхъ, и минутъ на пять все стихло... Но Адамъ не возвратился на кухню: онъ былъ такъ измученъ, что чувствовалъ себя не въ силахъ выдержать новый взрывъ сварливаго материнскаго горя, и потому ушелъ къ себѣ и легъ. А Лизбета, какъ-только вошла, сѣла опять на свой стулъ, накрыла голову передникомъ и принялась стонать и плакать, и качаться, какъ прежде. Сетъ подумалъ: „Теперь мы побывали наверху, и она скоро успокоится", и отправился опять на черную кухню наблюдать за огнемъ, все еще надѣясь уговорить мать выпить чаю.

Лизбета качалась такимъ образомъ минутъ пять или больше, издавая тихій стонъ съ каждымъ новымъ размахомъ своего тѣла, какъ вдругъ на плечо ей тихонько легла чья-то рука, и нѣжный голосъ сказалъ:

— Дорогая сестра, Господь послалъ меня къ тебѣ попытаться, не могу-ли я утѣшить тебя.

Лизбета затихла, прислушиваясь, но не отнимая переднка отъ лица. Голосъ былъ незнакомый. Не душа-ли ея умершей сестры пришла къ ней съ того свѣта, чтобъ утѣшить ее? Она дрожала и не смѣла взглянуть.

Дина-же, думая, что этотъ короткій перерывъ былъ уже самъ по себѣ облегченіемъ для горюющей женщины, не прибавила больше ни слова, а только тихонько сняла свою шляпку и потомъ, сдѣлавъ предостерегающій знакъ Сету, который, услыхавъ ея голосъ, вошелъ съ бьющимся сердцемъ, положила руку на спинку стула Лизбеты и наклонилась надъ ней: ей хотѣлось только дать почувствовать бѣдной женщинѣ, что подлѣ нея есть живая душа, которая жалѣетъ ее.

Мало по малу Лизбета пришла въ себя настолько, что опустила передникъ и робко открыла свои помутившіеся отъ слезъ темные глаза. Чистое, блѣдное лицо съ любящми сѣрыми глазами, совершенно ей незнакомое—вотъ все, что она увидѣла въ первый моментъ. Удивленіе ея еще усилилось: можетъ быть это ангелъ? Но въ эту минуту Дина опять положила руку ей на плечо, и взглядъ старой женщины обратился теперь на эту руку. Это была маленькая рука—гораздо меньше ея собственной, но она не была-ни бѣла, ни нѣжна, ибо Дина никогда во всю свою жизнь не надѣвала перчатокъ, и руки ея съ ранняго дѣтства носили слѣды тяжелаго труда. Съ минуту Лизбета внимательно разглядывала руку и, наконецъ, поднявъ глаза на лицо, проговорила, немного успокоившись отъ испуга, но съ удивленіемъ въ голосѣ:

— Такъ вы простая работница?

— Да, я Дина Моррисъ; я работаю на бумагопрядильнѣ, когда живу дома.

— А—а, протянула Лизбета все еще съ удивленіемъ.—Вы вошли такъ тихо, точно тѣнь, и когда вы заговорили со мной, я подумала: не духъ-ли это? У васъ почти такое лицо, какъ у того ангела, что сидитъ у гроба Господня въ новой библіи Адама.

— Я пришла теперь съ Большой Фермы. Вы знаете мистрисъ Пойзеръ? Она мнѣ тетка. Она слышала о вашемъ великомъ горѣ и очень васъ жалѣетъ. Я пришла узнать, не могули я чѣмъ-нибудь вамъ помочь; я вѣдь знаю обоихъ вашихъ сыновей—Адама и Сета, и знаю, что у васъ нѣтъ дочерей; и когда здѣшній священникъ разсказалъ мнѣ, какъ отяготѣла на васъ десница Господня, мое сердце стало рваться къ вамъ, и я услышала голосъ, повелѣвавшій мнѣ идти и замѣнить вамъ дочь въ вашей печали, если вы позволите.

— Ахъ, теперь я знаю, кто вы:—вы методистка—какъ Сетъ; онъ мнѣ говорилъ о васъ, сказала Лизбета, начиная опять волноваться, потому-что изумленіе теперь прошло и острая скорбь снова вступала въ свои права.—Я знаю, вы будете стараться меня убѣдить, такъ-же, какъ *онъ*, что горе очень хорошая вещь. Но вы напрасно потратите слова: моя боль не станетъ легче отъ словъ. Вы никогда не заставите меня повѣрить, что для меня было-бы хуже, еслибъ мой старикъ умеръ спокойно, въ своей постели, — разъ ужъ ему было суждено умереть, — и еслибъ священникъ помолился за его грѣшную душу, и я бы сидѣла возлѣ него и попросила-бы его забыть тѣ злыя слова, что я говорила ему въ сердцахъ иной разъ, и поила-бы съ ложечки бульономъ, покуда онъ могъ бы глотать.... А онъ.... онъ умеръ одинъ, въ холодной водѣ, и мы были такъ близко отъ него и ничего не знали... и я спала, какъ будто онъ былъ мнѣ не ближе какого-нибудь бродячаго поденщика, который забрелъ къ намъ неизвѣстно откуда.

Тутъ Лизбета опять заплакала и закачалась на стулѣ, а Дина сказала:

— Да, дорогая моя, ваше горе велико, и только человѣкъ съ очень черствымъ сердцемъ рѣшился-бы сказать, что вамъ легко его нести. Не облегчить вашу скорбь послалъ меня Господь, а поплакать съ вами, если вы позволите, Еслибъ у васъ былъ накрытъ столъ для пира, и вы-бы веселились съ друзьями, тогда вы навѣрно позволили-бы мнѣ придти и сѣсть за вашъ столъ и радоваться вмѣстѣ съ вами' потому-что считали-бы, что мнѣ пріятно раздѣлить вашу трапезу и ваше веселье; но мнѣ пріятнѣе раздѣлить вашу скорбь и ваше бремя, и было-бы тяжелѣе, еслибъ вы отказали мнѣ въ этомъ. Вы меня не прогоните? Вы не сердитесь на меня за то, что я пришла?

— Нѣтъ, нѣтъ: кто вамъ сказалъ, что я сержусь? Я рада,

что вы пришли, спасибо вамъ за это.—Сетъ, что-же ты не предложишь ей чаю? Ты тутъ все суетился, чтобы меня напоить, когда мнѣ это вовсе не нужно, а теперь и не подумаешь угостить гостью.—Садитесь, садитесь. Я очень вамъ благодарна, что вы пришли, потому-что я понимаю, какая-же вамъ была корысть сдѣлать этакій конецъ по мокрымъ полямъ, чтобъ навѣстить такую старуху, какъ я?... Вы вотъ сейчасъ сказали, что у меня нѣтъ дочерей. Да, нѣтъ, и никогда не было, и я не жалѣю, потому—какой толкъ отъ дѣвченокъ? Я всегда желала имѣть сыновей: мальчикъ, какъ выростетъ, самъ о себѣ промыслитъ.. Да впрочемъ что-жъ?—женятся мои мальчики, и будутъ у меня дочери—больше, чѣмъ надо... Ну вотъ и чай, наливайте сами, какъ знаете, — мнѣ все равно; у меня сегодня никакого нѣтъ вкуса во рту—все какъ трава.

Дина ни словомъ не заикнулась о томъ, что она уже напилась чаю, и приняла угощеніе очень охотно: ей хотѣлось какъ нибудь заставить самоё Лизбету подкрѣпиться хоть нѣсколькими глотками пищи, въ которой она такъ нуждалась послѣ цѣлаго дня поста и тяжелой работы.

Сетъ былъ такъ счастливъ присутствіемъ Дины въ домѣ, что невольно подумалъ: „Я, кажется, согласился-бы не видѣть всю жизнь ничего кромѣ горя, лишь-бы она была постоянно со мной". Правда, онъ тутъ-же упрекнулъ себя за эту мысль: вѣдь онъ почти радовался смерти отца. Но радость быть съ Диной все таки восторжествовала: это было почти то-же, что дѣйствіе климата, которому нельзя противустоять. Наполнявшее его чувство такъ замѣтно отразилось на его лицѣ, что это не ускользнуло отъ вниманія его матери, пока она пила свой чай.

— Теперь я понимаю, Сетъ, отчего ты можешь говорить, что горе—хорошая вещь: я вижу, тебѣ оно на пользу, сказала она.—У тебя такой видъ, точно ты никогда не зналъ, что такое забота и горе,—по крайней мѣрѣ не больше, чѣмъ когда ты былъ груднымъ младенцемъ и таращилъ глаза, лежа въ люлькѣ. Ты у меня всегда былъ смирный: проснешься, и лежишь себѣ тихонько, открывши глаза, а Адамъ такъ бывало минутки не полежитъ спокойно, если не спитъ. Ты всегда былъ какъ куль съ мукой—ничѣмъ тебя не проймешь. Впрочемъ твой бѣдный отецъ былъ совершенно такой-же.— А знаете (тутъ Лизбета повернулась къ Динѣ)—у васъ съ нимъ совсѣмъ одинаковый взглядъ; я думаю, это оттого, что оба вы методисты. Вы не подумайте, что я васъ за это осуждаю; вѣдь я понимаю: какая вамъ нужда горевать обо мнѣ, а между тѣмъ видно, что вамъ жалко. Ну что-жъ, если методисты такъ любятъ горевать, они счастливые люди: на свѣтѣ вдоволь горя. Жаль, что они не могутъ взять его все на себя и снять съ плечъ тѣхъ, кому оно въ тягость. Я бы охотно подѣлилась своимъ: пока былъ живъ мой старикъ, я не знала ни минуты покоя,

а теперь, когда его нѣтъ, я рада-бы сызнова пережить все самое худшее, лишь-бы онъ былъ со мной.

— Да, сказала Дина, старательно избѣгая противорѣчить Лизбетѣ, ибо проникавшая ее—въ самыхъ ничтожныхъ ея словахъ и поступкахъ—вѣра въ Божественное указаніе всегда выражалась у нея тѣмъ тонкимъ женскимъ тактомъ, который имѣетъ своимъ источникомъ живое, всегда готовое сочувствіе чужому страданію;—да, и я тоже помню, когда умерла моя милая тетя, какъ мнѣ недоставало по ночамъ ея кашля—она постоянно кашляла въ послѣднее время,—и какъ мучительна была для меня эта тишина, наступившая съ ея смертью.... Ну, а теперь, моя дорогая, выпейте еще чашечку и скушайте чего-нибудь.

— Какъ-же это, проговорила Лизбета уже не такимъ брюзгливымъ тономъ, принимая отъ нея чашку:—развѣ у васъ нѣтъ ни отца, ни матери, что вы такъ горевали по теткѣ?

— Нѣтъ, я никогда не знала матери и отца; тетя взяла меня груднымъ ребенкомъ и воспитала. У нея не было дѣтей,—она никогда не была замужемъ,—и она любила меня, какъ свое родное дитя.

— Да, нелегко, я думаю, было ей, одинокой женщинѣ, выростить ребенка. Теленка выпоить—и то трудъ не малый. Но должно быть вы были спокойнымъ ребенкомъ: у васъ такое лицо, точно вы никогда въ жизни не сердились.... Что-же вы сдѣлали, когда умерла ваша тетка? И отчего не переѣхали жить въ наши мѣста?—вѣдь мистрисъ Пойзеръ вамъ тоже приходится теткой.

Видя, что Лизбета забыла на минуту о своемъ горѣ, Дина стала разсказывать ей о себѣ,—сказала, что ей съ ранняго дѣтства приходилось много трудиться, разсказала, что за мѣсто Сноуфильдъ, и какъ тамъ трудно живется рабочему люду,—словомъ, все то, что по ея мнѣнію могло заинтересовать ея собесѣдницу. Старуха слушала и позабыла брюзжать, безсознательно поддаваясь успокоительному вліянію лица и голоса Дины. Немного погодя, ее убѣдили позволить прибрать кухню. Дина настаивала на этомъ въ томъ разсчетѣ, что чувство порядка и покоя приведетъ Лизбету въ болѣе мягкое настроеніе духа, и тогда ей, Динѣ, будетъ легче уговорить ее помолиться, а молитва,—она знала,—принесетъ ей облегченіе. Между тѣмъ Сетъ ушелъ колоть дрова: онъ догадывался, что Динѣ хочется остаться наединѣ съ его матерью.

Лизбета слѣдила за Диной, пока та быстро и безшумно двигалась по комнатѣ, и наконецъ сказала:

— Да, вы понимаете, что такое чистота. Я не побоялась-бы взять васъ въ дочери: вы-бы не стали мотать жалованье мужа на наряды и на всякіе пустяки. Вы совсѣмъ не то, что наши здѣшнія дѣвушки. Должно быть народъ въ Сноуфильдѣ не такой, какъ въ нашей сторонѣ.

— Это правда, тамъ большинство живетъ иначе, сказала Дина;—тамъ занимаются разной работой: кто ходитъ на бумагопрядильню, а кто работаетъ въ рудникахъ по окрестнымъ деревнямъ. Но сердце человѣческое вездѣ одно и то-же; есть и у насъ, какъ и повсюду, дѣти свѣта и дѣти грѣшнаго міра. Только у насъ тамъ больше методистовъ, чѣмъ у васъ.

— Я никогда-бы не подумала, что между методистками встрѣчаются такія женщины, какъ вы. Есть тутъ у насъ одна методистка—и очень ревностная, какъ говорятъ,—жена Вилля Маскери; но на нее совсѣмъ непріятно смотрѣть,—хуже чѣмъ на жабу.... А знаете, о чемъ я думаю?—я думаю: отчего-бы вамъ не остаться у насъ ночевать? Мнѣ хотѣлось-бы видѣть васъ и завтра. Но можетъ быть васъ ждутъ дома, у Пойзеровъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Дина,—меня не станутъ ждать; я съ удовольствіемъ останусь, если хотите.

— Вотъ и чудесно! У насъ мѣста довольно; моя кровать стоитъ наверху, въ маленькой коморкѣ надъ черной кухней, вы можете лечь со мной. Я буду рада поговорить съ вами вечеромъ,—вы такъ пріятно говорите. Когда я васъ слушаю, мнѣ вспоминаются наши ласточки, когда бывало поутру онѣ тихонько такъ защебечутъ подъ окномъ. Онѣ жили у насъ подъ крышей прошлой весной. Ахъ, какъ любилъ ихъ мой старикъ!... да и Адамъ тоже; но въ этомъ году онѣ не прилетѣли.... Можетъ быть и онѣ тоже умерли.....

— Ну вотъ, кухня и прибрана, сказала Дина.—А теперь, милая матушка—потому-что вѣдь я ваша дочь на сегодня: вы сами сказали,—мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ вы умылись и надѣли чистый чепчикъ. Помните, что сдѣлалъ Давидъ, когда Господь взялъ отъ него его сына? Пока ребенокъ былъ еще живъ, онъ постился и молился, и просилъ Бога пощадить его, и не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить, а всю ночь пролежалъ на землѣ, прося Бога за ребенка. Но когда онъ узналъ, что сынъ его умеръ, онъ поднялся съ земли, умылся и умастилъ свое тѣло, и надѣлъ чистое платье, и ѣлъ и пилъ, и когда его спрашивали, отчего онъ пересталъ скорбѣть, когда дитя умерло, онъ отвѣчалъ: „Доколѣ дитя было живо, я постился и плакалъ, ибо думалъ: кто знаетъ, не помилуетъ-ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло; зачѣмъ-же мнѣ поститься? Развѣ я могу возвратить его? Я пойду къ нему, а оно не возвратится ко мнѣ?

— Ахъ, какъ это вѣрно сказано! проговорила Лизбета.—Да, мой старикъ не возвратится ко мнѣ, а я пойду къ нему,—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.... Ну, дѣлайте со мной что хотите; чистый чепчикъ вонъ тамъ, въ верхнемъ ящикѣ; сейчасъ я пойду на черную кухню и умоюсь.—А ты, Сетъ, досталъ-бы пока новую библію Адама—ту, что съ картинками,—а *она* намъ прочитаетъ главу.... Да, очень хорошія это слова: „Я пойду къ нему, а оно не возвратится ко мнѣ".

Лизбета замѣтно успокоилась, и Дина и Сетъ мысленно благодарили за это Бога. Только этого и добивалась Дина, и ея неисчерпаемое состраданіе, при полномъ отсутствіи навязчивости, оказало-таки свое дѣйствіе. Она съ юныхъ лѣтъ пріобрѣла опытность въ обращеніи съ болящими тѣломъ и духомъ,—пріобрѣла эту опытность въ средѣ людей, ожесточенныхъ нуждой, закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ, и это дало ей тонкое чутье въ распознаваніи путей и пріемовъ, какими надо было дѣйствовать на каждаго: она умѣла смягчить человѣка и довести его до сознательнаго желанія понять слова Небеснаго утѣшенія или предостереженія. Какъ объясняла это сама Дина—„Господь никогда не предоставлялъ ее самой себѣ, но ей всегда было дано знать, когда нужно молчать и когда—говорить". И развѣ не всѣ мы согласны въ этомъ съ Диной? Развѣ не называемъ мы вдохновеніемъ всякую быструю мысль и благородный порывъ? И если мы прослѣдимъ въ мельчайшихъ подробностяхъ душевный процессъ, порождающій въ насъ такія мысли и такіе порывы, мы непремѣнно скажемъ вмѣстѣ съ Диной, что самыя высокія наши мысли и наши лучшіе поступки всегда бываютъ намъ „даны".

Скоро въ маленькомъ коттеджѣ раздались слова горячей молитвы. Вѣра, любовь и надежда царили въ тотъ вечеръ въ его скромной кухонкѣ. И бѣдная, изстрадавшаяся старуха Лизбета—не уловивъ ни одной опредѣленной идеи, и даже не путемъ религіознаго чувства,—пришла къ смутному сознанію добра и любви, и того, что надъ нами, за предѣлами нашей скорбной жизни, есть высшая справедливость. Она не поняла глубокаго значенія скорби, но въ эти минуты, подъ всепокоряющимъ вліяніемъ душевной чистоты Дины, она чувствовала, что надо смириться и терпѣть.

ГЛАВА XI.

ВЪ КОТТЕДЖѢ.

Было только половина пятаго утра, когда Дина, соскучившись лежать безъ сна въ постели, прислушиваясь къ пѣнію птицъ и слѣдя за разсвѣтомъ въ маленькое окошко подъ крышей, встала и начала тихонько одѣваться, стараясь не потревожить Лизбету. Но въ домѣ уже поднялись: кто-то всталъ еще раньше и теперь сошелъ внизъ, предшествуемый Джипомъ. Легкіе шаги Джипа на лѣстницѣ служили для домашнихъ вѣрнымъ знакомъ, что за нимъ идетъ Адамъ, но Дина этого не знала и подумала, что должно быть это Сетъ, такъ какъ Сетъ говорилъ ей, что Адамъ проработалъ всю ночь наканунѣ и очень усталъ. Между тѣмъ Сетъ только-что проснулся отъ стука отворившейся двери. Возбужденіе всего предыдущаго дня, еще

подогрѣтое нежданнымъ появленіемъ Дины, не нашло себѣ противовѣса въ физической усталости, такъ какъ онъ не сдѣлалъ и половины той тяжелой работы, какую дѣлалъ ежедневно; поэтому вечеромъ, когда онъ легъ въ постель, сонъ пришелъ къ нему не сразу: онъ проворочался нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ уснулъ, а утромъ заспался дольше обыкновеннаго.

Напротивъ, Адама освѣжилъ долгій отдыхъ. Со свойственнымъ ему отвращеніемъ къ праздности онъ торопился начать новый день и побороть въ себѣ скорбное чувство своею сильной волей и сильной рукой. Надъ долиной стояла бѣлая мгла, день обѣщалъ быть яснымъ и теплымъ, и Адамъ рѣшилъ сейчасъ-же послѣ завтрака идти на работу.

„Нѣтъ такого горя на свѣтѣ, котораго человѣкъ не перенесъ-бы, пока онъ въ силахъ работать“, говорилъ онъ себѣ. „Природа вещей не мѣняется, хотя намъ и кажется, что собственная наша жизнь исполнена перемѣнъ. Шестнадцать есть квадратъ четырехъ,—рычагъ долженъ быть удлинненъ пропорціонально вѣсу поднимаемой тяжести,—это остается одинаково вѣрнымъ, несчастливъ-ли человѣкъ, или счастливъ, и лучшая сторона труда та, что онъ даетъ намъ твердую точку опоры внѣ нашей личной жизни“.

Онъ умылся, окатилъ голову холодной водой и опять почувствовалъ себя самимъ собой. Съ живыми, какъ всегда, блестящими темными глазами и густыми черными волосами, еще лоснящимися отъ воды, онъ пошелъ въ мастерскую выбрать досокъ на гробъ отцу. Они съ Сетомъ рѣшили отнести эти доски къ Джонатану Бурджу и попросить сдѣлать гробъ кого-нибудь изъ товарищей: имъ не хотѣлось, чтобъ эта печальная работа происходила на глазахъ матери.

Не успѣлъ Адамъ войти въ мастерскую, какъ его чуткое ухо уловило стукъ легкихъ, быстрыхъ шаговъ, спускавшихся съ лѣстницы. Это не могла быть его мать. Наканунѣ вечеромъ, когда пришла Дина, онъ уже спалъ, и теперь не могъ понять, чьи могли быть это шаги. У него мелькнула мысль, глубоко его взволновавшая. Нелѣпая мысль!—развѣ это могла быть Гетти? Ее послѣднюю онъ могъ разсчитывать увидѣть у себя. И однако ему не хотѣлось пойти посмотрѣть и убѣдиться своими глазами, что это была не она. Онъ стоялъ, облокотившись на доску, за которую только-что было взялся, и прислушивался къ звукамъ, которые воображеніе истолковывало ему въ такомъ радостномъ смыслѣ, что все его строгое умное лицо какъ будто растаяло въ выраженіи робкой ревности. Легкіе шаги двигались по кухнѣ, сопровождаемые шуршаніемъ щетки, подметающей полъ, производя не больше шуму, чѣмъ легкій вѣтерокъ, когда онъ гонитъ по дорогѣ осенніе листья, и воображеніе Адама рисовало ему кругленькое личико съ ямочками на щекахъ, съ темными блестящими глазами и плутовскими улыбками, оглядывающееся на эту щетку, и полненькую

фигурку, слегка склонившуюся надъ ней, чтобы ловчѣе взяться за ручку. Нелѣпая, глупая мысль!—это не могла быть Гетти. Но единственное средство отогнать глупую мысль было пойти и взглянуть, кто это былъ, ибо фантазія только все больше приближала его къ увѣренности, пока онъ стоялъ и прислушивался. Онъ выпустилъ доску и подошелъ къ двери.

— Здравствуйте, Адамъ Бидъ, — сказала Дина спокойнымъ груднымъ голосомъ, переставая мести и обративъ на него свои кроткіе сѣрые глаза,—надѣюсь, вы отдохнули и набрались свѣжихъ силъ для дневного труда?

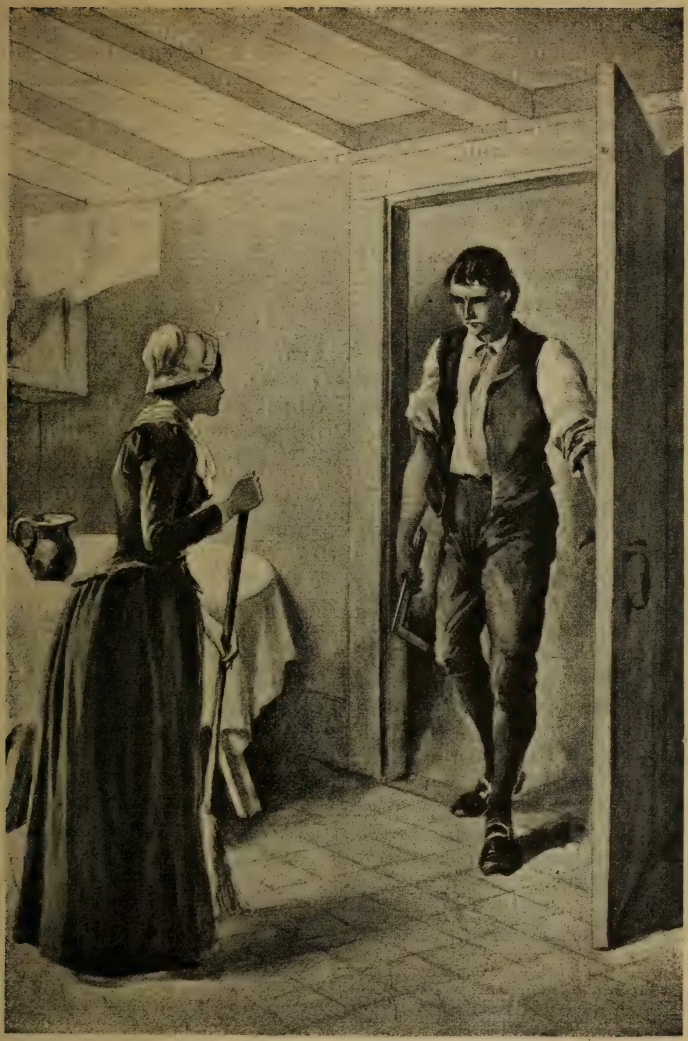
Это было то-же, что грезить сіяніемъ солнца и проснуться при свѣтѣ луны. Адамъ видѣлъ Дину нѣсколько разъ, но всегда на Большой Фермѣ, гдѣ онъ не могъ вполнѣ отчетливо сознавать ничьего присутствія, кромѣ присутствія Гетти, и только за послѣдніе два, три дня онъ началъ подозрѣвать, что Сетъ ее любитъ, такъ что и участіе къ брату не могло до сихъ привлечь его вниманія на нее. Но теперь ея тонкая фигура, ея простое, черное платье и блѣдное, ясное лицо поразили его всею силой новизны впечатлѣнія, всегда отличающей дѣйствительность, когда она заступаетъ мѣсто овладѣвшей было нами иллюзіи. Въ первый моментъ онъ ничего не отвѣтилъ, но смотрѣлъ на нее сосредоточеннымъ, испытующимъ взглядомъ человѣка, внезапно заинтересовавшагося новымъ предметомъ. Въ первый разъ въ своей жизни Дина почувствовала тягостное смущеніе—сознаніе себя, своей внѣшности: въ темныхъ проницательныхъ глазахъ этого сильнаго человѣка было что-то такое, чего совсѣмъ не было въ его кроткомъ, застѣнчивомъ братѣ. Слабый румянецъ проступилъ у нея на лицѣ; она это почувствовала, смутилась еще больше и покраснѣла ярче. Этотъ румянецъ напомнилъ Адаму о его забывчивости.

— Простите, я никакъ не ожидалъ, что это вы. Вы очень добры, что навѣстили мою мать въ ея горѣ, проговорилъ онъ мягкимъ, растроганнымъ голосомъ, ибо его быстрый умъ сейчасъ-же подсказалъ ему, зачѣмъ она здѣсь. — Надѣюсь, моя мать была ласкова съ вами, прибавилъ онъ, не безъ тревоги спрашивая себя, какъ-то приняли Дину.

Да, отвѣчала она, принимаясь опять мести полъ; — сперва она волновалась, а потомъ замѣтно успокоилась и ночью хорошо спала, хоть и съ перерывами. Когда я отъ нея уходила, она крѣпко спала.

— Кто принесъ это извѣстіе на Большую Ферму? спросилъ Адамъ, уносясь мыслью къ кому-то, жившему тамъ: ему хотѣлось знать, почувствовала-ли *она* что-нибудь, услыхавъ эту вѣсть.

— Мнѣ сказалъ священникъ, мистеръ Ирвайнъ. Тетка моя очень жалѣла вашу мать, когда узнала объ ея горѣ, и пожелала, чтобъ я шла къ вамъ. Я увѣрена, что и дядя будетъ очень жалѣть, когда узнаетъ: вчера его цѣлый день не было



Дина и Адамъ.

дома,—онъ уѣзжалъ въ Россетеръ. Всѣ они тамъ съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда вы придете: въ этой семьѣ нѣтъ человѣка, который не былъ-бы всегда радъ васъ видѣть.

Своимъ сердечнымъ чутьемъ Дина угадала, что Адамъ жаждетъ услышать, не сказала-ли чего-нибудь Гетти по поводу ихъ семейнаго горя. Дина была слишкомъ щепетильно правдива, чтобы позволить себѣ сказать ложь, хотя-бы и съ благожелательной цѣлью, но она съумѣла сказать нѣчто такое, въ чемъ безмолвно подразумѣвалось участіе Гетти. Любовь имѣетъ способность сознательно обманывать себя, какъ ребенокъ, играющій въ прятки самъ съ собой; она любитъ утѣшать себя увѣреніями, которымъ и сама не вѣритъ. Адаму было такъ пріятно слышать то, что сказала ему Дина, что онъ сталъ сейчасъ-же мечтать, какъ онъ пойдетъ въ слѣдующій разъ на Большую Ферму, и какъ Гетти будетъ къ нему, можетъ быть, добрѣе, чѣмъ была до сихъ поръ.

— А васъ я тамъ уже больше не застану? спросилъ онъ Дину.

— Нѣтъ; въ субботу я уѣзжаю въ Сноуфильдъ, и мнѣ придется выѣхать въ Треддльстонъ рано утромъ, чтобы поспѣть къ Окбурнскому дилижансу, такъ что сегодня на ночь мнѣ надо возвратиться на ферму: мнѣ хочется пробыть послѣдній день съ тетей и ея дѣтьми.

Но сегодня я могу остаться у васъ на весь день, если ваша мать пожелаетъ. Вчера мы хорошо съ ней поладили; мнѣ кажется, я ей пришлась по душѣ.

— А, ну такъ она навѣрно захочетъ, чтобъ вы остались. Моя мать ужъ такой человѣкъ: кто ей сразу понравился, того она всегда будетъ любить. Но у нея есть одна слабость: она вообще не любитъ молодыхъ женщинъ. Впрочемъ, конечно, прибавилъ Адамъ, улыбаясь,—то, что она не любитъ другихъ молодыхъ женщинъ, еще не причина, чтобъ она не полюбила васъ.

До этой минуты Джипъ не принималъ дѣятельнаго участія въ разговорѣ. Присѣвъ на заднія лапы, онъ то заглядывалъ въ лицо своему хозяину, наблюдая его выраженіе, то слѣдилъ за движеніями Дины на кухнѣ. Ласковая улыбка, съ которою Адамъ произнесъ свои послѣднія слова, была, повидимому, рѣшающимъ аргументомъ, показавшимъ Джипу, какъ ему слѣдуетъ отнестись къ незнакомкѣ, и когда Дина, отставивъ щетку въ уголъ, повернулась къ нему лицомъ, онъ подбѣжалъ къ ней и съ самымъ дружелюбнымъ видомъ ткнулся мордой ей въ руку.

— Видите, Джипъ желаетъ познакомиться съ вами, сказалъ ей Адамъ,—а онъ вообще очень туго знакомится.

— Бѣдный песъ! проговорила Дина, похлопывая рукой по косматой сѣрой шерсти собаки.—У меня какое-то странное чувство ко всѣмъ безсловеснымъ тварямъ: мнѣ все кажется, что имъ хочется говорить, и что онѣ страдаютъ оттого, что не могутъ. Собакъ мнѣ всегда особенно жалко, хоть, можетъ быть,

это и глупо съ моей стороны. Но все-таки я увѣрена, что онѣ понимаютъ больше, чѣмъ могутъ выразить: вѣдь и мы не можемъ передать никакими словами всего, что мы чувствуемъ.

Тутъ къ нимъ подошелъ Сетъ и былъ пріятно удивленъ, заставъ, что Адамъ бесѣдуетъ съ Диной. Ему хотѣлось, чтобы Адамъ, братъ его, зналъ, насколько она лучше всѣхъ другихъ женщинъ. Но Адамъ, перекинувшись съ нимъ нѣсколькими словами, увелъ его въ мастерскую посовѣтоваться насчетъ гроба, а Дина принялась опять за уборку.

Въ шесть часовъ всѣ четверо сидѣли за завтракомъ въ кухнѣ—такой чистенькой, что сама Лизбета не могла-бы прибрать ее чище. Окно и дверь были открыты, и утренній вѣтерокъ приносилъ къ нимъ изъ садика смѣшанный запахъ божьяго дерева, шиповника и тмина. Дина не садилась за столъ, а ходила отъ стола къ печкѣ и обратно, прислуживая другимъ. Она наварила похлебки и спекла овсяный пирогъ, разспросивъ предварительно Сета, что имъ стряпаетъ къ завтраку мать. Лизбета сверхъ своего обыкновенія была очень молчалива: должно быть, ей нужно было время, чтобы приспособиться къ новому порядку вещей и привыкнуть къ мысли, что вся работа за нее сдѣлана, а она, какъ барыня, сошла себѣ внизъ и сидитъ за столомъ, а ей прислуживаютъ. Это новое ощущеніе видимо вытѣснило изъ ея души воспоминаніе объ ея горѣ. Наконецъ, отвѣдавъ похлѣбки, она заговорила.

— Ну, что-жъ, вы могли-бы состряпать и хуже, сказала она Динѣ;—ѣсть можно — не воротитъ съ души. Конечно, не мѣшало-бы ей быть погуще, и потомъ я всегда кладу вѣточку мяты, — но какъ вамъ было это знать?.. Да, наврядъ-ли мои мальчики найдутъ когда-нибудь женщину, которая варила-бы имъ такую похлебку, какъ я. Пусть благодарятъ Бога, если она сумѣетъ хоть что нибудь сварить. Но *вы* могли-бы научиться, еслибъ вамъ показать; вы не любите лежать на боку и на ногу легки: вонъ какъ вы проворно со всѣмъ управились и, надо правду сказать, прибрали чисто,—довольно чисто для—работницы.

— Довольно чисто, мама? повторилъ Адамъ.—Да здѣсь все просто блеститъ. Ужъ я и не знаю, можно-ли чище прибрать.

— Не знаешь? — еще-бы! гдѣ тебѣ знать! Мужчина никогда не разберетъ, кошка-ли вылизала полъ, или его вымыли съ мыломъ... Погоди—узнаешь, когда тебя станутъ кормить подгорѣлой похлебкой, а оно, по всей вѣроятности, такъ и будетъ, когда не я буду вамъ варить. Тогда ты вспомнишь мать! тогда скажешь, что и она была на что нибудь годна.

— Дина, сказалъ Сетъ, — садитесь-же за столъ и позавтракайте. Теперь все, кажется, подано.

— Садитесь, садитесь, скушайте чего-нибудь, повторила за нимъ и Лизбета.—Вамъ нужно поѣсть,—вотъ уже полтора часа, что вы на ногахъ... Кабы вы знали, какъ мнѣ жалко съ ва-

ми разставаться, прибавила она жалобнымъ голосомъ, когда Дина сѣла подлѣ нея;—но, конечно, вамъ нельзя побыть у насъ дольше—я это понимаю. А я-бы съ вами отлично поладила...

— Я останусь до вечера, если хотите, сказала Дина.—Я-бы дольше осталась, но въ субботу я ѣду въ Сноуфильдъ и должна провести съ тетей весь завтрашній день.

— Вотъ ужъ на вашемъ мѣстѣ я ни за что-бы не воротилась въ Сноуфильдъ. Мой старикъ былъ тоже изъ Стонишира, изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, но ушелъ оттуда еще молодымъ, и хорошо сдѣлалъ; онъ говорилъ, что тамъ нѣтъ совсѣмъ лѣсу, и плотникамъ нечего дѣлать.

— Да, я помню, еще, когда я былъ мальчишкой, отецъ говорилъ мнѣ, что если онъ когда надумаетъ мѣнять мѣсто, такъ переѣдетъ на югъ, сказалъ Адамъ.—Но я далеко не увѣренъ, хорошо-ли-бы это было? Бартль Масси говоритъ—а онъ знаетъ южныя графства, — что на сѣверѣ у насъ люди породистѣе—головой здоровѣй и сильнѣе, да и ростомъ повыше. Кромѣ того, онъ говорилъ, что на югѣ мѣстность по большей части плоская, какъ ладонь, и, чтобъ увидѣть даль, надо вскарабкаться на самое высокое дерево. Я-бы не могъ съ этимъ помириться. Когда я иду на работу, я люблю, чтобъ дорога перебѣгала съ холма на холмъ, чтобы на много миль кругомъ были видны поля, какой-нибудь городъ вдали, мостикъ, или колокольня. Тогда только чувствуешь, что міръ великъ, и что, кромѣ тебя, есть еще много людей, которые работаютъ головой и руками.

— Нѣтъ, я больше люблю горы, сказалъ Сетъ,—когда надъ самой головой у тебя облака, а дальше, кругомъ, свѣтитъ солнце. Въ послѣдніе дни, бывало, когда гроза, я часто нарочно ходилъ по Ломфордской дорогѣ, чтобъ поглядѣть на горы. Тамъ у меня является такое чувство, какъ будто изъ нашей темной, безотрадной жизни я перенесся на небо, гдѣ всегда радость и свѣтъ.

— А я люблю Стониширъ, сказала Дина.—Я не хотѣла-бы жить въ такой сторонѣ, гдѣ вдоволь хлѣба и скота, гдѣ земля ровная и легко ее пахать; я никогда не отвернулась-бы отъ нашихъ пустынныхъ холмовъ, гдѣ бѣдняку такъ трудно живется, гдѣ люди проводятъ всю жизнь въ рудникахъ, не видя свѣта Божьяго. Въ холодный, пасмурный день, когда небо нависнетъ надъ землей одной сплошной тяжелой тучей, такъ сладко бываетъ чувствовать, какъ вся душа твоя переполняется любовью къ Богу, и такъ отрадно нести эту любовь въ заброшенныя, убогія каменныя лачуги, гдѣ только одна она и облегчаетъ жизнь.

— Ну да, вамъ хорошо говорить, сказала Лизбета. — Много-ли вамъ надо, чтобъ прожить?—капельку воды да немного солнца, какъ тѣмъ подснѣжникамъ, что жили у меня нѣколько дней послѣ того, какъ я ихъ сорвала. Но голоднымъ людямъ

лучше уйти изъ голоднаго края,—меньше ртовъ останется на одинъ каравай... А ты, — продолжала она, взглянувъ на Адама,—лучше и не толкуй о сѣверѣ да о югѣ. Грѣхъ тебѣ будетъ, если ты бросишь отца и мать однихъ на кладбищѣ и уйдешь на чужую сторону, которой они и въ глаза не видали. Я не буду знать покоя въ гробу, если ты не станешь приходить по воскресеньямъ ко мнѣ на могилу.

— Не бойся, мама, сказалъ Адамъ. — Кабы я давно не положилъ себѣ зарока, что никогда не уйду, меня-бы уже не было здѣсь.

Онъ кончилъ ѣсть и, говоря это, поднялся съ мѣста.

— Что ты теперь будешь дѣлать? спросила его мать.—Примешься за гробъ для отца?

— Нѣтъ, мама, отвѣчалъ Адамъ,—мы снесемъ доски въ деревню и отдадимъ сдѣлать тамъ.

— Охъ нѣтъ, сынокъ, такъ не годится, заявила Лизбета плаксивымъ тономъ. — Неужто ты допустишь, чтобы другой, а не ты, сдѣлалъ гробъ твоему отцу? Вѣдь никто не сдѣлаетъ этого такъ хорошо. А покойникъ мой зналъ толкъ въ хорошей работѣ... а сынъ у него такой мастеръ, что всей деревнѣ, можно сказать, голова, да и въ городѣ всѣ его знаютъ... и послѣ этого, чтобъ онъ не захотѣлъ сдѣлать самъ гробъ отцу.

— Ну, хорошо, мама,—если ты непремѣнно хочешь, мы сколотимъ гробъ дома. Я думалъ только, что тебѣ будетъ тяжело видѣть и слышать, какъ мы будемъ дѣлать эту работу.

— Съ какой стати будетъ мнѣ тяжело! Что нужно, то нужно. Мало-ли что̀ мнѣ можетъ быть тяжело! Кромѣ тяжелаго, для меня въ жизни ничего не осталось. Когда во рту нѣтъ вкуса, все равно, что ни ѣсть... Сегодня-же, съ утра, первымъ дѣломъ принимайся за гробъ,—я хочу, чтобы, кромѣ тебя, никто до него не дотрогивался.

Адамъ встрѣтился глазами съ Сетомъ, который печально взглянулъ сперва на Дину, потомъ на него.

— Нѣтъ, мама, сказалъ онъ,—ужъ если дѣлать гробъ дома, такъ пусть и Сетъ надъ нимъ поработаетъ — иначе я не согласенъ. Теперь, до обѣда, я схожу въ деревню, потому-что я нуженъ мистеру Бурджу, а Сетъ останется дома и начнетъ гробъ. А къ обѣду я возвращусь, а онъ уйдетъ,

— Нѣтъ, нѣтъ, твердила Лизбета уже со слезами;—я давно положила себѣ на сердцѣ, что ты сдѣлаешь гробъ отцу одинъ, своими руками. А ты такой упрямый, такой своевольный... никогда ни въ чемъ матери не уступишь! Ты часто сердился на отца, когда онъ былъ живъ, такъ хоть теперь, когда его не стало, загладь свою вину передъ нимъ—сдѣлай ему гробъ. И зачѣмъ тутъ путаться Сету?—покойникъ и не подумалъ-бы о Сетѣ, еслибъ спросили его.

— Не спорь, Адамъ, не спорь, мама права, проговорилъ

Сетъ мягко, хоть голосъ его и выдавалъ усиліе, котораго ему стоили эти слова.—Я пойду на работу, а ты оставайся.

— И онъ сейчасъ-же прошелъ въ мастерскую. Адамъ пошелъ за нимъ, а Лизбета, машинально возвращаясь къ старымъ привычкамъ, начала убирать посуду со стола, какъ будто желая показать Динѣ, что ея услуги больше не нужны. Дина ничего не сказала, но воспользовалась случаемъ и незамѣтно скрылась въ мастерскую.

Братья уже надѣли свои рабочіе фартуки и бумажныя шапочки. Адамъ стоялъ, положивъ лѣвую руку на плечо Сету, а правой, въ которой былъ молотокъ, указывая ему на доски, что-то объясняя. Оба стояли спиной къ двери, и Дина вошла такъ тихо, что они замѣтили только тогда, когда она сказала: „Сетъ Бидъ!“ Сетъ вздрогнулъ, и оба они обернулись. Дина какъ будто не замѣчала Адама: Поднявъ глаза на лицо Сета, она сказала ему ласково и спокойно.

— Я не прощаюсь съ вами. Мы еще увидимся, когда вы придете съ работы; мнѣ незачѣмъ возвращаться домой раньше вечера.

— Спасибо вамъ, Дина. Я буду радъ проводить васъ домой еще разъ—быть можетъ въ послѣдній.

Голосъ Сета немного дрожалъ. Дина протянула ему руку и сказала:

— Сегодня у васъ будетъ хорошо на душѣ. Богъ видитъ вашу кротость и долготерпѣніе къ вашей старухѣ матери.

Она повернулась и вышла такъ-же быстро и безшумно, какъ вошла. Адамъ все время наблюдалъ за ней очень внимательно, но она не смотрѣла на него. Когда она вышла, онъ сказалъ:

— Я не удивляюсь, Сетъ, что ты любишь ее: у нея лицо точно лилія.

Вся душа Сета вылилась въ его глазахъ. Губы у него дрогнули. Онъ никогда еще не повѣрялъ Адаму своей тайны, но теперь сладостное чувство облегченія наполнило его сердце, когда онъ отвѣтилъ:

— Да, Адди, я люблю ее—можетъ быть слишкомъ горячо. Но она меня не любитъ—т. е. любитъ не больше, чѣмъ всѣ мы, чада Божьи, должны любить другъ друга. Она никогда никого не полюбитъ иною любовью—такъ мнѣ кажется.

— Нѣтъ, парень, это трудно сказать,—ты не падай духомъ. Она создана изъ болѣе тонкаго матеріала, чѣмъ большинство женщинъ,—этого нельзя не видѣть; и если она выше ихъ въ другихъ отношеніяхъ, я не думаю, чтобъ она уступила имъ въ умѣньѣ любить.

Больше они ничего не сказали. Сетъ ушелъ въ деревню, а Адамъ принялся дѣлать гробъ.

„Помоги ему Боже,—ему и мнѣ!“ думалъ онъ, ворочая доски. „Намъ обоимъ жизнь трудно дается—въ этомъ мы съ нимъ

похожи... Много работать приходится, и изъ за хлѣба, и надъ собой... Какъ это странно, что человѣкъ, который можетъ поднять стулъ зубами и легко пройдетъ безъ передышки пятьдесятъ миль,—дрожитъ и блѣднѣетъ отъ взгляда женщины—одной изо всѣхъ въ цѣломъ мірѣ! Это тайна, которой мы не можемъ себѣ объяснить... А развѣ мы можемъ объяснить, отчего проростаетъ зерно, и развѣ это тоже не тайна?"

ГЛАВА XII.

ВЪ ЛѢСУ.

Въ тотъ-же самый день, въ четвергъ поутру, Артуръ Донниторнъ расхаживалъ по своей уборной и держалъ совѣщаніе самъ съ собой, поглядывая въ старомодныя зеркала на отраженіе своей привлекательной британской физіономіи, на которую со стѣнъ, или вѣрнѣе, съ покрывавшихъ ихъ полинялыхъ оливковыхъ тканыхъ обоевъ въ свою очередь таращили глаза дочь фараона и ея прислужницы, хотя по настоящему имъ слѣдовало-бы присматривать за младенцемъ Моисеемъ. Къ тому времени, когда камердинеръ перекинулъ Артуру черезъ плечо черную шелконую повязку и сталъ завязывать ее на спинѣ, совѣщаніе это завершилось опредѣленнымъ практическимъ рѣшеніемъ.

— Я хочу съѣздить въ Игльдэль поудить, на недѣльку, на двѣ, сказалъ онъ вслухъ. — Я возьму васъ съ собой, Пимъ. Мы выѣдемъ сегодня утромъ; будьте готовы къ половинѣ двѣнадцатаго.

Тутъ тихій свистъ, который помогъ ему придти къ этому рѣшенію, смѣнился громчайшими теноровыми нотами, зазвенѣвшими на весь домъ, когда онъ побѣжалъ по корридору, распѣвая свою любимую арію изъ „Begger's opera": когда сердце мужчины забота гнететъ". Пѣсня не героическая; тѣмъ не менѣе Артуръ чувствовалъ себя героемъ, шагая къ конюшнямъ, чтобы отдать распоряженіе насчетъ лошадей. Собственное одобреніе было необходимо Артуру: онъ не могъ безъ него обойтись. А на этотъ разъ оно не давалось даромъ,—надо было заслужить его побѣдой надъ собой. Онъ никогда еще не терялъ въ своихъ глазахъ права на это одобреніе; онъ довольно крѣпко вѣрилъ въ свои добродѣтели Не было на свѣтѣ молодого человѣка, который сознавался-бы болѣе искренно въ своихъ недостаткахъ; искренность была одною изъ любимыхъ его добродѣтелей. А можетъ-ли ваша искренность проявиться во всемъ своемъ блескѣ, если у васъ нѣтъ маленькихъ слабостей, о которыхъ вы могли-бы говорить? Но Артуръ питалъ пріятную увѣренность, что его слабости, всѣ безъ исключенія, благороднаго свойства: всѣ онѣ носили необуз

данный, пылкій, львиный характеръ: въ нихъ не было ничего низкаго, лукаваго, змѣинаго. Артуръ Доннитрнъ не могъ оказаться виновнымъ въ подлости или жестокости. „Нѣтъ, никогда! Правда, я чертовски способенъ попадаться въ просакъ, но я никогда не позволю себѣ свалить на чужія плечи отвѣтственность за мой грѣхъ“. Къ несчастью грѣшки молодыхъ джентльменовъ не обладаютъ врожденной рыцарской справедливостью и зачастую упорно отказываются обрушиться тяжестью своихъ худшихъ послѣдствій на зачинщика, вопреки всѣмъ его громогласнымъ заявленіямъ о своемъ желаніи нести ихъ на себѣ. Надо полагать, что единственно, благодаря такому несовершенству существующаго порядка вещей Артуръ Доннитрнъ, самъ попадаясь въ просакъ, обыкновенно подводилъ и другого. Прежде всего онъ былъ добродушенъ. Мечтая о будущемъ, когда онъ вступитъ во владѣніе помѣстьемъ, онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи благоденствующихъ арендаторовъ, обожающихъ своего помѣщика (который будетъ, конечно, образцомъ англійскаго дворянина),—имѣнье въ образцовомъ порядкѣ, сады—само изящество и высшій вкусъ;—конюшни—лучшія въ Ломширѣ; домъ—всегда открытый для гостей; кошелекъ—открытый для общественныхъ нуждъ,—однимъ словомъ, ничего похожаго на то, что до сихъ поръ обыкновенно связывалось съ именемъ Доннитрновъ. И однимъ изъ первыхъ добрыхъ дѣлъ, которыя онъ намѣревался совершить въ будущемъ, было увеличеніе оклада Ирвайна за Гейслопскій приходъ, чтобъ онъ могъ держать экипажъ для матери и сестеръ. Сердечная привязанность Артура къ ректору началась еще съ того времени, когда онъ ходилъ въ дѣтскихъ платьицахъ и коротенькихъ штанишкахъ. Это была сыновняя и братская любовь, — настолько братская, что онъ предпочиталъ общество Ирвайна обществу большинства молодыхъ людей, и настолько сыновняя, что онъ сильно побаивался неодобренія Ирвайна.

Какъ видите, Артуръ Доннитрнъ былъ добрый малый, — всѣ его товарищи по коллегіи считали его такимъ. Онъ не могъ видѣть страданія; въ минуты самаго сильнаго раздраженія противъ дѣда онъ былъ-бы очень огорченъ, еслибы со старикомъ случилось несчастье, и даже тетка его Лидія, безнадежная старая дѣва, имѣла свою долю барышей отъ безграничнаго мягкосердія, съ какимъ онъ относился ко всему ея полу. Достаточно-ли владѣлъ онъ собой, чтобы всегда оставаться тѣмъ безобиднымъ, благонамѣреннымъ и расположеннымъ дѣлать добро человѣкомъ, какимъ онъ желалъ быть по своей доброй натурѣ,—было вопросомъ, котораго никто еще не рѣшилъ противъ него. Не забывайте, что ему было всего двадцать лѣтъ. И кто-же станетъ слишкомъ тщательно добиваться до истинныхъ свойствъ характера, когда дѣло идетъ о красивомъ, великодушномъ молодомъ джентльменѣ, который

со временемъ будетъ достаточно богатъ, чтобы загладить всѣ свои провинности. Такой джентльменъ—случится-ли ему по неосторожности переѣхать человѣка и переломить ему ноги, или какъ-нибудь нечаянно испортить жизнь женщинѣ,—всегда можетъ вознаградить перваго хорошей пенсіей, а отъ послѣдней откупиться дорогими бездѣлушками, которыя онъ самъ упакуетъ въ ящичекъ и отошлетъ ей, надписавъ адресъ своею рукой. Въ подобныхъ случаяхъ смѣшно прилагать слишкомъ строгую мѣрку: вѣдь это не писецъ какой-нибудь, о которомъ мы наводимъ справки, намѣреваясь взять его въ услуженіе. Къ молодому человѣку хорошей семьи и съ обезпеченнымъ состояніемъ приложимы только общіе, круглые, дворянскіе эпитеты, и дамы, съ тѣмъ острымъ ясновидѣніемъ, которое составляетъ отличительную черту прекраснаго пола, всегда скажутъ вамъ съ одного взгляда, насколько онъ во всѣхъ отношеніяхъ пріятный молодой человѣкъ. Есть много шансовъ на то, что онъ пройдетъ поприще жизни, никого не скандализируя своимъ поведеніемъ, — пройдетъ его гордымъ морскимъ кораблемъ, который не побоялась-бы взять въ страховку ни одна страховая контора. Конечно, корабли подвержены случайностямъ; бываетъ иной разъ, что несчастная случайность обнаружитъ съ ужасающей очевидностью какой-нибудь изъянъ въ конструкціи корабля, котораго никогда-бы не открыли при тихой погодѣ, и не одному „доброму малому“ случалось не выдерживать испытаній, которымъ подвергало его роковое сцѣпленіе обстоятельствъ.

Но мы не имѣемъ пока никакихъ основаній дѣлать такого рода зловѣщія предсказанія относительно Артура Донниторна. Мы только-что видѣли, что онъ оказался способнымъ принять благоразумное рѣшеніе, руководствуясь внушеніями совѣсти. Одно намъ ясно: заботливая природа создала его такимъ, что если онъ и свернетъ съ прямого пути, то никогда не сдѣлаетъ этого спокойно, съ легкимъ сердцемъ, и никогда не преступитъ той предѣльной черты грѣха, за которой его не терзали-бы ежечасно нападенія изъ противуположнаго лагеря. Онъ никогда не сдѣлается клевретомъ Порока и не будетъ носить въ петличкѣ его орденовъ,

Было около десяти часовъ, и солнце великолѣпно сіяло; все казалось какъ-то милѣе и краше послѣ вчерашняго дождя. Пріятно въ такое утро шагать по усыпанной гравіемъ широкой дорожкѣ къ конюшнямъ, обдумывая предстоящую экскурсію. Но запахъ конюшни, который при обыкновенномъ, естественномъ порядкѣ вещей представляетъ одно изъ самыхъ умиротворящихъ впечатлѣній въ жизни мужчины, всегда приносилъ съ собой Артуру нѣкоторую дозу раздраженія. Конюшни его дѣда—это былъ обособленный міръ, въ которомъ онъ не могъ творить свою волю. Здѣсь дѣло велось на самую мѣщанскую ногу. Дѣдъ его ни за что не соглашался прогнать

старика конюха—глупого старикашку, котораго никакими рычагами нельзя было сдвинуть съ зарубки его рутинныхъ пріемовъ, и которому разрѣшалось нанимать себѣ въ помощники кого онъ хочетъ. Все это были неотесанные ломширскіе парни; ихъ перебывало въ замкѣ цѣлое поколѣніе. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, желая попробовать новыя ножницы, выстригъ недавно длинную плѣшь у гнѣдой кобылы Артура. Развѣ можетъ такое положеніе дѣлъ не наполнять горечью человѣческое сердце? Еще въ домѣ можно кое-какъ мириться со всякой докукой, но чтобы, приходя въ конюшню, постоянно натыкаться на непріятности,—нѣтъ, этого положительно не въ состояніи вынести ни одинъ живой человѣкъ, не рискуя впасть въ мизантропію.

Деревянное, изрытое морщинами лицо старика Джона было первымъ предметомъ, бросившимся въ глаза Артуру, когда онъ вошелъ на конскій дворъ, и совершенно отравившимъ ему пріятный, звучный лай, которымъ встрѣтили его два породистые пса, сторожившіе конюшни: онъ никогда не могъ спокойно говорить съ этимъ старымъ олухомъ.

— Осѣдлайте мнѣ Мегъ, и Раттлера для Пима, и чтобъ къ половинѣ двѣнадцатаго обѣ лошади были поданы къ подъѣзду,—слышите?

— Слышу, капитанъ, слышу, какъ не слышать!, говорилъ старикъ Джонъ не слишкомъ торопливо, слѣдуя въ то-же время за молодымъ бариномъ въ конюшню. Джонъ смотрѣлъ на молодыхъ господъ, какъ на естественныхъ враговъ старыхъ слугъ, а на молодежь вообще, какъ на довольно неудачную выдумку, безъ которой міръ могъ-бы прекрасно обойтись.

Артуръ зашелъ въ конюшню приласкать Мегъ, стараясь по возможности не замѣчать, что тамъ дѣлается, чтобъ не испортить себѣ настроенія передъ завтракомъ. Хорошенькая лошадка, стоявшая въ одномъ изъ дальнихъ стойлъ, повернула на шаги хозяина свою изящную головку съ кроткими глазами. Крошечная болонка Тротъ—ея неразлучный товарищъ,—лежала, свернувшись клубочкомъ, у нея на спинѣ.

— Ну что, Мегъ, моя красавица, соскучилась стоять, сказалъ Артуръ, похлопывая лошадь по шеѣ.—Погоди—мы съ тобой зададимъ сегодня славную гонку.

— Нѣтъ, ваша милость, сегодня, должно быть, ужъ не придется, проговорилъ на это Джонъ.

— Отчего?

— Да она захромала.

— Захромала?! Ахъ чортъ!... Какимъ это образомъ?

— Мальчишка-конюхъ зазѣвался—подвелъ ее близко къ упряжнымъ лошадямъ, а пристяжной лягнулъ и зашибъ ей переднюю ногу.

Здѣсь разсудительный лѣтописецъ благоразумно умалчиваетъ о томъ, что за симъ воспослѣдовало. Мы можемъ только

догадываться, что дѣло не обошлось безъ крупныхъ словъ, сыпавшихся въ перемежку съ успокоительными „Но-но“ и Тпру!.. не бойся!.., пока шелъ осмотръ ушибленной ноги,—что Джонъ обнаружилъ при этомъ не больше волненія, чѣмъ можно было-бы ожидать отъ деревянной палки, искусно выточенной въ видѣ человѣческой фигуры съ человѣческимъ лицомъ, и что вскорѣ послѣ того Артуръ Доннитернъ вышелъ изъ воротъ конскаго двора, но—уже больше не пѣлъ.

Артуръ былъ разобиженъ до послѣдней степени и очень сердился. Кромѣ Мегъ и Раттлера, на конюшнѣ не было лошадей, которыми онъ и его слуга могли-бы воспользоваться. Это было очень досадно—ужасно досадно! И какъ нарочно все такъ вышло именно тогда, когда ему особенно хотѣлось исчезнуть недѣльки на двѣ. Просто непростительно было со стороны Провидѣнія допустить такое стеченіе обстоятельствъ. Сидѣть взаперти въ этомъ скучномъ замкѣ, со сломанной рукой, когда всѣ твои полковые товарищи веселятся въ Виндзорѣ!.. Наслаждаться обществомъ старика дѣда, который питаетъ къ тебѣ такого-же сорта родственную привязанность, какъ къ своимъ фамильнымъ бумагамъ, да когда еще при этомъ тебя на каждомъ шагу все бѣситъ—всѣ порядки и въ домѣ, и въ имѣньѣ. При такихъ обстоятельствахъ человѣкъ не можетъ не придти въ дурное расположеніе духа, и раздраженіе его неизбѣжно выразиться какимъ нибудь излишествомъ—не въ томъ, такъ въ другомъ. „Сокельдъ тянулъ-бы на моемъ мѣстѣ портвейнъ“ говорилъ себѣ Артуръ, но я теперь не въ настроеніи пить... Ну ладно: нельзя мнѣ ѣхать въ Игльдель, такъ проѣдусь я на Раттлерѣ въ Норбернъ и позавтракаю у Гавэна.

За этимъ намѣреніемъ, выраженнымъ въ словахъ, крылось другое—не выраженное. Оставшись завтракать у Гавэна, онъ непремѣнно засидится и возвратится домой не раньше пяти, когда Гетти будетъ уже благополучно сидѣть въ комнатѣ ключницы. Такимъ образомъ по дорогѣ въ замокъ она не попадется ему на глаза, а къ тому времени, когда она соберется домой, онъ только-что пообѣдаетъ и полѣнится идти въ паркъ,—значитъ такъ они и не встрѣтятся. Конечно, въ сущности нѣтъ ровно ничего дурного въ томъ, что онъ ласковъ съ этой дѣвочкой и, разумѣется, стоитъ протанцовать съ цѣлой дюжиной сельскихъ красавицъ ради того, чтобы полюбоваться ею полчасика; но, пожалуй, все таки лучше не обращать на нее больше вниманія, а то она и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ, что возмечтаетъ, какъ говоритъ Ирвайнъ, хотя онъ, Артуръ, со своей стороны думаетъ, что молодыя дѣвушки вовсе не такія ужъ недотроги, и вскружить имъ голову не такъ-то легко; по крайней мѣрѣ, тѣ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, оказывались обыкновенно вдвое хладнокровнѣе и хитрѣе его самого. Ну, а чтобы Гетти грозила въ этомъ случаѣ серьезная бѣда—объ этомъ не могло быть рѣчи. Артуръ Доннитернъ ручался за себя.

Итакъ, когда солнце показывало полдень, онъ уже скакалъ по дорогѣ къ Норберну. На его счастье Галселльскій общій выгонъ приходился у него на пути, такъ-что онъ могъ пустить хорошимъ галопомъ. „Взять“ нѣсколько канавъ и плетней бываетъ иногда очень полезно: нѣтъ лучшаго средства угомонить сидящаго въ насъ демона, и остается только удивляться, какимъ образомъ центавры, имѣя за собой такое огромное преимущество въ упражненіяхъ этого рода, могли оставить по себѣ такую худую славу въ исторіи.

Послѣ всего этого вы, вѣроятно, удивитесь, когда я вамъ скажу, что хотя все вышло какъ по писанному—Гавэнъ оказался дома и т. д.,—стрѣлка солнечныхъ часовъ во дворѣ замка не успѣла еще хорошенько перейти за три, когда Артуръ влетѣлъ въ ворота, соскочилъ съ запыхавшагося Раттлера и побѣжалъ въ домъ, приказавъ сейчасъ-же подавать ему завтракъ. Но я подозрѣваю, что и послѣ Артура на свѣтѣ былъ не одинъ молодой человѣкъ, которому случалось проскакать нѣсколько миль съ цѣлью избѣжать опасной встрѣчи, а затѣмъ во весь опоръ мчаться назадъ, чтобы не прозѣвать этой встрѣчи. Это любимая военная хитрость нашихъ страстей—забить отбой, обратиться въ притворное бѣгство, и вдругъ повернуть налѣво кругомъ и напасть на человѣка въ тотъ самый моментъ, когда онъ совсѣмъ успокоился, въ полной увѣренности, что поле битвы—на этотъ день, по крайней мѣрѣ,—осталось за нимъ.

— Однако, капитанъ скакалъ, какъ самъ чортъ, сказалъ Дальтонъ, кучеръ, старику Джону, когда тотъ привелъ Раттлера на конскій дворъ. Мистеръ Дальтонъ покуривалъ свою трубочку, прислонившись къ стѣнѣ конюшни, на которой его внушительная фигура выступала въ видѣ каріатиды.

— Хотѣлъ-бы я, чтобъ самъ чортъ убиралъ за нимъ лошадей, проворчалъ въ отвѣтъ Джонъ.

— Да, оно кстати, и конюхъ былъ-бы у него тогда много любезнѣе, чѣмъ теперь, замѣтилъ Дальтонъ, и эта шутка такъ ему понравилась, что, оставшись одинъ, онъ черезъ каждые пять минутъ вынималъ изо рта свою трубку, подмигивалъ воображаемымъ слушателямъ и трясся отъ беззвучнаго желудочнаго смѣха, повторяя мысленно весь діалогъ съ самаго начала, чтобы потомъ съ эффектомъ пересказать его въ людской.

Когда Артуръ послѣ завтрака пришелъ въ свою уборную, ему неизбѣжно должно было припомниться совѣщаніе, которое онъ имѣлъ самъ съ собой поутру; но теперь онъ не могъ надолго остановиться на этомъ воспоминаніи,—не могъ припомнить мыслей и чувствъ, казавшихся ему въ то время такими убѣдительными, какъ не могъ-бы припомнить того запаха, который ворвался къ нему въ комнату вмѣстѣ съ утреннимъ воздухомъ, когда онъ, проснувшись, отворилъ окно. Желаніе видѣть Гетти затопило его душу, какъ плохо запружен-

ный потокъ· онъ самъ удивлялся, какъ могъ пустой капризъ завладѣть имъ такъ сильно: у него даже руки дрожали, когда онъ приглаживалъ передъ зеркаломъ волосы... Да нѣтъ вздоръ!— онъ скакалъ сломя голову и усталъ—вотъ и все. А все оттого, что онъ раздулъ пустяки въ серьезный вопросъ, придавая имъ слишкомъ много значенія. Сегодня онъ еще доставитъ себѣ удовольствіе—повидается съ Гетти, а тамъ выкинетъ изъ головы всю эту исторію, и дѣло съ концомъ. А все Ирвайнъ виноватъ. „Не скажи онъ тогда ничего, я бы и не думалъ о Гетти. Что мнѣ Гетти! Меня гораздо больше занимаетъ то, что Мегъ захромала". Но все равно, сегодня именно такой день, когда пріятно покейфовать въ Эрмитажѣ, и онъ пойдетъ туда послѣ обѣда кончать „Зелуко" доктора Мура. Эрмитажъ стоялъ въ сосновой рощѣ; дорога изъ Большой Фермы пролегала черезъ эту рощу, и Гетти должна была непремѣнно тамъ пройти. Итакъ, ничего не могло быть проще и естественнѣе: встрѣча съ Гетти не будетъ цѣлью его прогулки,— онъ встрѣтитъ ее случайно.

Тѣнь Артура скользила промежь могучихъ дубовъ парка,— скользила быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ тѣни усталаго человѣка въ жаркій день, и не было еще, кажется, четырехъ часовъ, когда онъ уже стоялъ передъ высокой узенькой калиткой, которая вела въ восхительный лабиринтъ лѣса, окаймлявшій одну сторону парка и называвшійся сосновой рощей—не потому, чтобы въ немъ было много сосенъ, а потому, что сосны тамъ попадались. Это былъ смѣшанный лѣсъ, главнымъ образомъ, липовый и буковый,—изрѣдка стрѣчалась и легкая, серебристая березка,—такой именно лѣсъ, который больше всего посѣщается нимфами. Вы видите, какъ мелькаютъ изъ за вѣтвей ихъ бѣлыя, прозрачныя ручки: вамъ кажется, что онѣ выглядываютъ изъ за мягко изгибающагося ствола какой-нибудь высокой липы; вамъ слышится ихъ нѣжный, разсыпчатый смѣхъ;—но если вы вздумаете всматриваться слишкомъ любопытнымъ, кощунственнымъ взглядомъ,—они исчезнутъ за серебристыми буками, ихъ голоса превратятся для васъ въ журчаніе ближняго ручейка, а сами онѣ—въ рѣзвыхъ бѣлокъ, что пускаются отъ васъ на утекъ вверхъ по деревьямъ и потомъ дразнятъ васъ съ самой высокой вѣтки. Это не былъ паркъ съ отмѣренной, ровной травой и усыпанными гравіемъ дорожками для прогулокъ; это былъ лѣсъ, съ узенькими выбитыми тропинками, окаймленными по краямъ блѣдной полоской нѣжнаго моха, какъ будто образовавшимися по волѣ деревьевъ и кустовъ, которые почтительно разступились, давая дорогу высокой царицѣ бѣлоногихъ нимфъ.

Артуръ Доннитрнъ шелъ по самой широкой изъ этихъ тропинокъ, подъ сводомъ вѣтвей буковъ и липъ. Былъ ясный, жаркій день—одинъ изъ тѣхъ дней, когда золотые лучи лѣниво скользятъ по верхнимъ вѣткамъ, лишь изрѣдка загля-

дывая внизъ, бросая на тропинку свой пурпуръ и задѣвая тамъ и сямъ пучекъ моха, — такой день, когда неумолимый рокъ прячетъ свое холодное, зловѣщее лицо за сверкающимъ дымчатымъ покрываломъ, когда онъ обволакиваетъ насъ теплыми пушистыми крыльями и дышетъ на насъ благоуханной отравой фіалокъ. Артуръ шелъ съ книгой подъ мышкой, безпечнымъ шагомъ фланера. но онъ не смотрѣлъ внизъ, какъ это бываетъ съ людьми, углубившимися въ свои мысли; глаза его не отрывались отъ дальняго поворота тропинки, изъ за котораго должна была вскорѣ показаться одна маленькая фигурка. А, вонъ и она! Сперва за кустами мелькнуло яркое пятнышко разныхъ цвѣтовъ — точно райская птица, потомъ появилась и легкая фигурка въ круглой шляпѣ съ корзиночкой на рукѣ... А вотъ и вся она — прелестная дѣвушка—краснѣющая, сіяющая улыбкой, немножко испуганная.. Онъ къ ней подходитъ, и она присѣдаетъ ему съ растерянным и счастливымъ лицомъ... Еслибъ Артуръ успѣлъ хоть немного поразмыслить, ему показалось-бы страннымъ, что и онъ тоже взволнованъ, онъ бы почувствовалъ, что и онъ тоже краснѣетъ... однимъ словомъ, имѣетъ такой растерянный видъ, какъ будто онъ и не думалъ идти сюда въ расчетѣ встрѣтить то, что онъ встрѣтилъ, а какъ будто его захватили врасплохъ. Бѣдныя взрослыя дѣти! Какъ жаль, что они уже вышли изъ той золотой поры дѣтства, когда эта встрѣча не смутила бы ихъ. Встрѣться они тогда, они постояли-бы, поглядѣли-бы другъ на друга съ застѣнчивымъ удовольствіемъ, можетъ быть поцѣловались-бы—легкимъ поцѣлуемъ бабочки,— и побѣжали-бы вмѣстѣ—играть. Потомъ онъ возвратился-бы домой въ свою постельку подъ шелковымъ пологомъ, а она положила-бы головку на свою наволочку изъ домотканной холстины, и оба спали-бы и не видѣли сновъ, а на утро и не вспомнили-бы о вчерашнемъ.

Артуръ повернулся и безъ всякихъ объясненій пошелъ рядомъ съ Гетти. Они были вдвоемъ, наединѣ,—въ первый разъ. Какъ всесильна власть этого перваго свиданія наединѣ! Первыя двѣ, три минуты онъ положительно не смѣлъ взглянуть на эту простенькую деревенскую дѣвушку. А Гетти? — Ея ножки ступали не по землѣ, а по облакамъ; она не шла,— теплый зефиръ несъ ее на своихъ крыльяхъ. Она забыла про свою розовую ленточку и такъ-же мало сознавала присутствіе своихъ рукъ и ногъ, какъ если-бы ея ребяческая душа переселилась въ водяную лилію, что покоится на своемъ влажномъ ложѣ, убаюкиваемая лучами полуденнаго солнца. Какъ это ни странно, но Артуръ именно въ своей робости почерпнулъ успокоеніе, увѣренность въ себѣ: это было совершенно не то состояніе духа, какого онъ ожидалъ для себя отъ этой встрѣчи, и, несмотря на весь хаосъ наполнявшихъ его смутныхъ чувствъ, въ головѣ его, въ эти минуты молчанія, успѣла

сложиться сознательная мысль, что вся его борьба, всѣ его прежнія сомнѣнія были излишни.

— Вы хорошо сдѣлали, что пошли черезъ рощу, сказалъ онъ наконецъ, взглянувъ на нее;—эта дорога гораздо красивѣе, да и короче, чѣмъ всѣ остальныя.

— Да, сэръ, отвѣчала Гетти дрожащимъ голосомъ, еле слышно. Она не имѣла понятія, какъ надо говорить съ такимъ важнымъ бариномъ, какъ мистеръ Артуръ, и самое тщеславіе ея дѣлало ее скупой на слова.

— Вы всякую недѣлю бываете у мистриссъ Помфретъ!

— Да, сэръ,всякій четвергъ, кромѣ тѣхъ дней, когда ей приходится выѣзжать съ миссъ Доннитор нъ.

— Она васъ, кажется, учитъ чему-то?

— Да, сэръ, штопать кружева и чулки. Она научилась этому заграницей. Очень хорошо выходитъ—совсѣмъ незамѣтно, такъ-что нельзя даже сказать, гдѣ штопка, гдѣ чулокъ... Она учитъ меня еще и кроить.

— Развѣ вы собираетесь поступать въ горничныя.

— Да, сэръ, мнѣ бы очень хотѣлось.

Теперь Гетти говорила погромче, но все еще дрожащимъ голосомъ: можетъ быть, она кажется капитану Доннитор ну такой-же глупой, какъ ей—Люкъ Бриттонъ, думала она.

— Мистриссъ Помфретъ, вѣроятно, всегда ждетъ васъ въ это время?

— Она ждетъ меня въ четыре часа. Сегодня я немножко опоздала—тетя не могла отпустить меня раньше,—но у насъ назначено четыре часа, потому-что съ этого часа мистриссъ Помфретъ бываетъ свободна до звонка миссъ Доннитор нъ.

— А, въ такомъ случаѣ я не стану васъ задерживать, а то я показалъ-бы вамъ Эрмитажъ. Вы никогда его не видали?

— Нѣтъ, сэръ.

— Къ нему надо сворачивать вотъ по этой тропинкѣ. Но теперь мы туда не пойдемъ; я покажу вамъ его въ другой разъ, если хотите.

— Да, сэръ, пожайлуста,

— А вы всегда возвращаетесь домой этой дорогой, или можетъ быть вы боитесь идти по лѣсу одна, въ темнотѣ?

— О нѣтъ, сэръ, я никогда не хожу поздно; я выхожу часовъ въ восемь, а теперь по вечерамъ такъ свѣтло. Тетя разсердилась-бы, еслибъ я не пришла домой къ девяти.

— Можетъ быть, васъ провожаетъ Крегъ, нашъ садовникъ?

Яркій румянецъ залилъ лицо и шею Гетти.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не ходитъ со мной!... Право не ходитъ, и никогда не ходилъ! Я бы ему не позволила,—я не люблю его, проговорила она торопливо, и слезы обиды подступили такъ быстро, что не успѣла она договорить, какъ свѣтлая капля покатилась по ея горячей щекѣ. Тогда ей стало до смерти стыдно, что она плачетъ, и на одинъ долгій мигъ все ея счастье

улетѣло. Но въ слѣдующее мгновеніе она почувствовала, какъ чья-то рука обвилась вокругъ ея стана, и нѣжный голосъ сказалъ:

— О чемъ-же вы плачете, Гетти? Я не хотѣлъ васъ обидѣть. Ни за какія сокровища въ мірѣ я не захотѣлъ-бы обидѣть васъ, мой милый цвѣчочекъ! Ну, полно, перестаньте... взгляните на меня, а то я буду думать, что вы никогда меня не простите.

Артуръ положилъ руку на мягкое плечико, бывшее ближе къ нему, и съ нѣжной лаской наклонился къ Гетти. Она подняла свои длинныя рѣсницы, мокрыя отъ слезъ, и увидѣла глаза, глядѣвшіе на нее нѣжнымъ, робкимъ, умоляющимъ взглядомъ. Какъ долго тянулись эти нѣсколько мгновеній, пока они глядѣли другъ на друга, и его руки касались ея! Любовь—такая простая вещь, когда мы переживаемъ двадцать первую нашу весну, и когда прелестная семнадцатилѣтняя дѣвушка дрожитъ подъ нашимъ взглядомъ, какъ розовый бутонъ, открывающій свое сердце утреннимъ лучамъ въ экстазѣ изумленія и восторга. Нетронутыя юныя души соприкасаются мягко и нѣжно, какъ два бархатные персика, когда, скатившись вмѣстѣ, они тихонько останавливаются; онѣ сливаются такъ-же легко, какъ два встрѣчные ручейка, и ничего имъ не надо—дайте имъ только смѣшаться и затеряться въ густой чащѣ листвы... Пока Артуръ глядѣлъ въ глаза Гетти—въ эти молящіе темные глаза—ему было рѣшительно все равно, какимъ языкомъ она говоритъ, и будь въ то время въ модѣ пудра и фижмы, онъ вѣроятно, даже не замѣтилъ-бы, что Гетти недостаетъ этихъ аттрибутовъ высшаго тона.

Но вотъ они отскочили другъ отъ друга съ бьющимися сердцами: что-то съ шумомъ упало на тропинку. Это была корзинка Гетти; всѣ ея рабочія принадлежности разсыпались по землѣ; часть изъ нихъ откатилась довольно далеко. Понадобилось нѣсколько минутъ, чтобы подобрать всѣ вещи, и во все это время не было сказано ни слова; но когда Артуръ повѣсилъ корзинку на руку Гетти, бѣдная дѣвочка почувствовала странную перемѣну въ его обращеніи. Онъ только слегка пожалъ ей руку и сказалъ такимъ тономъ и съ такимъ взглядомъ, что на нее повѣяло холодомъ:

— Не буду васъ больше задерживать,—васъ ждутъ. Прощайте.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ повернулся и пошелъ скорымъ шагомъ по дорогѣ къ Эрмитажу. А Гетти продолжала свой путь какъ во снѣ. Странный сонъ—исполненный противорѣчія! Какимъ опьяняющимъ блаженствомъ онъ для нея начался и какою тоской наполнялъ онъ теперь ея душу!... Встрѣтитъ-ли она его, когда будетъ возвращаться домой? Отчего онъ говорилъ съ нею такъ, точно сердился на нее! И зачѣмъ убѣжалъ такъ внезапно?—и она заплакала, сама не зная о чемъ.

Артуру было тоже очень и очень не по себѣ, но его ощущенія были освѣщены для него болѣе яркимъ свѣтомъ самосознанія. Добѣжавъ до Эрмитажа, который стоялъ въ самой

чащѣ, онъ распахнулъ дверь сильнымъ толчкомъ, захлопнулъ ее за собой, швырнулъ въ уголъ своего „Зелуко“, засунулъ руки въ карманы, прошелся разъ пять или шесть изъ конца въ конецъ маленькой комнатки и сѣлъ на оттоманку въ неловкой, напряженной позѣ человѣка, рѣшившагося не поддаваться овладѣвшему имъ чувству.

Онъ влюбился въ Гетти—это ясно. Онъ готовъ былъ послать къ чорту все на свѣтѣ за возможность отдаться восхитительному чувству, которое онъ только-что въ себѣ созналъ. Безполезно закрывать глаза на совершившійся фактъ: они слишкомъ горячо полюбятъ другъ друга, если будутъ продолжать видѣться. А что изъ этого выйдетъ? Черезъ нѣсколько недѣль ему придется уѣхать, и бѣдная дѣвочка будетъ чувствовать себя несчастной... Нѣтъ, ему нельзя встрѣчаться съ ней наединѣ; надо постараться не попадаться ей больше на глаза. Какой онъ дуракъ, что уѣхалъ отъ Гавэна!

Онъ всталъ и растворилъ всѣ окна, чтобы впустить свѣжаго воздуху. Въ маленькую комнатку Эрмитажа ворвался здоровый запахъ сосенъ, обступавшихъ ее тѣснымъ кольцомъ. Свѣжій воздухъ не помогъ ему въ его борьбѣ съ самимъ собой, пока онъ стоялъ, высунувшись въ окно и, глядя въ зеленую даль, старался укрѣпиться въ принятомъ рѣшеніи. Но онъ считалъ это рѣшеніе принятымъ; обсуждать его дальше не было никакой надобности. Онъ рѣшилъ не встрѣчаться больше съ Гетти—это дѣло конченное. И теперь онъ могъ позволить себѣ помечтать, какъ было-бы пріятно, еслибъ обстоятельства сложились иначе,—какое было-бы счастье опять увидѣть ее, когда вечеромъ она пойдетъ домой, опять обвить рукой ея станъ и заглянуть въ ея милое личико. Онъ спрашивалъ себя, думаетъ-ли она о немъ въ эту минуту, какъ онъ о ней... о да, навѣрное думаетъ! Какъ хороши были ея глаза съ этими слезами на длинныхъ рѣсницахъ! Онъ могъ-бы цѣлый день любоваться ими и былъ-бы совершенно счастливъ... Нѣтъ, ему необходимо видѣть ее еще разъ—хотя-бы для того, чтобы разсѣять ложное впечатлѣніе, которое должно было сдѣлать на нее его сегодняшнее обращеніе съ ней. Онъ поговоритъ съ нею спокойно, просто и ласково,—однимъ словомъ такъ, чтобы не дать ей уйти домой съ головой набитой всякими бреднями... Да въ концѣ концовъ это положительно лучшее, что онъ можетъ сдѣлать.

Прошло много времени—пожалуй, больше часу,—прежде чѣмъ размышленія Артура привели его къ этому пункту; но какъ только этотъ пунктъ былъ рѣшенъ, онъ не могъ усидѣть въ Эрмитажѣ.

Надо было какъ нибудь убить время до свиданія съ Гетти; надо было двигаться, дѣлать что-нибудь. Кстати, пора было уже одѣваться къ обѣду, такъ какъ дѣдъ его обѣдалъ въ шесть часовъ.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЛѢСУ.

Случилось, что въ тотъ-же четвергъ поутру у мистриссъ Помфретъ вышла небольшая ссора съ ключницей, мистриссъ Бестъ,—обстоятельство, имѣвшее два очень выгодныхъ послѣдствія для Гетти. Во первыхъ мистриссъ Помфретъ, сверхъ своего обыкновенія, пожелала пить чай въ своей комнатѣ; во вторыхъ вышеупомянутая маленькая стычка до такой степени оживила въ душѣ этой примѣрной камеръ-фрау воспоминаніе о прежнихъ непріятныхъ пассажахъ въ поведеніи мистриссъ Бестъ и о діалогахъ, въ которыхъ мистриссъ Бестъ безспорно пасовала передъ своей собесѣдницей, мистриссъ Помфретъ, что Гетти понадобилось владѣть собой лишь настолько, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать иголкой да отъ времени до времени вставлять въ разговоръ коротенькое „да“ или „нѣтъ“. Ей очень хотѣлось надѣть шляпку и уйти пораньше, но она сказала капитану Донниторну, что выходитъ обыкновенно около восьми часовъ, и вдругъ онъ придетъ въ рощу, разсчитывая встрѣтить ее, а она уже успѣетъ уйти!... Придетъ-ли онъ?—Ея маленькая птичья душа билась между воспоминаніемъ, сомнѣніемъ и надеждой. Наконецъ минутная стрѣлка старомодныхъ часовъ съ мѣднымъ циферблатомъ подползла на третью четверть восьмого: теперь не было уже никакихъ причинъ медлить. Даже мистриссъ Помфретъ—какъ ни былъ поглощенъ ея умъ личными ея дѣлами,—не могла не замѣтить какой-то новой красоты въ этой очаровательной дѣвушкѣ, когда она завязывала передъ зеркаломъ свою шляпку.

„Эта дѣвочка положительно съ каждымъ днемъ хорошѣетъ“—таково было мысленное заключеніе мистриссъ Помфретъ. „Тѣмъ хуже для нея. Она не найдетъ отъ этого скорѣе ни мѣста, ни мужа. Разсудительные, солидные люди не любятъ имѣть хорошенькихъ женъ. Когда я была дѣвушкой, я не знала счета своимъ поклонникамъ, хоть никогда не была такъ ужъ черезчуръ хороша...

Ну, что бы тамъ ни вышло, а она должна быть благодарна мнѣ за то, что я учу ее полезному дѣлу, которымъ она можетъ заработать кусокъ хлѣба гораздо вѣрнѣе, чѣмъ своей возней по хозяйству. Мнѣ всегда говорили, что у меня доброе сердце, и это сущая правда. Я всегда страдала изъ за своей доброты. Вотъ и теперь: еслибъ не мое доброе сердце, нѣкоторые люди не помыкали-бы мной въ этомъ домѣ, и въ комнатѣ ключницы никто не разыгрывалъ-бы передо мной барыню“.

Гетти торопилась перейти узенькую лужайку передъ домомъ, лежавшую у нея на пути, боясь столкнуться съ мистеромъ Крегомъ: она не могла бы быть съ нимъ учтивой сегодня. Какое облегченіе почувствовала она, когда благопо-

лучно добралась до дубовъ и очутилась въ оградѣ парка! Но даже и тутъ она каждую минуту готова была пугаться, какъ тотъ олень, что шарахнулся въ сторону при ея приближеніи. Она не замѣчала мягкаго вечерняго свѣта, проникавшаго сквозь зелень живыхъ изгородей и выставлявшаго ихъ красоту гораздо ярче, чѣмъ могъ-бы это сдѣлать цѣлый потокъ полуденныхъ лучей. Она не замѣчала окружающаго, не думала о настоящемъ. Она видѣла только возможное—сосновую рощу и мистера Артура Донниторна, идущаго ей на встрѣчу. Таковъ былъ первый планъ картины, которую она себѣ рисовала: дальше былъ розовый туманъ—что-то свѣтлое, волшебное,—рядъ дней, совершенно непохожихъ на всѣ прежніе дни ея жизни. То-же самое она чувствовала-бы, вѣроятно, еслибъ ее полюбилъ рѣчной богъ, который могъ-бы во всякое время взять ее къ себѣ, подъ свое водяное небо, въ свои волшебные чертоги. Послѣ такого необычайнаго, восхитительнаго начала невозможно было сказать, что еще можетъ случиться. Представьте себѣ, что неизвѣстный прислалъ-бы ей ящикъ, наполненный кружевами, шелковыми матеріями и брильянтами;—могло-ли не придти ей въ голову, что вся ея судьба должна измѣниться, что завтра ее ждетъ новая, еще болѣе ошеломляющая радость? Гетти никогда не читала романовъ, и еслибъ ей попался романъ, я думаю, она не осилила-бы словъ,—они показались-бы ей непонятными. Какъ-же могла она найти опредѣленную форму для своихъ ожиданій?—Они были такъ-же безформенны, какъ тотъ сладкій, нѣжащій запахъ, которымъ на нее пахнуло изъ сада, когда она проходила воротами парка.

Но вотъ она и у другихъ воротъ—у тѣхъ, что ведутъ въ сосновую рощу. Она входитъ въ лѣсъ, гдѣ уже начинаетъ смеркаться, и съ каждымъ новымъ шагомъ страхъ леденитъ ей сердце все сильнѣй и сильнѣй.—Что, если онъ не придетъ! О, какъ ужасно думать, что она можетъ пройти весь лѣсъ и выйти съ другого конца въ открытое поле, не видѣвъ его! Она дошла до перваго поворота къ Эрмитажу, замедляя шаги,—здѣсь его нѣтъ. Она ненавидитъ зайченка, перебѣжавшаго тропинку,—она ненавидитъ все на свѣтѣ, кромѣ того, чего она жаждетъ. Она идетъ, ощущая приливъ радости всякій разъ, какъ подходитъ къ новому повороту:—можетъ быть, онъ тамъ.—Нѣтъ и нѣтъ! Ей хочется плакать, ея сердечко готово разорваться, въ глазахъ стоятъ слезы... И вотъ уголки ея рта начинаютъ подергиваться, она громко всхлипываетъ, и слезы катятся по щекамъ.

Она не знаетъ, что есть еще одинъ поворотъ къ Эрмитажу, что она сейчасъ къ нему подойдетъ, и что Артуръ Донниторнъ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нея, поглощенный одной единственной мыслью—мыслью о ней. Онъ пришелъ, чтобы видѣть ее еще разъ; за послѣдніе три часа желаніе видѣть ее разрослось въ немъ до степени лихорадочной жажды. Конечно, онъ

не будетъ говорить съ ней теперь тѣмъ нѣжнымъ, заигрывающимъ тономъ, въ который онъ такъ неосмотрительно впалъ передъ тѣмъ,—о, нѣтъ, напротивъ: онъ пришелъ, чтобъ исправить свой промахъ. Онъ обойдется съ нею, какъ другъ,—просто и вѣжливо; онъ не хочетъ, чтобъ она убѣжала домой, унося съ собой ложное представленіе объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Еслибы Гетти знала, что онъ такъ близко отъ нея, она-бы не плакала, и это было-бы лучше: тогда, можетъ быть, Артуръ нашелъ-бы въ себѣ силы быть разсудительнымъ, какимъ онъ желалъ быть. Теперь-же, услышавъ его шаги въ концѣ боковой дорожки, она вздрогнула и подняла на него глаза, полные слезъ, и онъ видѣлъ, какъ двѣ крупныя капли скатилась по ея щекамъ. Могъ-ли онъ не заговорить съ ней самымъ нѣжнымъ, ласкающимъ тономъ, какимъ мы говоримъ съ хорошенькой большеглазой болонкой, занозившей себѣ лапку?

— Что съ вами, Гетти? Вы испугались? Увидѣли въ лѣсу что-нибудь страшное?... Не бойтесь—теперь я не дамъ васъ въ обиду.

Гетти такъ жестоко покраснѣла, что и сама не знала, счастлива она или несчастна. Господи! опять она плачетъ! Что должны думать молодые господа о дѣвушкахъ, которыя вѣчно плачутъ Она была даже не въ силахъ выговорить „нѣтъ“; она могла только отвернуться, утирая слезы. Но одна свѣтлая капля успѣла таки упасть на ея розовую ленточку—она отлично это замѣтила.

— Ну полно, развеселитесь! Улыбнитесь мнѣ и скажите, о чемъ вы плакали... Скажите-же—я васъ прошу!

Гетти повернула къ нему голову, прошептала: „Я думала, вы не придете“ и, набравшись понемногу храбрости, взглянула на него.—Нѣтъ, это было слишкомъ! Надо было быть египетскимъ сфинксомъ, чтобы не отвѣтить на этотъ взглядъ такимъ-же любящимъ взглядомъ.

— Ахъ, вы пугливая птичка!... Роза въ слезахъ!... Ахъ вы глупенькая дѣвочка! Не смѣйте больше плакать! Не будете?—Вѣдь я теперь съ вами.

Ахъ, онъ и самъ не знаетъ, что̀ говоритъ. Не то хотѣлъ онъ ей сказать. Опять его рука тихонько обвивается вокругъ ея стана, сжимая его все тѣснѣй; лицо все ближе наклоняется къ кругленькой шейкѣ, губы встрѣчаютъ ея пухленькія дѣтскія губки, и на одинъ долгій мигъ время для нихъ исчезаетъ. Кто онъ?—Аркадскій пастушокъ?—первый юноша, цѣлующій первую дѣву?—или, можетъ быть, самъ Эросъ, приникшій къ губкамъ Психеи?—почемъ онъ знаетъ... да и не все-ли равно!

Нѣсколько минутъ послѣ того оба молчали. Они шли впередъ съ бьющимися сердцами, пока не увидѣли воротъ въ концѣ лѣса. Тогда они взглянули другъ на друга—не совсѣмъ такъ, какъ глядѣли раньше: теперь въ ихъ глазахъ было воспоминаніе поцѣлуя.

Но горечь уже начала примѣшиваться къ ихъ блаженству: уже Артуръ почувствовалъ неловкость. Онъ отнялъ руку, обнимавшую Гетти, и сказалъ:

— Вотъ мы и прошли рощу—почти до конца... Который, однако, часъ?—добавилъ онъ, вынимая часы.—Двадцать минутъ девятаго... впрочемъ, мои часы спѣшатъ. Но все таки лучше мнѣ не ходить дальше. Бѣгите скорехонько вашими маленькими ножками и добирайтесь благополучно домой. Прощайте,

Онъ взялъ ея руку и смотрѣлъ на нее съ полупечальной. полуразвязной, натянутой улыбкой. Глаза Гетти какъ будто молили его подождать уходить, но онъ потрепалъ ее по щечкѣ и повторилъ: „Прощайте". Ей оставалось только повернуться и уйти.

А Артуръ?—Почти бѣгомъ пустился онъ назадъ, черезъ лѣсъ, словно хотѣлъ отдѣлить себя отъ Гетти какъ можно большимъ пространствомъ. Онъ больше не пошелъ въ Эрмитажъ: онъ помнилъ, какую борьбу онъ выдержалъ тамъ передъ обѣдомъ,—борьбу, которая окончилась ничѣмъ—хуже, чѣмъ ничѣмъ. Онъ прошелъ прямо въ паркъ, радуясь, что выбрался изъ этой рощи, гдѣ жилъ его злой геній, преслѣдовавшій его. Эти гладкія липы и буки... въ нихъ было что-то опьяняющее. То-ли дѣло крѣпкіе, узловатые старые дубы!—ни намека на нѣгу и лѣнь. Одинъ ихъ видъ придаетъ человѣку бодрости. Артуръ затерялся въ извилистыхъ поворотахъ дорожекъ; онъ блуждалъ безъ мысли и цѣли, не ища выхода, пока сумерки подъ сводомъ вѣтвей не сгустились въ темную ночь, такъ-что заяцъ, перебѣжавшій ему дорогу, казался совсѣмъ чернымъ.

Его волненіе было теперь гораздо глубже, чѣмъ поутру; онъ испытывалъ нѣчто въ родѣ того, что долженъ испытать всадникъ, когда лошадь, которую онъ хотѣлъ заставить сдѣлать скачекъ, поднимется на дыбы, осмѣлившись возстать противъ его власти. Онъ былъ недоволенъ собой; онъ злился, былъ въ отчаяніи. Что́ будетъ, если онъ поддастся чувству, такъ коварно подкравшемуся къ нему въ этотъ день,—если онъ будетъ продолжать видѣться съ Гетти и позволять себѣ съ нею даже такія невинныя ласки, до какихъ онъ уже дошелъ?—Онъ пробовалъ остановиться мыслью на возможныхъ послѣдствіяхъ такого поведенія съ его стороны и отказывался вѣрить, чтобы подобная будущность была возможна для него. Играть въ любовь съ Гетти было совсѣмъ не то, что играть въ любовь съ хорошенькой дѣвушкой своего круга: тутъ такая игра была-бы забавой для обѣихъ сторонъ, и обѣ стороны такъ-бы и понимали ее, или-же—еслибы чувство стало серьезнымъ,—тутъ не было препятствій для брака. Но эта дѣвочка... Стоитъ кому-нибудь увидѣть ихъ вмѣстѣ, и о ней пойдетъ худая слава по всему околотку.. И потомъ эти Пойзеры—такіе чудесные люди, для которыхъ такъ-же дорого ихъ доброе имя, какъ еслибы въ жилахъ ихъ текла самая благородная кровь въ всемъ госу-

дарствѣ... Да онъ просто возненавидитъ себя, если допуститъ себя до такого скандала—въ помѣстьѣ, гдѣ со временемъ онъ будетъ хозяиномъ,—среди арендаторовъ, которые прежде всего должны его уважать. А развѣ онъ не дорожитъ собственнымъ уваженіемъ? Онъ былъ даже не въ состояніи представить себѣ, чтобъ онъ могъ когда-нибудь такъ низко упасть въ своемъ мнѣніи, какъ не могъ-бы вообразить, что онъ сломаетъ обѣ ноги и всю остальную жизнь будетъ ходить на костыляхъ. Да, онъ не могъ вообразить себя въ такомъ положеніи,—это было-бы слишкомъ безобразно, слишкомъ непохоже на него.

И—даже допустивъ, что никто ничего не узнаетъ,—вѣдь они могутъ слишкомъ горячо привязаться другъ къ другу, и тогда въ концѣ концовъ что-же ихъ ждетъ:—горечь разлуки, и только. Не можетъ дворянинъ—не въ романѣ, а въ дѣйствительной жизни,—жениться на племянницѣ фермера... Нѣтъ, надо разомъ покончить съ этой исторіей. Все это слишкомъ нелѣпо.

А между тѣмъ поутру, отправляясь къ Гавэну, онъ, казалось, такъ твердо рѣшился покончить, и пока онъ тамъ сидѣлъ, что-то захватило его вопреки его волѣ и погнало назадъ. Видно, не можетъ онъ полагаться на свои рѣшенія, какъ онъ это воображалъ... Онъ почти желалъ, чтобъ у него опять заболѣла рука,—тогда онъ думалъ-бы только о своей боли и о томъ, какое было-бы облегченіе избавиться отъ нея. Нельзя было даже предугадать, какой новый демонъ овладѣетъ имъ завтра въ этомъ проклятомъ мѣстѣ, гдѣ не было никакихъ увлекательныхъ занятій, которыя наполняли-бы день. Поневолѣ лѣзутъ въ голову глупыя мысли... Чтобы такое сдѣлать, чтобъ оградить себя отъ нихъ на будущее время?

Оставалось только одно средство: онъ поѣдетъ къ Ирвайну и все ему разскажетъ. Уже одно то, что онъ будетъ говорить о своемъ увлеченіи, умалитъ его цѣну въ его собственныхъ глазахъ; искушеніе исчезнетъ, какъ исчезаетъ очарованіе нѣжныхъ словъ, когда мы повторяемъ ихъ равнодушному слушателю. Да, разсказать все Ирвайну... это поможетъ ему во всѣхъ отношеніяхъ. Рѣшено: завтра, сейчасъ-же послѣ завтрака, онъ ѣдетъ въ Брокстонъ прямо къ ректору.

Какъ только Артуръ пришелъ къ этому рѣшенію, онъ началъ соображать, которая изъ тропинокъ должна привести его къ дому, и направился домой кратчайшимъ путемъ. Теперь онъ зналъ, что застанетъ: день былъ достаточно утомительный, и думать больше не было надобности.

ГЛАВА XIV.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.

Пока происходило прощанье въ лѣсу, въ коттеджѣ Бидовъ тоже прощались, и теперь Лизбета съ Адамомъ стояли на крыльцѣ, и она напрягала свои старые глаза, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Сета и Дину, поднимавшихся въ гору по ту сторону ручья.

— Мнѣ жалко, что я больше ея не увижу, сказала она Адаму, когда они вошли въ домъ.—Я хотѣла-бы имѣть ее подлѣ себя до того часа, когда я умру и лягу рядомъ съ моимъ старикомъ. При ней и умирать-то легче,—она говоритъ такъ нѣжно и ласково, и такъ тихо двигается... Я-бы не удивилась, еслибъ мнѣ сказали, что та картинка въ твоей новой библіи нарисована съ нея: знаешь—тотъ ангелъ, что сидитъ на камнѣ у гроба. Да, такую дочь я-бы согласилась имѣть,—только на такихъ рѣдко женятся.

— Ну, мама, я надѣюсь, что она *будетъ* твоею дочерью. Сетъ ее любитъ, и я думаю, что со временемъ и она полюбитъ его.

— Что толку говорить объ этомъ? Она и не думаетъ о Сетѣ. Вонъ теперь уѣзжаетъ за двадцать миль. Какъ-же она его полюбитъ—хотѣла-бы я знать? Развѣ можетъ тѣсто подняться безъ дрожжей? Мнѣ кажется, твои ученыя книги съ цифрами должны-бы тебя этому научить, а то стоитъ-ли ихъ и читать? Ужъ лучше тогда читать обыкновенныя печатныя книги, какъ Сетъ.

— Нѣтъ, мама, проговорилъ со смѣхомъ Адамъ,—хоть цифры учатъ насъ многому, и безъ нихъ мы не далеко-бы ушли, но онѣ ничего не говорятъ намъ о человѣческихъ чувствахъ. Эта статья требуетъ болѣе тонкихъ вычисленій. Но Сетъ такой хорошій парень, какихъ немного среди нашего брата рабочихъ,—умный, съ добрымъ сердцемъ, да и собой недуренъ, и они съ Диной одинаковаго образа мыслей. Онъ стóитъ ея, хоть и нельзя не согласиться, что она рѣдкая женщина. Такую женщину не каждый день встрѣтишь между фабричнымъ людомъ.

— Ну да, я знаю, за брата ты всегда горой. То-же самое было, когда вы были дѣтьми: ты всегда дѣлился съ нимъ всякою малостью. Но Сету только двадцать три года,—гдѣ ему жениться! Ему надо сперва научиться откладывать гроши. Ну, а стóитъ-ли онъ ея или не стóитъ?... На это я скажу: она на два года старше его,—она почти твоя ровесница. Впрочемъ, такъ ужъ ведется на свѣтѣ: люди всегда подбираютъ себѣ самую неподходящую пару.

У женщинъ бываютъ такія настроенія, когда то, чтó *могло-бы* быть, пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ особенную привлекательность по сравненію съ тѣмъ, чтó есть. Адамъ не выражалъ желанія жениться на Динѣ, и Лизбету это сердило, хотя она сердилась-бы нисколько не меньше, еслибъ онъ пожелалъ жениться на Динѣ и такимъ образомъ долженъ былъ-бы отка-

заться отъ Мэри Бурджъ и отъ надежды сдѣлаться компаньономъ ея отца, какъ и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ женился на Гетти.

Было больше половины восьмого, когда у Адама происходилъ съ матерью вышеописанный разговоръ, такъ что когда, минутъ десять спустя, Гетти дошла до перекрестка, откуда ей надо было сворачивать къ фермѣ, она увидѣла Дину и Сета, подходившихъ съ другой стороны, и остановилась, поджидая ихъ. И они тоже немного запоздали, потому-что шли тихо и разговаривали; Динѣ хотѣлось утѣшить и ободрить Сета передъ разлукой. Но, увидавъ Гетти, они остановились и стали прощаться; затѣмъ Сетъ повернулъ назадъ къ дому, а Дина пошла дальше одна.

— Сетъ Бидъ подошелъ-бы поздороваться съ вами, моя милая, сказала она Гетти, когда онѣ сошлись,—но онъ сегодня въ горѣ, вы знаете.

Гетти отвѣтила сіяющей улыбкой, точно не разслышала или не поняла этихъ словъ. Странный контрастъ представляли эти двѣ дѣвушки: сверкающая, поглощенная собой красота Гетти рядомъ съ другимъ, спокойнымъ лицомъ, глядѣвшимъ на нее съ жалостью, открытымъ взглядомъ, говорившимъ, что это сердце живетъ не завѣтными личными тайнами, а любовью, которую оно жаждетъ раздѣлить со всѣмъ міромъ. Гетти любила Дину больше всѣхъ извѣстныхъ ей женщинъ, да и за что ей было не любить человѣка, всегда заступавшагося за нее передъ теткой, когда та ее распекала, и всегда готоваго освободить ее отъ Тотти—несносной маленькой Тотти, которую всѣ баловали, и въ которой она, Гетти, не видѣла ровно ничего занимательнаго. За все свое пребываніе на Большой Фермѣ Дина ни разу не сказала ей ничего непріятнаго, никогда не попрекала и не бранила ее. Много разъ она заговаривала съ нею о серьезныхъ вещахъ, но Гетти это не смущало:—она не слушала. И чтобы тамъ ни говорила ей Дина, почти всегда кончалось тѣмъ, что она гладила ее по щечкѣ и предлагала ей пошить для нея или починить что-нибудь изъ ея вещей. Дина была загадкой для Гетти. Гетти смотрѣла на нее такъ, какъ должна, по всей вѣроятности, смотрѣть какая-нибудь маленькая пичужка, которая можетъ только перепархивать съ вѣтки на вѣтку, на полетъ ласточки или жаворонка; но она не интересовалась подобными загадками, какъ не интересовалась знать, что̀ было изображено на картинкахъ въ „Путешествіи пилигрима“, или въ большой старой библіи, по поводу которыхъ Марти и Томми надоѣдали ей каждое воскресенье.

Дина взяла теперь ея руку и продѣла подъ свою.

— Какой у васъ счастливый видъ сегодня, моя милая дѣвочка,—сказала она.—Я буду часто думать о васъ въ Сноуфильдѣ и видѣть передъ собой ваше личико такимъ, какъ

вижу его теперь. Странная вещь: очень часто, когда я бываю одна—сижу въ своей комнатѣ съ закрытыми глазами, или хожу по нашимъ холмамъ,—люди, которыхъ я видѣла и знала—иногда всего нѣсколько дней—встаютъ передо мной какъ живые; я слышу ихъ голоса, вижу, какъ они смотрятъ и ходятъ, почти такъ-же ясно—даже яснѣй, чѣмъ когда я была съ ними и могла касаться ихъ. И тогда мое сердце рвется къ нимъ; я чувствую за нихъ такъ-же живо, какъ за себя, и мнѣ отрадно говорить о нихъ съ Богомъ и молиться за нихъ и за себя. Я увѣрена, что и вы будете являться мнѣ, когда мы разстанемся.

Она замолчала на минуту, но Гетти ничего не сказала.

— Сегодня я провела очень хорошій день,—продолжала Дина;—сегодня и вчера вечеромъ. Отрадно видѣть двухъ такихъ добрыхъ сыновей, какъ Адамъ и Сетъ Бидъ. Какъ они нѣжно и заботливо относятся къ своей матери! Она мнѣ разсказывала, какъ много дѣлалъ Адамъ всѣ эти годы для отца и для брата. Удивительно, сколько у него ума, познаній и готовности отдавать ихъ на пользу тѣмъ, кто слабѣе его. Я убѣждена, что и сердце у него любящее. Я часто замѣчала между моими земляками въ Сноуфильдѣ, что сильные, умѣлые люди бываютъ особенно добры къ женщинамъ и дѣтямъ. Пріятно смотрѣть, когда такой силачъ несетъ на рукахъ ребенка—безъ всякаго усилія, точно птенчика, Мнѣ кажется, что и дѣти больше любятъ сильныхъ людей, Я увѣрена, что и Адамъ Бидъ будетъ такой-же. А вы, Гетти, несогласны со мной?

— Согласна,—отвѣчала Гетти разсѣянно. Душа ея была все это время въ лѣсу, и еслибъ ее спросили, она-бы затруднилась отвѣтить, съ чѣмъ она соглашалась. Дина видѣла, что она не расположена говорить; впрочемъ, теперь она-бы и не успѣла сказать еще что-нибудь, такъ какъ онѣ подошли къ воротамъ фермы.

Тихія сумерки съ погасающей алой зарею на западѣ и съ двумя-тремя слабо пробивающимися звѣздочками окутывали дворъ фермы. Ни откуда не доносилось ни звука; только лошади бились въ конюшнѣ. Прошло минутъ двадцать послѣ заката; куры давно убрались на насѣстъ, бульдогъ лежалъ на соломѣ подлѣ своей конуры и рядомъ съ нимъ—черная такса. Стукъ захлопнувшейся калитки потревожилъ ихъ сонъ и они подняли лай, какъ два добрые сторожа, еще не зная хорошенько, изъ за чего они лаютъ.

Этотъ лай очевидно произвелъ свое дѣйствіе, ибо когда Дина съ Гетти подходили къ дому, въ дверяхъ показалась, заполняя собою почти все ихъ пространство, рослая фигура мужчины съ черными глазами и румянымъ лицомъ, носившимъ явные признаки способности принимать весьма проницательное, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ—въ рыночные дни, напримѣръ,—и презрительное выраженіе, хотя въ настоящую

минуту на немъ преобладало выраженіе самаго сердечнаго добродушія, какое бываетъ у людей послѣ сытнаго ужина. Извѣстно, что многіе великіе ученые, обнаруживавшіе самую безпощадную суровость въ своихъ критическихъ разборахъ чужихъ научныхъ трудовъ, были самыми снисходительными и мягкими людьми въ частной жизни. Я даже слышалъ объ одномъ ученомъ, покорно качавшемъ лѣвой рукой колыбель съ двумя близнецами въ то время, какъ правая его рука осыпала бичующими сарказмами его противника, обнаружившаго грубое незнаніе еврейскаго языка. Мы должны прощать нашимъ ближнимъ ихъ заблужденія и слабости—увы! никто изъ насъ не свободенъ отъ нихъ!—но человѣкъ, способный ошибаться въ важнѣйшихъ тезисахъ еврейскаго языка, есть врагъ рода человѣческаго, и его надо казнить. Въ Мартинѣ Пойзерѣ была такого именно рода смѣсь самыхъ противуположныхъ свойствъ характера. Онъ обладалъ настолько благородной натурой, что сдѣлался вдвое добрѣе и почтительнѣе къ своему старику-отцу послѣ того, какъ тотъ передалъ ему все свое имущество по дарственной записи, и не было болѣе снисходительнаго судьи, когда дѣло шло о личныхъ недостаткахъ его ближнихъ; но къ плохимъ хозяевамъ-фермерамъ такимъ, какъ Люкъ Бреттонъ, напримѣръ,—пахавшимъ землю небрежно, не имѣвшимъ понятія объ основныхъ правилахъ проведенія канавъ и обнаруживавшимъ слабую сметку при покупкѣ на зиму дровъ, Мартинъ Пойзеръ былъ жестокъ и неумолимъ, какъ сѣверный вѣтеръ. Люкъ Бриттонъ не могъ сдѣлать самаго простого замѣчанія о погодѣ, чтобы Мартинъ Пойзеръ не открылъ въ немъ несомнѣнныхъ признаковъ той безтолковости и невѣжества, какими отличались всѣ хозяйственныя операціи этого жалкаго фермера. Ему было противно смотрѣть, когда этотъ человѣкъ подносилъ ко рту кружку съ пивомъ въ буфетѣ „Короля Георга“ въ рыночный день, и всякій разъ, когда они встрѣчались на дорогѣ, черные глаза мистера Пойзера принимали строгое, критическое выраженіе, не имѣвшее ничего общаго съ тѣмъ отеческимъ взглядомъ, какимъ онъ встрѣтилъ теперь двухъ своихъ племянницъ, когда тѣ подошли къ дому. Мистеръ Пойзеръ курилъ свою вечернюю трубку, заложивъ руки въ карманы,—единственный рессурсъ человѣка, который еще бодрствуетъ, передѣлавъ всѣ свои дневныя дѣла.

— Однако, дѣвочки, вы сегодня поздненько,—сказалъ онъ, когда онѣ поднялись на крыльцо.—Мать начала уже безпокоиться о васъ, а тутъ еще Тотти у нея захворала... Ну, что, Дина, какъ вы нашли старуху Бидъ? Очень она убивается по своемъ старикѣ? Въ послѣднія пять лѣтъ онъ былъ для нея порядочной обузой.

— Она очень горюетъ о немъ,—отвѣчала Дина;—впрочемъ, сегодня она какъ будто поспокойнѣе. Адамъ пробылъ дома

весь день—дѣлалъ гробъ отцу,—а она любитъ, когда онъ съ нею. Она цѣлый день говорила со мной о немъ. У нея любящее сердце, только характеръ безпокойный: слишкомъ легко она волнуется и сама себя мучитъ. Жаль, что у нея нѣтъ болѣе надежной поддержки подъ старость,—тогда-бы ей легче жилось.

— Адамъ надежная поддержка для нея,—сказалъ мистеръ Пойзеръ, не понявъ Дину.—Можно съ увѣренностью сказать, что онъ пойдетъ въ гору. Это не пустой колосъ, отъ котораго никому нѣтъ добра, и я головой поручусь, что онъ до конца останется добрымъ сыномъ, какимъ всегда былъ. Не говорилъ онъ, когда онъ къ намъ придетъ?—Но что-жъ это я васъ держу у дверей?—входите, входите,—прибавилъ онъ, пропуская ихъ въ домъ.

Высокія надворныя строенія усиливали темноту на дворѣ, закрывая часть неба, но большое окно чистой кухни пропускало достаточно свѣта, такъ-что можно было разсмотрѣть каждый ея уголокъ.

Мистриссъ Пойзеръ сидѣла въ креслѣ-качалкѣ, принесенномъ изъ „парадной гостиной", и укачивала Тотти. Но Тотти была совсѣмъ нерасположена спать. Увидѣвъ входящихъ кузинъ, она приподнялась на колѣняхъ у матери и показала пару пылающихъ щекъ, казавшихся еще толще отъ бѣлаго полотнянаго чепчика, завязаннаго у нея подъ подбородкомъ.

Въ большомъ плетеномъ креслѣ по лѣвую сторону камина сидѣлъ Мартинъ Пойзеръ-отецъ,—здоровый старикъ, вылитый портретъ своего рослаго черноволосаго сына, только съежившійся и какъ будто полинявшій. Онъ сидѣлъ, слегка свѣсивъ голову, отставивъ локти назадъ и положивъ обѣ руки на ручки кресла. Его синій бумажный платокъ былъ разложенъ у него на колѣняхъ, какъ всегда, когда онъ былъ дома: все остальное время платокъ болтался у него на головѣ. Старикъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ спокойнымъ взглядомъ здоровой старости, уже не имѣющей своей внутренней жизни и внутреннихъ интересовъ,—тѣмъ внѣшнимъ взглядомъ, который подмѣчаетъ булавки на полу, съ необъяснимымъ, безцѣльнымъ упорствомъ слѣдитъ за малѣйшими вашими движеніями, за колебаніемъ пламени въ каминѣ, за игрой солнечныхъ лучей на стѣнѣ, или пересчитываетъ квадратики паркета и даже находитъ удовольствіе въ созерцаніи движенія часовой стрѣлки и въ ритмическомъ тиканьѣ часовъ.

— Гетти, можно-ли возвращаться такъ поздно!—сказала мистрисъ Пойзеръ.—Взгляни на часы: скоро половина десятаго. Вотъ уже полчаса, какъ я отослала дѣвушекъ спать, да и то слишкомъ поздно. Вѣдь завтра вамъ вставать въ половинѣ пятаго—косцовъ кормить, хлѣбы печь... А тутъ еще дѣвочка моя вся въ жару; Господь ее знаетъ, что̀ съ ней такое; не спитъ да и только. Некому было даже помочь мнѣ дать

ей лѣкарство; мы съ твоимъ дядей совсѣмъ измучились, пока заставили ее проглотить, да и то половину она выплюнула на рубашку, и я боюсь, что теперь оно ей не поможетъ, а только повредитъ. Но это всегда такъ: когда человѣкъ не любитъ работать, ему удивительно на это везетъ; какъ только въ домѣ есть дѣло, тутъ-то его и не сыщешь.

— Еще восьми не было, когда я вышла, тетя,—проговорила Гетти сварливо и слегка мотнувъ головой.—Но наши часы такъ забѣгаютъ впередъ противъ тамошнихъ, что невозможно угадать, когда вернешься домой.

— А, такъ тебѣ хотѣлось-бы, чтобъ наши часы шли по господскимъ,—чтобы по вечерамъ мы даромъ жгли свѣчи и валялись въ постели, пока солнце не начнетъ насъ припекать, какъ огурцы въ парникахъ?.. Да и, наконецъ, насколько мнѣ извѣстно, наши часы не первый день забѣгаютъ впередъ.

Дѣло въ томъ, что Гетти совсѣмъ позабыла объ этой разницѣ часовъ, когда говорила капитану Доннитерну, что она выходитъ въ восемь; а потомъ она еще тихо шла и, благодаря всему этому, опоздала почти на полчаса. Но здѣсь вниманіе ея тетки было отвлечено отъ этой щекотливой темы. Тотти, сообразивъ мало-по-малу, что появленіе кузинъ не обѣщаетъ принести ей лично никакихъ особенныхъ выгодъ, начала барахтаться и закричала во все горло:

— Мама, мама!

— Ну, что ты, моя кошечка? Мама съ тобой, мама никуда не уйдетъ. Я знаю, Тотти у меня добрая дѣвочка; она сейчасъ уснетъ,

Съ этими словами мистриссъ Пойзеръ откинулась назадъ и принялась качаться, прижимая Тотти къ себѣ и стараясь ее успокоить. Но Тотти раскричалась еще пуще и сказала: „Не качай!“ И бѣдная мать съ тѣмъ удивительнымъ терпѣніемъ, какимъ надѣляетъ любовь даже самые нетерпѣливые характеры, снова выпрямилась, прижалась щекой къ бѣлому чепчику, поцѣловала его и позабыла распекать Гетти.

— Пойди-ка въ кладовую, Гетти, возьми себѣ поужинать, а то со стола все уже убрано,—сказалъ Мартинъ Пойзеръ примирительнымъ тономъ; — а потомъ придешь подержать Тотти, пока твоя тетка раздѣнется, потому-что дѣвочка ни за что не ляжетъ безъ матери. Я думаю, и вы, Дина, не прочь чего-нибудь закусить:—у нихъ вѣдь тамъ нѣтъ разносоловъ.

— Нѣтъ, дядя, благодарю васъ,—отвѣчала Дина;—я отлично поужинала; мистрисъ Бидъ испекла пирогъ нарочно для меня.

— Я тоже не стану ужинать,—сказала Гетти, снимая шляпку.—Я могу и сейчасъ подержать Тотти, если нужно.

— Что за вздоръ!—сказала мистриссъ Пойзеръ.—Не можешь-же ты жить безъ ѣды; не будешь ты сыта тѣмъ, что воткнешь въ голову красную ленточку. Ступай, дитя мое,

ступай сію минуту и поужинай. Въ шкапу стоитъ хорошій кусокъ холоднаго пуддинга—такого, какъ ты любишь.

Гетти безмолвно повиновалась и ушла въ кладовую, а мистриссъ Пойзеръ заговорила съ Диной.

— Садись, моя милая, спустись съ облаковъ на минуту и дай себѣ отдыхъ... Должно быть, старуха была тебѣ рада, что ты пробыла тамъ долго?

— Да, въ концѣ концовъ она, кажется, была рада, но сыновья ея говорятъ, что она вообще не любитъ молодыхъ женщинъ, да мнѣ и самой показалось сначала, что она почти разсердилась, зачѣмъ пришла.

— Охъ, плохое это дѣло, когда старики не любятъ молодежь, проговорилъ старикъ Мартинъ и свѣсилъ голову еще ниже, какъ-будто изучая рисунокъ на квадратахъ паркета.

— Да, тому не жить въ курятникѣ, кто не выноситъ мухъ, сказала мистрисъ Пойзеръ.—Всѣ мы были молоды въ свое время, хоть и не всѣмъ намъ хорошо жилось.

— Ну, ужъ какъ она себѣ хочетъ, а ей придется помириться съ молодыми женщинами, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ.—Нельзя-же разсчитывать, чтобы Адамъ и Сетъ оставались холостяками еще десять лѣтъ ради того, чтобъ угодить матери. Это было-бы нелѣпое требованіе. Никто не въ правѣ думать только о себѣ—будь то старикъ или молодой: во всякомъ договорѣ надо соблюдать обоюдную выгоду. Я не стою за ранніе браки; я всегда говорю: прежде, чѣмъ жениться, молодой человѣкъ долженъ умѣть отличить яблоню отъ дичка. Но не все-же ждать,—вѣдь этакъ и время упустишь.

— Конечно, согласилась мистрисъ Пойзеръ: это все равно какъ съ обѣдомъ: пропустишь свой часъ, такъ и ѣсть не захочется,—все тебѣ кажется невкусно... поболтаешь, поболтаешь ложкой и встанешь голодный. Кушанье тутъ ни причемъ: не кушанье не вкусно, а аппетита нѣтъ—вотъ въ чемъ бѣда.

Тутъ Гетти вернулась изъ кладовой и сказала:

— Тетя, теперь я могу взять Тотти, если хотите.

— Отдай ей дѣвочку, Рахиль, сказалъ мистеръ Пойзеръ, такъ какъ жена его, видимо, колебалась, поглядывая на Тотти, которая, наконецъ, примостилась у нея на колѣняхъ и затихла.—Пусть она снесетъ ее наверхъ, а ты пока раздѣвайся. Ты устала сегодня, тебѣ давно пора лечь, а то смотри—опять захвораешь.

— Ну, хорошо, пусть возьметъ, если дѣвочка пойдетъ къ ней, сказала мистрисъ Пойзеръ.

Гетти подошла къ креслу и стояла безъ своей всегдашней улыбки и не дѣлая никакихъ попытокъ переманить къ себѣ Тотти, а спокойно ожидая, чтобы тетка передала ее ей.

— Пойдешь къ кузинѣ Гетти? Пойдешь, моя милочка, пока мама раздѣнется? А потомъ Тотти ляжетъ къ мамѣ въ постельку и будетъ спать тамъ всю ночь.

Не успѣла мать договорить, какъ Тотти дала свой отвѣтъ, въ значеніи котораго нельзя было ошибиться: наморщивъ лобъ и закусивъ нижнюю губу своими бѣленькими зубками, она наклонилась впередъ и изо всѣхъ силъ ударила Гетти по рукѣ, послѣ чего, не говоря ни слова, опять прижалась къ матери.

— Ай, ай, какъ не стыдно! сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Не хочешь идти къ кузинѣ Гетти? Такъ дѣлаютъ только маленькія глупыя дѣти, а Тотти у насъ уже большая, она все понимаетъ.

— Не уговаривай—все равно ничего не выйдетъ, сказала ему жена.—Когда ей нездоровится, она всегда гонитъ прочь Гетти. Можетъ быть, она пойдетъ къ Динѣ.

Дина, снявъ свою шляпку и шаль, сидѣла до сихъ поръ въ сторонкѣ, не желая навязываться со своими услугами и вмѣшиваться въ дѣло, которое считалось лежащимъ на обязанности Гетти. Но теперь она подошла къ креслу, протянула руки и сказала:

— Поди ко мнѣ, Тотти, поди къ Динѣ! Она снесетъ тебя наверхъ, и мама пойдетъ вмѣстѣ съ нами. Бѣдная, бѣдная мама! она такъ устала! ее надо уложить.

Тотти повернулась къ Динѣ лицомъ, поглядѣла на нее съ минуту, потомъ приподнялась, протянула къ ней ручки и позволила себя взять. Гетти отошла безъ всякихъ признаковъ досады и, взявъ со стола свою шляпку, остановилась съ равнодушнымъ видомъ, ожидая, не прикажутъ-ли ей еще чего-нибудь.

— Теперь можно запирать двери, Пойзеръ; Аликъ давно вернулся, сказала мистрисъ Пойзеръ, поднимаясь на ноги съ видимымъ облегченіемъ.—Подай мнѣ спички, Гетти; мнѣ придется зажечь ночникъ въ моей комнатѣ.—Пойдемте, батюшка.

Тяжелые деревянные болты застучали по всему дому, и старикъ Мартинъ сталъ готовиться идти на покой; онъ забралъ въ одну руку свой синій платокъ, а другою потянулся въ уголъ за стоявшей тамъ орѣховой палкой съ набалдашникомъ. Затѣмъ вся семья отправилась спать—въ сумерки, какъ птицы. Мистрисъ Пойзеръ шла впереди, а за ней старикъ дѣдъ и Дина съ Тотти на рукахъ. Мистрисъ Пойзеръ по дорогѣ заглянула въ комнату, гдѣ спали два ея мальчика, чтобъ увидѣть еще разъ передъ сномъ ихъ круглыя, румяныя щечки и услышать ихъ глубокое, ровное дыханіе.

— Иди-ка спать, Гетти, проговорилъ мистеръ Пойзеръ ласковымъ голосомъ, проходя къ себѣ.—Ты не хотѣла запоздать, я увѣренъ. Тетка твоя сегодня измучилась, потому и сердилась. Покойной ночи, дѣвочка, спи спокойно.

ГЛАВА XV.

ДВѢ СПАЛЬНИ.

Гетти и Дина спали въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ смежныхъ комнатахъ, меблированныхъ очень скудно, даже безъ занавѣсокъ на окнахъ, такъ-что свѣтъ проходилъ въ нихъ свободно. А теперь взошла луна, и было настолько свѣтло, что Гетти могла ходить по своей комнаткѣ и раздѣваться съ полнымъ удобствомъ. Ей были видны всѣ колышки въ старомъ крашеномъ шкапу, гдѣ она вѣшала свои платья и шляпку; она могла различить каждую булавочку на своей красной подушечкѣ для булавокъ и даже видѣть достаточно отчетливо собственное отраженіе въ старомодномъ зеркалѣ, принимая во вниманіе, что ей нужно было только пригладить волосы и надѣть ночной чепчикъ. Странное старинное зеркало! Гетти сердилась на него почти всякій разъ, какъ ей приходилось одѣваться. Оно считалось очень красивымъ зеркаломъ въ свое время и, вѣроятно, было пріобрѣтено семьей Пойзеровъ четверть столѣтія тому назадъ, если не больше, на какой-нибудь распродажѣ мебели въ старинномъ барскомъ домѣ. Даже и теперь каждый аукціонистъ оцѣнилъ-бы его въ хорошую цѣну: на немъ оставалось еще много почернѣвшей отъ времени позолоты; у него была прочная подставка краснаго дерева съ безчисленнымъ множествомъ выдвижныхъ ящиковъ, которые надо было дергать изо всей силы для того, чтобъ открыть, причемъ ихъ содержимое выскакивало изъ самыхъ дальнихъ угловъ, избавляя васъ отъ труда нырять въ глубину ящика; но главное — по обѣимъ сторонамъ зеркала были придѣланы мѣдные подсвѣчники, что̀ придавало ему до послѣдней степени аристократическій видъ. Но Гетти не любила это зеркало за то, что все его стекло было въ какихъ-то тусклыхъ пятнахъ, которыя не было возможности оттереть, и еще за то, что оно не могло качаться взадъ и впередъ, а было укрѣплено въ вертикальномъ положеніи, такъ-что для того, чтобы видѣть свою голову и шею, ей нужно было сѣсть на низенькій стулъ передъ своимъ туалетомъ. Да и туалетъ этотъ былъ вовсе не туалетъ, а маленькій старый комодикъ—самая неудобная вещь въ мірѣ, когда приходится сидѣть передъ нимъ. Большія мѣдныя ручки ящиковъ не давали ей какъ слѣдуетъ подвинуться къ зеркалу, и она постоянно ушибала о нихъ колѣни. Но маленькія неудобства никогда еще, кажется, не мѣшали ревностнымъ поклонникамъ божества выполнять свои религіозныя церемоніи, а Гетти въ этотъ вечеръ была больше чѣмъ когда-либо расположена поклоняться своему божеству.

Снявъ платье и бѣлый платочекъ, она вынула ключъ изъ большого привязного кармана, висѣвшаго у нея поверхъ

юбки, и, отомкнувъ одинъ изъ нижнихъ ящиковъ комода, достала два коротенькіе огарка восковыхъ свѣчъ (секретно купленныхъ въ Треддльстонѣ) и вставила ихъ въ мѣдные подсвѣчники. Затѣмъ изъ того-же ящика она вытащила пачку спичекъ, зажгла свѣчи, и, наконецъ, достала грошевое зеркальце въ простой крашеной рамкѣ, но безъ пятенъ. Усѣвшись на стулъ, она первымъ дѣломъ посмотрѣлась въ это зеркальце. Съ минуту она глядѣла на себя, слегка согнувъ голову на бокъ и улыбаясь, потомъ положила зеркальце на комодъ и достала изъ верхняго ящика щетку и гребень. Она рѣшила распустить волосы, чтобъ быть похожей на тотъ портретъ знатной дамы, что́ висѣлъ въ уборной миссъ Лидіи Доннитернъ. Сказано — сдѣлано, и темныя блестящія кудри упали ей на шею. Это не были тяжелыя массивныя косы, а мягкія пряди шелковистыхъ волосъ, завивавшихся въ изящныя кольца, какъ только имъ давали свободу. Она откинула ихъ назадъ, какъ на портретѣ, и они спустились темнымъ покрываломъ, красиво обрисовавъ ея круглую бѣлую шейку. Послѣ этого она отложила въ сторону щетку и гребень и посмотрѣлась въ большое зеркало, сложивъ передъ собой руки— опять-таки какъ на портретѣ. И даже старое истертое зеркало не могло не показать ей прелестнаго образа—ничуть не менѣе прелестнаго оттого, что корсетъ ея былъ не изъ бѣлаго атласа — какіе, по всей вѣроятности, носятъ всѣ героини, — а изъ темной зеленоватой бумажной матеріи.

О, да. Она очень хороша,—и капитанъ Доннитернъ это находитъ. Лучше всѣхъ въ Гейслопѣ,—лучше всѣхъ знатныхъ дамъ, какихъ ей только доводилось видѣть въ замкѣ (да правду сказать, знатныхъ дамъ, кажется, и не бываетъ другихъ, кромѣ старыхъ и безобразныхъ); лучше миссъ Кэконъ, дочери мельника, которая слыветъ красавицей въ Треддльстонѣ. Сегодня Гетти смотрѣла на себя съ совершенно новымъ чувствомъ, какого она никогда еще не испытывала: подлѣ нея былъ невидимый зритель, чьи глаза ласкали ее, какъ лучи утренняго солнца ласкаютъ цвѣты. Его нѣжный голосъ вновь и вновь повторялъ тѣ милыя слова, которыя онъ говорилъ ей въ лѣсу; его рука обвивала ея станъ, и она опять слышала тонкій ароматъ розъ, которымъ были пропитаны его волосы. Самая тщеславная женщина никогда не сознаетъ вполнѣ своей красоты, пока ее не полюбитъ человѣкъ, чья страсть заставитъ трепетать ея собственное сердце.

Но должно быть Гетти рѣшила, что ей чего-нибудь не хватаетъ, потому что она встала и достала изъ шкапа съ бѣльемъ старый кружевной черный шарфъ, а изъ завѣтнаго ящика, гдѣ у нея хранились огарки,—пару большихъ серегъ. Шарфъ былъ старый-престарый, весь въ дыркахъ, но онъ будетъ красиво облегать ея плечи и ярче выставитъ бѣлизну ея рукъ. Она вынула изъ ушей маленькія сережки, которыя

всегда носила (охъ, какъ бранила ее тетка за то, что она проколола себѣ уши!) и вдѣла большія. Онѣ были изъ простого цвѣтного стекла въ позолоченой мѣдной оправѣ, но если не знать, изъ чего онѣ сдѣланы, то видъ онѣ имѣли совершенно такой, какъ и тѣ, что носятъ знатныя дамы. И она опять сѣла, съ большими серьгами въ ушахъ и съ чернымъ кружевнымъ шарфомъ, красиво разложеннымъ по плечамъ. Она поглядѣла на свои руки: трудно было найти болѣе красивыя руки—сверху до локтя и немного пониже,—такія онѣ были бѣленькія, пухленькія, всѣ въ ямочкахъ; но дальше къ кисти (думала она съ огорченіемъ) онѣ совсѣмъ загрубѣли отъ вѣчной возни съ масломъ и отъ другой черной работы, которой никогда не дѣлаютъ знатныя дамы.

Капитанъ Доннитрнъ не захочетъ, чтобъ она продолжала работать; онъ захочетъ видѣть ее въ хорошенькихъ платьяхъ, въ тонкихъ башмакахъ и бѣлыхъ чулкахъ—можетъ быть, съ шелковыми стрѣлками. Навѣрно онъ очень ее любитъ: никто еще никогда не обнималъ ее и не цѣловалъ такъ, какъ онъ. Онъ женится на ней и сдѣлаетъ изъ нея важную даму. Она едва осмѣливалась дать этой мысли опредѣленную форму, но какъ-же могло быть иначе? Они обвѣнчаются тайно, какъ обвѣнчался докторскій помощникъ мистеръ Джемсъ съ племянницей доктора, и вѣдь очень долго никто ничего не подозрѣвалъ, а потомъ ужъ было поздно сердиться. Докторъ самъ разсказалъ всю эту исторію ея теткѣ, а она слышала. Она не знаетъ, какъ все это будетъ, но, разумѣется, старому сквайру ничего нельзя говорить,—она упадетъ въ обморокъ со страха, если встрѣтится съ нимъ въ замкѣ. Онъ такой важный... можетъ быть, онъ и не человѣкъ—почемъ она знаетъ! Ей даже въ голову не приходило, что и онъ былъ когда-нибудь молодымъ, какъ всѣ люди; для нея онъ былъ всегда старымъ сквайромъ, котораго всѣ боялись... Охъ, невозможно и представить себѣ, какъ все это случится! Но капитанъ Доннитрнъ все устроитъ, онъ настоящій баринъ; онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и купить все, что ему вздумается. Теперь вся ея жизнь перемѣнится. Можетъ быть, когда-нибудь она сдѣлается важной барыней, будетъ разъѣзжать въ собственной каретѣ, надѣвать къ обѣду шелковое затканное платье и носить перья на головѣ; и платье ея будетъ волочиться по полу, какъ у миссъ Лидіи и у лэди Дэси въ тотъ вечеръ, когда онѣ входили въ столовую, а она поглядывала въ маленькое круглое окошечко изъ сѣней. Только она не будетъ такой старой и безобразной, какъ миссъ Лидія, и такой толстухой, какъ лэди Дэси. Она будетъ хорошенькая и будетъ хорошо одѣваться—носить все разныя прически и каждый день надѣвать новое платье—сегодня бѣлое, завтра малиновое—она не могла рѣшить, какое лучше. И, можетъ быть, Мэри Бурджъ и всѣ онѣ здѣсь увидятъ, какъ она будетъ проѣзжать въ своей каретѣ, или, вѣрнѣе,

услышать объ этомъ, потому что невозможно представить себѣ, чтобы все это случилось въ Гейслопѣ на глазахъ ея тетки. При мысли обо всемъ этомъ великолѣпіи Гетти быстро встала со стула, задѣла концомъ своего шарфа за маленькое зеркальце въ крашеной рамкѣ, и оно со стукомъ упало на полъ. Но она была такъ поглощена своими мечтами, что и не подумала его поднять; она только вздрогнула въ первую минуту испуга и потомъ принялась ходить по комнатѣ съ граціей маленькой птички, старающейся принять величественный видъ, въ своемъ цвѣтномъ корсетѣ и пестрой юбкѣ, съ старымъ кружевнымъ шарфомъ на плечахъ и въ большихъ стеклянныхъ серьгахъ.

Какъ хороша была эта кошечка въ своемъ странномъ нарядѣ! Ничего не могло быть легче, какъ влюбиться въ нее—такъ много дѣтской округлости было въ ея лицѣ и фигурѣ, такъ очаровательно ложились изящныя кольца волосъ вокругъ ея ушекъ и шейки, такъ загадочно глядѣли ея большіе темные глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, точно въ нихъ сидѣлъ шаловливый бѣсенокъ, которому доставляло удовольствіе васъ дразнить.

О, какой драгоцѣнный призъ достанется тому, кто женится на такой обворожительной дѣвушкѣ! Какъ будутъ завидовать ему другіе мужчины, когда она появится съ нимъ подъ руку за свадебнымъ завтракомъ въ своей бѣлой фатѣ и цвѣтахъ! Прелестное, пухленькое, гибкое, нѣжное юное существо! Навѣрно и сердце у нея такое-же нѣжное, въ характерѣ нѣтъ угловатостей, натура кроткая и податливая. Если бракъ окажется неудачнымъ, въ этомъ будетъ мужъ виноватъ: онъ можетъ сдѣлать изъ нея все, что захочетъ—это ясно. И самъ влюбленный такого-же мнѣнія: милая крошка такъ любитъ его, маленькія проявленія ея тщеславія такъ плѣнительны, что онъ и не желаетъ видѣть ее иною; всѣ эти кошачьи движенія и кошачьи взгляды—это именно то, что нужно человѣку, чтобы превратить въ рай его домашній очагъ. Каждый мужчина при такихъ обстоятельствахъ считаетъ себя великимъ физіономистомъ. Онъ знаетъ, что природа имѣетъ свой языкъ—всегда строго правдивый, и онъ признаетъ себя знатокомъ этого языка. Природа открыла ему характеръ его милой въ этихъ тонкихъ линіяхъ щеки, губъ и подбородка, въ изящно очерченныхъ вѣкахъ, нѣжныхъ, какъ лепестки цвѣтка, въ длинныхъ, загнутыхъ кверху, рѣсницахъ, въ темной, влажной глубинѣ этихъ удивительныхъ глазъ. Какъ эта женщина будетъ дрожать надъ своими дѣтьми! Она сама почти дитя, и эти маленькія, пухленькія, розовыя созданія будутъ жаться къ ней, какъ бутоны къ распустившейся розѣ. А мужъ будетъ смотрѣть на нихъ съ благосклонной улыбкой, зная, что онъ во всякую минуту можетъ удалиться въ святилище своей мудрости, на которое его кроткая жена будетъ взирать съ по-

чтеніемъ, не дерзая приподнять даже уголка таинственной завѣсы. Это будетъ бракъ, какіе бывали въ золотомъ вѣкѣ, когда всѣ мужчины были само величіе и мудрость, а всѣ женщины—красота и любовь.

Такъ приблизительно, только другими словами, думалъ о Гетти нашъ другъ Адамъ Бидъ. Когда въ ея обращеніи съ нимъ онъ видѣлъ одно холодное тщеславіе, онъ говорилъ себѣ: „Это потому, что она не любитъ меня", и нисколько не сомнѣвался, что любовь ея—для того, кому она ее отдастъ,—будетъ драгоцѣннѣйшимъ даромъ, какой только доставался человѣку на землѣ. Прежде чѣмъ вы начнете презирать Адама за отсутствіе проницательности, будьте добры—спросите себя, бывали-ли въ когда-нибудь расположены думать дурно о хорошенькой женщинѣ,—могли-ли вы когда-нибудь безъ очевидныхъ, фактическихъ доказательствъ повѣрить дурному о красавицѣ изъ красавицъ, околдовавшей васъ? Нѣтъ,—тотъ, кто любитъ пушистые персики, легко забываетъ о косточкѣ и зачастую жестоко ушибаетъ о нее зубы.

Артуръ Доннитернъ имѣлъ о Гетти такое-же представленіе, насколько онъ вообще размышлялъ объ ея нравственныхъ свойствахъ. Онъ считалъ ее милымъ, добрымъ, любящимъ существомъ. Тотъ, кому случилось пробудить первую, трепещущую страсть въ сердцѣ молоденькой дѣвушки, всегда считаетъ ее любящей, и если онъ склоненъ заглядывать въ будущее, онъ, по всей вѣроятности, воображаетъ себя добродѣтельно-нѣжнымъ супругомъ. И въ самомъ дѣлѣ: бѣдняжка такъ преданно его любитъ,—жестоко было-бы не отвѣчать ей такою-же нѣжностью. Самъ Богъ создалъ женщинъ такими: и это имѣетъ большія удобства для мужчины, особенно когда придетъ старость и болѣзнь.

Короче говоря, я того мнѣнія, что даже мудрѣйшіе изъ насъ способны обманываться такимъ образомъ и думать о человѣкѣ лучше или хуже, чѣмъ онъ заслуживаетъ. Природа имѣетъ свой языкъ, и языкъ правдивый, но мы далеко еще не изучили всѣхъ трудностей ея синтаксиса и при торопливомъ чтеніи ея книгъ легко можемъ ошибаться въ ихъ истинномъ смыслѣ. Длинныя темныя рѣсницы... что можетъ быть изящнѣе этого? Невольно мы ожидаемъ встрѣтить глубокую душу за этими глубокими сѣрыми глазами съ длинными рѣсницами, вопреки горькому опыту, показавшему намъ, что они могутъ уживаться съ обманомъ, разсчетомъ и глупостью. Но если по реакціи, подъ вліяніемъ разочарованія, мы пристрастимся къ рыбьимъ глазамъ, получится поразительное тождество результата. Въ концѣ концовъ начинаешь подозрѣвать, что не существуетъ никакого прямого соотношенія между рѣсницами и душой, или-же, что эти темныя чудесныя рѣсницы выражали во время оно характеръ какой-нибудь распра-

бабки нашей красавицы, что̀ для насъ не такъ уже важно, принимая въ разсчетъ всѣ обстоятельства.

Не могло быть рѣсницъ красивѣе, чѣмъ у Гетти, и теперь, когда она расхаживаетъ по своей комнаткѣ съ величественной граціей голубки, любуясь своими плечами, поражающими бѣлизной въ рамкѣ изъ чернаго кружева, темная бахрома этихъ рѣсницъ превосходно выдѣляется на ея розовыхъ щечкахъ. Картины будущаго, которыя рисуетъ ея узкая фантазія—смутны и неопредѣленны, но центральная фигура каждой картины —она сама въ богатомъ нарядѣ. Капитанъ Донниторнъ на второмъ планѣ, хоть и близко отъ нея; онъ обнимаетъ ее, можетъ быть цѣлуетъ, а всѣ остальные восхищаются ею и завидуютъ ей,—особенно Мэри Бурджъ въ своемъ новомъ ситцевомъ платьѣ, которое выглядитъ такимъ жалкимъ рядомъ съ ея собственнымъ блистательнымъ туалетомъ. Примѣшивается-ли какое нибудь радостное или грустное воспоминаніе къ этимъ мечтамъ о будущемъ,—хоть крупица признательности и любви къ ея вторымъ отцу и матери, къ дѣтямъ, которыхъ она помогала ростить, къ какому-нибудь товарищу ея ребяческихъ игръ, къ любимому животному,—память о чемъ-нибудь дорогомъ въ ея дѣтствѣ?—Ничего. Есть растенія, почти лишенныя корней; вы можете вырвать такое растеніе изъ расщелины его родного утеса или изъ трещины въ стѣнѣ, пересадить въ вашъ цвѣточный горшокъ,—и оно будетъ рости и цвѣсти нисколько не хуже. Гетти ничего не стоило отбросить всю свою прошлую жизнь и потомъ никогда не вспомнить о ней. Я подозрѣваю, что у нея не было никакого чувства къ старому дому, гдѣ она выросла, что длинный рядъ мальвъ и розы ихъ стараго сада были ей ничуть не милѣе, если не хуже, цвѣтовъ въ другихъ садахъ. Удивительно, какъ мало заботливости выказывала она своему дядѣ, который былъ ей добрымъ отцомъ; не было, кажется, случая, чтобъ она во-время и безъ напоминаній подала ему его трубку, развѣ что въ присутствіи гостя, который могъ удобнѣе любоваться ею, когда она проходила къ печкѣ мимо него. Она не понимала, какъ можно любить пожилыхъ людей. Ну, а о дѣтяхъ и говорить нечего. Эти несносныя ребятишки Марти, Томми и Тотти положительно отравляли ей жизнь: они были хуже тѣхъ назойливыхъ мухъ, что жужжатъ у васъ надъ ухомъ и лѣзутъ къ вамъ въ жаркій день, когда такъ хочется покоя. Марти, старшій, былъ груднымъ младенцемъ, когда она переѣхала къ нимъ на житье (всѣ дѣти, родившіяся до него, умирали), такъ-что вся тройка выросла на ея рукахъ. Всѣ они были съ нею почти постоянно: бѣжали за ней въ припрыжку, когда она шла въ поле, или играли подлѣ нея въ ненастные дни въ пустыхъ комнатахъ большого стараго дома. Отъ мальчиковъ она теперь избавилась; но Тотти была ея вѣчной болячкой—хуже обоихъ мальчиковъ вмѣстѣ, потому что съ нею больше носились.

А шитье и починка дѣтскаго платья—вѣдь имъ конца не было! Гетти была-бы рада-радехонька никогда больше не видѣть дѣтей; они были даже хуже ягнятъ—противныхъ ягнятъ, которыхъ пастухъ постоянно приносилъ по веснѣ и съ которыми ей приходилось возиться: ягнята по крайней мѣрѣ скоро выростали, и она избавлялась отъ нихъ. Цыплятъ и индюшатъ она тоже терпѣть не могла; она возненавидѣла-бы самое слово „высиживать", если бы тетка, поручая ей уходъ за своимъ птичникомъ, не пообѣщала отдавать въ ея пользу всю прибыль отъ одной птицы изъ каждаго выводка. Кругленькіе, покрытые пушкомъ цыплятки, выглядывающіе изъ-подъ крыльевъ матери, не доставляли ей ни малѣйшаго удовольствія своимъ видомъ: такая красота не трогала ее; на нее гораздо больше дѣйствовала красота модныхъ вещицъ, которыя она покупала себѣ на Треддльстонской ярмаркѣ на доходы съ этихъ цыплятъ. А между тѣмъ, нагибаясь, чтобъ подложить намоченный въ молокѣ мякишъ хлѣба подъ рѣшето, гдѣ сидѣли цыплята, она была такъ обворожительно мила со своими плутовскими глазками и ямочками на щекахъ, что надо было быть очень проницательнымъ человѣкомъ, чтобы заподозрить ее въ такой черствости. Работница Молли со своимъ вздернутымъ носомъ и выдающейся нижней челюстью была добрая дѣвушка съ нѣжнымъ сердцемъ—настоящій алмазъ въ уходѣ за птицей, какъ говорила о ней мистрисъ Пойзеръ; но на ея деревянномъ лицѣ нельзя было увидѣть и тѣни той материнской радости, какою наполнялъ ея сердце видъ маленькихъ птичекъ, какъ нельзя видѣть сквозь стѣнки темнаго глинянаго горшка свѣта горящей въ немъ лампочки.

Женскій глазъ всегда первый подмѣтитъ изъяны, скрывающіеся подъ обманчивыми чарами красоты; неудивительно поэтому, что мистрисъ Пойзеръ, съ отличавшей ее проницательностью, и имѣя достаточно случаевъ для наблюденій, составила довольно вѣрное представленіе о томъ, чего можно было ожидать отъ Гетти въ области чувства, и въ минуты негодованія говорила съ мужемъ по этому поводу съ большой откровенностью.

— Она все равно, что павлинъ, который будетъ стоять на стѣнѣ и распускать свой хвостъ въ ясный день, хоть тутъ перемри вся деревня. Ее ничто не трогаетъ; даже когда мы думали, что Тотти упала въ колодезь, ей и тогда было все равно. Я не могу вспомнить безъ ужаса объ этомъ происшествіи! Помнишь, какъ мы ее нашли? Милый мой ангелочекъ! стоитъ себѣ у самаго колодца въ своихъ новенькихъ башмачкахъ, по щиколку въ грязи, и кричитъ такъ, что, кажется, сердце у нея разорвется. Но Гетти это нисколько не тронуло—я отлично замѣтила,—хотя она знаетъ дѣвочку съ пеленокъ и почти что выняньчила ее. У нея жесткое, каменное сердце—я въ этомъ увѣрена.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ мистеръ Пойзеръ,—не суди ее слишкомъ строго. Молодыя дѣвушки—что незрѣлыя зерна. Со временемъ выйдетъ толкъ и изъ Гетти, а пока что̀ съ нея взять?—молодо—зелено. Погоди: будетъ у нея добрый мужъ, будутъ дѣти,—и ты ея не узнаешь.

— Да я и не хочу судить ее слишкомъ строго. Руки у нея золотыя, и она можетъ быть очень полезна, когда захочетъ. Еслибъ не она, я не знаю, что-бы я дѣлала съ масломъ: по этой части она настоящая мастерица... Ну, да что-бы тамъ изъ нея ни вышло,—она тебѣ племянница, и я съ своей стороны сдѣлаю для нея все, что въ моихъ силахъ. Да я уже и сдѣлала: я научила ее всѣмъ домашнимъ работамъ, я не устаю твердить ей объ ея обязанностяхъ, хотя—видитъ Богъ — я едва дышу иной разъ, когда ко мнѣ подступитъ эта ужасная боль. Съ тремя работницами въ домѣ надо имѣть вдвое больше силъ, чтобъ успѣвать присматривать за ними и не давать имъ гулять. Это все равно, что жарить ростбифъ въ трехъ печкахъ: не успѣешь перевернуть одинъ кусокъ, какъ другой уже подгорѣлъ.

Гетти боялась тетки ровно настолько, чтобы стараться скрывать передъ нею свое тщеславіе, когда это могло быть достигнуто безъ слишкомъ крупныхъ жертвъ. Она не могла не накупать себѣ хорошенькихъ бездѣлушекъ, хотя мистрисъ Пойзеръ и не одобряла этого,—соблазнъ былъ слишкомъ великъ; но она была-бы готова умереть отъ стыда, досады и испуга, еслибъ ея тетка отворила къ ней дверь въ эту минуту и увидала-бы ее съ ея зажженными огарками, выступающею по комнатѣ въ кружевномъ шарфѣ и серьгахъ. Во избѣжаніе подобныхъ сюрпризовъ Гетти всегда запирала свою дверь на задвижку. Она не забыла запереть ее и теперь, и хорошо сдѣлала, потому что въ дверь тихонько постучались. Съ бьющимся сердцемъ она кинулась гасить свои свѣчи и прятать ихъ въ ящикъ. Она не посмѣла снять серегъ, боясь слишкомъ промедлить, но сбросила шарфъ, и онъ упалъ на полъ. Тутъ къ ней опять постучались.

Чтобы узнать происхожденіе этого стука, мы должны разстаться на время съ Гетти и возратиться къ Динѣ въ тотъ моментъ, когда, передавъ Тотти на руки матери, она поднялась наверхъ въ свою спальню, примыкавшую къ комнаткѣ Гетти. Дина очень любила окно своей спальни, потомучто изъ него открывался широкій видъ на поля. Толстая стѣна образовала подъ самымъ окномъ большой выступъ, гдѣ Дина поставила себѣ стулъ. И теперь, придя въ свою комнату, она прежде всего сѣла на этотъ стулъ и стала глядѣть на мирныя поля, за которыми, надъ длинной линіей вязовъ, поднимался полный мѣсяцъ. Она больше любила пастбища, гдѣ ходилъ молочный скотъ, но ей нравились и луга съ наполовину скошенной травой, лежавшей серебристыми, волнистыми рядами. Сердце ея

было переполнено: еще только одну ночь ей оставалось любоваться этими полями, а потомъ Богъ знаетъ, когда она ихъ увидитъ. Но не полей ей было жалко,—унылый Сноуфильдъ имѣлъ для нея не меньше привлекательности: она думала о дорогихъ ей людяхъ, чью жизнь она дѣлила среди этой мирной природы,—о тѣхъ, кто теперь всегда будетъ жить въ ея признательной памяти. Она думала объ испытаніяхъ и борьбѣ, быть можетъ ожидавшихъ этихъ людей въ ихъ дальнѣйшемъ жизненномъ странствіи, когда ея не будетъ съ ними, и она не будетъ знать, какъ имъ живется, и вскорѣ гнетъ этой мысли сдѣлался такъ тяжелъ, что она не могла уже наслаждаться равнодушной тишиной освѣщенныхъ луною полей. Она закрыла глаза, чтобы сильнѣе ощущать въ себѣ присутствіе любви и сочувствія, болѣе глубокихъ и нѣжныхъ, чѣмъ тѣ, какими дышали небо и земля. Это былъ ея обыкновенный способъ молиться—закрыть глаза и отдаться ощущенію присутствія Бога. И тогда всѣ ея страхи, ея горячая тревога за другихъ, мало по малу таяли, какъ льдинки въ теплыхъ водахъ океана. Она просидѣла такимъ образомъ не меньше десяти минутъ—сложивъ руки на колѣняхъ, не шевелясь, со спокойнымъ лицомъ, на которомъ игралъ блѣдный свѣтъ мѣсяца,—когда внезапный рѣзкій стукъ, выходившій, повидимому, изъ комнаты Гетти, заставилъ ее вздрогнуть. Но какъ это всегда бываетъ, когда мы задумаемся,—звукъ дошелъ до нея не вполнѣ явственно, такъ-что она не могла отдать себѣ отчета въ его происхожденіи. Она встала и прислушалась, но все было тихо, и она подумала, что вѣрно Гетти, ложась въ постель, уронила какую-нибудь вещь. Она, не спѣша, начала раздѣваться; но теперь, по ассоціаціи идей, подъ впечатлѣніемъ этого стука, мысли ея сосредоточились на Гетти—на этомъ прелестномъ юномъ существѣ, чья жизнь со всѣми ея испытаніями была еще впереди. Бѣдная дѣвочка!—до такой степени неподготовленная къ высокимъ обязанностямъ жены и матери, которыя ее ожидали,—вся поглощенная мелкими, себялюбивыми удовольствіями, какъ дитя, улыбающееся своей куклѣ въ началѣ долгаго и труднаго пути, на которомъ его ожидаютъ и голодъ и холодъ, и мракъ безпріютныхъ скитаній. Дина вдвойнѣ страдала за Гетти, ибо она дѣлила съ Сетомъ его горячее участіе къ судьбѣ его брата, а ей еще не было ясно, что Гетти не любитъ Адама настолько, чтобы стать его женой. Она слишкомъ хорошо видѣла отсутствіе живой, самоотверженной любви въ натурѣ Гетти, чтобы принимать ея холодность къ Адаму за доказательство того, что она не любитъ его и никогда не полюбитъ какъ мужа. И эта душевная пустота не только не возбуждала въ ней отвращенія, но наполняла ея сердце еще болѣе глубокой жалостью: прелестное личико дѣйствовало на нее, какъ всегда дѣйствуетъ красота на чистую, нѣжную душу, свободную отъ эгоизма и зависти. Красота—чудный даръ Божій,

заставляющій насъ только больнѣе чувствовать пустоту, грѣхъ и скорбь, когда онъ достается имъ въ удѣлъ, какъ больнѣе бываетъ намъ видѣть червоточину въ бутонѣ бѣлой лиліи, чѣмъ въ какомъ-нибудь простомъ, обыкновенномъ цвѣткѣ.

Къ тому времени, когда Дина раздѣлась и накинула ночную рубаху, это чувство тревоги за Гетти достигло тягостной степени напряженности; воображеніе рисовало ей терновую чащу грѣха и скорби, въ которой несчастная дѣвушка билась, изнемогая въ непосильной борьбѣ, истекая кровью, взывая со слезами о помощи и не находя ея. Съ Диной всегда такъ бывало: ея фантазія и горячее участіе къ ближнему работали непрерывно, взаимно подогрѣвая другъ друга. И теперь ею овладѣло страстное желаніе пойти къ Гетти и вылить передъ нею всѣ слова нѣжнаго предостереженія и мольбы, которыя тѣснились ей съ душу. Но можетъ быть Гетти уже спитъ? Дина приложилась ухомъ къ перегородкѣ и услыхала шумъ легкихъ движеній, убѣдившій ее, что Гетти еще не ложилась. Но она все-еще колебалась: она еще не получила прямого божественнаго указанія; голосъ, побуждавшій ее идти, звучалъ, казалось ей, не громче другого голоса, говорившаго, что Гетти устала, и что если придти къ ней не въ пору, это можетъ только хуже ожесточить ея сердце. Дина не могла удовлетвориться тѣмъ, что говорили ей эти внутренніе голоса; ей нужно было болѣе ясное внушеніе, въ которомъ нельзя было-бы ошибиться. Было настолько свѣтло, что, раскрывъ свою библію, она легко различитъ текстъ. который ей попадается, и будетъ знать, что ей дѣлать. Она знала въ лицо каждую страницу своей библіи и могла сказать, не глядя на заглавіе, на какой книгѣ и даже на какой главѣ она раскрылась. Это былъ толстый маленькій томикъ, истертый по краямъ. Дина поставила его корешкомъ на подоконникъ, гдѣ было больше свѣту, и раскрыла указательнымъ пальцемъ. Первыя слова, попавшіяся ей на глаза, приходились вверху, на лѣвой страницѣ: „Тогда немалый плачъ былъ у всѣхъ, и, падая на выю Павла, цѣловали его“. Этого было довольно для Дины: ей попалось извѣстное прощанье съ Ефесеянами, когда апостолъ Павелъ раскрылъ имъ свое сердце въ послѣднемъ горячемъ увѣщаніи. Она не колебалась больше и, отворивъ тихонько дверь, подошла къ комнатѣ Гетти и постучалась. Мы уже знаемъ, что ей пришлось постучаться два раза, потому что Гетти надо было успѣть погасить свѣчи и сбросить свой шарфъ, но послѣ второго стука дверь сейчасъ-же отворилась. Дина спросила: „Можно мнѣ войти, Гетти?“, и Гетти, не отвѣчая (потому что ей было стыдно и досадно), распахнула дверь и впустила ее.

Какой странный контрастъ представляли эти двѣ дѣвушки при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, боровшемся со свѣтомъ луны! Гетти съ пылающими щеками и блестящими глазами, взвол-

нованная своими грезами на яву, съ прекрасными обнаженными руками и шеей, съ распущенными волосами, сбѣгавшими ей на спину темной волной, съ серьгами въ ушахъ,—и Дина въ своей длинной бѣлой рубахѣ, съ выраженіемъ сдержаннаго волненія на блѣдномъ лицѣ, напоминающая прекрасное тѣло усопшей, къ которому душа вернулась, обогащенная новыми высокими тайнами и новой великой любовью. Онѣ были почти одного роста,—Дина чуть-чуть повыше: это было особенно замѣтно, когда она обняла Гетти за талію и поцѣловала въ лобъ.

— Я знала, что еще не спите, дорогая моя, сказала она своимъ нѣжнымъ, чистымъ голосомъ, который раздражалъ Гетти, потому-что звучалъ не въ тонъ ея мелочной досадѣ;—я слышала, какъ вы ходили по комнатѣ, и мнѣ захотѣлось еще разъ побесѣдовать съ вами; вѣдь мнѣ осталось пробыть здѣсь еще только одну ночь, а мы не знаемъ, что будетъ съ нами завтра. Можно мнѣ посидѣть съ вами, пока вы причешетесь на ночь?

— Конечно, отвѣчала Гетти, поспѣшно поворачиваясь и подавая стулъ, очень довольная тѣмъ, что Дина не обратила, повидимому, вниманія на ея серьги.

Дина сѣла, а Гетти взяла щетку и начала приглаживать волосы съ тѣмъ преувеличеннымъ видомъ равнодушія, какой всегда принимаютъ сконфуженные люди. Но выраженіе глазъ Дины мало-по-малу успокоило ее: эти глаза глядѣли прямо, очевидно не замѣчая мелочей.

Дорогая Гетти, начала Дина,—сейчасъ я раздумалась о васъ, и мнѣ пришло въ голову, что можетъ настать день, когда васъ посѣтитъ горе. Горе—нашъ общій удѣлъ на землѣ, и у каждаго изъ насъ бываетъ такая пора, когда онъ нуждается въ утѣшеніи и поддержкѣ, какихъ не можетъ дать ему ничто въ его земной жизни. Я пришла вамъ сказать, что если у васъ когда-нибудь будетъ горе, и вы будете нуждаться въ другѣ, который любилъ-бы васъ и сочувствовалъ вамъ, вы найдете этого друга въ Динѣ Моррисъ. Тогда приходите къ ней или пришлите за ней, она къ вамъ придетъ. Помните: она никогда не забудетъ этой ночи и тѣхъ словъ, которыя она вамъ теперь говоритъ. Будете помнить, Гетти?

— Да, отвѣчала Гетти, начиная пугаться.—Но почему вы думаете, что у меня будетъ горе? Вы что-нибудь знаете?

Гетти теперь сѣла, чтобъ завязать свой чепчикъ. Дина наклонилась къ ней, взяла ее за руки и сказала:

— Потому, дорогая, что горе посѣщаетъ каждаго изъ насъ. Мы прилѣпляемся сердцемъ къ благамъ земнымъ, которыя Господу не угодно намъ дать, и скорбимъ, не получая ихъ. Люди, которыхъ мы любимъ, умираютъ, и ничто насъ не радуетъ, потому что ихъ нѣтъ съ нами. Приходитъ болѣзнь, и мы изнемогаемъ подъ бременемъ нашего слабаго тѣла. Мы сбиваемся съ прямого пути, грѣшимъ и ссоримся съ людьми,

нашими братьями. Нѣтъ на землѣ человѣка—женщины и мужчины, — на долю котораго не выпали-бы какія-нибудь изъ этихъ испытаній; придется пережить ихъ и вамъ—я это чувствую, и мнѣ искренно хотѣлось-бы ради васъ, чтобы пока вы молоды,—вы искали опоры у вашего Небеснаго Отца, потому что эта опора никогда не измѣнитъ вамъ въ черный день.

Дина замолчала и выпустила руки Гетти. Гетти не шевелилась; въ душѣ ея не было отклика на эти пылкія воззванія, но слова Дины, произнесенныя торжественнымъ, патетически-отчетливымъ голосомъ, оледенили ужасомъ ея сердце. Румянецъ ея пропалъ; она была теперь почти блѣдна: это былъ страхъ эпикурейской, жаждущей наслажденій натуры, которую малѣйшій намекъ на страданіе заставляетъ содрогаться. Дина замѣтила дѣйствіе своихъ словъ и заговорила еще настойчивѣе, еще горячее. Кончилось тѣмъ, что Гетти, подъ вліяніемъ смутной боязни, что съ нею должно случиться въ будущемъ что-то очень дурное, заплакала.

Низшая натура не въ состояніи понять высшую, но высшая понимаетъ низшую вполнѣ и до тонкости—такъ всѣ мы думаемъ и часто говоримъ. Но я того мнѣнія, что высшая натура доходитъ до этого пониманія тяжелымъ, долгимъ опытомъ, какъ дитя, которое учится видѣть и часто дѣлаетъ себѣ больно, потому что берется за предметъ не съ того конца, или не можетъ соразмѣрить пространства. Дина никогда еще не видѣла Гетти такою взволнованной и со своей всегдашней готовностью отдаваться надеждѣ, приписала это волненіе дѣйствію Благодати. Она поцѣловала рыдающую дѣвушку и расплакалась сама отъ радости и признательности. Но Гетти была просто напугана; она находилась въ томъ возбужденномъ состояніи духа, когда невозможно бываетъ предугадать, какое направленіе приметъ чувство въ слѣдующій моментъ, и въ первый разъ ласка Дины разсердила ее. Она рѣзко ее оттолкнула и сказала капризнымъ, ребяческимъ тономъ:

— Не говорите такъ со мной, Дина! Зачѣмъ вы пугаете меня?—я ничего вамъ не сдѣлала. Оставьте меня въ покоѣ!

У бѣдной Дины больно сжалось сердце. Она была слишкомъ умна, чтобы настаивать болѣе, и отвѣчала кротко:

— Простите, дорогая моя, я вижу—вы устали. Я не стану вамъ больше мѣшать. Ложитесь поскорѣе въ постель. Доброй ночи.

Она вышла быстро и не слышно, какъ духъ, но, очутившись у своей постели, упала на колѣни и вылила въ безмолвной молитвѣ страстную жалость, наполнявшую ея душу.

А Гетти очень скоро была опять въ лѣсу, ея грезы на яву перемѣшались со снами, почти такими-же смутными и отрывочными.

ГЛАВА XVI.

ЗВЕНЬЯ ДЛИННОЙ ЦѢПИ.

Артуръ Доннитор нъ, если вы помните, далъ себѣ слово съѣздить къ мистеру Ирвайну въ пятницу утромъ, и теперь онъ проснулся и одѣвается. Онъ проснулся такъ рано, что рѣшилъ ѣхать до завтрака. Онъ знаетъ, что ректоръ завтракаетъ въ половинѣ десятаго, одинъ, такъ какъ дамамъ его завтракъ подается позже, отдѣльно. А за ѣдой какъ-то легче все говорится.

Благодаря прогрессу цивилизаціи, завтраки и обѣды, къ общему удобству и удовольствію, замѣнили у насъ другія, болѣе сложныя и непріятныя церемоніи. Наши заблужденія представляются намъ не въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, когда нашъ отецъ-проповѣдникъ выслушиваетъ наши признанія за чашкой кофе или кушая яйцо.

При такихъ условіяхъ мы какъ-то яснѣе сознаемъ, что о строгой карѣ небесной не можетъ быть рѣчи, въ примѣненіи къ джентльмену просвѣщеннаго вѣка, и что смертный грѣхъ вполнѣ совмѣстимъ съ хорошимъ аппетитомъ. Нападеніе на нашъ карманъ, которое во времена варварства было-бы произведено въ грубой формѣ пистолетнаго выстрѣла, представляетъ вполнѣ благовоспитанную и пріятную процедуру въ наши дни, когда оно производится подъ видомъ просьбы о займѣ, закинутой вскользь, въ дружеской бесѣдѣ, между вторымъ и третьимъ стаканомъ кларета.

Но старыя, суровыя формы имѣли то преимущество, что въ выполненіи принятаго вами рѣшенія онѣ связывали васъ какимъ-нибудь внѣшнимъ дѣйствіемъ. Когда вы приложили губы къ одному концу отверстія въ стѣнѣ и знаете, что на другомъ ея концѣ есть ухо, ожидающее вашихъ признаній, вы вѣрнѣе скажете то, что были намѣрены сказать и зачѣмъ явились сюда, чѣмъ когда вы сидите за накрытымъ столомъ, въ удобной позѣ, вытянувъ ноги, и противъ васъ сидитъ собесѣдникъ, у котораго не будетъ никакихъ причинъ удивляться, если вы не скажете ему ничего особеннаго.

Тѣмъ не менѣе Артуръ Доннитор нъ, проѣзжая верхомъ по полямъ, извилистой дорожкой, на которую весело свѣтитъ утреннее солнце, имѣетъ самое искреннее намѣреніе открыть свое сердце ректору, и свистъ косы на лугу кажется ему вдвое пріятнѣе, благодаря такому честному намѣренію. Онъ радуется тому, что погода обѣщаетъ установиться, потому что фермеры уберутъ теперь свое сѣно, за которое они такъ боялись; а дѣлить общую радость такъ пріятно,—въ этомъ чувствѣ есть что-то такое здоровое, что эта мысль объ уборкѣ сѣна сейчасъ-же сказывается на его настроеніи, и осуществленіе принятаго рѣшенія кажется ему легче. Городской жи-

тель скажетъ, пожалуй, что дѣйствіе на душу подобныхъ впечатлѣній существуетъ развѣ только въ дѣтскихъ книжкахъ, но когда живешь среди луговъ и полей, невозможно бываетъ не поддаться иногда вліянію простыхъ радостей, которыя даетъ намъ природа.

Артуръ уже проѣхалъ Дейслопъ и перевалилъ къ Брокстону, на противоположный склонъ холма, когда на поворотѣ дороги, ярдахъ во ста впереди, онъ увидѣлъ фигуру мужчины, въ которомъ невозможно было не признать Адама Бида, еслибъ даже не было тутъ сѣрой безхвостой овчарки, которая бѣжала за нимъ. Адамъ шелъ своимъ всегдашнимъ быстрымъ шагомъ, и Артуръ долженъ былъ пришпорить лошадь, желая нагнать его поскорѣй, ибо онъ слишкомъ хорошо сохранилъ свое дѣтское чувство къ Адаму, чтобъ упустить случай поболтать съ нимъ. Я, впрочемъ, не скажу, чтобы желаніе покровительствовать не играло никакой роли въ его привязанности къ этому честному малому: нашъ другъ Артуръ любилъ поступать красиво, и любилъ, чтобы его красивыми поступками любовались.

Адамъ обернулся на ускоренный темпъ лошадиныхъ копытъ и остановился, поджидая всадника и приподнявъ надъ головой съ веселой улыбкой свою бумажную шапочку. Не было на свѣтѣ молодого человѣка, для котораго Адамъ былъ-бы готовъ столькимъ пожертвовать, какъ для Артура Донниторна (не считая, разумѣется, брата его Сета), и ни одну изъ своихъ вещей ему не было-бы, кажется, такъ жалко потерять, какъ двухфутовую складную линейку, которую онъ всегда носилъ въ карманѣ, и которая была подаркомъ Артура, купленнымъ имъ на свои карманныя деньги, когда онъ былъ еще бѣлокурымъ одиннадцатилѣтнимъ мальчуганомъ, и когда онъ такъ хорошо воспользовался уроками Адама в ъ плотничномъ и токарномъ мастерствѣ, что всѣ женщины въ домѣ не знали, куда дѣваться отъ его щедрыхъ подношеній въ видѣ катушекъ для наматыванія нитокъ и круглыхъ ящичковъ для клубковъ. Адамъ положительно гордился маленькимъ сквайромъ въ тѣ давно улетѣвшіе дни, и это чувство почти не измѣнилось за то время, которое понадобилось бѣлокурому мальчугану, чтобъ превратиться въ юношу съ бакенбардами. Адамъ—долженъ я сознаться, былъ очень чувствителенъ къ обаянію высокаго сана и всегда готовъ отдать болѣе чѣмъ должную дань уваженія всѣмъ, стоявшимъ выше его: онъ вѣдь былъ не философъ и не пролетарій съ демократическими идеями, а просто дюжій и сметливый плотникъ; почтительность къ высшимъ была у него въ крови, заставляя его признавать всѣ установленныя права, пока онъ не видѣлъ особенно вѣскихъ основаній оспаривать ихъ. У него не было никакихъ теорій переустройства міра; онъ зналъ только, что строить изъ сырого лѣса—значитъ даромъ переводить мате-

ріалъ,—что неряшливая столярная работа никуда не годится,—что когда невѣжественные люди въ щегольскомъ платьѣ начнутъ сочинять планы постройки мастерскихъ, складочныхъ магазиновъ и т. п., это не приноситъ ничего, кромѣ вреда,—что контракты, составленные на скорую руку, неизбѣжно разоряютъ которую-нибудь изъ сторонъ; это онъ твердо зналъ и говорилъ себѣ, что никогда не будетъ поступать такимъ образомъ. Въ этихъ и тому подобныхъ пунктахъ онъ готовъ былъ отстаивать свое мнѣніе противъ самаго богатаго землевладѣльца во всемъ Ломширѣ и Стонширѣ, но внѣ этой области онъ чувствовалъ, что ему лучше было молчать и положиться на мнѣніе людей, болѣе свѣдущихъ. Онъ прекрасно видѣлъ, какъ плохо было поставлено лѣсоводство въ имѣньи Доннитороновъ и въ какомъ позорномъ состояніи находились постройки на тамошнихъ фермахъ, и если-бы старый сквайръ спросилъ его о причинѣ такихъ безпорядковъ, онъ высказалъ-бы ему свое мнѣніе, не сморгнувъ, хотя, высказывая это мнѣніе, ни на минуту не забылъ-бы, что онъ говоритъ съ съ джентльменомъ. Слово „джентльменъ“ имѣло обаяніе для Адама и, какъ онъ самъ нерѣдко говорилъ, онъ терпѣть не могъ людей, которые старались быть дерзкими съ высшими, разсчитывая этимъ отличиться. Я долженъ опять-таки напомнить вамъ, что въ жилахъ Адама текла крестьянская кровь, а такъ какъ полстолѣтія тому назадъ онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, то нѣкоторыя изъ его понятій естественно должны казаться намъ отсталыми.

Что-же касается молодого сквайра, то инстинктивная почтительность Адама къ высшимъ еще поддерживалась въ этомъ случаѣ воспоминаніями дѣтства и личнымъ уваженіемъ; неудивительно послѣ этого, что онъ преувеличивалъ хорошія качества Артура и малѣйшему хорошему его поступку придавалъ гораздо больше цѣны, чѣмъ придалъ-бы такому-же поступку кого-нибудь изъ своихъ товарищей рабочихъ. Онъ былъ увѣренъ, что тотъ день, когда Артуръ вступитъ во владѣніе дѣдовскимъ помѣстьемъ, будетъ счастливымъ днемъ для всѣхъ обитателей окрестностей Гейслопа: не даромъ-же у молодого сквайра былъ такой великодушный, открытый характеръ и такое „удивительное“ пониманіе необходимости улучшеній въ имѣньи, принимая въ разсчетъ, что ему не было еще и двадцати одного года. Вотъ почему любовь и уваженіе сквозили въ улыбкѣ, съ которою Адамъ приподнялъ свою шапочку навстрѣчу Артуру Доннитерну.

— Какъ поживаете, Адамъ? сказалъ Артуръ, протягивая ему руку. Ни съ кѣмъ изъ фермеровъ онъ не здоровался за руку, и Адамъ живо почувствовалъ оказанную ему честь.—Я всегда издали узнаю васъ по вашимъ плечамъ: это тѣ самыя широкія плечи—только теперь онѣ стали, пожалуй, еще немножко пошире,—на которыхъ вы, бывало, носили меня,— помните?,

— Конечно, помню, сэръ. Плохо было-бы жить на свѣтѣ, если-бъ люди не помнили, что они говорили и дѣлали, когда были дѣтьми. Во что-бы тогда цѣнили старыхъ друзей?

— Должно быть, вы идете въ Брокстонъ? спросилъ Артуръ, придерживая свою-лошадь и стараясь ровняться съ Адамомъ, который шелъ подлѣ него.— И вѣрно къ ректору?

— Нѣтъ, сэръ, я иду смотрѣть ригу Брадвелля. Они тамъ боятся, какъ бы крышей не выперло стѣнъ; вотъ я и иду взглянуть, что можно тамъ сдѣлать, прежде чѣмъ мы пошлемъ имъ матеріалъ и рабочихъ.

— Кажется, Бурджъ всѣ свои дѣла теперь вамъ поручаетъ. Я думаю, онъ скоро возьметъ васъ къ себѣ въ компаньоны, и если онъ не дуракъ, то непремѣнно это сдѣлаетъ.

— Не знаю, сэръ; не думаю, чтобъ онъ много отъ этого выигралъ. Если старшій работникъ—человѣкъ добросовѣстный и любитъ свое дѣло, онъ будетъ работать на хозяина не хуже всякаго компаньона. Я и гроша не дамъ за человѣка, который не вобьетъ лишняго гвоздя безъ добавочной платы.

— Я это знаю, Адамъ; я знаю, что вы работаете на него, какъ на себя. Но будь вы участникомъ предпріятія, у васъ были-бы развязаны руки, и вы могли-бы лучше повести дѣло. Все равно старику придется когда-нибудь уйти на покой, а сыновей у него нѣтъ, и, вѣроятно, онъ будетъ радъ имѣть зятя, которому онъ могъ-бы передать свое дѣло. Впрочемъ, у него, кажется, загребистыя лапы: пожалуй, онъ предпочтетъ человѣка съ капиталомъ, который можно было-бы вложить въ предпріятіе. Не будь я бѣденъ, какъ крыса, я-бы съ радостью далъ вамъ на это денегъ, ради того, чтобы прикрѣпить васъ къ нашимъ мѣстамъ. Въ концѣ концовъ я былъ-бы отъ этого только въ выгодѣ, я увѣренъ. Ну, можетъ быть, я разбогатѣю черезъ годикъ-другой. Скоро я буду совершеннолѣтній, и дѣдъ навѣрно увеличитъ мой годовой окладъ, и когда я порасплачусь немного съ долгами, я посмотрю, что̀ можно будетъ сдѣлать для васъ.

— Вы очень добры, сэръ, что такъ говорите, и я вамъ благодаренъ, но — продолжалъ Адамъ рѣшительнымъ тономъ — я не хотѣлъ-бы обращаться ни съ какими предложеніями къ мистеру Бурджу, да и принимать ихъ отъ него. Я не вижу, какимъ образомъ я могу стать его компаньономъ. Вотъ если онъ когда-нибудь задумаетъ продать свое дѣло,—это другая статья. Тогда я бы не отказался призанять деньжонокъ за хорошій процентъ, потому что я увѣренъ, что выплачу ихъ со временемъ.

— Ну хорошо, Адамъ, не будемъ больше говорить объ этомъ пока, сказалъ Артуръ, вспомнивъ то, что онъ слышалъ отъ мистера Ирвайна по поводу Мэри Бурджъ и любовныхъ дѣлъ Адама.—Когда хоронятъ вашего отца?

— Въ воскресенье, сэръ; мистеръ Ирвайнъ нарочно за

этимъ пріѣдетъ къ намъ пораньше. Я буду радъ, когда это кончится: можетъ быть, мать успокоится тогда хоть немного. Тяжело видѣть, когда старый человѣкъ плачетъ и убивается. Молодежь легче справляется съ горемъ, а у стариковъ нѣтъ на это ни силъ, ни рессурсовъ: сухому дереву ужъ никогда не пустить новыхъ ростковъ.

— Да, не мало-таки было у васъ въ жизни испытаній и тяжелыхъ заботъ, Адамъ. Я думаю, вы никогда не были легкомысленнымъ, вѣтренымъ юношей, какъ другіе. Надъ вами всегда тяготѣла забота.

— Да, это правда, сэръ, но что-жъ тутъ такого особеннаго? Если ты человѣкъ съ человѣческими чувствами, ты долженъ нести и человѣческія тяготы. Только птица вылетаетъ изъ родного гнѣзда, когда у нея подростутъ крылья, и потомъ ужъ не узнаетъ своихъ кровныхъ и всякій годъ ищетъ себѣ новую пару. А я еще за многое долженъ быть благодаренъ судьбѣ: у меня всегда было довольно здоровья, силъ и ума, чтобъ находить наслажденіе въ моей работѣ, и я считаю за великое для себя благо возможность посѣщать вечернюю школу Бартля Масси. Съ его помощью я пріобрѣлъ такія знанія, какихъ мнѣ никогда-бы не пріобрѣсти самому.

— Какой вы молодецъ, Адамъ! сказалъ Артуръ послѣ короткой паузы, во время которой онъ задумчиво разсматривалъ рослаго парня, шедшаго подлѣ него. — Я дерусь на кулачкахъ лучше многихъ студентовъ въ Оксфордѣ, но доведись мнѣ схватиться съ вами,—я думаю, вы однимъ ударомъ сшибли-бы меня съ ногъ.

— Храни меня отъ этого Богъ, проговорилъ Адамъ, обернувшись на Артура и улыбаясь.—Прежде я, случалось, дрался ради забавы, но съ тѣхъ поръ, какъ бѣдняга Джиль Трантеръ пролежалъ изъ-за меня двѣ недѣли, я закаялся и теперь никогда не дерусь. Теперь если я и ударю когда-нибудь человѣка, такъ развѣ за то, что онъ сдѣлаетъ подлость. Когда имѣешь дѣло съ негодяемъ, у котораго нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, и котораго ничто не беретъ, такъ только и остается что попробовать, нельзя-ли подѣйствовать на него кулакомъ.

Артуръ не засмѣялся; онъ былъ поглощенъ какою-то мыслью и, спустя минуту, очевидно, подъ вліяніемъ этой мысли, сказалъ:

— Я думаю, Адамъ, у васъ никогда не бываетъ внутренней борьбы. Мнѣ кажется, вамъ ничего не стоитъ побороть въ себѣ желаніе, разъ вы рѣшили, что не слѣдуетъ ему поддаваться; вамъ это такъ-же легко, какъ свалить съ ногъ пьянаго, который къ вамъ пристаетъ. Я хочу сказать, что вы не знаете колебаній: навѣрно съ вами никогда не бываетъ такъ, чтобъ вы сказали себѣ, что не сдѣлаете того-то или того-то, а потомъ-бы все таки сдѣлали.

— Да, кажется не бываетъ, проговорилъ Адамъ медленно послѣ минутнаго раздумья. — Я не помню, чтобъ я когда-

нибудь измѣнилъ себѣ такимъ образомъ, разъ я рѣшилъ — какъ вы говорите,—что чего-нибудь не слѣдуетъ дѣлать. Удовольствіе отравлено для меня, когда я знаю, что потомъ оно будетъ камнемъ лежать на моей совѣсти. Съ тѣхъ поръ, какъ я научился считать, я всегда понималъ, что всякій дурной поступокъ влечетъ за собой больше грѣха и горя, чѣмъ можно предвидѣть. Это все равно, что скверная работа: никогда нельзя предугадать, сколько зла она можетъ надѣлать. Тому и на свѣтъ не стоитъ родиться, кто приноситъ своимъ ближнимъ не радость, а горе. Но грѣхъ грѣху рознь. Мало-ли что люди не называютъ грѣхомъ! Я не считаю грѣхомъ, какъ наши диссентеры, какую-нибудь ребяческую шалость—даже самую сумасбродную, если она никому не вредитъ. Можно еще спорить о томъ, не стоитъ-ли иной разъ посадить себѣ на лобъ лишнюю шишку ради того, чтобы получить лишнее удовольствіе... Но, это правда, самъ я не умѣю колебаться; я грѣшу скорѣе въ обратную сторону: разъ я что-нибудь порѣшилъ— хотя-бы самъ съ собой,—мнѣ уже трудно отступить.

— Да, да, такимъ я васъ и считалъ, сказалъ Артуръ. — У васъ желѣзная воля и желѣзная рука. Но иной разъ бываетъ очень трудно исполнить принятое рѣшеніе, какъ-бы не было оно твердо. Человѣкъ можетъ сказать себѣ: „я не буду рвать ягодъ", и можетъ заставить себя держать руки въ карманахъ, но онъ не можетъ удержаться, чтобъ у него не текли слюнки при видѣ этихъ ягодъ.

— Это правда, сэръ, но противъ этого есть хорошее средство: стоитъ только сказать себѣ, что на свѣтѣ много вещей, безъ которыхъ надо умѣть обходиться. Жизнь не то, что Треддльстонская ярмарка, куда люди ѣздятъ покупать всякій товаръ. Если смотрѣть на жизнь такимъ образомъ, такъ непремѣнно будешь грѣшить... Но зачѣмъ я вамъ это говорю? Вамъ лучше знать, какъ надо жить на свѣтѣ.

— Я не увѣренъ въ этомъ, Адамъ. Вы на четыре или на пять лѣтъ меня старше, у васъ больше опыта, и я думаю, что ваша жизнь была для васъ лучшей школой, чѣмъ коллегія—для меня.

— Сдается, сэръ, насчетъ этого вы сходитесь во мнѣніяхъ съ Бартлемъ Масси. Онъ говоритъ, что коллегіи дѣлаютъ изъ человѣка пустой пузырь, годный только на то, чтобъ наливать въ него всякую всячину. Впрочемъ у Бартля языкъ какъ бритва: для него ничего нѣтъ святого... А вотъ и перекрестокъ, сэръ. Я долженъ съ вами проститься. Вѣдь вы къ ректору?— такъ намъ не по пути.

— Прощайте, Адамъ, добраго утра.

У воротъ ректорскаго дома Артуръ передалъ свою лошадь конюху и пошелъ къ дому вдоль по дорожкѣ черезъ садъ. Онъ зналъ, что ректоръ всегда завтракаетъ у себя въ кабинетѣ, а кабинетъ его помѣщался налѣво отъ входной двери.

противъ столовой. Это была небольшая, низенькая комната, составлявшая часть старой половины дома и казавшаяся мрачной отъ темныхъ переплетовъ книгъ, которыми были уставлены стѣны; но въ это утро она смотрѣла очень веселой, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда Артуръ подошелъ къ ея открытому окну. Утреннее солнце обливало косыми лучами большой стеклянный шаръ на высокой подставкѣ съ плавающими въ немъ золотыми рыбками, стоявшій насупротивъ накрытаго стола, а подлѣ этого стола помѣщалась группа, способная оживить всякую комнату. Въ мягкомъ креслѣ, обитомъ малиновымъ шелкомъ, сидѣлъ мистеръ Ирвайнъ, сіяющій свѣжестью, какою сіялъ онъ всегда, по окончаніи своего утренняго туалета; его красивой формы пухлая бѣлая рука ласково гладила волнистую коричневую шерсть Юноны, а за спиной у Юноны, помахивавшей хвостомъ въ избыткѣ материнскаго удовольствія, возились два коричневыхъ щенка, перекатываясь другъ черезъ друга и исполняя самый восторженный собачій дуэтъ. На подушкѣ, немного подальше, лежала моська, поглядывая съ видомъ скромной дѣвицы на эту интимную семейную сцену, которую она считала верхомъ неприличія, и старалась какъ можно меньше замѣчать. На столѣ, у самаго локтя мистера Ирвайна, лежалъ первый томъ Эсхила, хорошо знакомый Артуру. Серебряный кофейникъ, который Карроль только-что принесъ, распространялъ ароматный паръ, дополнявшій эту пріятную картину завтрака холостяка.

— А, Артуръ! Какъ это мило съ вашей стороны! И какъ разъ во время, сказалъ мистеръ Ирвайнъ, увидѣвъ гостя, влѣзающаго въ комнату черезъ низенькій подоконникъ. — Карроль, подайте намъ еще кофею и яицъ, да не найдется-ли у васъ тамъ холодной курицы? — мы поѣли-бы съ ветчиной.— Знаете, Артуръ, это напоминаетъ мнѣ старину: вотъ уже пять лѣтъ, какъ мы не завтракали съ вами вдвомъ.

— Утро такое соблазнительное, что мнѣ захотѣлось прокатиться передъ завтракомъ, сказалъ Артуръ.—Я помню, когда я учился у васъ, я очень любилъ эти наши завтраки вдвоемъ. А съ дѣдомъ такая скука: за завтракомъ онъ обыкновенно бываетъ еще на нѣсколько градусовъ холоднѣе, чѣмъ въ другіе часы дня; должно быть, это утренняя ванна такъ на него дѣйствуетъ.

Артуръ старался не показать, что его визитъ имѣетъ опредѣленную цѣль. Какъ только онъ очутился въ присутствіи мистера Ирвайна, онъ почувствовалъ, что признаніе, казавшееся ему вчера самой простой и естественной вещью въ мірѣ, будетъ для него труднымъ подвигомъ, и въ ту минуту когда ректоръ пожималъ ему руку, вчерашнее его рѣшеніе представилось ему въ новомъ свѣтѣ. Какимъ образомъ объяснитъ онъ Ирвайну свое положеніе, если не разскажетъ подробно того, что произошло въ лѣсу? А разсказывая это, онъ

неизбѣжно будетъ имѣть глупый видъ. И наконецъ, какъ признаться въ своей слабости?—въ томъ, что онъ уѣхалъ отъ Гавэна, т. е. сдѣлалъ какъ разъ противуположное тому, что намѣренъ былъ сдѣлать? Послѣ такого признанія онъ навсегда останется въ глазахъ Ирвайна жалкимъ недорослемъ, у котораго нѣтъ своей воли... Ну, можетъ быть, все какъ-нибудь устроится само собой, безъ приготовленій; можетъ быть, разговоръ случайно коснется этой темы.

— Часъ завтрака—мое любимое время дня, сказалъ мистеръ Ирвайнъ. — Умъ какъ-то не успѣваетъ еще засориться и отражаетъ впечатлѣнія, какъ гладкое зеркало. За завтракомъ я всегда перелистываю какую-нибудь любимую книгу, и отдѣльныя мысли, которыя я вычитываю такимъ образомъ, доставляютъ мнѣ такое огромное наслажденіе, что регулярно каждое утро у меня бываетъ такое чувство, какъ будто я твердо рѣшился засѣсть опять за занятія. Но вотъ является Дентъ и приводитъ какого-нибудь бѣднягу, застрѣлившаго зайца; а когда я кончу его „отчитывать", какъ называетъ это Карроль, мнѣ захочется прокатиться верхомъ, а потомъ, на обратномъ пути, мнѣ попадается на встрѣчу смотритель рабочаго дома и заводитъ длиннѣйшую исторію о какомъ-нибудь взбунтовавшемся бѣднякѣ. Такъ день и проходитъ, и къ вечеру я оказываюсь все тѣмъ-же лѣнтяемъ, какимъ былъ и вчера. Впрочемъ, для того, чтобъ работать, нуженъ стимулъ сочувствія, а у меня его нѣтъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ бѣдняга Д'Ойли покинулъ Треддльстонъ. Вотъ еслибъ вы любили книги, мошенникъ вы этакій, передо мной была-бы болѣе пріятная перспектива. Но любовь къ наукѣ, кажется, не въ крови въ вашей семьѣ.

— Да, это правда. Если лѣтъ черезъ шесть, семь, когда мнѣ придется выступать въ парламентѣ, мнѣ удастся припомнить какой-нибудь латинскій отрывокъ для украшенія моего перваго парламентскаго спича, это будетъ очень еще хорошо. Cras ingens iterabimus aequor и еще что нибудь въ этомъ родѣ можетъ быть и удержится въ моей памяти, а я ужъ постараюсь такъ прилаживать мои мнѣнія, чтобы можно было вставить эти кусочки въ мою рѣчь. Но я не думаю, чтобы знаніе классической старины было такъ уже необходимо для сельскаго хозяина; насколько я могу судить, для него гораздо важнѣе знать толкъ въ удобреніяхъ. Недавно я перечитывалъ книжки вашего друга Артура Юнга, и я не могу себѣ представить лучшей будущности, какъ примѣнять на практикѣ нѣкоторыя изъ его идей, пріучая фермеровъ къ лучшимъ способамъ веденія хозяйства и—какъ онъ говоритъ—превращая дикія земли въ яркую картину разнообразныхъ хлѣбовъ и луговъ. Мой дѣдъ, пока онъ живъ, не позволитъ мнѣ дѣйствовать самостоятельно, но со временемъ я этимъ займусь. Что особенно меня привлекаетъ, такъ это разработка

Стонпширской части имѣнія,—теперь она въ плачевномъ состояніи: ввести тамъ всевозможныя улучшенія и потомъ скакать съ мѣста на мѣсто, наблюдая за ходомъ работъ. Я хотѣлъ-бы знать въ лицо каждаго своего фермера, каждаго земледѣльца нашей мѣстности; я хотѣлъ-бы, чтобы, кланяясь мнѣ, они дѣлали это отъ чистаго сердца.

— Браво, Артуръ! Тотъ, кто равнодушенъ къ классической древности и смѣетъ послѣ этого жить на свѣтѣ,—не можетъ представить лучшаго для себя оправданія, какъ увеличивая количество хлѣба для поддержанія существованія ученыхъ классиковъ... и ректоровъ, которые умѣютъ ихъ цѣнить. Дай Богъ мнѣ дожить до того дня, когда вы начнете ваше поприще образцоваго землевладѣльца. Для дополненія картины вамъ понадобится тогда представительный ректоръ, который пожелаетъ получить и свою долю уваженія и почета, заработанныхъ вами тяжелымъ трудомъ. Только не слишкомъ разсчитывайте на благодарность потомства, какъ на награду за ваши труды. Я далеко не увѣренъ, что люди всегда особенно цѣнятъ тѣхъ, кто старается быть имъ полезенъ. Гавэнъ, какъ вамъ извѣстно, навлекъ на себя проклятія всего околотка своей системой изгородей. Вамъ не мѣшаетъ, дружище, сперва хорошенько выяснить себѣ, что больше васъ привлекаетъ—популярность или польза, а не то—знаете пословицу: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

— Ну, Гавэнъ рѣзокъ въ обращеніи; онъ не умѣетъ заставить себя полюбить. Я убѣжденъ, что добротой съ людьми все можно сдѣлать. Я лично по крайней мѣрѣ не могъ-бы жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ меня не любили-бы и не уважали; здѣсь-же мнѣ всегда пріятно заходить къ арендаторамъ: всѣ они видимо расположены ко мнѣ. Должно быть, они еще не успѣли забыть, какъ я, маленькимъ мальчикомъ, ѣздилъ на пони ростомъ съ овцу: имъ кажется, что это было только вчера. Да, если не скупиться на ссуды, да поисправить хозяйственныя постройки на фермахъ, нашихъ фермеровъ будетъ легко убѣдить вести свое хозяйство по болѣе раціональному плану, какъ они ни тупы.

— Ну, такъ смотрите: когда придетъ вамъ время влюбиться, дѣлайте это съ выборомъ, потому что если жена опустошитъ вашъ кошелекъ, вы поневолѣ сдѣлаетесь скрягой. Мы съ матерью часто споримъ о васъ; она говоритъ: „Я не рискну предсказывать, что выйдетъ изъ Артура, пока не увижу женщины, которую онъ полюбитъ“. Она думаетъ, что ваша красавица будетъ управлять вами, какъ управляетъ луна приливомъ и отливомъ. Но я отстаиваю васъ, какъ своего ученика, считая это своимъ долгомъ, и всегда доказываю ей, что вы созданы не изъ такого жидкаго матеріала. Смотрите-же: не опозорьте меня въ глазахъ моего оппонента.

Артура покоробило отъ этихъ словъ: мнѣніе о немъ про-

ницательной мистрисъ Ирвайнъ подѣйствовало на него какъ зловѣщее предзнаменованіе. Казалось-бы, это было только лишнимъ поводомъ укрѣпиться въ принятомъ рѣшеніи и постараться оградить себя отъ соблазна, прибѣгнувъ къ поддержкѣ другого лица. Тѣмъ не менѣе, именно теперь, когда разговоръ дошелъ до этого пункта, Артуръ почувствовалъ, что ему положительно не хочется разсказывать свою исторію съ Гетти. Онъ былъ натура впечатлительная; мнѣнія о немъ и чувства къ нему окружающихъ играли въ его жизни огромную роль, и одинъ уже тотъ фактъ, что онъ находился въ присутствіи близкаго друга, не имѣвшаго ни малѣйшаго понятія о серьезной внутренней борьбѣ, которую онъ переживалъ въ послѣдніе дни, значительно поколебалъ собственную его увѣренность въ серьезномъ значеніи этой борьбы. Конечно, шутить такими вещами нельзя; но что могъ сдѣлать для него Ирвайнъ?—во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ онъ можетъ сдѣлать самъ для себя. Не бѣда, что Мегъ захромала: онъ все таки поѣдетъ въ Игльдэль,—поѣдетъ на Раттлерѣ, а Пимъ пусть поспѣваетъ за нимъ, какъ умѣетъ, на какой-нибудь старой клячѣ. Онъ почти окончательно остановился на этой мысли, когда размѣшивалъ сахаръ въ своемъ кофе, но въ слѣдующую минуту, поднося чашку къ губамъ, вспомнилъ, какъ твердо онъ рѣшилъ вчера вечеромъ разсказать все Ирвайну. Нѣтъ, довольно колебаній!—на этотъ разъ онъ сдѣлаетъ то, что намѣренъ былъ сдѣлать. А если такъ, то значитъ надо постараться удержать разговоръ на личной почвѣ: если онъ перейдетъ на общія темы, затрудненіе еще возростетъ.—Вся эта борьба мыслей и чувствъ заняла такъ мало времени, что въ бесѣдѣ двухъ друзей не произошло сколько-нибудь замѣтнаго перерыва, когда Артуръ отвѣтилъ:

— Но мнѣ кажется, что способность человѣка подчиняться власти любви еще не можетъ служить доказательствомъ противъ силы его характера вообще. Здоровый организмъ не застраховываетъ насъ отъ оспы и всякой другой острой болѣзни. Можно имѣть твердую волю во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и быть не въ силахъ устоять передъ очарованіемъ женщины.

— Да. Но между оспой и любовью—или очарованіемъ женщины, какъ вы выражаетесь,—та разница, что въ послѣднемъ случаѣ, разъ вы подмѣтили въ себѣ начало болѣзни и перемѣнили воздухъ, вы имѣете всѣ шансы на полное выздоровленіе и на прекращеніе дальнѣйшаго развитія зловѣщихъ симптомовъ. Есть и еще одно предохранительное средство, которымъ мы можемъ лечить себя сами, а именно—всегда имѣть въ виду непріятныя послѣдствія нашей слабости; это средство служитъ намъ въ нѣкоторомъ родѣ закопченнымъ стекломъ, сквозь которое мы можемъ смотрѣть на нашу блистательную красавицу, не мигая, и различать настоящія ея очертанія (хотя, въ скобкахъ сказать, обыкновенно бываетъ,

кажется, такъ, что этого спасительнаго стекла не оказывается налицо именно въ тотъ моментъ, когда мы особенно въ немъ нуждаемся). Смѣю сказать, что даже люди, имѣющіе такую солидную поддержку, какъ знакомство съ классиками, способны иногда увлекаться и вступать въ неблагоразумные браки вопреки предостереженію, которое даетъ имъ хоръ въ „Прометеѣ“.

Улыбка, скользнувшая по лицу Артура, была очень слаба, и вмѣсто того, чтобъ отвѣтить шуткой, въ тонъ мистеру Ирвайну, онъ сказалъ совершенно серьезно:

— Да, и это хуже всего. Это-то и обидно, что, не смотря на всѣ наши размышленія, на всѣ наши спокойныя рѣшенія, мы поддаемся вліянію настроеній, которыхъ невозможно предвидѣть. Но я думаю, что человѣкъ подлежитъ все-таки менѣе строгому осужденію, когда онъ увлекается такимъ образомъ наперекоръ своей волѣ.

— Да, но вѣдь источникъ нашихъ настроеній лежитъ въ нашемъ характерѣ, мой милый. Наши настроенія — часть нашей природы, такъ-же, какъ и наши мысли, — и даже болѣе. Человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего, что не было-бы согласно съ его натурой. Онъ носитъ въ себѣ зародыши самыхъ исключительныхъ своихъ дѣйствій, и если мы, умные люди, строимъ изъ себя подчасъ величайшихъ дураковъ, намъ остается только примириться съ тѣмъ логическимъ заключеніемъ, что на каждую унцію нашей мудрости приходится нѣсколько крупинокъ глупости.

— Прекрасно, но вѣдь можно увлечься благодаря стеченію обстоятельствъ: не будь этихъ обстоятельствъ, мы, можетъ быть, никогда не совершили-бы дурного поступка.

— Да, разумѣется. Украсть банковый билетъ съ полнымъ удобствомъ можно только тогда, когда онъ плохо лежитъ; но я не повѣрю, что вы честный человѣкъ, только на томъ основаніи, что вы будете ругать банковый билетъ за то, что онъ подвернулся вамъ подъ руку.

— Но дѣлаете-же вы разницу между человѣкомъ, который борется съ искушеніемъ, хотя-бы въ концѣ-концовъ онъ и палъ,—и человѣкомъ, который даже и не пытается бороться?

— Конечно; я жалѣю его соразмѣрно продолжительности его борьбы, ибо эта борьба есть предвѣстникъ внутреннихъ страданій—худшаго вида кары, какой только можетъ избрать Немезида. Но послѣдствія не знаютъ жалости. Наши поступки несутъ намъ съ собой свои ужасныя послѣдствія совершенно независимо отъ колебаній, предшествовавшихъ имъ,—послѣдствія, которыя рѣдко ограничиваются нашей собственной личностью. Поэтому всегда полезнѣе помнить о томъ неизбѣжномъ, что̀ насъ ждетъ впереди, чѣмъ придумывать что̀-бы такое могло послужить намъ въ оправданіе...

— Но что значитъ, Артуръ? Съ которыхъ поръ вы полю-

били спорить о вопросахъ нравственности? Я что-то не замѣчалъ за вами этого раньше. Ужъ не грозитъ-ли вамъ самому опасность этого рода, которую вы желаете уяснить себѣ общими философскими разсужденіями?

Задавая этотъ вопросъ, мистеръ Ирвайнъ отодвинулъ тарелку, откинулся на спинку кресла и поглядѣлъ прямо въ глаза Артуру. Онъ дѣйствительно заподозрилъ, что Артуръ хочетъ ему что-то сказать, и думалъ облегчить ему путь этимъ прямымъ вопросомъ. Но онъ ошибся. Артуръ, неожиданно прижатый къ стѣнѣ, почувствовалъ, что онъ менѣе чѣмъ когда-либо расположенъ дѣлать признанія, и попятился назадъ. Онъ не разсчитывалъ, что разговоръ приметъ такой серьезный оборотъ... Ирвайнъ можетъ невѣрно истолковать его исповѣдь—вообразить, что онъ питаетъ къ Гетти глубокую страсть, тогда какъ ничего подобнаго нѣтъ. Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ, и разсердился на себя за такое мальчишество.

— О нѣтъ, мнѣ ровно ничего не грозитъ, постарался онъ отвѣтить какъ можно безпечнѣе.—Не думаю, чтобы характеръ былъ у меня слабѣе, чѣмъ у другихъ, но бываютъ случаи, которые невольно наводятъ на мысль о томъ, что̀ можетъ случиться съ тобой въ будущемъ.

Не скрывалось-ли подъ этой странной нерѣшительностью Артура какое-нибудь тайное побужденіе, которымъ можно было ее объяснить и въ которомъ онъ самъ себѣ не сознавался? Ходъ нашей умственной работы во многомъ напоминаетъ устройство государственнаго механизма: и здѣсь, и тамъ значительная часть чернаго труда исполняется неизвѣстными двигателями. Да и въ обыкновенныхъ машинахъ, насколько мнѣ извѣстно, бываетъ часто какое-нибудь маленькое, незамѣтное колесико, играющее очень важную роль въ движеніи большихъ колесъ, сразу бросающихся въ глаза. Быть можетъ, и въ душѣ Артура работалъ въ эту минуту одинъ изъ такихъ тайныхъ, невидимыхъ двигателей. Быть можетъ, это было опасеніе, какъ-бы его исповѣдь передъ ректоромъ—если-бы она состоялась, — не оказалась для него серьезной помѣхой въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ не въ силахъ довести до конца осуществленіе своего благого намѣренія. Я не рискну утверждать, что это было не такъ!—человѣческая душа очень сложная вещь.

У мистера Ирвайна промелькнула мысль о Гетти въ тотъ моментъ, когда онъ такъ внимательно смотрѣлъ на Артура; но безпечный тонъ, да и смыслъ его отвѣта не замедлили подтвердить другую, быстро смѣнившую ее мысль, а именно—что съ этой стороны не могло быть ничего серьезнаго. Артуръ могъ видѣться съ Гетти только въ церкви, да у нея въ домѣ, гдѣ за ними наблюдалъ зоркій глазъ мистрисъ Пойзеръ, и намекъ, который онъ, Ирвайнъ, сдѣлалъ ему наканунѣ, не

заключалъ въ себѣ никакого скрытаго смысла: онъ хотѣлъ только предостеречь молодого человѣка, что своимъ исключительнымъ вниманіемъ къ этой маленькой кокеткѣ онъ можетъ разбудить ея тщеславіе и нарушить мирное теченіе ея безыскусственной жизни. Артуръ скоро возвратится въ свой полкъ, и больше они не увидятся... Нѣтъ, положительно не можетъ быть опасности съ этой стороны, хотя-бы даже характеръ Артура и не представлялъ особенно надежной гарантіи противъ нея. Хорошее, честное чувство, заставлявшее его гордиться добрымъ расположеніемъ и уваженіемъ всѣхъ окружающихъ, было достаточной порукой за него, и оно, конечно, предохранитъ его отъ предосудительнаго романическаго увлеченія, а тѣмъ болѣе отъ низменной страсти. Если въ началѣ разговора Артуръ и имѣлъ намѣреніе что-то ему сообщить, то теперь онъ не желалъ входить въ подробности—это было ясно; а мистеръ Ирвайнъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы выдать въ этомъ случаѣ свое—хотя-бы даже и дружеское—любопытство. Онъ видѣлъ, что его собесѣднику будетъ пріятно перемѣнить разговоръ, и сказалъ:

— Кстати, Артуръ: въ послѣдній разъ на вашемъ полковомъ праздникѣ, въ день рожденія вашего командира, было поставлено съ большимъ эффектомъ нѣсколько туманныхъ картинъ въ честь Великобританіи, Питта, Ломширской милиціи, а больше всего въ честь „благороднаго юноши“ — героя дня. Отчего-бы и намъ не устроить чего-нибудь въ этомъ родѣ на удивленіе нашимъ слабымъ умамъ?

Случай былъ упущенъ. Пока Артуръ колебался, спасительный канатъ, за который онъ могъ-бы ухватиться, пронесло теченіемъ мимо, и теперь онъ долженъ выплывать самъ, какъ умѣетъ.

Черезъ десять минутъ мистера Ирвайна вызвали по какому-то дѣлу, и Артуръ, распростившись съ нимъ, опять сѣлъ на коня, съ тяжелымъ чувствомъ недовольства собой, которое онъ пытался заглушить, повторяя себѣ, что онъ сегодня-же, самое большое черезъ часъ, уѣдетъ въ Игльдэль.

Книга вторая.

ГЛАВА XVII,

ВЪ КОТОРОЙ РАЗСКАЗЪ ПРІОСТАНАВЛИВАЕТСЯ.

Да этотъ Брокстонскій ректоръ немногимъ лучше язычника!—слышу я, какъ восклицаетъ одна изъ моихъ читательницъ.—Было-бы несравненно поучительнѣе, если-бъ вы заставили его дать Артуру какой-нибудь нравственный христіанскій совѣтъ. Вы могли-бы вложить въ его уста превосходную рѣчь, которая стоила-бы самой лучшей проповѣди.

Конечно, могъ-бы, если-бъ я полагалъ высшее призваніе романиста въ томъ, чтобы изображать міръ, какимъ онъ никогда не былъ и не будетъ. Тогда, разумѣется, я могъ-бы передѣлывать жизнь и характеры по своему вкусу; я могъ-бы взять безукоризненный типъ священника и вложить въ его уста мои собственныя превосходныя мнѣнія на всѣ случаи жизни. Но дѣло въ томъ, что всѣ мои усилія направлены какъ разъ на обратное: я всячески стараюсь избѣгать такихъ произвольныхъ изображеній и давать по возможности вѣрное описаніе человѣческихъ характеровъ и поступковъ въ томъ видѣ, какъ они отражаются въ моемъ умѣ. Мое зеркало, безъ сомнѣнія, далеко не совершенно; очертанія могутъ выходить въ немъ не вполнѣ вѣрными, отраженіе можетъ быть слабо и туманно, но, представляя вамъ на судъ это отраженіе, я считаю своимъ долгомъ описывать его съ такою-же точностью, какъ если-бы я сидѣлъ на свидѣтельской скамьѣ и давалъ свои показанія подъ присягой.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ—время не маленькое, и неудивительно, что многое на свѣтѣ съ тѣхъ поръ измѣнилось,—не всѣ священники отличались рвеніемъ къ своему дѣлу. Мало того: есть основаніе подозрѣвать, что число ревностныхъ пастырей было очень невелико, и весьма вѣроятно, что если-бы одинъ изъ этого ничтожнаго меньшинства оказался владѣльцемъ Брокстонскаго и Гейслопскаго приходовъ въ 1799-мъ году, вы остались-бы такъ-же мало имъ довольны, какъ и мистеромъ Ирвайномъ. Я готовъ прозакладывать десять противъ одного, что вы нашли-бы его безвкуснымъ, нахальнымъ педантомъ,—такъ рѣдко случается, чтобы факты сходились съ тою золотой серединой, какой требуютъ наши просвѣщенныя мнѣнія и утонченный вкусъ. Быть можетъ вы скажете:

„Ну такъ исправьте факты; согласуйте ихъ по возможности съ тѣмъ правильнымъ взглядомъ на вещи, какимъ мы имѣемъ преимущество обладать. Міръ не вполнѣ намъ по вкусу; такъ подретушуйте его вашимъ умѣлымъ карандашемъ и увѣрьте насъ, что онъ не представляетъ такой ужъ черезчуръ запутанной смѣси явленій. Пусть всѣ наши герои, отличающіеся безупречными мнѣніями, и поступаютъ безупречно. Пусть отрицательные ваши типы всегда оказываются негодяями, а добродѣтельные—добродѣтельными. Тогда намъ будетъ видно съ перваго взгляда, кого мы должны осудить и кого наградить своимъ одобреніемъ; тогда мы будемъ имѣть возможность восхищаться, ни на волосъ не отступая отъ прежнихъ нашихъ мнѣній; будемъ ненавидѣть и презирать съ тѣмъ истиннымъ, непосредственнымъ наслажденіемъ, какое всегда сопутствуетъ несокрушимой увѣренности".

Но, дорогая моя, куда-же вы тогда дѣнете вашего земляка,—товарища и оппонента вашего мужа въ приходскомъ управленіи? Какъ вы поступите съ вашимъ новымъ викаріемъ, чью манеру говорить проповѣди вы, къ величайшему вашему сожалѣнію, не можете одобрить, находя ее неизмѣримо ниже манеры его оплакиваемаго предшественника? Что вы скажете о вашей честной служанкѣ, примѣрной женщинѣ во всѣхъ отношеніяхъ, но отравляющей вамъ жизнь единственнымъ своимъ недостаткомъ?—или о вашей сосѣдкѣ мистрисъ Гринъ, которая была положительно добра и внимательна къ вамъ во время вашей послѣдней болѣзни, но послѣ вашего выздоровленія распустила про васъ очень нехорошую сплетню? Что вы скажете, наконецъ, о вашемъ собственномъ мужѣ,—этомъ превосходнѣйшемъ человѣкѣ, который имѣетъ, однако, не одну раздражающую привычку, не говоря уже о томъ, что, входя въ домъ, онъ не вытираетъ своихъ башмаковъ? Всѣхъ этихъ людей—вашихъ братьевъ—вы должны принимать такими, какъ они есть: вы не можете выпрямить имъ носы, сдѣлать ихъ умнѣе, исправить ихъ характеръ, и не другихъ, а именно этихъ людей, среди которыхъ проходитъ ваша жизнь, вамъ приходится терпѣть, жалѣть и любить; въ этихъ самыхъ, болѣе или менѣе некрасивыхъ, тупоумныхъ и непослѣдовательныхъ людяхъ вы должны умѣть открывать добрыя движенія души и восхищаться ими; въ нихъ вы должны полагать ваши надежды, для нихъ—запасаться терпѣніемъ. Нѣтъ, я не хотѣлъ-бы—даже если-бъ это зависѣло отъ меня—быть искуснымъ романистомъ, изображающимъ не тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ и работаемъ, спимъ и ѣдимъ, а другой, неизмѣримо лучшій; я не хотѣлъ-бы, чтобы подъ впечатлѣніемъ моихъ твореній вы стали смотрѣть болѣе холоднымъ и суровымъ взглядомъ на пыльныя улицы и обыкновенныя зеленыя поля, на настоящихъ, живыхъ людей, которыхъ ваше равнодушіе можетъ оттолкнуть, а предубѣжденіе—оскорбить, и которыхъ

вы могли-бы ободрить и поддержать вашимъ сочувствіемъ, вашей терпимостью, вашимъ прямымъ, искреннимъ словомъ.

Поэтому, предлагая вамъ мой скромный разсказъ, я не хочу прибѣгать ни къ какимъ ухищреніямъ; я не стараюсь прикрашивать дѣйствительности и ничего такъ не страшусь, какъ поддѣлки, которой, вопреки самымъ искреннимъ нашимъ усиліямъ, всегда есть основаніе страшиться. Лгать такъ легко, говорить правду такъ трудно! Нарисовать грифа—вѣдь это такъ восхитительно просто! Карандашъ живописца исполняетъ такую работу безъ всякаго усилія: чѣмъ длиннѣе когти, чѣмъ больше крылья—тѣмъ лучше. Но эта изумительная легкость работы, которую мы принимаемъ за геній, легко можетъ намъ измѣнить, когда мы захотимъ нарисовать настоящаго, не каррикатурнаго льва. Прослѣдите за собой, и вы убѣдитесь, что даже когда у васъ нѣтъ никакихъ причинъ говорить неправду, вамъ бываетъ очень трудно сказать строгую правду—даже о вашихъ собственныхъ чувствахъ данной минуты,—гораздо труднѣе, чѣмъ сказать о нихъ что-нибудь красивое, но что не будетъ правдой въ строгомъ смыслѣ.

За это-то рѣдкое, драгоцѣнное качество—за безупречную правдивость — я такъ люблю многія картины голландской школы, которыя люди съ возвышеннымъ умомъ презираютъ. Я нахожу источникъ величайшаго человѣчнаго наслажденія въ этихъ вѣрныхъ изображеніяхъ однообразной будничной жизни, которая достается въ удѣлъ такому огромному большинству моихъ братьевъ людей,—несравненно чаще, чѣмъ трагическія страданія, или громкіе блестящіе подвиги. Я отворачиваюсь безъ малѣйшаго колебанія отъ ангеловъ, несущихся на облакахъ, отъ пророковъ, сивиллъ, и подхожу къ какой-нибудь старушкѣ, нагнувшейся надъ своимъ цвѣточнымъ горшкомъ или сидящей за своимъ одинокимъ обѣдомъ, между тѣмъ какъ яркій свѣтъ полдня, смягченный, быть можетъ, завѣсой листвы, падаетъ на ея высокій чепецъ, скользитъ по колесу ея самопрялки, задѣваетъ край ея глиняной кружки и играетъ на всѣхъ этихъ простыхъ, дешевыхъ вещахъ, которыя дороги ей, потому что необходимы. Я отворачиваюсь отъ героическихъ воиновъ и останавливаюсь передъ деревенской свадьбой, которую празднуютъ въ четырехъ голыхъ стѣнахъ крестьянской избы: вотъ неуклюжій женихъ открываетъ танцы со своей широкоплечей и скуластой невѣстой, а старики и люди среднихъ лѣтъ — ихъ друзья и родные—смотрятъ на нихъ. У этихъ людей неправильные рты и носы; они, можетъ быть, съ чарками въ рукахъ и уже порядкомъ захмѣлѣли, но на всѣхъ лицахъ написано самое сердечное удовольствіе и желаніе счастья молодымъ. — Фи! восклицаетъ моя идеалистка-читательница,—какія вульгарныя подробности! Стоитъ-ли тратить столько труда на то, чтобы дать міру точную копію какой-то старухи и тупоумныхъ

мужиковъ! Какое жалкое, низменное существованіе! Какіе неуклюжіе, безобразные люди!

Но, благодареніе Богу, мы любимъ не только то, что красиво. Я далеко не увѣренъ, что большинство человѣчества было красиво, и даже между гордыми бриттами, этими „царями человѣческой расы", квадратныя фигуры, неправильныя ноздри и грязный цвѣтъ лица не являются какимъ-нибудь поразительнымъ исключеніемъ. И тѣмъ не менѣе семейная любовь въ нашей націи очень крѣпка. Въ числѣ моихъ друзей есть двое-трое съ такими чертами лица, при которыхъ кудри Аполлона были-бы положительно насмѣшкой; а между тѣмъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что нѣжныя сердца бились къ нимъ любовью, и любящія материнскія уста цѣловали ихъ миніатюрные портреты—польщенные и все-таки некрасивые. Я видѣлъ не одну почтенную матрону, которая даже въ лучшую свою пору не могла похвастаться красотой, и тѣмъ не менѣе у нея хранилась въ какомъ-нибудь секретномъ ящичкѣ пачка любовныхъ писемъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, и любящія дѣти осыпали поцѣлуями ея желтыя щеки. И я полагаю, что на свѣтѣ было не мало юныхъ героевъ средняго роста и съ жиденькой бородкой, которые были увѣрены, что они никогда не полюбятъ обыкновенную женщину, а ужъ по меньшей мѣрѣ Діану, и, не смотря на это, въ среднемъ возрастѣ они оказывались женатыми на какой-нибудь хромоножкѣ и считали себя совершенно счастливыми. Да, хвала и слава Богу! человѣческое чувство—могучая рѣка, оплодотворяющая землю: оно не ждетъ красоты, оно течетъ съ непреодолимой силой и приноситъ красоту съ собой.

Честь и слава божественной красотѣ формы. Культивируйте ее елико возможно во взрослыхъ людяхъ и дѣтяхъ, въ вашихъ садахъ и домахъ. Но любите и другую красоту,—ту красоту, секретъ которой не въ пропорціональности линій, а въ глубинѣ человѣческой симпатіи. Рисуйте намъ, если умѣете, ангела въ развѣвающемся фіолетовомъ одѣяніи, съ блѣднымъ ликомъ, осіяннымъ свѣтомъ небеснымъ; рисуйте намъ еще чаще Мадонну съ приподнятымъ къ небу кроткимъ лицомъ, привѣтствующую отверстыми объятіями божественную славу; но не навязывайте намъ эстетическихъ правилъ, изгоняющихъ изъ области искусства этихъ простыхъ, обыкновенныхъ старухъ, что чистятъ морковь загрубѣлыми отъ работы руками, — этихъ неуклюжихъ мужиковъ, справляющихъ праздникъ въ грязномъ кабачкѣ, — эти тупыя, загорѣлыя, изрытыя морщинами лица и круглыя спины, что всю свою жизнь гнулись надъ заступомъ, исполняя черную работу міра, — эти жилища съ жестяными кастрюлями, съ коричневыми глиняными кружками, съ лохматыми дворняжками и пучками луку. На свѣтѣ такъ много простыхъ, обыкновен-

ныхъ людей, чье горе не представляетъ ничего сентиментально-живописнаго! Намъ необходимо помнить о существованіи этихъ людей, иначе можетъ случиться, что мы вычеркнемъ ихъ изъ нашей религіи и философіи и начнемъ строить такія возвышенныя теоріи, что онѣ окажутся пригодны развѣ только для исключительнаго міра, составленнаго изъ однѣхъ крайностей. Такъ пусть-же искусство напоминаетъ намъ о нихъ постоянно, пусть всегда будутъ люди, готовые отдать трудъ всей своей жизни на вѣрное изображеніе обыкновенныхъ вещей, — люди, которые умѣютъ видѣть красоту въ этихъ обыкновенныхъ вещахъ и наслаждаются, показывая другимъ, съ какою любовью свѣтитъ на нихъ свѣтъ небесный. На землѣ мало пророковъ, мало возвышенно-прекрасныхъ женщинъ, мало героевъ. Я не могу отдать всю мою любовь и все мое уваженіе этимъ рѣдкостнымъ образчикамъ человѣчества: мнѣ нужны эти чувства для повседневныхъ спутниковъ моей жизни, особенно для тѣхъ немногихъ изъ всей огромной толпы, которые мнѣ всѣхъ дороже, чьи лица я знаю, чьи руки пожимаютъ мою, кому я обязанъ уступать дорогу ласково и учтиво. Живописные лаццарони и романическіе преступники встрѣчаются далеко не такъ часто, какъ простые крестьяне, добывающіе свой хлѣбъ честнымъ трудомъ и съѣдающіе его самымъ прозаическимъ образомъ съ помощью своего карманнаго ножа. Мнѣ нужнѣе, чтобы чувство симпатіи связывало меня съ тѣмъ вульгарнымъ моимъ землякомъ, что отвѣшиваетъ мнѣ сахаръ въ своемъ безвкусномъ жилетѣ и совершенно неподходящемъ къ нему галстухѣ, чѣмъ съ какимъ-нибудь великолѣпнымъ разбойникомъ въ красномъ шарфѣ черезъ плечо и зеленыхъ перьяхъ на шляпѣ; мнѣ нужнѣе, чтобы мое сердце билось любовью и восторгомъ передъ проявленіемъ какой-нибудь черты великодушія въ тѣхъ несовершенныхъ людяхъ, что сидятъ у моего очага, или въ священникѣ моего прихода, хоть, можетъ быть, онъ и растолстѣлъ немного не въ мѣру, да и въ другихъ отношеніяхъ далеко отсталъ отъ Оберлина и Тиллотсона, чѣмъ передъ подвигами героевъ, которыхъ я знаю только по наслышкѣ, или передъ самой высокой отвлеченной идеей всевозможныхъ добродѣтелей духовнаго сана, какую когда-либо создавалъ талантливый романистъ.

Итакъ, возвращаюсь къ мистеру Ирвайну и прошу васъ оказать ему всяческое снисхожденіе, какъ бы ни мало удовлетворялъ онъ тѣмъ требованіямъ, какія вы предъявляете къ лицамъ духовнаго званія. Быть можетъ, вы полагаете, что онъ не былъ живымъ воплощеніемъ (какъ ему надлежало-бы быть) тѣхъ преимуществъ, какія даетъ намъ наша господствующая національная церковь?—Я далеко въ этомъ не увѣренъ; по крайней мѣрѣ я знаю, что жители Брокстона и Гейслопа очень огорчились-бы, еслибъ имъ пришлось разстаться

съ ихъ пастыремъ, и что многія лица свѣтлѣли при его приближеніи, и пока не будетъ доказано, что ненависть лучше любви и полезнѣе для души, я останусь при томъ убѣжденіи, что вліяніе мистера Ирвайна въ приходѣ было благотворнѣе вліянія ревностнаго мистера Райда, явившагося туда спустя двадцать лѣтъ, когда мистеръ Ирвайнъ отошелъ къ своимъ праотцамъ. Правда, мистеръ Райдъ былъ очень твердъ въ догматахъ реформаціи, усердно посѣщалъ на дому своихъ прихожанъ и былъ чрезвычайно какъ строгъ въ порицаніи вожделѣній плоти: такъ, онъ даже запретилъ церковнымъ пѣвчимъ славить Христа, находя, что эти святочные обходы поощряютъ пьянство и пріучаютъ слишкомъ легко относиться къ священнымъ вещамъ. Но отъ Адама Бида, съ которымъ мнѣ случилось бесѣдовать по этому поводу, когда онъ былъ уже старикомъ, я узналъ, что мистеръ Райдъ такъ мало успѣлъ завоевать сердца своихъ прихожанъ, какъ рѣдкій изъ священниковъ. Они почерпнули отъ него очень много свѣдѣній по части правилъ вѣры и догматовъ, такъ-что изъ пятидесяти человѣкъ, посѣщавшихъ Гейслопскую церковь, сорокъ девять могли-бы съ такою-же точностью сказать вамъ, что есть въ евангеліи подлиннаго, и что не можетъ быть названо словомъ Божіимъ въ строгомъ смыслѣ какъ еслибы они родились и выросли диссентерами, и въ первое время послѣ его переѣзда въ Брокстонъ въ этомъ мирномъ земледѣльческомъ округѣ происходило положительно нѣчто въ родѣ религіознаго движенія. „Но,—продолжалъ Адамъ,—я еще молодымъ человѣкомъ отлично понималъ, что религія состоитъ не изъ однихъ правилъ вѣры. Не правила заставляютъ людей поступать справедливо, а чувства. Правила въ религіи—то-же, что въ математикѣ: человѣкъ можетъ рѣшать въ умѣ задачи, сидя у огонька и покуривая свою трубочку; но для того, чтобы сдѣлать машину или построить домъ, ему нужно имѣть волю и рѣшимость, и любить не одни свои удобства, а и еще кое-что... Ну, ужъ почему-бы тамъ ни было, а только рвеніе прихожанъ начало ослабѣвать понемногу, и народъ сталъ легко отзываться о мистерѣ Райдѣ. Я думаю, что онъ искренно желалъ поступать справедливо, по совѣсти, но характеръ у него, видите-ли, былъ раздражительный, и потомъ, онъ сбивалъ цѣны на трудъ, выторговывалъ каждый грошъ у людей, работавшихъ на него,—ну, а ужъ такая приправа какъ-будто и не вязалась съ тѣмъ, что онъ проповѣдовалъ. Кромѣ того, ему хотѣлось разыгрывать судью въ своемъ приходѣ—карать людей за дурные поступки. На каѳедрѣ онъ бранился и бѣсновался, какъ помѣшанный, и въ то-же время онъ ненавидѣлъ диссентеровъ и относился къ нимъ гораздо нетерпимѣе, чѣмъ мистеръ Ирвайнъ. Не умѣлъ онъ также жить по средствамъ; какъ видно, получивъ новое мѣсто, онъ вообразилъ, что шестьсотъ фунтовъ въ годъ ни-

вѣсть какія деньги и что онъ заживетъ важнымъ бариномъ, не хуже мистера Донниторна. Это общее заблужденіе всѣхъ бѣдныхъ священниковъ: получитъ такой бѣднякъ неожиданно повышеніе и сейчасъ-же вообразитъ себя богачемъ, — мнѣ много разъ доводилось видѣть такіе примѣры. Кажется, мистера Райда очень цѣнили во многихъ мѣстахъ, и онъ писалъ книги, но въ математикѣ и тамъ, гдѣ важно доходить до сути вещей, онъ былъ невѣжественнѣе всякой женщины. Онъ былъ очень свѣдущъ въ догматахъ и называлъ ихъ оплотомъ реформаціи, но я всегда не довѣрялъ тому роду учености, который оставляетъ людей круглыми дураками въ живомъ дѣлѣ. Мистеръ Ирвайнъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ на-лету схватывалъ вашу мысль, зналъ толкъ въ строительномъ дѣлѣ и всякую работу могъ оцѣнить по достоинству. А съ нами, простыми людьми, онъ держалъ себя настоящимъ джентльменомъ: съ фермеромъ и съ бариномъ, съ крестьяниномъ и съ какой-нибудь убогой старухой—со всѣми онъ былъ одинаковъ. Никто никогда не видалъ, чтобъ онъ вмѣшивался въ чужія дѣла, бранился и разыгрывалъ изъ себя императора. Да, чудесный онъ былъ человѣкъ, какого рѣдко встрѣтишь. А какъ онъ былъ добръ къ матери и сестрамъ! Эта бѣдняжка хворенькая миссъ Анна... да онъ, кажется, никого на свѣтѣ такъ не любилъ. Во всемъ приходѣ никто никогда худого слова о немъ не сказалъ. Прислуга жила у него десятками лѣтъ, до старости, такъ-что потомъ ему приходилось нанимать новыхъ людей, чтобъ они дѣлали работу за старыхъ.

— Положимъ все это такъ, и говорить проповѣдь разъ въ недѣлю—хорошій обычай, сказалъ я;—но если бы вашъ старый другъ мистеръ Ирвайнъ воскресъ и появился на кафедрѣ въ слѣдующее воскресенье, — я думаю, вамъ было бы немножко стыдно за него,—за то, что онъ такъ плохо проповѣдуетъ послѣ всѣхъ вашихъ похвалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ Адамъ. Онъ выпрямилъ грудь и откинулся на спинку стула, какъ будто готовясь встрѣтить всѣ выводы, какіе можно было сдѣлать изъ его словъ.—Нѣтъ, я никогда не говорилъ, что мистеръ Ирвайнъ былъ великій проповѣдникъ. Онъ не пускался въ глубокія изслѣдованія вопросовъ религіи, и онъ былъ правъ. Въ нашей внутренней жизни есть много такого, чего нельзя измѣрить линейкой и сказать: „дѣлай то-то, и вотъ что изъ этого выйдетъ“ или: „не дѣлай того-то, и вотъ какія будутъ послѣдствія“. Въ душѣ человѣческой творятся иной разъ такія вещи, и бываютъ такіе моменты, что чувство захватитъ тебя, какъ ураганъ, и жизнь твоя какъ будто раколется на-двое, такъ что ты самъ себя не узнаешь и смотришь на себя, какъ на кого-то другого. Такія чувства нельзя подвести ни подъ какой ярлычекъ; тутъ ужъ не скажешь: „дѣлай то-то“ или: „не дѣлай того-то“.

И это меня убѣждаетъ, что въ религіи есть глубокія тайны, недоступныя нашему уму. Мы не можемъ объяснить ихъ словами, но мы чувствуемъ ихъ. Мистеръ Ирвайнъ не вдавался въ такіе вопросы; онъ скажетъ бывало коротенькое поученіе— и все тутъ. Но за то онъ поступалъ такъ, какъ училъ. Онъ не старался казаться особеннымъ человѣкомъ — не такимъ, какъ другіе, и какимъ онъ былъ, такимъ оставался всегда. И онъ умѣлъ сдѣлать такъ, что его любили и уважали, а это лучше, чѣмъ раздражать людей чрезмѣрнымъ усердіемъ къ дѣлу. Мистрисъ Пойзеръ говорила бывало—вы вѣдь знаете, у нея на все было готовое слово.—такъ она говорила, что мистеръ Ирвайнъ, это — сытное кушанье, которое вы ѣдите, не думая о немъ, и которое васъ подкрѣпляетъ, а мистеръ Райдъ — лѣкарство, которое вы хоть и съ отвращеніемъ, но глотаете, потому что считаете это необходимымъ, но отъ котораго въ результатѣ вы не чувствуете себя лучше.

— Но за то мистеръ Райдъ гораздо больше говорилъ о духовной сторонѣ религіи, какъ вы сами сейчасъ сознавались. И развѣ вы не находите, что его проповѣди давали больше поучительнаго, чѣмъ проповѣди мистера Ирвайна?

— Какъ вамъ сказать? — Не знаю. Это правда, онъ много говорилъ о догматахъ религіи. Но, какъ я вамъ только что сказалъ, мнѣ еще смолоду всегда казалось, что догматы не составляютъ религіи. Мнѣ кажется, что всѣ эти догматы можно сравнить съ именами, которыя мы подыскиваемъ для нашихъ чувствъ, такъ что потомъ мы можемъ говорить о чувствахъ, которыхъ никогда не испытывали, все равно какъ можно говорить объ инструментахъ, зная ихъ по однимъ названіямъ и не только не умѣя ими владѣть, но даже никогда не видавъ ихъ. Въ свое время я довольно наслушался толкованій всякихъ догматовъ, потому что я всегда бывало ходилъ вмѣстѣ съ Сетомъ слушать диссентерскихъ проповѣдниковъ; мнѣ шелъ тогда восемнадцатый годъ, и я много ломалъ голову надъ ученіемъ арминіанъ и кальвинистовъ. Веслеяне, какъ вы знаете,—послѣдователи арминіанъ, и Сетъ, который никогда не выносилъ ничего рѣзкаго и суроваго и всегда вѣрилъ въ лучшее будущее человѣчества, съ самаго начала присталъ къ веслеянамъ; но мнѣ казалось что я открылъ въ ихъ ученіи два, три слабые пункта, и вотъ какъ-то разъ въ Треддльстонѣ я заспорилъ съ однимъ изъ ихъ вожаковъ и такъ ему надоѣлъ своими нападками, что наконецъ онъ сказалъ мнѣ: „Молодой человѣкъ, это дьяволъ пользуется вашей гордостью и самомнѣніемъ и дѣлаетъ изъ нихъ оружіе противъ простоты истины“. Въ ту минуту я не могъ удержаться отъ смѣха, но потомъ возвращаясь домой, я подумалъ, что этотъ человѣкъ былъ правъ. Я понялъ, что всѣ эти взвѣшиванья и процѣживанья, и споры о томъ, что означаетъ тотъ-то текстъ, и какъ надо понимать этотъ, и спасутся-ли

люди одною милостью Божіей, или для этого нужно имѣть и сколько-нибудь собственной воли,—что все это не настоящая религія. Вы можете говорить объ этихъ вещахъ цѣлыми часами, и въ результатѣ у васъ только прибавится самодовольства и развязности. И я рѣшилъ не ходить больше ни на какія религіозныя сборища, а ходить въ нашу церковь, и не слушать никого, кромѣ мистера Ирвайна, потому что все, что онъ говорилъ, было хорошо, и всѣ его слова стоило помнить. И я понялъ, что для души моей будетъ лучше смириться передъ тайной Божіихъ предначертаній и не поднимать шуму изъ за того, чего я все равно никогда не пойму. И въ самомъ дѣлѣ: все это пустые, праздные вопросы, ибо есть ли что въ насъ или внѣ насъ, что не шло бы отъ Бога? Если я рѣшилъ самъ съ собой поступить справедливо — *Онъ* вложилъ въ меня это рѣшеніе; но коль скоро мнѣ ясно, что я ничего бы не сдѣлалъ, если бъ у меня не было на то доброй воли,—съ меня этого довольно.

Какъ видите, Адамъ былъ горячій поклонникъ мистера Ирвайна—быть можетъ даже пристрастный судья, какими, по счастью, мы бываемъ еще иногда по отношенію къ людямъ, которыхъ мы близко знали. Безъ сомнѣнія, такое пристрастіе, какъ слабость человѣческая, не удостоится ничего, кромѣ презрѣнія со стороны тѣхъ возвышенныхъ душъ, которыя вздыхаютъ объ идеалѣ, и которыя угнетаетъ сознаніе, что чувства ихъ слишкомъ утонченны для того, чтобъ обращаться на обыкновенныхъ смертныхъ, ихъ повседневныхъ товарищей. Мнѣ не однажды случалось удостоиться довѣрія этихъ избранныхъ натуръ, и я нахожу, что онѣ въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ подкрѣпленію того наблюденія, что великіе люди цѣнятся черезчуръ высоко, а маленькіе бываютъ нестерпимы, — что если вы хотите любить женщину такъ, чтобы потомъ, оглядываясь назадъ, не вспоминать о вашей любви, какъ о безуміи,—ей надо умереть въ самый первый періодъ этой любви, — что если вы хотите сохранить хоть каплю вѣры въ человѣческій героизмъ, вамъ никогда не слѣдуетъ предпринимать путешествія съ цѣлью увидѣть героя. Сознаюсь, что въ моихъ бесѣдахъ съ этими утонченными и проницательными господами я не одинъ разъ трусливо уклонялся отъ откровенныхъ признаній и избѣгалъ дѣлиться съ ними собственнымъ моимъ опытомъ. Боюсь, что не одинъ разъ я улыбался лицемѣрной улыбкой, безмолвно соглашаясь съ ними, и даже поддакивалъ имъ какой-нибудь эпиграммой насчетъ непостоянства человѣческихъ иллюзій, — одною изъ тѣхъ эпиграммъ, какія всегда имѣетъ подъ рукой всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ французской литературой. Человѣческая бесѣда никогда не бываетъ искренна въ строгомъ смыслѣ — какъ сказалъ, кажется, какой-то мудрецъ. Но теперь я хочу разъ и навсегда очистить мою совѣсть и объ-

являю къ свѣдѣнію истинныхъ натуръ, что мнѣ случалось испытывать живѣйшій восторгъ передъ самыми обыкновенными старыми джентльменами, которые говорили сквернѣйшимъ англійскимъ языкомъ, часто бывали раздражительны и ворчливы и никогда не вращались въ болѣе высокихъ сферахъ власти, чѣмъ, напримѣръ, сфера приходскаго инспектора, и если я пришелъ къ убѣжденію, что душа человѣческая достойна любви, — если я научился хоть отчасти понимать трогательную глубину ея чувствъ, — я обязанъ этимъ единственно тому, что я долго жилъ въ средѣ людей простыхъ и болѣе или менѣе обыкновенныхъ, о которыхъ вы, по всей вѣроятности, не услышали бы ничего поразительнаго, если бы вздумали разспрашивать о нихъ въ ихъ родномъ городкѣ или деревушкѣ. Готовъ побиться объ закладъ, что большинство мелкихъ лавочниковъ, ихъ сосѣдей, не находили въ нихъ ничего особеннаго. Вообще я открылъ одно замѣчательное совпаденіе, а именно—что избранныя натуры, вздыхающія объ идеалѣ и не усматривающія въ обыкновенныхъ людяхъ, которые ходятъ въ обыкновенныхъ панталонахъ и юбкахъ, ничего настолько высокаго, что-бы могло быть достойнымъ ихъ уваженія и любви,—удивительно какъ сходятся въ этомъ съ самыми мелкими и ничтожными личностями. Такъ, напримѣръ, я часто слышалъ, какъ мистеръ Геджъ, хозяинъ „Королевскаго Дуба“, трактира въ Шеппертонѣ, смотрѣвшій на своихъ односельчанъ съ самой яростной ненавистью (а это были единственные люди, какихъ онъ зналъ, надо замѣтить)—резюмировалъ свое мнѣніе о нихъ въ слѣдующихъ торжественныхъ словахъ: „Да, сэръ, я часто говорилъ и опять повторяю: плохой народъ въ нашемъ приходѣ—нестоющій народъ,—всѣ сплошь, отъ мала до велика“. Должно быть у него мелькала смутная мысль, что онъ могъ бы найти сосѣдей болѣе достойныхъ его, будь у него возможность переселиться въ какой-то другой, далекій приходъ. И дѣйствительно, впослѣдствіи онъ переѣхалъ въ „Сарацинову Голову“, знаменитый кабачекъ, процвѣтавшій въ одной изъ захолустныхъ улицъ сосѣдняго городка. Но — странная вещь! — на взглядъ мистера Геджа обитатели этой захолустной улицы оказались совершенно такого же типа, какъ его земляки въ Шеппертонѣ.—„Плохой народъ, сэръ,—всѣ сплошь отъ мала до велика,—и тѣ, что забираютъ джинъ бутылями, и тѣ, что пьютъ кружками по два пенса. Плохой, нестоющій народъ“.

ГЛАВА XVIII.

ВЪ ЦЕРКВИ.

— Гетти, Гетти, развѣ ты не знаешь, что служба начинается въ два часа, а теперь уже половина второго? Неужели ты не

можешь придумать лучшаго занятія, какъ вертѣться передъ зеркаломъ въ такой день! Вѣдь сегодня у насъ воскресенье, и бѣднаго Тіаса Бида хоронятъ. Хоть-бы ты вспомнила, какъ ужасно онъ умеръ—утонулъ въ глухую полночь! У другого морозъ пойдетъ по спинѣ отъ одной этой мысли, а тебѣ все ни почемъ—знай себѣ наряжается, точно идетъ на свадьбу, а не на похороны.

— Ахъ, тетя, не могу-же я быть готова въ одно время съ другими, когда мнѣ надо одѣвать Тотти! Вы вѣдь знаете, какъ трудно заставить ее стоять смирно, отвѣчала Гетти.

Гетти спускалась съ лѣстницы, а мистрисъ Пойзеръ стояла внизу, совсѣмъ готовая, въ шляпкѣ и шали. Если когда-нибудь молодая дѣвушка была похожа на розу, такъ это Гетти въ эту минуту, въ своемъ воскресномъ платьѣ и шляпѣ. То и другое было розовое: шляпа—отдѣлана розовыми лентами, а платье усѣяно розовымъ горошкомъ по бѣлому полю; кромѣ ея темныхъ волосъ и глазъ, да маленькихъ черныхъ башмачковъ съ пряжками, на ней все было розовое и бѣлое. Мистрисъ Пойзеръ едва удержалась отъ улыбки при видѣ этого прелестнаго существа и разсердилась на себя за это. Не прибавивъ ничего больше, она отвернулась и поспѣшила присоединиться къ группѣ, ожидавшей ее на крыльцѣ. У Гетти такъ билось сердце при мысли о томъ, кого она разсчитывала увидать въ церкви, что она почти не чувствовала подъ собой земли.

И вотъ, маленькая процессія тронулась въ путь. Мистеръ Пойзеръ былъ въ своей воскресной суконной парѣ и въ пестромъ, зеленомъ съ краснымъ жилетѣ; изъ жилетнаго кармана, гдѣ помѣщались у него часы, висѣла большая сердоликовая печать на зеленомъ шнуркѣ; на шеѣ у него былъ желтый фуляръ, на ногахъ — чудесные сѣрые въ рубчикахъ чулки собственной работы мистрисъ Пойзеръ, превосходно выставлявшіе размѣры его икръ. Мистеръ Пойзеръ не имѣлъ никакихъ причинъ стыдиться своихъ икръ и на этомъ основаніи подозрѣвалъ, что возрастающая мода на высокіе сапоги и другія ухищренія, клонящіяся къ тому, чтобы замаскировать нижнюю часть ноги, имѣетъ своимъ источникомъ прискорбное вырожденіе человѣческихъ икръ. Тѣмъ менѣе могъ онъ стыдиться своего веселаго круглаго лица, бывшаго живымъ воплощеніемъ добродушія въ ту минуту, когда онъ сказалъ: „Идемъ-же, Гетти, идемте, малыши!“ и, подавъ руку женѣ, торжественно открылъ шествіе.

„Малыши“, къ которымъ онъ обращался, были Марти и Томми, мальчуганы девяти и семи лѣтъ, въ курточкахъ съ фалдочками и въ коротенькихъ брючкахъ, румяные, черноглазые и похожіе на отца, какъ только можетъ маленькій слонъ походить на большого. Гетти шла между ними, а сзади выступала терпѣливая Молли, на обязанности которой лежало

переносить Тотти черезъ всѣ лужи во дворѣ и по дорогѣ, ибо Тотти, быстро оправившаяся отъ своей лихорадки, рѣшительно объявила, что она идетъ сегодня въ церковь и непремѣнно надѣнетъ свои красныя съ чернымъ бусы поверхъ фартучка. А лужъ было не мало, и ее приходилось безпрестанно нести, такъ какъ поутру прошелъ сильный ливень, хотя теперь вся середина неба очистилась, и только по краямъ горизонта лежали тучи большими серебристыми глыбами.

Стоило вамъ войти на дворъ фермы, и вы сразу догадались бы, что сегодня воскресенье. Куры—и тѣ, кажется, знали это: онѣ не кудахтали, а издавали какіе-то нѣжные, воркующіе звуки. Даже бульдогъ смотрѣлъ не такъ свирѣпо: казалось, если онъ и укуситъ васъ, то не особенно больно. Даже солнце какъ-будто приглашало къ отдыху—не къ труду: оно и само спало на мягкомъ мхѣ, устилавшемъ кровлю навѣса,—на спинкахъ бѣлыхъ утокъ, столпившихся въ одну кучу и подвернувшихъ носы подъ крылья,—на неуклюжемъ туловищѣ старой черной свиньи, лѣниво растянувшейся на соломѣ,—на одномъ изъ ея толстенькихъ поросятъ, устроившемъ себѣ превосходную постель на жирномъ материнскомъ брюхѣ,—на новой блузѣ пастуха Алика, расположившагося отдыхать въ довольно неудобномъ, полусидячемъ, полустоячемъ положеніи, на ступенькахъ амбара. Аликъ былъ того мнѣнія, что ходить въ церковь—роскошь, которую не можетъ позволять себѣ часто старшій работникъ, всегда занятый мыслью о погодѣ и благоденствіи овецъ. „Церковь!—да какже! Мнѣ и безъ церкви есть о чемъ думать!"—былъ постоянный его отвѣтъ на всѣ зазыванія, произносившійся горькимъ, многозначительнымъ тономъ, сразу прекращавшимъ дальнѣйшій разговоръ. Я убѣжденъ, что Аликъ не имѣлъ намѣренія оказать непочтеніе религіи; я даже знаю навѣрно, что онъ не отличался скептическимъ складомъ ума и ни въ какомъ случаѣ не пропустилъ-бы обѣдни на Рождество, на Пасху и въ Троицынъ день. Онъ только полагалъ, что религіозныя церемоніи вообще и общественное богослуженіе въ частности, какъ занятія непроизводительныя, предназначены исключительно для людей, имѣющихъ досугъ.

— А вонъ и отецъ уже стоитъ у воротъ, сказалъ Мартинъ Пойзеръ. — Онъ вѣрно хочетъ посмотрѣть, какъ мы пойдемъ по полю. Удивительно, какое у него хорошее зрѣніе для его лѣтъ; вѣдь ему семьдесятъ пять.

— Старики какъ малыя ребята, замѣтила мистрисъ Пойзеръ: — имъ все равно, на что ни смотрѣть, лишь-бы смотрѣть. Я думаю, Всемогущій Господь нарочно такъ устроилъ, чтобъ старики затихали передъ отходомъ ко сну.

Замѣтивъ приближеніе семейной процессіи, старикъ Мартинъ отворилъ калитку и стоялъ, придерживая ее одной рукой, а другою опираясь на палку, довольный тѣмъ, что и онъ тоже

работаетъ, ибо, какъ всѣмъ старымъ людямъ, чья жизнь прошла въ трудѣ, ему пріятно было думать, что онъ еще полезенъ,— что лукъ въ огородѣ лучше ростетъ оттого, что онъ былъ тамъ и видѣлъ, какъ его сажали,—что коровъ лучше выдоятъ, если въ воскресенье онъ останется дома и присмотритъ за этимъ. Въ церковь онъ хоть и ходилъ иногда, но не особенно регулярно; когда было сыро или когда разыгрывался его ревматизмъ, онъ оставался дома и читалъ три первыя главы книги Бытія.

— Вы не застанете Тіаса Бида: его уже похоронятъ, когда вы придете, сказалъ онъ сыну, когда тотъ подошелъ.—Лучше-бы имъ похоронить его поутру, когда шелъ дождь: подъ дождикъ хорошо хоронить. А теперь непохоже, чтобъ дождь опять пошелъ: вонъ мѣсяцъ лежитъ на небѣ лодочкой—видишь? Это вѣрный признакъ ясной погоды. Есть много другихъ, невѣрныхъ, но этотъ никогда не обманетъ.

— Да, да, отвѣчалъ сынъ,—я и самъ надѣюсь, что погода установится.

— Смотрите, мальчики, слушайте, что будетъ говорить пасторъ, хорошенько слушайте, сказалъ старикъ своимъ черноглазымъ внучатамъ въ коротенькихъ брючкахъ, не подозрѣвая, что совѣсть ихъ была отягчена сознаніемъ присутствія въ ихъ кармашкахъ каменныхъ шариковъ, которыми они собирались втихомолку поиграть во время проповѣди.

— Плосцай, дѣда, сказала Тотти.—Я иду въ целковь,—я буси надѣла. Дай мнѣ конфетку.

Старый дѣдъ затрясся отъ смѣха надъ сообразительностью „маленькой плутовки", затѣмъ, не спѣша, перенесъ палку изъ правой руки въ лѣвую, которая придерживала калитку, и не спѣша полѣзъ въ свой жилетный карманъ, на который Тотти смотрѣла, не сводя глазъ, довѣрчивымъ, выжидательнымъ взглядомъ.

И когда они ушли, старикъ прислонился къ калиткѣ и слѣдилъ за ними глазами, пока они не прошли первыхъ и вторыхъ воротецъ ограды и не скрылись за третьей изгородью, ибо въ тѣ времена изгороди повсюду закрывали видъ даже на самыхъ благоустроенныхъ фермахъ, а тутъ еще жимолость разрослась до того, что далеко переросла кусты остролистника, шиповникъ отовсюду высовывалъ свои розовыя головки, и надо всѣмъ этимъ возвышались—здѣсь ясень, тамъ дикая смоковница, отбрасывая свою тѣнь на дорожки.

За каждымъ плетнемъ, у каждыхъ воротецъ путниковъ поджидали старые знакомцы, которымъ приходилось давать имъ дорогу. За первымъ плетнемъ ихъ встрѣтило стадо коровъ, стоявшихъ гуськомъ, одна за другой, и рѣшительно не желавшихъ понять, что ихъ громоздкія особы могутъ мѣшать людямъ пройти. У слѣдующихъ воротецъ стояла кобыла, положивъ свою морду на верхнюю перекладину изгороди, а ря-

домъ, уткнувшись головой матери подъ брюхо,—ея гнѣдой жеребенокъ, еще нетвердый на ногахъ и видимо смущенный этимъ обстоятельствомъ. До самой дороги, по которой надо было сворачивать въ деревню, ихъ путь лежалъ по землѣ фермы, и мистеръ Пойзеръ, проходя, зорко посматривалъ на скотъ и на поля, а у мистрисъ Пойзеръ въ каждую данную минуту былъ наготовѣ комментарій на все, что попадалось имъ на глаза. Когда женщина ведетъ молочное хозяйство, она въ значительной мѣрѣ участвуетъ въ созиданіи общихъ доходовъ; поэтому ей можно позволить имѣть свое мнѣніе о скотѣ и уходѣ за нимъ, а это упражненіе развиваетъ ея сообразительность вообще, такъ-что въ концѣ концовъ она становится способной давать мужу совѣты и по другимъ отраслямъ хозяйства.

— Вонъ эта противная короткорогая Салли, сказала мистрисъ Пойзеръ, когда они подошли къ первой изгороди, за которой лежала большая корова, невозмутимо пережевывая свою жвачку и поглядывая на нихъ сонными глазами.—Я начинаю положительно ненавидѣть ее, и всегда скажу то, что говорила три недѣли тому назадъ:—чѣмъ скорѣе мы отъ нея отдѣлаемся, тѣмъ будетъ лучше. Вонъ та маленькая рыжая коровенка не даетъ и вполовину столько молока, а я получаю отъ нея вдвое больше масла.

— А у другихъ хозяевъ жены говорятъ какъ разъ обратное, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ:—всѣ онѣ любятъ короткорогій скотъ за то, что онъ даетъ много молока. Вонъ жена Чоуна объявила ему, чтобъ онъ не смѣлъ покупать ей простыхъ коровъ, а непремѣнно короткорогихъ.

— Мало-ли что говоритъ жена Чоуна!—глупая баба, у которой мозгу какъ у воробья! Она протираетъ картофель черезъ крупное рѣшето и потомъ удивляется, что онъ выходитъ комками. Довольно я насмотрѣлась на ея хозяйство. Я служанки никогда не возьму изъ ихъ дома; у нихъ все шиворотъ-на-выворотъ. Пойди ты къ нимъ въ любой день на недѣлѣ, и ты не скажешь, когда ты пришелъ—въ понедѣльникъ или въ пятницу, потому что стирка тянется у нихъ до самой субботы. Ну, а ужъ про ея сыры и говорить нечего: я навѣрное знаю, что въ прошломъ году всѣ сыры поднялись у нея, точно хлѣбъ на дрожжахъ. Сама все дѣлаетъ безъ толку, а потомъ сваливаетъ на погоду; это все равно, какъ если бы человѣкъ ходилъ на головѣ и увѣрялъ, что въ этомъ виноваты его сапоги.

— Ну что-жъ, такъ какъ Чоунъ желаетъ купить нашу Салли мы всегда можемъ отдѣлаться отъ нея, если ты хочешь, сказалъ мистеръ Пойзеръ, гордясь въ душѣ недюжинною способностью своей жены къ хозяйственнымъ выкладкамъ. Дѣйствительно, въ послѣднее время, бывая на рынкѣ, онъ неодно-

кратно имѣлъ случай убѣдиться въ вѣрности ея оцѣнки относительно этого самаго короткорогаго скота.

— Конечно, разъ человѣкъ женился на дурѣ, такъ отчего ему и не покупать короткорогихъ коровъ? Когда ты застрялъ головой въ тинѣ, такъ ужъ нечего ноги беречь... Кстати о ногахъ: взгляни—вотъ это такъ ноги—не уступятъ твоимъ, продолжала мистрисъ Пойзеръ, указывая на Тотти. Ее спустили теперь съ рукъ, такъ какъ дорога была сухая, и она бѣжала впереди.—Посмотри, какія онѣ у нея длинныя и крѣпкія,—она настоящая дочь своего отца.

— Да, лѣтъ черезъ десять она будетъ вылитая Гетти, только глаза у нея твои. Въ моей семьѣ никогда не было голубыхъ глазъ; у матери моей глаза были черные, какъ черника, совершенно, какъ у Гетти.

— Дѣвочка не будетъ хуже оттого, что не во всемъ будетъ похожа на Гетти. И я вовсе не хочу, чтобъ она была такъ уже черезчуръ хороша, хотя—ужъ если говорить о красотѣ,—такъ свѣтлые волосы и голубые глаза ничѣмъ не хуже черныхъ. Если бы Дина была чуть-чуть порумянѣе, да не носила на головѣ этихъ своихъ методистскихъ чепцовъ, которыми только воронъ пугать впору, она была-бы не хуже Гетти.

— Ну нѣтъ, протянулъ мистеръ Пойзеръ выразительно—презрительнымъ тономъ,—ты не понимаешь, въ чемъ главная суть женской красоты. За Диной мужчины никогда не будутъ бѣгать такъ, какъ за Гетти.

— Какое мнѣ дѣло до того, за кѣмъ бѣгаютъ мужчины! Довольно видѣть, на комъ они женятся, чтобы сказать, что они дураки. Развѣ умный человѣкъ возьметъ себѣ въ жены пустую бабенку, которой лишь-бы трепать хвосты по гостямъ и которая годна развѣ только на то, чтобъ ее выбросить въ печку, какъ кусокъ газовой ленточки, когда онъ полиняетъ?

— Ну хорошо, во всякомъ случаѣ ты не можешь сказать, что я сдѣлалъ плохой выборъ, женившись на тебѣ, проговорилъ мистеръ Пойзеръ, обыкновенно заканчивавшій такого рода комплиментами всѣ маленькіе супружескіе споры;—а десять лѣтъ тому назадъ ты была вдвое привлекательнѣе Дины.

— Я никогда не говорила, что женщина должна быть безобразна для того, чтобы быть хорошей женой и хозяйкой. Жена Чоуна такъ дурна, что могла-бы смѣло створаживать молоко безъ всякой закваски, но кромѣ закваски она въ хозяйствѣ ничего не сбережетъ. Ну, а бѣдняжка Дина никогда не будетъ привлекательна, пока она будетъ сидѣть на одномъ овсяномъ хлѣбѣ да на водѣ ради того, чтобы кормить чужіе рты. Она часто выводила меня изъ терпѣнія, и я всегда ей говорила: „Ты поступаешь противъ Писанія, потому что въ Писаніи сказано: *люби ближняго, какъ самого себя*, а ты его—

любишь больше себя. Да и немного добра сдѣлала-бы ты своимъ ближнимъ, еслибъ любила ихъ, какъ самое себя: ты-бы считала тогда, что они прекрасно могутъ жить впроголодь". Что-то она дѣлаетъ теперь?—сидитъ, должно быть, около той больной женщины, къ которой она такъ рвалась ѣхать.

— Да, жаль, что она забрала себѣ въ голову эти фантазіи. Еслибъ она осталась у насъ на все лѣто и ѣла-бы вдвое больше того что̀ она ѣла, намъ бы не было это въ убытокъ. Она совсѣмъ не прибавляла въ домѣ хлопотъ,—сидитъ себѣ за своимъ шитьемъ, какъ птичка въ гнѣздѣ, и всегда рада всѣмъ услужить. Если Гетти выйдетъ замужъ, я думаю, ты захочешь имѣть Дину всегда при себѣ.

— Безполезно объ этомъ говорить, сказала мистрисъ Пойзеръ.—Звать Дину переѣхать къ намъ и жить, какъ всѣ люди живутъ, все равно что манить къ себѣ ласточку. Если бы что-нибудь могло ее убѣдить, я бы давно ее убѣдила; я говорила съ ней цѣлыми часами,—и говорила, и сердилась,—вѣдь она родная дочь моей сестры, и я обязана сдѣлать для нея все, что могу. Но—вѣришь-ли—когда она сказала намъ: „прощайте", сѣла въ повозку и обернулась ко мнѣ въ послѣдній разъ своимъ блѣднымъ лицомъ, до того похожимъ на лицо ея тетки Юдифи, что, глядя на нее, я часто думаю—ужъ не Юдифь-ли это воскресла и сошла съ Неба,—когда я увидѣла ея лицо, мнѣ стало страшно, зачѣмъ я все это ей говорила, потому-что иной разъ мнѣ, право, думается, что она лучше насъ знаетъ, что̀ хорошо и что̀ дурно. Но только это не оттого, что она методистка—я никогда этому не повѣрю, какъ не повѣрю, что бѣлый теленокъ потому бѣлый, что онъ пьетъ изъ одной шайки съ чернымъ.

— Да, я и самъ не слишкомъ-то уважаю методистовъ, проговорилъ мистеръ Пойзеръ настолько брюзгливо, насколько это допускало его добродушіе.—Только купецъ можетъ сдѣлаться методистомъ; солидный хозяинъ никогда не поймается на эту удочку. Попадаются, правда, иногда и ремесленники изъ неслишкомъ способныхъ, въ родѣ Сета Бида. Небось Адамъ не сдѣлался методистомъ, а у него самая умная голова изъ всѣхъ, кого я здѣсь знаю. Онъ былъ и есть добрый церковникъ, иначе я никогда не сталъ-бы прочить его въ женихи Гетти.

— Ахъ, Боже мой! вскрикнула мистрисъ Пойзеръ, оглянувшись назадъ,—Посмотри, гдѣ Молли и мальчики,—на томъ концѣ поля!—Гетти, какъ ты могла позволить имъ такъ отстать? Если бы приставить картину смотрѣть за дѣтьми, она сдѣлала-бы это не хуже тебя. Бѣги къ нимъ, скажи, чтобы шли поскорѣй.

Мистеръ и мистрисъ Пойзеръ уже прошли второе поле; поэтому они посадили Тотти на одинъ изъ тѣхъ большихъ

камней, что служатъ межевыми столбами въ Ломширѣ, и остановились, поджидая отставшихъ, причемъ Тотти замѣтила снисходительно: „Мальцики сквелные, Тотти—холосая“.

Дѣло въ томъ, что воскресная прогулка изобиловала самыми волнующими впечатлѣніями для Марти и Томми: каждая изгородь съ кипѣвшей въ ней жизнью представляла для нихъ непрерывный спектакль, и они, какъ маленькія собачки, не могли удержаться, чтобы не останавливаться и не заглядывать въ каждую щелочку. Марти увѣрялъ, что онъ своими глазами видѣлъ подорожникъ на большой ясени, и пока онъ старался его разсмотрѣть между вѣтками, онъ прозѣвалъ бѣлодушку, которая перебѣжала тропинку у самыхъ ихъ ногъ и которую младшій мальчуганъ Томми описывалъ съ большимъ жаромъ. Потомъ имъ попался щегленокъ; онъ не умѣлъ еще хорошо летать и перепархивалъ съ кочки на кочку надъ самой землей; его ничего не стоило поймать, да только онъ спрятался подъ кустъ ежевики. Заинтересовать Гетти всѣми этими любопытными вещами не было никакой возможности; поэтому мальчики обращались къ Молли, у которой всегда было готово сочувствіе, и Молли смотрѣла, куда ей указывали, разѣвала ротъ и восклицала: „Ахъ, батюшки!“, когда нужно было удивляться.

Когда Гетти, пробѣжавъ немного, закричала имъ, что тетка ея сердится, зачѣмъ они отстали, Молли заторопилась въ испугѣ, но Марти пустился впередъ, крича: „Мама, мы нашли гнѣздо нашей пестрой индюшки!“ съ инстинктивной увѣренностью, что тотъ, кто приноситъ добрую вѣсть, не можетъ оказаться виноватымъ.

— А, вотъ молодцы! сказала мистрисъ Пойзеръ, забывая про дисциплину при этомъ пріятномъ извѣстіи.—Гдѣ-же гнѣздо?

— Вонъ тамъ подъ изгородью, такъ запрятано, что снаружи не видно. Я первый увидалъ—я искалъ тамъ щегленка,— и она сидѣла въ гнѣздѣ.

— Надѣюсь, ты ее не спугнулъ, а то она больше не вернется.

— Нѣтъ, нѣтъ, я отошелъ на цыпочкахъ и тихонько сказалъ Молли.—Правда, Молли?

— Ну, хорошо, хорошо, сказала мистрисъ Пойзеръ.—А теперь пойдемте. Берите за руку сестру и ступайте впередъ. Больше нельзя останавливаться. Хорошіе мальчики не бѣгаютъ за птицами въ воскресенье.

— Мама, а вѣдь ты обѣщала дать полкроны тому, кто найдетъ гнѣздо нашей пеструшки, сказалъ Марти.—Дашь мнѣ полкроны?—я положу въ мою копилку.

— Мы это увидимъ потомъ, а теперь будь умникъ, ступай впередъ и не шали.

Отецъ и мать обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, улыбаясь сметливости своего первенца; но на круглое личико Томми набѣжало облачко.

— Мама, заговорилъ онъ почти со слезами,—у Марти и такъ уже гораздо больше денегъ, чѣмъ у меня.

— Мама, и я хоцу полклону въ копилку, сказала Тотти.

— Довольно, довольно, замолчите! Ну, видывалъ-ли кто такихъ негодныхъ дѣтей! Если вы сейчасъ-же не успокоитесь и не будете идти смирно, никто изъ васъ не увидитъ больше своихъ денегъ.

Эта страшная угроза подѣйствовала: три пары маленькихъ ногъ засѣменили впереди, и два поля, остававшихся до церкви, были пройдены безъ особенно серьезныхъ препятствій, не смотря на то, что имъ попалась на пути глубокая лужа, кипѣвшая головастиками, на которыхъ мальчики поглядѣли съ тоской, проходя.

Мокрое сѣно, которое завтра предстояло сызнова трясти и поворачивать, было не особенно утѣшительнымъ зрѣлищемъ для мистера Пойзера. Сказать по правдѣ, во время уборки хлѣба и сѣна его частенько-таки одолѣвали сомнѣнія насчетъ пользы отдыха въ воскресные дни; но никакое искушеніе не могло-бы заставить его работать въ полѣ въ праздникъ, хотя-бы даже раннимъ утромъ. Развѣ у Микеля Гольдсворта не пала пара быковъ, послѣ того, какъ онъ пахалъ въ святую пятницу? И развѣ это не доказывало, что работать въ праздникъ грѣшно? А Мартинъ Пойзеръ твердо зналъ, что онъ никогда не будетъ имѣть съ грѣхомъ ничего общаго, и что деньги, добытыя такими путями, не пойдутъ въ прокъ.

— Просто руки чешутся взяться за сѣно, когда солнышко такъ славно пригрѣваетъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ, когда они проходили „большимъ лугомъ“.—Но я никогда не позволю себѣ поступить противъ совѣсти; грѣшно даже и думать объ этомъ. Вонъ Джимъ Векфильдъ—тотъ, котораго прозвали „бариномъ“ — никогда бывало не разбиралъ, что̀ будни, точно на свѣтѣ нѣтъ ни Бога, ни дьявола. И что-же? До чего онъ дошелъ?—въ послѣдній разъ на рынкѣ я самъ, своими глазами видѣлъ, какъ онъ продавалъ на улицѣ апельсины.

— Еще-бы! торжественно согласилась мистрисъ Пойзеръ.— Кто хочетъ поймать удачу, не долженъ знаться со зломъ: зло плохая приманка для счастья. Если ты добываешь деньги нечистыми средствами, онѣ непремѣнно прожгутъ твой карманъ. Я не хотѣла-бы оставить нашимъ дѣтямъ лишней копѣйки, добытой незаконно. Ну, а погоду посылаетъ намъ Богъ, и мы должны покоряться.

Не смотря на остановку въ пути, превосходная привычка часовъ мистрисъ Пойзеръ забѣгать впередъ сдѣлала то, что когда они пришли въ деревню, было еще только безъ четверти два. Впрочемъ, всѣ, кто пришелъ сюда молиться, уже собрались въ церковной оградѣ, на кладбищѣ. Дома остались почти-что однѣ матери малолѣтнихъ дѣтей въ родѣ Тимофе-

евой Бессъ, которая стояла теперь у себя на крыльцѣ и кормила ребенка, чувствуя—какъ чувствуетъ большинство женщинъ въ ея положеніи,—что больше съ нея и спрашивать нечего.

Нельзя сказать, чтобы весь этотъ народъ столпился на кладбищѣ такъ рано—задолго до начала службы—съ единственной цѣлью посмотрѣть, какъ будутъ хоронить Тіаса Бида; они всегда собирались такъ рано. Правда, женщины сейчасъ-же входили въ церковь, гдѣ и принимались болтать между собой—конечно, въ полголоса—черезъ высокія спинки скамей о своихъ болѣзняхъ и о томъ, что докторское лекарство никуда не годится, и что настой изъ одуванчиковъ и другія домашнія средства гораздо дѣйствительнѣе, и о томъ, что прислуга съ каждымъ годомъ становится требовательнѣе относительно жалованья, а работаетъ хуже, и что теперь не найдешь ни одной порядочной служанки, на которую можно было-бы положиться, и о томъ, какъ дешево предлагаетъ за масло Треддльстонскій зеленщикъ мистеръ Дингаль, и что есть много основаній сомнѣваться въ его состоятельности, хотя мистрисъ Дингаль добрая женщина, и ее нельзя не пожалѣть, потому что у нея хорошее родство. Мужчины-же тѣмъ временемъ стояли въ оградѣ, и кромѣ пѣвчихъ, которые отправлялись на хоры заранѣе, гдѣ каждый репетировалъ вполголоса отрывки изъ своей партіи, никто не входилъ въ церковь, пока на каѳедрѣ не появлялся мистеръ Ирвайнъ. Они не видѣли причины забираться туда спозаранку (что имъ было дѣлать въ церкви, когда служба еще не началась?) и не допускали мысли, чтобы какая-либо земная власть могла покарать ихъ за то, что они постоятъ въ оградѣ и поболтаютъ немного о дѣлахъ.

Чеда Крэнеджа невозможно узнать: сегодня у него его воскресное, чистое лицо, котораго всегда пугается его маленькая внучка и начинаетъ кричать, принимая его за чужого. Но опытный глазъ сейчасъ-же признаетъ въ немъ деревенскаго кузнеца по той униженной почтительности, съ какою этотъ рослый и задорный дѣтина снимаетъ шляпу передъ фермерами. Ибо Чедъ Крэнеджъ придерживается того мнѣнія, что рабочій человѣкъ долженъ ставить свѣчку... одному господину, который, говорятъ, такъ-же черенъ, какъ кузнецъ въ будніе дни. Впрочемъ, хоть это правило поведенія выходитъ въ его устахъ и несовсѣмъ благозвучно, Чедъ не подразумѣваетъ подъ нимъ ничего особенно дурного: онъ хочетъ только сказать, что кузнецъ долженъ обращаться почтительно съ людьми, у которыхъ есть лошади, потому-что кузнецу нужно ковать. Чедъ и группа чернорабочихъ держались въ сторонѣ отъ могилы подъ бѣлымъ кустомъ, гдѣ шло отпѣваніе; но Огненный Джимъ и нѣсколько человѣкъ работниковъ съ фермъ обступили ее плотной кучкой и стояли съ непокрытыми головами вмѣстѣ съ вдовой и сыновьями покойнаго въ

качествѣ участниковъ похоронъ. Остальные занимали среднюю позицію; они то наблюдали за группой у могилы, то прислушивались къ разговору фермеровъ, стоявшихъ отдѣльной кучкой у церковныхъ дверей. Къ этой-то кучкѣ присоединился теперь Мартинъ Пойзеръ, между тѣмъ какъ семья его прошла прямо въ церковь. Тутъ-же пребывалъ и мистеръ Кассонъ, хозяинъ „Герба Донниторновъ". Онъ стоялъ въ самой поразительной изъ своихъ позъ—заложивъ указательный палецъ правой руки за пуговицу жилета, засунувъ лѣвую въ карманъ панталонъ и согнувъ голову на бокъ. Въ общемъ онъ очень напоминалъ актера безъ рѣчей, но который тѣмъ не менѣе чувствуетъ, что публика признаетъ его артистомъ на главныя роли, и представлялъ любопытный контрастъ со старикомъ Бурджемъ, который стоялъ, заложивъ руки за спину, и, согнувшись впередъ, покашливалъ удушливымъ кашлемъ, презирая въ душѣ все, что не могло быть обращено въ наличныя деньги. Сегодня эта компанія разговаривала не такъ громко, какъ обыкновенно, стѣсняемая, быть можетъ, звуками голоса мистера Ирвайна, дочитывавшаго послѣднюю молитву панихиды. У каждаго изъ этихъ людей нашлось слово сожалѣнія для бѣднаго Тіаса, но теперь разговоръ коснулся болѣе близкой имъ темы—ихъ общаго неудовольствія противъ Сатчеля, управляющаго мистера Донниторна, разыгрывавшаго въ замкѣ роль эконома и дворецкаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отказывался отъ этой роли самъ сквайръ, ибо этотъ джентльменъ доводилъ свою мелочность до того, что собственноручно получалъ ренту со своихъ арендаторовъ и самолично торговался изъ-за собственнаго своего лѣса. Такой предметъ разговора былъ только лишней причиной понижать голоса, такъ какъ самъ Сатчель могъ каждую минуту показаться на мощеной дорожкѣ, которая вела къ церкви. Впрочемъ, вскорѣ всѣ разомъ затихли, потому что голосъ мистера Ирвайна умолкъ, и группа людей, окружавшихъ могилу подъ бѣлымъ кустомъ, направилась къ церкви.

Стоявшіе у церковныхъ дверей разступились и сняли шляпы, пропуская мистера Ирвайна. За нимъ шли Адамъ съ Сетомъ и между ними ихъ мать, ибо Джошуа Раннъ, исполнявшій, кромѣ должности приходскаго клерка, еще и обязанности старшаго могильщика, былъ занятъ и не могъ слѣдовать за ректоромъ въ ризницу. Но родные покойника подошли не сразу. Лизбета еще остановилась и оглянулась въ послѣдній разъ на могилу. Теперь тамъ виднѣлась только кучка черной земли,—все было кончено. А между тѣмъ сегодня она плакала меньше, чѣмъ всѣ эти дни со смерти мужа; къ ея горю—какъ ни было оно велико,—примѣшивалось непривычное сознаніе собственной важности,—сознаніе, что изъ ея дома хоронятъ покойника, и что она—первое лицо на этихъ похоронахъ,—что мистеръ Ирвайнъ служилъ панихиду по ея

мужѣ, и что въ церкви будутъ пѣть для него особый похоронный псаломъ. И это пріятное возбужденіе, шедшее въ разрѣзъ съ ея горемъ, сказалось еще сильнѣе, когда она съ сыновьями подходила къ церковнымъ дверямъ и видѣла, какими сочувственными, дружескими поклонами встрѣчали ихъ земляки.

Наконецъ мать и сыновья прошли въ церковь, и остальные послѣдовали за ними одинъ за другимъ. Но нѣсколько человѣкъ еще замѣшкалось на паперти; быть можетъ, это объяснялось тѣмъ, что они увидѣли карету Донниторновъ, медленно поднимавшуюся по склону холма; быть можетъ, видъ этой кареты убѣдилъ ихъ, что не было никакой нужды торопиться.

Но вотъ раздались звуки органа; запѣли вечерній гимнъ, которымъ всегда начиналась служба: теперь надо было входить и занимать мѣста.

Я не могу сказать, чтобы внутренность Гейслопской церкви была замѣчательна чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ сѣдой древности своихъ массивныхъ дубовыхъ скамей, размѣщенныхъ по обѣ стороны узкаго придѣла. Во всякомъ случаѣ эта церковь была безспорно свободна отъ современнаго недостатка—обилія галлерей. Хоры ея состояли изъ двухъ отдѣльныхъ узенькихъ скамеекъ, занимавшихъ середину праваго ряда, такъ что Джошуа Ранну требовалось очень немного времени на то, чтобы занять на одной изъ нихъ свое мѣсто перваго баса и затѣмъ, по окончаніи пѣнія, возвратиться къ своему аналою. Каѳедра и аналой—ровесники массивнымъ скамьямъ—помѣщались по одну и ту-же сторону длинной аркады, которая вела въ алтарь, и здѣсь-же, подъ аркадой стояли двѣ особыя скамьи для семейства и слугъ мистера Донниторна. Но могу васъ увѣрить, что эти старыя скамьи, въ соединеніи съ желтоватымъ цвѣтомъ стѣнъ, придавали необыкновенно пріятный тонъ этому убогому храму и въ высшей степени гармонировали съ румяными лицами и яркими жилетами его прихожанъ. А къ сторонѣ алтаря картина оживлялась еще и малиновымъ цвѣтомъ, такъ какъ на каѳедрѣ и на скамьѣ Донниторновъ лежали красивыя малиновыя подушки, а передъ самымъ алтаремъ вся эта перспектива заканчивалась малиновой завѣсой съ золотыми лучами, вышитыми собственными ручками миссъ Лидіи Донниторнъ.

Но даже и безъ этой малиновой завѣсы здѣсь должно было становиться тепло и уютно, когда на каѳедрѣ появлялся мистеръ Ирвайнъ и обводилъ ласковымъ взглядомъ свою скромную паству—здоровыхъ стариковъ—быть можетъ сгорбленныхъ и согнувшихся въ колѣняхъ, но достаточно сильныхъ, чтобы еще много лѣтъ чинить изгороди и рѣзать солому для крышъ, высокія статныя фигуры и грубыя, загорѣлыя лица каменьщиковъ и плотниковъ, — зажиточныхъ фермеровъ съ ихъ

толстощекими ребятишками,—чистенькихъ старухъ, все больше женъ работниковъ на фермахъ, съ ихъ выглядывающею изъ подъ черныхъ шляпокъ бѣлоснѣжной полоской чепцовъ и по локоть голыми сморщенными руками, безстрастно сложенными на груди. Ибо никто изъ этихъ стариковъ не имѣлъ въ рукахъ молитвенника, да и зачѣмъ?—никто изъ нихъ не умѣлъ читать. Но они знали нѣсколько хорошихъ молитвъ наизусть, и ихъ сморщенныя губы беззвучно шевелились, повторяя за священникомъ святыя слова—безъ особенно яснаго пониманія, это правда, но съ простодушной вѣрой въ могущество этихъ словъ охранить ихъ отъ зла и призвать на ихъ головы Божію благодать. А теперь всѣ лица были видны, потому что всѣ стояли—маленькія дѣти на скамьяхъ, выглядывая изъ за высокихъ спинокъ,—пока пѣвчіе пѣли прекрасный вечерній гимнъ епископа Кена на одинъ изъ тѣхъ живыхъ церковныхъ напѣвовъ, которые умерли вмѣстѣ съ послѣднимъ поколѣніемъ ректоровъ и приходскихъ клерковъ-хористовъ. Мелодіи, какъ свирѣль Пана, умираютъ съ тѣми, кто любилъ ихъ и слушалъ.

Адама не было на его всегдашнемъ мѣстѣ между пѣвчими; онъ сидѣлъ съ матерью и братомъ и съ удивленіемъ замѣтилъ, что Бартль Масси тоже отсутствуетъ,—обстоятельство, доставлявшее большое удовольствіе мистеру Джошуа Ранну, который пускалъ свои басовыя ноты съ особеннымъ благоволеніемъ и бросалъ особенно суровые взгляды черезъ очки на богоотступника Вилля Маскери.

Я убѣдительно васъ прошу вообразить мистера Ирвайна въ тотъ моментъ, когда онъ обозрѣваетъ эту картину, стоя на каѳедрѣ въ своемъ широкомъ бѣломъ стихарѣ, который удивительно къ нему идетъ, съ напудренными, зачесанными назадъ волосами, съ своимъ роскошнымъ смуглымъ цвѣтомъ лица и тонко очерченными ноздрями и верхней губой, ибо въ этомъ добромъ и гордомъ лицѣ есть своего рода святость, какъ и во всѣхъ человѣческихъ лицахъ, въ которыхъ свѣтится благородная душа. И надо всѣмъ этимъ сіяетъ прелестное іюньское солнце, проникая сквозь старыя окна съ желтыми красными и синими стеклами, отбрасывающими веселые блики на противоположную стѣну.

Мнѣ кажется, что сегодня взглядъ мистера Ирвайна, обводя молящихся, чуть-чуть подольше остановился на той скамьѣ, которую занимала семья Пойзеровъ. Была здѣсь и еще одна пара темныхъ глазъ, которая не могла не обращаться въ ту сторону и не останавливаться на прелестной розовой съ бѣлымъ фигуркѣ. Но Гетти не замѣчала ничьихъ взглядовъ: она была вся поглощена мыслью о томъ, что Артуръ Донни торнъ скоро войдетъ въ церковь,—навѣрно его карета уже стоитъ у церковныхъ дверей. Она ни разу не видѣла его съ того вечера, послѣ ихъ разставанья въ лѣсу, и—Боже мой!—

какъ долго тянулось для нея это время! Ея жизнь шла по прежнему; чудеса, случившіяся въ тотъ памятный вечеръ, не принесли съ собой никакихъ перемѣнъ, они казались ей теперь почти сномъ. Когда она услышала стукъ захлопнувшейся двери, сердце ея забилось такъ сильно, что она не смѣла поднять глазъ. Она почувствовала скорѣе, чѣмъ увидѣла, что тетка ея кланяется; она тоже присѣла Должно быть, это старый сквайръ: онъ всегда входитъ первымъ—этотъ маленькій сморщенный старикашка,—и всегда такъ смѣшно оглядывается своими близорукими глазами на поклоны прихожанъ. Потомъ она догадалась, что прошла миссъ Лидія, и какъ ни любила она разсматривать ея маленькую шляпку съ гирляндой чайныхъ розъ вокругъ тульи, сегодня она о ней и не вспомнила. Но что это значитъ?—больше не кланяются. Вѣрно онъ не пришелъ. Мимо нея промелькнули: черная шляпка ключницы, хорошенькая соломенная шляпа камеристки, принадлежавшая когда-то миссъ Лидіи, и напудренныя головы дворецкаго и лакея, но больше никто не проходилъ—она это навѣрное знала. Нѣтъ, онъ не пришелъ. Но все таки она посмотритъ,—она могла ошибиться: вѣдь она еще не смотрѣла по настоящему. И Гетти подняла рѣсницы и бросила робкій взглядъ на малиновую скамью передъ алтаремъ: тамъ были только старикъ Доннитoрнъ, протиравшій свои очки бѣлымъ платкомъ, да миссъ Лидія, открывавшая свой большой золотообрѣзный молитвенникъ. Холодное разочарованіе сжало сердце Гетти. Она не могла этого вынести; она почувствовала, что блѣднѣетъ; губы ея задрожали, она была готова заплакать. О, что ей дѣлать! Всѣ теперь догадаются что съ ней, всѣ поймутъ, что она плачетъ оттого, что Артуръ не пришелъ. А тутъ еще этотъ противный мистеръ Крегъ съ какимъ-то удивительнымъ оранжерейнымъ цвѣткомъ въ петличкѣ таращитъ на нее глаза—она это чувствовала. Она едва могла дождаться начала общей исповѣди, когда ей можно будетъ спуститься на колѣни вмѣстѣ съ другими. И тутъ-то двѣ крупныя капли скатились у нея по щекамъ. Впрочемъ, кромѣ добродушной Молли, никто ихъ не замѣтилъ, такъ какъ дядя и тетка стояли впереди. Молли, не допускавшая никакой другой причины слезъ въ церкви, кромѣ дурноты, о которой она имѣла лишь смутное, традиціонное представленіе, немедленно вытащила изъ кармана какой-то смѣшной плоскій синій флакончикъ съ нюхательными солями и послѣ довольно долгихъ хлопотъ съ пробкой, которая не хотѣла выниматься, сунула его подъ носъ Гетти. „Не пахнетъ“, шепнула она, въ полной увѣренности, что въ этомъ-то и состоитъ главное преимущество старыхъ солей надъ свѣжими: онѣ не щиплютъ вамъ носа и вмѣстѣ съ тѣмъ помогаютъ. Гетти нетерпѣливо оттолкнула флакончикъ, но эта маленькая вспышка досады сдѣлала то, чего не сдѣлали-бы никакія соли: она заставила ее взять

себя въ руки, вытереть слѣды слезъ и постараться больше не плакать. Въ узкой, тщеславной натурѣ Гетти была своего рода сила характера. Все на свѣтѣ она перенесла-бы легче, чѣмъ насмѣшку; ей нестерпимо было думать, что на нее могутъ указывать и смотрѣть съ какимъ-либо инымъ чувствомъ кромѣ восхищенія. Она скорѣе до крови запуститъ ногти въ свои нѣжныя ладони, чѣмъ выдастъ людямъ тайну, которую она хочетъ отъ нихъ скрыть.

Какія мысли проносились въ ея головѣ, какія чувства волновали ее, пока мистеръ Ирвайнъ произносилъ торжественныя слова „отпущенія", къ которымъ уши ея были глухи, и потомъ, во время всѣхъ переходовъ послѣдующаго воззванія. Обманутое ожиданіе близко граничитъ съ гнѣвомъ, и вскорѣ гнѣвъ взялъ верхъ надъ всѣми выводами, къ какимъ только могла придти ея узкая изобрѣтательность для объясненія отсутствія Артура, предполагая, что онъ дѣйствительно *хотѣлъ* быть въ церкви, что онъ дѣйствительно *хотѣлъ* ее видѣть. И къ тому времени, когда она поднялась съ колѣнъ—машинально, вслѣдъ за другими,—на щекахъ ея опять игралъ румянецъ, и даже ярче прежняго, потому что въ ея душѣ бушевало негодованіе, и она сочиняла про себя гнѣвныя рѣчи—говорила, что она ненавидитъ Артура за то, что онъ заставилъ ее страдать, и хочетъ, чтобъ и онъ тоже страдалъ. А между тѣмъ, пока этотъ себялюбивый гнѣвъ разгорался въ ея сердцѣ, глаза ея были опущены на молитвенникъ, и темная бахрома рѣсницъ была плѣнительна, какъ всегда. Адамъ Бидъ подумалъ это, когда взглянулъ на нее, поднявшись съ колѣнъ.

Но мысли о Гетти не дѣлали Адама глухимъ къ словамъ божественной службы. Чувство его къ Гетти сливалось со всѣми другими глубокими чувствами, для которыхъ эти святыя слова служили сегодня проводникомъ, какъ это всегда бываетъ съ нами въ минуты душевнаго подъема, когда къ ощущеніямъ даннаго момента примѣшивается сознаніе нашего прошлаго и воображаемаго будущаго. А для Адама—для наполнявшихъ его чувствъ—церковная служба была такимъ проводникомъ, лучше котораго нельзя было придумать: эта смѣсь смиренія, раскаянія и порываній къ небу, это непрестанное чередованіе воплей о помощи съ страстными вспышками вѣры и славословіями, эти вновь и вновь повторяющіяся слова отвѣтныхъ возгласовъ и знакомый ритмъ короткихъ молитвъ говорили его душѣ гораздо больше, дѣйствовали на него гораздо сильнѣе, чѣмъ могла-бы подѣйствовать всякая другая форма поклоненія божеству. Вѣроятно и первымъ христіанамъ, всю жизнь съ ранняго дѣтства молившимся въ катакомбахъ, свѣтъ факеловъ и черныя тѣни живѣе напоминали о присутствіи Божества, нежели свѣтъ дня на улицахъ языческихъ городовъ. Тайна нашихъ ощущеній лежитъ не въ одномъ только ихъ объектѣ, а еще и въ неуловимой связи

его съ нашимъ прошлымъ. Неудивительно, что она ускользаетъ отъ несочувствующаго наблюдателя, и напрасно онъ будетъ вооружаться своею наблюдательностью, желая проникнуть ее: съ такимъ-же успѣхомъ онъ могъ бы вооружиться очками для того, чтобы различить запахъ.

Но даже на случайнаго посѣтителя богослуженіе въ Гейслопской церкви должно было дѣйствовать особенно сильно—сильнѣе, чѣмъ въ большинствѣ церквей нашихъ глухихъ деревень; и на то была своя, особая причина, о которой—я убѣжденъ—вы нимало не догадываетесь. Причина эта была—чтеніе нашего пріятеля Джошуа Ранна. Гдѣ этотъ простой деревенскій башмачникъ научился такъ удивительно читать—оставалось тайной даже для самыхъ близкихъ его друзей. Я думаю, что главнымъ его учителемъ была природа. Природа вложила часть своей музыки въ ограниченную душу этого честнаго ремесленика, какъ она это дѣлала и для другихъ узкихъ душъ до него. Во всякомъ случаѣ природа дала ему его чудесный басъ и музыкальное ухо; но я не рискну утверждать положительно, что только голосъ и слухъ вдохновляли его въ тѣхъ богатѣйшихъ модуляціяхъ, съ какими онъ подавалъ свои отвѣтные возгласы. Его манеру читать, когда голосъ его отъ глубокаго forte переходилъ къ меланхолическому piano, замирая на концѣ послѣдняго слова гудящимъ, едва слышнымъ эхо, въ родѣ того, какъ замираютъ дрожащіе звуки хорошей віолончели, я могу сравнить по силѣ тихой скорби, проникавшей ее, развѣ только съ порывами и завываніемъ осенняго вѣтра въ лѣсу. Можетъ показаться страннымъ, что я такъ говорю о чтеніи какого-то приходскаго клерка—человѣка въ ржавыхъ желѣзныхъ очкахъ, съ щетинистыми волосами, съ широкой шеей и заостреннымъ, сдавленнымъ черепомъ. Но таковы капризы природы: изящный джентльменъ съ великолѣпной наружностью и поэтическими стремленіями поетъ жестоко не въ тонъ,—она это допускаетъ и даже ничѣмъ не намекнетъ ему, что онъ поетъ фальшиво, но позаботится о томъ, чтобы какой-нибудь узколобый дѣтина, распѣвая балладу въ углу кабачка, оставался вѣренъ, какъ птица, мелодіи и размѣру.

Самъ Джошуа не слишкомъ цѣнилъ свое чтеніе; онъ гораздо больше гордился своимъ пѣніемъ и, переходя отъ аналоя на хоры, дѣлалъ это всегда съ усиленнымъ сознаніемъ собственной важности. А сегодня тѣмъ болѣе. Случай былъ чрезвычайный: умеръ старикъ, знакомый всему приходу,—умеръ страшной смертью, безъ покаянія,—а для ума крестьянина ничего не можетъ быть ужаснѣе этого,—и вотъ, въ память его внезапной смерти они будутъ пѣть похоронный псаломъ. Къ тому-же Бартля Масси не было въ церкви, и слѣдовательно ничто не будетъ затмѣвать славы Джошуа, какъ пѣвца. И они запѣли. Напѣвъ былъ торжественный, въ

минорномъ тонѣ. Въ старинныхъ псалмахъ много скорбнаго, и слова: „Ты сметаешь насъ, какъ потокомъ; мы исчезаемъ, какъ сны“ казались какъ-то особенно подходящими къ смерти бѣднаго Тіаса. Мать и сыновья слушали—каждый съ своимъ, особымъ чувствомъ. Лизбета безотчетно вѣрила, что это пѣніе на пользу ея мужу: оно составляло часть тѣхъ „хорошихъ“ похоронъ, на которыхъ она такъ настаивала; она часто дѣлала его несчастнымъ при жизни; но это, по ея понятіямъ, не было для него такимъ зломъ, какъ еслибы она лишила его приличнаго погребенія. Чѣмъ больше говорилось объ ея покойникѣ, чѣмъ больше дѣлалось для него, тѣмъ лучше ему на томъ свѣтѣ. Такъ чувствовала бѣдная темная крестьянка Лизбета, смутно понимая, что человѣческая любовь и жалость служатъ источникомъ вѣры въ иную, высшую любовь. Сетъ, всегда отличавшійся чувствительностью, проливалъ слезы и старался увѣрить себя, что довольно одного мига сознанія передъ концомъ, чтобы получить прощеніе и примириться съ Богомъ, припоминая все, что онъ когда-нибудь слышалъ объ этомъ, ибо не говорилось-ли въ этомъ самомъ псалмѣ, который теперь пѣли, что пути Божіи неисповѣдимы, и дѣла Его не ограничены временемъ? Съ Адамомъ никогда еще до сихъ поръ не случалось, чтобъ онъ былъ не въ силахъ участвовать въ божественномъ пѣніи. Онъ пережилъ не мало горя; его испытанія начались съ отроческихъ лѣтъ, но это была первая скорбь, лишившая его голоса и—странная вещь!—скорбь была именно въ томъ, что онъ освободился отъ главнаго источника своихъ прежнихъ тяготъ и скорбей. Ему не пришлось пожать руку отцу передъ разлукой и сказать: „Отецъ, ты знаешь, я любилъ тебя; я никогда не забывалъ, чѣмъ я тебѣ обязанъ, какъ много ты дѣлалъ для меня, когда я былъ ребенкомъ,—прости-же меня, если я бывалъ нетерпѣливъ съ тобой иной разъ“. Адамъ не вспоминалъ сегодня, какъ много тяжелаго труда онъ положилъ на отца, сколько пошло на него его кровныхъ, заработанныхъ денегъ; онъ думалъ о томъ, что долженъ былъ чувствовать старикъ въ минуты своего униженія. Когда наше негодованіе переносится въ покорномъ молчаніи, укоры совѣсти являются обыкновеннымъ послѣдствіемъ этого: насъ начинаютъ грызть сомнѣнія, мы упрекаемъ себя, если не въ недостаткѣ справедливости, то въ недостаткѣ великодушія во всякомъ случаѣ. Насколько-же сильнѣе должно быть это чувство, когда предметъ нашего гнѣва ушелъ отъ насъ въ страну вѣчнаго безмолвія, когда лицо его вспоминается намъ, какимъ мы видѣли его въ послѣдній разъ—запечатлѣнное кроткимъ покоемъ смерти.

„Да, я былъ слишкомъ суровъ, говорилъ себѣ Адамъ.—Я всегда этимъ грѣшу: я не умѣю быть терпѣливымъ съ людьми, когда они дурно поступаютъ; сердце мое закрывается для нихъ, и я не могу заставить себя имъ простить. Я и самъ

вижу, что въ моей душѣ больше гордости, чѣмъ любви. Такимъ я былъ и съ отцомъ: мнѣ легче было лишнюю тысячу разъ ударить молоткомъ, чѣмъ заставить себя сказать ему доброе слово. Я исполнялъ свою обязанность—работалъ для отца; но вѣдь дьяволъ прикладываетъ свою руку не къ однимъ нашимъ грѣхамъ, а и къ тому, что мы зовемъ своими обязанностями. Быть можетъ все то хорошее, что я когда-нибудь сдѣлалъ, было легчайшимъ для меня. Мнѣ всегда было пріятнѣе работать, чѣмъ сидѣть сложа руки, а вотъ свой нравъ покорить, смирить свою гордость—вотъ это было для меня настоящей тяжелой работой. Мнѣ кажется, что еслибы сейчасъ я возвратился домой и засталъ тамъ отца—живого, я велъ-бы себя иначе; такъ мнѣ теперь кажется, но какъ знать? — можетъ быть только то и служитъ намъ урокомъ, что мы узнаемъ слишкомъ поздно. Хорошо было-бы, еслибъ мы всегда помнили, что жизнь нельзя передѣлывать заново. На этомъ свѣтѣ нѣтъ искупленія: что ты сдѣлалъ дурного, того ужъ не исправишь, какъ не исправишь невѣрнаго вычитанія тѣмъ, что сдѣлаешь вѣрно сложеніе".

Таковъ былъ главный тонъ мыслей Адама со дня смерти его отца, и торжественный, печальный напѣвъ похороннаго гимна только усиливалъ напряженность этихъ привычныхъ мыслей. Въ такомъ-же направленіи подѣйствовала на него и проповѣдь, для которой мистеръ Ирвайнъ взялъ текстъ, имѣвшій отношеніе къ смерти Тіаса. Это была простая, коротенькая проповѣдь на слова: „Среди жизни мы въ смерти"; проповѣдникъ говорилъ о томъ, что только настоящую минуту можемъ мы считать своею, и потому, если мы хотимъ быть справедливы и сострадательны, если хотимъ доказать свою любовь нашимъ близкимъ, мы должны пользоваться этой минутой. Все старыя истины, но то, что мы считали избитой, старой истиной, поражаетъ насъ какъ новость, когда мы видѣли мертвое лицо человѣка, составлявшаго часть нашей жизни. Не совершенно-ли также, желая показать намъ эффектъ какого-нибудь новаго яркаго свѣта, вы освѣщаете имъ самые обыденные, знакомые намъ предметы, чтобы мы могли лучше оцѣнить его силу, вспоминая тѣ-же предметы при болѣе сумрачномъ освѣщеніи?

Но вотъ настала минута послѣдняго благословенія, и раздались слова: „Благословеніе Господне на васъ", исполненныя вѣчнаго, высокаго смысла и какъ-бы сливавшіяся съ тихимъ сіяніемъ вечерняго солнца, падавшимъ сверху на склоненныя головы молящихся. Затѣмъ всѣ тихо поднялись съ мѣстъ; матери одѣвали маленькихъ дѣтей, проспавшихъ всю проповѣдь, отцы собирали молитвенники; наконецъ всѣ потянулись къ выходу черезъ старинную аркаду и высыпали на паперть и на зеленое кладбище. Начался обмѣнъ учтивостей, завязалась пріятельская бесѣда, посыпались приглаше-

нія къ чаю, ибо въ воскресенье всякій былъ радъ гостю, — воскресенье такой день, когда всѣ должны быть въ своемъ лучшемъ нарядѣ и въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Мистеръ и мистрисъ Пойзеръ остановились на паперти, поджидая Адама; имъ не хотѣлось уйти, не сказавъ ласковаго слова вдовѣ и ея сыновьямъ.

— Не падайте духомъ, мистрисъ Бидъ, сказала мистрисъ Пойзеръ, когда тѣ подошли, и они всѣ вмѣстѣ тронулись въ путь. — Мужья и жены должны считать себя счастливыми, если они дожили вмѣстѣ до сѣдыхъ волосъ и выростили дѣтей.

— Конечно, — подтвердилъ мистеръ Пойзеръ: — тогда имъ недолго ждать другъ друга на томъ свѣтѣ. А у васъ, мистрисъ Бидъ, такіе два молодца сына, что другихъ такихъ по всей округѣ не сыщешь. Впрочемъ у васъ и должны быть здоровыя дѣти: я помню, какимъ высокимъ, широкоплечимъ дѣтиной былъ бѣдный Тіасъ въ свое время. Да и вамъ грѣхъ пожаловаться: вонъ какъ вы до сихъ поръ прямо держитесь— лучше любой изъ нынѣшнихъ молоденькихъ женщинъ.

— Да, битая посуда, говорятъ, два вѣка живетъ,—сказала Лизбета,—только ей-то мало отъ этого проку. Чѣмъ скорѣй меня положатъ подъ Бѣлыми Кустами, тѣмъ лучше; я никому теперь не нужна.

Адамъ никогда не возражалъ на эти маленькія несправедливыя жалобы, но Сетъ сказалъ:

— Нѣтъ, мама, напрасно ты такъ говоришь; у твоихъ сыновей другой матери ужъ не будетъ.

— Правда, парень, совершенная правда,—подхватилъ мистеръ Пойзеръ. — Онъ правъ, мистрисъ Бидъ; грѣшно такъ поддаваться горю; это только маленькому ребенку пристало плакать, когда отецъ или мать отберутъ у него игрушку. Отецъ нашъ Небесный лучше насъ знаетъ, что для насъ хорошо.

— Да, грѣшно ставить мертвыхъ выше живыхъ,—сказала мистрисъ Пойзеръ.—Всѣ мы когда-нибудь умремъ, и мнѣ кажется, было-бы лучше, еслибъ намъ доказывали свою любовь, пока мы живы, чѣмъ начинать заботиться о насъ, когда насъ нѣтъ. Какая польза поливать прошлогоднее жнитво?

— Надѣюсь, Адамъ, — заговорилъ мистеръ Пойзеръ, чувствуя, что въ словахъ его жены было, какъ всегда, больше правды, чѣмъ мягкости, и что будетъ лучше перемѣнить разговоръ, — надѣюсь, вы теперь скоро опять къ намъ придете. Давно уже мы съ вами не бесѣдовали, да и хозяйкѣ моей вы нужны: у нея сломалась лучшая ея самопрялка; надо, чтобъ вы взглянули, что можно съ ней сдѣлать, а работы будетъ, кажется, не мало. Такъ вы придете?—мы будемъ васъ ждать.

Мистеръ Пойзеръ замолчалъ и озирался по сторонамъ, отыскивая кого-то глазами—очевидно Гетти, такъ какъ дѣти

бѣжали впереди. Гетти шла не одна, и если прежде въ ея нарядѣ преобладали розовый и бѣлый цвѣта, то теперь и подавно: теперь она держала въ рукѣ удивительный розовый съ бѣлымъ оранжерейный цвѣтокъ съ какимъ-то очень длиннымъ названіемъ—шотландскимъ, какъ она полагала, потому-что всѣ говорили, что мистеръ Крегъ, садовникъ, былъ шотландецъ. Адамъ воспользовался случаемъ и тоже оглянулся въ ту сторону, и, я надѣюсь, вы не посѣтуете на него за то, что онъ не ощутилъ ни малѣйшей досады, замѣтивъ, съ какимъ капризно-недовольнымъ выраженіемъ на своемъ прелестномъ личикѣ Гетти слушала болтовню мистера Крега. А между тѣмъ въ глубинѣ души она была рада его обществу, потому-что надѣялась узнать отъ него, отчего Артура не было въ церкви. Она, конечно, и не подумаетъ разспрашивать его, но можетъ быть онъ скажетъ самъ, какъ-нибудь случайно, ибо мистеръ Крегъ, въ качествѣ лица, занимавшаго высокое положеніе въ замкѣ, очень любилъ сообщать новости.

Мистеръ Крегъ не подозрѣвалъ, что его пріятная бесѣда и ухаживанія принимаются холодно, ибо даже для самаго широкаго ума бываетъ невозможно перенестись на чужую точку зрѣнія дальше извѣстныхъ границъ. Никто изъ насъ не знаетъ, какое впечатлѣніе мы производимъ на бразильскихъ обезьянъ съ слабо развитымъ мозгомъ: очень возможно, что онѣ о насъ самаго низкаго мнѣнія. Къ тому-же мистеръ Крегъ былъ человѣкъ не слишкомъ пылкихъ страстей, и шелъ уже десятый годъ съ той поры, какъ онъ началъ размышлять о сравнительныхъ преимуществахъ женитьбы и холостой жизни, не зная, чему отдать предпочтеніе. Случалось, правда, что, разгорячившись не въ мѣру отъ лишняго стаканчика грога, онъ говорилъ во всеуслышаніе, что Гетти „славная дѣвочка“ и что „можно пожалуй выбрать и хуже“, но въ дружеской бесѣдѣ человѣкъ вообще бываетъ склоненъ употреблять сильныя выраженія.

У Мартина Пойзера мистеръ Крегъ былъ въ чести, какъ человѣкъ, понимающій толкъ въ своемъ дѣлѣ и обладающій большими свѣдѣніями по части всякихъ почвъ и компостовъ; но мистрисъ Пойзеръ его не долюбливала и не одинъ разъ говорила мужу въ минуты откровенности: „Вотъ ты такъ цѣнишь Крега, а по моему онъ похожъ на пѣтуха, который воображаетъ, что солнце встаетъ съ единственной цѣлью послушать, какъ онъ закричитъ *кукуреку*“. Во всякомъ случаѣ мистеръ Крегъ былъ хорошимъ садовникомъ и имѣлъ нѣкоторыя основанія быть высокаго мнѣнія о себѣ. Собой онъ былъ неказистъ—сутуловатъ, съ широкими, выдающимися скулами; когда ходилъ, закладывалъ руки въ карманы и вытягивалъ голову немного впередъ. Если онъ и имѣлъ преимущество быть шотландцемъ, такъ развѣ только по своему родословному дереву,

а не со стороны ближайшей родни, ибо — если не считать сильной картавости, — говоръ его мало чѣмъ отличался отъ говора его ломширскихъ земляковъ. Но всѣ садовники непремѣнно шотландцы, какъ всѣ учителя французскаго языка — парижане.

— А знаете, мистеръ Пойзеръ, заговорилъ мистеръ Крегъ, прежде чѣмъ добродушный, неповоротливый фермеръ успѣлъ открыть ротъ, — вѣдь вамъ не убрать завтра вашего сѣна: барометръ стоитъ на перемѣнной погодѣ, и попомните мое слово, что не пройдетъ и сутокъ, какъ у насъ опять будетъ дождь. Видите вы вонъ ту темно-синюю тучку на горизонтѣ?— вы вѣдь знаете, что такое горизонтъ?—линія, гдѣ земля сходится съ небомъ.

— Тучку-то я вижу, а ужъ на горизонтѣ-ли, или нѣтъ — суть не въ томъ, отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ. — Вонъ она, прямо надъ залежью Мика Гольдсворта, и прескверно вспахана эта, залежь, надо правду сказать.

— Ну такъ вотъ попомните мое слово, что не успѣете вы накрыть брезентомъ и одной копны вашего сѣна, какъ эта тучка разойдется по всему небу... Да, великая эта вещь — понимать видъ облаковъ. Всѣ эти ваши метеорологическіе альманахи не скажутъ мнѣ ничего новаго, а вотъ я такъ могъ-бы научить людей кое-чему, еслибъ меня захотѣли спросить... Ну что, мистрисъ Пойзеръ, какъ ваши дѣла? Вѣрно уже подумываете о сборѣ красной смородины? Я бы совѣтовалъ вамъ не дожидаться, пока она совсѣмъ поспѣетъ; съ такой погодой, какая у насъ теперь на носу, надо спѣшить. А вы какъ поживаете, мистрисъ Бидъ? продолжалъ мистеръ Крегъ безъ всякаго перерыва, кивнувъ мимоходомъ Адаму и Сету.—Надѣюсь, вы остались довольны шпинатомъ и крыжовникомъ, что я послалъ вамъ намедни съ Честеромъ? Если бы вамъ понадобились овощи въ это тяжелое для васъ время, — вы знаете, гдѣ ихъ взять. Я никогда не раздаю чужого добра — всѣ это знаютъ, но за исключеніемъ тѣхъ продуктовъ, которые я поставляю на господскій домъ, весь садъ и огородъ въ моемъ пользованіи, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы старый сквайръ могъ найти другого человѣка, который справился-бы съ этимъ дѣломъ, не говоря уже о томъ, что едва ли-бы онъ захотѣлъ и искать. Скажу безъ преувеличенія: мнѣ приходится вести очень точный разсчетъ, чтобы выручить тѣ деньги, которыя я плачу сквайру. Хотѣлъ-бы я знать, найдется-ли хоть одинъ изъ тѣхъ господъ, что сочиняютъ альманахи, который умѣлъ-бы видѣть настолько дальше своего носа, насколько мнѣ приходится это дѣлать изъ года въ годъ.

— Однако, мнѣ кажется они видятъ достаточно далеко, осмѣлился возразить мистеръ Пойзеръ почтительнымъ тономъ, склонивъ голову на бокъ.—Взять хоть ту старинную картину, гдѣ изображенъ пѣтухъ съ огромными шпорами, которому

сбиваютъ голову якоремъ, а сзади военные корабли и пальба. Вѣдь эта картина нарисована до Рождества Христова, а между тѣмъ все, что на ней изображено, сбылось не хуже библейскихъ пророчествъ. Пѣтухъ этотъ—Франція, а якорь — Нельсонъ, и значитъ все было предсказано заранѣе.

— Мало-ли что! сказалъ мистеръ Крегъ.— Не надо видѣть особенно далеко, чтобъ предсказать, что англичанинъ всегда побьетъ француза. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что французъ въ пять футовъ ростомъ считается у нихъ великаномъ и что они живутъ на одномъ супѣ. Я былъ знакомъ съ однимъ человѣкомъ, — такъ его отецъ очень хорошо зналъ французовъ. Ну, посудите сами: что могутъ сдѣлать эти стрекозы противъ такихъ здоровыхъ молодцовъ, какъ нашъ капитанъ Артуръ, напримѣръ? Да всякій французъ испугается одного его вида: вѣдь каждая его рука толще любого француза, готовъ побожиться, потому что всѣ они носятъ корсеты. Впрочемъ, имъ оно и нетрудно, когда у нихъ пустые животы.

— А гдѣ капитанъ, что его сегодня не было въ церкви? спросилъ Адамъ.—Я видѣлся съ нимъ въ пятницу, и онъ ничего не говорилъ о томъ, что уѣзжаетъ.

— О, онъ недалеко — въ Игльдэлѣ, — поѣхалъ поудить; я думаю, черезъ нѣсколько дней онъ вернется; онъ вѣдь хотѣлъ самъ наблюдать за приготовленіями къ тридцатому іюля. Онъ любитъ укатить кое-когда на денекъ, на два. Они со старымъ сквайромъ, что морозъ и цвѣты: такъ-же хорошо уживаются вмѣстѣ.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, мистеръ Крегъ улыбнулся и выразительно подмигнулъ, но интересную тему не пришлось развивать дальше, такъ какъ въ эту минуту компанія дошла до поворота, гдѣ Адамъ и его спутники должны были проститься съ Пойзерами. Садовнику было-бы тоже по пути съ Бидами, еслибъ онъ не принялъ приглашенія мистера Пойзера на чай. Мистрисъ Пойзеръ, какъ радушная хозяйка, поддержала приглашеніе мужа. Она сочла-бы величайшимъ для себя позоромъ, еслибы позволила себѣ нарушить священный законъ гостепріимства: личныя симпатіи и антипатіи не должны идти въ счетъ въ такихъ случаяхъ. Притомъ-же мистеръ Крегъ въ своихъ сношеніяхъ съ семьей на Большой Фермѣ былъ сама любезность, и мистрисъ Пойзеръ, говоря о немъ, всегда добросовѣстно заявляла, что она ровно ничего противъ него не имѣетъ,—жаль только, что его нельзя перекроить заново, и по другому фасону.

Итакъ, Адамъ и Сетъ съ матерью свернули по дорогѣ къ долинѣ, а спустившись въ долину, опять поднялись на гору, къ старому дому, гдѣ грустное воспоминаніе заступило теперь мѣсто долгой, долгой заботы, и гдѣ Адамъ никогда уже больше не спроситъ, возвратившись съ работы: „А гдѣ-же отецъ?“

А другая семья, въ обществѣ мистера Крега, вернулась къ

своему уютному, свѣтлому очагу на Большой Фермѣ, съ спокойнымъ, бодрымъ духомъ—всѣ, кромѣ Гетти, которая знала теперь, куда уѣхалъ Артуръ, но волновалась и недоумѣвала пуще прежняго. Она узнала, что отсутствіе его не было вынужденнымъ; ему незачѣмъ было уѣзжать, и онъ не уѣхалъ бы, еслибъ хотѣлъ ее видѣть. Душу ея наполняло гнетущее сознаніе, что для нея нѣтъ больше радостей въ жизни если не сбудутся ея ночныя грезы того памятнаго дня, и въ эти минуты холоднаго, безотраднаго разочарованія и сомнѣній она смотрѣла впередъ, на возможность быть опять съ Артуромъ, снова видѣть его любящій взглядъ и слышать нѣжныя рѣчи съ тою страстной тоской ожиданія, которую по справедливости можно назвать „разростающейся болью“ любви.

ГЛАВА XIX.

АДАМЪ ВЪ РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Вопреки пророчеству мистера Крега темно-синяя тучка разсѣялась, не вызвавъ тѣхъ страшныхъ послѣдствій, какими она угрожала. „Погода, говорилъ мистеръ Крегъ на другое утро,—погода, изволите-ли видѣть, очень тонкая вещь: иной разъ дуракъ угадаетъ ее, а умный человѣкъ ошибется,—вотъ почему альманахи и пріобрѣтаютъ такое довѣріе. Это одно изъ тѣхъ случайныхъ явленій, на которыхъ дураки выѣзжаютъ въ гору“.

Надо, однако, замѣтить, что такое неосновательное поведеніе погоды во всемъ Гейслопѣ не нравилось только одному мистеру Крегу. Съ утра, какъ только спала роса, всѣ рабочія руки были уже на лугахъ; на всѣхъ фермахъ хозяйскія жены и дочери исполняли двойную работу, потому что всѣ наемныя работницы помогали трясти и поворачивать сѣно, и до Адама, когда онъ проходилъ мимо луговъ съ своей рабочей корзиной за спиной, доносились изъ-за плетней звуки веселаго говора и звонкаго смѣха. Веселый говоръ косцовъ лучше звучитъ на нѣкоторомъ разстояніи, какъ тѣ тяжеловѣсные колокольчики, что подвѣшиваются на шею коровамъ; онъ кажется рѣзкимъ вблизи, подчасъ даже деретъ вамъ уши, но, доносясь издали, онъ очень пріятно сливается съ другими радостными звуками въ природѣ. Руки рабочаго человѣка свободнѣе движутся среди веселой музыки человѣческихъ голосовъ, хоть это веселье довольно грубаго свойства и ничуть не похоже на веселое щебетаніе птицъ.

Нѣтъ, кажется, лучше той поры лѣтняго дня, когда горячее солнце только-только начинаетъ пересиливать утреннюю свѣжесть, когда остатки прохлады еще удержались настолько.

что отгоняютъ сладкую истому, которую несетъ съ собой прибывающій жаркій день.

Адамъ потому шелъ лугами въ такую необычную пору, что его ожидала работа въ трехъ миляхъ отъ деревни, въ одномъ помѣщичьемъ домѣ, который исправлялся для сына сосѣдняго сквайра. Съ ранняго утра онъ возился съ укладкой панелей, дверей и каминныхъ полокъ въ большую повозку, которая теперь отправилась впередъ. Самъ-же Джонатанъ Бурджъ выѣхалъ верхомъ еще раньше, чтобы дождаться на мѣстѣ прибытія повозки и руководить началомъ работъ.

Эта небольшая прогулка была отдыхомъ для Адама, и онъ безсознательно поддался очарованію прелестнаго утра. Въ его душѣ тоже цвѣло лѣтнее утро; онъ видѣлъ Гетти въ сіяніи солнца — въ этомъ сіяніи безъ блеска, когда его косые лучи дрожатъ, пробираясь подъ нѣжную тѣнь листвы. Вчера, когда по выходѣ изъ церкви онъ поздоровался съ ней, и она подала ему руку, ему показалось, что на лицѣ ея лежалъ оттѣнокъ тихой грусти, что-то мягкое, чего онъ никогда не замѣчалъ въ ней раньше, и онъ принялъ это за доказательство того, что она сочувствуетъ его семейному горю. Бѣдный малый!—эта тихая грусть шла изъ совершенно другого источника, но какъ онъ могъ это знать? Лицо любимой женщины—то-же для насъ, что ликъ нашей матери земли: мы смотримъ на него и читаемъ отвѣтъ на всѣ наши сердечные запросы, находимъ откликъ на самыя завѣтныя наши желанія. Адамъ не могъ не понимать, что то, что случилось съ нимъ въ послѣднюю недѣлю, приблизило его къ осуществленію его завѣтныхъ надеждъ. До сихъ поръ онъ больно чувствовалъ ежечасно грозившую ему опасность того, что кто-нибудь другой перебьетъ ему дорогу и завладѣетъ сердцемъ Гетти прежде, чѣмъ самъ онъ успѣетъ выбиться изъ положенія пролетарія, не дозволявшаго ему просить ея руки. Если-бы даже онъ питалъ твердую надежду на ея любовь — а его надежда была очень слаба, — у него было слишкомъ много другихъ обязательствъ для того, чтобы смѣть мечтать объ устройствѣ дома для себя и жены, — такого дома, которымъ Гетти могла-бы удовлетвориться послѣ всѣхъ тѣхъ удобствъ и довольства, къ какимъ она привыкла на Большой Фермѣ. Какъ всѣ сильныя натуры, Адамъ полагался на свои силы и съ надеждой смотрѣлъ впередъ; онъ твердо вѣрилъ, что со временемъ, если Богъ продлитъ ему вѣку, онъ пробьетъ себѣ дорогу въ жизни и будетъ въ состояніи содержать семью; но онъ обладалъ слишкомъ здравымъ умомъ, чтобы не видѣть всѣхъ препятствій, какія ему предстояло преодолѣть. Ждать придется очень долго. А тѣмъ временемъ Гетти будетъ у всѣхъ на виду, какъ румяное яблоко на вѣткѣ, свѣсившейся изъ сада на дорогу, — спѣлое яблоко, которое должно всякаго соблазнять. Конечно, если она любитъ его, она будетъ ждать; но

любитъ-ли она? Его надежды никогда еще не залетали такъ высоко, чтобъ онъ осмѣлился спросить ее объ этомъ. Онъ былъ достаточно дальнозорокъ, чтобы видѣть, что ея дядя и тетка будутъ на его сторонѣ; правду сказать, онъ даже не позволилъ-бы себѣ ходить на ферму такъ часто безъ этого поощренія; но относительно чувствъ самой Гетти невозможно было придти ни къ какому опредѣленному выводу. Она, какъ котенокъ, ласкалась ко всякому, кто подходилъ къ ней близко; для всѣхъ у нея были одни и тѣ-же обворожительные взгляды и милыя улыбки, которыя не значили ровно ничего.

Но теперь онъ не могъ не говорить себѣ, что самая тяжелая часть его бремени свалилась съ его плечъ, и что черезъ какой-нибудь годъ, полтора его обстоятельства поправятся настолько, что онъ будетъ въ правѣ позволить себѣ подумать о женитьбѣ. Ему придется выдержать тяжелую борьбу съ матерью—онъ это зналъ. Она ревновала-бы его ко всякой женщинѣ, на которой онъ вздумалъ-бы жениться, но противъ Гетти она была особенно вооружена — быть можетъ, именно потому, что Гетти, какъ она подозрѣвала, была той женщиной, на которую палъ его выборъ. Онъ думалъ, что когда онъ женится, имъ съ матерью не слѣдуетъ жить вмѣстѣ, а между тѣмъ какъ она огорчится, какимъ жестокимъ будетъ считать его, когда онъ ей скажетъ это! Да, ему предстоитъ выдержать много тяжелаго въ объясненіяхъ съ матерью, но это такой случай, когда невозможно ей уступать: необходимо заставить ее понять, что у него есть своя воля, — въ концѣ-концовъ это будетъ лучше для нея-же самой. Ради себя лично онъ предпочелъ-бы жить всѣмъ вмѣстѣ, пока женится Сетъ; да даже и тогда они могли-бы сдѣлать пристройку къ старому дому, и всѣмъ имъ хватило-бы мѣста. Ему будетъ жаль разстаться съ братомъ; не было, кажется, ни одного дня съ тѣхъ поръ, какъ они родились, который они провели-бы въ разлукѣ.

Но какъ только Адамъ поймалъ себя на этихъ мечтахъ, такъ далеко забѣжавшихъ, что его разыгравшаяся фантазія начала уже работать надъ подробностями устройства невѣрнаго будущаго, онъ сейчасъ-же подтянулъ себѣ повода. „Чудесный домъ я построилъ, однако,—безъ лѣса и кирпича. До чердака уже добрался, а фундамента не вывелъ“. Когда Адамъ убѣждался въ вѣрности какого-нибудь изъ своихъ предположеній, оно становилось для него руководящимъ принципомъ, фактическимъ знаніемъ, на основаніи котораго надо было дѣйствовать—такимъ-же фактическимъ знаніемъ, какъ то, что сырость производитъ ржавчину на желѣзѣ. Быть можетъ, въ этомъ-то и заключался секретъ той черствости, въ которой онъ себя обвинялъ: онъ не находилъ въ себѣ сочувствія того рода слабости, которая уклоняется съ прямого пути, хотя и предвидитъ послѣдствія. А не имѣя такого сочувствія, мо-

жемъ-ли мы быть терпѣливы и сострадательны къ падающимъ товарищамъ нашего долгаго земного странствія, исполненнаго всякихъ превратностей? Существуетъ только одинъ путь, которымъ сильная и смѣлая душа можетъ дойти до пониманія чужихъ слабостей и сочувствія имъ: надо, чтобы струны вашего сердца крѣпко обвились вокругъ слабаго, заблуждающагося существа, чтобы вы дѣлили съ нимъ не только внѣшнія послѣдствія его заблужденій, но и душевныя его страданія. Наука эта долгая и трудная, а Адамъ выучилъ пока только ея азбуку, благодаря внезапной смерти отца. Мгновенно уничтоживъ все, что возбуждало его негодованіе, эта смерть заставила всѣ его помыслы обратиться къ прошлому, заставила его вспомнить о томъ, что̀ взывало къ его жалости и нѣжности.

Но въ это утро сильный духъ Адама, а не сопутствующая ему черствость, руководилъ его размышленіями. Онъ давно уже порѣшилъ самъ съ собой, что нечестно и безумно было-бы съ его стороны жениться на цвѣтущей, молоденькой дѣвушкѣ, пока онъ не можетъ обѣщать ей въ будущемъ ничего, кромѣ бѣдности, возрастающей вмѣстѣ съ семьей. А всѣ его сбереженія такъ систематически уходили на нужды его близкихъ (не говоря уже о томъ страшномъ опустошеніи, какое потерпѣлъ его карманъ, когда ему пришлось нанять рекрута за Сета), что его небольшого запаснаго капитала не хватило-бы теперь даже на то, чтобы мало-мальски прилично обставить самый маленькій деревенскій коттеджъ, а ужъ о томъ, чтобъ отложить на черный день, не могло быть и рѣчи. Онъ крѣпко надѣялся, что въ скоромъ времени станетъ на ноги, но его не могла удовлетворить неопредѣленная надежда на силу его рукъ и головы; ему нужно было имѣть опредѣленный планъ и немедленно приступить къ его осуществленію. О компаньонствѣ съ Джонатаномъ Бурджемъ нечего было и думать: этотъ планъ подразумѣвалъ такія условія, которыхъ онъ не могъ принять; но онъ придумалъ другое: они съ Сетомъ могли-бы затѣять самостоятельное дѣло въ добавокъ къ своему заработку наемныхъ рабочихъ; они могли-бы закупить небольшой запасъ лучшихъ сортовъ лѣса и работать на дому разную домашнюю мебель, для которой у него въ головѣ уже было готово множество плановъ. Сетъ больше выручитъ, работая издѣльно подъ его руководствомъ, чѣмъ выручаетъ теперь поденнымъ трудомъ, а онъ, Адамъ, въ свободные часы будетъ дѣлать всю „тонкую“ работу, требующую особеннаго искусства. Изъ вырученныхъ такимъ образомъ денегъ, вмѣстѣ съ хорошимъ жалованьемъ, которое онъ получаетъ, какъ старшій работникъ, составится вскорѣ порядочный запасный капиталъ, тѣмъ болѣе, что теперь они будутъ жить очень скромно. Не успѣлъ этотъ маленькій планъ сложиться въ головѣ Адама, какъ онъ уже углубился въ вычисленія и со-

ображенія о томъ, какого лѣса нужно будетъ купить, и съ какой мебели онъ начнетъ свою новую работу. Начнетъ онъ съ буфета; онъ сдѣлаетъ его по собственному плану, съ такъ остроумно приспособленными дверцами и задвижками, съ такимъ совершенствомъ симметріи, радующей глазъ, что каждая хорошая хозяйка придетъ въ восторгъ отъ его выдумки и пройдетъ всѣ степени томленія, пока, наконецъ, мужъ не пообѣщаетъ купить ей эту удивительную вещь. Адамъ представлялъ себѣ, какъ мистрисъ Пойзеръ будетъ разглядывать буфетъ своими зоркими глазами и тщетно стараться найти въ немъ какой-нибудь недостатокъ, а рядомъ съ мистрисъ Пойзеръ стояла, разумѣется, Гетти. И вотъ Адамъ отъ вычисленій и плановъ опять перешелъ къ мечтамъ и надеждамъ. Да, онъ увидитъ ее; онъ пойдетъ къ нимъ сегодня-же вечеромъ,—онъ такъ давно не былъ у нихъ. Ему хотѣлось зайти еще и въ вечернюю школу—узнать, отчего Бартля Масси не было вчера въ церкви: онъ боялся, что старый другъ его боленъ; но если не удастся устроить такъ, чтобы сдѣлать сегодня оба эти визита, послѣдній придется отложить на завтра,—очень ужъ сильно заговорило въ немъ желаніе видѣть Гетти, услышать ея голосъ, побыть съ ней.

Въ ту минуту, когда Адамъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, онъ подходилъ къ концу своего пути: до него уже доносился стукъ молотковъ, работавшихъ надъ передѣлкой стараго дома. Стукъ инструментовъ для ловкаго работника, который любитъ свое дѣло, то-же, что первые подмывающіе звуки оркестра для скрипача, имѣющаго свою партію въ увертюрѣ: привычный трепетъ ожиданія охватываетъ крѣпкія мышцы, и то, что за минуту было радостью, досадой или честолюбіемъ, начинаетъ претворяться въ энергію. Всякая страсть становится силой, когда ей есть выходъ изъ узкихъ рамокъ личной жизни въ область труда,—будетъ ли то трудъ здоровыхъ рукъ чернорабочаго, тонкая работа искусныхъ пальцевъ артиста, или тихая творческая дѣятельность мысли. Взгляните на Адама теперь, когда онъ стоитъ на лѣсахъ со складной линейкой въ рукѣ и, тихонько насвистывая, соображаетъ, какъ бы получше обойти какое-нибудь встрѣтившееся ему затрудненіе насчетъ карниза или оконной рамы, или когда онъ отодвигаетъ въ сторону молодого работника, становится на его мѣсто и приподымаетъ тяжелый брусъ дерева со словами: „Пусти-ка паренекъ: кости у тебя еще жидковаты“; или когда онъ слѣдитъ своими живыми черными глазами за движеніями другого работника на дальнемъ концѣ комнаты и предупреждаетъ его, что онъ неправильно отмѣрилъ разстояніе. Взгляните на этого широкоплечаго малаго съ обнаженными мускулистыми руками и съ густыми черными волосами, которые ложатся у него прямыми неровными прядями, точно притоптанная трава, всякій разъ, какъ онъ сни-

маетъ свою бумажную шапочку. Прислушайтесь къ этому сильному баритону, который поминутно прерывается какимъ-нибудь торжественнымъ церковнымъ напѣвомъ, какъ будто ища выхода для избытка своей силы, но, затянувъ громко, сейчасъ же затихаетъ, очевидно подъ вліяніемъ какой-нибудь мысли, звучащей не въ тонъ съ пѣніемъ. Не будь вы уже посвящены въ секретъ автора, вы можетъ быть и не отгадали бы, какія грустныя воспоминанія, какая горячая любовь, какія робкія надежды живутъ въ этомъ атлетическомъ тѣлѣ съ широкими пальцами и исковерканными ногтями, въ этомъ простомъ, необразованномъ человѣкѣ, не знавшемъ иной поэзіи кромѣ той, которую онъ черпалъ въ Старомъ и Новомъ Завѣтѣ, да въ какомъ-нибудь гимнѣ, имѣвшемъ минимальныя свѣдѣнія по общей исторіи, и для котораго движеніе и видъ земли, вращеніе солнца и перемѣны временъ года лежали въ области тайны, чуть чуть лишь разоблаченной отрывочными знаніями. Адаму пришлось положить много труда въ свободные отъ работы часы, чтобы узнать даже то, что онъ зналъ сверхъ своего ремесла,—чтобы познакомиться съ механикой, счисленіемъ и со свойствами матеріаловъ, надъ которыми онъ работалъ (послѣднее, впрочемъ, давалось ему легко благодаря наслѣдственной, врожденной способности); ему нужно было много настойчивости, чтобы научиться свободно обращаться съ перомъ, писать четкимъ почеркомъ и безъ грубыхъ ошибокъ, а главное научиться пѣть по нотамъ. Кромѣ того онъ и читалъ кое-что; онъ прочелъ всю библію съ апокрифическими книгами включительно; прочелъ „Альманахъ бѣднаго Ричарда“, „Святую жизнь и смерть“ Тэйлора, „Странствіе пилигрима“ и біографію Буніана, большую часть словаря Бэли, „Валентину и Орсона“ и часть „Исторіи Вавилона“, которую ему давалъ Бартль Масси. Онъ могъ бы имѣть и другія книги отъ Бартля Масси, но ему некогда было читать „обыкновенную печать“, какъ выражалась Лизбета, потому что всѣ его досужіе часы, которыхъ онъ не посвящалъ плотничной работѣ на дому, были заняты вычисленіями.

Адамъ, какъ видите, отнюдь не былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, а тѣмъ менѣе геніемъ, но все таки я никогда не скажу, чтобы такой типъ часто встрѣчался среди рабочаго класса, и вы ошибетесь, если въ первомъ симпатичномъ ремесленникѣ въ бумажной шапочкѣ и съ рабочей корзиной на спинѣ, котораго вамъ случится увидѣть, вы будете разсчитывать встрѣтить сильный здравый смыслъ, безукоризненную добросовѣстность, тонкую впечатлительность и твердую волю нашего друга Адама. Во всякомъ случаѣ онъ былъ человѣкомъ недюжиннымъ. Но въ каждомъ поколѣніи нашихъ деревенскихъ ремесленниковъ такіе люди все таки попадаются, благодаря наслѣдственности чувствъ, вскормленныхъ

простою жизнью въ дружной семьѣ, связанной общей нуждой и общимъ трудомъ, и наслѣдственности способностей, развившихся подъ вліяніемъ того же неустаннаго и бодраго труда. Эти люди проходятъ свой жизненный путь рѣдко какъ геніи, — гораздо чаще, какъ честные труженики, достаточно добросовѣстные и умѣлые, чтобы какъ слѣдуетъ выполнять свое дѣло. Ихъ жизнь не оставляетъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ за предѣлами тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили; но тамъ на мѣстѣ, вы всегда почти найдете какую-нибудь особенно хорошую постройку, полосу благоустроенной дороги, какое-нибудь примѣненіе минеральныхъ продуктовъ, усовершенствованіе въ способахъ веденія хозяйства, или полезную реформу въ мѣстномъ самоуправленіи, съ которыми одно или два послѣдующихъ поколѣнія связываютъ ихъ имена. Хозяева ихъ богатѣютъ по ихъ милости, работа ихъ рукъ держится долго, а голова толково руководитъ работой другихъ. Пока они молоды, они ходятъ въ фланелевыхъ или бумажныхъ шапочкахъ, въ рабочихъ курткахъ, черныхъ отъ угольной пыли или перепачканныхъ известкой и киноварью; когда состарятся, вы видите ихъ сѣдые головы на почетныхъ мѣстахъ въ церкви и на рынкѣ, и, сидя зимними вечерами у пылающаго очага своего уютнаго домика, они разсказываютъ своимъ хорошо одѣтымъ сыновьямъ и дочерямъ о томъ, какъ они были счастливы, получивъ свой первый постоянный заработокъ по два пенса въ день. Есть между ними и такіе, которые умираютъ бѣдняками, которые во всю свою жизнь, даже по праздникамъ, не снимали рабочаго платья; искусство сколачивать деньги имъ не далось. Но это не мѣшаетъ имъ пользоваться общимъ уваженіемъ, и когда такой человѣкъ умираетъ—если онъ былъ еще въ силахъ работать,—вся машина останавливается, какъ будто въ ней испортился одинъ изъ главныхъ винтовъ, и хозяинъ, у котораго онъ работалъ, говоритъ: „Гдѣ я найду другого такого?“

ГЛАВА XX.

АДАМЪ ПОСѢЩАЕТЪ БОЛЬШУЮ ФЕРМУ.

Адамъ возвратился съ работы въ пустой повозкѣ, — вотъ почему было еще только четверть седьмого, а онъ уже успѣлъ переодѣться и былъ совсѣмъ готовъ идти въ гости.

— Что это значитъ, что ты нарядился по воскресному? спросила его Лизбета жалобнымъ голосомъ, когда онъ сошелъ внизъ. — Неужели это ты въ школу идешь въ своемъ праздничномъ платьѣ?

— Нѣтъ, мама, отвѣчалъ спокойно Адамъ,—я иду на Большую Ферму, но можетъ быть зайду потомъ и въ школу, такъ

что ты не безпокойся, если я поздно вернусь. Сетъ черезъ полчаса будетъ дома; онъ хотѣлъ только въ деревню зайти, такъ что ты будешь не одна.

— Зачѣмъ же было переодѣваться, чтобъ идти къ Пойзерамъ, ихъ этимъ не удивишь: они только вчера видѣли тебя въ твоемъ новомъ платьѣ. И съ какой стати обращать рабочій день въ праздникъ? Не понимаю я, что тебѣ за охота знаться съ людьми, которымъ можетъ быть непріятно видѣть тебя въ твоей рабочей курткѣ.

— Прощай, мама, мнѣ надо идти, сказалъ Адамъ, надѣвая шляпу и выходя.

Но не успѣлъ онъ отойти и десяти шаговъ отъ дому, какъ Лизбета заволновалась, оттого что разсердила его. Само собою разумѣется, что въ основѣ всѣхъ ея возраженій противъ воскреснаго платья лежало подозрѣніе, что оно было надѣто для Гетти; но вся ея сварливость не могла устоять передъ желаніемъ загладить свой промахъ: потребность, чтобы сынъ любилъ ее, была въ ней сильнѣе всѣхъ другихъ чувствъ. Она побѣжала за нимъ, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ пройти полъ-дороги до ручья, она уже держала его за руку и говорила:

— Постой, мой мальчикъ, не уходи такъ... не сердись на свою мать! Останется она одна, и все будетъ сидѣть да думать о тебѣ. О комъ ей больше думать?

— Нѣтъ, мама, я не сержусь, проговорилъ Адамъ серьезно и, остановившись, положилъ руку ей на плечо.—Но я хотѣлъ-бы ради тебя-же самой, чтобы ты предоставила мнѣ дѣлать, что я хочу. Я всегда буду тебѣ добрымъ сыномъ, пока мы живы съ тобой, но у человѣка, кромѣ его обязанностей къ отцу и матери, есть и другія чувства, и ты не должна требовать, что бы я во всемъ подчинялся тебѣ. Для тебя-же самой будетъ лучше, если ты привыкнешь къ мысли, что я никогда не уступлю тебѣ тамъ, гдѣ считаю себя въ правѣ поступать по своему. Такъ-то, мама; не будемъ-же больше объ этомъ говорить.

— Ну, хорошо, хорошо, сказала Лизбета, не желая показать, что она поняла настоящій смыслъ словъ сына.—Да и кому-же, какъ не матери, всегда пріятно видѣть тебя принаряженнымъ? Когда ты умоешь лицо, такъ-что оно свѣтится у тебя, точно гладкій бѣлый камешекъ на пескѣ, да хорошенько пригладишь волосы, и когда глаза у тебя блестятъ—вотъ какъ теперь,—такъ для твоей старухи матери это лучше всякой картины. Я больше никогда ничего тебѣ не скажу, надѣвай свое новое платье, когда тебѣ вздумается,—я никогда больше не буду тебя этимъ пилить.

— Ну, вотъ и чудесно. До свиданья, мама, сказалъ Адамъ, цѣлуя ее, и быстро зашагалъ прочь.

Онъ не видѣлъ другого средства положить конецъ этому діалогу. Лизбета осталась стоять на мѣстѣ и, заслонивъ глаза

рукой отъ свѣта, смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся. Она вполнѣ поняла скрытое значеніе его словъ, и теперь, потерявъ его изъ вида, медленно повернула къ дому, бормоча вслухъ (она привыкла думать вслухъ въ тѣ долгіе дни, когда ея мужъ и сыновья уходили на работу и она оставалась одна): „Ну, вотъ, такъ я и знала! На дняхъ онъ придетъ мнѣ объявить, что женится на ней. Онъ приведетъ ее въ домъ, и она будетъ командовать мной,—начнетъ распоряжаться въ домѣ, подавать на столъ лучшія наши тарелки—съ синей каемкой, и перебьетъ ихъ, чего добраго; а на Троицу исполнится двадцать лѣтъ, какъ онѣ куплены,—мой старикъ купилъ ихъ тогда на ярмаркѣ для меня,—до сихъ поръ ни одной не разбилось... Ну, пусть!—продолжала она еще громче, схвативъ со стола свое вязанье.—А все таки, пока я жива, я не дамъ ей вязать чулки для моихъ мальчиковъ,—ни вязать, ни надвязывать. А когда я умру, пусть-ка повяжетъ сама. Тогда небось Адамъ скажетъ, что никто не умѣлъ такъ хорошо потрафить на его ногу, какъ его старуха мать. Пусть-ка повяжетъ тогда! Я знаю, она ни пятки вывязывать, ни спускать не умѣетъ, а носки будутъ у нея выходить такіе длинные, что и сапога не одѣнешь. Вотъ что выходитъ, когда мужчина женится на молоденькой. Мнѣ было за тридцать, да и покойнику моему тоже, когда мы съ нимъ поженились, и никто не называлъ насъ стариками. А она въ тридцать лѣтъ будетъ старая кляча, и не мудрено: зубы не всѣ еще вырѣзались, а она вздумала замужъ идти“.

Адамъ шелъ такъ скоро, что не было еще семи часовъ, когда онъ подходилъ къ воротамъ фермы. Мартинъ Пойзеръ съ отцомъ еще не возвращались съ луговъ. Вся семья до послѣдней души—даже черная съ подпалинами такса—была на лугу; дворъ охранялъ одинъ только бульдогъ, и когда Адамъ подошелъ къ кухонной двери, которая стояла настежъ, онъ увидѣлъ, что и въ свѣтлой, сверкавшей чистотою кухнѣ не было никого. Но онъ догадался, гдѣ была мистрисъ Пойзеръ, а, можетъ быть, и еще кое-кто: онѣ должны были услышать его, и онъ постучался въ дверь и спросилъ громкимъ голосомъ:

— Дома мистрисъ Пойзеръ?

— Входите, входите, мистеръ Бидъ,—откликнулась мистрисъ Пойзеръ изъ молочной. Она всегда титуловала Адама мистеромъ Бидомъ, когда принимала его у себя.—Входите прямо сюда, въ молочную,—мнѣ нельзя отойти отъ сыровъ.

Адамъ прошелъ въ молочную, гдѣ мистрисъ Пойзеръ и Нанси прессовали сыры, и остановился въ дверяхъ.

— Навѣрное вы подумали, что въ домѣ все вымерло,—сказала ему мистрисъ Пойзеръ.—Всѣ работаютъ на лугу; впрочемъ, Мартинъ скоро вернется: они только додѣлаютъ стогъ, а возить будемъ завтра, съ утра. Мнѣ пришлось оставить

Нанси дома, потому что Гетти собираетъ сегодня смородину. Эта смородина вѣчно поспѣетъ не во-время, когда всѣ руки заняты. А поручить собирать ее дѣтямъ никакъ нельзя; вы вѣдь знаете, какъ они это дѣлаютъ:—одну ягодку положатъ въ корзину, а двѣ—себѣ въ ротъ. Это все равно, что осъ на ягоды напустить.

Адаму очень хотѣлось сказать, что онъ побудетъ въ саду до возвращенія мистера Пойзера, но не хватило храбрости, и онъ сказалъ:

— Ну, такъ я посмотрю пока вашу самопрялку. Гдѣ она у васъ стоитъ? На кухнѣ?—я, можетъ быть, найду.

— Нѣтъ, я вынесла ее въ гостиную; да это не къ спѣху, я вамъ сама ее потомъ покажу. А вы сходите лучше въ садъ и скажите Гетти, чтобъ она прислала мнѣ Тотти. Дѣвочка послушается, если ей строго сказать, а Гетти—я знаю,—даетъ ей тамъ объѣдаться смородиной. Пожалуйста, мистеръ Бидъ, пришлите ее, я буду вамъ очень обязана, а кстати посмотрите наши ланкастерскія и іоркскія розы: онѣ теперь такъ чудесно цвѣтутъ... Постойте! Не выпьете-ли сперва сыворотки? Я знаю, вы любите сыворотку, какъ, впрочемъ, почти всѣ, кому не приходится хлопотать около нея.

— Благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ, не откажусь, сказалъ Адамъ,—сыворотка для меня лакомство; я готовъ пить ее хоть каждый день вмѣсто пива.

— Да, да, хлѣбъ сладко пахнетъ для всѣхъ, кромѣ пекаря,—сказала мистрисъ Пойзеръ, доставая съ полки небольшую бѣлую кружку и зачерпывая сыворотки изъ кадушки.—Миссъ Ирвайнъ мнѣ всегда говоритъ: „Ахъ, мистрисъ Пойзеръ, какъ я завидую вашей молочной и вашему птичнику! Какая это чудесная вещь—хозяйство“. А я ей отвѣчаю: „Да, хозяйство—чудесная вещь для того, кто смотритъ на него со стороны и не знаетъ, сколько съ нимъ связано труда, хлопотъ и порчи крови“.

— Однако, мистрисъ Пойзеръ, ваше хозяйство такъ хорошо идетъ, что я думаю, вы не промѣняли-бы его ни на что другое,—сказалъ Адамъ, принимая отъ нея кружку.—Развѣ не пріятно вамъ видѣть хорошую молочную корову, когда она стоитъ по колѣна въ травѣ,—теплое парное молоко, которое пѣнится въ подойникѣ,—свѣжее масло, совсѣмъ готовое для рынка,—телятъ и всякую домашнюю птицу? Мнѣ кажется, для хорошей хозяйки не можетъ быть лучшаго зрѣлища... Пью за ваше здоровье. Дай вамъ Богъ сохранить силы до старости, чтобъ вы могли всегда такъ же хорошо смотрѣть за вашей молочной, какъ вы дѣлаете это теперь, и быть образцомъ для всѣхъ хозяекъ въ округѣ.

Мистрисъ Пойзеръ не улыбнулась на этотъ комплиментъ,—никто еще никогда не уличалъ ее въ такой слабости,—но по лицу ея, какъ солнечный лучъ, разлилось спокойное удоволь-

ствіе и смягчило обыкновенно суровый взглядъ ея сѣро-голубыхъ глазъ, смотрѣвшихъ на Адама, пока онъ пилъ свою сыворотку. Ахъ, я, кажется, и теперь еще ощущаю вкусъ этой сыворотки, ея тонкій, нѣжный запахъ и пріятную теплоту, вызывающую въ моемъ воображеніи представленіе о тихой, блаженной дремотѣ. Въ моихъ ушахъ и теперь еще раздается слабое постукиванье объ полъ ея падающихъ капель, сливающееся съ щебетаньемъ птички, окномъ, затянутымъ проволочной сѣткой,—за тѣмъ окномъ, что выходитъ въ садъ и затѣнено высокимъ кустомъ гельдернскихъ розъ.

— Не хотите-ли еще, мистеръ Бидъ? спросила мистрисъ Пойзеръ, когда Адамъ поставилъ кружку.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Теперь я пойду въ садъ и пришлю вамъ дѣвочку.

— Да, пожалуйста; скажите ей, чтобъ шла въ молочную, къ мамѣ.

Адамъ обогнулъ хлѣбный дворъ, въ настоящее время пустой, и черезъ маленькую деревянную калитку вошелъ въ садъ. Когда-то это былъ огородъ при помѣщичьемъ домѣ, содержавшійся въ образцовомъ порядкѣ, но теперь—если бы не прекрасная кирпичная стѣна съ конькомъ изъ тесанаго камня, огибавшая его съ одной стороны,—его можно было назвать настоящимъ фермерскимъ садомъ, съ высокими многолѣтними цвѣтами, съ неподчищенными плодовыми деревьями, и овощами, которыя росли какъ попало, почти безъ всякаго ухода, но за то въ изобиліи. Въ эту жаркую пору, когда вся зелень распустилась, какъ уже нельзя было больше, искать кого-нибудь въ этомъ саду значило играть въ прятки. Высокія мальвы уже зацвѣтали, ослѣпляя глаза своей пестрой смѣсью розоваго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ; душистый чубучникъ и гельдернскія розы, которыхъ никогда не подрѣзывали, разрослись безпорядочно и до гигантскихъ размѣровъ. Тутъ были цѣлыя стѣны красныхъ бобовъ и поздняго горошка. Въ одну сторону тянулся непрерывнымъ рядомъ орѣшникъ, съ другой стояла огромная яблоня съ большимъ кружкомъ обнаженной земли подъ ея раскидистыми низкими вѣтвями. Но что значилъ здѣсь какой-нибудь клочекъ пустого пространства? Садъ былъ такъ великъ! Крупныхъ бобовъ здѣсь всегда росло больше, чѣмъ надо: Адамъ сдѣлалъ девять или десять полныхъ шаговъ, пока дошелъ до конца заросшей травою дорожки, которая была проложена подлѣ грядки, сплошь занятой ими. А о другихъ овощахъ и говорить нечего: мѣста для нихъ было такъ много, что всякій годъ здѣсь или тамъ, смотря по сѣвообороту, оставалось двѣ, три свободныхъ гряды, заросшихъ крестовникомъ. Даже кусты розъ, передъ однимъ изъ которыхъ Адамъ теперь остановился, чтобы сорвать розу, росли здѣсь какъ-будто сами собой; это была сплошная масса кустовъ, щеголявшихъ теперь своими

пышно распустившимися цвѣтами, все больше пестрой породы—бѣлыми съ розовымъ, которые, вѣроятно, вели свое лѣтосчисленіе съ эпохи соединенія Ланкастерскаго и Іоркскаго домовъ. Адамъ былъ человѣкъ со вкусомъ: онъ выбралъ небольшую провансальскую розу, которая чуть-чуть выглядывала изъ куста, затѣсненная своими пышными, не пахнущими сосѣдками, и теперь несъ ее въ рукѣ (онъ будетъ чувствовать себя свободнѣе, держа въ рукахъ что-нибудь—думалось ему). Онъ пробирался на дальній конецъ сада, къ большому тисовому дереву, гдѣ, какъ онъ помнилъ, было больше всего кустовъ красной смородины.

Но не отошелъ онъ и десяти шаговъ отъ розовыхъ кустовъ, какъ гдѣ-то надъ нимъ зашелестѣли вѣтки, и дѣтскій голосъ сказалъ:

— Ну, Тотти, держи свой передникъ—я буду бросать.

Голосъ раздавался съ высокаго вишневаго дерева, гдѣ Адамъ не замедлилъ разсмотрѣть небольшую фигурку въ синей блузочкѣ, очень удобно примостившуюся подъ вѣткой, унизанной вишнями. Тотти была, очевидно, внизу, скрытая шпалерой горошка. Такъ и есть—вотъ она: шляпка виситъ на спинѣ, голова запрокинута назадъ, толстая мордашка вся перепачкана въ красномъ соку, круглый ротикъ открытъ. Тотти смотритъ на дерево и держитъ наготовѣ свой маленькій фартучекъ въ ожиданіи обѣщанной благостыни. Съ сожалѣніемъ долженъ замѣтить, что половина падавшихъ вишенъ были желты и тверды, какъ камень; но Тотти не теряла времени на безплодныя сожалѣнія и сосала уже третью вишню изъ тѣхъ, что были посочнѣе, когда Адамъ ей сказалъ:

— Ну, Тотти, теперь ты получила свои вишни. Бѣги съ ними домой, къ мамѣ; она въ молочной и спрашиваетъ тебя. Бѣги поскорѣе—будь добрая дѣвочка!

Онъ приподнялъ ее своими сильными руками и поцѣловалъ. Но Тотти приняла эту церемонію какъ скучный перерывъ въ своемъ пріятномъ занятіи—уничтоженіи вишенъ, и какъ только ее поставили на землю, побѣжала къ дому, не переставая сосать на ходу свои вишни.

— Томми, смотри, какъ бы тебя не приняли за вороватую птицу и не подстрѣлили, сказалъ Адамъ, проходя дальше, къ смородиннымъ кустамъ.

У послѣдняго куста онъ увидѣлъ большую корзину. Гетти не могла быть далеко, и онъ уже чувствовалъ себя такъ, какъ будто она смотрѣла на него. Но когда онъ обогнулъ кустъ, оказалось, что она стоитъ къ нему спиной и, слегка наклонившись, рветъ ягоды съ одной изъ нижнихъ вѣтокъ. Странно, что она не слыхала его шаговъ; можетъ быть, это оттого, что листья шуршали у нея подъ руками. Она вздрогнула, когда почувствовала, что кто-то стоитъ подлѣ нея,—вздрогнула такъ сильно, что уронила корзинку со смороди-

ной, висѣвшую у нея на рукѣ, а потомъ, когда увидѣла, что

Дайте, я подберу ягоды.

это Адамъ,—густо покраснѣла. Отъ этого румянца сердце его

забилось новымъ, неизвѣданнымъ счастьемъ. Гетти никогда еще не краснѣла, при видѣ его.

— Я испугалъ васъ, проговорилъ онъ съ сладкимъ сознаніемъ, что теперь все равно, что бы онъ ни сказалъ, разъ Гетти раздѣляетъ его чувство.—Дайте, я подберу ягоды.

Это было скоро сдѣлано, такъ какъ смородина упала на траву плотной кучкой, и Адамъ, приподымаясь и возвращая ей корзинку, поглядѣлъ ей прямо въ глаза съ тою сдержанной нѣжностью, которая всегда сопутствуетъ первымъ моментамъ надежды въ любви.

Гетти не отвела глазъ; румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ, и она встрѣтила его взглядъ съ выраженіемъ тихой грусти, обрадовавшимъ его, потому что оно было такъ непохоже на то, что онъ привыкъ видѣть въ ней.

— Теперь смородины почти не осталось, сказала она;— теперь я скоро кончу.

— Я вамъ помогу,—и Адамъ поднялъ съ земли большую корзину, почти полную ягодъ, и поставилъ подъ кустъ.

Больше ни слова не было сказано, пока они собирали смородину. Сердце Адама было переполнено: онъ не могъ говорить и думалъ, что Гетти знаетъ все, что онъ чувствуетъ. Во всякомъ случаѣ, она не была равнодушна къ его присутствію: она покраснѣла, увидѣвъ его, и потомъ въ ней было что-то особенное, грустное; можетъ быть, это значило, что она любитъ его, такъ какъ это совершенно противорѣчило ея обыкновенной манерѣ, часто производившей на него впечатлѣніе равнодушія. И, кромѣ того, онъ могъ безпрестанно смотрѣть на нее, когда она наклонялась надъ ягодами, и косые лучи вечерняго солнца, пробиваясь сквозь густую листву яблони, нѣжно играли на ея круглой щечкѣ и шейкѣ, какъ будто и они тоже были въ нее влюблены. Для Адама это были минуты, которыхъ человѣкъ не забываетъ до смерти,—минуты, когда вамъ кажется, что въ женщинѣ, которую вы полюбили первою любовью,—въ ея словахъ, тонѣ ея голоса, во взглядѣ, въ дрожаніи губъ и рѣсницъ вы подмѣчаете что-то новое,— когда вамъ вѣрится, что она по крайней мѣрѣ *начинаетъ* отвѣчать на вашу любовь. Эти признаки почти неуловимы, едва замѣтны для уха и глаза,—вы не могли-бы описать ихъ словами,—а между тѣмъ вы чувствуете, что въ вашей жизни все измѣнилось, и всѣ ваши тревоги, тоска, томленіе неизвѣстности уступили мѣсто восхитительному забвенію всего на свѣтѣ, кромѣ настоящей минуты. Большая часть нашихъ дѣтскихъ и отроческихъ радостей улетучивается изъ нашей памяти безъ слѣда: мы не можемъ припомнить того блаженнаго чувства, съ какимъ мы прижимались головой къ материнской груди или катались на отцовской спинѣ, когда были дѣтьми. Конечно, всѣ эти радости оставляютъ слѣдъ въ нашей душѣ; она пропитывается ими, пріобрѣтаетъ отъ нихъ свою зрѣ-

лость, какъ пріобрѣтаетъ слива свой сладкій вкусъ и ароматъ отъ солнечнаго свѣта лѣтнихъ дней, давно улетѣвшихъ; но память наша утратила ихъ навѣки,—мы можемъ только вѣрить въ радости дѣтства. Совсѣмъ не то первый счастливый мигъ первой любви: воспоминаніе о немъ посѣщаетъ насъ до послѣдняго нашего вздоха и всякій разъ приноситъ съ собой глубокій, сладкій трепетъ, въ родѣ того, какой мы ощущаемъ, вдыхая знакомый запахъ цвѣтка, напоминающій намъ счастливую минуту изъ далекаго прошлаго. Это одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя придаютъ особенную глубину нашей нѣжности, которыя питаютъ и поддерживаютъ бѣшенство ревности и доводятъ муки отчаянія до послѣдней степени боли.

Головка Гетти, склонившаяся надъ красными ягодами, косые лучи солнца, пронизывающіе густую завѣсу листвы, впереди длинная перспектива тѣнистаго сада, собственное его волненіе, когда онъ глядѣлъ на нее и вѣрилъ, что она думаетъ о немъ и что имъ незачѣмъ говорить,—все это Адамъ помнилъ всегда, до послѣдней минуты своей жизни.

А Гетти?—Вы уже знаете, что Адамъ ошибался: какъ и многіе другіе въ его положеніи, онъ принималъ признаки любви къ другому за любовь къ нему самому. Когда онъ подходилъ незамѣченный ею, она по обыкновенію была вся поглощена мыслью объ Артурѣ, о томъ, когда онъ можетъ вернуться; звукъ всякихъ мужскихъ шаговъ подѣйствовалъ-бы на нее точно такъ-же: она почувствовала-бы, прежде чѣмъ успѣла взглянуть, что это могъ быть Артуръ, и кровь, которая отлила отъ ея щекъ въ первомъ волненіи этого чувства, прихлынула-бы къ нимъ опять при видѣ всякаго другого человѣка точно такъ-же, какъ при видѣ Адама. Въ ней дѣйствительно произошла перемѣна—въ этомъ Адамъ не ошибся. Тревоги и опасенія первой страсти пересилили въ ней тщеславіе, впервые наполнивъ ея душу тѣмъ чувствомъ безпомощной зависимости отъ другого, которое пробуждаетъ женственность даже въ самой мелкой женской натурѣ и дѣлаетъ ее чувствительной къ добротѣ, не находившей въ ней раньше никакого отклика. Впервые Гетти почувствовала что-то успокоительное для себя въ робкой, но мужественной привязанности къ ней Адама: ей нужно было, что бы къ ней относились съ любовью;—отсутствіе Артура, эта пустота, безмолвіе, кажущееся равнодушіе были такъ нестерпимы послѣ тѣхъ мгновеній свѣтлаго счастья. Она не боялась, что Адамъ станетъ надоѣдать ей, какъ другіе ея обожатели, влюбленными взглядами и льстивыми рѣчами; онъ былъ всегда такъ сдержанъ съ нею. Она могла безъ всякихъ опасеній наслаждаться сознаніемъ его близости и того, что этотъ сильный, смѣлый человѣкъ любитъ ее. Ей ни на одну минуту не приходило въ голову, что и Адамъ достоинъ сожалѣнія, что и онъ тоже будетъ страдать.

Гетти, какъ мы съ вами знаемъ, была не первая женщина, смягчившаяся къ безнадежно любившему ее человѣку потому, что сама полюбила другого. Это очень старая исторія, но Адамъ ничего не подозрѣвалъ и жадно пилъ сладкую отраву самообмана.

— Ну, вотъ и довольно, сказала Гетти черезъ нѣсколько минутъ.—Тетя велѣла оставить немного ягодъ на кустахъ. Теперь я понесу корзинку въ домъ.

— Какъ хорошо, что я пришелъ, сказалъ Адамъ:—какъ разъ во́-время, чтобъ донести ее за васъ; она слишкомъ тяжела для вашихъ маленькихъ ручекъ.

— Нѣтъ, я понесла-бы ее обѣими руками.

— Могу себѣ представить! проговорилъ Адамъ, улыбаясь. Вы ползли-бы до дому три часа, какъ муравей, когда онъ тащитъ гусеницу. Видали вы когда-нибудь, какъ эти крошечные звѣрьки тащутъ вещи вчетверо больше себя?

— Нѣтъ, отвѣчала Гетти равнодушно, нисколько не интересуясь тяготами муравьиной жизни.

— А я такъ часто наблюдалъ за ними, когда былъ мальчишкой... Ну вотъ, теперь я возьму корзину въ одну руку—вѣдь для меня это все равно, что орѣховая скорлупа,—а на другую вы можете опереться. Хотите? Такія огромныя руки, какъ у меня, какъ будто нарочно созданы для того, чтобъ на нихъ опирались.

Гетти улыбнулась слабой улыбкой и продѣла свою руку подъ его.

Адамъ посмотрѣлъ не нее, но глаза ея мечтательно глядѣли куда-то въ конецъ сада. Они медленно пошли по дорожкѣ.

— Бывали вы въ Игльдэлѣ? спросила она вдругъ.

— Былъ одинъ разъ, отвѣчалъ Адамъ, обрадованный тѣмъ, что она интересуется знать о немъ что-нибудь,—десять лѣтъ тому назадъ, когда былъ подросткомъ. Мы ходили туда съ отцомъ на работу, Удивительныя тамъ мѣста—все скалы да пещеры, какихъ вы навѣрно никогда не видали. Я не имѣлъ понятія, что такое скалы, пока не побывалъ тамъ.

— А сколько времени вы туда шли?

— Да почти двое сутокъ. Но на хорошей лошади доѣдешь въ одинъ день. А капитанъ часовъ черезъ десять былъ уже тамъ—я увѣренъ; онъ вѣдь такой лихой наѣздникъ. И я не удивлюсь, если завтра онъ возвратится; онъ слишкомъ живого характера, чтобы долго усидѣть одному въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ. Тамъ вѣдь страшная глушь; въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ поѣхалъ удить, нѣтъ никакого жилья, кромѣ маленькой гостиницы для пріѣзжихъ.. Я буду радъ, когда помѣстье перейдетъ въ его руки; ему будетъ-таки надъ чѣмъ поработать, и я знаю, онъ будетъ дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ. Это ничего, что онъ молодъ; въ свои двадцать лѣтъ онъ такъ

хорошо все понимаетъ, какъ дай Богъ другому и въ сорокъ. Я говорилъ съ нимъ намедни; онъ былъ очень ласковъ со мной, предлагалъ мнѣ денегъ въ займы, чтобъ начать самостоятельное дѣло. Что-жъ, если къ тому придетъ, я не откажусь,—мнѣ легче быть обязаннымъ ему, чѣмъ всякому другому.

Бѣдняга Адамъ воображалъ, что Гетти будетъ пріятно узнать, что Артуръ расположенъ къ нему,—вотъ почему онъ и говорилъ о немъ такъ охотно. Дружба молодого помѣщика благопріятствовала его планамъ на будущее, а ему хотѣлось представить ихъ ей въ выгодномъ свѣтѣ. И дѣйствительно, Гетти слушала его съ такимъ интересомъ, что глазки ея зажглись новымъ блескомъ, и на губахъ заиграла улыбка.

— Какъ хороши теперь розы! продолжалъ Адамъ, останавливаясь взглянуть на нихъ.—Смотрите, я сорвалъ самую лучшую, но я не хочу оставлять ее у себя. Мнѣ кажется, что вотъ эти одноцвѣтныя розы красивѣе пестрыхъ, и листья у нихъ какъ-то ярче,—не правда-ли?

Онъ поставилъ на землю корзину и вынулъ розу изъ петлички своего жилета.

— Она чудесно пахнетъ, сказалъ онъ, а тѣ пестрыя, совсѣмъ безъ запаха. Приколите ее къ вашему платью, а потомъ поставьте въ воду: будетъ жаль, если она скоро завянетъ.

Гетти взяла розу, улыбаясь своимъ мыслямъ: она думала о томъ, что Артуръ можетъ завтра пріѣхать, если захочетъ. Въ ея душѣ промелькнулъ проблескъ надежды, и въ порывѣ внезапно нахлынувшаго веселья она сдѣлала то, что очень часто дѣлала и раньше: воткнула розу себѣ въ волосы немного повыше лѣваго уха. Выраженіе нѣжнаго восхищенья на лицѣ Адама омрачилось легкой тѣнью неудовольствія. Страсть Гетти къ щегольству—это было именно то, что будетъ больше всего раздражать его мать; да и самому ему это не нравилось, насколько ему могло что-нибудь не нравиться въ ней.

— А, это точно у знатныхъ дамъ на тѣхъ портретахъ, что висятъ въ замкѣ, сказалъ онъ:—почти у всѣхъ у нихъ или цвѣты въ волосахъ, или золотыя украшенія, или перья. Но мнѣ почему-то всегда непріятно смотрѣть на эти портреты; они напоминаютъ мнѣ тѣ размалеванныя вывѣски, что вывѣшиваются надъ балаганами на Треддльстонской ярмаркѣ. Для женщины не можетъ быть лучшаго украшенія, какъ ея собственные волосы, особенно, когда они вьются, какъ ваши. Мнѣ кажется, что когда женщина молода и хороша, красота ея только выигрываетъ отъ простого наряда. Дина Моррисъ, напримѣръ, очень красива, а она одѣвается совсѣмъ просто. По-моему хорошенькое женское личико не нуждается въ цвѣтахъ; оно само какъ цвѣтокъ,—по крайней мѣрѣ о вашемъ это можно смѣло сказать.

— Ну, хорошо, проговорила Гетти съ капризной гримас

кой, вынимая розу изъ волосъ;—когда мы придемъ, я надѣну Дининъ чепчикъ, и вы увидите, хороша-ли я въ немъ. Она забыла у насъ одинъ свой чепецъ, такъ-что я могу снять выкройку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не хотѣлъ-бы, чтобъ вы носили методистскіе чепцы, какъ у Дины. Это пребезобразный уборъ, и когда она была здѣсь, я часто думалъ, глядя на нее, что она глупо дѣлаетъ, одѣваясь не такъ, какъ всѣ люди. Но я какъ-то не замѣчалъ ее хорошенько, пока она не пришла къ моей матери на прошлой недѣлѣ, а тогда я подумалъ, что къ ея лицу этотъ чепецъ, очень идетъ, и что, пожалуй, безъ него она была-бы хуже. Но у васъ совсѣмъ другое лицо, и я всегда хотѣлъ-бы видѣть васъ такою, какъ вы теперь,—безъ всякихъ украшеній. Нарядъ васъ долженъ только портить; это все равно, какъ когда слышишь хорошее пѣніе, бываетъ непріятно, если зазвонятъ колоколами и помѣшаютъ слушать.

Онъ взялъ ея руку и снова продѣлъ подъ свою, глядя на нее ласковымъ взглядомъ. Онъ испугался, какъ-бы она не приняла его словъ за нравоученіе, воображая, какъ всякій изъ насъ склоненъ воображать, что она поняла всѣ его недосказанныя мысли. А онъ больше всего боялся, чтобы какая-нибудь темная тучка не омрачила счастья этого вечера. Ни за какія сокровища въ мірѣ онъ не заговоритъ съ ней о своей любви, пока ея зарождающаяся нѣжность къ нему не выростетъ въ настоящую любовь. Въ своемъ воображеніи онъ видѣлъ долгіе годы своей будущей жизни,—счастливые годы, когда онъ будетъ имѣть право называть Гетти своею. А пока онъ могъ довольствоваться очень немногимъ. И онъ опять поднялъ корзину со смородиной, и они пошли къ дому.

Въ тѣ полчаса, что Адамъ пробылъ въ саду, видъ двора фермы совершенно измѣнился. Теперь онъ былъ полонъ жизни. Марти пропускалъ въ калитку гогочущихъ гусей и злорадно дразнилъ гусака, шипя ему вслѣдъ; дверь амбара визжала на петляхъ, пока Аликъ затворялъ ее, отсыпавъ зерна, сколько было надо; лошадей вели поить подъ аккомпаниментъ неистоваго лая всѣхъ трехъ собакъ и безпрерывнаго „тпруканья“ работника Тима, очевидно воображавшаго, что лошади вотъ-вотъ помчатся вскачь и разбѣгутся въ разныя стороны, какъ-будто этимъ смирнымъ, отяжелѣвшимъ отъ работы животнымъ могло придти въ голову не послушаться и направиться не туда, куда ихъ погоняли. Мужчины вернулись съ луговъ, и когда Гетти съ Адамомъ вошли въ кухню, мистеръ Пойзеръ уже сидѣлъ на своемъ трехугольномъ табуретѣ, а дѣдъ—въ большомъ креслѣ насупротивъ, поглядывая въ пріятномъ ожиданіи на дубовый столъ, на которомъ накрывали ужинать. Мистрисъ Пойзеръ сама постлала скатерть изъ домашняго холста, съ блестящимъ клѣтчатымъ узоромъ и того пріятнаго свѣтло-сѣраго оттѣнка, который такъ

радуетъ глазъ всякой разсудительной хозяйки,—чудесную скатерть изъ тѣхъ, что служатъ двумъ поколѣніямъ, не имѣющую ничего общаго съ „вашей лавочной дрянью“, которая въ какой-нибудь годъ изнашивается до дырокъ. Неудивительно, что холодная телятина, свѣжій салатъ и фаршированный гусь казались соблазнительными голоднымъ людямъ, пообѣдавшимъ въ половинѣ перваго. На другомъ, сосновомъ столѣ у стѣны, были разставлены оловянныя тарелки и кружки, и лежали оловянныя ложки для Алика и компаніи: хозяева и слуги ужинали въ одной комнатѣ, что было очень удобно, такъ какъ хозяинъ могъ, не вставая изъ за стола, обращаться къ Алику, когда ему было нужно отдать какое-нибудь распоряженіе на завтрашній день.

— Очень радъ васъ видѣть, Адамъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Вы были въ саду? помогали Гетти собирать смородину?.. Ну, садитесь, садитесь. Скоро три недѣли какъ вы у насъ не были. Это хорошо, что вы пришли сегодня: хозяйка угоститъ васъ фаршированнымъ гусемъ,—они у нея выходятъ удивительно вкусны.

— Гетти,—сказала мистрисъ Пойзеръ, заглядывая въ корзину, чтобъ удостовѣриться, хороша-ли смородина,—сбѣгай наверхъ и пришли сюда Молли. Она тамъ укладываетъ Тотти, а мнѣ она нужна: я пошлю ее нацѣдить пива, потому-что Нанси еще занята въ молочной. А ты пока побудь съ дѣвочкой. Зачѣмъ ты позволила ей уйти отъ тебя съ Томми?—она такъ наѣлась вишенъ, что потомъ ничего не могла ѣсть.

Это было сказано тише обыкновеннаго—такъ, чтобъ не могъ услышать Адамъ, разговаривавшій съ мистеромъ Пойзеромъ. Мистрисъ Пойзеръ строго соблюдала тѣ правила приличія, основательность которыхъ признавала, а однимъ изъ такихъ правилъ было то, что никогда не слѣдуетъ дѣлать выговоръ молодой дѣвушкѣ въ присутствіи хорошаго человѣка, который ухаживаетъ за ней. Мистрисъ Пойзеръ находила, что это было просто нечестно: всякая женщина была когда-нибудь молода и имѣла шансы на замужество, и для всякой другой женщины было долгомъ чести не портить ей этихъ шансовъ,—такимъ-же долгомъ чести, какъ для торговки на рынкѣ, которая успѣла продать свои яйца,—не отбивать покупателей у товарки.

Гетти поспѣшила исполнить приказаніе, затрудняясь отвѣтить на вопросъ тетки, и побѣжала наверхъ, а мистрисъ Пойзеръ отправилась искать Марти и Томми, чтобы позвать ихъ ужинать.

Скоро вся семья сидѣла за столомъ—два краснощекіе мальчугана рядомъ со своей блѣдной матерью; а для Гетти было оставлено мѣсто между Адамомъ и ея дядей. Аликъ тоже пришелъ и, усѣвшись въ своемъ углу, отправлялъ себѣ въ ротъ при помощи перочиннаго ножа холодные бобы изъ

большого круглаго блюда, находя ихъ вкуснѣе самаго лучшаго ананаса.

— Какъ, однако, эта дѣвчонка копается съ пивомъ, сказала мистрисъ Пойзеръ, раскладывая по тарелкамъ куски фаршированнаго гуся.—Навѣрно она подставила кувшинъ подъ боченокъ, а кранъ забыла отвернуть: про этихъ полуумныхъ всему можно повѣрить; онѣ способны поставить на огонь пустой чайникъ, а черезъ часъ придти посмотрѣть, кипитъ-ли вода.

— Должно быть она хочетъ нацѣдить для всѣхъ разомъ— и для рабочихъ, и для насъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Тебѣ слѣдовало ей сказать, чтобъ она подала намъ первымъ.

— Сказать! повторила мистрисъ Пойзеръ.—Да у меня и легкихъ не хватитъ, если я буду говорить этимъ дурамъ все то, о чемъ онѣ не могутъ сами догадаться... Мистеръ Бидъ, не хотите-ли уксусу къ салату?—хотя по моему уксусъ только портитъ вкусъ мяса. Ужъ это плохое кушанье, которое требуетъ приправы: это все равно что сдѣлать скверное масло, а потомъ посолить, чтобъ не слышно было горечи.

Тутъ вниманіе мистрисъ Пойзеръ было отвлечено появленіемъ Молли, которая несла въ рукахъ большой кувшинъ, два маленькихъ и четыре кружки—все это полное пива,— представляя такимъ образомъ любопытный примѣръ цѣпкости человѣческой руки. Ротъ бѣдной Молли былъ открытъ шире обыкновеннаго, и она подвигалась впередъ не спуская глазъ съ хитраго сооруженія изъ посуды, которое она несла, нимало не подозрѣвая въ невинности души, какимъ грознымъ взглядомъ смотрѣла на нее госпожа.

— Молли, это ни на что не похоже! Въ жизнь свою не видала такой сумасшедшей... Хоть бы ты подумала о своей бѣдной матери, ради которой я взяла тебя безъ всякаго аттестата... И сколько разъ я тебѣ говорила...

Молли не видала молніи, и за отсутствіемъ этого предостереженія, громъ тѣмъ сильнѣе потрясъ ея нервы. Въ испугѣ, съ смутнымъ сознаніемъ, что ей надо что-то такое сдѣлать, чтобы исправить оплошность, она прибавила шагу, направляясь къ дальнему столу, чтобы поставить тамъ свои кружки, зацѣпилась ногой за свой фартукъ, который у нея развязался и сползъ, и съ грохотомъ и звономъ упала въ лужу пива, что вызвало взрывъ смѣха со стороны Марти и Томми, и сокрушенное: „Вотъ те и на!“ со стороны мистера Пойзера, огорчившагося тѣмъ, что ему придется опять ждать своего пива.

— Ну, вотъ, дождалась! отрѣзала мистрисъ Пойзеръ уничтожающимъ тономъ, вставая и направляясь къ буфету, между тѣмъ какъ Молли принялась уныло подбирать осколки.—Я тебѣ всегда предсказывала, что этимъ кончится. Вотъ теперь и простись со своимъ мѣсячнымъ жалованьемъ... Да какое!

этотъ кувшинъ стоитъ гораздо больше. Десять лѣтъ онъ у меня въ домѣ, и никогда съ нимъ ничего не случалось, но съ тѣхъ поръ, какъ ты у насъ служишь, ты перебила столько посуды, что ангелъ—и тотъ обругался бы, право,—прости меня Господи за такія слова... Ну что еслибъ это былъ кипятокъ вмѣсто пива? Вѣдь ты бы вся обварилась и, чего добраго, осталась-бы калѣкой на всю жизнь. Да я не поручусь, что ты когда-нибудь и до этого не допрыгаешься. Можно подумать, что у тебя пляска Святого Витта,—такъ ты обращаешься съ вещами. Жалко, что я не сохранила всѣхъ тѣхъ осколковъ, что ты у меня наколотила, чтобъ тебѣ показать. Да, впрочемъ, что тебѣ ни говори, какъ тебя не учи, ты и ухомъ не поведешь... какъ объ стѣну горохъ,—другой подумаетъ, что ты деревянная.

У бѣдной Молли слезы лились въ три ручья, и, замѣтивъ, что струйка пива быстро подбирается къ ногамъ Алика, она, въ отчаяніи, принялась тереть полъ, обративъ въ тряпку свой фартукъ. Мистрисъ Пойзеръ, отпиравшая въ это время буфетъ, сверкнула на нее молніеноснымъ взглядомъ.

— Нечего плакать! И безъ того тебѣ довольно мокроты подтирать,—сказала она.—А все твое упрямство—я тебѣ всегда это скажу. Человѣкъ никогда ничего не разобьетъ, если принимается за дѣло какъ слѣдуетъ. Но деревяннымъ людямъ можно давать въ руки только деревянныя вещи. Теперь вотъ изъ за тебя мнѣ приходится брать пестрый фарфоровый кувшинъ, который и трехъ разъ въ году не употреблялся, и идти самой въ погребъ, гдѣ я можетъ быть схвачу воспаленіе и умру...

Не успѣла мистрисъ Пойзеръ отвернуться отъ буфета съ кувшиномъ въ рукѣ, какъ взглядъ ея приковался къ противуположному углу кухни. То, что она тамъ увидѣла, подѣйствовало на нее очень странно: оттого-ли, что она уже была въ нервномъ состояніи и дрожала, или можетъ быть оттого, что битье посуды, какъ и другія преступленія, дѣйствуетъ заразительно, только она вздрогнула, точно увидѣла духа и драгоцѣнный пестрый фарфоровый кувшинъ упалъ на полъ и навѣки распростился со своимъ носикомъ и ручкой.

— Видывалъ-ли кто что-нибудь подобное! проговорила мистрисъ Пойзеръ, внезапно понижая тонъ и озираясь по комнатѣ оторопѣлыми глазами.—У насъ кувшины заколдованы, честное слово! А все эти противныя полированныя ручки,—такъ и выскальзываютъ изъ-подъ пальцевъ, точно улитка.

— А вѣдь выходитъ, что ты сама себя побила, разбранивъ Молли, сказалъ мистеръ Пойзеръ, хохотавшій теперь вмѣстѣ съ молодежью.

— Вамъ хорошо смѣяться, отозвалась мистрисъ Пойзеръ,—но, право-же, бываютъ такія минуты, когда посуда вылетаетъ изъ рукъ, какъ живая. То-же самое со стаканами: вотъ, кажется

никто до нихъ не дотрогивается, а они лопаются да и только. Чему надо разбиться, то разобьется, что ты тамъ ни дѣлай. Я во всю свою жизнь не роняла вещей изъ-за того, что плохо держала, иначе развѣ сохранился бы у меня столько лѣтъ тотъ сервизъ, что былъ купленъ къ нашей свадьбѣ... А ты, Гетти, съ ума ты сошла? Съ чего тебѣ вздумалось явиться сюда въ такомъ видѣ? Глядя на тебя, можно подумать, что въ домѣ завелись привидѣнія.

Новый взрывъ смѣха, послѣдовавшій за этими словами мистрисъ Пойзеръ, былъ вызванъ не столько ея внезапнымъ переходомъ къ фаталистическому взгляду на битье посуды, сколько необыкновеннымъ нарядомъ Гетти, такъ испугавшимъ ея тетку. Маленькая плутовка разыскала гдѣ-то теткино черное платье, надѣла его, плотно подколовъ вокругъ горла, какъ носила Дина, причесала волосы какъ можно глаже и нацѣпила высокій Дининъ чепецъ безъ всякой отдѣлки. Воспоминаніе о серьезномъ блѣдномъ лицѣ и кроткихъ сѣрыхъ глазахъ Дины, само собой напрашивавшееся при видѣ этого платья и чепца, заставляло невольно смѣяться,—такъ странно было видѣть ихъ на Гетти съ ея круглыми розовыми щечками и кокетливыми темными глазами. Мальчики вскочили со стульевъ и прыгали вокругъ нея, хлопая въ лодоши, и даже Аликъ смѣялся беззвучнымъ желудочнымъ смѣхомъ, выглядывая на эту сцену изъ-за своихъ бобовъ. Подъ прикрытіемъ этого шума мистрисъ Пойзеръ отправилась въ черную кухню и послала въ погребъ Нанси съ большой жестяной мѣркой, имѣвшей нѣкоторые шансы устоять противъ колдовства.

— Что это значитъ, Гетти? Развѣ ты сдѣлалась методисткой? спросилъ мистеръ Пойзеръ съ тѣмъ задушевнымъ неторопливымъ смѣхомъ, какой можно услышать только у толстыхъ людей.—Только нѣтъ, далеко тебѣ до нихъ!—надо сперва, чтобы лицо у тебя сдѣлалось вдвое длиннѣй,—не правда-ли, Адамъ? Съ чего это ты вздумала такъ нарядиться?

— Адамъ сказалъ, что ему очень нравятся Дининъ чепчикъ и платье, отвѣчала Гетти, садясь съ жеманнымъ видомъ святоши.—Онъ говоритъ, что чѣмъ костюмъ безобразнѣе, тѣмъ больше онъ идетъ къ лицу.

— Неправда, неправда,—подхватилъ Адамъ, глядя на нее восхищенными глазами:—я только сказалъ, что этотъ костюмъ къ лицу Динѣ. Но еслибъ я сказалъ, что вы кажетесь въ немъ необыкновенно хорошенькой, я-бы сказалъ только правду.

— А ты, кажется, приняла Гетти за привидѣніе? спросилъ мистеръ Пойзеръ жену, когда она возвратилась и заняла за столомъ свое мѣсто.—У тебя былъ такой испуганный видъ.

— Дѣло не въ томъ, какой у меня видъ, отрѣзала мистрисъ Пойзеръ.—Отъ моего вида кувшинъ не починится, да и отъ вашего смѣха тоже... Мистеръ Бидъ, мнѣ очень жаль, что вамъ приходится такъ долго ждать пива... сію минуту его подадутъ.

Покушайте пока картофелю; я знаю, вы его любите... Томми, я сію минуту отошлю тебя спать, если ты не перестанешь смѣяться. Что тутъ смѣшного—желала-бы я знать? Скорѣе плакать хочется, глядя, какъ издѣваются надъ бѣдной дѣвушкой, выставляя на посмѣшище ея вещи. Нѣкоторые люди сдѣлали-бы гораздо лучше, если бы подражали ей кое въ чемъ другомъ вмѣсто того, чтобы рядиться въ ея платья. Неприлично смѣяться въ моемъ домѣ надъ дочерью моей сестры, едва она успѣла переступить за порогъ. Не даромъ мое сердце болѣло по ней, когда она уѣзжала. И я знаю одно: если придетъ къ намъ бѣда,—если я слягу въ постель, или дѣти мои умрутъ (потому-что никто не можетъ сказать, что съ нимъ случится завтра), или будетъ опять падежъ на скотъ, и мы разоримся,—тогда, говорю я, всѣ мы будемъ рады опять увидѣть Дининъ чепецъ и ея лицо подъ этимъ чепцомъ,--ничего что онъ безобразный.--потому что она изъ тѣхъ людей, которые всегда придутъ вамъ на помощь въ черную годину, и которые любятъ васъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше вы въ этомъ нуждаетесь.

Мистрисъ Пойзеръ, какъ видите, очень хорошо знала, что страшное—самый опасный врагъ смѣшного. Томми—мальчикъ впечатлительнаго темперамента и очень любившій свою мать, да вдобавокъ еще съѣвшій столько вишенъ, что онъ былъ менѣе чѣмъ когда-либо способенъ управлять своими чувствами,—такъ испугался ужасной картины возможнаго будущаго, которую ему нарисовали, что ударился въ слезы, а его добродушный отецъ, снисходительный ко всѣмъ человѣческимъ слабостямъ, кромѣ небрежности сельскихъ хозяевъ, сказалъ Гетти:

— Сняла бы ты лучше это платье, моя милая,—твоей теткѣ непріятно его видѣть.

Гетти ушла опять наверхъ, а тутъ кстати появленіе пива произвело пріятную диверсію, такъ какъ Адамъ долженъ былъ сказать свое мнѣніе о новомъ поставѣ, которое, само собою разумѣется, могло быть только лестнымъ для хозяйки. А тамъ углубились въ обсужденіе вопроса о томъ, въ чемъ состоитъ секретъ хорошаго пивоваренія, и о томъ, какъ безсмысленно скряжничать на хмѣлѣ, и что дѣлать солодъ дома—весьма сомнительная экономія. И мистрисъ Пойзеръ имѣла столько случаевъ высказать свое вѣское мнѣніе по всѣмъ этимъ пунктамъ, что къ концу ужина, когда опустѣвшая мѣрка снова появилась на столѣ съ новой порціей пива, и мистеръ Пойзеръ закурилъ свою трубку, она была опять въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и, по просьбѣ Адама, отправилась за сломанной самопрялкой, которую онъ предложилъ осмотрѣть.

— Да, надъ ней придется-таки поработать, сказалъ Адамъ, производя свой осмотръ самымъ тщательнымъ образомъ.— Хорошая самопрялка. Надо будетъ отвезти ее на деревню, въ токарную, потому что у меня дома нѣтъ всѣхъ нужныхъ ин-

струментовъ. Если вы пришлете ее завтра къ мистеру Бурджу, она будетъ готова къ средѣ. Я это время все думаю о томъ,— продолжалъ онъ, взглянувъ на мистера Пойзера,—какъ бы мнѣ завести необходимыя приспособленія, чтобы работать на дому мебель и разныя мелкія вещи. Я постоянно этимъ занимался въ свободные часы, и это очень выгодно, такъ какъ матеріала идетъ немного, а вся суть въ работѣ. Мы съ Сетомъ могли бы тогда затѣять небольшое самостоятельное дѣло; я даже знаю въ Россетерѣ одного человѣка, которому мы можемъ сбывать всю нашу работу, да, кромѣ того, можно имѣть заказы и на сторонѣ.

Мистеръ Пойзеръ принялъ живое участіе въ этомъ проектѣ, такъ какъ осуществленіе его было-бы для Адама шагомъ впередъ на пути къ самостоятельному положенію „хозяина", а мистрисъ Пойзеръ изъявила свое одобреніе идеѣ буфета, въ которомъ можно будетъ хранить и всевозможныя домашнія соленья, и посуду, и столовое бѣлье, съ наибольшей экономіей мѣста и въ полномъ порядкѣ. Гетти—уже въ своемъ собственномъ платьѣ, съ платочкомъ на шеѣ, откинутымъ немного назадъ по случаю жаркаго вечера, чистила смородину у окна, и Адамъ могъ смотрѣть на нее, сколько хотѣлъ. Такимъ образомъ вечеръ прошелъ очень пріятно. Наконецъ, Адамъ всталъ и началъ прощаться. Его просили приходить опять, но посидѣть еще—не просили, ибо въ рабочую пору разсудительные люди любятъ выспаться къ пяти часамъ утра.

— Я думаю пройти отъ васъ къ мистеру Масси, сказалъ Адамъ.—Вчера его не было въ церкви, и я уже цѣлую недѣлю его не видалъ. Боюсь, не боленъ-ли онъ; я не помню, чтобъ онъ когда-нибудь пропускалъ вечерню.

— Не знаю, мы ничего о немъ не слыхали,—отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ.—У мальчиковъ теперь каникулы, они не ходятъ въ школу, и я ничего не могу вамъ о немъ сказать.

— Неужто вы пойдете къ нему теперь?—вѣдь ночь на дворѣ, сказала мистрисъ Пойзеръ, складывая свое вязанье.

— О, мистеръ Масси поздно ложится, отвѣчалъ Адамъ.— Да и вечерній классъ еще не кончился. Нѣкоторые изъ учениковъ, кому далеко ходить, приходятъ очень поздно. И самъ Бартль никогда не ложится раньше одиннадцати.

— Ну, такъ я не хотѣла бы имѣть его жильцомъ въ моемъ домѣ, сказала мистрисъ Пойзеръ,—чтобы по всѣмъ комнатамъ было накапано саломъ отъ свѣчки, такъ что, вставши поутру, всякій разъ рискуешь поскользнуться и разбить себѣ носъ.

— Да, одиннадцать часовъ—это поздно, очень поздно, проговорилъ старикъ Мартинъ.—Сколько лѣтъ я на свѣтѣ живу, а никогда не ложился такъ поздно, развѣ только когда гулялъ на свадьбахъ, да на крестинахъ,—ну, да то совсѣмъ другая статья. Одинадцать часовъ—это очень поздно.

— А я такъ часто сижу до двѣнадцати, сказалъ Адамъ, смѣясь,—только не изъ-за гулянья, а изъ-за работы... Покойной ночи, мистрисъ Пойзеръ; покойной ночи, Гетти.

Гетти могла только улыбнуться, не подавая руки, такъ какъ у нея всѣ пальцы были перепачканы смородиннымъ сокомъ; но остальные отъ души пожали большую руку, протянутую имъ, и сказали:

— Приходите же поскорѣй.

— Нѣтъ, вы только подумайте! сказалъ мистеръ Пойзеръ, когда Адамъ вышелъ:—не спать до половины перваго ночи ради того, чтобъ больше заработать... Немного найдется молодыхъ парней по двадцать седьмому году, которыхъ можно было-бы поставить съ нимъ на одну доску.—Да, Гетти, если ты съумѣешь подцѣпить Адама, ты будешь когда-нибудь ѣздить въ собственной рессорной повозкѣ—за это я тебѣ поручусь.

Гетти въ это время проходила по кухнѣ съ блюдомъ смородины, и дядя ея не могъ видѣть, съ какимъ презрѣніемъ она мотнула головой въ отвѣтъ на его слова. Ѣздить въ собственной рессорной повозкѣ!—такая перспектива казалась ей теперь ничуть не завидной.

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА И ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Домикъ Бартля Масси, вмѣстѣ съ немногими другими разбросанными домиками, стоялъ на краю выгона, черезъ который пролегала дорога въ Треддльстонъ. Адамъ добрался туда въ четверть часа, и въ ту минуту, когда онъ взялся за дверную щеколду, онъ увидѣлъ сквозь незавѣшенное окно восемь или девять головъ, склонившихся надъ учебными столами, на которыхъ горѣли тонкія сальныя свѣчи.

Въ это время шелъ урокъ чтенія, и когда Адамъ отворилъ дверь, Бартль Масси только кивнулъ ему головой, предоставляя садиться, гдѣ ему вздумается. Адамъ пришелъ сегодня не ради урока; читать для развлеченія въ ожиданіи, когда кончится урокъ, ему тоже не хотѣлось: мысли его были слишкомъ поглощены личными дѣлами, душа слишкомъ полна впечатлѣній отъ послѣднихъ двухъ часовъ, которые онъ провелъ въ обществѣ Гетти; поэтому онъ сѣлъ въ углу и сталъ разсѣянно смотрѣть и слушать. Передъ нимъ была обстановка, которую онъ видѣлъ чуть ли не каждую недѣлю въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ зналъ наизусть каждый замысловатый росчеркъ въ прописи, написанной собственною рукою Бартля Масси и подвѣшенной въ рамкѣ надъ учительскимъ мѣстомъ, въ качествѣ высокаго идеала для подражанія; ему были знакомы корешки всѣхъ книгъ на длинной полкѣ, тянувшейся

отъ угла до угла выбѣленной стѣны, надъ колышками для аспидныхъ досокъ; онъ могъ-бы съ точностью сказать, сколько высыпалось зернышекъ изъ колоса кукурузы, висѣвшаго на одномъ изъ стропилъ; онъ давно уже истощилъ всѣ рессурсы своего воображенія, стараясь представить себѣ, какъ долженъ былъ рости и какой имѣлъ видъ въ своей природной стихіи пучекъ морскихъ водорослей, висѣвшій немного подальше; но съ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, онъ не могъ ровно ничего разобрать на старой картѣ Англіи, прибитой къ противуположной стѣнѣ, потому что отъ времени она побурѣла, какъ долго бывшая въ употребленіи пѣнковая трубка, хотя когда-то была чудеснаго желтаго цвѣта. То, что́ происходило теперь среди этой знакомой обстановки, было ему почти такъ-же знакомо, и, однако, привычка не сдѣлала его въ этомъ случаѣ равнодушнымъ: даже въ его теперешнемъ самосозерцательномъ настроеніи въ немъ шевельнулось на минуту привычное товарищеское чувство симпатіи, когда онъ увидѣлъ этихъ простыхъ, необразованныхъ людей, такъ неловко державшихъ перо или карандашъ своими заскорузлыми пальцами, или смиренно пытавшихся преодолѣть трудности чтенія.

Отдѣленіе школы, въ которомъ въ настоящую минуту шелъ урокъ чтенія, состояло изъ трехъ, самыхъ отсталыхъ учениковъ, сидѣвшихъ на одной скамьѣ, противъ учительской каѳедры. О томъ, что это были самые отсталые, Адамъ догадался-бы уже по одному лицу Бартля Масси, смотрѣвшаго на нихъ поверхъ очковъ, которыя онъ сдвинулъ на самый кончикъ носа, такъ какъ пока они были ему не нужны. На этомъ лицѣ было теперь самое кроткое его выраженіе: сѣдѣющія косматыя брови приподнялись подъ острымъ угломъ, говорившимъ о жалости и сочувствіи, а ротъ, обыкновенно сжатый и съ оттопыренной нижней губой, былъ полуоткрытъ, точно готовясь въ каждый данный моментъ придти на помощь бѣднымъ труженикамъ, подсказавъ нужный слогъ или слово. Особенно любопытно было это мягкое выраженіе еще и потому, что носъ учителя—неправильный орлиный носъ, слегка покривившійся на сторону,—имѣлъ весьма внушительный характеръ, а лобъ былъ того особеннаго цвѣта, который служитъ вѣрнымъ признакомъ живого, нетерпѣливаго нрава: голубыя жилы выступали, какъ туго натянутыя струны, подъ прозрачной, желтой кожей этого лба, причемъ внушительность его не смягчалась ни малѣйшимъ поползновеніемъ въ плѣшивости,—напротивъ: сѣдые волосы, подстриженные довольно коротко, обрамляли его густою, жесткой щеткой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Билль, сказалъ Бартль ласковымъ голосомъ, поздоровавшись съ Адамомъ,—начни сначала, тогда, можетъ быть, ты и вспомнишь, какъ это складывается. Вѣдь это тотъ самый урокъ, который ты читалъ на прошлой недѣлѣ.

Билль былъ здоровенный парень двадцати четырехъ лѣтъ,

превосходный каменотесъ, зарабатывавшій нисколько не меньше всякаго другого работника его лѣтъ и его ремесла; но одолѣть урокъ чтенія изъ односложныхъ словъ оказывалось для него гораздо болѣе тяжелой работой, чѣмъ перепилить самый твердый камень, какой когда-либо попадался ему подъ пилу. „Всѣ эти буквы—жаловался онъ—такъ страшно похожи, что никакъ не отличишь одну отъ другой". Биллю не приходилось въ своемъ ремеслѣ имѣть дѣла съ такими мелкими различіями, какъ какой-нибудь хвостикъ вверхъ или внизъ, составляющій часто единственную разницу между двумя буквами. Но онъ твердо рѣшился научиться читать, и рѣшимость эта имѣла два основанія: во-первыхъ, то, что Томъ Гэзлоу, его двоюродный братъ, читалъ „безъ запинки" и печатное, и писаное, а Томъ прислалъ ему письмо за двадцать миль, въ которомъ сообщалъ, что онъ получилъ мѣсто надсмотрщика, и вообще описывалъ, какъ онъ преуспѣваетъ въ свѣтѣ; во-вторыхъ, то, что Сэмъ Филлипсъ, его товарищъ по работѣ, научился читать двадцати лѣтъ отъ роду, а чего могъ добиться такой плюгавый парнишка, какъ Сэмъ Филлипсъ, того, конечно, съумѣетъ добиться и онъ, Билль, принимая во вниманіе, что ему ничего не стоило расплюснуть Сэма въ лепешку, если-бъ это оказалось нужнымъ. И вотъ, теперь Билль возсѣдалъ на учебной скамьѣ и водилъ своимъ широкимъ пальцемъ по строчкамъ азбуки, захватывая по три слова заразъ и скрививъ голову на бокъ, чтобъ лучше разсмотрѣть то слово изъ трехъ, которое надлежало прочесть. Запасъ познаній, которымъ долженъ былъ обладать Бартль Масси, былъ въ глазахъ Билля чѣмъ-то въ высокой степени обширнымъ и туманнымъ, передъ чѣмъ воображеніе его рѣшительно пасовало; онъ почти готовъ былъ вѣрить, что даже регулярный возвратъ дневного свѣта и перемѣны погоды не обходятся безъ нѣкотораго участія школьнаго учителя.

Человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ Биллемъ, принадлежалъ къ совершенно иному типу людей. Это былъ кирпичникъ, методистъ, который тридцать лѣтъ прожилъ, вполнѣ удовлетворяясь своимъ невѣжествомъ, но въ послѣднее время „сподобился вѣры", а вмѣстѣ съ вѣрой и желанія читать Библію. Но и для него тоже ученіе было тяжкой работой и, отправляясь въ этотъ день въ школу, онъ обратился къ Богу съ особой молитвой о поддержкѣ, въ виду того, что эта трудная задача была предпринята имъ съ единственной цѣлью дать пищу своей душѣ—пріобрѣсти какъ можно большій запасъ текстовъ и псалмовъ, съ помощью которыхъ онъ могъ-бы отгонять дурныя мысли, искушенія въ образѣ старыхъ привычекъ, короче говоря—дьявола. Надо замѣтить, что этотъ кирпичникъ былъ прежде извѣстнымъ браконьеромъ и даже подозрѣвался въ томъ (хотя противъ него и не было явныхъ уликъ), что подстрѣлилъ ногу сосѣднему лѣснику. Такъ или нѣтъ, досто-

вѣрно одно, что вскорѣ послѣ этого происшествія, совпавшаго по времени съ прибытіемъ въ Треддльстонъ одного методистскаго проповѣдника, съ кирпичникомъ произошла рѣзкая перемѣна, и хотя въ тѣхъ мѣстахъ за нимъ и осталось его старое прозвище „Пороха“, ничто не наводило на него теперь такого ужаса, какъ одна мысль о возможности продолжать имѣть дѣло съ этимъ зловоннымъ веществомъ. Онъ былъ здоровый, широкоплечій малый горячаго темперамента, благодаря которому религіозныя идеи давались ему легче, чѣмъ сухая процедура пріобрѣтенія простого знанія азбуки. Сказать по правдѣ, рѣшимость его научиться читать уже поколебалась отчасти, по милости одного брата-методиста, старавшагося его убѣдить, что буква есть врагъ духа, и выражавшаго опасеніе, не слишкомъ-ли жадно онъ гонится за суетнымъ знаніемъ, которое развиваетъ въ людяхъ только самомнѣніе и гордость.

Третій изъ новичковъ былъ экземпляръ, гораздо болѣе подающій надежды. Ремесломъ онъ былъ красильщикъ—высокій сухопарый и жилистый человѣкъ, такихъ-же приблизительно лѣтъ, какъ „Порохъ“, съ очень блѣднымъ лицомъ и синими отъ краски руками. Занимаясь окраской домашнихъ шерстяныхъ тканей и перекрашиваніемъ на-ново старыхъ женскихъ юбокъ, онъ возгорѣлся честолюбивымъ желаніемъ извѣдать всю глубину сложныхъ тайнъ своего ремесла. Онъ уже и такъ прославился въ околоткѣ добротностью своихъ красокъ, и теперь ему хотѣлось доискаться какого-нибудь новаго способа, посредствомъ котораго онъ могъ-бы удешевить производство пунцовой и малиновой красокъ. Треддльстонскій аптекарь сказалъ ему какъ-то разъ, что онъ сбережетъ много труда и денегъ, если научится читать, и съ тѣхъ поръ онъ началъ посвящать вечерней школѣ всѣ свои свободные отъ работы часы, порѣшивъ самъ съ собой, что и „парнишка“ его будетъ непремѣнно ходить въ школу мистера Масси, какъ только подростетъ.

Трогательно было видѣть, какъ эти три рослые человѣка, со слѣдами своей грубой работы на платьѣ и рукахъ, старательно гнули спины надъ истрепанными книжками, съ трудомъ выводя по складамъ: „Трава зелена“. „Зерно спѣло“. „Палка суха“ и т. д.—очень трудный переходъ къ фразамъ отъ столбцовъ съ отдѣльными коротенькими словами. Это было почти то-же самое, какъ если-бы трое смиренныхъ животныхъ стали дѣлать попытки поучиться стать людьми. И усилія этихъ людей затрогивали нѣжнѣйшія струны въ сердцѣ Бартля Масси: эти взрослыя дѣти были единственными изъ его учениковъ, для которыхъ у него не было ни суровыхъ эпитетовъ, ни нетерпѣливаго тона. Природа не надѣлила его невозмутимымъ характеромъ, и во время музыкальныхъ вечеровъ было особенно замѣтно, что терпѣніе давалось ему не легко; но сегодня, теперь, когда онъ смотритъ поверхъ своихъ очковъ

на Билля Даунса, каменотеса, въ безнадежномъ отчаяніи скривившаго голову на бокъ передъ буквами *T, p, a,*— глаза его изливаютъ самый кроткій и ободряющій свѣтъ.

Послѣ урока чтенія два юноши, между шестнадцатью и девятнадцатью годами, выступили на сцену съ длинными списками воображаемыхъ покупокъ, которыя они выписали у себя на аспидныхъ доскахъ и стоимость которыхъ должны были теперь подсчитать. Оба они выдержали это испытаніе съ такимъ неполнымъ успѣхомъ, что Бартль Масси, давно уже метавшій на нихъ сквозь очки грозные взгляды, наконецъ разразился горькой обличительной рѣчью въ самомъ повышенномъ тонѣ, пріостанавливаясь передъ каждой новой сентенціей, чтобы стукнуть объ полъ толстой палкой, которую онъ держалъ между колѣнъ.

— Изъ рукъ вонъ плохо! Отвратительно! За двѣ недѣли вы ни на шагъ не подвинулись впередъ, и я скажу вамъ почему. Вы хотите научиться считать?—Прекрасно, превосходно! Но вы воображаете, что научитесь считать, если придете ко мнѣ два, три раза въ недѣлю и попишете цифры на аспидной доскѣ; вы увѣрены, что больше для этого ничего не требуется. И какъ только вы надѣли свои шапки и переступили за порогъ школы, вся ваша наука вылетаетъ у васъ изъ головы. Вы идете себѣ да посвистываете, а о томъ, что говорилось въ классѣ, и думать забыли. У васъ голова какъ сточная труба, черезъ которую проноситъ все, что въ нее попадаетъ, всякій соръ вмѣстѣ съ полезными вещами. Вы думаете, знаніе дешево достается; вы говорите себѣ: „Заплачу я Бартлю Масси шесть пенсовъ въ недѣлю, и онъ научитъ меня счету безъ всякаго труда съ моей стороны“. Но знаніе не деньгами пріобрѣтается, позвольте мнѣ вамъ сказать,—не тѣмъ, что вы отдадите мнѣ ваши шесть пенсовъ. Если вы хотите знать ариѳметику, вы должны работать надъ цифрами, удерживать ихъ въ головѣ, сосредоточивать на нихъ ваши мысли. Нѣтъ на землѣ такого предмета, къ которому нельзя было-бы примѣнить счета, потому что каждый предметъ самъ по себѣ есть единица,—даже дуракъ. Отчего-бы вамъ не задавать себѣ такихъ задачъ: „Я дуракъ, и Джекъ дуракъ. Предположимъ, что моя глупая голова вѣситъ четыре фунта, а Джекова—три фунта, три и три четверти унціи. На сколько-же унцій моя голова тяжелѣе головы Джека? „Человѣкъ, твердо рѣшившійся научиться считать, будетъ постоянно придумывать и рѣшать задачи въ умѣ Когда онъ шьетъ башмаки, онъ можетъ отсчитывать—ну, хоть по пяти стежковъ; потомъ оцѣнитъ каждый пятокъ—скажемъ въ полъ-фартинга, и сосчитаетъ, сколько денегъ онъ заработаетъ въ часъ; потомъ спроситъ себя, сколько это составитъ въ день; потомъ—сколько заработаютъ десять работниковъ въ три года, въ двадцать, въ сто лѣтъ, если класть по той же цѣнѣ,—и все это время игла его будетъ мелькать

ничуть не менѣе быстро, чѣмъ если-бы чортъ плясалъ въ его пустой головѣ. А выводъ изъ всего этого вотъ какой: если вы не будете стараться научиться тому, чему вы приходите учиться сюда,—стараться изо всѣхъ силъ,—такъ, какъ если-бы вы выбивались изъ темной норы на вольный свѣтъ Божій,—я больше не пущу васъ въ школу. Я не прогоню человѣка только за то, что онъ тупъ. Если даже Билли Тафтъ, дурачекъ, захочетъ учиться, я не откажусь его учить. Но я не стану метать бисера передъ свиньями, которыя воображаютъ, что они могутъ купить знаній на шесть пенсовъ и унести ихъ съ собой какъ четвертку табаку. Не смѣйте-же больше являться ко мнѣ, если въ слѣдующій разъ вы не съумѣете мнѣ доказать, что вы работали своей головой, а не разсчитывали купить за деньги мою, чтобъ она дѣлала работу за васъ. Это мое послѣднее слово.

Съ этой заключительной сентенціей Бартль Масси стукнулъ своей палкой особенно энергично, и переконфуженные парни съ угрюмымъ видомъ поднялись уходить. По счастью для остальныхъ учениковъ, послѣдніе должны были представить на осмотръ только свои тетради чистописанія различныхъ стадій успѣшности — отъ палочекъ до смѣшанныхъ буквъ включительно, а Бартля даже самыя ужасныя каракули не приводили въ такое отчаяніе, какъ неумѣнье считать. Онъ лишь немного строже обыкновеннаго отнесся къ *зетамъ* Джекоба Стори, которыми бѣдняга Джекобъ исписалъ цѣлую страницу, поставивъ ихъ всѣ до единаго крючками въ обратную сторону, хотя и понималъ, что тутъ „что-то не такъ". Впрочемъ, онъ замѣтилъ въ свое оправданіе, что Z—такая буква, которая почти никогда не нужна, и придумали ее, вѣроятно, только затѣмъ, чтобы закончить азбуку, хотя, насколько онъ можетъ судить, *У* достигъ бы той-же цѣли нисколько не хуже.

Наконецъ ученики забрали свои шапки и разошлись, сказавъ: „Доброй ночи". Тогда Адамъ, хорошо изучившій привычки своего учителя, поднялся съ мѣста и спросилъ:

— Прикажете гасить свѣчи, мистеръ Масси?

— Да, другъ мой, гаси,—всѣ, кромѣ этой: я возьму ее домой. Да запри наружную дверь, благо ты тамъ стоишь,—и Бартль Масси сталъ приноравливать свою палку подъ надлежащимъ угломъ, чтобы сойти со своего высокаго стула.

Когда онъ сталъ на полъ, сдѣлалось очевиднымъ, почему онъ не могъ обойтись безъ помощи палки: лѣвая нога его была значительна короче правой. Но мистеръ Масси отличался такою подвижностью, не смотря на свою хромоту, что никому-бы и въ голову не пришло назвать его несчастнымъ калѣкой. Если-бъ вы могли видѣть, какъ проворно онъ прошелъ теперь черезъ классную комнату и поднялся по лѣстницѣ въ свою кухню, вамъ, можетъ быть, стало-бы понятно,

отчего шалуны школьники были такъ твердо увѣрены, что шагъ его можетъ быть ускоренъ до безконечности, и что онъ и его палка всегда настигнутъ ихъ, если захотятъ, какъ-бы шибко они ни улепетывали.

Не успѣлъ учитель переступить порога своей кухни со свѣчею въ рукѣ, какъ въ углу у камина послышалось слабое взвизгиванье, и коричневая пополамъ съ рыжимъ собака—сука, съ длиннымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ и необыкновенно умными глазами,—поползла къ нему на встрѣчу, виляя хвостомъ и безпрестанно оглядываясь назадъ, на стоявшую у камина корзину: очевидно, чувства бѣдной собаки испытывали тягостное раздвоеніе, колеблясь между этой корзиной и хозяиномъ, съ которымъ она считала своимъ долгомъ поздороваться.

— Ну, что, Вѣдьма, какъ твои дѣти? заговорилъ школьный учитель, поспѣшно заковылявъ къ камину и, опустивъ свѣчу, заглянулъ въ невысокую корзину, откуда, изъ кучи ваты и шерсти, сейчасъ-же приподнялись на свѣтъ двѣ маленькія слѣпыя собачьи мордочки. Вѣдьма не могла видѣть безъ мучительнаго волненія даже, когда только смотрѣли на ея щенятъ: она вскочила въ корзину, сейчасъ-же опять выскочила и вообще вела себя съ истинно-женскою непослѣдовательностью, хотя глаза ея смотрѣли такъ умно, какъ у человѣка.

— А вы обзавелись семействомъ, мистеръ Масси, какъ я вижу, сказалъ, улыбаясь, Адамъ, когда вошелъ въ кухню.— Какимъ это образомъ? Я думалъ, это противъ правилъ здѣшняго дома.

— Какія ужъ тутъ правила, когда человѣкъ сдѣлалъ разъ глупость — пустилъ бабу къ себѣ въ домъ, проговорилъ съ горечью Бартль, отворачиваясь отъ корзины. Онъ всегда называлъ Вѣдьму бабой и давно уже, повидимому, утратилъ сознаніе, что, говоря о ней такимъ образомъ, онъ выражается фигурально.—Знай я тогда, что Вѣдьма—баба, я ни за что-бы не сталъ мѣшать мальчишкамъ ее утопить; но, взявъ ее подъ свое покровительство я поневолѣ къ ней привязался. И вотъ посмотри, что она со мной сдѣлала, эта лукавая, лицемѣрная тварь!—Бартль выговорилъ эти слова тономъ жестокой укоризны и поглядѣлъ на Вѣдьму, которая сейчасъ-же понурила голову и подняла на него глаза съ живѣйшимъ сознаніемъ своего позора.—Да еще какъ подло подстроила!—слегла въ постель въ воскресенье, какъ разъ во время вечерни. Я объ одномъ только жалѣю, что я не кровожадный разбойникъ, а то-бы я задавилъ одной веревкой и мать, и дѣтей.

— Такъ вотъ отчего васъ не было въ церкви! сказалъ Адамъ.—Очень радъ, что васъ задержало не что-нибудь похуже. А я боялся, ужъ не захворали-ли вы—въ первый разъ въ жизни. Но вчера мнѣ было особенно жаль, что вы не пришли.

— Знаю, знаю, голубчикъ, знаю отчего, проговорилъ Бартль ласковымъ голосомъ, подходя къ Адаму и, приподнявъ руку, положилъ ее ему на плечо, приходившееся почти въ уровень съ его головой.—Ты прошелъ тяжелый путь.... тяжелый путь, но я надѣюсь, что теперь для тебя настанутъ лучшія времена. У меня есть для тебя хорошая новость, только я прежде поужинаю, а то я голоденъ.... голоденъ. Садись, садись, мой другъ.

Бартль сходилъ въ свой чуланчикъ и принесъ оттуда ковригу превосходнаго домашняго хлѣба. Одинъ разъ въ день онъ всегда ѣлъ пшеничный хлѣбъ вмѣсто овсянаго; это была единственная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ, оправдывая ее тѣмъ, что школьному учителю, какъ онъ говорилъ, нужны мозги, а овсяный хлѣбъ идетъ больше въ кость. Затѣмъ появился кусокъ сыру и большая кружка пѣнящагося пива. Все это онъ разставилъ на кругломъ сосновомъ столѣ, стоявшемъ у камина противъ большого кресла, между корзиной со щенками и полочкой съ книгами, прибитой надъ окномъ. Столъ блисталъ такой чистотой, какъ будто Вѣдьма была превосходной хозяйкой въ клѣтчатомъ фартукѣ. Не меньшей чистотой отличался и паркетный въ квадратикахъ полъ, и старый дубовый шкапъ, и другой столъ, и стулья, которые въ наши дни купили-бы по высокой цѣнѣ въ аристократическій домъ, хотя въ тѣ времена—времена инкрустаціи, купидоновъ и тоненькихъ вычурныхъ ножекъ на манеръ лапокъ паука,—они ни во что не цѣнились и достались Бартлю дешевле пареной рѣпы. Вся эта мебель была настолько свободна отъ пыли, насколько этого можно требовать отъ мебели къ концу лѣтняго дня.

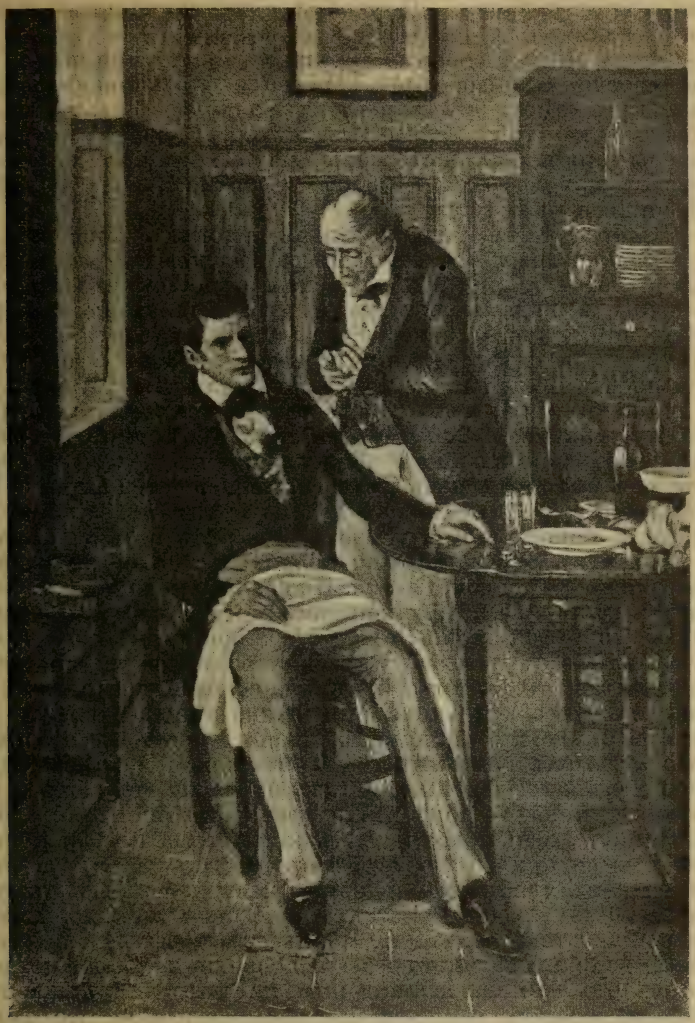
— Ну, голубчикъ, придвигайся къ столу. Мы не будемъ говорить о дѣлахъ, пока не поужинаемъ. Нельзя требовать сообразительности отъ человѣка на голодный желудокъ.... Надо, однако, покормить Вѣдьму—чортъ-бы ее побралъ! проговорилъ вдругъ Бартль, торопливо вставая съ кресла,—хоть весь ея ужинъ и уйдетъ на молоко для этихъ безполезныхъ сосуновъ. Съ этими бабами всегда такъ: имъ не приходится заботиться о питаніи мозга, потому что у нихъ его нѣтъ, и все, что онѣ съѣдаютъ, идетъ или въ жиръ, или въ молоко.

И онъ принесъ изъ чулана блюдо съ объѣдками. Вѣдьма впилась въ него жадными глазами и, выскочивъ изъ корзины, принялась проворно уписывать свой ужинъ.

— Я уже поужиналъ, мистеръ Масси, сказалъ Адамъ;—вы кушайте, а я посижу съ вами. Я былъ на Большой Фермѣ, а они тамъ, вы знаете, всегда рано ужинаютъ; они не засиживаются, какъ вы, до позднихъ часовъ.

— Я ихъ часовъ не знаю, проговорилъ Бартль сухо и отрѣзалъ себѣ хлѣба, не пренебрегая и коркой.—Я рѣдко къ нимъ хожу, хоть и люблю ихъ мальчиковъ, да и самъ Мар-

тинъ Пойзеръ малый хорошій. Въ этомъ домѣ черезчуръ много бабъ. Я ненавижу бабьи голоса; баба не можетъ гово-



Адамъ Бидъ у Бартли Масси.

рить просто, а непремѣнно или пищитъ, или кричитъ... или пищитъ, или кричитъ. Мистрисъ Пойзеръ всегда выводитъ

первую партію на высокихъ нотахъ, какъ флейта, ну, а дѣвченки—о нихъ и говорить не стоитъ. Дѣвченки—это тѣ-же личинки: я знаю, что изъ нихъ вылупится, — злыя мухи-кусачки... мухи-кусачки... Попробуй пива, голубчикъ,—я нацѣдилъ его для тебя... для тебя.

— Нѣтъ, мистеръ Масси, сказалъ Адамъ, принимая причуды своего стараго друга серьезнѣе обыкновеннаго, — не будьте такъ строги къ твореніямъ Божіимъ, созданнымъ, что бы быть намъ товарищами въ жизни. Рабочему человѣку плохо-бы пришлось безъ жены: надо кому-нибудь и за хозяйствомъ присмотрѣть, и обѣдъ состряпать. Съ женой въ домѣ чище и уютнѣе.

— Вздоръ! Какъ можетъ умный человѣкъ повторять такую нелѣпую ложь! Съ женой въ домѣ уютнѣе—кто тебѣ это сказалъ? Люди придумали эту сказку, потому что на свѣтѣ есть бабы, и надо приткнуть ихъ къ какому-нибудь дѣлу. Повѣрь мнѣ, нѣтъ на землѣ такой вещи, которую мужчина не съумѣлъ-бы сдѣлать лучше женщины. Развѣ вотъ только дѣтей носить—*ихъ* дѣло, да и то онѣ исполняютъ такъ скверно, что лучше-бы было и его предоставить мужчинамъ... предоставить мужчинамъ. Баба будетъ печь тебѣ пироги каждую недѣлю всю свою жизнь, и никогда не догадается, что чѣмъ жарче она вытопитъ печь, тѣмъ скорѣе спечется пирогъ. Баба будетъ варить тебѣ похлебку двадцать лѣтъ кряду изо дня въ день, и никогда не подумаетъ отмѣрить нужную пропорцію муки и молока: немножко больше, немножко меньше—не все-ли равно, разсуждаетъ она. Не удалась похлебка—значитъ въ мукѣ какая-нибудь фальшь, либо съ молокомъ что-нибудь неладно, либо съ водой... Вотъ тебѣ живой примѣръ я.—Я самъ пеку свой хлѣбъ, и вотъ ужъ сколько лѣтъ у меня всегда одинъ поставъ какъ другой,—никакой разницы; но заведись у меня въ домѣ еще хоть одна баба, кромѣ Вѣдьмы, мнѣ пришлось-бы всякій разъ, какъ у меня печется хлѣбъ, молить Бога, чтобъ Онъ далъ мнѣ терпѣніе, если мой хлѣбъ сядетъ и превратится въ лепешку. А ужъ объ ихъ чистотѣ я и не говорю!—у меня въ домѣ чище, чѣмъ въ любомъ изъ сосѣднихъ домовъ, хотя половина ихъ кишитъ бабами. Мальчишка Вилля Вэкера приходитъ помогать мнѣ по утрамъ, и мы съ нимъ вдвоемъ успѣваемъ въ одинъ часъ и безъ всякой суеты произвести такую чистку, на которую бабѣ понадобится три часа; и при этомъ никто не выливаетъ тебѣ на ноги воды цѣлыми ведрами и не бросаетъ посреди пола на полъ-дня щипцовъ отъ камина, на которые ты потомъ натыкаешься. *Богъ создалъ женщину, чтобъ она была намъ товарищемъ!* Не говори ты мнѣ такихъ вещей!. Че спорю. Онъ могъ дать Еву въ подруги Адаму *въ раю*. Но вѣдь въ раю не стряпали, и нельзя было испортить обѣда, и не было другой женщины, значитъ не могло быть ни трескотни, ни гадкихъ сплетенъ, хотя, какъ

ты самъ знаешь, она и тутъ сдѣлала гадость, какъ только представился случай. Нѣтъ, говорить, что женщина приноситъ человѣку счастье,—да вѣдь это противъ Писанія, это просто кощунство! Это все равно, что сказать, что намъ приносятъ счастье змѣи и осы, лисицы и дикіе звѣри, когда всякій знаетъ, что они представляютъ лишь неизбѣжное зло, присущее нашему переходному существованію на землѣ и отъ котораго каждый имѣетъ право держаться по возможности дальше въ сей жизни, въ надеждѣ навсегда избавиться отъ него въ жизни вѣчной.

Бартль привелъ себя въ такое волненіе своей филиппикой противъ женщинъ, что позабылъ объ ужинѣ, и если дѣйствовалъ ножомъ, такъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что стучалъ объ столъ его черенкомъ. Но къ концу его рѣчи эти удары сдѣлались такъ часты и рѣзки, а голосъ его—такъ гнѣвенъ, что Вѣдьма сочла своимъ долгомъ выскочить изъ корзины и залаять на всякій случай.

— Молчать, Вѣдьма! прикрикнулъ Бартль, оборачиваясь къ ней.—Ты какъ всѣ бабы: вѣчно суешься со своимъ мнѣніемъ, сама не зная зачѣмъ.

Вѣдьма съ позоромъ отправилась опять въ свою корзину, а хозяинъ ея продолжалъ ужинать въ молчаніи, котораго Адамъ не намѣренъ былъ прерывать: онъ зналъ, что когда старикъ поѣстъ и закуритъ свою трубочку, онъ придетъ въ лучшее настроеніе духа. Адамъ не въ первый разъ слышалъ его разсужденія по поводу женщинъ, но онъ былъ незнакомъ съ прошлымъ мистера Бартля и не зналъ, насколько его взгляды на преимущества женатой жизни вытекаютъ изъ личнаго опыта. Относительно этого пункта Бартль былъ нѣмъ, какъ могила; никто не зналъ даже, гдѣ онъ жилъ раньше, до того, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ поселился въ качествѣ единственнаго школьнаго учителя въ этой мѣстности, на счастье всѣхъ окрестныхъ крестьянъ и ремесленниковъ. Если кто-нибудь отваживался спросить его объ этомъ, онъ всегда отвѣчалъ: „О, я перебывалъ во многихъ мѣстахъ; я долго жилъ на югѣ“,—и ломширцамъ не приходило даже въ голову назвать въ видѣ вопроса тотъ или другой городъ на этомъ югѣ, какъ не могло-бы придти въ голову назвать какое-нибудь мѣсто въ Африкѣ.

— Ну, голубчикъ, теперь мы съ тобой потолкуемъ, сказалъ, наконецъ, Бартль, опорожнивъ вторую кружку пива и закуривъ свою трубку. Но скажи мнѣ сначала, не слыхалъ-ли ты сегодня чего-нибудь особеннаго?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Адамъ,—кажется, не слыхалъ, насколько я помню.

— Ну да, они это скрываютъ, они это скрываютъ, я знаю. Но я узналъ случайно, и для тебя, Адамъ, это важная но-

вость,—или я ужъ такъ поглупѣлъ, что не съумѣю отличить квадратнаго фута отъ клубическаго,

Тутъ Бартль нѣсколько разъ, одинъ за другимъ, неистово затянулся изъ своей трубки, не сводя все это время съ Адама внимательныхъ глазъ. Нетерпѣливые и болтливые люди не умѣютъ поддерживать огонь въ своей трубкѣ спокойными, равномѣрными затяжками: они всегда дадутъ ей сперва почти погаснуть, а потомъ наказываютъ ее за эту оплошность. Наконецъ онъ сказалъ:

— Сатчеля разбилъ параличъ. Я это узналъ отъ работника, котораго посылали въ Треддльстонъ за докторомъ сегодня поутру, въ седьмомъ часу. Старику, какъ тебѣ извѣстно, далеко за шестьдесятъ; будетъ удивительно, если онъ выживетъ.

— Ну, что-жъ, сказалъ Адамъ,—если онъ и умретъ, это вызоветъ, я думаю, больше радости, чѣмъ печали. Онъ всегда былъ черствымъ эгоистомъ и вреднымъ сплетникомъ, хотя, въ сущности, онъ никому не принесъ столько вреда, какъ старому сквайру. Впрочемъ, сквайръ самъ во всемъ виноватъ: вольно-же ему было довѣряться такому олуху,—вѣдь Сатчель заправлялъ у него всѣми дѣлами, и все только изъ за того, чтобъ съэкономить расходъ на толковаго управляющаго. Я убѣжденъ, что онъ больше потералъ благодаря дурному присмотру за лѣсомъ, чѣмъ еслибы платилъ двумъ управляющимъ. Если Сатчель помретъ, надѣюсь, что сквайръ найдетъ ему лучшаго замѣстителя, но я не вижу, какую разницу это составитъ для меня.

— А я вижу, я вижу, сказалъ Бартль;—да и не я одинъ. Капитанъ скоро будетъ совершеннолѣтній—ты это знаешь не хуже меня,—и надо ожидать, что тогда онъ будетъ имѣть больше голоса въ дѣлахъ по имѣнью. А я знаю, да и ты тоже, какое будетъ желаніе капитана насчетъ лѣса, если только явится возможность какой-нибудь перемѣны. Онъ много разъ говорилъ—кто только этого не слышалъ?—что онъ завтра-же сдѣлалъ-бы тебя своимъ лѣсничимъ, будь его власть. Да не дальше какъ на этихъ дняхъ онъ говорилъ это мистеру Ирвайну,—Карроль, камердинеръ Ирвайна, самъ слышалъ. Въ субботу вечеромъ, когда мы всѣ собрались у Кассона и сидѣли за трубками, Карроль туда заходилъ и разсказалъ намъ объ этомъ. А стоитъ кому-нибудь сказать о тебѣ доброе слово, чтобы нашъ ректоръ его поддержалъ,—за это я отвѣчаю. Ну, и сколько-же было потомъ толковъ о тебѣ у Кассона, кабы ты зналъ! Тебѣ таки порядкомъ досталось; впрочемъ, оно и понятно: нетрудно угадать, какая будетъ пѣсня, когда ослы запоютъ.

— Любопытно: все это говорилось при мистерѣ Бурджѣ?—спросилъ Адамъ.—Или его не было у Кассона въ субботу?

— Нѣтъ, онъ ушелъ до прихода Карроля. А Кассонъ—ты вѣдь знаешь, онъ любитъ подписывать законы,—сталъ дока-

зывать, что если ужъ кому поручать присмотръ за лѣсомъ, такъ Бурджу. „Солидный человѣкъ, чуть ли не шестьдесятъ лѣтъ опыта въ этомъ дѣлѣ. Конечно, Адамъ Бидъ можетъ быть полезенъ, работая подъ его руководствомъ, но нельзя же предположить, чтобы сквайръ взялъ на такую должность такого молодого человѣка, какъ Адамъ, когда есть люди постарше и поумнѣе его".—А я ему на это сказалъ: — „Славно однако вы это придумали, Кассонъ. Вѣдь Бурджъ — покупщикъ лѣса. Какъ же это выходитъ у васъ? — отдать лѣсъ въ его руки, чтобы онъ самъ у себя его покупалъ? Едва-ли вы предоставляете вашимъ покупателямъ вести счетъ тому, что они у васъ выпьютъ. Ну, а что до возраста, такъ цѣнность вина зависитъ отъ качества, а не только отъ лѣтъ. Всякій знаетъ, кѣмъ держится мастерская Джонатана Бурджа".

— Спасибо вамъ на добромъ словѣ, мистеръ Масси,—сказалъ Адамъ, — но тѣмъ не менѣе на этотъ разъ Кассонъ отчасти былъ правъ. Очень мало вѣроятія, чтобы старый сквайръ когда-нибудь согласился взять меня къ себѣ на службу: года два тому назадъ я его разсердилъ, и онъ до сихъ поръ не можетъ мнѣ этого простить.

— Какъ! Какимъ образомъ? Ты мнѣ никогда объ этомъ не разсказывалъ,—сказалъ Бартль.

— Все вышло изъ за пустяковъ. Я дѣлалъ раму подъ экранъ для миссъ Бидди — вы вѣдь знаете, она постоянно что нибудь вышиваетъ шерстями. Ну вотъ, заказала она мнѣ эту раму, и столько у насъ было примѣрки и разговоровъ, какъ будто мы съ ней домъ затѣяли строить. Я впрочемъ былъ радъ доставить ей удовольствіе, и рама моя удалась. Но вы знаете, эти мелкія вещи тонкой работы берутъ много времени. Я работалъ надъ ней въ свободные часы, очень часто поздно за полночь; нѣсколько разъ я ходилъ въ Тредольстонъ — то за мѣдными гвоздиками, то за чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ; всю рѣзьбу, всѣ шишечки, углы и ножки я выточилъ по рисунку, очень старательно, и когда рама была готова, я остался очень ею доволенъ. Когда я принесъ ее въ замокъ, миссъ Лидди потребовала меня къ себѣ въ гостиную, чтобы дать мнѣ указанія, какъ прикрѣпить ея вышивку (чудесная вышивка—совсѣмъ какъ картина: Іаковъ и Рахиль обнимаются, а кругомъ стадо овецъ). Въ гостиной былъ и старый сквайръ,—онъ почти всегда сидитъ у нея. Ну хорошо, рама моя ей очень понравилась, и она спросила, сколько я хочу за нее получить. Я отвѣчалъ не наобумъ, — вы знаете, это не въ моихъ правилахъ; правда, я не представилъ ей счета, но я высчиталъ все до послѣдняго пенни и сказалъ:—„одинъ фунтъ тридцать шиллинговъ".—Я сосчиталъ тутъ и матеріалъ, и работу, но за работу это было вовсе не дорого. Старый сквайръ посмотрѣлъ на меня, потомъ на раму,— знаете, какъ онъ умѣетъ смотрѣть,—и сказалъ: „фунтъ трид-

цать шиллинговъ за такую дрянь! Послушай, Лидія, если ужъ тебѣ непремѣнно надо тратить деньги на эти пустяки, отчего бы тебѣ не заказывать ихъ въ Рессетерѣ, чѣмъ переплачивать вдвое здѣшнимъ доморощеннымъ мастерамъ? Адамъ — плотникъ, а плотникъ не можетъ дѣлать такихъ вещей. Дай ему гинею, и довольно съ него". Должно быть миссъ Лидди повѣрила ему, да и сама-то она довольно прижимиста насчетъ денегъ; сердце у нея не злое, но ее сбили съ толку. Она принялась возиться съ кошелькомъ и стала пунцовой, какъ ея лента, подавая мнѣ гинею. Я не взялъ, поклонился и сказалъ: благодарю, сударыня. Позвольте подарить вамъ эту раму. Вы сами одобрили ее, и въ Россетерѣ вы не достанете такой и за двѣ гинеи.. Я вправѣ подарить ее вамъ, потому что я одинъ работалъ надъ ней въ свободное время, но я не запрашивалъ и не могу принять платы, ниже назначенной. Я поклонился и вышелъ изъ комнаты, прежде чѣмъ она успѣла сказать что-нибудь. Я говорилъ вѣжливо съ ними, но не могу допустить, чтобы обо мнѣ думали, что я обманываю. Въ тотъ-же вечеръ слуга принесъ мнѣ 1 ф. и 13 ш.; съ того дня я всегда отлично видѣлъ, что старый сквайръ не можетъ меня выносить.

— Это весьма вѣроятно, это весьма вѣроятно, проговорилъ задумчиво Бартль.—Единственный способъ его переубѣдить это—показать ему, въ чемъ заключается собственная его выгода, и капитанъ это можетъ... капитанъ это можетъ.

— Не думаю, сказалъ Адамъ.—У сквайра довольно ума, но для того, чтобы человѣкъ съумѣлъ понять, въ чемъ его настоящая выгода, надо кое-что побольше ума: — надо имѣть совѣсть и умѣть отличать добро отъ зла, — такъ по крайней мѣрѣ я думаю. Едва-ли вы когда-нибудь убѣдите стараго сквайра, что онъ остался бы въ большемъ выигрышѣ, дѣйствуя прямо и честно, чѣмъ постоянно прибѣгая къ уловкамъ и изворотамъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Да и кромѣ того, я не имѣю особеннаго желанія служить у него; мнѣ не хотѣлось бы ссориться съ джентльменомъ, въ особенности съ такимъ старикомъ, а я знаю, что мы съ нимъ недолго будемъ ладить. Если бы капитанъ былъ хозяиномъ помѣстья, тогда другое дѣло: у него есть совѣсть и желаніе поступать справедливо, и ни на кого въ мірѣ я не работалъ бы такъ охотно, какъ на него.

— Ну ладно, голубчикъ, я говорю только: если удача постучится къ тебѣ въ дверя, не прогоняй ее — вотъ и все въ жизни, какъ и въ ариѳметикѣ, надо умѣть обращаться и съ четомъ и съ нечетомъ. А я всегда тебѣ скажу, какъ говорилъ десять лѣтъ тому назадъ, когда ты поколотилъ молодого Мика Гольдсворта за то, что онъ хотѣлъ спустить фальшивый шиллингъ, даже не разобравъ хорошенько, въ шутку онъ это сдѣлалъ или серьезно: — ты слишкомъ скоръ и гордъ, и

склоненъ набрасываться на людей только за то, что они не сходятся съ тобой во мнѣніяхъ. Если *я* немного горячъ и не люблю гнуть спину, такъ въ этомъ еще нѣтъ бѣды; я—старый школьный учитель и не мечтаю залетѣть выше этого, — мнѣ ужъ поздно мечтать. Но ты—другая статья. Зачѣмъ же я потратилъ столько времени, чтобъ научить тебя читать и писать, считать и чертить планы, если ты не выдвинешься впередъ изъ толпы и не докажешь людямъ, что для человѣка представляетъ все таки нѣкоторое преимущество имѣть на плечахъ голову, а не тыкву. Неужели же ты будешь воротить носъ отъ всякаго хорошаго случая выдвинуться только потому, что отъ него несовсѣмъ хорошо пахнетъ, хотя никто не слышитъ этого запаха, кромѣ тебя? Это будетъ такъ же глупо, какъ говорить, что жена скрашиваетъ жизнь рабочему человѣку. Нелѣпѣйшій вздоръ! Нелѣпѣйшій вздоръ! Предоставь эти глупости дуракамъ, которые не могутъ одолѣть и простого сложенія. А ужъ тутъ оно, кажется, достаточно просто: сложи двухъ дураковъ, и черезъ шесть лѣтъ прибавится еще шестеро; большіе они будутъ или маленькіе—это все равно; сумма отъ этого не измѣнится и наименованіе единицъ останется то-же.

Во время этого пылкаго воззванія къ хладнокровію и умѣренности трубка погасла, и Бартль, такъ сказать, подчеркнулъ свою рѣчь, яростно чиркнувъ спичкой, послѣ чего онъ принялся курить съ свирѣпымъ и рѣшительнымъ видомъ, продолжая въ упоръ глядѣть на Адама, который едва удерживался отъ смѣха.

— Въ томъ, что вы сейчасъ сказали, мистеръ Масси, много правды, какъ и во всемъ, что вы говорите, началъ Адамъ, какъ только ему удалось справиться съ подступавшимъ смѣхомъ.—Но вы должны согласиться, что было-бы нелѣпо съ моей стороны разсчитывать на случай, который можетъ и не представиться: это все равно, что возводить постройку, не заложивъ фундамента. Мое дѣло пока—работать по мѣрѣ силъ тѣми инструментами и надъ тѣмъ матеріаломъ, которые я имѣю въ рукахъ. Если выгодный случай представится, тогда я подумаю о томъ, что вы мнѣ говорили, но до тѣхъ поръ все, что я могу сдѣлать, это—положиться на свои руки и голову. У меня уже есть въ головѣ одинъ маленькій планъ для насъ съ Сетомъ: работать дома мебель на продажу; такимъ образомъ мы можемъ заработать фунта два лишнихъ... Однако, ужъ поздно, я пойду. Я и такъ не попаду домой раньше одиннадцати, а мать, пожалуй, не спитъ—поджидаетъ меня; она теперь изъ за всего волнуется. Покойной ночи, мистеръ Масси.

— Постой, постой, мы проводимъ тебя до калитки,—сегодня чудесная ночь, сказалъ Бартль и взялъ свою палку.

Вѣдьма въ одинъ мигъ была на ногахъ, и всѣ трое вышли

во дворъ, подъ ясное звѣздное небо, и направились къ низенькой калиткѣ вдоль грядокъ съ картофелемъ, составлявшихъ собственность Бартля.

— Приходи пѣть въ пятницу вечеромъ! крикнулъ старикъ вслѣдъ Адаму, заперевъ за нимъ калитку и облокотившись на нее.

— Приду, откликнулся Адамъ, шагая крупнымъ шагомъ по направленію къ бѣлой полоскѣ дороги.

На всемъ широкомъ выгонѣ онъ былъ теперь единственнымъ движущимся предметомъ. Два сѣрые осла, торчавшіе у кустовъ дикаго терна, стояли неподвижно, какъ два каменныя изваянія, или какъ тотъ домикъ изъ глины съ соломенной крышей, что виднѣлся подальше. Бартль слѣдилъ глазами за движущейся фигурой, пока она не скрылась въ темнотѣ, а Вѣдьма тѣмъ временемъ успѣла два раза сбѣгать въ домъ и наскоро облизать своихъ сосуновъ.

— Да, да, пробормоталъ школьный учитель, когда Адамъ скрылся изъ вида,—вонъ какимъ ты козыремъ.... вонъ какимъ ты козыремъ ходишь! Но никогда-бы ты не былъ тѣмъ, что ты есть, не будь въ тебѣ частицы хромого старикашки Бартля. Самому здоровому теленку все таки нужно сосать. Да, много здѣсь этихъ рослыхъ, здоровыхъ молодцовъ, которые не знали-бы азбуки, не будь у нихъ Бартля Масси...,. Ну что ты, Вѣдьма, лукавая бестія? Чего тебѣ надо? Чего тебѣ надо?— Чтобъ я домой шелъ? Домой? Ну да, я знаю, теперь у меня уже нѣтъ своей воли. А что ты прикажешь мнѣ дѣлать съ твоими щенками, когда они выростутъ вдвое больше тебя?— потому-что я вѣдь отлично знаю, кто ихъ отецъ. Большой головастый бульдогъ Вилля Бэкера—вотъ кто. Что, развѣ не правда, плутовка? (Тутъ Вѣдьма скромненько подобрала свой хвостъ и побѣжала къ дому. Въ разговорѣ затрогиваются иногда щекотливыя темы, насчетъ которыхъ благовоспитанныя женщины должны оставаться въ скромномъ невѣдѣніи).— Но развѣ можно что-нибудь втолковать бабѣ, у которой завелись сосуны? продолжалъ Бартль.—У нея нѣтъ совѣсти... нѣтъ совѣсти,—она вся ушла въ молоко.

Книга третья.

ГЛАВА XXII.

ПОЙЗЕРЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ПРАЗДНИКЪ ТРИДЦАТАГО ІЮЛЯ.

Тридцатое іюля наступило и оказалось однимъ изъ тѣхъ немногихъ ясныхъ и теплыхъ дней, какіе иногда выпадаютъ посреди дождливаго англійскаго лѣта. Въ послѣдніе три, четыре дня дождей совсѣмъ не было, и для этой поры лѣта погода была превосходная: на темной зелени живыхъ изгородей и на цвѣтахъ дикой ромашки, бѣлѣвшихъ вдоль дороги, пыли было меньше обыкновеннаго, но трава была настолько суха, что маленькія дѣти могли смѣло кататься по ней, и на всемъ небосклонѣ виднѣлась только одна небольшая полоска пушистаго облачка, да и то гдѣ-то высоко, высоко, въ далекомъ голубомъ небѣ. Чудесный іюльскій день для праздника на открытомъ воздухѣ, но далеко не лучше время для дня рожденія. Природа какъ будто остановилась передохнуть послѣ своихъ трудовъ: всѣ лучшіе цвѣты отцвѣли, радостная пора молодой зелени и неясныхъ надеждъ отлетѣла, а время жатвы и уборки еще не пришло, и мы дрожимъ передъ возможностью наступленія ненастья, которое можетъ уничтожить драгоцѣнные плоды нашего труда, когда они уже созрѣли. Лѣса приняли одинъ общій однообразный темнозеленый оттѣнокъ; тяжелые возы больше не ползутъ по проселкамъ, оставляя на кустахъ клочки пахучаго сѣна; луга мѣстами уже пожелтѣли, но хлѣбныя нивы еще не одѣлись въ свой послѣдній великолѣпный золотой и пурпурный уборъ; телята и ягнята утратили всякіе слѣды своей миловидной и рѣзвой невинности и превратились въ глупыхъ молодыхъ коровъ и овецъ. Но за то на фермахъ это самое пріятное время—время отдыха, промежутокъ между уборкой сѣна и хлѣба. Понятно послѣ этого, почему всѣ фермеры и ихъ работники въ Гейслопѣ и Брокстонѣ находили, что капитанъ очень хорошо сдѣлалъ, родившись именно въ эту пору лѣта, когда они могли безраздѣльно отдать свое вниманіе большой бочкѣ пива, которое варилось осенью въ тотъ годъ, когда родился „наслѣдникъ“ и должно было быть откупорено въ двадцать первую годовщину его рожденія. Съ ранняго утра воздухъ гудѣлъ отъ веселаго звона колоколовъ, и всѣ спѣшили покончить къ полудню съ необходимой работой, па-

тому что съ полдня пора было уже думать и о сборахъ въ замокъ.

Полуденное солнце заливало своимъ свѣтомъ всю комнату Гетти и никакія шторы не умѣряли теплоты его лучей, падавшихъ на ея головку въ тотъ моментъ, когда она смотрѣлась въ свое старое крапчатое зеркало. Но это было единственное зеркало, въ которомъ она могла видѣть свою шею и руки, потому что маленькое стѣнное зеркальце, принесенное ею изъ сосѣдней комнаты—бывшей комнаты Дины,—отражало только ея личико, не дальше подбородка да хорошенькаго кусочка бѣлой шейки, оттѣненнаго шелковистыми темными кудрями. А сегодня она больше чѣмъ когда-нибудь заботилась о своей шеѣ и рукахъ, потому что вечеромъ, когда начнутся танцы, она сниметъ свой шейный платочекъ, и вчера она очень много хлопотала надъ рукавами своего новаго платья съ розовымъ горошкомъ по бѣлому полю, чтобъ ихъ можно было снимать и надѣвать по желанію. Теперь она была въ томъ видѣ, какъ должна была явиться вечеромъ,—безъ платочка на шеѣ, но въ шемизеткѣ изъ „настоящаго" кружева, которую тетка дала ей на этотъ высокоторжественный случай. Кромѣ этой шемизетки на ней не было никакихъ украшеній; она сняла даже маленькія круглыя сережки, которыя носила каждый день. Но, очевидно, прежде чѣмъ надѣть шейный платочекъ и длинные рукава, въ которыхъ она должна была явиться въ замокъ и оставаться до вечера, ей нужно было сдѣлать еще что-то, потому что теперь она отомкнула ящичекъ, гдѣ хранились ея тайныя сокровища. Прошло больше мѣсяца съ того вечера, когда мы были свидѣтелями, какъ она отпирала этотъ ящичекъ. Теперь въ немъ есть новыя сокровища, и очень цѣнныя, настолько цѣннѣе старыхъ, что тѣ засунуты въ самый дальній уголъ. Теперь Гетти и не подумаетъ надѣть свои большія серьги изъ цвѣтного стекла; у нея есть теперь хорошенькія золотыя сережки съ жемчугомъ и гранатами: взгляните, какъ уютно онѣ примостились въ изящной коробочкѣ, подбитой бѣлымъ атласомъ. О, что за наслажденіе открывать эту коробочку и смотрѣть на сережки!.. Только, пожалуйста, не вздумайте философствовать на эту тему, мой философъ-читатель; не говорите, что Гетти, при ея красотѣ, должна-бы знать, что ей не нужны украшенія, и что любоваться серьгами, въ которыхъ она, по всей вѣроятности, не могла щеголять дальше порога своей комнаты, едва-ли могло служить удовлетвореніемъ для нея, такъ какъ сущность тщеславія заключается въ сознаніи впечатлѣнія, которое мы производимъ на другихъ. Не говорите этого: вы никогда не поймете женскую натуру, если будете такъ нестерпимо логичны. Постарайтесь лучше отбросить всѣ ваши предвзятыя логическія умозаключенія, а самое лучшее—представьте себѣ, что вы изучаете психологію канарейки, и наблю-

дайте, не мудрствуя лукаво, за движеніями этого прелестнаго существа. Смотрите, какъ мило она сгибаетъ на бокъ голову, съ безсознательной улыбкой любуясь серьгами въ ихъ гнѣздышкѣ изъ бѣлаго атласа. Вы думаете, конечно, что эта улыбка относится къ тому, кто подарилъ ей эти серьги, что всѣ ея мысли унеслись въ прошлое, къ тому моменту, когда она ихъ получила?—Ничуть не бывало. Иначе отчего-бы ей такъ особенно дорожить именно серьгами?—а между тѣмъ я знаю, что изъ всѣхъ извѣстныхъ ей украшеній она мечтала больше всего о серьгахъ.

„Хорошенькія маленькія ушки!“ сказалъ Артуръ какъ-то вечеромъ, когда Гетти, безъ шляпы, сидѣла возлѣ него на травѣ, и сдѣлалъ видъ, что хочетъ ущипнуть ее за ухо. „Ахъ, если-бъ у меня были хорошенькія серьги!“ сказала она вдругъ, прежде чѣмъ успѣла подумать, что́ она говоритъ. Это желаніе такъ давно вертѣлось у нея на языкѣ, что сорвалось само собой при малѣйшемъ поводѣ. И на другой-же день (это было только на прошлой недѣлѣ) Артуръ нарочно ѣздилъ въ Россетеръ, чтобъ купить эти сережки. Эта маленькая прихоть, такъ наивно выраженная, привела его въ восторгъ своимъ милымъ ребячествомъ; ни разу не случалось ему слышать ничего подобнаго. И онъ завернулъ коробочку въ нѣсколько обертокъ, чтобы только имѣть удовольствіе видѣть, какъ Гетти будетъ ихъ разворачивать съ возростающимъ любопытствомъ, пока, наконецъ, глаза ея не поднимутся на него, сіяя радостью и восхищеніемъ.

Нѣтъ, не о томъ, кто подарилъ ей эти серьги, думала она, когда улыбалась, глядя на нихъ. Вотъ она вынимаетъ ихъ изъ коробочки, но не затѣмъ, чтобы прижать къ губамъ, а чтобы продѣть себѣ въ уши—на одну минутку—только взглянуть, какъ она въ нихъ хороша. Вотъ она глядится въ зеркало, поворачивая головку то направо, то налѣво, точно прислушивающаяся птичка. Невозможно читать ей мораль по поводу какихъ-то серегъ, когда глядишь на нее! Для чего-же и быть на свѣтѣ драгоцѣннымъ жемчужинамъ и самоцвѣтнымъ камнямъ, какъ не для украшенія такихъ ушекъ? Даже тѣ маленькія круглыя дырочки, что остаются въ нихъ, когда она снимаетъ сережки, нисколько ихъ не портятъ: быть можетъ, у водяныхъ нимфъ и у всѣхъ этихъ очаровательныхъ воздушныхъ существъ, которыя не имѣютъ души, такія дырочки въ ушкахъ существуютъ отъ природы, чтобы они могли украшать ихъ алмазами. А Гетти *должна* быть однимъ изъ этихъ существъ: слишкомъ больно думать, что она—женщина, и что женская доля ждетъ ее впереди,—что въ своемъ юномъ невѣдѣніи она ткетъ легкую паутину безумныхъ мечтаній и напрасныхъ надеждъ, и что можетъ настать день, когда эта паутина опутаетъ ее и сдѣлается для нея отравленнымъ одѣяніемъ, которое будетъ разъѣдать ея тѣло, сожметъ ее, какъ

тисками, и разомъ превратитъ ея ребяческія — мимолетныя и мелкія—ощущенія въ глубокую человѣческую скорбь.

Но ей нельзя долго любоваться серьгами, а то она заставитъ ждать дядю и тетку. И она поскорѣе кладетъ ихъ въ коробочку и прячетъ въ ящикъ. Придетъ время, когда ей можно будетъ носить всякія серьги, какія она захочетъ; она уже и теперь живетъ въ волшебномъ невидимомъ мірѣ блестящихъ нарядовъ изъ прозрачнаго газа, изъ мягкаго шелка и бархата, — такихъ, какъ она видѣла въ гардеробныхъ шкапахъ миссъ Лидіи въ замкѣ, которые показывала ей камеристка; она чувствуетъ браслеты у себя на рукахъ, ступаетъ по мягкимъ коврамъ и смотрится въ большое, высокое зеркало. Но есть у нея въ ящикѣ одна вещица, которую она смѣло можетъ надѣть и сегодня: она подвѣситъ ее на ожерелье изъ мелкихъ темныхъ бусъ, которое она всегда надѣваетъ по праздникамъ. Это ожерелье ей непремѣнно надо надѣть: оно такъ хорошо оттѣняетъ ея шею; только обыкновенно она носитъ на немъ маленькій плоскій флакончикъ съ духами, а сегодня надѣнетъ медальонъ. Онъ нравился Гетти гораздо меньше серегъ, хотя это былъ прекрасный большой медальонъ, съ эмалью на задней стѣнкѣ въ видѣ букета цвѣтовъ и съ красивымъ золотымъ ободкомъ вокругъ стекла, за которымъ виднѣлась волнистая прядка свѣтлорусыхъ волосъ, и на ней два маленькихъ колечка другихъ—темныхъ кудрей. Она засунетъ медальонъ за поясъ юбки, и никто его не увидитъ. Дѣло въ томъ, что у Гетти была еще одна страсть—развѣ немногимъ слабѣе ея страсти къ нарядамъ,—и въ силу этой-то другой ея страсти ей было пріятно надѣть этотъ медальонъ, хотя-бы его и не было видно. Она носила-бы его постоянно, если-бы не боялась, что тетка станетъ приставать къ ней, зачѣмъ она носитъ ленточку на шеѣ. И вотъ, теперь она подвѣсила медальонъ къ ожерелью, а ожерелье надѣла на шею. Оно было не особенно длинно, какъ разъ такой длины, что медальонъ можно было засунуть за поясъ. Теперь ей оставалось только надѣть длинные рукава, новенькій бѣлый кисейный платочекъ и соломенную шляпу, къ которой она приколола бѣлую ленту вмѣсто розовой, уже успѣвшей полинять отъ іюльскаго солнца. Эта шляпа была для Гетти каплей горечи въ чашѣ блаженства этого дня: шляпа была не совсѣмъ новая,—всѣ замѣтятъ, что солома немного загрязнилась, особенно въ сравненіи съ бѣлой лентой; а у Мэри Бурджъ сегодня навѣрное будетъ новая шляпа. Чтобы утѣшить себя, Гетти вглянула на свои бѣлые бумажные чулочки: положительно они были прехорошенькіе, Еще-бы! вѣдь она отдала за нихъ почти всѣ свои накопленныя деньги. Грезы Гетти о будущемъ не могли сдѣлать ее нечувствительной къ тріумфамъ въ настоящемъ. Конечно, капитанъ Доннитернъ такъ ее любитъ, что ему дѣла нѣтъ до другихъ, но вѣдь эти другіе не знаютъ,

какъ горячо онъ ее любитъ, и ей было непріятно явиться передъ ними дурно одѣтой и незамѣтной, хотя-бы на самое короткое время.

Когда Гетти сошла въ кухню, вся семья была уже въ сборѣ — разумѣется, всѣ въ своихъ лучшихъ праздничныхъ платьяхъ. Все это утро колокола такъ усердно звонили въ честь двадцать первой годовщины дня рожденія капитана, и всю домашнюю работу на фермѣ кончили такъ рано, что Марти и Томми страшно волновались, боясь, какъ-бы вмѣсто замка ихъ не повели въ церковь, пока мать не успокоила ихъ, сказавъ, что обѣдня не входитъ въ число увеселеній сегодняшняго дня. Мистеръ Пойзеръ заикнулся-было о томъ, чтобы запереть домъ и оставить его на произволъ судьбы. „Нѣтъ никакой опасности, чтобы къ намъ вломились сегодня", сказалъ онъ: — ни одного вора не останется, всѣ уйдутъ въ замокъ. А если домъ запереть, тогда можно отпустить всѣхъ рабочихъ: такого дня имъ больше не придется увидѣть". Но мистрисъ Пойзеръ отвѣчала съ величайшей рѣшимостью: „Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлалась хозяйкой, я никогда не оставляла домъ на произволъ судьбы, и не оставлю. Съ послѣдней недѣли здѣсь шатается столько подозрительнаго вида бродягъ, что они могутъ растащить весь домъ до послѣдней ложки. Всѣ бродяги всегда заодно. Счастье еще, что до сихъ поръ не перетравили нашихъ собакъ и не зарѣзали насъ въ постели: по пятницамъ, когда мы расплачиваемся съ поденщиками, у насъ въ домѣ всегда лежатъ деньги, и навѣрно они это знаютъ. Можетъ быть, они знаютъ даже, куда мы сегодня идемъ, потому что когда чортъ захочетъ подстроить каверзу человѣку, онъ всегда найдетъ для этого средства".

— Пустяки! сказалъ мистеръ Пойзеръ. — Съ какой стати насъ зарѣжутъ въ постели! Въ моей комнатѣ всегда виситъ ружье, а у тебя такія чуткія уши, что ты услышишь, если мышь заскребется въ чуланѣ. Впрочемъ, если ты такъ безпокоишься, пожалуй, пусть Аликъ остается дома до половины дня, а къ пяти часамъ Тимъ его смѣнитъ. Въ случаѣ чего они могутъ спустить съ цѣпи Барбоску, да и Аликова — стоитъ ему свистнуть, — вцѣпится въ горло первому бродягѣ, которому вздумается насъ навѣстить.

Мистрисъ Пойзеръ приняла этотъ компромиссъ, но сочла не лишнимъ запереть на болты всѣ окна и двери, и теперь, въ послѣдній моментъ передъ отъѣздомъ, работница Нанси закрывала ставни кухоннаго окна, хотя оно выходило во дворъ и, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Алика и двухъ псовъ, едва-ли могло представлять какія-либо удобства для осуществленія разбойническихъ цѣлей.

Крытая повозка безъ рессоръ уже стояла у крыльца, готовая вмѣстить всю семью, кромѣ работниковъ-мужчинъ. Мистеръ Пойзеръ и дѣдъ усѣлись впереди, на наружномъ сидѣньѣ,

а внутри помѣстились всѣ женщины и дѣти: чѣмъ повозка полнѣе, тѣмъ лучше, потому что меньше трясетъ, а широкіе бока и толстыя руки Нанси могутъ служить превосходной подушкой. Но мистеръ Пойзеръ, во избѣжаніе тряски, все время ѣхалъ шагомъ, такъ-что сидѣвшимъ въ повозкѣ было достаточно времени обмѣниваться привѣтствіями и впечатлѣніями съ пѣшеходами, направлявшимися въ ту-же сторону. Ихъ было такъ много, что всѣ тропинки между зелеными лугами и золотыми нивами пестрѣли движущимися точками самыхъ яркихъ цвѣтовъ: тутъ мелькала красная жилетка, соперничая съ макомъ, кивавшимъ изъ-за колосьевъ своими головками, тамъ—синій шейный платокъ съ развѣвающимися концами, ярко выдѣлявшимися на фонѣ новенькой бѣлой блузы, Весь Брокстонъ и весь Гейслопъ шли въ замокъ веселиться въ честь „наслѣдника", а старики и старухи, ни разу не бывавшіе по сю сторону холма за послѣднія двадцать лѣтъ, должны были пріѣхать всѣ вмѣстѣ въ повозкѣ одного изъ фермеровъ (эту мысль подалъ мистеръ Ирвайнъ). Колокола опять зазвонили—въ послѣдній разъ, такъ какъ звонарямъ тоже хотѣлось принять участіе въ празднествѣ, и не успѣли умолкнуть колокола, какъ грянула новая музыка, такъ-что даже старый Гнѣдко—смирная лошадка, тащившая повозку мистера Пойзера,—насторожила уши. Это подъѣзжалъ оркестръ музыкантовъ *Общества взаимопомощи,* явившійся во всемъ своемъ великолѣпіи—въ голубыхъ шарфахъ, съ голубыми кокардами и со знаменемъ, на которомъ вокругъ рисунка, изображавшаго шахту, красовался девизъ: „Братская любовь да будетъ жить вѣчно".

Повозки, разумѣется, не въѣзжали во дворъ. Всѣ должны были вылѣзать у сторожки, а экипажи отправлялись домой.

— Да тутъ уже цѣлая ярмарка, сказала мистрисъ Пойзеръ, выходя изъ своей повозки. И въ самомъ дѣлѣ, въ паркѣ была уже большая толпа: оживленныя группы бродили подъ высокими дубами, а ребятишки бѣгали по припеку, разглядывая высокіе шесты, увѣнчанные развѣвающимися по вѣтру различными частями одежды, которыя должны были служить призомъ для самыхъ ловкихъ гимнастовъ.—Вотъ никогда бы не подумала, что въ двухъ приходахъ живетъ столько народу... Господи помилуй, какая, однако, жара на солнцѣ! Тотти, поди сюда, а то тебѣ опечетъ всю мордашку... Право, имъ, кажется, незачѣмъ было растапливать плиту: они могли-бы состряпать обѣдъ прямо на солнцѣ... Я пойду посижу въ комнатѣ мистрисъ Бестъ.

— Погоди, погоди минутку, сказалъ мистеръ Пойзеръ.— Вонъ подъѣзжаетъ повозка со стариками: посмотримъ, какъ они вылѣзутъ и поплетутся всѣ вмѣстѣ,—такую картину не скоро увидишь въ другой разъ.—Отецъ, я думаю, ты всѣхъ ихъ помнишь молодыми?

— Еще-бы! проговорилъ старикъ Мартинъ, прохаживаясь въ тѣни, подъ навѣсомъ сторожки, откуда онъ могъ хорошо видѣть, какъ старики будутъ вылѣзать изъ повозки.—Я помню, какъ Джекобъ Тафтъ прошелъ пятьдесятъ миль въ погоню за шотландскими мятежниками, когда они бѣжали изъ Стонитона.

Старикъ почувствовалъ себя почти юношей, у котораго еще долгая жизнь впереди, когда увидѣлъ Гейслопскаго патріарха дѣдушку Тафта, который только-что вышелъ изъ повозки и направлялся къ нему на двухъ костыляхъ, въ своемъ неизмѣнномъ коричневомъ колпакѣ.

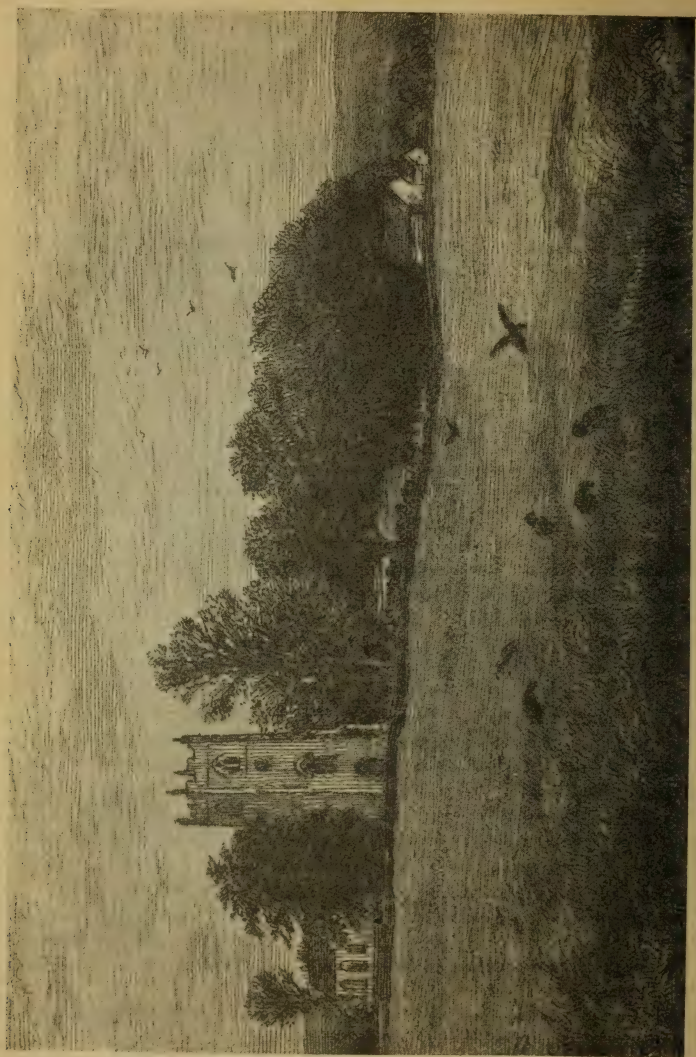
— Здравствуйте, мистеръ Тафтъ! закричалъ Мартинъ во все горло, потому что хоть онъ и зналъ, что старикъ глухъ какъ тетеря,—онъ не могъ поздороваться съ нимъ.—Что, веселиться пріѣхали?... Да вы еще совсѣмъ молодцомъ, даромъ что вамъ девяносто лѣтъ съ хвостикомъ.

— Мое почтенье, господа, мое почтенье, сказалъ дѣдушка Тафтъ, замѣтивъ, что ему кланяются.

Группа стариковъ, которыхъ вели подъ руки сыновья и дочери—тоже уже сѣдые и сморщенные—прошла по прямой дорогѣ къ дому, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ особый столъ, а Пойзеры благоразумно удалились подъ тѣнь высокихъ деревьевъ, стараясь, однако, не терять изъ вида замка, съ цвѣтникомъ передъ фасадомъ, покатой лужайкой и тремя хорошенькими полосатыми палатками въ концѣ этой лужайки, разставленными покоемъ, подъ прямыми углами вокругъ открытаго зеленаго пространства, гдѣ должны были происходить игры. Замокъ былъ самый обыкновенный квадратный домъ временъ королевы Анны и не представлялъ-бы ровно ничего замѣчательнаго, если-бъ не развалины стариннаго аббатства, къ которому онъ примыкалъ однимъ бокомъ. Такъ на какой-нибудь фермѣ видишь иногда высокій новый домъ, гордо выступающій въ концѣ длиннаго ряда низенькихъ старыхъ строеній. Красивыя старинныя развалины стояли немного отступя, въ тѣни высокихъ буковъ, но весь фасадъ передняго, болѣе высокаго зданія былъ залитъ солнцемъ, и большой домъ со своими спущенными маркизами казался погруженнымъ въ дремоту. Когда Гетти взглянула на него, ей сдѣлалось скучно: должно быть, Артуръ гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ со своими важными гостями; онъ даже не знаетъ, что она здѣсь, и она долго, долго его не увидитъ,—пока не кончится обѣдъ, потому что тогда онъ, говорятъ, придетъ къ нимъ и скажетъ имъ рѣчь.

Но Гетти ошибалась, по крайней мѣрѣ въ той части своихъ догадокъ, которая касалась важныхъ гостей. Никакихъ гостей въ замкѣ не было, кромѣ Ирвайновъ, за которыми съ утра послали коляску, и Артуръ былъ въ эту минуту не въ заднихъ комнатахъ, а прохаживался съ ректоромъ по ши-

рокимъ каменнымъ корридорамъ стараго аббатства, гдѣ были накрыты длинные столы для мелкихъ арендаторовъ и рабо-



Замокъ Доннитернъ.

чихъ. Веселый, улыбающійся, съ открытымъ, чистосердечнымъ взглядомъ, Артуръ смотрѣлъ типичнымъ красавцемъ англича-

ниномъ въ своемъ свѣтло-голубомъ фракѣ по послѣдней модѣ и безъ черной перевязи на плечѣ. Но и у чистосердечныхъ людей бываютъ секреты, а на молодыхъ лицахъ секреты не оставляютъ морщинъ.

— Честное слово, я нахожу, что нашимъ мелкимъ фермерамъ досталась лучшая часть въ дѣлежѣ, сказалъ Артуръ, когда они съ мистеромъ Ирвайномъ вошли подъ прохладные своды аббатства: эти каменные корридоры—восхитительная столовая для жаркаго дня. Чудесную мысль вы подали, Ирвайнъ, когда посовѣтовали мнѣ вмѣсто общаго угощенія устроить форменный, чинный обѣдъ, и только для однихъ арендаторовъ, тѣмъ болѣе, что сумма, которою я располагаю, весьма ограничена, потому что хотя мой дѣдъ и толковалъ про carte blanche, однако когда дошло до дѣла, онъ, по обыкновенію, побоялся предоставить мнѣ распорядиться, какъ я хочу.

— Ничего, это даже лучше, сказалъ мистеръ Иравайнъ:— вы увидите, что ваши гости останутся гораздо больше довольны, чѣмъ если-бы вы затѣяли угощеніе на широкую ногу. Слишкомъ широкое гостепріимство легко приводитъ къ безпорядку и буйству. Конечно, когда вы слышите, что подавались цѣлые жареные быки и бараны, и всѣ приходившіе ѣли, кто сколько хотѣлъ,—это звучитъ очень красиво, но на повѣрку обыкновенно выходитъ, что никто не пообѣдалъ, какъ слѣдуетъ, между тѣмъ какъ, получивъ хорошій обѣдъ среди дня и умѣренное количество пива, люди будутъ въ состояніи веселиться вечеромъ и принимать участіе въ играхъ. Разумѣется, нѣсколько человѣкъ къ вечеру непремѣнно напьются—безъ этого нельзя; но въ темнотѣ пьянство сходитъ какъ-то незамѣтнѣе, чѣмъ при свѣтѣ дня.

— Я надѣюсь, что большого пьянства не будетъ. Изъ треддльстонцевъ никто не придетъ: я нарочно устроилъ для нихъ обѣдъ въ городѣ. А Кассонъ, Адамъ Бидъ и еще нѣсколько человѣкъ надежныхъ ребятъ обѣщали мнѣ присмотрѣть за выдачей пива и позаботиться, чтобы не было безпорядка... Пойдемте наверхъ, посмотримъ, какъ устроены столы для крупныхъ фермеровъ.

Они поднялись по каменной лѣстницѣ въ верхнюю галлерею аббатства, куда за послѣднія три поколѣнія были изгнаны изъ замка всѣ старыя негодныя картины со своей пылью: заплѣсневѣлые портреты королевы Елизаветы и ея фрейлинъ, генералъ Монкъ съ выбитымъ глазомъ, пророкъ Даніилъ въ необыкновенно темной львиной пещерѣ и Юлій Цезарь верхомъ на конѣ, съ большимъ орлинымъ носомъ, въ лавровомъ вѣнкѣ и со своими „Комментаріями“ въ правой рукѣ.

— Какъ хорошо, что эти старыя развалины уцѣлѣли, сказакъ Артуръ.—Если я когда-нибудь буду здѣсь хозяиномъ, я непремѣнно велю реставрировать эту галлерею и отдѣлаю

ее въ самомъ изысканномъ вкусѣ. У насъ во всемъ домѣ нѣтъ ни одной комнаты, которая составляла-бы хоть треть этой галлереи по размѣрамъ... Вонъ за тѣмъ вторымъ столомъ будутъ обѣдать женщины и дѣти; мистрисъ Бестъ говоритъ, что матерямъ будетъ удобнѣе сидѣть отдѣльно съ дѣтьми. Я нарочно позвалъ всѣхъ съ дѣтьми;—я хочу, чтобы на моемъ праздникѣ все было по семейному. Для всѣхъ этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ я буду со временемъ „старымъ сквайромъ", и они будутъ разсказывать своимъ дѣтямъ, какой я былъ когда-то красавецъ,—гораздо лучше моего сына. Внизу есть тоже особый столъ для женщинъ и дѣтей. Впрочемъ, вы всѣхъ ихъ увидите;—я надѣюсь, вы придете сюда со мной послѣ обѣда.

— Разумѣется, отвѣчалъ мистеръ Ирвайнъ;—я непремѣнно хочу слышать вашу первую рѣчь.

— Вы услышите еще одну вещь, которая васъ порадуетъ, сказалъ Артуръ.—Пойдемъ въ библіотеку—я вамъ разскажу, пока дѣдушка занимаетъ дамъ въ гостиной... Васъ это очень удивитъ, продолжалъ онъ, когда они усѣлись въ библіотекѣ:—дѣдушка сдался-таки наконецъ.

— Какъ! Относительно Адама?

— Да. Я-бы еще вчера пріѣхалъ вамъ разсказать, если-бъ не былъ такъ занятъ. Вы вѣдь знаете, я вамъ говорилъ, что я уже пересталъ-было и уговаривать его, считая это безполезнымъ, но вчера поутру онъ самъ прислалъ за мной, и—можете себѣ представить мое удивленіе, когда онъ мнѣ объявилъ, что онъ уже покончилъ со всѣми необходимыми распоряженіями, вызванными болѣзнью Сатчеля, и между прочимъ рѣшилъ взять Адама лѣсничимъ на жалованье по гинеѣ въ недѣлю и съ правомъ пользоваться одною изъ нашихъ лошадей. Я подозрѣваю, что онъ съ самаго начала понималъ, какъ выгоденъ для него этотъ планъ, но не могъ преодолѣть своей антипатіи къ Адаму, и кромѣ того, *я* предложилъ этотъ планъ, а для него довольно одного этого, чтобы не согласиться. Вообще въ моемъ почтенномъ дѣдушкѣ много самыхъ курьезныхъ противорѣчій: я знаю, напримѣръ, что онъ намѣренъ завѣщать мнѣ все свое состояніе, что онъ способенъ даже обидѣть бѣдную тетю Лидію, которая всю свою жизнь была его рабой, ради того, чтобъ мнѣ досталось больше, а между тѣмъ подчасъ мнѣ положительно начинаетъ казаться, что онъ меня ненавидитъ за то, что я его наслѣдникъ. Я убѣжденъ, что сломай я завтра шею, онъ будетъ считать это величайшимъ несчастьемъ, и въ то-же время ему какъ-будто доставляетъ удовольствіе отравлять мнѣ жизнь всякими мелкими непріятностями.

— Эхъ, другъ мой, не одна только женская любовь—„ἀπέρωτος ἔρως", какъ говоритъ старикъ Эсхилъ. На свѣтѣ довольно „не любящей любви" и между мужчинами. Но раз-

скажите мнѣ про Адама. Принялъ онъ это мѣсто? Я не нахожу, чтобъ оно было для него выгоднѣе теперешней работы, хотя, конечно, у него будетъ оставаться достаточно свободнаго времени.

— Признаться, я и самъ сомнѣвался, согласится-ли онъ, и когда я ему сказалъ, онъ, видимо, колебался. Главное его возраженіе было то, что онъ боится, съумѣетъ-ли онъ угодить моему дѣду. Но я просилъ его, какъ о личномъ для меня одолженіи, не смущаться никакими посторонними резонами и принять мѣсто, если только оно ему подходитъ и если, принимая его, онъ не лишаетъ себя чего-нибудь другого, болѣе выгоднаго. И онъ увѣрилъ меня, что мѣсто для него вполнѣ подходящее, что оно будетъ для него большимъ шагомъ впередъ и дастъ ему возможность сдѣлать то, о чемъ онъ уже давно мечтаетъ,—отказаться отъ работы у Бурджа. По его словамъ, у него останется довольно времени для наблюденія за собственной небольшой мастерской, которую они съ Сетомъ собираются открыть и надѣются постепенно расширить. Однимъ словомъ, онъ, наконецъ, согласился, и сегодня я распорядился, чтобъ онъ обѣдалъ за однимъ столомъ съ крупными арендаторами; я хочу объявить имъ послѣ обѣда о назначеніи его на эту должность и попросить ихъ выпить за его здоровье. Выйдетъ маленькая сценка, которую я приготовилъ для моего друга Адама. Онъ славный малый, и мнѣ хочется, чтобы всѣ знали, какого я о немъ мнѣнія

— Маленькая сценка, въ которой мой пріятель Артуръ льститъ себя надеждой сыграть не послѣднюю роль,—проговорилъ мистеръ Ирвайнъ, улыбаясь; но, замѣтивъ, что Артуръ покраснѣлъ, онъ поспѣшилъ добавить, какъ-бы извиняясь:— *Моя* роль, вы знаете, всегда одна и та-же, — роль стараго брюзги, который всегда найдетъ, за что придраться къ молодежи. Я не люблю сознаваться, что горжусь моимъ питомцемъ, когда онъ хорошо поступаетъ. Но на этотъ разъ я намѣренъ разыграть снисходительнато дѣда и поддержу вашъ тостъ въ честь Адама... А что, вашъ дѣдъ сдался и по другому пункту? Согласился онъ нанять порядочнаго управляющаго?

— О нѣтъ, отвѣчалъ Артуръ съ раздраженіемъ, вставая со стула, и зашагалъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы.—У него есть, кажется, проектъ отдать въ аренду Домовую Ферму съ тѣмъ, чтобъ арендаторъ поставлялъ на замокъ масло и молоко. Но я не разспрашиваю,—все это меня только сердитъ. Какъ видно, онъ намѣренъ все дѣлать самъ и обходиться совсѣмъ безъ управляющаго. Во всякомъ случаѣ поразительно, какъ много у него энергіи въ его годы.

— Да, это правда. Ну, а теперь пойдемъ къ дамамъ, сказалъ мистеръ Ирвайнъ, тоже вставая.—Я хочу разсказать матушкѣ, какой великолѣпный тронъ вы для нея воздвигли въ палаткѣ.

— Идемте. Кстати, и завтракать пора. Два часа: сейчасъ фермеры сядутъ обѣдать; вонъ и колоколъ уже начинаетъ звонить.

ГЛАВА XXIII.

ОБѢДЪ.

Когда Адаму сказали, что онъ будетъ обѣдать наверху, съ крупными арендаторами, ему было немного непріятно, что его выдѣляютъ такимъ образомъ и ставятъ выше его матери и брата, которые должны были обѣдать внизу. Но мистеръ Мильсъ, дворецкій, объяснилъ ему, что капитанъ Доннитрнъ особенно на этомъ настаиваетъ и будетъ очень недоволенъ, если онъ, Адамъ, не подчинится его распоряженію.

Адамъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и подошелъ къ Сету, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Сетъ, началъ онъ,—капитанъ прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я обѣдалъ наверху. Мистеръ Мильсъ говоритъ, что онъ непремѣнно этого хочетъ, такъ-что, я думаю, мнѣ неловко не пойти, хотя мнѣ очень непріятно, что они сажаютъ меня выше васъ съ матерью, какъ будто я лучше моихъ кровныхъ. Надѣюсь, ты не примешь этого въ дурную сторону?

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ не безпокойся, отвѣчалъ Сетъ,— Твои успѣхи—наши успѣхи, и если тебѣ оказываютъ почетъ, значитъ ты его заслужилъ. Чѣмъ выше тебя вознесутъ надо мной, тѣмъ я буду счастливѣе, лишь-бы ты сохранилъ ко мнѣ братскія чувства. Ты вѣдь назначенъ лѣсничимъ, и, сажая тебя за большой столъ, капитанъ поступаетъ только справедливо. Это довѣренная должность, и ты теперь выше простого рабочаго.

— Да, но никто еще объ этомъ не знаетъ, сказалъ Адамъ.— Я еще не говорилъ мистеру Бурджу, что ухожу отъ него, и мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ объ этомъ узнали прежде, чѣмъ я самъ ему скажу, а то, я боюсь, онъ обидится. Мое появленіе наверху всѣхъ удивитъ и, вѣроятно, всѣ догадаются о причинѣ и станутъ разспрашивать, потому что въ послѣднія три недѣли только и было разговоровъ, что о томъ, получу-ли я это мѣсто.

— Ну, что-жъ, ты можешь сказать, что тебѣ приказали явиться, не объясняя причины: ты скажешь только правду... А какъ мама обрадуется и какъ она будетъ гордиться тобой! Пойдемъ, скажемъ ей.

Адамъ былъ не единственнымъ изъ гостей, приглашенныхъ къ большому столу на основаніи причинъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ размѣрамъ вносимой ими ренты. Въ числѣ прихожанъ двухъ собравшихся въ замкѣ приходовъ

были люди и кромѣ Адама, достоинство которыхъ измѣрялось не толщиной ихъ кармана, а отправляемыми ими обязанностями, и къ разряду этихъ людей принадлежалъ Бартль Масси. Въ этотъ жаркій день онъ ковылялъ какъ-то медленнѣе обыкновеннаго; поэтому, когда зазвонилъ обѣденный колоколъ, Адамъ отсталъ отъ другихъ, чтобы войти вмѣстѣ со своимъ старымъ другомъ: онъ былъ слишкомъ застѣнчивъ, чтобы рѣшиться присоединиться къ Пойзерамъ въ такомъ большомъ обществѣ. Въ теченіе дня ему еще навѣрно представятся случаи подойти къ Гетти, и онъ довольствовался этимъ, не желая подвергаться риску „вышучиваній" по поводу своей любви: этотъ большой, прямодушный, безстрашный человѣкъ былъ робокъ и нерѣшителенъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ.

— Знаете, мистеръ Масси, — сказалъ Адамъ, дождавшись Бартля, — сегодня я обѣдаю наверху, — такъ приказалъ капитанъ.

— А-а, протянулъ Бартль, останавливаясь. — Значитъ вѣтеръ подулъ въ нашу сторону... въ нашу сторону. Ты ничего не слыхалъ о намѣреніяхъ стараго сквайра?

— Какъ-же, слышалъ,— отвѣчалъ Адамъ.—*Вамъ* я разскажу, потому что я знаю, вы умѣете молчать, когда захотите, и я попрошу васъ не говорить никому ни слова, пока это не будетъ объявлено,—у меня есть на то свои особыя причины.

— Можешь на меня положиться, можешь на меня положиться, голубчикъ. У меня нѣтъ жены, и значитъ некому вытягивать изъ меня секретовъ и потомъ бѣжать и благовѣстить о нихъ на всѣхъ перекресткахъ. Ужъ если вѣрить кому, такъ только холостяку... только холостяку.

— Ну, такъ слушайте же: я назначенъ лѣсничимъ. Это рѣшилось вчера. Я работалъ здѣсь—присматривалъ за установкой шестовъ и палатокъ; капитанъ прислалъ за мной, предложилъ мнѣ это мѣсто, и я согласился. Но если васъ станутъ спрашивать наверху, вы сдѣлайте видъ, что ничего не знаете, и постарайтесь перевести разговоръ на другое, — я буду вамъ очень за это обязанъ... А теперь пойдемте; мы, кажется, и такъ уже будемъ послѣдніе.

— Не бойся, я тебя не выдамъ,—сказалъ Бартль, проходя впередъ. — Эта новость будетъ мнѣ хорошей приправкой къ обѣду... Да, да, ты идешь въ гору, голубчикъ. Я всегда стоялъ за тебя, и всегда скажу, что у тебя вѣрный глазъ, твердая рука и здоровая голова на цыфры. Ну, да и учили тебя хорошо... и учили тебя хорошо.

Когда они пришли наверхъ, тамъ обсуждался вопросъ, кому быть предсѣдателемъ за столомъ и кому — вице-предсѣдателемъ, такъ что появленіе Адама прошло незамѣченнымъ.

— Здравый смыслъ говоритъ, — ораторствовалъ мистеръ Кассонъ,—что во главѣ стола долженъ сидѣть мистеръ Пой-

зеръ-старшій, такъ какъ онъ старше всѣхъ, здѣсь присутствующихъ. Ужъ, кажется, я долженъ знать толкъ въ этихъ вещахъ,— не даромъ я прослужилъ пятнадцать лѣтъ дворецкимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — говорилъ старикъ Мартинъ,—я всѣ свои права уступилъ сыну. Я уже больше не арендаторъ,—пусть мой сынъ займетъ мое мѣсто. Мы, старики, свое отжили и должны давать дорогу молодымъ.

— А по моему право на предсѣдательское мѣсто должно принадлежать самому крупному арендатору, а не старшему по годамъ,—сказакъ Люкъ Бриттонъ, не долюбливавшій мистера Пойзера, какъ своего строгаго критика. — у мистера Гольдсворта всѣхъ больше земли, значитъ ему и быть предсѣдателемъ.

— Или рѣшимъ такъ, — вмѣшался мистеръ Пойзеръ: — у кого земля содержится всѣхъ хуже, пусть тотъ садится во главѣ стола: тогда по крайней мѣрѣ мы не будемъ завидовать тому, кто удостоится этой чести.

— А вонъ идетъ мистеръ Масси,—сказалъ Крегъ, который, какъ лицо не заинтересованное въ спору, старался привести его къ соглашенію:—онъ—школьный учитель и долженъ рѣшить вопросъ по справедливости. — Кому быть предсѣдателемъ, мистеръ Масси?

— Конечно, самому толстому, отвѣчалъ Бартль: — оно кстати и другимъ будетъ просторнѣе сидѣть. А слѣдующій толстякъ послѣ него пусть будетъ вице-предсѣдателемъ и сядетъ на другомъ концѣ стола.

Этотъ находчивый отвѣтъ, такъ счастливо разрѣшившій всѣ споры, вызвалъ много смѣха; впрочемъ и менѣе удачная шутка произвела бы тотъ же эффектъ. Однако мистеръ Кассонъ счелъ несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ и высокими познаніями присоединиться къ общему смѣху, пока его не признали толстякомъ нумеръ второй. Мартинъ Пойзеръ-младшій, въ качествѣ толстяка нумеръ первый, былъ выбранъ въ предсѣдатели, а мистеръ Кассонъ — въ вице-предсѣдатели.

Благодаря такому распредѣленію мѣстъ, Адамъ, сидѣвшій, какъ ему полагалось, на нижнемъ концѣ стола, не замедлилъ попасться на глаза мистеру Кассону, который, будучи занятъ вопросомъ о предсѣдательствѣ, не замѣчалъ его до этой минуты. Мистеръ Кассонъ, какъ мы уже знаемъ, находилъ, что Адамъ „задираетъ носъ и слишкомъ востеръ на языкъ;“ онъ былъ того мнѣнія, что „господа“ носятся съ этимъ молодымъ плотникомъ больше, чѣмъ онъ того стоитъ: съ мистеромъ Кассономъ никто не носился не смотра на то, что онъ былъ превосходнымъ дворецкимъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

— Однако, мистеръ Бидъ, вы шибко лѣзете въ гору, какъ я погляжу,—сказалъ онъ Адаму, когда тотъ сѣлъ за столъ.— Насколько я помню, вы никогда не обѣдали здѣсь раньше.

— Это правда, мистеръ Кассонъ,—отвѣчалъ Адамъ своимъ звучнымъ голосомъ, который раздался на весь столъ,—я никогда не обѣдалъ здѣсь раньше. Теперь я пришелъ по желанію капитана Доннитерна и, надѣюсь, никому не доставилъ этимъ неудовольствія.

— Нѣтъ, нѣтъ,—откликнулось разомъ нѣсколько голосовъ,—мы рады, что вы пришли. Кому же это непріятно?

— А вы споете намъ послѣ обѣда „По холмамъ и доламъ"? Споете? — спросилъ мистеръ Чоунъ. — Я ужасно люблю эту пѣсню.

— Фу, что вы нашли въ этой пѣснѣ!—сказалъ мистеръ Крегъ. — Да ее нельзя и сравнить съ шотландскими пѣснями. Самъ я, положимъ, никогда не пѣвалъ,—у меня есть о чемъ думать поважнѣй. Отъ человѣка, у котораго голова полна названіями и свойствами растеній, нельзя ожидать, чтобъ онъ оставилъ въ ней пустое мѣсто для пѣсенъ. Но мой двоюродный братъ былъ рѣдкій знатокъ по этой части, и удивительная была у него память на шотландскія пѣсни; впрочемъ ему больше не о чемъ было думать.

— Шотландскія пѣсни! повторилъ съ презрѣніемъ Бартль Масси. — Довольно я ихъ наслышался, весь вѣкъ не забуду. Ими развѣ только птицъ пугать—вашими шотландскими пѣснями, — т. е., конечно, англійскихъ птицъ, потому что шотландскія поютъ, можетъ быть, по шотландски—почемъ я знаю! Раздайте вашимъ ребятишкамъ волынки вмѣсто трещетокъ, и я отвѣчаю за цѣлость вашего хлѣба.

— Я знаю, нѣкоторымъ людямъ доставляетъ удовольствіе унижать то, въ чемъ они мало смыслятъ, — сказалъ мистеръ Крегъ.

— Шотландскія пѣсни все равно, что старая, сварливая баба,—продолжалъ Бартль, не удостаивая отвѣтомъ замѣчаніе мистера Крега,—которая долбитъ все одно и то-же въ одинъ тонъ и никогда не кончаетъ. Когда слушаешь шотландскую пѣсню, такъ вотъ и кажется, что кто-нибудь пристаетъ съ вопросами къ глухому, вродѣ дѣдушки Тафта, и никогда не получаетъ отвѣта.

Адамъ ничуть не огорчился тѣмъ, что ему пришлось сидѣть рядомъ съ мистеромъ Кассономъ, потому что съ этого мѣста онъ могъ видѣть Гетти, сидѣвшую недалеко отъ нихъ, за сосѣднимъ столомъ. Однако, Гетти не успѣла еще замѣтить его, такъ какъ все ея вниманіе было поглощено Тотти, которая упорно поднимала ноги на скамейку, угрожая такимъ образомъ оставить пыльные слѣды на хорошенькомъ платьицѣ Гетти. Едва успѣвала Гетти столкнуть маленькія толстыя ножки, какъ онѣ опять поднимались, ибо глаза Тотти были слишкомъ заняты большими наполненными блюдами, отыскивая, на которомъ изъ нихъ можетъ быть сладкій пуддингъ, для того, чтобы она могла еще помнить о своихъ но-

гахъ. Гетти вышла наконецъ изъ терпѣнія и сказала, нахмурившись, надувъ губы и со слезами на глазахъ:

— Ахъ, тетя, это просто невозможно! Скажите *вы* Тотти: она все поднимаетъ ноги и пачкаетъ мое платье.

— Ну, что тамъ еще такое? Что сдѣлала дѣвочка? Она никогда не можетъ тебѣ угодить, — сказала мистрисъ Пойзеръ.—Пересади ее ко мнѣ,—она мнѣ не мѣшаетъ.

Адамъ смотрѣлъ на Гетти и видѣлъ, какъ она нахмурилась и надулась, и какъ большіе темные глаза какъ будто еще увеличились отъ сердитыхъ, едва сдерживаемыхъ слезъ. Скромная и тихая Мэри Бурджъ, сидѣвшая очень близко отъ нихъ и видѣвшая, что Гетти разсердилась, и что глаза Адама обращены на нее, подумала, что онъ, какъ умный человѣкъ, долженъ размышлять въ эту минуту о томъ, что красота имѣетъ мало цѣны у женщины съ дурнымъ характеромъ. Мэри была добрая дѣвушка, совсѣмъ не склонная къ злорадству, но она сказала себѣ, что такъ какъ у Гетти дурной характеръ, то лучше, чтобъ Адамъ это зналъ. И правда, будь у Гетти обыкновенное лицо, она казалась бы теперь просто дурнушкой и не могла бы подкупить въ свою пользу самаго снисходительнаго судью. Но въ ея злости, походившей скорѣе на невинное горе ребенка, было столько непобѣдимаго очарованія, что суровый Адамъ не ощутилъ въ своемъ сердцѣ и тѣни неодобренія или досады противъ нея; въ немъ шевельнулось только что-то вродѣ жалости, и въ то же время ему хотѣлось смѣяться, какъ будто передъ нимъ былъ разсерженный котенокъ съ выгнутой колесомъ спинкой и хвостикомъ трубкой, или маленькая птичка съ взъерошенными перышками. Онъ не могъ догадаться, что ее сердитъ; онъ только видѣлъ и чувствовалъ, что нѣтъ никого въ мірѣ лучше ея, и что будь его воля, у нея никогда больше не было бы поводовъ сердиться. И вдругъ, когда Тотти убрали, Гетти поймала его взглядъ, кивнула ему головой, и все ея лицо просіяло одною изъ самыхъ лучезарныхъ улыбокъ. Это было просто кокетство: она знала, что Мэри Бурджъ смотритъ на нихъ. Но на Адама эта улыбка подѣйствовала какъ вино.

ГЛАВА XXIV

ТОСТЫ.

Когда обѣдъ кончился и разнесли первые кувшины пива изъ большой бочки, для широкой особы мистера Пойзера было очищено мѣсто на углу стола, а тамъ, гдѣ онъ сидѣлъ раньше, поставили два стула. Было заранѣе рѣшено, что надлежало сдѣлать предсѣдателю, когда покажется молодой сквайръ, и

послѣднія пять минутъ мистеръ Пойзеръ пребывалъ въ состояніи глубокаго размышленія, вперивъ взоры въ темную картину на противоположной стѣнѣ и перебирая пальцами мелкія деньги въ карманахъ своихъ панталонъ.

Какъ только молодой сквайръ показался на порогѣ въ сопровожденіи мистера Ирвайна, всѣ встали, и эта дань общаго уваженія была очень пріятна Артуру. Онъ любилъ чувствовать свою важность и кромѣ того дорожилъ добрымъ мнѣніемъ этихъ людей: ему пріятно было думать, что они относятся къ нему съ особеннымъ и искреннимъ почтеніемъ. Удовольствіе было написано у него на лицѣ, когда онъ сказалъ:

— Мой дѣдъ и я надѣемся, что всѣ наши друзья, здѣсь присутствующіе, остались довольны обѣдомъ и пивомъ. Мы съ мистеромъ Ирвайномъ пришли распить его съ вами, и я убѣжденъ, что оно покажется намъ вдвое вкуснѣе отъ того, что нашъ ректоръ будетъ пить его съ нами.

Тутъ всѣ глаза обратились на мистера Пойзера, и мистеръ Пойзеръ, не вынимая рукъ изъ кармановъ, заговорилъ не спѣша, съ разстановкой, на манеръ часовъ съ медленнымъ боемъ:

— Капитанъ! Мои земляки уполномочили меня говорить за нихъ, потому что, гдѣ люди думаютъ одинаково, тамъ всякій ораторъ будетъ хорошъ. И хотя мы можемъ быть самаго противоположнаго мнѣнія о многихъ вещахъ—одинъ обрабатываетъ свою землю по своему, другой по другому, и я, конечно, не берусь судить, у кого какъ ведется хозяйство,—мнѣ лишь-бы управиться со своимъ,—но есть одинъ пунктъ, на которомъ всѣ мы сходимся: всѣ мы сходимся въ нашемъ мнѣніи о нашемъ молодомъ сквайрѣ. Почти всѣ мы знали васъ мальчикомъ, и никто никогда не слыхалъ о васъ ничего, кромѣ хорошаго,—такого, что дѣлаетъ вамъ честь. Вы обходительны въ рѣчахъ и справедливы въ поступкахъ, и мы радуемся, думая о будущемъ и представляя себѣ то время, когда вы будете нашимъ хозяиномъ, потому что мы знаемъ, что вы никого не обидите, и никому его хлѣбъ не покажется горекъ по вашей винѣ. Этого только и хотѣлъ я... и хотѣли всѣ мы сказать. А когда человѣкъ сказалъ, что онъ хотѣлъ сказать, ему лучше замолчать, потому что пиво не будетъ вкуснѣе, стоявши. А понравилось-ли намъ пиво, этого я пока не скажу, потому что мы его еще не попробовали: вотъ выпьемъ за ваше здоровье, тогда и скажемъ, хорошо-ли оно. Ну, а обѣдъ былъ хорошъ, и если кому не понравился, пусть тотъ винитъ свой желудокъ. Про ректора я молчу: всякій знаетъ, что всѣ прихожане всегда ему рады. И я надѣюсь, и всѣ мы надѣемся, что онъ проживетъ еще много лѣтъ и увидитъ насъ стариками, а нашихъ дѣтей—взрослыми людьми, а вашу милость—семейнымъ человѣкомъ. Больше мнѣ нечего сказать. Выпьемъ-же, господа, за здоровье нашего молодого сквайра—трижды три раза!

Послѣдовало громогласное *ура*, застучали ножи, зазвенѣли

стаканы, и опять прокричали *ура* съ безконечными повтореніями, которые бываютъ слаще самой восхитительной музыки для ушей, впервыя получающихъ такую лестную дань. Артуръ почувствовалъ легкій уколъ совѣсти во время этой рѣчи, — слишкомъ легкій, чтобы испортить удовольствіе, которое доставили ему похвалы. Развѣ онъ не заслужилъ этихъ похвалъ? Развѣ то, что о немъ говорилось, въ общемъ не было правдой? Если въ его поведеніи и было кое-что, чего мистеръ Пойзеръ не одобрилъ-бы, еслибъ зналъ, такъ что-жъ?— если строго разбирать, за всякимъ окажутся грѣшки. Къ тому-же, Пойзеръ ничего не узнаетъ. Да и наконецъ, что-же такого онъ, Артуръ, сдѣлалъ?—Приволокнулся за хорошенькой дѣвушкой, быть можетъ, немножко далеко зашелъ въ своемъ волокитствѣ, но другой на его мѣстѣ могъ-бы поступить гораздо хуже. И никакой бѣды не можетъ изъ этого выйти, и не выйдетъ, потому что въ слѣдующій-же разъ, какъ они съ Гетти увидятся, онъ непремѣнно ей объяснитъ, что она не должна слишкомъ много думать о немъ и придавать серьезное значеніе тому, что между ними было. Какъ видите, Артуру хотѣлось быть довольнымъ собой, для него это было просто потребностью. А непріятныя мысли о прошломъ всегда можно отогнать благими рѣшеніями на будущее время, которыя рождаются такъ быстро, что Артуръ успѣлъ почувствовать себя неловко и успокоиться прежде, чѣмъ мистеръ Пойзеръ довелъ до конца свою неторопливую рѣчь, такъ что, когда насталъ *его* чередъ говорить, на душѣ у него было опять совершенно легко.

— Благодарю васъ, мои добрые друзья и сосѣди, за доброе мнѣніе обо мнѣ и за дружескія ко мнѣ чувства, выраженныя мистеромъ Пойзеромъ отъ своего и отъ вашего лица. Заслужить эти чувства будетъ самымъ задушевнымъ желаніемъ всей моей жизни. Въ силу естественнаго порядка вещей мы можемъ разсчитывать, что если я буду живъ, я сдѣлаюсь со временемъ вашимъ хозяиномъ. На основаніи этого соображенія мой дѣдъ и пожелалъ, чтобы я отпраздновалъ этотъ день среди васъ. На свое будущее положеніе я смотрю не только съ точки зрѣнія той власти и утѣхъ, которыя оно доставитъ мнѣ лично, но и съ точки зрѣнія возможности дѣлать добро моимъ сосѣдямъ. Такому молодому человѣку, какъ я, едва-ли пристало разсуждать съ вами о сельскомъ хозяйствѣ; вы люди опытные, и большинство изъ васъ гораздо старше меня. Тѣмъ не менѣе я очень интересуюсь этимъ предметомъ и изучалъ его по книгамъ, насколько позволяли время и обстоятельства, и когда естественный ходъ событій отдастъ помѣстье въ мои руки, первымъ моимъ дѣломъ будетъ оказать моимъ арендаторамъ всяческое содѣйствіе для улучшенія ихъ земель и введенія лучшихъ способовъ хозяйства. Я хочу, чтобы, когда я буду помѣщикомъ, всѣ мои арендаторы смотрѣли на меня, какъ на своего лучшаго

друга, и ничто не сдѣлаетъ меня такимъ счастливымъ, какъ возможность относиться съ уваженіемъ къ каждому живущему на моей землѣ, и сознаніе, что каждый въ свою очередь меня уважаетъ. Въ моемъ теперешнемъ положеніи я нахожу неудобнымъ входить въ подробности. Я хотѣлъ только сказать, что мои намѣренія вполнѣ сходятся съ тѣми надеждами, которыя вы на меня возлагаете, и что я употреблю всѣ усилія, чтобы не обмануть вашихъ ожиданій. А засимъ... я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ мистера Пойзера, что когда человѣкъ сказалъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать, ему лучше замолчать. Но удовольствіе, которое вы мнѣ доставили, выпивъ за мое здоровье, будетъ не полно, если не выпьемъ теперь за моего дѣда, замѣнившаго мнѣ моихъ умершихъ родителей. Больше я ничего не скажу, пока вы не выпьете вмѣстѣ со мной за его здоровье въ этотъ радостный день, когда я, по его желанію, являюсь среди васъ въ качествѣ будущаго представителя его имени и рода.

Изъ всѣхъ присутствующихъ, быть можетъ, одинъ только мистеръ Ирвайнъ съумѣлъ вполнѣ понять и оцѣнить деликатность, съ какою Артуръ предложилъ тостъ за своего дѣда. Фермеры были того мнѣнія, что молодому сквайру слѣдовало-бы знать, какъ они ненавидятъ старика, а мистрисъ Пойзеръ сказала: „Лучше-бы ему не ворошить этой старой кастрюли съ кислятиной“. Буколическіе умы не легко схватываютъ тонкости хорошаго тона. Но отвергнуть тостъ было нельзя, и когда онъ былъ принятъ, Артуръ продолжалъ.

— Благодарю васъ, друзья мои, за себя и за дѣда. А теперь я имѣю вамъ сказать еще одну вещь, чтобъ вы могли порадоваться вмѣстѣ со мной, ибо я надѣюсь и вѣрю, что моя новость обрадуетъ васъ. Я думаю, между вами не найдется ни одного человѣка, который не питалъ бы уваженія,—а многіе и самыхъ теплыхъ дружескихъ чувствъ—къ моему другу Адаму Биду. Всему нашему приходу извѣстно, что на его слово можно положиться какъ на каменную гору, что все, за что онъ ни возьмется, онъ дѣлаетъ хорошо, и объ интересахъ своихъ нанимателей радѣетъ, какъ о своихъ собственныхъ. Я съ дѣтства былъ привязанъ къ Адаму и до сихъ поръ сохранилъ мое дѣтское чувство къ нему. Говорю это съ гордостью, потому что, мнѣ кажется, это доказываетъ, что я умѣю цѣнить хорошихъ людей. Моимъ давнишнимъ желаніемъ было поручить ему надзоръ за лѣсами, представляющими весьма цѣнную статью нашихъ владѣній. Желалъ я этого не только потому, что высоко цѣню его личность, но и потому, что онъ обладаетъ познаніями и опытностью, необходимыми для этого дѣла. Теперь я, наконецъ, съ радостью могу сообщить, что дѣдъ мой одобрилъ мое желаніе, и Адамъ назначенъ лѣсничимъ; это рѣшилось со вчерашняго дня. Я убѣжденъ, что эта перемѣна окажется какъ нельзя болѣе выгодной для помѣстья,

и предлагаю вамъ выпить за здоровье Адама. Надѣюсь, вы не откажетесь принять этотъ тостъ и пожелаете ему вмѣстѣ со мной всякаго счастья и успѣха въ жизни, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ... Но среди насъ присутствуетъ еще болѣе старинный и близкій мой другъ; мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, что этотъ другъ—мистеръ Ирвайнъ. Я увѣренъ, вы согласитесь со мной, что прежде всего намъ слѣдуетъ выпить за *его* здоровье. Я знаю, всѣ вы, его прихожане, имѣете довольно причинъ любить и почитать вашего ректора, но никто не можетъ имѣть ихъ столько, какъ я. Итакъ, наливайте стаканы, и выпьемъ за нашего дорогого ректора—трижды три раза!

Этотъ тостъ былъ принятъ со всѣмъ увлеченіемъ, какого не хватало предшествующему, и безспорно самымъ живописнымъ моментомъ во всей этой сценѣ былъ тотъ, когда мистеръ Ирвайнъ поднялся говорить, и всѣ лица повернулись къ нему. По сравненію съ этими лицами, его лицо поражало своею утонченностью гораздо больше, чѣмъ лицо Артура. У Артура было обыкновенное англійское лицо, и яркій цвѣтъ его новенькаго моднаго фрака былъ болѣе подъ стать понятіямъ о щегольствѣ молодыхъ франтовъ-фермеровъ, чѣмъ напудренные волосы и тщательно вычищенный, но поношенный черный костюмъ мистера Ирвайна—излюбленный его костюмъ во всѣхъ высокоторжественныхъ случаяхъ, ибо платье мистера Ирвайна обладало вообще какимъ-то непостижимымъ секретомъ никогда не казаться новымъ.

— Не въ первый разъ,—такъ началъ мистеръ Ирвайнъ,—приходится мнѣ благодарить моихъ прихожанъ за доказательства ихъ добраго ко мнѣ расположенія, но дружескія чувства земляковъ принадлежатъ къ числу такихъ вещей, которыя цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ становятся старѣе. Сегодняшнюю нашу встрѣчу мы можемъ съ полнымъ правомъ назвать радостной, ибо когда хорошее чувство взаимной симпатіи достигло, такъ сказать, совершеннолѣтія — созрѣло, окрѣпло и обѣщаетъ быть прочнымъ,—этому поистинѣ можно порадоваться; а мои отношенія къ вамъ, какъ ректора къ прихожанамъ, достигли совершеннолѣтія еще два года тому назадъ. Вотъ уже двадцать три года, какъ я поселился у васъ. Я помню, высокіе молодые люди и цвѣтущія молодыя женщины, которыхъ я вижу теперь передъ собой,—когда я ихъ крестилъ, смотрѣли на меня далеко не такъ дружелюбно, какъ смотрятъ теперь, чѣмъ несказанно радуютъ мое сердце. Но я увѣренъ, васъ не удивитъ, когда я скажу, что изо всей этой молодежи самыя горячія мои симпатіи принадлежатъ моему другу мистеру Артуру Доннитерну, котораго вы только что чествовали. Я имѣлъ удовольствіе быть его воспитателемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и, естественно, у меня было много случаевъ узнать его близко,—больше, чѣмъ ихъ могло быть у

кого-либо изъ васъ. И, зная его, я съ гордостью и радостью спѣшу заявить, что вполнѣ раздѣляю какъ тѣ надежды, которыя вы на него возлагаете, такъ и вашу увѣренность въ томъ, что онъ обладаетъ всѣми качествами, которыя должны сдѣлать его образцовымъ помѣщикомъ, когда придетъ его время занять это высокое положеніе среди васъ. Мы съ нимъ одинаковаго образа мыслей по многимъ вопросамъ, насколько можетъ человѣкъ, доживающій пятый десятокъ, одинаково мыслить и чувствовать съ юношей двадцати одного года. Да вотъ, даже сейчасъ онъ высказалъ чувство, которое я отъ всего сердца съ нимъ раздѣляю, радуясь случаю заявить о немъ всенародно. Это чувство—его привязанность и уваженіе къ Адаму Биду. Когда человѣкъ занимаетъ высокое положеніе въ свѣтѣ, его поступки служатъ предметомъ обсужденія; о немъ больше говорится, и заслуги его получаютъ больше похвалъ, чѣмъ заслуги и достоинства людей, чья жизнь проходитъ въ скромномъ повседневномъ трудѣ. Но каждое разумное существо хорошо понимаетъ, какъ необходимъ этотъ скромный будничный трудъ и какъ важно для насъ, чтобъ онъ исполнялся какъ слѣдуетъ. И я согласенъ съ моимъ другомъ мистеромъ Артуромъ Доннитерномъ въ томъ, что когда человѣкъ, которому выпало на долю всю жизнь заниматься этого рода трудомъ, обнаруживаетъ свойства характера, которыя сдѣлали-бы ему честь во всякомъ положеніи, на всякой ступени общественной лѣстницы,—заслуги его должны быть признаны всѣми. Такой человѣкъ имѣетъ право на общее уваженіе, и друзья его должны радоваться, отдавая ему эту дань. Я хорошо знаю Адама Бида; я знаю, какой онъ работникъ, и чѣмъ онъ былъ, какъ сынъ и братъ, и я скажу только простую, неприкрашенную правду, сказавъ, что я уважаю его, какъ немногихъ людей. Впрочемъ, говоря о немъ такимъ образомъ, я не говорю вамъ ничего новаго: всѣ вы знаете его, многіе изъ васъ находятся съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и я увѣренъ, что, зная его, каждый изъ васъ съ радостью выпьетъ съ нами за его здоровье.

Какъ только мистеръ Ирвайнъ замолчалъ, Артуръ вскочилъ на ноги и, наполнивъ свой стаканъ, прокричалъ: „За здоровье Адама Бида, и дай Богъ ему прожить много лѣтъ и нажить сыновей, такихъ-же честныхъ и умныхъ, какъ онъ самъ!“

Никто—ни даже Бартль Масси—не былъ такъ восхищенъ этимъ тостомъ, какъ мистеръ Пойзеръ. Рѣчь, которую онъ сказалъ передъ тѣмъ, была для него поистинѣ тяжкой работой но какъ ни трудно она досталась ему, онъ, кажется, сейчасъ-бы вскочилъ и произнесъ другую, еслибъ не понималъ всего неприличія такого поступка. При существующихъ-же обстоятельствахъ, все, что онъ могъ сдѣлать, чтобы дать исходъ своимъ чувствамъ, это—залпомъ осушить свой стаканъ и при-

стукнуть имъ по столу рѣшительнымъ, размашистымъ жестомъ. Если Джонатанъ Бурджъ и немногіе другіе и чувствовали себя несовсѣмъ ловко по милости этого тоста,—они постарались скрыть свои чувства, такъ-что тостъ былъ принятъ, повидимому, охотно и единодушно.

Адамъ былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго, когда поднялся благодарить своихъ друзей. Его глубоко тронуло это публичное изъявленіе общаго чувства, что̀ было очень естественно: вѣдь онъ находился передъ лицомъ всего своего небольшого мірка, и этотъ мірокъ такъ дружно его чествовалъ. Но говорить онъ не робѣлъ: его не смущало мелкое тщеславіе, и онъ не боялся, что у него не хватитъ словъ; поэтому онъ не казался ни сконфуженнымъ, ни неловкимъ, а стоялъ, какъ всегда, твердо и прямо, слегка откинувъ голову назадъ и спокойно опустивъ руки, съ тѣмъ безсознательнымъ достоинствомъ, которое составляетъ отличительную черту всякаго интеллигентнаго, честнаго и здороваго работника, никогда не задающагося вопросомъ, зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ.

— Я совершенно пораженъ, сказалъ Адамъ.—Я не ожидалъ ничего подобнаго, потому что это далеко превышаетъ мои заслуги. Но тѣмъ болѣе у меня причинъ благодарить васъ, капитанъ, и васъ, мистеръ Ирвайнъ, и всѣхъ моихъ друзей за честь, которую они мнѣ оказали, выпивъ за мое здоровье, и за ихъ добрыя пожеланія. Было-бы глупо,еслибъ я вздумалъ васъ увѣрять, что я совсѣмъ не заслуживаю вашего хорошаго мнѣнія обо мнѣ: плохо бы я отблагодарилъ васъ, еслибъ сказалъ, что вы знали меня столько лѣтъ и не съумѣли разобрать, что̀ я за человѣкъ. Вы говорите, что всякое дѣло, за которое я берусь, я дѣлаю хорошо, много ли или мало я за него получу,—и это сущая правда. Мнѣ было-бы стыдно стоять здѣсь передъ вами, будь это неправда. Но мнѣ кажется, это долгъ всякаго человѣка, и тутъ нечѣмъ кичиться. И я всегда исполнялъ только свой долгъ—это мое твердое убѣжденіе, потому что во всякомъ дѣлѣ каково бы оно не было, мы примѣняемъ умъ и способности, которыя намъ даны. Поэтому на ваши добрыя чувства ко мнѣ я не смотрю какъ на должное, какъ на право мое, а какъ на свободный даръ, и какъ свободный вашъ даръ принимаю ихъ и благодарю. Что же касается новой должности, которую я получилъ, я могу только сказать, что принялъ ее по желанію капитана Донниторна и постараюсь не обмануть его ожиданій. Я не желаю ничего лучшаго, какъ работать у него подъ началомъ и знать, что, зарабатывая свой хлѣбъ, я дѣйствую и въ его интересахъ. Ибо я считаю его однимъ изъ тѣхъ людей, которые хотятъ поступать справедливо и принести міру свою лепту добра. А я убѣжденъ, что это можетъ каждый, будь онъ дворянинъ или простолюдинъ, даетъ-ли онъ деньги на веденіе

крупнаго предпріятія, или работаетъ своими руками. Теперь не время распространяться о моихъ чувствахъ къ капитану: я надѣюсь доказать ихъ на дѣлѣ всей моей жизнью.

Много различныхъ мнѣній было высказано относительно рѣчи Адама. Нѣкоторые—все больше женщины—нашли, что онъ выказалъ мало признательности и говорилъ слишкомъ гордо; но большинство мужчинъ были того мнѣнія, что невозможно было сказать болѣе искреннюю, прямодушную рѣчь, и что Адамъ—хорошій малый. Покамѣстъ публика обмѣнивалась подъ шумокъ своими впечатлѣніями и изъявляла свое недоумѣніе по поводу дальнѣйшихъ плановъ стараго сквайра, стараясь разрѣшить вопросъ, возьметъ-ли онъ управляющаго и т. д., два джентльмена встали и подошли къ тому столу, за которымъ сидѣли женщины и дѣти. Здѣсь, разумѣется, не было крѣпкаго пива, а только вино и дессертъ: сверкающая наливка изъ крыжовника для дѣтей и хорошій хересъ для матерей. Мистрисъ Пойзеръ предсѣдательствовала за этимъ столомъ, и Тотти сидѣла теперь у нея на колѣняхъ, засунувъ весь свой носишко въ рюмку съ виномъ въ поискахъ за плавающими въ немъ орѣхами.

— Мое почтенье, мистеръ Пойзеръ, сказалъ Артуръ.—Я думаю, вамъ было очень пріятно слышать, какую хорошую рѣчь сказалъ сегодня вашъ мужъ.

— Не знаю, сэръ... У мужчинъ языкъ вообще такъ плохо привѣшенъ, что обыкновенно приходится угадывать, что они хотятъ,—все равно какъ съ безсловесными тварями.

— Вотъ какъ! Вы значитъ находите, что справились-бы съ этой задачей лучше него? проговорилъ со смѣхомъ мистеръ Ирвайнъ.

— Что-жъ, сэръ, благодареніе Богу, когда мнѣ нужно что-нибудь сказать, я не затрудняюсь въ словахъ. Но это вовсе не значитъ, что я недовольна своимъ мужемъ, потому что, если онъ и не слишкомъ рѣчистъ, за то ни одного слова не скажетъ на вѣтеръ.

— Нѣтъ, положительно я никогда не видалъ такого милаго собранія, сказалъ Артуръ, оглядывая румяныхъ, толстощекихъ дѣтей.—Сейчасъ къ вамъ придутъ моя тетка и обѣ миссъ Ирвайнъ. Онѣ не пришли раньше, потому что побоялись шума отъ нашихъ заздравныхъ тостовъ, но онѣ много-бы потеряли, если-бъ не увидѣли васъ за столомъ.

И онъ прошелъ дальше, заговаривая съ матерями и гладя по головкѣ дѣтей, между тѣмъ какъ мистеръ Ирвайнъ остался на мѣстѣ и только ласково кивалъ всѣмъ издали, не желая отвлекать общаго вниманія отъ молодого сквайра—героя дня. Артуръ не посмѣлъ остановиться подлѣ Гетти и только поклонился ей, проходя. Глупенькая дѣвочка чуть не заплакала отъ обиды. Да и какой женщинѣ можетъ быть приятно видимое пренебреженіе, хотя-бы она и знала, что это только

маска любви? Гетти начинала думать, что этотъ день будетъ самымъ несчастнымъ днемъ ея жизни: холодный лучъ дневного свѣта ворвался въ ея сказочный міръ и на одинъ мигъ освѣтилъ передъ нею дѣйствительность. Артуръ, который всего нѣсколько часовъ тому назадъ, казалось, былъ ей такъ близокъ, вдругъ сталъ для нея недоступенъ, какъ герой пышной процессіи для какой-нибудь ничтожной зрительницы въ толпѣ.

ГЛАВА XXV.

ИГРЫ.

Балъ долженъ былъ начаться въ восемь часовъ, но на тотъ случай, если-бы молодежь пожелала поплясать на лужайкѣ, подъ деревьями былъ поставленъ оркестръ *Общества взаимопомощи*, а какой другой оркестръ умѣлъ такъ превосходно играть всевозможные старинные и модные танцы? Мало того: былъ приглашенъ еще большой оркестръ изъ Россетера, и его удивительные духовые инструменты, не говоря уже о надутыхъ щекахъ музыкантовъ, представляли сами по себѣ восхитительное зрѣлище для малыхъ ребятъ. Мы ужъ умалчиваемъ о скрипкѣ Джошуа Ранна, который захватилъ ее съ собой въ порывѣ великодушной заботливости, на случай, если-бы у кого-нибудь оказалось достаточно истиннаго вкуса, чтобы предпочесть пляску подъ аккомпаниментъ соло на этомъ инструментѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ только солнце ушло съ большой открытой лужайки передъ фасадомъ дома, начались игры. Были тутъ, разумѣется, натертые мыломъ шесты, по которымъ должны были карабкаться мальчики-подростки и юноши; входили въ программу и бѣгъ на призъ для старухъ, и бѣгъ на перегонку въ мѣшкахъ, и подниманіе тяжестей для силачей, и еще цѣлый длинный списокъ всякихъ состязательныхъ упражненій, представлявшихъ самое широкое поле для такихъ честолюбивыхъ попытокъ, какъ, напримѣръ, проскакать столько-то ярдовъ на одной ножкѣ, и другихъ гимнастическихъ фокусовъ, въ которыхъ, по общему убѣжденію, побѣдителемъ долженъ былъ оказаться Бенъ Волчекъ, какъ первый по ловкости въ двухъ приходахъ. Въ заключеніе предстояла ослиная скачка — самая назидательная изъ всѣхъ, ибо она основана на великомъ соціалистическомъ принципѣ, а именно — что каждый подгоняетъ чужого осла, причемъ самый упрямый оселъ беретъ призъ.

Въ пятомъ часу великолѣпная мистрисъ Ирвайнъ, въ своемъ парчевомъ платьѣ, въ бриллiантахъ и черныхъ кружевахъ, въ сопровожденіи всего небольшого семейнаго кружка,

прослѣдовала подъ руку съ Артуромъ къ своему креслу на возвышеніи подъ полосатымъ балдахиномъ, гдѣ она должна была раздавать призы побѣдителямъ. Степенная и церемонная миссъ Лидія во что бы то ни стало пожелала уступить эту королевскую обязанность царственной старой леди, и Артуръ былъ очень радъ случаю доставить удовольствіе своей крестной, любившей почетъ. Мистеръ Доннитор нъ—старшій чистенькій, надушенный, сморщенный старичекъ, съ пунктуальной и кислой учтивостью предложилъ руку миссъ Ирвайнъ; мистеръ Гавэнъ велъ миссъ Лидію, имѣвшую замороженный видъ въ своемъ элегантномъ шелковомъ, персиковаго цвѣта платьѣ; послѣдними шли мистеръ Ирвайнъ и его блѣднолицая сестра Анна. Изъ близкихъ знакомыхъ былъ приглашенъ одинъ только Гавэнъ; на завтра былъ назначенъ парадный обѣдъ для всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, но сегодня надлежало сосредоточить всѣ силы для пріема арендаторовъ.

Прямо противъ палатки былъ ровъ, отдѣлявшій лужайку отъ парка; но теперь черезъ него былъ наведенъ временный мостъ для удобства публики, стоявшей отдѣльными группами или сидѣвшей на скамейкахъ, разставленныхъ вдоль всей лужайки отъ палатки ко рву. По этому-же мосту должны были подходить побѣдители.

— Прелестная картина, честное слово! произнесла старая леди своимъ низкимъ голосомъ, когда усѣлась и окинула взглядомъ оживленную сцену съ темными деревьями на заднемъ планѣ,—и вѣроятно, это послѣднее семейное торжество, на которомъ я присутствую, — развѣ что ты поторопишься жениться, Артуръ. Только смотри, чтобы твоя жена была хороша собой; въ противномъ случаѣ я лучше умру, не видѣвъ ея.

— Но, крестная, вы такъ ужасно требовательны, что едва-ли я угожу на вашъ вкусъ моимъ выборомъ, отвѣчалъ Артуръ.

— Ну, какъ тамъ хочешь, но только такъ и знай: если она будетъ некрасива, я никогда тебѣ не прощу. Я не помирюсь на симпатичности: ее выдумали въ оправданіе существованія на свѣтѣ некрасивыхъ людей. И кромѣ того: она не должна быть глупа—сохрани тебя Богъ! Тебѣ нужно, чтобъ тебя держали въ рукахъ, а дура этого не съумѣетъ. — Дофинъ, кто этотъ высокій молодой человѣкъ съ кроткимъ лицомъ? вонъ тотъ, безъ шляпы, рядомъ съ высокой старухой, должно быть своей матерью. Какъ онъ усердно ухаживаетъ за ней! Я люблю это видѣть.

— Да развѣ вы его не знаете, мама? отозвался мистеръ Ирвайнъ.—Это Сетъ Бидъ, братъ Адама, методистъ, но очень хорошій парень. Бѣдный Сетъ! у него былъ очень грустный видъ въ послѣднее время; я думалъ, это смерть отца такъ на него подѣйствовала, но Джошуа Раннъ мнѣ сказалъ, что онъ

сватался къ этой хорошенькой методистской проповѣдницѣ, что гостила здѣсь въ прошломъ мѣсяцѣ, и, кажется, она ему отказала.

— Ахъ, помню, я слышала о ней; но здѣсь пропасть такихъ, кого я не знаю, — всѣ успѣли вырости и перемѣниться съ тѣхъ поръ, какъ я перестала выходить.

— Какое чудесное у васъ зрѣніе! замѣтилъ мистеръ Донниторнъ-старикъ, не отнимавшій отъ глазъ лорнета: — вы видите даже выраженіе лица этого молодого человѣка на такомъ большомъ разстояніи, а мнѣ его лицо кажется просто блѣднымъ пятномъ. Но за то на близкомъ разстояніи я васъ навѣрно перещеголяю: я читаю мелкую печать безъ очковъ.

— Ахъ, другъ мой, вы вѣдь съ дѣтства были близоруки, а близорукіе глаза всегда прочнѣе. Я надѣваю очень сильные очки, когда читаю, но за то все лучше и лучше вижу вдаль. Я думаю, проживи я еще лѣтъ пятьдесятъ, я-бы ослѣпла для всего, что видятъ другіе, какъ человѣкъ, который стоитъ въ колодцѣ и не видитъ ничего, кромѣ звѣздъ.

— Смотрите, сказалъ Артуръ,—старухи собираются начинать.—Гавэнъ, за которую вы держите пари?

— Вонъ за ту длинноногую, если только онѣ не пробѣгутъ нѣсколько круговъ, потому что тогда, пожалуй, побѣдитъ вонъ та маленькая, вертлявая.

— Мама, вонъ Пойзеры, сказала миссъ Ирвайнъ,—недалеко отъ насъ, направо. Мистрисъ Пойзеръ смотритъ на васъ; поклонитесь ей.

— Непремѣнно, отвѣчала старая леди, удостоивая мистрисъ Пойзеръ милостивымъ кивкомъ. — Нельзя пренебрегать женщиной, которая присылаетъ вамъ такіе чудесные сливочные сыры... Господи! какой толстый ребенокъ сидитъ у нея на колѣняхъ!.. Но кто эта хорошенькая дѣвушка съ темными глазами?

— Это Гетти Соррель, отвѣчала миссъ Лидія,—племянница Мартина Пойзера. Очень милая дѣвушка и собой недурна. Моя горничная учитъ ея изящнымъ рукодѣльямъ; недавно она заштопала мнѣ кружево, и очень порядочно... очень порядочно, право.

— Мама, да вы должны были видѣть ее, сказала миссъ Ирвайнъ:—вотъ ужъ шесть или семь лѣтъ, какъ она живетъ у Пойзеровъ.

— Нѣтъ, дитя, я никогда ея не видала, по крайней мѣрѣ такою, какъ она теперь, отвѣчала мистрисъ Ирвайнъ, продолжая разсматривать Гетти. — *Недурна!* да она настоящая красавица! Я давно уже не видала такой хорошенькой женщины. Какая жалость, что такая красота заброшена въ эту грубую среду, а между тѣмъ, какъ ужасно ея недостаетъ въ семействахъ нашего круга! А здѣсь выйдетъ она замужъ, и мужъ даже не съумѣетъ ее оцѣнить; будь у нея круглые глаза и

рыжіе волосы, она казалась-бы ему нисколько не хуже.

Артуръ не смѣлъ поднять глазъ на Гетти, пока мистрисъ Ирвайнъ говорила о ней. Онъ притворился, что занятъ чѣмъ-то въ другомъ углу палатки и что ничего не слыхалъ. Но онъ видѣлъ ее и не глядя, видѣлъ ея красоту еще болѣе лучезарной, оттого что эту красоту хвалили при немъ: чужое мнѣніе, какъ вы уже знаете, было для Артура какъ-бы природной стихіей, воздухомъ, которымъ онъ дышалъ, и въ которомъ его чувства росли и крѣпли. Да она была хороша. Она могла свести съ ума любого мужчину: каждый на его мѣстѣ чувствовалъ-бы то-же и поступилъ-бы такъ-же, какъ онъ. И, не смотря на все это, онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ нея... Да, это будетъ подвигъ, которымъ онъ всегда будетъ гордиться, вспоминая о немъ.

— Нѣтъ, мама, въ этомъ я не могу съ вами согласиться, сказалъ мистеръ Ирвайнъ, отвѣчая на послѣднія слова матери.—Простой народъ совсѣмъ не такъ тупъ, какъ вы думаете. Самый неразвитой человѣкъ, если у него есть хоть капля смысла и чувства, всегда оцѣнитъ разницу между изящной, хорошенькой женщиной и дурнушкой. Даже собаки чувствуютъ эту разницу. Человѣкъ, какъ и собака, можетъ не съумѣть выразить въ словахъ дѣйствіе, которое производитъ на него утонченная красота, но онъ чувствуетъ его.

— Помилуй Богъ, Дофинъ! что можетъ понимать въ этихъ вещахъ такой старый холостякъ, какъ ты?

— О, это именно одна изъ такихъ вещей, въ которыхъ старые холостяки оказываются умнѣе женатыхъ людей именно оттого, что у нихъ больше досуга для наблюденій и сравненій. Присяжный критикъ женской красоты не долженъ затемнять своего сужденія, останавливая свой выборъ на одной женщинѣ. Да вотъ вамъ лучшее доказательство справедливости моихъ словъ: хорошенькая проповѣдница, о которой я сейчасъ говорилъ, разсказывала мнѣ, что ей случалось проповѣдывать передъ рудокопами—самымъ грубымъ народомъ,—и никогда она не видѣла отъ нихъ ничего, кромѣ доброты и самаго почтительнаго отношенія къ себѣ. А объясняется это тѣмъ—хоть она этого и не сознаетъ—что въ ней самой такъ много изящества, нѣжности и чистоты. Такая женщина несетъ съ собой отголоски небесъ, къ которымъ самый грубый человѣкъ не можетъ оставаться нечувствительнымъ.

— Взгляните: вотъ вамъ еще изящный образчикъ женственности... идетъ сюда, должно быть за призомъ,—сказалъ мистеръ Гавэнъ. — Это вѣрно одна изъ участницъ бѣга въ мѣшкахъ, котораго мы не застали.

„Образчикъ женственности“ оказался нашей старой знакомой Бесси Крэнеджъ, иначе Чедовой Бессъ, представлявшей дѣйствительно великолѣпный экземпляръ человѣчества со своими широкими бедрами и красными щеками, еще сильнѣе

раскраснѣвшимися отъ моціона. Бесси—долженъ я сказать съ сожалѣніемъ,—послѣ отъѣзда Дины опять почувствовала слабость къ серьгамъ, а въ этотъ день, помимо серегъ, она нацѣпила на себя всѣ дешевыя украшенія, какія только могла достать. Еслибъ вы заглянули въ душу бѣдненькой Бесси, васъ поразило-бы сходство между ея міросозерцаніемъ и міросозерцаніемъ Гетти; въ смыслѣ-же чувства перевѣсъ оказался-бы пожалуй на сторонѣ Бесси. Но по наружности онѣ были такъ непохожи!—Въ томъ-то и дѣло:—вы можетъ быть почувствовали-бы желаніе надрать уши толстощекой Бесси—и только, а Гетти вамъ захотѣлось-бы поцѣловать.

Рѣшившись принять участіе въ вышеупомянутомъ состязательномъ упражненіи, Бесси сдѣлала это отчасти изъ мальчишества, отъ избытка веселья, отчасти потому, что ее соблазняла награда. Говорили, что призами будутъ красивыя накидки и другія хорошенькія вещи, и вотъ теперь она подходила къ палаткѣ, солидно обмахиваясь платкомъ, но съ глазами, сіявшими радостнымъ торжествомъ.

— Вотъ призъ за первый бѣгъ въ мѣшкахъ,—сказала миссъ Лидія, взявъ большой свертокъ со стола, на которомъ были разложены призы, и передавая его мистрисъ Ирвайнъ, прежде чѣмъ Бесси успѣла подойти: — прекрасное грограновое платье и штука фланели.

— Вы вѣрно не предполагали, тетя, что побѣдитель можетъ оказаться такимъ молодымъ, — замѣтилъ Артуръ. — Нельзя-ли дать этой дѣвушкѣ что-нибудь другое, а это мрачное платье оставить для кого-нибудь изъ старухъ?

— Я покупала только солидныя и полезныя вещи,—отвѣчала миссъ Лидія, поправляя на себѣ кружева;—я не желаю поощрять наклонность къ щегольству въ молодыхъ женщинахъ этого класса. Тутъ есть красный плащъ, но онъ предназначается для старухи.

При этой тирадѣ миссъ Лидіи мистрисъ Ирвайнъ взглянула на Артура, и на лицѣ ея показалось насмѣшливое выраженіе. Между тѣмъ Бесси подошла и отпустила всѣмъ по книксену.

— Мама, это Бесси Крэнеджъ,—сказалъ мистеръ Ирвайнъ ласковымъ голосомъ:—дочь Чеда Крэнеджа. Вы вѣдь помните Чеда Крэнеджа, кузнеца?

— Конечно помню, — отвѣчала мистрисъ Ирвайнъ. — Ну, Бесси, вотъ вашъ призъ: чудесныя теплыя вещи для зимняго времени. Должно быть вамъ было трудненько-таки ихъ заработать въ такой жаркій день.

У Бесси вздрогнули губы, когда она увидѣла уродливое тяжелое платье; въ этотъ іюльскій теплый день было какъ-то особенно непріятно тащить такую громоздкую, тяжелую вещь. Она опять продѣлала всѣ свои книксены, не поднимая глазъ

и съ возрастающей дрожью въ уголкахъ рта, и повернулась уходить.

— Бѣдная дѣвочка! — проговорилъ Артуръ; — кажется она огорчилась. Я бы дорого далъ, чтобы подарокъ пришелся ей больше по вкусу.

— Она смотритъ очень смѣлой молодой особой,—замѣтила миссъ Лидія.—Такихъ я менѣе всего хотѣла-бы поощрять.

Артуръ рѣшилъ про себя, что онъ сегодня-же подаритъ Бесси денегъ, чтобъ она могла купить себѣ, что ей нравится. Но Бесси не подозрѣвала, какое утѣшеніе ждетъ ее впереди. Свернувъ съ открытой лужайки, гдѣ ее могли увидѣть изъ палатки, она швырнула подъ дерево отвратительный свертокъ и горько расплакалась, причемъ ребятишки не преминули поднять ее на смѣхъ. Въ такомъ видѣ ее застала солидная матрона, ея кузина и тезка. Не теряя времени даромъ, эта почтенная дама сунула ребенка на руки мужу и подбѣжала къ Бесси.

— Что съ тобой?—спросила она, поднимая и разглядывая свертокъ.—Должно быть у тебя разстроились нервы отъ этой сумасшедшей скачки въ мѣшкѣ. Вишь ты, сколько тебѣ надавали! Есть за что — нечего сказать! Чудесное грограновое платье да еще и фланель... По всѣмъ правамъ они должны-бы достаться тѣмъ, у кого хватаетъ ума воздерживаться отъ глупостей... А что, Бессъ, дала-бы ты мнѣ кусочекъ этой фланели на рубашку мальчишкѣ... ты никогда не была скупой, Бессъ,—нѣтъ, чего-чего, а ужъ этого я про тебя не скажу.

— Бери хоть все—мнѣ не надо,—отозвалась Бессъ-дѣвица съ досадливымъ жестомъ, утирая слезы и понемногу успокаиваясь.

— Ну хорошо, я возьму, коли тебѣ не нужно,—сказала безкорыстная кузина, улепетывая со сверткомъ, чтобы Чедова Бессъ какъ-нибудь не раздумала.

Но эта толстощекая дѣвица была одарена счастливой эластичностью духа, застраховывавшей ее отъ сколько-нибудь продолжительнаго горя, и къ тому времени, когда начался главный нумеръ программы—скачка на ослахъ,—ея огорченіе было совершенно забыто. Увлеченная восхитительнымъ зрѣлищемъ, она принялась свистать и гикать, подгоняя отставшаго осла, между тѣмъ какъ мальчишки, имѣя въ виду ту-же цѣль, примѣняли аргументацію палокъ. Но величіе ослинаго духа, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобъ идти наперекоръ всякимъ аргументамъ, на что требуется—если разсудить хорошенько,—тоже не мало умственной и нравственной силы. И оселъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, не замедлилъ доказать высокую степень своего развитія, остановившись, какъ вкопанный, въ тотъ самый моментъ, когда удары посыпались на него особенно щедро. Великъ и громогласенъ былъ восторгъ зрителей, и надо было видѣть, какой блаженной

улыбкой просіяла физіономія Билля Даунса, каменотеса и счастливаго наѣздника этого замѣчательнаго животнаго, когда оно стало на мѣстѣ, растопыривъ ноги и съ невозмутимымъ спокойствемъ принимая свое торжество.

Мужчинамъ раздавалъ призы Артуръ, и Билль былъ осчастливленъ великолѣпнымъ карманнымъ ножомъ, снабженнымъ всевозможными буравчиками и пилками—не говоря уже о лезвеяхъ—въ такомъ огромномъ количествѣ, что имѣя при себѣ такой ножъ, можно было не потеряться даже на необитаемомъ островѣ. Едва успѣлъ Билль отойти отъ палатки со своимъ призомъ въ рукахъ, какъ разнеслась вѣсть, что Бенъ Волчекъ предлагаетъ позабавить почтенную публику импровизированнымъ даровымъ представленіемъ, а именно — пляской *соло*. Главная идея этого танца была, безъ сомнѣнія, заимствована, но талантливый танцоръ обѣщалъ дать ей такое своеобразное и сложное развитіе, что, по его словамъ, ни одинъ безпристрастный зритель не будетъ въ состояніи отказать ему въ оригинальности исполненія. Бенъ Волчекъ чрезвычайно какъ гордился своей пляской—завидный талантъ, производившій величайшій эффектъ на ежегодныхъ деревенскихъ балахъ, — такъ-что довольно было самаго легкаго возбужденія отъ нѣсколькихъ лишнихъ стаканчиковъ хорошаго пива, чтобы внушить ему убѣжденіе, что „господа“ будутъ поражены его исполненіемъ джиги. Въ этой идеѣ его весьма рѣшительно поддержалъ мистеръ Джошуа Раннъ, замѣтивъ, что будетъ только справедливо, если гости постараются доставить удовольствіе молодому сквайру за все, что онъ для нихъ сдѣлалъ. Быть можетъ вы перестанете удивляться столь легкомысленному мнѣнію въ устахъ такой солидной особы, когда узнаете, что Бенъ просилъ мистера Ранна аккомпанировать ему на скрипкѣ; а мистеръ Раннъ былъ твердо убѣжденъ, что если въ пляскѣ и будутъ кой-какіе недочеты, за то музыка за себя постоитъ. Адамъ Бидъ, присутствовавшій при обсужденіи этого плана въ одной изъ большихъ палатокъ, замѣтилъ Бену, что „лучше бы онъ не строилъ изъ себя дурака“, и это замѣчаніе рѣшило вопросъ: Бенъ не намѣренъ былъ отказываться отъ своей идеи только потому, что Адамъ Бидъ „воротилъ отъ нея носъ“.

— Что это? Что это? — спрашивалъ мистеръ Доннитор-нъ-старшій. — Вонъ идетъ нашъ псаломщикъ со скрипкой, и съ нимъ какой-то франтъ съ букетикомъ въ петличкѣ. Это ты устроилъ Артуръ?

— Нѣтъ, не я; я ничего не знаю, — отвѣчалъ Артуръ. — Клянусь Юпитеромъ, онъ собирается плясать! Это одинъ изъ нашихъ плотниковъ,—не припомню сейчасъ его имени.

— Это Бенъ Крэнеджъ... Бенъ Волчекъ, какъ его здѣсь зовутъ, — сказалъ мистеръ Ирвайнъ, — пустой парнишка, насколько я знаю.—Анна, голубушка, я вижу, эта пискотня на

скрипкѣ тебѣ не подъ силу, — ты устала. Пойдемъ, я отведу тебя въ домъ, отдохни до обѣда.

Миссъ Анна встала, и заботливый братъ увелъ ее изъ палатки. Между тѣмъ смычекъ мистера Ранна выводилъ мотивъ „Бѣлой кокарды", отъ котораго онъ намѣревался перейти къ другимъ разнообразнымъ мотивамъ, что, благодаря его вѣрному слуху, и было имъ исполнено съ довольно искусной постепенностью переходовъ. Мистеръ Раннъ былъ бы въ отчаяніи, если бы зналъ, что все вниманіе публики было поглощено пляской Бена, и что никто не замѣчалъ его музыки.

Видали вы когда-нибудь, какъ пляшетъ въ одиночку настоящій англійскій мужикъ? Быть можетъ вы видѣли только балетныхъ пейзановъ, улыбающихся, какъ вербные херувимы, граціозно выворачивающихъ пятки и вкрадчиво жестикулирующихъ головой?—Они такъ же похожи на настоящихъ деревенскихъ плясуновъ, какъ „Птичій вальсъ" на пѣніе птицъ. Бенъ Волчекъ совсѣмъ не улыбался; онъ плясалъ серьезно, точно ученая обезьяна,—такъ серьезно, какъ будто онъ былъ экспериментальнымъ философомъ, испытывающимъ на себѣ, какъ велико количество прыжковъ, которое можетъ выдержать человѣческое тѣло, и насколько разнообразны градусы угловъ, которые оно въ состояніи принимать.

Желая загладить неумѣренность смѣха, раздававшагося изъ полосатой палатки, Артуръ безпрестанно хлопалъ въ ладоши и кричалъ: „Браво!" Но у Бена былъ почитатель, чьи глаза слѣдили за его движеніями съ торжественной серьезностью, которая могла поспорить съ его собственной. Этотъ почитатель былъ Мартинъ Пойзеръ, сидѣвшій на скамейкѣ, держа между колѣнъ своего Томми.

— А? что ты на это скажешь?—говорилъ онъ женѣ. Вотъ-то ловко подлаживаетъ! Ни разу съ такта не сбился — точно часы! Я самъ былъ мастеръ плясать, когда былъ полегче, но я никогда не умѣлъ такъ ловко подлаживать въ тактъ.

— Я не знаю, — возразила на это мистрисъ Пойзеръ, можетъ быть у него и легкія ноги; а что въ верхнемъ этажѣ у него пусто — это я знаю, иначе онъ не сталъ бы строить такого шута и скакать козломъ на потѣху всей публикѣ. Вонъ господа надрываются отъ хохота, глядя на него.

— Ну что-жъ, тѣмъ лучше, значитъ имъ нравится, — сказалъ мистеръ Пойзеръ, не легко поддававшійся мрачному взгляду на вещи. — Но вотъ они уже уходятъ—должно быть обѣдать... Пройдемся немного и мы—посмотримъ, что дѣлаетъ Адамъ Бидъ. Ему поручено присматривать за угощеніемъ, и едва ли онъ особенно веселится.

ГЛАВА XXVI.

ТАНЦЫ.

Артуръ выбралъ для танцевъ парадныя сѣни. Это была очень хорошая мысль: ни въ какой другой комнатѣ не могло быть столько воздуха и простора, и нигдѣ больше не было такихъ широкихъ дверей, отворявшихся прямо въ садъ, и такого удобнаго сообщенія съ другими комнатами. Конечно, танцовать на каменномъ полу было не особенно удобно, но вѣдь большинство участниковъ бала привыкло отплясывать на кухонномъ полу. Это были одни изъ тѣхъ огромныхъ сѣней, по сравненію съ которыми всѣ остальныя комнаты кажутся какими-то чуланами,—роскошныя сѣни съ гипсовыми ангелами, трубами и цвѣточными гирляндами на высокомъ потолкѣ, съ большими медальонами на стѣнахъ, изображающими всевозможныхъ героевъ, и со статуями въ глубокихъ нишахъ. Такое помѣщеніе можно было великолѣпно разубрать свѣжей зеленью, и мистеръ Крегъ былъ счастливъ возможностью щегольнуть при этомъ своимъ вкусомъ и своими рѣдкими оранжерейными растеніями. Широкія ступени каменной лѣстницы были устланы подушками для дѣтей, такъ какъ предполагалось, что дѣти пробудутъ до половины десятаго и посмотрятъ на танцы, а потомъ ихъ разошлютъ по домамъ. А такъ какъ эта бальная зала (потому что была и другая) предназначалась исключительно для крупныхъ арендаторовъ, то въ мѣстахъ не могло быть недостатка. Освѣщеніе состояло изъ прелестныхъ цвѣтныхъ бумажныхъ фонариковъ, развѣшенныхъ между вѣтками. Жены и дочери фермеровъ — тѣ, которыя успѣли заглянуть въ эту залу, — увѣряли, что онѣ не могли себѣ представить болѣе великолѣпной картины: *теперь* онѣ знаютъ, въ какихъ комнатахъ живутъ король съ королевой, говорили онѣ, и не безъ сожалѣнія вспоминали о своихъ знакомыхъ и родственницахъ, которымъ судьба отказала въ такомъ прекрасномъ случаѣ познакомиться съ жизнью большого свѣта. Фонарики уже горѣли, хотя солнце только что сѣло, и надъ лужайкой былъ разлитъ тотъ мягкій вечерній свѣтъ, при которомъ всѣ предметы мы видимъ, какъ будто даже отчетливѣе, чѣмъ среди бѣлаго дня.

Лужайка и цвѣтникъ представляли премилую картину. Дорожки между цвѣточныхъ клумбъ и кустовъ пестрѣли движущимися фигурами фермеровъ, ихъ женъ и дѣтей; много было гуляющихъ и на широкой прямой дорогѣ, что шла отъ восточнаго фасада, пересѣкая зеленый коверъ густой и ровной травы, по которому безъ всякой симметріи были разбросаны отдѣльныя деревья,—здѣсь темный развѣсистый кедръ,

тамъ высокая пирамидальная ель съ нижними вѣтвями, лежащими почти на землѣ. Толпа поселянъ и мелкихъ фермеровъ въ паркѣ постепенно рѣдѣла: молодежь убѣжала, привлеченная свѣтомъ, уже появившимся въ окнахъ верхней галлереи аббатства, гдѣ была устроена вторая бальная зала, а кто постарше и посолиднѣе — потихоньку отправлялся домой. Въ числѣ этихъ послѣднихъ были Лизбета Бидъ съ Сетомъ. Сетъ уходилъ домой не только изъ вниманія къ матери, но и потому, что совѣсть не позволяла ему принять участіе въ танцахъ. Для него этотъ день далеко не былъ днемъ веселья: никогда образъ Дины не преслѣдовалъ его такъ неотступно, какъ въ этой праздничной обстановкѣ, гдѣ все было такъ непохоже на нее. Насмотрѣвшись на безсмысленныя лица окружавшихъ его молодыхъ женщинъ и на ихъ яркія платья, онъ только живѣе видѣлъ ее передъ собой. Мы глубже чувствуемъ красоту и величіе изображенія Мадонны, увидѣвъ его послѣ того, какъ его заслонила отъ насъ на минуту какая-нибудь вульгарная головка въ шляпкѣ. Но постоянное присутствіе Дины въ душѣ Сета поддерживало его: оно давало ему силы быть терпѣливымъ съ матерью, которая къ концу дня становилась все раздражительнѣе. Въ сердцѣ бѣдной Лизбеты происходила борьба самыхъ противурѣчивыхъ чувствъ. Гордая радость, которую доставило ей чествованіе ея любимца Адама, начинала блѣднѣть, отравленная ревностью и обидой, разгорѣвшимися въ ней съ новою силой, когда Адамъ пришелъ ей сказать, что капитанъ Доннитoрнъ проситъ его присоединиться къ танцующимъ въ большой залѣ. Адамъ все больше и больше ускользалъ отъ нея: теперь она бы дорого дала, чтобы вернуть прошлое со всѣми его невзгодами, потому что тогда Адамъ больше дорожилъ своей матерью, и слова ея что-нибудь значили для него.

— Какъ ты можешь говорить о танцахъ!—сказала она; — вѣдь не прошло еще и пяти недѣль, какъ отца твоего схоронили. Лучше бы и мнѣ лежать съ нимъ рядомъ въ могилѣ, чѣмъ мѣшать другимъ веселиться и заживать чужой вѣкъ.

— Нѣтъ, мама, напрасно ты смотришь на это такъ мрачно, — отвѣчалъ ей Адамъ, рѣшившійся быть сегодня съ матерью кроткимъ и ласковымъ.—Я танцовать не собираюсь,— я только посмотрю. Капитанъ желаетъ, чтобъ я присутствовалъ на балѣ, и мнѣ кажется, отказываться неловко: если я скажу, что мнѣ не хочется оставаться, это будетъ имѣть такой видъ, какъ будто я считаю себя умнѣе его. А ты вѣдь знаешь, какъ онъ велъ себя сегодня по отношенію ко мнѣ.

— Дѣлай какъ знаешь, твоя старуха мать не вправѣ перечить тебѣ. Что она такое для тебя?—все равно, что старая шелуха для спѣлаго орѣха, которому она больше не нужна.

— Ну хорошо, мама, сказалъ Адамъ,—я пойду и скажу капитану, что тебѣ непріятно, чтобъ я оставался, и потому я

лучше уйду; тогда онъ не приметъ этого въ дурную сторону, я увѣренъ, а я охотно уйду домой.

Онъ выговорилъ это съ нѣкоторымъ усиліемъ, потому-что ему очень хотѣлось побыть съ Гетти этотъ вечеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я не хочу,—молодой сквайръ разсердится. Ступай и дѣлай, какъ онъ тебѣ приказалъ, а мы съ Сетомъ пойдемъ домой. Я знаю, такое приглашеніе—большая честь для тебя, а кому-же и гордиться тобой, какъ не твоей матери? Не она-ли ростила тебя и холила всѣ эти годы?

— Ну такъ прощай, мама;—прощай, братъ. Не забудьте про Джипа, какъ придете домой—сказалъ Адамъ, поворачивая къ лужайкѣ, гдѣ онъ разсчитывалъ присоединиться наконецъ къ Пойзерамъ: все послѣ обѣда онъ былъ такъ занятъ, что не успѣлъ перекинуться съ Гетти ни однимъ словомъ. Его зоркіе глаза вскорѣ различили вдали знакомую группу, направлявшуюся къ дому по широкой, усыпанной гравіемъ дорожкѣ. Онъ былъ увѣренъ, что не ошибся, и поспѣшилъ имъ на встрѣчу.

— А, Адамъ, очень радъ, что вижу васъ, наконецъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ, выступавшій впереди съ Тотти на рукахъ.— Ну что, собираетесь веселиться? Покончили съ вашей работой, надѣюсь?... А Гетти то, кажется, ангажирована на всѣ танцы; я только-что спрашивалъ ее, танцуетъ-ли она съ вами, и она сказала—нѣтъ.

— Да я не думалъ танцовать сегодня, проговорилъ Адамъ и посмотрѣлъ на Гетти, уже почти готовый измѣнить своему рѣшенію.

— Вотъ вздоръ! сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Сегодня всѣ танцуютъ, кромѣ стараго сквайра да мистрисъ Ирвайнъ. Мистрисъ Бестъ намъ сказала, что даже миссъ Лидди и миссъ Ирвайнъ будутъ танцовать, а молодой сквайръ намѣренъ открыть балъ съ моей женой, такъ-что ей поневолѣ придется плясать, хоть она уже нѣсколько лѣтъ какъ отказалась отъ танцевъ,—съ тѣхъ самыхъ святокъ, когда мы ожидали рожденія Тотти. Съ какой стати вамъ не танцовать, Адамъ? Это будетъ просто срамъ. Такой молодой человѣкъ, и собой молодецъ, да и танцуете вы не хуже любого изъ насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не годится, подтвердила и мистрисъ Пойзеръ.—Конечно, танцы—глупое занятіе, я съ этимъ согласна, но если въ жизни дѣлать только умныя вещи,—далеко не уѣдешь. Когда похлебка налита, надо ѣсть и жижу, и гущу, или совсѣмъ не ѣсть.

— Ну, такъ если Гетти не откажется протанцовать со мной, я буду танцовать,—сказалъ Адамъ, уступая доводамъ мистрисъ Пойзеръ, а можетъ быть и чему-то другому.—Который контрдансъ у васъ свободенъ, Гетти?

— На четвертый у меня нѣтъ кавалера, отвѣчала Гетти,— и я могу танцовать его съ вами, если хотите.

— Да, но въ такомъ случаѣ, Адамъ, вамъ слѣдуетъ танцовать и первый контрдансъ, иначе это покажется страннымъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Въ хорошенькихъ дамахъ нѣтъ недостатка,—есть изъ кого выбирать, а молодыя дѣвушки не любятъ, когда мужчины стоятъ вдоль стѣнъ и не приглашаютъ ихъ.

Адамъ почувствовалъ всю справедливость замѣчанія мистера Пойзера,—неловко, если онъ будетъ танцовать съ одной только Гетти,—и, вспомнивъ, что Джонатанъ Бурджъ имѣлъ сегодня нѣкоторое основаніе питать противъ него обиду, онъ рѣшилъ пригласить на первый танецъ миссъ Мари, если у нея еще нѣтъ кавалера.

Часы на башнѣ бьютъ восемь, сказалъ мистеръ Пойзеръ:—пора намъ идти въ залу, а не то, пожалуй, сквайръ и его дамы придутъ раньше насъ, а это будетъ неловко.

Едва они успѣли придти въ залу и усадить троихъ дѣтей на лѣстницѣ, сдавъ ихъ на попеченіе Молли, какъ створчатыя двери гостиной широко распахнулись, и вошелъ Артуръ въ своемъ военномъ мундирѣ, подъ руку съ мистрисъ Ирвайнъ, которую онъ провелъ черезъ всю комнату къ эстрадѣ, покрытой ковромъ и уставленной оранжерейными растеніями, откуда она, миссъ Анна и мистеръ Доннитор нъ-старшій должны были смотрѣть на танцующихъ, какъ короли и королевы въ трагедіяхъ. Артуръ, какъ онъ говорилъ, надѣлъ мундиръ въ угоду своимъ арендаторамъ, которымъ его военный чинъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ сана перваго министра и ужъ никакъ не ниже. Артуръ ровно ничего не имѣлъ противъ того, чтобы доставить имъ это удовольствіе: военный мундиръ чрезвычайно какъ шелъ къ его лицу и фигурѣ.

Старый сквайръ, прежде чѣмъ сѣсть, обошелъ всю залу, чтобъ поздороваться съ арендаторами и сказать ихъ женамъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ. Онъ былъ всегда вѣжливъ, но фермеры хоть и долго ломали голову, стараясь объяснить себѣ значеніе этой вѣжливости, однако раскусили-таки наконецъ, что внѣшній лоскъ былъ въ немъ однимъ изъ признаковъ черствости сердца. Всѣ замѣтили, что въ этотъ вечеръ особенно утонченной любезностью отличалось обращеніе его съ мистрисъ Пойзеръ. Онъ долго разспрашивалъ ее о здоровьѣ, совѣтовалъ обливаться холодной водой, какъ дѣлалъ онъ самъ, и избѣгать всякихъ лекарствъ.

Мистрисъ Пойзеръ сдѣлала книксенъ и поблагодарила за совѣтъ съ большимъ самообладаніемъ, но когда онъ отошелъ, шепнула мужу: „Даю голову на отсѣченіе, что онъ затѣваетъ противъ насъ какую-нибудь каверзу. Ужъ если чортъ завилялъ хвостомъ—это недаромъ“. Мистеръ Пойзеръ не успѣлъ отвѣтить, потому-что въ эту минуту къ нимъ подошелъ Артуръ и сказалъ: „Мистрисъ Пойзеръ, я пришелъ просить васъ сдѣлать мнѣ честь быть моей дамой на первый

контрдансъ, а васъ, мистеръ Пойзеръ, если позволите, я провожу къ моей теткѣ, такъ какъ она желаетъ танцовать съ вами".

Блѣдныя щеки жены, когда Артуръ повелъ ее въ другой конецъ комнаты, къ эстрадѣ, вспыхнули отъ непривычнаго, волнующаго сознанія оказанной ей чести, но мужъ, которому лишній стаканчикъ вина возвратилъ его юношескую вѣру въ свою красивую наружность и умѣнье танцовать, выступалъ рядомъ съ ними вполнѣ развязно и гордо, льстя себя втайнѣ увѣренностью, что у миссъ Лидіи никогда въ жизни не бывало кавалера, который могъ-бы такъ ловко ее завертѣть и приподнять отъ пола, какъ онъ. Чтобы уравновѣсить оба прихода въ оказанномъ имъ вниманіи, миссъ Ирвайнъ танцовала съ Люкомъ Бриттономъ, самымъ крупнымъ фермеромъ изъ Брокстона, а мистеръ Гавэнъ съ мистрисъ Бриттонъ. Мистеръ Ирвайнъ, усадивъ свою сестру Анну, отправился въ галлерею аббатства (какъ у нихъ было заранѣе условлено съ Артуромъ) взглянуть, хорошо-ли тамъ веселятся мелкіе фермеры и крестьяне. Тѣмъ временемъ менѣе почетныя пары танцующихъ заняли свои мѣста. Гетти танцовала съ неизбѣжнымъ мистеромъ Крегомъ, а Мэри Бурджъ съ Адамомъ. И вотъ грянула музыка, и начался контрдансъ, великолѣпный деревенскій контрдансъ, лучшій изъ всѣхъ танцевъ.

Какая жалость, что полъ былъ не деревянный, а то равномѣрное постукиванье толстыхъ башмаковъ отбивало-бы тактъ лучше всякаго барабана. Это веселое притоптыванье, эти ласковые кивки головой, этотъ широкій, кругообразный, исполненный радушія жестъ, съ которымъ кавалеръ подаетъ руку дамѣ,—гдѣ ихъ увидишь нынче? Эта простая пляска скромно одѣтыхъ матронъ, отложившихъ въ сторону на время всѣ свои хозяйственныя и домашнія заботы, чтобы вспомнить молодость, но не молодящихся и не завидующихъ молоденькимъ дѣвушкамъ, своимъ дочерямъ, что танцуютъ тутъ-же, а гордящихся ими,—это праздничное оживленіе солидныхъ мужей, отпускающихъ комплиментики собственнымъ женамъ, какъ-будто вернулись дни ихъ жениховства,—эти пары юношей и дѣвушекъ, конфузливыхъ и неловкихъ, не знающихъ, что имъ сказать другъ другу,—было-бы отраднымъ разнообразіемъ видѣть все это иногда вмѣсто лифовъ съ низкимъ вырѣзомъ и широкихъ модныхъ юбокъ, вмѣсто недоброжелательныхъ взглядовъ искоса, критически осматривающихъ костюмы, и томныхъ молодыхъ людей въ лакированныхъ ботинкахъ, съ двусмысленной улыбкой на губахъ.

Удовольствіе Мартина Пойзера было-бы полнымъ, еслибы не одна маленькая зацѣпка: дѣло въ томъ, что въ танцахъ ему постоянно приходилось сталкиваться съ этимъ нерадивымъ, неряшлымъ хозяиномъ—Люкомъ Бриттономъ. Онъ хотѣлъ было придать своему взгляду оттѣнокъ ледяной холод-

ности въ тотъ моментъ, когда визави должны были мѣняться дамами, но тутъ какъ разъ вмѣсто ненавистнаго Люка противъ него очутилась ни въ чемъ неповинная миссъ Ирвайнъ, а ее онъ отнюдь не имѣлъ въ виду заморозить. Тогда онъ махнулъ на все рукой, откинулъ въ сторону нравственныя соображенія и разрѣшилъ своему лицу принять выраженіе просто веселое, безъ всякихъ оттѣнковъ.

Какъ у Гетти билось сердце, когда Артуръ къ ней подходилъ! Онъ, кажется, еще ни разу не взглянулъ на нее во весь день,—теперь онъ долженъ будетъ взять ея руку. Пожметъ онъ ей руку? Взглянетъ-ли на нее? Ей казалось, что она заплачетъ, если онъ ничѣмъ не выразитъ ей своихъ чувствъ. Вотъ онъ уже близко... онъ беретъ ея руку. Да, онъ пожимаетъ ее. Гетти вся поблѣднѣла, когда подняла на него глаза на секунду и встрѣтила его взглядъ передъ тѣмъ, какъ ходъ танца снова ихъ разлучилъ. Эта блѣдность, эти молящіе глаза больно укололи Артура: они были для него какъ-бы началомъ тяжелаго страданія и преслѣдовали его въ то время, какъ онъ долженъ былъ танцовать, шутить и улыбаться. Въ дѣйствительности взглядъ Гетти не имѣлъ того глубокаго значенія, какое онъ ему придавалъ: этотъ взглядъ показывалъ только, что въ ней происходитъ борьба между желаніемъ, чтобы Артуръ ее замѣтилъ, и боязнью выдать это желаніе другимъ. Но лицо Гетти имѣло свой языкъ, выражавшій гораздо больше, чѣмъ она чувствовала. Есть лица, надѣленныя отъ природы трогательными оттѣнками выраженій, отнюдь не составляющими собственности той человѣческой души, которая бьется подъ ними, но свидѣтельствующими о радостяхъ и скорбяхъ минувшихъ поколѣній,—глаза, говорящіе о глубокой любви, которая, безъ сомнѣнія, жила и живетъ гдѣ-нибудь, но только не въ нихъ, а можетъ быть въ безцвѣтныхъ, некрасивыхъ глазахъ, ровно ничего не говорящихъ. Такъ народный языкъ можетъ быть полонъ поэзіи, совершенно чуждой устамъ, которыя на немъ изъясняются. Этотъ взглядъ Гетти терзалъ Артура, давилъ его страхомъ, къ которому примѣшивалась, однако, страшная, безсознательная радость,—радость, что она такъ сильно любитъ его. Трудная задача предстояла ему; въ этотъ моментъ, по крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ, что отдалъ-бы три года своей молодости за счастье свободно, безъ угрызеній, отдаться своей страсти къ Гетти.

Вотъ какія несообразныя мысли проносились у него въ головѣ въ то время, когда онъ велъ мистрисъ Пойзеръ (задыхавшуюся отъ усталости и твердо рѣшившую въ душѣ, что никакая земная власть—ни присяжные, ни судьи—никогда больше не заставятъ ее танцовать)—когда онъ велъ ее въ столовую, гдѣ для гостей былъ устроенъ открытый буфетъ.

— Я напоминала Гетти, сэръ, что она обѣщала танцовать съ вами, сказала ему въ невинности души эта добрая жен-

щина.—Она у насъ такая вѣтреная, что способна забыть свое обѣщаніе и раздать всѣ контрдансы; такъ я и сказала ей, чтобъ она помнила о васъ.

...Артуръ къ ней подходилъ

— Благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ, отвѣчалъ Артуръ.

и нельзя сказать, чтобы совѣсть его была при этомъ совершенно спокойна.—Теперь я пойду, а вы присядьте вотъ на это кресло, и Мильсъ подастъ вамъ, чего вы пожелаете.

И онъ побѣжалъ отыскивать другую солидную матрону, ибо необходимо было оказать должное вниманіе замужнимъ женщинамъ, прежде чѣмъ приглашать молодыхъ. Снова грянулъ оркестръ, и опять весело затопали толстые башмаки, закивали головы и кругообразно задвигались руки.

Наконецъ, насталъ чередъ четвертаго контрданса, такъ страстно ожидаемаго мужественнымъ, серьезнымъ Адамомъ, какъ будто бы онъ былъ восемнадцатилѣтнимъ юношей съ бѣлыми барскими руками. Всѣ мы одинаковы, когда любимъ впервые, а Адамъ никогда еще не касался руки Гетти, кромѣ тѣхъ мимолетныхъ мгновеній, когда они здоровались или прощались; онъ танцовалъ съ нею раньше одинъ только разъ. Его глаза, помимо его воли, жадно слѣдили за ней въ этотъ вечеръ, и съ каждымъ новымъ взглядомъ на нее любовь его все росла. Она вела себя сегодня такъ мило, такъ спокойно, совсѣмъ не кокетничала, улыбалась рѣже обыкновеннаго; въ ней было что-то нѣжное, почти грустное. „Благослови ее Боже!“—говорилъ онъ себѣ.—„Я сдѣлаю ее счастливой, если для этого довольно сильныхъ рукъ, которыя будутъ работать для нея, и сердца, которое будетъ любить ее“.

И мало-по-малу имъ овладѣли восхитительныя грезы. Вотъ онъ возвращается домой съ работы, обнимаетъ Гетти, и ея щечка нѣжно прижимается къ его лицу... Онъ такъ размечтался, что позабылъ, гдѣ онъ, такъ что еслибъ его спросили, онъ не съумѣлъ-бы отвѣтить, музыку ли онъ слышитъ и топотъ танцующихъ ногъ, или паденіе дождевыхъ капель и завываніе вѣтра.

Но вотъ кончился третій контрдансъ. Теперь онъ могъ идти за Гетти. Она стояла въ другомъ концѣ залы, у лѣстницы, и перешептывалась о чемъ-то съ Молли, которая только что передала ей на руки спящую Тотти, собираясь бѣжать за шляпами и теплыми платками для дѣтей, сложенными повыше, на площадкѣ. Мальчиковъ мистрисъ Пойзеръ повела въ столовую, чтобы дать имъ чего-нибудь сладкаго передъ отъѣздомъ; всѣ дѣти должны были сейчасъ ѣхать домой съ дѣдомъ, и Молли надо было торопиться.

— Дайте, я ее подержу, сказалъ Адамъ, подходя къ Гетти, когда Молли ушла.—Дѣти всегда такія тяжелыя, когда спятъ.

Гетти обрадовалась облегченію: держать на рукахъ Тотти, да еще стоя, было для нея весьма сомнительнымъ удовольствіемъ. Но, къ несчастію, результатомъ этой второй передачи съ рукъ на руки было то, что Тотти проснулась, а Тотти, когда ее будили не во-время, бывала очень капризна, не отставая въ этомъ отношеніи отъ любого ребенка своего возраста. Въ тотъ самый моментъ, когда Гетти передавала ее

Адаму и еще не успѣла отнять своихъ рукъ, дѣвочка открыла глаза и вслѣдъ затѣмъ лѣвымъ кулачкомъ ударила по рукѣ Адама, а правой рученкой уцѣпилась за нитку темныхъ бусъ, висѣвшую на шеѣ у Гетти. Медальонъ выскочилъ изъ-за пояса, нитка порвалась; еще минута—и Гетти съ отчаяніемъ увидѣла, что бусы ея разсыпались по полу и медальонъ упалъ.

— Мой медальонъ! Мой медальонъ! сказала она Адаму громкимъ, испуганнымъ шепотомъ.—Бусъ не подбирайте... только медальонъ!

Адамъ еще раньше замѣтилъ, когда онъ упалъ: вещица привлекла его вниманіе въ ту минуту, когда она выскочила изъ-за пояса Гетти. Она упала не на каменный полъ, а на деревянные подмостки, гдѣ сидѣли музыканты, и Адамъ, поднимая ее, разсмотрѣлъ подъ стекломъ двѣ прядки волосъ—темную и свѣтлую. Медальонъ упалъ стекломъ кверху, такъ что оно не разбилось. Адамъ перевернулъ его другой стороной и увидѣлъ золотую крышечку съ эмалью.

— Онъ цѣлъ, сказалъ Адамъ, поднося медальонъ Гетти, которая не могла его взять, такъ какъ обѣ ея руки были заняты Тотти.

— О, это все равно, я имъ не дорожу, проговорила Гетти. Передъ тѣмъ она была страшно блѣдна, а теперь покраснѣла.

— Не дорожите? повторилъ Адамъ серьезно:—вы, кажется, очень за него испугались. Я подержу его, пока вамъ можно будетъ его взять,—прибавилъ онъ, спокойно зажимая кулакъ, чтобъ она не подумала, что ему хочется разсмотрѣть медальонъ.

Тѣмъ временемъ Молли вернулась со шляпами и платками, и какъ только она унесла Тотти, Адамъ подалъ Гетти медальонъ. Она взяла его съ равнодушнымъ видомъ и опустила въ карманъ, раздосадованная въ душѣ на Адама за то, что онъ видѣлъ его, но твердо рѣшившись не выдавать больше своего волненія.

— Смотрите, сказала она:—вонъ уже всѣ становятся въ пары; сейчасъ начнутъ танцовать, пойдемте и мы.

Адамъ молча подалъ ей руку. Недоумѣніе и страхъ терзали его. Неужели у Гетти есть тайный возлюбленный? потому что никто изъ ея родныхъ—онъ былъ въ этомъ увѣренъ,—не могъ подарить ей такого медальона, а изъ ея поклонниковъ, извѣстныхъ ему, никто не былъ ея объявленнымъ женихомъ и, слѣдовательно, не имѣлъ права дѣлать ей такіе подарки. Адамъ терялся въ догадкахъ; онъ ни на комъ не могъ остановить своихъ опасеній,—онъ могъ только чувствовать съ мучительной болью, что въ жизни Гетти было что-то, чего онъ не зналъ, что пока онъ убаюкивалъ себя надеждой, что она когда-нибудь полюбитъ его,—она уже любила другого. Удовольствіе танцовать съ Гетти было забыто; глаза его, останавливаясь на ней, принимали выраженіе тревожнаго

вопроса. Онъ не могъ подумать, что̀-бы ему ей сказать, да и она тоже была не въ духѣ и не расположена говорить. Оба обрадовались, когда контрдансъ кончился.

Адамъ рѣшилъ сейчасъ-же уйти; онъ никому не былъ нуженъ и можетъ ускользнуть такъ, что никто не замѣтитъ. Очутившись на улицѣ, онъ зашагалъ своимъ всегдашнимъ скорымъ шагомъ; онъ почти бѣжалъ, самъ не зная зачѣмъ, поглощенный мучительной мыслью, что воспоминаніе объ этомъ днѣ, начавшемся такъ радостно и такъ много сулившемъ ему въ будущемъ, навѣки отравлено для него. Вдругъ, уже подходя къ концу парка, онъ остановился: лучъ оживающей надежды, какъ молнія, пронизалъ его душу. Какой онъ дуракъ! Ну, можно ли создавать себѣ горе изъ всякихъ пустяковъ? Гетти такъ любитъ наряжаться... она могла сама купить медальонъ. Правда, вещь эта, должно быть, дорогая, слишкомъ дорогая для нея; съ виду она совершенно такая, какъ тѣ золотыя вещицы на бѣломъ атласѣ, что выставлены на окнахъ въ большой ювелирной лавкѣ въ Россетерѣ Но Адамъ имѣлъ весьма неопредѣленное представленіе о цѣнности подобныхъ вещей, и, по его мнѣнію, медальонъ не могъ стоить больше гинеи. Гинею Гетти легко могла скопить изъ тѣхъ денегъ, которыя родные дарили ей на праздники, а въ ней еще довольно ребячества, чтобы истратить ихъ всѣ такимъ образомъ. Она вѣдь такъ еще молода,—какъ ей не любить нарядовъ! Но если такъ, отчего же она испугалась? отчего такъ измѣнилась въ лицѣ, а потомъ стала увѣрять, что ей все равно, что она дорожитъ этой вещью?—Да просто оттого, что ей стало стыдно, непріятно, что онъ видѣлъ у нея такую дорогую вещь: она вѣдь понимаетъ, что нехорошо тратить деньги на такой вздоръ, и знаетъ, что онъ, Адамъ, не одобряетъ ея наклонности къ щегольству. Это только доказываетъ, что она дорожитъ его мнѣніемъ. И навѣрно потомъ, по его молчанію и серьезному виду, она заключила, что онъ недоволенъ ею, и теперь думаетъ, что онъ способенъ строго отнестись къ ея слабостямъ... И когда послѣ этого онъ пошелъ тише, упиваясь новой надеждой,—единственной, мучившей его мыслью была мысль о томъ, что своимъ обращеніемъ съ Гетти онъ могъ охладить ея чувство къ нему. Потому что послѣдняя его догадка вѣрна—это несомнѣнно. Какимъ образомъ у Гетти могъ быть возлюбленный, о которомъ онъ ничего-бы не зналъ? Она никогда не отлучалась изъ дома дяди больше чѣмъ на одинъ день; у нея не могло быть знакомыхъ, которые не бывали-бы въ домѣ, и о которыхъ ея дядя и тетка не знали-бы. Вообразить, что медальонъ подаренъ ей любовникомъ,—какая нелѣпость! Маленькая прядка темныхъ волосъ была ея собственная—онъ былъ въ этомъ увѣренъ; онъ не могъ догадаться, кому принадлежали свѣтлые волосы, да и не успѣлъ ихъ хорошо разсмотрѣть. Быть можетъ, это были

волосы ея отца или матери, умершихъ, когда она была ребенкомъ, и весьма естественно, что она положила ихъ въ медальонъ вмѣстѣ со своими.

И Адамъ легъ спать успокоенный, соткавъ себѣ въ утѣшеніе хитроумную сѣть вѣроятностей—вѣрнѣйшую преграду, какую только можетъ поставить благоразумный человѣкъ между собой и истиной. Послѣднія его мысли передъ сномъ перешли въ сновидѣнія: ему снилось, что онъ опять съ Гетти на Большой Фермѣ и проситъ у нея прощенія въ томъ, что онъ былъ съ нею такъ холоденъ и молчаливъ.

А пока онъ спалъ и видѣлъ сладкіе сны, Артуръ велъ Гетти танцовать и говорилъ ей тихимъ, торопливымъ шепотомъ: „Послѣ завтра, въ семь часовъ, я буду въ рощѣ; приходите пораньше". И безумныя надежды Гетти, улетѣвшія было на мигъ, спугнутыя вздорными страхами, вернулись опять. Не сознавая опасности, она впервые была счастлива въ этотъ безконечно тянувшійся для нея день и желала только одного,—чтобы этотъ контрдансъ никогда не кончался. Тогоже желалъ и Артуръ. Это была послѣдняя уступка слабости, которую онъ себѣ позволялъ, а человѣкъ, подъ вліяніемъ страсти, никогда не лжетъ себѣ съ такимъ наслажденіемъ, какъ когда ему удалось себя увѣрить, что завтра онъ поборетъ ее.

Зато желанія мистрисъ Пойзеръ были совершенно противоположнаго свойства, ибо ее терзали мрачныя предчувствія насчетъ завтрашняго сыра, который неизбѣжно долженъ былъ запоздать по милости такого полунощничанья. Теперь Гетти исполнила свой долгъ—протанцовала съ молодымъ сквайромъ, такъ пусть же Пойзеръ пойдетъ и посмотритъ, пріѣхала-ли за ними повозка: пора домой—половина одиннадцатаго, и, несмотря на кроткое возраженіе мужа, что, дескать, „неприлично имъ уѣзжать первыми", мистрисъ Пойзеръ осталась непреклонна, рѣшительно объявивъ, что „ужъ тамъ прилично, или неприлично, а она уѣдетъ".

— Какъ, мистрисъ Пойзеръ! Вы уже уѣзжаете? сказалъ мистеръ Доннитор нъ - старшій, когда она подошла къ нему прощаться.—Я думалъ, никто изъ нашихъ гостей не покинетъ насъ хоть до одиннадцати часовъ; мы съ мистрисъ Ирвайнъ, по крайней мѣрѣ, намѣрены просидѣть до одиннадцати, а мы здѣсь самые старые.

— Ахъ, ваша милость, господамъ можно сидѣть хоть до бѣлаго свѣта: у нихъ нѣтъ хозяйства на рукахъ, нѣтъ думки про сыръ, да про масло. А мы и такъ засидѣлись: коровамъ вѣдь не скажешь, чтобы завтра по утру онѣ подождали, потому что ихъ будутъ позже доить. Такъ ужъ вы извините насъ, ваша милость,—позвольте намъ проститься.

— Ухъ! Я лучше согласна возиться каждый день со стиркой и съ масломъ вдобавокъ, чѣмъ таскаться по этимъ ба-

ламъ, — сказала она мужу, когда они сѣли въ повозку и поѣхали. — Я не знаю болѣе утомительной работы, какъ слоняться безъ всякаго дѣла, глазѣть по сторонамъ и не знать, что ты будешь дѣлать въ слѣдующую минуту. Да еще и улыбайся все время, точно лавочникъ въ базарные дни, чтобъ люди какъ-нибудь не назвали тебя невѣжей. А кончился день, его и помянуть нечѣмъ, развѣ что ходишь съ желтымъ лицомъ, оттого—что объѣлся.

— Нѣтъ, нѣтъ не говори этого, — возразилъ ей мистеръ Пойзеръ, пребывавшій въ самомъ веселомъ настроеніи духа и находившій, что онъ давно не проводилъ такого пріятнаго дня.—Тебѣ полезно иногда повеселиться. А танцуешь ты положительно лучше всѣхъ; во всемъ приходѣ не найдется женщины, которая была бы такъ легка на ногу. И какъ это хорошо, что молодой сквайръ пригласилъ тебя первую. Это большая честь. Я думаю, онъ сдѣлалъ это оттого, что я предсѣдательствовалъ за столомъ и сказалъ рѣчь... А Гетти-то наша?—тоже дождалась чести. — Что, Гетти, небось никогда еще у тебя не было такого кавалера? Молодой баринъ, красавецъ, въ мундирѣ! Будетъ по крайней мѣрѣ чѣмъ молодость вспомнить, какъ состаришься,—будешь всѣмъ разсказывать, какъ ты танцовала съ молодымъ наслѣдникомъ въ день его рожденья.

Книга четвертая.

ГЛАВА XXVII.

КРИЗИСЪ.

Началась вторая половина августа; со дня рожденія Артура прошло почти три недѣли. Въ нашемъ сѣверномъ графствѣ Ломширѣ пшеница начинала уже созрѣвать, но жатва ожидалась поздняя по милости проливныхъ дождей и разливовъ, надѣлавшихъ у насъ много вреда. Брокстонскіе и Гейслопскіе фермеры, благодаря возвышенному положенію своихъ земель, не пострадали отъ послѣдней бѣды, а такъ какъ я не могу утверждать, чтобъ они были какими-нибудь исключительными фермерами, которымъ общественное благо дороже своего собственнаго, то вы легко поймете, что они не слишкомъ-то горевали по поводу быстраго повышенія цѣнъ на зерно, пока у нихъ оставалась надежда благополучно убрать свой собственный хлѣбъ. А перепадавшіе изрѣдка ясные дни и вѣтра поддерживали эту надежду.

Восемнадцатое августа было однимъ изъ тѣхъ дней, когда солнце свѣтитъ какъ-то особенно ярко послѣ предшествовавшей полосы дождей. Большіе клочья облаковъ неслись по голубому небу, и круглыя вершины высокихъ холмовъ за замкомъ казались ожившими отъ ихъ летучихъ тѣней. Солнце то пряталось, то снова выскакивало изъ за тучъ, теплое и веселое, словно утраченная и вновь воротившаяся радость. Съ придорожныхъ деревьевъ срывало вѣтромъ листья, еще совсѣмъ зеленые; во дворахъ фермъ хлопали калитки и двери, въ садахъ падали яблоки, и у лошадей, что паслись въ разбродъ по проселкамъ, хвосты и гривы развивались отъ вѣтра. Но солнце разливало кругомъ столько радости, что даже вѣтеръ не портилъ ее: напротивъ—казалось, онъ принималъ въ ней живое участіе. Веселый день для дѣтей! Какъ они бѣгали и визжали, стараясь перекричать вѣтеръ! Да и взрослые были въ самомъ веселомъ настроеніи духа: всѣмъ какъ-то вѣрилось, что когда спадетъ вѣтеръ, наступятъ еще лучшіе дни. Вотъ если-бъ только хлѣбъ не перезрѣлъ и не высыпался.

А между тѣмъ и въ такой день гнетущая скорбь можетъ давить человѣка. Ибо если справедливо, что бываютъ моменты, когда природа будто предчувствовала нашу судьбу,

то не одинаково ли справедливо и то, что въ другіе моменты она смотритъ безчувственной, равнодушной? Вѣдь нѣтъ такого часа во дню, который не порождалъ бы и радости, и горя, — такого яснаго утра, которое не несло бы съ собой новой муки отчаянію и новыхъ силъ генію любви. Насъ такъ много на свѣтѣ, и судьба наша такъ различна! Чему же удивляться, если настроеніе природы звучитъ зачастую такъ рѣзко не въ тонъ великому кризису нашей жизни? Мы — дѣти огромной семьи, и — какъ дѣти огромной семьи—не въ правѣ разсчитывать, чтобъ наши ушибы принимались слишкомъ близко къ сердцу, а должны довольствоваться той скромной долей ухода и ласки, которую могутъ намъ удѣлить, и тѣмъ съ большей готовностью приходить на помощь другъ другу.

Это былъ трудовой день для Адама, который въ послѣднее время дѣлалъ почти двойную работу, такъ какъ онъ все еще состоялъ старшимъ работникомъ у Джонатана Бурджа въ ожиданіи, когда тотъ подыщетъ подходящаго человѣка на его мѣсто; а Джонатанъ не торопился искать. Но этотъ усиленный трудъ его не тяготилъ; онъ исполнялъ его съ веселымъ духомъ, потому что его надежды относительно Гетти опять расцвѣли. Со дня бала всякій разъ, какъ они встрѣчались, она какъ будто хотѣла дать ему понять, что она простила его молчаніе и холодность во время того злополучнаго контрданса. Онъ не напоминалъ ей о медальонѣ, счастливый уже тѣмъ, что она улыбалась ему, и можетъ быть еще счастливѣе оттого, что онъ подмѣчалъ въ ней какую-то непривычную мягкость, что-то новое, что онъ объяснялъ развитіемъ женственности и серьезности. „Господи! да чего же отъ нея требовать?“ повторялъ онъ себѣ въ сотый разъ. „Ей только восемнадцатый годъ; еще придетъ ея время быть разсудительной. Вотъ и тетка ея всегда восхищается, какъ она ловка на работу. Изъ нея выйдетъ такая жена, что даже мама не найдетъ за что къ ней придраться“. Правда, со дня бала онъ видѣлъ ее у нихъ въ домѣ только два раза. Въ одно воскресенье, когда послѣ вечерни онъ хотѣлъ было пройти на Большую Ферму, она присоединилась къ компаніи старшихъ слугъ изъ замка и отправилась домой вмѣстѣ съ ними; это даже имѣло почти такой видъ. какъ будто она поощряла ухаживанья мистера Крега. „Гетти что-то начинаетъ слишкомъ дружить съ этимъ народомъ, что постоянно толчется въ комнатѣ ключницы“—замѣтила тогда мистрисъ Пойзеръ. Я не могу этого понять. Я никогда не любила господскую челядь; всѣ они похожи на жирныхъ собаченокъ важныхъ барынь, отъ которыхъ никому нѣтъ добра: ни на мясо онѣ не годны, ни домъ сторожить, а только для вида„. А въ другой вечеръ, когда онъ былъ у Пойзеровъ, Гетти уходила въ Треддльстонъ за покупками, хотя, возвращаясь домой, онъ,

къ немалому своему удивленію, встрѣтилъ ее совсѣмъ не въ той сторонѣ, гдѣ проходила Треддльстонская дорога. Но когда онъ къ ней подошелъ, она обошлась съ нимъ очень ласково, и когда онъ довелъ ее до воротъ, попросила его зайти къ нимъ опять. Возвращаясь изъ Треддльстона, она сдѣлала маленькій крюкъ по полямъ, такъ какъ ей еще не хотѣлось домой (объяснила она): на дворѣ теперь такъ хорошо, а тетя всякій разъ подымаетъ такую исторію, когда ей, Гетти, вздумается выйти погулять. „Пожалуйста пойдемте къ намъ со мной!“ сказала она, когда онъ сталъ съ ней прощаться, и онъ не могъ устоять. Онъ вошелъ, и мистрисъ Пойзеръ удовольствовалась легкимъ выговоромъ Гетти за то, что она запоздала, а Гетти, показавшаяся ему грустной, когда онъ встрѣтилъ ее, улыбалась, болтала и услуживала имъ всѣмъ необыкновенно старательно.

Это былъ послѣдній разъ, что онъ видѣлъ ее, но онъ рѣшилъ, что завтра же улучитъ часикъ-другой и сходитъ къ нимъ на ферму. Сегодня, онъ зналъ, былъ одинъ изъ тѣхъ дней недѣли, когда Гетти ходила въ замокъ къ камеристкѣ учиться вышивать; поэтому сегодня онъ постарается наработать побольше, чтобъ завтрашній вечеръ былъ у него свободенъ.

Одною изъ работъ, состоявшихъ въ вѣдѣній Адама, былъ небольшой ремонтъ на Домовой Фермѣ, которая до сихъ поръ была занята Сатчеллемъ, какъ управляющимъ, но которую теперь старый сквайръ, какъ носились слухи, собирался сдать въ аренду франтоватому незнакомцу въ ботфортахъ, пріѣзжавшему недавно верхомъ осматривать ее. Этотъ ремонтъ нельзя было ничѣмъ объяснить, кромѣ желанія стараго сквайра имѣть лишняго арендатора, хотя вечеромъ клубъ, собиравшійся по субботамъ у мистера Кассона, единогласно порѣшилъ за своими трубками, что ни одинъ человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ не согласится взять въ аренду Домовую Ферму, если къ ней не прирѣжутъ пахотной земли. Какъ бы то ни было, ремонтъ приказано было производить со всею поспѣшностью, и Адамъ, дѣйствовавшій отъ лица мистера Бурджа, велъ работы со своей всегдашней энергіей. Но сегодня онъ былъ занятъ въ другомъ мѣстѣ и могъ явиться на мѣсто работъ только передъ вечеромъ. И тутъ-то онъ увидѣлъ, что одна старая крыша, которую онъ разсчитывалъ оставить въ прежнемъ видѣ, — обрушилась. Было ясно, что эта часть постройки никуда не годится, и что ее придется снести, и у Адама сейчасъ же явился планъ новой постройки, съ удобными помѣщеніями для коровъ и телятъ, съ сараемъ для орудій, — и все это безъ особенно большой затраты матеріала. Поэтому, когда рабочіе ушли, онъ сѣлъ, досталъ записную книжку, набросалъ въ ней свой планъ и углубился въ вычисленіе издержекъ, имѣя въ виду

на другой же день показать этотъ планъ Бурджу и посовѣтовать ему, чтобъ онъ убѣдилъ сквайра согласиться. „Обдѣлать дѣло чисто“ — хотя бы самое маленькое дѣло, — было всегда наслажденіемъ для Адама, и вотъ теперь онъ сидѣлъ на колодѣ, разложивъ передъ собой книжку; тихонько посвистывая и согнувъ голову на бокъ съ чуть замѣтной улыбкой удовольствія — и гордости, ибо если Адамъ любилъ дѣло ради дѣла, онъ любилъ также имѣть право сказать себѣ: „*Я* это сдѣлалъ“. Да, говоря откровенно, я лично того мнѣнія, что отъ этой слабости свободны только тѣ, у кого никогда не было дѣла, которое они могли бы назвать дѣломъ своихъ рукъ и своей головы.

Было почти семь часовъ, когда Адамъ кончилъ и надѣлъ свою куртку, собираясь идти. Оглянувшись кругомъ въ послѣдній разъ, онъ замѣтилъ, что Сетъ, работавшій здѣсь съ утра, забылъ взять съ собой свою корзину съ инструментами. „Ну вотъ, забылъ корзину, а завтра ему работать въ мастерской“ подумалъ Адамъ. „Не было еще, кажется, на свѣтѣ другого такого ротозѣя! Онъ способенъ забыть свою голову,— хорошо, что она крѣпко сидитъ у него на плечахъ. Счастье еще, что я увидѣлъ корзину: надо снести ее домой“.

Домовая Ферма стояла въ самомъ концѣ парка, минутахъ въ десяти ходьбы отъ стараго аббатства. Адамъ пріѣхалъ верхомъ на своемъ пони, имѣя въ виду, послѣ осмотра работъ, проѣхать до конюшенъ, оставить лошадь тамъ, а самому воротиться пѣшкомъ. Въ конюшнѣ онъ засталъ мистера Крега, завернувшаго туда взглянуть на новую лошадь капитана, на которой тотъ долженъ былъ ѣхать послѣ завтра. Артуръ уѣзжалъ совсѣмъ, и мистеръ Крегъ задержалъ Адама своими разсказами о томъ, какъ вся ихъ дворня соберется у воротъ проводить молодого сквайра и пожелать ему счастливаго пути, такъ-что къ тому времени, когда Адамъ добрался до парка и зашагалъ по дорожкѣ съ корзиной на плечахъ, солнце уже совсѣмъ садилось. Длинные багровые лучи пронизывали чащу лѣса, задѣвая толстые стволы старыхъ дубовъ, скользя по дорожкамъ и расцвѣчивая все вокругъ такими великолѣпными красками, что каждая проплѣшинка голой земли казалась брильянтикомъ, упавшимъ на траву. Вѣтеръ теперь спалъ, и только самые нѣжные листочки чуть-чуть шевелились. Для человѣка, весь день просидѣвшаго въ комнатахъ, такая прогулка была-бы истиннымъ наслажденіемъ, но Адамъ пробылъ на воздухѣ вполнѣ достаточно для того, чтобы желать сократить свой путь къ дому. Онъ вспомнилъ, что этотъ путь значительно сократится, если онъ пройдетъ прямо паркомъ и потомъ черезъ рощу, гдѣ онъ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ. И съ этой мыслью онъ углубился въ чащу, въ сопровожденіи Джипа, не отстававшаго отъ него ни на шагъ, широко шагая по узенькимъ тропкамъ, обросшимъ по краямъ

папоротникомъ, не останавливаясь полюбоваться великолѣпной смѣной красокъ при вечернемъ освѣщеніи,—почти не замѣчая всей этой красоты и однако чувствуя ея присутствіе въ томъ ощущеніи благоговѣйнаго, тихаго счастья, которое примѣшивалось къ его будничнымъ мыслямъ. Да и могъ-ли онъ не чувствовать ея? Даже олень ее чувствовалъ и робко притихалъ...

Но вотъ мысли Адама обратились къ тому, что разсказалъ ему мистеръ Крегъ объ Артурѣ Доннитор нѣ, и нарисовали ему картину отъѣзда Артура и тѣ перемѣны, какія могли произойти до его возвращенія; потомъ онѣ перенеслись назадъ, въ далекое прошлое, къ временамъ ихъ дѣтской дружбы съ маленькимъ сквайромъ, и остановились на хорошихъ чертахъ характера Артура, которыми Адамъ гордился, какъ всѣ мы гордимся заслугами высшихъ, уважающихъ насъ. Для такихъ натуръ, какъ у Адама,—съ большимъ запасомъ любви и жаждой преклоненія передъ идеаломъ,—счастье такъ много зависитъ отъ того, могутъ ли они любить человѣка и вѣрить въ него. А у Адама не было идеальнаго міра умершихъ героевъ; онъ мало зналъ о жизни человѣчества въ прошломъ, и чтобы найти существо, передъ которымъ онъ могъ бы преклоняться съ восхищеніемъ и любовью, онъ долженъ былъ искать между живыми людьми, говорившими съ нимъ живымъ языкомъ. Эти пріятныя мысли объ Артурѣ вызвали мягкое выраженіе на его смышленое, обыкновенно суровое лицо; быть можетъ онѣ же были причиной того, что, отворяя старую зеленую калитку, которая вела въ рощу, онъ наклонился, погладилъ Джипа и сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ.

Послѣ этой остановки онъ пошелъ дальше, по широкой извилистой дорожкѣ черезъ рощу. Какіе великолѣпные буки! Адамъ ничѣмъ такъ не восхищался, какъ хорошими деревьями: какъ глаза рыбака лучше всего видятъ на морѣ, такъ и Адамъ среди деревьевъ чувствовалъ себя въ своей стихіи больше, чѣмъ гдѣ-бы-то ни было. Каждое дерево отпечатывалось у него въ памяти, какъ рисунокъ въ памяти живописца,—со всѣми морщинками на корѣ, со всѣми извилинами и углами своихъ сучьевъ: не одинъ разъ онъ, только взглянувъ на дерево, опредѣлялъ до точности вышину и объемъ его ствола. Понятно послѣ этого, что какъ ни спѣшилъ онъ домой, онъ не могъ не остановиться передъ чудеснымъ толстымъ букомъ, стоявшимъ на поворотѣ дорожки, и не удостовѣриться что это не два дерева, сросшіяся вмѣстѣ, а только одно. До конца своей жизни Адамъ помнилъ минуту, когда онъ спокойно осматривалъ этотъ букъ, какъ помнимъ мы послѣдній нашъ взглядъ на родной домъ, гдѣ протекла наша юность,—прощальный взглядъ передъ тѣмъ, какъ поворотъ дороги скрылъ его отъ насъ навсегда. Букъ стоялъ въ самомъ концѣ рощи, у послѣдняго поворота,—тамъ гдѣ

деревья образовали широкій сводчатый ходъ, теперь совсѣмъ

Артуръ и Гетти.

свѣтлый отъ проникавшихъ въ него съ запада лучей, и когда

Адамъ отошелъ отъ дерева, собираясь идти дальше, взглядъ его упалъ на двѣ человѣческія фигуры ярдахъ въ двадцати впереди.

Онъ замеръ на мѣстѣ, неподвижный, какъ статуя, и почти такой же блѣдный. Мужчина и женщина стояли другъ противъ друга, держась за руки—очевидно прощаясь. Въ тотъ моментъ, когда они хотѣли поцѣловаться, Джипъ, бѣгавшій по кустамъ, выскочилъ на дорожку, увидѣлъ ихъ и залаялъ. Они вздрогнули и отскочили другъ отъ друга: одна бросилась къ калиткѣ, которая вела изъ рощи въ поле, а другой повернулся и медленнымъ, разсчитанно безпечнымъ шагомъ направился къ Адаму. А Адамъ стоялъ, по прежнему безмолвный и блѣдный, все крѣпче и крѣпче стискивая въ рукѣ палку, на которой онъ несъ корзину съ инструментами, и въ глазахъ его, обращенныхъ на приближавшуюся фигуру, изумленіе быстро уступало мѣсто ярости.

Артуръ Доннитернъ казался возбужденнымъ и взволнованнымъ: чтобъ усыпить непріятныя мысли, онъ выпилъ сегодня за обѣдомъ больше обыкновеннаго и, подъ успокоительнымъ вліяніемъ винныхъ паровъ, еще не успѣвшихъ совсѣмъ улетучиться, былъ склоненъ легче отнестись къ этой непріятной встрѣчѣ съ Адамомъ, чѣмъ можетъ быть отнесся-бы въ другое время. Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ непрошенныхъ свидѣтелей, которые могли подсмотрѣть его сегодняшнее свиданіе съ Гетти, Адамъ былъ самымъ безопаснымъ: онъ малый умный, съ тактомъ, и никому не разболтаетъ о томъ, что онъ видѣлъ. Артуръ со спокойной увѣренностью представлялъ себѣ, какъ просто онъ объяснитъ ему этотъ маленькій инцидентъ, обративъ все въ шутку. И онъ шелъ къ нему не спѣша, разсчитанно небрежной походкой, заложивъ концы пальцевъ въ карманы жилета, въ своемъ изысканномъ вечернемъ костюмѣ, въ тонкомъ бѣльѣ, съ разгоряченнымъ лицомъ, освѣщенный сверху проникавшимъ сквозь вѣтки отблескомъ послѣднихъ вечернихъ лучей, перехваченныхъ легкими облачками, посылавшими теперь на землю свой таинственный свѣтъ.

Адамъ все не двигался и смотрѣлъ, какъ онъ подходилъ. Теперь ему все стало ясно,—происхожденіе медальона и все остальное, что казалось раньше подозрительнымъ. Жестокій, страшный свѣтъ показалъ ему дотолѣ скрытыя буквы, измѣнившія весь смыслъ прошедшаго. Шевельни онъ хоть однимъ мускуломъ, онъ, какъ тигръ, бросился-бы на Артура; но въ сумятицѣ противорѣчивыхъ чувствъ, боровшихся въ немъ въ эти долгія мгновенія, онъ твердо зналъ и повторялъ себѣ одно,—что онъ не допуститъ себя поддаться гнѣву, а скажетъ только то, что слѣдовало сказать. Онъ стоялъ словно завороженный невидимой силой, но эта сила была его собственная сильная воля.

— Добрый вечеръ, Адамъ, сказалъ Артуръ.—Вы, кажется, любуетесь нашими чудесными старыми буками? Только имѣйте въ виду: топору нѣтъ сюда ходу, это священная роща... А я было шелъ въ свою берлогу—въ Эрмитажъ, и по дорогѣ нагналъ эту красоточку Гетти Соррель. Ей-бы не слѣдовало возвращаться домой этой дорогой въ такой поздній часъ,—здѣсь не совсѣмъ безопасно; вотъ я и проводилъ ее до калитки и выпросилъ поцѣлуй за труды.... Однако, пойду я домой: здѣсь становится дьявольски сыро. До свиданья, Адамъ. Послѣ завтра я уѣзжаю, но мы съ вами увидимся завтра, такъ-что я не прощаюсь.

Артуръ былъ слишкомъ занятъ ролью, которую онъ разыгрывалъ, чтобы вполнѣ правильно оцѣнить выраженіе лица Адама. Впрочемъ, онъ ни разу не взглянулъ на него прямо; онъ все больше поглядывалъ кругомъ, на деревья, а потомъ, упомянувъ о сырости, приподнялъ одну ногу и принялся осматривать подошву своего сапога. Онъ не намѣренъ былъ тратить лишнихъ словъ: и такъ ужъ онъ напустилъ честному Адаму довольно пыли въ глаза. „До свиданья", повторилъ онъ, и съ послѣднимъ словомъ двинулся дальше.

— Постойте, сэръ, сказалъ Адамъ не оборачиваясь, жесткимъ, повелительнымъ тономъ. — Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Артуръ остановился, удивленный. На впечатлительныхъ людей перемѣна тона дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ самыя рѣзкія слова, а Артуръ отличался впечатлительностью всѣхъ мягкихъ и тщеславныхъ натуръ. Онъ еще больше удивился, когда увидѣлъ, что Адамъ не двигается съ мѣста и стоитъ къ нему спиной, какъ будто требуя, чтобъ онъ воротился. Что этотъ чудакъ забралъ себѣ въ голову? Онъ, кажется, намѣренъ принять эту исторію въ серьезъ. Артуръ почувствовалъ, какъ въ немъ поднимается злость. Страсть благодѣтельствовать всегда имѣетъ въ себѣ примѣсь низменныхъ чувствъ, и теперь къ раздраженію и гнѣву Артура примѣшивалось нехорошее чувство: онъ говорилъ себѣ, что человѣкъ, которому онъ оказалъ столько благодѣяній, не долженъ бы критиковать его поступковъ. И въ то-же время онъ не смѣлъ не послушаться: онъ чувствовалъ себя покореннымъ, какъ это бываетъ со всѣми нами, когда мы сознаемъ себя виноватыми по отношенію къ людямъ, чьимъ мнѣніемъ мы дорожимъ. Не смотря на всю его обиду и гнѣвъ, въ голосѣ Артура слышалось не одно раздраженіе, но и что-то въ родѣ мольбы, когда онъ сказалъ:

— Что это значитъ, Адамъ?

— Это значитъ, сэръ, отвѣчалъ Адамъ тѣмъ-же жесткимъ тономъ и все таки не поворачиваясь,—это значитъ, что вы не обманете меня шутливыми рѣчами. Вы не въ первый разъ встрѣчаетесь съ Гетти Соррель въ этой рощѣ и не въ первый разъ цѣлуете ее.

Артуръ испугался: говоритъ-ли Адамъ на основаніи того, что онъ знаетъ, или только по догадкамъ? Эта неизвѣстность была хуже всего: она помѣшала ему придумать благоразумный отвѣтъ и усилила его раздраженіе. Онъ сказалъ высокимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Что-же изъ этого, сударь?

— А то, что, поступая такимъ образомъ, вы поступаете не какъ честный, прямодушный человѣкъ, какимъ мы всѣ васъ считали, а какъ себялюбивый, легкомысленный негодяй. Вы знаете не хуже меня, къ чему приводятъ такіе поступки: когда знатный баринъ, какъ вы, волочится за молодой женщиной въ положеніи Гетти, цѣлуетъ ее и дѣлаетъ ей подарки, которыхъ она не смѣетъ никому показать, это не можетъ довести до добра. И опять скажу: вы поступаете, какъ легкомысленный, себялюбивый негодяй, хотя видитъ Богъ, какъ больно мнѣ это говорить,—такъ больно, что я далъ-бы лучше отрѣзать себѣ правую руку.

— Послушайте, Адамъ, сказалъ Артуръ, стараясь обуздать свой гнѣвъ и перейти опять къ безпечному тону,—послушайте: вы не только непозволительно дерзки, но и говорите безсмыслицу. Не всѣ хорошенькія дѣвушки такъ глупы, какъ вы; я думаю, ни одна изъ нихъ не способна вообразить, что если джентльменъ восхищается ея красотой и оказываетъ ей немножко вниманія,—изъ этого должно что-нибудь слѣдовать. Всякій мужчина не прочь приволокнуться за хорошенькой дѣвушкой, и всякая хорошенькая дѣвушка любитъ ухаживанья. Чѣмъ шире раздѣляющее ихъ разстояніе, тѣмъ меньше можетъ быть вреда отъ этой игры, потому что тогда женщина не можетъ заблуждаться.

— Я не знаю, что вы разумѣете подъ словомъ *игра*, сказалъ Адамъ;—но если по отношенію къ женщинѣ вы ведете себя такъ, какъ-будто любите ее, а между тѣмъ не любите,—это нечестно, а что нечестно, то никогда не кончится добромъ. Я не дуракъ, и вы не дуракъ, и вы не думаете того, что говорите. Вы хорошо знаете, что если-бы ваше поведеніе относительно Гетти сдѣлалось гласнымъ, это принесло-бы горе и стыдъ и ей, и ея роднымъ, и она потеряла-бы свое доброе имя. Вы не придаете значенія вашимъ поцѣлуямъ и подаркамъ; вы говорите: это игра. Но развѣ другіе повѣрятъ, что вы дѣйствовали безъ всякой задней мысли?.. И не говорите вы мнѣ, что она не можетъ заблуждаться. Говорю Вамъ—вы, можетъ быть, сдѣлали то, что теперь вся ея душа поглощена мыслью о васъ; можетъ быть, это отравило всю ея жизнь, и она никогда уже не полюбитъ другого,—человѣка, который могъ-бы быть ей хорошимъ мужемъ.

Артуръ почувствовалъ облегченіе, пока Адамъ говорилъ; онъ убѣдился, что Адаму неизвѣстно ничего положительнаго объ его отношеніяхъ къ Гетти, и что сегодняшняя ихъ не-

счастная встрѣча—бѣда поправимая: Адама можно еще обмануть. Чистосердечный, честный Артуръ поставилъ себя въ такое положеніе, изъ котораго былъ одинъ выходъ—удачная ложь. Надежда на этотъ выходъ смягчила немного его гнѣвъ.

— Ну, хорошо, Адамъ, заговорилъ онъ миролюбивымъ тономъ человѣка, дѣлающаго уступку,—вы, можетъ быть, и правы. Допустимъ, что въ своемъ восхищеніи этой хорошенькой дѣвочкой я зашелъ немножко черезчуръ далеко; конечно, мнѣ не слѣдовало ее цѣловать. Вы такой серьезный, съ такимъ твердымъ характеромъ, что вамъ не понять, какъ силенъ бываетъ иной разъ соблазнъ. Но я знаю одно: ни за какія блага въ мірѣ я не доставлю непріятностей ни ей, ни добрякамъ Пойзерамъ, если это будетъ зависѣть отъ меня; я былъ-бы несчастнѣйшій человѣкъ, если-бъ на нихъ обрушилось горе по моей винѣ. Но мнѣ кажется, вы смотрите на эти вещи слишкомъ серьезно. Ну, пусть я виноватъ; но послѣ-завтра, какъ вамъ извѣстно, я уѣзжаю и, слѣдовательно, больше ужъ не буду грѣшить. Значитъ, и говорить объ этомъ не стоитъ: вся эта исторія скоро забудется. Прощайте, Адамъ.

И онъ повернулъ было назадъ, собираясь идти.

— Нѣтъ, клянусь Богомъ! вскрикнулъ Адамъ, не въ силахъ долѣе сдерживать свою ярость. Онъ бросилъ на землю корзину съ инструментами, шагнулъ впередъ и очутился лицомъ къ лицу съ Артуромъ. Вся его ревность и чувство личной обиды, которыя до сихъ поръ онъ старался подавлять, прорвались наружу и завладѣли имъ. Да и кто изъ насъ, въ первыя, острыя минуты страданія, способенъ понять, что нашъ ближній, причинившій намъ это страданіе, не хотѣлъ сдѣлать намъ больно? Въ нашемъ инстинктивномъ, мятежномъ протестѣ противъ боли мы вновь становимся дѣтьми и ищемъ сознательной злой воли, на которую мы могли-бы обрушить наше мщеніе. Адамъ въ эти мгновенія могъ только чувствовать, что у него отняли Гетти—вѣроломно укралъ человѣкъ, которому онъ вѣрилъ, и онъ стоялъ противъ Артура съ блѣдными губами, сжимая кулаки, сверкая на него яростнымъ взглядомъ, и жесткій тонъ справедливаго негодованія, въ предѣлахъ котораго онъ до сихъ поръ старался себя удержать, смѣнился трепещущими нотами глубокаго волненія, сотрясавшими, казалось, все его тѣло, пока онъ говорилъ.

— Нѣтъ, не скоро забудется то, что вы встали между нею и мной, когда она, можетъ быть, могла-бы меня полюбить. Не скоро забудется, что вы украли у меня мое счастье въ то время, когда я считалъ васъ моимъ лучшимъ другомъ, человѣкомъ благородной души, и гордился тѣмъ, что я тружусь для васъ. Такъ вы цѣловали ее безъ всякихъ серьезныхъ намѣреній, ради забавы? А я ни разу не цѣловалъ ее, но я готовъ былъ работать цѣлые годы за право ее цѣловать... Вы говорите объ этомъ съ легкимъ сердцемъ. Еще-бы! вамъ

нипочемъ испортить жизнь человѣку, лишь-бы получить свою маленькую долю удовольствія. Вы вѣдь не имѣли серьезныхъ намѣреній,—вы играли... Не надо мнѣ вашихъ милостей!—вы не тотъ человѣкъ, за какого я васъ принималъ. Никогда больше я не буду считать васъ моимъ другомъ. Будьте мнѣ лучше врагомъ! Я прибью васъ тутъ-же, не сходя съ мѣста,—защищайтесь! Это единственное удовлетвореніе, какое вы можете мнѣ дать.

Бѣдный Адамъ, въ своемъ бѣшенствѣ, не находившемъ другого исхода, сбросилъ куртку и шапку, и принялся засучивать рукава, слишкомъ ослѣпленный гнѣвомъ, чтобы быть въ состояніи замѣтить, какая перемѣна произошла съ Артуромъ. Губы Артура были теперь чуть-ли не блѣднѣй его собственныхъ, сердце неистово билось. Открытіе, что Адамъ любитъ Гетти, было для него жестокимъ ударомъ, заставившимъ его на одинъ мигъ взглянуть на себя съ точки зрѣнія Адама — съ негодованіемъ и презрѣніемъ, а на страданія Адама—не только, какъ на послѣдствіе своей вины, но и какъ на одинъ изъ элементовъ, усугубляющихъ ее. Слова презрѣнія и ненависти, брошенныя ему прямо въ лицо—первыя въ его жизни,—были для него отточенными стрѣлами, оставлявшими на немъ, казалось ему, неизгладимые слѣды. Спасительное прибѣжище самооправданій, рѣдко намъ измѣняющее, пока мы не потеряли уваженія другихъ, измѣнило ему на минуту, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ первымъ великимъ и непоправимымъ зломъ, имъ совершеннымъ. Ему былъ только двадцать одинъ годъ, и всего три мѣсяца тому назадъ—да какое! гораздо меньше,—онъ думалъ, что никогда никто не будетъ имѣть права упрекнуть его въ подлости. Быть можетъ, первымъ его побужденіемъ было-бы просить прощенія у Адама, но Адамъ не далъ ему на это времени. Увидѣвъ, что Артуръ не отвѣчаетъ на его вызовъ, а стоитъ блѣдный, не шевелясь и даже не вынимая рукъ изъ кармановъ, онъ сказалъ.

— Что-же? Будете вы драться со мной? Или вы не мужчина? Вы вѣдь знаете, что я не ударю васъ, пока вы такъ стоите.

— Уйдите, Адамъ, сказалъ Артуръ:—я не хочу съ вами драться.

— Ну да, конечно, не хотите, — проговорилъ Адамъ съ горестью:—вы смотрите на меня, какъ на простого, бѣднаго человѣка, котораго вы можете оскорблять безнаказанно.

— Я не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить, сказалъ Артуръ съ новымъ приступомъ гнѣва.—Я не зналъ, что вы ее любите.

— Но вы заставили ее полюбить *васъ*, сказалъ Адамъ.—Вы двуличный человѣкъ; я никогда больше не повѣрю ни одному вашему слову.

— Уйдите—вамъ говорятъ! крикнулъ Артуръ гнѣвно,—или намъ обоимъ придется раскаиваться.

— Нѣтъ, проговорилъ Адамъ задыхающимся голосомъ,— клянусь—я не уйду, не поколотивши васъ! Мало вамъ еще оскорбленій? Такъ повторяю вамъ: вы негодяй и трусъ, и я васъ презираю.

Вся кровь бросилась въ лицо Артуру; въ одинъ мигъ его правая рука сжалась въ кулакъ и нанесла ударъ, отъ котораго Адамъ пошатнулся. Теперь онъ былъ взбѣшенъ не меньше Адама, и вотъ, въ быстро сгущавшихся сумеркахъ лѣтняго вечера, казавшихся еще гуще подъ сводомъ вѣтвей, эти два человѣка, забывъ о только-что волновавшихъ ихъ чувствахъ, схватились драться, съ инстинктивнымъ звѣрствомъ двухъ пантеръ. Баринъ съ выхоленными бѣлыми руками былъ достойнымъ противникомъ работника во всемъ, кромѣ силы, и только благодаря его ловкости борьба затянулась на нѣсколько долгихъ минутъ. Но въ борьбѣ безоружныхъ людей побѣда всегда будетъ на сторонѣ сильнаго, если онъ не какой-нибудь увалень, и Артуръ долженъ былъ упасть подъ первымъ мѣткимъ ударомъ Адама, сломиться, какъ стальной прутъ подъ ударомъ желѣзнаго лома. Этотъ ударъ былъ скоро нанесенъ, и Артуръ упалъ, зарывшись головой въ кустъ папоротника, такъ-что Адамъ едва могъ различить темныя очертанія его тѣла.

Адамъ стоялъ надъ нимъ въ темнотѣ и ожидалъ, когда онъ встанетъ.

Вотъ онъ теперь отомстилъ, нанесъ свой ударъ, для котораго онъ напрягалъ всю силу своихъ нервовъ и мышцъ,—и къ чему-же это его привело? Чего онъ достигъ?—Только насытилъ свой гнѣвъ, удовлетворилъ своей жаждѣ мести. Онъ не возвратилъ себѣ Гетти, не измѣнилъ прошлаго; все оставалось какъ было... И ему до слезъ стало стыдно своей безцѣльной злобы.

Но отчего Артуръ не встаетъ? Адамъ все ждалъ, когда-же онъ пошевелится, и время тянулось для него безконечно. „Великій Боже! неужели я его убилъ?“—и Адамъ содрогнулся, вспомнивъ о своей силѣ. Съ возрастающимъ страхомъ онъ опустился на колѣни подлѣ Артура и приподнялъ его голову изъ папоротниковъ. На лицѣ не было никакихъ признаковъ жизни: глаза закрыты, зубы стиснуты. „Умеръ!.. убитъ!“ Ужасъ, овладѣвшій Адамомъ, окончательно укрѣпилъ его въ этой мысли. Онъ могъ только чувствовать, что на лицѣ Артура написана смерть, и что онъ, Адамъ, безсиленъ передъ ней. Не двигая ни однимъ мускуломъ, онъ стоялъ на колѣняхъ, какъ воплощеніе отчаянія передъ образомъ смерти.

ГЛАВА XXVIII.

ДИЛЕММА.

Прошло очень немного минутъ по часамъ—хотя для Адама этотъ промежутокъ тянулся очень долго,—когда онъ подмѣтилъ первый проблескъ сознанія на лицѣ Артура и слабое содроганіе въ тѣлѣ. Горячая радость, затопившая его душу, принесла съ собой остатокъ его старой привязанности къ этому человѣку.

— Что вы чувствуете, сэръ? Болитъ у васъ что-нибудь? спросилъ онъ нѣжно, распуская галстухъ Артуру.

Артуръ поднялъ на него мутный взглядъ, и въ лицѣ его что-то дрогнуло, какъ-будто память возвращалась къ нему. Но онъ только еще разъ весь вздрогнулъ и ничего не сказалъ.

— Болитъ у васъ что-нибудь, сэръ? спросилъ опять Адамъ трепещущимъ голосомъ.

Артуръ поднесъ руку къ пуговицамъ своего жилета, и когда Адамъ разстегнулъ его, онъ глубоко перевелъ духъ.

— Опустите мою голову, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ,—и принесите мнѣ воды, если можно.

Адамъ тихонько положилъ его голову опять на траву и, выложивъ инструменты изъ плетеной корзины, побѣжалъ прямикомъ черезъ рощу въ тотъ ея конецъ, гдѣ она прилегала къ парку, и гдѣ протекалъ небольшой ручеекъ.

Когда онъ воротился съ корзиной, изъ которой бѣжала вода, но все-таки до половины наполненной, Артуръ взглянулъ на него уже почти совсѣмъ сознательно.

— Можете вы зачерпнуть воды рукой и напиться? спросилъ его Адамъ, опускаясь опять на колѣни, чтобы приподнять ему голову.

— Нѣтъ, не надо, отвѣчалъ Артуръ.—Намочите мой галстухъ и положите мнѣ на голову.

Холодная вода, очевидно, принесла ему облегченіе, потому что онъ вскорѣ приподнялся немного повыше, опираясь на плечо Адама.

— Не болитъ-ли у васъ что-нибудь, сэръ? спросилъ еще разъ Адамъ.

— Ничего не болитъ, отвѣчалъ Артуръ все еще съ трудомъ,—только страшная слабость.

Немного погодя онъ прибавилъ:—Должно быть, я лишился чувствъ, когда вы меня ударили.

— Да, сэръ; слава Богу это былъ только обморокъ. Я думалъ—другое, гораздо худшее.

— Какъ! вы подумали, что ужъ совсѣмъ покончили со мной?.. Ну-ка, помогите мнѣ встать.

— Я весь разбитъ, и голова кружится, сказалъ Артуръ, когда поднялся на ноги, опираясь на руку Адама. — Какъ видно, вашъ ударъ пришелся очень мѣтко. Кажется, я не могу идти одинъ.

— Обопритесь на меня, сэръ, я васъ доведу, сказалъ Адамъ.—Или, можетъ быть, лучше присядете на минутку—вотъ сюда, на мою куртку, а я васъ буду поддерживать. Минуты черезъ двѣ вамъ станетъ, можетъ быть, лучше.

— Нѣтъ, сказалъ Артуръ,—я пойду въ Эрмитажъ; у меня, кажется, осталось тамъ немного водки. Можно пройти ближайшей дорогой: вонъ онъ сейчасъ начинается,—чуть-чуть подальше впереди, у калитки. Вы только помогите мнѣ дойти.

Они шли тихимъ шагомъ, съ частыми остановками, но не разговаривая. Въ обоихъ мысль о настоящемъ, наполнявшая первыя мгновенія съ минуты возвращенія Артура къ сознанію, уступила мѣсто живому воспоминанію предшествовавшей сцены. На узенькой тропинкѣ подъ деревьями было почти темно, но между соснами, вокругъ Эрмитажа, оставалось довольно пустого пространства, такъ-что свѣтъ восходящаго мѣсяца могъ свободно проникать въ окна. На толстомъ коврѣ изъ сосновыхъ иглъ ихъ шаговъ совершенно не было слышно, и окружающая тишина только усиливала въ нихъ сознаніе происшедшаго. Артуръ вынулъ изъ кармана ключъ и положилъ его въ руку Адама, чтобы тотъ отомкнулъ дверь. О томъ, что Артуръ распорядился омеблировать Эрмитажъ и обратилъ его въ свой рабочій кабинетъ, Адамъ ничего не зналъ и очень удивился, когда отворилъ дверь и увидѣлъ уютную комнатку, которую по всѣмъ признакамъ часто посѣщали.

Артуръ выпустилъ руку Адама и бросился на оттоманку.

— Поищите мою охотничью фляжку, сказалъ онъ.—Она гдѣ-нибудь тутъ: кожаный футляръ и въ немъ бутылочка и стаканчикъ.

Адамъ скоро нашелъ требуемое.

— Здѣсь очень мало водки, сэръ, сказалъ онъ, разглядывая бутылку на свѣтъ и опрокидывая ее надъ стаканчикомъ:—только одинъ стаканчикъ.

— Ну, все равно, давайте, что̀ есть, проговорилъ Артуръ капризнымъ тономъ больного.

Когда онъ отпилъ нѣсколько маленькихъ глотковъ, Адамъ сказалъ:

— Не сбѣгать-ли мнѣ въ домъ, сэръ, и не принести-ли еще? Я живо обернусь. Вамъ трудно будетъ дойти до дому, если вы не подкрѣпите чѣмъ-нибудь своихъ силъ.

— Ну хорошо, сходите. Только не говорите тамъ, что я боленъ. Спросите моего человѣка Пима и скажите ему, чтобъ онъ взялъ водки у Мильса и никому не говорилъ, что я въ Эрмитажѣ. Принесите и воды.

Адамъ былъ радъ всякому дѣлу, лишь-бы не оставаться

здѣсь,—оба были рады разстаться хоть на короткое время. Но какъ ни быстро шелъ Адамъ, онъ не могъ усыпить своихъ мучительныхъ мыслей, не могъ не переживать все съ новой и новой болью послѣдняго злополучнаго часа и не заглядывать впередъ въ свое новое, безотрадное будущее.

Когда Адамъ ушелъ, Артуръ нѣсколько минутъ пролежалъ неподвижно, но вдругъ онъ съ усиліемъ поднялся съ оттоманки и при невѣрномъ свѣтѣ мѣсяца сталъ медленно оглядывать комнату, какъ-будто что-то отыскивая. Оказалось, что это былъ маленькій огарокъ восковой свѣчки, стоявшій на столѣ среди безпорядочной груды рисовальныхъ и письменныхъ принадлежностей. Чтобы зажечь огарокъ, понадобилось искать еще дольше, и когда онъ былъ зажженъ, Артуръ очень старательно обошелъ всю комнату, какъ-бы желая удостовѣриться въ отсутствіи или присутствіи какого-то предмета. Наконецъ онъ нашелъ одну маленькую вещицу. Онъ положилъ ее въ карманъ, потомъ передумалъ, вынулъ опять и засунулъ на самое дно корзины съ ненужными бумагами. Это была женская розовая шелковая косыночка. Онъ поставилъ свѣчу на столъ и бросился на оттоманку въ полномъ изнеможеніи. Появленіе Адама съ водой и водкой вывело его изъ забытья.

— Ну, вотъ отлично, сказалъ онъ;—я чувствую страшную потребность въ чемъ-нибудь возбуждающемъ,

— Какъ это хорошо, что у васъ здѣсь оказалась свѣча, сказалъ Адамъ,—а я было жалѣлъ, зачѣмъ не догадался спросить тамъ фонарь.

— Не надо, свѣчи хватитъ; я теперь скоро буду въ состояніи идти.

— Я не могу уйти, сэръ, пока не доставлю васъ благополучно домой, проговорилъ Адамъ нерѣшительно.

— Да, лучше останьтесь. Садитесь.

Адамъ сѣлъ. И такъ они сидѣли другъ противъ друга въ неловкомъ молчаніи, пока Артуръ медленными глотками пилъ свою водку, замѣтно оживая. Онъ лежалъ теперь въ болѣе свободной позѣ и былъ, казалось, менѣе поглощенъ своими физическими ощущеніями. Адамъ зорко наблюдалъ эти признаки, и по мѣрѣ того, какъ проходила его тревога за здоровье Артура, нетерпѣніе его росло,—нетерпѣніе, знакомое каждому, кому случалось быть поставленнымъ въ необходимость подавить на время свое справедливое негодованіе, во вниманіе къ безпомощному состоянію виновника его. Но прежде чѣмъ они съ Артуромъ начнутъ опять сводить свои счеты, онъ долженъ былъ сдѣлать еще одну вещь: онъ долженъ былъ сознаться ему въ томъ несправедливомъ, что было въ его собственныхъ словахъ. Очень возможно, что нетерпѣніе его покончить съ этимъ признаніемъ отчасти объяснялось тѣмъ, что тогда онъ могъ съ полнымъ правомъ дать опять волю своему гнѣву. По мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался,

что къ Артуру возвращаются силы, слова признанія все чаще вертѣлись у него на языкѣ, и все-таки не выговаривались: его удерживала мысль—не лучше-ли отложить все до завтра. Все время, пока они молчали, они ни разу не взглянули другъ на друга, и Адамъ предчувствовалъ, что если они заговорятъ о случившемся, если они посмотрятъ другъ на друга, и каждый прочтетъ въ глазахъ другого его настоящія мысли,—ихъ ссора опять разгорится. И они сидѣли и молчали, пока огарокъ не замигалъ въ подсвѣчникѣ, погасая. Для Адама это молчаніе становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ. Но вотъ Артуръ налилъ себѣ еще немного водки, закинулъ руку за голову и подогнулъ одну ногу быстрымъ движеніемъ, доказавшимъ, что онъ совсѣмъ оправился. Тогда Адамъ не могъ устоять противъ искушенія высказать то, что было у него на душѣ.

— Вы стали теперь гораздо бодрѣе, сэръ, началъ онъ. Свѣча въ это время уже погасла, и они едва различали другъ друга при слабомъ лунномъ свѣтѣ.

— Да, хотя не могу сказать, чтобы я чувствовалъ себя вполнѣ бодрымъ; лѣнь какая-то, и не хочется двигаться. Но я все-таки сейчасъ пойду, вотъ только допью эту водку.

Адамъ помолчалъ съ минуту, прежде чѣмъ продолжать.

— Въ сердцахъ я не помнилъ, что говорилъ, и сказалъ несправедливую вещь. Я не имѣлъ права говорить, что вы сознательно сдѣлали мнѣ зло. Вы не могли знать о моей любви; я всегда старался скрывать свое чувство.

Онъ опять помолчалъ.

— И еще... можетъ быть, я осудилъ васъ слишкомъ строго,— у меня вообще мало мягкости. Можетъ быть, вы поступили такъ просто по легкомыслію, какого я не допускалъ въ человѣкѣ съ сердцемъ и совѣстью. Люди созданы не по одной мѣркѣ и, судя другъ друга, мы можемъ легко ошибиться. Свидѣтель Богъ, что единственная радость, какую вы еще можете мнѣ дать, это—возможность не думать о васъ дурно.

Артуръ предпочелъ-бы уйти безъ разговоровъ: онъ былъ слишкомъ смущенъ и взволнованъ, да и слабъ физически, чтобы быть въ состояніи выдержать длинное объясненіе. Но все-таки онъ обрадовался уже и тому, что Адамъ заговорилъ о непріятномъ предметѣ въ примирительномъ духѣ, что̀ значительно облегчало отвѣтъ. Артуръ очутился въ трагическомъ положеніи честнаго человѣка, совершившаго дурной поступокъ, вызывающій въ его глазахъ необходимость обмана. Естественному, честному движенію души, побуждавшему его заплатить правдой за правду, отвѣтить на довѣріе чистосердечной исповѣдью, нельзя было давать воли: вопросъ долга сталъ для него вопросомъ тактики. Первое послѣдствіе дурного дѣла уже сказалось на немъ: оно тиранническиｚ завладѣло его волей и толкало его на путь, протившій всѣмъ его чувствамъ и понятіямъ. Единственное, что ему теперь оставалось, это—

обманывать Адама до конца—заставить Адама думать о немъ лучше, чѣмъ онъ того стоилъ. И когда онъ услышалъ слова честнаго самообличенія,—когда онъ услышалъ скорбный призывъ, которымъ закончилъ Адамъ, ему приходилось только порадоваться тому невѣдѣнію и остатку довѣрія, которыя подразумѣвались въ этихъ словахъ. Онъ отвѣтилъ не сразу, потому что въ своемъ отвѣтѣ ему надо было быть не правдивымъ, а осторожнымъ.

— Не будемъ больше говорить о нашей ссорѣ, Адамъ, сказалъ онъ, наконецъ, томнымъ голосомъ, потому что ему было трудно говорить.—Я прощаю вамъ вашу минутную несправедливость. Это было вполнѣ естественно при томъ преувеличенномъ представленіи о моемъ поступкѣ, какое вы себѣ составили. Надѣюсь, наша давнишняя дружба не пострадаетъ отъ того, что мы съ вами подрались. Побѣда осталась за вами, да такъ оно и слѣдовало, потому что изъ насъ двоихъ я былъ виноватъ все-таки больше... Ну, будетъ, дайте руку.

Онъ протянулъ руку, но Адамъ не шевельнулся.

— Мнѣ очень тяжело, сэръ, отвѣтить вамъ: *нѣтъ*,—сказалъ онъ, — но я не могу пожать вамъ руку, пока мы съ вами не выяснимъ хорошенько, на чемъ мы миримся. Я былъ неправъ, когда сказалъ, что вы сдѣлали мнѣ зло сознательно, но я былъ правъ въ томъ, что́ я говорилъ раньше о вашемъ поведеніи относительно Гетти, и я не могу пожать вамъ руку, какъ-будто я по прежнему считаю васъ своимъ другомъ, пока вы не объясните мнѣ вашего поведенія.

Артуръ спряталъ въ карманъ свою гордость, проглотилъ обиду и отвелъ руку. Нѣсколько секундъ онъ молчалъ и наконецъ, сказалъ, насколько могъ, равнодушно:

— Я не понимаю, Адамъ, какого вамъ еще объясненія. Я вамъ уже говорилъ, что вы придаете слишкомъ серьезное значеніе маленькому волокитству. Но если даже вы и правы, предполагая, что въ этомъ есть опасность для Гетти, то вѣдь въ субботу я уѣзжаю, и все это кончится. Что-же касается огорченія, которое я причинилъ лично вамъ, — я отъ всего сердца жалѣю объ этомъ. Больше мнѣ нечего сказать.

Адамъ ничего не отвѣтилъ, но поднялся со стула, отошелъ къ окну и сталъ къ нему лицомъ. Казалось, онъ всматривается въ черные стволы сосенъ, освѣщенныхъ луной, но въ дѣйствительности онъ не видѣлъ и не сознавалъ ничего кромѣ борьбы, происходившей въ немъ. Его рѣшеніе подождать съ объясненіемъ ни къ чему не повело: гдѣ тутъ откладывать до завтра!—онъ долженъ говорить сейчасъ-же, не выходя отсюда. Но прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ, наконецъ, обернулся, подошелъ къ Артуру и остановился надъ нимъ, глядя на него сверху внизъ.

— Я лучше выскажусь прямо, какъ это мнѣ ни тяжело, заговорилъ онъ съ очевиднымъ усиліемъ. — Вотъ видите-ли,

сэръ: не знаю, какъ для васъ, а для меня это не бездѣлица. Я не такой человѣкъ, что сегодня полюбилъ одну женщину, а завтра другую, и на которой изъ нихъ ни жениться,—ему все равно. Я люблю Гетти совсѣмъ иною любовью, которую можетъ понять только тотъ, кто ее чувствуетъ, да Богъ, Который ее ему далъ. Гетти для меня дороже всего въ мірѣ, кромѣ моей совѣсти и добраго имени. И если правда то, что вы говорите,—если вы волочились за нею безъ дурного намѣренія,—играли въ любовь, какъ вы это называете, и съ вашимъ отъѣздомъ все кончится,—тогда я буду ждать и надѣяться, что ея сердце когда-нибудь откроется для меня. Я не хочу думать, что вы мнѣ солгали; я хочу вѣрить вашему слову, хотя многое и говоритъ противъ васъ.

— Вы оскорбите Гетти гораздо больше, чѣмъ меня, если не повѣрите мнѣ, сказалъ Артуръ почти стремительно, вскакивая съ оттоманки и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ. Но онъ сейчасъ-же опустился на стулъ и прибавилъ ослабѣвшимъ голосомъ:—Вы, кажется, забываете, что подозрѣвая меня, вы бросаете тѣнь на ея доброе имя.

— Нѣтъ, сэръ,-возразилъ Адамъ, почти успокоенный: онъ былъ слишкомъ прямодушенъ, чтобы дѣлать различіе между прямою ложью и утаиваніемъ истины;—нѣтъ сэръ, Гетти и вы—большая разница; къ ней и къ вамъ нельзя прикладывать одну и ту-же мѣрку. Что̀-бы вы тамъ ни имѣли въ виду, вы дѣйствовали съ открытыми глазами; но почемъ вы знаете, что̀ творилось въ ея душѣ? Она еще совсѣмъ ребенокъ, котораго каждый, въ комъ есть хоть капля совѣсти долженъ, считать себя обязаннымъ оберегать. И что-бы вы ни говорили, я знаю, что вы смутили ея душу. Ея сердце отдано вамъ—я это знаю, потому что теперь мнѣ стало ясно многое, чего я раньше не понималъ. Но вамъ, какъ видно, нѣтъ дѣла до ея чувствъ, о ней вы и не думаете...

— Ради самого Бога, Адамъ, оставьте вы меня въ покоѣ! воскликнулъ Артуръ внѣ себя.—Я слишкомъ хорошо чувствую свою вину и безъ вашихъ приставаній.

Онъ спохватился, что сказалъ лишнее, какъ только эти слова сорвались у него съ языка.

— Ну, такъ если вы это *чувствуете*, подхватилъ Адамъ горячо,—если вы чувствуете, что вы могли внушить ей ложныя надежды,—подали ей поводъ думать, что вы ее любите,—то вотъ моя къ вамъ просьба (я прошу объ этомъ не ради себя, а ради нея): я прошу, чтобы прежде, чѣмъ вы уѣдете, вы вывели ее изъ этого заблужденія. Вы уѣзжаете не навсегда, и если, уѣзжая, вы оставите въ ней увѣренность, что вы чувствуете къ ней то-же, что она къ вамъ,—она будетъ томиться, ждать вашего возвращенія, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Вы заставите ее страдать теперь, но это избавитъ ее отъ страданія въ будущемъ. Я прошу, чтобы вы

написали ей. Я доставлю письмо—въ этомъ вы можете на меня положиться. Скажите ей всю правду, принесите повинную,—скажите, что вы были не въ правѣ вести себя такъ, какъ вы себя вели съ молодой женщиной, которая вамъ не ровня. Я говорю рѣзко, сэръ,—я не умѣю говорить иначе, но въ этомъ случаѣ, кромѣ меня, за Гетти некому заступиться.

— Я не намѣренъ давать вамъ никакихъ обѣщаній, сказалъ Артуръ въ отчаяніи, не находя выхода изъ своего положенія и потому все больше и больше сердясь.—Я поступлю такъ, какъ найду нужнымъ,

— Нѣтъ, я не могу на это согласиться, отвѣчалъ Адамъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ.—Я хочу имѣть подъ собой твердую почву. Мнѣ нужна увѣренность, что вы покончили съ тѣмъ, чему никогда-бы не слѣдовало начинаться. Я помню, что вы баринъ, а я—простой рабочій, и никогда не забудусь передъ вами; но въ этомъ дѣлѣ мы съ вами равны: теперь я говорю съ вами, какъ мужчина съ мужчиной, и не могу уступить.

Нѣсколько минутъ Артуръ не отвѣчалъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Ну, хорошо, завтра мы увидимъ. Теперь я не въ силахъ больше говорить,—я боленъ.

Съ этими словами онъ всталъ и взялъ свою шляпу, собираясь идти.

— Вы больше не увидитесь съ ней! воскликнулъ Адамъ съ новымъ приступомъ гнѣва и подозрѣнія, и, шагнувъ къ двери, прислонился къ ней спиной.—Или скажите мнѣ, что она не можетъ быть моей женой,—что вы мнѣ солгали,—или обѣщайте исполнить то, о чемъ я васъ просилъ.

Адамъ, предлагая эту альтернативу, какъ злой рокъ стоялъ передъ Артуромъ, который сдѣлалъ было два шага къ двери и остановился—слабый, дрожащій, разбитый тѣломъ и духомъ. Онъ боролся съ собой. Обоимъ показалось, что прошло очень много времени, прежде чѣмъ онъ выговорилъ, наконецъ, слабымъ голосомъ:

— Я обѣщаю. Пропустите меня.

Адамъ отодвинулся отъ двери и отворилъ ее. Артуръ ступилъ на порогъ, но опять остановился и прислонился къ косяку.

— Вы слишкомъ слабы, сэръ; вы не дойдете одинъ, сказалъ Адамъ.—Возьмите мою руку.

Артуръ не отвѣтилъ и пошелъ по дорожкѣ (Адамъ шелъ за нимъ); но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ опять остановился и сказалъ холодно:

— Кажется, мнѣ придется обезпокоить васъ. Становится поздно, въ домѣ могутъ хватиться меня, и поднимется переполохъ.

Адамъ подалъ ему руку, и они пошли дальше, не говоря

ни слова. Когда они пришли на то мѣсто, гдѣ были брошены инструменты и корзина, Адамъ сказалъ:

— Мнѣ надо подобрать инструменты, сэръ. Это инструменты моего брата; я боюсь, какъ бы они не заржавѣли. Будьте добры подождать минутку.

Артуръ молча остановился, и больше ни слова не было сказано, пока они не подошли къ боковому подъѣзду замка, черезъ который Артуръ надѣялся пройти незамѣченнымъ. Тутъ онъ сказалъ:

— Благодарю васъ, больше мнѣ незачѣмъ васъ безпокоить.

— Въ какой часъ вамъ будетъ удобнѣе принять меня завтра, сэръ? спросилъ Адамъ.

— Приходите въ пять и пришлите доложить о себѣ, отвѣчалъ Артуръ:—въ пять часовъ, не раньше.

— Доброй ночи, сэръ, сказалъ Адамъ, но не услышалъ отвѣта. Артуръ уже вошелъ въ домъ.

ГЛАВА XXIX.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

Нельзя сказать, чтобы Артуръ провелъ безсонную ночь: онъ спалъ долго и хорошо (житейскія передряги не прогоняютъ сна, если только человѣкъ достаточно утомленъ). Но въ семь часовъ онъ позвонилъ и очень удивилъ Пима, объявивъ, что намѣренъ вставать, и чтобъ ему подали завтракъ къ восьми.

— Да прикажите осѣдлать мою кобылу къ половинѣ девятаго и скажите дѣдушкѣ, когда онъ сойдетъ внизъ, что мнѣ сегодня лучше, и что я поѣхалъ прокатиться.

Уже съ часъ какъ онъ проснулся, онъ не могъ вылежать дольше въ постели. Въ постели постыдныя воспоминанія вчерашняго дня гнетутъ вдвое сильнѣй: стоитъ вамъ встать—хотя-бы только затѣмъ, чтобы свистать или курить,—и у васъ уже есть настоящее, которое даетъ прошедшему хоть какой-нибудь отпоръ,—ощущенія данной минуты, сопротивляющіяся тираннической власти воспоминаній. Если бы можно было, такъ сказать, вывести среднюю человѣческихъ ощущеній, то несомнѣнно было-бы доказано, что, напримѣръ такія чувства, какъ сожалѣніе, самообличеніе и оскорбленная гордость, легче переносятся господами помѣщиками въ охотничій сезонъ, нежели поздней весной или лѣтомъ. Артуръ чувствовалъ, что верхомъ на лошади онъ опять станетъ мужчиной. Даже присутствіе Пима и то, что Пимъ прислуживалъ ему съ всегдашней почтительностью, уже поднимало его бодрость послѣ сцены вчерашняго дня, ибо, при чуткости Артура къ чужому мнѣнію, потеря уваженія Адама была жесто-

кимъ ударомъ его самодовольству, и теперь у него было такое чувство, какъ будто онъ упалъ во мнѣніи всѣхъ, его знавшихъ. Такъ дѣйствуетъ на нервную женщину внезапный испугъ: испугавшись дѣйствительной опасности, она потомъ боится ступить лишній шагъ, потому что всѣ ея впечатлѣнія проникнуты ощущеніемъ опасности.

Артуръ, какъ вамъ извѣстно, былъ любящая натура. Дѣлать пріятное окружающимъ было ему такъ-же легко, какъ потакать своимъ привычкамъ: благожелательность была соединеннымъ результатомъ его недостатковъ и достоинствъ, — эгоизма и добродушія. Ему непріятно было видѣть страданіе, и пріятно—чтобы на него обращались благодарные взгляды, какъ на утѣшителя, приносящаго радость. Когда онъ былъ семилѣтнимъ мальчуганомъ, онъ какъ-то разъ толкнулъ ногой и разбилъ горшокъ съ похлебкой, которую старикъ садовникъ приготовилъ себѣ на обѣдъ; онъ сдѣлалъ это просто изъ шалости, не подумавъ, что изъ-за него старикъ останется безъ обѣда, но какъ только этотъ прискорбный фактъ сталъ ему ясенъ, онъ досталъ изъ кармана свой любимый рейсфедеръ и ножичекъ въ серебряной оправѣ и отдалъ садовнику въ видѣ вознагражденія. Такимъ онъ и выросъ: теперь, въ свои двадцать слишкомъ лѣтъ, онъ былъ все тѣмъ-же маленькимъ Артуромъ, расплачивающимся благодѣяніями за нанесенныя имъ обиды, лишь-бы объ этихъ обидахъ согласились забыть. Если въ натурѣ его и было что-нибудь желчное, то эта желчность могла проявляться только по отношенію къ людямъ, не поддававшимся на подкупъ его доброты. И, можетъ быть, теперь настала минута, когда она должна была дать о себѣ знать. Когда Артуръ узналъ, что его отношенія къ Гетти такъ близко касаются счастья Адама, то въ первый моментъ единственными чувствами были искреннее огорченіе и раскаяніе. Если-бъ была какая-нибудь возможность вознаградить Адама,— если-бы подарки, деньги или другія матеріальныя блага могли возвратить Адаму душевное спокойствіе и уваженіе къ нему, Артуру, какъ къ своему благодѣтелю,—онъ не только вознаградилъ-бы его безъ малѣйшаго колебанія, но привязался-бы къ нему еще крѣпче и никогда-бы не уставалъ искупать свою вину передъ нимъ. Но Адамъ не могъ принять вознагражденія; его страданій нельзя было облегчить; его уваженіе и привязанность нельзя было вернуть никакой искупительной жертвой. Онъ стоялъ передъ Артуромъ неподвижной преградой, не поддающейся никакому давленію,—воплощеніемъ того, во что Артуру страшнѣе всего было повѣрить,—непоправимости его собственнаго дурного поступка. Презрительныя слова, еще звучавшія въ его ушахъ, отказъ пожать ему руку, то, что Адамъ взялъ и удержалъ за собой тонъ превосходства въ ихъ послѣднемъ разговорѣ въ Эрмитажѣ, а главное,—сознаніе, что его поколотили,—сознаніе, ко-

торое не легко переноситъ мужчина, хотя-бы даже онъ велъ себя героемъ при такихъ обстоятельствахъ,—все это заставило его страдать жгучимъ страданіемъ, бывшимъ сильнѣе раскаянія. Онъ былъ-бы такъ счастливъ убѣдить себя, что онъ не сдѣлалъ ничего дурного! И если-бы ему не сказали противнаго, онъ съумѣлъ-бы себя убѣдить. Немезида рѣдко выковываетъ свой мечъ изъ того матеріала, который доставляетъ ей наша совѣсть,—изъ тѣхъ страданій, которыя мы испытываемъ оттого, что заставили другого страдать; въ большинствѣ случаевъ этотъ металлъ бываетъ слишкомъ жидокъ. Наше нравственное чутье подражаетъ замашкамъ хорошаго тона и улыбается, когда улыбаются другіе; но стоитъ какому-нибудь неделикатному человѣку назвать нашъ поступокъ его настоящимъ грубымъ именемъ, и это чутье легко ополчается противъ насъ. Такъ было и съ Артуромъ. Осужденіе Адама, жестокія слова Адама поколебали зданіе успокоительныхъ софизмовъ, которое онъ возвелъ, стараясь себя оправдать.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы до открытія, случайно сдѣланнаго Адамомъ, онъ былъ совершенно спокоенъ. Его борьба съ самимъ собой, его безплодныя рѣшенія привели его къ угрызеніямъ и страху за будущее. Онъ былъ въ отчаяніи за Гетти и за себя; онъ искренно горевалъ, что долженъ покинуть ее. Во всей этой исторіи, съ начала и до конца, принимая рѣшенія и измѣняя имъ,—онъ заглядывалъ впередъ дальше своей страсти и понималъ, что она должна окончиться разлукой, и скоро; но у него была слишкомъ привязчивая и пылкая натура, чтобъ онъ могъ не страдать отъ этой разлуки. А за Гетти онъ былъ очень и очень непокоенъ. Радужныя грезы, которыми она себя тѣшила, мечта, которою она жила, давно уже не составляла для него тайны: онъ зналъ, что она надѣется стать знатной леди и ходить въ шелку и въ атласѣ, и когда онъ въ первый разъ заговорилъ съ ней о своемъ отъѣздѣ, она стала трепетно просить его, чтобъ онъ взялъ ее съ собой и женился на ней. И именно потому, что онъ объ этомъ зналъ и самъ этимъ терзался, упреки Адама уязвили его особенно больно. Онъ не сказалъ Гетти ни одного слова, которое имѣло-бы цѣлью ввести ее въ заблужденіе,—ея видѣнія были сотканы ея собственной ребяческой фантазіей; но онъ принужденъ былъ сознаться себѣ, что все таки наполовину они были сотканы изъ его поступковъ. И, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, въ этотъ послѣдній вечеръ онъ не посмѣлъ даже намекнуть ей объ истинѣ; ему пришлось только ее утѣшать: онъ говорилъ ей нѣжныя слова, дышавшія надеждой, потому что побоялся ея бурнаго горя. Онъ живо чувствовалъ весь трагизмъ ихъ взаимнаго положенія; онъ понималъ, какъ должна была страдать бѣдная дѣвочка въ настоящемъ, и съ ужасомъ спрашивалъ себя, что̀ съ нею будетъ, если ея чувство къ нему окажется прочнымъ. Изъ всѣхъ его

мукъ эта была всѣхъ больше: во всемъ остальномъ онъ еще могъ себя успокаивать надеждой на лучшій исходъ.

Любовь ихъ не была открыта. У Пойзеровъ не мелькало и тѣни подозрѣнія. Никто, кромѣ Адама, не зналъ объ ихъ свиданіяхъ, да никто больше, вѣроятно, и не узнаетъ, потому что онъ, Артуръ, постарался внушить Гетти, что если она когда-нибудь словомъ или взглядомъ выдастъ существующую между ними короткость, это можетъ все погубить. Адамъ-же, знавшій ихъ тайну только наполовину, скорѣе поможетъ имъ скрыть ее, но ужъ, разумѣется, никогда ихъ не выдастъ. Конечно, это несчастная исторія,—въ высшей степени непріятная; но зачѣмъ-же ухудшать положеніе преувеличенными, воображаемыми страхами и ожиданіемъ бѣды, которой, можетъ, быть, никогда не случится? Временное огорченіе для Гетти—вотъ худшее послѣдствіе его слабости (Артуръ рѣшительно закрывалъ глаза на всякое дурное послѣдствіе, которое не было безспорно очевиднымъ). Но... но у Гетти могутъ быть въ жизни и другія огорченія, и другія невзгоды, и быть можетъ со временемъ онъ будетъ въ состояніи многое для нея сдѣлать, вознаградить ее за всѣ слезы, которыя она прольетъ изъ за него теперь. Теперешнему своему горю она будетъ обязана преимуществомъ его заботъ о ней въ будущемъ.—Вотъ какъ изъ зла выростаетъ добро! Вотъ какъ прекрасно все устроено на свѣтѣ!

Вы спросите: неужели это тотъ самый Артуръ, который два мѣсяца тому назадъ отличался такою щепетильностью въ вопросахъ чести, что одна мысль о возможности обидѣть человѣка даже словомъ заставляла его содрогаться, нанести-же ближнему своему болѣе существенную обиду онъ считалъ для себя положительно невозможнымъ?—тотъ самый Артуръ, для котораго его совѣсть была верховнымъ судилищемъ, и которому самоуваженіе было дороже мнѣнія окружающихъ?—Тотъ самый, могу васъ увѣрить, только поставленный въ другія условія. Наши поступки создаютъ нашу личность въ той-же мѣрѣ, какъ наше я является творцомъ нашихъ поступковъ, и пока вы не узнаете, какова была или будетъ въ данномъ случаѣ комбинація внѣшнихъ фактовъ и внутреннихъ побужденій, опредѣляющихъ наши дѣйствія въ критическіе моменты нашей жизни, вы поступите благоразумнѣе, не выводя никакихъ заключеній о нравственности человѣка. Наши поступки обладаютъ подавляющей принудительной силой, которая можетъ сначала превратить честнаго человѣка въ обманщика, а потомъ примирить его съ этимъ фактомъ по той простой причинѣ, что всѣ послѣдующія уклоненія съ пути правды и чести будутъ представляться ему, какъ единственный, практически возможный, честный выходъ изъ его положенія. Поступокъ, на который до его совершенія смотрѣли неподкупными глазами здраваго

смысла и неиспорченнаго, свѣжаго чувства, составляющихъ элементы здоровой души,—когда онъ совершенъ, разсматривается сквозь призму софистики самооправданій, имѣющую свойство сглаживать всѣ оттѣнки, такъ-что все, что человѣкъ привыкъ называть дурнымъ или хорошимъ, принимаетъ въ его глазахъ одинаковый цвѣтъ. Люди приспособляются къ совершившимся фактамъ: совершенно такъ-же поступаетъ Европа, пока не наступитъ возмездіе въ видѣ какой-нибудь революціи и не перевернетъ вверхъ дномъ этотъ удобный порядокъ вещей.

Никто не можетъ избѣжать развращающаго вліянія собственныхъ прегрѣшеній противъ чувства справедливости; на Артурѣ-же это вліяніе сказалось тѣмъ, сильнѣе, что въ его натурѣ была сильна потребность самоуваженія, служившая ему лучшей охраной, пока совѣсть его была чиста. Самоосужденіе было для него слишкомъ мучительно, — онъ не могъ смѣло встрѣтить его и принять. Ему нужно было себя убѣдить, что если онъ и виноватъ, то не очень; ему стало даже жалко себя за то, что онъ былъ поставленъ въ необходимость обманывать Адама: ложь была такъ противна его честной натурѣ! Но что-же дѣлать?—въ его положеніи это былъ единственный честный исходъ.

Но какова-бы ни была степень его вины, онъ былъ теперь достаточно несчастливъ. Его терзала мысль о Гетти, терзала мысль о письмѣ, которое онъ обѣщалъ написать и которое представлялось ему то величайшей жестокостью, то величайшимъ благодѣяніемъ, какое онъ могъ ей оказать. Бывали у него и такія минуты, когда вся его борьба, всѣ колебанія исчезали передъ внезапнымъ взрывомъ страсти, передъ страстнымъ желаніемъ бросить вызовъ всѣмъ послѣдствіямъ — послать къ чорту всякія соображенія и разсчеты, и увести Гетти съ собой...

Неудивительно, что въ такомъ состояніи духа онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, что четыре стѣны его комнаты давили его, какъ стѣны тюрьмы: онѣ какъ-будто обрушивали на него все сонмище его противурѣчивыхъ мыслей и враждующихъ чувствъ, не давая имъ выхода; на воздухѣ хоть часть изъ нихъ, можетъ быть, разсѣется. У него оставалось свободныхъ часа два: въ эти два часа онъ долженъ на что-нибудь рѣшиться, — значитъ прежде всего надо успокоиться. Разъ онъ очутится въ сѣдлѣ, на спинѣ своей Мегъ, на чистомъ воздухѣ, да еще въ такое чудное утро, онъ почувствуетъ себя болѣе господиномъ своего положенія.

Красавица лошадка уже стояла у подъѣзда, на солнцѣ, и, выгнувъ свою тонкую темную шею, рыла копытомъ землю. Она задрожала отъ удовольствія, когда хозяинъ сталъ гладить ея морду, похлопалъ ее по спинѣ и заговорилъ съ ней ласково,—ласковѣе обыкновеннаго. Онъ еще больше любилъ

ее за то, что она не знала никакихъ его тайнъ. Но Мегъ умѣла угадывать душевное состояніе своего господина не хуже многихъ другихъ особъ ея пола, безошибочно угадывающихъ душевное состояніе интересныхъ молодыхъ джентльменовъ, отъ которыхъ онѣ съ трепетомъ ожидаютъ признанія.

Артуръ проѣхалъ легкой рысцой миль пять или шесть, пока не добрался до подошвы холма, за которымъ уже не было ни деревьевъ, ни изгородей. Тутъ онъ бросилъ поводья на шею Мегъ и сказалъ себѣ, что теперь онъ подумаетъ и приметъ рѣшеніе.

Гетти знала, что ихъ вчерашнее свиданіе было послѣднимъ передъ его отъѣздомъ, — невозможно было свидѣться еще разъ, не возбудивъ подозрѣній,—и она была вчера какъ перепуганный ребенокъ, не способный размышлять; она могла только плакать, ласкаться къ нему и подставлять ему свое личико для поцѣлуевъ. И ему не оставалось ничего больше, какъ утѣшать ее, осушать поцѣлуями ея слезы и убаюкивать ее въ мечтахъ. Его письмо разбудитъ ее отъ грезъ, но какъ жестоко, какъ грубо разбудитъ!... А съ другой стороны Адамъ былъ тоже правъ, говоря, что лучше разомъ разсѣять ея иллюзіи, которыя могутъ принести ей въ будущемъ больше страданія, чѣмъ та острая боль, какую она испытаетъ теперь. Къ тому-же, это былъ единственный способъ удовлетворить Адама, которому онъ, Артуръ, обязанъ удовлетвореніемъ по многимъ причинамъ... Ахъ, если-бъ они съ Гетти могли увидѣться еще разъ! Но это невозможно, — ихъ раздѣляетъ столько преградъ... малѣйшая неосторожность можетъ ихъ погубить. Да и кромѣ того, если-бъ даже они могли свидѣться, — къ чему это поведетъ? Видъ ея горя и воспоминаніе о немъ принесутъ ему въ будущемъ только лишнія страданія. Вдали отъ него, среди привычной, будничной обстановки, ей будетъ легче справиться съ собой.

Тутъ новый страхъ черной тѣнью запалъ ему въ душу,— страхъ, какъ-бы она не сдѣлала чего-нибудь надъ собой. И вслѣдъ за этимъ страхомъ явился другой, еще больше сгустившій черную тѣнь. Но онъ стряхнулъ ихъ оба силой юности и надежды. Нѣтъ никакихъ основаній рисовать себѣ будущее такими мрачными красками. Конечно, все можетъ случиться, но можетъ и ничего не случиться,—шансы за и противъ равны. Чѣмъ-же онъ заслужилъ, чтобы все складывалось непремѣнно противъ него? Онъ не имѣлъ намѣренія поступить противъ совѣсти,—онъ былъ игрушкой обстоятельствъ. Въ Артурѣ жила какая-то безотчетная увѣренность, что, въ сущности, онъ все-таки такой хорошій малый, что Провидѣніе не можетъ обойтись съ нимъ жестоко.

Во всякомъ случаѣ не въ его власти отвратить будущее; все, что онъ могъ сдѣлать теперь, — это постараться найти наилучшій возможный выходъ изъ настоящаго положенія. И

онъ не замедлилъ себя убѣдить, что такимъ выходомъ будетъ—помочь Адаму жениться на Гетти. Ея сердце, какъ говорилъ Адамъ, могло дѣйствительно со временемъ обратиться къ нему, и тогда, значитъ, все кончится благополучно, такъ какъ Адамъ по прежнему любитъ ее и желаетъ жениться на ней. Конечно, Адамъ былъ обманутъ, — обманутъ въ такомъ смыслѣ, что Артуръ считалъ-бы себя глубоко оскорбленнымъ, если-бъ *его* сдѣлали жертвой такого обмана. Эта мысль до нѣкоторой степени омрачала утѣшительную перспективу, которую онъ себѣ нарисовалъ; у него даже щеки вспыхнули отъ стыда и гнѣва, когда онъ вспомнилъ объ этомъ. Но что могъ онъ сдѣлать въ его положеніи? Честь обязывала его молчать обо всемъ, что́ могло повредить Гетти: прежде всего онъ долженъ былъ щадить *ее*. Ради своей выгоды онъ ни за что-бы не солгалъ — ни словомъ, ни дѣломъ. Боже! Какой онъ былъ жалкій дуракъ, что поставилъ себя въ такое положеніе!.. А между тѣмъ, если кто имѣлъ оправданіе, такъ это онъ. (Какъ жаль, что послѣдствія нашихъ поступковъ опредѣляются самими поступками, а не тѣмъ, что мы можемъ привести въ ихъ оправданіе!).

Какъ-бы то ни было, письмо должно быть написано: это единственное средство разрѣшить затрудненіе. У Артура выступили слезы на глазахъ, когда онъ представилъ себѣ, какъ Гетти будетъ читать это письмо. Но вѣдь и ему будетъ не легко писать такое письмо: рѣшаясь на эту мѣру, онъ выбираетъ то, что для него всего тяжелѣй... Эта послѣдняя мысль помогла ему рѣшиться. Заставить страдать другого, лишь-бы свалить обузу съ собственныхъ плечъ, — нѣтъ, онъ никогда не былъ способенъ на такіе разсчеты. Даже ревность, шевельнувшаяся въ его сердцѣ при мысли о томъ, что онъ уступаетъ Гетти Адаму, способствовала укрѣпленію въ немъ увѣренности, что онъ приноситъ жертву.

Придя къ окончательному рѣшенію, онъ повернулъ Мегъ къ дому и пустилъ ее опять легкой рысцой. Итакъ, прежде всего онъ напишетъ письмо, а остальной день пройдетъ за разными дѣлами, и ему будетъ некогда думать. На его счастье къ обѣду пріѣдутъ Ирвайнъ и Гавэнъ, а завтра въ этотъ часъ онъ будетъ уже за много миль отъ замка. Такимъ образомъ до самаго отъѣзда все его время будетъ разобрано: въ этомъ была тоже нѣкоторая гарантія для него, потому что онъ не могъ поручиться, что его не схватитъ вдругъ неудержимое желаніе броситься къ Гетти и сдѣлать ей какое-нибудь сумасбродное предложеніе, которое опрокинетъ всѣ его благоразумные планы. Быстрѣй и быстрѣй бѣжала чуткая Мегъ, повинуясь малѣйшему движенію поводьевъ въ рукахъ своего ѣздока, и наконецъ, перешла въ крупный галопъ.

— У насъ какъ-будто говорили, что молодой баринъ вчера вечеромъ захворалъ, пробурчалъ старикъ Джонъ, старшій

конюхъ, когда дворня собралась къ обѣду въ людской; а онъ скакалъ сегодня такъ, что я удивляюсь, какъ кобыла не лопнула.

— Можетъ быть, это одинъ изъ симптомовъ его болѣзни, замѣтилъ шутникъ кучеръ.

— Ну, такъ не мѣшало-бы пустить ему кровь, когда такъ, заключилъ Джонъ мрачно,

Поутру Адамъ заходилъ въ замокъ узнать о здоровьѣ Артура и совершенно успокоился насчетъ послѣдствій своего удара, когда ему сказали, что Артуръ уѣхалъ верхомъ. Ровно въ пять часовъ онъ опять былъ тамъ и послалъ доложить о себѣ. Черезъ пять минутъ явился Пимъ съ письмомъ, которое онъ отдалъ Адаму, объяснивъ, что капитанъ занятъ и принять его не можетъ, а что въ письмѣ изложено все, что ему хотѣли сказать. Письмо было адресовано Адаму, но онъ сперва вышелъ на улицу и уже тамъ вскрылъ конвертъ. Въ немъ оказалось другое, запечатанное письмо на имя Гетти. На внутренней сторонѣ перваго конверта Адамъ прочелъ:

„Въ прилагаемомъ письмѣ я сказалъ все, какъ вы того желали. Предоставляю вамъ рѣшить, какъ поступить съ этимъ письмомъ—передать-ли его Гетти, или возвратить мнѣ. Спросите себя еще разъ, не причинитъ-ли ей такая крутая мѣра слишкомъ много страданій,—больше, чѣмъ простое молчаніе.

„Намъ съ вами незачѣмъ видѣться теперь; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы встрѣтимся съ болѣе добрымъ чувствомъ.

А. Д.“

„Пожалуй, что онъ и правъ, не желая видѣть меня“, подумалъ Адамъ.—Зачѣмъ намъ встрѣчаться? Чтобы наговорить другъ другу жесткихъ словъ?—Ихъ и такъ было уже сказано довольно. А пожать другъ другу руку и сказать, что мы опять друзья, было-бы ложью. Мы не друзья, и лучше намъ не притворяться. Я знаю, человѣкъ долженъ прощать врагамъ; но мнѣ кажется, это сказано только въ томъ смыслѣ, что мы должны заставить себя отказаться отъ всякой мысли о мщеніи; это не можетъ значить, что мы должны относиться къ врагу съ прежними чувствами, потому что это невозможно. Онъ для меня уже не тотъ человѣкъ, и я не могу питать къ нему прежнихъ чувствъ. Да, кажется, я и ни къ кому на свѣтѣ не чувствую теперь ничего—да проститъ мнѣ Богъ такія слова! У меня такое чувство, точно я вымѣрилъ свою работу невѣрнымъ аршиномъ, и надо мѣрить все сначала“.

Но вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли передавать Гетти письмо, вскорѣ поглотилъ всѣ помыслы Адама. Артуръ доставилъ себѣ нѣкоторое облегченіе, сваливъ на него рѣшеніе этого вопроса, и Адамъ, вообще не склонный къ колебанію, теперь колебался. Онъ сказалъ себѣ, что сперва прозондируетъ почву,—удостовѣрится по мѣрѣ возможности, каково будетъ душевное состояніе Гетти, и тогда уже рѣшитъ, отдать-ли ей письмо.

ГЛАВА XXX.

АДАМЪ ПЕРЕДАЕТЪ ПИСЬМО.

Въ ближайшее воскресенье Адамъ, какъ только кончилась вечерня, подошелъ къ Пойзерамъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними, въ надеждѣ, что его пригласятъ зайти. Письмо лежало у него въ карманѣ, и онъ выжидалъ случая поговорить съ Гетти наединѣ. Въ церкви онъ не могъ видѣть ея лица, потому что она сидѣла теперь на другомъ мѣстѣ, а когда онъ подошелъ къ ней поздороваться, онъ замѣтилъ въ ея обращеніи съ нимъ какую-то нерѣшительность и принужденность. Онъ этого ожидалъ, такъ какъ это была ихъ первая встрѣча съ того дня, когда онъ нечаянно подсмотрѣлъ ея свиданіе съ Артуромъ.

— Пойдемте къ намъ, Адамъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ, когда они дошли до перекрестка, и какъ только они всѣ вмѣстѣ вышли въ поле, Адамъ предложилъ Гетти взять его подъ руку. Дѣти вскорѣ убѣжали впередъ, и на нѣсколько минутъ они остались одни. Тогда Адамъ сказалъ:

— Гетти, если вечеромъ не будетъ дождя, постарайтесь устроить, чтобъ мы съ вами могли пройтись немного по саду. Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что.

Гетти отвѣтила: „Хорошо". Ей не меньше Адама хотѣлось поговорить съ нимъ наединѣ; ее очень безпокоило, что̀ онъ подумалъ о ней и объ Артурѣ. Онъ видѣлъ, какъ они цѣловались—въ этомъ она была увѣрена; но она не подозрѣвала, какая сцена разыгралась потомъ между нимъ и Артуромъ. Первой ея мыслью было, что Адамъ страшно на нее разсердился и, пожалуй, разскажетъ обо всемъ ея дядѣ и теткѣ; но ей и въ голову не приходило, что онъ посмѣетъ что-нибудь сказать капитану Доннитерну. Ее очень успокоило то, что онъ былъ съ нею сегодня такъ ласковъ и выразилъ желаніе переговорить съ ней безъ свидѣтелей, потому что когда она услышала, что онъ идетъ къ нимъ, она поблѣднѣла отъ страха, въ полной увѣренности, что онъ намѣренъ „все разсказать дома". Но вотъ оказывается, что онъ желаетъ говорить съ ней одной,—значитъ теперь она узнаетъ, что̀ онъ тогда подумалъ, и что намѣренъ предпринять. У нея была какая-то увѣренность, что она съумѣетъ уговорить его не дѣлать ничего такого, что было-бы ей непріятно; можетъ быть, ей даже удастся увѣрить его, что она равнодушна къ Артуру; а пока Адамъ надѣется, что она еще можетъ когда-нибудь полюбить его самого, онъ сдѣлаетъ все, чего она захочетъ,—она это знала. Да и кромѣ того, ей необходимо дѣлать видъ, что она поощряетъ его надежды, а не то дядя и тетка разсердятся и станутъ подозрѣвать, что у нея есть тайный возлюбленный.

Глупенькая головка Гетти усердно работала надъ этими комбинаціями, пока она шла, опираясь на руку Адама, и отвѣчала „да“ или „нѣтъ“ на его мимолетныя замѣчанія о томъ, что птицамъ будетъ раздолье этой зимой, потому что будетъ много сѣмянъ боярышника, и о томъ, что все небо заволокло тучами, и едва ли погода простоитъ до утра. А когда къ нимъ подошли ея дядя и тетка, она могла размышлять уже безъ всякой помѣхи, ибо мистеръ Пойзеръ держался того мнѣнія, что хотя молодому человѣку естественно должно быть пріятно вести подъ руку женщину, за которой онъ ухаживаетъ, это не мѣшаетъ ему находить удовольствіе въ пріятельской бесѣдѣ о серьезныхъ дѣлахъ; самому-же мистеру Пойзеру было любопытно послушать свѣжія новости о Домовой Фермѣ. Такимъ образомъ, на всю остальную дорогу онъ присвоилъ себѣ привилегію разговора съ Адамомъ, и Гетти, поспѣшно подвигаясь къ дому подъ руку съ честнымъ Адамомъ, и придумывая діалоги и сцены, въ которыхъ она такъ ловко его обойдетъ, строила свои маленькія козни съ такимъ-же удобствомъ, какъ если бы она была изящной франтихой-кокеткой и сидѣла одна въ своемъ будуарѣ. Ибо если только у деревенской красавицы въ неуклюжихъ башмакахъ достаточно сердечной пустоты, то поразительно, до чего она приближается въ своемъ способѣ мышленія къ великосвѣтской дамѣ въ кринолинѣ, изощряющей свои утонченныя мыслительныя способности надъ сложной задачей разрѣшенія себѣ маленькихъ грѣшковъ безъ ущерба для своей репутаціи. И едва ли это сходство теряло оттого, что Гетти, придумывая свои ухищренія, чувствовала себя въ то-же время очень несчастной. Разлука съ Артуромъ заставляла ее страдать вдвойнѣ: къ ея бурному горю, тоскѣ и чувству неудовлетвореннаго тщеславія примѣшивался еще и неопредѣленный, смутный страхъ, что будущее могло сложиться совсѣмъ не такъ, какъ она мечтала. Слова Артура, которыя онъ сказалъ въ послѣднее ихъ свиданіе, утѣшая ее, свѣтили ей надеждой, и она цѣплялась за нее изъ всѣхъ силъ. „На Рождество я опять пріѣду“, сказалъ онъ,—и тогда мы увидимъ, что́ можно будетъ сдѣлать“. Онъ такъ ее любитъ, что не можетъ быть счастливъ безъ нея,—Гетти не могла еще разстаться съ этой увѣренностью. Она по прежнему съ восторгомъ лелѣяла свою тайну. „Меня любитъ знатный баринъ“ повторяла она себѣ съ чувствомъ удовлетворенной гордости, видя въ этомъ свое превосходство надъ всѣми дѣвушками, которыхъ она знала. Но неизвѣстность будущаго,—вѣроятности, которыя она не умѣла облечь въ опредѣленную форму,—уже начинали давить ее невидимымъ гнетомъ: она была одна на своемъ волшебномъ островѣ грезъ, а кругомъ была неизвѣданная тьма океана, въ которой скрылся Артуръ. Она уже не могла почерпнуть мужества, заглядывая впередъ, мечтая о будущемъ, а только огляды-

ваясь назадъ и стараясь укрѣпить свою вѣру воспоминаніемъ о прежнихъ словахъ и ласкахъ. Но въ послѣдніе дни, съ вечера четверга, ея смутныя опасенія за будущее поблѣднѣли передъ болѣе опредѣленнымъ страхомъ, что Адамъ можетъ выдать ея тайну ея дядѣ и теткѣ, и неожиданная его просьба доставить ему случай переговорить съ ней наединѣ, задала новую работу ея мыслямъ. Весь вечеръ она выискивала случая остаться съ нимъ вдвоемъ; наконецъ, послѣ чаю, когда мальчики собрались идти въ садъ, а Тотти стала проситься съ ними, она сказала съ готовностью, удивившей мистрисъ Пойзеръ:

— Тетя *я* съ ней пойду.

Никому не показалось страннымъ, когда Адамъ сказалъ, что и онъ тоже пойдетъ въ садъ, и вскорѣ они съ Гетти остались одни на дорожкѣ, у кустовъ орѣшника: мальчики рвали въ самомъ концѣ дорожки неспѣлые орѣхи, собираясь играть въ четъ и нечетъ, а Тотти смотрѣла на нихъ съ созерцательнымъ видомъ маленькаго щенка. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ съ того дня—Адаму казалось, что это было вчера,—когда онъ упивался сладкими надеждами, стоя подлѣ Гетти въ этомъ самомъ саду. Послѣ того несчастнаго вечера въ рощѣ воспоминаніе объ этой сценѣ часто возвращалось къ нему: солнечный свѣтъ, пробивающійся сквозь вѣтки высокой яблони... красныя гроздья смородины... и Гетти, вспыхивающая прелестнымъ румянцемъ. Сегодня, въ этотъ печальный вечеръ, съ его низко нависшими тучами, это воспоминаніе явилось совершенно некстати, и Адамъ постарался его отогнать, боясь, какъ-бы, подъ вліяніемъ волненія, не сказать больше, чѣмъ было необходимо для блага самой Гетти.

— Гетти, началъ онъ,—послѣ того, что я видѣлъ въ четвергъ вечеромъ, надѣюсь, вы не подумаете, что я беру на себя слишкомъ много, когда услышите то, что я хочу вамъ сказать. Если-бы за вами ухаживалъ человѣкъ, который желалъ-бы жениться на васъ, и я-бы зналъ, что вы его любите и принимаете его любовь,—я не позволилъ-бы себѣ ни одного слова вмѣшательства; но когда я вижу, что за вами волочится баринъ, который никогда на васъ не женится и даже не помышляетъ объ этомъ, я считаю себя обязаннымъ вмѣшаться ради васъ-же самой. Я не могу говорить объ этомъ съ тѣми, кто заступаетъ вамъ мѣсто родителей, потому что это повело-бы только къ непріятностямъ и принесло-бы вамъ лишнее горе.

Слова Адама сняли большую тяжесть съ души Гетти, избавивъ ее отъ одного изъ ея опасеній, но въ то-же время въ нихъ былъ зловѣщій смыслъ, усилившій ея дурныя предчувствія и причинившій ей жестокую боль. Она поблѣднѣла и дрожала; но все-таки она разсердилась на Адама, и непремѣнно вступила-бы съ нимъ въ споръ, если-бы не боялась выдать себя. И она промолчала.

— Вы такъ еще молоды, Гетти!—продолжалъ Адамъ почти нѣжно;—вы не можете знать, какія вещи творятся на свѣтѣ. Я обязанъ сдѣлать все, что въ моей власти, чтобы спасти васъ отъ бѣды, которую вы можете навлечь на себя по невѣдѣнію. Если другіе узнаютъ о васъ то, что̀ знаю я,—что вы ходили на свиданія къ барину и принимали отъ него дорогіе подарки,—о васъ пойдетъ худая слава, и вы потеряете свое доброе имя. Ужъ я не говорю о томъ, что вы будете страдать отъ сознанія, что отдали свою любовь человѣку, который не можетъ жениться на васъ и принять на себя заботу о васъ до самой вашей смерти.

Адамъ замолчалъ и взглянулъ на Гетти. Она срывала листья съ орѣшника и рвала ихъ на мелкіе кусочки. Всѣ ея маленькіе планы обольщенія Адама, всѣ приготовленныя фразы покинули ее, какъ плохо затверженный урокъ, въ ея глубокомъ волненіи, вызванномъ словами Адама. Въ спокойной увѣренности этихъ словъ была какая-то жестокая сила, грозившая сокрушить ея хрупкія мечты и надежды. Ей страстно хотѣлось дать отпоръ этой силѣ, отразить жестокія слова другими, гнѣвными словами, но желаніе скрыть свои чувства все еще удерживало ее. Теперь это былъ только слѣпой инстинктъ самозащиты, потому-что она была уже неспособна разсчитывать дѣйствіе своихъ словъ.

— Вы не имѣете права говорить, что я его люблю, вымолвила она тихо, но запальчиво, сорвавъ новый, большой и жесткій, листъ и разрывая его. Она была очень хороша въ своемъ волненіи,—блѣдная, съ темными, расширенными дѣтскими глазами и учащеннымъ дыханіемъ. Адамъ смотрѣлъ на нее, и сердце его рвалось къ ней.

Ахъ, если-бъ онъ могъ утѣшить ее, облегчить, избавить отъ страданія! Если-бъ онъ могъ придти на помощь ея возмущенной душѣ съ такою-же увѣренностью въ своей силѣ, какъ онъ вынесъ-бы ея тѣло на своихъ сильныхъ рукахъ изъ всякой опасности!

— Я думаю, Гетти, что это должно быть такъ, сказалъ онъ нѣжно, потому что я не могу повѣрить, чтобъ вы позволили мужчинѣ цѣловать васъ, и приняли-бы отъ него золотой медальонъ съ его волосами, и ходили-бы къ нему на свиданія, если-бы не любили его. Я васъ не осуждаю, потому что я знаю, что это началось незамѣтно, а потомъ вы были уже не въ силахъ справиться съ собой. Вся вина падаетъ на него: *его* я осуждаю за то, что онъ укралъ вашу любовь, зная, что онъ никогда не заплатитъ за эту любовь честнымъ образомъ. Онъ развлекался отъ нечего дѣлать, онъ игралъ вами, а до вашихъ чувствъ ему не было дѣла,—онъ даже не думалъ о васъ.

— Неправда, онъ думаетъ обо мнѣ, мнѣ это лучше знать! разразилась, наконецъ, Гетти. Все было забыто, кромѣ обиды и гнѣва, который подняли въ ней эти слова.

— Нѣтъ, Гетти, сказалъ Адамъ:—если-бъ онъ любилъ васъ какъ слѣдуетъ, онъ не велъ-бы себя такъ, какъ онъ велъ. Онъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ не придавалъ никакого значенія своимъ поцѣлуямъ и подаркамъ; онъ даже старался увѣрить меня, что и вы смотрите на это такъ-же легко. Но я ему не вѣрю. Я думаю—не могу я думать иначе,—что вы вѣрили въ его любовь; вы вѣрили, что онъ любитъ васъ такъ крѣпко, что женится на васъ, хоть онъ и баринъ. Вотъ почему я и рѣшился поговорить объ этомъ съ вами, Гетти: я боюсь, что вы заблуждаетесь на его счетъ. Ему ни на минуту не приходило въ голову жениться на васъ.

— Почемъ вы знаете? Какъ вы смѣете это говорить! сказала Гетти, останавливаясь и вся дрожа.

Жестокая увѣренность тона Адама оледенила ее страхомъ, Этотъ страхъ не оставлялъ въ ней мѣста для соображенія, что Артуръ могъ имѣть свои причины не говорить правды Адаму. Ея слова, ея растерянный видъ заставили Адама рѣшиться. „Необходимо отдать ей письмо“, сказалъ онъ себѣ.

— Вы мнѣ не вѣрите, Гетти, и я васъ понимаю: вы думаете о немъ лучше, чѣмъ онъ того стоитъ,—вы думаете, что онъ серьезно любитъ васъ. Такъ знайте-же: у меня въ карманѣ лежитъ собственноручное его письмо, которое онъ поручилъ мнѣ передать вамъ. Я его не читалъ, но онъ сказалъ мнѣ, что написалъ вамъ всю правду. Но, Гетти, прежде чѣмъ я отдамъ вамъ это письмо, соберитесь съ духомъ, возьмите себя въ руки и не поддавайтесь слишкомъ горю, которое оно вамъ принесетъ. Повѣрьте, если-бъ онъ захотѣлъ жениться на васъ, если-бъ онъ рѣшился на такой безумный шагъ, изъ этого въ концѣ концовъ не вышло-бы ничего хорошаго,—это не принесло-бы вамъ счастья.

Гетти ничего не сказала; у нея явился проблескъ надежды, когда Адамъ упомянулъ о письмѣ и прибавилъ, что онъ его не читалъ: навѣрное тамъ сказано совсѣмъ не то, что̀ онъ думаетъ.

Адамъ досталъ письмо, но удержалъ его въ рукѣ и сказалъ тономъ нѣжной мольбы:

— Не сердитесь на меня, Гетти, за то, что мнѣ пришлось быть орудіемъ въ рукахъ того, кто доставляетъ вамъ это горе Богъ мнѣ свидѣтель, что я съ радостью выстрадалъ-бы вдесятеро больше, лишь-бы избавить васъ отъ страданій... И вспомните: кромѣ меня никто ничего не знаетъ, а я буду оберегать васъ, какъ братъ. Вы для меня все та-же, потому что я не вѣрю, чтобы вы могли сдѣлать дурное сознательно.

Гетти протянула руку къ письму, но Адамъ не выпустилъ его, пока не договорилъ до конца. Она не обратила вниманія на его слова,—она его не слушала. Когда онъ выпустилъ письмо, она сунула его въ кармаиъ, не распечатывая, и пошла

впередъ скорымъ шагомъ, какъ-будто съ тѣмъ, чтобы вернуться домой.

— Это лучше, что вы не стали читать его теперь, сказалъ Адамъ. — Прочтите, когда останетесь однѣ... Но подождите входить,—позовемъ сперва дѣтей. Вонъ какая вы блѣдная, и видъ у васъ такой нехорошій... ваша тетка можетъ замѣтить.

Гетти послушалась. Это предостереженіе напомнило ей о необходимости призвать къ себѣ на помощь всю силу притворства, какою надѣлила ее природа, и которая почти покинула ее, парализованная потрясающимъ дѣйствіемъ словъ Адама. Къ тому-же у нея въ карманѣ лежало письмо, и что́-бы тамъ ни говорилъ Адамъ, она была увѣрена, что это письмо утѣшитъ ее. Она побѣжала за Тотти и скоро воротилась, оправившаяся и съ порозовѣвшими щеками, таща за собой дѣвочку. У Тотти было разобиженное лицо, потому что ее заставили бросить сырое яблоко, въ которое она было уже запустила свои бѣленькіе зубки.

— Гопъ, Тотти, садись ко мнѣ на плечо, сказалъ ей Адамъ. — Ухъ, высоко, высоко... до дерева достанешь. Я тебя прокачу.

Какой ребенокъ не утѣшится такой великолѣпной перспективой? Что можетъ быть пріятнѣе восхитительнаго ощущенія, когда тебя подхватятъ сильныя руки и поднимутъ на воздухъ? Я думаю, Ганимедъ не кричалъ, когда его схватилъ орелъ и понесъ, и, можетъ быть, въ концѣ-концовъ посадилъ на плечи къ Юпитеру... Тотти благосклонно улыбалась со своей неприступной высоты, и едва-ли можно было придумать лучшее зрѣлище для материнскихъ глазъ мистрисъ Пойзеръ, стоявшей въ дверяхъ, чѣмъ когда она увидѣла Адама, подходившаго со своей маленькой ношей. Горячая материнская любовь смягчила острый взглядъ ея глазъ, пока она смотрѣла на нихъ.

— Ахъ, ты моя милая кошечка, храни тебя Господь! сказала она, подхватывая дѣвочку, которая наклонилась впередъ и протянула къ ней руки. Въ эту минуту у нея не было глазъ ни для кого, кромѣ Тотти, и она сказала Гетти, не глядя на нее: — Гетти, пойди нацѣди пива: обѣ работницы заняты въ молочной.

Когда пиво было нацѣжено, и трубка дяди раскурена, надо было идти укладывать Тотти; а потомъ пришлось опять принести ее внизъ, уже въ одной рубашкѣ, потому что она не засыпала и плакала. А тамъ пора было накрывать на столъ къ ужину, и Гетти должна была все время помогать. Адамъ просидѣлъ до конца вечера, т. е. до того часа, когда по правиламъ мистрисъ Пойзеръ гостямъ полагалось уходить. Весь вечеръ онъ старался занимать разговорами ее и ея мужа, гобы Гетти чувствовала себя свободнѣе, Онъ медлилъ до

послѣдней возможности, потому что ему хотѣлось убѣдиться своими глазами, что этотъ вечеръ сошелъ для нея благополучно, и онъ былъ въ восторгѣ, когда увидѣлъ, какъ много у нея самообладанія. Онъ зналъ, что она не могла успѣть прочесть письмо, но онъ не зналъ, что ее подбодряла надежда, что это письмо опровергнетъ каждое его слово. Ему было очень тяжело ее оставлять,—тяжело думать, что въ теченіе многихъ дней онъ не будетъ знать, какъ она переноситъ свое горе. Но уходить было все-таки надо, и все, что онъ могъ сдѣлать, это — нѣжно пожать ей руку, прощаясь. Онъ хотѣлъ ей сказать этимъ пожатіемъ, что любовь его остается неизмѣнной, и что она всегда найдетъ въ ней вѣрное прибѣжище, если захочетъ ее взять, И онъ надѣялся, что она его пойметъ.

Какъ старательно, по дорогѣ домой, придумывалъ онъ оправданія для ея легкомыслія! Какъ онъ жалѣлъ ее, приписывая всѣ ея слабости ея любящей, нѣжной натурѣ, во всемъ обвиняя Артура и все меньше и меньше допуская, что и его поведеніе могло имѣть оправданіе. Его отчаяніе при мысли о страданіяхъ Гетти (а также и о томъ, что, можетъ быть, она навѣки потеряна для него) дѣлало его глухимъ ко всѣмъ доводамъ въ пользу вѣроломнаго друга, который навлекъ на него это зло. Адамъ былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ, съ честной, справедливой душой, — хорошій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ; но, я думаю, самъ Аристидъ — если онъ когда-нибудь любилъ и ревновалъ,—не былъ вполнѣ великодушенъ въ такіе моменты. И я не рѣшусь утверждать, что въ эти, тягостные для него, дни Адамъ не испытывалъ ничего, кромѣ справедливаго негодованія и всепрощающей жалости. Онъ жестоко ревновалъ, и по мѣрѣ того, какъ любовь дѣлала его все болѣе и болѣе снисходительнымъ въ его оцѣнкѣ поведенія Гетти, вся горечь его ревности выливалась въ его чувствахъ къ Артуру.

„Немудрено, что онъ вскружилъ ей голову, думалъ Адамъ.— Джентльменъ, съ хорошими манерами, въ щегольскомъ платьѣ, съ бѣлыми руками, и съ этой манерой говоритъ, какъ умѣютъ говорить только баре, — начинаетъ ухаживать за ней, подъѣзжаетъ къ ней съ комплиментами, смѣло, увѣренно, какъ никогда-бы не посмѣлъ этого сдѣлать ея ровня... Какъ тутъ устоять?.. Будетъ положительно чудомъ, если послѣ этого она когда-нибудь полюбитъ простого человѣка“. Онъ невольно вынулъ руки изъ кармановъ и посмотрѣлъ на нихъ, на эти жесткія ладони и крѣпкіе короткіе ногти. „Вонъ какой я мужланъ! Если хорошенько подумать, такъ нѣтъ во мнѣ ровнешенько ничего, за что женщина могла-бы меня полюбить. А между тѣмъ я знаю, что я легко нашелъ-бы жену, если-бы все мое сердце не было отдано *ей*. Но не все-ли равно, какимъ находятъ меня другія женщины, если *она* не любитъ

меня? А она могла-бы меня полюбить, — я въ здѣшнихъ мѣстахъ не знаю никого, кто былъ-бы мнѣ страшенъ, какъ соперникъ,—могла-бы, если-бъ *онъ* не всталъ между нами. А теперь, пожалуй, я стану ей ненавистенъ за то, что я такъ непохожъ на него.!. Но, можетъ быть, — какъ знать? — можетъ быть, она еще разлюбитъ его, когда убѣдится, что онъ не любитъ ее серьезно,—и полюбитъ меня? Можетъ быть, со временемъ она оцѣнитъ человѣка, который былъ-бы счастливъ связать себя съ ней на всю жизнь. Но что-бы тамъ ни вышло въ будущемъ,—придется покориться: я долженъ благодарить Бога уже и за то, что не случилось хуже. Я буду не первый и не единственный изъ людей, прожившихъ свой вѣкъ безъ счастья. Мало-ли дѣлается на свѣтѣ хорошаго дѣла съ невеселыми думами и тоской на сердцѣ! На все воля Божья — этого довольно для насъ. Богъ лучше знаетъ, что́ намъ нужно, и человѣкъ не будетъ умнѣе Его, сколько-бы онъ не ломалъ голову, стараясь придумать, что́ для насъ лучше. Но у меня, пожалуй, отпала-бы всякая охота къ труду, если-бъ я увидѣлъ ее въ горѣ, покрытую стыдомъ, да еще изъ-за человѣка, о которомъ я всегда думалъ съ гордостью. Разъ я избавленъ отъ этого, я не въ правѣ роптать: когда у человѣка кости цѣлы, онъ можетъ вытерпѣть боль отъ порѣза".

На этомъ мѣстѣ своихъ размышленій Адамъ, перелѣзая черезъ плетень, увидѣлъ человѣка, который шелъ полемъ, впереди. Онъ догадался, что это Сетъ возвращается съ вечерней проповѣди, и прибавилъ шагу, чтобы нагнать его.

— Я думалъ, ты будешь дома раньше меня, сказалъ онъ, когда Сетъ обернулся и остановился, поджидая его;—я сегодня запоздалъ.

— Я то же запоздалъ—послѣ проповѣди разговорился съ Джономъ Барнсомъ. Барнсъ недавно заявилъ намъ, что́ на него сошла благодать, и мнѣ хотѣлось разспросить его, что́ онъ чувствуетъ. Это одинъ изъ такихъ вопросовъ, что непремѣнно увлечешься и позабудешь о времени.

Минуты двѣ или три они прошли въ молчаніи. Адамъ былъ не расположенъ вдаваться въ тонкости религіозныхъ вопросовъ, но его тянуло поговорить съ Сетомъ по душѣ, сказать ему и услышать отъ него теплое слово братской любви и довѣрія. На него рѣдко находили такія минуты, хоть братья и очень любили другъ друга. Они почти никогда не говорили между собой о своихъ личныхъ дѣлахъ, да и объ общихъ, семейныхъ невзгодахъ говорили больше вскользь, намеками. Адамъ былъ отъ природы сдержанъ во всемъ, гдѣ было замѣшано чувство, а Сетъ немного робѣлъ передъ своимъ, болѣе практичнымъ, братомъ.

— Сетъ, сказалъ Адамъ, положивъ руку ему на плечо, — имѣешь ты какія-нибудь вѣсти о Динѣ Моррисъ?

— Да, отвѣчалъ Сетъ. — Она позволила мнѣ писать ей

иногда о томъ, какъ намъ живется, и какъ мама переноситъ свое горе. И вотъ двѣ недѣли тому назадъ я ей писалъ,— разсказалъ про тебя, что ты получилъ новую должность,— написалъ, что мама стала теперь поспокойнѣе; а въ прошлую среду я заходилъ на почту въ Тредльстонѣ и засталъ тамъ письмо отъ нея. Я подумалъ тогда, что, можетъ быть, тебѣ было-бы интересно прочесть его, но ничего тебѣ не сказалъ, потому что мнѣ казалось, что ты занятъ другимъ. Хочешь— прочти; ея почеркъ легко разбирать: она удивительно хорошо пишетъ для женщины.

Сетъ вынулъ письмо изъ кармана и протянулъ Адаму. Адамъ взялъ его и сказалъ:

— Ахъ, братъ, мнѣ очень тяжело живется это время. Ты на меня не сердись, что я такой молчаливый и бываю иной разъ не въ духѣ; это не значитъ, что я сталъ равнодушенъ къ тебѣ. Я знаю. мы съ тобой до конца будемъ близки.

— Я, Адамъ, никогда не сержусь на тебя. Это правда. ты бываешь иногда рѣзокъ со мной, но я отлично знаю, какъ это надо понимать.

— Вонъ мама отворяетъ дверь—выглядываетъ, не идемъ-ли мы, сказалъ Адамъ.—Въ окнахъ нѣтъ свѣта: это она опять сидѣла въ темнотѣ по своему обыкновенію... А, Джипъ! Здравствуй, братъ, здравствуй! Ты мнѣ, радъ?—ну да, я знаю.

Лизбета уже скрылась въ домѣ и засвѣтила свѣчу; она услыхала знакомые шаги по травѣ еще раньше, чѣмъ Джипъ залаялъ.

— Охъ, мальчики, никогда еще, съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ живу, время не тянулось такъ долго. Гдѣ это вы пропадали?

— Ты напрасно сидишь впотьмахъ, мама, сказалъ ей Адамъ:— въ темнотѣ время всегда дольше тянется.

— Ну, вотъ, съ какой стати я стану жечь свѣчу въ воскресенье, когда весь домъ остается пустой, а работать грѣшно. Смотрѣть въ книгу, которую все равно не можешь прочесть,— на это мнѣ и дня хватитъ. Хорошій способъ сокращать время, нечего сказать,—даромъ жечь свѣтъ—добро изводить!.. Ужинать будете? Въ такой часъ ночи вы, надо полагать, или поужинали, или хотите ѣсть, какъ волки.

— Я голоденъ, мама,—сказалъ Сетъ, присаживаясь къ маленькому столику, который Лизбета накрыла къ ужину еще засвѣтло.

— А я поужиналъ, сказалъ Адамъ.—На тебѣ, Джипъ!

Онъ взялъ со стола холоднаго картофелю и протянулъ собакѣ, поглаживая другой рукой ея приподнятую къ нему, лохматую сѣрую голову.

— Собакѣ не давай, сказала Лизбета, я хорошо ее накормила. Не бойся, я о ней никогда не забуду. Да и мудрено за быть: вѣдь это все, что мнѣ отъ тебя остается, когда ты уходишь.

— Ну, такъ пойдемъ. Джипъ, сказалъ Адамъ,—пойдемъ спать!—Покойной ночи, мама, я очень усталъ.

— Что съ нимъ такое—ты не знаешь? спросила Лизбета младшаго сына, когда Адамъ ушелъ наверхъ.—Что его сокрушаетъ? Послѣдніе два, три дня его точно громомъ пришибло,—ходитъ какъ въ воду опущенный. Сегодня поутру, когда ты ушелъ, я вошла въ мастерскую и застала, что онъ сидитъ и ничего не дѣлаетъ, даже книги нѣтъ передъ нимъ.

— Много онъ работаетъ это время, сказалъ Сетъ,—да, кажется, и на душѣ у него неспокойно. Ты не обращай на него вниманія, мама: ему это непріятно. Надо быть съ нимъ поласковѣе и стараться не досаждать ему.

— Кто-же ему досаждаетъ? И когда я была съ нимъ неласкова?... Испеку ему завтра пирогъ къ завтраку.

Тѣмъ временемъ Адамъ читалъ письмо Дины при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи.

„Дорогой братъ Сетъ! Ваше письмо три дня пролежало на почтѣ, потому что у меня не было денегъ, чтобъ оплатить его пересылку. Въ нашихъ мѣстахъ шли страшные ливни,—можно было подумать, что опять разверзлись хляби небесныя,—и теперь у насъ здѣсь большая нужда и болѣзни, и откладывать деньги въ такое тяжелое время, когда кругомъ столько народу нуждается вь хлѣбѣ иасущномъ, значило-бы грѣшить отсутствіемъ вѣры, какъ евреи въ пустынѣ, когда они собирали про запасъ манну небесную. Я говорю объ этомъ нарочно, чтобы вы не подумали, что мнѣ не хотѣлось писать вамъ, или что я мало сочувствую вашей радости по поводу благъ земныхъ, выпавшихъ на долю вашего брата Адама. Ваша любовь и уваженіе къ нему совершенно понятны, ибо Господь щедро одѣлилъ его своими дарами, и онъ ими пользуется, какъ патріархъ Іосифъ, который, даже будучи вознесенъ на вершину могущества, не переставалъ болѣть душой о своемъ отцѣ и меньшомъ братѣ.

„Сердце мое крѣпко прилѣпилось къ вашей матери съ того дня, когда мнѣ было дано утѣшить ее въ годину ея испытанія. Напомните ей обо мнѣ, скажите, что я часто о ней думаю, когда сижу одна въ сумеркахъ, возвратившись съ работы. Такъ мы сидѣли съ ней въ тотъ вечеръ; я держала ее за руки и говорила ей слова утѣшенія, которыя мнѣ были даны. Не правда-ли, Сетъ, какое это хорошее время, когда свѣтъ дня погасаетъ, и въ тѣлѣ чувствуется легкая усталость, послѣ дневного труда? Тогда внутренній свѣтъ сіяетъ ярче, и душу наполняетъ сознаніе могущества Божія. Я обыкновенно сажусь въ темной комнаткѣ, закрываю глаза, и мнѣ кажется, что моя душа отдѣлилась отъ тѣла, и ничего ей не нужно. Въ такія минуты я покорно несу всѣ тяготы, всю скорбь, слѣпоту и грѣхъ, которые вижу кругомъ и надъ которыми мнѣ часто хочется плакать,—да, всѣ страданія сыновъ

человѣческихъ, которые подчасъ застилаютъ мнѣ свѣтъ, охватываютъ всю меня, какъ черная ночь,—въ такія минуты я несу ихъ на себѣ съ кроткимъ смиреніемъ, какъ крестъ искупителя, радуясь своей боли. Ибо я чувствую,—чувствую!—Предвѣчная Любовь тоже страдаетъ,—страдаетъ во всей полнотѣ своего всевѣдѣнія, страдаетъ, скорбитъ и плачетъ, и только слѣпое себялюбіе можетъ хотѣть быть изъятымъ отъ скорби, подъ бременемъ которой стонетъ вся тварь земная. Нѣтъ, истинное счастье не въ томъ, чтобъ быть изъятымъ отъ скорби, пока скорбь и грѣхъ живутъ на землѣ: скорбь есть часть любви, и любовь не станетъ стремиться освободиться отъ нея. Мнѣ это говоритъ не одинъ только разумъ: я вижу это во всѣхъ словахъ и въ дѣлѣ Евангелія. Развѣ нѣтъ у насъ ходатая на небесахъ? Развѣ не предстоитъ тамъ за насъ Богочеловѣкъ со своимъ распятымъ тѣломъ, которымъ Онъ вознесся? И развѣ Онъ и Предвѣчная Любовь—не одно, такъ-же, какъ наши любовь и скорбь?

„Въ послѣднее время эти мысли почти не оставляютъ меня и я яснѣе поняла значеніе словъ: „Если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ Мой“... Я слыхала, эти слова толкуютъ въ томъ смыслѣ, что мы несемъ крестъ, исповѣдуя Христа и навлекая тѣмъ на себя гоненія и страданія. Но по моему это узкая мысль. Истинный крестъ Искупителя—грѣхъ и скорбь всего міра. *Вотъ что* тяжелымъ гнетомъ лежало у него на душѣ,—вотъ крестъ, тяжесть котораго мы должны съ Нимъ дѣлить,—чаша, изъ которой мы должны пить вмѣстѣ съ Нимъ, если хотимъ пріобщиться Божественной Любви, которая есть одно съ Его скорбью.

„Въ моей внѣшней жизни, о которой вы меня спрашиваете, я ни на что не могу пожаловаться: у меня есть все необходимое и даже въ избыткѣ. Все это время я имѣла постоянный заработокъ на фабрикѣ, не смотря на то, что спросъ на рабочія руки уменьшился, и многихъ изъ насъ разсчитали. И тѣломъ я значительно окрѣпла, такъ-что могу много ходить и говорить, и почти не чувствую усталости. Вы пишете, что рѣшили остаться дома съ матерью и братомъ; это меня убѣждаетъ, что вы имѣли вѣрное указаніе. Господь предназначилъ вамъ тамъ жить и работать—это ясно, и искать благодати въ другомъ мѣстѣ было-бы все равно, что положить на жертвенникъ не чистую жертву и ожидать, чтобы на нее сошелъ огонь съ неба. Мое дѣло и вся моя радость—здѣсь, на холмахъ; подчасъ мнѣ даже думается, не слишкомъ-ли я прилѣпилась душой къ моимъ землякамъ и не возропщу-ли я, если Господь призоветъ меня въ другое мѣсто.

„Большое вамъ спасибо за извѣстія о моихъ милыхъ друзьяхъ на Большой Фермѣ, потому что хоть я и писала имъ одинъ разъ, по желанію тети, вскорѣ послѣ того, какъ уѣхала, отъ нихъ я не получила ни строчки. Тетѣ писанье писемъ дается

съ трудомъ, да и работы по хозяйству съ нея довольно при ея слабомъ здоровьѣ. Она и ея дѣти дороги моему сердцу, какъ самые близкіе мнѣ люди по крови; впрочемъ, мнѣ дороги всѣ, живущіе въ этомъ домѣ. Я постоянно переношусь къ нимъ во снѣ, и часто за работой, и даже когда я говорю съ народомъ, мысль о нихъ встаетъ передо мной такъ настойчиво, какъ-будто они въ нуждѣ или въ горѣ. Быть можетъ, это мнѣ указаніе свыше, но пока оно мнѣ еще не ясно: буду ждать, чтобы Богъ меня вразумилъ,—вы вѣдь пишете, что у нихъ все благополучно.

„Я надѣюсь, что мы съ вами еще увидимся въ этомъ мірѣ, и даже, можетъ быть, скоро, хотя, по всей вѣроятности, не надолго: братья и сестры мои въ Лидсѣ желаютъ, чтобъ я побывала у нихъ на короткое время, когда мнѣ будетъ дозволено покинуть Сноуфильдъ.

„Прощайте, дорогой братъ, или лучше—до свиданья. Дѣтей Божіихъ, которымъ дано встрѣтиться въ этой жизни, вступить въ духовный союзъ и чувствовать, что ихъ оживляетъ одинаковый духъ,—ничто не можетъ разлучить, хотя-бы ихъ раздѣляли горы, ибо союзъ этотъ до безконечности расширяетъ ихъ души, и они всегда имѣютъ другъ друга передъ собой въ своихъ мысляхъ, почерпая въ этомъ новыя силы.

„Преданная вамъ сестра и сотрудница во Христѣ
Дина Моррисъ.

„Я не умѣю писать такъ мелко, какъ вы, и перо плохо меня слушается; это стѣсняетъ меня, и я не могу разсказать всѣхъ своихъ мыслей. Поцѣлуйте за меня вашу матушку: она два раза попросила меня ее цѣловать, когда мы съ ней прощались“.

Адамъ сложилъ письмо и сидѣлъ въ ногахъ кровати, задумчиво опершись головой на руку, когда Сетъ пришелъ наверхъ.

— Читалъ ты письмо? спросилъ Сетъ.

— Читалъ, отвѣчалъ Адамъ.—Не знаю, что̀ я подумалъ-бы о ней и объ ея письмѣ, если-бъ не видѣлъ ее; вѣроятно, подумалъ-бы, что женщина-проповѣдница должна быть нестерпима. Но она изъ тѣхъ людей, у которыхъ — что̀-бы они ни дѣлали, что̀-бы ни говорили, — все выходитъ хорошо, и мнѣ казалось, что я вижу и слышу ее, пока я читалъ ея письмо. Удивительно, какъ хорошо я помню ея лицо и голосъ... Ты былъ-бы очень счастливъ съ ней, Сетъ: она именно такая женщина, какая тебѣ нужна.

— Безполезно объ этомъ мечтать, промолвилъ Сетъ уныло.—Она сказала мнѣ свое рѣшеніе, а она не такой человѣкъ, чтобы говорить одно, а думать другое.

— Я знаю, но ея чувства могутъ измѣниться. Не всегда женщина сразу полюбитъ, и не всегда то пламя горячѣе, которое скорѣй разгорается. Хорошо, кабы ты сходилъ ее по-

видать какъ-нибудь на недѣлѣ; ужъ я-бы устроилъ, чтобы ты могъ отлучиться дня на три, на четыре. А путь для тебя небольшой—какихъ-нибудь двадцать, тридцать миль.

— Я радъ ее видѣть всегда и при всякихъ условіяхъ; не знаю только... не была-бы она недовольна за то, что я туда приду, сказалъ Сетъ.

— Съ какой стати ей быть недовольной! подхватилъ Адамъ съ жаромъ, вставая и начиная раздѣваться на ночь.—Да, для всѣхъ насъ было-бы большимъ счастьемъ, если-бъ она вышла за тебя. Мама сразу ее полюбила,—просто удивительно, какъ она была ей рада тогда.

— Да, сказалъ Сетъ немного застѣнчиво; — а Дина очень любитъ Гетти; она много о ней думаетъ.

На это Адамъ ничего не отвѣтилъ. Немного погодя братья пожелали другъ другу доброй ночи и больше не обмѣнялись ни словомъ.

ГЛАВА XXXI.

ВЪ СПАЛЬНОЙ ГЕТТИ.

Въ концѣ августа дни становятся короткіе. Даже въ такихъ домахъ, какъ у Пойзеровъ, гдѣ было не въ обычаѣ засиживаться по вечерамъ, въ августѣ ложились спать со свѣчей, и Гетти взяла съ собой свѣчу, когда, наконецъ, вскорѣ послѣ ухода Адама, ей можно было уйти къ себѣ наверхъ и запереться.

Теперь она прочтетъ письмо: оно должно... оно должно успокоить ее. Адамъ не можетъ знать правды; онъ долженъ былъ говорить именно такъ, какъ онъ говорилъ: ничего другого нельзя было и ожидать отъ него.

Она поставила свѣчу и достала письмо. Отъ него шелъ слабый запахъ розъ, такъ живо напоминавшій ей Артура, что она какъ-будто ощущала его присутствіе подлѣ себя. Она прижала къ губамъ его письмо, и нахлынувшія воспоминанія о минутахъ пережитаго счастья прогнали на одно мгновеніе весь ея страхъ. Но когда она сломала печать, сердце ея затрепетало непонятнымъ предчувствіемъ, и руки начали дрожать. Она стала медленно читать: ей нелегко было разбирать барскій почеркъ Артура, хоть онъ и старался писать поразборчивѣе.

„Дорогая Гетти! Я вамъ не лгалъ, когда говорилъ, что люблю васъ, и я никогда не забуду нашей любви. До конца дней моихъ я буду вамъ вѣрнымъ другомъ и надѣюсь доказать это не одинъ разъ. Если то, что я скажу вамъ въ этомъ письмѣ, заставитъ васъ страдать,—не думайте, что я говорю это оттого, что мало васъ люблю и жалѣю, потому что нѣтъ

на свѣтѣ такой вещи, которой я-бы не сдѣлалъ для васъ, если-бы былъ увѣренъ, что это дѣйствительно нужно для вашего счастья. Душа замираетъ, какъ подумаю, что моя маленькая Гетти будетъ плакать, и меня не будетъ съ нею, чтобъ осушить поцѣлуями ея слезы, и если-бъ я слѣдовалъ только внушенію моего сердца, я былъ-бы съ ней въ эту минуту вмѣсто того, чтобы писать. Мнѣ страшно больно разставаться съ ней и еще больнѣе говорить ей слова, которыя могутъ показаться жестокими, хотя они вытекаютъ изъ самаго искренняго желанія ей добра.

„Милая, милая Гетти! какъ ни сладостна была для меня наша любовь, какъ ни счастливъ былъ-бы я, если-бъ вы могли любить меня до гроба, — я чувствую, что для обоихъ насъ было-бы лучше, если-бы мы никогда не знали этого счастья, и что мой долгъ — просить васъ, чтобъ вы разлюбили меня, постарались забыть обо мнѣ. Я одинъ во всемъ виноватъ: правда, меня такъ влекло къ вамъ, что я не могъ устоять противъ искушенія; но я все время чувствовалъ, что ваша привязанность ко мнѣ можетъ принести вамъ горе. Я долженъ былъ побороть свое чувство. И я-бы сдѣлалъ это, если-бъ не былъ такимъ слабымъ, дурнымъ человѣкомъ. Но прошлаго нельзя измѣнить, и теперь я обязанъ спасти васъ, по крайней мѣрѣ, отъ того зла, предотвратить которое въ моей власти. А для васъ будетъ великимъ зломъ — я въ этомъ убѣжденъ, — если ваша привязанность ко мнѣ окажется настолько прочна, что вы никогда не полюбите другого, съ которымъ вы могли-бы быть счастливѣе, чѣмъ со мной, и если вы будете продолжать ожидать въ будущемъ того, чего никогда не можетъ случиться. Потому что если-бъ я сдѣлалъ то, о чемъ вы одинъ разъ со мной заговаривали,—если-бъ я женился на васъ,—повѣрьте, дорогая моя, изъ этого не вышло-бы для васъ ничего, кромѣ горя, и со временемъ вы сами убѣдились-бы въ томъ. Повѣрьте, вы можете быть счастливы, только выйдя замужъ за человѣка вашего круга, и если-бы я женился на васъ, я только усугубилъ-бы свою вину передъ вами, не говоря уже о томъ, что нарушилъ-бы этимъ мои обязанности передъ родными и свѣтомъ. Вы не имѣете понятія, дорогая, о томъ мірѣ, въ которомъ должна пройти вся моя жизнь, и вы очень скоро меня разлюбили-бы, убѣдившись, до какой степени между нами мало общаго.

„Итакъ, я не могу жениться на васъ; значитъ намъ надо разстаться,—надо постараться вырвать изъ сердца нашу любовь. Говоря это, я чувствую себя глубоко несчастнымъ, но больше намъ ничего не остается. Сердитесь на меня, моя драгоцѣнная, ненавидьте меня—я это заслужилъ; но вѣрьте, что я всегда буду думать о васъ, заботиться о васъ, навсегда останусь признателенъ вамъ,—что я никогда не забуду моей Гетти, и если что-нибудь случится съ вами, если придетъ

бѣда, предугадать которую мы не можемъ, — то будьте увѣрены, что я сдѣлаю для васъ все, что́ будетъ въ моихъ силахъ.

„Я говорилъ вамъ, куда адресовать мнѣ письма, если-бы вамъ вздумалось написать, но, можетъ быть, вы забыли; такъ я на всякій случай прилагаю мой адресъ. Не пишите мнѣ безъ крайней надобности, т. е. если я не могу быть дѣйствительно вамъ полезенъ, потому что, дорогая Гетти, мы должны постараться какъ можно меньше думать другъ о другѣ. Простите меня и постарайтесь забыть; помните только одно — что, пока живъ, я всегда буду вамъ преданнымъ другомъ.

Артуръ Доннитoрнъ“.

Не скоро Гетти прочла это письмо, и когда она подняла отъ него голову, изъ тусклаго стараго зеркала на нее глянуло блѣдное, какъ мраморъ, помертвѣлое лицо, съ округлыми дѣтскими очертаніями, но съ выраженіемъ недѣтскаго страданія на немъ. Гетти не видѣла этого лица; она ничего не видѣла, — она чувствовала только, что ей холодно, что она больна и дрожитъ. Письмо тряслось въ ея рукѣ и шуршало. Она положила его. Какое ужасное ощущеніе — этотъ ознобъ и дрожь... такое ужасное, что заставляло забывать даже о томъ, чѣмъ оно было вызвано. Гетти встала, подошла къ шкапу, достала свой теплый плащъ, завернулась въ него и сѣла, думая только о томъ, какъ-бы согрѣться. Но вотъ она взяла письмо болѣе твердой рукой и начала читать все сначала. На этотъ разъ пришли слезы—крупныя, обильныя слезы, слѣпившія ей глаза и мочившія бумагу въ ея рукахъ. Она чувствовала только одно, — что Артуръ былъ жестокъ, — жестокъ, написавъ ей такое письмо, — жестокъ оттого, что не хотѣлъ жениться на ней. Причины, не дозволявшія ему на ней жениться, не существовали для нея: могла-ли она повѣрить, что осуществленіе всего, о чемъ она грезила, чего такъ страстно желала, не принесетъ ей ничего, кромѣ горя? Въ ея умѣ отсутствовали понятія, изъ которыхъ могла-бы сложиться даже идея подобнаго горя.

Бросая письмо въ второй разъ, она увидѣла въ зеркалѣ свое лицо. Теперь оно покраснѣло и было мокро отъ слезъ. Для нея это былъ почти товарищъ, которому она могла пожаловаться, который пожалѣетъ ее. Она облокотилась на столъ, наклонилась впередъ, поддерживая голову руками, и смотрѣла въ эти темные, залитые слезами глаза, на эти дрожащія губы, и видѣла, какъ слезы лились все обильнѣе и какъ ротъ подергивался отъ рыданій.

Крушеніе всего ея маленькаго міра грезъ, смертельный ударъ, нанесенный ея только-что зародившейся страсти, поразили ея жадную до наслажденій, эпикурейскую натуру такимъ неизъяснимымъ страданіемъ, что оно убило въ ней всякій протестъ и заставило ее забыть на время гнѣвъ. Она

сидѣла и рыдала, пока не погасла свѣча, и тогда измученная, съ тупою болью во всемъ тѣлѣ, одурѣлая отъ слезъ,—бросилась на постель, не раздѣваясь, и уснула.

Мутный разсвѣтъ еле-еле проникалъ въ комнату, когда она проснулась въ пятомъ часу утра съ ощущеніемъ сосущей тоски на сердцѣ, причина которой выяснилась ей по мѣрѣ того, какъ она начинала различать въ полутьмѣ окружающіе предметы. Затѣмъ явилась мучительная, ужаснувшая ее мысль, что ей надо скрывать свое горе и нести его при страшномъ свѣтѣ дня, который наступалъ. Она не могла дольше лежать: она встала и подошла къ столу. Вотъ оно—письмо... Она отворила свой ящичекъ съ сокровищами: тамъ лежали серьги и медальонъ—свидѣтели ея короткаго счастья,—свидѣтели долгихъ безотрадныхъ дней, которые наступятъ теперь. Глядя на этъ побрякушки, на которыя еще недавно она смотрѣла, къ которымъ еще недавно прикасалась съ такою любовью, потому что видѣла въ нихъ залогъ ожидающаго ее рая богатства и роскоши,—она переживала вновь тѣ минуты, когда ей дарили ихъ съ такими нѣжными ласками, съ такими странными, милыми словами и сіяющимъ взглядомъ... Минуты, наполнявшія ее восторженнымъ изумленіемъ,—до такой степени онѣ были лучше всего, что только она могла себѣ представить. И Артуръ, говорившій ей эти слова, глядѣвшій на нее такимъ взглядомъ,—Артуръ, котораго она и теперь еще чувствовала подлѣ себя, чья рука еще касалась ея стана, чья щека прижималась еще къ ея щекѣ, чье дыханіе жгло ей лицо,—былъ тотъ самый жестокій, жестокій Артуръ, который написалъ это письмо... Она схватила его и скомкала, но сейчасъ-же расправила опять, чтобы прочесть еще разъ. Умственное оцѣпенѣніе, бывшее послѣдствіемъ вчерашнихъ долгихъ слезъ, заставляло ее сомнѣваться въ себѣ: ей было необходимо прочесть письмо еще разъ и убѣдиться, дѣйствительно-ли ея горе было реальное горе, дѣйствительно-ли письмо было такъ ужасно жестоко. Она должна была поднести его къ самому окну, чтобы быть въ состояніи что-нибудь разобрать... Да, оно было ужасно, безжалостно,—хуже! чѣмъ она думала. И она опять съ гнѣвомъ скомкала его въ рукѣ. Она ненавидѣла писавшаго его, ненавидѣла именно потому, что отдала ему всю свою любовь, всю дѣвичью страсть и тщеславіе, изъ которыхъ эта любовь родилась.

Сегодня у нея не было слезъ,—она выплакала ихъ всѣ вчера ночью; и теперь она испытывала муки сознательнаго горя—горя безъ слезъ, которое хуже перваго удара, ибо въ немъ не только настоящее, но и будущее. Каждое утро изо дня въ день,—такъ долго, какъ только она могла вообразить себя въ будущемъ,—она будетъ вставать вотъ такъ, какъ сегодня, и знать, что наступающій день не принесетъ ей радости. Нѣтъ отчаянія болѣе горькаго и глубокаго, чѣмъ то,

какое приносятъ намъ первыя мгновенія перваго большого нашего горя, когда мы не извѣдали еще на опытѣ, что можно страдать и исцѣлиться, отчаяваться и ожить для надежды. Покамѣстъ Гетти медленно снимала платье, въ которомъ она пролежала всю ночь, съ тѣмъ, чтобы умыться и причесаться, ее не оставляло болѣзненное сознаніе, что такъ пройдетъ и вся ея жизнь: вѣчно она будетъ дѣлать то, въ чемъ для нея нѣтъ никакой радости, работать все ту-же опостылѣвшую работу, видѣть людей, нисколько ей не интересныхъ, ходить въ церковь, въ Треддльстонъ и на чай къ мистрисъ Бестъ, и никогда не знать радостныхъ мыслей. Ибо одуряющій ядъ ея недолгаго блаженства навсегда отравилъ ей всѣ маленькія радости, составлявшія когда-то утѣху ея жизни,—дѣвичьи радости, въ родѣ обѣщаннаго къ ярмаркѣ новаго платья, вечеринки у Бриттоновъ, толпы поклонниковъ, которыхъ она еще долго будетъ водить за носъ, и наконецъ далекой перспективы дня ея свадьбы, который когда-нибудь все, таки наступитъ и принесетъ ей съ собой цѣлую гору нарядовъ заразъ—одно шелковое платье и еще много другихъ. Теперь все это казалось ей неинтереснымъ, безцвѣтнымъ; впереди не было ничего, кромѣ скуки... Теперь ея удѣлъ—всю жизнь томиться неудовлетворенной жаждой, желать—безъ надежды.

Она съ усиліемъ сняла платье и прислонилась къ старому темному шкапу. Ея руки и шея были обнажены, волосы падали на нихъ изящными кольцами. Эти волосы были такъ-же красивы, какъ и два мѣсяца тому назадъ, въ тотъ вечеръ, когда она расхаживала по этой самой комнатѣ, полная надеждъ, сіяя отъ сознанія своей красоты. Теперь она не думала о своей шеѣ и рукахъ,—она была равнодушна даже къ своей красотѣ. Глаза ея грустно блуждали по темной старой спальнѣ и, наконецъ, машинально поднялись къ окну, въ которое глядѣлъ тусклый разсвѣтъ. Мелькнуло-ли въ ея умѣ воспоминаніе о Динѣ?—о словахъ заботливаго предостереженія, которыя ее тогда разсердили?—о любящей мольбѣ Дины вспомнить о ней, какъ о другѣ, въ минуту испытанія?—Нѣтъ, впечатлѣніе было слишкомъ слабо для того, чтобъ сохраниться. Вся любовь Дины, всѣ слова утѣшенія, какія она могла ей сказать, не произвели-бы на нее никакого дѣйствія въ это утро: она приняла-бы ихъ равнодушно, какъ и все, что было чуждо ея разбитой страсти. Нѣтъ, она не думала о Динѣ; она думала о томъ, что ей нельзя оставаться въ этомъ домѣ и продолжать вести прежнюю жизнь: ужъ лучше что-нибудь совсѣмъ новое, неизвѣстное, чѣмъ опять эта старая канитель все той-же работы, тѣхъ-же впечатлѣній и разговоровъ. Она съ радостью убѣжала-бы сію-же минуту съ тѣмъ, чтобы никогда больше не видѣть знакомыхъ, старыхъ лицъ. Но Гетти была не изъ тѣхъ натуръ, которыя идутъ навстрѣчу трудностямъ, смѣло отворачиваются отъ знакомаго и привычнаго, и,

не колеблясь, ставятъ себя въ новыя положенія. Это была натура тщеславная, чувственная, но не страстная, и для того, чтобы рѣшиться на крайнюю мѣру, ей нужно было дойти до послѣдней степени ужаса и отчаянія. Ограниченный кругъ ея представленій оставлялъ очень мало простора для полета фантазіи, и она скоро остановилась на единственномъ, возможномъ для нея, способѣ раздѣлаться съ прежней жизнью: она рѣшила просить дядю, чтобъ онъ позволилъ ей поступить въ горничныя. Камеристка миссъ Лидіи поможетъ ей найти мѣсто, когда узнаетъ, что она имѣетъ разрѣшеніе дяди.

Дойдя до этой мысли, Гетти подколола волосы и начала одѣваться; теперь ей казалось не такъ невозможно сойти внизъ и приняться за свои обычныя дѣла. Она сегодня-же поговоритъ съ дядей.

Нужно было много такихъ душевныхъ страданій, какія Гетти переживала теперь, чтобъ они могли сколько-нибудь замѣтно отразиться на ея цвѣтущемъ здоровьѣ. Когда она, со свойственной ей тщательностью, одѣлась въ свое рабочее платье и подобрала волосы подъ маленькій чепчикъ, не слишкомъ проницательный наблюдатель былъ-бы гораздо больше пораженъ юною свѣжестью ея кругленькихъ щечекъ и шейки, и красотой ея темныхъ глазъ и рѣсницъ, чѣмъ какими-либо признаками грусти въ ея лицѣ. Но когда она подняла скомканное письмо и спрятала его въ ящикъ, чтобъ оно не попалось кому-нибудь, —тяжелыя, жгучія слезы, не приносящія облегченія,—не тѣ обильныя, крупныя слезы, какія она проливала вчера,—сжали ей горло и подступили къ глазамъ. Она отерла ихъ поскорѣе: ей нельзя плакать днемъ; никто не узнаетъ, какъ она несчастна, никто не долженъ знать, что ее постигло разочарованіе... И мысль о томъ, что ей придется выдерживать взгляды дяди и тетки, дали ей ту власть надъ собой, какая часто сопутствуетъ сильному страху. Ибо, при всей глубинѣ ея тайнаго горя, возможность того, что они когда-нибудь узнаютъ о случившемся, пугала ее, какъ пугаетъ перспектива позорнаго столба больного, измученнаго узника. Они найдутъ постыднымъ ея поведеніе, а стыдъ —это пытка. Такова была совѣсть бѣдненькой Гетти.

Итакъ, она замкнула свой ящикъ и отправилась къ своимъ повседневнымъ дѣламъ.

Вечеромъ, когда мистеръ Пойзеръ курилъ свою трубку и, сдѣдовательно, находился въ наивысшемъ градусѣ своего добродушія, Гетти улучила минуту, когда тетка ея вышла изъ комнаты, и сказала:

— Дядя, отпустите меня. Я хочу поступить на мѣсто... въ горничныя.

Мистеръ Пойзеръ вынулъ изо рта трубку и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на Гетти въ кроткомъ изумленіи. Она шила и не поднимала головы отъ работы.

— Съ чего это пришло тебѣ въ голову, моя дѣвочка? спросилъ онъ наконецъ, посовѣщавшись предварительно съ трубкой.

— Такъ, мнѣ хотѣлось-бы.., мнѣ это больше по душѣ, чѣмъ работа на фермѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣвчурка, тебѣ такъ кажется, потому что ты не испытала, что значитъ служить на мѣстахъ. Это и для здоровья вредно, да и не принесетъ тебѣ счастья. Нѣтъ, пустяки! оставайся лучше у насъ, пока не найдешь себѣ хорошаго мужа; ты мнѣ родная племянница, и пока у меня есть свой собственный уголъ, я не отдамъ тебя въ услуженіе хотя-бы и въ господскій домъ.

Мистеръ Пойзеръ замолчалъ и затянулся изъ трубки.

— Я люблю шить, сказала Гетти,—и я могла-бы получать хорошее жалованье.

— Должно быть, тетка чѣмъ-нибудь тебя разобидѣла? замѣтилъ мистеръ Пойзеръ, пропуская мимо ушей послѣдній аргументъ Гетти.—Ты не обращай на это вниманія, дѣвчурка: она это дѣлаетъ для твоего-же добра. Хоть она и не родная тебѣ, а она тебя любитъ: не многія на ея мѣстѣ дѣлали-бы такъ много, какъ она для тебя.

— Да я и не жалуюсь на тетю,—совсѣмъ не оттого; а просто та работа мнѣ больше по душѣ, повторила Гетти.

— Конечно, на всякій случай—мало-ли что можетъ случиться!—оно не мѣшаетъ знать всякую работу. Отчего и не поучиться шить и вышивать? Ты сама знаешь, я охотно далъ свое согласіе, когда мистрисъ Помфретъ предложила тебя поучить. Но у меня и въ помышленіи не было отдавать тебя въ услуженіе. Моя семья—отцы и дѣды наши—ужъ и не знаю съ какихъ поръ, всегда ѣли свой собственный хлѣбъ.—Развѣ не правда, отецъ? И развѣ тебѣ было-бы пріятно, чтобъ твоя внучка поступила на жалованье?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, произнесъ старикъ Мартинъ съ длинной оттяжкой, долженствовавшей не только выразить отрицаніе, но и вложить въ него нѣкоторую горечь, Онъ наклонился впередъ и продолжалъ, упорно глядя въ полъ:—Но все равно,—наврядъ ли ты ее уломаешь: она вышла вся въ мать. *Съ той* мнѣ было тоже не мало хлопотъ, чтобъ удержать ее дома. И она-таки не послушалась меня—вышла замужъ за голыша,.. Ну, какой это фермеръ?—двѣ головы скота за все про все, когда по его землѣ ему надо-бы не меньше десяти головъ... Неудивительно, что она умерла отъ чахотки,—не дотянула и до тридцати лѣтъ.

Не часто случалось, чтобы старикъ произносилъ такую длинную рѣчь; но вопросъ сына подлилъ масла въ огонь давнишняго, еще не угасшаго раздраженія, по милости котораго старый дѣдъ былъ всегда равнодушнѣе къ Гетти, чѣмъ къ другимъ своимъ внукамъ. Этотъ забулдыга Соррель промоталъ все состояніе матери Гетти, а въ жилахъ Гетти текла кровь Сорреля.

— Да, бѣдная женщина! Плохая ей выпала доля! проговорилъ Мартинъ-младшій, которому было очень досадно, что онъ вызвалъ своими словами эту вспышку злобы заднимъ числомъ. Но Гетти имѣетъ всѣ шансы найти хорошаго. солиднаго мужа, не меньше любой дѣвушки въ нашихъ мѣстахъ.

Пустивъ этотъ многообѣщающій намекъ, мистеръ Пойзеръ умолкъ и обратился опять къ своей трубкѣ, поглядывая на Гетти, въ чаяніи подмѣтить какой-нибудь признакъ, который убѣдилъ-бы его, что она отказывается отъ своего несообразнаго плана. Но вмѣсто этого Гетти неожиданно ударилась въ слезы—отчасти съ досады на то, что ей отказали, отчасти отъ своихъ горькихъ мыслей, съ которыми ей приходилось бороться весь день.

— Ну, ну, не надо плакать, сказалъ мистеръ Пойзеръ, стараясь обратить все въ шутку:—пусть плачутъ тѣ, кому негдѣ преклонить голову, а у кого есть свой домъ и семья, тому не о чемъ плакать... Пойди-ка сюда,—что ты объ этомъ думаешь? продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая въ эту минуту вошла въ кухню, перебирая спицами своего вязанья съ неистовой быстротой, какъ-будто это движеніе было для нея такимъ-же естественнымъ и необходимымъ, какъ для рака—шевелить усиками.

— Что я думаю?—Я думаю, что у насъ скоро раскрадутъ всѣхъ утокъ и куръ, если эта безмозглая Молли будетъ забывать запирать ихъ на ночь... Гетти, что это значитъ? О чемъ ты плачешь?

— Да вотъ, просится на мѣсто, желаетъ поступить въ горничныя; а я ей говорю, что мы можемъ пристроить ее и получше этого, сказалъ мистеръ Пойзеръ.

— Я такъ и думала, что она забрала себѣ въ голову какую-нибудь фанаберію: она сегодня цѣлый день рта не раскрыла. Все это оттого, что она повадилась ходить въ замокъ, къ тамошней челяди; да и мы были дураки, что пускали ее. Она думаетъ, служить у господъ нивѣсть какая сладость. Она увѣрена, что тамъ ей будетъ лучше, чѣмъ у родныхъ, которые ее выростили, потому что она вѣдь была не больше Марти, когда попала къ намъ въ домъ. Она воображаетъ быть горничной въ барскомъ домѣ, значитъ ничего не дѣлать, сладко ѣсть и носить хорошія платья: у нея вѣдь только и мыслей на умѣ, какъ-бы нацѣпить на себя какую-нибудь тряпку. Я часто ей говорю: „Не хочешь-ли быть пугаломъ на огородѣ? тогда ты будешь вся изъ тряпокъ—снаружи и внутри“... Поступить въ горничныя!—Я никогда не дамъ на это своего согласія, покуда у нея есть домъ и добрые друзья, и есть кому позаботиться о ней, пока она найдетъ хорошаго мужа—получше какого-нибудь прощалыги-лакея, потому—что́ такое лакей?—ни баринъ, ни мужикъ, а живетъ на счетъ мужика. Отъ такого франта всегда легко станется, что онъ заложитъ

руки подъ фалды и будетъ ожидать, чтобъ жена работала за него.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо намъ такого мужа, сказалъ мистеръ Пойзеръ:—мы найдемъ и почище. Да у насъ уже и наклевывается хорошій... Ну полно, дѣвчурка, не плачь! Ступай-ка лучше спать. Съ какой стати идти въ горничныя?—мы и безъ этого съумѣемъ позаботиться о тебѣ. Иди, иди, и не будемъ больше объ этомъ говорить.

Когда Гетти ушла наверхъ, онъ сказалъ:

— Понять не могу, съ чего ей взбрела въ голову эта мысль. Мнѣ казалось, что ей начинаетъ нравиться Адамъ Бидъ: въ послѣднее время было очень похоже на то.

— Ахъ, развѣ ее разберешь, кто ей нравится и кто—нѣтъ. Она какъ сухой горохъ—ни къ кому не можетъ прилѣпиться: Я думаю, что даже эта дѣвчонка Молли—какъ она ни несносна бываетъ подчасъ,—но я думаю, что ей было-бы грустнѣе, чѣмъ Гетти, разстаться съ нами и съ нашими дѣтьми, хоть на Михайловъ день будетъ всего годъ, какъ она живетъ у насъ... Ну, а эта мысль поступить въ услуженіе,—это ей вбили въ голову тамъ, въ замкѣ: намъ слѣдовало-бы предвидѣть, къ чему это приведетъ, когда мы отпускали ее учиться рукодѣльямъ. Но я живо съ этимъ покончу.

— А вѣдь тебѣ и самой будетъ жалко лишиться ея, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ:—она полезна тебѣ по хозяйству.

— Конечно, жалко; я люблю ее больше, чѣмъ она того стоитъ, недобрая дѣвочка, съ каменнымъ сердцемъ! Какъ ей не грѣхъ даже думать уйти отъ насъ такимъ образомъ, Жалко!—еще-бы не жалко! Не даромъ, я думаю, она пробыла у меня на глазахъ эти семь лѣтъ. Развѣ я могла-бы возиться съ ней все это время, пріучать ее ко всякой работѣ и заботиться о ней, если-бъ мнѣ не было до нея дѣла? Да вотъ и сейчасъ: для кого ткутся въ домѣ простыни и скатерти? Я думала: вотъ выйдетъ замужъ, отдамъ ихъ ей въ приданое, и будетъ себѣ жить въ нашемъ приходѣ... всегда на глазахъ. Дура я, дура! не стоило и думать-то о ней, когда она не лучше какой-нибудь вишни, съ косточкой вмѣсто сердца.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты преувеличиваешь, проговорилъ мистеръ Пойзеръ, стараясь успокоить жену.—Она насъ любитъ. я увѣренъ; но она еще молода, и голова у нея набита всякимъ вздоромъ, въ которомъ она и сама не можетъ разобраться. Всѣ молодыя дѣвченки рады убѣжать изъ дому, и сами не знаютъ—зачѣмъ.

Однако, на Гетти слова ея дяди подѣйствовали не только въ томъ смыслѣ, что разогорчили ее и заставили плакать. Она прекрасно знала, кого онъ имѣлъ въ виду, намекая на ея замужество и на хорошаго, солиднаго мужа, и когда она осталась опять одна въ своей спальнѣ, возможность брака съ Адамомъ представилась ей въ новомъ свѣтѣ. У людей, ли-

шенныхъ всякихъ сильныхъ симпатій и сознанія долга—этого верховнаго руководителя, къ которому возмущенная душа можетъ прибѣгнуть за поддержкой, чтобы укрѣпиться въ спокойномъ терпѣніи,—однимъ изъ первыхъ послѣдствій сильнаго горя бываетъ неудержимое стремленіе ухватиться за что-нибудь новое, сдѣлать что-нибудь—все равно, что́—лишь-бы измѣнить положеніе. Способность бѣдненькой Гетти предвидѣть послѣдствія—и всегда-то представлявшая не болѣе, какъ узкій кругъ фантастическихъ вѣроятностей получить то или другое удовольствіе ,избѣжать той или другой непріятности,—теперь совершенно бездѣйствовала парализованная безпокойнымъ протестомъ противъ постигшаго ее страданія, и она была готова на одинъ изъ тѣхъ лихорадочныхъ, безцѣльныхъ поступковъ, какими многіе несчастные люди, желая избавиться отъ временнаго огорченія, навлекаютъ на себя несчастіе цѣлой жизни.

Отчего ей не выйти за Адама? Ей вѣдь все равно: она сдѣлаетъ все, что угодно, лишь-бы хоть сколько нибудь измѣнить свою жизнь. Она была увѣрена, что Адамъ по прежнему желаетъ жениться на ней, а всякія дальнѣйшія соображенія—мысль о томъ, будетъ-ли счастливъ Адамъ при такихъ условіяхъ,—не приходили ей въ голову.

„Непонятно!“ скажете вы, можетъ быть. „Необъяснимое движеніе души, наталкивающее дѣвушку на такой шагъ, который, въ ея душевномъ состояніи, долженъ-бы быть ей всего противнѣе,—и это на второй день послѣ постигшаго ее горя“.

Да, движенія мелкой и пошлой души, какъ у Гетти, когда ей приходится бороться съ серьезными невзгодами печальной человѣческой жизни,—всегда непонятны. Непонятны для насъ и движенія какой-нибудь маленькой яхточки безъ балласта, когда ее кидаетъ какъ попало на волнахъ бурнаго моря. А какою она казалась красивой, пока стояла на якорѣ въ тихой гавани, сверкая на солнцѣ своими бѣлыми парусами!

„Пусть вся потеря ложится на того, кто выпустилъ ее въ море“.

— Да. Но это не спасетъ яхточки—хорошенькой игрушки, которая могла-бы быть утѣхой цѣлой жизни.

ГЛАВА XXXII.

МИСТРИСЪ ПОЙЗЕРЪ „ГОВОРИТЪ СВОЕ СЛОВО“.

Въ слѣдующую субботу вечеромъ въ „Гербѣ Доннитор-новъ“ шли самые оживленные дебаты по поводу событія случившагося въ тотъ самый день поутру. Этимъ событіемъ было ни болѣе, ни менѣе, какъ вторичное появленіе франтоватаго господина въ ботфортахъ, про котораго одни гово-

рили, что это просто фермеръ—претендентъ на Домовую Ферму, другіе—что это будущій управляющій замка; самъ-же мистеръ Кассонъ—счастливый очевидецъ пріѣзда незнакомца—презрительно высказывался въ томъ смыслѣ, что онъ—ничего болѣе, какъ обыкновенный приказчикъ, какимъ былъ Сатчель до него. Никто и не думалъ оспаривать показаній мистера Кассона относительно того факта, что онъ лично видѣлъ незнакомца; тѣмъ не менѣе онъ усердно приводилъ различныя подробности въ подтвержденіе своихъ словъ.

— Я самъ его видѣлъ, говорилъ мистеръ Кассонъ,—своими глазами видѣлъ, какъ онъ подъѣзжалъ верхомъ со стороны Нижняго луга; еще у его лошади, знаете, такая бѣлая лысина на лбу. Я только-что пропустилъ свою порцію пива (было ровно половина одиннадцатаго, а я въ это время всегда пью пиво—аккуратнѣйшимъ манеромъ, какъ часы); ну, вотъ, я и говорю Ноульсу (а онъ какъ разъ на ту пору подъѣхалъ со своей повозкой): „Ноульсъ, говорю я,—можете взять для лошади ячменя, если надо“, а самъ прошелъ себѣ хлѣбнымъ дворомъ и прямо къ Треддльстонской дорогѣ. И только что поровнялся я съ большимъ ясенемъ на лугу,—смотрю—подъѣзжаетъ человѣкъ въ ботфортахъ, верхомъ на сѣрой лошади съ лысиной на лбу,—съ мѣста не сойти, коли лгу. Я подождалъ, пока онъ подъѣхалъ, и говорю ему такъ-то: „Съ добрымъ утромъ, молъ, сударь“. Мнѣ, видите-ли, хотѣлось слышать его разговоръ, потому (думаю я себѣ) я тогда разомъ смекну, изъ здѣшнихъ-ли онъ мѣстъ, Ну, вотъ, я ему и говорю: „Съ добрымъ утромъ, сударь. Славная погодка стоитъ для ячменя—какъ вы находите? Хорошо уберемъ, коли Господь поможетъ“. А онъ и говоритъ: „Правда ваша,—на погоду грѣхъ жаловаться“, говоритъ. Ну, я сейчасъ и сообразилъ (тутъ мистеръ Кассонъ подмигнулъ), что, дескать, эта птица не издалека къ намъ прилетѣла. Должно быть, мой разговоръ показался ему очень страннымъ, потому что вѣдь всѣ вы, ломширцы, находите страннымъ, когда человѣкъ говоритъ правильнымъ взыкомъ.

— Правильнымъ языкомъ! повторилъ презрительно Бартль Масси.—До правильнаго языка вамъ такъ-же далеко, какъ поросячьему визгу до кларнета.

— Не знаю, возразилъ мистеръ Кассонъ, язвительно улыбаясь,—но смѣю думать, что человѣкъ, который съ дѣтства жилъ промежь господъ, можетъ кое-что смыслить въ хорошемъ англійскомъ языкѣ,—во всякомъ случаѣ не меньше школьнаго учителя.

— Конечно, я не спорю, для *васъ* вы говорите правильнымъ языкомъ, замѣтилъ саркастическимъ тономъ Бартль ему въ утѣшеніе.—Когда козелъ Мика Гольдсворта кричитъ: „Бе-е-е!“, онъ говоритъ правильнымъ языкомъ: было-бы неестественно, если-бъ онъ кричалъ по другому.

Такъ какъ остальная часть общества была сплошь ломширцы, то общій смѣхъ обратился противъ мистера Кассона, и онъ благоразумно отретировался, вернувшись къ прежней темѣ, которая, къ слову сказать, была не только не исчерпана въ то ъ вечеръ, но на другой же день послѣ вечерни подверглась новому обсужденію въ церковной оградѣ, и притомъ съ новымъ интересомъ, обыкновенно сопутствующимъ всякой новости, когда ее разсказываютъ новому лицу. На этотъ разъ новымъ слушателемъ оказался Мартинъ Пойзеръ, который, по выраженію его жены, „никогда не путался съ этой пьяной компаніей, что собирается у Кассона и сосетъ свое пиво съ такими глубокомысленными лицами, точно стая карасей“.

Возвращаясь изъ церкви, мистеръ Пойзеръ имѣлъ съ женой разговоръ по поводу господина въ ботфортахъ. Должно быть, этотъ-то разговоръ и былъ причиной того, что мысли мистрисъ Пойзеръ немедленно обратились на загадочнаго незнакомца, когда дня два спустя послѣ этого, въ одну изъ тѣхъ минутъ своего бодрствующаго досуга, какія выпадали для нея по послѣобѣдамъ, по окончаніи уборки,—она стояла въ дверяхъ кухни съ вязаньемъ въ рукахъ и увидѣла, что во дворъ, на вороном пони, въѣзжаетъ старый сквайръ въ сопровожденіи конюха Джона. Впослѣдствіи она всегда приводила, какъ поразительный примѣръ дара предвидѣнія, заключавшій въ себѣ положительно нѣчто большее обычной ея проницательности, тотъ фактъ, что какъ только она увидѣла стараго сквайра, такъ сейчасъ-же сказала себѣ: „Я нисколько не удивляюсь, если онъ явился къ намъ по поводу того человѣка, что собирается взять въ аренду Домовую Ферму: навѣрно старый плутъ хочетъ заставить Пойзера уступить что-нибудь безъ денегъ въ пользу того. Но Пойзеръ будетъ дуракъ, если согласится“.

Что въ воздухѣ было что-то особенное—въ этомъ не могло быть сомнѣнія, ибо старый сквайръ не баловалъ вообще арендаторовъ своими визитами, и хотя мистрисъ Пойзеръ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ произнесла не мало весьма внушительныхъ воображаемыхъ спичей, имѣвшихъ даже болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ то могло показаться съ перваго взгляда, съ твердымъ намѣреніемъ произнести ихъ вслухъ въ первый-же разъ, какъ старый джентльменъ покажется въ предѣлахъ двора Большой Фермы,—однако, всѣ эти спичи такъ и остались воображаемыми.

— Здравствуйте, мистрисъ Пойзеръ, сказалъ старый сквайръ, приглядываясь къ ней своими близорукими глазами,—способъ смотрѣть на людей, который всегда сердилъ мистрисъ Пойзеръ. „Точно ты какое-то скверное насѣкомое“, говорила она, „и тебя собираются взять двумя пальцами и раздавить подъ ногтемъ“.

Тѣмъ не менѣе она отвѣтила: „Къ вашимъ услугамъ, сэръ“, и присѣла съ безукоризненной почтительностью: не такая она была женщина, что бы „задирать носъ передъ высшими“ и бросать вызовъ приличіямъ безъ серьезнаго повода.

— Дома вашъ мужъ, мистрисъ Пойзеръ?

— Дома, сэръ. Онъ только пошелъ на хлѣбный дворъ. Я сію минуту за нимъ пошлю. Не угодно-ли вамъ войти подождать?

— Благодарю васъ,—да, я войду. Мнѣ нужно потолковать съ нимъ объ одномъ маленькомъ дѣлѣ. Впрочемъ, оно касается и васъ ничуть не меньше, если не больше, такъ что я хочу знать и ваше мнѣніе.

— Гетти, бѣги, скажи дядѣ, чтобъ шелъ домой, сказала мистрисъ Пойзеръ, когда они вошли въ домъ.

Гетти сдѣлала книксенъ, на который старикъ отвѣтилъ низкимъ поклономъ, а Тотти, чувствовавшая себя не вполнѣ парадной, такъ какъ ея фартучекъ былъ замаранъ вареньемъ, стала лицомъ въ уголъ, между стѣной и часами, откуда и выглядывала на гостя изподтишка.

— Какая чудесная старая кухня! сказалъ мистеръ Доннитoрнъ, съ восхищеніемъ озираясь вокругъ. Говорилъ онъ всегда одинаково — вѣжливо, внятно, отчеканивая каждое слово, — все равно, хотѣлъ-ли онъ сказать любезность или уязвить. — И въ какой удивительной чистотѣ вы ее содержите, мистрисъ Пойзеръ!.. Знаете, я люблю эту ферму больше всѣхъ участковъ въ имѣньѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? Ну, что-жъ, коли вы такъ ее любите, было-бы очень хорошо, если-бы распорядились сдѣлать на ней кое-какія исправленія. Полы у насъ въ такомъ видѣ, что просто нѣтъ житья отъ крысъ и мышей: я боюсь, что онѣ съѣдятъ насъ живьемъ; а въ погребѣ стоишь по колѣна въ водѣ; если вы потрудитесь спуститься туда, вы можете убѣдиться въ этомъ на опытѣ, но, я думаю, вы предпочтете повѣрить мнѣ на слово... Не угодно-ли вамъ присѣсть, сэръ?

— Нѣтъ еще; хотѣлъ-бы прежде видѣть вашу молочную, отвѣчалъ сквайръ, устраняя деликатнымъ манеромъ всякую возможность существованія такого вопроса, по которому они съ мистрисъ Пойзеръ могли-бы расходится во мнѣніяхъ; — я не видалъ ее нѣсколько лѣтъ и постоянно со всѣхъ сторонъ слышу о вашихъ чудесныхъ сырахъ и маслѣ.—Кажется, дверь туда отперта? Вы не должны удивляться, если я буду смотрѣть завистливыми глазами на ваши сливки и масло: я убѣжденъ, что сливки и масло мистрисъ Сатчель не выдержатъ никакого сравненія съ вашими.

— Не знаю, право, сэръ. Мнѣ рѣдко доводится видѣть чужое масло, хотя, конечно, бываетъ такое, что его не надо и видѣть,—довольно понюхать.

— Да, это я люблю! проговорилъ мистеръ Доннитoрнъ,

окидывая взглядомъ маленькій влажный храмъ чистоты, но держась поближе къ дверямъ.—Я увѣренъ, что я завтракалъ-бы съ бо́льшимъ аппетитомъ, если-бы зналъ, что мое масло и сливки идутъ изъ этой молочной. Благодарю васъ, это поистинѣ пріятное зрѣлище. Къ несчастью, я имѣю маленькую наклонность къ ревматизму и боюсь сырости; я лучше посижу въ вашей уютной кухнѣ... А, Пойзеръ! какъ поживаете? По обыкновенію въ разгарѣ хозяйственныхъ дѣлъ?.. А я заходилъ сейчасъ взглянуть на прелестную молочную вашей жены: она у васъ лучшая хозяйка во всемъ приходѣ, не правда-ли?

Мистеръ Пойзеръ только-что вошелъ въ разстегнутой жилеткѣ, съ засученными рукавами рубахи и съ лицомъ чуть-чуть покраснѣе обыкновеннаго отъ работы. И теперь, когда онъ стоялъ—румяный, круглый, сіяющій — передъ этимъ низенькимъ, сухенькимъ, замороженнымъ старикашкой, онъ былъ точно призовое яблоко рядомъ съ маленькимъ, сморщеннымъ дичкомъ.

— Присядьте въ это кресло, сэръ: оно очень удобно, сказалъ онъ, выдвигая немного впередъ большое кресло своего отца.

— Нѣтъ, благодарю, я никогда не сижу въ креслахъ, отвѣчалъ старый джентльменъ, присаживаясь на маленькій стулъ у дверей. — Знаете, мистрисъ Пойзеръ... садитесь, пожалуйста,—оба садитесь,—знаете, въ послѣднее время я далеко не доволенъ молочнымъ хозяйствомъ мистрисъ Сатчель. Мнѣ кажется, у нея нѣтъ системы—не то, что у васъ.

— Не знаю, сэръ, я не могу объ этомъ судить, отвѣчала мистрисъ Пойзеръ ледянымъ тономъ, скатывая и раскатывая свое вязанье, равнодушно глядя въ окно и продолжая стоять: пусть Пойзеръ садится, если хочетъ; *она* не сядетъ: она не таковская, чтобы пойматься на приманку медовыхъ рѣчей.

Мистеръ Пойзеръ, нимало не раздѣлявшій холодной подозрительности жены, спокойно усѣлся на свой трехногій табуретъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Пойзеръ: Сатчель, какъ вамъ извѣстно, лежитъ безъ ногъ; поэтому я рѣшилъ сдать Домовую Ферму въ аренду, конечно, порядочному человѣку. Мнѣ надоѣло возиться съ ней самому: вы знаете, при такихъ условіяхъ всегда все дѣлается кое-какъ. Надежнаго управителя трудно найти; вотъ мнѣ и пришло въ голову, Пойзеръ, что мы съ вами и съ вашей уважаемой женой могли-бы войти въ одно маленькое соглашеніе, которое вполнѣ устраивало-бы и васъ, и меня.

— Та-акъ, протянулъ мистеръ Пойзеръ въ добродушномъ недоумѣніи, говорившемъ о полнѣйшей для него невозможности даже приблизительно отгадать, какого рода могло быть это соглашеніе.

— Такъ какъ вы спрашиваете и моего мнѣнія, сэръ, вмѣшалась мистрисъ Пойзеръ, подаривъ мужа презрительно-сострадательнымъ взглядомъ за его непростительную мягкость, — то я не вижу — хотя, разумѣется, вамъ это лучше знать,—я не вижу, съ какой стороны Домовая Ферма можетъ касаться насъ. Намъ и съ своимъ-то хозяйствомъ дѣла по горло. Конечно, я не могу не порадоваться, что у насъ поселится, какъ вы говорите, порядочный человѣкъ, потому что это можно сказать далеко не обо всѣхъ коренныхъ жителяхъ нашего прихода.

— Я увѣренъ, что вы найдете мистера Тёрля превосходнымъ сосѣдомъ, — такимъ, которому вы охотно поможете устроиться, согласившись на вышеупомянутый маленькій планъ, тѣмъ болѣе, что этотъ планъ клонится и къ вашей выгодѣ, въ чемъ, я надѣюсь, вы не замедлите убѣдиться.

— Клонится къ вашей выгодѣ, вы говорите?—Ну, знаете, сэръ,—если такъ, то это первое предложеніе подобнаго рода, какое мнѣ приходится слышать. Насколько я знаю, на свѣтѣ такъ ведется, что получаетъ выгоду тотъ, кто ея добивается. А ждать, чтобы она сама къ вамъ пришла — такъ этого не скоро дождешься.

— Дѣло въ томъ, Пойзеръ, продолжалъ сквайръ, игнорируя теорію мистрисъ Пойзеръ о преуспѣяніи на семъ свѣтѣ корыстныхъ людей, — что для хозяйственныхъ разсчетовъ Тёрля при Домовой Фермѣ черезчуръ много луговъ и мало пахатной земли, — короче говоря, онъ соглашается взять ферму только при условіи кое-какихъ перемѣнъ въ этомъ смыслѣ: повидимому, жена его не такая хорошая хозяйка, какъ ваша. На этомъ основаніи я думалъ-бы устроить маленькій обмѣнъ. Если-бъ вы взяли себѣ Зеленую Пустошь, вы могли-бы увеличить количество вашихъ молочныхъ продуктовъ, которые, въ умѣлыхъ рукахъ вашей жены, конечно, принесутъ вамъ хорошій доходъ. И въ этомъ случаѣ, мистрисъ Пойзеръ, я попросилъ-бы васъ снабжать меня молокомъ, сливками и масломъ по рыночнымъ цѣнамъ. Вы-же, Пойзеръ, могли-бы съ своей стороны уступить Тёрлю Верхній и Нижній отрѣзки; вѣдь, говоря откровенно, они только лишняя обуза для васъ: при нашемъ сыромъ климатѣ гораздо меньше риска съ лугами, чѣмъ съ пахатной землей.

Мистеръ Пойзеръ сидѣлъ, упершись локтями въ колѣни, наклонившись впередъ, согнувъ голову на бокъ и крѣпко сжавъ губы, поглощенный, повидимому, единственной заботой—какъ-бы ему сложить концы пальцевъ такимъ образомъ, чтобы придать имъ по возможности полное сходство съ килемъ корабля. Онъ былъ слишкомъ тонкій дѣлецъ, чтобы не оцѣнить предложенія сквайра по достоинству и не предугадать, какъ взглянетъ на этотъ вопросъ его жена, но онъ не любилъ говорить людямъ непріятныя вещи: тамъ, гдѣ дѣло

не касалось непосредственно практики сельскаго хозяйства, онъ всегда предпочиталъ уступить, чѣмъ заводить исторію, и, наконецъ, въ данномъ случаѣ заинтересованнымъ лицомъ была скорѣе жена его, чѣмъ онъ. Поэтому, помолчавъ съ минуту, онъ поднялъ на нее глаза и спросилъ кроткимъ голосомъ:

— Что ты на это скажешь?

Мистрисъ Пойзеръ, покуда мужъ ея молчалъ, пронизывала его холоднымъ, строгимъ взоромъ; но теперь она отвернулась отъ него порывистымъ движеніемъ, поглядѣла съ убійственнымъ равнодушіемъ черезъ дворъ, на крышу сарая, и, проткнувъ свое вязанье, свободной иглой, твердо захватила его обѣими руками.

— Что я скажу?—А вотъ что. Конечно, ты можешь поступать, какъ тебѣ нравится, — можешь раздать хоть всю свою землю до окончанія срока аренды (который, къ слову сказать, кончается только черезъ годъ, считая отъ Михайлова дня); но я не согласна на увеличеніе молочнаго хозяйства; я не возьму на себя лишней работы ни за какіе барыши. Да, по правдѣ сказать, я и барышей-то никакихъ тутъ не вижу, кромѣ тѣхъ, что попадутъ въ чужой карманъ, — къ людямъ, которые умѣютъ соблюдать свою выгоду. Я знаю — каждому свой удѣлъ; одни родятся, чтобы быть помѣщиками и барствовать на землѣ, а другіе — чтобы обливать ее своимъ потомъ (тутъ мистрисъ Пойзеръ пріостановилась перевести духъ); знаю я и то, что весь крещеный міръ обязанъ угождать высшимъ, насколько это въ человѣческихъ силахъ; но я не намѣрена превратиться въ мученицу,—я не хочу, чтобы отъ меня остались кожа да кости, и не стану, какъ какая-нибудь деревянная маслобойка, работать безъ умолку съ утра до ночи ни для какого помѣщика въ Англіи, будь онъ хоть самъ король Георгъ.

— Нѣтъ, нѣтъ дорогая моя мистрисъ Пойзеръ, разумѣется нѣтъ, подхватилъ старый сквайръ, все еще не теряя вѣры въ силу своего краснорѣчія.—Вамъ нѣтъ никакой надобности переутомляться. Но не находите-ли вы, что при такомъ обмѣнѣ вашъ трудъ скорѣе уменьшится, чѣмъ увеличится? На замокъ придется поставлять такъ много молока, что, не смотря на увеличеніе количества скота, производство вашего сыра и масла почти не возрастетъ. А продавать молоко въ сыромъ видѣ, это, мнѣ кажется, самый выгодный способъ сбыта молочныхъ продуктовъ. Развѣ не такъ?

— Да, это правда, сказалъ мистеръ Пойзеръ, будучи не въ силахъ удержаться, чтобъ не высказать своего мнѣнія по вопросу о сельско-хозяйственныхъ доходахъ, и забывая, что въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ былъ для него не вполнѣ отвлеченнымъ.

— Да, это правда, повторила мистрисъ Пойзеръ съ горь

кимъ сарказмомъ, поворачиваясь къ мужу въ полъ-оборота и устремляя свой взоръ на пустое кресло,—совершенная правда для тѣхъ, кто всю свою жизнь грѣется у камина и старается увѣрить добрыхъ людей, что все на свѣтѣ прилажено одно къ одному и идетъ какъ по писаному. Если-бъ можно было сдѣлать пуддингъ только тѣмъ, что перечислишь въ головѣ матеріалы, изъ которыхъ онъ дѣлается, тогда нетрудно было-бы состряпать обѣдъ... Почемъ я знаю, что спросъ на молоко будетъ постоянный? Кто мнѣ поручится, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ замкѣ не заведутся какіе-нибудь новые порядки, и тогда что-же мнѣ остается?—Лежать ночи напролетъ, не смыкая глазъ, да придумывать, куда-бы сбыть молоко? Какихъ-нибудь двадцать лишнихъ галлоновъ—вѣдь это не шутка! Куда я съ ними дѣнусь? А масла Дингаль не возьметъ больше того, что́ онъ беретъ теперь, а хоть и возьметъ, такъ не заплатитъ. Что-же дѣлать тогда съ молокомъ?—Свиней откармливать? А потомъ на колѣняхъ просить мясника, чтобъ онъ ихъ покупалъ, да еще терять половину на скотскихъ падежахъ? А возить это молоко—ѣздить взадъ и впередъ,—вѣдь это возьметъ половину рабочаго дня человѣка и лошади. Какъ это считать? Тоже изъ барышей, должно быть?—Да это все равно, что рѣшетомъ воду носить... Впрочемъ, есть люди, которые и на это способны.

— Отъ этого послѣдняго затрудненія—я говорю о доставкѣ молока—вы будете избавлены, мистрисъ Пойзеръ, сказалъ сквайръ, усматривавшій въ томъ фактѣ, что она снизошла до подробностей, нѣкоторую отдаленную наклонность къ уступкѣ съ ея стороны.—За молокомъ будетъ пріѣзжать Бетель на моей лошади.

— Прошу прощенья, сэръ, на это я не согласна. Я не привыкла, чтобы господскіе лакеи шатались у меня по задворкамъ; я знаю, къ чему это ведетъ. Пойдутъ шуры-муры съ моими работницами, а онѣ и рады стоять, разиня ротъ, да слушать всякій вздоръ вмѣсто того, чтобы работать. Ужъ если намъ судьба разориться, такъ пусть это случится не оттого, что я позволила обратить мою черную кухню въ кабакъ.

— Такъ вотъ что, Пойзеръ, сказалъ сквайръ, мѣняя тактику и придавая дѣлу такой оборотъ, какъ-будто мистрисъ Пойзеръ внезапно отказалась отъ участія въ преніяхъ и покинула залу совѣта:—вы можете распахать Зеленую Пустошь и превратить ее въ поле. А съ молокомъ и масломъ для моего дома я легко устроюсь иначе. Согласившись помѣняться съ Тёрлемъ участками, вы обяжете и сосѣда вашего, и хозяина, а я ужъ не забуду вашей услуги. Черезъ годъ истекаетъ срокъ вашего арендпаго договора и, вѣроятно, вы опять пожелаете возобновить его на три года; въ противномъ-же случаѣ, я увѣренъ, что Тёрль, какъ человѣкъ съ капиталомъ,

возьметъ обѣ фермы, такъ какъ хозяйство на нихъ можетъ быть съ удобствомъ соединено въ одно. Но, разумѣется, мнѣ не хотѣлось-бы разставаться съ стариннымъ моимъ арендаторомъ.

Даже безъ этой послѣдней угрозы уже одного того факта, что ее, такъ сказать, выперли изъ общаго разговора, было достаточно для мистрисъ Пойзеръ, чтобы окончательно выйти изъ себя. Мужъ ея, не на шутку напуганный однимъ намекомъ на возможность для него разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ родился и выросъ (потому что онъ былъ увѣренъ, что старый сквайръ на все способенъ, когда разозлится)—пустился было въ объясненія по поводу неудобствъ, какія представитъ для него покупка новаго скота. „Вотъ видите-ли, сэръ, я думаю, что будетъ очень трудно“...—началъ было онъ кроткимъ голосомъ; но тутъ мистрисъ Пойзеръ перебила его, съ отчаянной рѣшимостью „сказать на этотъ разъ свое слово“, хотя-бы послѣ этого на нихъ посыпался цѣлый дождь предувѣдомленій о выѣздѣ, и имъ пришлось-бы искать пріюта въ богадѣльнѣ.

— Позвольте, сэръ, и мнѣ сказать свое слово, потому что хоть я и женщина, и хоть иные люди думаютъ, что женщина можетъ, какъ дура, стоять и хлопать глазами, пока мужчины продаютъ ея душу,—я все-таки имѣю право говорить: четверть ренты я произвожу своими руками, а другую четверть сберегаю, и если вы позволите мнѣ говорить, я вотъ что скажу: если мистеръ Тёрль такъ охотно беретъ ваши фермы, я отъ души желала-бы, чтобъ онъ попробовалъ взять *эту*. Тогда-бы онъ увидѣлъ, каково жить въ домѣ, гдѣ соединились всѣ казни египетскія,—гдѣ погребъ полонъ воды,—гдѣ лягушки и жабы скачутъ по лѣстницамъ цѣлыми дюжинами,—гдѣ полы всѣ прогнили, и нельзя оставить кусочка сыру, чтобъ его не прогрызли крысы или мыши, потому что онѣ бѣгаютъ чуть-ли не по нашимъ головамъ: нельзя уснуть спокойно,—того и жди, что онѣ съѣдятъ тебя живьемъ... Удивительно, какъ онѣ до сихъ поръ дѣтей у насъ не съѣли. Ужъ я не говорю о томъ, что ни одна постройка не чинится вовремя,—такъ и стоитъ, пока не обвалится, да и тогда ходи, проси да кланяйся, да еще приложи на ремонтъ половину изъ своего кармана... Хотѣла-бы я знать, какой другой арендаторъ помирится съ такими порядками, когда еще вдобавокъ его душатъ рентой до того, что онъ еле-еле выколачиваетъ изъ земли столько, чтобъ ее заплатить,—а сколько онъ положилъ въ эту землю своихъ собственныхъ, кровныхъ денежекъ—такъ это ужъ въ счетъ не идетъ... Посмотримъ, найдете-ли вы человѣка, который согласился-бы вести такую собачью жизнь. Червякъ родился въ гниломъ сырѣ, оттого только, я думаю, онъ и любитъ его.—Конечно, сэръ, вы можете убѣжать отъ моихъ словъ,—продолжала мистрисъ Пой-

зеръ, слѣдуя по пятамъ за старымъ сквайромъ до порога двери и дальше, ибо послѣ первыхъ минутъ столбняка, въ который повергло его ея краснорѣчіе, онъ всталъ и, махая на нее рукой и улыбаясь, направился во дворъ за своимъ пони. Но онъ не могъ уѣхать немедленно, такъ какъ Джонъ проваживалъ лошадь и былъ довольно далеко отъ крыльца въ тотъ моментъ, когда на немъ показался его господинъ.

— ...вы можете убѣжать отъ моихъ словъ, а потомъ на досугѣ плести свою паутину—придумывать всякіе подвохи, чтобы намъ отомстить, потому что чортъ—вашъ первый и единственный другъ—кто-жъ этого не знаетъ?—но я все-таки скажу вамъ разъ и навсегда, что мы не безсловесныя твари и съумѣемъ сбросить узду, когда насъ начнутъ ужъ слишкомъ безцеремонно подстегивать тѣ, кому судьба дала въ руки бичъ. И если я первая говорю вамъ правду въ глаза, такъ это не значитъ еще, что я одна такъ думаю: весь нашъ приходъ—да и сосѣдній,—думаетъ то-же. Никто не можетъ равнодушно слышать вашего имени: вы всѣмъ здѣсь стали поперекъ горла,—всѣ васъ ненавидятъ, кромѣ, можетъ быть, двухъ, трехъ стариковъ, которымъ вы пошлете кое-когда супу съ вашего стола или кусочекъ фланели, разсчитывая этимъ спасти свою душу. Что-жъ, пожалуй, что это и вѣрный разсчетъ: стоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ жертвовать многимъ изъ-за такой души?—я думаю, даже вы, со всей вашей скаредностью, не погонитесь за такимъ барышемъ.

Бываютъ случаи, когда двѣ работницы и погонщикъ составляютъ аудиторію, которой можно бояться, и когда сквайръ усѣлся, наконецъ, на своего вороного пони и поѣхалъ, то даже завидный даръ близорукости не могъ помѣшать ему замѣтить, что Молли, Нанси и Тимъ, стоявшіе невдалекѣ, скалили зубы на его счетъ. Весьма возможно, что онъ заподозрилъ въ томъ-же и угрюмаго старика Джона, ѣхавшаго слѣдомъ за нимъ; если такъ, то онъ былъ близокъ къ истинѣ. Между тѣмъ бульдогъ на цѣпи, черная такса, Аликова овчарка и гусакъ, шипѣвшій на пони съ благородной дистанціи, довольно удачно развивали идею пронзительнаго соло мистрисъ Пойзеръ, перекладывая его въ весьма внушительный квартетъ.

Впрочемъ, мистрисъ Пойзеръ, какъ только пони тронулся съ мѣста, повернула налѣво кругомъ, подарила двухъ смѣшливыхъ дѣвицъ такимъ взглядомъ, отъ котораго тѣ моментально скрылись на черную кухню, вошла въ домъ и, вынувъ изъ своего вязанья иглу, которою оно было заколото, принялась вязать съ всегдашней своей быстротой.

— Ну, вотъ, теперь ты надѣлала дѣла, сказалъ ей мистеръ Пойзеръ, немножко встревоженный, но не безъ торжествующаго восхищенія передъ подвигомъ жены.

— Да, я это знаю, отвѣчала мистрисъ Пойзеръ;—но за

то я сказала-таки свое слово—отвела душу на всю жизнь. Какая радость и жить-то, когда у тебя закупоренъ ротъ, и ты не смѣешь выпускать свои мысли иначе, какъ по капелькѣ, точно разсохшійся боченокъ. Я никогда не раскаюсь въ томъ, что сейчасъ говорила, проживи я хоть до девятаго десятка, какъ самъ старый сквайръ,—хотя на это трудно разсчитывать, потому что, какъ кажется, на томъ свѣтѣ нѣтъ мѣста только тѣмъ, которые и на этомъ свѣтѣ никому не нужны.

— Однако, ты, я думаю, не очень-то обрадуешься, если черезъ годъ, къ будущему Михайлову дню, тебѣ придется распрощаться съ старымъ домомъ и перекочевывать въ чужія мѣста, гдѣ никто тебя не знаетъ, замѣтилъ на это мистеръ Пойзеръ.—Тяжело это будетъ для обоихъ насъ,—ужъ я не говорю про отца.

— Не понимаю, что тебѣ за охота придумывать бѣды: мало-ли что можетъ случиться до будущаго Михайлова дня! До тѣхъ поръ капитанъ можетъ сдѣлаться нашимъ хозяиномъ, и мало-ли еще что, отвѣчала мистрисъ Пойзеръ, обнаруживая совершенно несвойственную ей склонность отнестись съ розовыми надеждами къ затрудненію, вызванному ея собственными заслугами, а не чужой оплошностью.

— Никакихъ бѣдъ я не придумываю, сказалъ на это мистеръ Пойзеръ, поднимаясь со своего трехногаго табурета и неспѣшнымъ шагомъ направляясь къ дверямъ,—но мнѣ будетъ очень жаль разстаться съ старымъ домомъ и съ приходомъ, гдѣ я родился и выросъ, и гдѣ жили мои отцы до меня. Мы пустили здѣсь корни и, я боюсь, никогда не приживемся въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА XXXIII.

НОВЫЯ ЗВЕНЬЯ.

Ячмень былъ, наконецъ, убранъ, и осеннія вечеринки шли своимъ чередомъ, не дожидаясь унылой поры сбора бобовъ. Яблоки и орѣхи были собраны и уже лежали въ погребахъ. Запахъ сыворотки исчезъ съ дворовъ фермъ и замѣнился запахомъ солода. Лѣса за замкомъ и придорожныя деревья приняли величественный, грустно-торжественный видъ подъ низко нависшимъ хмурымъ небомъ. Пришелъ Михайловъ день съ его корзинами душистыхъ пурпурныхъ сливъ и съ болѣе блѣднымъ пурпуромъ маргаритокъ,—суетливый Михайловъ день, когда работники—молодые парни и дѣвушки—мѣняютъ мѣста, и когда ихъ встрѣчаешь цѣлыми десятками, пробирающихся по проселкамъ, между пожелтѣвшихъ изгородей, съ узелками въ рукахъ. Но хоть Михайловъ день и пришелъ, а мистеръ Тёрль, прославленный арендаторъ, такъ и не пере-

ѣхалъ на Домовую Ферму, и старый сквайръ въ концѣ концовъ былъ-таки принужденъ посадить тамъ новаго управителя. Въ обоихъ приходахъ стало извѣстно, что дальновидный планъ сквайра разстроился изъ-за того, что Пойзеры „не поймались на удочку", и геройскій подвигъ мистрисъ Пойзеръ обсуждался на всѣхъ фермахъ съ азартомъ, который только усиливался отъ частыхъ повтореній разсказа. Извѣстіе о томъ, что Бонапартъ вернулся изъ Египта, было сравнительно безвкуснымъ, и отпоръ, встрѣченный французами въ Италіи, былъ ничто въ сравненіи съ отпоромъ, который дала мистрисъ Пойзеръ старому сквайру. Мистеру Ирвайну приходилось выслушивать варіанты этой исторіи въ домѣ каждаго своего прихожанина, за единственнымъ исключеніемъ замка. Но такъ какъ мистеръ Ирвайнъ поставилъ себѣ за правило избѣгать ссоръ съ мистеромъ Донниторномъ (чего и достигалъ до сихъ поръ съ поразительнымъ искусствомъ), онъ не могъ разрѣшить себѣ удовольствія посмѣяться надъ пораженіемъ этого джентльмена ни съ кѣмъ, кромѣ своей матери, которая объявила, что будь она богата, она назначилабы мистрисъ Пойзеръ пожизненную пенсію за храбрость, и даже выразила желаніе пригласить ее въ пасторатъ, дабы выслушать изъ ея собственныхъ устъ разсказъ объ интересной сценѣ.

— Нѣтъ, матушка, этого я не могу допустить, сказалъ мистеръ Ирвайнъ.—Конечно, со стороны мистрисъ Пойзеръ это былъ актъ несомнѣнно справедливой, но все-таки самовольной расправы, а должностному лицу не подобаетъ поощрять самосудъ. Я не долженъ подавать повода къ распространенію слуховъ, что эта ссора интересуетъ меня, иначе я потеряю даже и то слабое хорошее вліяніе, какое я еще имѣю на старика.

— Нѣтъ, положительно эта женщина нравится мнѣ даже больше, чѣмъ ея сливочный сыръ, сказала мистрисъ Ирвайнъ.— Храбрости у нея на троихъ мужчинъ, даромъ что она такая худая и блѣдная; да и языкъ преострый.

— Да, на это она молодецъ: отбрѣетъ лучше всякой бритвы. И преоригинальный у нея способъ изъясняться. Это одинъ изъ тѣхъ умовъ-самородковъ, которые обогащаютъ пословицами народный языкъ. Я, кажется, разсказывалъ вамъ, какъ мѣтко она сказала про Крега, что онъ точно пѣтухъ, который воображаетъ, что солнце встаетъ только затѣмъ, чтобы послушать, какъ онъ запоетъ. Вѣдь это та-же басня Эзопа въ одной коротенькой фразѣ.

— Однако, прескверная будетъ штука, если старикъ прогонитъ ихъ съ фермы на будущій годъ.—какъ ты думаешь?

— О, нѣтъ, до этого не дойдетъ. Пойзеръ такой хорошій арендаторъ, что Донниторнъ подумаетъ да подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую крайнюю мѣру; вѣрнѣе всего,

что онъ переваритъ свою обиду,—тѣмъ дѣло и кончится. Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ будетъ прислать имъ предувѣдомленіе къ Благовѣщенью, и тогда мы съ Артуромъ сдвинемъ небо и землю, а ужъ заставимъ его сдаться. Такихъ старожиловъ прихода, какъ Пойзеры, нельзя допускать уходить.

— А до Благовѣщенья—кто знаетъ, что̀ можетъ случиться, замѣтила мистрисъ Ирвайнъ.—Въ день рожденія Артура меня поразило, какъ сильно старикъ подался: вѣдь ему восемьдесятъ три года, какъ тебѣ извѣстно. Просто безсовѣстно доживать до такихъ лѣтъ; это дозволяется только женщинамъ.

— Особенно, когда у нихъ есть старые холостяки сыновья, которые останутся безъ нихъ горькими сиротами,—докончилъ со смѣхомъ мистеръ Ирвайнъ, цѣлуя у матери руку.

Мистрисъ Пойзеръ точно сговорилась съ мистрисъ Ирвайнъ: всякій разъ, какъ ея мужу случалось высказать опасеніе насчетъ того, что ихъ могутъ попросить очистить ферму, она отвѣчала ему: „Почемъ мы знаемъ, что можетъ случиться до Благовѣщенья“,—одно изъ неоспоримыхъ общихъ положеній, заключающихъ въ себѣ частный смыслъ, который далеко нельзя назвать неоспоримымъ. Но было-бы, право, слишкомъ жестоко относительно человѣческой природы считать человѣка преступникомъ только за то, что онъ можетъ спокойно думать о смерти своего восьмидесятилѣтняго ближняго, хотя-бы то былъ самъ король. Никто не повѣритъ, чтобы хоть одинъ англичанинъ—кромѣ самыхъ тупоумныхъ—оказался вполнѣ вѣрноподданнымъ при такихъ тяжелыхъ условіяхъ

Если не считать вышеупомянутыхъ періодическихъ опасеній мистера Пойзера, въ домѣ у нихъ все шло по старому. Въ послѣднее время мистрисъ Пойзеръ замѣчала въ Гетти поразительную перемѣну къ лучшему. Правда, „дѣвочка стала какая-то скрытная: иной разъ изъ нея клещами слова не вытянешь“; но за то она гораздо меньше думала о нарядахъ и дѣлала свое дѣло старательно, безъ всякихъ напоминаній. Поразительно было еще и то, что теперь она никогда не просилась въ гости; напротивъ: *ее* приходилось упрашивать, чтобы заставить когда-нибудь выйти прогуляться. А когда тетка ей объявила, что отнынѣ и впредь ея уроки рукодѣлья въ замкѣ прекращаются, она покорилась этому безъ всякихъ возраженій и даже не дулась потомъ. Должно быть, такъ оно и есть, разсуждала мистрисъ Пойзеръ, что дѣвочка, наконецъ, полюбила Адама, и эта внезапная ея фантазія поступить въ горничныя была вызвана какой-нибудь маленькой ссорой или недоразумѣніемъ между ними, которое потомъ уладилось потому что всякій разъ, какъ Адамъ показывался на Большой Фермѣ, она видимо приходила въ лучшее настроеніе духа и говорила больше обыкновеннаго, а между тѣмъ, когда являлся къ нимъ съ визитомъ мистеръ Крегъ или кто-нибудь другой изъ ея обожателей, она становилась почти угрюмой.

Самъ Адамъ наблюдалъ за нею сперва съ тревогой и трепетомъ, а потомъ съ удивленіемъ, радостью и надеждой. Пять дней спустя послѣ того, какъ онъ ей передалъ письмо Артура, онъ набрался храбрости и опять пошелъ на Большую Ферму, хоть и боялся, что Гетти будетъ тяжело его видѣть. Ея не было на кухнѣ, когда онъ вошелъ; нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ, бесѣдуя съ мистеромъ и мистрисъ Пойзеръ и дрожа отъ страха, что вотъ сейчасъ они скажутъ ему, что Гетти больна. Но вскорѣ раздались знакомые легкіе шаги, и мистрисъ Пойзеръ сказала: „Иди сюда, Гетти. Гдѣ ты была?“ Тогда Адамъ долженъ былъ обернуться. Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ въ ней страшную перемѣну, и чуть не вздрогнулъ, увидѣвъ, что она улыбается такъ, какъ-будто она рада ему. На первый взглядъ она была все та-же, только на головѣ у нея былъ сегодня чепчикъ, котораго онъ никогда не видалъ на ней по вечерамъ. И однако, присматриваясь къ ней, пока она сидѣла за шитьемъ или вставала за чѣмъ-нибудь и проходила по кухнѣ, онъ убѣдился, что перемѣна была: ея щечки не утратили своей свѣжести, и улыбалась она не меньше, чѣмъ вообще въ послѣднее время, но въ глазахъ, въ выраженіи лица, въ движеніяхъ было что-то новое—менѣе ребяческое, болѣе серьезное, зрѣлое. „Бѣдняжка!“ думалъ Адамъ; „это всегда такъ бываетъ: это оттого, что она переживаетъ свое первое сердечное горе. Но она перенесетъ его,—у нея есть характеръ. Благодарю за это моего Бога!“

Проходили недѣли за недѣлями, а она по прежнему всегда встрѣчала его съ радостью, съ улыбкой поднимала къ нему свое прелестное личико, какъ-будто даже хотѣла дать ему замѣтить, что она рада ему. И работала она все такъ-же прилежно, спокойно, не обнаруживая никакихъ признаковъ грусти, такъ-что, наконецъ, онъ началъ думать, что ея чувство къ Артуру было совсѣмъ не такъ глубоко, какъ онъ было вообразилъ въ первомъ порывѣ негодованія и испуга, и что ребяческая ея фантазія, будто Артуръ серьезно ее любитъ и женится на ней, теперь и самой ей представлялась глупостью, отъ которой она во-время излѣчилась. И какъ знать?—говорилъ онъ себѣ съ надеждой въ минуты особеннаго бодраго настроенія,—можетъ быть, она тѣмъ горячѣе полюбитъ теперь человѣка, который, какъ ей извѣстно, питаетъ къ ней серьезную любовь.

Быть можетъ, вы находите, что Адамъ въ этомъ случаѣ далеко не показалъ себя проницательнымъ и что вообще разумному человѣку не подобало-бы вести себя такимъ образомъ,—влюбиться въ дѣвушку, не имѣющую никакихъ достоинствъ, кромѣ красоты,—надѣлять ее воображаемыми совершенствами, унизиться до того, чтобы страдать по ней, когда она уже полюбила другого, ждать, какъ подачки, ея ласковаго слова и взгляда, точно преданный песъ, терпѣливо под-

стерегающій каждый взглядъ своего господина. Но примите въ соображеніе, что натура человѣческая — очень сложная вещь, для которой не существуетъ правилъ безъ исключеній. Конечно, я и самъ знаю, что общее правило не таково; я знаю, что разумные мужчины влюбляются вообще въ самыхъ разумныхъ изъ извѣстныхъ имъ женщинъ, что они не ловятся на приманку красоты, насквозь видятъ всѣ маленькія уловки кокетства, никогда не воображаютъ себя любимыми, когда ихъ не любятъ, въ надлежащихъ случаяхъ заставляютъ себя разлюбить и женятся на женщинѣ, наиболѣе подходящей для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ-что заслуживаютъ одобреніе всѣхъ дѣвственницъ въ своемъ околоткѣ. Но даже это правило, отъ времени до времени—съ теченіемъ лѣтъ и столѣтій—нарушается исключеніями, и мой пріятель Адамъ былъ однимъ изъ нихъ. И, несмотря на то, я лично уважаю его нисколько не меньше; напротивъ, я даже думаю, что глубокая любовь его къ этой обворожительной, цвѣтущей, темноглазой Гетти, чье внутреннее *я* было для него закрытой книгой, вытекала именно изъ силы, а не изъ слабости его натуры.— Развѣ слабость—скажите по совѣсти,—поддаваться обаянію восхитительной музыки, чувствовать, какъ изумительная гармонія проникаетъ въ самые завѣтные уголки вашей души, въ тончайшія фибры вашего бытія, куда не можетъ проникнуть память,—какъ, соединяя прошлое съ настоящимъ, она наполняетъ все ваше существо неизъяснимымъ трепетомъ,—размягчаетъ вашу душу всею нѣжностью, всею любовью, которая была разбросана по клочкамъ черезъ всѣ годы пройденной жизни,—сосредоточиваетъ въ одномъ порывѣ геройскаго мужества или геройскаго смиренія всѣ трудно доставшіеся вамъ уроки самоотверженной симпатіи,—примѣшиваетъ къ радости настоящаго минувшую скорбь и минувшія радости къ грусти данной минуты?—Развѣ это слабость?—Если нѣтъ, такъ нѣтъ слабости и въ преклоненіи передъ женской красотой. Не слабость—поддаваться очарованію изящныхъ линій женскихъ щечекъ, шеи и рукъ,—очарованію влажной глубины молящихъ глазъ или милой гримаски дѣтскихъ, пухленькихъ губокъ. Ибо женская красота—та-же музыка: можно-ли сказать что-нибудь больше? Красота обладаетъ выраженіемъ, далеко превосходящимъ содержаніе единичной женской души, которую она облекаетъ, какъ геніальныя слова имѣютъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ человѣческая мысль, ихъ породившая. Нѣчто большее женской любви волнуетъ насъ во взглядѣ женскихъ глазокъ: насъ какъ-бы охватываетъ далекая, всемогущая любовь, говорящая съ нами изъ этихъ глазокъ. Чѣмъ благороднѣе натура, тѣмъ сильнѣй она чувствуетъ это *безличное* выраженіе въ красотѣ; потому-то именно благороднѣйшія натуры такъ часто остаются слѣпы къ истиннымъ свойствамъ единичной женской души, воплотившейся въ эту

красоту, И по тому-же самому—боюсь я,—трагедія человѣческой жизни продлится еще много тысячелѣтій, вопреки философамъ-психологамъ, всегда готовымъ придти намъ на помощь съ вѣрнѣйшими рецептами для пресѣченія всѣхъ ошибокъ подобнаго рода.

У нашего честнаго Адама не было красивыхъ словъ, въ которыя онъ могъ-бы облечь свое чувство къ Гетти; какъ вы уже слышали, онъ чистосердечно назвалъ свою любовь тайной и не съумѣлъ бы притвориться, что онъ ее разгадалъ. Онъ зналъ только, что видъ Гетти и воспоминаніе о ней глубоко его волнуютъ, затрогиваютъ въ немъ всѣ струны нѣжности и любви, поднимаютъ въ немъ вѣру и мужество. Могъ-ли онъ послѣ этого допустить къ ней присутствіе себялюбія, черствости, мелочности? Душу, въ которую онъ вѣрилъ, онъ создавалъ изъ собственной своей души—широкой, самоотверженной, нѣжной.

Его возродившіяся надежды на любовь Гетти немного смягчили его чувства къ Артуру. Навѣрно ухаживанія Артура были самаго невиннаго свойства; конечно, онъ во всякомъ случаѣ былъ виноватъ, и ни одинъ порядочный человѣкъ въ его положеніи не долженъ былъ позволять себѣ такого пошлаго волокитства; но все-таки было очевидно, что онъ просто забавлялся отъ нечего дѣлать. Это-то, по всей вѣроятности, и помѣшало ему—съ одной стороны видѣть опасность. а съ другой—надолго овладѣть сердцемъ Гетти. По мѣрѣ того, какъ для Адама воскресала надежда на счастье, негодованіе его и ревность угасали. Гетти не была несчастна; теперь онъ почти вѣрилъ, что начинаетъ нравиться ей, и минутами у него мелькала даже мысль, что дружба, которая, казалось, навѣки умерла, можетъ еще со временемъ возродиться, и ему не только не придется сказать „прости“ величественнымъ старымъ лѣсамъ, но они станутъ ему еще дороже оттого, что Артуръ ихъ хозяинъ. Дѣло въ томъ, что это новая надежда на счастье, такъ быстро смѣнившая острую боль перваго потрясенія, буквально опьянила трезваго Адама, котораго трудная жизнь пріучила обуздывать надежды, Неужели въ концѣ концовъ въ жизни его пойдетъ гладко?—Все говорило за это. Въ началѣ ноября Джонатанъ Бурджъ, убѣдившись въ невозможности замѣнить Адама, рѣшился, наконецъ, предложить ему долю въ своихъ торговыхъ дѣлахъ съ единственнымъ условіемъ, чтобъ онъ продолжалъ отдавать имъ свои силы и отказался отъ мысли заводить самостоятельное дѣло. Адамъ не могъ быть его зятемъ, но въ качествѣ-ли зятя или чужого, онъ сдѣлался для старика слишкомъ необходимымъ, чтобы тотъ могъ съ нимъ растаться, и голова Адама была для него настолько важнѣе его сноровки въ работѣ, что новыя его обязанности лѣсничаго при замкѣ почти не уменьшали цѣнности его услугъ; что-же касается покупки лѣса у сквайра, то это

затрудненіе было легко устранить, поручивъ эту часть третьему лицу. Предложенія Бурджа открывало Адаму широкое поприще плодотворнаго и прибыльнаго труда, о какомъ онъ постоянно мечталъ съ юношескихъ лѣтъ. Быть можетъ, со временемъ онъ будетъ строить мосты, общественныя зданія и фабрики: онъ вѣдь всегда говорилъ, что строительная мастерская Джонатана Бурджа,—это жолудь, изъ котораго можетъ вырости большое дерево. Итакъ, онъ съ радостью принялъ предлагаемую сдѣлку и, распрощавшись съ Бурджемъ, пошелъ домой, исполненный радужныхъ грезъ, въ которыхъ (быть можетъ, моя щепетильная читательница оскорбится, когда я это скажу)—въ которыхъ образъ Гетти парилъ надъ планами просушки лѣса при наименьшихъ издержкахъ и улыбался вычисленіямъ насчетъ удешевленія кирпича посредствомъ перевозки водой и излюбленной мысли Адама объ укрѣпленіи крышъ и стѣнъ помощью желѣзныхъ брусьевъ особенной формы. А почему-жъ бы и нѣтъ?—Адамъ вкладывалъ всю свою энергію въ эти вещи, а наша любовь пропитываетъ нашу энергію, какъ электричество пропитываетъ воздухъ, увеличивая его силу своимъ невидимымъ присутствіемъ.

Теперь Адамъ имѣлъ возможность жить на два дома: содержать свою мать въ старомъ домѣ, а для себя нанять новый. Такимъ образомъ, онъ могъ жениться очень скоро, и если Дина согласится выйти за Сета, то мать, по всей вѣроятности, предпочтетъ жить съ ними. Но все-таки Адамъ говорилъ себѣ, что онъ не будетъ торопиться,—не станетъ испытывать чувство Гетти къ нему, чтобы дать ему время созрѣть и окрѣпнуть. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, завтра послѣ вечерни онъ пойдетъ къ Пойзерамъ и разскажетъ имъ свою радость. Онъ зналъ, что для мистера Пойзера это будетъ самымъ лучшимъ подаркомъ, а для Гетти... Ну, завтра онъ увидитъ, заблестятъ-ли у нея глазки отъ его новости. Теперь ему предстоитъ столько дѣла, что нѣсколько мѣсяцевъ пролетятъ незамѣтно, а это глупое нетерпѣніе, овладѣвшее имъ въ послѣднее время,—онъ съумѣетъ его обуздать и не дать понудить себя на преждевременный шагъ. И, однако, когда онъ пришелъ домой, разсказалъ матери свою хорошую новость и усѣлся ужинать, а она сидѣла подлѣ, чуть не плача отъ радости и требуя, чтобъ онъ ѣлъ за двоихъ, по случаю своей удачи,—онъ не могъ удержаться, чтобы не заговорить съ ней полегоньку о томъ, что старый ихъ домъ слишкомъ тѣсенъ, и что имъ нельзя будетъ жить въ немъ постоянно,—подготовляя ее такимъ образомъ къ предстоящей перемѣнѣ въ ихъ жизни.

ГЛАВА XXXIV.

ПОМОЛВКА.

Было 2-е ноября, воскресенье, удивительно сухой и теплый день для этой поры года. Солнца не было видно, но облака стояли высоко, и было такъ тихо, что желтые листья, облетавшіе съ придорожныхъ вязовъ, казалось, падаютъ просто отъ старости—сами собой. Но, не смотря на теплую погоду, мистрисъ Пойзеръ не пошла въ церковь; она простудилась настолько серьезно, что ей нужно было поберечься: не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ она была больна воспаленіемъ и нѣсколько недѣль пролежала въ постели; а мистеръ Пойзеръ разсудилъ, что такъ какъ женѣ его нельзя выходить, то лучше и ему остаться дома „за компанію". Весьма возможно, что онъ не съумѣлъ-бы объяснить въ опредѣленныхъ выраженіяхъ причинъ, которыя привели его къ такому рѣшенію, но—какъ это извѣстно всѣмъ экспериментальнымъ философамъ, — самыя твердыя наши рѣшенія часто зависятъ отъ неуловимыхъ впечатлѣній, для которыхъ слова—слишкомъ грубый проводникъ. Какъ бы то ни было, изъ всей семьи Пойзеровъ въ этотъ день отправились въ церковь только Гетти да мальчики. Тѣмъ не менѣе Адамъ такъ расхрабрился, что подошелъ къ Гетти послѣ вечерни и объявилъ, что онъ идетъ къ нимъ. Впрочемъ, пока они проходили деревней, онъ больше занимался Марти и Томми, разсказывалъ имъ про бѣлокъ, которыя водятся въ Бинтонскомъ лѣсу, и обѣщалъ какъ-нибудь свозить ихъ туда. Но когда они вышли въ поле, онъ сказалъ мальчикамъ: „А ну-ка, кто изъ насъ лучшій ходокъ? Кто первый дойдетъ до дому, тотъ первый поѣдетъ со мной въ Бинтонскій лѣсъ на ослѣ. Но только Томми мы дадимъ нѣсколько сажень впередъ, потому что онъ меньше".

Никогда еще до сихъ поръ Адамъ не велъ себя, какъ признанный поклонникъ. Какъ только мальчики убѣжали впередъ, онъ посмотрѣлъ на Гетти и сказалъ: "Гетти, не хотите-ли опереться на мою руку?"—такимъ умоляющимъ голосомъ, точно онъ уже просилъ ее объ этомъ, и она отказалась. Гетти подняла на него глаза, улыбнулась и сейчасъ-же продѣла свою ручку подъ его. Для нея не составляло никакой разницы—идти-ли одной, или подъ руку съ Адамомъ, но она знала, что ему это не все равно, и ей это было пріятно. Ея сердце не забилось быстрѣй, и она смотрѣла кругомъ, на оголенныя изгороди и на вспаханное черное поле, съ тѣмъ-же ощущеніемъ гнетущей тоски, какъ и раньше. Но Адамъ не слышалъ подъ собою земли: навѣрно Гетти замѣтила, что онъ слегка, чуть-чуть прижимаетъ къ себѣ ея руку... Слова, которыхъ онъ не смѣлъ выговорить, которыхъ онъ не хотѣлъ еще ей гово-

рить, просились на языкъ... И онъ молчалъ до самаго конца поля. Спокойное терпѣніе, съ какимъ когда-то онъ ждалъ любви Гетти, довольствуясь ея присутствіемъ и мечтами о будущемъ покинуло его съ того ужаснаго дня, почти три мѣсяца тому назадъ, когда онъ видѣлъ ее въ рощѣ съ Артуромъ. Волненія ревности превратили его любовь въ нетерпѣливую, бурную страсть; страхъ и неизвѣстность сдѣлались почти нестерпимы. Но если онъ и не можетъ еще заговорить съ Гетти о своей любви, онъ, по крайней мѣрѣ, разскажетъ ей свою хорошую новость и посмотритъ, обрадуется-ли она. Итакъ, когда онъ овладѣлъ собой настолько, что былъ въ состояніи говорить, онъ сказалъ:

— Знаете, Гетти, я имѣю сообщить вашему дядѣ одну новость, которая его удивитъ и, я думаю, обрадуетъ.

— Какая-же это новость? спросила Гетти равнодушно.

— Мистеръ Бурджъ предложилъ мнѣ быть его компаньономъ, и я согласился.

Гетти измѣнилась въ лицѣ, и ужъ, конечно, эта перемѣна не была вызвана пріятнымъ впечатлѣніемъ—въ этомъ нельзя было ошибиться. Дѣло въ томъ, что она испугалась и огорчилась: она такъ часто слышала отъ дяди, что стоитъ Адаму захотѣть, и онъ завтра-же станетъ женихомъ Мэри Бурджъ и компаньономъ ея отца, что въ ея умѣ оба эти представленія соединились въ одно, и теперь ей прежде всего пришло въ голову, что вѣрно Адамъ разлюбилъ ее послѣ всего случившагося и рѣшилъ жениться на Мэри Бурджъ. А съ этой мыслью—и прежде, чѣмъ она успѣла припомнить все то, что говорило противъ подобной догадки,—явилось опять чувство, одиночества и обманутаго ожиданія: единственное существо, единственный человѣкъ, на которомъ ея душа отдыхала въ своемъ безысходномъ уныніи, ускользалъ отъ нея.... И отъ обиды и огорченія глаза ея наполнились слезами. Она смотрѣла въ землю, но Адамъ видѣлъ ея лицо, видѣлъ слезы, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ договорить: „Гетти, дорогая моя, о чемъ вы плачете?“ его быстрая, нетерпѣливая мысль перебрала все, чѣмъ могли быть вызваны эти слезы, и, наконецъ остановилась на единственной вѣроятной причинѣ. Гетти, подумала, что онъ женится на Мэри Бурджъ.... она не хочетъ, чтобъ онъ женился,—можетъ быть, оттого, что она хочетъ, чтобъ онъ женился на ней?.. Всякая осторожность была отброшена, въ ней больше не было надобности, и онъ могъ только чувствовать трепетную радость. Онъ наклонился къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Гетти, теперь я могъ-бы жениться; теперь я могу не бояться, что жена моя будетъ терпѣть нужду. Но я никогда не женюсь, если *вы* не возьмете меня.

Гетти взглянула на него и улыбнулась сквозь слезы—совершенно такъ, какъ она улыбнулась Артуру въ тотъ первый

вечеръ въ лѣсу, когда она думала, что онъ не придетъ, а онъ вдругъ пришелъ. Облегченіе, которое она испытала теперь, теперешнее ея торжество было несравненно слабѣе, но темные большіе глаза и розовыя губки были такъ-же хороши, какъ тогда, быть можетъ даже лучше, потому что въ послѣднее время въ ея красотѣ было больше женственности. Адамъ едва вѣрилъ своему счастью. Правой рукой онъ держалъ ея лѣвую ручку и крѣпко прижималъ къ своему сердцу, низко наклонившись къ ней.

— Неужто вы и вправду любите меня, Гетти?.. Вы будете моей женой и позволите мнѣ любить васъ и заботиться о васъ до конца жизни?

Гетти не отвѣтила, но лицо Адама было совсѣмъ близко къ ея лицу, и она, какъ котенокъ, прижалась къ нему своей кругленькой щечкой. Ей было нужно, чтобъ ее приласкали, ей было нужно чувствовать себя такъ, какъ будто-бы Артуръ былъ опять съ нею.

Послѣ этого Адамъ не требовалъ словъ, и во всю остальную дорогу они почти не говорили. Онъ только спросилъ: „Могу я сказать вашему дядѣ и теткѣ?“, и она отвѣтила: „Да“.

Счастливыя лица освѣщало въ тотъ вечеръ пламя камина на Большой Фермѣ послѣ того, какъ Гетти ушла къ себѣ наверхъ, и Адамъ воспользовался этимъ случаемъ и сказалъ мистеру Пойзеру, его женѣ и старику дѣду, что теперь у него есть средства содержать семью, и что Гетти согласилась быть его женой.

— Надѣюсь, вы не противъ того, чтобъ она за меня вышла, прибавилъ онъ;—хоть я покамѣстъ еще и бѣдный человѣкъ, но она не будетъ нуждаться ни въ чемъ, что̀ только можетъ быть добыто трудомъ.

— Что̀ вы, Адамъ, Христосъ съ вами! Что можемъ мы имѣть противъ васъ? говорилъ мистеръ Пойзеръ, покуда старый дѣдъ, согнувшись въ три погибели, тянулъ свое длинное: „Нѣ-тъ, мы ра-ады“.—Ничего не значитъ, что вы не богаты; у васъ заложенъ капиталъ въ головѣ, какъ онъ бываетъ заложенъ въ засѣянномъ полѣ: надо только дать ему время, и онъ окажетъ себя. Если по началу у васъ будетъ въ чемъ недохватка, мы вамъ поможемъ кой-чѣмъ изъ домашняго обихода.—Вѣдь у тебя, я думаю, припасено тамъ и пуху, и холстины?

Само собою разумѣется, что этотъ вопросъ относился къ мистрисъ Пойзеръ, котор я сидѣла, укутавшись въ теплый платокъ, и такъ охрипла, что не могла вести бесѣду со свойственной ей легкостью. Теперь она выразительно кивнула головой и думала было этимъ ограничиться, но потомъ не выдержала: она любила быть во всемъ обстоятельной, и искушеніе было на этотъ разъ слишкомъ сильно̀.

— Хороша-бы я была хозяйка, если бъ у меня не нашлось

холстины и пуху, когда я ни одной птицы не продаю неощипанной, а самопрялка стучитъ у насъ безъ умолку круглый годъ, сказала она хриплымъ голосомъ.

— Поди, поди сюда, моя дѣвочка, сказалъ мистеръ Пойзеръ, когда Гетти сошла опять внизъ.—Поцѣлуй меня. Дай тебѣ Богъ всякаго счастья.

Геттти спокойно подошла и поцѣловала добродушнаго голстяка

— Вотъ такъ. А теперь пойди поцѣлуй тетку и дѣда, продолжалъ онъ, похлопавъ ее по спинѣ.—Я такъ-же искренно желалъ-бы видѣть тебя хорошо пристроенной, какъ если бъ ты была родной моей дочерью, да и тетка твоя рада не меньше меня—я увѣренъ,—потому что въ эти семь лѣтъ она заботилась о тебѣ, Гетти, какъ о своемъ ребенкѣ... Постой, постой, еще не все,—прибавилъ онъ, развеселившись, когда Гетти поцѣловала тетку и старика:—надо поцѣловать и Адама: теперь онъ имѣетъ право на поцѣлуй.

Гетти отвернулась, улыбаясь, и пошла было къ своему пустому стулу.

— Ну, Адамъ, когда такъ, такъ ты самъ ее поцѣлуй, если ты настоящій мужчина, сказалъ мистеръ Пойзеръ.

И Адамъ—этотъ здоровый, рослый парень,—всталъ, краснѣя, какъ дѣвочка, обнялъ Гетти за талію, нагнулся и осторожно поцѣловалъ ее въ губы.

Да, премилую сценку освѣщало красное пламя камина на кухнѣ Большой Фермы, потому что тамъ не было свѣчей. Да и зачѣмъ-бы имъ было горѣть, когда огонь пылалъ такъ ярко и отражался отъ оловянной посуды и полированнаго дуба столовъ? Никому не приходило въ голову работать въ воскресенье. Всѣ были счастливы. Даже Гетти испытывала нѣчто въ родѣ радости, окруженная всей этой любовью. Любовь Адама, ласки Адама не будили въ ней страсти и не могли уже удовлетворять ея тщеславія, но въ нихъ было лучшее, что̀ еще могла дать ей жизнь: онѣ сулили ей хоть какую-нибудь перемѣну.

Много было въ этотъ вечеръ толковъ о томъ, удастся-ли Адаму найти подходящій домъ, въ которомъ онъ могъ-бы поселиться съ женой. Въ деревнѣ всѣ дома были заняты; пустовалъ только одинъ—рядомъ съ Виллемъ Маскери, да и тотъ былъ слишкомъ тѣсенъ. Мистеръ Пойзеръ доказывалъ, что лучше всего было-бы Сету съ матерью перейти въ этотъ домъ, а Адаму поселиться въ старомъ, который со временемъ можно будетъ увеличить, такъ какъ во дворѣ и въ саду оставалось еще много свободнаго мѣста. Но Адамъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобъ выселить мать изъ стараго дома.

— Ну, ладно, тамъ увидимъ, сказалъ, наконецъ, мистеръ Пойзеръ,—Нѣтъ никакой надобности рѣшать все непремѣнно сегодня. Будетъ еще время подумать. Вѣдь все равно вы не

поженитесь до Святой; надѣюсь, вы не вздумаете вѣнчаться раньше? Хоть я и не стою за проволочку въ такихъ случаяхъ, а все-таки нужно-же время, чтобъ все устроить какъ слѣдуетъ.

— Разумѣется, подтвердила хриплымъ шепотомъ мистрисъ Пойзеръ:—крещеные люди не женятся, какъ кукушки въ лѣсу, я надѣюсь.

— Боюсь я только, не выгнали-бы насъ съ нашей земли, сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Грустно становится, какъ подумаешь, что, можетъ быть, придется переѣзжать Богъ знаетъ куда—миль за двадцать, а то и больше.

— Охъ, чего ужъ хуже! откликнулся старикъ, упорно глядя въ полъ, и безпокойно задвигалъ руками, не снимая локтей съ ручекъ кресла.—Чего ужъ хуже—бросать старое гнѣздо!.. Похоронятъ на чужомъ кладбищѣ... Въ чужую землю положатъ... Да и тебѣ нехорошо: придется, пожалуй, двойную ренту платить, прибавилъ онъ, взглянувъ на сына.

— Ну полно, отецъ! Зачѣмъ тужить заранѣе?.. сказалъ Мартинъ-младшій.—Вотъ погоди—пріѣдетъ капитанъ и помиритъ насъ съ старымъ сквайромъ. Я крѣпко на это надѣюсь, потому что я знаю, что капитанъ всегда стоитъ за правое дѣло.

ГЛАВА XXXV.

ТАЙНЫЙ СТРАХЪ.

Хлопотливое это было время для Адама—отъ начала ноября до февраля: въ этотъ промежутокъ онъ видался съ Гетти почти-что только по воскресеньямъ. Но все-таки счастливое время! Съ каждымъ днемъ оно приближало его къ марту, когда они должны были пожениться, и каждый новый маленькій вкладъ въ ихъ будущее хозяйство отмѣчалъ приближеніе желаннаго дня. Къ старому дому пристроили двѣ комнаты, такъ какъ въ концѣ концовъ было рѣшено, что мать и братъ будутъ жить съ молодыми. При одной мысли, что ей придется разставаться съ сыномъ, Лизбета такъ жалобно плакала, что наконецъ Адамъ пошелъ къ Гетти и спросилъ ее, не попробуетъ-ли она, изъ любви къ нему, помириться съ причудами его матери и не согласится-ли жить съ нею. Къ великой его радости, Гетти отвѣчала: „Хорошо, пусть живетъ съ нами, если хочетъ, — мнѣ все равно“. На сердцѣ у Гетти лежалъ въ то время тяжкій гнетъ, и ей было не до причудъ бѣдной Лизбеты. Такимъ образомъ, Адамъ утѣшился въ своемъ недавнемъ огорченіи за Сета, который вернулся изъ Сноуфильда и сказалъ ему, что „все напрасно: сердце Дины не лежитъ къ браку“. А когда онъ передалъ матери,

что Гетти охотно соглашается, чтобы имъ жить всѣмъ вмѣстѣ, и что теперь нечего думать о разлукѣ, старуха сказала такимъ довольнымъ тономъ, какого онъ не слышалъ отъ нея съ того дня, какъ было рѣшено, что онъ женится: „Ты увидишь сынокъ, я притихну, какъ старая мышь: меня не будетъ ни видно, ни слышно. Я и съ услугами своими не стану соваться,—буду себѣ дѣлать черную работу, которую *ей* не захочется дѣлать. Вотъ какъ все чудесно устроилось! И по суды не придется намъ рознить: будетъ стоять себѣ на полкахъ вся вмѣстѣ, какъ стояла еще раньше, чѣмъ ты родился".

Одно только облачко отъ времени до времени набѣгало на счастье Адама: порой ему казалось, что Гетти несчастна Но на всѣ его тревожные, нѣжные разспросы она увѣренно отвѣчала, что она совершенно довольна и не желаетъ ничего лучшаго, а когда они встрѣчались въ слѣдующій разъ, она казалась особенно оживленной. Очень можетъ быть, что она просто переутомилась отъ домашнихъ хлопотъ, потому что вскорѣ послѣ святокъ мистрисъ Пойзеръ опять простудилась, схватила воспаленіе и должна была просидѣть въ своей комнатѣ весь январь. Гетти пришлось вести все хозяйство, убирать весь нижній этажъ, да еще исполнять половину работы за Молли, такъ какъ эта добродушная дѣвица ходила за больной, и она съ такимъ рвеніемъ отдавалась своимъ новымъ обязанностямъ, работала съ такимъ несвойственнымъ ей постоянствомъ, что мистеръ Пойзеръ часто говорилъ Адаму: „Это она хочетъ вамъ показать, какая она будетъ хорошая хозяйка. Боюсь только, что дѣвочка немножко пересаливаетъ", прибавлялъ онъ:—„непремѣнно надо ей дать отдохнуть, какъ только ея тетка поправится и сойдетъ внизъ".

Это желанное событіе—появленіе мистрисъ Пойзеръ въ нижнемъ этажѣ—воспослѣдовало въ первой половинѣ февраля, когда нѣсколько выпавшихъ теплыхъ деньковъ растопили послѣднюю залежь снѣга на Бинтонскихъ холмахъ. Въ одинъ изъ этихъ дней, вскорѣ послѣ того, какъ ея тетка опять взяла бразды правленія въ свои руки, Гетти отправилась въ Треддльстонъ закупить къ свадьбѣ кое-что изъ хозяйственныхъ вещей. Тетка и то уже бранила ее, что она не заботилась объ этомъ раньше. „А все оттого, говорила она,—что эти вещи не на показъ, а то ты бы давно ихъ купила".

Было около десяти часовъ, когда Гетти вышла изъ дому. Легкій бѣлый иней, покрывавшій съ утра всѣ изгороди, исчезъ, какъ только солнце поднялось выше на безоблачномъ небѣ. Въ чувствѣ надежды, которое несутъ съ собой ясные февральскіе дни, есть сила обаянія, какой вы не испытываете ни въ какую другую пору года. Такъ радостно стоять подъ кроткими лучами солнца, смотрѣть черезъ плетень на терпѣливыхъ лошадей, заворачивающихъ плугъ у конца борозды, и думать, что впереди передъ тобой еще цѣлое прекрасное

лѣто. Должо быть, и птицы чувствуютъ то-же самое; ихъ голоса такъ чисто звенятъ въ чистомъ воздухѣ! На кустахъ и деревьяхъ нѣтъ еще листьевъ, но какъ весело за то зеленѣютъ поля, и какъ хорошо ихъ оттѣняетъ красновато-коричневый цвѣтъ вспаханной земли и оголенныхъ сучьевъ! Какимъ счастливымъ долженъ казаться міръ путешественнику, проѣзжающему по холмамъ и долинамъ среди оживающей природы! Я часто думалъ объ этомъ, путешествуя въ чужой землѣ, гдѣ поля и лѣса такъ напоминали мнѣ нашу Англію и Ломширъ, гдѣ богатая почва воздѣлывается съ такою-же заботливостью, и лѣса спускаются мягкими склонами къ зеленымъ лугамъ. Я думалъ объ этомъ всякій разъ, какъ одинъ предметъ, попадавшійся мнѣ на дорогѣ, напоминалъ мнѣ, что я не въ Ломширѣ: я говорю о распятіи—объ этомъ символѣ великихъ страданій—крестныхъ страданій Христа. Распятіе стояло то подлѣ группы цвѣтущихъ яблонь, то въ открытомъ полѣ, все освѣщенное солнцемъ, то на поворотѣ дороги, у опушки лѣса, надъ свѣтлымъ, журчащимъ ручейкомъ; и явись въ нашъ міръ путешественникъ, не имѣющій понятія о человѣческихъ страданіяхъ на землѣ, навѣрно онъ подумалъ-бы, что этотъ образъ страданія совсѣмъ не у мѣста среди такой веселой природы. Вѣдь онъ не зналъ-бы, что за цвѣтущими яблонями, или въ золотыхъ колосьяхъ пшеницы, или подъ темнымъ сводомъ лѣса, можетъ скрываться страждущее, замирающее отъ боли человѣческое сердце,—быть можетъ, молоденькая, цвѣтущая дѣвушка, не знающая, гдѣ ей укрыть свой быстро надвигающійся позоръ, такъ-же мало смыслящая въ житейскихъ дѣлахъ, какъ какая-нибудь глупая заблудившаяся овечка, которую ночь застигла на пустынѣ и которая бредетъ все дальше и дальше, сама не зная куда,—а между тѣмъ уже извѣдавшая самое горькое, что только есть въ человѣческой жизни.

Такія вещи скрываются иногда среди улыбающихся полей и въ цвѣтущихъ садахъ, и можетъ быть, сквозь веселое журчаніе ручейка—если вы пойдете поближе вонъ къ тому зеленому мѣстечку за кустомъ,—ваше ухо различитъ отчаянныя человѣческія рыданія... Неудивительно, что въ человѣческой религіи такъ много скорби. Неудивительно, что ей нуженъ страдающій Богъ.

Гетти, въ своемъ красномъ плащѣ и теплой шляпѣ, съ корзинкой на рукѣ, сворачиваетъ къ воротцамъ, что виднѣются невдалекѣ отъ Треддльстонской дороги,—но не за тѣмъ, чтобы подольше насладиться сіяніемъ солнца и съ радостной надеждой думать о долгомъ тепломъ лѣтѣ, которое ждетъ ее впереди. Едва ли она даже сознаетъ, что солнце свѣтитъ надъ ней; а надежда?!.. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ она ни на что не надѣется; если-же надежда и посѣщаетъ ее, такъ это надежда на такой исходъ, передъ которымъ она

сама содрогается и трепещетъ.—Ей нужно только отойти подальше отъ большой дороги, чтобы можно было идти потихоньку и не бояться, что кто-нибудь прочтетъ у нея на лицѣ ея мучительныя мысли. А черезъ эти воротца она выйдетъ на боковую тропинку, что тянется за густой, широкой изгородью. Ея большіе темные глаза блуждаютъ по полямъ, ничего не видя: такъ могутъ глядѣть глаза покинутой. безпріютной дѣвушки, никѣмъ не любимой, а не счастливой невѣсты хорошаго, добраго человѣка. Но въ нихъ нѣтъ слезъ: она выплакала всѣ свои слезы въ ту злополучную ночь, надъ письмомъ. У слѣдующихъ воротецъ тропинка развѣтвляется; теперь передъ ней двѣ дороги; одна вдоль изгороди,—эта скоро выведетъ ее опять на большую дорогу; другая—совсѣмъ въ сторону, на перерѣзъ черезъ поля: по ней она придетъ на Зеленую Пустошь—низкій сырой лугъ, гдѣ она не встрѣтитъ ни души. Она выбираетъ вторую тропинку и прибавляетъ шагу, какъ-будто вдругъ припомнивъ, что у нея есть цѣль впереди, къ которой надо спѣшить... Вотъ и Зеленая Пустошь. Широкій лугъ постепенно спускается внизъ; она бросаетъ тропинку и идетъ по этому склону. Подальше, въ самой низинѣ, виднѣется какъ-будто группа деревьевъ; къ ней-то она держитъ свой путь... Нѣтъ, это не деревья, а большая черная лужа, до того переполненная отъ зимнихъ дождей, что нижнія вѣтки ростущаго подлѣ куста бузины покрыты водой. Она садится на траву у самой воды, прислонившись спиной къ стволу высокаго дуба, склонившагося надъ черной поверхностью лужи. Много разъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца думала она объ этой лужѣ по ночамъ, и вотъ наконецъ пришла взглянуть на нее. Обхвативъ руками колѣни, она нагнулась впередъ и, не отрываясь, глядитъ въ черную воду, какъ будто старается отгадать, хорошо-ли будетъ лежать тамъ ея молодому цвѣтущему тѣлу.

Нѣтъ, у нея не хватитъ храбрости броситься въ эту холодную водяную постель, а если-бъ и хватило, такъ вѣдь ее могутъ найти,—могутъ узнать, отчего она утопилась... Нѣтъ, ей остается одно—уйти.. убѣжать такъ, чтобъ ее не нашли.

Когда ее впервые посѣтилъ ея великій страхъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ ея помолвки съ Адамомъ, она ждала, долго ждала, въ слѣпой, неясной надеждѣ, что что-нибудь случится... что-нибудь такое, что освободитъ ее отъ этого страха. Но дольше ждать было нельзя. Вся энергія ея натуры сосредоточилась въ одномъ усиліи—скрыть... скрыть во что-бы то ни стало, и въ непобѣдимомъ ужасѣ она отступала передъ всякимъ шагомъ, который могъ повлечь за собой разоблаченіе ея позорной тайны. У нея мелькала мысль написать Артуру, но она всякій разъ отталкивала ее: онъ ничего не могъ сдѣлать, что бы спасти ее отъ позора и презрѣнія ея родныхъ и сосѣдей—всѣхъ тѣхъ, кто опять составлялъ ея

маленькій міръ теперь, когда ея воздушный замокъ рухнулъ. Воображеніе не рисовало ей больше счастья съ Артуромъ. Нѣтъ, случится что-нибудь другое,—что-нибудь *должно*-же случиться, чтобъ избавить ее отъ этого ужаса. Въ неопытной, ребячески-юной душѣ всегда живетъ слѣпая вѣра въ случай: ребенку такъ-же трудно повѣрить, что его постигнетъ большое горе, какъ повѣрить, что онъ долженъ когда-нибудь умереть.

Но теперь суровая необходимость толкала ее на рѣшительный шагъ: день ея свадьбы приближался, она не могла успокаивать себя долѣе слѣпою вѣрой въ случай. Надо бѣжать, надо спрятаться въ такое мѣсто, гдѣ ни одни знакомые глаза не могли-бы увидѣть ее... И тутъ только страхъ передъ невѣдомымъ міромъ, въ которомъ ей придется блуждать совершенно одной, заставилъ ее серьезно подумать о возможности уѣхать къ Артуру,—и эта мысль немного успокоила ее. Она чувствовала себя такою безпомощной, до такой степени неспособной представить себѣ свое будущее, что возможность броситься къ кому-нибудь за поддержкой являлась для нея облегченіемъ, бывшимъ сильнѣе ея гордости. И пока она сидѣла надъ холодной черной водой, содрогаясь отъ одного ея вида, надежда, что Артуръ приметъ ее ласково,—будетъ заботиться о ней и думать за нее,—повѣяла на нее убаюкивающимъ тепломъ, заставившимъ ее забыть объ всемъ остальномъ. И она стала придумывать, какъ-бы ей вѣрнѣе осуществить свой планъ побѣга.

Не такъ давно она получила письмо отъ Дины, наполненное горячими поздравленіями по случаю ея приближавшейся свадьбы, о которой Дина узнала отъ Сета, и самыми сердечными пожеланіями ей всякаго счастья. Когда она прочла это письмо своему дядѣ, онъ сказалъ: „Какъ-бы я хотѣлъ, чтобы Дина опять пріѣхала къ намъ; она была-бы большой поддержкой для твоей тетки теперь, когда тебя не будетъ съ нами. Какъ ты думаешь, дѣвчурка, не съѣздить-ли тебѣ къ ней, когда тетка поправится? Можетъ быть, ты уговорила-бы ее пріѣхать. Хоть она тамъ и пишетъ, что ей нельзя бросить своихъ, а все-таки тебѣ, можетъ быть, и удалось-бы ее убѣдить: ты могла-бы ей сказать, что она очень нужна теткѣ“. Гетти совсѣмъ не улыбалась мысль ѣхать въ Сноуфильдъ; къ Динѣ ее тоже не тянуло, поэтому она отвѣтила только: „Это такъ далеко, дядя“. Но теперь она подумала, что эта поѣздка могла-бы послужить ей удобнымъ предлогомъ уйти изъ дому. Когда она вернется домой, она скажетъ теткѣ, что ей хотѣлось бы, разнообразія ради, съѣздить въ Сноуфильдъ на недѣлю или дней на десять. А тамъ, добравшись до Стонитона, гдѣ ее никто не знаетъ, она разспроситъ, какіе дилижансы ходятъ въ Виндзоръ: Артуръ въ Виндзорѣ, и она поѣдетъ къ нему.

Какъ только она остановилась на этомъ планѣ, она под-

нялась съ травы, взяла свою корзинку и пошла по дорогѣ въ Треддльстонъ: ей все-таки нужно купить къ свадьбѣ тѣ вещи, за которыми она шла, хоть онѣ никогда ей не понадобятся. Теперь для нея самое главное—не возбудить подозрѣній; сохрани Боже, если догадаются, что она рѣшила бѣжать.

Мистрисъ Пойзеръ была очень пріятно удивлена, услышавъ, что Гетти желаетъ повидать Дину и уговорить ее пріѣхать на свадьбу. Но ужъ если ей ѣхать, такъ ѣхать скорѣе, пока стоятъ такіе хорошіе дни. Въ тотъ-же день вечеромъ пришелъ Адамъ и, узнавъ о предполагаемой поѣздкѣ, сказалъ, что если Гетти можетъ собраться завтра, такъ онъ выберетъ время проводить ее до Треддльстона и самъ усадитъ ее въ Стонитонскій дилижансъ.

— Какъ жаль, что я не могу ѣхать съ вами, Гетти, говорилъ Адамъ на другое утро, стоя у дверцы дилижанса.—Но вы вѣдь не очень долго пробудете, не больше недѣли?.. Какъ будетъ тянуться для меня это время!

Онъ съ любовью смотрѣлъ на нее, и его сильная рука сжимала ея руку. Его присутствіе дѣйствовало на нее успокоительно; его покровительственная нѣжность наполняла ее чувствомъ покоя и безопасности,—она давно ужъ къ этому привыкла. Ахъ, если-бъ она могла вычеркнуть свое прошлое! Если-бъ она не знала другой любви, кромѣ своей тихой привязанности къ Адаму... Слезы показались у нея на глазахъ, когда карета тронулась, и она взглянула на него въ послѣдній разъ.

„Благослови ее Боже за то, что она любитъ меня!“ думалъ Адамъ, возвращаясь къ своей работѣ въ обществѣ неизмѣннаго Джипа.

Но Гетти плакала не объ Адамѣ,—не о страданіяхъ, которыя ему придется пережить, когда онъ узнаетъ, что она уѣхала отъ него навсегда. Она плакала о собственной несчастной судьбѣ, разлучавшей ее съ этимъ честнымъ, любящимъ человѣкомъ, который отдавалъ ей всю свою жизнь, и вынуждавшей ее, какъ какую-нибудь жалкую просительницу, обращаться за помощью къ тому, для кого необходимость заботиться о ней будетъ несчастьемъ.

Въ три часа того-же дня Гетти сидѣла на имперіалѣ дилижанса, который, какъ ей сказали, долженъ былъ доставить ее въ Лейчестеръ. Это была только часть долгаго, долгаго пути до Виндзора, и она не могла отдѣлаться отъ смутнаго страха, что этотъ безотрадный, утомительный путь приведетъ ее, можетъ быть, только къ началу новый страданій.

Но вѣдь Артуръ въ Виндзорѣ... Навѣрно онъ не разсердится за то, что она пріѣдетъ къ нему. Если онъ и не любитъ ее теперь, какъ любилъ прежде, такъ все-таки онъ обѣщалъ, что всегда будетъ ей другомъ.

Книга пятая.

ГЛАВА XXXVI.

СТРАНСТВІЕ СЪ НАДЕЖДОЙ

Долгій, безотрадный путь съ тоскою на сердцѣ, отъ знакомаго и привычнаго къ неизвѣстному,—ужасная это вещь даже для образованныхъ, богатыхъ и сильныхъ,—тяжелая даже тогда, когда насъ зоветъ впередъ сознаніе долга, а не гонитъ страхъ.

Что-же это было для Гетти, съ ея жалкими, узкими мыслями, не расплывавшимися болѣе въ туманныхъ надеждахъ, но сосредоточенными на опредѣленномъ ожиданіи, леденившемъ ей кровь?—для Гетти, вертѣвшейся все въ томъ-же маленькомъ кругу воспоминаній, рисовавшей себѣ вновь и вновь все тѣ-же ребяческія, неясныя картины того, что ее ожидало, не видѣвшей въ широкомъ Божьемъ мірѣ ничего, кромѣ ничтожной исторіи собственныхъ наслажденій и страданій,—для Гетти, съ ея нѣсколькими гинеями въ карманѣ и такой длинной и трудной дорогой впереди? У нея не хватитъ денегъ, чтобы сдѣлать весь путь въ дилижансахъ,—она это навѣрное знала: дорога до Стонитона обошлась ей дороже, чѣмъ она разсчитывала,—значитъ ей придется довольствоваться простыми повозками, и пройдетъ Богъ знаетъ сколько времени, прежде чѣмъ она доберется до цѣли своего пути. Старикъ кондукторъ Окбурнскаго дилижанса веселый толстякъ, замѣтивъ въ числѣ наружныхъ пассажировъ такую хорошенькую молодую женщину, пригласилъ ее сѣсть рядомъ съ нимъ и, чувствуя, что въ качествѣ кучера и мужчины, ему не мѣшало-бы открыть бесѣду какою-нибудь соотвѣтствующей обстоятельствамъ шуткой, онъ приступилъ къ дѣлу, какъ только дилижансъ съѣхалъ съ мостовой на мягкую дорогу. Пощелкавъ предварительно бичемъ и бросивъ на Гетти искоса нѣсколько лукавыхъ взглядовъ, онъ высвободилъ свои губы изъ-подъ шарфа и сказалъ:

— А что, онъ у васъ молодецъ собой? футовъ шести ростомъ, я думаю?

— Кто? спросила Гетти, немного удивленная.

— Да милый дружокъ, съ которымъ вы распрощались. Или, можетъ быть, вы ѣдете къ нему?—а?

Гетти почувствовала, какъ все лицо ея вспыхнуло, а потомъ

поблѣднѣло. Навѣрное этотъ кучеръ что-нибудь знаетъ о ней... Можетъ быть, онъ знаетъ Адама и скажетъ ему, куда она поѣхала. Деревенскому жителю трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, играющій роль въ его собственномъ приходѣ, былъ гдѣ-нибудь неизвѣстенъ, и еще труднѣе было для Гетти представить себѣ, чтобы слова, такъ близко ея касавшіяся, могли быть сказаны случайно. Она такъ испугалась, что не могла говорить.

— Ну, полно, сказалъ кучеръ, замѣтивъ, что его шутка подѣйствовала далеко не такъ пріятно, какъ онъ ожидалъ;— не принимайте этого слишкомъ серьезно: если онъ васъ обидѣлъ, возьмите другого. Такой хорошенькой дѣвушкѣ не долго обзавестись сердечнымъ дружкомъ.

Когда Гетти увидѣла, что кучеръ не дѣлаетъ больше никакихъ личныхъ намековъ, ея страхъ понемногу улегся, но все-таки она не посмѣла спросить его, на какіе города идетъ дорога въ Виндзоръ. Она сказала ему, что ѣдетъ въ одно мѣсто сейчасъ за Стонитономъ, и когда дилижансъ остановился у воротъ гостиницы, она поскорѣе взяла свою корзину, сошла и отправилась въ другую часть города. Придумывая свой планъ поѣздки въ Виндзоръ, она не предвидѣла никакихъ затрудненій, кромѣ трудности выбраться изъ дому, и когда эта трудность была устранена, мысли ея перенеслись къ ожидавшей ее встрѣчѣ съ Артуромъ: она старалась представить себѣ, какъ-то онъ ее приметъ и будетъ-ли ласковъ съ ней, не останавливаясь на томъ, какія приключенія могли ей встрѣтиться въ пути. Она не представляла себѣ подробностей своего путешествія, потому что не имѣла никакого понятія о путешествіяхъ вообще, воображала, что ей за глаза хватитъ трехъ гиней, бывшихъ у нея въ карманѣ. Только въ Стонитонѣ, увидѣвъ, какъ дорого обошелся этотъ первый конецъ, она начала пугаться за дальнѣйшій путь и тутъ только въ первый разъ вспомнила, что она даже не знаетъ, черезъ какія мѣста ей придется проѣзжать. Подъ гнетомъ этой новой тревоги она ходила по мрачнымъ улицамъ Стонитона, отыскивая пріюта, и, наконецъ, вошла въ какую-то маленькую гостиницу, очень невзрачную на видъ, надѣясь, что здѣсь съ нея недорого возьмутъ за ночлегъ. Она спросила хозяина гостиницы, не знаетъ-ли онъ, черезъ какіе города надо ѣхать, чтобы попасть въ Виндзоръ.

— Право, не могу вамъ сказать, былъ отвѣтъ.—Виндзоръ—это гдѣ-нибудь близко отъ Лондона, потому что тамъ живетъ король. Во всякомъ случаѣ, прежде всего вамъ надо ѣхать въ Ашби—это къ югу отъ насъ. Но отсюда до Лондона, я думаю, столько-же городовъ, сколько домовъ у насъ въ Стонитонѣ. Самъ-то я впрочемъ, никогда не путешествовалъ.... Но какъ это вы, такая молоденькая, пустились одна въ такой далекій путь?

— Я ѣду къ брату; онъ служитъ солдатомъ въ Виндзорѣ, отвѣчала Гетти, пугаясь пытливаго взгляда хозяина.—Мнѣ не по средствамъ путешествовать въ дилижансахъ; я хотѣлабы нанять повозку. Не знаете-ли, не будетъ-ли завтра случая въ Ашби?— не ѣдетъ-ли туда кто-нибудь?

— Мало-ли туда ѣздитъ народу, да только гдѣ ихъ искать? Вы можете весь городъ обойти и все-таки ничего не узнать. Лучше всего выходите пѣшкомъ, а тамъ авось кто-нибудь васъ нагонитъ и подвезетъ.

Каждое его слово ложилось свинцомъ на душу Гетти, отнимая у нея послѣднюю бодрость. Долгій путь развертывался передъ нею конецъ за концомъ; даже до Ашби добраться оказывалось совсѣмъ не такъ просто: можетъ быть, это займетъ цѣлый день—почемъ она знаетъ?—а дорога до Ашби—только ничтожная часть остального пути. Но этотъ путь долженъ быть сдѣланъ,—ей необходимо видѣть Артура. Ахъ, чего-бы она не дала теперь, чтобы имѣть подлѣ себя кого-нибудь, кто-бы заботился о ней! Эта хорошенькая кошечка Гетти, никогда не встававшая поутру безъ увѣренности, что она увидитъ знакомыя лица тѣхъ, на кого она имѣла признанныя права,—она, для которой поѣздка въ Россетеръ верхомъ, за спиной у дяди, была далекимъ путешествіемъ,—которая жила среди вѣчнаго праздника, въ мечтахъ объ удовольствіяхъ, потому что всѣ ея житейскія дѣла дѣлались за нее,—она, которая еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не знала другихъ огорченій, кромѣ какой-нибудь новой ленточки Мэри Бурджъ, наполнявшей ее завистью, или головомойки, полученной отъ тетки за то, что она плохо присмотрѣла за Тотти,—должна теперь совершать свой трудный путь одна... Родной, мирный домъ оставленъ навсегда и впереди—ничего, кромѣ трепетной надежды на пристанище, до которого такъ еще далеко.... Только теперь въ первый разъ, лежа ночью безъ сна на чужой жесткой постели, она поняла, что ея домъ былъ для нея счастливымъ домомъ, что дядя ея былъ ей добрымъ роднымъ, что ея тихая-жизнь въ Гейслопѣ, среди знакомыхъ людей и предметовъ, когда парадное платье и шляпка составляли всю ея гордость, и когда нечего и не отъ кого было прятать,—была счастливая жизнь. О, какъ она рада была-бы проснуться и увидѣть, что *то* была дѣйствительность, а лихорадочный бредъ, въ которомъ она жила послѣднее время,—только короткій, страшный сонъ. Съ тоской и горькимъ сожалѣніемъ вспоминала она о томъ, что оставила за собой. Она жалѣла *себя:* ея сердце было слишкомъ переполнено своей собственной мукой,—въ немъ не было мѣста для чужихъ страданій.... А между тѣмъ, до этого жестокаго письма Артуръ былъ такой нѣжный и любящій! Воспоминаніе объ этомъ все еще имѣло для нея обаяніе, хотя теперь это была лишь капля воды, уже не утолявшая ея жажды. Ибо Гетти не могла пред-

ставить себя въ будущемъ иначе, какъ скрывающеюся отъ всѣхъ, ее знавшихъ, а такая жизнь—хотя-бы даже съ любовью—не имѣла для нея никакой прелести, тѣмъ менѣе жизнь, покрытая стыдомъ. Она не читала романовъ, и чувства служащія основой романамъ, были доступны ей лишь въ слабой степени, такъ что начитанныя дамы съ тонкими чувствами едва-ли поймутъ состояніе ея души. Все, выходившее за предѣлы ея простыхъ понятій и привычекъ, въ которыхъ она выросла, было ей до такой степени чуждо, что, загадывая о будущемъ, она не могла придавать ему какую-бы то ни было опредѣленную форму: она могла только надѣяться, что Артуръ такъ или иначе позаботится о ней и укроетъ отъ гнѣва и презрѣнія. Онъ не женится на ней и не сдѣлаетъ ее знатной дамой, а помимо этого онъ не могъ дать ей ничего, что было-бы достойно ея честолюбія и желаній.

На другое утро она поднялась очень рано и, захвативъ съ собой немного молока и хлѣба, пошла по дорогѣ въ Ашби подъ свинцовымъ небомъ съ узенькой желтой полоской на краю горизонта,—унылой и блѣдной, какъ убѣгающая надежда. Въ своемъ уныніи передъ длиной и трудностью предстоящаго пути она больше всего боялась истратить свои деньги и быть поставленной въ необходимость просить милостыню, ибо у Гетти была гордость не только гордой натуры, но и гордаго класса,—того класса, который платитъ бо̀льшую часть налоговъ въ пользу бѣдныхъ и содрогается при одной мысли о возможности когда-нибудь воспользоваться ими. Ей еще не приходило въ голову, что она можетъ получить деньги на свои серьги и медальонъ, бывшіе съ нею, и теперь она пускала въ ходъ всѣ свои слабыя познанія въ ариѳметикѣ, высчитывая по извѣстнымъ ей и предполагаемымъ цѣнамъ, сколько обѣдовъ и сколько повозокъ можно выкроить изъ ея двухъ гиней и нѣсколькихъ шиллинговъ, остававшихся отъ третьей.

Первыя нѣсколько миль отъ Стонитона она прошла храбро, выбирая вдали, на дорогѣ, какой-нибудь замѣтный предметъ—дерево, кустъ или холмикъ,—какъ ближайшую цѣль, и испытывая нѣчто въ родѣ радости, когда эта цѣль была достигнута. Но когда она дошла до четвертаго милевого столба—перваго, случайно обратившаго на себя ея вниманіе,—и, прочтя на немъ цифру, узнала, что она отошла отъ Стонитона только четыре мили,—мужество начало ей измѣнять. Пройдено всего четыре мили, а она уже устала и почти-что проголодалась опять на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Правда, Гетти много работала дома и привыкла быть на ногахъ, но она не привыкла къ долгой ходьбѣ, вызывающей усталость совсѣмъ иного рода. Пока она стояла и уныло глядѣла на столбъ, она почувствовала, что на лицо ей упало нѣсколько капель. Начинался дождь,—новое затрудненіе, котораго она не пред-

видѣла,—и, окончательно придавленная этой неожиданной прибавкой къ тяжелому бремени, которое ей приходилось нести, опустилась на ступеньку у изгороди и истерически зарыдала. Начало житейскихъ невзгодъ—то-же самое, что первый кусокъ невкусной пищи: вамъ кажется, что вы не въ состояніи этого ѣсть, но голодъ не терпитъ, и если больше нечѣмъ его утолить, вы откусываете еще кусокъ и находите возможнымъ ѣсть дальше. Оправившись отъ перваго приступа слезъ, Гетти собрала свое ослабѣвшее мужество: шелъ дождь—надо было добраться до какого-нибудь жилья, укрыться и отдохнуть. Она съ усиліемъ понялась на ноги и пошла дальше. Вдругъ она услыхала за собой грохотъ тяжелыхъ колесъ: ее нагоняла крытая повозка. Повозка медленно ползла по дорогѣ; подлѣ лошадей шелъ погонщикъ и щелкалъ бичемъ. Гетти остановилась и стала ждать, говоря себѣ, что если у этого человѣка не очень злое лицо, она попроситъ его взять ее собой. Когда повозка подъѣхала ближе, погонщикъ отсталъ, такъ-что она не могла его видѣть, но за то на повозкѣ было нѣчто, ободрившее ее. Во всякую другую минуту она не обратила-бы вниманія на этотъ предметъ, но теперь страданіе пробудило въ ней впечатлительность, и то, что̀ она увидѣла, сильно взволновало ее. Это была просто-на-просто собаченка—бѣлая болонка съ большими испуганными глазами она сидѣла на передней скамейкѣ повозки и дрожала всѣмъ тѣломъ, непрерывной дрожью, какъ, вѣроятно, вамъ случалось это видѣть у маленькихъ собакъ. Гетти, какъ вамъ извѣстно, не любила животныхъ, но въ судьбѣ этого безпомощнаго, робкаго существа ей почуялось что-то общее съ ея собственной судьбой, и, сама не зная отчего, она какъ-то разомъ перестала колебаться и рѣшилась заговорить съ погонщикомъ, который теперь поровнялся съ ней. Это былъ рослый, румяный дѣтина съ мѣшкомъ на плечахъ, замѣнявшій ему плащъ или пледъ.

— Не возьмете-ли вы меня съ собой, въ вашу повозку, если вы ѣдете въ Ашби? сказала Гетти. — Я вамъ заплачу.

— Зачѣмъ платить! отозвался дѣтина съ тою, какъ-будто лъ трудомъ проступающей, вялой улыбкой, которая составсяетъ отличительную черту топорныхъ, грубыхъ лицъ.—„Я васъ и даромъ подвезу, если вы не побоитесь тѣсноты, потому что вамъ придется лежать подъ самой крышей, на мѣшкахъ съ шерстью... Откуда вы идете? И зачѣмъ вамъ въ Ашби?

— Я изъ Стонитона; я далеко иду—въ Виндзоръ.

— Зачѣмъ? Мѣста искать?

— Нѣтъ, я къ брату, онъ тамъ служитъ въ солдатахъ.

— Ну, а я только до Лейчестера, да и то путь не близкій; но до Лейчестера я васъ охотно подвезу, если вамъ ничего, что мы немножко долго пробудемъ въ дорогѣ. А тяжести ва-

шей лшадь и не почувствуютъ: какой въ васъ вѣсъ? — все равно,очто въ этой маленькой собаченкѣ, которую я подобралъ на дорогѣ. Должно быть, она заблудилась; вотъ уже вторая недѣля, какъ я ее нашелъ, и ст ѣхъ поръ она все дрожитъ—вонъ, какъ видите... Ну, идите, давайте вашу корзину. Заходите сзади, я васъ подсажу.

Лежать на мягкихъ мѣшкахъ, подъ парусиннымъ навѣсомъ, въ которомъ ей оставили щелочку для воздуха, было теперь роскошью для Гетти. Она проспала почти всю дорогу и проснулась только тогда, когда ея спутникъ подошелъ спросить ее, не хочетъ-ли она выйти „перекусить“ въ тавернѣ, подлѣ которой онъ остановился, чтобы пообѣдать. Поздно вечеромъ они пріѣхали въ Лейчестеръ; такимъ образомъ прошелъ второй день ея путешествія. Изъ своихъ денегъ она истратила очень немного — только на ѣду, но путешествовать дальше такимъ медленнымъ способомъ казалось ей невыносимо, и поутру она отправилась въ контору дилижансовъ разспросить о дорогѣ въ Виндзоръ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, хоть часть пути ей можно будетъ сдѣлать въ дилижансахъ. Нѣтъ, разстояніе было слишкомъ велико, дилижансы слишкомъ дороги для нея,—приходилось отказаться отъ этой мысли. Но за то старикъ конторщикъ, тронутый выраженіемъ тревоги на ея хорошенькомъ личикѣ, выписалъ ей названія всѣхъ главныхъ мѣстъ, черезъ которыя ей надо будетъ проѣзжать. Это было единственнымъ утѣшеніемъ, какое она вынесла изъ Лейчестера, гдѣ все было ей дико и страшно, гдѣ мужчины пялили на нее глаза, когда она проходила по улицамъ, такъ-что ей въ первый разъ въ жизни хотѣлось, чтобы никто на нее не смотрѣлъ. Опять она вышла пѣшкомъ, но въ этотъ день ей повезло: вскорѣ ее нагналъ легковой извозчикъ, съ которымъ она доѣхала до Гинкли, а оттуда обратная почтовая телѣжка съ пьянымъ почтаремъ (который гналъ лошадей, какъ помѣшанный, и всю дорогу пугалъ ее до полусмерти, поминутно перегибаясь къ ней со своего сѣдла и отпуская шуточки на ея счетъ) доставила ее къ вечеру въ самое сердце лѣсистаго Варвикшира. Но до Виндзора, какъ ей сказали, оставалось все-таки около ста миль. О, какъ огроменъ міръ и какъ трудно находить въ немъ дорогу! Прочтя въ своемъ спискѣ городовъ названіе Стратфорда, она ошибкой попала въ Стратфордъ-на-Авонѣ, и тамъ ей сказали, что она сдѣлала большой крюкъ Только на пятый день она добралась до Стони-Стратфорда. Этотъ путь кажется совсѣмъ небольшимъ, когда вы смотрите на карту или вспоминаете ваши пріятныя прогулки на зеленые берега Авона и обратно; но какимъ томительно-долгимъ показался онъ Гетти! Всѣ эти плоскія поля и длинные плетни, эти безпорядочно разбросанные домики, деревушки и городки были такъ похожи между собой для ея безучастнаго взгляда! Ей казалось, что имъ не

будетъ конца, и что она осуждена весь вѣкъ бродить между ними, поджидать на дорогѣ, изнемогая отъ усталости, не проѣдетъ-ли какая-нибудь повозка и не подберутъ-ли ее, и затѣмъ узнавать, что ея попутчикъ ѣдетъ недалеко, очень недалеко, на какую-нибудь мельницу, за милю разстоянія... какъ противно ей было заходить въ таверны, гдѣ всегда толклось столько мужчинъ, и всѣ они глазѣли на нее и грубо съ нею шутили. А заходить было все-таки надо, чтобы поѣсть и разспросить о дорогѣ. Она и физически измучилась отъ непривычной ходьбы и тревоги: въ эти послѣдніе дни она похудѣла и поблѣднѣла больше, чѣмъ за все время мучительнаго тайнаго страха, которое она пережила дома. Когда, наконецъ, она добралась до Стони-Стратфорда, нетерпѣніе и усталость заставили ее забыть всѣ ея экономическіе разсчеты: она рѣшила проѣхать остальной путь въ дилижансахъ, хотя-бы на это ушли всѣ ея деньги. Въ Виндзорѣ ей ничего не понадобится—только-бы разыскать Артура. Она заплатила за мѣсто въ послѣднемъ дилижансѣ, и у нея остался одинъ шиллингъ, и когда, пріѣхавъ въ Виндзоръ, въ полдень, на седьмой день своего путешествія, она сошла, голодная и слабая, у гостиницы подъ вывѣской „Зеленый Человѣкъ", къ ней подошелъ кондукторъ и попросилъ „на чай". Она опустила руку въ карманъ, достала свой шиллингъ, и чуть не заплакала отъ усталости и отъ мысли, что она отдаетъ свои послѣднія деньги и должна оставаться безъ пищи, въ которой она такъ сильно нуждалась, чтобы быть въ состояніи пуститься на розыски Артура. Протягивая кучеру шиллингъ, она подняла на него свои темные, налитые слезами глаза и сказала:

— Не можете-ли вы дать мнѣ сдачи—шесть пенсовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ угрюмо,—не надо мнѣ вашего шиллинга, возьмите назадъ.

Хозяинъ „Зеленаго Человѣка" стоялъ близко и видѣлъ эту сцену, а онъ былъ изъ тѣхъ людей, которымъ обильное питаніе идетъ въ прокъ вдвойнѣ, способствуя процвѣтанію ихъ здоровья и добродушія въ равной мѣрѣ. Впрочемъ, большинство мужчинъ на его мѣстѣ было-бы тронуто прелестнымъ личикомъ Гетти и этими глазами, полными слезъ.

— Входите, милая, входите, сказалъ онъ ей;—выпейте чего-нибудь, вамъ надо подкрѣпиться: я вижу, вы совсѣмъ измучились.

Онъ привелъ ее въ буфетъ и сказалъ женѣ: „Хозяйка, сведи-ка эту молодую женщину въ столовую, она немножко устала". У Гетти между тѣмъ градомъ катились слезы. Это были просто нервныя слезы: она знала, что теперь ей не о чемъ плакать, и досадовала на себя за эту слабость: вѣдь она въ Виндзорѣ, наконецъ, и скоро увидитъ Артура.

Голодными, жадными глазами смотрѣла она на хлѣбъ, говядину и пиво, которые хозяйка поставила передъ ней, и на

нѣсколько минутъ забыла обо всемъ, поглощенная восхитительнымъ ощущеніемъ отдыха и утоленія голода. Хозяйка сидѣла противъ нея и внимательно ее разглядывала. И неудивительно: Гетти сняла шляпку, и кудри ея разсыпались по плечамъ; красота ея и юность казались тѣмъ трогательнѣе, что у нея былъ такой измученный видъ. Но вотъ глаза доброй женщины скользнули по ея фигурѣ, которую, въ своихъ торопливыхъ сборахъ во время пути, она не старалась скрывать; къ тому-же глазъ посторонняго человѣка всегда скорѣе подмѣтитъ то, что́ ускользаетъ отъ взгляда близкихъ, ничего не подозрѣвающихъ людей.

— Однако, вамъ едва-ли полезно путешествовать, какъ я погляжу, сказала хозяйка, взглянувъ мимоходомъ на руку Гетти и замѣтивъ, что на ней нѣтъ кольца.—Вы издалека?

— Да, отвѣчала Гетти, которую это замѣчаніе заставило насторожиться и овладѣть собой; впрочемъ, она и такъ чувствовала себѣ крѣпче послѣ ѣды. — Я долго шла пѣшкомъ и очень устала. Но теперь мнѣ лучше... Не можете-ли вы мнѣ сказать, какъ мнѣ найти вотъ этотъ домъ.

Она достала изъ кармана клочекъ бумаги: это былъ конецъ письма Артура, гдѣ онъ поставилъ свой адресъ.

Пока она говорила, вошелъ хозяинъ и принялся разглядывать ее такъ-же внимательно, какъ и его жена. Онъ взялъ бумажку, которую Гетти протягивала черезъ столъ, и прочелъ адресъ.

— Что вамъ нужно въ этомъ домѣ? спросилъ онъ. У всѣхъ трактирщиковъ, какъ и вообще у людей, имѣющихъ много досуга, такое ужъ свойство сперва засыпать человѣка вопросами, а потомъ уже отвѣтить на его вопросъ.

— Мнѣ нужно повидать тамъ одного джентльмена, отвѣчала Гетти.

— Да тамъ никто не живетъ, сказалъ хозяинъ.—Домъ запертъ; вотъ ужъ вторая недѣля, какъ онъ стоитъ пустой. Да какого джентльмена вамъ надо? Можетъ быть, я могу вамъ сказать, гдѣ его найти.

— Мнѣ надо капитана Доннитерна, проговорила Гетти трепетнымъ голосомъ. Надежда скоро разыскать Артура обманула ее, и сердце ея билось тягостнымъ предчувствіемъ.

— Капитана Доннитерна?.. Постойте... протянулъ хозяинъ.— Не служитъ-ли онъ въ Ломширской милиціи? Такой высокій молодой офицеръ, блондинъ, съ русыми бакенбардами... Еще у него есть лакей,—зовутъ Пимомъ...

— Да, да, вы значитъ знаете его? Гдѣ-же онъ?

— Не близко отсюда, за нѣсколько сотъ миль. Ломширская милиція ушла въ Ирландію,—скоро будетъ двѣ недѣли, какъ ушла.

— Боже мой, ей дурно! вскрикнула хозяйка, бросаясь къ

Гетти, лишившейся чувствъ и имѣвшей видъ прекрасной умершей.

Мужъ и жена перенесли ее на диванъ и распустили на ней платье.

— Плохія тутъ дѣла, мнѣ сдается, замѣтилъ хозяинъ, возвращаясь съ водой, за которой его посылала жена.

— Не трудно догадаться, какого сорта это дѣло, отозвалась хозяйка.—Она не потаскушка какая-нибудь — это видно съ одного взгляда, — а честная деревенская дѣвушка изъ почтенной семьи. И идетъ издалека, судя по ея говору. Она говоритъ, какъ тотъ конюхъ, что служилъ у насъ въ третьемъ году. Онъ былъ родомъ съ сѣвера,—честный парень, какихъ поискать. Всѣ эти сѣверяне честный народъ.

— Въ жизнь свою не видалъ такой хорошенькой женщины, сказалъ мужъ: — точно картинка въ окнѣ магазина. Жалость беретъ смотрѣть на нее.

— Будь у нея поменьше красоты да побольше разсудительности, было-бы во сто разъ для нея лучше, замѣтила хозяйка, за которой, по самой снисходительной оцѣнкѣ, приходилось признать во всякомъ случаѣ больше разсудительности, чѣмъ красоты. А, вотъ она приходитъ въ себя... Принеси-ка еще воды.

ГЛАВА XXXVII.

ПУТЬ ОТЧАЯНІЯ.

Весь этотъ день Гетти было такъ нехорошо, что невозможно было обращаться къ ней ни съ какими вопросами. Все равно она не могла-бы на нихъ отвѣчать,—она не могла даже думать сколько-нибудь послѣдовательно объ ожидавшихъ ее бѣдахъ. Она только чувствовала, что послѣдняя ея надежда рухнула, и что вмѣсто пристанища, мысль о которомъ еще поддерживала ее, она пришла къ рубежу новой пустыни, гдѣ не было никакой цѣли впереди. Физическая слабость, удобная постель и заботы добродушной хозяйки доставляли ей нѣкоторое облегченіе, — облегченіе отсрочки, какое испытываетъ путникъ, когда, истомленный долгой ходьбой подъ жгучими лучами солнца, онъ въ изнеможеніи ложится на песокъ.

Но когда сонъ и отдыхъ возвратили ей силы, необходимыя для того, чтобы нравственное страданіе почувствовалось во всей своей остротѣ,—когда на другое утро, лежа въ постели, она смотрѣла на прибывающій свѣтъ дня, неумолимо призывавшаго ее нести сызнова ненавистное бремя жизни безъ радости и надежды,—мысль о томъ, что̀ она должна теперь предпринять, явилась сама собой. Она вспомнила, что деньги ея

всѣ истрачены, и перспектива дальнѣйшаго блужданія среди чужихъ людей представилась ей съ новой ясностью, освѣщенная опытомъ ея поѣздки въ Виндзоръ. Но что-же ей дѣлать? Куда броситься? Поступить въ услуженіе она не можетъ, еслибъ даже представилось мѣсто; значитъ не остается ничего, кромѣ нищенства: ей придется просить милостыню, и сейчасъ-же. Она вспомнила молодую женщину, которую какъ-то разъ въ воскресенье нашли въ Гейслопѣ у церковной ограды, полумертвую отъ голода и холода, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Ее подняли и отнесли въ приходскую богадѣльню... „Богадѣльня!“ Быть можетъ вы не вполнѣ ясно представляете себѣ, какъ должно было дѣйствовать это слово на Гетти, выросшую между людьми, которые даже къ приличной бѣдности относятся довольно жестоко, которые живутъ среди полей, гдѣ нищета и лохмотья не производятъ такого впечатлѣнія жестокаго, неизбѣжнаго рока, какъ въ городахъ, и не возбуждаютъ жалости, а считаются признакомъ лѣности и порока. Богадѣльня, по понятіямъ Гетти, была худшимъ униженіемъ послѣ тюрьмы; обращаться за помощью къ чужимъ людямъ, *просить*,—это лежало для нея въ предѣлахъ той далекой и страшной области невыносимаго стыда, къ которой она считала для себя невозможнымъ когда-нибудь приблизиться. Но теперь, съ воспоминаніемъ о той несчастной женщинѣ, которую она видѣла своими глазами, выходя изъ церкви,—видѣла въ ту минуту, когда ее несли къ Джошуа Ранну,—у нея явилась страшная мысль, что недостаетъ очень немногаго, чтобы и ее, Гетти, постигла та-же участь. И вслѣдъ затѣмъ къ страху стыда присоединился стр хъ физическихъ лишеній, ибо Гетти обладала чувственной натурой хорошенькаго и сытаго домашняго животнаго, общаго баловня и любимца.

О, какъ ее тянуло теперь къ родному дому, гдѣ ее такъ баловали и нѣжили! Воркотня тетки изъ за пустяковъ была-бы теперь музыкой для нея; она жаждала опять ее услышать; вѣдь съ этой воркотней для нея было связано то время, когда ей приходилось скрывать только пустяки. Неужели она—та самая Гетти, которая такъ недавно еще била масло въ молочной, и розы заглядывали на нее въ окно;—эта бѣглянка, для которой никогда больше не откроется дверь ея дома, которая лежитъ здѣсь, на чужой постели, съ мучительнымъ сознаніемъ, что ей нечѣмъ заплатить этимъ чужимъ людямъ за то, что она у нихъ съѣстъ и выпьетъ,—развѣ предложить имъ тѣ тряпки, что лежатъ въ ея корзинѣ... Тутъ только первый разъ она вспомнила о серьгахъ и медальонѣ. Она осмотрѣлась и, увидѣвъ, что ея сумочка лежитъ близко, достала ее и высыпала содержимое къ себѣ на постель. Вотъ они—ея серьги и медальонъ, въ своихъ изящныхъ коробочкахъ на атласной подстилкѣ; тутъ-же хорошенькій серебряный наперстокъ, который подарилъ ей Адамъ, съ выгравированными по

краю словами: „Помни обо мнѣ“, стальной кошелекъ съ ея единственнымъ шиллингомъ, и еще маленькій ящичекъ изъ краснаго сафьяна, запирающійся пружинкой. Вотъ онѣ—эти прелестныя сережки съ жемчугомъ и гранатами. Съ какою любовью она ихъ примѣривала въ то ясное утро 30-го іюля, и какъ ей хотѣлось тогда ихъ надѣть! Теперь у нея нѣтъ ни малѣйшаго желанія продѣть ихъ въ уши; голова ея со своими темными кольцами волосъ тяжело опустилась на подушки, и въ жесткомъ выраженіи скорби, застывшемъ въ ея глазахъ и сдвинутыхъ бровяхъ, не было сожалѣнія о прошедшемъ. И однако она поднесла руки къ ушамъ: она это сдѣлала потому, что въ нихъ были продѣты тоненькія золотыя колечки, которыя тоже стоили денегъ. Да, ей навѣрно дадутъ что-нибудь за всѣ эти вещи; тѣ, что подарилъ ей Артуръ, должны очень дорого стоить. Хозяинъ и хозяйка такъ къ ней добры: можетъ-быть они ей помогутъ продать эти вещи.

Но деньги скоро выйдутъ. Что ей дѣлать тогда? Куда идти?—И передъ страшной перспективой голода и нищенства у нея на одинъ мигъ мелькнула мысль воротиться къ роднымъ и умолять ихъ простить и пожалѣть ее. Но она содрогнулась отъ этой мысли, какъ отъ прикосновенія каленаго желѣза. Нѣтъ, она не перенесетъ этого стыда—передъ дядей и теткой, передъ Мэри Бурджъ, передъ прислугой замка, передъ сосѣдями и всѣми, кто ее зналъ. Никогда они не узнаютъ, что̀ съ ней случилось... Но что-же ей дѣлать теперь?—Она уйдетъ изъ Виндзора,—уйдетъ и будетъ скитаться, какъ скиталась всю послѣднюю недѣлю,—опять придетъ на тѣ плоскія зеленыя поля съ высокими изгородями, гдѣ ее никто не узнаетъ, и тамъ, когда ничего больше для нея не останется, у нея, быть можетъ, хватитъ храбрости утопиться въ какой-нибудь водомойнѣ, въ родѣ той лужи на Зеленой Пустоши... Да, она уйдетъ отсюда, и какъ можно скорѣе: такъ непріятно, чтобъ эти люди въ гостинницѣ знали что-нибудь о ней... Они и такъ уже знаютъ, что она пріѣхала, чтобъ видѣться съ капитаномъ Доннитерномъ: надо придумать какую-нибудь причину,—объяснить имъ какъ-нибудь, почему она справлялась о немъ.

И она принялась укладывать вещи въ сумочку, съ твердымъ намѣреніемъ встать и одѣться до прихода хозяйки. Протянувъ руку къ красному ящичку, она вдругъ подумала, не найдется-ли и тамъ какой-нибудь вещи, про которую она, можетъ быть, забыла и которую можно будетъ продать, ибо, повторяя себѣ, что ей больше незачѣмъ жить, она въ то-же время жадно хваталась за все, что̀ могло продлить ея жизнь, а когда намъ очень хочется найти что-нибудь, мы часто ищемъ въ самыхъ безнадежныхъ мѣстахъ.—Нѣтъ, въ ящичкѣ не было ничего, кромѣ иголокъ и булавокъ, да нѣсколькихъ высохшихъ лепестковъ тюльпана, переложенныхъ листками бумаги, на которыхъ она записывала дома свои скромныя издержки.

Но на одномъ изъ этихъ листковъ стояло имя, блеснувшее ей новой надеждой, хоть она и не въ первый разъ его видѣла.

Это имя было *Дина Моррисъ*. Повыше былъ текстъ, написанный—такъ-же, какъ и имя,—карандашомъ, собственной рукой Дины, въ одинъ изъ вечеровъ, когда онѣ сидѣли вдвоемъ, и красный ящичекъ лежалъ передъ Гетти открытымъ. Гетти не стала читать текста,—ей нужно было только имя. Въ первый разъ она несовсѣмъ равнодушно вспомнила доброту Дины, и какъ та сказала ей въ тотъ вечеръ, въ спальнѣ, чтобъ она разсчитывала на нее, какъ на друга, если ее посѣтитъ горе. Что, если теперь она пойдетъ къ Динѣ и попроситъ ее помочь ей? Дина смотритъ на вещи не такъ, какъ другіе... Дина была загадкой для Гетти, но Гетти знала, что она всегда и со всѣми добра. Она не могла себѣ представить, чтобъ Динино лицо отвернулось отъ нея съ укоромъ и презрѣніемъ, чтобы слова злословія произносились Дининымъ голосомъ, чтобъ Дина радовалась ея несчастію, какъ наказанію за грѣхъ. Дина стояла какъ-бы внѣ того маленькаго мірка близкихъ людей и знакомыхъ, чьихъ глазъ Гетти боялась пуще огня. Но умолять о помощи даже Дину, сознаться во всемъ даже *ей*, казалось Гетти ужаснымъ, нестерпимымъ; она не могла заставить себя сказать: „Я пойду къ Динѣ“; она только думала объ этомъ, какъ о возможномъ исходѣ, если у нея не хватитъ мужества умереть.

Добрая трактирщица очень удивилась, когда Гетти сошла внизъ вскорѣ послѣ нея, чистенько одѣтая и повидимому вполнѣ владѣющая собой, Гетти сказала, что сегодня она чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, что вчера она была просто утомлена съ дороги, такъ какъ много прошла пѣшкомъ, разспрашивая о братѣ: братъ ея убѣжалъ, и дома подозрѣваютъ, что онъ поступилъ въ солдаты, и вотъ она думала разузнать о немъ у капитана Доннитерна, который когда-то принималъ въ немъ большое участіе. Исторія была мало правдоподобная, и хозяйка съ сомнѣніемъ смотрѣла на Гетти, пока та разсказывала ее; но сегодня у молодой дѣвушки былъ такой спокойный, рѣшительный видъ, она была такъ непохожа на то жалкое, безпомощное созданіе, какимъ она казалась вчера, что добрая женщина не знала, что сказать, чувствуя, что всякій намекъ на положеніе ея гостьи былъ-бы врывательствомъ въ чужія дѣла. Она только пригласила ее сѣсть съ ними за столъ и позавтракать. За завтракомъ Гетти достала серьги и медальонъ и спросила хозяина, не поможетъ-ли онъ ей продать ихъ. Ея поѣздка (объяснила она) обошлась ей гораздо дороже, чѣмъ она разсчитывала, такъ-что теперь ей не съ чѣмъ вернуться къ роднымъ, а она хочетъ ѣхать сейчасъ-же.

Хозяйка не въ первый разъ видѣла эти вещицы: она еще вчера успѣла осмотрѣть сумочку Гетти, послѣ чего они съ

мужемъ долго обсуждали вопросъ, откуда у деревенской дѣвушки могутъ быть такія прекрасныя вещи, и пришли къ окончательному заключенію, что Гетти была низко обманута тѣмъ красивымъ молодымъ офицеромъ.

— Что-жъ, можно снести ихъ къ ювелиру; это совсѣмъ близко отъ насъ, сказалъ хозяинъ, когда Гетти разложила передъ нимъ свои драгоцѣнности;—да только, боюсь, онъ не дастъ за нихъ и четверти настоящей цѣны... А вамъ будетъ очень жалко съ ними разстаться? спросилъ онъ вдругъ, пытливо взглянувъ на нее.

— О, нѣтъ, я ими не дорожу, отвѣчала Гетти поспѣшно;— мнѣ лишь-бы денегъ добыть, чтобы добраться домой.

— И потомъ я не знаю, ловко-ли будетъ, если вы сами понесете ихъ продавать, продолжалъ хозяинъ:—ювелиръ, пожалуй, подумаетъ, что вещи украдены, такъ какъ молодыя женщины вашего званія не носятъ вообще такихъ дорогихъ украшеній.

Гетти разсердилась; вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Я изъ честной семьи,—сказала она;—я не воровка.

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ этомъ увѣрена, подхватила хозяйка. Она съ негодованіемъ взглянула на мужа и сказала ему:— Зачѣмъ ты говоришь такой вздоръ! Эти вещи ей подарили,— неужели это не ясно?

— Я не говорилъ, что *я* это думаю, оправдывался мужъ:— я сказалъ только, что ювелиръ можетъ это подумать и не дастъ ей много за вещи.

— Такъ вотъ что, сказала хозяйка:—возьми ихъ ты самъ, въ закладъ, съ тѣмъ, что если она захочетъ, она можетъ ихъ выкупить, когда вернется домой. Но если черезъ два мѣсяца мы не получимъ отъ нея никакихъ извѣстій, вещи остаются намъ, и мы можемъ ихъ продать или вообще поступить съ ними, какъ намъ вздумается.

Не скажу, чтобы, предлагая этотъ маленькій планъ, такъ хорошо устраивавшій Гетти, хозяйка совершенно упускала изъ вида награду, которую должно было получить ея великодушіе въ томъ случаѣ, если-бы серьги и медальонъ поступили въ ея вѣчное владѣніе; замѣчу только, что поразительный эффектъ, какой они долженствовали при такихъ обстоятельствахъ произвести на жену сосѣда-зеленщика, представился ея быстрому воображенію съ замѣчательной живостью. Между тѣмъ хозяинъ взялъ вещи и разсматривалъ ихъ, вытянувъ губы съ глубокомысленнымъ видомъ. Безъ сомнѣнія, онъ желалъ добра Гетти; но скажите, положа руку на сердце, много-ли найдется у васъ доброжелателей, которые отказались-бы немножко попользоваться на нашъ счетъ? Ваша квартирная хозяйка искренно огорчена, прощаясь съ вами; она васъ глубоко уважаетъ и отъ всего сердца порадуется всякой вашей удачѣ, но въ то-же время она подаетъ вамъ счетъ, на

которомъ наживаетъ самый высокій процентъ, какой только допускаютъ приличія.

— Сколько нужно вамъ денегъ, чтобы доѣхать домой? спросилъ, наконецъ, у Гетти ея доброжелатель.

— Три гинеи, отвѣчала она, называя ту сумму, съ которой выѣхала, за неимѣніемъ другого мѣрила и боясь запросить слишкомъ много.

— Ну, что-жъ, я готовъ ссудить вамъ три гинеи, сказалъ хозяинъ,—и если бы вамъ вздумалось выкупить вещи, возвративъ мнѣ деньги, вы всегда это можете: „Зеленый Человѣкъ" никуда не убѣжитъ.

— Благодарю васъ, я очень рада получить эти деньги, сказала Гетти, довольная тѣмъ, что ей не понадобится идти къ ювелиру, и что никто не будетъ приставать къ ней съ разспросами и глазѣть на нее.

— Но если бы вы захотѣли получить вещи обратно,—пишите заранѣе, сказала хозяйка,—потому-что, если черезъ два мѣсяца не получится отъ васъ письма, мы будемъ думать, что онѣ вамъ не нужны.

— Хорошо, отвѣчала Гетти равнодушно.

И мужъ, и жена остались очень довольны этой сдѣлкой. Мужъ говорилъ себѣ, что если вещей не выкупятъ, онъ можетъ свезти ихъ въ Лондонъ и съ выгодой продать; жена надѣялась, что ей удастся уговорить своего толстяка оставить ихъ ей. И въ то-же время они оказывали услугу этой бѣдной молоденькой женщинѣ, такой хорошенькой, приличной на видъ и находившейся, очевидно, въ очень печальномъ положеніи. Они отказались взять съ нея плату за столъ и ночлегъ: она была ихъ дорогой гостьей.

Въ одиннадцать часовъ Гетти попрощалась съ ними, съ тѣмъ-же спокойнымъ видомъ рѣшимости, какой не покидалъ ее все утро, сѣла въ дилижансъ и поѣхала назадъ по той-же дорогѣ, по которой пришла.

Нерѣдко сила самообладанія служитъ лишь признакомъ того, что послѣдняя надежда улетѣла. Отчаяніе, какъ и полное удовлетвореніе, не ищетъ поддержки: когда человѣкъ дошелъ до отчаянія, гордость его уже не ослабляется чувствомъ зависимости.

Гетти чувствовала, что никто не избавитъ ее отъ тѣхъ золъ, которыя дѣлали ей жизнь ненавистной, и говорила себѣ, что никто никогда не узнаетъ про ея униженіе и несчастіе. Нѣтъ, она не сознается даже Динѣ: она зайдетъ куда-нибудь подальше и утопится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не найдутъ ея трупа, и никто никогда не будетъ знать, что́ съ нею сталось.

Отъѣхавъ двадцать миль (конецъ, который дѣлалъ этотъ дилижансъ), она продолжала свой путь то пѣшкомъ, то въ повозкахъ за дешевую плату, стараясь тратить какъ можно меньше на ѣду. У нея не было впереди никакой опредѣлен-

ной цѣли, но—странная вещь—какъ-бы повинуясь силѣ невѣдомыхъ чаръ, она подвигалась по той-же дорогѣ, по которой пришла, хоть и рѣшила не возвращаться домой. Быть можетъ ее тянули къ себѣ зеленыя поля Варвикшира съ ихъ высокими кустистыми изгородями, гдѣ было такъ удобно прятаться даже въ эту безлистую пору года. Теперь она шла гораздо тише, часто останавливаясь, часами просиживая подъ заборами и плетнями, глядя передъ собой ничего не видящими прекрасными глазами, воображая себя на краю какой-нибудь глубокой лужи, спрятавшейся за деревьями въ самомъ низу оврага, какъ та лужа на Зеленой Пустоши, и стараясь представить себѣ, очень-ли страшно тонуть, и будетъ-ли послѣ смерти что-нибудь хуже того, чего она такъ страшилась въ этой жизни. Догматы вѣры не имѣли никакой власти надъ душой Гетти: она принадлежала къ многочисленному разряду людей, имѣющихъ крестныхъ матерей и отцовъ, твердо заучивающихъ свой катехизисъ, конфирмующихся, посѣщающихъ церковь въ каждое воскресенье, и не усваивающихъ ни одной христіанской идеи, ни одного христіанскаго чувства, которыя приводили-бы къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, поддерживая ихъ въ испытаніяхъ жизни или принося имъ утѣшеніе передъ смертью. Вы-бы жестоко ошиблись насчетъ душевнаго состоянія Гетти въ эти печальные для нея дни, предположивъ, что страхъ Божьей кары или надежда на Божье милосердіе играли въ немъ какую-нибудь роль.

Гетти рѣшила поѣхать въ Стратфордъ-на-Авонѣ, куда въ первый разъ она попала ошибкой: ей помнилось, что тамъ были низкіе луга, гдѣ можно было разсчитывать найти именно такую водомоину, какая ей была нужда. И въ то-же время она продолжала соблюдать строгую экономію въ деньгахъ и заботливо несла свою корзину: смерть казалась ей такой еще далекой, а жизнь была въ ней такъ сильна! Ѣда и отдыхъ манили ее съ неотразимой силой: въ самыя горькія свои минуты, представляя себѣ берегъ, съ котораго она бросится въ воду, она ускоряла шагъ, завидѣвъ гостиницу. Прошло уже пять дней, какъ она выѣхала изъ Виндзора. Съ тѣхъ поръ она прошла очень немного, потому что часто сворачивала съ большой дороги, избѣгая разспросовъ и любопытныхъ взглядовъ, но принимая гордый и независимый видъ всякій разъ, какъ ее могли видѣть. Для ночлега она выбирала гостиницы поскромнѣе, старательно одѣвалась поутру и выходила въ путь бодрымъ шагомъ. Когда шелъ дождь, она пряталась куда-нибудь подъ крышу, какъ-будто передъ ней была долгая, счастливая жизнь.

И, однако, даже въ такіе моменты, когда она особенно хорошо владѣла собой, больно было смотрѣть на ея хорошенькое личико—до такой степени оно было теперь непохоже на то лицо, которое улыбалось ей изъ стараго крапчатаго

зеркала, или улыбалось другимъ, когда они съ восторгомъ имъ любовались. Глаза глядѣли жесткимъ, какимъ-то дикимъ взглядомъ, хотя ихъ темная глубина не утратила своего блеска, и длинныя рѣсницы были такъ-же прекрасны. Улыбка не раздвигала розовыхъ губокъ и не дѣлала ямочекъ на щекахъ. Это была все та-же мягкая, миловидная, дѣтская красота, но любовь и вѣра въ любовь покинули ее. Тѣмъ болѣе скорбнымъ казалось это лицо, что оно было прекрасно: это было удивительное лицо Медузы съ гнѣвнымъ и безстрастнымъ ртомъ.

Но вотъ, наконецъ, она тамъ, куда ее такъ тянуло,—среди низкихъ луговъ, на длинной узенькой тропинкѣ, которая ведетъ въ лѣсъ. Ахъ, еслибъ въ этомъ лѣсу оказалась вода!—ужъ тамъ никто ее не увидитъ... Нѣтъ, это не лѣсъ, а только мелкая поросль. Когда-то здѣсь брали песокъ, и вся земля была въ буграхъ и ямахъ, обросшихъ по краямъ кустарникомъ. Гетти переходила отъ ямы къ ямѣ въ надеждѣ найти воду въ которой нибудь изъ нихъ; наконецъ, она выбилась изъ силъ и присѣла отдохнуть. День близился къ вечеру, и свинцовое небо темнѣло, какъ будто солнце уже собиралось садиться. Гетти вскочила на ноги: скоро стемнѣетъ, сегодня ужъ поздно отыскивать воду,—придется отложить до завтра; а пока надо подумать о ночлегѣ. Бродя по кустамъ, она заблудилась и, не зная, въ какую сторону ей идти, пошла наугадъ. Она проходила поле за полемъ, а жилья нигдѣ не показывалось. Но вонъ тамъ, въ концѣ луга, виднѣлся просвѣтъ между изгородями; земля замѣтно опускалась въ ту сторону, и надъ самымъ просвѣтомъ два дерева наклонились другъ къ другу. У Гетти заколотилось сердце: тамъ должна быть вода. Тяжело ступая по густой травѣ, она двинулась туда, дрожа и съ поблѣднѣвшими губами, какъ будто то страшное, къ чему она подходила, пришло само, помимо ея воли, а не было цѣлью ея поисковъ.

Вотъ она—вода, совсѣмъ черная подъ темнѣющимъ небомъ... Кругомъ ни звукв, ни движенія... Гетти поставила корзинку и опустилась на траву, вся дрожа. Лужа должна быть теперь очень глубока послѣ зимы; къ тому времени, когда она пересохнетъ (какъ пересыхали лужи въ Гейслопѣ въ лѣтнюю пору), уже нельзя будетъ узнать ея трупа. А корзина?—ее надо куда-нибудь спрятать... Да, такъ, она броситъ ее въ воду, сперва наложитъ камнями, а потомъ броситъ. Она встала поискать камней и скоро принесла штукъ пять или шесть. Положивъ ихъ подлѣ корзины, она опять сѣла. Спѣшить было не зачѣмъ, впереди была еще цѣлая ночь, и она облокотилась на корзину. Она очень устала и была голодна. Въ корзинѣ у нея лежало три лепешки: она ихъ купила въ послѣдней харчевнѣ, куда заходила поѣсть. Она достала ихъ, съѣла съ жадностью и продолжала сидѣть,

глядя на воду. Утоленный голодъ принесъ съ собой пріятное чувство успокоенія; неподвижная, удобная поза послѣ усталости располагала къ дремотѣ, и вскорѣ голова ея упала на корзину, она крѣпко уснула.

Когда она проснулась, была глубокая ночь, и ей было холодно. Она испугалась этой темноты, испугалась того, что передъ ней еще цѣлая длинная ночь. Вотъ если-бы теперь броситься воду! Еслибъ она могла!.. Нѣтъ, еще не сейчасъ... Она встала и начала ходить, чтобы согрѣться, какъ будто надѣялась, что вмѣстѣ съ тепломъ придетъ рѣшимость. О, какъ тянется время въ этой темнотѣ!.. Яркій огонь и тепло очага, родные голоса, чувство покоя и безопасности, съ какимъ она ложилась спать дома и вставала по утрамъ, знакомыя поля, знакомыя лица, воскресенья и праздники съ ихъ простыми радостями новыхъ нарядовъ и угощенья, всѣ утѣхи ея молодой жизни пронеслись теперь передъ нею, маня ее и дразня; она какъ будто протягивала къ нимъ руки черезъ глубокую пропасть. Она стиснула зубы, вспомнивъ объ Артурѣ; она проклинала его, забывая, что ея проклятія не могутъ его наказать. Она хотѣла, чтобы и онъ узналъ отчаяніе, холодъ и стыдъ, которымъ онъ не рѣшался-бы положить конецъ смертью.

Ея ужасъ передъ этимъ холодомъ, мракомъ и одиночествомъ усиливался съ каждой долгой минутой. Ей казалось, что она уже умерла, знаетъ, что она умерла, и жаждетъ возвратиться къ жизни... Но нѣтъ, она еще жива: роковой прыжокъ еще не сдѣланъ. Ее обуревали самыя протирѣчивыя чувства, уныніе и восторгъ: уныніе оттого, что она была еще жива, что она еще могла видѣть свѣтъ и чувствовать тепло. Она ходила взадъ и впередъ, стараясь согрѣться и начиная различать окружающіе предметы по мѣрѣ того, какъ глаза ея привыкли къ темнотѣ: вотъ тянется темная линія изгороди, вотъ прошмыгнуло въ травѣ какое-то живое существо—должно быть полевая мышь. Темнота уже не давила ее, преграждая ей путь. Ей пришло въ голову, что она могла-бы теперь повернуть назадъ, перейти лугъ, а тамъ, за изгородью, на сосѣднемъ лугу, былъ, кажется, овечій загонъ: ей припоминалось, что она какъ будто видѣла тамъ шалашъ изъ дрока. Еслибъ добраться до этого шалаша, она бы согрѣлась: можно было-бы переночевать тамъ, какъ дѣлалъ Аликъ въ Гейслопѣ каждую весну. Эта мысль ободрила ее новой надеждой; она взяла свою корзину и пошла черезъ лугъ. Она проплутала нѣсколько времени, прежде чѣмъ нашла изгородь, но эти поиски и моціонъ окончательно ее оживили; темнота и одиночество уже не такъ пугали ее. На сосѣднемъ лугу были овцы: нѣсколько штукъ шарахнулось въ сторону, когда она поставила свою корзину, перелѣзая черезъ плетень; топотъ ихъ ногъ успокоилъ ее,—она убѣди-

лась, что память не обманула ее: да, это былъ тотъ самый лугъ, гдѣ она видѣла шалашъ, потому что на немъ были овцы. Надо только идти по тропинкѣ, и она придетъ къ шалашу. Добравшись до противуположныхъ воротецъ, она продолжала идти, нащупывая ихъ перекладины, потомъ перекладины овечьяго загона, пока рука ея не встрѣтила выступа неровной оштукатуренной стѣны. Какая радость!—она нашла пріютъ. Она все шла ощупью вдоль стѣны, дошла до двери, толкнула ее и отворила. Здѣсь скверно пахло, было душно, но тепло, и на полу лежала солома. Гетти бросилась на эту солому, чувствуя, что она спасена. Тутъ пришли слезы—съ самаго Виндзора она ни разу не плакала,—истерическія слезы радости оттого, что она жива, что она въ знакомомъ мѣстѣ, и овцы подлѣ нея. Для нея было наслажденіемъ чувствовать свое тѣло; она отвернула рукава и съ страстной любовью къ жизни цѣловала свои руки. Вскорѣ тепло и усталость убаюкали ее среди слезъ; она поминутно впадала въ забытье; ей начинало грезиться, что она стоитъ на краю лужи, что она спрыгнула въ воду, и, вздрогнувъ, она просыпалась и не могла понять, гдѣ она. Но, наконецъ, пришелъ глубокій сонъ безъ грезъ; голова ея, защищенная шляпкой, прислонилась къ неровной стѣнѣ, и бѣдная душа, мечущаяся между двумя равносильными ужасами, нашла единственное успокоеніе, какое ей было доступно,—забвеніе себя.

Увы! этому успокоенію пришелъ конецъ, едва оно успѣло наступить: Гетти казалось, что она даже не спала, что ея первыя дремотныя грезы только смѣнились другими. Теперь ей снилось, что она въ шалашѣ, и тетка стоитъ надъ нею со свѣчею въ рукѣ. Она задрожала подъ взглядомъ тетки и открыла глаза. Свѣчи не было, но былъ другой свѣтъ—свѣтъ ранняго утра, проникавшій сквозь открытую дверь! И на нее, наклонившись, глядѣло чье-то лицо, но это было незнакомое лицо старика въ рабочей курткѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете, моя милая?—спросилъ старикъ грубымъ голосомъ.

Передъ этимъ реальнымъ явленіемъ Гетти еще сильнѣе задрожала отъ страха и стыда, чѣмъ дрожала во снѣ подъ строгимъ взглядомъ тетки. Вотъ до чего она дошла. Она теперь все равно что нищая,—ее застали спящей въ шалашѣ, на соломѣ... но ей такъ хотѣлось объяснить этому человѣку, какъ она попала сюда, что, не смотря на свой испугъ, она разомъ нашла слова.

— Я заблудилась,—сказала она.—Я иду далеко—на сѣверъ. Я сошла съ дороги на тропинку, и ночь захватила меня въ полѣ. Научите меня, какъ пройти до ближайшей деревни.

Говоря это, она встала, поправила шляпку и взяла корзину.

Нѣсколько секундъ старикъ смотрѣлъ на нее оторопѣлыми

глазами, не отвѣчая; потомъ повернулся и пошелъ къ двери, но на порогѣ пріостановился и, обернувшись къ ней черезъ плечо, сказалъ:

— Пожалуй, я вамъ покажу дорогу въ Нортонъ... Но отчего вы не шли по дорогѣ?—прибавилъ онъ сердито.—Вы попадете въ бѣду, если не будете осторожнѣй.

— Да, я и сама знаю; я больше не буду этого дѣлать,— отвѣчала Гетти:—я больше не сойду съ дороги, только, пожалуйста, научите, какъ мнѣ выбраться на нее.

— А вы-бы лучше шли, какъ всѣ ходятъ, по людному тракту: тамъ и столбы есть, и люди, у кого дорогу спросить,—проворчалъ старикъ еще грубѣе.—Можно подумать, что вы сумасшедшая, глядя на васъ.

Гетти боялась этого сердитаго старика и еще больше испугалась, когда онъ сказалъ, что она похожа на сумасшедшую. Выходя за нимъ изъ шалаша, она говорила себѣ, что дастъ ему шесть пенсовъ за труды, и тогда онъ не будетъ считать ее сумасшедшей. Она достала деньги и держала наготовѣ. Когда онъ показалъ ей дорогу и повернулся было уходить, даже не попрощавшись, она протянула ему деньги и сказала:

— Благодарю васъ. Вотъ вамъ—возьмите, пожалуйста, за труды.

Онъ, не спѣша, обернулся, посмотрѣлъ на монету и отвѣчалъ:

— Не надо мнѣ вашихъ денегъ. Вы лучше прячьте ихъ хорошенько, не то, чего добраго, украдутъ, особенно, если вы будете, какъ полоумная, бѣгать по полямъ.

Старикъ пошелъ прочь, не прибавивъ больше ни слова, а Гетти продолжала свой путь. Начался второй день, а она не умерла. Надо идти—больше ничего не остается. Безполезно думать о самоубійствѣ—все равно у нея не хватитъ духу утопиться, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока у нея будутъ деньги на хлѣбъ и силы продолжать свое странствованіе. Но сегодняшнее ея пробужденіе и этотъ страшный старикъ заставили ее серьезно задуматься надъ вопросомъ, что́ съ нею будетъ, когда выйдутъ всѣ ея деньги. Придется продать корзину съ вещами, и тогда она уже окончательно будетъ имѣть видъ нищей или сумасшедшей, какъ сказалъ тотъ человѣкъ. Страстная радость бытія, обуявшая ее ночью, послѣ того, какъ она уже стояла на краю холодной, черной могилы,—теперь миновала. Теперь, при свѣтѣ дня, когда ее преслѣдовало впечатлѣніе суроваго, недоумѣвающаго взгляда старика, жизнь была для нея ужасомъ, какъ и смерть,—хуже смерти: это былъ ужасъ, къ которому она чувствовала себя прикованной, передъ которымъ она содрогалась, какъ передъ той черной лужей, и не могла нигдѣ укрыться отъ него.

Она вынула изъ кошелька свои деньги: у нея оставалось

еще двадцать два шиллинга. Этого ей хватитъ на много дней, если идти пѣшкомъ, а не то она можетъ сократить свой путь—доѣхать до Стонишира, чтобы быть поближе къ Динѣ. Послѣ опыта послѣдней ночи, заставившей ее съ содроганіемъ отступить передъ мыслью о смерти, мысль о Динѣ возвращалась къ ней все настойчивѣе. Еслибы весь вопросъ исчерпывался тѣмъ, чтобы добраться до Дины,—еслибы кромѣ Дины никто ничего не узналъ,—Гетти рѣшилась-бы обратиться къ ней: этотъ нѣжный голосъ, эти любящіе глаза притянули-бы ее къ себѣ. Но вѣдь потомъ узнаютъ и другіе... А принять стыдъ у нея не хватало силъ, какъ не хватало силъ принять смерть.

Нѣтъ, надо идти,—идти и ждать: можетъ быть, когда она дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ отчаянія, у нея хватитъ мужества умереть. Можетъ быть, смерть придетъ къ ней сама: ей ужъ и такъ съ каждымъ днемъ все труднѣе идти. А между тѣмъ, — таковы противорѣчія нашей души и такъ, иногда затаенное желаніе толкаетъ насъ къ тому, чего мы повидимому всего больше страшимся,—а между тѣмъ Гетти, выходя изъ Нортона, спросила самую прямую дорогу въ Стониширъ и шла по ней весь день.

Бѣдная, бѣдная Гетти, блуждающая одна по незнакомымъ мѣстамъ,—хорошенькая Гетти съ ея дѣтскимъ, кругленькимъ личикомъ и невинными глазами, изъ которыхъ смотритъ черствая, себялюбивая, исполненная отчаянія душа,—съ узкими мыслями и узкимъ сердцемъ, въ которомъ нѣтъ мѣста чужому страданію и которому тѣмъ горше нести свое собственное! Моя душа болитъ за нее, когда я вижу ее въ ея скитаніяхъ, еле передвигающую усталыя ноги или сидящую въ повозкѣ съ неподвижнымъ взглядомъ, который смотритъ впередъ, на дорогу, безъ мысли, ничего не видя, пока не явится голодъ и не заставитъ ее желать поскорѣе доѣхать до деревни.

Какой-же будетъ конецъ?—Конецъ безцѣльныхъ скитаній существа, отрѣзаннаго отъ всякаго человѣческаго участія, не умѣющаго смотрѣть на людей иначе, какъ сквозь призму своего тщеславія, цѣпляющагося за жизнь, какъ можетъ цѣпляться за нее только загнанный охотникомъ раненый звѣрь?

Да сохранитъ Господь меня и васъ, читатель, стать виновникомъ такого несчастія!..

ГЛАВА XXXVIII.

РОЗЫСКИ.

Первые десять дней послѣ отъѣзда Гетти прошли на Большой Фермѣ тихо и мирно, какъ всегда. Адамъ ходилъ ежедневно на свою работу и былъ тоже спокоенъ. Они всѣ такъ

и разсчитывали, что Гетти пробудетъ въ отлучкѣ не меньше недѣли, десяти дней, а можетъ быть даже и немного подольше, если Дина рѣшитъ ѣхать съ ней, такъ какъ Дину могло что-нибудь задержать въ Сноуфильдѣ. Но когда прошло двѣ недѣли, а Гетти не возвращалась, это начало всѣхъ удивлять: должно быть общество Дины оказалось для нея занимательнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Адамъ-же, кромѣ того, не на шутку стосковался по ней и, наконецъ, рѣшилъ, что если она не возвратится на другой день, въ субботу, то въ воскресенье утромъ онъ самъ отправится за ней. Дилижансы по воскресеньямъ не ходили, но если онъ выйдетъ до свѣта, да по дорогѣ его еще, можетъ быть, подвезутъ (на что всегда можно было разсчитывать), онъ будетъ въ Сноуфильдѣ къ вечеру, а на другой день привезетъ Гетти—и Дину тоже, если она рѣшила ѣхать. Гетти давно пора быть дома, и онъ готовъ потерять свой понедѣльникъ, лишь-бы она поскорѣй возвратилась.

На фермѣ, куда онъ ходилъ въ субботу вечеромъ, вполнѣ одобрили его планъ. Мистрисъ Пойзеръ строго наказывала ему не возвращаться безъ Гетти: дѣвочка и такъ уже слишкомъ долго загостилась, принимая во вниманіе, что ее ждетъ дома цѣлый ворохъ вещей, которыя надо сшить къ половинѣ марта, а чтобы провѣтриться и отдохнуть, за глаза довольно недѣли. Что касается Дины, то мистрисъ Пойзеръ мало надѣялась, чтобъ та согласилась пріѣхать, — развѣ что имъ удастся ее убѣдить, что въ Гейслопѣ народъ вдвое несчастнѣе, чѣмъ въ Сноуфильдѣ. „Впрочемъ“, прибавила въ заключеніе мистрисъ Пойзеръ, „вы можете, пожалуй, сказать ей, что тетка у нея только одна, да и та стала похожа на тѣнь, отъ работы; да еще скажите, что къ будущему Михайлову дню мы, можетъ быть, очутимся еще дальше отъ нея, миль за двадцать отсюда, умремъ тамъ съ горя среди чужихъ людей и оставимъ дѣтей круглыми сиротами“.

— Нѣтъ, нѣтъ, наше дѣло не такъ еще плохо, подхватилъ мистеръ Пойзеръ, который, безспорно, меньше всего имѣлъ видъ человѣка, способнаго умереть съ горя;—наше дѣло не такъ еще плохо. Ты смотришь совсѣмъ молодцомъ и съ каждымъ днемъ толстѣешь... Но я, конечно, буду радъ, если Дина пріѣдетъ, потому-что она поможетъ тебѣ няньчить ребятъ: они удивительно какъ къ ней привязались.

И такъ, въ воскресенье на разсвѣтѣ Адамъ пустился въ путь. Сетъ проводилъ его мили за двѣ отъ дома; мысль о Сноуфильдѣ, надежда скоро увидѣть Дину, волновала Сета, и онъ разсчитывалъ, что эта прогулка съ братомъ, на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, въ воскресный день, когда оба они были въ своемъ праздничномъ платьѣ, возвратитъ ему тихую ясность помысловъ воскреснаго дня. Это было послѣднее утро февраля, съ низко нависшимъ сѣрымъ небомъ и съ лег-

кой изморозью на зеленой травѣ вдоль дороги и на черныхъ кустахъ живыхъ изгородей. До братьевъ доносилось журчанье надувшагося ручья, сбѣгавшаго по холму, и слабое чириканье просыпавшихся птицъ, ибо они шли въ молчаніи, хоть радостное сознаніе взаимной близости и не покидало ихъ.

— Прощай, братъ, сказалъ Адамъ, когда они остановились передъ тѣмъ, какъ разстаться. Онъ положилъ руку на плечо Сету и съ любовью смотрѣлъ на него.—Хотѣлось-бы мнѣ чтобы мы съ тобой прошли всю дорогу вмѣстѣ, и чтобъ ты былъ такъ-же счастливъ, какъ я.

— Я не жалуюсь, Адди, отвѣчалъ Сетъ весело;—я доволенъ своей судьбой. Каждому свое: у тебя будетъ семья, а я, вѣроятно, останусь старымъ холостякомъ и буду играть съ твоими дѣтьми.

Они разстались, и Сетъ пошелъ домой неторопливымъ шагомъ, напѣвая, мысленно, одинъ изъ своихъ любимыхъ гимновъ.

Адамъ шелъ гораздо быстрѣе, и всякій, кому случилось-бы повстрѣчать его въ это утро на Окбурнской дорогѣ, порадовался-бы, глядя, какъ этотъ высокій, широкоплечій человѣкъ шагаетъ впередъ твердо и прямо, не хуже любого солдата, окидывая живыми, веселыми глазами темно-синія вершины холмовъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ выдвигаются передъ нимъ. Мало выдавалось минутъ въ жизни Адама, когда лицо его было-бы до такой степени свободно отъ всякаго облачка заботы, какъ въ это раннее утро, и—какъ это обыкновенно бываетъ съ практическими умами, склонными къ творчеству,—отсутствіе заботы заставляло его тѣмъ живѣе подмѣчать всѣ мелочи окружающаго и наводило его на новыя мысли относительно его излюбленныхъ плановъ всевозможныхъ работъ. Его счастливая любовь,—сознаніе, что каждый шагъ приближаетъ его къ Гетти, и что скоро она будетъ его женою,—дѣйствовало на его мысли такъ-же, какъ чистый, утренній воздухъ на его самочувствіе: оно давало ему ощущеніе довольства, радости бытія, при которой движеніе становится наслажденіемъ. Минутами въ немъ подымался приливъ горячей любви къ Гетти, прогонявшій всѣ образы, кромѣ *ея* образа, и вмѣстѣ съ этой волной сильнаго чувства являлась благоговѣйная признательность за то, что ему дано столько счастья, что жизнь человѣческая такъ хороша. Ибо у Адама была вѣрующая душа, хоть онъ и не любилъ разговоровъ о религіи; нѣжнѣйшія струны его сердца такъ близко соприкасались съ его религіознымъ чувствомъ, что когда заговаривало одно, непремѣнно откликалось и другое. Но какъ только чувство находило такимъ образомъ исходъ, изливаясь въ благодарственной молитвѣ, дѣятельная мысль начинала работать съ удвоенной силой. Въ это утро она работала надъ

планами улучшенія окрестныхъ дорогъ, которыя сильно въ этомъ нуждались. Да, много пользы могутъ принести усилія одного человѣка, сельскаго хозяина, если онъ серьезно задастся цѣлью провести хорошія дороги по своей землѣ,—думалъ Адамъ.

Онъ почти не замѣтилъ, какъ прошелъ первыя десять миль до Окбурна,—хорошенькаго городка, съ широкимъ видомъ на голубые холмы. Въ Окбурнѣ онъ остановился позавтракать. Дальше мѣстность становилась все болѣе и болѣе пустынной: ни лѣсовъ, ни даже отдѣльныхъ развѣсистыхъ деревьевъ подлѣ домовъ, ни живыхъ изгородей; только низенькія стѣны изъ сѣраго камня пересѣкаютъ тощія пастбища, да унылые каменные дома, тоже сѣрые, торчатъ тамъ и сямъ на изрытой почвѣ, гдѣ были прежде рудники, теперь упраздненные. „Голодная страна“, думалъ Адамъ. „Ужъ я скорѣе переселился-бы на югъ, гдѣ, говорятъ, земля плоская, какъ ладонь, чѣмъ жить въ такомъ мѣстѣ Впрочемъ, Дина, пожалуй, и права, предпочитая жить тамъ, гдѣ она можетъ дѣлать больше добра; я думаю, этимъ голоднымъ людямъ должно казаться, что она сошла къ нимъ прямо съ неба, какъ тѣ ангелы въ пустынѣ, которыхъ Богъ посылалъ утѣшать голодныхъ“. И когда, наконецъ, передъ нимъ открылся Сноуфильдъ, онъ сказалъ себѣ, что этотъ городъ — „родной сынъ своей матери“, хотя надъ ручейкомъ, пробѣгавшимъ въ долинѣ, гдѣ стояла бумагопрядильня, ландшафтъ оживлялся зеленью, радовавшей глазъ. Городъ раскинулся на крутомъ склонѣ холма,—весь каменный, угрюмый, открытый всѣмъ вѣтрамъ. Адамъ не пошелъ въ городъ: онъ зналъ, что Дина тамъ не живетъ, и Сетъ разсказалъ ему, какъ ее найти, Она жила въ маленькомъ, крытомъ соломой коттеджѣ, за городомъ, недалеко отъ бумагопрядильни; домикъ былъ очень старый, и при немъ небольшой огородъ подъ картофелемъ. Дина помѣщалась тутъ у одной пожилой четы методистовъ, и если-бы случилось, что ея и Гетти не окажется дома, Адамъ могъ спросить, куда онѣ ушли и когда возвратятся. Можетъ быть Дина ушла куда-нибудь на проповѣдь, и Гетти сидитъ дома одна. Адаму очень хотѣлось, чтобъ это было такъ, и когда онъ узналъ коттеджъ у дороги, какъ его описывалъ Сетъ, лицо его освѣтилось невольной улыбкой предвкушенія близкой радости.

Ускореннымъ шагомъ прошелъ онъ узкую тропинку, которая вела къ коттеджу, и постучался въ дверь Ее отворила чистенькая старушка съ трясущейся головой.

— Дома Дина Моррисъ? спросилъ Адамъ.

— А?... Нѣтъ, отвѣчала старушка, разглядывая высокаго незнакомца съ такимъ удивленіемъ, что даже не сразу отвѣтила на его вопросъ.—Не угодно-ли войти? прибавила она, какъ будто спохватившись, и отступила отъ двери, пропус-

кая его.—Да вы не братъ-ли того молодого человѣка, что пріѣзжалъ къ намъ недавно?

— Да, братъ, отвѣчалъ Адамъ, входя. — Тотъ былъ Сетъ Бидъ, а я—Адамъ. Онъ поручилъ мнѣ передать его привѣтъ вамъ и вашему мужу.

— Кланяйтесь ему отъ насъ,—онъ очень милый, молодой человѣкъ. Вы на него похожи, только вы потемнѣе. Садитесь—вотъ сюда, на кресло. Мой мужъ еще не вернулся съ митинга.

Адамъ сѣлъ, не желая торопить эту трясущуюся старуху своими вопросами, но съ нетерпѣніемъ поглядывая на узенькую витую лѣстницу въ углу комнаты: онъ думалъ, что можетъ быть Гетти услыхала его голосъ и сойдетъ внизъ.

— Такъ вы пришли къ Динѣ Моррисъ? продолжала старуха, стоя противъ него.—Развѣ вы не знали, что ея нѣтъ дома?

— Не зналъ, отвѣчалъ Адамъ, впрочемъ,—я такъ и думалъ, что могу ея не застать, потому-что сегодня воскресенье. Ну, а другая молодая дѣвушка,—дома она, или ушла съ Диной?

Старушка поглядѣла на него оторопѣлыми глазами.

— Ушла съ Диной? повторила она.—Да вѣдь Дина уѣхала въ Лидсъ. Это большой городъ—вѣрно вы слыхали,—и тамъ много нашихъ Божьихъ людей. Въ пятницу было двѣ недѣли, какъ она уѣхала; ей прислали денегъ на дорогу. Хотите взглянуть на ея комнату? — продолжала старуха, отворяя дверь и не замѣтивъ, какъ подѣйствовали ея слова на Адама.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и окинулъ жаднымъ взглядомъ маленькую комнатку, съ узкой кроватью, портретомъ Уэсли на стѣнѣ и немногими книгами, сложенными кучкой на толстомъ томѣ Библіи. У него явилась было нелѣпая надежда, что Гетти можетъ оказаться здѣсь. Увидѣвъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ, онъ въ первую минуту не могъ говорить отъ волненія; его охватилъ смутный страхъ: что-нибудь случилось съ нею въ дорогѣ. Но старуха была такъ нерѣчиста и такъ туго соображала, что она могла его не понять, и можетъ быть Гетти еще окажется въ Сноуфильдѣ.

— Какъ жаль, что вы не знали объ отъѣздѣ Дины,—сказала она.—Это вы нарочно шли, чтобъ повидаться съ ней?

— Но Гетти... Гетти Соррель,—*она* гдѣ? перебилъ ее рѣзко Адамъ.

— Я не знаю никакой Гетти Соррель, отвѣчала старуха съ удивленіемъ—Кто это? Вы слышали о ней въ Сноуфильдѣ?

— Развѣ къ Динѣ Моррисъ никто не пріѣзжалъ въ пятницу, двѣ недѣли тому назадъ? Не пріѣзжала къ ней молодая женщина—очень молоденькая и хорошенькая?

— Нѣтъ, я не видала никакой молодой женщины.

— Вполнѣ-ли вы увѣрены? Припомните: — молодая дѣвушка—восемнадцати лѣтъ, съ темными глазами и темными

курчавыми волосами, въ красномъ плащѣ, съ корзинкой. Вы не забыли-бы ее, еслибъ видѣли.

— Въ пятницу было двѣ недѣли, говорите вы?—Въ этотъ самый день Дина уѣхала... Нѣтъ, никто не пріѣзжалъ. Никто до сихъ поръ не спрашивалъ Дину,—вы первый—потому-что у насъ всѣ знаютъ, что она уѣхала... Господи, помилуй! Случилось что-нибудь?

Старуха увидѣла, наконецъ, испуганное, помертвѣлое лицо Адама, но, несмотря на свой испугъ, онъ не растерялся; онъ только придумывалъ, куда ему броситься, чтобы разузнать о Гетти.

— Да, отвѣчалъ онъ,—двѣ недѣли тому назадъ, въ пятницу, эта молодая дѣвушка уѣхала изъ нашихъ мѣстъ къ Динѣ. Я теперь пришелъ за ней. Я боюсь, что съ ней что-нибудь случилось, мнѣ нельзя оставаться,—прощайте.

И онъ выбѣжалъ изъ коттеджа. Старуха проводила его до калитки и стояла, со своей трясущейся головой, слѣдя грустнымъ взглядомъ, какъ онъ почти бѣжалъ къ городу. Онъ рѣшилъ справиться о Гетти въ гостинницѣ, гдѣ останавливался Окбурнскій дилижансъ.

— Нѣтъ, тамъ не видали никакой молодой женщины, похожей на Гетти. Не произошло-ли двѣ недѣли гому назадъ какого-нибудь несчастнаго случая съ дилижансомъ?—Нѣтъ. И въ этотъ день онъ не можетъ ѣхать въ Окбурнъ: послѣдній дилижансъ уже отошелъ.—Ну, что-жъ, онъ отправится пѣшкомъ: онъ не можетъ оставаться въ этомъ нестерпимомъ бездѣйствіи... Но хозяинъ гостинницы принялъ участіе въ происшествіи со всѣмъ интересомъ человѣка, который бо̀льшую часть своего времени проводитъ, заложивъ руки въ карманы и созерцая все одну и ту-же монотонную улицу. Видя тревогу Адама, онъ предложилъ доставить его въ Окбурнъ въ тотъ-же-вечеръ, въ собственной телѣжкѣ. Еще не было пяти часовъ: Адамъ могъ успѣть пообѣдать и къ десяти вечера быть въ Окбурнѣ. Хозяинъ сказалъ, что онъ все равно собирался ѣхать завтра въ Окбурнъ, и что ему даже удобнѣе выѣхать сегодня, потому-что тогда въ его распоряженіи останется цѣлый день. Адамъ, послѣ безуспѣшной попытки поѣсть, кончилъ тѣмъ, что положилъ въ карманъ бутербродъ, выпилъ глотокъ пива и объявилъ, что онъ готовъ. Когда они проѣзжали мимо домика Дины, ему пришло въ голову, что не мѣшало-бы узнать у старухи Дининъ адресъ въ Лидсѣ, такъ какъ въ случаѣ какого несчастія у Пойзеровъ (онъ, впрочемъ, почти не допускалъ этой мысли) они, вѣроятно, пожелаютъ выписать Дину. Но оказалось, что Дина не оставила своего адреса, и старуха, у которой память на имена была очень слаба, не могла даже припомнить имени „святой женщины“ бывшей главнымъ другомъ Дины въ ихъ общинѣ въ Лидсѣ.

Во время этого длиннаго, длиннаго путешествія въ те-

лѣжкѣ, Адамъ успѣлъ перебрать въ умѣ всевозможныя догадки и все еще ломалъ голову, безпрестанно переходя отъ страха къ надеждѣ. Въ первую минуту потрясенія, когда онъ узналъ, что Гетти нѣтъ въ Сноуфильдѣ, мысль объ Артурѣ пронизала его острой болью; но онъ сейчасъ же отогналъ эту нестерпимую мысль и нѣкоторое время не давалъ ей овладѣть собой, пытаясь объяснить страшный фактъ другими причинами, не имѣвшими съ нею ничего общаго. Навѣрное произошла какая-нибудь несчастная случайность: Гетти могла ошибкой сѣсть въ Окбурнѣ не въ тотъ дилижансъ; можетъ быть по дорогѣ она захворала и не написала объ этомъ роднымъ, не желая ихъ напугать. Но вскорѣ этотъ хрупкій оплотъ невѣроятныхъ, смутныхъ вѣроятностей, которымъ онъ старался себя оградить, былъ опрокинутъ неудержимымъ приступомъ, опредѣленнаго страха: Гетти обманывала себя, согласившись выйти за него замужъ и воображая, что она можетъ его полюбить; она все время любила Артура, и вотъ теперь, въ своемъ отчаяніи, въ ужасѣ передъ приближавшейся свадьбой, она убѣжала,—*къ нему*. Опять въ душѣ Адама проснулись вся его ревность, все негодованіе, а вмѣстѣ съ этимъ явилось подозрѣніе, что и Артуръ былъ не безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ,—что онъ писалъ Гетти, сманилъ ее пріѣхать къ нему, потому-что не могъ примириться съ мыслью, что она достанется другому. Возможно, что онъ былъ даже главнымъ виновникомъ,—что онъ-то все и подстроилъ,—далъ ей указанія, какъ разыскать его въ Ирландіи (Адамъ зналъ, что Артуръ уѣхалъ въ Ирландію три недѣли тому назадъ: не такъ давно ему сказали объ этомъ въ замкѣ). Каждый грустный взглядъ Гетти со дня ихъ помолвки воскресалъ теперь передъ нимъ со всею преувеличенностью тяжелыхъ воспоминаній. Да, онъ былъ безумно самонадѣянъ и торопливъ. Очень возможно, что бѣдняжка долгое время сама хорошенько не знала, что она чувствуетъ,—думала, что забудетъ Артура .. Можетъ быть на одинъ мигъ ей даже показалось, что она можетъ полюбить человѣка, предлагавшаго ей свое покровительство и вѣрную любовь... Нѣтъ, *ее* онъ ни въ чемъ не винитъ,—она не хотѣла причинить ему такихъ жестокихъ страданій. Вся вина лежитъ на томъ, кто такъ себялюбиво игралъ ея сердцемъ, кто, можетъ быть, сознательно сманилъ ее бѣжать.

Въ Окбурнѣ хозяинъ гостинницы „Королевскій Дубъ“ припомнилъ, что слишкомъ двѣ недѣли тому назадъ совершенно такая молодая женщина, какъ описывалъ Адамъ, пріѣхала съ Тредльстонскимъ дилижансомъ (да и трудно забыть такую красотку—такихъ не всякій день видишь). Съ Букстонскимъ дилижанскомъ, который проходитъ черезъ Сноуфильдъ, она не уѣхала—это хозяинъ утверждалъ положительно, но вскорѣ послѣ того онъ потерялъ ее изъ вида (когда водилъ поить лошадей) и больше уже не видалъ. Тогда Адамъ пошелъ въ

гостинницу, изъ которой выходилъ дилижансъ въ Стонитонъ. Стонитонъ, былъ во всякомъ случаѣ, первымъ пунктомъ, куда могла направиться Гетти, какова-бы ни была цѣль ея пути, такъ какъ едва-ли она рѣшилась-бы путешествовать иначе, какъ по главнымъ дорогамъ. Въ этой гостинницѣ ее тоже замѣтили; помнили даже, что она взяла наружное мѣсто и сѣла рядомъ съ кучеромъ.—Можно-ли видѣть этого кучера?—Нѣтъ, нельзя, потому что послѣдніе три или четыре дня, вмѣсто него ѣздитъ другой; но, вѣроятно, его можно разыскать въ Стонитонѣ: надо тамъ справиться въ гостинницѣ, гдѣ останавливался дилижансъ. Но дилижансъ въ Стонитонъ выходилъ только на другой день въ одиннадцать часовъ. И такъ, нашему бѣдному, убитому горемъ Адаму пришлось волей-неволей подавить свою тревогу и подождать до утра.

Въ Стонитонѣ новая задержка: старика кучера, съ которымъ уѣхала Гетти, не оказалось въ городѣ, и онъ долженъ былъ вернуться только къ вечеру. Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Онъ тоже хорошо помнилъ Гетти,—припомнилъ даже шутку, съ которою онъ къ ней обратился, и которую теперь нѣсколько разъ повторилъ Адаму, ни разу не забывъ при этомъ прибавить, что онъ такъ и подумалъ тогда, что „тутъ что-нибудь не спроста“, такъ какъ „дѣвочка“ не засмѣялась его шуткѣ. Но въ заключеніе онъ объявилъ (какъ и всѣ остальные въ гостинницѣ), что потерялъ ее изъ вида, какъ только она сошла съ дилижанса. Часть слѣдующаго утра ушла на справки во всѣхъ гостинницахъ, откуда выходили дилижансы (на справки, оказавшіяся безплодными, ибо, какъ вамъ уже извѣстно, изъ Стонитона Гетти вышла пѣшкомъ на разсвѣтѣ), и затѣмъ на ходьбу по всѣмъ Стонитонскимъ дорогамъ до первой заставы, въ тщетной надеждѣ встрѣтить тамъ человѣка, который, быть можетъ, припомнитъ бѣглянку. Но нѣтъ: въ Стонитонѣ слѣдъ ея положительно терялся. Теперь Адаму предстояла тяжелая задача вернуться домой и сообщить печальную вѣсть на Большой Фермѣ. Что-же касается дальнѣйшихъ его плановъ, то, среди сумятицы мыслей и чувствъ, обуревавшихъ его во время этихъ безплодныхъ розысковъ, онъ пришелъ покамѣстъ къ двумъ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Онъ рѣшилъ, во-первыхъ, никому не говорить безъ крайней необходимости того, что́ ему было извѣстно о поведеніи Артура относительно Гетти (вѣдь Гетти могла еще вернуться, и въ этомъ случаѣ разоблаченіе ея тайны могло ей повредить или оскорбить ее), и, во-вторыхъ,—возвратившись домой и устроивъ свои дѣла, немедленно ѣхать въ Ирландію: если по дорогѣ онъ не нападетъ на слѣдъ Гетти, тогда онъ проѣдетъ прямо къ Артуру и удостовѣрится, насколько тотъ ознакомленъ съ ея планами. Нѣсколько разъ у него мелькала мысль посовѣтоваться съ мистеромъ Ирвайномъ, но въ этомъ случаѣ пришлось-бы разсказать ректору всю правду и, слѣдо-

вательно, выдать тайну отношеній Артура и Гетти. Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ у Адама, до такой степени поглощеннаго мыслью о Гетти, ни разу не промелькнуло догадки, что она могла поѣхать въ Виндзоръ, не зная, что Артура тамъ уже нѣтъ. Это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что ему не приходило въ голову, чтобы Гетти могла отправиться къ Артуру незванная; онъ не могъ себѣ представить причины, которая толкнула-бы ее на такой шагъ послѣ письма, полученнаго ею въ августѣ. Онъ допускалъ только двѣ вѣроятности: или Артуръ писалъ ей опять и просилъ ее пріѣхать, или-же она убѣжала сама, испугавшись приближенія своей свадьбы,—убѣжала, потому-что убѣдилась, что она не можетъ любить его, Адама, и въ то-же время боясь, что родные разсердятся, если она откажетъ ему.

Въ виду окончательно принятаго имъ рѣшенія ѣхать къ Артуру, мысль о томъ, что онъ напрасно потратилъ два дня на розыски, терзала Адама, а между тѣмъ, разъ онъ долженъ былъ молчать передъ Пойзерами о своей догадкѣ насчетъ мѣстопребыванія Гетти и о своемъ намѣреніи послѣдовать за ней, ему необходимо было имѣть по крайней мѣрѣ право сказать имъ, что онъ прослѣдилъ ея путь такъ далеко, какъ только могъ.

Во вторникъ, въ первомъ часу ночи, Адамъ пріѣхалъ въ Треддльстонъ и, не желая безпокоить въ такой поздній часъ мать и брата (не говоря уже о томъ, что ему непріятно было-бы отвѣчать на ихъ разспросы), онъ не пошелъ домой, а бросился, не раздѣваясь, на кровать въ трактирѣ „Опрокинутая телѣга“ и отъ усталости заснулъ, какъ убитый. Но онъ проспалъ не больше четырехъ часовъ: еще не было пяти, и на дворѣ только начинало свѣтать, когда онъ уже шелъ по дорогѣ къ дому. Онъ всегда носилъ въ карманѣ ключъ отъ своей мастерской, такъ-что могъ теперь войти, никого не потревоживъ, а ему этого-то именно и хотѣлось: онъ зналъ, что если мать проснется, ему придется разсказать ей о случившемся, чего онъ всячески старался избѣжать; онъ думалъ прежде повидаться съ Сетомъ и попросить его сказать ей все, когда будетъ нужно. Тихонько перешелъ онъ дворъ и тихонько повернулъ ключъ въ замкѣ, но—какъ онъ и ожидалъ,—Джипъ, спавшій въ мастерской, громко залаялъ. Впрочемъ, умный песъ сейчасъ-же замолчалъ, увидѣвъ, что хозяинъ грозитъ ему пальцемъ, и сталъ тереться объ его ноги, за неимѣніемъ другого способа выразить свою собачью радость.

Адамъ былъ слишкомъ убитъ, чтобъ обращать вниманіе на ласки Джипа. Онъ опустился на скамью и тупо глядѣлъ на доски, стружки и другіе, окружавшіе его, слѣды прерванной работы, спрашивая себя, будетъ-ли онъ когда-нибудь опять находить удовольствіе въ этой работѣ. Джипъ между тѣмъ, смутно понимая, что съ хозяиномъ его что-то неладно, поло-

жилъ свою косматую, сѣрую голову къ нему на колѣни и смотрѣлъ на него изъ подъ приподнятыхъ бровей. До сихъ поръ, съ вечера воскресенья, все время Адама проходило въ чужихъ мѣстахъ, среди чужихъ людей; мелочи его повседневной жизни не напоминали ему о себѣ; но теперь, когда онъ опять сидѣлъ дома, при свѣтѣ новаго нарождающагося дня, окруженный знакомыми предметами, которые, казалось, навсегда утратили для него свою прелесть,—дѣйствительность—суровая, неотвратимая дѣйствительность—предстала передъ нимъ во всей своей безотрадной наготѣ и давила его новымъ гнетомъ. Прямо противъ него стоялъ неоконченный комодъ, который онъ дѣлалъ для Гетти въ свободные часы, мечтая о томъ времени, когда его домъ будетъ ея домомъ...

Сетъ не слыхалъ, когда вошелъ Адамъ, но его разбудилъ лай Джипа, и вскорѣ Адамъ услышалъ, что̀ онъ зашевелился наверху, одѣваясь. Первая мысль Сета была мысль о братѣ: сегодня Адамъ навѣрно вернется,—онъ вѣдь знаетъ, что безъ него станетъ все дѣло, но во всякомъ случаѣ пріятно было думать, что праздникъ его вышелъ длиннѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Пріѣдетъ-ли съ нимъ Дина? Сетъ говорилъ себѣ, что это было-бы величайшимъ для него счастьемъ, хоть онъ и не имѣлъ ни малѣйшей надежды, что она когда-нибудь полюбитъ его настолько, чтобъ выйти за него замужъ; но вѣдь онъ постоянно говорилъ себѣ и то, что лучше быть другомъ и братомъ Дины, чѣмъ мужемъ любой изъ другихъ женщинъ. Еслибъ только онъ могъ быть всегда подлѣ нея, жить въ одномъ съ нею городѣ,—кажется, ничего больше онъ-бы и не желалъ.

Онъ сошелъ внизъ, отворилъ дверь изъ кухни въ мастерскую съ тѣмъ, чтобы выпустить Джипа, и остановился на порогѣ, пораженный видомъ Адама. Адамъ по прежнему, не шевелясь, сидѣлъ на скамьѣ, блѣдный, немытый, съ ввалившимися мутными глазами, точно пьяница послѣ запоя. Но Сетъ мгновенно сообразилъ, что̀ означали эти признаки: братъ его не былъ пьянъ,—надъ нимъ стряслась большая бѣда. Адамъ взглянулъ на него, но ничего не сказалъ. Сетъ подошелъ къ нему: онъ и самъ такъ дрожалъ, что языкъ не слушался его.

— Господи, умилосердись надъ нами!—вымолвилъ онъ наконецъ тихимъ голосомъ, опускаясь на лавку рядомъ съ братомъ.—Адди, что случилось?

Адамъ не могъ говорить: сердце сильнаго человѣка, привыкшаго не давать воли никакимъ проявленіямъ своего горя, переполнилось, какъ сердце ребенка, при первомъ словѣ сочувствія; онъ упалъ къ брату на шею и зарыдалъ.

Сетъ былъ теперь готовъ къ худшему, потому-что никогда, насколько онъ помнилъ,—даже въ дѣтствѣ,—Адамъ не плакалъ такъ страшно.

— Адамъ, это смерть? Она умерла?—спросилъ онъ все

тѣмъ-же тихимъ голосомъ, когда Адамъ пересталъ рыдать и поднялъ голову.

— Нѣтъ, голубчикъ, она не умерла, но она ушла... ушла отъ насъ совсѣмъ. Она не была въ Сноуфильдѣ. Въ пятницу, двѣ недѣли тому назадъ, Дина уѣхала въ Лидсъ,—въ тотъ самый день, когда Гетти выѣхала изъ дому... Я не могу понять, куда она могла скрыться изъ Стонитона, потому-что до Стонитона я ее прослѣдилъ.

Сетъ молчалъ, пораженный: онъ не могъ придумать никакой причины, которая могла-бы заставить Гетти бѣжать.

— Догадываешься-ли ты, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ она это сдѣлала?—спросилъ онъ наконецъ.

— Должно быть она не могла меня полюбить; должно быть мысль о нашей свадьбѣ угнетала ее... и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—отвѣчалъ Адамъ. Онъ твердо рѣшилъ молчать о другой возможной причинѣ.

— Я слышу, мама встаетъ, сказалъ Сетъ.—Ты скажешь ей?

— Нѣтъ, не сейчасъ, отвѣчалъ Адамъ. Онъ поднялся со скамьи и откинулъ назадъ волосы, стараясь оправиться.—Теперь я не могу говорить съ ней объ этомъ, и потомъ... я сегодня-же опять уѣзжаю, — только побываю въ деревнѣ и на Большой Фермѣ. Я не могу тебѣ сказать, куда я ѣду, а ты скажешь потомъ матери, что я уѣхалъ по дѣлу, про которое никто не долженъ ничего знать... Теперь я пойду помоюсь.— Онъ пошелъ было къ двери, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, обернулся и, встрѣтивъ тихій, грустный взглядъ Сета, сказалъ:—Вотъ что, братъ: мнѣ придется забрать всѣ деньги изъ жестяной копилки, но если что со мной случится, ты такъ и знай—все остальное твое и матери: я знаю, ты съумѣешь позаботиться о ней.

Сетъ былъ блѣденъ и дрожалъ: онъ понялъ, что тутъ кроется какая-то страшная тайна.

— Братъ, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ (онъ никогда не называлъ Адама „братомъ“, кромѣ самыхъ торжественныхъ случаевъ),—братъ, я надѣюсь, ты не сдѣлаешь ничего такого, на что ты не могъ бы испросить благословенія Божія.

— Нѣтъ, милый, не бойся, отвѣчалъ Адамъ. — Я сдѣлаю только то, что я обязанъ сдѣлать.

Мысль о томъ, что если онъ выдастъ матери свое горе, она только измучитъ его своими безтолковыми сѣтованіями (не говоря уже о томъ, что не съумѣетъ скрыть своего торжества и радости, что Гетти оказалась не парой ему, какъ она всегда это предсказывала)—эта мысль возвратила ему до нѣкоторой степени его обычную твердость и самообладаніе. По дорогѣ домой онъ почувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо и потому остался ночевать въ Треддльстонѣ—сказалъ онъ матери, когда она сошла внизъ, и объяснилъ свою блѣдность и

мутные глаза головной болью, которая будто-бы не совсѣмъ еще прошла.

Онъ рѣшилъ, что прежде всего сходитъ въ деревню, пробудетъ тамъ съ часъ въ мастерской, скажетъ Бурджу, что ему необходимо на время уѣхать, и затѣмъ уже пойдетъ на Большую Ферму. Ему не хотѣлось придти туда къ завтраку: въ этотъ часъ вся семья собиралась на кухнѣ — и дѣти, и слуги, — и всѣ начнутъ ахать и охать, когда услышатъ, что онъ вернулся безъ Гетти. Итакъ, онъ дождался въ мастерской Бурджа, чтобы пробило девять часовъ, и тогда пошелъ на ферму прямикомъ по полямъ. Подходя къ усадьбѣ, онъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему идетъ мистеръ Пойзеръ, и почувствовалъ огромное облегченіе, такъ какъ это избавляло его отъ непріятной необходимости входить въ домъ. Мистеръ Пойзеръ шелъ скорымъ шагомъ—веселый и бодрый, потому-что была весна и начало весеннихъ работъ; онъ шелъ взглянуть хозяйскимъ окомъ, какъ куютъ его новую лошадь, и на ходу размахивалъ киркой, которую прихватилъ на всякій случай, какъ полезнаго товарища. Онъ очень удивился, увидѣвъ Адама, но не встревожился. Мартинъ Пойзеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко поддаются сквернымъ предчувствіямъ.

— Адамъ, это вы? Какъ-же такъ? Проѣздили столько времени и не привезли дѣвочекъ?

— Нѣтъ, не привезъ, отвѣчалъ Адамъ, поворачивая назадъ и давая этимъ понять мистеру Пойзеру, что онъ не желаетъ входить.

— Постойте, проговорилъ Мартинъ, всматриваясь въ лицо Адама:—у васъ скверный видъ. Что нибудь случилось?

— Да, отвѣчалъ Адамъ съ усиліемъ,—случилась очень непріятная вещь: я не нашелъ Гетти въ Сноуфильдѣ.

На добродушной физіономіи мистера Пойзера выразились удивленіе и испугъ.

— Какъ не нашли! Что съ ней случилось? спросилъ онъ, не представляя себѣ ничего другого, кромѣ несчастнаго случая въ пути.

— Я даже не знаю, случилось съ ней что нибудь, или нѣтъ. Она и не ѣздила въ Сноуфильдъ; она проѣхала въ Стонитонъ. До Стонитона я ее прослѣдилъ, но куда она дѣлась послѣ того, какъ вышла тамъ изъ дилижанса, — я не знаю; никто не могъ мнѣ этого сказать.

— Неужели вы хотите сказать, что она убѣжала? вымолвилъ Мартинъ, останавливаясь; онъ былъ такъ ошеломленъ этой мыслью, что даже не успѣлъ огорчиться.

— Да, я думаю, что это такъ, отвѣчалъ Адамъ.—Я думаю, что она не хотѣла выходить за меня замужъ,—она ошиблась въ своихъ чувствахъ.

Съ минуту Мартинъ молчалъ, глядя въ землю и безсозна-

тельно выкапывая траву своей киркой. Обычная медленность его рѣчи всегда удваивалась, когда предметъ разговора былъ непріятенъ ему. Наконецъ онъ поднялъ голову, взглянулъ Адаму въ лицо и сказалъ:

— Если такъ,—она не стоила тебя, парень. Я чувствую и себя виноватымъ, потому-что она была моя племянница, и я всегда желалъ, чтобъ ты женился на ней. Я ничѣмъ не могу утѣшить тебя, — тѣмъ хуже: я знаю, что для тебя это жестокій ударъ.

Адаму нечего было на это сказать, и мистеръ Пойзеръ, пройдя нѣсколько шаговъ, продолжалъ:

— Я убѣжденъ, что она отправилась искать мѣста; еще полгода тому назадъ она забрала себѣ въ голову поступить въ горничныя и спрашивала тогда моего согласія. Но я былъ лучшаго о ней мнѣнія, прибавилъ онъ, грустно качая головой; — я не думалъ, что она опять вернется къ этой мысли, послѣ того, какъ она дала тебѣ слово, и мы все приготовили къ свадьбѣ.

Адамъ имѣлъ самыя вѣскія основанія не оспаривать догадки мистера Пойзера; онъ даже и себя старался увѣрить, что она могла быть справедлива: вѣдь у него пока еще не было доказательствъ, что Гетти убѣжала къ Артуру.

— Во всякомъ случаѣ лучше, что такъ вышло, разъ она чувствовала, что не можетъ меня полюбить, проговорилъ онъ такъ спокойно, какъ только могъ. — Лучше убѣжать отъ свадьбы, чѣмъ каяться потомъ. Надѣюсь, вы не будете къ ней слишкомъ суровы, если она возвратится, — а этого всегда можно ожидать: жить вдали отъ родныхъ можетъ оказаться слишкомъ тяжело для нея.

— Я не могу относиться къ ней, какъ относился прежде, сказалъ Мартинъ рѣшительнымъ тономъ.—Она дурно поступила съ тобой и со всѣми нами. Но я не отвернусь отъ нея: она еще ребенокъ, и это первая непріятность, какую она доставила мнѣ... Трудно мнѣ будетъ сказать объ этомъ ея теткѣ... Отчего Дина не пріѣхала съ тобой? — при ней все обошлось бы глаже; она бы съумѣла успокоить жену.

— Дины нѣтъ въ Сноуфильдѣ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ она уѣхала въ Лидсъ, и старуха, ея хозяйка, не могла мнѣ сказать ея тамошняго адреса, а то я доставилъ-бы его вамъ.

— Гораздо лучше было-бы съ ея стороны оставаться съ родными, чѣмъ разъѣзжать проповѣдывать по чужимъ людямъ, проговорилъ съ негодованіемъ мистеръ Пойзеръ.

— Теперь я долженъ съ вами проститься, мистеръ Пойзеръ;—у меня много дѣла сегодня.

— Да, да, иди къ своей работѣ, голубчикъ; я самъ скажу хозяйкѣ, когда вернусь домой. А трудная это будетъ задача для меня!..

— Вотъ о чемъ я васъ попрошу, мистеръ Пойзеръ, ска-

залъ Адамъ:—еще недѣльку, двѣ, не разсказывайте ничего никому изъ сосѣдей. Я еще ничего не говорилъ моей матери, и—какъ знать, какой оборотъ приметъ дѣло?

— Конечно, конечно, чѣмъ меньше словъ, тѣмъ лучше. Мы скажемъ просто, что свадьба отложена; намъ незачѣмъ объяснять—почему; а тамъ можетъ быть, что-нибудь и услышимъ о ней... Дай пожать тебѣ руку, парень. Дорого-бы я далъ за возможность исправить то зло, которое мы тебѣ сдѣлали.

Въ голосѣ Мартина Пойзера послышалось что-то странное, отъ чего эти немногія слова вышли у него безсвязно и невнятно. Но тѣмъ лучше оцѣнилъ Адамъ ихъ значеніе, и прощальное рукопожатіе этихъ двухъ простыхъ, честныхъ людей было исполнено взаимнаго пониманія.

Ничто теперь не задерживало Адама въ Гейслопѣ. Онъ наказалъ Сету сходить въ зàмокъ и оставить тамъ записку для сквайра съ увѣдомленіемъ, что Адамъ Бидъ былъ принужденъ неожиданно уѣхать по дѣлу. То-же самое долженъ былъ Сетъ говорить и всѣмъ остальнымъ, кто станетъ справляться о его братѣ. Что-же касается Пойзеровъ, то, узнавъ объ его отъѣздѣ, они, конечно, догадаются, что онъ отправился разыскивать Гетти.

Разставшись съ мистеромъ Пойзеромъ, Адамъ хотѣлъ было идти прямо въ Треддльстонъ, никуда не заходя, но вдругъ у него опять мелькнула мысль, неоднократно приходившая ему и раньше, мысль пойти къ мистеру Ирвайну и откровенно разсказать ему все. Это былъ послѣдній случай посовѣтоваться съ ректоромъ, и Адамъ боялся его упустить. Онъ уѣзжалъ въ далекій путь,—за море,—и ни одна живая душа не знала, куда онъ ѣдетъ. Что, если что-нибудь съ нимъ случится? Или если ему понадобится помощь въ чемъ-либо касающемся Гетти?.. На мистера Ирвайна можно положиться; правда, было очень непріятно разоблачать *ея* тайну передъ кѣмъ-бы то ни было, но это чувство должно стушеваться передъ необходимостью для нея-же имѣть защитника, который, въ его, Адама, отсутствіе, былъ-бы готовъ вступиться за нее въ крайнемъ случаѣ. Относительно Артура (еслибы даже за нимъ не оказалось новой вины) Адамъ не считалъ себя обязаннымъ хранить молчаніе, коль скоро интересы Гетти заставляли его говорить.

„Да, необходимо это сдѣлать“, сказалъ себѣ Адамъ, когда на него нахлынули всѣ эти мысли, копившіяся понемногу въ теченіе долгихъ часовъ его грустнаго странствованія; „это будетъ хорошо. Я не могу дольше нести одинъ это бремя“.

ГЛАВА XXXIX.

ВѢСТИ.

Адамъ повернулъ къ Брокстону и зашагалъ самымъ скорымъ своимъ шагомъ, безпрестанно поглядывая на часы, потому-что боялся не застать мистера Ирвайна: тотъ могъ уѣхать куда-нибудь — можетъ-быть на охоту. Этотъ страхъ опоздать и быстрая ходьба привели его въ состояніе сильнѣйшаго возбужденія, а тутъ еще, подходя къ ректорскому дому, онъ замѣтилъ глубокіе, свѣжіе слѣды лошадиныхъ копытъ на пескѣ.

Но слѣды шли не отъ воротъ, а къ воротамъ, и хотя у конюшни стояла осѣдланная лошадь, это не была лошадь ректора. Было видно, что она недавно сдѣлала длинный путь; вѣроятно, кто-нибудь пріѣхалъ къ мистеру Ирвайну по дѣлу: значитъ онъ дома... Но Адамъ такъ запыхался отъ ходьбы и волненія, что Карроль долго не могъ его понять, когда онъ сталъ объяснять, что ему нужно поговорить съ ректоромъ. Сильный человѣкъ начиналъ подаваться подъ двойнымъ бременемъ горя и неизвѣстности. Камердинеръ съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ, когда онъ бросился въ прихожей на скамью и безсмысленно уставился на часы, висѣвшіе на противуположной стѣнѣ. „У барина сидитъ какой-то незнакомый господинъ“, сообщилъ Карроль, „но я только-что слышалъ, какъ дверь изъ кабинета отворилась: должно быть онъ выходитъ, и такъ какъ ваше дѣло спѣшное, я сейчасъ о васъ доложу“.

Адамъ все сидѣлъ и смотрѣлъ на часы; минутная стрѣлка, съ громкимъ безучастнымъ тиканьемъ, быстро проходила послѣднія пять минутъ, остававшіяся до десяти часовъ, и Адамъ слѣдилъ за этимъ движеніемъ и прислушивался къ звуку такъ внимательно, какъ будто имѣлъ на то свои особыя причины. Моменты остраго душевнаго страданія всегда сопровождаются такими перерывами, когда сознаніе наше становится глухо ко всему, кромѣ самыхъ мелкихъ впечатлѣній и ощущеній. Состояніе, близкое къ идіотизму, овладѣваетъ нами, какъ будто затѣмъ, чтобы дать намъ отдохнуть отъ воспоминаній, отчаянія и страха, не покидающихъ насъ даже во снѣ.

Появленіе Карроля возвратило Адама къ сознанію его горя. Его просили немедленно пожаловать въ кабинетъ. „Не могу придумать, зачѣмъ къ намъ пріѣхалъ этотъ господинъ“, говорилъ Карроль, проходя впередъ и испытывая, очевидно, потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими впечатлѣніями: „онъ прошелъ теперь въ столовую. А у барина такой странный видъ... точно онъ чѣмъ-то испуганъ“. Адамъ не об-

ратилъ вниманія на эти слова: онъ не могъ интересоваться чужими дѣлами. Но когда онъ вошелъ въ кабинетъ и взглянулъ на мистера Ирвайна, онъ сейчасъ же замѣтилъ какое-то новое выраженіе на его лицѣ, не имѣвшее ничего общаго съ тѣмъ выраженіемъ теплаго участія, какое всегда принимало это лицо, обращаясь къ нему. На столѣ лежало распечатанное письмо, и мистеръ Ирвайнъ держалъ на немъ руку; но этотъ новый, холодный взглядъ, какимъ онъ встрѣтилъ Адама, не могъ быть всецѣло приписанъ тому, что его поглощало какое-нибудь постороннее непріятное дѣло, потому-что онъ нетерпѣливо смотрѣлъ на дверь, какъ будто ожиданіе появленія Адама глубоко волновало его.

— Вы желали говорить со мной, Адамъ, сказалъ онъ тѣмъ тихимъ, преувеличенно спокойнымъ голосомъ, какимъ мы говоримъ, когда хотимъ во что-бы то ни стало подавить свое волненіе.—Садитесь.

Онъ указалъ на стулъ, стоявшій прямо противъ него, въ аршинѣ разстоянія—не больше, и Адамъ сѣлъ, чувствуя, что этотъ неожиданно холодный пріемъ является только новымъ для него затрудненіемъ, усложняя его, и безъ того не легкую, задачу. Но онъ рѣшился говорить, а Адамъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ отступить отъ своего рѣшенія, не имѣя на то самыхъ важныхъ причинъ,

— Я прихожу къ вамъ, сэръ,—началъ онъ, какъ къ человѣку, котораго я уважаю, какъ никого въ мірѣ. Я имѣю сказать вамъ очень печальную вещь, боюсь, что вамъ будетъ такъже тяжело меня слушать, какъ мнѣ говорить. Но когда вы услышите, что я дурно отзываюсь о нѣкоторыхъ людяхъ, — будьте увѣрены, что у меня есть на то основанія.

Мистеръ Ирвайнъ кивнулъ головой, а Адамъ продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

— Какъ вамъ извѣстно, пятнадцатаго числа этого мѣсяца вы должны были повѣнчать меня съ Гетти Соррель. Я думалъ. что она любитъ меня, и былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но на меня обрушился тяжелый ударъ.

Мистеръ Ирвайнъ вскочилъ съ кресла порывистымъ движеніемъ—очевидно невольно, но сейчасъ-же овладѣлъ собой, отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть во дворъ.

— Гетти ушла изъ дому, сэръ, и мы знаемъ—куда. Она говорила, что ѣдетъ въ Сноуфильдъ; въ пятницу, двѣ недѣли тому назадъ, она уѣхала. Въ воскресенье на этой недѣлѣ я ходилъ въ Сноуфильдъ, чтобъ привести ее домой, но оказалось что она не пріѣзжала туда. Я узналъ, что она проѣхала въ Стонитонъ, но дальше не могъ ее прослѣдить. Теперь я ѣду искать ее—далеко, и только вамъ одному могу сказать, куда я ѣду.

Мистеръ Ирвайнъ отошелъ отъ окна и сѣлъ на свое мѣсто.

— Вы не имѣете никакихъ подозрѣній относительно причины, заставившей ее убѣжать? спросилъ онъ.

— Она не хотѣла выходить за меня, сэръ,—сказалъ Адамъ. Она не любила меня, и когда срокъ свадьбы приблизился, она не выдержала и убѣжала. Но я боюсь, что это еще не все. Есть еще одна вещь, которую я долженъ вамъ разсказать. Тутъ замѣшано третье лицо, кромѣ меня и ея.

При этихъ словахъ на лицѣ мистера Ирвайна, сквозь выраженіе глубокаго волненія, проступилъ проблескъ чего-то очень похожаго на облегченіе или радость. Адамъ глядѣлъ въ въ землю. Онъ помолчалъ немного: ему трудно было говорить то, что онъ имѣлъ еще сказать. Но когда онъ заговорилъ опять, онъ поднялъ голову и взглянулъ мистеру Ирвайну прямо въ глаза: онъ рѣшился сказать все, и скажетъ безъ колебаній.

— Вы знаете, сэръ, кого я считалъ всегда моимъ лучшимъ другомъ. Я всегда съ гордостью думалъ о томъ, какъ я буду работать для него всю мою жизнь.... Я любилъ его еще съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ были дѣтьми....

Всякое самообладаніе покинуло мистера Ирвайна: онъ схватилъ руку Адама, лежавшую на столѣ, судорожно стиснулъ ее, какъ человѣкъ, испытывающій жестокую боль, и едва выговорилъ поблѣднѣвши губами:

— Нѣтъ, нѣтъ, Адамъ... не говорите этого ради самого Бога!

Пораженный этимъ необычайнымъ волненіемъ, ректора, Адамъ пожалѣлъ, что не можетъ взять назадъ своихъ послѣднихъ словъ, сидѣлъ въ уныломъ молчаніи. Но пальцы, сжимавшіе его руку, понемногу разжались, мистеръ Ирвайнъ откинулся назадъ и сказалъ:

— Говорите, я долженъ знать.

— Этотъ человѣкъ игралъ чувствами Гетти и велъ себя съ нею не такъ, какъ долженъ былъ-бы вести себя съ дѣвушкой ея положенія въ свѣтѣ: онъ искалъ съ нею встрѣчъ и дѣлалъ ей подарки. Я узналъ объ этомъ только за два дня до его отъѣзда; я засталъ, какъ онъ цѣловалъ ее въ рощѣ, прощаясь. Въ это время между мной и Гетти ничего еще не было, хоть я любилъ ее давно, и она это знала. Но я все-таки приступилъ къ нему, требуя, чтобъ онъ объяснилъ свое поведеніе; мы обмѣнялись крупными словами и подрались. Послѣ того онъ торжественно меня увѣрялъ, что вся эта исторія—чистѣйшій вздоръ, что съ его стороны не было ничего кромѣ простого волокитства. Однако я заставилъ его написать ей письмо и сказать, что онъ не имѣлъ никакихъ серьезныхъ намѣреній, потому что я ясно видѣлъ, сэръ, я убѣдился въ этомъ по многимъ признакамъ, которые раньше были мнѣ непонятны, я видѣлъ, что онъ овладѣлъ ея сердцемъ, и говорилъ себѣ: „Что если она будетъ продолжать думать о немъ и никогда не полюбитъ другого человѣка своего круга, который захочетъ жениться на ней?...“ И я ей передалъ его письмо. Она перенесла это лучше, чѣмъ я ожидалъ, и понемногу успокоилась.... Потомъ.... потомъ.... она сдѣлалась очень

ласкова со мной, чѣмъ дальше, тѣмъ добрѣе и ласковѣе... Бѣдняжка!—я увѣренъ, что она не понимала своихъ чувствъ, и поняла только тогда, когда было уже поздно... Я не виню ее... я не могу повѣрить, что она хотѣла меня обмануть; но я имѣлъ поводы думать, что она любитъ меня, и... остальное вы знаете, сэръ. Теперь я не могу отдѣлаться отъ мысли, что тотъ человѣкъ меня обманулъ; я думаю, что онъ сманилъ ее бѣжать, что она ушла къ нему, и хочу въ этомъ убѣдиться, потому что я чувствую, что буду не въ состояніи приняться за работу, пока не узнаю, что̀ сталось съ ней.

Во время этого разсказа мистеръ Ирвайнъ успѣлъ окончательно овладѣть собой, не смотря на тягостныя мысли, осаждавшія его. Какимъ горькимъ воспоминаніемъ было для него теперь воспоминаніе о томъ утрѣ, когда Артуръ неожиданно пріѣхалъ къ завтраку, когда они сидѣли вдвоемъ за столомъ, и какое-то признаніе вертѣлось у него на языкѣ. Теперь было ясно, въ чемъ ему хотѣлось сознаться тогда, и еслибы разговоръ ихъ принялъ другой оборотъ... еслибы самъ онъ не былъ такъ щепетиленъ.... еслибъ онъ поменьше боялся вмѣшательства въ чужія дѣла... Ужасно было думать, что, сломись тогда эта ничтожная преграда, было-бы предотвращено столько горя и зла! Теперь вся эта исторія была совершенно понятна, освѣщенная тѣмъ страшнымъ свѣтомъ, какой бросаетъ настоящее на прошлое. Но всѣ мучительныя мысли и чувства, поднимавшіяся теперь въ душѣ мистера Ирвайна, замерли, заглушенныя жалостью—глубокой, почтительной жалостью къ человѣку, сидѣвшему передъ нимъ. Уже и безъ того разбитый, придавленный,—съ слѣпой и грустной покорностью судьбѣ онъ шелъ навстрѣчу предполагаемому несчастію въ то время, когда его ожидало реальное горе, до такой степени превосхдившее размѣры обыкновенныхъ человѣческихъ испытаній, что ему даже не могло придти въ голову страшиться чего-либо подобнаго. Собственное волненіе мистера Ирвайна молчало, подавленное благоговѣйнымъ страхомъ, какой овладѣваетъ нами въ присутствіи великаго страданія, ибо страданіе, которое онъ долженъ былъ причинить Адаму, было уже здѣсь,—онъ осязалъ его. Еще разъ положилъ онъ руку на грубую руку, лежащую на столѣ, но на этотъ разъ онъ прикоснулся къ ней осторожно и заговорилъ торжественнымъ голосомъ.

— Адамъ, дорогой другъ, въ своей жизни вы перенесли не одно тяжкое испытаніе. Вы умѣете и покоряться горю, и дѣйствовать, какъ мужчина: теперь Господь возлагаетъ на васъ обѣ эти тяготы. Васъ ждетъ тяжелое горе,—хуже и горше всего, что вамъ когда-либо пришлось испытать. Но худшее изъ всѣхъ страданій миновало васъ: вы ни въ чемъ неповинны.... Помоги Боже тому, на комъ лежитъ вся вина!

Два блѣдныя лица глядѣли другъ на друга: въ лицѣ Адама

былъ трепетъ ожиданія; на лицѣ мистера Ирвайна—колебаніе и жалость. Но онъ продолжалъ.

— Сегодня утромъ я получилъ извѣстія о Гетти. Она *не у него*,—она въ Стонишерѣ—Стонитонѣ.

Адамъ сорвался съ мѣста, какъ будто собирался сію-же минуту летѣть къ ней. Но мистеръ Ирвайнъ снова взялъ его за руку и сказалъ внушительнымъ тономъ: „Постойте, Адамъ, подождите“,—и Адамъ опять сѣлъ.

— Она въ бѣдственномъ положеніи,—въ ужасномъ положеніи, такъ что для васъ, мой бѣдный другъ, было-бы лучше потерять ее навсегда, чѣмъ встрѣтить при такихъ обстоятельствахъ.

Дрожащія губы Адама шевелились, но изъ нихъ не выходило ни звука. Но вотъ онѣ опять зашевелились и онъ прошепталъ:

— Говорите.

Она арестована... она въ тюрьмѣ.

Адамъ какъ будто получилъ пощечину: духъ сопротивленія мгновенно вернулся къ нему. Кровь бросилась къ нему въ лицо, и онъ выговорилъ громко и рѣзко:

— За что?

— За страшное преступленіе—за убійство своего ребенка.

— Не можетъ быть! почти прокричалъ Адамъ, вскакивая и шагнувъ къ двери; но онъ сейчасъ-же повернулъ назадъ, прислонился спиной къ шкафу и дико посмотрѣлъ на мистера Ирвайна.—Этого не можетъ быть! У нея не могло быть ребенка,—она невиновна... Кто обвиняетъ ее?

— Дай Богъ, чтобъ она оказалась невиновной, Адамъ,—мы еще можемъ на это надѣяться.

— Но кто-же говоритъ, что она виновна? повторилъ Адамъ страстно.—Разскажите мнѣ все.

— Вотъ письмо отъ судьи, къ которому ее привели, а въ столовой сидитъ полицейскій, арестовавшій ее. Она не хочетъ сказать ни своего имени, ни откуда она, но я боюсь, кажется, на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній—боюсь, что это она. Описаніе примѣтъ совершенно подходитъ, только теперь она, говорятъ, очень блѣдна и смотритъ больной. Въ карманѣ у нея нашли записную книжечку краснаго сафьяна, и тамъ стояло два имени—одно въ началѣ: Гетти Соррель, Гейслопъ“, другое въ концѣ: „Дина Моррисъ, Сноуфильдъ“. Она не говоритъ, которое изъ этихъ двухъ именъ принадлежитъ ей,—она ни въ чемъ не сознается и не хочетъ отвѣчать на вопросы. И вотъ, ко мнѣ, какъ къ должностному лицу, обратились съ просьбой удостовѣрить ея личность, такъ какъ подозрѣваютъ, что имя, поставленное первымъ,—ея собственное имя.

— Но какія улики они имѣютъ противъ нея,—если только это Гетти? спросилъ Адамъ все такъ-же страстно. Все его

тѣло сотряслось отъ усилій, которыя онъ дѣлалъ, чтобы говорить.—Я ничему не вѣрю. Не могло этого быть,—иначе кто-нибудь изъ насъ замѣтилъ-бы... Какія улики противъ нея?

— Страшная улика,—та, что преступленіе совершено, а у нея *было* искушеніе его совершить. Но мы еще можемъ надѣяться, что въ дѣйствительности она не совершила его... Попробуемъ прочесть это письмо, Адамъ.

Адамъ взялъ письмо трясущимися руками и пытался читать. Тѣмъ временемъ мистеръ Ирвайнъ вышелъ отдать какое-то распоряженіе. Когда онъ вернулся, Адамъ былъ все еще на первой страницѣ: онъ не могъ читать,—онъ видѣлъ отдѣльныя слова, не понималъ ихъ значенія, наконецъ онъ бросилъ письмо.

— Это его дѣло, проговорилъ онъ, сжимая кулакъ.—Если преступленіе совершилось, *онъ* его совершилъ—не она. Онъ научилъ ее обманывать,—онъ первый меня обманулъ. *Его* надо судить. Пусть посадятъ его рядомъ съ ней на скамью подсудимыхъ, и я разскажу имъ всѣмъ, какъ онъ овладѣлъ ея сердцемъ, какъ онъ сманилъ ее на грѣхъ и потомъ солгалъ мнѣ... Неужели-же онъ останется на свободѣ, а вся вина, все наказаніе падетъ на нее—такую молодую и слабую!!...

— Образъ, вызванный этими словами, далъ новое направленіе безумному отчаянію Адама. Онъ замолчалъ и упорно смотрѣлъ въ уголъ комнаты, какъ будто видѣлъ тамъ что-нибудь.

— Я не могу этого вынести! вырвалось у него вдругъ умоляющимъ воплемъ.—О, Боже! сними съ меня это тяжкое бремя!—мнѣ слишкомъ тяжело считать ее преступницей!...

Мистеръ Ирвайнъ молчалъ: онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы говорить слова утѣшенія въ такую минуту, да и видъ Адама, стоявшаго передъ нимъ съ этимъ безкровнымъ, помертвѣлымъ, внезапно состарившимся лицомъ—какъ это бываетъ иногда съ молодыми лицами въ минуту сильныхъ потрясеній,—съ глубокими морщинами вокругъ дрожащаго рта и на лбу,—видъ этого стойкаго, сильнаго человѣка, сломившагося подъ жестокимъ ударомъ судьбы, такъ глубоко волновалъ его душу, что слова не шли на языкъ. Съ минуту Адамъ не шевелился и все смотрѣлъ въ одну точку неподвижнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ: въ этотъ короткій промежутокъ времени онъ пережилъ сызнова всю свою любовь.

— Она *не могла* этого сдѣлать,—проговорилъ онъ, все еще не отводя глазъ отъ угла, какъ будто говорилъ самъ съ собой.—Она скрывала изъ страха... Я прощаю ее за то, что она обманула меня... я прощаю тебя, Гетти!... Тебя вѣдь тоже обманули... ты жестоко страдала, моя бѣдная Гетти... но никто не увѣритъ меня, что ты преступница!

Онъ опять помолчалъ и вдругъ заговорилъ съ яростью:

— Я поѣду къ нему,—я привезу его къ ней,—я заставлю его пойти посмотрѣть на нее въ ея бѣдѣ. Пусть смотритъ—да такъ, чтобъ никогда потомъ не забыть,—чтобъ образъ ея преслѣдовалъ его днемъ и ночью,—всю жизнь!... На этотъ разъ онъ не отвертится ложью,—я самъ поѣду за нимъ,—я притащу его своими руками!

По дорогѣ къ двери Адамъ машинально пріостановился, отыскивая глазами свою шляпу и совсѣмъ позабывъ, въ чьемъ присутствіи онъ находится. Мистеръ Ирвайнъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ спокойнымъ, но рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, Адамъ, нѣтъ. Я убѣжденъ, что вы останетесь, чтобъ позаботиться о ней, подумать, что̀ можно сдѣлать для нея, и бросьте всякую мысль объ этой безплодной мести. Наказаніе и безъ васъ не минуетъ виновнаго. Къ тому-же, его уже нѣтъ въ Ирландіи; теперь онъ на пути домой; онъ долженъ былъ выѣхать задолго до вашего пріѣзда—я это навѣрное знаю; его дѣдъ писалъ ему по крайней мѣрѣ десять дней тому назадъ и просилъ его вернуться... Я хочу, чтобы вы ѣхали со мною въ Стонитонъ; я уже приказалъ приготовить вамъ лошадь, и вы поѣдете съ нами, какъ только успокоитесь немного.

Пока мистеръ Ирвайнъ говорилъ, къ Адаму вернулось сознаніе дѣйствительности; онъ откинулъ волосы со лба и внимательно слушалъ.

— Вспомните, продолжалъ мистеръ Ирвайнъ,—кромѣ васъ есть и другіе, о комъ надо подумать, за кого надо дѣйствовать. Вспомните о ея родныхъ—о бѣдныхъ Пойзерахъ, которыхъ этотъ ударъ долженъ жестоко поразить. Я знаю, Адамъ, какой у васъ твердый характеръ, какъ крѣпко въ васъ сознаніе долга къ Богу и людямъ и разсчитываю на васъ,—я надѣюсь, что вы будете дѣйствовать, пока вы можете быть кому-нибудь полезны.

Въ сущности мистеръ Ирвайнъ придумалъ эту поѣздку въ Стонитонъ больше всего ради самого-же Адама. Движеніе и хоть какая-нибудь цѣль впереди были лучшими средствами смягчить для него страданія этихъ первыхъ часовъ.

— Поѣдете вы со мной въ Стонитонъ, Адамъ? спросилъ онъ опять, помолчавъ.—Надо-же намъ удостовѣриться, Гетти или другая женщина сидитъ тамъ въ тюрьмѣ.

— Я поѣду сэръ,—я сдѣлаю все, что вы найдете нужнымъ,—отвѣчалъ Адамъ.—Но какъ же тѣ—на Большой Фермѣ?

— Мы не будемъ ничего говорить имъ пока; когда я возвращусь, я самъ имъ скажу. Тогда я буду знать навѣрно то, въ чемъ я теперь не увѣренъ, и я постараюсь вернуться какъ можно скорѣй.—Идемте-же, лошади готовы.

ГЛАВА XL.

ПЕЧАЛЬНАЯ ВѢСТЬ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ.

Въ тотъ-же день ночью мистеръ Ирвайнъ вернулся изъ Стонитона, и первыя слова, которыя онъ услышалъ отъ Карроля, были: „Сквайръ Донниторнъ скончался; въ десять часовъ утра его нашли мертвымъ въ постели. Мистрисъ Ирвайнъ просила вамъ сказать, что она будетъ васъ дожидаться въ своей комнатѣ, и чтобъ вы зашли къ ней, прежде чѣмъ ляжете".

— Ну что, Дофинъ, пріѣхалъ наконецъ? сказала мистрисъ Ирвайнъ, когда сынъ вошелъ въ ея комнату.—А старикъ-то нашъ—умеръ! Сказалъ тебѣ Карроль, что его нашли мертвымъ въ постели? Не даромъ онъ былъ въ такомъ уныніи послѣднее время и такъ волновался, что даже выписалъ Артура. Въ другой разъ ты будешь вѣрить моимъ предсказаніямъ, хотя, вѣроятно, теперь, если я и предскажу чью-нибудь смерть, такъ только свою собственную.

— А какъ-же съ Артуромъ? Сдѣлали они тамъ что-нибудь? Послали кого-нибудь встрѣтить его въ Ливерпулѣ? спросилъ мистеръ Ирвайнъ.

— Да, Ральфъ поѣхалъ сейчасъ-же... Милый Артуръ! Милый мой мальчикъ! Наконецъ-то я увижу его хозяиномъ замка! Теперь для имѣнья настанутъ хорошія времена, потому-что онъ добрый, великодушный малый. И онъ будетъ счастливъ, какъ царь!

У мистера Ирвайна вырвался стонъ: онъ былъ измученъ усталостью и волненіями этого дня, и веселыя слова матери были для него почти нестерпимы.

— Отчего ты такой мрачный, Дофинъ? Случилось что-нибудь непріятное? Или ты тревожишься за Артура,—думаешь, какъ-то онъ переплыветъ этотъ страшный ирландскій каналъ въ такую пору года?

— Нѣтъ, матушка, я не думалъ объ этомъ, но это правда, что я не въ особенно радостномъ настроеніи духа.

— Тебя измучило это юридическое дѣло, по которому ты ѣздилъ въ Стонитонъ. Ради самого Бога, Дофинъ, что это за таинственное дѣло, что ты не можешь разсказать даже мнѣ?

— Вы скоро все узнаете, матушка. Пока я не имѣю права вамъ говорить. Покойной ночи. Теперь, когда вы больше не ждете никакихъ новостей, я надѣюсь вы скоро уснете.

Мистеръ Ирвайнъ раздумалъ писать Артуру, какъ онъ было хотѣлъ сдѣлать раньше. Все равно теперь это письмо не ускорило-бы пріѣзда молодого человѣка: извѣстіе о смерти дѣда и такъ заставитъ его вернуться со всею поспѣшностью. Значитъ, теперь можно было лечь въ постель и дать себѣ

необходимый отдыхъ до утра, когда для него наступитъ тяжелая обязанность отвезти печальную вѣсть на Большую Ферму и въ домъ Адама.

Самъ Адамъ остался въ Стонитонѣ, потому-что хоть онъ и не могъ заставить себя пойти къ Гетти, но не могъ и оставаться вдали отъ нея.

— Мнѣ незачѣмъ возвращаться домой, сэръ,—сказалъ онъ ректору,—нѣтъ никакой цѣли. Все равно, пока *она* здѣсь, я не въ состояніи приняться опять за работу. Все старое мнѣ опротивѣло,—я не могу видѣть никого изъ близкихъ людей. Я найму здѣсь комнатку,—такую, изъ которой мнѣ были-бы видны стѣны тюрьмы, а тамъ, можетъ быть, соберусь съ духомъ и повидаю *ее*.

Адамъ нисколько не поколебался въ своей увѣренности, что Гетти была непричастна преступленію, въ которомъ ее обвиняли, такъ какъ мистеръ Ирвайнъ, понимая, что отнять у него эту увѣренность значило окончательно его убить, скрылъ отъ него факты, не оставлявшіе въ немъ самомъ ни малѣйшихъ сомнѣній относительно виновности Гетти. Не было никакихъ основаній сразу взваливать на плечи Адама все бремя постигшаго его горя, и мистеръ Ирвайнъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ ему только: „Если-бы даже улики противъ нея оказались слишкомъ сильны, можно все-таки разсчитывать на помилованіе. Ея молодость и другія смягчающія обстоятельства будутъ свидѣтельствовать за нее.

— Да, надо, чтобъ всѣ узнали, что ее натолкнули на грѣхъ,— сказалъ Адамъ горько и страстно. Надо, чтобъ всѣ узнали, что ей вскружилъ голову баринъ, который волочился за ней. Вспомните, сэръ, вы обѣщали мнѣ сказать моей матери и Сету, и на Большой Фермѣ, кто навелъ ее на грѣхъ, иначе они будутъ считать ее хуже, чѣмъ она заслуживаетъ. Щадя *его*, вы повредите ей, а я считаю его единственнымъ преступникомъ передъ людьми и Богомъ, что̀ бы ни сдѣлала она. Если вы его пощадите, такъ *я* ославлю его.

— Ваше требованіе, Адамъ, я нахожу справедливымъ,— сказалъ мистеръ Ирвайнъ;—но когда вы успокоитесь, вы отнесетесь къ Артуру съ бо́льшимъ снисхожденіемъ. Пока я вамъ напомню только, что власть карать его не въ нашихъ рукахъ.

Мистеру Ирвайну было очень тяжело, что именно ему приходилось разглашать о грустной роли Артура въ этой исторіи грѣха и несчастія, ему,—любившему этого юношу почти отеческой любовью, смотрѣвшему на него съ отеческой гордостью. Но онъ понималъ, что, даже помимо желанія Адама, фактъ не замедлитъ разгласиться, такъ какъ едва-ли Гетти станетъ упорствовать въ своемъ молчаніи до конца. И такъ, мистеръ Ирвайнъ рѣшилъ ничего не скрывать отъ Пойзеровъ: онъ сразу скажетъ имъ всю правду; смягчать и подготовлять

теперь было поздно. Дѣло Гетти будетъ разбираться въ Стонитонѣ, въ ближайшую сессію, которая должна состояться на будущей недѣлѣ. Едва-ли можно было разсчитывать, что Мартинъ Пойзеръ будетъ избавленъ отъ тягостной необходимости явиться въ судъ свидѣтелемъ,—такъ пусть-же лучше узнаетъ всю правду заранѣе.

Въ четвергъ, въ десять часовъ утра, счастливый домъ на Большой Фермѣ превратился въ домъ скорби: семья оплакивала несчастье, бывшее для нея хуже смерти. Сознаніе семейнаго позора ощущалось такъ живо, что даже въ сердцѣ добродушнаго Мартина Пойзера младшаго не нашлось мѣста для состраданія къ Гетти.

Они съ отцомъ были простые поселяне, гордившіеся своей незапятнанной репутаціей, гордившіеся тѣмъ, что вся ихъ семья всегда съ тѣхъ поръ, какъ имя ея стояло въ спискахъ прихода,—высоко несла голову; а Гетти навлекла на нихъ безчестіе, котораго ничѣмъ нельзя смыть. Таково было всепоглощающее чувство обоихъ—и сына, и отца; жгучее сознаніе позора убивало въ нихъ всѣ другія чувства, и мистеръ Ирвайнъ былъ пораженъ тѣмъ фактомъ, что мистрисъ Пойзеръ отнеслась къ Гетти мягче, чѣмъ ея мужъ. Насъ часто поражаетъ черствость мягкихъ людей въ исключительныхъ случаяхъ; эта черствость объясняется тѣмъ, что человѣкъ съ мягкой натурой легче подчиняется игу традиціонныхъ понятій.

Когда мистеръ Ирвайнъ уѣхалъ, Мартинъ-младшій сказалъ отцу, который сидѣлъ противъ него въ своемъ креслѣ и плакалъ.

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы выручить ее изъ бѣды; я не пожалѣю денегъ и щедро заплачу адвокату; но я не пойду къ ней,—я не хочу ее видѣть. Она отравила всю нашу жизнь; по ея милости хлѣбъ будетъ намъ горекъ, и никогда больше намъ не поднять головы—ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ. Ректоръ говоритъ, что всѣ насъ жалѣютъ,—да что намъ пользы въ ихъ жалости?—развѣ намъ отъ этого легче?

— Жалѣютъ!—повторилъ старый дѣдъ съ горькимъ сарказмомъ.—Я никогда не нуждался ни въ чьемъ сожалѣніи во всю мою жизнь, и вотъ теперь, на восьмомъ десяткѣ, приходится привыкать... Вѣдь мнѣ семьдесятъ два года минуло на Святого Ѳому... Я думалъ—умру въ этомъ приходѣ: даже назначилъ самъ съ собой, кому нести мой гробъ, кому провожать меня на кладбище... Да видно этому не бывать!.. Придется умирать въ чужомъ мѣстѣ,—чужіе понесутъ до могилы... чужіе засыплютъ землей.

— Полно, отецъ, не сокрушайся такъ,—сказала мистрисъ Пойзеръ, которая до сихъ поръ говорила очень мало, ошеломленная непривычной суровостью и рѣшительнымъ тономъ

своего мужа. Дѣти твои будутъ съ тобой, а внучата и въ новомъ приходѣ выростутъ такими-же молодцами,—вотъ увидишь.

— Нельзя намъ оставаться здѣсь,—сказалъ мистеръ Пойзеръ, и тяжелыя слезы медленно покатились по его круглымъ щекамъ. Мы думали, плохо намъ будетъ, если старый сквайръ на Благовѣщенье откажетъ намъ отъ аренды, а вотъ теперь приходится отказываться самимъ. Надо будетъ поискать, не согласится-ли кто-нибудь взять нашу землю и выростить хлѣбъ, который я посѣялъ, потому-что я ни одного лишняго дня не останусь на землѣ этого человѣка... А я то, дуракъ, считалъ его такимъ честнымъ, такимъ прямодушнымъ молодымъ джентльменомъ... мечталъ о томъ времени, когда онъ будетъ нашимъ хозяиномъ... Никогда больше не дождется онъ отъ меня поклона... въ одну церковь съ нимъ не стану ходить... Безсовѣстный негодяй!—опозорилъ честную семью, а еще прикидывался общимъ другомъ... И этотъ бѣдняга Адамъ!—хорошо онъ доказалъ ему свою дружбу! Говорилъ сладкія рѣчи, подъѣзжалъ съ лестными предложеніями, а самъ отравилъ жизнь бѣдному малому, такъ-что теперь тому, какъ и намъ, приходится безъ оглядки бѣжать изъ здѣшнихъ мѣстъ.

— А каково тебѣ будетъ признаваться на судѣ, что ты ей родня!—прибавилъ старикъ. И вотъ увидишь—когда-нибудь все это отразится на твоей дочери—на этой бѣдной крошкѣ, которой и четырехъ лѣтъ еще нѣтъ; люди не простятъ ей, что у нея была двоюродная сестра, которую судили за убійство.

— Если люди такъ злы, тѣмъ хуже для нихъ,—проговорила мистрисъ Пойзеръ съ рыданіемъ въ голосѣ. Что намъ бояться людей?—Тотъ, Кто на небесахъ, защититъ невинное дитя, только очень ужъ тяжело будетъ мнѣ умирать и знать, что дѣти остаются безъ матери и некому за нихъ заступиться.

— Хорошо-бы намъ послать за Диной, кабы знать, гдѣ искать ее въ Лидсѣ,—сказалъ мистеръ Пойзеръ; но Адамъ говоритъ, что она не оставила своего адреса.

Да она навѣрное у той женщины, что была другомъ ея тетки Юдифи,—подхватила мистрисъ Пойзеръ, которую предложеніе мужа немного ободрило.—Дина часто говорила съ ней, только я не могу припомнить, какъ она ее называла... Не знаетъ-ли Сетъ Бидъ? Я думаю, онъ долженъ знать, потому что всѣ методисты знаютъ другъ друга, а она у нихъ проповѣдница.

— Я пошлю къ Сету,—сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Пошлю Алика сказать, чтобъ онъ пришелъ сюда или написалъ-бы, какъ зовутъ эту женщину, а ты пока приготовь письмо къ Динѣ, и какъ узнаемъ адресъ, такъ и пошлемъ его въ Треддльстонъ.

— Плохое это утѣшеніе—писать письма, когда пришла бѣда, и ты нуждаешься въ поддержкѣ,—сказала мистрисъ Пой-

зеръ.—Кто знаетъ, сколько времени это письмо пробудетъ въ дорогѣ, да и дойдетъ-ли еще до нея.

Еще прежде, чѣмъ Аликъ успѣлъ придти къ Бидамъ со своимъ порученіемъ, мысли Лизбеты тоже обратились къ Динѣ, и она говорила Сету:

— Нѣтъ больше для насъ на этомъ свѣтѣ ни счастья, ни радости... Ахъ, если бы Дина Моррисъ пришла къ намъ, какъ тогда, когда умеръ мой старикъ!.. Хоть-бы ты уговорилъ ее пріѣхать. Какъ-бы я хотѣла, чтобъ она была теперь подлѣ меня, держала-бы меня за руку и говорила со мной! Можетъ быть она научила-бы меня вѣрить, что есть еще правда на землѣ, что есть добро и во всемъ этомъ горѣ, свалившемся на моего бѣднаго мальчика, который никому въ жизни зла не сдѣлалъ, который былъ всегда такимъ хорошимъ сыномъ, что другого такого и не найти... Охъ, бѣдный мой мальчикъ! Бѣдный Адамъ!..

И Лизбета, рыдая, закачалась на своемъ стулѣ.

— Мама, если ты хочешь, я съѣзжу за Диной,—сказалъ Сетъ.

— Съѣздишь?—повторила Лизбета, поднимая голову и переставъ на минуту рыдать, какъ плачущій ребенокъ, которому пообѣщали игрушку.—А гдѣ она теперь! Далеко?

— Довольно далеко отсюда,—въ большомъ городѣ, въ Лидсѣ. Но я обернусь въ три дня, если ты согласна меня отпустить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу тебя отпустить. Ты долженъ съѣздить къ брату и разсказать мнѣ, что онъ тамъ дѣлаетъ. Хоть мистеръ Ирвайнъ и обѣщалъ, что онъ мнѣ все разскажетъ, какъ съѣздитъ туда, да я не такъ хорошо понимаю, когда онъ говоритъ. Поѣзжай лучше ты, разъ ужъ Адамъ не позволяетъ мнѣ пріѣхать самой. А Динѣ можно и написать. Развѣ не можешь ты ей написать?—вѣдь ты такой охотникъ писать письма, когда въ этомъ никто не нуждается.

— Да я не знаю хорошенько, куда ей адресовать,—сказалъ Сетъ.—Городъ большой... Кабы я самъ поѣхалъ, тогда другое дѣло: я могъ бы разспросить у членовъ общины и разыскалъ-бы ее. Но можетъ быть, если адресовать Сарѣ Вилльямсонъ, методистской проповѣдницѣ въ Лидсѣ, письмо и дойдетъ, такъ какъ Дина, по всей вѣроятности, остановилась у Сары.

Въ это время явился Аликъ, и Сетъ, узнавъ, что мистрисъ Пойзеръ собирается писать Динѣ, рѣшилъ, что ему теперь незачѣмъ писать; но онъ сейчасъ-же пошелъ на Большую Ферму, чтобы сообщить тамъ все, что ему было извѣстно о мѣстопребываніи Дины, и предупредить, что можетъ произойти задержка въ доставкѣ письма, такъ какъ точный ея адресъ ему неизвѣстенъ.

Разставшись съ Лизбетой, мистеръ Ирвайнъ отправился къ Джонатану Бурджу, который также имѣлъ нѣкоторое

право быть ознакомленнымъ съ обстоятельствами, принудившими Адама на время удалиться отъ дѣлъ, и къ шести часамъ вечера въ Брокстонѣ и Гейслопѣ едва ли оставался хоть одинъ человѣкъ, до котораго печальная новость не дошла-бы въ томъ или другомъ видѣ. Говоря съ Бурджемъ, мистеръ Ирвайнъ не назвалъ Артура; тѣмъ не менѣе исторія его отношеній къ Гетти, со всѣми черными тѣнями, какія набрасывали на нее ея ужасныя послѣдствія, была въ тотъ-же день такъ-же доподлинно извѣстна всему околотку, какъ и тотъ фактъ, что дѣдъ Артура умеръ, и что онъ сдѣлался хозяиномъ помѣстья. Мартинъ Пойзеръ не видѣлъ причины умалчивать о ней передъ двумя-тремя пріятелями изъ ближайшихъ сосѣдей, завернувшими къ нему въ первый-же день посѣтившаго его горя, чтобы сочувственно пожать ему руку. Съ своей стороны и Карроль, чутко прислушивавшійся ко всему, происходившему въ ректорскомъ домѣ, не преминулъ сообщить, кому только могъ, свой собственный варіантъ этой исторіи.

Однимъ изъ такихъ пріятелей-сосѣдей, навѣстившихъ Мартина Пойзера въ этотъ день и особенно долго и безмолвно жавшихъ ему руку, былъ Бартль Масси. Мистеръ Масси заперъ свою школу и завернулъ къ Пойзерамъ по дорогѣ въ ректорскій домъ, куда онъ и явился въ половинѣ восьмого. Онъ послалъ сказать мистеру Ирвайну, что проситъ у него извиненія въ томъ, что обезпокоилъ его въ такой поздній часъ, но желалъ-бы тѣмъ не менѣе побесѣдовать съ нимъ. Его ввели въ кабинетъ, куда къ нему вскорѣ вышелъ хозяинъ.

— Ну что, Бартль?.. Садитесь,—сказалъ мистеръ Ирвайнъ, протягивая ему руку. Это не было его обычной манерой здороваться со школьнымъ учителемъ, но въ трудныя минуты всякія различія какъ-то сглаживаются, и всѣ, кто сочувствуетъ намъ, становятся для насъ одинаково близки.

— Вы, конечно, догадываетесь, сэръ, зачѣмъ я пришелъ?— сказалъ Бартль.

— Вѣроятно, до васъ дошла печальная новость, и вы желаете знать, насколько она справедлива?—я говорю о Гетти Соррель.

— Нѣтъ, сэръ, я собственно желаю знать не о ней, а объ Адамѣ Бидѣ. Я слышалъ, что онъ остался въ Стонитонѣ, и буду вамъ очень признателенъ, если вы разскажете мнѣ, въ какомъ состояніи духа вы оставили бѣднаго малаго, и что онъ намѣренъ дѣлать. Что же до этой смазливой дѣвчонки, которую они нашли нужнымъ въ тюрьму посадить,—о ней я и не думалъ; ей вся цѣна—мѣдный грошъ... мѣдный грошъ. Не стоило-бы и говорить-то о ней, кабы не зло, которое она сдѣлала честному человѣку... Повѣрите-ли, сэръ, вѣдь онъ— единственный изъ моихъ учениковъ въ этомъ тупоумномъ краю, у котораго была любовь къ математикѣ и голова, спо-

собная ее вмѣстить. Не будь онъ, бѣдняга, такъ заваленъ черной работой, онъ могъ-бы далеко пойти въ этой области, и тогда, можетъ быть, ничего подобнаго съ нимъ бы не случилось... Не случилось-бы ничего...

— И безъ того взволнованный, Бартль еще больше разгорячился отъ быстрой ходьбы и былъ не въ силахъ сдержаться, когда ему наконецъ представился случай излить свои чувства. Но теперь онъ умолкъ и вытеръ платкомъ свой мокрый лобъ и глаза (по всей вѣроятности тоже мокрые).

— Простите меня, сэръ,—заговорилъ онъ опять послѣ этого перерыва, который далъ ему время собрать свои мысли,—простите, что я распространяюсь о моихъ собственныхъ чувствахъ—точь-въ-точь моя глупая собака, которая всегда воетъ на вѣтеръ,—когда никому не интересно слушать меня. Я пришелъ *васъ* послушать, а не говорить. Будьте такъ добры, разскажите мнѣ, что дѣлаетъ тамъ нашъ бѣдный парень.

— Вы напрасно стараетесь сдержать свои чувства, Бартль,—сказалъ мистеръ Ирвайнъ;—не стѣсняйтесь меня. Я и самъ почти въ такомъ-же состояніи, какъ вы; у меня тоже много тяжелаго на душѣ, и мнѣ очень трудно молчать о моихъ чувствахъ. Я вполнѣ раздѣляю вашу тревогу за Адама, хоть онъ и не единственный, чьи страданія и принимаю близко къ сердцу... Онъ рѣшилъ остаться въ Стонитонѣ до окончанія процесса (разбирательство дѣла назначено черезъ недѣлю). Онъ нанялъ тамъ комнату. Я одобрилъ его рѣшеніе, такъ какъ нахожу, что въ настоящее время для него лучше быть подальше отъ родныхъ и всѣхъ, кто его знаетъ. Бѣдняга!—онъ все еще вѣритъ въ ея невинность, Онъ надѣется, что со временемъ у него достанетъ мужества увидѣться съ ней, а пока хочетъ быть вблизи отъ нея.

— Такъ, значитъ, вы считаете ее виновной?—спросилъ Бартль.—Вы думаете, что ее повѣсятъ.

— Боюсь, что ея дѣло приметъ дурной оборотъ: улики очень сильны. Но хуже всего то, что она ни въ чемъ не сознается,—не сознается даже, что у нея былъ ребенокъ, вопреки самымъ положительнымъ доказательствамъ. Я видѣлъ ее; она и со мной упорно молчала: увидѣвъ меня, она вся какъ-то съежилась, точно испуганный звѣрекъ. Она страшно перемѣнилась,—я былъ просто пораженъ... Надѣюсь, что въ худшемъ случаѣ намъ все таки удастся испросить помилованіе ради тѣхъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей, которые страдаютъ изъ за нея.

— Какая безсмыслица!—вырвалось у Бартля, забывшаго въ своемъ раздраженіи, съ кѣмъ онъ говоритъ.—Прошу прощенья, сэръ; я хотѣлъ сказать: какая безсмыслица, что честные, хорошіе люди могутъ страдать оттого, что повѣсятъ какую-то дрянь. По моему, чѣмъ скорѣе освободятъ міръ отъ такой женщины, тѣмъ лучше. Да и мужчинъ, которые помога-

ютъ этимъ тварямъ грѣшить, не мѣшало-бы отправлять на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ ними. Какая польза оставлять въ живыхъ такихъ гадинъ?—только зря скармливать хлѣбъ, который пригодился-бы разумнымъ существамъ... Но, разумѣется, ужъ разъ Адамъ такъ глупъ, что страдаетъ изъ за нея, я не хотѣлъ-бы для него лишнихъ страданій... Очень онъ горюетъ, бѣдняга?

Тутъ Бартль вынулъ изъ кармана очки и надѣлъ на носъ, какъ будто они могли помочь его воображенію.

— Да, я боюсь, что рана его глубокая,—сказалъ мистеръ Ирвайнъ.—Онъ смотритъ совсѣмъ разбитымъ, и вчера на него нѣсколько разъ находили припадки какого-то изступленія, такъ-что я даже жалѣлъ, что не могъ съ нимъ остаться. Впрочемъ, завтра я опять туда ѣду, да и вѣра моя въ твердость принциповъ Адама такъ крѣпка, что я надѣюсь, онъ вынесетъ самое худшее, не допустивъ себя ни до какого безумнаго шага.

Послѣднія слова не столько предназначались для Бартля, сколько служили невольнымъ выраженіемъ мысли, пугавшей самого мистера Ирвайна: онъ боялся, что ненависть къ Артуру и жажда мести,—а горе Адама постоянно принимало эту опасную форму,—заставятъ послѣдяго искать встрѣчи, которая можетъ оказаться роковой. Эта мысль только усиливала тревогу, съ какою мистеръ Ирвайнъ ожидалъ пріѣзда Артура. Но Бартль подумалъ, что онъ намекаетъ на самоубійство, и на лицѣ его выразился испугъ.

— Я вамъ скажу, сэръ, что̀ я придумалъ, и я надѣюсь, вы одобрите мой планъ,—заговорилъ онъ.—Прикрою я свою школу (это ничего, что ученики мои соберутся: разойдутся по домамъ—вотъ и все), поѣду въ Стонитонъ и присмотрю за Адамомъ, пока не кончится вся эта исторія съ судомъ. Ему я скажу, что пріѣхалъ послушать судебныя пренія; противъ этого ему будетъ нечего возразить.

Такъ какъ-же вы объ этомъ полагаете, сэръ?

— Что-жъ,—проговорилъ мистеръ Ирвайнъ нерѣшительно,—пожалуй, что это было-бы хорошо съ одной стороны... и я уважаю васъ, Бартль, за вашу дружбу къ Адаму. Но предупреждаю васъ: будьте осторожны, говоря съ нимъ о Гетти. Я, видите-ли, боюсь, что у васъ слишкомъ мало сочувствія къ его слабости, какъ вы это называете.

— Положитесь на меня, сэръ... положитесь на меня. Я понимаю, что вы хотите сказать. Я и самъ былъ такимъ-же дуракомъ въ свое время, но это между нами. Я не стану навязываться со своими мнѣніями,—я буду только присматривать за нимъ, позабочусь, чтобы онъ ѣлъ что-нибудь, да кое-когда перекинусь съ нимъ словечкомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ мистеръ Ирвайнъ, начиная вѣрить въ сдержанность Бартля,—въ такомъ случаѣ вы сдѣла-

ете доброе дѣло, поѣхавъ къ нему. И хорошо-бы было, еслибъ вы какъ-нибудь дали знать его матери и брату, что ѣдете туда.

— Непремѣнно, сэръ, непремѣнно,—отвѣчалъ Бартль, вставая и снимая очки;—я это сдѣлаю... сдѣлаю. Хоть я и не питаю къ его матери никакого пристрастія (она вѣчно хнычетъ,—я не могу слышать ея голоса),—но, во всякомъ случаѣ, она не то, что всѣ эти шлюхи: она опрятная, честная женщина, и ни передъ кѣмъ не гнетъ спины... Позвольте пожелать вамъ добраго вечера, сэръ, и поблагодарить васъ за то, что вы удѣлили мнѣ часокъ для бесѣды. Вы общій нашъ другъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ... общій нашъ другъ; вамъ тоже приходится нести тяжелое бремя.

— Прощайте, Бартль, до свиданья; мы скоро увидимся въ Стонитонѣ.

Бартль чуть не бѣгомъ выбѣжалъ изъ ректорскаго дома, рѣшительно уклонившись отъ всѣхъ авансовъ Карроля, желавшаго вступить съ нимъ въ бесѣду. За то по дорогѣ онъ все время бесѣдовалъ съ Вѣдьмой, коротенькія ножки которой сѣменили рядомъ съ нимъ по песку.

— Ну, вотъ, теперь мнѣ придется брать тебя съ собой,—говорилъ онъ ей, голосомъ, въ которомъ звучало отчаяніе.—Что ты станешь тутъ дѣлать одна, безъ меня? Ты вѣдь баба,—ты ни на что не годна. Ты до смерти стоскуешься тутъ, если я оставлю тебя,—ты и сама это знаешь. А то еще, чего добраго, какой нибудь бродяга сманитъ тебя, или—еще того хуже,—примешься бѣгать по улицамъ чортъ знаетъ съ кѣмъ, да совать свой носъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ,—во всякую дырочку, во всякую щелку,—я вѣдь знаю тебя! Только смотрите, мадамъ, если вы опозорите себя какимъ-нибудь безчестнымъ поступкомъ, я отрекаюсь отъ васъ—такъ вы и знайте!

ГЛАВА XLI.

НАКАНУНѢ СУДА.

Унылая улица въ Стонитонѣ. Комната въ верхнемъ этажѣ. Въ комнатѣ двѣ постели; одна—на полу. Четвергъ, десять часовъ вечера. Темная стѣна за окномъ не пропускаетъ въ комнату луннаго свѣта, а то онъ, можетъ быть, и боролся-бы со свѣтомъ единственнаго огарка, горящаго передъ Бартлемъ Масси. Мистеръ Масси притворяется, что читаетъ, а самъ черезъ очки наблюдаетъ за Адамомъ Бидомъ, который сидитъ у темнаго окна.

Если-бы вамъ не сказали, что это Адамъ, наврядъ-ли вы бы узнали его. За послѣднюю недѣлю онъ еще похудѣлъ; глаза запали, борода нечесана, какъ у человѣка, только-что поднявша-

гося съ постели послѣ болѣзни. Его густые черные волосы свѣсились на лобъ, и онъ не ощущаетъ бодраго желанія отбросить ихъ назадъ, чтобы лучше видѣть окружающее. Онъ перекинулъ одну руку черезъ спину стула и, повидимому, внимательно разглядываетъ свои скрещенные пальцы. Стукъ въ дверь заставляетъ его встрепенуться.

— Вотъ и онъ,—сказалъ Бартль Масси, поспѣшно вставая и отпирая дверь.

Вошелъ мистеръ Ирвайнъ. Адамъ всталъ со стула съ инстинктивною почтительностью. Мистеръ Ирвайнъ подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Я запоздалъ, Адамъ,—сказалъ онъ, опускаясь на стулъ, поданный ему Бартлемъ;—я выѣхалъ изъ Брокстона позже, чѣмъ разсчитывалъ, а съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ, все время былъ занятъ. Но за то теперь все сдѣлано,—по крайней мѣрѣ все, что можно было сдѣлать сегодня. Ну, теперь посидимъ.

Адамъ машинально взялся опять за свой стулъ, присѣлъ подальше, на кровать.

— Видѣли вы ее, сэръ?—спросилъ Адамъ трепетнымъ голосомъ.

— Да, Адамъ, мы съ капелланомъ весь вечеръ провели у нея.

— Спрашивали вы ее, сэръ... говорили ей обо мнѣ?

— Да, я говорилъ о васъ,—отвѣчалъ мистеръ Ирвайнъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.—Я ей сказалъ, что вы желали-бы повидать ее до суда, если она позволитъ.

Мистеръ Ирвайнъ замолчалъ. Адамъ смотрѣлъ на него жаднымъ, вопрошающимъ взглядомъ.

— Вы знаете, что она отказывается видѣть кого-бы то ни было, не только васъ, Адамъ... Какъ-будто какая-то роковая сила закрыла ея сердце для всѣхъ. Намъ съ капелланомъ она на все отвѣчала „нѣтъ“, и это единственный отвѣтъ, какого намъ удалось добиться! Дня три, четыре тому назадъ, когда я ей еще ничего не говорилъ о васъ, я спрашивалъ ее, не хочетъ-ли она видѣть кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, и она отвѣчала, вся задрожавъ: „нѣтъ, нѣтъ, скажите имъ, пусть никто ко мнѣ не приходитъ,—я никого, никого не хочу видѣть“.

Адамъ поникъ головой. Послѣ минутнаго молчанія, мистеръ Ирвайнъ продолжалъ:

— Мнѣ не хотѣлось-бы, Адамъ, давать вамъ совѣтъ, который шелъ-бы въ разрѣзъ вашему желанію, если ужъ вы твердо рѣшились видѣть ее завтра утромъ, хотя-бы даже безъ ея согласія. Весьма возможно, что, вопреки кажущейся очевидности, это свиданіе подѣйствуетъ на нее благотворно. Но какъ мнѣ ни жаль, я долженъ сказать, что на это мало надежды. Когда я назвалъ васъ, она не проявила никакого волненія; она только отвѣтила „нѣтъ“, все тѣмъ-же холоднымъ, упрямымъ тономъ, какъ и раньше. А если это свиданіе не ока-

кетъ на нее никакого вліянія, для васъ оно будетъ только безполезнымъ, лишнимъ и, я боюсь, жестокимъ страданіемъ. Она очень измѣнилась...

Адамъ вскочилъ на ноги и схватилъ со стола свою шляпу, но вдругъ остановился и посмотрѣлъ на мистера Ирвайна, какъ-будто у него на языкѣ вертѣлся вопросъ, котораго онъ не рѣшался выговорить. Бартль Масси, не спѣша, поднялся съ мѣста, подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ и положилъ ключъ въ карманъ.

— Вернулся *онъ*? спросилъ, наконецъ, Адамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ еще, отвѣчалъ мистеръ Ирвайнъ совершенно спокойно.—Положите вашу шляпу, Адамъ, если только вы взяли ее не съ тѣмъ, чтобы выйти со мной прогуляться и подышать чистымъ воздухомъ. Должно быть, вы еще не выходили сегодня?

— Вамъ незачѣмъ меня обманывать, сказалъ Адамъ съ досадой, не спуская съ мистера Ирвайна упорнаго, подозрительнаго взгляда.—Вамъ нѣтъ причины бояться за меня. Я хочу только справедливости. Я хочу заставить его страдать такъ-же, какъ страдаетъ она. Это *его* вина,—она была ребенокъ, прелестный ребенокъ, на котораго нельзя было смотрѣть безъ умиленія и восторга... Мнѣ дѣла нѣтъ до того, что̀ она сдѣлала,—*онъ* ее до этого довелъ. Такъ пусть-же знаетъ, пусть пойметъ... Если на Небѣ есть справедливость, онъ почувствуетъ, что значитъ соблазнить такого ребенка на грѣхъ и погибель...

— Я васъ не обманываю, Адамъ, сказалъ мистеръ Ирвайнъ.—Артуръ Донниторнъ еще не пріѣхалъ, — по крайней мѣрѣ его еще *не было*, когда я уѣзжалъ. Я оставилъ ему письмо: онъ узнаетъ все, какъ только пріѣдетъ.

— Вы полагаете, что дѣло не къ спѣху, промолвилъ Адамъ съ раздраженіемъ.—Вы ни во что ставите, что въ то время, когда она томится здѣсь, покрытая стыдомъ и позоромъ, онъ ничего не подозрѣваетъ и совершенно покоенъ?

— Адамъ, онъ все узнаетъ и будетъ долго и тяжко страдать. У него есть и сердце, и совѣсть,—я не могу до такой степени въ немъ ошибаться. Я увѣренъ, что онъ долго боролся прежде, чѣмъ уступить искушенію. Быть можетъ, онъ слабъ, но никто не назоветъ его холоднымъ, зачерствѣлымъ эгоистомъ. Я знаю, что это будетъ для него ударомъ на всю жизнь. Почему вы жаждете мести? Всѣ пытки, какія вы могли бы изобрѣсти для него, не принесутъ *ей* никакой пользы.

— Нѣтъ, о Господи! нѣтъ! простоналъ Адамъ, снова опускаясь на стулъ.—Это-то и ужасно, въ томъ-то и заключается мое проклятіе, что что̀ ни дѣлай, *бѣды не изжить*—ничего, ничего *не поправить*. Бѣдная моя Гетти!—никогда уже не быть ей прежней невинною Гетти, самымъ прелестнымъ изъ божьихъ твореній!.. Какъ она улыбалась мнѣ!.. Я думалъ, она любитъ меня,—она была такъ добра въ послѣднее время.

Эти слова Адамъ произнесъ совсѣмъ тихо и глухо, какъ будто говорилъ самъ съ собой; но вдругъ онъ взглянулъ на мистера Ирвайна и сказалъ:

— Но вѣдь она не такъ виновата, какъ они говорятъ? Вы этого не думаете, сэръ? Она *не можетъ* быть преступницей.

— Можетъ быть, этого никто никогда не узнаетъ навѣрное, Адамъ, мягко отвѣтилъ мистеръ Ирвайнъ.—Въ подобнаго рода вопросахъ мы часто основываемъ наше сужденіе на томъ, что намъ кажется очевиднымъ, а между тѣмъ достаточно какого-нибудь одного ничтожнаго новаго факта, который раньше намъ былъ неизвѣстенъ, чтобы сужденіе это оказалось невозможнымъ. Но, предположивъ даже самое худшее: вы и тогда не имѣете ни малѣйшаго права обвинять Артура въ ея преступленіи, считать его отвѣтственнымъ за ея вину. Не намъ, людямъ, разбираться въ нравственной отвѣтственности нашихъ ближнихъ,—судить и карать. Мы не можемъ избѣгнуть ошибокъ даже въ вопросѣ о томъ, виноватъ-ли человѣкъ въ томъ или другомъ преступленіи; опредѣлить же, насколько онъ долженъ быть отвѣтственъ за непредвидѣнныя послѣдствія своего поступка, это такая задача, на разрѣшеніе которой никто изъ насъ не долженъ смѣть отваживаться. Мысль о печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собой эгоистическое желаніе удовлетворить свою злобу, уже сама по себѣ такъ ужасна, что должна была-бы навсегда отбить у человѣка охоту мстить или карать. Вы умны, Адамъ, и прекрасно понимаете эти вещи, когда вы спокойны... Не думайте, что я не сочувствую вашимъ страданіямъ, той мукѣ душевной, которая разжигаетъ въ васъ злобу и жажду мести; но подумайте вотъ о чемъ: если вы уступите голосу страсти,—потому что это страсть, и вы ошибаетесь, говоря, что добиваетесь одной справедливости,—съ вами будетъ то же, что и съ Артуромъ,—можетъ быть даже хуже, ибо въ пылу гнѣва вы можете совершить страшное преступленіе.

— Нѣтъ, не хуже,—сказалъ Адамъ съ горечью,—ни въ какомъ случаѣ не хуже. Гораздо лучше,—по крайней мѣрѣ, я всегда предпочелъ-бы—совершить преступленіе, за которое я самъ и отвѣчалъ бы, чѣмъ соблазнить человѣка на грѣхъ, а самому спокойно оставаться въ сторонѣ и смотрѣть, какъ онъ расплачивается за него. И все это ради мимолетнаго удовольствія! Да будь онъ мужчина, онъ скорѣе позволилъ-бы отрубить себѣ руку, чѣмъ допустить себя поддаться такой прихоти! Развѣ онъ могъ не предвидѣть послѣдствій? Онъ долженъ былъ ихъ предвидѣть; онъ не могъ ожидать ничего, кромѣ горя и стыда для нея. Потомъ онъ пытался ложью поправить сдѣланное имъ зло... Нѣтъ, есть тысячи проступковъ, за которые людей вѣшаютъ, но которые и въ половину не такъ отвратительны, какъ то, что онъ сдѣлалъ

Когда человѣкъ дѣлаетъ зло, зная, что онъ самъ будетъ за него въ отвѣтѣ, онъ и въ половину не такой негодяй, какъ тотъ подлый эгоистъ, который ни въ чемъ не хочетъ себѣ отказать, хотя отлично понимаетъ, что не онъ, а другіе будутъ расплачиваться за его грѣхи.

— Въ этомъ вы также отчасти неправы, Адамъ. Нѣтъ такого проступка, послѣдствія котораго падали-бы исключительно на того, кто его совершилъ. Дѣлая зло, вы никогда не можете съ увѣренностью сказать, что дѣлаете зло только себѣ. Нити человѣческихъ жизней такъ тѣсно переплетаются, онѣ такъ сплочены, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Зло распространяется, какъ зараза. Я знаю, чувствую, сколько страданій причинилъ Артуръ своимъ проступкомъ, но вѣдь и всякій грѣхъ падаетъ своими послѣдствіями не только на того, кто его совершилъ. Ваше мщеніе Артуру будетъ только новымъ несчастіемъ,—прибавкой къ тому злу, отъ котораго мы всѣ и теперь довольно страдаемъ; не на васъ одного падутъ послѣдствія вашей мести, но на всѣхъ, кому вы дороги. Вы удовлетворите своему слѣпому гнѣву, не только ничего не улучшивъ въ настоящемъ положеніи дѣлъ, но еще ухудшивъ его. На это вы могли-бы мнѣ возразить, что не замышляете ничего преступнаго; но въ васъ говоритъ теперь то самое чувство, которое порождаетъ преступленія, и до тѣхъ поръ, пока вы будете питать это чувство, пока вы сами не поймете, что добиваться возмездія за вину Артура есть съ вашей стороны жажда мести, а не чувство справедливости, вы каждую минуту будете въ опасности сдѣлать великое зло. Вспомните, что вы испытывали въ ту минуту, когда ударили Артура въ рощѣ.

Адамъ молчалъ. Послѣдняя фраза вызвала въ немъ новое воспоминаніе прошлаго. Мистеръ Ирвайнъ, не желая прерывать его размышленій, заговорилъ съ Бартлемъ Масси о похоронахъ старика Доннитерна и о другихъ постороннихъ предметахъ. Но наконецъ Адамъ самъ обратился къ нему, на этотъ разъ гораздо спокойнѣе.

— А я и не спросилъ васъ, сэръ, о тѣхъ... на Большой Фермѣ. Пріѣдетъ-ли мистеръ Пойзеръ?

— Онъ уже здѣсь: нынче ночью пріѣхалъ. Но я бы не совѣтовалъ вамъ, Адамъ, видѣться съ нимъ. Онъ страшно потрясенъ; лучше вамъ не встрѣчаться, пока вы сами не будете поспокойнѣе.

— Не знаете-ли, сэръ, пріѣхала къ намъ Дина Моррисъ? Сетъ говорилъ, что за ней посылали.

— Нѣтъ. Мистеръ Пойзеръ мнѣ говорилъ, что когда онъ выѣхалъ изъ дому, ея еще не было. Они боятся, что письмо не дошло. Кажется, у нихъ не было точнаго адреса.

Адамъ съ минуту о чемъ-то раздумывалъ и наконецъ сказалъ:

— Хотѣлъ-бы я знать, пришла-ли бы Дина *къ ней?* Впрочемъ, Пойзерамъ это было-бы непріятно; вѣдь сами они не захотѣли видѣть ее. Мнѣ кажется, что Дина пришла-бы; методисты—удивительные люди; ихъ не остановитъ даже тюрьма... Да и Сетъ говоритъ, что Дина пришла-бы. Она всегда была очень добра къ ней, и если-бы она ее навѣстила, быть можетъ для *нея* это было-бы большимъ облегченіемъ. Вы никогда не видѣли Дины, сэръ?

— Какъ же; видѣлъ и говорилъ съ ней, и она мнѣ очень понравилась. Теперь, когда вы мнѣ о ней напомнили, я самъ жалѣю, что ея здѣсь нѣтъ. Такая спокойная, кроткая женщина могла-бы, пожалуй, дѣйствительно смягчить сердце Гетти. Тюремный священникъ—человѣкъ очень грубый

— Да, но ея нѣтъ,—значитъ, и толковать не о чемъ,—проговорилъ грустно Адамъ.

— Если-бы мнѣ это пришло въ голову раньше, я принялъ-бы мѣры, чтобы ее розыскать,—сказалъ мистеръ Ирвайнъ;—а теперь, боюсь, уже поздно... Однако, Адамъ, мнѣ надо проститься. Постарайтесь уснуть нынче ночью. Храни васъ Господь! Завтра я пріѣду къ вамъ пораньше.

ГЛАВА XLII.

УТРОМЪ ВЪ ДЕНЬ СУДА

На другой день, около часу пополудни, Адамъ сидѣлъ одинъ на своей вышкѣ; передъ нимъ на столѣ лежали часы, какъ будто онъ считалъ томительно долгія минуты. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какія показанія будутъ давать свидѣтели на судѣ, потому что съ ужасомъ сторонился всякихъ подробностей, касавшихся ареста и обвиненія Гетти. Этотъ энергичный и мужественный человѣкъ, который, не задумываясь, пошелъ-бы на всякую опасность и страданія, чтобы предохранить Гетти даже отъ тѣни несчастія, чувствовалъ себя неспособнымъ стать лицомъ къ лицу съ непоправимымъ зломъ. Его дѣятельная натура, его неутомимая энергія, которая была страшной побудительной силой тамъ, гдѣ представлялась возможность дѣйствовать, причиняла ему только лишь страданіе теперь, когда онъ долженъ былъ оставаться пассивнымъ, и если въ чемъ выражалась, такъ только въ страстной жаждѣ наказать Артура. Люди энергичные, способные на смѣлые подвиги, часто сторонятся непоправимаго горя, какъ будто у нихъ черствое сердце. Но въ этомъ случаѣ на нихъ дѣйствуетъ непреодолимый страхъ передъ слишкомъ сильнымъ страданіемъ. Они инстиктивно бѣгутъ отъ него, какъ бѣжали-бы отъ ударовъ бича. Адамъ рѣшился наконецъ видѣться съ Гетти, если-бы

она согласилась, потому что думалъ, что, можетъ быть, это свиданіе благотворно подѣйствуетъ на нее, выведетъ ее изъ того состоянія оцѣпенѣнія, о которомъ ему говорили. Можетъ быть, если-бы она убѣдилась, что онъ не помнитъ зла, которое она ему сдѣлала, сердце ея могло-бы смягчиться. Но это рѣшеніе стоило ему неимовѣрныхъ усилій. Онъ дрожалъ при одной мысли увидѣть ея измѣнившееся лицо, какъ дрожитъ слабая женщина при видѣ ланцета хирурга. И онъ рѣшился лучше вынести эти долгіе, томительные часы неизвѣстности, чѣмъ взять на себя то, что было для него невыносимымъ страданіемъ,—чѣмъ видѣть и слышать, какъ ее будутъ судить.

Глубокое страданіе можно смѣло назвать вторымъ крещеніемъ, возрожденіемъ человѣка къ новой жизни. Жгучія воспоминанія прошлаго, горькія сожалѣнія, погибшая любовь, страстныя воззванія къ Высшему Правосудію, мучительное волненіе, наполнявшее дни и ночи послѣдней недѣли,—все это обступило Адама, давило его, тѣснилось въ его разгоряченную голову въ это томительное, безконечное утро. Вся прежняя жизнь казалась ему чѣмъ-то туманнымъ, далекимъ; онъ испытывалъ такое чувство, какъ будто только-что пробудился отъ сна. Ему казалось, что до сихъ поръ онъ слишкомъ легко смотрѣлъ на людскія страданія; что все, что пришлось вынести тяжелаго ему самому, и что онъ называлъ горемъ, было не болѣе, какъ мимолетное огорченіе, не оставляющее даже слѣда... Да, великое страданіе въ одинъ день старитъ человѣка на нѣсколько лѣтъ; это—крещеніе огнемъ, изъ котораго мы выходимъ съ обновленной и просвѣтленной душой.

— О, Боже! простоналъ Адамъ, тяжело опираясь на столъ и не спуская мутнаго взгляда съ циферблата часовъ,—сколько людей до меня терзалось точно такъ-же... Сколько бѣдныхъ, покинутыхъ женщинъ страдало, какъ страдаетъ она!.. Какъ еще недавно она была такъ невинно-прелестна, такъ счастлива, когда старый дѣдъ и всѣ они поздравляли ее, желали ей счастья, и она цѣловала ихъ всѣхъ!.. Бѣдная, бѣдная моя Гетти! Вспоминаешь-ли ты объ этомъ теперь?

Адамъ взрогнулъ и повернулся къ двери. Вѣдьма завизжала: на лѣстницѣ послышались прихрамывающіе шаги и постукиванье палки о ступени. Это возвращался Бартль Масси. Неужели все кончено?..

Бартль спокойно вошелъ въ комнату, подошелъ къ Адаму, взялъ его за руку и сказалъ:

— Я воспользовался перерывомъ и пришелъ взглянуть на тебя, мой мальчикъ.

У Адама такъ сильно билось сердце, что онъ не могъ говорить, онъ молча пожалъ руку друга. Бартль взялъ стулъ, сѣлъ противъ него и снялъ шляпу и очки.

— Никогда со мной этого не случалось,—сказалъ онъ;— я вышелъ на улицу въ очкахъ: совсѣмъ забылъ снять.

Старикъ нарочно заговорилъ о пустякахъ, думая, что будетъ лучше не замѣчать волненія Адама: тогда парень самъ пойметъ, что у него, Бартля, нѣтъ ничего опредѣленнаго, что̀-бы онъ могъ ему сообщить.

— Однако надо тебѣ чего-нибудь перекусить и выпить стаканчикъ вина, которое прислалъ мистеръ Ирвайнъ, а то мнѣ достанется отъ него,—сказалъ онъ, поднимаясь со стула.— Да мнѣ и самому не мѣшаетъ подкрѣпиться,—добавилъ онъ, положивъ на столъ ковригу хлѣба и наливая немного вина изъ бутылки въ стаканъ.—На-ка, выпей, мой милый, выпей со мной.

Адамъ тихонько оттолкнулъ протянутый стаканъ и сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, какъ идетъ дѣло, мистеръ Масси... Скажите мнѣ все. Тамъ-ли она? Началось-ли?

— Да, мой мальчикъ, да,—съ самаго утра; но они тянутъ, страшно тянутъ, да и адвокатъ, котораго для нея взяли, цѣпляется за все, за что только можно уцѣпиться; чуть-ли не каждому свидѣтелю дѣлаетъ перекрестный допросъ. Онъ тамъ съ ними со всѣми зубъ за зубъ. Это все, что онъ можетъ сдѣлать за тѣ деньги, которыя получилъ,—сумма не малая, не малая сумма. Ловкій парень, что и говорить; ничего не упуститъ. Не будь у человѣка души, такъ, кажется, слушалъ-бы всѣ эти судебныя препирательства съ такимъже интересомъ, какъ какой-нибудь научный докладъ; но нѣжное сердце дѣлаетъ людей дураками. Я-бы охотно навсегда отказался отъ математики, лишь-бы быть въ состояніи принести тебѣ добрыя вѣсти, мой бѣдный мальчикъ.

— Развѣ дѣло принимаетъ дурной оборотъ для *нея?* спросилъ Адамъ.—Разскажите мнѣ, что говорилось на судѣ. Я долженъ все знать,—я долженъ знать, какія у нихъ улики противъ нея.

— До сихъ поръ главная улика — это показанія врачей. Другихъ свидѣтелей еще не вызывали никого, кромѣ Мартина Пойзера. Бѣдный Мартинъ! Всѣ его страшно жалѣютъ, да и нельзя не жалѣть... Въ публикѣ рыдали навзрыдъ, когда онъ давалъ показаніе. Самое ужасное было, это когда ему велѣли взглянуть на подсудимую. Трудно ему это досталось бѣднягѣ, — очень трудно!.. Адамъ, дорогой мой, для него это тоже тяжелый ударъ, какъ и для тебя; помоги-же ему, покажи примѣръ мужества. А пока выпей вина, — докажи, что ты все можешь вынести, какъ подобаетъ мужчинѣ.

На этотъ разъ Бартль затронулъ настоящую струну. Адамъ, съ тихой покорностью, взялъ стаканъ и отпилъ немного вина.

— Скажите мнѣ, какая она... какой у нея видъ, спросилъ онъ, немного погодя.

— Впачалѣ, когда ее привели, она казалась испуганной, очень испуганной; должно быть это видъ судей и толпы такъ па нее подѣйствовалъ, на бѣдняжку. Къ тому-же тамъ набралось столько бабья,—и все это разряженное, расфуфыренное, въ кольцахъ, браслетахъ и перьяхъ... Право, можно было подумать, что онѣ нарочно вырядились такими вороньими пугалами, чтобы застращать всякаго, кому могло-бы еще придти въ голову имѣть дѣло съ женщиной. Всѣ онѣ пялили на нее глаза сквозь лорнеты и шептались между собой. Но она скоро овладѣла собой, и съ тѣхъ поръ сидитъ, точно статуя, — все смотритъ себѣ на руки и, кажется, не видитъ и не слышитъ, что дѣлается кругомъ. Она очень блѣдна, буквально, какъ мертвецъ. Когда ее спросили, признаетъ-ли она себя „виновной", она ничего не отвѣтила, такъ-что пришлось записать, что виновною она себя не признала. Только когда она услыхала имя дяди, она сильно вздрогнула; когда-же ему велѣли взглянуть на нее, она низко нагнула голову и закрыла руками лицо. Бѣдный Мартинъ! Онъ едва могъ говорить, такъ у него голосъ дрожалъ. Даже судьи — ужъ на что, кажется, кремни,—а и тѣ щадили его, насколько могли. Съ нимъ былъ мистеръ Ирвайнъ; онъ и вывелъ его изъ залы суда. Ахъ, какая это великая вещь — имѣть возможность поддерживать ближняго въ такомъ тяжкомъ горѣ!

— Благослови его Боже, и васъ также, мистеръ Масси! вымолвилъ Адамъ тихимъ голосомъ, положивъ руку на плечо Бартлю.

— Да, да, нашъ пасторъ—золотой человѣкъ, самой чистой пробы,—человѣкъ съ царемъ въ головѣ, который никогда ничего не скажетъ некстати. Онъ не изъ тѣхъ пустомелей, что думаютъ утѣшить васъ своей болтовней, какъ будто, глядя со стороны на чужое горе, можно чувствовать его глубже того, кому приходится переживать его на себѣ. Знаю я этихъ людей, имѣлъ съ ними дѣло въ свое время, — тамъ, на югѣ, когда надо мной вотъ такъ-то тоже стряслась бѣда... Скоро мистеръ Ирвайнъ будетъ давать свое показаніе—въ ея пользу, конечно: будетъ говорить, знаешь, о прежней ея жизни и воспитаніи.

— Но показанія другихъ свидѣтелей,—развѣ они всѣ противъ нея? спросилъ Адамъ. — Скажите все, что́ вы думаете, мистеръ Масси. Скажите мнѣ правду.

— Да, милый мой, да; разумѣется, правда лучше всего: все равно она выйдетъ наружу. Дѣло ея пока очень плохо. Показанія врачей служатъ важной, очень важной уликой противъ нея. Но она упорно ото всего отпирается: съ первой минуты и до сихъ поръ она отрицаетъ, что у нея былъ ребенокъ... Ахъ, эти бѣдныя, безмозглыя бабы! у нихъ даже не хватаетъ смѣкалки понять, что безполезно отрицать фактъ, который доказанъ. Боюсь, что это упорство сильно повре-

дитъ ей во мнѣніи судей; они уже не такъ охотно будутъ просить о помилованіи въ томъ случаѣ, если-бы приговоръ оказался противъ нея. Но мистеръ Ирвайнъ сдѣлаетъ все, что въ его силахъ, чтобы смягчить судей, — на этотъ счетъ ты можешь быть покоенъ, Адамъ.

— Есть-ли тамъ съ ней кто-нибудь, кто-бы о ней позаботился, въ случаѣ... если ее обвинятъ? спросилъ Адамъ.

— Съ ней сидитъ тюремный священникъ; но у него противное, жесткое лицо съ рысьими глазками: по всему видно, что онъ человѣкъ черствый, совсѣмъ изъ другого тѣста, чѣмъ мистеръ Ирвайнъ. Говорятъ, эти тюремные попы почти всегда такіе,—худшее, что только есть въ духовенствѣ.

— А между тѣмъ есть человѣкъ, который долженъ былъ-бы быть съ нею, сказалъ Адамъ съ горечью. Онъ выпрямился и сталъ смотрѣть въ окно, какъ будто обдумывая какую-то новую мысль.

— Мистеръ Масси, сказалъ онъ, наконецъ, отбросивъ волосы со лба, — я пойду съ вами. Я пойду въ судъ. Это была трусость съ моей стороны, — держаться въ сторонѣ. Я буду съ нею... Она обманула меня, но что́-бы она ни сдѣлала, я не отрекусь отъ нея. Ея кровные отъ нея отвернулись,—они не имѣли права на это. Мы молимъ Бога умилосердиться надъ нами грѣшными, а сами не выказываемъ никакого милосердія къ ближнему. Я самъ часто бывалъ строгъ къ людямъ; больше этого не будетъ со мной. Я пойду,—я пойду съ вами, мистеръ Масси.

Голосъ Адама звучалъ такою рѣшимостью, что Бартль не посмѣлъ-бы ему возразить, если-бы даже хотѣлъ. Онъ сказалъ только:

— Въ такомъ случаѣ, Адамъ, съѣшь что-нибудь и выпей еще немного вина. Сдѣлай это для меня. Я и самъ голоденъ; все равно тебѣ придется подождать, пока я поѣмъ. Ну, ѣшь-же, мой другъ.

Подбодренный рѣшимостью дѣйствовать, Адамъ съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ вина. Глаза его глядѣли все такъ-же растерянно; онъ былъ такой-же нечесаный и небритый, какъ и вчера; но теперь онъ держался прямо и былъ больше похожъ на прежняго Адама Бида.

ГЛАВА XLIII.

ПРИГОВОРЪ.

Въ этотъ день для засѣданія суда была отведена огромная, старинная зала, которая впослѣдствіи была уничтожена пожаромъ. Яркій свѣтъ полдня падалъ на колеблющееся море человѣческихъ головъ изъ длиннаго ряда высокихъ, стрѣль-

чатыхъ оконъ и, проходя сквозь старинныя цвѣтныя стекла, окрашивалъ ихъ теплыми, мягкими тонами. На темной дубовой баллюстрадѣ галлереи, въ одномъ концѣ залы, выступали, въ видѣ горельефовъ, грозные доспѣхи, покрытые пылью, а прямо, насупротивъ, огромное сводчатое окно было задернуто старинной драпировкой съ изображеніемъ какихъ-то мрачныхъ, выцвѣтшихъ фигуръ, казавшихся смутнымъ сномъ давно прошедшихъ временъ. Всѣ остальные дни въ году въ этомъ мѣстѣ витали блѣдныя тѣни несчастныхъ королей и королевъ, свергнутыхъ съ престола, заключенныхъ въ тюрьму, но нынче всѣ эти тѣни улетѣли, и ни одна душа въ этой обширной залѣ не чувствовала ничего, кромѣ присутствія живого страданія, заставлявшаго трепетать всѣ сердца.

Но это страданіе, казалось, лишь слабо чувствовалось до той минуты, когда подлѣ скамьи подсудимыхъ появилась высокая фигура Адама Бида. Въ этой огромной залѣ, при яркомъ свѣтѣ дня, среди всѣхъ этихъ выбритыхъ, приглаженныхъ физіономій, слѣды страданій на его лицѣ были такъ явны, что поразили даже мистера Ирвайна, видѣвшаго его за послѣдніе дни только въ его полутемной каморкѣ. А земляки его изъ Гейслопа, присутствовавшіе на судѣ, никогда не забывали, разсказывая подъ старость у камелька, исторію Гетти Соррель, упомянуть о томъ впечатлѣніи, какое произвело на всѣхъ появленіе въ залѣ суда бѣдняги Адама Бида, — какъ глубоко всѣ были тронуты, когда этотъ рослый дѣтина, чуть-ли не головой выше всѣхъ окружающихъ, вошелъ въ залу и опустился на указанное ему мѣсто подлѣ скамьи подсудимыхъ.

Но Гетти его не видала. Она сидѣла въ той позѣ, какъ описывалъ Бартль Масси, скрестивъ на колѣняхъ руки и упорно глядя на нихъ. Въ первую минуту Адамъ не рѣшился поднять на нее глазъ; но потомъ, когда вниманіе публики было опять поглощено разбирательствомъ дѣла, онъ тихонько повернулъ голову, съ твердой рѣшимостью взглянуть на нее.

Почему они увѣряли, что она тамъ измѣнилась? Въ мертвомъ лицѣ человѣка, котораго мы любили, мы не видимъ ничего, кромѣ *сходства* съ тѣмъ новымъ лицомъ, какимъ оно было недавно; только это сходство мы чувствуемъ, и чувствуемъ тѣмъ живѣе, что не находимъ въ дорогомъ лицѣ *чего-то* такого, что было въ немъ *прежде*. Вотъ они—это прелестное личико, тонкая шейка, густыя кудри темныхъ волосъ, длинныя рѣсницы, пухленькія, капризныя губки. Прелестныя губки поблѣднѣли, лицо исхудало—это правда, но это было лицо Гетти и ничье больше. Другіе находили, что теперь у нея такой видъ, какъ будто ею овладѣлъ дьяволъ, какъ будто онъ убилъ въ ней ея женскую душу и оставилъ ей только жесткое упорство отчаянія. Но видитъ же материнская лю-

бовь—этотъ совершеннѣйшій типъ любви человѣческой, живущей въ другомъ и для другого,—видитъ же она свое любимое дитя даже въ послѣднемъ, всѣми отверженномъ негодяѣ, а для Адама эта блѣдная, закоренѣлая на видъ преступница была все та же Гетти, улыбавшаяся ему въ саду подъ яблоней,—дорогой трупъ прежней Гетти, на который онъ сначала боялся взглянуть, и отъ котораго теперь не могъ оторвать глазъ.

Но вотъ онъ услышалъ нѣчто, заставившее его опомниться и вернуться къ настоящему. Со скамьи свидѣтелей поднялась пожилая женщина и заговорила твердымъ и отчетливымъ голосомъ:

— Мое имя Сара Стонъ. Я вдова и держу небольшую чайную и табачную лавочку на Церковной улицѣ въ Стонитонѣ. Подсудимая—та самая молодая женщина, которая пришла ко мнѣ въ субботу двадцать седьмого февраля. На рукѣ у нея висѣла корзинка; видъ былъ больной и усталый, и она просила, чтобы я пріютила ее. Она увидала вывѣску надъ дверью и приняла мой домъ за таверну. Когда я ей объяснила, что у меня не гостинница, она заплакала и сказала, что она страшно устала и не можетъ идти дальше, и чтобы я пустила ее только переночевать. Ея положеніе, хорошенькое личико, что-то порядочное во всей ея наружности и манерахъ, и отчаяніе ея, когда я сказала, что не могу ее пріютить, такъ меня тронуло, что я не рѣшилась ей сразу отказать. Я усадила ее, дала ей чаю и стала разспрашивать, куда она ѣдетъ и гдѣ ея родные. Она мнѣ сказала, что идетъ домой, что ея родственники—фермеры, и что идти ей еще далеко. Она уже много прошла, прибавила она, и путешествіе обошлось ей дороже, чѣмъ она разсчитывала, такъ что теперь у нея не осталось почти ни гроша, и она боится заходить въ такія мѣста, гдѣ съ нея могутъ много спросить. Она сказала, что ей пришлось продать почти всѣ вещи, какія у нея были съ собой, но что она охотно дастъ шиллингъ за ночлегъ. Я не видѣла причины, почему бы мнѣ не пріютить ее на ночь; у меня всего одна комната, но въ ней двѣ кровати, и я сказала ей, что она можетъ остаться. Я такъ и подумала, что это какая-нибудь бѣдная, обманутая дѣвушка, но что коль скоро она идетъ къ роднымъ, я сдѣлаю доброе дѣло, если приду ей на помощь въ ея трудномъ положеніи и, быть можетъ, уберегу ее отъ новой бѣды.

Затѣмъ, свидѣтельница разсказала, какъ у подсудимой ночью родился ребенокъ, и когда ей показали дѣтское бѣлье, сейчасъ-же признала его за то самое, въ которое она собственноручно завернула новорожденнаго.

— Да, это мои вещи, сказала она,—я сама все это шила, когда ожидала рожденія моего послѣдняго мальчика, а потомъ сохранила... Всю ночь я провозилась съ матерью и ре-

бенкомъ. Сама не знаю отчего, я очень жалѣла бѣднаго малютку и тревожилась за него. Я не посылала за докторомъ, потому что не видѣла въ этомъ надобности. Поутру я сказала матери, чтобы она продиктовала мнѣ адресъ своихъ родныхъ, и что я имъ напишу; но она отвѣтила, что напишетъ сама, только не сегодня. Какъ я ее ни уговаривала поберечься, она рѣшительно объявила, что одѣнется и встанетъ сейчасъ-же. Она увѣряла, что чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, и она въ самомъ дѣлѣ казалась удивительно бодрой. Но я все-таки немного тревожилась, какъ мнѣ съ нею быть, и рѣшила вечеромъ, послѣ вечерни, сходить посовѣтоваться съ нашимъ пасторомъ. Я вышла изъ дому около половины девятаго. Вышла я не черезъ лавку, а чернымъ ходомъ, въ переулокъ. Я занимаю только нижній этажъ, и моя спальня и кухня выходитъ окнами въ этотъ переулокъ. Я оставила подсудимую въ кухнѣ, у огня, съ ребенкомъ на колѣняхъ. Весь этотъ день она не плакала и казалась совершенно спокойной. Только глаза были подозрительны, да еще то, что къ вечеру лицо у нея разгорѣлось, Я боялась, какъ-бы у нея не сдѣлалась лихорадка, и рѣшила, что на обратномъ пути зайду къ одной своей знакомой, очень опытной въ этихъ вещахъ женщинѣ, и попрошу ее придти взглянуть на больную. Вечеръ былъ очень темный. Я не заперла за собой двери, потому что въ ней нѣтъ замка, а только щеколда и задвижка изнутри, и обыкновенно, когда я одна, я выхожу черезъ лавку. Но я думала, что нѣтъ никакой опасности оставить ее на нѣсколько минутъ одну. Однако, я пробыла въ отсутствіи дольше, чѣмъ разсчитывала, потому что мнѣ пришлось подождать мою знакомую. Съ моего ухода прошло часа полтора, и когда мы вошли, свѣча горѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я ее оставила, но женщина и ребенокъ исчезли. Она захватила свой плащъ и шляпу, но корзинку съ вещами оставила. Я страшно перепугалась и разсердилась, что она ушла, но въ полицію не заявила, потому что не подозрѣвала ее ни въ какомъ зломъ умыслѣ и знала, что у нея есть съ собою деньги, чтобы заплатитъ за ѣду и ночлегъ. Мнѣ не хотѣлось натравливать на ея слѣды полицейскихъ, такъ какъ она имѣла полное право уйдти отъ меня, если хотѣла.

Это показаніе подѣйствовало на Адама, какъ электрическій токъ: оно придало ему новыя силы. Гетти не могла быть дѣтоубійцей: она любила своего ребенка, иначе зачѣмъ ей было брать его съ собой? Она могла его оставить. Дѣло ясное: ребенокъ умеръ естественной смертью, а она его спрятала. Много-ли надо ребенку, чтобы умереть, и мало ли возникаетъ подозрѣній, которыя оказываются впослѣдствіи совершенно неосновательными? Онъ былъ до такой степени поглощенъ придумываніемъ аргументовъ въ опроверженіе такого рода подозрѣнія, что не замѣтилъ, какъ адвокатъ Гетти

приступилъ къ передопросу свидѣтельницы, безуспѣшно стараясь добиться отъ нея показанія, что подсудимая проявляла признаки материнской любви. Все время, пока длился этотъ допросъ, Гетти сидѣла въ прежней неподвижной позѣ: слова какъ будто не доходили до нея. Но когда заговорилъ слѣдующій свидѣтель, его голосъ, очевидно, задѣлъ въ ней какую-то, еще чувствительную струну: она вздрогнула и бросила на него испуганный взглядъ, но сейчасъ же снова потупилась и стала по прежнему смотрѣть на свои скрещенныя руки. Этотъ свидѣтель былъ мужчина—простой крестьянинъ. Вотъ, что онъ показалъ.

— Меня зовутъ Джонъ Ольдингъ. Я—крестьянинъ и живу въ Теддогвѣ, въ двухъ миляхъ отъ Стонитона. Въ прошлый понедѣльникъ, слишкомъ недѣлю тому назадъ, около часу пополудни, я шелъ въ Геттонскую рощу и, эдакъ за четверть мили отъ рощи, увидѣлъ подсудимую. На ней былъ красный плащъ. Она сидѣла подъ стогомъ сѣна, неподалеку отъ изгороди. Когда она увидѣла меня, она встала и пошла въ противоположную сторону. Она шла черезъ поля, но по торной дорогѣ, гдѣ всѣ у насъ ходятъ, такъ-что не было ничего необыкновеннаго въ томъ, что я ее встрѣтилъ; но я замѣтилъ ее потому, что она показалась мнѣ очень блѣдной и какъ будто испуганной. Я принялъ-бы ее за нищую, но она была слишкомъ хорошо одѣта для нищей. Мнѣ показалось, что она была какая-то странная, но это было не мое дѣло. Немного отойдя, я остановился и обернулся посмотрѣть на нее; она шла по дорогѣ, не останавливаясь, пока не скрылась изъ вида. Тогда я пошелъ по своему дѣлу черезъ рощу. Рощу пересѣкаетъ дорога; мѣстами тамъ попадаются просѣки, и на нихъ сложенъ срубленный лѣсъ, который еще не успѣли свезти; но я пошелъ не по дорогѣ, а напрямикъ къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ нужно было нарубить жердей. Недалеко отъ дороги, на одной изъ прогалинъ, я услышалъ какой-то странный пискъ. Сначала я было подумалъ, что это какое-нибудь животное, и даже не остановился. Но пискъ продолжался и показался мнѣ такимъ страшнымъ, что я сталъ прислушиваться. Мнѣ пришло въ голову, что если это какой-нибудь рѣдкій звѣрекъ, я могу на немъ кое-что заработать. Только я никакъ не могъ разобрать, откуда доносятся звуки, и все смотрѣлъ вверхъ, на деревья. Потомъ мнѣ показалось, что они идутъ изъ-подъ земли. Въ томъ мѣстѣ было навалено много щепы, и было много травы и моху около пней. Я долго искалъ въ травѣ и подъ щепой, но ничего на нашелъ. Наконецъ, пискъ прекратился, и я пошелъ дальше. Но когда, часъ спустя, я возвращался той-же дорогой, я рѣшилъ поискать еще. Я положилъ на землю свои жерди и только-что нагнулся, чтобы заглянуть подъ кустъ орѣшника, какъ мнѣ бросилось въ глаза что-то странное: маленькое, круглое и

бѣлое. Я присѣлъ на корточки, чтобы поднять эту вещь, и увидѣлъ, что это дѣтская ручка.

Трепетъ ужаса пробѣжалъ по всей залѣ при этихъ словахъ. Гетти дрожала всѣмъ тѣломъ; казалось, только теперь она въ первый разъ прислушилась къ тому, что говорилъ свидѣтель.

— Подъ самымъ кустомъ была навалена куча щепы; оттуда и торчала ручка. Но въ одномъ мѣстѣ, между щепой, оставалось небольшое отверстіе; въ него я разсмотрѣлъ дѣтскую головку. Я разгребъ поскорѣе щепки и вынулъ ребенка. Онъ былъ завернутъ въ хорошее бѣлье, но тѣльце было совсѣмъ холодное, и я подумалъ, что онъ умеръ. Я взялъ его и побѣжалъ домой къ женѣ. Жена сказала, что ребенокъ мертвый, и что лучше всего снести его въ приходъ и заявить полиціи, какъ я его нашелъ. Тутъ я сказалъ женѣ: „Я увѣренъ, что это ребенокъ отъ молоденькой женщины, которую я встрѣтилъ у рощи; но теперь она навѣрное уже далеко“. Я снесъ ребенка въ Геттонскій приходъ, все разсказалъ констэблю, и мы вмѣстѣ пошли къ судьѣ Гарди. Потомъ мы пустились въ догонку за женщиной и проискали ее до ночи. Мы заходили и въ Стонитонъ заявить о ней въ полицію, чтобы ее могли задержать. На другое утро за мной пришелъ констэбль, чтобы я показалъ ему мѣсто, гдѣ нашелъ ребенка. Когда мы пришли въ рощу, мы застали тамъ подсудимую; она сидѣла у того самаго куста, гдѣ я его нашелъ. Увидѣвъ насъ, она даже не сдѣлала попытки бѣжать, а только заплакала. На колѣняхъ у нея была краюха хлѣба.

Когда свидѣтель кончилъ свое показаніе, Адамъ застоналъ, какъ отъ боли, и упалъ головой на руку, которою опирался на перила скамьи. Горе осилило его: Гетти была виновна, и онъ мысленно взывалъ къ Богу о помощи. Онъ больше ничего не слыхалъ. Онъ не замѣтилъ, что вызовъ свидѣтелей со стороны обвинительной власти окончился, и что со свидѣтельской скамьи всталъ мистеръ Ирвайнъ; не слышалъ, какъ мистеръ Ирвайнъ говорилъ о прежней жизни Гетти, объ ея воспитаніи и семьѣ и о той безупречной репутаціи, какою она всегда пользовалась. Это показаніе не могло повліять на приговоръ, но оно могло послужить основаніемъ для просьбы о снисхожденіи,—милость, которую такъ рѣдко оказывали преступникамъ въ тѣ суровыя времена.

Но вотъ въ залѣ произошло общее движеніе, и Адамъ поднялъ голову. Предсѣдатель сказалъ свою заключительную рѣчь, и присяжные удалились. Рѣшительная минута приближалась, Дрожь ужаса овладѣла Адамомъ; онъ не могъ рѣшиться взглянуть на Гетти. Она давно уже впала опять въ свое прежнее состояніе столбняка. Всѣ глаза были устремлены на нее, но она сидѣла, какъ статуя отчаянія.

Въ залѣ стоялъ глухой гулъ: въ публикѣ двигались, говорили, шептались. Всѣ утомились напряженнымъ вниманіемъ,

и теперь каждый спѣшилъ подѣлиться съ сосѣдомъ своими впечатлѣніями. Адамъ сидѣлъ, безцѣльно глядя передъ собой и ничего не видя,—на адвоката, который съ дѣловымъ видомъ бесѣдовалъ о чемъ то съ атторнеемъ, на мистера Ирвайна, что-то оживленно говорившаго судьѣ. Не видѣлъ онъ и того, какъ мистеръ Ирвайнъ, очень взволнованный, сѣлъ опять на свое мѣсто и грустно качалъ головой, когда кто-нибудь къ нему подходилъ и шепотомъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду. Внутренняя работа мысли и чувства была въ немъ слишкомъ сильна, чтобы онъ могъ замѣчать окружающее. Нуженъ былъ какой-нибудь сильный толчекъ, чтобы вернуть его къ дѣйствительности.

Прошло не болѣе четверти часа, когда раздался звонокъ, возвѣщавшій, что совѣщаніе присяжныхъ окончено. Это было сигналомъ къ наступленію тишины. Какъ торжественна бываетъ эта тишина, внезапно воцаряющаяся среди огромной толпы—тишина, которая говоритъ намъ, что во всѣхъ этихъ людяхъ волнуется и трепещетъ одна душа. Все торжественнѣе и торжественнѣе становилось безмолвіе; оно какъ-будто сгущалось, охватывая всѣ предметы, точно надвигающаяся черная ночь. Но вотъ началась и кончилась перекличка присяжныхъ, подсудимой приказали встать и поднять руку, и старшина присяжныхъ прочелъ приговоръ, „Да, виновна“.

Всѣ ожидали этого приговора, но не изъ одной груди вырвался вздохъ сожалѣнія, когда за словомъ: „виновна“ не послѣдовало: „но заслуживаетъ снисхожденія“. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы симпатіи публики были на сторонѣ подсудимой: противуестественность ея преступленія выступала еще рельефнѣе въ сопоставленіи съ ея нераскаянностью и упорнымъ молчаніемъ. Даже приговоръ не произвелъ на нее, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія,—такъ, по крайней мѣрѣ, думали сидѣвшіе далеко отъ нея; но тѣ, кто былъ ближе, видѣли, какъ она вздрогнула.

Тишина сдѣлалась еще жутче, когда судья надѣлъ свою черную мантію, и рядомъ съ нимъ появилась фигура священника. Среди гробового безмолвія громко раздался голосъ пристава, призывавшій къ порядку. Если и слышенъ былъ какой-нибудь звукъ, то развѣ біеніе взволнованныхъ сердецъ.

— „Эстеръ Соррель!...—произнесъ предсѣдатель.

Кровь съ силой ударила Гетти въ лицо и такъ-же быстро сбѣжала вся до кровинки, когда она подняла голову, и ея широко раскрытые глаза приковались къ лицу судьи съ выраженіемъ непобѣдимаго страха. Адамъ все еще не рѣшался взглянуть на нее: глубокій ужасъ, охватившій его, вырылъ между ними непроходимую пропасть. Но когда раздались слова: „и быть повѣшенной за шею, пока не послѣдуетъ смерть“,—пронзительный крикъ пронесся по залѣ. Это вскрикнула Гетти. Адамъ вскочилъ на ноги и протянулъ къ ней

руки. Но онъ стоялъ слишкомъ далеко: Гетти упала безъ чувствъ, и ее вынесли.

ГЛАВА XLIV.

ВОЗВРАЩЕНІЕ АРТУРА.

Когда Артуръ Доннитор нъ, высадившись въ Ливерпулѣ, прочелъ письмо тети Лидіи, сообщавшей въ нѣсколькихъ словахъ о смерти его дѣда, первой его мыслью было: „Бѣдный дѣдушка! Какъ жаль, что я не поспѣлъ во-время: онъ таки умеръ, не дождавшись меня! Можетъ быть, онъ захотѣлъ-бы сказать мнѣ что-нибудь въ послѣднюю минуту, выразилъ-бы какое-нибудь желаніе, а теперь я никогда этого не узнаю. Бѣдный, одинокій старикъ“!

Дальше этого горе его не заходило, и утверждать противное было-бы ложью съ моей стороны. Жалость и почтеніе къ памяти усопшаго смягчали воспоминаніе о прежнемъ раздраженіи и размолвкахъ, и въ то время, какъ почтовая карета быстро приближала молодого человѣка, погруженнаго въ мысли о будущемъ, къ тому дому, гдѣ онъ теперь былъ полнымъ хозяиномъ, онъ долженъ былъ поминутно дѣлать надъ собой усиліе, чтобы припомнить все то, чѣмъ онъ могъ доказать свое уваженіе къ памяти дѣда. Онъ думалъ также о томъ, какъ устроить близкихъ. Тетку онъ постарается устроить какъ можно лучше; не смотря на свои привычки старой дѣвы, она, конечно, останется жить въ замкѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ женится. Это послѣднее событіе мелькало покамѣстъ лишь туманнымъ пятномъ на заднемъ планѣ картины, потому что до сихъ поръ Артуръ еще не встрѣчалъ женщины, которая была бы достойна стать женою образцоваго джентльмена-помѣщика.

Таковы были главныя мысли Артура, т. е. насколько можно передать на одной страницѣ то, о чемъ успѣваетъ передумать человѣкъ во время долгаго пути. Говоря, что человѣкъ думалъ о томъ-то и о томъ-то, мы, такъ сказать, приводимъ только перечень названій отдѣльныхъ картинъ длинной панорамы, полной красокъ, жизни и мельчайшихъ деталей. Счастливыя лица, улыбавшіяся Артуру, радостно встрѣчавшія его, были не блѣдные абстракты, а живыя, давно знакомыя лица. Былъ тутъ и Мартинъ Пойзеръ—вся семья Пойзеровъ...

Какъ ?!.. И даже Гетти?...

Да, конечно, и Гетти, потому-что насчетъ Гетти Артуръ былъ совершенно покоенъ. Т. е. насчетъ того, что́ было въ прошломъ, онъ еще не совсѣмъ успокоился: у него и теперь горѣли уши всякій разъ, какъ онъ вспоминалъ свою сцену съ Адамомъ въ рощѣ, въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ; но онъ

былъ покоенъ за ея судьбу въ настоящемъ. Мистеръ Ирвайнъ, которой былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ, и въ своихъ письмахъ сообщалъ ему всѣ гейслопскія новости, писалъ ему мѣсяца три тому назадъ, что Адамъ Бидъ женится, но не на Мэри Бурджъ, какъ всѣ думали, а на хорошенькой Гетти Соррель. Мартинъ Пойзеръ, да и самъ Адамъ, говорили ему, Мистеру Ирвайну, что вотъ уже два года, какъ Адамъ страстно влюбленъ въ Гетти, и что теперь свадьба назначена въ мартѣ. У этого богатыря Адама сердце оказалось нѣжнѣе, чѣмъ думалъ онъ, ректоръ: это была настоящая идиллія и, если-бы распространяться въ письмѣ не было такой скучной матеріей, онъ описалъ бы, какъ этотъ честный парень, безпрестанно краснѣя, робко и просто повѣдалъ ему свою тайну. Мистеръ Ирвайнъ былъ увѣренъ, что Артуръ отъ души порадуется счастью Адама.

Еще-бы! Артуръ почувствовалъ, что ему не хватаетъ воздуха въ комнатѣ, что онъ воскресъ къ новой жизни, когда прочелъ это мѣсто письма. Онъ распахнулъ окна, выбѣжалъ на улицу, на холодный зимній воздухъ, и такъ радостно привѣтствовалъ встрѣчныхъ знакомыхъ, какъ будто получилъ извѣстіе о новой побѣдѣ Нельсона. Въ первый разъ съ того дня, какъ онъ пріѣхалъ въ Виндзоръ, онъ испытывалъ приливъ безпричиннаго молодого веселья: гнетъ, давившій его, не существовалъ болѣе; страхъ, не дававшій ему жить, разсѣялся, какъ дымъ. Ему казалось, что теперь онъ даже не питаетъ никакой злобы противъ Адама; что онъ можетъ протянуть ему руку и назвать его другомъ, какъ прежде, не смотря на то тягостное воспоминаніе, отъ котораго у него и теперь горѣли уши. Адамъ ударилъ его и заставилъ прибѣгнуть ко лжи: такія вещи не забываются. Но если Адамъ будетъ къ нему относиться, какъ въ былые, хорошіе дни, онъ готовъ все забыть и сдѣлать Адама своей правой рукой; своимъ главнымъ помощникомъ, какъ онъ всегда мечталъ до этой проклятой встрѣчи. Онъ сдѣлаетъ для Адама даже больше, чѣмъ сдѣлалъ бы прежде, потому-что, конечно, мужъ Гетти имѣетъ на него право, да пусть и сама Гетти почувствуетъ, что она вознаграждена сторицею за все, что ей пришлось выстрадать изъ за него. Впрочемъ, едва ли даже она такъ ужъ сильно страдала, разъ она такъ скоро рѣшилась выйти за Адама.

Теперь вамъ ясно, какое мѣсто занимали Адамъ и Гетти въ панорамѣ, развертывавшейся передъ мысленнымъ взоромъ Артура во время пути. Мартъ уже наступилъ; теперь они скоро поженятся, если уже не женаты. *И теперь-то* дѣйствительно въ его власти сдѣлать очень многое для нихъ. Ахъ, эта прелестная кошечка Гетти! Плутовка и на половину не думала о немъ столько, сколько онъ о ней... Онъ и до сихъ поръ дѣлался дуракомъ, когда думалъ о ней; онъ почти боялся

встрѣтиться съ ней, мало того: съ того дня, какъ они разстались, онъ даже ни разу не взглянулъ ни на одну женщину. Эта прелестная маленькая фигурка, встрѣчавшая его въ рощѣ, эти дѣтскіе, опушенные темными рѣсницами глазки, эти нѣжныя губки, протягивающіяся для поцѣлуя,—все это нисколько для него не померкло, хотя протекли мѣсяцы со дня ихъ разлуки. Она всегда будетъ для него прежнею Гетти. Онъ даже представить себѣ не могъ, какъ они встрѣтятся; онъ чувствовалъ, что будетъ дрожать. Странно, однако, какъ прочны подобныя впечатлѣнія, потому-что теперь-то, конечно, онъ въ нее не влюбленъ: все это время онъ только и мечталъ, чтобы она вышла за Адама, и мысль о томъ, что мечты его сбылись, дѣлала его совершенно счастливымъ, это просто сила воображенія заставляла сердце биться сильнѣе, при мысли о ней. Когда онъ увидитъ эту маленькую фигурку въ ея будничной обстановкѣ, женою Адама, за какою-нибудь прозаической работой въ ея новомъ хозяйствѣ, онъ, можетъ быть, удивится, какъ могъ онъ когда-то такъ ее любить. Слава Богу, что все такъ прекрасно уладилось. Теперь у него на рукахъ будетъ достаточно дѣла, чтобы наполнить всю жизнь и не подвергаться больше опасности разыграть дурака.

Какъ пріятно пощелкиваетъ бичъ ямщика! какъ пріятно, удобно развалившись въ каретѣ, быстро катиться мимо англійскихъ пейзажей, которые такъ похожи на наши родныя мѣста, хотя далеко не такъ дороги нашему сердцу! Вотъ городокъ—точь-въ-точь Треддльстонъ,—и даже надъ дверью лучшей таверны красуется, въ видѣ вывѣски, гербъ владѣльца сосѣдняго замка. А вотъ они—поля и изгороди; ихъ близкое сосѣдство съ рыночнымъ городкомъ наводитъ на пріятную мысль о высокой рентѣ. Но дальше мѣстность принимаетъ новый характеръ: лѣса попадаются чаще, и то тамъ, то сямъ на вершинѣ холма—нѣтъ, нѣтъ, да и выглянетъ то красный, то бѣлый барскій помѣщичій домъ; иногда промежъ толстыхъ стволовъ столѣтнихъ дубовъ и вязовъ, уже закраснѣвшихся весенними почками, мелькнутъ высокія трубы или перила широкой террассы. У подошвы холма пріютилась деревенька: крохотная церковь со своею красною черепичною крышей смотритъ даже среди этихъ ветхихъ деревянныхъ домишекъ; вотъ старое кладбище съ покривившимися могильными плитами, обросшими мхомъ. Ничего яркаго, поражающаго, кромѣ румяныхъ дѣтей, провожающихъ широко раскрытыми изумленными глазами проносящійся мимо почтовый экипажъ. Ничего суетливаго и шумнаго, кромѣ лая собакъ неизвѣстной породы. Нѣтъ, Гейслопъ гораздо красивѣе! И никогда не будетъ онъ такъ заброшенъ, какъ эта насчастная деревушка. Каждая ферма, каждый коттеджъ будутъ отдѣланы заново, и путешественники, проѣзжая Россетерской дорогой, будутъ только дивиться на Гейслопъ. Всѣ перестройки будутъ пору-

чены Адаму Биду; теперь Адамъ—компаньонъ Бурджа, но онъ, Артуръ, дастъ ему денегъ, и черезъ годъ, черезъ два, Адамъ можетъ выплатить старику его часть и стать полнымъ хозяиномъ дѣла. Да, тяжелый это былъ годъ въ жизни Артура,—онъ нехорошо поступилъ съ Гетти; но въ будущемъ онъ все наверстаетъ. Многіе на его мѣстѣ сохранили бы злобное, мстительное чувство противъ Адама; но *онъ* готовъ все забыть: онъ не допуститъ себя до такой мелочности; къ тому же, что́ тамъ ни говори, а онъ все-таки виноватъ, и хотя Адамъ былъ грубъ и дерзокъ, и задалъ ему очень тяжелую дилемму,—бѣднягу можно извинить: вѣдь, онъ былъ вызванъ на это и притомъ былъ влюбленъ. Нѣтъ, нѣтъ, въ душѣ Артура ни къ кому не было злобы: онъ любилъ все человѣчество, весь міръ; онъ самъ былъ счастливъ и хотѣлъ, чтобы всѣ кругомъ были такъ же счастливы, какъ и онъ.

А, вотъ и онъ, наконецъ, милый старый Гейслопъ! Дремлетъ себѣ на холмѣ, какъ старикъ, пригрѣтый лучами весенняго солнышка. Прямо насупротивъ нависли высокіе гребни Бинтонскихъ холмовъ; подъ ними тянется темно-пурпурная полоса заповѣднаго лѣса. А вотъ и блѣдный фасадъ стараго аббатства, выглядывающій изъ-за дубовъ парка, какъ будто въ нетерпѣніи поскорѣе увидѣть молодого наслѣдника. „Бѣдный дѣдъ! лежитъ тамъ мертвый! А, вѣдь, когда-то и онъ былъ молодымъ, и онъ, сдѣлавшись здѣсь полнымъ хозяиномъ, мечталъ и строилъ планы. Вотъ она—жизнь человѣческая! Навѣрно тетя Лидія очень горюетъ, бѣдняжка! Но я позабочусь о ней, я буду съ ней няньчиться не меньше, чѣмъ она няньчится со своей собачкой Фидо“.

Въ замкѣ давно уже съ нетерпѣніемъ прислушивались, не ѣдетъ ли Артуръ, потому что была уже пятница, а съ похоронами и такъ запоздали на цѣлыхъ два дня. Не успѣла еще карета въѣхать на усыпанный гравелемъ дворъ, какъ вся дворня выстроилась у крыльца; молодого наслѣдника встрѣтили почтительно, но безмолвно и съ серьезными лицами, какъ это подобало въ домѣ, гдѣ еще лежалъ покойникъ. Случись это мѣсяцемъ раньше, быть можетъ, въ день пріѣзда Артура и вступленія его во владѣніе всѣмъ этимъ людямъ было бы трудно сохранить на своихъ лицахъ, приличное случаю, грустное выраженіе. Но теперь у каждаго было тяжело на душѣ независимо отъ того, что умеръ ихъ старый баринъ, и многіе, какъ напримѣръ мистеръ Крегъ, были-бы рады очутиться гдѣ-нибудь за двадцать миль, зная, какая участь ждетъ Гетти Соррель,—хорошенькую Гетти Соррель, къ которой всѣ такъ привыкли въ замкѣ. Слуги Гейслопскаго замка, какъ и всѣ старые слуги, очень дорожили своими мѣстами и далеко не присоединяли своего голоса къ тому строгому приговору, какимъ разъ и навсегда осудили молодого хозяина его арендаторы. Но многіе изъ старшихъ слугъ,

состоявшихъ столько лѣтъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пойзерами, невольно чувствовали, что теперь это радостное, долго жданное событіе—вступленіе во владѣніе молодого наслѣдника,—потеряло для нихъ всю свою прелесть.

Артура нисколько не удивили ни эта молчаливая встрѣча, ни грустныя лица слугъ; онъ самъ былъ сильно взволнованъ, когда увидѣлъ ихъ всѣхъ и вспомнилъ, какое положеніе относительно нихъ онъ теперь занимаетъ. Онъ испытывалъ то грустное волненіе, въ которомъ больше радости, чѣмъ печали,—самое пріятное душевное состояніе для человѣка съ добрымъ сердцемъ, когда онъ сознаетъ, что въ его власти удовлетворить своимъ добрымъ стремленіямъ. Сердце Артура сладко замерло въ груди, когда онъ спросилъ: — Ну, что, Мильсъ, какъ тетушка?

Но въ эту минуту мистеръ Байгетъ, юристъ, находившійся въ домѣ со дня смерти стараго хозяина, подошелъ къ Артуру, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, выразить соболѣзнованіе и отвѣтить на всѣ вопросы, и Артуръ вмѣстѣ съ нимъ направился въ библіотеку, гдѣ его ждала тетя Лидія. Миссъ Лидія была единственнымъ человѣкомъ въ домѣ, ничего не знавшимъ о Гетти. Къ дочернему горю старой дѣвы не примѣшивалось никакой горечи, кромѣ заботы о распоряженіяхъ на счетъ похоронъ, да о собственной будущей участи, и, какъ это часто случается съ женщинами, она тѣмъ больше оплакивала потерю отца,—человѣка, придававшаго хоть какой-нибудь смыслъ ея жизни,—что внутреннее чувство подсказывало ей, что другіе его мало жалѣютъ.

Артуръ поцѣловалъ ея заплаканное лицо нѣжнѣе, чѣмъ цѣловалъ его когда-нибудь раньше.

— Милая тетя, сказалъ онъ ей ласково, не выпуская ея руки изъ своихъ,—вы понесли тяжелую утрату; вамъ тяжелѣе всѣхъ; скажите же мнѣ, чѣмъ я могу облегчить ваше горе?

— Онъ умеръ такъ внезапно... О, это было ужасно, Артуръ! начала свои изліянія бѣдная тетя Лидія. Артуръ сѣлъ и терпѣливо выслушалъ ее до конца. Когда она, наконецъ, замолчала, онъ сказалъ:

— Теперь я оставлю васъ на четверть часа, милая тетя,— мнѣ нужно пройти къ себѣ въ комнату, а потомъ мы съ вами все хорошенько обсудимъ. Въ моей комнатѣ все приготовлено, Мильсъ? спросилъ онъ стараго слугу, который ждалъ его въ прихожей въ сильномъ волненіи.

— Какъ-же, сэръ, все готово... Тамъ лежатъ письма къ вамъ; я положилъ ихъ на письменный столъ въ вашей уборной.

Войдя въ небольшую комнату, которая носила названіе уборной, но служила ему кабинетомъ и гостиной, Артуръ мелькомъ взглянулъ на письменный столъ и замѣтилъ на немъ нѣсколько писемъ и пакетовъ; но онъ чувствовалъ себя

до такой степени запыленнымъ послѣ долгаго и спѣшнаго пути, что прежде всего ему хотѣлось помыться и переодѣться. Пимъ былъ уже тутъ и все приготовилъ, и вскорѣ Артуръ, съ тѣмъ восхитительнымъ ощущеніемъ свѣжести и бодрости во всемъ тѣлѣ, какое мы испытываемъ только поутру, поднявшись съ постели, вернулся въ первую комнату, чтобы прочесть свои письма. Косые лучи вечерняго солнца били прямо въ окно, и когда Артуръ опустился въ бархатное кресло, ощущая на себѣ его пріятную теплоту, его охватило чувство покоя и благосостоянія,—то отрадное чувство, которое, вѣроятно, испытываетъ каждый изъ насъ теплымъ весеннимъ днемъ въ расцвѣтѣ нашей молодости и здоровья, когда судьба сулила намъ впереди какую-нибудь новую, пріятную перспективу, когда будущее растилалось передъ нами цвѣтущей, веселой равниной, и мы не спѣшили заглядывать въ него, потому что спѣшить было не за чѣмъ, потому что все оно цѣликомъ было наше.

Первое письмо лежало адресомъ кверху: оно было отъ мистера Ирвайна; Артуръ сейчасъ же узналъ его руку. Внизу, подъ адресомъ, стояло: „прошу передать немедленно по пріѣздѣ.“ Письмо отъ мистера Ирвайна... Въ этомъ не было ничего удивительнаго для Артура: вѣроятно, ректору понадобилось сообщить ему что-нибудь раньше, чѣмъ они увидятся Мало-ли какое спѣшное дѣло могло быть къ нему у мистера Ирвайна при существующихъ обстоятельствахъ! Артуръ вскрылъ конвертъ, съ пріятною мыслью о томъ, что скоро онъ увидится со своимъ другомъ.

„Пишу вамъ въ надеждѣ, что вы получите мое письмо тотчасъ же по пріѣздѣ, такъ какъ самъ я въ это время буду въ Стонитонѣ, куда меня призываетъ самый тягостный долгъ, какой когда-либо выпадалъ на мою долю, и я считаю своею обязанностью сообщить вамъ обо всемъ случившемся.

„Я не скажу вамъ ни одного слова упрека: возмездіе, которое падаетъ на васъ, и безъ того велико. Всѣ слова, какія я могъ-бы сказать вамъ въ эту минуту, будутъ слабы и ничтожны въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ я передамъ фактъ.

„Гетти Соррель въ тюрьмѣ, и въ пятницу ее будутъ судить за дѣтоубійство“...

Дальше Артуръ не читалъ... Въ одинъ мигъ онъ былъ на ногахъ, и съ минуту простоялъ, какъ оглушенный громомъ, съ такимъ чувствомъ, какъ будто жизнь оставляетъ его. Но вслѣдъ затѣмъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты, крѣпко сжимая въ рукѣ письмо. Такъ пробѣжалъ онъ корридоръ и въ два прыжка спустился съ лѣстницы въ прихожую. Мильсъ былъ еще тамъ, но Артуръ не замѣтилъ его; онъ пробѣжалъ мимо, какъ будто за нимъ гнались по пятамъ. Старый слуга бросился слѣдомъ за нимъ такъ быстро, какъ только могли не-

сти его ноги: онъ догадался,—онъ зналъ, куда такъ спѣшилъ его молодой баринъ.

Придя въ конюшню, Мильсъ засталъ, что тамъ уже сѣдлаютъ лошадь. Тѣмъ временемъ Артуръ дочитывалъ послѣднія строки письма. Когда ему подали лошадь, онъ сунулъ письмо въ карманъ и только тутъ замѣтилъ встревоженное лицо Мильса.

— Скажите, тамъ, въ домѣ, что я уѣхалъ,—уѣхалъ въ Стонитонъ, проговорилъ онъ глухимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, вскочилъ въ сѣдло и пустилъ лошадь въ галопъ.

ГЛАВА XLV.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Въ тотъ-же вечеръ, передъ самымъ закатомъ, у дверей Стонитонской тюрьмы, прислонившись къ нимъ спиной, стоялъ пожилой джентльменъ и что-то говорилъ выходившему изъ тюрьмы капеллану. Капелланъ простился и ушелъ, а пожилой джентльменъ остался стоять, равнодушно поглядывая на мостовую и задумчиво поглаживая свой подбородокъ, какъ вдругъ вниманіе его было привлечено нѣжнымъ и звучнымъ женскимъ голосомъ, обратившимся къ нему со словами:

— Позвольте васъ спросить, сэръ: можно мнѣ войти въ тюрьму?

Джентльменъ обернулся, но прежде, чѣмъ отвѣтить, съ минуту пристально смотрѣлъ на говорившую.

— Я видѣлъ васъ раньше,—сказалъ онъ наконецъ.—Помните, какъ вы говорили проповѣдь на лужайкѣ, въ деревнѣ Гейслопъ, въ Ломширѣ?

— Да, сэръ, я помню. Не вы-ли тогда проѣзжали верхомъ и остановились меня послушать?

— Да, я. Зачѣмъ вамъ въ тюрьму?

— Мнѣ хотѣлось бы повидать Гетти Соррель, молодую женщину, которую сегодня приговорили къ смерти, и, если мнѣ разрѣшатъ, остаться при ней. Можете вы мнѣ разрѣшить это своею властью, сэръ?

— Да, я—судья и могу добыть вамъ пропускъ. Но развѣ вы знаете заключенную?

— Да, мы съ ней родня: моя родная тетка замужемъ за ея дядей, Мартиномъ Пойзеромъ. Меня здѣсь не было; я была въ Лидсѣ, когда стряслась эта бѣда; я только сегодня пріѣхала въ Стонитонъ. Умоляю васъ, сэръ, ради Отца Нашего небеснаго, пропустите меня къ ней и позвольте мнѣ съ нею остаться.

— Какъ-же вы узнали о приговорѣ, если вы только-что вернулись изъ Лидса?

— Я видѣлась съ дядей послѣ суда. Онъ уже уѣхалъ домой, и бѣдная грѣшница всѣми покинута. Прошу у васъ, какъ милости, сэръ, достаньте мнѣ разрѣшеніе остаться при ней.

— Какъ!? Неужели вы намѣрены остаться здѣсь на ночь? Знаете-ли вы, что осужденная выказала страшную нераскаянность: она даже почти не отвѣчаетъ, когда съ ней говорятъ.

— Ахъ, сэръ, Господь еще можетъ найти путь къ ея сердцу. Не надо медлить.

— Въ такомъ случаѣ, идите; я знаю, что у васъ есть ключъ къ человѣческимъ сердцамъ,—сказалъ пожилой джентльменъ.

Онъ позвонилъ, и дверь отворилась. Очутившись въ тюремномъ дворѣ, Дина сняла шаль и шляпу,—машинально, по привычкѣ, которую она пріобрѣла, когда проповѣдовала, молилась, или навѣщала больныхъ. Когда они вошли въ сторожку привратника, она такъ же машинально положила то и другое на стулъ. Въ ней не было замѣтно волненія, напротивъ,—лицо ея дышало глубокимъ, сосредоточеннымъ спокойствіемъ, какъ будто она отрѣшилась отъ всего земнаго и положилась на помощь Того, Кто всюду невидимо между нами присутствуетъ.

Сказавъ нѣсколько словъ привратнику, судья повернулся къ ней и сказалъ:

— Сторожъ проводитъ васъ въ камеру заключенной и, если вы пожелаете, оставитъ васъ съ нею на ночь; но вамъ не дадутъ свѣчи—это противъ тюремныхъ правилъ. Мое имя полковникъ Тоунлей; если я чѣмъ-нибудь могу вамъ служить, спросите сторожа: онъ вамъ укажетъ, гдѣ я живу. Я тоже принимаю участіе въ Гетти Соррель ради этого славнаго парня, Адама Бида. Въ тотъ день, когда вы говорили проповѣдь въ Гейслопѣ, я случайно встрѣтилъ его и сегодня узналъ на судѣ, хотя онъ очень измѣнился.

— Ахъ, сэръ, не можете-ли вы что-нибудь мнѣ о немъ разсказать? Не знаете-ли, гдѣ онъ живетъ? Горе совсѣмъ сломило моего бѣднаго дядю: онъ потерялъ голову—не могъ даже припомнить, гдѣ живетъ Адамъ Бидъ.

— Близехонько отсюда,—я узналъ отъ мистера Ирвайна. Онъ нанимаетъ комнату надъ лавкой жестяника; первая улица направо, какъ выйдешь изъ тюрьмы. Съ нимъ вмѣстѣ живетъ старикъ—школьный учитель. Однако, прощайте; желаю вамъ успѣха.

— Прощайте, сэръ, благодарю васъ.

Въ то время, какъ Дина, въ сопровожденіи сторожа, проходила тюремнымъ дворомъ, послѣдній торжественный отблескъ заката, озарявшій тюремныя стѣны, дѣлалъ ихъ, казалось, еще мрачнѣе и выше, и на этомъ мрачномъ фонѣ нѣжное, блѣдное лицо подъ квакерскимъ чепцемъ больше чѣмъ когда-либо, походило на бѣлый цвѣтокъ. Сторожъ все

время поглядывалъ на нее искоса, но молчалъ, какъ будто чувствовалъ, что его грубый голосъ прозвучитъ въ ея присутствіи слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ. Когда они вошли въ темный корридоръ, который велъ въ камеру осужденной, онъ высѣкъ огня и сказалъ самымъ вѣжливымъ тономъ:

— Въ камерѣ теперь уже почти темно, но если хотите, я могу немного постоять и посвѣтить вамъ.

— Нѣтъ, другъ, благодарю,—отвѣтила Дина. Лучше я войду къ ней одна.

— Какъ хотите,—сказалъ сторожъ, поворачивая ключъ въ замкѣ и пріотворяя дверь ровно настолько, чтобы пропустить въ нее Дину. Лучъ свѣта отъ его фонаря упалъ въ противуположный уголъ камеры, гдѣ, на соломенномъ тюфякѣ тюремной койки, сидѣла Гетти, обхвативъ руками колѣна и спрятавъ въ нихъ лицо. Казалось, она спала, хотя скрипъ отворившейся двери долженъ былъ бы ее разбудить.

Дверь опять затворилась, и въ камерѣ стало темно, только сверху, сквозь маленькое рѣшетчатое окошко, проходилъ слабый свѣтъ догоравшаго дня; впрочемъ, этого свѣта было достаточно, чтобы различить очертанія предметовъ. Съ минуту Дина стояла, не шевелясь и не рѣшаясь заговорить (она думала, что Гетти, можетъ быть, спитъ) и съ глубокою жалостью смотрѣла на скорченную, неподвижную фигуру, которая была передъ нею. Наконецъ, она тихо окликнула:

— Гетти!

Тѣло Гетти едва замѣтно содрогнулось, какъ отъ слабаго электрическаго толчка, но она не подняла головы. Дина опять заговорила, на этотъ разъ громче, съ едва сдерживаемымъ, глубокимъ волненіемъ:

— Гетти!.. это я, Дина!

Опять все тѣло Гетти слабо затрепетало; не открывая лица, она приподняла голову, какъ будто прислушиваясь.

— Гетти!.. Это я, Дина,—пришла къ тебѣ.

Прошла минута. Робко и медленно Гетти подняла голову и глаза. Два блѣдныя лица смотрѣли одно на другое: одно—съ выраженіемъ дикаго отчаянія, другое—грустнымъ взглядомъ, полнымъ жалости и любви. Дина безсознательно протянула ей руки.

— Развѣ ты не узнаешь меня, Гетти? Развѣ ты забыла меня? Неужели ты думала, что я не приду къ тебѣ... что я брошу тебя въ твоемъ горѣ?

Гетти, не отводя глазъ, смотрѣла ей въ лицо, какъ смотритъ насторожившійся загнанный звѣрь.

— Я останусь съ тобой, Гетти,—я не уйду; я буду съ тобой до конца.

Пока Дина говорила, Гетти медленно приподымалась, потомъ сдѣлала шагъ впередъ и упала ей на грудь.

Долго простояли онѣ такъ—крѣпко обнявшись; ни та, ни

другая не шевелилась. Гетти, безъ всякой опредѣленной мысли, цѣплялась за то, что какъ будто пришло ей на по-

— Это я, Дина,—пришла къ тебѣ.

мощь въ ту минуту, когда она, всѣми покинутая, падала въ черную бездну. Дина испытывала глубокую радость, потому-

что видѣла, что любовь ея будетъ принята съ благодарностью бѣдною погибающей грѣшницей.

Между тѣмъ, въ камерѣ становилось все темнѣй и темнѣй, и когда наконецъ онѣ сѣли на койку, все еще держась за руки, онѣ уже не видѣли другъ друга въ лицо.

Онѣ не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Дина ждала, надѣясь, что Гетти заговоритъ сама; но Гетти сидѣла, какъ и раньше,—въ оцѣпенѣніи безъисходнаго отчаянія, и только крѣпко стискивала руку Дины, да прижималась щекою къ ея лицу. Ей нужна была близость живого человѣческаго существа, но это не спасало ее; она все-таки падала въ темную бездну грѣха.

Дина начинала уже сомнѣваться, сознаетъ-ли Гетти, кто сидитъ рядомъ съ ней. Ей пришло въ голову, что, можетъ быть страхъ и страданія помутили разсудокъ бѣдной грѣшницы. Но въ то-же время внутренній голосъ говорилъ ей, какъ она сама разсказывала впослѣдствіи, что не слѣдуетъ упреждать дѣла рукъ Божіихъ. Всѣ мы всегда спѣшимъ говорить, какъ будто благость Господня не проявляетъ себя съ такою же силой и въ нашемъ молчаніи, какъ будто любовь Его не даетъ себя чувствовать черезъ нашу любовь. Дина не знала, долго-ли онѣ просидѣли такимъ образомъ. Въ каменѣ все больше и больше темнѣло, и, наконецъ, все кругомъ погрузилось во мракъ, и только окно выдѣлялось свѣтлымъ пятномъ на противуположной стѣнѣ. Но Дина все сильнѣе, все глубже ощущала присутствіе Божіе; она чувствовала Бога въ себѣ: не человѣческая,—Божественная жалость билась въ ея сердцѣ и жаждала спасенія этой заблудшей души. Наконецъ, она рѣшилась заговорить и удостовѣриться, насколько Гетти сознаетъ ея присутствіе.

— Гетти,—начала она мягко,—знаешь ты, кто сидитъ подлѣ тебя?

— Да,—отвѣтила Гетти,—это ты,—Дина.

— Помнишь ты то время, когда мы съ тобой жили на Большой Фермѣ? Помнишь тотъ вечеръ, когда я сказала тебѣ, что если тебя посѣтитъ горе, ты можешь разсчитывать на меня, какъ на вѣрнаго друга?

— Помню,—отвѣтила Гетти и прибавила, помолчавъ:—но ты ничего не можешь для меня сдѣлать. Ты не можешь заставить ихъ помиловать меня. Они повѣсятъ меня въ понедѣльникъ,—сегодня пятница...

И, проговоривъ это, Гетти крѣпче прижалась къ ней, содрогаясь всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ, Гетти, конечно я не могу спасти тебя отъ смерти на землѣ. Но развѣ не легче переносить страданіе, когда знаешь, что подлѣ тебя есть существо, которое жалѣетъ и любитъ тебя, съ которымъ ты можешь говорить, которому

можешь открыть свое сердце?., Да, Гетти, вотъ ты жмешься ко мнѣ, ты рада, что я съ тобой.

— Ты не уйдешь, Дина?.. Ты не бросишь меня? Ты все время будешь со мной?

— Да, Гетти, я буду съ тобой. Я останусь съ тобой до конца... Но, Гетти, кромѣ меня, здѣсь, подлѣ тебя, есть еще кто-то.

— Кто?--спросила Гетти испуганнымъ голосомъ.

— Тотъ, Кто былъ съ тобой всѣ эти долгіе дни и часы, когда ты грѣшила и страдала, Кому была извѣстна каждая твоя мысль, Кто видѣлъ, куда ты шла, гдѣ ты проводила ночи, и все, что ты дѣлала и что пыталась скрыть отъ всѣхъ глазъ. И въ понедѣльникъ, когда меня уже не будетъ съ тобой, когда мои протянутыя руки уже не достанутъ до тебя, когда насъ разлучитъ смерть,—Тотъ, Кто теперь невидимо здѣсь присутствуетъ и Кому все извѣстно, будетъ съ тобой. Живы-ли мы, или умерли,—для Него это не дѣлаетъ разницы: мы всегда въ присутствіи Бога.

— О, Дина! неужели никто ничего не сдѣлаетъ для меня? Неужели они повѣсятъ меня въ понедѣльникъ... Все остальное пустяки, лишь-бы позволили жить.

— Бѣдная Гетти! Да, смерть пугаетъ тебя. Я знаю, умирать страшно. Но еслибъ у тебя былъ другъ, который не покинулъ-бы тебя и послѣ смерти, который былъ бы съ тобой въ другомъ, лучшемъ мірѣ,—если бы съ тобой былъ Тотъ, чья любовь неизмѣримо больше моей, для Кого нѣтъ невозможнаго? Если бы другомъ твоимъ былъ Отецъ нашъ Небесный и хотѣлъ бы спасти тебя отъ грѣха и страданій,—такъ, чтобы уже никогда ты не знала ни дурныхъ мыслей, ни горя? Если бы ты могла повѣрить, что Онъ любитъ тебя и хочетъ придти тебѣ на помощь, какъ ты вѣришь, что я тебя люблю и хочу тебѣ помочь,—вѣдь тебя не такъ пугала-бы мысль о томъ, что ты должна умереть въ понедѣльникъ?

— Но я не могу этому вѣрить,—сказала Гетти съ мрачнымъ отчаяніемъ.

— Оттого что ты закрыла для Него свое сердце, пытаясь скрыть правду. Любовь и милосердіе Божіе могутъ все разрѣшить и простить,—и наше невѣжество и нашу слабость, и бремя нашихъ прежнихъ грѣховъ,—все, кромѣ нераскаянности—грѣха, отъ котораго мы сами не хотимъ отрѣшиться. Гетти, ты вѣришь, что я люблю и жалѣю тебя, но если-бы ты не пустила меня къ себѣ, если-бы ты не захотѣла ни смотрѣть на меня, ни говорить со мной, какъ-бы я могла тебѣ помочь? Какъ-бы я могла доказать тебѣ мою любовь и жалость? Не отталкивай-же отъ себя милосердія Божія,—отрѣшись отъ грѣха! Онъ не можетъ простить тебя и благословить, пока въ душѣ твоей живетъ ложь; Его всепрощающая любовь не достигнетъ до тебя, пока ты не откроешь Ему

своего сердца и не скажешь: „прости мнѣ, Господи, великій мой грѣхъ,—спаси меня и помилуй!“ Если ты не сознаешься въ твоей винѣ передъ Богомъ, если не отрѣшишься отъ грѣха, грѣхъ приведетъ тебя къ погибели на томъ свѣтѣ, какъ уже привелъ къ погибели здѣсь, на землѣ, моя бѣдная, бѣдная Гетти. Грѣхъ порождаетъ тьму, страхъ и отчаяніе. Отрѣшись отъ грѣха, и Богъ благословитъ тебя, и тебя осіяетъ свѣтъ небесный. Богъ войдетъ въ твою душу, научитъ тебя, дастъ тебѣ силу и ниспошлетъ миръ твоей душѣ. Отрѣшись-же отъ зла, Гетти, исповѣдуйся въ своемъ грѣхѣ передъ Отцомъ твоимъ Небеснымъ. Станемъ на колѣни, ибо здѣсь невидимо присутствуетъ Богъ.

— Гетти невольно повторила движеніе Дины и опустилась рядомъ съ ней на колѣни. Такъ, все еще держась за руки, простояли онѣ долго въ глубокомъ молчаніи. Потомъ Дина сказала:

— Гетти, мы въ присутствіи Бога: Онъ ждетъ, чтобы ты разсказала Ему всю правду.

Но Гетти молчала. Наконецъ, она заговорила голосомъ, полнымъ мольбы:

— Дина, помоги мнѣ... Я не могу такъ чувствовать, какъ ты... Сердце мое ожесточилось.

Дина крѣпко сжала цѣплявшуюся за нее руку, и вся ея душа вылилась въ молитвѣ:

Іисусъ, Спаситель грѣшниковъ, незримо присутствующій здѣсь! Ты извѣдалъ всю глубину человѣческаго страданія, Ты опускался во мракъ ночи, гдѣ нѣтъ Бога, и изъ груди Твоей вырвался крикъ отчаянія, когда всѣ покинули Тебя. Приди-же, Господи, пожать плоды трудовъ Твоихъ, Твоего предстательства за насъ предъ Отцомъ Твоимъ. Простри десницу Твою,—Ты можешь спасти погибающаго даже въ послѣднюю минуту,—и спаси эту бѣдную грѣшницу. Душа ея окутана тьмой; ее гнетутъ цѣпи грѣха, и она не можетъ двинуться на встрѣчу Тебѣ; она можетъ только чувствовать, что сердце ея ожесточено, и что Ты покинулъ ее. Она—Твое Созданіе, Господи, и въ своей немощи она взываетъ къ тебѣ. Спаситель! это крикъ слѣпца,—Тебя зоветъ этотъ крикъ! Услышь его! Разсѣй окружающій ее мракъ. Взгляни на нее тѣмъ взглядомъ невыразимой любви и печали, который Ты нѣкогда обратилъ на того, кто отрекся отъ Тебя, и сердце ея смягчится!

— Взгляни, Боже вѣчный! Я привожу ее къ Тебѣ, какъ нѣкогда къ Тебѣ приводили недужныхъ и бѣсноватыхъ, и Ты исцѣлялъ ихъ. Вотъ она здѣсь, передъ Тобою. Ею овладѣли слабость и страхъ; но это только страхъ страданій и смерти тѣлесной. Вдохни въ нее Твой Животворный Духъ и вложи ей въ душу иной страхъ—страхъ передъ содѣяннымъ ею грѣхомъ. Отверзи ей очи, дай ей почувствовать присутствіе Бога Живаго, Который все видитъ и знаетъ, для Котораго нѣтъ

ничего сокровеннаго и Который ждетъ, чтобы она обратилась къ Нему, чтобы она здѣсь, сейчасъ-же, исповѣдала Ему свой грѣхъ, моля Его о прощеніи, пока ее не настигъ еще мракъ смерти,—пока минута искупленія не ушла навѣки, какъ вчерашній день, который никогда не вернется.

— Спаситель! есть еще время вырвать эту бѣдную душу изъ вѣчной тьмы. Я вѣрю, вѣрю въ Твою безконечную любовь! Что значатъ *моя* любовь и *моя* молитва передъ Твоими? Я могу лишь поддерживать ее моими слабыми руками, указывать ей моимъ страданіемъ путь ко спасенію. Но Ты,—Ты только дохнешь на мертвую душу, и она возстанетъ отъ безпробуднаго сна смерти.

— Я вижу Тебя, Господи! Вотъ Ты идешь во тьмѣ,—идешь, какъ ясное утро, и несешь съ Собой искупленіе. Я вижу на Твоемъ тѣлѣ знаки Твоихъ страданій, я знаю, знаю,—Ты можешь и хочешь ее спасти! Ты не дашь ей погибнуть навѣки.

— Приди-же, всемогущій Боже! Пусть мертвые услышатъ Твой голосъ! Пусть слѣпые прозрятъ! Пусть эта грѣшная душа почувствуетъ присутствіе Бога и пойметъ, что отъ Него ей никуда не уйти. Пусть она забудетъ всякій страхъ, кромѣ страха передъ грѣхомъ, разлучающимъ ее съ Тобой. Смягчи ожесточенное сердце, отверзи нѣмыя уста, заставь ее воззвать изъ глубины души: „Отецъ! я согрѣшила“!..

— Дина!—воскликнула Гетти съ рыданіемъ, бросаясь ей на шею,—я буду говорить,—я все скажу, ничего не скрывая.

Но она такъ рыдала, что не могла говорить. Дина нѣжно подняла ее съ колѣнъ, посадила на койку и сама сѣла рядомъ. Много прошло времени прежде, чѣмъ стихли рыданія Гетти, и даже послѣ того, какъ она успокоилась, онѣ долго еще просидѣли, не шевелясь и прижавшись другъ къ другу. Наконецъ, Гетти прошептала:

— Я это сдѣлала, Дина... я его зарыла въ лѣсу... ребеночка... Онъ такъ кричалъ!—Я слышала его крикъ даже тогда, когда была уже далеко... Слышала всю ночь... Я и вернулась оттого, что слышала, какъ онъ кричитъ.

Она замолчала; потомъ вдругъ заговорила громко и жалобно.

— Я думала, что, можетъ быть, онъ не умретъ, что, можетъ быть, кто-нибудь его найдетъ. Я не убивала его—я не могла убить сама, своими руками. Я положила его на землю и прикрыла, а когда я вернулась, его уже не было... Ахъ, Дина, я была такъ несчастна! Я не знала, куда мнѣ идти... Я пробовала утопиться, но не могла,.. Я такъ хотѣла утопиться... я старалась заставить себя, и—не могла... Ты знаешь, я убѣжала изъ дому—пошла въ Виндзоръ, къ нему, чтобы онъ позаботился обо мнѣ, но его тамъ уже не было; тогда я не знала, что мнѣ дѣлать. Я не смѣла вернуться домой, я не могла рѣшиться вернуться. Я не посмѣла бы взглянуть въ

глаза людямъ,—всѣ стали бы меня презирать. Нѣсколько разъ я вспоминала тебя, хотѣла идти къ тебѣ: мнѣ казалось, что ты не станешь меня презирать и не будешь жестока ко мнѣ. Мнѣ казалось, что тебѣ я могла бы все разсказать. Но вѣдь тогда и другіе-бы все узнали, а я не могла это перенести. О ттого я и пришла въ Стонитонъ, что думала о тебѣ, и притомъ я такъ боялась, что мнѣ придется просить милостыню, потому что денегъ у меня почти-что не осталось... А иногда мнѣ думалось, что лучше ужъ вернуться на ферму... Охъ, Дина, какъ все это было ужасно! Я была такъ несчастна! Сколько разъ я думала, что лучше-бы мнѣ не родиться на свѣтъ... Кажется, никогда больше я не захотѣла-бы видѣть зеленыхъ полей,— я возненавидѣла ихъ за это время.

Гетти опять замолачала; казалось, воспоминанія прошлаго осилили ее.

— Когда я пришла въ Стонитонъ, мнѣ вдругъ стало страшно, оттого, что я была такъ близко отъ дома. И въ туже ночь родился ребенокъ, хотя я его еще и не ждала. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что я могла бы избавиться отъ него и вернуться домой... Я чувствовала себя такой одинокой и такъ боялась, что мнѣ придется побираться. Это мнѣ придало силы: я одѣлась и встала. Я чувствовала, что должна это сдѣлать, только не знала—какъ. И я подумала, что, можетъ быть, ночью я найду гдѣ-нибудь на лугу глубокую лужу, въ родѣ той... на Зеленой Пустоши. Когда хозяйка ушла, я почувствовала, что теперь у меня хватитъ силы это сдѣлать. Я думала, что избавлюсь отъ всѣхъ моихъ мученій, вернусь домой, и никто никогда не узнаетъ, отчего я убѣжала. Я надѣла шляпу и плащъ и вышла на улицу. Было совсѣмъ темно; ребенка я несла подъ плащемъ. Я шла очень скоро и, отойдя подальше, зашла въ одну таверну и поѣла горячаго съ хлѣбомъ. Я шла все дальше и дальше и не чувствовала земли подъ ногами. Ночь стала свѣтлѣе, потому что взошелъ мѣсяцъ. Ахъ, Дина, какъ я испугалась, когда онъ взглянулъ на меня изъ-за тучъ! Прежде онъ никогда на меня такъ не смотрѣлъ. Я свернула съ дороги и пошла по полямъ, потому-что боялась съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Потомъ я увидѣла копну сѣна и подумала, что мнѣ будетъ здѣсь хорошо устроиться на ночь. Въ одномъ мѣстѣ сѣно было примято; я его немного поправила и легла. Ребенокъ лежалъ подлѣ меня, и ему было тепло. Должно-быть, я долго спала, потому что, когда я проснулась, уже свѣтало, и ребенокъ кричалъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня былъ лѣсъ, и я подумала, что вѣрно, я найду въ немъ лужу или канаву съ водой... Было еще очень рано, и я могла успѣть бросить ребенка и далеко уйдти прежде, чѣмъ люди проснутся. Я думала о томъ, что вотъ, можетъ-быть, скоро буду дома, что кто-нибудь подвезетъ меня по дорогѣ, а тамъ, дома, я имъ скажу, что я ушла искать мѣста,

но нигдѣ не нашла. Мнѣ такъ хотѣлось, Дина, такъ хотѣлось быть дома и ничего не бояться! Не знаю, что я чувствовала къ ребенку. Мнѣ казалось, что я его ненавижу,—онъ камнемъ висѣлъ у меня на шеѣ, а между тѣмъ его крикъ разрывалъ мое сердце, и я не смѣла взглянуть на его личико и на ручки... Я вошла въ лѣсъ, весь его обошла, но воды нигдѣ не было...

Гетти содрогнулась всѣмъ тѣломъ и замолчала. Минуту спустя, она опять заговорила, но теперь уже шепотомъ.

— Я пришла къ одному мѣсту, гдѣ была куча мху и щепокъ... Я сѣла на пень и стала думать, что мнѣ дѣлать. Вдругъ я увидѣла подъ орѣшникомъ ямку и подумала: точно дѣтская могилка. И въ головѣ у меня блеснуло, какъ молнія, положить туда ребенка и прикрыть его мхомъ и щепками; убить его иначе я не могла. Въ одну минуту все было сдѣлано. Ахъ, Дина, какъ онъ кричалъ! я не могла совсѣмъ его зарыть... я думала: можетъ быть, кто-нибудь пройдетъ мимо, возьметъ его, и онъ не умретъ. Я бѣгомъ побѣжала изъ лѣсу, но его крикъ все время раздавался въ моихъ ушахъ, и когда я уже была на полѣ, я почувствовала, что ни шагу не сдѣлала дальше, точно меня кто держалъ... Я хотѣла уйти и не могла... Я присѣла у копны и стала ждать, не пройдетъ-ли кто-нибудь мимо. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть; у меня не было съ собой ничего, кромѣ куска хлѣба, но я все-таки не могла рѣшиться уйти. Прошло очень много времени, я думаю нѣсколько часовъ; наконецъ, на дорогѣ показался человѣкъ въ рабочей курткѣ; онъ такъ пристально на меня посмотрѣлъ, что я испугалась и поскорѣе пошла въ другую сторону. Я подумала, что онъ, вѣрно, пойдетъ въ лѣсъ и найдетъ ребенка. Я шла прямо, пока не дошла до деревни,—очень далеко отъ лѣса; я была страшно измучена и голодна. Здѣсь я поѣла и купила хлѣба, но останавливаться боялась. Я все слышала крикъ ребенка,—мнѣ казалось, что всѣ его слышатъ, и я пошла дальше. Но я была такая усталая, а на дворѣ темнѣло... Наконецъ, у самой дороги я увидѣла ригу, — кругомъ нигдѣ не было видно жилья,—точно наша Гейслопская рига въ барской усадьбѣ... и я подумала: войду я туда, спрячусь въ солому, и никто меня не не найдетъ. Я вошла; въ ригѣ были снопы и много соломы, чуть не подъ самую крышу. Я забралась на солому какъ можно подальше и легла... Я была страшно измучена и думала—вотъ я сейчасъ засну, но я все слышала крикъ ребенка... Ахъ, этотъ ужасный крикъ! Онъ не давалъ мнѣ забыться, и мнѣ все казалось, что сейчасъ придетъ тотъ человѣкъ, который видѣлъ меня на дорогѣ, и арестуетъ меня. Но подъ-конецъ я, должно быть, уснула и долго проспала, потому что, когда я встала и вышла изъ риги, я не могла понять, вечеръ ли на дворѣ, или утро. Но было утро, потому что становилось все свѣтлѣе, и я пошла назадъ, по дорогѣ,

по которой пришла. Меня точно что-то тянуло въ ту сторону, Дина; въ ушахъ у меня все звенѣлъ крикъ ребенка, и я шла, хотя боялась до смерти. Я была увѣрена, что человѣкъ въ курткѣ опять увидитъ меня и догадается, кто закопалъ ребенка. Но я все-таки шла. Я уже не думала возвратиться домой,—въ головѣ у меня какъ будто помутилось. Я ничего не видѣла передъ собой; я видѣла только то мѣсто въ лѣсу, гдѣ закопала ребенка... Я вижу его теперь. О, Дина! неужели я его всегда буду видѣть?!

Гетти вся вздрогнула и крѣпче прижалась къ Динѣ. Долго длилось молчаніе; наконецъ, она заговорила опять:

— Я никого не встрѣтила, потому-что было еще очень рано, и вошла въ лѣсъ.,. Я помнила дорогу къ тому мѣсту—подъ орѣшиной... Съ каждымъ шагомъ я слышала, какъ онъ кричитъ все громче и громче... Я думала—онъ еще живъ... Не знаю, боялась-ли я этого, или была рада. Не знаю, что я чувствовала; знаю только, что я была въ лѣсу и слышала его крикъ. Не знаю, что со мной было, пока я не увидѣла, что ребенка тамъ уже нѣтъ. Когда я его туда положила, я думала, что буду рада, если его найдутъ, и онъ не умретъ; но когда я увидѣла, что его нѣтъ, я до смерти испугалась. Мнѣ даже въ голову не пришло убѣжать; я не могла сдвинуться съ мѣста, такая на меня напала слабость... Я поняла, что мнѣ никуда не уйти, и что всякій, кто увидитъ меня, узнаетъ все про ребенка. Все во мнѣ точно окаменѣло, въ головѣ не было ни мысли, ни желанія; мнѣ казалось, что я буду вѣчно сидѣть на этомъ мѣстѣ и что ничто никогда не измѣнится. Но они пришли и взяли меня.

Гетти умолкла, но она вся дрожала, какъ будто хотѣла сказать еще что-то и не рѣшалась. Дина ждала, да она и не могла еще говорить: сердце ея было слишкомъ полно, и слезы должны были придти прежде словъ. Наконецъ, Гетти вскрикнула съ рыданіемъ:

— Дина, неужели и теперь, когда я все сказала, я буду все-таки слышать этотъ крикъ и видѣть это мѣсто въ лѣсу.

— Помолимся, бѣдная грѣшница!—станемъ на колѣни и помолимся милосердому Богу.

ГЛАВА XLVI.

ЧАСЫ НЕИЗВѢСТНОСТИ.

Въ воскресенье утромъ, когда Стонитонскіе колокола звонили къ обѣднѣ, Бартль Масси, куда-то ненадолго выходившій, вернулся на вышку Адама и сказалъ:

— Адамъ, тамъ кто-то тебя спрашиваетъ.

Адамъ сидѣлъ спиною къ двери; онъ вздрогнулъ и быстро

обернулся; лицо его горѣло, въ глазахъ былъ тревожный вопросъ. Онъ еще болѣе похудѣлъ и осунулся съ тѣхъ поръ, какъ мы его видѣли, но сегодня онъ выбрился и умылся.

— Что-нибудь новое? спросилъ онъ съ тревогой.

Дина Морисъ у Адама.

— Не волнуйся, мой мальчикъ, не волнуйся, сказалъ Бартль: — это не то, что ты думаешь; тамъ пришла изъ тюрьмы молодая женщина-методистка. Она внизу; говоритъ, что хочетъ тебя видѣть, потому-что имѣетъ что-то тебѣ сообщить по поводу той... осужденной. Она не хотѣла войти

безъ твоего разрѣшенія; она думаетъ, что, можетъ быть, ты предпочтешь выйти къ ней самъ. Нельзя сказать, чтобы эти проповѣдницы всегда отличались такою деликатностью, про бормоталъ мистеръ Бартль себѣ подъ носъ.

— Попросите ее сюда, сказалъ Адамъ.

Онъ стоялъ лицомъ къ двери, и когда Дина вошла и подняла на него свои кроткіе, сѣрые глаза, она сейчасъ-же замѣтила, какъ страшно измѣнился этотъ крѣпкій человѣкъ съ того дня, когда она въ послѣдній разъ видѣла его въ его домѣ. Она взяла его за руку, и ея чистый голосъ дрожалъ, когда она сказала ему:

— Радуйтесь, Адамъ Бидъ: Господь не покинулъ ее.

— Благослови васъ Богъ за то, что вы къ ней пришли, отвѣтилъ Адамъ. — Я еще вчера узналъ отъ мистера Масси, что вы у нея.

Ни тотъ, ни другая не могли сказать ничего больше и молча стояли другъ противъ друга. И даже Бартль Масси, который успѣлъ надѣть свои очки, какъ будто приросъ къ мѣсту и стоялъ, не сводя глазъ съ лица Дины. Однако, онъ опомнился первый; онъ подалъ ей стулъ и сказалъ: „садитесь, сударыня, садитесь“, а самъ отошелъ и сѣлъ на свое всегдашнее мѣсто на койкѣ.

— Благодарю васъ, другъ, я не сяду, отвѣчала Дина; — я очень спѣшу: она просила меня поскорѣй возвращаться. Я пришла, Адамъ Бидъ, чтобы просить васъ придти къ бѣдной грѣшницѣ проститься. Она хочетъ просить васъ простить ей, и лучше будетъ, если вы пойдете сегодня, чѣмъ завтра, когда останется такъ мало времени.

Адамъ весь дрожалъ; онъ опустился на стулъ.

— Этого не будетъ, *не можетъ* быть, проговорилъ онъ;— придетъ отсрочка... быть можетъ, помилованіе. Мистеръ Ирвайнъ говоритъ, что не все еще потеряно; онъ мнѣ сказалъ, чтобы я не терялъ надежды.

— Какое-бы это было счастіе! сказала Дина, и глаза ея наполнились слезами. Ужасно думать, что душа ея такъ скоро предстанетъ на Судъ Божій... Но что бы ни случилось, добавила она,—вы навѣрно не откажетесь придти выслушать то, что лежитъ у нея на сердцѣ, потому что хоть душа ея еще и блуждаетъ во мракѣ и наполнена помыслами о земномъ, но сердце смягчилось: она во всемъ мнѣ созналась и кается въ своемъ грѣхѣ. Ея гордость смирилась,—она жаждетъ свѣта, ищетъ поддержки. Это наполняетъ мое сердце надеждой: мнѣ кажется, что наши братья ошибаются, измѣряя милосердіе Божіе степенью разумѣнія грѣшника. Она хочетъ писать своимъ друзьямъ на Большой Фермѣ и проситъ, чтобы я передала имъ письмо, когда ея не станетъ. А когда я сказала ей, что вы здѣсь, она отвѣчала: „Мнѣ хотѣлось-бы съ нимъ про-

ститься и попросить его, чтобы онъ меня простилъ". Вы придете, Адамъ? Можетъ быть, пойдемъ вмѣстѣ сейчасъ-же?

— Не могу, сказалъ Адамъ. — Я не могу прощаться, пока есть еще надежда. Все сижу здѣсь и жду и прислушиваюсь,— ни о чемъ больше думать не могу... Она не можетъ умереть этой позорной смертью,—я не могу съ этимъ помириться.

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Дина ждала съ терпѣливымъ участіемъ. Такъ прошло съ минуту или двѣ; наконецъ, онъ повернулся къ ней и сказалъ:

— Я приду, Дина... завтра утромъ... если до тѣхъ поръ ничто не измѣнится. Если это должно случиться, я найду въ себѣ силы придти. Скажите ей, что я прощаю ее; скажите, что я приду... передъ концомъ.

— Я не стану настаивать, вѣрно такъ говоритъ вамъ голосъ вашего сердца, сказала Дина. — Прощайте, мнѣ надо спѣшить. Просто удивительно, какъ она привязалась ко мнѣ: ни на минуту не отпускаетъ. Прежде она всегда была ко мнѣ холодна, но теперь несчастіе смягчило ее. Прощайте, Адамъ, да подкрѣпитъ васъ Господь и да пошлетъ Онъ вамъ силы вынести самое худшее.

Дина протянула руку, которую Адамъ, молча, пожалъ.

Бартль Масси хотѣлъ было встать, чтобы помочь ей приподнять тяжелую дверную щеколду, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подойти, она была уже у дверей и, кинувъ ему на ходу своимъ нѣжнымъ голосомъ: „Прощайте, другъ!" спустилась съ лѣстницы легкими шагами.

— Ну, сказалъ Бартль, снимая очки и положивъ ихъ въ карманъ,—ужъ если нельзя на свѣтѣ безъ бабъ, которыя баламутятъ людей, то справедливость требуетъ, чтобы были между ними и такія, которыя приносятъ намъ утѣшеніе; и эта—такая, эта—такая. Жаль, что она методистка; впрочемъ, нѣтъ такой бабы, у которой не было-бы своего гвоздя въ головѣ.

Адамъ въ эту ночь совсѣмъ не ложился; волненіе ожиданія, возраставшее съ каждымъ часомъ, который приближалъ его къ роковой минутѣ, было слишкомъ сильно, и не смотря на всѣ упрашиванья Адама, не смотря на всѣ его обѣщанія вести себя смирно, школьный учитель тоже не спалъ.

— Что мнѣ значитъ, мой милый, какая-нибудь лишняя безсонная ночь? говорилъ Бартль.—Скоро уже я буду спать въ землѣ сномъ непробуднымъ. Позволь-же мнѣ, пока еще можно, раздѣлить съ тобой твое горе.

Долго тянулась эта печальная ночь для Адама. Онъ, то шагалъ на короткомъ пространствѣ маленькой комнатки отъ стѣны до стѣны, то сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Въ комнатѣ не слышно было ни звука, кромѣ тиканья часовъ на столѣ, да шороха перегорающаго угля въ каминѣ, за которымъ тщательно присматривалъ школьный учитель. Мину-

тами волненіе Адама разрѣшалось бурною, безсвязною рѣчью.

— Еслибъ я могъ только что-нибудь сдѣлать, чтобы спасти ее, я принялъ бы какія угодно мученія! Но знать все это и сидѣть сложа руки, — это выше человѣческихъ силъ!.. Сидѣть и думать, что было бы теперь, еслибъ не онъ... О, Боже! вѣдь сегодня мы должны были вѣнчаться!

— Да, да, мой мальчикъ, проговорилъ нѣжно Бартль; — это большое горе, тяжелое горе. Но помни: когда ты думалъ жениться на ней, ты не зналъ, какая у нея натура. Ты не подозрѣвалъ, что она можетъ до такой степени ожесточиться въ такое короткое время и сдѣлать то, что она сдѣлала.

— Знаю, знаю, сказалъ Адамъ.—Я думалъ, что у нея любящее, нѣжное сердце, что она не способна солгать ни словомъ, ни дѣломъ. Могъ-ли я думать иначе? Да еслибы не онъ, еслибъ онъ не смутилъ ее своими ухаживаніями, еслибы я женился на ней и окружилъ ее любовью и заботами, она, можетъ быть, никогда бы не сдѣлала ничего дурного. Что за бѣда, еслибъ даже мы жили съ ней несовсѣмъ ладно? Все было-бы пустяки въ сравненіи съ *этимъ*...

— Никогда нельзя знать, парень, никогда нельзя знать, что можетъ случиться. Горе твое теперь слишкомъ живо; понадобится время, — много времени, — чтобы залѣчить твою рану. Но я всегда былъ хорошаго мнѣнія о тебѣ: я увѣренъ, что ты все перетерпишь и станешь опять человѣкомъ. И мы не можемъ предвидѣть, что выйдетъ изъ всего этого.

— Что же еще изъ этого можетъ выйти! воскликнулъ съ гнѣвомъ Адамъ. — Чтобы ни вышло, для нея это ничего не измѣнитъ; *она* должна умереть. Терпѣть не могу этой манеры во всемъ находить утѣшеніе. Лучше-бы сдѣлали люди, еслибы поняли наконецъ, что сдѣланное зло ничѣмъ не поправишь. Когда человѣкъ испортилъ жизнь своему ближнему, онъ не имѣетъ права утѣшать себя мыслью, что изъ этого можетъ выйти добро для другихъ. Ничье благополучіе не сниметъ позора съ *нея* и не спасетъ ее отъ смерти.

— Ну, успокойся, успокойся, мой мальчикъ,—проговорилъ Бартль кроткимъ голосомъ, представлявшимъ странный контрастъ со свойственной ему авторитетной манерой и страстью къ противорѣчію.—Очень можетъ быть, что я говорю глупости; я—старикъ, и давнымъ давно позабылъ, какъ люди волнуются и страдаютъ. Поучать терпѣнію другихъ всегда легко.

— Простите меня, мистеръ Масси, сказалъ Адамъ съ раскаяніемъ въ голосѣ;—я погорячился. Я не долженъ былъ съ вами такъ говорить,—не сердитесь на меня!

— Нѣтъ, нѣтъ, мой мальчикъ, я не сержусь.

Ночь прошла въ мучительномъ волненіи, но первый лучъ холоднаго разсвѣта принесъ съ собою то страшное спокой-

ствіе, которое приходитъ вмѣстѣ съ отчаяніемъ. Скоро уже не будетъ неизвѣстности.

— Теперь пойдемте въ тюрьму, мистеръ Масси, сказалъ Адамъ, когда стрѣлка часовъ подошла къ шести.—Если есть что-нибудь новое, мы тамъ узнаемъ.

На улицахъ уже было движеніе: народъ шелъ все въ одну сторону, къ одной цѣли. Адамъ старался не думать о томъ, куда шли эти люди, то и дѣло обгонявшіе его во время этого короткаго перехода отъ его квартиры къ тюрьмѣ.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда тюремныя ворота затворились за нимъ, и онъ не могъ больше видѣть этой жадной до зрѣлищъ толпы.

Нѣтъ, въ тюрьмѣ не было ничего новаго: ни отсрочки, ни помилованія не пришло.

Адамъ по крайней мѣрѣ полчаса пробылъ на тюремномъ дворѣ, не рѣшаясь послать сказать Динѣ, что онъ пришелъ. Вдругъ онъ услышалъ чей-то голосъ, говорившій: „Телѣга тронется въ половинѣ восьмого“.

Надежды не было: надо идти,—надо сказать ей послѣднее „прости“ передъ вѣчной разлукой.

Десять минутъ спустя Адамъ былъ у дверей камеры. Дина прислала ему сказать, что она не можетъ выйти къ нему,— она ни на минуту не можетъ оставить Гетти; но Гетти готова его принять.

Когда онъ вошелъ, онъ не сразу увидѣлъ ее: волненіе парализовало въ немъ всѣ внѣшнія чувства, и ему показалось, что въ камерѣ совершенно темно. Когда дверь за нимъ затворилась, онъ простоялъ съ минуту, ошеломленный и весь дрожа.

Но мало по малу онъ сталъ привыкать къ полутьмѣ и разсмотрѣлъ темные глаза, опять глядѣвшіе на него, но теперь безъ улыбки. Господи, какъ они были печальны! Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ ихъ въ тотъ день, когда прощался съ нею, съ сердцемъ, полнымъ любви, радости и надежды; тогда они улыбались ему сквозь слезы съ милаго, розоваго дѣтскаго личика. Теперь лицо это было точно изъ мрамора; нѣжныя губки судорожно подергивались — блѣдныя, полуоткрытыя; прелестныя ямочки пропали, а глаза... Самое ужасное было то, что они были такъ похожи на глаза Гетти! Это были *ея* глаза, смотрѣвшіе на него съ такою безнадежною скорбью, какъ будто она воскресла изъ мертвыхъ и пришла разсказать ему о своихъ страданіяхъ.

Она крѣпко прижималась къ Динѣ, какъ будто въ ней одной была вся сила и надежда, какія у нея еще оставались, а жалость и любовь, сіявшія на лицѣ Дины, казались видимымъ залогомъ невидимаго искупленія и прощенія.

Когда глаза ихъ встрѣтились, когда Адамъ и Гетти взглянули другъ на друга, она тоже замѣтила въ немъ страшную

перемѣну, и это еще усилило ея страхъ. Въ первый разъ Гетти видѣла человѣческое лицо, на которомъ, какъ въ зеркалѣ, отразились ея собственныя страданія. Адамъ стоялъ передъ ней воплощеніемъ ужаснаго прошлаго и ужаснаго будущаго. Взглянувъ на него, она стала дрожать еще сильнѣе.

— Заговори съ нимъ, Гетти, сказала ей Дина. — Разскажи ему все, что у тебя на сердцѣ.

Гетти повиновалась, какъ ребенокъ.

— Адамъ, мнѣ очень больно... Я дурно поступила съ вами... Простите меня... прежде, чѣмъ я умру.

Адамъ отвѣтилъ съ рыданіемъ:

— Я прощаю тебя, Гетти,—давно простилъ.

Въ первую минуту, когда онъ увидѣлъ ее, когда онъ встрѣтилъ этотъ скорбный взглядъ ея глазъ, онъ думалъ, что мозгъ его не выдержитъ, что онъ сойдетъ съума отъ муки; но звукъ ея голоса, произносившаго слова покаянія, затронулъ въ его сердцѣ струну, которая была не такъ сильно натянута: онъ почувствовалъ какъ-бы облегченіе страданія, которое становилось невыносимымъ, и слезы брызнули изъ его глазъ, — рѣдкія слезы: онъ ни разу не плакалъ съ тѣхъ поръ, какъ разрыдался на груди Сета въ самомъ началѣ своего горя.

Гетти сдѣлала невольное движеніе къ нему: ей возвращалась частица той любви, которою нѣкогда она была окружена... Не выпуская руки Дины, она подошла къ Адаму и робко сказала:

— Не поцѣлуете-ли вы меня еще разъ, Адамъ, не смотря на все зло, которое я вамъ сдѣлала?

Адамъ взялъ протянутую ему исхудалую блѣдную ручку, и они дали другъ другу торжественный поцѣлуй вѣчной разлуки.

— Скажите *ему*, продолжала Гетти болѣе твердымъ голосомъ,—потому что никто, кромѣ васъ, ему не скажетъ,—скажите ему, что я пошла къ нему, но не могла его найти, и что я возненавидѣла его и прокляла; но Дина говоритъ, что я должна ему простить... и я стараюсь... потому-что иначе и меня Господь не проститъ.

Въ эту минуту у дверей послышался шумъ; ключъ повернулся въ замкѣ, и когда дверь отворилась, Адамъ, какъ въ туманѣ, увидѣлъ входившихъ людей. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы разсмотрѣть, кто были эти люди,—онъ даже не замѣтилъ между ними мистера Ирвайна. Онъ понялъ, что начинаются послѣднія приготовленія, и что ему нельзя оставаться. Вошедшіе молча передъ нимъ разступились, и онъ вернулся въ свою печальную комнату, предоставивъ Бартлю Масси присутствовать при концѣ.

ГЛАВА XLVII.

ПОСЛѢДНЯЯ МИНУТА.

Это была такая картина, что многіе помнили ее лучше, чѣмъ свои собственныя горести и напасти,—картина свѣтлаго утра, когда толпа народа, ожидавшая появленія роковой телѣги, увидѣла, какъ она медленно приближалась съ двумя, сидѣвшими въ ней, молодыми женщинами, къ отвратительному прообразу измышленной людьми внезапной, насильственной смерти.

Весь Стонитонъ уже слышалъ о Динѣ Моррисъ, молодой методисткѣ, склонившей нераскаянную преступницу къ полному сознанію, и народъ толпился столько-же ради нея, какъ и ради несчастной Гетти.

Но Дина не замѣчала этого стеченія народа. Когда Гетти, увидѣвъ вдали огромную толпу, судорожно прижалась къ ней, она сказала:

— Закрой глаза, Гетти, и повторяй за мной молитву.

И въ то время, какъ телѣга медленно подвигалась впередъ среди глазѣвшихъ на нее любопытныхъ, она молилась тихимъ голосомъ, но безустанно и напряженно, выливая всю свою душу въ этой послѣдней мольбѣ за слабое, дрожащее существо, цѣплявшееся за нее, какъ за единственную ощутимую надежду на любовь и прощеніе.

Дина не знала, что эта безмолвная толпа смотритъ на нее почти съ благоговѣніемъ; она не знала даже, что онѣ уже близко къ роковому мѣсту, какъ вдругъ телѣга остановилась, и она содрогнулась отъ ужаса, услышавъ страшный ревъ толпы, омерзительный для ея ушей, какъ вой демоновъ. Пронзительный крикъ Гетти смѣшался съ этимъ ревомъ, и обѣ женщины прижались другъ къ другу.

Но то не былъ ни вопль проклятія, ни крикъ торжествующей жестокости.

То былъ общій крикъ радости при видѣ всадника, который мчался во весь духъ, прокладывая себѣ путь сквозь толпу. Лошадь, вся въ мылѣ, рвется впередъ, послушная нетерпѣливому пришпориванью. Глаза всадника горятъ безумною радостью: онъ знаетъ то, чего еще никто не знаетъ. Смотрите, онъ что-то держитъ въ рукѣ; онъ машетъ въ воздухѣ какою-то бумагой.

Шерифъ его знаетъ: это Артуръ Доннитoрнъ съ помилованіемъ отъ смерти, котораго онъ добился съ великимъ трудомъ.

ГЛАВА XLVIII.

НОВАЯ ВСТРѢЧА ВЪ ЛѢСУ.

На другой день вечеромъ два человѣка шли съ двухъ противуположныхъ сторонъ къ одному и тому же мѣсту, куда ихъ влекло общее воспоминаніе.

Этимъ мѣстомъ была роща у Доннпторнскаго замка. Вы уже знаете, кто были эти люди.

Утромъ похоронили стараго сквайра; потомъ прочли духовную, и теперь Артуръ, воспользовавшись первой свободной минутой, искалъ уединенія въ прогулкѣ, чтобы взглянуть, наконецъ, прямо въ глаза своему новому будущему и утвердиться въ принятомъ грустномъ рѣшеніи.

Адамъ тоже вернулся изъ Стонитона въ понедѣльникъ вечеромъ и весь день не выходилъ изъ дому, если не считать визита на Большую Ферму, куда онъ ходилъ разсказать о Гетти все то, чего еще не успѣлъ сообщить тамъ мистеръ Ирвайнъ. У нихъ съ Пойзеромъ было рѣшено, что онъ, Адамъ, переѣдетъ туда, куда переѣдутъ они, какъ-бы это ни было далеко. Онъ положилъ отказаться отъ мѣста лѣсничаго, при первой возможности расторгнуть контрактъ съ Джонатаномъ Бурджемъ и устроиться съ Сетомъ и матерью гдѣ-нибудь по близости отъ друзей, съ которыми онъ былъ теперь связанъ однимъ общимъ горемъ.

— Мы съ Сетомъ вездѣ найдемъ работу, сказалъ онъ.—Человѣку, у котораго все его имущество—въ здоровыхъ рукахъ, будетъ вездѣ хорошо; мы съ нимъ начнемъ дѣло сначала. Мать намъ не будетъ помѣхой: когда я вернулся домой, она мнѣ сказала, что пусть ее похоронятъ въ чужомъ приходѣ, что теперь она примирилась съ этой мыслью, если только я думаю, что мнѣ будетъ лучше гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Просто удивительно, какая она сдѣлалась кроткая и сговорчивая въ послѣдніе дни. Можно подумать, что горе смирило ее именно тѣмъ, что очень ужъ оно велико. Намъ всѣмъ будетъ лучше на новомъ мѣстѣ, хотя мнѣ и жаль разставаться кое съ кѣмъ изъ друзей. Но съ вами и съ вашей семьей, мистеръ Пойзеръ, я никогда не разстанусь: общая бѣда насъ породнила.

— Да, парень, отвѣчалъ Мартинъ.—И то ужъ утѣшеніе, что мы не будемъ слышать имени этого человѣка. Боюсь только, что какъ-бы далеко мы ни ушли, люди все-таки когда-нибудь узнаютъ, что въ нашей роднѣ есть ссыльно-каторжные, что мою племянницу чуть-было не повѣсили. Намъ всегда будутъ въ правѣ бросить это въ лицо, да и дѣтямъ нашимъ послѣ насъ.

Этотъ продолжительный визитъ на Большую Ферму такъ взволновалъ Адама, что онъ не могъ даже подумать видѣться

еще съ кѣмъ-нибудь въ этотъ день или приняться за обычныя свои занятія раньше завтрашняго утра. „Но завтра я примусь за работу“, сказалъ онъ себѣ. „Можетъ быть, со временемъ я опять научусь любить свое дѣло; но съ охотой-ли, или безъ охоты, а надо работать“.

Это былъ послѣдній вечеръ, который онъ позволилъ себѣ отдать своему горю: теперь неизвѣстности больше не было, и надо покориться тому, чего нельзя измѣнить. Онъ рѣшилъ не встрѣчаться съ Артуромъ Донниторномъ, если только ему удастся избѣжать этой встрѣчи. У него не было больше порученія къ Артуру отъ Гетти, такъ какъ она сама видѣлась съ нимъ, а Адамъ не полагался на себя; онъ боялся силы своего гнѣва: слишкомъ еще памятны ему были слова мистера Ирвайна: „Вспомните, что вы чувствовали, когда ударили его въ рощѣ“.

Эта мысль объ Артурѣ, какъ и всякая мысль, соединенная съ сильнымъ чувствомъ, безпрестанно возвращалась къ нему, вызывая въ его воображеніи все ту-же картину рощи и того мѣста, гдѣ его охватила безумная ярость, при видѣ двухъ, близко склонившихся другъ къ другу фигуръ подъ зеленымъ сводомъ вѣтвей.

„Сегодня схожу туда въ послѣдній разъ, рѣшилъ онъ“. Мнѣ будетъ полезно хорошенько припомнитъ и перечувствовать все, что я испыталъ, когда ударилъ его. Я тогда же почувствовалъ, какъ это глупо съ моей стороны и какъ безполезно,—почувствовалъ раньше, чѣмъ успѣлъ подумать, что я его убилъ“.

Вотъ какъ случилось, что Артуръ и Адамъ подходили одновременно къ одному и тому-же мѣсту.

Адамъ былъ опять въ своей рабочей курткѣ: вернувшись домой, онъ сейчасъ-же, съ чувствомъ облегченія, сбросилъ свой парадный костюмъ, и еслибы въ эту минуту у него была на плечахъ корзина съ инструментами, его, съ его осунувшимся, блѣднымъ лицомъ, можно было-бы принять за призракъ того Адама Бида, который вошелъ въ рощу въ тотъ агустовскій вечеръ, восемь мѣсяцевъ назадъ. Но корзины съ нимъ не было, и онъ шелъ, не такъ, какъ тогда, выпрямивъ станъ, твердой походкой, зорко оглядывась по сторонамъ; теперь онъ шелъ, заложивъ руки въ карманы и почти не поднимая глазъ отъ земли. Онъ вошелъ въ рощу и остановился предъ огромнымъ, развѣсистымъ букомъ. Онъ хорошо зналъ это дерево; это былъ межевой столбъ, за которымъ кончалась его молодость,—указатель того времени, когда его покинуло одно изъ лучшихъ юношескихъ его чувствъ. Онъ зналъ, что оно никогда уже не вернется. А между тѣмъ, даже теперь, въ душѣ его шевельнулось что-то въ родѣ нѣжности при воспоминаніи о томъ Артурѣ Донниторнѣ, которому онъ такъ вѣрилъ до той самой минуты,

когда остановился у этого самого бука восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Это была нѣжность къ умершему: тотъ Артуръ уже больше не существовалъ.

Вскорѣ вниманіе Адама было привлечено шумомъ приближающихся шаговъ; но дерево стояло на поворотѣ дороги, и онъ не могъ видѣть, кто идетъ, до тѣхъ поръ, пока въ двухъ шагахъ передъ нимъ не выросла высокая, стройная фигура въ глубокомъ траурѣ. Оба вздрогнули и молча смотрѣли другъ на друга. Часто, очень часто за послѣднія двѣ недѣли Адамъ представлялъ себѣ эту встрѣчу,—бросалъ въ лицо Артуру слова язвительныя, какъ упрекъ совѣсти, заставлялъ его принять на себя заслуженную долю несчастія, котораго онъ былъ причиной. И такъ-же часто онъ говорилъ себѣ, что лучше-бы этой встрѣчѣ никогда не бывать. Но, представляя себѣ свою встрѣчу съ Артуромъ, онъ всегда видѣлъ Артура такимъ, какимъ встрѣтилъ его въ послѣдній разъ, въ рощѣ,—цвѣтущимъ, беззаботнымъ, съ легкомысленною рѣчью на устахъ,—и лицо, которое онъ увидѣлъ теперь, поразило его выраженіемъ страданія. Адамъ зналъ, что такое страданіе: у него не хватило-бы духу дотронуться до открытой раны грубой рукой. Въ немъ не было теперь ни гнѣва, ни ненависти,—ничего такого, противъ чего ему приходилось бы бороться. Молчаніе было лучше упрековъ... Артуръ заговорилъ первый.

— Адамъ, сказалъ онъ спокойно,—можетъ быть вышло къ лучшему, что мы съ вами встрѣтились. Я хотѣлъ васъ видѣть: хотѣлъ писать вамъ завтра и просить, чтобы вы мнѣ назначили, когда я могу васъ застать.

Онъ замолчалъ; молчалъ и Адамъ.

— Я знаю, что вамъ тяжело меня видѣть, продожалъ Артуръ,—но, вѣроятно, пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ мы опять встрѣтимся.

— Да, сэръ, холодно отвѣтилъ Адамъ;—я завтра-же хотѣлъ вамъ писать, что будетъ лучше, если всякія сношенія между нами прекратятся, и вы возьмете на мое мѣсто кого-нибудь другого.

Артуръ живо почувствовалъ всю суровость этого отвѣта и долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы продолжать.

— По этому-то поводу отчасти я и хотѣлъ васъ видѣть. Я не стану стараться ни смягчить ваше негодованіе противъ меня, ни просить васъ что-нибудь для меня сдѣлать. Я только хотѣлъ васъ спросить, не согласитесь-ли вы помочь мнѣ ослабить, насколько возможно, роковыя послѣдствія прошлаго, котораго нельзя измѣнить. Я хлопочу не о себѣ, а о другихъ. Я знаю, что я могу сдѣлать очень немногое,—что худшія послѣдствія непоправимы; но кое-что можно сдѣлать, и вы можете мнѣ помочь: Согласны вы выслушать меня терпѣливо?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Адамъ послѣ минутнаго колебанія;—я васъ выслушаю, и если могу помочь что-нибудь ула-

дить, я это сдѣлаю. Гнѣвъ ничего не исправитъ,—я въ этомъ убѣдился по опыту.

— Я шелъ въ Эрмитажъ, сказалъ Артуръ.—Не пойдете-ли вы со мной? Тамъ намъ будетъ удобнѣе говорить.

Эрмитажъ не отпирался съ того дня, какъ они въ послѣдній разъ вышли оттуда вдвоемъ; ключъ отъ него лежалъ подъ замкомъ, въ столѣ у Артура. И теперь, когда Артуръ отперъ дверь, они увидѣли подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчей на томъ-же самомъ мѣстѣ; на томъ-же самомъ мѣстѣ стоялъ и стулъ, на которомъ сидѣлъ тогда Адамъ; тамъ-же была и корзинка съ ненужными бумагами, на днѣ которой, какъ сейчасъ-же вспомнилъ Артуръ, лежала розовая шелковая косыночка. Обоимъ было-бы тяжело очутиться въ этомъ мѣстѣ, если-бы осаждавшія ихъ мысли были менѣе тяжелы.

Они сѣли другъ противъ друга, какъ и тогда, и Артуръ сказалъ:

— Я уѣзжаю, Адамъ; я ѣду въ армію.

Бѣдный Артуръ думалъ, что Адамъ будетъ тронутъ этимъ извѣстіемъ и чѣмъ-нибудь—движеніемъ, если не словами,—выразитъ ему свое сочувствіе, но губы Адама были крѣпко сжаты, и лицо оставалось суровымъ попрежнему.

Такъ вотъ, что я хотѣлъ вамъ сказать, продолжалъ Артуръ,—одна изъ причинъ, заставившихъ меня принять это рѣшеніе, то, что я не хочу, чтобы кто-нибудь принужденъ былъ разстаться съ Гейслопомъ и съ роднымъ домомъ изъ-за-меня. Я готовъ сдѣлать все на свѣтѣ,—нѣтъ такой жертвы, на которую-бы я не пошелъ, лишь-бы предотвратить дальнѣйшее зло, какое можетъ пасть на другихъ, благодаря моему... благодаря тому, что случилось.

Слова Артура произвели дѣйствіе, какъ разъ обратное тому, какого онъ ожидалъ. Адаму почудилось въ нихъ слишкомъ легкое отношеніе къ серьезному вопросу,—желаніе утѣшиться сознаніемъ, что онъ, Артуръ, своей жертвой искупаетъ сдѣланное имъ непоправимое зло; а ничто не возбуждало въ Адамѣ такого негодованія, какъ подобная попытка самоутѣшенія. Адамъ былъ настолько-же склоненъ смотрѣть прямо въ глаза труднымъ вопросамъ, насколько Артуръ—отворачиваться отъ нихъ. Къ тому-же въ немъ была доля той чуткой, подозрительной гордости, которая часто подымается въ душѣ бѣдняка въ присутствіи богатаго человѣка. Онъ почувствовалъ, что все его негодованіе возвращается къ нему, и сказалъ:

— Поздно хватились, сэръ. О жертвахъ надо думать тогда, когда онѣ еще могутъ удержать тебя отъ дурного поступка; никакія жертвы не передѣлаютъ того, что уже сдѣлано. Когда чувству человѣка нанесена смертельная обида, его не вылѣчишь милостями.

— Милостями! съ негодованіемъ воскликнулъ Артуръ.—

Какъ вамъ могло придти въ голову, что я *объ этомъ* говорю? Я говорю о Пойзерахъ. Мистеръ Ирвайнъ сказалъ мнѣ, что Пойзеры намѣрены бросить домъ, гдѣ прожило столько поколѣній ихъ предковъ. Неужели же вы не находите, какъ находитъ мистеръ Ирвайнъ, что если-бы была какая-нибудь возможность убѣдить ихъ побороть въ себѣ то чувство, которое ихъ гонитъ отсюда, для нихъ въ концѣ-концовъ было-бы лучше всего остаться на старомъ мѣстѣ, среди старыхъ друзей и сосѣдей?

— Да, это правда,—холодно отвѣтилъ Адамъ.—Но не такъ-то легко бываетъ, сэръ, иногда побороть свое чувство. Конечно, Мартину Пойзеру будетъ тяжело на новомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей: вѣдь онъ родился и выросъ на Большой Фермѣ, какъ и отецъ его, но для такихъ людей, какъ они, было-бы еще тяжелѣе остаться. Я не вижу, что тутъ можно уладить. Бываютъ обиды, сэръ, которыхъ нельзя искупить.

Нѣсколько минутъ Артуръ молчалъ. Вопреки всѣмъ добрымъ чувствамъ, преобладавшимъ въ его душѣ въ этотъ вечеръ, гордость его была уязвлена обращеніемъ съ нимъ Адама. Да развѣ самъ онъ не страдалъ? Развѣ не отказывался и онъ тоже отъ самыхъ дорогихъ своихъ надеждъ? Теперь было то-же, что и восемь мѣсяцевъ тому назадъ: Адамъ какъ-будто хотѣлъ заставить Артура сильнѣе почувствовать всю непоправимость его вины. Онъ боролся съ нимъ оружіемъ, глубже всякаго другого уязвлявшимъ его пылкую, живую натуру. Но гнѣвъ его скоро потухъ, смиряясь передъ тѣмъ-же вліяніемъ, которое недавно смирило и Адама,—передъ выраженіемъ страданія на знакомомъ, нѣкогда миломъ лицѣ. Минутная борьба разрѣшилась сознаніемъ, что онъ, Артуръ, долженъ все стерпѣть отъ Адама, который столько изъ за него выстрадалъ. Тѣмъ не менѣе, въ голосѣ его слышался оттѣнокъ дѣтской досады, когда онъ сказалъ:

— Да, но мы только усугубляемъ зло своимъ неразумнымъ къ нему отношеніемъ, повинуясь голосу страсти и удовлетворяя ее въ настоящемъ, вмѣсто того, чтобы подумать, къ чему это приведетъ въ будущемъ... Если-бы я еще оставался здѣсь распоряжаться хозяйствомъ,—горячо продолжалъ онъ, помолчавъ;—если-бы я отнесся легкомысленно, равнодушно, къ тому, что я сдѣлалъ... къ несчастію, котораго а былъ причиной,—вы имѣли-бы хоть какое-нибудь извиненіе, Адамъ, въ вашемъ желаніи уйти и въ вашихъ страданіяхъ склонить къ тому-же и другихъ. Вамъ было-бы простительно тогда стараться ухудшить зло новымъ зломъ. Но когда я говорю вамъ, что я уѣзжаю совсѣмъ, когда вы знаете, что значитъ для меня такое рѣшеніе, разбивающее всѣ мои лучшія мечты и надежды,—не можетъ быть, чтобы вы такой умный, здравомыслящій человѣкъ,—могли думать, что существуетъ хоть сколько нибудь разумная причина, по которой Пойзеры должны-бы

отказаться остаться. Я знаю ихъ понятія о чести: мистеръ Ирвайнъ мнѣ все сказалъ; тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что ихъ можно было-бы убѣдить, доказать имъ, что они не понесли никакого безчестія въ глазахъ своихъ сосѣдей, и что ничто не мѣшаетъ имъ остаться. Но для этого необходимо, чтобы вы согласились помочь ему въ его усиліяхъ,– чтобы вы остались на вашемъ мѣстѣ лѣсничаго.

Артуръ помолчалъ и затѣмъ продолжалъ еще горячѣе.

— Вы сами знаете, что, оставаясь на этомъ мѣстѣ, вы можете быть полезны не одному только владѣльцу земли. И — какъ знать?—можетъ быть у васъ скоро будетъ новый, болѣе достойный хозяинъ, на котораго вы станете работать охотно. Если я умру, мой двоюродный братъ Траджеттъ приметъ мое имя и будетъ моимъ наслѣдникомъ. Онъ славный малый.

Адамъ былъ тронутъ: въ этихъ словахъ,—онъ не могъ этого не почувствовать,—слышался голосъ того честнаго, добраго Артура, котораго онъ такъ любилъ когда-то и которымъ гордился. Но воспоминанія недавняго прошлаго брали надо всѣмъ перевѣсъ. Онъ молчалъ; но Артуръ уже прочелъ на лицѣ его отвѣтъ, заставившій его продолжать еще настойчивѣе:

— А потомъ, если-бы вы поговорили съ Пойзерами,—обсудили-бы сперва все хорошенько съ мистеромъ Ирвайномъ (онъ завтра хотѣлъ видѣться съ вами), а тамъ постарались-бы вдвоемъ ихъ убѣдить... Конечно, я знаю, что они не захотѣли-бы принять отъ меня никакой милости,—ничего подобнаго я и не имѣю въ виду, но я увѣренъ, что въ концѣ-концовъ имъ будетъ легче, если они останутся здѣсь. Ирвайнъ тоже такъ думаетъ. Онъ беретъ на себя верховный надзоръ за имѣніемъ,— онъ уже согласился. Значитъ, въ сущности, они будутъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, котораго любятъ и уважаютъ. То-же самое можно сказать и о васъ, Адамъ; и только одно желаніе причинить мнѣ новое горе можетъ заставить васъ уйти.

Артуръ опять замолчалъ и черезъ минуту прибавилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я знаю одно: я никогда не поступилъ-бы такъ съ вами. Будь я на вашемъ мѣстѣ, а вы на моемъ, я постарался-бы помочь вамъ уладить все къ лучшему, насколько это возможно.

Адамъ сдѣлалъ было быстрое движеніе, точно хотѣлъ встать, но сдержался и не поднялъ глазъ отъ земли. Артуръ продолжалъ:

— Вѣрно вы никогда въ жизни не дѣлали ничего такого, въ чемъ вамъ пришлось-бы потомъ горько каяться, иначе вы были-бы великодушнѣе: вы поняли-бы, что мнѣ, во всякомъ случаѣ, хуже, чѣмъ вамъ.

Съ этими словами Артуръ всталъ съ оттоманки, подошелъ къ окну и, стоя спиной къ Адаму, заговорилъ страстно:

— Развѣ я ея не любилъ? Развѣ не видѣлъ я ее вчера? Развѣ я не унесу съ собой всюду воспоминаніе о ней, точно такъ-же,

какъ и вы? И развѣ вы бы меньше страдали,—какъ вы думаете?—если *вы* были виновникомъ ея гибели?

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; борьба въ душѣ Адама не могла разрѣшиться такъ скоро. Легковѣсныя натуры, у которыхъ всѣ впечатлѣнія мимолетны, едва-ли поймутъ, какое упорное внутреннее сопротивленіе ему пришлось превозмочь, прежде чѣмъ онъ всталъ съ мѣста и повернулся къ Артуру. Артуръ услышалъ это движеніе, обернулся и встрѣтилъ его грустный, смягчившійся взглядъ. Адамъ сказалъ:

— Вы правы, сэръ; я—человѣкъ жесткій, въ моей натурѣ нѣтъ мягкости. Я былъ суровъ съ отцомъ,—я не прощалъ ему его слабостей. Я былъ всегда со всѣми суровъ—кромѣ *нея*. И теперь мнѣ казалось, что всѣ мало ее жалѣютъ,—такъ я страдалъ за нее, когда я думалъ о томъ, какъ жестоко отнеслись къ ней родные, я говорилъ себѣ, что никогда больше и ни къ кому я не буду суровъ. Но то, что я выстрадалъ за нее, сдѣлало меня, можетъ быть, несправедливымъ по отношенію къ вамъ. Я тоже испыталъ въ жизни, что значитъ раскаяться слишкомъ поздно; когда умеръ отецъ, я почувствовалъ, что былъ къ нему безпощаденъ; я чувствую это и теперь, когда вспоминаю о немъ. Я не имѣю права не прощать человѣку, когда онъ сознаетъ свою вину и кается въ ней.

Адамъ выговорилъ эти слова твердо и отчетливо, какъ человѣкъ, рѣшившійся высказать до конца все, что онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать; но затѣмъ продолжалъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Было время, сэръ, когда я не захотѣлъ пожать руки, которую вы мнѣ протянули; но если-бы вы пожелали пожать мнѣ руку теперь хотя я тогда отказался...

Въ тотъ-же мигъ выхоленная, бѣлая рука Артура очутилась въ широкой ладони Адама, и въ этомъ горячемъ пожатіи оба почувствовали возвратъ стараго, могучаго чувства—привязанности съ дѣтства.

— Адамъ,—сказалъ Артуръ, поддаваясь внезапному порыву принести другу полную исповѣдь, этого никогда-бы не случилось, еслибъ я зналъ, что вы ее любите: это помогло-бы мнѣ устоять отъ соблазна. Я боролся; у меня и въ помышленіи не было сдѣлать ей зло. Потомъ я обманулъ васъ, и изъ этого вышло еще худшее зло, но я думалъ, что иначе я не могу поступить, что это лучшее, что я могъ сдѣлать. И въ томъ письмѣ я ее просилъ дать мнѣ знать, если съ нею случится какая-нибудь бѣда; повѣрьте, что я сдѣлалъ бы для нея все, что могъ. Но я поступилъ дурно съ самаго начала, и вотъ къ чему это привело! Богъ мнѣ свидѣтель, что я съ радостью отдалъ-бы жизнь, если-бы это могло что-нибудь исправить.

Они опять сѣли другъ противъ друга, и Адамъ спросилъ трепетнымъ голосомъ:

— Какая она была, сэръ, когда вы съ ней разставались?

— Лучше не спрашивайте, Адамъ. Минутами, когда я вспоминаю, какъ она на меня смотрѣла и что говорила, мнѣ начинаетъ казаться, что я сойду съума... когда я думаю о томъ, что я не могъ добиться полнаго помилованія,—не могъ спасти ее отъ страшной участи быть сосланной на каторгу, что я ничего не могу для нея сдѣлать всѣ эти годы, и что она можетъ умереть, не извѣдавъ больше ни покоя, ни счастья.

— Ахъ, сэръ,—сказалъ Адамъ, чувствуя въ первый разъ, что собственное его горе блѣднѣетъ передъ его жалостью къ Артуру,—мы съ вами часто будемъ думать объ одномъ и томъ-же, когда будемъ далеко другъ отъ друга. Я буду всегда молиться Богу за васъ, чтобъ Онъ поддержалъ васъ въ вашемъ горѣ, какъ я молюсь за себя.

— Съ нею была эта святая женщина—Дина Моррисъ,—сказалъ Артуръ, продолжая нить своихъ мыслей и не вдумываясь въ смыслъ того, что говорилъ Адамъ,—она мнѣ сказала, что останется съ нею до послѣдней минуты,—пока ее отошлютъ; бѣдняжка цѣпляется за Дину, какъ за послѣднее свое утѣшеніе и поддержку. Я готовъ боготворить эту женщину; не знаю, что бы я дѣлалъ, если-бы не она. Адамъ, вы ее увидите, когда она пріѣдетъ сюда; вчера я не могъ ничего ей сказать, т. е., что я о ней думаю и какъ я ей благодаренъ. Скажите ей,—продолжалъ Артуръ все быстрѣй и быстрѣй, какъ будто стараясь скрыть овладѣвшее имъ волненіе, и съ этими словами вынулъ изъ кармана свои часы и цѣпочку,—скажите ей, что я прошу ее принять это на память о человѣкѣ, для котораго она вѣчно будетъ источникомъ утѣшенія, когда онъ будетъ думать о... Я знаю, что она не дорожитъ такими вещами ради вещей, но пусть она носитъ эти часы,—мнѣ будетъ пріятно думать, что она ихъ носитъ.

— Я передамъ ей часы, сэръ,—сказалъ Адамъ,—и передамъ ваши слова. Она мнѣ говорила, что пріѣдетъ къ своимъ на ферму.

— И вы *убѣдите* Пойзеровъ остаться, Адамъ? спросилъ Артуръ, возвращаясь къ первоначальному предмету разговора, о которомъ оба забыли въ эти первыя мгновенія сердечныхъ изліяній воскресшей старой дружбы.—И *сами останетесь?* И поможете мистеру Ирвайну въ осуществленіи нашихъ съ нимъ плановъ ремонта построекъ и улучшеній по имѣнію?

— Есть еще одинъ пунктъ, сэръ, котораго вы, можетъ быть, не приняли въ разсчетъ,—отвѣчалъ Адамъ нерѣшительно,—и больше всего меня заставляетъ колебаться именно это. Вотъ видите-ли (это точно такъ-же относится и къ Пойзерамъ, какъ и ко мнѣ), если мы останемся, то, такъ какъ въ этомъ замѣшана наша выгода, со стороны можетъ показаться, что нами руководитъ разсчетъ, что ради своихъ интересовъ мы забыли все остальное. Я знаю, что имъ придетъ это въ го-

лову, да я и самъ не могу вполнѣ отдѣлаться отъ этой мысли. Человѣкъ честный и независимый не любитъ подавать людямъ повода считать его негодяемъ.

— Но изъ тѣхъ, кто васъ знаетъ, Адамъ, никому не придетъ въ голову подобная вещь. Нѣтъ, это еще не причина для того, чтобы изъ двухъ способовъ дѣйствія человѣкъ выбралъ менѣе великодушный и болѣе эгоистичный. Къ тому-же, всѣ будутъ знать,—я позабочусь объ этомъ,—что и вы, и Пойзеры остаетесь по моей просьбѣ,—Адамъ, не прибавляйте мнѣ горя,—я уже и такъ довольно наказанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ,—проговорилъ Адамъ грустно и мягко,—сохрани меня Богъ прибавлять вамъ страданій. Я желалъ этого прежде въ своемъ гнѣвѣ,—я желалъ заставить васъ страдать; но я думалъ тогда, что вы относитесь къ случившемуся съ легкимъ сердцемъ. Я останусь, сэръ, и сдѣлаю все, что могу. Единственная цѣль въ жизни, какая у меня осталась, это—добросовѣстно работать и стараться облегчить жизнь тѣмъ, кого она еще манитъ.

— Ну, значитъ, рѣшено. Теперь, Адамъ, простимся, завтра вы увидитесь съ мистеромъ Ирвайномъ и перетолкуете съ нимъ обо всемъ.

— Развѣ вы такъ скоро ѣдете, сэръ?—спросилъ Адамъ.

— Да, какъ только успѣю сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія. Прощайте, Адамъ. Я буду утѣшаться мыслью, что хоть вы остались на старомъ пепелищѣ.

— Прощайте, сэръ. Храни васъ Богъ!

Еще одно сердечное рукопожатіе, и Адамъ вышелъ изъ Эрмитажа, чувствуя, что ему легче нести свое горе теперь, когда въ сердцѣ его не было ненависти.

Какъ только дверь за нимъ затворилась, Артуръ подошелъ къ корзинѣ съ бумагами и вынулъ изъ нея розовую шелковую косыночку.

Книга шестая.

ГЛАВА XLIX.

НА БОЛЬШОЙ ФЕРМѢ.

Было послѣ обѣда перваго осенняго дня 1801 года. Прошло болѣе восемнадцати мѣсяцевъ съ того дня, когда Адамъ простился съ Артуромъ въ Эрмитажѣ. Солнце заливало яркимъ свѣтомъ дворъ Большой Фермы, и бульдогъ неистово лаялъ и рвался на цѣпи, потому что наступилъ часъ, когда коровъ пригоняли съ поля къ полуденному подою. Неудивительно, что бѣдныя терпѣливыя животныя метались по двору, какъ угорѣлыя, ибо къ устрашающему лаю собаки примѣшивались и другіе, болѣе отдаленные звуки, которые, въ представленіи этихъ робкихъ созданій со свойственною ихъ женскому полу наклонностью къ предвзятымъ мнѣніямъ, тоже имѣли нѣкоторую связь съ ихъ движеніями; эти звуки были: оглушительное щелканье бичей погонщиковъ телѣгъ, горланящіе голоса, какими они понукали своихъ лошадей, и грохотъ телѣгъ, когда, выгрузивъ гору золотистыхъ сноповъ, они съѣзжали порожнемъ съ хлѣбнаго двора.

Мистрисъ Пойзеръ очень любила смотрѣть, какъ доятъ коровъ, и въ этотъ часъ, когда погода была мягкая, она всегда выходила на крыльцо съ вязаньемъ въ рукахъ и подолгу простаивала такимъ образомъ въ спокойномъ созерцаніи, интересъ котораго только обострялся въ ту минуту, когда приступали къ процедурѣ связыванія заднихъ ногъ блудливой рыжей коровѣ, что дѣлалось въ видѣ предупредительно карательной мѣры, такъ какъ эта негодная тварь уже перевернула однажды ногой полный подойникъ драгоцѣннаго молока.

Но сегодня мистрисъ Пойзеръ довольно равнодушно смотрѣла, какъ загоняли скотъ, удѣляя этому зрѣлищу лишь часть своего вниманія, ибо какъ разъ въ это время она была занята весьма оживленнымъ споромъ съ Диной, которая пришивала воротники къ рубахамъ мистера Пойзера, и уже три раза съ удивительнымъ терпѣніемъ отнеслась къ тому обстоятельству, что Тотти оборвала ей нитку. Тотти сидѣла съ ней рядомъ на своемъ высокомъ стульчикѣ и поминутно дергала ее за руку, требуя, чтобы она взглянула на ея „дочку“, т.-е. на большую деревянную куклу, въ очень длинномъ платьѣ,

но безъ ногъ,—чью лысую голову нѣжная маменька усердно цѣловала и прижимала къ своей собственной пухленькой щечкѣ. Дѣвочка подросла на цѣлыхъ два года съ тѣхъ поръ, какъ вы познакомились съ ней. Теперь изъ подъ ея длиннаго фартучка выглядываетъ черное платьице; мистрисъ Пойзеръ тоже вся въ черномъ, и это еще рѣзче выставляетъ фамильное сходство между нею и Диной. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ наружности нашихъ друзей не произошло почти никакой перемѣны, точно такъ же, какъ и въ общемъ видѣ уютной старой кухни, сверкающей попрежнему полированнымъ дубомъ столовъ и свѣтлымъ оловомъ посуды.

— Въ жизнь свою не видывала такой упрямицы, какъ ты, Дина,—говорила мистрисъ Пойзеръ:—разъ ты забрала себѣ что-нибудь въ голову, тебя ничѣмъ не сдвинешь, точно пень съ корнями. Ты можешь говорить, что хочешь, но я никогда не повѣрю, чтобы въ *этомъ* состояла религія. Чему же насъ учитъ нагорная проповѣдь, которую ты такъ любишь читать вслухъ нашимъ мальчикамъ, какъ не тому, чтобы мы дѣлали для другихъ то, что хотимъ, чтобы они дѣлали для насъ? Если-бы тебѣ предъявили какое-нибудь нелѣпое требованіе, въ родѣ того, чтобы ты сняла и отдала послѣднюю рубаху, или подставила лицо для удара, я знаю, ты съ радостью исполнила-бы его; ты упорствуешь только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ томъ, о чемъ тебя просятъ, есть какой-нибудь здравый смыслъ и польза для тебя.

— Да, нѣтъ-же, тетя, милая,—съ улыбкой отвѣчала Дина, не отрываясь отъ работы,—могу васъ увѣрить, что ваше желаніе было-бы для меня достаточной причиной уступить во всемъ, въ чемъ я не видѣла-бы вреда.

— Вреда! Ты положительно выводишь меня изъ терпѣнія. Хотѣла-бы я знать, какой и кому будетъ вредъ, если ты останешься у друзей, которые чувствуютъ себя только счастливѣе, когда ты съ ними, и были-бы рады тебѣ даже въ томъ случаѣ, если-бы твоя работа не окупала съ избыткомъ твоего содержанія, потому-что ѣшь ты, какъ воробей, а одѣваешься, какъ нищая. И любопытно, кому на свѣтѣ обязана ты помогать, кого поддерживать, если не свою плоть и кровь? А вѣдь я тебѣ родная тетка, единственная твоя родня на землѣ, и каждую зиму я стою одной ногой въ гробу... И не жаль тебѣ этого ребенка? взгляни на нее, не жаль подумать, какъ она будетъ плакать, когда ты уѣдешь? Ужъ я не говорю о томъ, что не прошло и года со смерти дѣда, и что дядя будетъ безъ тебя, какъ безъ рукъ, потому что, кто же будетъ за нимъ ухаживать и набивать ему трубку? И это какъ разъ въ ту минуту, когда я уже совсѣмъ было могла сдать тебѣ на руки молочную, когда я положила столько трудовъ, чтобы научить тебя этому дѣлу, когда въ домѣ столько шитья, что придется, чего добраго, брать чужую

дѣвушку изъ Треддльстона, и все это только изъ за того, что тебѣ загорѣлось вернуться въ эту трущобу, гдѣ одни голые камни, и куда не залетаютъ даже вороны, потому что имъ нечѣмъ тамъ поживиться.

— Милая тетя Рахиль,—сказала Дина, взглянувъ въ лицо своей теткѣ,—вы только по своей добротѣ говорите, что я вамъ полезна. Теперь я вамъ въ сущности совсѣмъ не нужна: Нанси и Молли прекрасно справляются съ хозяйствомъ и вы, слава Богу, совершенно здоровы. Дядя тоже оправился отъ своего горя и повеселѣлъ, да и кругомъ у васъ столько добрыхъ друзей и сосѣдей: почти каждый день кто-нибудь заходитъ съ нимъ поболтать. Право, вы легко безъ меня обойдетесь, а въ Сноуфильдѣ мои братья и сестры въ нуждѣ, безъ всякой поддержки и помощи, которыя васъ здѣсь окружаютъ. Я чувствую, что призвана вернуться туда, гдѣ прошли мое дѣтство и юность; меня опять тянетъ къ горамъ, гдѣ я впервые узнала великое счастье приносить слова утѣшенія несчастнымъ и грѣшникамъ.

— Ты чувствуешь, еще-бы!—сказала мистрисъ Пойзеръ, бросая мелькомъ взглядъ на коровъ и сейчасъ-же переводя его на Дину.—У тебя всегда одна причина, когда ты хочешь что-нибудь сдѣлать наперекоръ. Мало, что-ли, тебѣ здѣсь дѣла съ твоими проповѣдями? Развѣ ты не ходишь каждое воскресенье, Богъ тебя знаетъ куда, проповѣдывать и молиться? Мало тебѣ въ Треддльстонѣ твоихъ методистовъ, на которыхъ ты можешь любоваться, сколько твоей душѣ угодно; если ужъ лица церковниковъ слишкомъ хороши, чтобы быть тебѣ по вкусу? Да и въ нашемъ приходѣ развѣ мало людей, которые только тобою и держатся и которые опять продадутъ душу чорту, какъ только ты отъ нихъ отвернешься? Взять хоть бы Бесси Крэнеджъ: я головой ручаюсь, что стоитъ тебѣ уѣхать, и не пройдетъ трехъ недѣль, какъ она опять нацѣпитъ на себя всякихъ финтифлюшекъ, потому что она такъ же мало способна идти безъ твоей поддержки новой дорогой, какъ собака стоять на заднихъ лапахъ, когда на нее не смотрятъ. Впрочемъ, должно быть, души здѣшняго народа цѣнятся на томъ свѣтѣ дешевле, иначе ты осталась бы съ теткой, которая далеко не такъ безгрѣшна, чтобы не могла сдѣлаться лучше.

Тутъ въ голосѣ мистрисъ Пойзеръ почувствовалось нѣчто, чего она не желала обнаруживать передъ своею слушательницей; поэтому она круто повернулась налѣво кругомъ, взглянула на часы и сказала:—однако пора и чай пить. Если Мартинъ еще не ушелъ со двора, онъ будетъ, я думаю, не прочь выпить чашечку. Пойди сюда, Тотти, пойди ко мнѣ, цыпочка, я надѣну тебѣ шляпку: сбѣгай на хлѣбный дворъ; взгляни, тамъ-ли отецъ, и скажи ему, чтобъ шелъ пить чай; да смотри не забудь и про братьевъ.

Дѣвочка пустилась въ припрыжку, причемъ огромныя поля ея шляпы качались въ тактъ ея бѣгу, а мистрисъ Пойзеръ выдвинула дубовый сіяющій столъ и принялась разставлять на немъ чашки.

— Ты говоришь, что эти дѣвчонки Нанси и Молли прекрасно справляются съ своимъ дѣломъ,—продолжала она прерванный разговоръ.—Тебѣ хорошо говорить: Всѣ онѣ на одинъ ладъ: будь у нихъ хоть золотыя руки, на нихъ ни на минуту нельзя положиться; за ними нуженъ глазъ, да глазъ, если хочешь, чтобы все было въ порядкѣ. А представь, если я опять заболѣю, какъ въ позапрошлую зиму, кто за ними присмотритъ безъ тебя? Ужъ я и не говорю о бѣдномъ ребенкѣ, съ ней-то ужъ навѣрно что-нибудь приключится! Или онѣ ее уронятъ въ огонь, или обварятъ кипяткомъ изъ котла, или вообще какъ-нибудь на всю жизнь окалѣчатъ, и все по твоей милости, Дина.

— Тетя,—сказала Дина,—я обѣщаю вамъ вернуться зимой, если вы захвораете. Вы знаете, что я васъ не брошу, если вы будете дѣйствительно нуждаться во мнѣ. Но, право, мнѣ необходимо, для собственнаго моего душевнаго покоя, разстаться съ жизнью, исполненной довольства и роскоши, которую я теперь веду, по крайней мѣрѣ, хоть на время. Никто не можетъ знать лучше меня, что нужно для моей души, и какіе соблазны всѣхъ опаснѣе для меня. Ваше желаніе, чтобы я осталась съ вами, не есть для меня призывъ къ долгу, которому я отказываюсь повиноваться, потому что онъ идетъ въ разрѣзъ съ моими собственными желаніями, но искушеніе, съ которымъ я должна бороться, если не хочу, чтобы любовь къ земному застлала мою душу мракомъ и стала между мной и свѣтомъ небеснымъ.

— Я рѣшительно отказываюсь понять, что ты разумѣешь, говоря о довольствѣ и роскоши,—сказала мистрисъ Пойзеръ, разрѣзывая хлѣбъ и намазывая масломъ ломти.—Ты здѣсь сыта—это правда; надѣюсь, никто еще не говорилъ про меня и не скажетъ, чтобы у меня въ домѣ кто-нибудь голодалъ; но какъ только у насъ гдѣ-нибудь случайно завалялись, какіе-нибудь объѣдки, черствая корка, на которую никто не польстится, можно заранѣе быть увѣреннымъ, что ты возьмешь именно ее... Смотрите пожалуйста! Вѣдь это Адамъ Бидъ тащитъ дѣвочку! какимъ это вѣтромъ его занесло въ такую рань?!..

Мистрисъ Пойзеръ, желая доставить себѣ удовольствіе полюбоваться своей любимицей лишній разъ, быстро направилась къ двери, съ глазами, любовно устремленными на ребенка, но съ готовымъ выговоромъ на губахъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Тотти! Большая, пятилѣтняя дѣвочка, и позволяетъ себя носить! Право, Адамъ, она сломаетъ вамъ когда-нибудь спину: она вѣдь страшно тяжелая. Поставьте ее на землю. Фу, какой срамъ, Тотти!

— Да, нѣтъ-же, мнѣ не тяжело, увѣряю васъ,—сказалъ Адамъ;—я могъ бы легко снести ее на рукѣ,—не то что на плечѣ.

Тотти, сохранявшая все это время невинно-равнодушный видъ жирнаго бѣленькаго щенка, была спущена на порогъ, и мать, чтобы придать больше силы своему наставленію, принялась осыпать ее поцѣлуями.

— Вы, кажется, удивлены, видя меня въ этотъ часъ?—спросилъ Адамъ.

— Да, но входите-же,—сказала мистрисъ Пойзеръ, пропуская его въ дверь.—Надѣюсь, вы не съ дурными вѣстями?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Адамъ, направляясь къ Динѣ и протягивая ей руку.

Увидѣвъ его, она инстинктивно отложила работу и встала навстрѣчу ему. Слабый румянецъ проступившій было у нея на щекахъ, успѣлъ сбѣжать, когда она подала ему руку и робко взглянула на него.

— Меня прислали къ вамъ, Дина,—сказалъ Адамъ, не выпуская ея руки и, повидимому, совершенно этого не замѣчая.—Матери нездоровится, и она непремѣнно хочетъ, чтобы вы пришли къ ней ночевать, если можете. Я обѣщалъ ей что зайду къ вамъ на обратномъ пути изъ деревни. Она совсѣмъ заработалась: я никакъ не могу ее убѣдить взять на подмогу дѣвочку. Просто не знаю, какъ съ ней и быть.

Адамъ замолчалъ и выпустилъ руку Дины, ожидая отвѣта; но прежде, чѣмъ Дина успѣла открыть ротъ, мистрисъ Пойзеръ сказала:

— Вотъ видишь! Я тебѣ говорила, что и въ нашемъ приходѣ найдется кому помогать, и что для этого не стоитъ забираться чуть не на край свѣта. Вотъ хоть-бы мистрисъ Бидъ: ты знаешь, какъ она подалась въ послѣднее время,—а она никого не подпуститъ близко къ себѣ, кромѣ тебя. Я думаю, твои земляки въ Сноуфильдѣ легче обойдутся безъ тебя, чѣмъ она,—вѣдь они уже привыкли жить безъ тебя.

— Я сейчасъ надѣну шляпку и буду готова идти, если только я вамъ не нужна, тетя,—сказала Дина, складывая работу.

— Конечно, нужна: я хочу, чтобы ты выпила чашку чаю, дитя. Выпейте-ка и вы, Адамъ, если не очень торопитесь.

— Съ удовольствіемъ, если дадите. Я пойду съ Диной, потому-что мнѣ надо домой—свести счеты на партію запроданнаго лѣса.

— Какъ! это ты, Адамъ? Какъ ты здѣсь очутился, мой мальчикъ? сказалъ мистеръ Пойзеръ, входя. Онъ былъ безъ куртки, весь красный и потный; слѣдомъ за нимъ шли два черноглазые мальчугана, по прежнему похожіе на него, какъ только могутъ походить два маленькихъ слона на большого.—Какимъ это чудомъ ты попалъ къ намъ такъ задолго до ужина?

— Я пришелъ по порученію матери, —сказалъ Адамъ.—У нея что-то расходился ея ревматизмъ, и она проситъ Дину придти побыть съ ней...

— Ну, что-жъ, пожалуй, твоей матери мы ее и уступимъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ,—но больше никому, кромѣ мужа.

— Какого мужа? Вѣдь у Дины нѣтъ мужа,—замѣтилъ Марти, находившійся въ томъ прозаическомъ, положительномъ періодѣ дѣтства, который рѣшительно отказывается понимать шутки.

— Ты говоришь—не уступимъ,—сказала мистрисъ Пойзеръ, поставивъ на столъ сдобный хлѣбъ и присаживаясь разливать чай.—Придется, кажется, уступить, и даже не мужу, а собственному ея сумасбродству... Томми, ты это что-же дѣлаешь съ куклой сестры? Вѣрно, завидно стало, что она умница,—такъ хочется раздразнить? Ты останешься безъ сладкаго хлѣба, если будешь такъ себя вести.

Томми, съ истинно-братской заботливостью, забавлялся тѣмъ, что заворачивалъ юбки Долли на ея плѣшивую голову, выставляя ея искалѣченное тѣло на всеобщее посмѣяніе,—жестокость, уязвившая Тотти въ самое сердце.

— Какъ ты думаешь, что мнѣ сейчасъ сказала Дина?—продолжала мистрисъ Пойзеръ, взглянувъ на мужа.

— Ну, я плохой отгадчикъ, ты знаешь,—отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ.

— Она мнѣ сказала, что ѣдетъ опять въ Сноуфильдъ работать на фабрикѣ и голодать, какъ какая-нибудь бездомная нищая.

Мистеръ Пойзеръ не сразу нашелъ слова для выраженія своего горестнаго изумленія; онъ сидѣлъ и молчалъ, поглядывая то на жену, то на Дину, которая тѣмъ временемъ подсѣла къ Тотти, чтобы защитить ее отъ братской шутливости Томми, и поила чаемъ дѣтей. Еслибы мистеръ Пойзеръ склоненъ былъ дѣлать общіе выводы, онъ пришелъ бы къ тому заключенію, что въ Динѣ была какая-то перемѣна, ибо прежде она не имѣла обыкновенія краснѣть. Но добродушный толстякъ замѣтилъ только, что она покраснѣла, и подумалъ, что румянецъ ей очень къ лицу. Это былъ нѣжный, едва замѣтный румянецъ,—не ярче цвѣта лепестковъ мѣсячной розы. Можетъ быть она покраснѣла оттого, что дядя смотрѣлъ на нее слишкомъ пристально? какъ знать? Какъ-бы то ни было. въ эту минуту Адамъ, сказалъ тономъ спокойнаго удивленія:

— Да что вы? А я-то надѣялся, что Дина навсегда останется съ нами. Я думалъ, она уже отказалась отъ мысли возвращаться на прежнее мѣсто.

— Вы думали?—понятно,—замѣтила мистрисъ Пойзеръ:—всякій, у кого есть хоть какой-нибудь смыслъ въ головѣ, подумалъ бы то-же. Но, вѣроятно, надо быть методистомъ, чтобы предвидѣть, какъ поступитъ методистъ въ томъ или другомъ

случаѣ. Трудно угадать напередъ, куда полетитъ летучая мышь.

— Что мы тебѣ сдѣлали, Дина, что ты хочешь насъ бросить? сказалъ мистеръ Пойзеръ, который все еще сидѣлъ надъ своей чашкой, не дотрогиваясь до чая. — Это почти то-же, что взять назадъ свое слово, потому что тетка твоя была увѣрена, что теперь ты навсегда остаешься у насъ.

— Вы ошибаетесь, дядя, отвѣтила Дина, стараясь казаться спокойной; — я съ самаго пріѣзда говорила ей, что останусь на время, пока буду нужна.

— Хорошо, но кто-же тебѣ сказалъ, что ты мнѣ теперь не нужна? сказала мистрисъ Пойзеръ. — Если ты съ самаго начала думала бросить меня, лучше бы ты совсѣмъ не пріѣзжала. Кто никогда не зналъ подушки, тотъ не чувствуетъ въ ней недостатка.

— Нѣтъ, нѣтъ, напрасно ты такъ говоришь, — замѣтилъ мистеръ Пойзеръ, который всегда былъ противникомъ крайнихъ взглядовъ. — Круто-бы всѣмъ намъ пришлось безъ нея въ прошломъ году на Благовѣщенье; мы должны быть ей и за то благодарны,—останется она у насъ, или нѣтъ. Только я никакъ не возьму въ толкъ, что̀ ее гонитъ изъ дома, гдѣ она живетъ безъ нужды и заботы, и толкаетъ въ пустынный, голый край, гдѣ акръ земли не приноситъ и десяти шиллинговъ валового дохода.

— Вотъ потому-то она и хочетъ туда ѣхать, т. е. насколько я могла ее понять, — сказала мистрисъ Пойзеръ. — Она находитъ, что здѣсь слишкомъ хорошо жить, потому-что, слава Богу, всѣ сыты и не очень несчастны. На будущей недѣлѣ ѣдетъ, что ты ей ни говори, ничто не беретъ. Эти тихони всегда такъ: легче сплющить мѣшокъ съ перьями, чѣмъ убѣдить такого человѣка. А я все-таки скажу: это не религія, а упрямство,—не правда-ли, Адамъ?

— Адамъ замѣтилъ, что Дина такъ взволнована, какъ онъ никогда не видалъ, чтобы она волновалась, когда дѣло шло о ней лично, и, желая придти ей на помощь, сказалъ, глядя на нее ласковымъ взглядомъ:

— Право, мнѣ кажется, что-бы Дина ни сдѣлала, я все найду прекраснымъ. Сколько-бы мы съ вами ни раскидывали умомъ, она всегда лучше насъ знаетъ, какъ слѣдуетъ поступить. Конечно, я былъ-бы ей благодаренъ, если-бы она осталась, но разъ она считаетъ за лучшее ѣхать, я бы не сталъ ей мѣшать и огорчать ее, ставя въ необходимость отказывать въ просьбѣ близкому человѣку. Нѣтъ, не того она заслужила отъ насъ.

Какъ это часто случается, слова, сказанныя съ искреннимъ желаніемъ помочь, оказались послѣдней каплей горечи, переполнившей чашу: кроткіе, сѣрые глаза Дины наполнились слезами такъ быстро, что она не успѣла ихъ скрыть. Она поспѣшно встала и вышла, какъ будто за шляпкой.

— Мама, отчего Дина плачетъ? спросила Тотти.—Вѣдь плачутъ только гадкія дѣвочки.

— Это ты виновата: слишкомъ далеко хватила, сказалъ мистеръ Пойзеръ женѣ. — Мы не имѣемъ права мѣшать ей дѣйствовать, какъ она хочетъ. Небось, сама-же первая напустилась-бы на меня, скажи я ей хоть слово въ осужденіе по какому-бы то ни было поводу.

— Потому и напустилась-бы, что ты-бы, вѣроятно, сдѣлалъ это безъ всякаго повода. А у меня онъ есть, иначе я-бы и не говорила. Хорошо тебѣ разсуждать! Развѣ ты можешь любить ее такъ, какъ любитъ ее родная ея тетка? Я такъ къ ней привыкла! Я знаю, когда она уѣдетъ, мнѣ будетъ такъ-же не по себѣ, какъ овцѣ послѣ стрижки. И подумать только, что она хочетъ бросить приходъ, гдѣ пользуется такимъ уваженіемъ. Мистеръ Ирвайнъ положительно безъ ума отъ нея: онъ обращается съ ней, какъ съ какой-нибудь знатной барыней, даромъ, что она методистка, да еще забрала себѣ въ голову эту фанаберію—проповѣдовать. Прости мнѣ Господи, если я согрѣшила, что такъ говорю про нее.

— А что же ты не разскажешь Адаму, что̀ тебѣ недавно сказалъ мистеръ Ирвайнъ? проговорилъ мистеръ Пойзеръ шутливо и продолжалъ, обращаясь къ Адаму:—Жена какъ-то сказала ему, что единственный недостатокъ, въ которомъ можно упрекнуть Дину,—это ея страсть проповѣдовать, а мистеръ Ирвайнъ ей и говоритъ: „Вы не должны ей этого ставить въ упрекъ, мистрисъ Пойзеръ, не забывайте, что у нея нѣтъ мужа, которому она могла-бы читать проповѣди. Я убѣжденъ, что мистеру Пойзеру не одинъ разъ пришлось выслушать отъ васъ хорошую проповѣдь“. Ловко-таки отбрилъ, нечего сказать, — добавилъ мистеръ Пойзеръ, закатываясь добродушнѣйшимъ хохотомъ. Я это разсказалъ Бартлю Масси, и еслибы ты видѣлъ, какъ онъ смѣялся!

— Еще-бы! много-ли надо, чтобы разсмѣшить вашего брата мужчинъ, когда вы соберетесь всѣмъ міромъ сосать ваши трубки, да пялить глаза другъ на друга,—замѣтила мистрисъ Пойзеръ. — Позволь только этому Бартлю Масси развязать язычекъ насчетъ женщинъ, такъ онъ еще и не того наговоритъ. Дай ему власть, такъ онъ, кажется, всѣхъ насъ истолокъ-бы въ одной ступѣ. Тотти, ступай наверхъ, къ кузинѣ Динѣ, — взгляни, что она дѣлаетъ, да смотри, покрѣпче ее поцѣлуй.

Это порученіе было импровизировано спеціально для Тотти, какъ средство пресѣчь въ самомъ зародышѣ опасные симптомы въ видѣ легкаго подергиванія уголковъ ея губъ. Дѣло въ томъ, что Томми, который не боялся больше остаться безъ сладкаго хлѣба, такъ какъ успѣлъ уже съѣсть свой кусокъ, старательно распяливалъ пальцами свои вѣки и ворочалъ глазами въ сторону Тотти съ такимъ явно преднамѣреннымъ

видомъ, что она не могла не усмотрѣть въ его дѣйствіяхъ непріятно-личнаго элемента.

— Кажется, у тебя полонъ ротъ дѣла, Адамъ? сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Бурджъ совсѣмъ плохъ; врядъ ли онъ долго протянетъ съ этой своей астмой.

— Да, дѣла у насъ довольно-таки,—отвѣчалъ Адамъ,—много новыхъ построекъ, не считая ремонта въ имѣньѣ и заказовъ изъ Треддльстона.

— Готовъ побиться объ закладъ, что новый домъ, который Бурджъ затѣялъ строить на своей землѣ, предназначается для него съ Мэри, — сказалъ мистеръ Пойзеръ. Скоро, я думаю, онъ ликвидируетъ свои дѣла и передастъ тебѣ мастерскую съ тѣмъ, чтобы ты выплачивалъ ему извѣстную сумму въ годъ. Вотъ увидишь, что не пройдетъ и года, какъ вы съ матерью переселитесь въ наше сосѣдство.

— Ну, что-жъ, я-бы не прочь стать хозяиномъ нашего дѣла. Не то, что-бы я особенно гнался за наживой: мы съ братомъ и такъ хорошо заработываемъ, — даже откладывать можно; вѣдь, насъ всего двое, да третья мать. Но я охотно взялъ-бы дѣло въ свои руки; я бы попробовалъ тогда ввести кой-какія улучшенія, о которыхъ нечего и думать теперь.

— А что вашъ новый управлявляющій? Кажется, вы съ нимъ хорошо ладите? спросилъ мистеръ Пойзеръ.

— Да, онъ человѣкъ не глупый и знаетъ толкъ въ хозяйствѣ; теперь онъ занятъ дренажемъ. Вамъ слѣдуетъ сходить какъ-нибудь къ Стониширской межѣ — посмотрѣть, что̀ тамъ сдѣлано; вы найдете большія перемѣны. Но онъ ровно ничего не смыслитъ въ постройкахъ. Такая рѣдкость встрѣтить человѣка, у котораго умѣщалось-бы въ головѣ больше одной спеціальности; право, можно подумать, что люди, какъ лошади, ходятъ въ наглазникахъ, которые позволяютъ имъ видѣть только съ одной стороны. Вотъ мистеръ Ирвайнъ, такъ тотъ понимаетъ въ постройкѣ лучше любого архитектора, потому-что эти господа умѣютъ только носы задирать, а сами въ большинствѣ случаевъ не выведутъ тебѣ простой трубы такъ, чтобы она не мѣшала дверямъ. Я того мнѣнія, что простой хорошій плотникъ, у котораго есть вкусъ, лучше всякаго архитектора справится съ обыкновенной постройкой. По крайней мѣрѣ я лично въ десять разъ охотнѣе буду наблюдать за работой, когда я самъ сдѣлалъ планъ.

Мистеръ Пойзеръ съ интересомъ любителя слушалъ разсужденія Адама о постройкахъ, но, быть можетъ, предметъ разговора напомнилъ ему, что работы по ремонту его хлѣбнаго двора слишкомъ долго остаются безъ хозяйскаго глаза, потому что, какъ только Адамъ замолчалъ, онъ поднялся со словами:

— Однако, парень, мнѣ надо съ тобою проститься; пора за работу.

Адамъ тоже всталъ, потому что увидѣлъ входившую Дину въ шляпкѣ, съ корзиночкой на рукѣ и въ сопровожденіи Тотти.

— Вы, я вижу, готовы, Дина, сказалъ онъ;—такъ идемте, потому что, чѣмъ скорѣе я буду дома, тѣмъ лучше.

— Мама, сказала Тотти,—Дина молилась и такъ страшно плакала!

— Молчи, Тотти! маленькія дѣвочки никогда не должны сплетничать, сказала—ей мать, а отецъ, который весь трясся отъ сдерживаемаго смѣха, подхватилъ дочку на руки, поставилъ на большой сосновый столъ и потребовалъ, чтобы она его поцѣловала.

Какъ видите, мистеръ и мистриса Пойзеръ не имѣли никакого понятія о правильномъ воспитаніи.

— Смотри-же, Дина, возвращайся завтра, если ты не будешь нужна мистрисъ Бидъ, сказала мистрисъ Пойзеръ;—но, конечно, если она больна, ты можешь остаться подольше.

И такъ, распростившись со всѣми, Адамъ и Дина вышли вмѣстѣ со двора Большой Фермы.

ГЛАВА L.

ВЪ КОТТЕДЖѢ АДАМА.

Когда они сошли съ дороги въ поле, Адамъ не предложилъ Динѣ руки. Онъ никогда этого не дѣлалъ, хотя они часто гуляли вмѣстѣ, потому что замѣчалъ, что Дина никогда не ходила подъ руку съ Сетомъ, и думалъ, что, можетъ быть, это ей вообще непріятно. И такъ, они шли порознь, хоть и рядомъ, и низкія поля маленькой черной шляпки Дины совершенно скрывали отъ Адама ея лицо.

— Значитъ, вы таки ѣдете, Дина? Вы не чувствуете себя счастливой, живя на Большой Фермѣ? сказалъ Адамъ тономъ спокойнаго, братскаго участія, въ которомъ не было и тѣни сердечной тревоги.—Какъ это жаль! они такъ васъ любятъ.

— Вы знаете, Адамъ, что и я ихъ люблю, какъ только способна любить, и горячо принимаю къ сердцу всѣ ихъ тревоги и нужды. Но теперь я имъ не нужна: ихъ горести миновали, и я чувствую, что должна вернуться къ тому дѣлу, въ которомъ я всегда черпала силу; я чувствую, что здѣсь, среди обилія благъ земныхъ, она уже начала мнѣ измѣнять. Я знаю, что грѣшно бросать дѣло, ниспосланное намъ Богомъ, въ надеждѣ обрѣсти нѣчто лучшее, болѣе полезное для души; я понимаю, что въ этомъ мало смиренія, ибо человѣкъ не можетъ знать, что для него лучше и гдѣ онъ всего полнѣе почувствуетъ присутствіе Божества, а долженъ искать его тамъ, гдѣ его только и можно найти,—въ повиновеніи волѣ

Божіей. Но мнѣ кажется, что на этотъ разъ я имѣю положительное указаніе удалиться отсюда,—по крайней мѣрѣ, на время. Впослѣдствіи, если тетя будетъ хворать, или вообще я ей такъ или иначе понадоблюсь, я вернусь.

— Вамъ лучше знать, Дина, какъ вамъ слѣдуетъ поступить. Не думаю, чтобы вы пошли противъ желанія друзей, которые такъ васъ любятъ, еслибы у васъ не было на то основательныхъ причинъ. Я не имѣю права говорить о томъ, какъ это будетъ тяжело для меня; вы сами знаете, какъ много у меня основаній считать васъ самымъ дорогимъ другомъ, какой только у меня есть на землѣ, и если бы только вы согласились стать моей сестрой и навсегда остались-бы жить съ нами, я почелъ-бы это величайшимъ счастіемъ для насъ,—величайшимъ счастіемъ, на какое я могу еще разсчитывать. Но Сетъ говоритъ, что на это нѣтъ надежды: вы не любите его, и, можетъ быть, я слишкомъ много беру на себя, заговаривая съ вами объ этомъ предметѣ.

Дина не отвѣтила. Такъ прошли они молча до небольшой каменной стѣнки со ступеньками, черезъ которую имъ надо было перейти. Адамъ перешелъ первый, и когда онъ повернулся къ Динѣ съ протянутой рукой, чтобы помочь ей подняться на высокую ступеньку, она не могла помѣшать ему увидѣть ея лицо. Это лицо поразило его: сѣрые глаза, всегда такіе кроткіе и спокойные, теперь глядѣли слущенно и блестѣли отъ сдерживаемаго волненія, а слабый румянецъ щекъ, съ какимъ она сошла внизъ послѣ слезъ, разгорѣлся, какъ зарево. Казалось, это была не Дина, а ея сестра. Адамъ онѣмѣлъ отъ изумленія и не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Надѣюсь, Дина, что я не разсердилъ и не огорчилъ васъ. Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало заговаривать съ вами объ этомъ. Ваши желанія всегда будутъ моми; я, кажется, согласился-бы даже на вѣки съ вами разстаться, еслибы вы сочли это нужнымъ. Я всегда буду думать о васъ, гдѣ бы вы не были, потому что съ мыслью о васъ для меня связано воспоминаніе, которое всегда будетъ со мною, пока не перестанетъ биться мое сердце.

Бѣдный Адамъ! Вотъ какъ заблуждаются люди! Дина и на этотъ разъ ничего не отвѣтила, но, спустя минуту, спросила:

— Не знаете-ли вы, есть какія-нибудь извѣстія объ этомъ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами въ послѣдній разъ о немъ говорили?

Дина всегда такъ называла Артура, образъ котораго запечатлѣлся въ ея памяти такимъ, какъ она его видѣла въ тюрьмѣ.

— Какже, отвѣчалъ Адамъ.—Вчера мистеръ Ирвайнъ получилъ отъ него письмо и кое-что прочелъ мнѣ. Говорятъ, скоро будетъ заключенъ миръ, хотя едва-ли надолго; но онъ

не думаетъ возвращаться на родину,—пишетъ, что это было-бы ему еще тяжело; да оно и лучше,—лучше для всѣхъ. То-же думаетъ и мистеръ Ирвайнъ. Письмо очень грустное. По обыкновенію спрашиваетъ о васъ и о Пойзерахъ. Но есть въ немъ одна фраза, которая особенно больно поразила меня. Онъ пишетъ: „Вы не повѣрите, какимъ я чувствую себя старикомъ; я уже больше не строю плановъ и не мечтаю. Теперь лучшая для меня перспектива—день усиленнаго перехода или близкое сраженіе впереди“.

— Да, у него горячая, пылкая натура, какъ у Исава, котораго я всегда особенно жалѣла. Это свиданіе братьевъ, когда Исавъ выказываетъ такое любящее, великодушное сердце, а Іаковъ такъ робокъ и недовѣрчивъ, не смотря на свою увѣренность въ томъ, что на немъ почіетъ благодать Божія, всегда несказанно меня волновало. Право, у меня бывало иногда искушеніе подумать, что Іаковъ—человѣкъ низкой души. Вотъ какъ испытываетъ насъ Богъ! Мы должны учиться различать добро даже въ томъ, что покажется намъ непривлекательнымъ.

— Нѣтъ, а я такъ больше всего люблю въ Ветхомъ Завѣтѣ все то, что касается Моисея. Онъ приводитъ къ благополучному концу трудное предпріятіе и умираетъ, предоставляя другимъ пожинать плоды его трудовъ. Человѣкъ долженъ имѣть мужество смотрѣть на жизнь такимъ взглядомъ и думать о томъ, какъ будутъ жить другіе люди, когда самъ онъ умретъ и истлѣетъ въ землѣ. Хорошо и добросовѣстно выполненная работа живетъ годы и годы. Пусть это будетъ самая простая, нехитрая работа—ну, хоть хорошо настланный полъ; кому-нибудь она все-таки принесетъ пользу, не говоря уже о самомъ работникѣ.

Адамъ и Дина оба были рады, что разговоръ перешелъ съ личной почвы на общую, и продолжали бесѣду въ томъ же духѣ вплоть до мостика черезъ ручей у ивъ. Здѣсь Адамъ обернулся и сказалъ:

— Вотъ и Сетъ. Такъ я и думалъ, что онъ первымъ поспѣетъ домой. Знаетъ-ли онъ, что вы уѣзжаете, Дина?

— Да, я сказала ему еще въ воскресенье.

Тутъ Адамъ вспомнилъ, что въ воскресенье Сетъ вернулся домой очень грустный. Этого съ нимъ давно ужъ не случалось: счастье видѣть Дину каждую недѣлю, казалось, примирило его съ тою мыслью, что ова никогда не будетъ его женой. Сегодня у него былъ его всегдашній спокойно-мечтательный видъ. Но когда онъ подошелъ къ Динѣ, онъ сейчасъ же замѣтилъ на ея лицѣ и длинныхъ рѣсницахъ слѣды недавнихъ слезъ. Онъ бросилъ быстрый взглядъ на брата, но Адамъ, очевидно, не зналъ о причинѣ ея волненія: у него, какъ всегда въ послѣднее время, былъ спокойно-равнодушный видъ человѣка, который ничего не ждетъ отъ жизни. Сетъ

постарался ничѣмъ не выдать Динѣ, что онъ замѣтилъ ея волненіе; онъ сказалъ только:

— Какъ хорошо, что вы пришли, Дина; мама весь день охала и вздыхала,—такъ ей хотѣлось васъ видѣть; сегодня съ утра ея первыя слова были о васъ.

Когда они вошли въ домъ, Лизбета сидѣла въ своемъ креслѣ. Она всегда готовила ужинъ заранѣе, чтобы успѣть выйти на крыльцо и встрѣтить сыновей, какъ только послышатся ихъ приближающіеся шаги; но сегодня стряпня такъ ее утомила, что она была вынуждена отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

— Наконецъ-то ты пришла, дитя мое, сказала она Динѣ, когда та къ ней подошла.—Что это значитъ, что тебя цѣлую недѣлю не было видно?

— Вы больны, дорогой другъ? промолвила Дина, взявъ ее за руку.—Если-бъ я это знала, я пришла-бы раньше.

Какъ-же ты могла это знать, когда ты не приходила? Мальчики знаютъ только то, что я имъ сама скажу, а пока женщина еще можетъ двигаться, мужчины всегда будутъ думать, что она здорова. Впрочемъ, я не такъ уже больна; просто небольшая простуда. А тутъ еще мальчики ко мнѣ пристаютъ, чтобы я взяла кого-нибудь себѣ въ подмогу, и это только хуже меня разстраиваетъ. Если ты побудешь со мной, они оставятъ меня въ покоѣ. Право, ты не такъ нужна Пойзерамъ, какъ мнѣ. Снимай-же шляпу: дай на себя посмотрѣть.

Дина сдѣлала было движеніе, чтобы отойти, но Лизбета ее не пустила, и все время, пока Дина снимала шляпу, она смотрѣла на нее, какъ смотритъ отжившая старость на только-что сорванный подснѣжникъ, воскрешающій въ ней полузабытыя впечатлѣнія юности,—ея свѣжесть и чистоту.

— Что это съ тобой? спросила съ удивленіемъ Лизбета.— Ты плакала?

— Такъ, пустяки,—маленькое огорченіе,—оно скоро пройдетъ, отвѣтила Дина, которой не хотѣлось въ эту минуту выслушивать жалобы Лизбеты по поводу ея отъѣзда изъ Гейслопа.—Я вамъ все потомъ разскажу,—мы съ вами поболтаемъ вечеркомъ: я вѣдь нынче ночую у васъ.

Это обѣщаніе успокоило Лизбету; у нея цѣлый вечеръ былъ впереди, и она могла отвести душу съ Диной, потому что теперь въ домѣ была лишняя комната, пристроенная, если вы помните, полтора года назадъ, въ ожиданіи новой жилицы.

Въ этой комнатѣ Адамъ всегда сидѣлъ, когда чертилъ свои планы или сводилъ счеты. Въ тотъ вечеръ и Сетъ сидѣлъ съ братомъ, такъ какъ онъ зналъ, что матери хочется вполнѣ завладѣть Диной.

Такимъ образомъ, по обѣ стороны стѣны, раздѣлявшей домъ на двѣ половины, вы могли видѣть двѣ прелестныя

картинки. По одну сторону—фигура широкоплечей, здоровой старухи, съ крупными чертами лица, въ синей домотканной кофтѣ и желтой косынкѣ на шеѣ, не спускавшей жаднаго взгляда выцвѣтшихъ глазъ съ миленькаго личика и тоненькой, хрупкой фигурки въ черномъ, которая, то безшумно двигалась по комнатѣ, приводя все въ порядокъ, то присаживалась поближе къ креслу старухи, брала ея сморщенную руку въ обѣ свои и нѣжно съ ней говорила. Дина говорила съ Лизбетой такимъ языкомъ, который былъ для нея понятнѣе библіи и книги псалмовъ. Сегодня Лизбета не захотѣла даже слушать чтенія. „Нѣтъ, нѣтъ, закрой книгу“, сказала она. „Поговоримъ. Я хочу знать, о чемъ ты плакала. Неужто и у тебя есть свои огорченія, какъ у всѣхъ?“

По другую сторону сидѣли два брата, такъ поразительно похожіе, несмотри на все ихъ несходство. Адамъ—съ нахмуренными бровями, со своею густою копною волосъ и мужественнымъ загорѣлымъ лицомъ, углубленный въ свои вычисленія; Сетъ—тоже съ крупными чертами лица,—вылитый портретъ брата, но съ болѣе свѣтлыми, вьющимися волосами, рѣдкими и волнистыми, и съ глубокими мечтательными глазами, которые онъ безпрестанно, съ разсѣяннымъ видомъ обращаетъ къ окну; во всякомъ случаѣ, такъ же часто, какъ и на страницы лежавшей передъ нимъ раскрытой книги, хотя это новая и очень для него интересная книга: „Краткая біографія мистрисъ Гюйонъ“ Уэсли.

— Не могу-ли я помочь тебѣ чѣмъ-нибудь? сказалъ Сетъ Адаму.—Мнѣ не хотѣлось бы стучать въ мастерской.

— Нѣтъ, голубчикъ, отвѣчалъ Адамъ;—я все долженъ самъ сдѣлать. Но вѣдь у тебя есть новая книга.

И часто, когда Сетъ погруженъ былъвъ свои мысли, Адамъ, въ промежуткахъ между работой, проведя, напримѣръ, по линейкѣ черту на своемъ планѣ, украдкой поглядывалъ на брата, и глаза его сіяли доброй улыбкой. Онъ зналъ, что „парень любитъ иногда сидѣть и думать, самъ не зная о чемъ, и хоть это ни къ чему его не приведетъ, но за то дѣлаетъ счастливымъ“. И за послѣдній годъ старшій братъ становится все болѣе и болѣе снисходительнымъ къ младшему. Эта возростающая мягкость была послѣдствіетъ горя, которое не переставало точить его сердце. Ибо, хотя Адамъ, какъ вы видите, вполнѣ справился съ собой и много работалъ, находя удовольствіе въ работѣ, потому что любовь къ труду была его натурой,—онъ не пережилъ своего горя, не стряхнулъ его съ плечъ, какъ временный гнетъ, чтобы стать прежнимъ человѣкомъ. Да и многіе-ли изъ насъ способны на это? Нѣтъ, сохрани Богъ! Печальный-бы это былъ результатъ нашей борьбы и страданій, если-бы мы не пріобрѣтали ими ничего. кромѣ нашего прежняго „я“, если-бы мы могли возвращаться къ нашей прежней слѣпой любви, къ высокомѣрному осуж-

денію ближняго, къ легкому взгляду на человѣческія страданія, къ празднословію по поводу испорченной человѣческой жизни, къ слабому сознанію присутствія той высшей невидимой Силы, къ которой мы такъ страстно взывали въ горькой безпомощности нашей скорби. Поблагодаримъ лучше Бога за то, что наши печали такъ живучи, что онѣ остаются въ нашей душѣ несокрушимыя, мѣняя только форму, какъ всякая сила, и изъ личнаго страданія постепенно превращаясь въ любовь къ человѣку, въ которой заключены наши лучшія чувства,—лучшая наша любовь. Нельзя сказать, чтобы въ душѣ Адама это превращеніе успѣло вполнѣ завершиться. Въ ней осталось еще много страданія, и онъ чувствовалъ, что это всегда будетъ такъ, пока *ея* страданія не отойдутъ въ область прошлаго, пока они будутъ дѣйствительностью, мысль о которой будетъ пробуждаться въ его сознаніи вмѣстѣ съ лучами каждаго нарождающагося дня. Но человѣкъ привыкаетъ къ нравственному страданію, какъ и физическому, хотя это вовсе не значитъ, чтобы онъ пересталъ его чувствовать. Страдать какъ-бы входитъ въ привычку всей жизни, и мы уже не можемъ себѣ представить такого состоянія, когда мы моглибы чувствовать себя вполнѣ удовлетворенными. Нетерпѣливое желаніе преображается въ болѣе чистое чувство—покорность судьбѣ, и мы довольны нашимъ днемъ, когда сознаемъ, что мы несли наше горе въ молчаніи, ничѣмъ не обнаруживъ нашихъ страданій. Ибо въ такія эпохи нашей жизни укрѣпляется наше нравственное и религіозное чувство—все то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему *я* въ настоящемъ и будущемъ,—какъ укрѣпляется мускулъ отъ постояннаго упражненія.

Такое именно время переживалъ Адамъ въ эту вторую осень послѣ постигшаго его горя. Работа, какъ вы уже знаете, всегда была частью его религіи; онъ съ дѣтства твердо вѣрилъ, что добросовѣстно исполняя свою плотничную работу, онъ исполняетъ волю Божію, выражающуюся по отношеніи къ нему, Адаму, именно въ этой формѣ труда. Но теперь для него уже не было области грезъ за этой холодной дѣйствительностью, не было праздниковъ въ этомъ мірѣ труда,—ни одного мига въ далекой перспективѣ, когда суровый долгъ снимаетъ свою желѣзную броню, и для усталаго труженика настанетъ сладкій отдыхъ. Въ будущемъ онъ не видѣлъ для себя ничего, кромѣ трудовыхъ дней, какіе онъ проводилъ и теперь, и которые давали ему нѣкоторое удовлетвореніе и съ каждымъ днемъ все возростающій къ себѣ интересъ. Онъ думалъ, что любовь можетъ существовать для него только въ воспоминаніи, которое будетъ жить вѣчно и вѣчно болѣть, какъ болитъ отнятый членъ. Онъ не зналъ, что способность любить росла въ немъ и крѣпла,—что душа его, обновленная цѣною тяжелаго опыта, жаждала прилѣпиться къ дру-

гой, близкой душѣ. Но онъ зналъ, что старыя привязанности стали теперь для него дороже прежняго, что онъ сталъ нѣжнѣе любить мать и брата, и что для него было невыразимымъ наслажденіемъ дѣлать ихъ счастливыми въ каждой мелочи. То-же самое было и съ Пойзерами: не проходило трехъ-четырехъ дней, чтобы онъ не почувствовалъ потребности повидать ихъ, обмѣняться съ ними дружескимъ словомъ. По всей вѣроятности, онъ чувствовалъ бы то-же даже въ томъ случаѣ, еслибы у нихъ не было Дины, хотя онъ сказалъ только голую правду, когда говорилъ ей, что она—самый дорогой его другъ на землѣ. Да и могло-ли быть иначе? Въ самыя горькія минуты гнетущихъ воспоминаній мысль о ней являлась для него первымъ лучемъ утѣшенія; первые дни безпросвѣтнаго мрака на Большой Фермѣ, благодаря ея присутствію, смѣнились мало по малу тихимъ свѣтомъ—покорностью судьбѣ. То-же самое было и дома, потому-что въ каждую свободную минуту она приходила утѣшать его бѣдную мать, которую до такой степени пугало измѣнившееся отъ горя лицо ея дорогого Адама, что она забыла даже ныть и брюзжать. Часто бывая на фермѣ, онъ привыкъ къ ея легкой походкѣ, къ ея спокойнымъ движеніямъ, къ ея ласковой, милой манерѣ съ дѣтьми, къ ея голосу, который былъ для него настоящею музыкой; онъ привыкъ думать, что все, что́ она говоритъ и что дѣлаетъ,—хорошо, и лучше быть не можетъ. Не смотря на всю свою разсудительность, онъ не могъ найти ничего дурного даже въ ея снисходительности къ дѣтямъ,—снисходительности, доходившей до баловства. По крайней мѣрѣ, ея племянники ухитрились превратить ее, Дину проповѣдницу, предъ которою, случалось, дрожали сильные, грубые люди, въ покорную и очень удобную домашнюю рабу; впрочемъ, она и сама немножко стыдилась этой своей слабости и не безъ внутренней борьбы поставила крестъ на мудрыхъ воспитательныхъ совѣтахъ Соломона. Одно только Адамъ хотѣлъ-бы въ ней измѣнить: онъ хотѣлъ-бы, что бы она полюбила Сета и согласилась выйти за него. Конечно, прежде всего ему жаль было брата, но и помимо этого онъ не могъ, думая о Динѣ, думать безъ сожалѣнія о томъ, что, сдѣлавшись женою Сета, она принесла-бы счастье имъ всѣмъ, насколько счастье было имъ доступно: вѣдь она была единственнымъ существомъ въ мірѣ, которое умѣло успокаивать его мать и могло дать миръ ея душѣ въ ея послѣдніе дни. „Просто непонятно, отчего она не любитъ его“, думалъ иногда Адамъ:“ посмотрѣть со стороны, такъ они какъ будто созданы другъ для друга. Должно быть ужъ слишкомъ мысли ея заняты другимъ. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ личныхъ чувствъ, которыя не хотятъ имѣть свою семью. Она боится, что мужъ и дѣти слишкомъ наполнили-бы собой ея жизнь, а она такъ привыкла жить заботой о другихъ, что для нея не-

выносима одна эта мысль. Мнѣ кажется, я понимаю, въ чемъ тутъ дѣло: она иначе создана, чѣмъ большинство женщинъ,— я давно это вижу. Она только тогда и счастлива, когда помогаетъ другимъ, и, конечно, въ этомъ отношеніи, замужество было-бы для нея только помѣхой. Въ сущности, я не имѣю никакого права рѣшать за нее и думать, что было-бы лучше, если бы она вышла за Сета, какъ будто я умнѣе ея или даже не самого Бога, создавшаго ее такою, какъ она есть.

Я—да и не я одинъ,—долженъ благодарить Его за то, что Онъ создалъ ее такою и даровалъ мнѣ великое счастье встрѣтить ее".

Эти слова самоосужденія выговорились въ сознаніи Адама особенно ярко, когда по лицу Дины онъ догадался, что огорчилъ ее намекомъ на свое желаніе видѣть ее женою Сета; потому-то онъ и постарался какъ можно сильнѣе выразить свою увѣренность въ непогрѣшимости всякаго ея рѣшенія, потому и сказалъ, что онъ готовъ даже разстаться съ нею и помириться съ тою мыслью, что она уже не будетъ составлять части его жизни, а будетъ жить только въ его памяти, если только она находитъ эту разлуку необходимой. Онъ былъ увѣренъ, что она знаетъ, какъ онъ дорожитъ ея дружбой, возможностью видѣть ее постоянно и дѣлить съ нею безъ словъ ихъ общее роковое воспоминаніе. Въ его словахъ, въ его одобреніи ея желанія уѣхать, не было ничего кромѣ самоотверженной привязанности и уваженія къ ней; не можетъ быть, чтобы она увидѣла въ нихъ что-нибудь другое. А между тѣмъ въ душѣ его было такое чувство, какъ будто онъ сказалъ не совсѣмъ то, что слѣдовало,—что Дина не такъ его поняла.

Поутру Дина поднялась, должно быть, до зари, потому-что не было еще пяти часовъ, когда она сошла внизъ. Сетъ тоже всталъ рано. Благодаря упорному нежеланію матери взять себѣ помощницу по хозяйству, онъ превратился, по выраженію Адама, въ „опытную хозяйку", чтобы избавить мать отъ непосильной работы. Надѣюсь, что вы не назовете его за это бабой, или по крайней мѣрѣ признаете его не менѣе мужественнымъ, чѣмъ, напримѣръ, доблестнаго полковника Бата, собственноручно варившаго кашку для своей больной сестры. Адамъ, который наканунѣ поздно засидѣлся за своими счетами, еще спалъ и, по словамъ Сета, нельзя было разсчитывать, чтобы онъ сошелъ внизъ раньше, какъ къ завтраку. Какъ ни часто навѣщала Дина Лизбету въ эти полтора года, она ни разу не ночевала у нея со дня смерти Тіаса, когда, если вы помните, Лизбета такъ хвалила ее за проворство и ловкость и даже соблаговолила высказать умѣренное одобреніе приготовленной ею похлебкѣ. Но въ этотъ долгій промежутокъ времени Дина сдѣлала большіе успѣхи въ домаш-

немъ хозяйствѣ, и въ это утро, съ помощью Сета, принялась приводить весь домъ въ такой порядокъ, который удовлетворилъ бы, пожалуй, даже самое мистрисъ Пойзеръ. А въ послѣднее время домику Бидовъ было далеко до этого высокаго образца, такъ какъ ревматизмъ Лизбеты принудилъ ее отказаться отъ ея старой излюбленной привычки все мыть и скоблить. Когда кухня была доведена до удовлетворительной степени чистоты даже по понятіямъ Дины, она перешла въ сосѣднюю комнату, гдѣ Адамъ сидѣлъ наканунѣ за счетами, чтобы посмотрѣть, не надо-ли и тамъ подмести и вытереть пыль. Она открыла окно, и въ комнату пахнуло свѣжимъ воздухомъ и запахомъ шиповника. Яркіе косые лучи восходящаго солнца окружали ореоломъ ея блѣдное лицо и свѣтлорусые волосы, пока она подметала полъ, напѣвая про себя такимъ тихимъ голосомъ, что надо было прислушиваться къ ея пѣнію, какъ къ шепоту лѣтняго вѣтерка, чтобы услышать его. Она пѣла одинъ изъ гимновъ Чарльза Уэсли:

„Родникъ безконечной любви,
„Источникъ вѣчнаго свѣта,
„Ты, въ Комъ сіяетъ слава Отца Твоего,
„Здѣсь, на землѣ, и на небесахъ,—
„Іисусъ! прибѣжище усталаго путника!
„Облегчи мнѣ мой крестъ,
„Вложи въ мою душу терпѣніе и силу,
„Чистую любовь и святое смиреніе.
„Скажи: „Молчи!“ моимъ бунтующимъ страстямъ,
„Скажи моему трепещущему сердцу: „успокойся!“
„Ты—моя сила и крѣпость,
„Ибо все покорно одной Твоей волѣ!

Дина отставила въ уголъ щетку и взяла метелочку для пыли, и еслибы вы видѣли, какъ производится уборка въ домѣ мистрисъ Пойзеръ, вы поняли-бы, какъ дѣйствовала эта метелочка въ проворныхъ рукахъ Дины,—какъ она пробиралась во всѣ уголки, во всѣ невидимыя щели, какъ обходила вокругъ ножекъ каждаго стола и стула и скользила по всему, что лежало на столѣ, пока, наконецъ, не дошла очередь до открытой конторки Адама, гдѣ лежали его счеты, линейки и проч. рабочія принадлежности. Дойдя до этой конторки, Дина пріостановилась, нерѣшительно поглядывая на лежавшія передъ нею бумаги. Больно было смотрѣть, сколько накопилось здѣсь пыли. Пока она стояла такимъ образомъ, не рѣшаясь трогать бумагъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались мужскіе шаги, и Дина, стоя спиной къ открытой двери и думая, что это Сетъ, окликнула его, слегка возвысивъ свой чистый грудной голосъ:

— Сэтъ, вашъ братъ очень сердится, когда трогаютъ его бумаги?

— Да, очень, когда ихъ не кладутъ потомъ на мѣ-

сто,—отвѣтилъ густой, звучный голосъ,—только не голосъ Сета.

На Дину онъ произвелъ такое-же дѣйствіе, какъ если-бы она нечаянно дотронулась до дрожащей струны: она вся вздрогнула и на одинъ мигъ почти лишилась сознанія; потомъ она почувствовала, что щеки ея пылаютъ, и, не смѣя обернуться назадъ, стояла не шевелясь и чувствуя себя совершенно несчастной оттого, что она не можетъ даже сказать „доброе утро“ простымъ, дружескимъ тономъ. Видя, что она не оборачивается и, слѣдовательно, не можетъ догадаться по его улыбкѣ, что онъ шутитъ, Адамъ испугался, какъ-бы она не приняла серьезно его словъ, и подошелъ къ ней такъ, что она должна была поневолѣ взглянуть на него.

— Неужто вы и впрямь повѣрили, что я такой сердитый, Дина, сказалъ онъ, улыбаясь.

— О, нѣтъ, отвѣчала она, поднимая на него робкій взглядъ.— Но вѣдь, я въ самомъ дѣлѣ могла произвести безпорядокъ въ вашихъ бумагахъ; вамъ пришлось-бы потомъ ихъ разбирать. Даже Моисей, кротчайшій изъ людей, — и тотъ иногда сердился.

— Ну, такъ постойте, я вамъ помогу, сказалъ Адамъ, глядя на нее ласковымъ вздлядомъ,—и тогда все будетъ въ порядкѣ. Я вижу, въ отношеніи аккуратности вы становитесь настоящею племянницею вашей тетки.

— Они принялись за дѣло вмѣстѣ, но Дина была все еще такъ смущена, что не находила словъ, и Адамъ съ тревогой поглядывалъ на нее. Съ нѣкоторыхъ поръ ему начинало казаться, что Дина за что-то имъ недовольна: она не была съ нимъ такъ привѣтлива и откровенна, какъ прежде. Вотъ и теперь: ему такъ хотѣлось, чтобы она взглянула на него; и онъ могъ-бы прочесть въ ея взглядѣ, что и ей эта ихъ общая работа такъ-же пріятна, какъ и ему. Но она какъ будто избѣгала смотрѣть на него, что было вовсе нетрудно, если принять въ разсчетъ его большой ростъ. Когда, наконецъ, вся пыль была вытерта, и у Адама не было больше предлога оставаться возлѣ нея, онъ не могъ выносить далѣе этой неизвѣстности и сказалъ умоляющимъ тономъ:

— Дина, за что вы на меня сердитесь? Что я сказалъ или сдѣлалъ, что вы мной недовольны?

Этотъ вопросъ удивилъ ее и принесъ ей облегченіе, потому-что далъ новое направленіе ея мыслямъ. Теперь она взглянула ему въ лицо, серьезно, почти со слезами, и сказала:

— Сержусь на васъ, Адамъ? Какъ вы могли это подумать?

— Мнѣ было-бы слишкомъ тяжело, если-бы вы не считали меня настолько-же вашимъ другомъ, какъ я васъ — моимъ, сказалъ Адамъ. — Вы сами не знаете, какъ вы мнѣ дороги, Дина. Именно это я и разумѣлъ вчера, когда говорилъ, что

готовъ былъ-бы разстаться съ вами навѣки, если-бы вы сочли это нужнымъ. Этимъ я хотѣлъ только сказать, что одна мысль о васъ такъ мнѣ дорога; что я не смѣю роптать, если бы даже вы осудили меня на разлуку съ вами. Вы вѣдь знаете, что мнѣ тяжело разставаться съ вами,—не правда-ли, Дина?

— Да, дорогой другъ, отвѣчала Дина дрожа, но стараясь говорить спокойно;—я знаю, что вы меня любите, какъ братъ, и мы съ вами никогда не забудемъ другъ друга. Но въ настоящее время я очень измучена борьбою со всякаго рода соблазнами; вы не должны обращать на это вниманіе. Я чувствую, что призвана уѣхать отсюда, по крайней мѣрѣ, на время; но это большое для меня испытаніе: плоть наша немощна.

Адамъ видѣлъ, что ей тяжело говорить, и поспѣшилъ сказать:

— Простите, Дина, что я опять заговорилъ съ вами объ этомъ: больше я ничего не скажу. Пойдемте, узнаемъ, не готовъ-ли завтракъ у Сета.

Очень простая сцена, читатель, не такъ-ли? Но если—что весьма вѣроятно, — вы были когда-нибудь влюблены, и даже, можетъ быть, не одинъ разъ, хотя едва-ли вы въ этомъ сознаетесь всѣмъ вашимъ пріятельницамъ, — вы не найдете ее незначительной и пустой. Эти простыя слова, это смущеніе, эти робкіе взгляды, постепенно незамѣтно сближающіе два человѣческія сердца, — такъ-же незамѣтно и несмѣло, какъ сближаются два ручейка, прежде чѣмъ слиться во-едино, вы не найдете ихъ, говорю я, ничтожными и банальными, какъ не найдете банальными первые признаки приближающейся весны, — то, почти неуловимое, неосязаемое нѣчто, что разлито въ воздухѣ, слышится въ пѣніи птицъ, чуется въ едва замѣтномъ на глазъ наливаніи почекъ на вѣтвяхъ придорожныхъ кустовъ. Эти простыя слова, эти робкіе взгляды—языкъ души или, по крайней мѣрѣ, часть его; а изъ чего-же слагается самая поэтическая рѣчь, какъ не изъ простыхъ словъ,—такихъ, какъ „свѣтъ“, „звѣзды“, „музыка“, — словъ очень обыкновенныхъ по своему виду и звуку и которыя сами по себѣ, когда мы ихъ слышимъ въ отдѣльности или читаемъ, производятъ на насъ не больше впечатлѣнія, чѣмъ слова „щепка“ или „опилки“, но которыя дѣйствуютъ на насъ потому, что они суть символы чего-то невыразимо великаго и прекраснаго. А я того мнѣнія, что любовь—тоже прекрасная и великая вещь, и если вы со мной въ этомъ согласны, то ни одно самое малѣйшее ея проявленіе не будетъ для васъ „щепками“ и „опилками“, а скорѣе однимъ изъ такихъ словъ, какъ „свѣтъ“ или „музыка“, заставляющихъ трепетать самыя глубокія фибры нашей памяти и обогощающихъ наше настоящее самымъ дорогимъ, что только было у насъ въ прошломъ.

ГЛАВА LI.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО.

Легкая простуда Лизбеты была не настолько серьезна, чтобы удержать у нея Дину на вторую ночь: скоро она должна была разстаться съ Большой Фермой и хотѣла послѣдніе дни побыть съ теткой. Такимъ образомъ, на второй день, вечеромъ, двумъ друзьямъ пришлось проститься — „надолго!“ сказала Дина, такъ какъ она сообщила Лизбетѣ о своемъ рѣшеніи.

— Значитъ навсегда; больше я тебя не увижу, сказала на это Лизбета. — Надолго! Мнѣ и жить-то осталось недолго! Когдя я заболѣю, тебя здѣсь не будетъ; я такъ и умру, не увидѣвъ тебя.

Такова была основная нота всѣхъ ея жалобъ, не прекращавшихся весь день: Адама не было дома, и она могла позволись себѣ эту маленькую вольность. Она въ конецъ измучила бѣдную Дину, безпрестанно возвращаясь все къ тому-же вопросу,—зачѣмъ ей уѣзжать,—и не хотѣла слышать никакихъ резоновъ, называя ихъ капризомъ и упрямствомъ. Но еще больше изводила она ее своими сѣтованіями на ту тему, что „отчего-бы ей не выйти замужъ за одного изъ мальчиковъ и не сдѣлаться ея дочерью?“

— Ты не хочешь быть женой Сета, говорила она; можетъ быть, онъ не довольно уменъ для тебя; но я знаю, онъ былъ-бы тебѣ добрымъ мужемъ. И руки у него золотыя: какъ ловко онъ управляется съ хозяйствомъ за меня, когда я больна! А библіи и всѣ эти церковныя чтенія онъ любитъ не меньше, чѣмъ ты. Но, можетъ быть, тебѣ пришелся-бы больше по душѣ такой мужъ, который не былъ-бы такъ похожъ на тебя. Извѣстное дѣло: бѣгущій ручей въ дождѣ не нуждается. Адамъ,—вотъ кто былъ-бы тебѣ подъ пару. Ужъ я знаю, что такъ. И я думаю, онъ могъ-бы тебя полюбить, если-бы ты только осталась. Но съ нимъ надо время, — разомъ онъ не поддастся: его, какъ желѣзный брусъ, не согнешь, покуда онъ самъ не согнется, въ какую сторону захочетъ. А ужъ какой-бы вышелъ изъ него мужъ! Уменъ, всѣ его уважаютъ,— завидный мужъ для всякой жены, будь она хоть принцесса. Да и онъ любилъ-бы жену, какъ рѣдко кто любитъ. У меня, у его матери, и то становится свѣтло на душѣ, когда онъ только ласково на меня взглянетъ.

Дина старалась ускользнуть отъ проницательныхъ взглядовъ и разспросовъ Лизбеты, придумывая себѣ всевозможныя занятія по хозяйству. Такимъ образомъ, за цѣлый день она почти не присѣла, а вечеромъ, какъ только Сетъ вернулся домой, она надѣла шляпу и собралась уходить. Ее очень

взволновало прощанье; но еще больше была она растрогана, когда, выйдя въ поле и обернувшись назадъ, увидѣла старуху, которая все еще стояла у дверей и смотрѣла ей вслѣдъ, — смотрѣла, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока фигура Дины не обратилась для ея старыхъ, ослабѣвшихъ глазъ въ едва замѣтную черную точку. „Да пребудетъ съ ними Богъ мира и любви!“ прошептала Дина, обернувшись назадъ въ послѣдній разъ передъ поворотомъ дороги. „И да ниспошлетъ Онъ имъ радость, какъ въ свое время ниспослалъ скорбь. Воздай имъ, Господи, за тѣ годы, въ которые они видѣли зло. Ты указуешь мнѣ разстаться съ ними: да будетъ воля Твоя!“

Лизбета наконецъ вернулась въ домъ и присѣла въ мастерской рядомъ съ Сетомъ, который былъ занятъ прилаживаніемъ точеныхъ частей рабочей шкатулки, принесенной имъ съ собой изъ деревни, и предназначавшейся въ подарокъ Динѣ передъ отъѣздомъ.

— Въ воскресенье утромъ ты еще увидишь ее прежде, чѣмъ она уѣдетъ,—были первыя слова Лизбеты.—Если-бы ты былъ на что-нибудь годенъ, ты привелъ-бы ее съ собой вечеркомъ, чтобы я могла еще разъ взглянуть на нее.

— Нѣтъ, мама, ничего объ этомъ и толковать: Дина и сама-бы пришла, если-бы считала это нужнымъ. Она думаетъ, что новое прощанье только хуже разстроитъ тебя.

— Я знаю, намъ и прощаться было-бы не зачѣмъ, если-бы Адамъ полюбилъ ее и женился на ней; но у насъ все и всегда дѣлается наперекоръ,—сказала Лизбета съ неожиданнымъ взрывомъ досады.

Сетъ покраснѣлъ, бросилъ работать и посмотрѣлъ на мать.

— Послушай, мама,—она что-нибудь тебѣ говорила объ этомъ?—спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Говорила! конечно, нѣтъ. Это только мужчины никогда ничего не видятъ; имъ все надо разжевать и въ ротъ положить.

— Но если такъ, то почему-же ты это думаешь, мама? Съ чего это пришло тебѣ въ голову?

— Дѣло вовсе не въ томъ, съ чего это пришло мнѣ въ голову. Я еще, слава Богу, не совсѣмъ поглупѣла и не могу не видѣть, что дѣлается у меня подъ носомъ. Я такъ-же вѣрно знаю, что она его любитъ, какъ знаю, что воздухъ входитъ черезъ эту открытую дверь. И онъ бы женился на ней, если-бы зналъ, что она его любитъ; но онъ никогда и не подумаетъ догадаться, если его не надоумитъ какой-нибудь добрый человѣкъ.

Догадка матери насчетъ чувствъ Дины къ Адаму не удивила Сета: та мысль, что Дина, можетъ быть, любитъ Адама, не была для него новой мыслью; но послѣднія слова матери встревожили его: онъ испугался, какъ-бы она не вздумала заговорить объ этомъ съ Адамомъ. Въ чувствахъ Дины Сетъ не былъ увѣренъ; но думалъ, что онъ знаетъ чувства Адама.

— Нѣтъ, мама, нѣтъ,—сказалъ онъ рѣшительно; нельзя говорить объ этомъ съ Адамомъ; ты должна выкинуть эту мысль. Ты не вправѣ вмѣшиваться въ дѣла Дины, разъ она ничего не говорила тебѣ о своихъ чувствахъ; да и Адаму это было-бы только непріятно. Къ Динѣ онъ очень привязанъ и очень ей благодаренъ, но у него и въ помышленіи нѣтъ жениться на ней, да, я думаю, и Дина наврядъ-ли бы за него вышла. Я думаю, она никогда не выйдетъ замужъ.

— Ну да, ты такъ думаешь потому, что она отказала тебѣ,— замѣтила съ досадой Лизбета. Все равно за тебя она не выйдетъ: значитъ ты сдѣлалъ-бы лучше, если-бы пожелалъ счастья брату.

Эти слова обидѣли Сета.

— Мама,—сказалъ онъ съ упрекомъ,—не говори этого, не будь несправедлива ко мнѣ. Я былъ-бы такъ же счастливъ имѣть ее сестрой, какъ ты—дочерью. Меньше всего въ этомъ случаѣ я думаю о себѣ, и мнѣ будетъ очень больно, если ты еще когда-нибудь это скажешь

— Ну хорошо, хорошо; только и ты меня не серди,—не говори, что этого нѣтъ, когда я знаю, что есть.

— Но и ты, мама, будешь неправа относительно Дины, если скажешь Адаму то, что ты думаешь. Изъ этого не выйдетъ добра: Адаму будетъ только непріятно и неловко, если онъ не чувствуетъ къ ней того-же, что она къ нему. А я вполнѣ убѣжденъ, что ничего подобнаго онъ не чувствуетъ

— Убѣжденъ! Ужъ лучше молчалъ-бы, когда ничего не смыслишь въ этихъ вещахъ. А зачѣмъ-бы, спрашивается, ему такъ часто ходить къ Пойзерамъ, если-бы ему не хотѣлось видѣть ее? Прежде онъ бывалъ у нихъ вдвое рѣже. Можетъ быть онъ и самъ не знаетъ, что она ему такъ нужна. Развѣ онъ знаетъ, что я кладу соль ему въ похлебку? А вѣдь, небось, сейчасъ замѣтитъ, если я подамъ безъ соли. Конечно, ему никогда не придетъ въ голову жениться, если его не навести на эту мысль, и если-бы ты хоть сколько-нибудь любилъ свою мать, ты надоумилъ-бы его и не допустилъ-бы ее уѣхать, зная, что она успокоитъ меня на старости лѣтъ, пока я не лягу подъ бѣлый кустъ, рядомъ съ моимъ старикомъ.

— Нѣтъ, мама, не думай, что я тебя не люблю; но я бы поступилъ противъ совѣсти, если-бы взялъ на себя говорить о чувствахъ Дины. И кромѣ того мнѣ кажется, что вообще заговаривать съ Адамомъ о женитьбѣ значило-бы обидѣть его; совѣтую и тебѣ этого не дѣлать. Не говорю уже о томъ, что ты могла ошибиться и насчетъ чувствъ самой Дины; судя по тому, что она сказала мнѣ въ прошлое воскресенье, я увѣренъ, что она совсѣмъ не думаетъ о замужествѣ.

— Ахъ, Боже мой! И ты, какъ всѣ,—лишь-бы спорить! Я знаю, будь это что-нибудь такое, чего-бы мнѣ не хотѣлось, все было-бы сдѣлано живой рукой.

Тутъ Лизбета поднялась со скамьи и вышла изъ мастерской, оставивъ Сета въ большой тревогѣ насчетъ того, какъ-бы она и впрямь не смутила Адама, заговоривъ съ нимъ о Динѣ. Впрочемъ, онъ скоро успокоился, вспомнивъ, что все послѣднее время съ того дня, когда Адама постигло его горя, мать была очень осторожна и деликатна съ нимъ во всемъ, что касалось его чувствъ, и что едва-ли она отважится заговорить съ нимъ о такомъ щекотливомъ предметѣ. Да даже если-бы это и случилось, онъ надѣялся, что братъ не обратитъ вниманія на ея слова.

Сетъ былъ правъ, разсчитывая, что страхъ передъ сыномъ послужитъ нѣкоторой уздой для языка Лизбеты. Къ тому-же въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней промежутки времени, когда ей представился случай поговорить съ Адамомъ, были такъ коротки, что она даже подвергалась особенно сильному искушенію. Но въ долгіе часы одиночества мысли ея такъ настойчиво возвращались къ ея завѣтной мечтѣ—возможности брака Дины съ Адамомъ,—что пріобрѣли наконецъ ту степень напряженности, когда мысль уже нельзя обуздать, когда ей становится не подъ силу таиться, и она каждую минуту межетъ прорваться наружу. И вотъ, въ воскресенье утромъ, когда Сетъ ущелъ въ Треддльстонъ, въ часовню, удобный случай представился.

Воскресенье было для Лизбеты самымъ счастливымъ днемъ въ недѣлѣ: такъ какъ служба въ Гейслопской церкви начиналась только послѣ полудня, то Адамъ цѣлое утро былъ дома и проводилъ время за чтеніемъ,—занятіе, которое Лизбета не считала особенно важнымъ и потому осмѣливалась прерывать. Въ этотъ день она всегда стряпала къ обѣду что-нибудь получше,—очень часто для себя и для Адама, потому-что Сетъ большею частью пропадалъ на весь день,—пріятный запахъ говядины, жарившейся на свѣтломъ огонькѣ въ чистенькой кухнѣ, мирное тиканье часовъ, какимъ оно всегда бываетъ въ воскресные дни,—ея любимецъ Адамъ, сидящій въ своемъ праздничномъ платьѣ возлѣ нея, за книгой, такъ что она каждую минуту могла подойти погладить его по головѣ и встрѣтить въ отвѣтъ ласковый взглядъ и улыбку, при чемъ Джипъ всегда ревновалъ и всякій разъ старался просунуть морду между нею и сыномъ,—все это составляло земной рай бѣдной Лизбеты.

По воскресеньямъ Адамъ чаще всего читалъ свою большую библію съ картинками, и въ это утро она лежала передъ нимъ на сосновомъ столѣ, въ кухнѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, несмотря на то, что тамъ было очень жарко отъ печки: онъ зналъ, что матери пріятно видѣть его около себя, а воскресенье было единственнымъ днемъ въ недѣлѣ, когда онъ могъ доставлять ей это удовольствіе. Я думаю, вамъ тоже было-бы пріятно взглянуть на Адама за его библіей. По буднямъ онъ никогда

ся не раскрывалъ, такъ что чтеніе библіи было для него по истинѣ праздничнымъ чтеніемъ, замѣнявшимъ ему историческія и біографическія книги и произведенія поэзіи. Обыкновенно онъ сидѣлъ, заложивъ одну руку за бортъ жилета, между тѣмъ какъ другая была на-готовѣ перевернуть листъ, и интересно было наблюдать за смѣной выраженій на его лицѣ въ такія минуты. То вдругъ губы у него начинали шевелиться, какъ будто онъ собирался заговорить (это случалось тогда, когда онъ читалъ чью-нибудь рѣчь и представляя себѣ, что онъ самъ могъ-бы сказать ее,—предсмертную рѣчь Самуила къ народу, или что-нибудь въ этомъ родѣ); то брови его приподымались слегка, а углы губъ опускались съ выраженіемъ скорбнаго сочувствія въ такихъ трогательныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, встрѣча Исаака съ сыномъ. Когда онъ читалъ Новый Завѣтъ, лицо его принимало торжественное выраженіе; онъ одобрительно кивалъ головой, его свободная рука невольно поднималась и опять падала такимъ-же безсознательнымъ движеніемъ. А иногда, когда онъ углублялся въ апокрифическія книги, которыя очень любилъ, рѣзкія слова сына Сирахова вызывали довольную улыбку на его лицо, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ онъ позволялъ себѣ не соглашаться съ апокрифическими писателями, ибо Адамъ, какъ и подобаетъ доброму церковнику, былъ хорошо знакомъ со всѣми тезисами своей вѣры.

Лизбета, въ свои свободныя минуты между стряпней, усаживалась противъ сына и не спускала съ него глазъ, пока наконецъ желаніе приласкать его и обратить на себя его вниманіе становилось такъ сильно, что она уже не могла утерпѣть и подходила къ нему. Въ это утро Адамъ читалъ Евангеліе отъ Матѳея, и мать уже нѣсколько минутъ стояла подлѣ него, нѣжно поглаживая его густые, въ этотъ день особенно блестящіе волосы и поглядывая на раскрытую страницу большой книги въ безмолвномъ изумленіи передъ тайной испещрявшихъ ее буквъ. Старуха позволила себѣ продлить свою ласку потому, что когда она подошла къ сыну, онъ откинулся на спинку стула, съ любовью посмотрѣлъ на нее и сказалъ: „Какой у тебя сегодня здоровый и счастливый видъ, мама!.. Смотри, смотри! Джипъ ревнуетъ: положительно онъ не выноситъ мысли, что я могу любить тебя больше, чѣмъ его“. Лизбета промолчала, потому-что ей ужъ слишкомъ многое хотѣлось сказать. Тѣмъ временемъ Адамъ дочиталъ страницу до конца и перевернулъ листъ; на новой страницѣ оказалась картинка—ангелъ, сидящій на большомъ камнѣ у гроба Христа. Эта картинка была особенно памятна Лизбетѣ, потому-что она вспомнила про нее, когда въ первый разъ увидѣла Дину, и едва успѣлъ Адамъ перевернуть страницу и слегка приподнять книгу, чтобы мать могла лучше разсмотрѣть ангела, какъ она вскрикнула: „это она—Дина, какъ живая!“

Адамъ улыбнулся и, вглядѣвшись внимательнѣе въ лицо ангела, сказалъ:

— Правда, есть сходство; только Дина, по-моему, лучше.

— Такъ отчего-же, если ты находишь ее такою хорошенькой,—отчего ты не любишь ее?

Адамъ съ удивленіемъ взглянулъ на мать.

— Почему-же ты думаешь, что я ее не люблю?

— А къ чему послужитъ, еслибы даже ты ее и любилъ,— сказала Лизбета, пугаясь собственной смѣлости, но чувствуя, что ледъ сломанъ, и потокъ долженъ прорваться, все равно, какой-бы онъ потомъ ни надѣлалъ бѣды,—къ чему это послужитъ, когда она будетъ за тридцать миль отъ тебя? Если бы ты любилъ ее, какъ слѣдуетъ, ты не допустилъ-бы ее уѣхать отъ насъ.

— Какое-же я имѣю право мѣшать ей въ томъ, что она считаетъ для себя лучшимъ?—сказалъ Адамъ, поглядывая на книгу съ такимъ видомъ, какъ будто онъ собирался читать.

Онъ предчувствовалъ, что сейчасъ начнутся безконечныя жалобы, которыя не могутъ ни къ чему привести. Тогда Лизбета опустилась на стулъ противъ него и сказала:

— Но она не сочла-бы этого лучшимъ для себя, еслибъ не твое упорство.

Лизбета еще не отваживалась идти дальше такихъ туманныхъ намековъ.

— Мое упорство, мама?—переспросилъ Адамъ, взглянувъ на нее съ новой тревогой.—Но что-же я сдѣлалъ? Что ты хочешь сказать?

— Только то, что ты ничего не видишь, ни о чемъ не думаешь, кромѣ своихъ счетовъ да книгъ,—отвѣчала Лизбета почти со слезами.—Ужъ не думаешь-ли ты всю жизнь такъ прожить? Вѣдь ты не изъ дерева. Что ты будешь дѣлать, когда я умру, и некому будетъ о тебѣ позаботиться, некому даже сварить тебѣ похлебку на завтракъ?

— Послушай, мама, въ чемъ дѣло?—сказалъ съ нетерпѣніемъ Адамъ, которому, наконецъ, надоѣло это причитанье.— Я ровно ничего не понимаю. Развѣ я еще не все дѣлаю, что ты хочешь, и что въ моей власти?

— Конечно, не все. Ты могъ-бы такъ устроить, чтобы облегчить мою старость,—чтобы у меня былъ человѣкъ, который присмотрѣлъ-бы за мной, когда я больна, который бы заботился обо мнѣ.

— Но кто-же виноватъ, мама, что у тебя нѣтъ помощницы въ домѣ? Ужъ никакъ не я. Я тебѣ объ этомъ тысячу разъ говорилъ. Насъ эта издержка не раззорила-бы, да и для всѣхъ было-бы покойнѣе со служанкой.

— Сколько-бы ты ни говорилъ о служанкѣ, это ни къ чему не поведетъ. Какая-нибудь чужая дѣвчонка изъ деревни или изъ Треддльстона, которой я и въ глаза-то никогда не ви-

дала! Да я скорѣе лягу въ гробъ живая, чѣмъ допущу, чтобы наемная служанка обряжала меня послѣ смерти.

Адамъ промолчалъ и взялся за книгу. Это былъ самый рѣзкій протестъ, какой онъ могъ себѣ позволить по отношенію къ матери въ такой день, какъ воскресенье. Но Лизбета зашла слишкомъ далеко, чтобы остановиться, не договоривъ до конца и, помолчавъ съ минуту, опять начала:

— Ты-бы и самъ легко могъ догадаться, кого я хотѣла бы имѣть подлѣ себя. Въ нашемъ приходѣ, кажется, не такъ ужъ много людей, къ которымъ-бы я засылала гонцовъ съ просьбой меня навѣстить. Вспомни, сколько разъ тебѣ приходилось ходить за ней самому.

— Я знаю, мама, ты говоришь о Динѣ. Но напрасно ты забрала себѣ въ голову то, что неисполнимо. Еслибы даже Дина захотѣла остаться въ Гейслопѣ, она едва-ли согласилась-бы уйти отъ тетки, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на родную дочь, и гдѣ, во всякомъ случаѣ, ее удерживаютъ гораздо болѣе крѣпкія привязанности, чѣмъ ея привязанность къ намъ. Конечно, еслибы она вышла за Сета, это было-бы большое счастье для насъ, но не все въ жизни складывается такъ, какъ намъ хочется, и тебѣ придется примириться съ мыслью обходиться безъ Дины.

— Нѣтъ, я не могу съ этимъ примириться, когда вижу, что она какъ будто нарочно создана для тебя, и ничто на свѣтѣ не заставитъ меня отказаться отъ мысли, что Богъ послалъ ее на землю именно для тебя. Что-жъ такое, что она методистка? Можетъ быть съ замужествомъ эта ея фантазія пройдетъ:

Адамъ откинулся на спинку стула и молча смотрѣлъ на мать. Теперь онъ понималъ, куда она гнула съ самаго начала ихъ разговора. Это было такое безразсудное, неосуществимое требованіе, какихъ до сихъ поръ она еще не предъявляла; но высказанная ею новая мысль все-таки взволновала его. Во всякомъ случаѣ, прежде всего надо было, по возможности, скорѣе заставить ее забыть эту мысль.

— Мама,—заговорилъ онъ серьезно,—ты говоришь не подумавъ. Пожалуйста никогда больше не повторяй мнѣ подобныхъ вещей. Что пользы толковать о томъ, чего никогда не можетъ случиться! Дина не хочетъ выходить замужъ; она твердо рѣшила идти совершенно другою дорогой.

— Еще-бы!—сказала съ досадой Лизбета,—мудрено хотѣть выдти замужъ, когда тотъ, за кого-бы ты вышла, тебя не беретъ. Я и сама весь вѣкъ осталась-бы въ дѣвкахъ, если-бы твой отецъ не женился на мнѣ; а Дина любитъ тебя нисколько не меньше, чѣмъ я когда-то любила моего бѣднаго Тіаса.

— Вся кровь бросилась въ лицо Адаму, и нѣсколько минутъ онъ не вполнѣ сознавалъ, гдѣ онъ: и мать, и кухня

все исчезло изъ его глазъ; онъ видѣлъ передъ собой только лицо Дины, обращенное къ нему. Въ немъ какъ будто воскресла умершая радость. Но онъ скоро пробудился отъ этого волшебнаго сна (пробужденіе было очень печальное). Безразсудно было-бы съ его стороны вѣрить матери: то, что она сказала, навѣрно не имѣло ни малѣйшаго основанія. И онъ высказалъ ей свои сомнѣнія въ очень рѣзкихъ словахъ быть можетъ потому, что ему хотѣлось заставить ее привести доказательства, если они у нея были.

— Зачѣмъ ты говоришь такія вещи, мама, не имѣя на то никакихъ основаній? Вѣдь ты не знаешь ничего такого, что давало-бы тебѣ право такъ говорить.

— Не знаю?—Да. Но вѣдь это все равно, какъ съ погодой: я не знаю ничего такого, что давало бы мнѣ право сказать, перемѣнится она или нѣтъ, но я съ утра чувствую, когда она должна перемѣниться. Сета она не любитъ, вѣдь такъ? И не хочетъ идти *за него?* Но я вижу, что съ тобой она совсѣмъ не та, что съ Сетомъ. Сетъ-ли къ ней подойдетъ, или Джипъ, она принимаетъ это одинаково; но когда ты за завтракомъ сядешь съ нею рядомъ или посмотришь на нее, она сейчасъ-же смутится—вся такъ и вспыхнетъ. Ты думаешь, мать такъ глупа, что ничего не знаетъ; можетъ быть оно и такъ, а все-таки я раньше тебя на свѣтъ родилась.

— Но почему же ты думаешь, что смущеніе означаетъ непремѣнно любовь?—спросилъ Адамъ съ волненіемъ.

— А что-же другое можетъ оно означать? Не ненависть, я надѣюсь. И отчего ей тебя не любить? Кого-же и любить, если не тебя? Гдѣ найдется человѣкъ красивѣе и умнѣе тебя? А что она методистка, такъ въ этомъ нѣтъ бѣды: укропъ похлебки не испортитъ.

Адамъ сидѣлъ, заложивъ руки въ карманы, и смотрѣлъ въ раскрытую книгу, лежавшую на столѣ, но ничего въ ней не видѣлъ. Онъ дрожалъ, какъ искатель золота, который видитъ много признаковъ, сулящихъ ему близкое открытіе золотоносной жилы, но въ то-же время видитъ и печальную возможность разочарованія. Онъ не могъ положиться на проницательность матери: она всегда видѣла то, что ей хотѣлось видѣть. А между тѣмъ теперь, когда его натолкнули на эту мысль, ему вспомнилось многое,—тысячи незначительныхъ мелочей, неуловимыхъ, какъ рябь на водѣ, поднятая легкимъ вѣтеркомъ, но изъ которыхъ каждая, какъ ему теперь казалось, подтверждала слова его матери.

Лизбета замѣтила, что онъ задѣтъ за живое, и продолжала:

— Ты увидишь, какъ тебѣ будетъ недоставать ея, когда она уѣдетъ. Ты любишь ее больше, чѣмъ думаешь. Твои глаза слѣдятъ за ней повсюду, какъ глаза Джипа за тобой.

Адамъ не могъ усидѣть долѣе. Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ въ поле.

Солнце сіяло,—то раннее осеннее солнышко, которое—мы это чувствуемъ,—даже не глядя на пожелтѣвшія липы и орѣшникъ, свѣтитъ уже не по лѣтнему, то утреннее воскресное солнышко, которое приноситъ съ собою болѣе, чѣмъ осеннюю, тишину для рабочаго человѣка и которое оставляетъ капли росы на тонкихъ нитяхъ паутины въ тѣни живыхъ изгородей.

Адамъ нуждался въ его мирномъ вліяніи; онъ былъ самъ изумленъ, съ какою силою имъ овладѣла эта новая мысль о возможности любви къ нему Дины. Въ душѣ его не оставалось другихъ чувствъ, кромѣ страстнаго желанія убѣдиться, что она любитъ его. Странно, что до этой минуты ему никогда не приходило въ голову, что они могли-бы полюбить другъ друга; за то теперь всѣ его помыслы устремились къ этой возможности. Въ немъ не было ни колебаній, ни сомнѣній насчетъ того, чего онъ желалъ, какъ нѣтъ ихъ у птицы, направляющей въ темнотѣ свой полетъ къ источнику свѣта.

Воскресное осеннее солнце его успокоило, не тѣмъ, что заранѣе примирило его съ разочарованіемъ на тотъ случай, если-бы оказалось, что мать его, что онъ самъ ошибался насчетъ чувствъ Дины. Нѣтъ, оно его успокоило, вливъ въ его душу надежду. Ея любовь была такъ похожа на этотъ тихій солнечный свѣтъ, что она составляла для него какъ-бы одно цѣлое, и онъ одинаково вѣрилъ въ то и другое. И потомъ, мысль о Динѣ была всегда такъ тѣсно связана для него съ грустными воспоминаніями прежней любви, что любовь къ ней не только не ослабляла ихъ, но какъ будто освящала, дѣлала еще дороже. Да, любовь его къ ней выросла изъ прошлаго: то была заря свѣтлаго утра, наставшаго для него теперь.

Но какъ примѣтъ это Сетъ? Очень-ли онъ огорчится? Едва-ли: въ послѣднее время онъ совсѣмъ успокоился, и въ немъ никогда не было себялюбивыхъ чувствъ ни ревности, ни зависти; онъ никогда не ревновалъ мать за ея предпочтеніе къ брату, котораго она любила больше, и не завидовалъ ему. Но подозрѣвалъ-ли онъ что-нибудь похожее на то, о чемъ сейчасъ говорила мать? Адаму страшно хотѣлось это узнать, потому что онъ думалъ, что на наблюдательность Сета онъ можетъ больше положиться. Да, необходимо поговорить съ Сетомъ прежде, чѣмъ идти къ Динѣ, и съ этою мыслью онъ вернулся домой и спросилъ Лизбету:

— Говорилъ тебѣ что-нибудь Сетъ, когда онъ вернется домой? Придетъ онъ къ обѣду?

— Да, сынокъ; сверхъ обыкновенія онъ собирался придти. Онъ пошелъ не въ Треддльстонъ, а куда-то въ другое мѣсто, гдѣ у нихъ будетъ молитва и проповѣдь.

— Не знаешь-ли ты, въ какую сторону онъ пошелъ?

— Нѣтъ, но, кажется, онъ часто ходитъ черезъ общій выгонъ, тебѣ лучше знать, чѣмъ мнѣ, какой дорогой онъ ходитъ.

Адаму очень хотѣлось пойти на встрѣчу Сету, но дѣлать было нечего, приходилось ждать—бродить по полю по близости отъ дома, чтобы замѣтить его, какъ только онъ покажется. Раньше, чѣмъ черезъ часъ, онъ наврядъ-ли вернется, потому что онъ приходилъ всегда къ самому обѣду, т.-е. къ двѣнадцати часамъ, въ тѣ дни, когда обѣдалъ дома. Но Адамъ не могъ заставить себя приняться за чтеніе и то ходилъ вдоль ручья, то стоялъ, облокотившись на изгородь и глядя передъ собой и кругомъ внимательными, жадными глазами; казалось, онъ зорко присматривается ко всему окружающему, но онъ не видалъ ни ручья, ни ивъ, ни полей, ни облаковъ на небѣ. Вновь и вновь заглядывалъ онъ въ свою душу и изумлялся силѣ своего чувства, этой новой любви, заставлявшей такъ сладко замирать его сердце, радостно изумлялся, какъ изумляется человѣкъ, когда убѣдится, что онъ не утратилъ своей прежней сноровки въ искусствѣ, которое было имъ почему-нибудь надолго заброшено. Отчего это поэты говорятъ такъ много прекрасныхъ вещей о первой любви и такъ мало о второй? Развѣ ихъ первыя поэмы лучшее изъ того, что было ими написано? И не выше-ли стоятъ тѣ ихъ творенія, которыя явились плодомъ болѣе зрѣлой мысли, болѣе широкаго опыта и привязанности, пустившихъ глубокіе корни? Серебристый, какъ флейта, тоненькій дѣтскій голосокъ имѣетъ свою весеннюю прелесть; но отъ взрослаго человѣка мы ждемъ музыки сильнѣе и богаче.

Наконецъ вдали показался Сетъ, и Адамъ быстро пошелъ ему на встрѣчу. Сета это удивило, и онъ подумалъ, не случилось-ли чего-нибудь; но когда Адамъ подошелъ поближе, лицо его сказало ему, что во всякомъ случаѣ ничего страшнаго не случилось.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ Адамъ.

— Въ общинѣ,—отвѣчалъ Сетъ.—Сегодня Дина говорила проповѣдь передъ небольшой кучкой слушателей, въ домѣ у „Пороха“, какъ егоздѣсьзовутъ. Общинники никогда почти не ходятъ въ церковь, но охотно слушаютъ Дину. Сегодня она очень хорошо говорила; она взяла текстъ: „Я пришелъ не праведниковъ призвать къ покаянію, но грѣшниковъ“. Преинтересная, между прочимъ, вышла тамъ сценка. Женщины приходятъ обыкновенно съ дѣтьми, и вотъ сегодня тамъ былъ одинъ здоровый, кудрявый мальчуганъ лѣтъ трехъ - четырехъ, котораго я раньше никогда не видалъ. Въ началѣ, пока мы молились и пѣли, онъ страшно шумѣлъ; но какъ только всѣ сѣли и Дина начала говорить,

онъ замолчалъ, остановился, какъ вкопаный, и уставился на нее, разинувъ ротъ; потомъ вдругъ какъ вырвется отъ матери, и прямо къ Динѣ, и давай ее теребить за платье, точно собаченка, которая хочетъ обратить на себя вниманіе. Дина взяла его на руки и продолжала говорить, и все время, пока она говорила, онъ былъ какъ шелковый, не пикнулъ, такъ и заснулъ у нея на рукахъ. Мать даже заплакала, глядя на нихъ съ Диной.

— Какъ жаль, что ей самой не суждено быть матерью,— сказалъ Адамъ;—дѣти такъ ее любятъ. Какъ ты думаешь, Сетъ, она твердо рѣшила не выходить замужъ? Какъ ты думаешь, ея рѣшенія ничто не можетъ измѣнить?

Въ тонѣ этого вопроса было что-то такое, что заставило Сета быстро взглянуть на брата, прежде чѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, этого я не думаю и никогда не скажу. Но если ты говоришь обо мнѣ, то я давно отказался отъ всякой надежды, что она когда-нибудь будетъ *моею* женой. Она меня любитъ, какъ брата, и съ меня этого довольно.

— Но какъ ты думаешь, можетъ она полюбить кого-нибудь другого настолько, чтобы рѣшиться выдти за него? спросилъ Адамъ нерѣшительно.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчалъ Сетъ послѣ минутнаго колебанія:—эта мысль часто приходила мнѣ въ голову въ послѣднее время. Но я думаю, Дина не допуститъ себя увлечься земною любовью настолько, чтобы покинуть путь, предначертанный ей Богомъ. Если только она и въ этомъ не будетъ видѣть перста Божія, она едва-ли поддастся своему чувству. Мнѣ кажется, ей всегда было слишкомъ ясно ея призваніе— служить ближнему и не помышлять о земномъ счастьи для себя.

— Но предположимъ, сказалъ серьезно Адамъ,—предположимъ, что нашелся-бы человѣкъ, который ни въ чемъ не сталъ-бы стѣснять ея свободы и предоставилъ-бы ей идти тѣмъ путемъ, какой она избрала; тогда замужество не помѣшало-бы ей дѣлать то-же, или почти то-же, что она дѣлаетъ и теперь. Вѣдь выходятъ-же замужъ другія женщины ея склада, т. е. не совсѣмъ такія, какъ она, но все равно—женщины-проповѣдницы, помогающія больнымъ и несчастнымъ; да хоть бы та-же мистрисъ Флетчеръ, о которой она такъ часто говоритъ.

Новый свѣтъ озарилъ Сета: онъ понялъ все. Онъ повернулся и, положа руку на плечо брату, спросилъ:

— Послушай, ты говоришь о себѣ? Ты самъ хотѣлъ-бы жениться на ней?

Адамъ нерѣшительно посмотрѣлъ въ глаза Сету и сказалъ:

— А ты-бы очень огорчился, еслибы оказалось, что она любитъ меня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сетъ горячо.—Какъ тебѣ могло придти

это въ голову? Неужто я такъ мало сочувствовалъ твоему горю, что ты считаешь меня неспособнымъ раздѣлить твою радость?

Нѣсколько минутъ братья молча шли рядомъ. Наконецъ, Сетъ сказалъ:

— Я никогда-бы не подумалъ, что ты захочешь жениться на ней.

— Но согласится-ли она быть моею женой? Какъ ты думаешь, могу я надѣяться? Мама сейчасъ наговорила мнѣ такого, что я почти не сознаю, гдѣ я и что со мною. Она увѣряетъ, что Дина любитъ меня и охотно пойдетъ за меня замужъ. Но я боюсь, что она говоритъ зря, что все это она вообразила. Мнѣ хотѣлось-бы знать, замѣчалъ-ли ты что-нибудь?

— Вотъ видишь-ли, это очень щекотливый вопросъ, сказалъ Сетъ;—я боюсь ошибиться. Къ тому же я считаю, что мы не въ правѣ говорить о чувствахъ человѣка, когда самъ онъ о нихъ молчитъ.—Сетъ замолчалъ, но спустя минуту прибавилъ: Но отчего бы тебѣ не спросить ее прямо? Она нисколько не оскорбилась моимъ предложеніемъ, а у тебя на это во всякомъ случаѣ больше правъ, чѣмъ было у меня. Одно только: ты не принадлежишь къ общинѣ. Но Дина не раздѣляетъ взгляда тѣхъ изъ братьевъ, которые ограничиваютъ число избранныхъ исключительно членами нашей общины. Она одинаково хорошо относится ко всякому, кто достоинъ войти въ царствіе Божіе. Многіе у насъ въ Треддльстонѣ даже недовольны за это на нее.

— Не знаешь, гдѣ она проводитъ сегодняшній день? спросилъ Адамъ.

— Она говорила, что весь день будетъ дома, потому что это ея послѣднее воскресенье на Фермѣ. Она хотѣла почитать Библію дѣтямъ.

„Въ такомъ случаѣ я пойду къ ней сейчасъ-же послѣ обѣда, потому что если я пойду въ церковь, я всю службу буду думать о ней. Пусть ужъ пропоютъ антифонъ безъ меня“ подумалъ Адамъ, но не сказалъ.

ГЛАВА LII.

АДАМЪ И ДИНА.

Было около трехъ часовъ пополудни, когда Адамъ вошелъ на дворъ Большой Фермы и разбудилъ Алика и собакъ, наслаждавшихся воскреснымъ отдыхомъ. Аликъ сказалъ Адаму, что всѣ ушли въ церковь, кромѣ „молодой хозяйки“, какъ онъ называлъ Дину. Нельзя сказать, чтобы это извѣстіе огорчило Адама, не смотря на то, что подъ словомъ „всѣ“ подразумѣ-

валась даже Нанси, молочница, чьи обязанности оказывались не всегда совмѣстимыми съ посѣщеніемъ церкви.

На фермѣ царила полная тишина; всѣ двери были заперты, и даже камни и водосточныя трубы казались безмолвнѣе обыкновеннаго. Вода тихонько капала изъ насоса,—это былъ единственный звукъ, который слышалъ Адамъ,—и онъ тихонько постучался въ дверь, точно боясь нарушить общую тишину.

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась Дина. Она вся вспыхнула, увидѣвъ Адама въ это неурочное время, когда, какъ ей было извѣстно, онъ обыкновенно бывалъ въ церкви. Еще вчера онъ сказалъ-бы ей безъ всякаго смущенія: „Я пришелъ посидѣть съ вами, Дина: я зналъ, что никого нѣтъ дома и вы одна". Но сегодня что-то мѣшало ему это сказать, и онъ молча подалъ ей руку. Оба молчали, хотя и тотъ, и другая дорого дали-бы за возможность заговорить. Адамъ вошелъ, и они сѣли.—Дина на стулъ, съ котораго только-что встала, у окна, передъ столомъ (На столѣ лежала книга, но она была закрыта; Дина передъ тѣмъ не читала, а сидѣла, не шевелясь, и смотрѣла въ огонь, догоравшій за рѣшеткой камина). Адамъ сѣлъ насупротивъ, на трехногій табуретъ мистера Пойзера.

— Надѣюсь, все у васъ благополучно, Адамъ? сказала, наконецъ, Дина, немного оправившись.—Сетъ говорилъ мнѣ поутру, что ваша мать совершенно здорова.

— Да, сегодня она молодцомъ, отвѣтилъ Адамъ, счастливый сознаніемъ, что Дина взволновалась при видѣ его, но робѣя.

— Дома никого нѣтъ, какъ видите, сказала Дина;—но, вы, конечно, ихъ подождете. Вѣрно вамъ что-нибудь помѣшало быть въ церкви?

— Да, отвѣчалъ Адамъ. Онъ помолчалъ и прибавилъ:—Я не пошелъ въ церковь, потому что думалъ о васъ.

Признаніе вышло неловкое и внезапное—Адамъ это чувствовалъ, но онъ думалъ, что Дина его пойметъ. Однако, именно прямота его слова заставила ее объяснить ихъ себѣ, какъ новое доказательство его братскаго участія къ ней, и она отвѣтила совершенно спокойно.

— Пожалуйста, Адамъ, не тревожьтесь обо мнѣ понапрасну. У меня въ Сноуфильдѣ есть все, что мнѣ надо, и теперь я совсѣмъ успокоилась, потому что, уѣзжая отсюда, я не свою волю творю, а повинуюсь Высшей Волѣ.

— Но еслибы дѣло стояло иначе, проговорилъ Адамъ нерѣшительно,—еслибы вы знали нѣчто, чего теперь, быть можетъ, не знаете...

Дина смотрѣла на него съ видомъ спокойнаго ожиданія; но вмѣсто того, чтобы продолжать, онъ взялъ стулъ и придвинулся къ столу, ближе къ ней. Это ее удивило и испугало, потому что въ тотъ же мигъ мысли ея вернулись къ прошлому: не собирается-ли онъ разсказать ей что-нибудь о тѣхъ двухъ несчастныхъ изгнанникахъ, чего она еще не знаетъ?

Адамъ смотрѣлъ на нее: такъ радостно было смотрѣть въ ея глаза, обращенные на него съ безмолвнымъ вопросомъ,— въ эти кроткіе глаза, въ которыхъ не было и тѣни помысла о себѣ,.. На минуту онъ забылъ, что̀ хотѣлъ ей сказать, и что она ждетъ отвѣта.

— Дина, заговорилъ онъ вдругъ, захвативъ въ свои руки обѣ ея руки,—я васъ люблю всѣмъ сердцемъ, всей душой. Я люблю васъ больше всѣхъ на свѣтѣ послѣ Бога, создавшаго меня.

Вся кровь сбѣжала съ лица Дины, такъ-что даже губы совсѣмъ побѣлѣли, и она задрожала всѣмъ тѣломъ подъ наплывомъ мучительной радости. Руки ея похолодѣли въ рукахъ Адама, какъ у мертвой. Она не могла ихъ вырвать, потому-что онъ ихъ крѣпко держалъ.

— Не говорите, что вы не можете любить меня, Дина. Не говорите, что мы должны разстаться и жить вдали другъ отъ друга.

Слезы дрожали у нея на рѣсницахъ и полились изъ глазъ прежде, чѣмъ она успѣла отвѣтить; но голосъ звучалъ совершенно спокойно, когда она сказала:

— Да, дорогой Адамъ, мы должны покориться волѣ Божіей,—мы должны разстаться.

— Но зачѣмъ-же,—зачѣмъ, если вы меня любите, Дина? страстно воскликнулъ Адамъ.—Скажите,—скажите, что я могу быть для васъ больше, чѣмъ братомъ?

Дина слишкомъ привыкла полагаться на Бога, какъ на руководителя всѣхъ ея поступковъ, чтобы пытаться достигнуть какой-бы то ни было цѣли обманомъ. Она уже начинала приходить въ себя послѣ первой минуты волненія, и теперь, взглянувъ на Адама, сказала просто и искренно:

— Да, Адамъ, сердце мое рвется къ вамъ, и еслибы я не получила совершенно яснаго указанія и дала-бы себѣ волю, для меня не было-бы бо̀льшого счастья, какъ постоянно быть съ вами, служить вамъ, заботиться о васъ. Боюсь, что я забыла-бы радоваться чужою радостью и печалиться чужою печалью,—боюсь, что я забыла-бы о присутствіи Бога и не искала-бы иной любви, кромѣ вашей.

Адамъ заговорилъ не сразу. Они сидѣли и въ упоеніи, молча, смотрѣли другъ на друга, ибо первое сознаиіе взаимной любви всецѣло поглощаетъ душу, заставляя забывать обо всемъ.

— Но если вы меня любите, Дина,—сказалъ наконецъ, Адамъ,—что-же можетъ мѣшать намъ соединиться и всю жизнь прожить вмѣстѣ? Кто вложилъ въ насъ эту любовь? И можетъ-ли быть что-нибудь болѣе святое? Мы не забудемъ о присутствіи Бога.—Онъ всегда будетъ съ нами, потому-что мы будемъ помогать другъ другу во всемъ, что̀ справедливо и хорошо. Я никогда не встану между вами и вашею со-

вѣстью, никогда не скажу вамъ: не дѣлай того-то или то-то; вы и тогда, какъ теперь, будете идти избраннымъ вами путемъ.

— Да, Адамъ, я знаю, что бракъ есть святая и великая вещь для тѣхъ, кто къ нему призванъ и не имѣетъ иного призванія. Но меня съ дѣтства влекло на другую дорогу; душевный миръ и всѣ мои радости я почерпала именно въ томъ, что у меня не было своей личной жизни, своихъ нуждъ и желаній: я жила въ Богѣ и только для ближнихъ, которыхъ Онъ мнѣ посылалъ, чтобы я дѣлила съ ними ихъ горе и радости. То были для меня счастливые годы, и я чувствую, что если я послушаюсь голоса, который побуждаетъ меня сойти съ предначертаннаго пути, я навѣкъ отвернусь отъ свѣта, сіявшаго мнѣ, и душу мою охватятъ мракъ и сомнѣніе. Мы не дадимъ другъ другу счастья, Адамъ, если сомнѣніе зародится въ моей душѣ, и если я пожалѣю, когда уже будетъ поздно, о той лучшей долѣ, которая мнѣ была дана и которую я отвергла.

— Но, Дина, если теперь въ вашей душѣ живетъ новое чувство, если вы любите меня настолько, что вамъ хочется быть со мною больше, чѣмъ съ кѣмъ-бы то ни было изъ близкихъ людей,—развѣ это не указаніе, что вы должны измѣнить вашу жизнь? Развѣ ваша любовь не убѣждаетъ васъ въ этомъ, если ужъ не можетъ убѣдить ничто другое?

— Адамъ, въ моей душѣ борятся сомнѣнія: съ той минуты, какъ вы мнѣ сказали про вашу любовь, то, что было мнѣ ясно, стало опять темно и непонятно. Прежде я чувствовала, что я васъ слишкомъ сильно люблю (я вѣдь думала, что въ вашемъ сердцѣ нѣтъ отклика на мое чувство), и мысль о васъ до такой степени меня поглощала, что душа моя утратила свободу: ее поработила земная привязанность; меня мучилъ страхъ за себя,—я думала о томъ, что́ будетъ со мной. Прежде, въ другихъ моихъ привязанностяхъ, я никогда не разсчитывала на взаимность; теперь-же сердце мое жаждетъ вашей любви. И тогда я ни на минуту не сомнѣвалась, что я должна бороться противъ этого чувства, какъ противъ великаго искушенія; тогда для меня было ясно, что Богъ повелѣваетъ мнѣ уѣхать отсюда.

— Но, теперь, Дина, дорогая моя,—теперь, когда вы знаете, что я люблю васъ даже больше, чѣмъ вы меня, — теперь совсѣмъ другое. Вы не уѣдете, вы останетесь, будете моей женой, и я буду благодарить Бога, какъ еще никогда не благодарилъ, за то, что Онъ далъ мнѣ жизнь.

— Адамъ, мнѣ трудно оставаться глухой къ вашимъ мольбамъ,—вы знаете, какъ это мнѣ трудно; но надо мной тяготѣетъ великій страхъ. Мнѣ кажется, что вы протягиваете мнѣ руки и зовете меня раздѣлить съ вами легкую, счастливую жизнь, къ которой и самоё меня тянетъ, а Іисусъ, нашъ Искупитель, стоитъ подлѣ, смотритъ на меня и указываетъ мнѣ

на грѣшниковъ, больныхъ и несчастныхъ. Я постоянно вижу это, когда сижу одна, и кругомъ темно и тихо, и ужасъ охватываетъ меня, когда я подумаю, что сердце мое можетъ зачерствѣть, что я могу стать эгоисткой и отказаться смиренно нести крестъ Искупителя.

Дина закрыла глаза, и слабая дрожь прошла по ея тѣлу.— Адамъ, продолжала она,—вы сами не захотите такого счастья, которое пріобрѣтается измѣной свѣту и правдѣ, живущимъ въ нашей душѣ; вы даже не назовете этого счастьемъ, — на этотъ счетъ мы съ вами одного мнѣнія.

— Да, Дина,—печально отвѣтилъ Адамъ,—меньше всего я сталъ-бы убѣждать васъ поступить противъ совѣсти; но я не могу отказаться отъ надежды, что со временемъ вы перемѣните вашъ взглядъ на этотъ вопросъ. Я не вѣрю, чтобы ваша любовь ко мнѣ могла ожесточить ваше сердце. Любовь ничего у васъ не отниметъ, — она сдѣлаетъ васъ только богаче, потому-что, мнѣ кажется, любовь и счастье, какъ и горе, дѣлаютъ человѣка лучше. Чѣмъ больше мы узнаемъ то и другое, тѣмъ лучше начинаемъ понимать жизнь, тѣмъ живѣе представляемъ себѣ, какою она могла-бы быть и для другихъ людей, и тѣмъ нѣжнѣе относимся къ нимъ, тѣмъ болѣе у насъ желанія имъ помочь. Чѣмъ больше у человѣка знаній, тѣмъ лучше онъ работаетъ, а чувство вѣдь тоже своего рода знаніе.

Дина молчала; глаза ея задумчиво глядѣли впередъ въ озерцаніи чего-то, видимаго только ей одной. Адамъ продолжалъ защищать свое дѣло.

— Вы будете почти такъ-же свободны, какъ и теперь. Я не стану требовать, чтобы вы ходили со мной въ церковь по воскресеньямъ; вы будете ходить, куда захотите, — проповѣдовать, учить людей, потому-что хоть самъ я и вѣрующій церковникъ, но я не ставлю себя выше васъ и не считаю, что вы должны поступать согласно съ моею, а не съ вашей собственной совѣстью. Вы будете точно такъ-же, какъ и теперь, посѣщать больныхъ и несчастныхъ, только у васъ будетъ больше средствъ придти имъ на помощь; будете жить въ кругу близкихъ друзей, которые васъ любятъ, и будете имѣть возможность помогать имъ и быть для нихъ благословеніемъ Божіимъ до ихъ послѣдняго дня. Увѣряю васъ, Дина, что вы будете такъ-же близки къ Богу, какъ если останетесь одинокой и проживете всю жизнь вдали отъ меня.

Дина не спѣшила отвѣтомъ. Адамъ все еще держалъ ея руки и смотрѣлъ на нее съ тревожнымъ ожиданіемъ, почти дрожа. Наконецъ, она подняла на него свои серьезные, сіяющіе любовью глаза и сказала печально:

— Адамъ, въ вашихъ словахъ есть доля правды. Между братьями и сестрами нашей общины я знаю многихъ, кто былъ угоднѣе Богу, чѣмъ я, и у кого было достаточно широкое сердце, чтобы совмѣстить любовь къ людямъ съ лю-

бовью къ мужу и семьѣ. Но я не увѣрена, что такъ будетъ со мной, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я отдала вамъ мою любовь, я утратила миръ душевный и радость и не такъ глубоко ощущаю присутствіе Бога; я чувствую, что душа моя раздѣлилась. Подумайте обо мнѣ и пожалѣйте меня, Адамъ. Та жизнь, которую я веду съ дѣтства, была для меня обѣтованной страной, гдѣ я жила, не зная, что такое душевный разладъ. Понятно, что теперь, прислушиваясь къ сладкому голосу, зовущему меня въ иную, неизвѣстную мнѣ страну, я не могу не бояться, что придетъ время, когда душа моя станетъ томиться по утраченномъ счастіи; а гдѣ сомнѣніе, тамъ нѣтъ совершенной любви. Я должна ждать болѣе яснаго указанія: намъ надо разстаться и беззавѣтно положиться на волю Божію. Бываютъ случаи, когда человѣкъ долженъ приносить въ жертву самыя свои естественныя и сильныя привязанности.

Адамъ не смѣлъ настаивать дальше, ибо слова Дины были сама искренность: въ нихъ не было и тѣни каприза. Но ему было очень тяжело; глаза его, глядѣвшіе на нее, потускнѣли отъ слезъ.

— Но, можетъ быть, вы еще убѣдитесь... почувствуете, что можете вернуться ко мнѣ, и мы больше никогда не разстанемся, Дина?

— Мы должны покориться, Адамъ. Со временемъ нашъ долгъ станетъ намъ ясенъ. Быть можетъ, когда я вернусь къ прежней жизни, всѣ мои теперешія новыя мысли и желанія исчезнутъ, какъ будто ихъ никогда и не было. Тогда я буду знать, что я не призвана къ браку. Во всякомъ случаѣ, мы должны ждать.

— Дина, вы не любите меня такъ, какъ я васъ люблю, сказалъ Адамъ печально, — иначе вы-бы не сомнѣвались. Впрочемъ, это естественно: могу-ли я сравнить себя съ вами! Я не могу сомнѣваться, что для меня нѣтъ грѣха любить самое совершенное изъ Божьихъ созданій, какое мнѣ дано было узнать.

— Нѣтъ, Адамъ, мнѣ кажется, что любовь моя къ вамъ не слаба: сердце мое рвется къ вамъ; я жажду васъ видѣть и слышать, почти какъ малый ребенокъ, ожидающій нѣжности и поддержки отъ тѣхъ, кому указано печься о немъ. Если-бы я васъ мало любила, я не боялась-бы сотворить себѣ кумира изъ этой любви. Но вы не будете больше мучить меня,—вы мнѣ поможете попытаться нести мой крестъ до конца.

— Выйдемъ, Дина, на солнышко и пройдемся немного. Больше я не скажу ни одного слова, которое могло-бы васъ взволновать.

Они вышли и пошли полемъ въ ту сторону, откуда вся семья должна была вернуться домой. Адамъ сказалъ: „обопритесь на мою руку, Дина“, и Дина взяла его подъ руку

Это была единственная перемѣна въ ихъ обращеніи другъ съ другомъ, со времени ихъ послѣдней прогулки. Но ни близость разлуки, ни неизвѣстность будущаго не могли погасить въ душѣ Адама радостнаго чувства, отнять у него сладкаго сознанія, что Дина любитъ его. Онъ рѣшилъ остаться на фермѣ на весь вечеръ: ему хотѣлось какъ можно дольше побыть съ ней.

— Смотри-ка! Вонъ идетъ Адамъ съ Диной, сказалъ мистеръ Пойзеръ, отворяя первыя воротца въ изгороди ближняго поля. — А я-то въ толкъ не могъ взять, отчего его не было въ церкви. Послушай, добавилъ добродушный Мартинъ послѣ минутнаго молчанія, — какъ ты думаешь, что мнѣ сейчасъ пришло въ голову?

— Я думаю, на этотъ разъ ты недалекъ отъ истины, потому что трудно не видѣть того, что у тебя передъ носомъ. Вѣрно ты хочешь сказать, что Адамъ влюбленъ въ Дину?

— А развѣ ты уже догадывалась объ этомъ и раньше?

— Конечно, догадывалась, отвѣчала мистрисъ Пойзеръ, не допускавшая мысли, что ее могутъ захватить врасплохъ.—Я не изъ тѣхъ людей, которые видятъ кошку въ молочной и не могутъ понять, зачѣмъ она туда забралась.

— Но ты никогда ни словомъ объ этомъ не заикалась!

— Я не прогорѣлое рѣшето, въ которомъ ничто не удержится. Могу и помолчать, когда не вижу надобности болтать языкомъ.

— Но Дина не пойдетъ за него, какъ ты думаешь?

— Я думаю, что нѣтъ, отвѣчала мистрисъ Пойзеръ, — на этотъ разъ не совсѣмъ осторожно, потому что она была далека отъ мысли о возможности сюрприза съ этой стороны.— Если она когда и выйдетъ замужъ, такъ только за методиста, да и то за калѣку.

— А какъ было-бы хорошо, если-бы они поженились, замѣтилъ Мартинъ, склонивъ голову на бокъ въ пріятномъ созерцаніи своей новой идеи,—Я думаю, и тебя-бы это порадовало, а?

— Еще-бы! По крайней мѣрѣ, я тогда была-бы увѣрена, что она не уѣдетъ отъ насъ за тридцать миль въ этотъ свой Сноуфильдъ, когда у меня здѣсь живой души нѣтъ, съ кѣмъ перемолвиться словомъ, — только сосѣдки, всѣ мнѣ чужія, и притомъ, по большей части такія неряхи, что будь у меня посуда въ молочной въ такомъ видѣ, какъ у нихъ, мнѣ стыдно было-бы показаться въ люди. Еще-бы на рынкѣ не было прогорклаго масла! А ужъ какъ-бы я была рада видѣть ее, бѣдняжку, пристроенной по человѣчески! Былъ-бы у нея хоть свой уголъ, а ужъ бѣльемъ и пухомъ на подушки мы-бы ее не обидѣли: вѣдь послѣ моихъ родныхъ дѣтей она мнѣ ближе всѣхъ. Когда она въ домѣ, чувствуешь себя какъ-то безопаснѣе; она точно снѣжинка чистая, упавшая съ неба; имѣя ее за спиной, можно грѣшить за двоихъ.

— Дина! закричалъ Томми, пускаясь бѣгомъ ей на встрѣчу, — мама говоритъ, что ты выйдешь замужъ за методиста, да еще за калѣку. Какая, должно быть, ты глупая!

Послѣ этого комментарія Томми ухватился обѣими руками за платье Дины и принялся выплясывать вокругъ нея танецъ, долженствовавшій служить выраженіемъ его дружескихъ чувствъ.

— Знаете, Адамъ, намъ очень недоставало васъ во время пѣнія, сказалъ мистеръ Пойзеръ. — Какъ это случилось, что васъ не было въ церкви?

— Мнѣ хотѣлось повидать Дину, сказалъ Адамъ; — она скоро отъ насъ уѣзжаетъ.

— Эхъ, парень, кабы ты убѣдилъ ее остаться! Найди-ка ей хорошаго мужа въ нашемъ приходѣ; если найдешь, мы, такъ и быть, простимъ тебя за то, что ты сегодня не былъ въ церкви... Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, она не уѣдетъ отъ насъ до пожинокъ. Ты, конечно, придешь къ намъ ужинать въ среду. Будутъ Бартль Масси и, можетъ быть, Крегъ. Смотри-же, приходи ровно въ семь; моя хозяйка терпѣть не можетъ, когда опаздываютъ.

— Непремѣнно приду, если будетъ можно, сказалъ Адамъ.— Но навѣрное не могу обѣщать, потому что часто случается, что работа задержитъ... Значитъ, вы остаетесь до конца недѣли, Дина?

— Да, да, мы ее просто не пустимъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ.

— Ей не зачѣмъ торопиться, добавила мистеръ Пойзеръ.— Въ пустой печи и безъ нея наврядъ-ли что переварится или сбѣжитъ. Успѣетъ еще наголодаться въ этомъ голодномъ краю.

Дина улыбнулась, но не обѣщала остаться, и разговоръ перешелъ на другое. Такъ шли они по солнышку, не спѣша, болтая о разныхъ разностяхъ, то останавливаясь взглянуть, какъ паслось большое стадо гусей, то оглядывая вновь поставленныя копны, то дивясь изобилію плодовъ, которые въ этотъ годъ принесло старое грушевое дерево. Нанси и Молли давно уже ушли впередъ, рядышкомъ, причемъ у каждой былъ въ рукахъ тщательно завернутый въ носовой платокъ молитвенникъ, въ которомъ ни та, ни другая ничего не могли разобрать, кромѣ заглавныхъ буквъ, да слова „Аминь“.

Да, всякій досугъ покажется суетливой дѣятельностью, въ сравненіи съ прогулкой по полямъ въ солнечный день, послѣ вечерней воскресной службы,—съ прогулкой, какія бывали въ то доброе, досужее время, когда парусное суденышко, скользящее по сонной поверхности канала, было самоновѣйшимъ способомъ передвиженія, когда всѣ молитвенники были въ старыхъ коричневыхъ кожаныхъ переплетахъ и съ замѣчательною аккуратностью открывались всегда на одномъ и томъ-же

мѣстѣ. Теперь досуга нѣтъ болѣе: онъ ушелъ туда, куда ушли самопрялки, почтовые дилижансы и коробейники, раскладывавшіе свой товаръ прямо на солнышкѣ у дверей вашего дома. Глубокомысленные философы, можетъ быть, скажутъ вамъ, что главная цѣль паровыхъ машинъ—доставить досугъ человѣчеству. Не вѣрьте имъ: паръ создалъ только пустоту, которую безпокойная мысль человѣческая стремится заполнить. Даже праздность въ наше время жаждетъ дѣятельности, жаждетъ развлеченій: ей нужны увеселительныя поѣздки, музеи, картинныя галлереи, періодическая литература и сенсаціонные романы. Она не прочь даже окунуться въ науку и мимоходомъ заглянуть въ микроскопъ. Совсѣмъ другимъ человѣкомъ былъ досугъ добраго, стараго времени: онъ читалъ одну „свою“ газету, дѣвственно свободную отъ всякихъ передовицъ, и не зналъ тѣхъ періодическихъ волненій, какія мы переживаемъ теперь каждый день, съ приближеніемъ часа прибытія почты. Старый досугъ былъ господинъ созерцательнаго склада ума, спокойнаго міровоззрѣнія, дородный и крѣпкій, съ превосходнымъ пищевареніемъ, не нарушаемымъ никакими „вопросами“, счастливый своею неспособностью заглядывать въ корень вещей и предпочитавшій самыя вещи. Жилъ онъ по большей части въ деревнѣ, среди живописныхъ усадебъ и иныхъ пріятныхъ сельскихъ убѣжищъ; любилъ бродить гдѣ-нибудь подъ стѣной фруктоваго сада, вдыхая ароматъ абрикосовъ, пригрѣтыхъ теплымъ полуденнымъ солнышкомъ, или уединяться въ тѣни, подъ грушевымъ деревомъ, и подбирать падающія спѣлыя груши; знать не хотѣлъ церковныхъ службъ въ будніе дни и былъ ничуть не худшаго мнѣнія о воскресной проповѣди, когда она давала ему возможность вздремнуть и даже проспать ее всю, начиная съ вступительнаго текста и вплоть до самаго отпуска. Онъ предпочиталъ вечернюю службу, потому-что она короче, и не стыдился въ этомъ сознаться, ибо совѣсть у него была спокойная, покладистая, широкая, какъ онъ самъ, выносившая огромное количество портвейна и пива, незнакомая ни съ сомнѣніями, ни съ угрызеніями, ни съ возвышенными стремленіями къ идеалу. Жизнь была для него не долгомъ, а синекурой. Онъ побрякивалъ гинеями въ своихъ карманахъ, съѣдалъ свой обѣдъ и спалъ сномъ праведника, потому-что развѣ онъ не исполнилъ положеннаго, отбывъ въ воскресенье вечернюю службу въ церкви?

Милый досугъ добраго, стараго времени! Не будьте къ нему слишкомъ строги и не судите его по нашимъ современнымъ законамъ: вѣдь онъ не бывалъ въ Эксетеръ-Голлѣ, не слушалъ популярныхъ проповѣдниковъ и не читалъ философскихъ трактатовъ о злобахъ дня.

LIII.

ПОЖИНКИ.

Въ среду, около шести часовъ вечера, возвращаясь домой, Адамъ видѣлъ издали, какъ послѣдній возъ ячменя въѣзжалъ въ ворота Большой Фермы, и слышалъ, какъ пѣли „Пѣсню жатвы“. Мелодичный напѣвъ то подымался, то опускался, точно волна; смягченные разстояніемъ и постепенно замирая по мѣрѣ того, какъ Адамъ подвигался впередъ, эти звуки все еще долетали до него, когда онъ уже дошелъ до ивъ у ручья. Солнце садилось, заливая багровымъ свѣтомъ склоны Бинтонскихъ холмовъ и превращая овецъ въ блестящія бѣлыя точки, искрилось и сверкало въ окнахъ коттеджа лучше всякихъ алмазовъ. Этого было довольно, чтобы преисполнить благоговѣйнымъ восторгомъ душу Адама: онъ почувствовалъ себя въ великомъ храмѣ природы, и далекое пѣніе звучало въ его ушахъ священнымъ гимномъ.

„Удивительно, какъ проникаетъ въ душу это пѣніе“, подумалъ онъ, „и сколько въ немъ грустнаго,—почти какъ въ похоронномъ звонѣ, хотя оно говоритъ о самой радостной порѣ года для большинства людей. Должно быть вообще мысль о концѣ тяжела человѣку: тяжело думать, что что-нибудь ушло изъ твоей жизни, вычеркнуто изъ нея навсегда; на днѣ каждой человѣческой радости лежитъ горечь разлуки. Вотъ хоть-бы мое чувство къ Динѣ. Я никогда не понялъ-бы, что значитъ ея любовь для меня, еслибы то, что я считалъ величайшимъ для себя благополучіемъ, не было вырвано изъ моей жизни, заставивъ меня жаждать утѣшенія и болѣе полнаго, лучшаго счастья“.

Адамъ разсчитывалъ вечеромъ увидѣться съ Диной и выпросить у нея позволеніе проводить ее до Окбурна. Ему хотѣлось добиться, чтобы она назначила время, когда онъ можетъ пріѣхать въ Сноуфильдъ узнать, долженъ-ли онъ отказаться и отъ этой своей послѣдней, лучшей надежды на счастье, какъ уже отказался отъ другихъ. Дома у него оказалась коекакая работа; затѣмъ надо было переодѣться, такъ-что пробило семь часовъ, когда онъ вышелъ изъ дому, и было очень сомнительно, поспѣетъ-ли онъ на ферму, даже шагая самымъ скорымъ своимъ шагомъ, хотя-бы только къ ростбифу, который подавался послѣ плумъ-пуддинга, ибо относительно часовъ трапезы мистрисъ Пойзеръ была весьма пунктуальна.

Громко стучали ножи и звенѣли жестяныя тарелки и кружки, когда Адамъ входилъ въ кухню; но разговоровъ совсѣмъ не было слышно: уничтоженіе превосходнаго ростбифа, да притомъ еще на даровщину, было слишкомъ серьезнымъ занятіемъ для этихъ честныхъ тружениковъ, чтобы что-либо посто-

роннее могло отвлечь отъ него ихъ вниманіе даже въ томъ случаѣ, еслибы у нихъ было что сообщить другъ другу,—а этого не было,—и мистеръ Пойзеръ во главѣ стола былъ слишкомъ занятъ разрѣзываніемъ жаркого, чтобы принять участіе въ болтовнѣ своихъ сосѣдей—Бартля Масси и Крега.

— Сюда, Адамъ,—сказала мистрисъ Пойзеръ, которая въ эту минуту встала взглянуть, хорошо-ли прислуживаютъ за столомъ Нанси и Молли; вотъ вамъ мѣстечко между мистеромъ Масси и мальчиками. Какъ жаль, что вы опоздали и не видѣли пуднига, когда онъ былъ еще цѣлый.

Адамъ съ тревогой искалъ глазами четвертой женской фигуры, но за столомъ Дины не было. Чувство, близкое къ страху, удерживало его спросить о ней; къ тому-же вниманіе его было отвлечено обращенными къ нему привѣтствіями, и такимъ образомъ у него оставалась надежда, что Дина, можетъ быть, еще дома, но, вѣроятно, не расположена принять участіе въ праздникѣ, который пришелся наканунѣ ея отъѣзда.

Пріятно было взглянуть на этотъ длинный столъ съ возсѣдавшей во главѣ его дородной фигурой круглолицаго, сіявшаго добродушіемъ Мартина Пойзера. Съ верхняго конца стола, гдѣ онъ сидѣлъ, онъ раздавалъ своимъ слугамъ порціи душистаго, сочнаго ростбифа, еле поспѣвая накладывать то и дѣло возвращавшіяся къ нему за новымъ подкрѣпленіемъ пустыя тарелки. Въ этотъ вечеръ Мартинъ, всегда отличавшійся прекраснымъ аппетитомъ, забылъ даже доѣсть свою собственную порцію, такъ пріятно ему было смотрѣть, въ промежутокъ между главнымъ его занятіемъ—разрѣзываніемъ ростбифа, какъ наслаждаются своимъ ужиномъ другіе. Вѣдь все это были люди, которые круглый годъ, кромѣ святокъ и воскресныхъ дней, съѣдали свой холодный обѣдъ на лету, между дѣломъ, гдѣ-нибудь подъ плетнемъ, и запивали его домашнимъ пивомъ прямо изъ горлышка бутылки—безъ сомнѣнія, съ большимъ удовольствіемъ, но не съ большимъ удобствомъ, запрокинувъ голову назадъ, скорѣе на подобіе утокъ, чѣмъ разумныхъ двуногихъ, какими они были. Мартинъ Пойзеръ лучше всякаго другого понималъ, какъ должны были наслаждаться такіе люди горячимъ ростбифомъ и только-что нацѣженнымъ пѣнистымъ пивомъ. Скрививъ голову на бокъ и крѣпко сжавъ губы, онъ подтолкнулъ локтемъ Бартля Масси, чтобы обратить его вниманіе на "дурачка" Тома Толера въ ту минуту, когда тотъ принималъ вторую, верхомъ наложенную тарелку съ жаркимъ. Блаженная улыбка разлилась по лицу Тома, когда тарелку поставили передъ нимъ, между его ножомъ и вилкой, которые онъ держалъ наготовѣ, приподнятыми вверхъ, какъ свѣчи на стѣнахъ. Но восторгъ его былъ слишкомъ полонъ, чтобы выразиться одною улыбкой: въ тотъ-же мигъ съ губъ его сорвалось протяжное: „Ого-го!", послѣ чего онъ мгновенно впалъ въ состояніе невозмутимой

серьезности, а его ножъ и вилка жадно вонзились въ добычу. Тучное тѣло Мартина Пойзера заколыхалось отъ сдержаннаго смѣха; онъ повернулся къ женѣ взглянуть, обратила-ли она вниманіе на Тома, встрѣтился съ нею глазами, и взглядъ обоихъ супруговъ выразилъ одно и то-же чувство добродушнаго удовольствія,

Томъ—дурачекъ былъ общимъ любимцемъ на фермѣ, гдѣ онъ игралъ роль шута и пополнялъ свои промахи въ практическихъ дѣлахъ болѣе или менѣе удачными остротами, которыми онъ выстрѣливалъ на манеръ того, какъ молотятъ цѣпомъ, т. е. билъ куда попало, не цѣлясь, что не мѣшало ему попадать иногда въ цѣль. Во время стрижки овецъ и въ сѣнокосъ его остроты усиленно цитировались, но я воздержусь отъ повторенія ихъ на этихъ страницахъ, ибо, подобно остроумію другихъ отошедшихъ въ вѣчность шутовъ, знаменитыхъ въ свое время, и остроуміе Тома окажется, пожалуй, слишкомъ скоропреходящаго свойства, въ сравненіи съ болѣе глубокими и прочными явленіями въ природѣ вещей.

За исключеніемъ Тома, Мартинъ Пойзеръ рѣшительно гордился составомъ своихъ рабочихъ и съ чувствомъ удовлетворенія говорилъ себѣ, что у него самые ловкіе и добросовѣстные работники въ цѣломъ округѣ. Взять хоть-бы Кестера Бэма, старика въ плоскомъ кожаномъ картузѣ и съ изрытымъ морщинами, почернѣвшимъ отъ солнца лицомъ. Былъ-ли въ Ломширѣ хоть одинъ человѣкъ, который такъ хорошо понималъ-бы „суть“ каждой работы? Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ незамѣнимыхъ работниковъ, которые не только знаютъ, какъ взяться за всякое дѣло, но и въ совершенствѣ дѣлаютъ все, за что-бы они ни взялись. Правда, что къ тому времени, о которомъ мы здѣсь говоримъ, колѣни Кестера замѣтно согнулись, и онъ постоянно присѣдалъ на ходу, какъ будто находился въ обществѣ почетныхъ особъ, которымъ считалъ нужнымъ кланяться. Да такъ оно, впрочемъ, и было, хотя я долженъ сознаться, что объектомъ такихъ почтительныхъ реверансовъ мистера Кестера было собственное его искусство въ работѣ, передъ которымъ онъ выполнялъ очень трогательные обряды поклоненія божеству. Онъ всегда собственноручно вершилъ стоги—работа, въ которой онъ особенно отличался,— и когда послѣдній верхъ послѣдняго стога былъ сложенъ, Кестеръ, жившій довольно далеко отъ фермы, въ первое-же воскресенье путешествовалъ въ своемъ праздничномъ платьѣ къ хлѣбному двору, останавливался гдѣ-нибудь на лугу, на приличной дистанціи, и любовался своимъ произведеніемъ, переходя съ мѣста на мѣсто, дабы видѣть стогъ съ надлежащаго пункта. И когда онъ ходилъ такимъ образомъ вокругъ своихъ стоговъ, поднявъ глаза на золотыя верхушки и почтительно имъ присѣдая, его положительно можно было принять за язычника, поклоняющагося своимъ идоламъ. Кестеръ былъ

старый холостякъ и слылъ за скрягу, у котораго чулки полны золота. И аккуратно каждую субботу, во время расплаты съ рабочими, хозяинъ отпускалъ на его счетъ шуточку по поводу этихъ слуховъ,—не какую-нибудь новую неумѣстную остроту, а старую вѣрную шутку, много разъ испытанную, долго служившую, но не отслужившую свой вѣкъ. „Большой шутникъ нашъ молодой хозяинъ", говорилъ въ такихъ случаяхъ Кестеръ, ибо, начавъ свою карьеру еще при покойномъ Мартинѣ Пойзерѣ, у котораго онъ гонялъ на огородѣ воронъ, старикъ не могъ привыкнуть къ мысли, что нынѣ царствующій Мартинъ давно уже пересталъ быть парнишкой—подросткомъ. Я не стыжусь вспоминать старика Кестера: и я, и вы, читатели, многимъ обязаны грубымъ рукамъ такихъ тружениковъ,—рукамъ, давно обратившимся въ прахъ, смѣшавшійся съ землей, надъ которою они нѣкогда такъ вѣрно трудились, извлекая изъ нея все, что было въ ихъ силахъ, и довольствуясь самой скромной долей отъ своихъ трудовъ, удѣляемой имъ въ видѣ жалованья.

На другомъ концѣ стола, насупротивъ хозяина, сидѣлъ Аликъ, пастухъ и старшій работникъ, широкоплечій парень съ румянымъ лицомъ. Нельзя сказать, чтобы Аликъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Кестеромъ; всѣ ихъ отношенія, собственно говоря, ограничивались случайными стычками, ибо хотя въ дѣлѣ кладки стоговъ, возведенія изгородей и ухода за ягнятами они, по всей вѣроятности, придерживались одинаковыхъ взглядовъ, мнѣнія ихъ совершенно расходились во взаимной сравнительной оцѣнкѣ ихъ заслугъ. Алика ни въ какомъ случаѣ нельзя было упрекнуть въ преувеличенной мягкости обращенія: говорилъ онъ, точно рычалъ, а его плотная, коренастая фигура напоминала бульдога.

„Не троньте меня, и я васъ не трону"—говорила, казалось, вся его внѣшность. Но за то онъ былъ такъ щепетильно честенъ, что скорѣе, кажется, раскололъ-бы пополамъ лишнее зернышко овса, чѣмъ присвоить себѣ что-либо сверхъ законной своей части, и такъ „прижимистъ" насчетъ хозяйскаго добра, какъ еслибы оно было его собственнымъ. Курамъ онъ всегда бросалъ подмоченный ячмень, да и то самыми маленькими горсточками, потому-что раскидывать зерно полными горстями было въ его глазахъ непростительной расточительностью, отъ одного вида которой у него щемило сердце. Добродушный конюхъ Тимъ, очень любившій своихъ лошадей, имѣлъ зубъ противъ Алика за овесъ; они рѣдко говорили между собою и никогда не смотрѣли другъ на друга, даже сидя за общимъ блюдомъ холоднаго картофеля; но такъ какъ это была общая имъ обоимъ манера обращаться съ людьми, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы они были непримиримыми врагами и питали другъ къ другу закоренѣлую ненависть. Буколическій характеръ Гейслопа имѣлъ, какъ

видите, мало общаго съ тою непосредственно - веселой, широко-улыбающейся идилліей, которая была, какъ кажется, наблюдаема въ большинствѣ округовъ, посѣщаемыхъ художниками. Въ Гейслопѣ тихій свѣтъ улыбки на лицѣ пахаря былъ рѣдкимъ явленіемъ, и между бычачьей угрюмостью и грубымъ хохотомъ было весьма мало промежуточныхъ степеней. И далеко не всѣ рабочіе были такъ честны, какъ нашъ пріятель Аликъ. За этимъ самымъ столомъ, между людьми мистера Пойзера, сидѣлъ великанъ Бенъ Толовей, одинъ изъ лучшихъ молотильщиковъ, но не одинъ разъ попадавшійся почти на мѣстѣ преступленія— съ карманами набитыми хозяйской пшеницей,—проступокъ, которой во всякомъ случаѣ трудно приписать разсѣянности, такъ какъ Бенъ не былъ ни ученымъ, ни даже мыслителемъ. Какъ бы то ни было, Мартинъ прощалъ ему эту слабость и продолжалъ брать его на молотьбу, потому-что Толовеи съ незапамятныхъ временъ жили въ деревнѣ и всегда работали на Пойзеровъ. Сказать и то, едва ли общество много выиграло-бы отъ того, что Бенъ отсидѣлъ-бы полгода въ тюрьмѣ, ибо взгляды его на присвоеніе чужой собственности были весьма узки, а исправительный домъ могъ-бы ихъ только расширить. Итакъ, Бенъ не попалъ въ тюрьму и въ этотъ вечеръ уплеталъ свой ростбифъ съ чистымъ сердцемъ, ибо съ послѣднихъ пожинокъ онъ не чувствовалъ за собой никакой вины, кромѣ утайки для собственнаго огорода горсти-другой бобовъ и гороха, вслѣдствіе чего упорно преслѣдовавшій его подозрительный взглядъ Алика былъ для него кровной обидой.

Но вотъ съ жаркимъ покончили, скатерть убрали и на длинномъ сосновомъ столѣ появились блестящія кружки, темные кувшины съ пѣнящимся пивомъ и мѣдные подсвѣчники, сверкающіе такой чистотой, что-любо было смотрѣть. Теперь наступилъ главный моментъ церемоніи всего вечера—хоровое исполненіе „Пѣсни жатвы“, въ которомъ должны были принимать участіе рѣшительно всѣ. Кто желалъ особенно отличиться—могъ пѣть и не фальшивить, но никому не дозволялось сидѣть съ закрытымъ ртомъ. Размѣръ пѣсни былъ въ три темпа и долженъ былъ обязательно соблюдаться; остальное предоставлялось на усмотрѣніе каждаго отдѣльнаго исполнителя.

Что касается происхожденія этой пѣсни, я не могу въ точности сказать, сложилась-ли она въ настоящемъ своемъ видѣ въ мозгу какого-нибудь одного композитора, или была послѣдовательно усовершенствована нѣсколькими поколѣніями бардовъ. Въ ней чувствуется печать единства, индивидуальнаго генія, что заставляетъ меня склоняться къ первой гипотезѣ, хотя я вполнѣ допускаю, что эта цѣльность могла явиться результатомъ той общности взглядовъ и мнѣній, которая составляетъ отличительную черту примитивныхъ умовъ, совершенно чуждую нашимъ современникамъ.

Церемонія пѣнія дополнялась церемоніей возліяній, — фактъ самъ по себѣ, быть можетъ, и прискорбный, но такъ повелось изстари; такъ пѣли наши прапрадѣды, а вы, конечно, знаете пословицу: *яйца курицу не учатъ*. Покуда пѣлись первая и вторая строфы, исполненныя несомнѣнно полнымъ голосомъ, кружки оставались пустыми.

„Пьемъ за здоровье хозяина
Который задалъ намъ пиръ!
Пьемъ за здоровье хозяина
И за хозяюшку пьемъ!
Пошли ему, Господи, всякаго счастья,
Удачу въ дѣлахъ и во всемъ!
Ему—удачу, а намъ, его слугамъ,
Побольше такихъ хозяевъ, какъ онъ".

Но передъ тѣмъ, какъ затянуть третій куплетъ, который поется fortissimo, при чемъ каждый изъ пѣвцовъ энергично отбиваетъ тактъ кулакомъ по столу, что производитъ эффектъ цѣлаго оркестра цимбаловъ и барабановъ, кружку Алика наполнили до краевъ, и онъ былъ обязанъ опорожнить ее прежде, чѣмъ хоръ замолчитъ.

Пейте-же, братцы, пейте дружнѣе,
Да смотрите—на полъ не лить.
А кто прольетъ, такъ того нашъ хозяинъ
Заставитъ вчетверо пить.

Когда Аликъ благополучно выдержалъ испытаніе, не проливъ ни капли пива и доказавъ такимъ образомъ твердость своей руки, насталъ чередъ старика Кастера, сидѣвшаго по правую руку, а тамъ и другихъ, пока каждый не осушилъ подъ веселое пѣніе хора своей первой пинты пива. Томъ-дурачекъ—вѣдь этакій хитрецъ!—постарался было „нечаянно" пролить часть своей порціи, но мистриъ Пойзеръ подоспѣла какъ разъ во время (съ совершенно излишней услужливостью, по мнѣнію Тома), чтобы помѣшать выполненію кары, налагаемой за такого рода проступки.

Тотъ, кому случилось-бы услышать это пѣніе съ улицы, едва-ли понялъ-бы, отчего такъ часто повторялось это настойчивое приглашеніе „выпить". Но если-бы онъ вышелъ въ залу пира, онъ убѣдился-бы, что всѣ здѣсь были пока вполнѣ трезвы, а большинство сохраняло на своихъ лицахъ самое серьезное выраженіе. Сохранять полнѣйшую серьезность въ данномъ случаѣ было для этихъ скромныхъ тружениковъ такимъ-же общепріятнымъ требованіемъ приличій, какъ для изящныхъ дамъ и джентльменовъ—кланяться и любезно улыбаться, принимая предложенный тостъ. Бартль Масси, у котораго были чувствительныя уши, какъ только началось пѣніе, вышелъ изъ за стола „взглянуть на погоду", и наблюденія его продолжа-

лись до тѣхъ поръ, пока воцарившееся молчаніе, не нарушавшееся въ теченіе пяти минутъ, не убѣдило его, что до будущаго года онъ уже не услышитъ больше этого громогласнаго приглашенія „выпить“. И такъ, пѣсня смолкла къ великому огорченію Тотти и мальчиковъ: наступившая тишина показалась имъ очень скучной послѣ великолѣпнаго треска и грохота, которому Тотти, сидѣвшая у отца на калѣняхъ, способствовала очень дѣятельно, барабаня по столу своимъ маленькимъ кулачкомъ изъ всѣхъ своихъ маленькихъ силъ.

Когда Бартль вернулся на кухню, все общество, наслушавшись пѣнія хоромъ, проявляло единодушное желаніе прослушать соло. Нанси увѣряла, что конюхъ Тимъ знаетъ чудесную пѣсню и что вообще онъ „всегда поетъ въ конюшнѣ, словно жаворонокъ“. На это мистеръ Пойзеръ сказалъ, желая одобрить пѣвца: „Ну что-же, Тимъ, спой намъ, братецъ, а мы послушаемъ“. Тимъ застыдился, потупился и отвѣчалъ, что онъ не умѣетъ пѣть. Но тутъ всѣ подхватили просьбу хозяина: это былъ прекрасный случай поддержать разговоръ. Каждый могъ сказать: „Ну, что-же, Тимъ, спой намъ что-нибудь“, и всѣ это сказали, за исключеніемъ Алика, который никогда не позволялъ себѣ безъ особенной надобности такой роскоши, какъ слова. Наконецъ сосѣдъ Тима, Бенъ Толовей, попробовалъ было съ помощью локтя придать убѣдительности своей просьбѣ, но тутъ Тимъ неожиданно разсвирѣпѣлъ: „оставь меня въ покоѣ,—слышишь ты!“ накинулся онъ на Бена, „а не то я тебя заставлю запѣть на такой голосъ, который наврядъ-ли придется тебѣ по вкусу“. У каждаго человѣка есть граница терпѣнія, и къ Тиму никто уже больше не приставалъ.

— Ну, Давидъ, въ такомъ случаѣ теперь твой чередъ,— сказалъ Бенъ, желая показать, что онъ ничуть не смущенъ своимъ пораженіемъ.—Спой-ка намъ твою „Розу безъ шиповъ“.

Пѣвецъ-любитель Давидъ былъ молодой парень съ глубокомысленно-мечтательнымъ выраженіемъ лица, которымъ онъ былъ обязанъ, по всей вѣроятности, не столько какому-нибудь особенному свойству своего ума, сколько сильному косоглазію, ибо онъ былъ весьма польщенъ просьбою Бена; онъ покраснѣлъ, засмѣялся и провелъ по губамъ рукавомъ съ такимъ видомъ, какъ будто собирался сейчасъ-же открыть ротъ и запѣть. Нѣкоторое время все общество съ большимъ интересомъ ожидало пѣсни Давида, но тщетно. Главный лиризмъ вечера сидѣлъ пока въ погребѣ съ пивомъ, и еще не настала минута извлечь его изъ этого убѣжища.

Между тѣмъ на верхнемъ концѣ стола разговоръ принялъ политическое направленіе. Мистеръ Крегъ снисходилъ иногда до обсужденія вопросовъ политики, въ которой впрочемъ отличался скорѣе мудрой прозорливостью, нежели спеціальными свѣдѣніями. Онъ провидѣлъ въ будущее настолько дальше

фактовъ, что знать факты оказывалось для него совершенно излишнимъ.

— Я никогда не читаю газетъ,—говорилъ мистеръ Крегъ, набивая свою трубку,—хотя могъ-бы читать ихъ десятками, потому-что миссъ Лидди получаетъ очень много газетъ и просматриваетъ ихъ всѣ чуть-что не въ минуту. Мильсъ—тотъ съ утра до ночи сидитъ гдѣ-нибудь у камина съ газетой въ рукахъ, и къ концу чтенія голова у него всегда еще больше запутается, и онъ окончательно перестаетъ что-нибудь понимать. Теперь онъ весь поглощенъ этимъ миромъ съ Франціей, о которомъ столько трубятъ; вотъ онъ и читаетъ цѣлые дни, думаетъ проникнуть въ самую суть. „—Помилуй васъ Господи, Мильсъ!“ говорю я ему; вы такъ-же много смыслите во всемъ этомъ, какъ свинья въ апельсинахъ. А я вамъ вотъ что скажу. Вы полагаете, что миръ для насъ нивѣсть какое благо? Ну что-жъ, я не противникъ мира,—я не противникъ мира, замѣтьте себѣ. Но я нахожу, что тѣ, кто стоитъ во главѣ нашего государства,—горшіе наши враги, чѣмъ самъ Бонапартъ со всѣми его мусью-генералами, потому-что—что̀ они?—щелкоперы, которыхъ можно нанизывать на саблю по полудюжинѣ заразъ, какъ лягушекъ.

— Еще-бы!—вставилъ свое слово Мартинъ Пойзеръ, который слушалъ оратора съ глубокомысленнымъ видомъ знатока и съ неподдѣльнымъ восторгомъ;—вѣдь они въ жизнь свою не нюхали мяса; кажется, они питаются все больше салатомъ.

— Вотъ я и говорю Мильсу,—продолжалъ Крегъ:—„неужто вы хотите увѣрить меня, что такіе щелкоперы могутъ намъ повредить? Да они не надѣлаютъ намъ и вполовину столько вреда, какъ наши министры своимъ дурнымъ управленіемъ. Если-бы король Георгъ разогналъ ихъ всѣхъ помеломъ, да сталъ бы управлять самъ, онъ живо увидѣлъ-бы, какъ чудесно все-бы уладилось. Онъ могъ-бы, пожалуй, взять себѣ опять Вилли Питта; но лично я придерживаюсь того мнѣнія, что никого намъ не надо, кромѣ короля да парламента. Все зло идетъ отъ министровъ,—все зло изъ ихъ гнѣзда, повѣрьте!

— Все это одна болтовня,—замѣтила мистрисъ Пойзеръ, которая сидѣла теперь подлѣ мужа съ Тотти на колѣняхъ,—слова на вѣтеръ. Трудно нынче стало узнать чорта по копытамъ, когда всѣ начали носить сапоги.

— А что касается до мира,—сказалъ мистеръ Пойзеръ, склонивъ голову на бокъ съ видомъ сомнѣнія и выпуская съ каждой фразой по большому клубу дыма,—такъ я и самъ не знаю, что сказать. Война—полезная вещь для страны: любопытно, какъ безъ нея вы поддержите цѣны? Ну, а французы, я слышалъ, подлый народъ, и значитъ бить ихъ нѣтъ никакого грѣха.

— Въ этомъ вы отчасти правы, Пойзеръ,—сказалъ мистеръ Крегъ;—но все-таки я ничего не имѣю противъ мира: надо-

же дать людямъ отдохнуть. Мы всегда можемъ нарушить миръ, когда захотимъ, и лично я ничуть не боюсь Бонапарта, хоть и много толкуютъ про его умъ. То-же самое говорилъ я нынче утромъ и Мильсу (то-есть ничего-то онъ не смыслитъ въ политикѣ, этотъ Мильсъ,—Христосъ съ нимъ! У меня онъ въ три минуты пойметъ больше, чѣмъ читай онъ газеты хоть круглый годъ). Ну вотъ, я ему и говорю: „Какъ вы про меня скажете, Мильсъ: хорошій я садовникъ? Знаю я свое дѣло? Отвѣтьте мнѣ только на этотъ вопросъ.“—„Конечно, Крегъ, вы хорошій садовникъ, говоритъ (онъ не дурной человѣкъ, этотъ Мильсъ, для дворецкаго; вотъ только головой слабоватъ).—„Прекрасно“, говорю я; „вы вотъ толкуете про умъ Бонапарта. А какъ вы думаете, послужило-бы мнѣ къ чему-нибудь то, что я первоклассный садовникъ, если-бы мнѣ пришлось разводить садъ на болотѣ?“ „Конечно, нѣтъ“, говоритъ. „Ну такъ вотъ, совершенно въ такомъ же положеніи и вашъ Бонапартъ“, говорю я. „Я не отрицаю—смекалка у него есть,—вѣдь онъ, кажется, не французъ по рожденію. Но что у него за душой? Кто его помощники?—Никого, кромѣ этихъ мусью“.

Мистеръ Крегъ на минуту умолкъ, съ торжествомъ оглядывая присутствующихъ послѣ своего послѣдняго, чисто Сократовскаго аргумента, и затѣмъ добавилъ, свирѣпо ударивъ по столу кулакомъ:

— Да что тамъ говорить! Вотъ вамъ фактъ (есть люди которые могутъ его засвидѣтельствовать): когда у нихъ не хватило человѣка въ какомъ-то полку, они нарядили въ полную форму большую обезьяну, и этотъ нарядъ такъ ей присталъ, что ее нельзя было отличить отъ самихъ мусью.

— Скажите пожалуйста!—протянулъ мистеръ Пойзеръ, совершенно сраженный какъ политической стороной этого анекдота, такъ и поразительнымъ интересомъ, какой онъ долженъ былъ представлять для науки.

— Полноте, Крегъ, вы слишкомъ далеко хватили,—замѣтилъ Адамъ.—Вы сами не вѣрите тому, что говорите. Все это вздоръ, будто французы такъ уже плохи. Мистеръ Ирвайнъ ихъ видѣлъ во Франціи и говоритъ, что между ними есть настоящіе молодцы. А что до науки, всякихъ изобрѣтеній и фабричной промышленности, такъ они во многомъ оставили насъ далеко позади. Унижать враговъ всегда глупо. Великали была-бы заслуга Нельсона и всѣхъ, кто билъ французовъ, если-бы они и въ самомъ дѣлѣ были такою дрянью, какъ вы говорите?

Мистеръ Пойзеръ поднялъ вопросительный взглядъ на мистера Крега въ полнѣйшемъ недоумѣніи передъ такимъ разногласіемъ двухъ авторитетовъ. Свидѣтельство мистера Ирвайна значило очень много; но съ другой стороны и Крегъ былъ не дуракъ; къ тому же его взглядъ на вещи не такъ сильно поражалъ новизной. Мартинъ никогда не слыхалъ.

чтобы французы были къ чему-нибудь годны. Мистеръ Крегъ даже не нашелся, что отвѣтить; онъ только отхлебнулъ большой глотокъ пива изъ своей кружки и углубился въ созерцаніе своей ноги, которую для этой цѣли слегка вывернулъ наружу. Тутъ къ столу подошелъ Бартль Масси, докуривавшій у камина свою первую трубку, и, притушивъ въ ней остатки табачной золы, сказалъ:

— Адамъ, отчего это въ воскресенье тебя не было въ церкви? Отвѣчай-ка мнѣ правду, разбойникъ. Пѣніе безъ тебя сильно хромало. Ужъ не собираешься-ли ты заставить краснѣть за себя твоего учителя на старости лѣтъ?

— Нѣтъ, мистеръ Масси; мистеръ и мистрисъ Пойзеръ могутъ вамъ сказать, гдѣ я былъ. Я былъ не въ дурномъ обществѣ.

— Она таки уѣхала, Адамъ, уѣхала въ свой Сноуфильдъ,— сказалъ мистеръ Пойзеръ, въ первый разъ въ этотъ вечеръ вспоминая о Динѣ.—Я думалъ, что хоть ты сумѣешь ее убѣдить, да, видно, ничто не могло ее удержать: она уѣхала еще вчера поутру. Моя хозяйка никакъ не можетъ съ этимъ помириться. Ужъ я боялся, что ей сегодня и праздникъ будетъ не въ праздникъ.

Мистрисъ Пойзеръ не разъ вспоминала о Динѣ съ той минуты, какъ явился Адамъ, но у нея не хватало духу сообщить ему печальную новость.

— Эге, да тутъ, кажется, замѣшана баба! пробурчалъ Бартль съ величайшимъ презрѣніемъ.—Если такъ,—я отъ тебя отрекаюсь, Адамъ.

— Постойте, Бартль, сказалъ мистеръ Пойзеръ;—объ этой бабѣ вы сами хорошо отзывались. А что, попались? Нечего, нечего,—теперь отступать уже поздно. Не вы-ли какъ-то сказали, что женщины были-бы недурнымъ изобрѣтеніемъ, еслибы всѣ походили на Дину?

— Я говорилъ объ ея голосѣ, милый другъ, только о голосѣ, сказалъ Бартль.—*Ее* я еще могу слушать, не испытывая желанія заткнуть уши ватой. Во всемъ-же другомъ, я увѣренъ, она какъ и всѣ бабы: воображаетъ, что можно добиться, чтобы дважды два было пять, если хорошенько похныкать, да побольше надоѣдать людямъ.

— Ну да, послушать иныхъ людей, такъ подумаешь, что мужчина только взглянетъ на мѣшокъ съ пшеницой и сразу скажетъ вамъ, сколько въ немъ зеренъ,—до того они всѣ проницательны. О, мужчины! да они все видятъ насквозь, съ тѣмъ возьмите! Оттого-то, должно быть, они такъ плохо видятъ, что дѣлается у нихъ подъ носомъ.

Мартинъ Пойзеръ, въ восторгѣ отъ находчивости жены, весь затрясся отъ смѣха и подмигнулъ Адаму, какъ будто! говоря: „Что, попался теперь твой учитель“!

— Ну, еще-бы, куда-же намъ до бабъ, куда намъ до бабъ возразилъ насмѣшливо Бартль.—Баба еще не слыхала, о чемъ

говорятъ, а ужъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Баба скажетъ мужчинѣ, о чемъ онъ думаетъ,—прежде, чѣмъ онъ самъ догадался—о чемъ.

— Что-жъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, отрѣзала мистрисъ Пойзеръ:—мужчины всѣ такіе увальни, что ихъ мысли всегда ихъ перегоняютъ, такъ-что, если они и успѣваютъ когда поймать свою мысль, такъ развѣ за хвостъ. Я успѣю счесть петли въ моемъ чулкѣ, прежде чѣмъ мужчина повернетъ языкомъ; да и даже тогда, когда онъ наконецъ чѣмъ-нибудь разрѣшится, много-ли выжмешь изъ того, что онъ тебѣ сказалъ? Извѣстное дѣло: куры больше высиживаютъ болтуновъ. Я впрочемъ не отрицаю, что женщины глупы: недаромъ Всемогущій Господь далъ ихъ въ подруги мужчинамъ.

— Хороша подруга,—что и говорить!—которая такъ-же подходитъ тебѣ, какъ уксусъ зубамъ. Мужъ сказалъ слово, а жена ему десять—наперекоръ; захотѣлъ онъ горячей говядины,—она непремѣнно подастъ ему холодной свинины; развеселился онъ въ недобрую минуту,—она постарается отравить его веселье своимъ хныканьемъ. Да, да, подруга, — добрый товарищъ,—такой-же, какъ слѣпень для коня: всегда знаетъ, въ какое мѣсто лучше ужалить,—всегда знаетъ, какъ сдѣлать человѣку больнѣй.

— Ну да, я знаю, что нравится мужчинамъ, сказала мистрисъ Пойзеръ:—мужчинѣ нужна жена—дура, которая, что-бы ни продѣлывалъ мужъ, будетъ на все улыбаться ему, какъ красному солнышку, будетъ говорить „спасибо“ за каждый пинокъ и притворяться, что она даже не знала, на головѣ она стоитъ, или на ногахъ, пока мужъ не научилъ ее уму-разуму. Вотъ что мужчины,—если не всѣ, такъ почти всѣ,—любятъ въ женѣ; имъ нужно, чтобы подлѣ нихъ былъ дуракъ, который твердилъ-бы имъ, что они необыкновенно умны. Впрочемъ, иные могутъ и безъ этого обойтись: они и такъ достаточно высокаго мнѣнія о себѣ. Вотъ почему на свѣтѣ есть старые холостяки.

— Послушайте, Крегъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ шутливо,—надо вамъ поскорѣе жениться, не то какъ разъ угодите въ старые холостяки,—а вы видите, какъ женщины ихъ честятъ.

— Что-жъ, я не прочь, еслибы нашлась другая такая умная женщина и домовитая хозяйка, какъ ваша жена, отвѣчалъ Крегъ, желая польстить мистрисъ Пойзеръ и высоко цѣня свои комплименты.

— И жестоко попадетесь, Крегъ, замѣтилъ Бартль сухо,—жестоко попадетесь. Сейчасъ видно, что въ садоводствѣ вы лучшій судья, чѣмъ въ вопросѣ о бракѣ: тамъ вы цѣните вещи за то, что въ нихъ дѣйствительно цѣнно. Вѣдь не станете-же вы, отбирая горохъ, смотрѣть, какой у него корень,

а морковь выбирать по цвѣтамъ. Совершенно такъ-же надо выбирать и жену. Изъ женскаго ума все равно не выкроишь многаго,—не выкроишь многаго; а вотъ женская глупость дѣйствительно зрѣетъ съ годами.

— Ну, что ты на это скажешь? спросилъ мистеръ Пойзеръ, откидываясь на спинку стула и весело поглядывая на жену.

— Что я скажу? отозвалась мистрисъ Пойзеръ, и глаза ея сверкнули опаснымъ огонькомъ.—Я скажу, что у иныхъ людей языки, какъ испорченные часы, которые бьютъ не затѣмъ, чтобы указывать время, а просто потому, что у нихъ внутри не все ладно...

Мистрисъ Пойзеръ, по всей вѣроятности, развила-бы свою мысль болѣе обстоятельно, еслибы въ эту минуту общее вниманіе не было отвлечено происходившимъ на другомъ концѣ стола, гдѣ поэтическое настроеніе, выразившееся сначала лишь скромнымъ исполненіемъ „Розы безъ шиповъ", пропѣтой Давидомъ въ полголоса, приняло постепенно довольно оглушительный и сложный характеръ. Тимъ, будучи невысокаго мнѣнія о вокальныхъ упражненіяхъ Давида, счелъ своимъ долгомъ заглушить его мурлыканье и затянулъ весьма оживленно „Трехъ веселыхъ косарей". Но Давида было не такъ легко осадить: онъ выказалъ способность къ такому необычайному crescendo, что оставалось еще подъ сомнѣніемъ, кто кого побѣдитъ, „Роза"-ли „Косарей", или „Косари"—„Розу", какъ вдругъ старикъ Кестеръ, сидѣвшій до сихъ поръ съ неподвижнымъ лицомъ и хранившій гробовое молчаніе, пустилъ такую трель фальцетомъ, точно онъ былъ вѣстовой колоколъ, и ему пришло время звонить.

Почтенная компанія на томъ концѣ стола, гдѣ во главѣ возсѣдалъ Аликъ, отнеслась къ этому музыкальному развлеченію, какъ къ самой естественной вещи, ибо въ области музыки она была свободна отъ всякихъ предразсудковъ. Но Бартль Масси положилъ трубку на столъ и заткнулъ уши. Тутъ поднялся Адамъ, давно уже—съ той минуты, какъ онъ узналъ, что Дина уѣхала, помышлявшій, какъ бы ему ускользнуть, и сказалъ, что онъ долженъ пожелать хозяевамъ и гостямъ добраго вечера.

— И я пойду съ тобой, парень, сказалъ Бартль;—уйду, пока меня еще не окончательно оглушили.

— Въ такомъ случаѣ я пройду деревней и провожу васъ до дому, если вы позволите, мистеръ Масси, сказалъ Адамъ.

— Чудесно! Мы съ тобой поболтаемъ дорогой. Нынче вѣдь тебя никакъ не поймать.

— Жаль, что вы не хотите еще посидѣть, сказалъ Мартинъ Пойзеръ.—А то оставались-бы... Скоро они разойдутся: жена никогда не позволяетъ имъ засиживаться дольше десяти.

Но Адамъ рѣшительно отказался остаться. И такъ, друзья,

распростились съ хозяевами и вышли на дорогу, подъ свѣтлое звѣздное небо.

— Эта дура Вѣдьма небось ноетъ дома по мнѣ, сказалъ Бартль.—Когда я хожу сюда, я никогда не беру ее съ собой; боюсь, какъ бы мистрисъ Пойзеръ не прострѣлила ее своимъ взглядомъ. Еще, чего добраго, на всю жизнь искалѣчитъ Божью тварь.

— А мой Джипъ, такъ тотъ и самъ ни за что сюда не пойдетъ, проговорилъ со смѣхомъ Адамъ.—Какъ только сообразитъ, куда я иду, такъ сейчасъ и повернетъ оглобли.

— Да, да, ужасная женщина! Вся изъ иголокъ; — вся изъ иголокъ! Но у меня сердце лежитъ къ Мартину, — очень лежитъ. А онъ-таки любитъ иголки, храни его Богъ! Вотъ ужъ истинно подушка для иголокъ, нарочно и сдѣланная для того.

— А все-таки она хорошая женщина,—добрая. и съ честной душой, замѣтилъ Адамъ. — Такая ужъ не обманетъ. Правда, она не слишкомъ нѣжно принимаетъ собакъ, когда онѣ заходятъ къ ней въ домъ; но будь онѣ на ея попеченіи, она-бы заботилась о нихъ и хорошо бы ихъ кормила. Языкъ у нея острый—это правда, но за то сердце золотое; я въ этомъ убѣдился по опыту, когда мнѣ трудно жилось. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ нельзя судить по тому, что онѣ говорятъ.

— Ну ладно, ладно, пусть такъ. Я вѣдь и не говорю, что это яблоко гнилое: но оно мнѣ набиваетъ оскомину, — оно мнѣ набиваетъ оскомину.

ГЛАВА LIV.

ВСТРѢЧА ВЪ ГОРАХЪ.

Адамъ понялъ желаніе Дины поторопиться отъѣздомъ и видѣлъ въ немъ скорѣе лучъ надежды для себя, чѣмъ причину отчаяваться. Она боялась, чтобы сила ея чувства къ нему не помѣшала ей остаться вѣрной себѣ до конца, не помѣшала-бы ея рѣшенію руководствоваться только указаніемъ свыше.

„Жаль только, что я не попросилъ ее написать мнѣ“, подумалъ Адамъ. „Хотя, можетъ быть, даже и это было-бы ей помѣхой. Она хочетъ пожить на свободѣ одна, какъ жила прежде, и я не въ правѣ приходить въ нетерпѣніе и нарушать ея жизнь, заставляя ее сообразоваться съ моими желаніями. Она сказала мнѣ, на чемъ она порѣшила; а она не такая женщина, чтобы говорить одно, а думать другое. Я буду ждать терпѣливо“.

Таково было благоразумное рѣшеніе Адама, котораго онъ твердо держался въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, подкрѣпляе-

мый воспоминаніемъ о признаніи Дины. Удивительно, какая сила надежды заключена въ первыхъ словахъ любви. Но къ половинѣ октября благоразумное рѣшеніе начало замѣтно ослабѣвать и обнаруживать опасные признаки истощенія. Недѣли тянулись безконечно долго: положительно у Дины было болѣе, чѣмъ достаточно, времени, чтобы на чемъ-нибудь остановиться. Что бы женщина ни говорила мужчинѣ послѣ того, какъ она призналась, что любитъ его, онъ слишкомъ опьяненъ этою первою каплею сладкаго напитка любви, которая досталась ему, чтобы останавливаться на томъ, какого вкуса будетъ вторая. Онъ уходитъ отъ нея бодрымъ шагомъ, не слыша подъ собою земли, и не боится никакихъ препятствій въ будущемъ. Но этого радужнаго настроенія хватаетъ не надолго: воспоминанія перестаютъ удовлетворять съ теченіемъ времени; нужны новыя доказательства любви для оживленія надежды. Увѣренность Адама начинала колебаться: теперь онъ боялся, что Дина можетъ втянуться въ прежнюю жизнь, что старыя привязанности захватятъ ее въ свою власть и возьмутъ верхъ надъ новымъ ея чувствомъ. Если бы это было не такъ, она, конечно, написала-бы ему, подала-бы ему хоть какую-нибудь надежду; но, повидимому, она находила нужнымъ приготовить его къ самому худшему. По мѣрѣ того, какъ слабѣла увѣренность Адама, терпѣніе его истощалось, и наконецъ онъ рѣшилъ самъ написать Динѣ и просить ее не оставлять его въ этой тягостной неизвѣстности дольше, чѣмъ это было необходимо. Онъ просидѣлъ надъ письмомъ до глубокой ночи, но утромъ все разорвалъ, испугавшись послѣдствій, какія могло вызвать его письмо. Получить отказъ въ письмѣ было еще хуже, чѣмъ выслушать его изъ ея собственныхъ устъ, потому-что уже одно ея присутствіе смягчило-бы для него тяжесть удара.

Вы, вѣроятно, догадываетесь, въ чемъ тутъ дѣло: Адамъ стосковался по Динѣ; ему страстно хотѣлось видѣть ее, а когда такого рода желаніе достигнетъ у влюбленнаго извѣстной степени напряженности, онъ долженъ его удовлетворить, хотя-бы для этого ему пришлось поставить на карту всю свою будущность.

Чѣмъ, въ сущности, могла ему повредить поѣздка въ Сноуфильдъ? Дина не можетъ на него разсердиться: она не запрещала ему пріѣзжать и даже должна была предвидѣть, что рано или поздно онъ явится къ ней за отвѣтомъ. Вѣроятность такой точки зрѣнія сдѣлалась для него до такой степени очевидной къ концу второй недѣли октября, что въ ближайшее воскресенье онъ уже былъ на дорогѣ въ Сноуфильдъ. На этотъ разъ онъ ѣхалъ верхомъ: теперь время его было дорого, и онъ взялъ на этотъ случай добраго коня у Джонатана Бурджа.

Сколько живыхъ воспоминаній будила въ немъ эта дорога!

Онъ часто бывалъ въ Окбурнѣ со времени первой своей поѣздки въ Сноуфильдъ; но за Окбурномъ эти сѣрыя каменныя стѣны домовъ, эта угрюмая мѣстность, эта изрытая расщелинами, каменистая почва и чахлая растительность какъ будто разсказывали ему съизнова всю исторію его тяжелаго прошлаго, которую онъ зналъ наизустъ. Но ни одинъ разсказъ не остается для насъ одинаковымъ по мѣрѣ того, какъ идетъ время, или вѣрнѣе, мѣняемся мы, его толкователи, — и въ это утро, когда Адамъ проѣзжалъ знакомою унылой дорогой, въ душѣ его возникали новыя чувства и мысли, придававшія совершенно иное значеніе всему его прошлому.

Только низкій, себялюбивый человѣкъ и безнадежный циникъ можетъ радоваться чужому несчастью, — благодарить судьбу за прошедшее зло, обрушившееся главной своей тяжестью на другого, потому-что оно послужило источникомъ непредвидѣннаго благополучія для него самого. Адамъ не могъ перестать оплакивать ту тайну человѣческой скорби, которая такъ близко коснулась его; онъ никогда не могъ-бы благодарить Бога за чужое несчастіе. И еслибъ даже я, въ качествѣ автора, былъ способенъ выразить такую узкую радость за моего героя, я знаю, что Адамъ первый не одобрилъ-бы моего чувства. Онъ покачалъ-бы головой и сказалъ-бы: „зло всегда останется зломъ, и страданіе — страданіемъ, и какими-бы названіями вы ихъ ни прикрывали, вы не измѣните ихъ сущности. Не для меня одного созданъ міръ, и я не могу вообразить, что все идетъ хорошо, только потому, что мнѣ хорошо“.

Но нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, когда мы сознаемъ, что болѣе полная жизнь, которую мы купили цѣною печальнаго опыта, стоитъ нашей собственной, личной доли страданій. Мнѣ кажется, иначе чувствовать даже невозможно, какъ невозможно человѣку, пораженному катарактомъ, сожалѣть о болѣзненной операціи, благодаря которой его почти утраченное зрѣніе, представлявшее ему людей въ видѣ какихъ-то движущихся смутныхъ тѣней, превратило для него окружающее въ яркую картину отчетливыхъ контуровъ и свѣта.

Развитіе въ нашей душѣ чувствъ болѣе высокаго порядка можно сравнять съ развитіемъ всякой способности, приносящей намъ съ собой сознаніе нашей силы: для человѣка такъ же невозможно вернуться къ болѣе узкой привязанности, какъ для живописца или музыканта—къ прежней, болѣе грубой манерѣ исполненія, или для философа—къ менѣе полной формулѣ, въ которой онъ первоначально выразилъ свою мысль.

Нѣчто въ родѣ такого сознанія возросшей полноты жизни поднималось въ душѣ Адама въ это воскресное утро, въ то время, какъ онъ подвигался впередъ, углубившись въ воспо-

минанія прошлаго. Его чувства къ Динѣ, надежда прожить съ нею всю жизнь, представлялась ему отдаленной невидимой цѣлью, къ которой его вело само Провидѣніе тяжелою дорогой—ужаснымъ путешествіемъ въ Сноуфильдъ, восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Какъ ни глубока, какъ ни нѣжна была его любовь къ Гетти (а она была такъ глубока, что корни ея—онъ это зналъ,—навсегда останутся въ его сердцѣ),—то, что онъ чувствовалъ къ Динѣ, было лучше и дороже для него, ибо это былъ ростъ, полный расцвѣтъ жизни, который принесло ему знакомство съ тяжелымъ страданіемъ. „Такъ отрадно любить ее и знать, что она меня любитъ", говорилъ онъ себѣ. „Это сознаніе даетъ мнѣ новую силу. Въ *ней* я найду поддержку на все доброе и честное: она научитъ меня думать и дѣйствовать справедливо, потому что она лучше меня; въ ней меньше эгоизма и гордости. А такая увѣренность въ другомъ, близкомъ существѣ даетъ человѣку больше свободы; какъ-то смѣлѣе идешь впередъ, когда надѣешься на другого больше, чѣмъ на себя. У меня всегда было такое чувство, что я долженъ опекать тѣхъ, кого я любилъ, а какая ужъ это жизнь, когда не можешь сказать себѣ: у меня есть кому помочь мнѣ совѣтомъ, есть человѣкъ, который думаетъ и чувствуетъ лучше меня".

Было слишкомъ два часа дня, когда Адамъ увидѣлъ вдали сѣрый городокъ на склонѣ холма и сталъ отыскивать глазами въ зеленой долинѣ, внизу, ветхую крышу маленькаго домика, стоявшаго по сосѣдству съ безобразнымъ краснымъ зданіемъ фабрики. Общая картина была не такъ мрачна теперь, при мягкомъ освѣщеніи октябрьскаго дня, какъ тогда, при яркомъ блескѣ ранней весны. Одною изъ главныхъ красотъ этого пейзажа, какъ и всякой безлѣсной мѣстности съ широкимъ горизонтомъ, былъ глубокій, безконечный сводъ неба, наполнявшій душу чувствомъ безграничнаго простора, а въ этотъ тихій, почти безоблачный день, въ немъ было что-то особенно успокоительное. Сомнѣнія и страхи Адама разсѣялись, какъ то легкое, пушистое облачко, которое только появилось на мигъ и растаяло въ ясной синевѣ неба. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собой нѣжное лицо Дины, и взглядъ ея говорилъ ему все то, что онъ такъ жаждалъ услышать.

Онъ не ждалъ въ этотъ часъ застать ее дома; но онъ сошелъ съ коня, привязалъ его у калитки и подошелъ къ домику разспросить, куда она пошла. Онъ рѣшилъ, что пойдетъ туда, гдѣ она, и проводитъ ее домой. Дина ушла въ Сломансъ-Эндъ,—деревушку за горой, мили за три отъ Сноуфильда; такъ ему сказала старуха хозяйка; она вышла сейчасъ-же послѣ обѣдни, потому что собиралась говорить проповѣдь въ одномъ домѣ, какъ всегда это дѣлала по воскресеньямъ. Въ городѣ всякій встрѣчный укажетъ ему дорогу

въ Сломансъ-Эндъ. Адамъ сѣлъ опять на лошадь и направился въ городъ. Здѣсь, остановившись въ знакомомъ трактирѣ, онъ наскоро пообѣдалъ въ обществѣ болтливаго трактирщика, отъ дружескихъ разспросовъ и воспоминаніи котораго не чаялъ какъ-бы избавиться поскорѣе, и затѣмъ отправился пѣшкомъ въ Сломансъ-Эндъ. Но какъ онъ ни торопился, было почти четыре часа, когда онъ вышелъ изъ города, и ему пришло въ голову, что если Дина такъ рано ушла, она теперь, можетъ быть, уже возвращается. Маленькая унылая деревушка, безъ единаго деревца, открылась передъ нимъ задолго до того, какъ онъ къ ней подошелъ, и когда онъ уже былъ совсѣмъ близко, до него донеслось пѣніе: пѣли какой-то гимнъ. „Можетъ быть быть это послѣдній“, подумалъ Адамъ. и она сейчасъ выйдетъ. Лучше я вернусь немного назадъ, чтобы встрѣтиться съ ней не въ самой деревнѣ“. Онъ повернулъ назадъ, и дошелъ почти до вершины холма. Тутъ онъ присѣлъ на большой камень у низенькой стѣнки и сталъ ждать, когда тоненькая фигурка въ черномъ выйдетъ изъ деревни и станетъ подыматься на холмъ. Онъ выбралъ это мѣсто почти на самой вершинѣ потому, чтт его здѣсь никто не могъ видѣть: кругомъ не видно было ни жилья, ни стада, ни даже случайно забредшей овцы,—ничего, кромѣ солнца, легкихъ тѣней и необъятнаго неба.

Ему пришлось ждать дольше, чѣмъ онъ предполагалъ; онъ сидѣлъ уже цѣлый часъ, ожидая ее и думая о ней, между тѣмъ какъ вечернія тѣни становились длиннѣе, а свѣтъ солнца смягчался. Наконецъ онъ увидѣлъ ее: вотъ ея стройная темная фигура отдѣлилась отъ сѣрыхъ домовъ и постепенно приближается къ подошвѣ холма—слишкомъ тихо, подумалъ Адамъ. Но на самомъ дѣлѣ Дина шла своимъ обыкновеннымъ, легкимъ, размѣреннымъ шагомъ. Вотъ она начала подниматься по тропинкѣ въ гору, но Адамъ сидитъ неподвижно: онъ еще не хочетъ показаться ей; онъ рѣшилъ, что имъ лучше встрѣтиться здѣсь, наверху, гдѣ ихъ никто не увидитъ. И вдругъ онъ началъ бояться, какъ-бы не слишкомъ взволновать ее своимъ появленіемъ. Впрочемъ, она не изъ тѣхъ людей, которые легко волнуются, подумалъ онъ тутъ-же, „она всегда такая сдержанная и спокойная, точно ко всему приготовлена“.

О чемъ она думаетъ въ эту минуту, сейчасъ поднимаясь на холмъ? Можетъ быть безъ него она нашла здѣсь полное удовлетвореніе и покой? Можетъ быть она уже не нуждается больше въ его любви? Мы всѣ дрожимъ въ рѣшительную минуту: надежда замираетъ въ нашей душѣ, складывая свои трепещущія крылья.

Но вотъ наконецъ онъ совсѣмъ близко, Адамъ всталъ и отдѣлился отъ низенькой стѣны. Но случилось, что какъ разъ въ этотъ моментъ Дина остановилась и обернулась назадъ

взглянуть за деревню, движеніе весьма естественное, когда человѣкъ всходитъ на гору. Адамъ былъ радъ, что она отвернулась: тонкій инстинктъ любви ему подсказалъ, что будетъ лучше, если она услышитъ его голосъ раньше, чѣмъ увидитъ его. Онъ подошелъ къ ней шага на три и тихонько окликнулъ:—Дина!—Она вздрогнула, но не обернулась, какъ будто послышавшійся ей голосъ не связывался въ ея сознаніи ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ.—Дина! окликнулъ еще разъ Адамъ. Онъ зналъ, о чемъ она думала въ эту минуту. Она такъ привыкла принимать всѣ свои впечатлѣнія за указанія свыше, что даже не искала во внѣшнемъ мирѣ объясненія послышавшихся ей звуковъ. Но теперь, когда онъ окликнулъ ее во второй разъ, она обернулась. Какимъ горячимъ взглядомъ любви подарили ея кроткіе глаза этого сильнаго темноглазаго человѣка! Увидѣвъ его, она не вздрогнула; она ничего не сказала, но подошла къ нему такъ близко, что онъ могъ обвить рукой ея станъ.

Такъ шли они нѣкоторое время въ молчаніи; въ глазахъ обоихъ стояли блаженныя слезы. Адамъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы говорить. Дина заговорила первая.

— Адамъ, такова воля Божія, сказала она.—Моя душа такъ крѣпко прилѣпилась къ вамъ, что безъ васъ я живу какою-то раздвоенною жизнью. Только теперь, когда вы со мной, когда я чувствую что наши сердца преисполнены одною любовью, ко мнѣ вернулась моя прежняя сила, которую я было утратила,—сила смущенія и готовность творить волю Отца Нашего Небеснаго.

Адамъ остановился и заглянулъ въ ея правдивые глаза.

— Значитъ мы больше никогда не разстанемся, Дина, пока насъ не разлучитъ смерть!

И съ глубокою радостью въ сердцѣ они поцѣловали другъ друга.

Есть-ли для двухъ любящихъ сердецъ большее счастье, какъ сознавать, что они соединены навѣки, чтобы поддерживать другъ друга во всякомъ трудѣ, облегчать другъ друга въ страданіи, опираться другъ на друга во всѣхъ тяготахъ жизни, безъ словъ, въ невысказанныхъ общихъ воспоминаніяхъ, сливаться душою другъ съ другомъ въ минуту послѣдней разлуки?

ГЛАВА LV.

СВАДЕБНЫЙ ЗВОНЪ.

Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ описанной встрѣчи въ горахъ, въ одно туманное утро въ концѣ ноября, Адамъ и Дина были обвѣнчаны.

Это было цѣлымъ событіемъ для всей деревни. Всѣ рабо-

чіе мистера Бурджа и мистера Пойзера получили отпускъ на весь день, и большинство изъ нихъ присутствовали на свадьбѣ въ своихъ праздничныхъ платьяхъ. Во всемъ Гейслопѣ не было, я думаю, ни одного человѣка изъ поименованныхъ въ нашемъ разсказѣ и бывшихъ на лицо въ Гейслопскомъ приходѣ въ это ноябрьское утро, который не стоялъ-бы—или въ церкви, чтобы видѣть, какъ вѣнчаютъ Адама и Дину, или на паперти, чтобы встрѣтить ихъ и поздравить, когда они выйдутъ. Мистрисъ Ирвайнъ съ дочерьми ждала у воротъ кладбища въ собственномъ экипажѣ (потому что у нея теперь былъ экипажъ), чтобы пожать руки молодымъ и пожелать имъ счастья. А за отсутствіемъ миссъ Лидіи Доннитор нъ, бывшей въ Батѣ, мистрисъ Бестъ, мистеръ Мильсъ и мистеръ Крегъ сочли своимъ долгомъ явиться въ церковь въ качествѣ представителей „фамиліи“ изъ замка. Вся дорога отъ самой паперти вплоть до кладбищенскихъ воротъ была съ обѣихъ сторонъ буквально усѣяна знакомыми лицами. Многіе изъ этихъ людей впервые видѣли Дину въ тотъ день, когда она говорила проповѣдь на лужайкѣ. Впрочемъ, не было ничего удивительнаго въ томъ общемъ участіи, какое всѣ принимали въ ней въ день ея свадьбы, ибо и сама Дина, и грустная исторія, поставившая ее въ такія близкія отношенія къ Адаму Биду, были явленіями, какихъ не запомнятъ даже Гейслопскіе старожилы.

Бесси Крэнеджъ, въ самомъ своемъ щегольскомъ платьѣ и шляпкѣ, горько плакала, сама хорошенько не зная о чемъ; потому что (какъ благоразумно доказывалъ ей двоюродный братъ ея, Бенъ-Волчекъ, стоявшій съ ней рядомъ) Дина не собиралась, кажется, уѣзжать, и если ужъ она, Бесси, чувствовала себя до такой степени огорченной, то лучшее, что она могла сдѣлать, это—послѣдовать примѣру Дины и выйти замужъ за честнаго парня, который готовъ хоть сейчасъ стать съ нею подъ вѣнецъ. За спиной Бесси, у самыхъ церковныхъ дверей, стояли ребятишки Пойзеровъ, выглядывая изъ-за высокихъ скамеекъ на таинственную церемонію. На лицѣ Тотти было выраженіе непривычной тревоги, навѣянной устрашающей мыслію, что вотъ сейчасъ она увидитъ, какъ Дина превратится въ старуху, ибо, по понятіямъ Тотти, основаннымъ на запасѣ личныхъ ея наблюденій, женатые люди были всегда старики и старухи.

Какъ я завидую всѣмъ тѣмъ, кто видѣлъ, какъ Адамъ повелъ Дину изъ церкви послѣ вѣнца! Говорятъ, можно было залюбоваться этой картиной. Въ то утро Дина не была въ черномъ: тетя Пойзеръ ни подъ какимъ видомъ не допустила-бы племянницу подвергнуть себя такому риску навлечь несчастіе на себя и на мужа, и сама подарила ей подвѣнечное платье—все сѣрое, хотя и сшитое по квакерской модѣ, такъ какъ насчетъ этого пункта Дина оказалась непреклонной. И

такъ, въ этотъ день знакомое намъ нѣжное лицо выглядывало изъ подъ сѣрой квакерской шляпы, кроткое и серьезное, не улыбаясь и не краснѣя; только губы немного дрожали подъ наплывомъ торжественныхъ, благоговѣйныхъ чувствъ. Адамъ, прижимая къ себѣ ея руку, шелъ, по своей старой привычкѣ, выпрямивъ спину и высоко держа голову, точно готовъ былъ взглянуть въ глаза всему свѣту; но онъ шелъ такъ не потому, чтобы чувствовалъ себя особенно гордымъ въ качествѣ жениха. Нѣтъ, счастье его было такого рода, что не нуждалось во мнѣніи людей. Къ его глубокой радости примѣшивалась грусть; Дина это знала и не сердилась.

Слѣдомъ за молодыми шли еще три пары; во-первыхъ, мистеръ Пойзеръ—съ такимъ сіяющимъ лицомъ, что, казалось, оно освѣщало собою даже этотъ пасмурный день,—велъ подъ руку тихую Мэри Бурджъ, подружку невѣсты; за ними шелъ Сетъ, безмятежно счастливый, подъ руку съ мистрисъ Пойзеръ, и наконецъ Бартль Масси съ Лизбетой,—съ Лизбетой въ новомъ платьѣ и шляпкѣ, слишкомъ гордою сыномъ, слишкомъ счастливою имѣть дочерью ту, которую она такъ любила, чтобы придумывать предлоги для жалобъ.

По настоятельной просьбѣ Адама Бартль, Масси согласился присутствовать на свадьбѣ, не забывая однако протестовать при каждомъ удобномъ случаѣ противъ женитьбы вообще, и женитьбы человѣка разумнаго въ частности. Тѣмъ не менѣе мистеръ Пойзеръ послѣ свадебнаго завтрака поднялъ его на смѣхъ, увѣряя, будто-бы въ ризницѣ онъ поцѣловалъ молодую лишній разъ противъ положеннаго.

Вслѣдъ за послѣдней парой шелъ мистеръ Ирвайнъ, довольный той работой, которую ему досталось выполнить въ это утро, соединивъ Адама и Дину. Мистеръ Ирвайнъ видѣлъ Адама въ самыя тяжелыя минуты его жизни: могло-ли это печальное время дать лучшую жатву? Любовь, которая принесла всѣмъ имъ надежду и утѣшеніе въ минуту отчаянія,—любовь, проникшая въ мрачныя стѣны тюрьмы и въ еще болѣе омраченную душу Гетти,—эта нѣжная и сильная любовь принадлежитъ теперь Адаму и будетъ его товарищемъ до гробовой доски.

На сколько рукопожатій пришлось отвѣтить, сколько благопожеланій выслушать нашимъ четыремъ парамъ у воротъ церковной ограды! Мистеръ Пойзеръ отвѣчалъ за всѣхъ съ рѣдкою находчивостью, ибо мистеръ Пойзеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи весь арсеналъ шутокъ и прибаутокъ, полагающихся на этотъ торжественный случай. А женщины умѣютъ только плакать на свадьбахъ, говорилъ мистеръ Пойзеръ. Сама мистрисъ Пойзеръ не довѣряла себѣ въ этомъ случаѣ и даже не отваживалась отвѣчать сосѣдямъ, пожимавшимъ ей руку; а Лизбета такъ прямо расплакалась въ отвѣтъ на первое-же, обращенное къ ней замѣчаніе насчетъ того, что она разомъ помолодѣла.

Мистеръ Джошуа Раннъ, схватившій легкую простуду, не могъ присоединиться къ звонившимъ въ колокола и, относясь съ нѣкоторымъ презрѣніемъ ко всѣмъ этимъ привѣтствіямъ, не требовавшимъ участія оффиціальнаго лица, тянулъ съ полчаса своимъ грустнымъ басомъ: „О, радостный день!“ предпосылая эту музыкальную фразу, какъ небольшую прелюдію къ тому эффекту, который онъ собирался произвести въ слѣдующее воскресенье своимъ брачнымъ псалмомъ.

— Вотъ новость, которая обрадуетъ Артура, сказалъ мистеръ Ирвайнъ своей матери, когда они возвращались домой.—Какъ только пріѣду домой, сейчасъ-же напишу ему.

ЭПИЛОГЪ.

Стоитъ конецъ іюня 1807 года. Уже съ полчаса, какъ мастерскія на лѣсномъ дворѣ Адама Бида, бывшаго Бурджа, закрыты, и теплое лѣтнее вечернее солнышко освѣщаетъ уютный домикъ съ желтыми стѣнами и соломенной крышей совершенно такъ-же, какъ освѣщало его девять лѣтъ тому назадъ, въ тотъ іюньскій вечеръ, когда мы въ первый разъ увидѣли Адама, и когда онъ относилъ ключи въ этотъ домъ.

Вотъ изъ него выходитъ нѣкто, хорошо намъ знакомый. Это женщина. Она всматривается въ даль, прикрывъ рукою глаза, потому что лучи вечерняго солнца, падающіе на ея бѣлый чепецъ безъ всякой отдѣлки и на ея свѣтлорусые волосы, все еще ослѣпительно ярки. Но вотъ она отвернулась отъ солнца и смотритъ въ дверь домика. Теперь намъ хорошо видно это милое блѣдное лицо; оно почти не измѣнилось, только немного пополнѣло подъ стать фигурѣ, которая тоже сдѣлалась болѣе солидной, хотя смотритъ все еще легкой и подвижной въ этомъ простомъ черномъ костюмѣ.

— Я его вижу, Сетъ,—сказала Дина, заглянувъ въ домъ. Пойдемъ ему на встрѣчу. Поди сюда, Лизбета, идемъ вмѣстѣ съ мамой.

Въ отвѣтъ на этотъ призывъ изъ дома сейчасъ-же выбѣжала хорошенькая четырехлѣтняя дѣвочка съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми глазами, подбѣжала къ матери и взяла ее за руку.

— Идемъ-же дядя, Сетъ,—сказала Дина.

— Сейчасъ, сейчасъ, вотъ и мы,—отвѣтилъ голосъ Сета изъ глубины дома, и вслѣдъ за тѣмъ онъ появился самъ, нагибаясь въ дверахъ, ибо въ настоящую минуту онъ выше своего обыкновеннаго роста на цѣлую голову черноволосаго, здороваго двухлѣтняго мальчугана, своего племянника, который собственно и былъ главной причиной промедленія,

потребовавъ, чтобы дядя Сетъ посадилъ его къ себѣ на плечи.

— Ты-бы лучше взялъ его на руки, Сетъ,—замѣтила Дина, съ любовью глядя на своего черноглазаго сына, такъ онъ тебя только стѣсняетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Адди любитъ кататься на мнѣ; отчего-же не доставить ему иногда этого удовольствія?

Въ отвѣтъ на эту любезность Адди принялся отбивать пятками дробь на груди дяди Сета съ многообѣщающей силой. Впрочемъ, идти рядомъ съ Диной и позволять себя тиранить дѣтямъ Адама и Дины было лучшимъ земнымъ счастьемъ дяди Сета.

— Гдѣ-же ты его видѣла? спросилъ Сетъ, когда они вышли въ ближайшее поле.—Я его нигдѣ не вижу.

— Я видѣла только его шляпу и плечи вонъ тамъ, на большой дорогѣ, за изгородью. Вонъ онъ опять.

— Да, ужъ на тебя можно положиться, когда надо его гдѣ-нибудь высмотрѣть,—замѣтилъ Сетъ съ улыбкой.—Ты точно наша бѣдная мама. Она, бывало, вѣчно выглядываетъ, какъ-бы не прозѣвать своего Адама, и всегда первая увидитъ его, даромъ что глаза у нея были плохи.

— Однако онъ засидѣлся дольше, чѣмъ думалъ,—сказала Дина, вынимая изъ маленькаго бокового кармана часы Артура и поглядѣвъ на нихъ. Теперь уже семь.

— Еще-бы! Мало-ли о чемъ имъ надо было поговорить. Я думаю, обоихъ сильно должна была взволновать эта встрѣча. Вѣдь они не видѣлись восемь лѣтъ.

— Да. Адамъ нынѣ съ утра взволновался, представляя себѣ, какую перемѣну онъ, вѣроятно, найдетъ въ этомъ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ. Восемь лѣтъ вѣдь не шутка, а тутъ еще эта болѣзнь, которую онъ перенесъ. Я думаю, смерть бѣдной изгнанницы, когда та была уже на пути на родину, страшно его огорчила.

— Смотри, Адди,—сказалъ Сетъ, перехватывая мальчугана за ножки и взявъ его на руки:—вонъ папа идетъ, видишь? вонъ онъ, у изгороди.

Дина ускорила шагъ, а маленькая Лизбета бѣгомъ пустилась впередъ и, подбѣжавъ къ отцу, обхватила его за ногу. Адамъ погладилъ ее по головкѣ, приподнялъ съ земли и поцѣловалъ; но когда онъ подошелъ ближе, Дина, сейчасъ-же увидѣла, что онъ очень взволнованъ, и молча взяла его подъ руку.

— Ну что, малышъ, взять тебя на руки?—сказалъ Адамъ, пытаясь улыбнуться, когда сынишка протянулъ къ нему руки, готовый, съ чисто дѣтскимъ вѣроломствомъ, измѣнить дядѣ Сету, какъ только увидѣлъ передъ собою болѣе дорогое лицо.

— Очень тяжелое это было свиданіе для меня, Дина,—сказалъ наконецъ Адамъ, когда они двинулись къ дому.

— Онъ очень измѣнился?—спросила она

— Какъ тебѣ сказать? и да, и нѣтъ. Я-бы узналъ его повсюду, хотя цвѣтъ лица у него сталъ совсѣмъ другой, и вообще онъ смотритъ больнымъ. Впрочемъ доктора увѣряютъ, что на родинѣ онъ скоро поправится. Онъ, въ сущности, совершенно здоровъ; это только лихорадка такъ его истощила. Но говоритъ онъ и улыбается совсѣмъ, какъ прежде, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Просто удивительно, какъ мало измѣнилась его улыбка.

— Я никогда не видѣла, какъ онъ улыбается,—замѣтила Дина.

— Завтра увидишь, сказалъ Адамъ. Онъ первымъ дѣломъ спросилъ про тебя, какъ только улеглось первое волненіе встрѣчи и мы были въ состояніи говорить. Спрашивалъ перемѣнилась-ли ты, и говоритъ, что помнитъ твое лицо, точно видѣлъ его вчера, Я сказалъ ему: „нѣтъ, не перемѣнилась,"—продолжалъ Адамъ, съ любовью заглядывая въ обращенные къ нему милые глаза, „только немного пополнѣла", на что ты имѣешь полное право послѣ семи лѣтъ замужества. Тогда онъ спросилъ, можно-ли ему зайти завтра повидаться съ тобой. „Я хочу ей сказать", говоритъ, „какъ много я о ней думалъ всѣ эти годы".

— Сказалъ ты ему, что я всегда носила его часы?

— Да, и мы много о тебѣ говорили: онъ увѣряетъ, что никогда не встрѣчалъ женщины, хоть сколько-нибудь похожей на тебя. Говоритъ: „я, кажется, сдѣлаюсь методистомъ, если услышу когда-нибудь, какъ она проповѣдуетъ". Но я ему сказалъ, что этого не можетъ случиться, такъ какъ совѣтъ общины запретилъ женщинамъ проповѣдывать и ты давно отъ этого отказалась, развѣ иной разъ пойдешь побѣсѣдовать съ людьми гдѣ-нибудь на дому.

— Да, ужасная глупость это запрещеніе, сказалъ Сетъ, будучи не въ силахъ воздержаться, чтобы не сдѣлать замѣчаніе по этому поводу. И если-бы Дина смотрѣла на вещи такъ же, какъ я, мы бы съ ней отложились отъ веснеянцевъ и присоединились къ такой общинѣ, гдѣ не стѣсняютъ свободы совѣсти.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, Дина была права, подчинившись этому правилу,—проговорилъ Адамъ.—Нѣтъ такого разумнаго правила, которое кого-нибудь не стѣсняло-бы. Большинство женщинъ приноситъ своими проповѣдями больше вреда, чѣмъ пользы: не всякая надѣлена такимъ умомъ и даромъ слова, какъ Дина. И Дина это поняла и рѣшила подать примѣръ повиновенія; къ тому же, запрещеніе проповѣдовать не лишаетъ ее возможности учить людей иными путями. Нѣтъ, я вполнѣ раздѣляю ея мнѣніе и совершенно одобряю ея образъ дѣйствій.

Сетъ промолчалъ. Это былъ предметъ разговора, всегда

вызывавшій споръ между братьями, и потому его вообще избѣгали, и Дина, желая съ ними покончить какъ можно скорѣе, сказала:

— Адамъ, ты не забылъ передать полковнику Доннитерну порученіе дяди и тетки?

— Нѣтъ, не забылъ; послѣ завтра они съ мистеромъ Ирвайномъ будутъ у нихъ. Мистеръ Ирвайнъ пришелъ какъ разъ въ ту минуту, когда у насъ былъ объ этомъ разговоръ, и объявилъ, что завтра онъ не позволитъ полковнику видѣться ни съ кѣмъ, кромѣ тебя; онъ говоритъ и, по моему, онъ правъ, что свиданіе со столькими старыми друзьями въ одинъ и тотъ-же день можетъ слишкомъ сильно его взволновать. „Прежде всего, Артуръ, вы должны совершенно оправиться и окрѣпнуть“, сказалъ онъ; „теперь это должно быть вашей первой заботой, а затѣмъ можете дѣлать все, что вамъ заблагоразсудится. Но до тѣхъ поръ, такъ и знайте, вы будете подъ опекой у вашего стараго воспитателя“. Если-бы ты видѣла, какъ счастливъ мистеръ Ирвайнъ, что Аргуръ наконецъ вернулся домой!

Адамъ немного помолчалъ и потомъ продолжалъ:

— Первая минута свиданія была очень тяжела. Онъ ничего не зналъ о бѣдной Гетти, пока мистеръ Ирвайнъ не встрѣтилъ его въ Лондонѣ: письма до него не доходили во время пути. Первое, что онъ сказалъ мнѣ, когда мы поздоровались, было: „Я никогда ничего не могъ для нея сдѣлать, Адамъ; ей суждено было прожить достаточно долго, чтобы до дна испить чашу страданій... А я такъ мечталъ о томъ времени, когда я буду наконецъ въ состояніи что-нибудь для нея сдѣлать! Но вы были правы, когда сказали мнѣ однажды: „Есть зло, котораго ничѣмъ не поправишь“.

— А вонъ идутъ къ намъ мистеръ и мистрисъ Пойзеръ,— сказалъ Сетъ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ они!—сказала Дина.—Бѣги, Лизбета, бѣги скорѣй къ тетѣ Пойзеръ... Ступай домой, Адамъ, отдохни: тяжелый сегодня выдался день для тебя.

Объясненія словъ.

Абажуръ — колпакъ, надѣвающійся на лампу, чтобы смягчить свѣтъ.

Аббатство—католическій монастырь со всѣми принадлежащими къ нему землями и постройками.

Абрикосъ—плодъ абрикосоваго дерева сем. миндальныхъ.

Абсолютный—безусловный, совершенный.

Абстрактъ—отвлеченность, идея, не имѣющая матеріальнаго воплощенія.

Абстракція—отвлеченность.

Авансъ—сумма, выдаваемая впередъ въ счетъ денегъ, подлежащихъ выдачѣ по исполненіи работы или по доставкѣ товара.

Авторъ — создатель какого-либо литературнаго, ученаго или художественнаго произведенія.

Авторитетъ—1) почетъ, вліяніе и довѣріе, которыми пользуется то или другое лицо или учрежденіе въ силу своихъ заслугъ, матеріальной силы, историческихъ или иныхъ условій. 2) Компетентное лицо, могущее правильно судить о томъ или другомъ вопросѣ вслѣдствіе спеціальнаго знакомства съ нимъ.

Агонія—послѣднія минуты умирающаго.

Адвокатъ — лицо, защищающее на судѣ интересы подсудимаго за извѣстное вознагражденіе; защитникъ.

Адресовать—направить по мѣсту жительства и имени даннаго лица.

Адресъ—1) обозначеніе имени и мѣста жительства даннаго лица; 2) письменное заявленіе, просьба или благодарность отъ имени многихъ лицъ.

Адскій—ужасный, вышедшій изъ ада.

Азартъ—увлеченіе дѣломъ до потери спокойствія.

Азбука — собраніе всѣхъ буквъ алфавита.

Актеръ—1) исполнитель роли въ театральныхъ представленіяхъ; 2) искусно притворяющійся человѣкъ.

Аккомпаниментъ—сопровожденіе пѣнія игрой на музыкальномъ инструментѣ.

Аккуратность — точность, любовь къ порядку и чистотѣ, тщательность.

Акръ—земельная мѣра въ Германіи (1,126 кв. саж.) и въ Англіи (900 кв. саж.).

Актъ — 1) Часть драматическаго дѣйствія; 2) бумага, составленная нотаріальнымъ порядкомъ; 3) торжество раздачи наградъ въ учебномъ заведеніи.

Алтарь — 1) жертвенникъ, мѣсто приношенія жертвы; 2) возвышеніе, обращенное на востокъ, передъ которымъ совершаются богослуженія въ храмахъ.

Альманахъ—въ средніе вѣка календари съ астрономическими таблицами; періодическій сборникъ литературныхъ произведеній.

Альтернатива—поочередность двухъ вещей, между которыми приходится выбирать.

Амбаръ—помѣщеніе, куда складываютъ зерновой или смолотый хлѣбъ.

Аммуниція—все, относящееся къ одеждѣ и вооруженію солдатъ.

Амфитеатръ—мѣста для зрите-

лей или слушателей, расположенныя полукругомъ и постепенно возвышающимися рядами.

Анализировать (впечатл.) — разлагать на составныя части съ цѣлью изслѣдованія.

Анализъ—изслѣдованіе.

Аналой—высокій столъ съ наклонной поверхностью, на который кладутся Евангеліе, крестъ и иконы.

Ананасъ — растеніе сем. бромеліевыхъ; родомъ изъ тропической Америки; разводится въ теплыхъ странахъ Азіи и Африки ради душистыхъ и сладкихъ плодовъ; много сортовъ.

Анатомія—наука о строеніи организма.

Ангажировать — приглашать, нанимать.

Анекдотъ — короткій разсказъ объ оригинальномъ или смѣшномъ случаѣ.

Аномалія—неестественность, отступленіе отъ законовъ природы.

Антипатія—отвращеніе, нерасположеніе.

Антитезъ—противоположность.

Антифонъ—1) попеременное пѣніе двухъ другъ противъ друга стоящихъ хоровъ; употребляется при богослуженіи; 2) аппаратъ, поглощающій звуки и шумъ такъ, что ихъ не слышно.

Апокрифическій — см. Апокрифы; въ переносн. см. вообще сомнительный, ложный.

Апокрифы — религіозныя книги сомнительнаго происхожденія, невполнѣ признаваемыя церковью, которая различаетъ ихъ отъ каноническихъ книгъ.

Аппетитъ — желаніе ѣсть, удовольствіе, испытываемое при ѣдѣ.

Аптекарь—провизоръ, человѣкъ, занимающійся приготовленіемъ лѣкарствъ, владѣлецъ аптеки.

Аргументъ — доводъ, приводимый въ доказательство правильности извѣстнаго сужденія.

Аргументація — совокупность доводовъ въ защиту какого-либо мнѣнія.

Арена—1) круглое мѣсто въ циркахъ, предназначенное для выѣзда лошадей и другихъ представленій; 2) мѣсто дѣйствія.

Аренда—наемъ за плату какого-либо владѣнія для временнаго пользованія его доходами.

Арендаторъ — человѣкъ, снимающій какое-нибудь имущество въ аренду. См. Аренда.

Арестованный—задержанный и лишенный свободы по распоряженію какой-либо власти.

Арестовать—1) взять кого-либо подъ стражу; 2) наложить запрещеніе на имущество.

Аристократическій — принадлежащій высшему слою общества, знати.

Аристократъ — человѣкъ, принадлежящій къ высшему классу общества, занимающій высокое положеніе по знатности, интеллекту, воспитанію.

Ариѳметическій — ариѳметика—наука о свойствахъ и законахъ чиселъ.

Ариѳметика—часть математики, которая занимается изученіемъ чиселъ, выраженныхъ цифрами и дѣйствіями надъ ними. Изобрѣтеніе ариѳметики приписываютъ египтянамъ.

Аркада—сквозной рядъ арокъ.

Арлекинъ—шутъ, скоморохъ.

Арминіанъ—освободитель Германіи отъ римскаго господства побѣдой надъ Варомъ въ Тевтобургскомъ лѣсу.

Армія—совокупность сухопутныхъ военныхъ силъ государства; самостоятельная часть войска изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и саперъ, назначенная для опредѣленныхъ дѣйствій.

Ароматъ—пріятный запахъ, благовоніе.

Арсеналъ—строенія, гдѣ приготовляются или сохраняются военныя орудія, снаряды и пр.

Артистъ — 1) лицо, занимающееся какимъ-либо искусствомъ, какъ профессіей (художникъ, музыкантъ, актеръ и т. п.); 2) человѣкъ, достигшій въ чемъ-либо высокой степени искусства; 3) ловкій плутъ.

Артистическій—артистъ—человѣкъ, достигшій извѣстнаго совершенства въ какомъ-либо искусствѣ; въ частности—актеръ.

Археологія—наука о древностяхъ.

Архитекторъ—лицо, дѣлающее планъ зданія и наблюдающее за его постройкой.

Аршинъ—мѣра длины, принятая въ Россіи, равна англійскому футу.

Аскетизмъ—строгое воздержаніе; нравственное ученіе, требующее воздержанія.

Аспидная доска—тонкая доска изъ шифера; употребляется для писанія (грифелемъ).

Ассоціація—1) общество людей, соединившихся для достиженія общей цѣли; 2) ассоціація идей—рядъ понятій, тѣсно связанныхъ между собой и вызывающихъ другъ друга.

Астма—удушье, затрудненное дыханіе вслѣдствіе малокровія, легочныхъ разстройствъ, нервныхъ и сердечныхъ болѣзней.

Атласный—изъ шелковой матерія—атласа; вообще напоминающій атласъ на ощупь.

Атласъ—1) собраніе географическихъ картъ (учебное пособіе); 2) блестящая шелковая матерія; 3) миѳическій гигантъ, который, по преданію древнихъ грековъ, носилъ на плечахъ землю.

Атлетическій: атлетъ—силачъ; въ древности профессіональные бойцы, состязавшіеся въ борьбѣ, кулачномъ боѣ и пр.

Атмосфера—слой воздуха, окружающій земной шаръ; переносно—среда, окружающее.

Автобіографическій: автобіографія—описаніе своей жизни.

Аттестатъ—письменное свидѣтельство о поведеніи, успѣхахъ, знаніи и пр., выдаваемое учащемуся или служащему.

Атторней—одно изъ подраздѣленій англійскихъ адвокатовъ.

Аттрибутъ—неотъемлемая принадлежность.

Аудиторія—1) собраніе слушателей; 2) помѣщеніе, въ которомъ читаются лекціи или происходятъ образовательныя представленія.

Аукціонистъ—производящій аукціонную продажу—«продажу съ молотка».

Аффектація—искусственность, натянутость; рисовка въ разговорѣ, жестахъ, пріемахъ или движеніяхъ.

Багровый—густо-красный.

Бакенбарды—борода, растущая по обѣимъ сторонамъ подбородка 2-мя отдѣльными прядями.

Бакъ—1) верхняя палуба отъ передней мачты до носа; 2) крытый резервуаръ для воды; 3) деревянная посуда, изъ которой ѣдятъ большія артели.

Балаганъ—баракъ, въ которомъ устраиваются зрѣлища, разсчитанныя на вкусъ низшаго класса населенія.

Баламутить—смущать, сбивать съ толку, заводить недоразумѣнія.

Балдахинъ—подвижный или неподвижный нарядный навѣсъ надъ сидѣньемъ, гробомъ, каѳедрой и т. п.

Балетный пейзанъ—пейзаны—шутливое названіе сельскихъ, деревенскихъ жителей, мужиковъ.

Балка—деревянный или желѣзный шестъ, служащій для поддержки отдѣльныхъ частей строенія: балконовъ, потолковъ, крышъ, лѣстницъ и т. д.

Баллада—эпическое стихотвореніе съ болѣе или менѣе фантастическимъ, сказочнымъ оттѣнкомъ, обыкновенно небольшое. Примѣръ: «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» Пушкина.

Балластъ—1) грузъ, которымъ желаютъ достичь опредѣленной тяжести парохода или воздушнаго шара; 2) всякая лишняя, безполезная тяжесть.

Баллюстрада—перила.

Баловень—любимецъ, привыкшій къ потворству.

Балъ—званый вечеръ съ музыкой и танцами, частный или общественный.

Банальный—избитый, опошлившійся, обыкновенный.

Банковый билетъ—условный бумажный знакъ, выпускаемый государственными или частными банками, равный той или другой цѣнности и обезпеченный въ своей стоимости имуществомъ банка его выпустившаго.

Банкротство—разореніе, объявленіе себя несостоятельнымъ должникомъ.

Бардъ—народный поэтъ и пѣвецъ древнихъ кельтовъ.

Барометръ—приборъ, измѣряющій давленіе атмосферы высотою ртутнаго столба, поднимающагося въ стеклянной, замкнутой сверху и лишенной воздуха, трубкѣ, опущенной въ ртуть открытымъ концомъ.

Бархатъ—бумажная или шелковая матерія съ одной стороны мягкая, пушистая, а съ другой—гладкая.

Баритонъ—1) мужской голосъ, средній между теноромъ и басомъ; 2) духовой инструментъ.

Батистъ—тончайшая ткань изъ бумаги или льна.

Бахрома—часть матеріи или самостоятельное мануфактурное издѣліе, состоящее изъ ряда длинныхъ, тонкихъ, сплетенныхъ или свитыхъ концовъ бумажныхъ или шерстяныхъ волоконъ, прикрѣпленныхъ къ такой же лентѣ. Употребляется на матеріяхъ для мебели, на шаляхъ, верхнихъ платьяхъ, декораціяхъ и т. д.

Бдѣніе—безсонное проведеніе ночей.

Безапелляціонный—не допускающій никакихъ возраженій или жалобъ.

Безвозмездно—даромъ, безъ всякой платы.

Бездна—пропасть, пучина; громадное количество; въ переносномъ смыслѣ—безвыходное положеніе.

Безкорыстіе—искреннее отношеніе къ предметамъ и явленіямъ безъ желанія извлечь изъ нихъ пользу.

Безмозглый—лишенные способности мыслить.

Безмолвіе—тишина, молчаніе

Безмятежно—спокойно, ничѣмъ не тревожась.

Безотрадный—печальный, безъ проблеска радости.

Безплодно—напрасно, безъ результата.

Безпощадно—жестоко, безжалостно.

Безпристрастный—руководящійся исключительно соображеніями справедливости.

Безпріютный—не имѣющій мѣста отдыха и защиты.

Безукоризненный—совершенный, не имѣющій недостатковъ.

Безупречная репутація—незапятнанная слава; доброе имя.

Безъ запинки—сразу, легко.

Безотчетно—безъ объясненія себѣ причинъ, безсознательно.

Беллетристика—собраніе произведеній изящной литературы, въ отличіе отъ научныхъ, спеціальныхъ и др. литературныхъ произведеній.

Берлинъ—столица Германіи.

Берлога—жилище дикаго звѣря.

Бестія—бранное слово, въ переводѣ съ латинскаго языка значитъ «скотина».

Біографія—описаніе жизни какого-либо лица.

Библейскій (см. Библія).

Библіотека—болѣе или менѣе значительное собраніе книгъ; мѣсто, откуда отпускаютъ на опредѣленныхъ условіяхъ книги для чтенія на мѣстѣ или на домъ; комната, назначенная для храненія книгъ.

Библія—священная книги Ветхаго и Новаго Завѣта.

Бисеръ—мелкія стеклянныя или металлическія бусы; употребляются для отдѣлки женскихъ нарядовъ и для вышиванья.

Бичевать—бить хлыстомъ, истязать.

Бичъ—длинный, гибкій плетенный ремень, которымъ ударяютъ упрямую лошадь или пугаютъ свистящимъ звукомъ, который онъ издаетъ, если имъ хлестать по воздуху.

Благоволеніе—благосклонное отношеніе.

Благоговѣйный—очень почтительный, относящійся такъ, какъ относятся къ божеству.

Благовѣщенье—христіанскій праздникъ 25 марта въ память возвѣщенія Св. Маріи ангеломъ о присутствіи въ ней Святаго Духа.

Благоденствіе—благополучіе, полная удовлетворенность.

Благодѣяніе—доброе дѣло. милость.

Благотворный—производящій хорошее дѣйствіе.

Благосостояніе—матеріальная обезпеченность, возможность пользоваться жизненными благами.

Благоуханіе — пріятный запахъ.

Близнецы — дѣти, родившіеся въ одно время отъ одной матери.

Бликъ—въ живописи яркій свѣтъ, отражаемый глянцевитою поверхностью; въ горномъ дѣлѣ — серебро въ слиткѣ, очищенное отъ свинца.

Блондинъ—человѣкъ, отличающійся свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ.

Блуждать—1) напрасно стараться придти къ извѣстному мѣсту по незнанію дороги; 2) переносно: путаться въ соображеніяхъ, неправильными путями искать истины.

Блуза—одежда рабочаго; утреннее широкое женское платье.

Богадѣльня — общественное учрежденіе, гдѣ содержатся люди, по старости или болѣзни неспособные къ труду.

Богословіе—наука о религіи, церкви и пр.

Богоотступникъ — человѣкъ, отрекшійся отъ вѣры.

Боготворить—страстно любить, относиться, какъ къ божеству.

Боксеры—кулачные бойцы въ Англіи; самый кулачный бой называется боксомъ и производится по особымъ правиламъ.

Болонка — порода собакъ маленькаго роста, обыкновенно бѣлая съ длинной шелковистой шерстью.

Болты—желѣзные или стальные стержни съ винтовой нарѣзкой, одинъ конецъ оканчивается четырехъ- трехъ- или шестигранной головкой, на другой навинчивается гайка; служатъ въ машиностроеніи для разъемнаго соединенія.

Борозда — полоса, проводимая плугомъ или какимъ-либо острымъ орудіемъ по рыхлой почвѣ.

Бортъ — окраина корабля, билліарда и др.

Ботфорты—высокіе сапоги съ голенищами.

Боярышникъ — кустарникъ, дающій мелкія ягоды, растетъ въ сѣверныхъ странахъ.

Бразды — конскія удила; фигурально употребляется для указанія сосредоточенія власти въ чьихъ-нибудь рукахъ.

Браконьеры — люди, тайно охотящіеся въ чужихъ лѣсахъ.

Бракъ—супружество, союзъ мужчины съ женщиной.

Браслетъ—украшеніе изъ драгоцѣннаго металла или камней, носимое на рукахъ женщинами, а у древнихъ и дикихъ народовъ также и мужчинами.

Бредни—пустые разговоры.

Бредъ—рѣчь человѣка, находящагося въ безсознательномъ состояніи, подъ вліяніемъ повышенной температуры.

Брезентъ — парусинная покрышка, смоленая или выкрашенная, сшитая по формѣ закрываемаго предмета (воза, шлюпки и т. п.).

Бремя—непосильная тяжесть, нагруженная на человѣка или животное.

Бриллiантъ—правильно ограненный и ошлифованный алмазъ.

Британецъ—англичанинъ.

Бриттъ — англичанинъ, житель Британіи.

Бродяга—человѣкъ, не имѣющій опредѣленнаго мѣста жительства и нигдѣ не приписанный.

Броженіе—1) химическій процессъ, производимый дрожжевыми и другими грибками; 2) въ обществѣ—не выраженное, глухое, скрытое движеніе.

Броня—внѣшняя металлическая обшивка.

Брошюра—небольшая книжка.

Брусъ — 1) длинный кусокъ дерева, желѣза или камня, обтесанный въ 2—4 грани и болѣе; 2) камень изъ рода песчаниковъ, на которомъ точатъ и острятъ желѣзныя орудія.

Брюзгливо—ворчливо, сердито.

Брюзжать—высказывать неудовольствіе, являющееся слѣдствіемъ дурного настроенія.

Брюнетка—темноволосая, смуглая.

Будуаръ—изящная женская комната для пріема близкихъ, интимныхъ гостей.

Бузина — кустарное растеніе.

разводится въ садахъ. Цвѣты употр. какъ потогонное.

Буквально — точно.

Букетъ — красиво связанные цвѣты; собраніе избранныхъ предметовъ.

Буколическій, буколическая поэзія, буколика — иначе пастушеская поэзія, изображающая прелести деревенск. жизни.

Бульдогъ — 1) англійская порода собакъ, съ тупою мордою и толстыми лапами; 2) короткоствольный револьверъ большого калибра.

Бульонъ—отваръ мяса въ водѣ.

Бумагопрядильня — фабрика, на которой обрабатывается хлопчатая бумага.

Буравчикъ—токарный инструментъ, служащій для пробуравливанія отверстій.

Буржуазія—средній классъ въ западной Европѣ, горожане, мѣщане.

Бусы—бѣлые и разноцвѣтные стеклянные шарики, нанизываемые на нитки для ожерелій.

Бутонъ—не распустившійся цвѣтокъ.

Буфетъ — роскошно-накрытый столъ; шкапъ для храненія посуды.

Бѣльмо—болѣзнь глазъ, зависящая отъ болѣзни зрительнаго нерва, сѣтчатой оболочки или головного мозга или отъ помутнѣнія хрусталика.

Валовой доходъ—общая сумма денегъ, полученная послѣ какого-либо предпріятія и представляющая сумму расхода и прибыли.

Варварство — состояніе или дѣйствіе, не соотвѣствующее современной культурѣ.

Варвикширъ — провинція въ Англіи.

Варіанты—видоизмѣненія одного и того же произведенія.

Вдохновеніе - наитіе свыше; напряженіе нервкой системы, подъ вліяніемъ котораго происходитъ творчество.

Великосвѣтскій — принадлежащій къ высшему слою общества.

Вельможа — знатное, высокопоставленное лицо.

Верстакъ — 1) узкій длинный столъ, къ которому прикрѣпляются тиски, и слесаря или плотники на нихъ производятъ разныя работы; 2) ручной ткацкій станокъ.

Вертикальный—отвѣсный.

Вертлявый—склонный къ быстрымъ и увертливымъ движеніямъ, изворотливый.

Ветхій — очень старый, слабый отъ старости.

Вечеринка — небольшой званый вечеръ съ танцами или безъ нихъ.

Вечерня—вечерняя молитва.

Взаимный — одинаковый между двумя лицами въ отношеніи другъ къ другу.

Вздоръ пустяки, глупости.

Віолончель—4-струнный смычковый инструментъ больше скрипки, но меньше контрабаса.

Вибрирующій — вибрація или вибрированіе колебаніе упругихъ тѣлъ.

Визави—другъ противъ друга.

Визирь—на магометанскомъ Востокѣ титулъ высшихъ государственныхъ чиновъ.

Великій визирь—глава всей администраціи въ Турціи и намѣстникъ султана.

Визитъ — непродолжительное посѣщеніе, служащее актомъ свѣтской вѣжливости.

Викарій—епископъ, не имѣющій самостоятельной епархіи, помощникъ мѣстнаго епископа.

Витать—парить, летать, погружаться въ какую-нибудь сферу.

Витой — идущій по спиральной линіи.

Вице-предсѣдатель—помощникъ предсѣдателя, вѣдающій административную часть.

Вкладъ сумма денегъ или др. цѣнностей, вносимая на храненіе или на нужды какого либо дѣла.

Вкрадчивый — умѣющій ловко проникнуть въ душу и расположить къ себѣ.

Влечь—тянуть.

Вліяніе—умѣніе подчинить своему образу мыслей, направить въ извѣстную сторону чужую волю.

Внезапный—неожиданный.

Внушеніе—1) сообщеніе другому лицу своей воли или мыслей, при помощи убѣжденія или воздѣйствіемъ на нервную систему; 2) выговоръ.

Внушительный — убѣдительный; большихъ размѣровъ; почтеннаго вида.

Внѣшній—наружный, относящійся къ наружному виду.

Внѣшнія чувства—5 чувствъ, которыми человѣкъ познаетъ окружающее, именно: зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе, вкусъ.

Внѣшность — совокупность видимыхъ признаковъ.

Водоросль—простѣйшія растенія, состоящія изъ нѣсколькихъ, иногда даже одной клѣтки; растутъ на днѣ рѣкъ и морей.

Вожакъ—предводитель, человѣкъ, ведущій другихъ людей или животныхъ.

Вожделѣніе—желаніе, вызванное другими инстинктами.

Воззваніе—письменное или устное обращеніе къ обществу съ цѣлью просить защиты или убѣдить въ необходимости какихъ-либо дѣйствій.

Возлагать—поручать, надѣяться на кого-нибудь или на что нибудь.

Возліяніе — у древнихъ народовъ обычай передъ трапезой проливать изъ особой чаши нѣсколько вина въ жертву богамъ. Въ настоящее время въ шутку употребляется вмѣсто слова «выпивка».

Возмездіе — отплата, наказаніе за дурной поступокъ.

Возрожденіе—воскресеніе къ новой жизни; эпоха возвращенія къ классическимъ образцамъ въ искусствѣ и философіи въ Италіи въ XV и началѣ XVI в.

Вокальный—голосовой, исполняемый голосомъ, предназначенный для пѣнія.

Волокитство—назойливое ухаживаніе за женщинами.

Волокна — нитевидныя составныя части растит. и животн. ткани.

Волынка — народный струнный музыкальный инструментъ, первобытнаго типа.

Вольтеровское кресло — широкое удобное кресло. Названо по имени Вольтера, французскаго философа и поэта середины XVIII вѣка.

Воображеніе — способность живо воспроизводить въ умѣ образы, когда-то видѣнные, или создавать самостоятельно предметы и явленія, въ дѣйствительности не существующіе.

Воплотить — выразить отвлеченный образъ или идею матеріально.

Воплощеніе — представленіе мысли или отвлеченнаго предмета въ видѣ матеріальнаго тѣла.

Вопль—рыданіе, крикъ, сопровождаемый слезами.

Вопреки—неемогря на; наперекоръ.

Воркотня—повторяющееся негромкое выраженіе неудовольствія,

Воровка — женщина, похитившая чужую собственность,

Вороной — лошадиная масть чернаго цвѣта.

Ворохъ — большое количество предметовъ, куча.

Ворошить—перебирать, перебрасывать.

Восвояси—къ себѣ, домой, на родину.

Воспаленіе—процессъ, который выражается разстройствомъ питанія какихъ либо тканей или органовъ появляясь вслѣдствіе различныхъ раздраженій.

Воспитаніе — сумма привычекъ, знаній, идей, свойствъ, заимствованныхъ человѣкомъ отъ выростившихъ его людей и окружающей среды.

Востокъ—часть свѣта, гдѣ всходитъ солнце.

Восторженный — сильно, иногда неумѣренно увлекающійся (о человѣкѣ).—Вызванный сильнымъ чувствомъ симпатіи или удовольствія (о возгласѣ или др. проявленіяхъ).

Впечатлительность — способность сильно воспринимать внѣшнія впечатлѣнія.

Впечатлѣніе—дѣйствіе, производимое внѣшними предметами на наши органы чувствъ (или явленіями на наши умственные органы).

Впотьмахъ—въ темнотѣ,

Вращеніе солнца—ошибочное впечатлѣніе, будто солнце совершаетъ въ сумерки полный кругъ около земли, между тѣмъ какъ, наоборотъ, вращается земля.

Всадникъ — человѣкъ, ѣдущій верхомъ.

Вскользь—мимоходомъ, слегка касаясь.

Вуаль—тонкая прозрачная ткань, которою женщины закрываютъ себѣ лицо.

Вульгарный—грубый, непристойный.

Вчужѣ—со стороны, не ознакомившись.

Въодинъ присѣстъ — за одинъ разъ, не вставая съ мѣста.

Выбоина—углубленіе въ шоссейной или грунтовой дорогѣ, происходящее отъ дождя, долгаго стоянія воды или продолжительной службы дороги.

Выводъ—общая мысль, представляющая результатъ наблюденій, опытовъ или размышленій.

Выгонъ—пастбище.

Выигрышъ—призъ, назначенный побѣдителю въ состязаніи или вынувшему извѣстный билетъ въ лотереѣ. Разрѣшеніе игры въ пользу одного изъ играющихъ.

Выхоленный — воспитанный, выращенный съ большой заботливостью.

Вычурный—замысловатый, детально отдѣланный.

Вышка—верхняя часть башни.

Вѣковой—продолжающійся одно или много столѣтій.

Вѣрноподданный—неспособный нарушить клятвы въ вѣрности, данной правителю страны.

Вѣроломный — не сдержавшій даннаго слова или клятвы, предатель.

Вѣскій—солидный (см. выше), убѣдительный, внушительный.

Вязъ—дерево изъ семейства ильмовыхъ, съ двудомными цвѣтами и плодомъ—односѣмянной крылаткой.

Вялый — неспособный къ быстрымъ и сильнымъ движеніямъ.

Гавань—мѣсто стоянки большихъ пароходовъ у материка.

Газовый—состоящій изъ летучаго тѣла — газа: питаемый свѣтильнымъ газомъ (про освѣщеніе); изъ тонкой прозрачной матеріи (про одежду).

Газъ—1) тѣло, не имѣющее формы и стремящееся наполнить всякое пространство; типомъ газа можетъ служить воздухъ, 2) тонкая, легкая ткань, шелковая или бумажная.

Галлерея—длинный узкій ходъ; корридоръ.

Галлонъ—англійская мѣра жидкостей и сыпучихъ тѣлъ, содержитъ 10 торговыхъ англійскихъ фунтовъ воды.

Галлюцинаціи—видѣнія, порождаемыя разстройствомъ нервной системы.

Галопъ—1) особый бѣгъ лошади, при которомъ она выкидываетъ то обѣ переднія, то обѣ заднія ноги; 2) танецъ, отличающійся быстрымъ движеніемъ.

Галстухъ — шейный платокъ разной вязки.

Гамъ—смѣшанный, неопредѣленный шумъ.

Гарантія — обезпеченіе, ручательство.

Гардеробный шкапъ — гардеробъ — 1) костюмъ, все одѣяніе человѣка; 2) большой шкапъ для храненія платья.

Гармонія—1) комбинація (см. выше) такихъ звуковъ или цвѣтовъ, которая по свойствамъ слуха и зрѣнія производитъ пріятное впечатлѣнія; 2) перенесеніе сочетанія двухъ или нѣсколькихъ явленій, свойствъ, характеровъ, дающихъ въ суммѣ одно пріятное и уровновѣшенное цѣлое. Наука о созвѣздіяхъ. Согласіе двухъ лицъ. Соразмѣрность. Красивое сочетаніе звуковъ или красокъ.

Гармонировать — быть подъ стать одно другому, согласоваться, производить стройное сочетаніе.

Геній—1) необыкновенное, поражающее дарованіе; 2) духъ.

Геральдическій — геральдика—наука о гербахъ: за-

нимается изученіемъ значенія старыхъ гербовъ и составляетъ новые.

Гербъ—символическое изображеніе, составляющее знакъ какого-либо знатнаго рода, области или государства.

Героизмъ — высшая степень гражданскаго или военнаго мужества.

Герой—1) человѣкъ, по своимъ поступкамъ и свойствамъ сильно выдѣляющійся изъ окружающей среды 2) главное дѣйствующее лицо романа или драмы.

Гигантскій—исполинскій, громадной величины.

Гикать—издавать короткій, рѣзкій звукъ.

Гимнастика — совокупность физическихъ упражненій, служащихъ для развитія силы и ловкости тѣла.

Гимнастъ—человѣкъ, занимающійся акробатическими упражненіями.

Гимнъ—1) торжественная пѣснь, славословящая Бога или святыхъ; 2) музыкальная пьеса возвышеннаго характера, написанная съ тою же цѣлью.

Гинея—англійская золотая монета=6 руб. 26 к.

Гипербола—1) преувеличеніе, выходящее изъ предѣловъ вѣроятнаго и возможнаго; 2) въ математикѣ: кривая линія, получающаяся при пересѣченіи конуса плоскостью параллельной его оси.

Гипсовый—гипсъ—углекислая известь, служащая, благодаря своей мягкости, скульптурнымъ матеріаломъ.

Гирлянда — цвѣты и зелень, сплетенныя въ видѣ тесьмы или ленты.

Гиря—1) грузъ, равный различнымъ вѣсовымъ единицамъ съ утвержденными пробирной палатой знаками; 2) грузы для гимнастическихъ упражненій; 3) грузы, натягивающія пружины въ механизмахъ

Глава—отдѣлъ сочиненія; главное лицо семьи, учрежденія, общества.

Глазетовое — глазетъ—родъ парчи съ шелковою основою и серебрянымъ или золотымъ узоромъ

Гнетущій—тяжелый, давящій.

Гнетъ—постоянное давленіе.

Гнусность — поступокъ, вызывающій чувство омерзѣнія.

Гнушаться—испытывать чувство отвращенія.

Годовщина—число и мѣсяцъ извѣстнаго событія.

Головастикъ — промежуточная стадія въ образованіи лягушки; переносно, шутя,—человѣкъ или дитя съ большой головой.

Головомойка—рѣзкій выговоръ, иногда сопровождаемый насильственными дѣйствіями.

Гончія—охотничьи собаки, употребляющіяся для ловли звѣря живьемъ.

Горельефъ — изображеніе въ которомъ фигуры сдѣланы весьма выпукло.

Горечь — 1) горькій вкусъ; 2) чувство обиды подъ вліяніемъ обмана, несправедливости или дурного отношенія.

Горизонтъ—предѣлъ видимой части земной поверхности.

Горничная—дѣвушка, прислуживающая въ комнатахъ.

Горячка — болѣзнь, сопровождающаяся высокой температурой; лихорадочное состояніе.

Гостинница — учрежденіе, въ которомъ сдаются въ наемъ комнаты для пріѣзжихъ.

Гравель — желтый песокъ, измельченная горная порода.

Градусъ интереса—степень интереса.

Гражданскія власти—власти, вѣдающія внутренній распорядокъ страны.

Грамматика—наука, изучающая строеніе языка.

Грамматическій—относящійся къ наукѣ о законахъ правописанія даннаго языка; составленный по законамъ грамматики.

Гранатъ — минералъ изъ класса алфотеролитовъ; кристаллическаго строенія, краснаго цвѣта, прозраченъ

Гранаты — бомбы, начиненныя взрывчатымъ веществомъ; плоды гранатоваго дерева; драгоцѣнные камни прозрачно-краснаго цвѣта.

Графство — территоріальная единица въ Англіи и С.-Штатахъ, вродѣ нашего уѣзда или всесословной волости.

Графъ—наслѣдственный титулъ, связанный съ владѣніемъ помѣстьемъ; въ Россіи почетный титулъ.

Граціозный — прельщающій красотою движеній, манеръ, поступи; въ музыкѣ — легкій живой характеръ пьесы.

Греза—мечта, видѣніе, въ которомъ дѣйствительность смѣшивается съ воображеніемъ.

Грезить—мечтать, вызывать въ воображеніи пріятные образы.

Гримасы - неестественныя движенія лица.

Грифъ—1) родъ птицъ семейства грифовыхъ; 2) рукоятка музыкальнаго инструмента.

Грогъ—напитокъ, составляемый изъ смѣси рома, водки, воды и сахара; любимый напитокъ англійскихъ моряковъ.

Гроздья - кисти винограда.

Грохотъ—шумъ, стукъ, производимый передвиженіемъ или паденіемъ чего либо тяжелаго.

Грузъ - всякая тяжесть, подвергаемая дѣйствію какой-либо силы; кладь.

Группа—собраніе нѣсколькихъ предметовъ или явленій (иногда сочетающихся особымъ образомъ.

Гряда—дорога.

Гулъ—смѣшанный, неопредѣленный шумъ.

Гумманный—человѣчный, сострадательный къ ближнему.

Гумно — мѣсто, служащее для своза скошеннаго хлѣба, молотьбы и вѣянія его.

Давленіе — явленіе, производящее сжатіе; въ переносномъ смыслѣ насильственное дѣйствіе.

Дантовскій—Данте—итальянскій поэтъ эпохи Возрожденія, авторъ «Божественной комедіи».

Дань — сборъ, собиравшійся въ древней Руси съ покоренныхъ народовъ; переносно — всякое проявленіе уваженія, восхищенія или образныхъ чувствъ.

Дворецкій — смотритель надъ слугами въ высокопоставленныхъ семействахъ.

Дворня—собраніе слугъ.

Дворянинъ — человѣкъ, принадлежащій къ дворянскому сословію, считающемуся наиболѣе привилегированнымъ въ странѣ, благодаря своему происхожденію отъ старѣйшихъ родовъ.

Дебаты—продолжительные споры съ цѣлью убѣдить противниковъ въ правильности своихъ мыслей или склонить къ желаемому рѣшенію.

Девизъ—изреченіе, особенное выраженіе какой-нибудь эмблемой на гербахъ, щитахъ, знаменахъ и т. пр.

Деликатный - обладающій тонкимъ душевнымъ чутьемъ.

Демократическій—народный; принадлежащій низшему классу населенія.

Демонъ — въ языческія времена всякій духъ вообще, добрый или злой; въ христіанствѣ—падшій ангелъ.

Дерзновенный — въ высшей степени смѣлый, дерзкій, оскорбляющій.

Дескать—слово, употребляющееся для указанія, что приводятся чужія рѣчи.

Десница—рука, ладонь, невидимая рука Всевышняго.

Деспотическій — властный не признающій ничьей воли, кромѣ своей собственной.

Дессертъ—различныя сласти, подаваемыя въ заключеніе обѣда.

Деталь — подробность, второстепенная вещь.

Джентльменъ—въ Англіи общее названіе порядочнаго, хорошо воспитаннаго человѣка.

Джигъ — ?джигитъ—искусный турецкій наѣздникъ.

Джинъ—водка, приготовляемая перегонкой можжевелевыхъ ягодъ со спиртомъ.

Діалектъ—мѣстное нарѣчіе.

Діалогъ—разговоръ между 2-мя лицами.

Диверсія—ложное передвиженіе войскъ на безопасномъ разстояніи отъ непріятеля съ цѣлью ввести его въ

заблужденіе относительно истинныхъ намѣреній военачальника.

Диккенсъ — знаменитый англійскій писатель-романистъ, описывавшій жизнь с, еднихъ классовъ въ Англіи.

Диллема — сужденіе, состоящее изъ двухъ прямо противоположныхъ предложеній, приводящихъ къ одному и тому же выводу.

Дилижансъ—общественный почтовый экипажъ.

Дирижировать—исполнять обязанности дирижера (см.)

Дирижеръ—управляющій танцами, хоромъ пѣвчихъ или оркестромъ.

Диссентеры — такъ назывались въ Англіи протестантскія секты.

Диссонансъ—1) отсутствіе или недостаточная степень стройности и благозвучія въ пѣніи и музыкѣ; 2) разноголосица; 3) несоотвѣтствіе какого-либо предмета другому или цѣлой группѣ другихъ.

Дистанція — 1) разстояніе; 2) округъ, участокъ дороги или рѣки

Дистилляція — перегонка жидкостей для ихъ очистки, для увеличенія крѣпости раствора, для отдѣленія жидкихъ частей отъ твердыхъ.

Дисциплина—1) строгое, неуклонное подчиненіе низшихъ военныхъ чиновъ высшимъ, безпрекословное повиновеніе приказаніямъ начальства въ военной службѣ, вообще неуклонная подч ненность, исключающая всякія критическія отношенія исполняющаго распоряженія къ распорядителю; 2) отдѣлъ, отрасль знанія.

Дичокъ—дикій; плевелъ.

Дневникъ—описаніе своей или чужой жизни въ формѣ ежедневныхъ замѣтокъ.

Доблестный—отличающійся особенными нравственными добродѣтелями, преимущественно храбростью и благородствомъ.

Добротность—прочность, хорошее качество товара.

Догматъ—одно изъ главныхъ религіозныхъ положеній той или другой вѣры. Исходная точка, основаніе.

Доза — пріемъ лекарства, назначенный на одинъ разъ.

Доктрина—ученіе о какомъ-либо политическомъ или философскомъ предметѣ.

Диктринерство—упорное слѣдованіе.

Докуки—непріятности, надоѣдливыя происшествія.

Долина—пространство земли, заключенное между 2-мя горами или горными цѣпями.

Доля—1) $^1/_{96}$ золотника русск.; 2) порода одичалыхъ собакъ; 3) участь, судьба; 4) часть (напр. доля въ прибыляхъ).

Доминиканецъ — членъ монашескаго ордена св. Доминика.

Домовитый—хозяйственный, усердный въ домашнихъ дѣлахъ

Дородный—рослый, полный, внушительнаго вида.

Досаждать—дѣлать непріятности

Доспѣхи — вооруженіе рыцаря, воина.

Достоинство — 1) положительное качество; 2) сознаніе своихъ правъ.

Досугъ—свободное время.

Досужій—праздный.

Доходъ—сумма денегъ, получаемая черезъ равные промежутки времени отъ пользованія какой-либо собственностью.

Драма—видъ литературнаго произведенія, собственно дѣйствіе, которое разыгривается актерами на сценѣ. Переносно—всякое положеніе, въ которое входятъ элементы борьбы и страданія.

Драматическій—выраженный въ дѣйствіи; заключающій элементъ страданія.

Драматургъ—пишущій и ставящій на сцену театральныя пьесы (комедіи, трагедіи, водевили и пр.)

Драпировка—1) украшеніе стѣнъ, оконъ и т. пр. тканями, красиво собранными въ складки, или образованіе такихъ же складокъ въ одеждѣ; 2) притворство, надѣвающее на себя красивую личину

Дренажъ — осушеніе почвы посредствомъ подземныхъ трубъ.

Дрожжи—получаемая при броженіи солода, пивнаго сусла, винограднаго листа и пр. грязновато-бѣлая масса, вызывающая броженіе. Имѣетъ

широкое примѣненіе въ пивоваренномъ и винокуренномъ производствѣ и въ хлѣбопеченіи.

Дрокъ — шильная трава; употребляется на голички, вѣнички; кора — суррогатъ конопли; листья — суррогатъ салата во Франціи; почки — суррогатъ каперцовъ; молодыя вѣтви — суррогатъ хмеля.

Духовный — 1) нравственный, нематеріальный, отвлеченный 2) имѣющій отношеніе къ церкви.

Дуэтъ — пѣніе, музыка или то и другое вмѣстѣ, исполняемое двумя лицами, каждое изъ которыхъ имѣетъ свою особую самостоятельную партію.

Дьяволъ - злой духъ, сатана, житель ада.

Дѣлецъ — человѣкъ, умѣющій устраивать свои дѣла къ своей выгодѣ.

Дюжій — рослый, сильный.

Дюймъ — 2) линейная мѣра, принятая въ Англіи и Россіи, — составляетъ 12-ю часть фута и дѣлится на 10 частей, называемыхъ линіями. 14 дюймовъ равняется полъ-аршину.

Евангелизмъ — соотвѣтственность евангельскому ученію, евангельскій духъ.

Евангельскій — заключающій въ себѣ ученіе христіанской вѣры.

Европейскій — принадлежащій къ одной изъ странъ, къ населенію, культурѣ Европы, самой цивилизованной изъ 5-ти частей свѣта.

Единство — согласіе, неразрывная связь, тождество.

Ежевика — полукустарникъ, рода малинниковъ съ черными ягодами.

Епископъ — архіерей, начальникъ епархіи; у православныхъ и католиковъ они назначаются изъ монаховъ.

Ершиться — съеживать кожу, отчего поднимается шерсть, что служитъ у животныхъ признакомъ приближающагося гнѣва и драки. Переносно означаетъ признаки такого же настроенія у человѣка.

Естественно — въ порядкѣ вещей; соотвѣтствующій природѣ.

Естественный — согласный съ законами природы.

Жаба — жив. изъ отряда гадовъ; сѣраго цвѣта съ пятнами; больше лягушки.

Жаворонокъ — пѣвчая перелетная птичка, прилетъ которой знаменуетъ наступленіе весны.

Жалованье — сумма денегъ, выдаваемая черезъ правильные промежутки времени лицу, находящемуся въ услуженіи.

Жаргонъ — 1) мѣстное нарѣчіе; 2) условный языкъ мошенниковъ, то же, что арго; 3) желтоватый камень, употребляемый въ разныхъ бездѣлушкахъ.

Желчный — способный къ припадкамъ дурного настроенія подъ вліяніемъ разстройства печени.

Жеманство — церемонность и манерность въ обращеніи, выходящія за предѣлы естественности.

Жемчугъ — зерновидныя перламутровыя образованія, свободно лежащія въ углубленіяхъ жемчужной раковины.

Жердь — узкая, длинная палка.

Жерновъ — мельничный камень; употребляется для размола зерна.

Жестикулировать — производить различныя движенія во время разговора или какой-бы то ни было рѣчи.

Жестикуляція — рядъ жестовъ (тѣлодвиженій), которыми человѣкъ сопровождаетъ свою рѣчь.

Жесткій — твердый, суровый, непріятный.

Жесты — тѣлодвиженія, оживляющія человѣческую рѣчь.

Живописецъ — изображающій жизнь и природу красками.

Жила — мѣсторожденіе металла. Кровяные сосуды артеріи и вены.

Жилетка — часть мужской одежды, безъ рукавовъ.

Жилка — тонкій, кровоносный сосудъ.

Жимолость — кустарникъ съ пахучими соцвѣтіями въ видѣ метелки.

Житейскій — вытекающій или основанный на опытѣ жизни.

Жнитво — скошенный хлѣбъ, жатва.

Журналистъ — человѣкъ, помѣщающій свои литературныя произ-

веденія въ какомъ-либо изъ повременныхъ изданій.

Журнальный—относящійся къ повременнымъ изданіямъ.

Журчаніе—легкій шумъ, издаваемый движущейся водой

Заблудшій—пошедшій по дурной дорогѣ.

Заблужденіе—ошибка, имѣющая продолжительныя послѣдствія.

Забросъ—запустѣніе, отсутствіе ухода.

Забулдыга—человѣкъ, сбившійся съ пути и ведущій дурной образъ жизни.

Забытье — полубезсознательное состояніе, когда исчезаетъ сознаніе дѣйствительности.

Зависимость—подчиненное отношеніе одного лица или предмета къ другому.

Зависть—желаніе обладать тѣмъ, что принадлежитъ другому.

Заволакивать—постепенно закрывать отъ глазъ.

Завѣтный — затаенный, дорогой сердцу, куда можно проникать только избраннымъ.

Завязка—начало драмы, романа или другого вида литературныхъ произведеній, изображающихъ жизнь; вообще начало всякаго событія.

Загадочный—трудно разрѣшимый, непонятный.

Загонъ—огороженное пространство, гдѣ лѣтомъ ночуетъ стадо.

Задача—разрѣшеніе какого либо вопроса по извѣстнымъ пріемамъ и соображеніямъ.

Задоринка—маленькое препятствіе, задержка.

Зажиточный—денежно и имущественно обезпеченный.

Зазрѣніе—упрекъ.

Заикнуться — прервать рѣчь.

Закалъ — 1) способъ придавать стали особую твердость; 2) выработка выносливаго организма или твердаго характера.

Закладъ—цѣнная вещь, вносимая въ ссудную кассу, для обезпеченія своевременной уплаты выдаваемой ссуды и процентовъ съ нея.

Заключеніе — выводъ, результатъ умственной работы; конецъ литературнаго произведенія добровольное или принудительное лишеніе свободы.

Закоренѣлый — закоснѣлый, затвердѣвшій, неспособный двинуться впередъ или въ чемъ либо измѣниться.

Закоснѣлый—грубый, невѣжественный, остановившійся въ развитіи.

Залежь - большой пластъ горной породы.

Залогъ—вещь, сумма денегъ, или живое существо, отдаваемыя во временное владѣніе для обезпеченія въ томъ, что условія, принятыя на себя выдающей залогъ стороной, будутъ выполнены.

Залъ—большая комната для пріемовъ, собраній, засѣданій и т. д.

Замашка—пріемъ, манера, обыкновеніе.

Замкнутость — отчужденность, необщительность, отсутствіе потребности въ откровенности.

Замокъ — укрѣпленное жилище средне — вѣковаго феодала:

Замокъ — 1) приспособленіе въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи, служащее для воспламененія заряда и произведенія выстрѣла.

Замысловатый — сложно задуманный, сложный, запутанный

Запальчиво—гнѣвно, подъ вліяніемъ возбужденія, мало сознательно

Запой — неудержимое, полусознательное пьянство.

Запросъ — потребность, требованіе; справка.

Заржавѣть—покрыться красноватымъ налетомъ, представляющимъ собой окись металла.

Зародышъ — названіе молодого растенія или животнаго во время его жизни въ сѣмени или въ яйцѣ.

Зарокъ — обѣщаніе, наложеніе обязательства.

Заскорузлый — затвердѣлый, жесткій.

Застрахованный—обезпеченный отъ несчастнаго случая.

Застѣнчиво—стыдливо, смущенно.

Засѣменить — быстро перебирать ногами

Затянуться — 1) надѣть узкую

одежду съ цѣлью сдѣлать тоньше свой станъ; 2) набрать въ ротъ много табачнаго дыма.

Захолустный — заброшенный, отдаленный, нецивилизованный.

Зачинщикъ — агитаторъ, человѣкъ, положившій начало какому-нибудь нежелательному дѣйствію.

Зеленщикъ—торговецъ зеленью.

Зелье — напитокъ, лекарство; въ сказкахъ и народной рѣчи — отрава, волшебный напитокъ, производящій чудесныя дѣйствія.

Землякъ—человѣкъ, родившійся въ той же мѣстности.

Злословіе—нахожденіе удовольствія въ дурныхъ сужденіяхъ о людяхъ, часто ложныхъ, приправленныхъ сплетней.

Знатный — занимающій высокое общественное; положеніе стариннаго извѣстнаго рода, окруженный почестями.

Знатокъ — цѣнитель, человѣкъ, основательно знакомый съ даннымъ предметомъ или вопросомъ.

Золотоносный — имѣющій въ смѣси самородки или песчинки золота.

Зорко — внимательно, не упуская изъ виду.

Зудъ—непріятное состояніе кожи, вызывающее желаніе почесаться; въ переносномъ смыслѣ—дразнящее желаніе.

Зять—мужъ дочери или сестры.

Іоркскія розы — гербъ англійскаго герцогства, въ рисунокъ котораго входило изображеніе бѣлой розы.

Іудея—ветхозавѣтная страна, древнее еврейское царство.

Игнорировать — не обращать вниманія, не придавать значенія.

Иго—насильственное подчиненіе.

Идеализмъ—свойство, изображая предметы, придавать имъ возвышенный характеръ; преданность идеѣ, стремленіе къ идеалу.

Идеалъ—воображаемое совершенство, которое является предѣломъ стремленій и направляетъ жизнь и дѣятельность человѣка.

Идея — 1) мысль, 2) понятіе или представленіе о какомъ-либо предметѣ.

Идіотизмъ — болѣзненное недоразвитіе головного мозга; крайняя глупость.

Идиллія — 1) сельская картина, рисующая въ привлекательныхъ краскахъ сцены изъ жизни и быта простыхъ классовъ народа, 2) подслащенная дѣйствительность.

Изваяніе—скульптурное изображеніе.

Изводить — уничтожать; надоѣдать, выводить изъ терпѣнія.

Изворотъ—уловка.

Извѣдавшій — узнавшій на опытѣ.

Изгородь—рѣдкій заборъ, построенный изъ сучьевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи.

Изданіе — отдѣльный выпускъ изъ печати извѣстнаго количества книгъ.

Изліяніе—прорвавшійся потокъ жидкости, напр. крови при пораненіи; въ переносномъ смыслѣ — исповѣдь, чрезмѣрная откровенность.

Измальство—дѣтство, первые годы жизни.

Изнемогать—терять силы.

Изнеможеніе—полный упадокъ силъ подъ вліяніемъ утомленія.

Изобрѣтательность—способность придумывать различныя усовершенствованія, что-нибудь новое, находить средства выйти изъ всякаго труднаго положенія.

Изобрѣтеніе—научная, промышленная, хозяйственная и пр. новость, имѣющая цѣлью усовершенствовать какую-либо область человѣческой жизни и дѣятельности и найденная случайно или сознательно.

Изощрять—доводить до тонкости.

Изподтишка—стараясь сдѣлать свои дѣйствія незамѣтными.

Изступленіе—крайняя степень гнѣва или отчаянія, до полной потери самообладанія.

Изумленіе—сильное удивленіе.

Изъявленіе—выраженіе.

Изъянъ—испорченное мѣсто.

Изъятый—исключенный.

Изящество—изысканная красота, стройность, благородство сочетаній.

Изящный — сдѣланный со вкусомъ, утонченный, красивый.

Иллюзія—ложное представленіе о предметѣ или явленіи; несбыточныя надежды.

Имперіалъ — золотая монета въ 15 рублей.

Импровизаторъ — поэтъ, говорящій безъ приготовленія стихи, или музыкантъ, исполняющій такимъже образомъ различныя пьесы.

Импривизировать — создавать что либо безъ приготовленія (по вдохновенію).

Импровизація—стихи, музыкальныя пьесы или рѣчь, сказанная или исполненная безъ приготовленія.

Импровизированный—придуманный или выдуманный безъ предварительной подготовки.

Индивидуальный—личный, частный, составляющій особенность или отличительную черту какого либо лица.

Иней—замерзшія капли атмосферныхъ осадковъ.

Инкрустація—различныя фигуры и узоры изъ перламутра, металла и др. матеріаловъ, врѣзанныя на лицевой сторонѣ въ видѣ украшенія въ деревянныя издѣлія мебель, столы, туалетныя принадлежности, шкатулки и пр.

Инициалы—1) начальныя буквы имени и фамиліи или вообще какихъ либо названій; 2) въ типографскомъ искусствѣ: отличныя отъ прочихъ начальныя буквы главъ или статей.

Инспекторъ—1) лицо, временно назначенное для провѣрки состоянія какой либо военной или гражданской части; 2) должность, возлагающая на занимающее ее лицо постоянное наблюденіе за правильнымъ ходомъ тѣхъ или другихъ учрежденій.

Инстинктивный—безотчетный, необъяснимый, машинальный.

Инстинктъ—врожденное чувство животныхъ находить полезное себѣ и избѣгать вреднаго.

Инструментъ—орудія и приборы, служащіе пособіемъ въ искусствахъ, ремеслахъ, рукодѣліяхъ. при научныхъ изслѣдованіяхъ и пр.

Интеллигентный—умственно развитой.

Интенсивность — большая или меньшая сила и напряженность какого-либо дѣйствія.

Интересъ — выгода, польза, прибыль, участіе къ кому нибудь или чему нибудь.

Интимный—близкій, довѣрчивый, задушевный.

Интонація—1) усиленное удареніе на какомъ-либо словѣ или фразѣ; 2) звуковые оттѣнки въ рѣчи.

Интрига—сложное, запутанное дѣйствіе, составляющее содержаніе романа; злонамѣренныя тайныя дѣйствія, связанныя обдуманнымъ планомъ, предпринятыя съ цѣлью повредить какой-либо личности.

Инцидентъ—случай.

Ироническій—насмѣшливый, пользующійся словами, взятыми въ переносномъ смыслѣ, для выраженія ихъ противоположности.

Искаженіе—невѣрное изображеніе, измѣняющее смыслъ.

Искоса—глядя сбоку, не прямо въ глаза.

Искупленіе—жертва или страданіе, перенесенное въ наказаніе за грѣхъ и смывающее его съ совѣсти преступника.

Искусственность—придуманность, неестественность.

Искусство—человѣческая дѣятельность, состоящая въ сознательной передачѣ испытанныхъ чувствъ посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, словъ и заставляющая др. людей переживать эти чувства.

Искушеніе — испытаніе твердости воли человѣка, причемъ его разными приманками желаютъ склонить къ нравственной уступкѣ.

Исповѣдь—чистосердечное признаніе во всѣхъ поступкахъ.

Испытаніе—провѣрка знаній, пригодности, способности человѣка удовлетворять своему назначенію.

Истерическій — 1) подверженный болѣзненнымъ припадкамъ смѣха и слезъ; 2) сильно нервный, порывистый.

Истома — состояніе слабости

утомленія, подъ вліяніемъ сильнаго чувства, усталости или же чего-либо одурманивающаго (напр. напитка).

Истомленный—сильно уставшій.

Историческій — сдѣлавшій имя свое памятнымъ (лицо); въ дѣйствительности происшедшій (фактъ), имѣвшій значеніе въ жизни страны и народа (событіе); замѣчательный памятью или памятниками происшедшихъ событій (мѣсто); повѣствующій о событіяхъ, дѣйствительно происходившихъ (романъ, разсказъ).

Исходъ—1) конецъ; 2) способъ выйти изъ затрудненія.

Истый—истинный, настоящій.

Исходъ—разрѣшеніе какого либо дѣйствія, результатъ, окончаніе.

Исцѣлиться—вылѣчиться.

Исчерпывать — истощить использовать.

Итогъ—результатъ счета, конецъ

Кабакъ—мѣсто для продажи водки распивочно.

Кабинетъ—1) комната въ квартирѣ, предназначенная для занятій 2) всѣ министры въ странѣ съ представительнымъ правленіемъ, какъ напр Франція, составляютъ кабинетъ.

Каверза—дѣйствіе, подстроенное съ цѣлью повредить.

Каемка—бортъ, полоска по краямъ ткани, неоднородная съ ней.

Калитка—одностворчатая дверца въ садовой оградѣ.

Кальвинисты — послѣдователи ученія Кальвина; протестанты, исповѣдующіе кальвинизмъ (см.).

Кальвинизмъ — ученіе Кальвина.

Калѣка — человѣкъ, получившій физическое увѣчье.

Каменотесъ—рабочій, занимающійся отеской вырубленнаго изъ скалы камня для приданія ему правильной годной для кладки стѣнъ формы.

Камера — 1) вообще комната; 2) присутственное помѣщеніе, напр. камера мирового судьи, прокурорская камера въ зданіи окружнаго суда и пр.; 3) сокращенное названіе камеры-обскуры.

Камердинеръ — лакей.

Камеристка—горничная, занимающаяся туалетомъ своей госпожи

Камеръ-фрау — придворная дама, завѣдующая женскимъ гардеробомъ во дворцѣ.

Каминъ—очагъ, съ 3-хъ сторонъ открытый, съ одной открытый дѣлается изъ мрамора, бронзы, чугуна, изразцовъ.

Каморка—очень маленькая комната, помѣщеньице.

Каналъ—узкая часть воды, ограниченная съ двухъ противоположныхъ сторонъ землею; въ анатоміи — тоже, что сосудъ.

Канатъ — толстая крученая веревка.

Канва—прозрачная ткань, по которой можно вышивать разные узоры; основная мысль литературнаго или музыкальнаго произведенія, которую можно выразить различнымъ способомъ.

Кандидатъ — лицо, имѣющее право на занятіе какого-либо положенія, должности или готовящійся къ ея занятію.

Каникулы — болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, на которое служащіе и учащіеся освобождаются отъ занятій и пользуются отпускомъ.

Канитель—1) тонкое и кропотливое шитье серебромъ 2) переносно—продолжительное, надоѣдливое дѣйствіе.

Капелланъ—1) священникъ при домашней церкви въ Англіи; 2) дьяконъ у лютеранъ; 3) помощникъ священника у католиковъ.

Капиталъ—значительная сумма денегъ.

Капитанъ—управляющій пароходомъ. Военный чинъ.

Капризъ — прихоть избалованнаго человѣка.

Кара—высшая степень наказанія.

Каракуль—выдѣланная баранья шкурка. Употребляется для разныхъ видовъ платья и шляпъ.

Карать—наказывать.

Каріатиды — статуи, играющія роль колоннъ или подпорокъ, поддер-

живающихъ части зданія преимущественно съ лицевой его стороны.

Карнизъ—1) архитектурное украшеніе, идущее вдоль верха стѣнъ при соединеніи ихъ съ потолкомъ или крышей; такія же украшенія надъ окнами и подъ окнами или вокругъ верхней части пьедестала; 2) въ колоннѣ верхня часть антаблемента.

Каррикатурный—изображенный съ преувеличеніемъ недостаткомъ или просто характерныхъ признаковъ, отчего является въ комическомъ видѣ.

Картавый — не произносящій буквы *р*.

Картинная галлерея — собраніе картинъ, принадлежащихъ государству, городу или отдѣльному лицу.

Картузъ—1) шерстяной или бумажный мѣшокъ, въ который насыпаютъ порохъ для стрѣльбы изъ орудій; 2) мѣшокъ изъ толстой бумаги, въ который торговцы отпускаютъ сыпучія вещества; 3) плоская шапка съ козырькомъ.

Карьера—дорога, ведущая къ повышеніямъ на какомъ-либо поприщѣ, преимущественно служебномъ.

Катакомбы — подземныя пещеры, назначавшіяся для погребенія мертвыхъ и служившія мѣстомъ сходокъ древнихъ христіанъ для тайнаго совершенія богослуженія во время гоненія.

Катастрофа—внезапно обрушившееся несчастіе.

Категорія—разрядъ.

Катехизисъ—первоначальное ученіе христіанской вѣры, облегченное въ форму вопросовъ и отвѣтовъ.

Католичка, католикъ — приверженецъ западно-римской христіанской церкви, считающей намѣстникомъ Христа на землѣ главу своего—папу.

Каторга—мѣсто ссылки и принудительныхъ работъ.

Каѳедра—1) возвышенное мѣсто со столомъ, съ котораго читаются лекціи, говорятся рѣчи и т. д.; 2) епископскій престолъ, устраиваемый въ алтарѣ; храмы, въ которыхъ находились такіе престолы, назывались прежде каѳедральными соборами; 3) епархія.

Квадратъ—прямоугольная фигура, всѣ 4 стороны которой равны между собой.

Квакерскій—принадлежащій къ религіозной сектѣ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Квакеры — религіозная секта въ Англіи и Америкѣ, сама себя назыв. «Обществомъ друзей» или «исповѣдниками свѣта». У нихъ нѣтъ священниковъ, они не даютъ присяги, отказываются отъ военной службы и роскоши.

Кварта—кружка, служащая мѣрой жидкостей въ торговлѣ.

Квартетъ — совмѣстная игра 4-хъ лицъ на какихъ-либо инструментахъ или при участіи голоса.

Кедръ—дерево, относящееся къ семейству елевыхъ; имѣетъ много видовъ.

Кельтскій — кельты или галлы—древній народъ, жившій въ современной Франціи

Киноварь — сѣрнистая ртуть, красная краска. Находится въ природѣ готовою и служитъ для добыванія ртути.

Кирка—острая лопата.

Кисея—бумажная или шелковая прозрачная ткань.

Кишѣть—собираться въ одномъ мѣстѣ въ огромномъ количествѣ.

Кичиться — гордиться, хвастаться.

Кладбище — мѣсто, гдѣ хоронятъ умершихъ.

Кларетъ—(англ.) названіе нѣкоторыхъ французскихъ винъ.

Классики—лучшіе, образцовые писатели вообще (напримѣръ русскіе классики: Пушкинъ, Гоголь и др.), въ частности—древніе греческіе и римскіе писатели.

Классификація — распредѣленіе предметовъ или явленій по извѣстнымъ группамъ и отдѣламъ.

Классическій—1) образцовый; 2) относящійся къ эпохѣ древнихъ грековъ и римлянъ.

Классъ — разрядъ предметовъ, имѣющихъ сходные признаки; подраз-

дѣленіе общества по матеріальному и общественному положенію; подраздѣленіе учениковъ учебнаго заведенія; комната для учебныхъ занятій.

Клевета — ложный слухъ, пущенный съ цѣлью повредить человѣку въ мнѣніи другого человѣка или общества; ложное обвиненіе.

Клевретъ—товарищъ, собратъ, приверженецъ; употребляется, впрочемъ, въ дурномъ смыслѣ, какъ слуга, угождающій ради личной выгоды.

Кленъ — дерево изъ семейства кленовыхъ; извѣстные виды: обыкновенный остролистный.

Клерджименъ—лицо духовнаго званія въ Англіи.

Клерикальный — принадлежащій къ духовенству.

Клеркъ — въ Англіи секретарь, писецъ присутственныхъ мѣстъ; во Франціи младшій священникъ или лицо, приготовляющееся въ натаріусы.

Климатъ — сумма условій, въ которыя ставитъ человѣка природа данной страны. Мѣстное свойство страны въ отношеніи температуры и проистекающихъ отсюда явленій атмосферы.

Клубъ—1) общественное собраніе для препровожденія времени; получило свое начало въ Англіи; 2) мѣсто подобныхъ собраній; 3) подобное же собраніе съ политическими цѣлями.

Клумба—цвѣтникъ, гряды различной формы для цвѣтовъ въ садахъ.

Книксенъ—низкое присѣданіе въ видѣ привѣтствія.

Ковать — расплющивать металлъ.

Коврига—цѣлый хлѣбъ, кусокъ во весь хлѣбъ.

Козни—тайныя дѣйствія, имѣющія цѣлью погубить или причинить большой вредъ другому человѣку.

Козырь—1) въ картахъ—карта той мастіи, которая по выбору или по случайному вынутью считается въ игрѣ старшей; 2) человѣкъ, держащій себя чрезмѣрно важно.

Койка висячая постель.

Кокарда — одноцвѣтная или разноцвѣтная лента, собранная въ кружокъ и носимая на платьѣ; дѣлается также изъ металла и носится на форменныхъ фуражкахъ.

Кокетка—женщина, желающая нравиться мужчинѣ своей внѣшностью.

Колебаніе — легкое движеніе тѣла или его нѣкоторыхъ частицъ.

Коллегія—вообще всякое собраніе лицъ, разсматриваемое какъ одно цѣлое; 2) мѣсто, гдѣ происходитъ подобное собраніе; 3) духовное учрежденіе для приготовленія проповѣдниковъ въ Западной Европѣ.

Колоннада—улица, корридоръ, образованная коллоннами и открытая либо съ одной стороны, либо съ обѣихъ.

Колода картъ — наборъ извѣстнаго числа игральныхъ картъ.

Колосъ — 1) соцвѣтіе хлѣбнаго растенія, 2) гигантъ, миѳическое существо необыкновенно большого роста.

Колоритъ — 1) цвѣтъ, свойственный предмету; 2) способъ расположенія въ картинахъ красокъ.

Колпакъ—покрышка изъ стекла, бумаги или какой-либо ткани, надѣваемая на лампы, ломкіе предметы или на голову.

Комбинація — прихотливое соединеніе частей различныхъ предметовъ или явленій.

Комментарій — объясненія или толкованія, рядъ замѣчаній, дѣлаемыхъ для разъясненія какого-нибудь сочиненія.

Коммерческій—торговый.

Коммиссіонеръ—человѣкъ, имѣющій своей обязанностью исполненіе торговыхъ порученій за условленную плату.

Комодъ—шкапъ для бѣлья.

Компанія—товарищество, общество изъ нѣсколькихъ лицъ, соединившихся для достиженія общими средствами извѣстной цѣли.

Компаньонство — товарищество, участіе въ торговомъ или др. предпріятіи другого лица.

Компаньонъ—человѣкъ, раздѣляющій труды, расходы и доходы по какому-либо предпріятію.

Комплиментъ—неискренняя похвала, лесть.

Композиторъ—авторъ музыкальной пьесы, сочинитель музыки.

Компостъ — удобреніе, приготовляемое изъ различныхъ отбросовъ земли, навоза и проч., складываемыхъ въ кучу, гдѣ они подвергаются броженію, для ускоренія котораго куча время отъ времени перекапывается

Компромиссъ — уступка въ мнѣніяхъ ради соглашенія съ противникомъ.

Кондукторъ—часть электрической машины, служащая для проведенія скопляющагося электричества. Служитель при вагонахъ на желѣзной дорогѣ, на конкѣ.

Консервативный—крѣпко стоящій за старые порядки.

Конструкція—1) расположеніе словъ въ рѣчи, свойственное какому-нибудь языку; 2) устройство какого-нибудь предмета; строеніе предмета.

Континентъ — материкъ, суша; Европа съ Азіей, не считая острововъ.

Конторка — высокій столикъ съ наклонной верхней доской для письменныхъ занятій стоя или же сидя на высокомъ табуретѣ безъ спинки.

Конторщикъ — завѣдующій хозяйственными и счетными дѣлами.

Контрактъ — договоръ или условіе, заключаемое между двумя сторонами, по которому одна сторона чѣмъ либо обязывается другой.

Контрастъ — противоположность.

Контрдансъ—танецъ, французская кадриль.

Контуръ—наружный очеркъ.

Конура—маленькое тѣсное помѣщеніе.

Конфирмующійся—причащающійся по обряду лютеранской церкви.

Конфузливый — застѣнчивый.

Конюхъ—человѣкъ, присматривающій за лошадьми.

Копія—скимокъ съ картины или статуи; слисокъ съ рукописи.

Копилка - небольшая касса, ящищекъ, какой угодно формы, для сбереженія денегъ.

Копье — средневѣковое оружіе, состоящее изъ длинной, заостренной на концѣ желѣзной палки

Корепастый — крѣпко сложенный, устойчивый.

Корить — попрекать.

Коробейникъ — торговецъ мелочнымъ, галантерейнымъ и др. товаромъ въ разносъ въ средней Россіи.

Коронеръ — въ Англіи должностное лицо, на обязанность котораго возложена защита правъ короны; также производить дознаніе о самоубійствахъ, убійствахъ и причинахъ кораблекрушеній.

Корсажъ—верхняя часть женскаго платья отъ плечъ до таліи за исключеніемъ рукавовъ.

Корсетъ—часть женской одежды, служащая для преданія формы таліи, помощью костей или другого упругого матеріала.

Корреспондентъ — лицо, ведущее переписку; сотрудникъ какого-либо изданія, посланный въ какую-нибудь мѣстность, для сообщенія свѣдѣній оттуда.

Корреспонденція—переписка; письменное сообщеніе.

Корысть—желаніе выгоды.

Костлявость — худоба.

Костыль — палка, на которую опираются хромые.

Костюмъ—одежда.

Косыночка—небольшой шейный платочекъ.

Косякъ — ребро прямоугольной части какого-нибудь строенія; 2) косо отдѣленная часть чего-либо: глины, соли, льду; 3) части оконной и дверной рамы.

Коттеджъ—небольшой загородный домъ въ Англіи. Система разсчета съ рабочими въ Англіи, причемъ имъ вмѣсто платы выдается во временное владѣніе земля.

Кошмаръ — тяжелый и безпокойный сонъ, сопровождаемый страш-

ными сновидѣніями и ощущеніемъ удушья, тяжести, ужаса и пр.

Крапчатый — покрытый мелкими пятнышками, крапинками.

Красная нить — въ переносномъ смыслѣ—мысль, бросающаяся въ глаза во всякомъ мѣстѣ литературнаго, музыкальнаго или другого произведенія.

Краснобай—человѣкъ, умѣющій красиво говорить, но безъ всякаго серьезнаго содержанія и ничего не дѣлающій.

Краснорѣчіе — умѣніе красиво и пространно выражать свои мысли.

Крахмалъ — растительное вещество, содержащееся въ растительныхъ клѣткахъ въ видѣ сферическихъ зернышекъ.

Краюха—большой ломоть.

Кремень—минералъ — соединеніе элемента кремнія или силиція съ пескомъ. При треніи даетъ искру.

Крестовникъ—растеніе, семейства сложноцвѣтныхъ, встрѣчается всюду, какъ сорная трава, обычный птичій кормъ.

Кризисъ — рѣшающій моментъ въ болѣзни; моментъ рѣзкаго перелома въ обстоятельствахъ въ какомъ-либо дѣлѣ.

Кринолинъ — юбка на китовомъ усѣ или стальныхъ обручахъ.

Критиковать—разбирать, судить.

Критикъ—человѣкъ, разбирающій или обсуждающій извѣстныя явленія съ точки зрѣнія опредѣленныхъ принциповъ.

Критическая статья—литературное произведеніе, занимающееся разборомъ достоинствъ и недостатковъ какого-либо произведенія искусства.

Критическій—разбирающій фактъ или явленіе и дающій о немъ сужденіе, по большей части отрицательное; затруднительный, опасный.

Крона — золотая монета разной цѣнности въ различныхъ государствахъ (Германія, Австро-Венгрія, Скандинавскія государства).

Кропотливый—мелкій, требующій большого терпѣнія.

Кругъ—часть плоскости, ограниченная кривой, всѣ точки которой одинаково отстоятъ отъ центра ея.

Круто — обрывисто, сразу, отвѣсно.

Крушеніе — несчастный случай, вызванный обыкновенно столкновеніемъ или другимъ разстройствомъ машины для передвиженія.

Крынки — низкіе кувшины.

Крюкъ—желѣзное изогнутое орудіе для сцѣпленія двухъ предметовъ или вѣшанія тяжести.

Кузина—двоюродная сестра.

Кукуруза — растеніе изъ семейства злаковъ съ питательными плодами.

Куль — большой мѣшокъ; мѣра сыпучихъ тѣлъ.

Культивировать — воспитывать, растить; обрабатывать.

Культура—воспитаніе; развитіе, цивилизація.

Кумиръ—идолъ.

Кумушка — дальняя родственница по обряду; женщина, любящая праздные разговоры, сплетница.

Купидонъ — у римлянъ богъ любви; изображается въ видѣ крылатаго мальчика съ колчаномъ стрѣлъ.

Купина — кустъ, въ которомъ Богъ явился Моисею и приказалъ идти въ Египетъ, чтобы вывести евреевъ въ обѣтованную землю.

Куплетъ—часть пѣсни, состоящая изъ извѣстнаго числа стиховъ.

Курортъ — мѣсто по своимъ климатическимъ и бальнеологическимъ свойствамъ служащее временнымъ пребываніемъ больныхъ съ цѣлью поправленія здоровья.

Куртка—часть мужской одежды, короткій сюртучекъ.

Курьезный — диковинный, до невѣроятности странный.

Кутила — человѣкъ, ведущій расточительный и веселый образъ жизни.

Кэмбриджъ—университетскій городъ въ Англіи.

Лабиринтъ — въ греческихъ миѳахъ — жилище чудовища — царя

Минотоса, отличавшееся такой запутанностью, по громадному числу комнатъ, ходовъ и галлерей, что изъ него никто не могъ выйти; въ настоящее время—1) зданіе или мѣсто съ запутанными ходами; 2) внутренняя полость уха.

Ладъ — миръ; строй или тонъ въ музыкѣ; манера, способъ.

Лакей—служитель.

Лакированный—покрытый веществомъ, сообщающимъ блескъ поверхности.

Ландшафтъ — 1) видъ природы, нетронутой культурою; 2) картина, изображающая живописную мѣстность.

Ланкастерскія розы — гербъ англійскаго герцогства, въ рисунокъ котораго входило изображеніе алой розы.

Ланцетъ—небольшой хирургическій инструментъ съ тонкимъ обоюдоострымъ лезвіемъ для прокалыванія и разрѣзовъ.

Лачуга—маленькая бѣдная хижинка.

Левкой—декоративное растеніе съ береговъ Средиземнаго моря, сем. крестоцвѣтныхъ, съ красивыми душистыми разныхъ цвѣтовъ цвѣтами.

Легковѣсныя натуры — неглубоко чувствующіе, поверхностные, легко переходящіе изъ одного настроенія въ другое характеры.

Легкомысліе—неспособность относиться къ чему-либо серьезно.

Лезвее—острая стальная часть ножа и всякаго холоднаго оружія.

Лелѣять — холить, ухаживать съ любовью воспитывать.

Лепта—древне-греческая мѣдная монета, соотвѣтствующая нашей полушкѣ (1/4 к.), отсюда и выраженіе «внести лепту». Теперь лента = 1/100 драхмы, ранной 1 франку.

Лестный — пріятный; почетный.

Лже-пророкъ — ложно выдающій себя за пророка обыкновенный человѣкъ.

Либеральный — свободомыслящій.

Ливень—сильный дождь.

Ликвидировать — уплачивать долги и прекращать торговыя дѣла.

Лиризмъ — характеръ литературнаго произведенія, выдающаго внутреннее состояніе автора; настроеніе человѣка, склоннаго къ чувствительности или грусти.

Литература — вообще письменность, въ болѣе узкомъ смыслѣ — словесность какого-нибудь языка.

Литургія — или обѣдня, богослуженіе православной церкви, во время котораго совершается таинство причащенія, а разныя священнодѣйствія напоминаютъ событія изъ земной жизни Іисуса Христа.

Лифъ — верхняя часть женскаго платья отъ плечъ до таліи, за исключеніемъ рукавовъ.

Лихой—удалой, сердитый.

Лихорадка—болѣзненное состояніе при повышенной температурѣ.

Лихорадочный—вызванный повышеніемъ температуры у больного; вообще быстрый, ускоренный.

Лицемѣріе — неискренность, неправдивое отношеніе.

Логика — наука о мышленіи; правильная послѣдовательность мыслей.

Логическій — здравый, согласный съ законами мышленія, убѣдительный.

Логичность — разумная послѣдовательность, правильность мышленія.

Лопушникъ — растеніе, сорная трава съ крупными листьями, растетъ на дорогахъ, каменистыхъ берегахъ рѣкъ, въ сорныхъ кучахъ.

Лордъ — крупный англійскій помѣщикъ.

Лорнетъ — складныя очки съ ручкой.

Лоскъ—гладкость, блескъ; переносно—умѣніе держать себя въ высшемъ обществѣ, показать себя съ лучшей стороны.

Лучезарный — свѣтлый, озаренный сіяніемъ, испускающій лучи свѣта.

Лучистый—испускающій лучи; свѣтлый, блестящій.

Лысина — мѣсто на головѣ, на которомъ выпали волосы.

Лѣсничій — лицо, наблюдающее за сохранностью участка лѣса.

Лѣтописецъ — записывавшій ежегодныя событія, по преданіямъ или разсказамъ очевидцевъ.

Лѣтопись — погодное повѣствованіе о событіяхъ.

Лэди — титулъ женъ англійскихъ аристократовъ; въ разговорной рѣчи—вѣжливое названіе всякой женщины.

Людская—помѣщеніе для прислуги.

Люлька — качающаяся постель для грудныхъ дѣтей.

Лягушка—животное изъ отряда гадовъ, зеленаго цвѣта,

Магнетическій притягательный, неотразимый.

Магнитъ—тѣло, имѣющее свойство притягивать желѣзо; въ переносномъ смыслѣ: предметъ, къ которому другой испытываетъ влеченіе.

Магъ—1) жрецъ у древнихъ восточныхъ народовъ и представитель ученаго класса; 2) въ настоящее время магъ—волшебникъ, фокусникъ.

Мадонна—у католиковъ—названіе Богородицы и отсюда ея живописныхъ и скульптурныхъ изображеній.

Малодушіе—слабость духа, трусость, безволіе, отсутствіе мужества.

Макъ—однолѣтнее растеніе, разводимое ради плода—коробочки, богатой сѣменами, изъ которыхъ получаютъ маковое масло, имѣющее широкое примѣненіе въ живописи, и опіумъ.

Мальва—1) травяное растеніе съ красивыми крупными цвѣтами, растетъ у насъ на мусорѣ, по полямъ, дорогамъ, въ лѣсахъ; (примѣненіе въ медицинѣ); 2) женское имя.

Манекенъ — изображеніе всей или части фигуры человѣка, сдѣланное по большей части изъ дерева.

Манера—способъ держать себя въ обществѣ и наединѣ, выработанный воспитаніемъ.

Манить—звать, привлекать, притягивать.

Манна—родъ крупы, по библейскому сказанію, сыпавшійся съ неба, чтобъ насытить бывшихъ въ голодѣ и нуждѣ евреевъ на пути ихъ изъ Египта.

Мантія — широкій плащъ безъ рукавовъ, постепенно расширяющійся книзу и ниспадающій до земли.

Маркизъ—наслѣдственный придворный титулъ во Франціи.

Маска—1) изображеніе человѣческаго лица, вытѣсненн. изъ бумаги, гипса или друг. скульптурнаго матеріала; также небольшая шелковая или бархатная накладка съ отверстіями для глазъ; 2) человѣкъ, надѣвшій маску; 3) лицемѣріе, притворство, личина.

Масса—1) множество; 2) вещество не имѣющее опредѣленной формы.

Массивный—тяжеловѣсный, тяжелый.

Мастерская—помѣщеніе, въ которомъ производятся ремесленныя работы.

Мастерство — знаніе ремесла или какого-либо предмета, доведенное до совершенства.

Мятежникъ—человѣкъ, активно выражающій свое недовольство существующими порядками.

Математика — наука о свойствахъ и законахъ величинъ.

Матеріалъ - вещество, запасъ для обработки, производства.

Матеріальный — чувственный, ощутительный, состоящій изъ какой-нибудь массы.

Матрона—у древнихъ римлянъ почтенная женщина; также знатная римская женщина.

Машинально—безотчетно.

Мгла—туманъ, темнота.

Медальонъ—продолговато-круглая бездѣлушка изъ золота съ украшеніями, для храненія портретовъ, носится на шеѣ на цѣпочкѣ. Фарфоровыя или металлическія тарелки съ художественной живописью для украшенія стѣнъ.

Медуза — классъ кишечно-полостныхъ нисшихъ животныхъ, плавающихъ на поверхности воды. Миѳологическое лицо, олицетворяющее ужасъ ада.

Меж а—граница земельныхъ владѣній, для указанія которой ставятся межевые знаки.

Межевой — указывающій границу между полями различныхъ владѣльцевъ.

Меланхолическій - задумчивый, грустный, унылый, печальный.

Мелодія — послѣдовательность звуковъ съ такимъ сочетаніемъ тоновъ, которое своимъ благозвучіемъ пріятно дѣйствуетъ на слухъ; складываясь по законамъ ритма, она сообщаетъ музыкѣ цѣлость, опредѣленную мысль и чувство и придаетъ пьесѣ извѣстный характеръ.

Мелодическій—пріятный для слуха, благозвучный, составляющій красивый музыкальный рисунокъ.

Мелодраматическій — драматическое произведеніе, сопровождающееся музыкой, душу-раздирающая, трогательная пьеса.

Мелочность — способность волноваться изъ-за мелочей, обижаться или считаться мелочами.

Мель — плоская возвышенность морского дна, образующая мелкое мѣсто и затрудняющая судоходство.

Мелькнуть — показаться на одно мгновеніе.

Менторъ — воспитатель сына Одиссея, Телемаха, подъ образомъ котораго Аѳина охраняла Одиссея во время его странствій; въ переносномъ смыслѣ, воспитатель и наставникъ вообще.

Месть—отплата за злонамѣренное дѣйствіе.

Металлъ—простое тѣло тяжелое, непрозрачное, съ болѣе или менѣе сильной степенью блеска и способностью проводить электричество.

Метаморфоза — преобразованіе, перерожденіе.

Метать - бросать.

Метаться - рваться изъ стороны въ сторону, судорожно двигаться.

Метеорологическій — занимающійся изслѣдованіемъ атмосферическихъ явленій.

Методисты—англійская религіозная секта, появившаяся въ 1720 г. и имѣвшая цѣлью точное исполненіе всѣхъ евангельскихъ постановленій.

Механизмъ — въ обширномъ смыслѣ—способъ, которымъ сила переходитъ въ дѣйствіе; также — совокупность всѣхъ средствъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе того или другого акта нашей дѣятельности.

Механизмъ — наука о законахъ равновѣсія и движенія тѣлъ.

Механическій — дѣйствующій по опредѣленнымъ, разъ установившимся законамъ.

Мечтательный — склонный создавать себѣ особую жизнь, помимо дѣйствительности, силою воображенія.

Мечъ—холодное оружіе, употреблявшееся въ древніе и средніе вѣка вмѣсто современной шпаги.

Мгновеніе -безконечно малый промежутокъ времени.

Міровоззрѣніе — собраніе идей, руководящихъ жизнью и дѣятельностью даннаго лица.

Міросозерцаніе —опредѣленный взглядъ на жизнь, на людей и ихъ отношенія, зависящій отъ умственнаго и нравственнаго склада человѣка.

Мигрень—періодически повторяющаяся нервная головная боль, охватывающая половину головы; леченію обыкновенно не поддается, а прекращается въ пожиломъ возрастѣ.

Мигъ — самый малый промежутокъ времени, какой только возможно вообразить.

Мизантропія—ненависть къ людямъ.

Микроскопъ - оптическій инструментъ, сильно увеличивающій наблюдаемый предметъ.

Миледи—титулъ женъ лордовъ. *Лордъ*—почетный наслѣдственный титулъ высшаго англійскаго дворянства.

Милиція—наемное войско.

Миловидный—привлекательной внѣшности.

Милостыня—деньги или предметы, подаренные изъ состраданія къ нищетѣ.

Миля—мѣра пространства, равная 7 ми верстамъ.

Мимолетный—непродолжительный занявшій одно мгновеніе.

Минеральный—составленный изъ камня, горной породы; богатый лекарственными примѣсями.

Миніатюра—уменьшенное изображеніе.

Минимальный—наименьшій.

Министръ—лицо, управляющее одною изъ главныхъ отраслей государственной жизни

Минорный тонъ—въ музыкѣ—ладъ основанный на гаммѣ съ пониженной терціей и секстой; переносно-грустное, плачевное, меланхоличное настроеніе.

Минута—1) мѣра времени, $^1/_{60}$ часть часа, 2) $^1/_{60}$ часть градуса окружности.

Миссія—назначеніе проповѣдника у христіанскихъ народовъ; 2) вообще посольство для какой-нибудь опредѣленной цѣли; 3) предназначеніе.

Миссъ—по-англійски: барышня.

Мистеръ—по англійски; господинъ.

Мистицизмъ—склонность поглощаться религіозными мечтаніями

Мистическій—относящійся къ области таинственнаго.

Мистрисъ (миссисъ)—титулъ всякой англичанки, при обращеніи къ ней.

Митингъ—народное собраніе въ Англіи.

Миѳическій—мало-достовѣрный, доисторическій; изъ области вѣрованій древнихъ.

Миѳологическая эпоха—доисторическая, относящаяся къ области преданій древнихъ народовъ.

Мнѣніе—сужденіе отдѣльной личности.

Могильщикъ—человѣкъ, занимающійся рытьемъ могилъ.

Могучій—очень сильный, непреодолимый.

Могущество—сила, власть.

Мода—господство въ данное время какихъ-либо вкусовъ, направленій и т. п., отражающееся въ любой области народной жизни.

Модуляція—музыкальный терминъ, означающій переходъ изъ тона въ тонъ.

Молнія—искра, сопровождающая разрядъ атмосфернаго электричества при встрѣчѣ облаковъ, заряженныхъ электрическими массами противоположнаго злака.

Моментъ—безконечно малая часть времени.

Монотонно—однообразно.

Монотонный—однообразный.

Мораль—ученіе о нравственности, правила нравственности.

Мотать—расточать.

Мотивъ—1) основная музыкальная фигура, дающая характеръ пьесѣ; 2) причина, основаніе.

Мохъ—безцвѣтковое растеніе блѣднозеленаго цвѣта, растетъ во влажныхъ мѣстахъ.

Моціонъ—движеніе, предписанное для сохраненія или укрѣпленія здоровья.

Мраморъ—горная порода, отличающаяся твердостью, мелкозернистымъ сложеніемъ, выносливостью, разнообразнаго красиваго внѣшняго вида.

Мстить—отплачивать за нанесенную обиду.

Мужество—храбрость, присутствіе духа.

Мужланъ—грубый человѣкъ.

Музей—учрежденіе, въ которомъ хранятся и показываются публикѣ вещи, имѣющія какой-либо научный или художественный интересъ.

Мундиръ—установленное форменное платье для членовъ государственныхъ учрежденій, служащихъ, учащихся. и т. д; парадное форменное платье.

Мускулистый—крѣпко сложенный, сильный.

Мщеніе—воздаяніе зломъ за злой поступокъ.

Мысъ—выступъ части материка въ море.

Мышцы—мускулы, ткани, живого организма, способныя къ сокращенію, служащіе для движенія.

Мѣрить—опредѣлять величину

сравненіемъ съ условленной единицей.

Мякишъ—мягкая часть хлѣба.

Мѣстечко—небольшой городокъ.

Набалдашникъ—верхній конецъ палки; дѣлается съ украшеніями изъ матеріала — обыкновенно болѣе дорогого.

Наблюдательность—свойство замѣчать все характерное.

Наверстать—успѣть нагнать пропущенныя занятія.

Наводненіе затопленіе мѣстности выступившей изъ береговъ водой.

Наврядъ-ли—слово, выражающее сомнѣніе въ томъ, что какое-либо явленіе существуетъ или можетъ свершиться.

Навѣсъ - полотнянная крыша для защиты отъ дождя и солнца.

Наглазникъ—кожаный поясокъ, надѣваемый на глаза пугливымъ или строптивымъ лошадямъ.

Надзоръ—наблюденіе за чьими-нибудь дѣйствіями; забота о комъ-либо.

Надоумить—навести на догадку, научить, образумить.

Назидательный—поучительный.

Наивный—довѣрчивый, простодушный, не умѣющій отличать добро отъ зла.

Наизусть—на память.

Наковальня—подставка употребляемая кузнецами, дѣлается изъ чугуна, стали или желѣза.

На корточкахъ — Пригнувши колѣни, чтобъ казаться ниже.

Налетъ—легкій слой, покрывающій снаружи предметъ.

Налогъ—подать, сборъ, налагаемый государствомъ за пользованіе всѣми правами его подданныхъ.

Намедни—недавно, надняхъ.

Намеки—слова или выраженія, скрыто выражающіе мысль.

Наобумъ—зря, необдуманно.

Наперекоръ—на зло.

Наперстокъ—Орудіе портняжескаго ремесла, надѣваемое на палецъ для защиты отъ укола.

Наростъ—постороннее болѣзненное образованіе на какой-нибудь ткани животнаго или растительнаго организма.

Настойчиво - не смущаясь препятствіями, направивъ волю къ опредѣленной цѣли и держась ея твердо (обыкновенно соединяется съ словами требовать, добиваться).

Насторожиться — собрать все свое вниманіе и осторожность.

Насѣстъ—жердь горизонтально положенная въ курятнѣ, гдѣ садятся куры.

Натура—1) природа; 2) добротность, соотвѣтствіе товара естественному, натуральному, чистому его виду.

Нахальный—наглый, дерзкій, вызывающій.

Нахлынуть — говорится про прорвавшійся потокъ воды и переносно про всякій потокъ, т. е. большое количество предметовъ, мыслей.

Нація—совокупность индивидовъ, связанныхъ сознаніемъ своего единства, главными факторами котораго являются: общность происхожденія, общность языка, религіи, быта, нравовъ и обычаевъ и наконецъ историческаго прошлаго.

На цыпочкахъ—на концахъ пальцевъ ногъ.

Нацѣдить—заставить жидкость постепенно вытечь изъ сосуда или предмета, въ которомъ она находится въ другой.

На чай—деньги, подаренныя сверхъ уговора, за услугу.

Небосклонъ—удаленная отъ насъ атмосфера представляющая намъ голубымъ куполомъ.

Невзгода—неудача, временное горе.

Невзрачный—незамѣтный, не производящій впечатлѣнія, некрасивый.

Невѣжа—грубый, невоспитанный человѣкъ.

Невѣжество—необразованность незнаніе, умственная темнота.

Негодовать—Возмущаться.

Неделикатный — неспособный на тонкое чувство, неумѣющій пощадить это чувство въ другомъ.

Недоросль—недоразвившійся

человѣкъ, не достигшій умственно и въ образованіи уровня окружающей среды.

Недоумѣніе—не вполнѣ ясное сознаніе чего-нибудь.

Недюжинный—не часто встрѣчающійся, не совсѣмъ обыкновенный.

Незыблемость—устойчивость, непоколебимость.

Неизъяснимый—не поддающійся объясненію.

Неисповѣдимый—Недоступный разуму, догадкѣ, предвидѣнію.

Неистовый — прорывающійся неумѣренно сильно, бушующій.

Неистовство—бѣшенство, состояніе полубезумія, вызванное сильнымъ гнѣвомъ или отчаяніемъ.

Наисчислимый — безчисленный, громаднаго количества.

Неказистъ—невзраченъ, некрасивъ

Нектаръ—1) выдѣляемый цвѣтами сладкій сокъ: 2) у древнихъ грековъ—питье боговъ, дѣлавшее ихъ безсмертными.

Нелѣпый—безсмысленный.

Немощь — безсиліе, истощеніе, болѣзнь.

Ненастный—о погодѣ—непріятная для здоровья погода.

Ненастье — плохое состояніе погоды.

Ненинтонъ — небольшой городъ въ Англіи.

Необузданный—дикій, стремительный, не подчиняющійся.

Неоспоримый до того вѣрный, что не допускаетъ никакихъ сомнѣній или споровъ.

Неосязаемый—неподдающійся познанію внѣшними чувствами.

Неотразимый—непобѣдимый, которому нельзя не подчиниться.

Неофитка — женщина, первая вступившая на новый путь дѣятельности, приверженница новаго взгляда или вѣры.

Непослѣдовательность—плохое согласованіе послѣдующаго съ предъидущимъ.

Непосредственно — прямо, безъ промежуточныхъ средствъ, безъ промежуточныхъ ступеней.

Непреклонный—съ твердой волей, неумолимый, неподдающійся ни убѣжденіямъ, ни просьбамъ.

Непреложный — непремѣнный, не подлежащій уклоненію.

Непринужденность—свобода обращенія, манеръ; отсутствіе стѣсненія.

Непропорціональный—несоотвѣтствующій по размѣру другимъ величинамъ, съ которыми находится въ связи.

Нерадивый—нестарательный, лѣнивый.

Нервный — Обладающій очень тонкими или разстроенными органами воспріятій, нервами. слѣдствіемъ чего является болѣзненная возбудимость, неровности характера и другія болѣзненныя явленія.

Нервы—тонкія нити въ живомъ организмѣ, являющіяся органами ощущеній.

Несвойственный—Не подходящій, не соотвѣтствующій свойствамъ личности или предмета.

Неряха — не любящій или неумѣющій поддерживать чистоты и порядка.

Несносный—трудно переносимый.

Несовмѣстный — несогласный, не подходящій.

Нестерпимый—котораго нельзя переносить.

Неурочный—Несвоевременный.

Неурядица—Безпорядокъ, неустройство, непріятности.

Нечетъ—число не дѣлящееся на 2.

Нива—поле засѣянное хлѣбомъ.

Нимфы — по вѣрованіямъ древнихъ грековъ и римлянъ русалки,—полуженщины, полуживотныя.

Ничтожный — мелкій, незначительный.

Ниша—углубленіе въ стѣнѣ, куда часто ставятъ вазы, статуи и пр.

Нотація—выговоръ, внушеніе.

Ноты — названіе и графическое изображеніе музыкальныхъ тоновъ; дипломатическое отношеніе, съ которымъ обращаются другъ къ другу находящіяся въ сношеніяхъ государства.

Ночлегъ—мѣсто, гдѣ можно провести ночь.

Ночникъ ночная лампочка.

Нравоученіе — выраженіе, заключающее совѣтъ нравственной или житейской мудрости.

Нравственный—добродѣтельный, согласный съ настоящими понятіями и добротѣ.

Нытье — продолжительныя, надоѣдливыя жалобы.

Ньюфаундлендская собака—порода американскихъ собакъ, отличающихся огромной величиной и полезныхъ человѣку, благодаря своей понятливости.

Нѣмой восторгъ—восторгъ, выражающійся не словами, а жестами и лицомъ.

Обаяніе—совокупность такихъ свойствъ, которыя дѣлаютъ живое существо, предметъ или явленіе неотразимо пріятнымъ.

Обездоленный—обиженный судьбой или людьми.

Обиходъ—въ церковномъ языкѣ нотная книга, по которой совершается церковн. пѣніе; выраженіе—домашній обиходъ—значитъ домашнее употребленіе.

Облагораживать — имѣть возвышающее вліяніе на что либо.

Область—подраздѣленіе страны на части сообразно съ различными природными условіями; отдѣлъ знанія, труда, занятій всякаго рода.

Облечь—одѣть, окутать.

Обликъ—наружный видъ; сумма характерныхъ чертъ.

Обличитель—человѣкъ, раскрывающій дурные поступки или вооружающійся противъ людскихъ пороковъ.

Обморокъ—временное прекращеніе дѣятельности сердца.

Обольщеніе—приманка. Что-либо склоняющее волю человѣка въ такомъ направленіи, которому онъ не намѣревался слѣдовать.

Оборотень — по суевѣрнымъ представленіямъ простого народа нечистый духъ, обернувшійся животнымъ или человѣкомъ.

Оборотъ — сумма, въ размѣрѣ которой производятся денежныя операціи учрежденіемъ, цѣлой страной или отдѣльнымъ лицомъ.

Образцовый—являющійся совершенствомъ, годный для подражанія.

Обрекать — приговорить, подвергать.

Обрѣсти—найти, добыть, получить.

Обстановка—собраніе предметовъ или обстоятельствъ, окружающихъ человѣка, или сопровождающихъ явленіе.

Обсужденіе — изложеніе мыслей по извѣстному вопросу.

Обуза—непосильная, навязанная кѣмъ нибудь тяжесть, матеріальная или нравственная.

Обуздывать — сдерживать волю.

Обуревать — сильно, подобно бурѣ, охватить.

Обходительный — вѣжливый, услужливый, умѣющій поддерживать хорошія отношенія съ людьми.

Общественный—принадлежащій обществу, свойственный обществу, въ которомъ преобладающую роль играетъ общество.

Община — соединеніе нѣсколькихъ волостей или деревень подъ однимъ управленіемъ.

Собраніе лицъ женскаго пола для совмѣстнаго богоугоднаго жительства безъ принятія монашества.

Общинникъ—Членъ общины.

Объектъ—предметъ изслѣдованія, наблюденія и вообще всякаго дѣйствія.

Объемистый — содержательный; большихъ размѣровъ.

Объемъ—часть пространства, занимаемая тѣломъ.

Объѣдки—оставшіеся куски недоѣденной пищи.

Обыватель—житель, горожанинъ, поселянинъ.

Обыденный — обыкновенный, повседневный; однодневный (примѣръ: муха-обыденка, живетъ 1 день).

Оврагъ—крутое пониженіе почвы.

Овчарка—порода собакъ, служащихъ для охраненія стада овецъ.

Огарокъ—обгорѣвшій остатокъ свѣчи.

Оглобли—часть упряжи, длинныя деревянныя палки, которыя прикрѣпляютъ экипажъ къ лошадиной сбруѣ.

Огородъ—мѣсто, на которомъ произростаютъ овощи.

Ограниченный—отдѣленный линіями или плоскостями (о предметѣ); недальновидный, узкій въ сужденіяхъ, одаренный небольшими умственными способностями (о человѣкѣ).

Одобрительно—съ сочувствіемъ, поощряя, соглашаясь.

Одуряющій ядъ—ядъ, доводящій до потери сознанія дѣйствительности.

Ожерелье — нитка драгоцѣнныхъ камней для ношенія на шеѣ въ видѣ украшенія.

Окладъ—годичное жалованье.

Око—глазъ.

Околодокъ—полицейское дѣленіе города или мѣстечка; просто участокъ заселеннаго мѣста.

Окрестности — мѣстности, окружающія данный пунктъ.

Округъ — совокупность всѣхъ однородныхъ учрежденій, группирующихся вокругъ одного центральнаго учрежденія данной мѣстности.

Олимпійскій богъ—одинъ изъ греческихъ боговъ, живущихъ, по вѣрованіямъ древнихъ грековъ, на горѣ Олимпѣ.

Олицетворять—изображать отвлеченное представленіе въ видѣ чего либо живого, матеріальнаго.

Олово—мягкій металлъ сѣраго цвѣта.

Оловянный—сдѣланный изъ олова.

Олухъ—дуракъ, тупой человѣкъ.

Омеблировать — обставить мебелью.

Омерзительный—гнусный, вызывающій чувство отвращенія.

Омутъ—трясина, болото; персносно: темное, подозрительное, опасное мѣсто.

Опекать—оберегать, заботиться, взять на свое попеченіе.

Операція—въ медицинѣ отнятіе поврежденной части—въ торговлѣ, въ военномъ и промышленномъ отношеніяхъ—предпріятіе.

Оплотъ-опора, поддержка.

Оплошность — неосторожность, имѣющая дурныя послѣдствія.

Оповѣстить—сдѣлать общеизвѣстнымъ.

Позорить — обезчестить, нанести несмываемое оскорбленіе.

Опора—мѣсто, на которое подпертъ нагруженный предметъ или лицо; переносно въ нравственномъ смыслѣ лицо, на защиту котораго можно надѣяться въ трудную минуту.

Опостылѣвшій—надоѣвшій, до невозможности переносить.

Опошлить—сдѣлать мелкимъ, низменнымъ, лишить всего возвышеннаго.

Оппонентъ—противникъ, возражающій.

Оправа — металлическое или деревянное гнѣздо для помѣщенія драгоцѣнныхъ камней въ предметахъ роскоши и для установки металлическихъ стержней въ техникѣ.

Опровергать — доказывать неправильность какого-либо сужденія.

Опроверженіе—указаніе на невѣрность, на ошибку.

Опубликованный—напечатанный, объявленный для всеобщаго свѣдѣнія.

Опытъ—искусственное воспроизведеніе явленія природы, съ цѣлью изслѣдовать его причину или ознакомиться съ его условіями. Жизненная подготовка, практика.

Оракулъ—жрецъ, у древнихъ, предсказывавшій будущее.

Оранжерея—теплица, зданіе для воспитанія и предохраненія отъ холодовъ южныхъ и тропическихъ растеній; имѣетъ стеклянную покатую крышу, обращенную къ югу.

Ораторствовать—говорить рѣчь.

Ораторъ—въ тѣсномъ смыслѣ слова—человѣкъ, обладающій талантомъ хорошо говорить; въ широкомъ смыслѣ—всякій говорящій рѣчь.

Организація — устройство

упорядоченіе, расположеніе и соотношеніе частей какого-либо цѣлаго.

Организмъ—всякое живое существо, животное и растительное.

Организованный—съустановленнымъ, опредѣленнымъ устройствомъ.

Ореолъ—сіяніе, рисуемое вокругъ ликовъ святыхъ; переносно: обаяніе, окружающее человѣка, замѣчательнаго какими-нибудь прекрасными свойствами.

Оригинальность—1) сумма свойствъ, дѣлающихъ предметъ особеннымъ, непривычнымъ для данной среды. 2) Подлинность, принадлежность тому, кому приписывается.

Оригинальный—рѣзко выдѣляющійся по своимъ свойствамъ изъ своей среды или среди предметовъ того же рода, подлинный.

Оркестръ — собраніе различныхъ музыкальныхъ инструментовъ для совмѣстной игры.

Орнаментъ—живописное или скульптурное украшеніе; формы орнамента заимствуются изъ животнаго или растительнаго царства или представляютъ различныя комбинаціи геометрическихъ линій и фигуръ.

Осіять—блеснуть, ярко освѣтить.

Оскомина—непріятное ощущеніе въ деснахъ, вызванное ѣдой кислыхъ или вяжущихъ предметовъ.

Основательный—устойчивый прочный, глубокій.

Оспаривать—не соглашаться съ мнѣніемъ; спорить за обладаніе чѣмъ-нибудь.

Острота—удачная комбинація словъ или идей, свидѣтельствующая о наблюдательности и находчивости ея автора.

Остроуміе—способность мѣтко сочетать комбинировать слова или идеи, проявляя наблюдательность и находчивость.

Осуществить—привести въ исполненіе, исполнить.

Осязать — чувствовать кожей, ощупывать.

Осязательно-реальный матеріальный, вполнѣ жизненный, предметный, поддающійся познанію внѣшними чувствами.

Отверженный — изгнанный своей средой, непризнанный.

Отвлеченный—доступный одному только умственному представленію, идейный, неосязательный.

Отвлечь—направить въ другую сторону

Отголосокъ—отзвукъ, отвѣтный голосъ; переносно - отвѣтное чувство.

Отлогій—спускающійся подъ небольшимъ угломъ, наклонно, къ поверхности земли.

Отлучка—временное отсутствіе.

Отнюдь—никоимъ образомъ.

Оторопѣлый — испуганный, пораженный неожиданностью.

Отпоръ—сопротивленіе, равное по силѣ и рѣзкости вызвавшему его давленію.

Отпрыскъ — боковая вѣтвь; представитель рода по боковой линіи.

Отрада — наслажденіе, удовлетвореніе, удовольствіе.

Отрекаться — отказываться признавать себя чуждымъ.

Отретироваться - удалиться съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ приличія и достоинства.

Отринуть — отвергнуть, отказаться.

Отрицаніе—1) нежеланіе съ чѣмъ-либо согласиться.

Отрокъ—юноша, большой мальчикъ.

Оттоманка—широкій, низкій диванъ.

Оттѣнокъ—различныя измѣненія въ одномъ и томъ же цвѣтѣ, происходящія отъ примѣсей, большей или меньшей густоты краски;—переносно то же относительно звука, выраженія лица, голоса и т. д.

Отчетъ—письменное или устное изложеніе дѣятельности общества, учрежденія или лица за опредѣленный промежутокъ времени.

Отчужденіе — отдаленіе отъ среды, общества или человѣка подъ вліяніемъ личныхъ причинъ; отнятеправительствомъ частной собственности въ пользу городовъ или общест-

венныхъ учрежденій, за плату, опредѣленную имъ же.

Отъявленный—явный, всѣми признанный (глупецъ, плутъ, фатъ и т. п.).

Оффиціальный—правительственный, исходящій отъ правительства.

Охать — произносить повторно междометіе охъ!

Оцѣнка—опредѣленіе стоимости предмета или качествъ явленія.

Оцѣнщикъ—человѣкъ, умѣющій опредѣлить стоимость, предмета.

Оцѣпенѣніе—почти полная потеря способности или желанія двигаться подъ вліяніемъ различныхъ потрясеній или воздѣйствій на нервную систему.

Очагъ — печь, въ переносномъ смыслѣ—домашній очагъ означаетъ—семью дома.

Очарованіе — впечатлѣніе обаятельнаго, прелестнаго, покоряющаго.

Очевидный—не требующій поясненій или доказательствъ.

Очертаніе—линіи, ограничивающія предметъ снаружи.

Ошеломить — оглушить ударомъ или словами.

Ошеломленный — оглушенный, потерявшій сознаніе дѣйствительности подъ вліяніемъ удара, извѣстія, необыкновеннаго ощущенія и пр.

Оштукатуренный—покрытый известковой массой, иногда съ лѣпными украшеніями.

Ощупью—нерѣшительно, исподволь, ощупывая то, что попадается подъ руки, какъ въ темнотѣ.

Ощущать—познавать 5-ю внѣшними чувствами.

Павлинъ—птица, отечество—средняя Азія. У самцовъ длинный, красиво окрашенный хвостъ, перья котораго употребляются для украшенія дамскихъ шляпокъ.

Падежъ—форма существительнаго, выражающая различныя отношенія; эпидемія скота, истребляющая его.

Пакетъ — 1) небольшой тюкъ, особенно предназначенный къ отправкѣ почтой и соотвѣтственно тому упокованный; 2) всякое отправленіе въ достаточно большомъ конвертѣ.

Палестина—страна въ Азіи, гдѣ протекла исторія Ветхаго завѣта и родился Христосъ.

Панель—1) обшивка или окраска нижней части стѣны въ комнатахъ; 2) часть улицы вдоль домовъ, предназначенныя для пѣшеходовъ, выстилаемая обыкновенно плитами, досками и т. д. (тротуаръ).

Панихида — богослуженіе по умершимъ.

Панорама—картина, расположенная такъ, что зрителю кажется будто онъ находится посреди изображенной на картинѣ мѣстности. Видъ, представляемый самой природой.

Пансіонъ—закрытое учебное заведеніе, въ которомъ учащіеся получаютъ полное содержаніе; вообще полное содержаніе, столъ и квартира.

Пантера — американскій видъ рода кошекъ; похожъ на леопарда.

Паперть—площадка при входѣ въ церковь.

Папоротникъ—растеніе изъ семейства споровыхъ, растетъ въ тропическихъ странахъ, отличается чрезвычайно разнообразной формой своихъ мелкоперистыхъ листьевъ.

Парадный — употребляющійся въ торжественныхъ случаяхъ.

Парадоксально—противно общепринятому мнѣнію. *Парадоксъ*—утвержденіе, противное общепринятому мнѣнію.

Паразитъ—животное, растеніе или человѣкъ, питающійся на счетъ другого.

Парализованный—лишенный способности двигаться подъ вліяніемъ болѣзни спинного мозга, или временно лишенный, вслѣдствіе волненія, душевнаго потрясенія, или болѣзненнаго припадка; Лишенный возможности дѣйствовать всилу извѣстныхъ обстоятельствъ.

Параличъ—нервное разслабленіе, уменьшеніе или совершенная потеря чувствительности и нервной дѣятельности въ какой-либо части тѣла.

Парапетъ—огражденія выдаю-

щейся части на мостахъ, балконахъ, набережныхъ; часть стѣны, въ нѣкоторыхъ зданіяхъ со стороны фасада поднимающаяся надъ крышей, образуя нѣчто вродѣ террасы.

Паренъ—молодой человѣкъ.

Пари — взаимное обязательство двухъ или болѣе лицъ уплатить извѣстную сумму въ пользу той изъ спорящихъ сторонъ, чье утвержденіе окажется справедливымъ.

Паркетъ — полъ, составленный изъ разнообразной формы и цвѣта деревянныхъ дощечекъ, образующихъ болѣе или менѣе сложный рисунокъ и наклеенныхъ на одну общую основу.

Паркъ - расчищенная лѣсная роща съ прихотливо прорѣзанными иногда черезъ нее дорожками.

Парламентъ—названіе вообще собраній народнаго представительства, облеченныхъ законодательной властью, въ государствахъ конституціонныхъ и республиканскихъ.

Парники—сооруженіе изъ стекла и деревянныхъ рамъ, предназначенныя для защиты отъ внѣшнихъ вліяній овощей или фруктъ, которые желаютъ акклиматизировать въ чуждой имъ странѣ или выростить въ неурочное время.

Партія—1) кругъ людей, болѣе или менѣе единомыслящихъ или стремящихся къ общей цѣли; 2) вступленіе въ бракъ (сдѣлать партію — вступить въ бракъ).

Парусинный—сдѣланный изъ грубаго небѣленаго холста.

Парча—дорогая ткань изъ золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ нитей.

Пассовать—уступать, стушеваться.

Пассажиръ—человѣкъ, пользующійся какимъ-либо средствомъ передвиженія.

Пассажъ—1) крытый (обыкновенно стеклянной крышей) проходъ изъ улицы въ улицу съ магазинами или лавками по обѣимъ сторонамъ; 2) необыкновенное происшествіе.

Пассивный—(умъ) бездѣятельный, не способный къ сопротивленію или самостоятельнымъ дѣйствіямъ.

Пастбище—лугъ, мѣсто, гдѣ пасется скотъ.

Паства—стадо; духовная паства священника — руководимые имъ прихожане.

Пасторатъ — помѣщеніе, гдѣ живетъ священникъ лютеранской церкви.

Пасторъ — приходскій священникъ евангелической церкви.

Пастырь — пастухъ; священникъ духовный руководитель.

Патентованный—предметъ право продажи и эксплотаціи котораго принадлежитъ одному лицу его изобрѣтшему, причемъ право это охраняется во всякомъ государствѣ правительствомъ.

Патетическій—съ выраженіемъ сильнаго чувства.

Патріархальный — ветхозавѣтный, стариннаго строя, семейственный.

Патріархъ Іосифъ—библейское лицо, сынъ Іакова, проданный братьями египетскому фараону.

Патріархъ—1) въ первобытномъ строѣ общественной жизни глава семьи, а потомъ рода, исполнявшій судебныя, законодательныя и религіозныя обязанности; 2) теперь вообще престарѣлый глава отдѣльной семьи.

Пауза — перерывъ, временная пріостановка въ разговорѣ, декламаціи, драматическомъ искусствѣ, музыкѣ.

Паутина—легкая ткань, сплетаемая паукомъ.

Пашня—вспаханная земля, т. е. обработаная или обрабатываемая плугомъ для посѣва,

Педагогъ—въ древней Греціи тотъ изъ рабовъ, которому ввѣрялся ближайшій надзоръ за дѣтьми, — ихъ дядька. Отсюда общеупотребительное теперь названіе воспитателя.

Педантъ—человѣкъ съ ограниченнымъ кругозоромъ, склонный къ педантизму (см)

Пейзажъ—1) видъ природы; 2) картина, изображающая живописную мѣстность.

Пенни—англійская мѣдная мо-

нета, стоимостью $^1/_{12}$ шиллинга и $^1/_{240}$ фунта стерлинговъ=4 коп.

Финскій пенни=$^1/_4$ коп.

Пенсія—извѣстная сумма денегъ, выдаваемая за прежнія заслуги или долгую службу.

Пенсъ—мелкая англійская монета.

Пепелище — остатки сгорѣвшихъ вещей на мѣстѣ потухшаго пожара.

Первенецъ—первый ребенокъ, перворожденный.

Первоклассный — перворазрядный, лучшій по достоинству.

Переворотъ—рѣзкая полная перемѣна обстоятельства какого-либо являнія; государственный переворотъ — насильственное измѣненіе государственнаго строя.

Передряги - мелкія непріятности.

Перекличка — перечисленіе именъ, съ цѣлью убѣдиться въ присутствіи ихъ обладателей.

Перекрестокъ—мѣсто, гдѣ сходятся два пути, взаимно пересѣкающіеся.

Переломъ—перен. см: рѣзкая перемѣна обстоятельствъ.

Перепархивать — перелетать.

Переплетъ—наружный листъ книги, дѣлающійся или изъ цвѣтной бумаги, или изъ твердаго матеріала, картона, обтянутаго кожей, коленкоромъ бумагой и пр.; рама.

Перспектива — изображеніе на плоскости удаляющагося предмета наука изображать предметы, имѣющихъ 3 измѣренія на плоскости, имѣющей всего 2; въ переносномъ смыслѣ—мысленный взглядъ на будущее. Видъ въ даль въ природѣ или на картинѣ. Вѣроятные виды на будущее.

Пересуды—толки, сплетни.

Переулокъ—узкая улица.

Перечень—перечисленіе всѣхъ предметомъ или лицъ, составляющихъ какое-либо цѣлое.

Перечить—возражать, не соглашаться, противорѣчить.

Періодическій—совершающійся черезъ правильные промежутки времени.

Періодъ — 1) опредѣленный промежутокъ времени; 2) въ словесности—длинное предложеніе съ многими придаточными; 3) въ ариѳметикѣ, часть десятичной дроби не выражающаяся точно.

Персона—1) особа, высокопоставленное, популярное лицо; 2) вообще—личность.

Перстъ — палецъ, говорится — перстъ Божій.

Печать—1) знакъ съ изображеніемъ его владѣльца изъ сургуча, какого-либо другого легкоплавкаго металла, чернилъ, краски; 2) машинка дѣлающая этотъ знакъ; 3) буквы и слова, изображенныя механически типографскими машинами; совокупность, печатныхъ повременныхъ. изданій.

Пещера—углубленіе въ скалахъ, служащее жилищемъ для звѣрей и дикихъ людей.

Піетистъ — религіозный, набожный, благочестивый человѣкъ.

Пиво—напитокъ, приготовляемый изъ перезрѣлыхъ зеренъ пшеницы.

Пиленье — раздѣленіе дерева на части острымъ инструментомъ; въ переносномъ смыслѣ—придирки, приставанія сварливаго человѣка.

Пилигримъ—путешествующій ко святымъ мѣстамъ на поклоненіе, преимущественно ко гробу Господню.

Пинокъ—ударъ, толчекъ кулакомъ или ногой.

Пирамидальный—имѣющій видъ пирамиды.

Пискъ—слабый, но рѣзкій крикъ.

Планета—небесное тѣло, получающее свѣтъ и тепло отъ солнца и вращающееся вокругъ него.

Планъ—1) общія очертанія, набросокъ предмета и всѣхъ его существенныхъ частей въ строгомъ отношеніи другъ къ другу; 2) сумма намѣреній, сводящихся къ достиженію какой-либо цѣли; 3) предвзятый опредѣленный образъ дѣйствій.

Плащъ—широкая верхняя одежда.

Пледъ—большой теплый платокъ изъ толстаго сукна.

Плетень — заборъ, сдѣланный изъ сучьевъ.

Плотникъ—мастеровой, строющій что-нибудь (судно, чаще всего зданіе) изъ дерева.

Плоть—тѣло.

Плугъ — оружіе для обработки почвы.

Плюгавый — неопрятный, некрасивой, невнушительной наружности.

Поборотъ—осилить.

Побрякушки—вещи, не имѣющія никакого осмысленнаго значенія и доставляющія удовольствіе мало развитому существу своимъ пестрымъ видомъ или производимымъ шумомъ. Пестрыя, мишурныя бездѣлки для забавы дѣтей.

Побѣдоносно — съ сознаніемъ своей непобѣдимости; непобѣдимо; послѣ одержанной побѣды.

Повинная—добровольное признаніе въ совершенномъ преступленіи.

Повліять — внушить свой образъ мыслей, склонить къ извѣстной цѣли.

Повседневный — обыкновенный, будничный.

Повѣсть — небольшое литературное произведеніе, заключающее описаніе происшествія изъ жизни.

Поглощенный—всѣмъ существомъ отдавшійся одной мысли или занятію.

Погонщикъ—человѣкъ, ведущій стадо (но не на пастбище).

Подвигъ—геройскій поступокъ.

Подвохъ—интрига, козни, подстроенное сплетеніе обстоятельствъ для причиненія кому-либо вреда или устраненія съ своего пути.

Поддержка — 1) помощь; 2) предметъ, помогающій другому удержаться въ равновѣсіи.

Поденщикъ—человѣкъ, нанимающійся на работу съ разсчетомъ за каждый день.

Подлогъ — уголовное дѣйствіе, выражающееся въ пользованіи ложными документами.

Подлый—низкій, способный на безчестные поступки.

Подножный кормъ—трава, растенія, которыя скотъ самъ находитъ для себя на пастбищѣ.

Подозрѣніе—чувство недовѣрія, предположеніе дурного поступка.

Подошва холма—основаніе, нижняя часть небольшого возвышенія почвы.

Подретушировать — усилить тушью тѣневыя пятна.

Подрядчикъ—человѣкъ, принимающій на себя, по договору съ владѣльцемъ, хлопоты по доставкѣ матеріала или наблюденіе за работами по какому-либо сооруженію.

Подстилка — приспособленіе изъ сѣна, соломы или чего-либо мягкаго для лежанія на землѣ.

Подсудимый—человѣкъ, обвиняемый въ преступленіи предъ судомъ.

Подтибрить — стащить, присвоить.

Подъемъ—возвышеніе, поднятіе на воздухъ; на ногѣ, повышеніе спереди, начинающееся отъ кости предплюсно. Переносно—приподнятое состояніе.

Поединокъ—сраженіе между двумя противниками; состязаніе двухъ лицъ.

Пожинать — собирать жатву; переносно—брать то, что получилось въ результатѣ поступковъ.

Поза — положеніе, въ частности красивое положеніе, принятое случайно или намѣренно.

Позаимствоваться — занять, принять, воспользоваться.

Позиція — 1) мѣстность, занимаемая войсками въ силу тактическихъ соображеній; 2) въ фехтовальномъ искусствѣ—положеніе, занимаемое фехтующими; 3) въ хореогр.—разныя положенія ногъ; 4) въ музыкѣ положеніе лѣвой руки при игрѣ на струнныхъ инструментахъ.

Позоръ—безчестіе, стыдъ, случай или поступокъ, кладущій неизгладимое пятно на человѣка или общество.

Покалякать—поболтать.

Покладистый — уступчивый, легко примиряющійся.

Поклоненіе- почитаніе, вос-

веденіе на степень божества предмета поклоненія.

Поклонникъ—человѣкъ, восхищающійся внѣшними или внутренними качествами, какъ-то красотой, умомъ, талантомъ и друг.

Поколѣніе—совокупность лицъ, родившихся и воспитанныхъ приблизительно въ одно и то же время.

Покровительственный—берущій подъ защиту, заботящійся о слабомъ, поощряющій.

Покровительство—защита, забота болѣе сильнаго о слабомъ.

Полемика—продолжительный споръ въ печати.

Полированный — полировать, механически сглаживать всѣ неровности, часто до полученія блеска.

Политикъ—лицо, свѣдущее въ политикѣ; 2) дипломатъ (см.) также въ смыслѣ человѣка, ловкаго въ житейскихъ дѣлахъ.

Политическій — имѣющій отношеніе къ политикѣ.

Полиція — правительственное учрежденіе, имѣющее цѣлью защиту общественной безопасности.

Помарки—перечеркнутыя и исправленныя мѣста въ рукописи.

Помело — метла съ длинной ручкой.

Померкнуть—погаснуть, потускнѣть.

Помыслы—мысли, мечты, надежды.

Помѣстье—въ старину недвижимое имущество, отдававшееся государствомъ въ пользованіе вмѣсто жалованья за службу.

Помѣщикъ — владѣлецъ большого участка земли, который онъ самъ эксплуатируетъ.

Пони-красивыя малорослыя лошадки, разводятся преимущественно въ Англіи, но также въ Швеціи, Норвегіи, восточной Пруссіи и на сѣверѣ Франціи.

Поощрять — хвалить, направлять къ достиженію извѣстной цѣли.

Попеченіе—забота.

Поползновеніе—слабо выраженное стремленіе.

Поприще—поле дѣятельности.

Популяризировать—дѣлать доступнымъ пониманію; дѣлать общеизвѣстнымъ.

Популярный—1) общепонятно изложенный; 2) пользующійся успѣхомъ, расположеніемъ народа или извѣстнаго круга общества.

Попутчикъ—человѣкъ, слѣдующій по тому же пути.

Пораженный — сильно удивленный.

Порода — подраздѣленіе вида животныхъ.

Порождать — вызывать, дать начало.

Порознь—по одиночкѣ, въ отдѣльности.

Порокъ — крупный нравственный недостатокъ.

Поросль—мелкій кустарникъ.

Портвейнъ — крѣпкое виноградное вино выдѣлываемое въ Португаліи, въ г. Опорто.

Портретъ—изображеніе лица съ возможно большимъ соблюденіемъ сходства.

Порука—залогъ или слово, даваемое кѣмъ-либо въ обезпеченіе того, что лицо, за которое ручаются, исполнитъ обязательства, или уплатитъ долги.

Порція—одинъ пріемъ, то, что съѣдается за одинъ разъ.

Порывистый—быстро, угловато движущійся; способный къ сильнымъ душевнымъ движеніямъ.

Посвящать — предназначать исключительно для кого-нибудь или чего-нибудь; связать съ чьимъ-либо именемъ или памятью.

Послѣдовательность—чередованіе въ опредѣленномъ порядкѣ, когда слѣдующее вытекаетъ изъ предыдущаго.

Послѣдствіе—все, что вытекаетъ изъ какого-либо дѣйствія.

Посредственность—человѣкъ или предметъ, ни чѣмъ не выдѣляющійся въ своей средѣ.

Поставщикъ—человѣкъ, взявшій на себя доставку какого-либо матеріала.

Поставъ—остовъ, станъ.

Потакать — во всемъ соглашаться, баловать.

Потаскушка—женщина, ведущая дурной образъ жизни.

Потворство — снисходительность, оправдываніе всѣхъ поступковъ.

Потрафить--попасть, угодить.

Потрясеніе—сильное и внезапное волненіе.

Похлебка — жидкое блюдо, представляющее собой отваръ какихъ угодно съѣстныхъ предметовъ.

Похныкать—покапризничать, поплакать.

Почва--верхній слой земли, состоящій изъ вывѣтрившихся горныхъ породъ и истлѣвшихъ остатковъ животныхъ и растеній; главныя составныя части: перегной, песокъ, глина, известь.

Почеркъ—манера письма, свойственная отдѣльной личности.

Почерпать—добывать.

Почетъ — внѣшнія проявленія уваженія или почтенія.

Почта--учрежденіе, обыкновенно правительственное, для скорой и правильной доставки всякаго рода посылокъ — и въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, также для перевозки пассажировъ.

Почтарь—завѣдующій пріемомъ и разсылкой писемъ.

Почтенная компанія.

Пошлый — нравственно нечистый, отсталый, мелкій, неспособный къ высокому.

Пощечина—ударъ въ щеку.

Поэзія—(грег.—«творчество») искусство изображать въ словѣ прекрасное.

Поэма—поэтическое повѣствованіе о какомъ-нибудь событіи.

Поэтическій—картинный, художественный, возвышенный, создающій образы, возвышающіеся надъ дѣйствительностью.

Поэтъ—лицо обладающее поэтическимъ даромъ (см. поэзія).

Права — правила, регулирующія человѣческую дѣятельность въ общежитіи.

Праведный—безгрѣшный, высоконравственный.

Практика—1) дѣйствительность, 2) приложеніе теоріи къ жизни, 3) навыкъ, опытъ въ работѣ; частое исполненіе чего-либо.

Практическій—жизненный, примѣненный къ дѣйствительности, дѣловой.

Прапрадѣды—очень далекіе представители даннаго рода, пятое поколѣніе, считая въ обратномъ порядкѣ.

Прахъ—пыль, останки.

Превратность—обманъ, перемѣна, поворотъ.

Преграда—препятствіе, помѣха, задерживающая дѣйствіе или предметъ на его пути.

Преданіе—сказаніе, передающееся словесно отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Преданный—готовый себя отдать для человѣка или дѣла. Привязанный, вѣрный.

Предатель—измѣнникъ.

Предварительно—прежде, чѣмъ начать какое-либо дѣйствіе.

Предвидѣть—заранѣе видѣть или угадывать готовящееся событіе или его послѣдствія.

Предзнаменованіе -- знакъ свыше, предупреждающій о событіи.

Предисловіе—помѣщаемое въ началѣ сочиненія и излагающее причины, вызвавшіе составленіе сочиненія, его цѣль, обстоятельства, сопровождавшія его выполненіе и т. п.

Предки—старые, почти всегда умершіе представители даннаго рода.

Предлогъ — 1) обстоятельство, за которое ухватываются для ложнаго объясненія желаемаго образа дѣйствія. 2) часть рѣчи, выражающая различныя отношенія между предметами.

Предначертаніе—событіе или участь, указанная кк. бы свыше заранѣе.

Предостереженіе — предупрежденіе о чемъ-нибудь угрожающемъ, что должно или можетъ совершиться.

Предотвратить—1) не дать совершиться.

Предпочитать--ставить ко-

го-нибдь уе что-нибудь выше другого.

Предпріятіе—рядъ болѣе или менѣе сложеныхъ дѣйствій, совершаемыхъ ради матеріальной выгоды и общественной пользы.

Предрасудокъ—мнѣніе или убѣжденіе, принятое на вѣру, безъ провѣрки собственнымъ разсудкомъ.

Предсказаніе—предугаданіе будущихъ событій.

Представитель—лицо или предметъ, служащіе образцомъ, типомъ своей среды, рода или вида

Представитель—человѣкъ выступающій замѣстителемъ отдѣльнаго лица или цѣлой группы. Выразитель извѣстнаго мнѣнія, извѣстнаго направленія мысли.

Предубѣжденія—предразсудки, сужденія, взгляды, принятые произвольно, безъ всякаго разумнаго основанія.

Предсѣдатель—постоянный или временный глава какого-нибудь учрежденія, общества, комитета, коммиссіи и т. п., наблюдаетъ за порядкомъ засѣданія, руководитъ ходомъ дѣлъ.

Предчувствіе—смутное душевное предугадываніе готовящихся событій

Предѣлъ—граница, край, конецъ, очертаніе.

Презрительный—выражающій свое превосходство.

Преимущество—особое право.

Прелюдія—небольшая музыкальная пьеса, служащая какъ-бы введеніемъ въ другую, большую.

Премія—награда.

Преминуть—пропустить случай.

Пренебреженіе—невнимательное отношеніе

Пренія—обсужденіе спорнаго вопроса въ какомъ-либо собраніи или на судѣ.

Преобладать—находиться въ наибольшемъ количествѣ.

Преоригинальный—чрезвычайно отличающійся отъ привычнаго вида и характера предметовъ того-же рода; особенно своеобразный.

Препирательство—продолжительный споръ изъ-за вещи, не имѣющей особенной важности.

Пресловутый—прославленный, знаменитый.

Прессовать—сплющивать ручнымъ или механическимъ способомъ.

Пресѣчь—рѣзко остановить, прекратить

Претендовать—заявлять свои права на что-нибудь.

Претить—неправиться, вызывать отвращеніе.

Пріемъ—1) принятіе; 2) порція. 3) методъ, способъ; 4) пріемы свѣтскіе—званые обѣды, вечера и проч.

Пріютъ—мѣсто защиты и отдыха.

Привилегія—особое право, данное изобрѣтателю на изобрѣтенный имъ способъ производства, недопускающее ничьего совмѣстничества въ теченіе извѣстнаго времени; вообще всякое преимущество званія или положенія.

Привлекательный—пріятный, располагающій въ свою пользу.

Приговоръ—присужденіе награды или наказанія; рѣшеніе, къ которому приходятъ люди, призванные о чемъ-либо судить.—Судебный приговоръ—рѣшеніе суда.

Приданое—все, то, что дается невѣстѣ ея родителями при выдачѣ ея замужъ.

Придѣлъ—боковой алтарь въ православномъ храмѣ.

Призваніе—особенная наклонность къ извѣстнаго рода дѣятельности, какъ бы указанная свыше отъ самаго рожденія всѣми вкусами, способностями и желаніями.

Призма—тѣло, котораго всѣ параллельные разрѣзы составляютъ совершенно равные между собой многоугольники. Обладаетъ свойствомъ разлагать лучъ свѣта на его составныя части. Образное выраженіе: «видѣть сквозь призму» значитъ видѣть что-нибудь въ ложномъ свѣтѣ.

Признаки—явленія или свойства, по которымъ можно опредѣлить событіе или предметъ.

Признательный—благодарный.

Призракъ—видѣніе, созданное воображеніемъ.

Призъ—1) награда, установленная для побѣдителя въ какомъ либо состязаніи; 2) захваченное непріятельское судно.

Приказчикъ — 1) человѣкъ, служащій въ торговомъ дѣлѣ; 2) человѣкъ, занимающійся управленіемъ хозяйскими дѣлами.

Приманка—предметъ, способный склонить къ извѣстному дѣйствію.

Примитивный — первобытный.

Приноравливать—приспособлять, стараться сдѣлать что-нибудь кому-нибудь доступнымъ.

Принужденность — отсутствіе свободы въ движеніяхъ и образѣ дѣйствій, большей частью намѣренное.

Принципъ — основное положеніе, руководящая идея; то, что лежитъ въ основѣ чего-либо, составляя его сущность и сокровенный смыслъ; основное правило.

Припадокъ—приступъ болѣзненнаго состоянія.

Природа — все, что создано и создается во вселенной по физическимъ законамъ, помимо человѣческаго труда.

Приставъ — 1) чинъ полиціи, ближайшему надзору котораго ввѣряется опредѣленный участокъ города; 2) чинъ судебнаго вѣдомства, на обязанности котораго лежитъ вызовъ отвѣтчика и свидѣтелей въ судъ, производство взысканій по опредѣленію суда и т. п. исполнительныя дѣйствія.

Пристанище — мѣсто, гдѣ можно остановиться для временнаго отдыха или поселиться навсегда.

Пристрастіе — 1) особая склонность; 2) несправедливое отношеніе изъ-за личныхъ соображеній.

Присяга—клятва въ истинности показаній или въ вѣрности правителю страны.

Присяжный—давшій присягу на добросовѣстное, честное, посильное выполненіе той или другой обязанности.

Приторный—съ сильно выраженнымъ, до непріятности сладкимъ вкусомъ.

Притязаніе—заявленіе права на что-либо.

Приходъ—1) извѣстная территорія, всѣ жители которой считаются прихожанами одной церкви; 2) сумма денежныхъ или вещественныхъ поступленій за какой-либо промежутокъ времени.

Прихожая—передняя.

Прихоть—необыкновенное желаніе.

Причитаніе—монотонная жалоба.

Причуды—неестественныя желанія, прихоти, дѣйствія, которыхъ отъ нормальнаго человѣка трудно ожидать.

Проблескъ—лучъ свѣта, проникшій въ темноту.

Провинціальный—(городъ) —не занимающій въ государствѣ важнаго мѣста, отсталый въ сравненіи съ столицей.

Прогалина — незаросшее мѣсто среди лѣса.

Программа—перечисленіе нумеровъ, имѣющихъ быть исполненными на концертѣ, литературномъ вечерѣ и т. д., а также вообще всякое объявленіе о порядкѣ предположенныхъ празднествъ и зрѣлищъ.

Прогрессъ — поступательное движеніе; развитіе человѣчества на пути къ болѣе или менѣе отдаленнымъ цѣлямъ—достиженію разумной свободы, истины и блага.

Продуктъ — произведеніе, результатъ дѣйствія какой-либо силы или совокупности силъ.

Проектъ—1) предложеніе какой-либо мѣры, обыкновенно подкрѣпляемое доводами въ пользу необходимости или выгодности ея; 2) письменное объясненіе плана и смѣть какой-либо постройки или сооруженія съ подробными указаніями существенныхъ обстоятельствъ.

Проза—литературное произведеніе, написаное немѣрной рѣчью; всякое письменное и устное произведеніе, которое воспринимается умомъ; безъ участія чувства и воображенія,

все грубо-матеріальное, жизненное, не одухотворенное чувствомъ.

Прозаическій—1) написанный прозой (не стихами); 2) обыденный, заурядный, рассудочный, не оставляющій мѣсто чувствительности и воображенію.

Прозондировать—изслѣдованіе помощью ощупыванія острымъ инструментомъ—зондомъ. Зондируютъ почву, рану, или, въ переносномъ смыслѣ, чужія мысли или настроеніе.

Прозорливость—проницательность, способность предвидѣть.

Произведеніе — результатъ работы человѣческихъ рукъ или духа.

Произволъ — проявленіе личной воли, не регулированное закономъ.

Проймы—выемки въ краѣ платья, въ которыя вшиваются рукава.

Проказы—шалости.

Прокъ—польза.

Пролетарій—труженикъ, ничѣмъ не обезпеченный, живущій дневнымъ заработкомъ.

Промахъ—ошибка.

Промежуточный—занимающій среднее мѣсто между двумя другими.

Промотавшійся—разорившійся, растратившій кутежами и всякаго рода расточительствомъ все свое состояніе.

Пронзительный — непріятный для слуха, рѣзкій (про звукъ); испытующій, проникающій въ душу (про взглядъ).

Проницательность—способность видѣть скрытыя человѣческія чувства и побужденія, проникать въ сущность явленій, угадывать ихъ причины и слѣдствія.

Пропасть—оврагъ, переносно —погибель, безвыходное положеніе.

Пропись—тетрадь съ каллиграфически-написанными фразами, выведенными блѣдными чернилами, по которымъ учащіеся писать наводятъ буквы. Т. к. фразы въ прописяхъ обыкновенно нравоучительнаго содержанія, то отсюда переносное значеніе—прописная фраза—азбучная мораль, избитое, всѣмъ извѣстное нравоученіе.

Проповѣдникъ—человѣкъ, внушающій слушателямъ въ формѣ рѣчей правила нравственности.

Проповѣдывать — читать рѣчь, бесѣдовать съ слушателями съ цѣлью внушить какую либо нравственную идею.

Проповѣдь—рѣчь, произносимая съ каѳедры, съ цѣлью убѣдить слушателей въ какой-нибудь нравственной истинѣ.

Пропорціонально — извѣстное соотношеніе вещей.

Пропорція выраженіе, состоящее изъ 4-хъ величинъ и обозначающее равенство 2-хъ отношеній.

Просакъ — непріятная неожиданность, обманъ, разочарованіе.

Простолюдинъ — человѣкъ, принадлежащій къ низшему слою общества.

Проталина—узенькая дорожка, образованная стеканіемъ растаявшаго снѣга.

Протестъ—1) заявленіе несогласія съ поступками и заключеніями какого-либо лица или общества; сопротивленіе. 2) Протестъ векселя—удостовѣреніе нотаріуса о неплатежѣ въ срокъ.

Противорѣчіе— утвержденіе противоположное высказанному другимъ.

Противуестественность—все, что противно законамъ природы.

Профессія—родъ занятій.

Профессоръ — ученая степень, дающая право читать лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Процедура—1) судебное производство; 2) въ переносномъ смыслѣ—рядъ сложныхъ дѣйствій, формальностей, мелкихъ препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ на пути къ достиженію какой-либо цѣли.

Процентъ — одна сотая часть доходъ, получаемый съ капитала, находящагося въ оборотѣ.

Процессія—болѣе или менѣе многолюдное торжественное шествіе, слѣдующее въ извѣстномъ порядкѣ.

Процессъ—тяжба; послѣдовательный ходъ развитія явленій.

Прочный—выдерживающій большія усилія или долгое употребленіе.

Прошмыгнуть—быстро пробѣжать, стараясь быть незамѣченнымъ.

Прощалыга—человѣкъ, потерявшій нравственное чувство, ведущій дурной образъ жизни.

Проявленіе—обнаруженіе чего либо внутренняго или отвлеченнаго, напр. чувства, мысли, силы.

Прыть — скорость, проворство, находчивость.

Пряжка—застежка, приспособленіе, для скрѣпленія какихъ-либо 2-хъ частей одежды, или для украшенія.

Прямикомъ—по прямой линіи не сворачивая съ дороги, просто.

Псаломщикъ—членъ церковнаго клира, исполняющій обязанности дьячка, читающій и поющій при богослуженіи.

Псаломъ — лирическо-религіозное пѣснопѣніе у древнихъ евреевъ, въ особенности тѣ, которыя вошли въ составъ псалтыря.

Псевдонимъ — придуманное имя, подъ которымъ является публикѣ литераторъ, художникъ или артистъ не желающій выдавать своего настоящаго имени.

Психіатръ —врачъ,занимющійся лѣченіемъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Психологія—наука о душевныхъ и умственныхъ явленіяхъ.

Психологическій — относящійся къ области человѣческой умственной и душевной природы.

Психологъ — человѣкъ, занимающіеся изученіемъ свойствъ человѣческаго ума и души.

Публика—большое собраніе людей; слушатели, присутствующіе при зрѣлищѣ.

Пугало—чучело животнаго, ставимое въ садахъ для пуганія птицъ.

Пуддингъ — Англійское блюдо изъ тертой булки, сахара, изюма и пр.

Пудра — мелкій душистый порошокъ рисоваго крахмала; употребляется какъ косметическое средство для приданія бѣлизны и освѣженія кожи.

Пунктуальный—точный, аккуратный.

Пунктъ — точка. Постоянная мысль.

Пунцовый—ярко-красный.

Пурпурный—ярко-красный.

Пурпуръ маргаритокъ — красный цвѣтъ цвѣтовъ маргаритокъ-сложноцвѣтныхъ съ круглымъ вѣнчикомъ, состоящимъ изъ множества лепестковъ.

Пурпуръ — краска ярко-краснаго цвѣта; въ древности добывалась финикіянами изъ раковинъ и цѣнилась очень высоко. Теперь приготовляется химически.

Пустомеля—человѣкъ, говорящій много вздору.

Пустошь—пустое, незастроенное и ничѣмъ не засѣянное мѣсто.

Пустыня—большое и остранство земли, лишенное растительности и плохо орошенное.

Путешественникъ—человѣкъ, совершающій путь по своей или чужой странѣ.

Путникъ—странникъ.

Пылъ—жаръ, рвеніе.

Пытка—мученія, которымъ подвергаютъ человѣка съ цѣлью добиться отъ него желаемаго, вообще мучительное душевное состояніе.

Пьедесталъ—подставка, поддерживающая скульптурное изваяніе.

Пѣнковая трубка — трубка для куренія изъ пѣнки. Благодаря мягкости матеріала вырѣзываютъ п. т. обыкновенно красивой, принудливой формы.

Рабъ—человѣкъ, представляющій собой законную собственность другого человѣка и безусловно ему подчиненный, иносказательно—находящійся въ зависимости отъ привычекъ условій жизни.

Равновѣсіе—покой, подъ вліяніемъ дѣйствія двухъ равныхъ силъ, дѣйствующихъ въ противоположныхъ направленіяхъ.

Радужный — окрашенный въ семь основныхъ цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій, фіолетовый.

Радушный—гостепріимный.

Радѣя—стараясь, заботясь.

Радѣть—заботиться.

Развалина—остатки разрушеннаго зданія.

Разверзаться—раскрываться.

Развращенный—испорченный, потерявшій нравственныя основы.

Развѣнчать — торжественно свергнуть съ престола, въ переносномъ смыслѣ разочаровать въ комъ-либо себя или другихъ, свергнуть съ высоты, на которую раньше поставили.

Развѣтвляться—раздѣляться на 2 или нѣсколько вѣтвей, которыя также разъединяются въ свою очередь.

Развязка—окончаніе, освобожденіе, разрѣшеніе.

Раздолье—свобода, обиліе.

Разложеніе—раздѣленіе на составныя части.

Размолвка—ссора по причинѣ несогласія въ мнѣніяхъ.

Разнорѣчивый—выражающій разныя, несогласныя мнѣнія.

Разнуздать.—

Разоблачиться—стать извѣстнымъ, обнаружиться; раздѣться.

Разочарованіе—1) перемѣна въ чувствахъ къ человѣку или въ отношеніи къ предмету, котораго ошибочно считалъ или представлялъ себѣ лучшимъ, чѣмъ тотъ оказался. 2) Обманутое ожиданіе чего-нибудь пріятнаго.

Разсужденіе—рядъ утверждеій и выводовъ, съ цѣлью изслѣдовать или доказать какую-либо истину, отыскать причину или предсказать слѣдствіе какого-либо явленія.

Разсчетъ—вычисленіе размѣровъ и отношеній при проектѣ какого-либо сооруженія; разсужденія за или противъ пользы или выгодности какого-либо предпріятія. Расплата.

Разубѣждать—выяснять неправильность какого-либо взгляда, отговаривать.

Растòргнуть—нарушить, разорвать.

Расточать—неумѣренно издерживать.

Расфуфыренный -- расфранченный, не въ мѣру пышный.

Раціональный — согласный съ разумомъ, правильный, соотвѣтствующій указаніямъ науки.

Рвеніе—большое усердіе.

Реакція—1) въ политикѣ—стремленіе къ отжившимъ порядкамъ, враждебное всему новому и прогрессивному; въ физикѣ и механикѣ—сила, непремѣнно появляющаяся при дѣйствіи внѣшней силы, равная ей и прямо противоположная.

Реализмъ—свойство изображать предметы и явленія въ ихъ настоящемъ, неприкрашенномъ видѣ.

Реальный—дѣйствительный, могущій осуществиться, бывающій на самомъ дѣлѣ.

Реверансъ—дамскій поклонъ съ присѣданіемъ.

Ревматизмъ—болѣзнь, выражающаяся ломотой въ суставахъ.

Ревновать — 1) подозрѣвать измѣну чувства, 2) усердно относиться къ дѣлу.

Революція—движеніе общества, имѣющее цѣлью свергнуть существующую форму правленія.

Регистръ—1) въ пѣніи объемъ голоса; 2) въ органѣ—приспособленія, позволяющія усиливать, ослаблять и различно измѣнять звуки; 3) вообще подвижной клапанъ или заслонка, направляющія въ каналахъ и трубахъ теченіе воздуха и газовъ въ различныя стороны.

Регулярная армія — постоянное войско.

Регулярно—правильно, по опредѣленнымъ законамъ.

Редакція—1) форма изложенія, 2) собраніе лицъ, работающихъ по составленію какого либо повременнаго изданія, 3) помѣщеніе, въ которомъ сосредоточено управленіе по изданію.

Резиденція — городъ, служащій мѣстопребываніемъ главы государства или какого-либо высокопоставленнаго лица.

Резонъ—причина, достаточное побудительное основаніе.

Результатъ—то, что получается отъ всякаго дѣйствія.

Резюме—сжатое повтореніе главнѣйшихъ выводовъ рѣчи, статьи, доклада.

Рейсфедеръ — металлическій цилиндръ, разрѣзанный вдоль съ обоихъ концовъ для вкладыванія карандашей.

Рекрутъ—новобранецъ, солдатъ, только что поступившій на службу.

Ректоръ — 1) избираемый или назначаемый изъ среды ординарныхъ профессоровъ, предсѣдатель совѣта университета или академіи, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ и главнымъ руководителемъ высшаго учебнаго заведенія; 2) въ Англіи также пасторъ, самостоятельно управляющій духовными дѣлами цѣлой общины.

Религіозный—набожный, ревностно относящійся къ своей вѣрѣ.

Религіозныя церемоніи — обряды, совершаемые церковью.

Религія — совокупность вѣрованій данной личности или націи въ Божество и его атрибуты.

Рельефный — выпуклый; наглядный, хорошо очерченный.

Ремонтъ — 1) обновленіе, починка или перестройка зданій и т. п., 2) пополненіе и замѣна ставшихъ негодными кавалерійскихъ лошадей другими; 3) починка аммуниціи въ войскахъ.

Рента—опредѣленный доходъ съ капитала; проценты или проценты и погашеніе на занятый капиталъ, выплачиваемые періодически.

Репетировать — повторять; въ педагог.—проходить съ ученикомъ курсъ внѣ классныхъ занятій; въ театральномъ искусствѣ—приготовлять пьесу къ постановкѣ.

Репутація — общее мнѣніе о достоинствахъ или недостаткахъ данной личности. Честь, доброе имя.

Респектабельный — внушающій почтеніе только внѣшностью.

Рессора—прочное упругое стальное приспособленіе, принимающее на себя толчки, благодаря своей упругости.

Рессорная повозка—повозка, которой сидѣнье установлено на рессорахъ.

Рессурсъ—вспомогательное средство, источникъ.

Реставрировать — возстановлять

Реформаторъ—преобразователь, стремящійся къ проведенію реформъ въ общественной или государственной жизни.

Реформація — отдѣленіе отъ католической церкви новой религіи, созданной Лютеромъ и раздѣлившейся на многія секты, подъ вліяніемъ различныхъ проповѣдниковъ.

Рецензія—критическая замѣтка о вновь вышедшемъ произведеніи искусства или объ исполненіи музыкальной или драматической пьесы.

Рецептъ — 1) запись названій тѣлъ, которыя въ соединеніи должны представлять средство для излеченія болѣзни, съ прибавленіемъ объясненія, какъ имъ пользоваться, 2) запись о способѣ приготовлять какой-либо составъ или блюдо.

Рига — сарай, пристраиваемый обыкновенно къ овину и служащій для молотьбы хлѣба.

Ризница—мѣсто храненія священныхъ облаченій и регалій.

Рискованный—соединенный съ возможной опасностью.

Рискъ—добровольное подверганіе себя опасности ради возможной выгоды при удачномъ исходѣ.

Ритмическій—размѣренный, построенный на правильно чередующихся удареніяхъ и промежуткахъ времени.

Ровесница — женщина или дѣвушка однихъ лѣтъ съ другой.

Ровъ—небольшое углубленіе въ землѣ, выкопанное на большомъ протяженіи для стока дождевыхъ водъ или какъ земельная граница.

Роковой—неизбѣжный, неумолимый, предназначенный.

Рокъ — судьба, предопредѣленная участь.

Роль—изображеніе на сценѣ какого либо типа или личности; обдуманный способъ держать себя въ отношеніяхъ къ людямъ. Играть роль — представляться, изображать изъ себя не то, что есть

Романистъ—1) авторъ романовъ; 2) знатокъ и изслѣдователь романскихъ языковъ, а также римскаго права, въ отличіе отъ германиста и т. д.

Романическій — заключающій въ себѣ элементъ любви.

Романическій интересъ романическій-любовный.

Романъ—обширное литературное произведеніе, дающее изображеніе жизни отдѣльной личности или цѣлаго общества, подробно воспроизводящее эпоху, въ которой совершается дѣйствіе и часто выясняющее какую-нибудь нравственную, политическую или философскую идею.

Ромашка—растеніе изъ семейства сложноцвѣтныхъ Настой изъ ромашки хорошее обиходное средство при легкихъ заболѣваніяхъ.

Ромъ—спиртный напитокъ, добываемый изъ тростниковаго сахара и его остатковъ путемъ броженія и дестилляціи. Ромъ содержитъ отъ 72 до 77% чистаго алкоголя, лучшимъ считается ямайскій.

Роскошь — слишкомъ широкое пользованіе удобствами и благами жизни; красота предметовъ, обстановки.

Рослый—большого роста.

Роптать—выражать громко свое неудовольствіе.

Ростбифъ—приготовленный по-англійски (жареный на вертелѣ) бычачій филей.

Росчеркъ — линія, проводимая отъ послѣдней буквы подписи.

Ротозѣй—разсѣянный человѣкъ, зѣвака.

Рубанокъ—столярный инструментъ для сглаживанія поверхности дерева строганіемъ.

Рубенсъ — Петръ-Павелъ, нидерландскій живописецъ фламандской школы; родился въ 1577 г., умеръ въ 1640 г.

Рудникъ—система подземныхъ ходовъ и галлерей, прокопанная для добыванія цѣнныхъ металловъ и горныхъ породъ.

Рудники — мѣста добыванія угля и руды. Углубленія въ землѣ въ видѣ шахтъ съ длинными корридорами, по которымъ расходятся рабочіе, рудокопы или углекопы, съ инструментами, для добыванія изъ нѣдръ земли угля или руды, съ освѣтительными приборами и съ вагонетками перевозки добытаго ископаемаго.

Рудокопъ — рабочій въ горныхъ промыслахъ, добывающій руду изъ горныхъ породъ.

Руководство — сумма правилъ, на которыхъ основываются извѣстныя дѣйствія.

Руководствоваться — поступать на основаніи чего-либо, исходить изъ чего-нибудь, основываться.

Рукоятка — часть орудія или инструмента, находящаяся при работѣ въ рукѣ и потому имѣющая форму, соотвѣтствующую размѣрамъ руки.

Русло—ложе рѣки.

Рутина—всякій избитый способъ, принимаемый на вѣру, безъ самостоятельнаго обсужденія.

Рутинный пріемъ—устарѣлый, избитый, принятый безъ провѣрки.

Рухнуть—сломавшись, упасть (говорятъ о чемъ нибудь большомъ и громоздкомъ).

Ручей—струя воды, стекающая съ возвышеннаго мѣста.

Рысцой—мелкими шажками.

Рычагъ—простая машина, состоящая изъ 2-хъ плечъ и опоры; подвергается дѣйствію силы и груза.

Рѣзкій — лишенный мягкости, производящій непріятное дѣйствіе на нервы.

Сабля—холодное оружіе изъ стали въ видѣ длиннаго, нѣсколько изогнутаго ножа, носится на боку, въ ножнахъ.

Саванъ- одежда очень простого покроя, въ которой хоронятъ мертвыхъ.

Саддукеи — древне-еврейская религіозная секта, отрицавшая преданіе, воскресеніе мертвыхъ, возмездіе за добрыя и злыя дѣла и признававшая единственнымъ закономъ пятикнижіе Моисея.

Саксонецъ—1) житель королевства Саксоніи, входящаго въ составъ соединеннаго германскаго государства, 2) принадлежавшій къ саксонскому племени, обитающему въ сѣверной Германіи.

Салатъ—1) сырая, приправлен-

ная прованскимъ масломъ и уксусомъ и т. п. зелень; 2) огородныя растенія, разводимыя ради зелени.

Самобичеваніе—самоистязаніе, которое было распространено въ средніе вѣка. Въ переносномъ смыслѣ,—обличеніе своихъ собственныхъ пороковъ, выставленіе своей личности въ дурномъ свѣтѣ.

Самобытный—оригинальный, отличающійся ему одному принадлежащими особенностями.

Самобладаніе—умѣніе не выдавать своего внутренняго состоянія.

Самопожертвованіе—забвеніе своихъ личныхъ интересовъ ради блага другого.

Самопрялка—машина для превращенія волокнистаго матеріала въ нить—пряжу.

Санкція—утвержденіе, разрѣшеніе, признаніе правъ.

Санъ—званіе высокопоставленнаго духовнаго или гражданскаго чиновника.

Сарказмъ—ѣдкая, остроумная, злая насмѣшка.

Саркастическій—зло насмѣшливый, ядовитый.

Сафьянъ—тонкая кожа, выдѣланная изъ козлиныхъ, бараньихъ и иногда телячьихъ шкуръ; обыкновенно окрашивается въ яркіе цвѣта.

Сборный—собранный; гдѣ назначено собираться.

Сварливый—ссорящійся по пустому.

Свинецъ—металлъ тяжелый, мягкій. сѣраго цвѣта.

Свирѣль—простой музыкальный инструментъ. на которомъ играютъ пастухи, дѣлается по принципу флейты изъ одной или нѣсколько изъ трубокъ.

Сводчатый—куполообразный.

Сводъ—куполъ, круглый потолокъ.

Своекорыстный—преслѣдующій цѣли личной выгоды въ ущербъ правдѣ и справедливости.

Своеобразный—лично кому нибудь свойственный, оригинальный.

Свойственный—присущій, вытекающій изъ характера даннаго лица или предмета.

Свойство—все, что отличаетъ одинъ предметъ или одну группу предметовъ отъ другого или другой.

Свора—нѣсколько паръ гончихъ собакъ, сомкнутыхъ на одну веревку.

Свѣтскій—1) не принадлежащій къ духовенству; 2) живущій открытой жизнью; 3) воспитанный.

Святки—Рождественскіе праздники.

Святоша—ханжа.

Сдержанность—умѣніе сохранять спокойствіе при всякихъ обстоятельствахъ.

Сдѣлка—условіе двухъ лицъ или партій дѣйствовать къ обоюдной выгодѣ.

Сезонъ—извѣстный промежутокъ времени, напр. лѣтній, зимній, а также время, посвящаемое какому-нибудь занятію напр. учебный сезонъ, купальный сезонъ.

Секретъ—тайна.

Секунда—1) промежутокъ времени, составляющій $^1/_{60}$ часть минуты; 2) часть окружности, находящаяся въ такомъ же отношеніи къ минутѣ (минута $^1/_{60}$ часть градуса, градусъ $^1/_{360}$ часть окружности).

Сенсаціонный романъ—романъ съ запутаннымъ, сложнымъ содержаніемъ, заключающимся въ раскрытіи какого нибудь таинственнаго страшнаго преступленія, вызывающій всеобщее вниманіе.

Сентенція—нравственное изреченіе.

Сентиментальный—склонный къ излишней чувствительности, или вызывающій ее.

Сервизъ—наборъ чайной или столовой посуды.

Сердоликовый—сердоликъ—минералъ полупрозрачный, красивыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ съ бѣлыми жилками. Идетъ на приготовленіе различнаго рода изящныхъ вещицъ.

Серьги—украшеніе изъ драгоцѣннаго металла и камней, продѣвающееся въ пробуравленное отверстіе ушной мочки.

Серьезность—вдумчивое,

критическое отношеніе къ предметамъ и явленіямъ; глубина, убѣжденность идей, пониманіе смысла и значенія вещей.

Сессія—продолжительное, повторяющееся въ теченіе извѣстнаго количества дней, засѣданіе.

Сеттеръ—лягавыя собаки; подружейныя охотничьи собаки, употребляемыя при ружейной охотѣ на птицъ.

Сіяніе—Сильный блескъ, свѣтъ, окружающій лики святыхъ на ихъ изображеніяхъ. Сѣвѣрное сіяніе—особое явленіе въ холодныхъ странахъ—появленіе на ночномъ небѣ свѣтовыхъ рисунковъ

Сивиллы—у древнихъ грековъ и римлянъ вдохновенныя прорицательницы.

Сигналъ—условный знакъ.

Сикстинская Мадонна—изображеніе Богородицы, произведеніе кисти Рафаэля, считающееся лучшимъ образцомъ искусства живописи. Хранится въ Дрезденской картинной галлереѣ.

Символъ—знакъ, предметъ, изображеніе, условно напоминающіе о какой-либо невещественной мысли.

Симметрія—такое расположеніе частей, при которомъ цѣлое можетъ дѣлиться на двѣ совершенно одинаковыя части.

Симпатичность—привлекательность.

Симпатія—чувство сердечнаго влеченія, безсознательное или подъ вліяніемъ хорошихъ свойствъ человѣка, животнаго или явленія.

Симптомъ—признакъ, по коему распознаютъ какое-нибудь явленіе, въ частности—признакъ болѣзни.

Симфонія—музыкальное произведеніе, написанное для оркестра; обыкновенно состоитъ изъ 4 частей: 1) allegro—въ формѣ *сонаты*; andante; 3) скерцо—въ формѣ *менуэта*; 4) allegro—болѣе подвижное чѣмъ первое.

Синекура—должность, дающая большой доходъ и не требующая большого труда.

Синій чулокъ—въ переносномъ смыслѣ, женщина, чрезмѣрно увлекающаяся наукой.

Синтаксисъ—часть грамматики, ученіе о соединеніи словъ въ предложеніе и предложеній—въ рѣчь.

Систематически—систематическій—образующій систему, изложенный въ извѣстномъ порядкѣ, напередъ задуманномъ.

Скала—выступъ въ почвѣ, образуемый какой-нибудь твердой горной породой обыкновенно надъ моремъ.

Скандализированный—приведенный въ смущеніе или негодованіе позорнымъ поступкомъ.

Скандалъ—неприличный поступокъ, получившій огласку; соблазнъ.

Скаредность — чрезмѣрная скупость.

Скатерть—покрывало для стола.

Сквайръ—прежде титулъ среднихъ дворянъ въ Англіи; теперь титулъ всѣхъ зажиточныхъ уважаемыхъ гражданъ.

Скептицизмъ—критическое отношеніе къ вопросамъ вѣры и познанія и возникшее отсюда совершенное безвѣріе.

Скептическій—недовѣрчивый, полный сомнѣнія.

Скинія—у древнихъ евреевъ походный храмъ, устроенный Моисеемъ, во время странствованія евреевъ по пустынѣ.

Скирда—хлѣбъ, сложенный въ полѣ.

Скитаться — блуждать, бродить, не находя пріюта.

Склонность—влеченіе—предпочтеніе одного человѣка или дѣла другимъ.

Склонъ — понижающаяся плоскость холма или горы.

Скомкать—смять руками, уничтожить первоначальную форму.

Сконфуженный — смущенный, пристыженный.

Скрипачъ—человѣкъ играющій на скрипкѣ.

Скула—кости нижней половины лица.

Скульптура—искусство получать различныя изображенія съ ясно

обозначенными формами, изъ дерева, камня, металла, глины, воска и пр.

Слава—лестная, почетная извѣстность.

Славословіе—хвала, гимнъ, ода.

Смазливый—привлекательной внѣшности, но безъ признаковъ духовнаго содержанія.

Смежный—сосѣдній и имѣющій общую часть.

Смекать—сообразить, въ чемъ дѣло, догадаться.

Сметка—сообразительность.

Сметливость—сообразительность.

Смоковница—фиговое дерево.

Сморчекъ—мелкое насѣкомое; переносно—ничтожество.

Смутный—неясный, неопредѣленный, не имѣющій очертаній.

Смуты - непорядки, волненія, смущенія.

Смыслъ—внутреннее значеніе.

Смычекъ—необходимая принадлежность струнныхъ инструментовъ, движеніемъ которой по струнамъ производится звукъ.

Снисходительный—мягко относящійся къ чужимъ ошибкамъ.

Снисхожденіе—уменьшеніе требованій вызванное участіемъ, жалостью.

Сноровка—ловкость, пріобрѣтенная долгимъ упражненіемъ въ какомъ-либо дѣлѣ

Соблазнъ—приманка, склоняющая къ нравственной уступкѣ

Соблазнитель — человѣкъ, увлекающій обманными обѣщаніями.

Собственноручный—сдѣланный собственными руками.

Соверенъ—англійская золотая монета=1 фунту стерлинговъ=10 руб. (по курсу).

Совершенство — то, что не поддается и не нуждается ни въ какомъ улучшеніи или поправкѣ. Предѣлъ всего лучшаго.

Содрогаться — вздрагивать подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Содѣйствіе—помощь.

Содѣянное — сдѣланное, совершенное.

Созерцательный — продолжительно наблюдающій что-либо одно.

Сознательный — отдающій себѣ отчетъ.

Сокровенный—тайный, завѣтный, открытый только для избранныхъ.

Сокровище—вещь или собраніе вещей, имѣющее большую цѣну.

Сокрушать—разрушать.

Солидная поддержка—вѣская, прочная, имѣющая значеніе, внушительная.

Солидный—1) прочный, добротный, довольно большихъ размѣровъ (о предметѣ); почтеннаго возраста, положенія, внушительной внѣшности, положительнаго образа мыслей и жизни (о человѣкѣ).

Соло—1) одинъ (обыкновенно о концертантѣ), 2) часть музыкальнаго произведенія, исполняющаяся однимъ инструментомъ или голосомъ.

Солодъ—проросшія и высушенныя зерна хлѣбныхъ растеній, употребл. для приготовленія пива, квасовъ, экстрактовъ.

Сомнительный—не внушающій довѣрія.

Сонмище—толпа, безчисленное множество предметовъ.

Соображеніе—мысль которая можетъ измѣнить отношеніе человѣка къ явленію или направить его дѣйствія въ опредѣленную сторону.

Соперникъ—Одновременно съ другими лицами, добивающійся одной и той же цѣли.

Сопутствовать — вмѣстѣ слѣдовать по какому-либо пути

Сосредоточить—сконцентрировать, собрать въ одну точку, въ одно мѣсто.

Сосредоточиться—собрать и остановить все вниманіе на одномъ предметѣ или явленіи

Составъ — совокупность нѣсколькихъ различныхъ элементовъ, предметовъ, людей, соединенныхъ въ одно собирательное цѣлое.

Состязаніе - борьба въ знаніи,

умѣньи, ловкости, за какую-нибудь награду (призъ).

Сотрудница — раздѣляющая трудъ. Принимающая участіе въ данномъ трудѣ или дѣлѣ.

Софистика—умѣнье краснорѣчиво доказывать ложныя истины.

Соціалистическій — 1) строй общества, при которомъ всякій членъ его принимаетъ участіе въ распредѣленіи и полученіи всѣхъ благъ и цѣнностей сообразно вносимому имъ труду. Роль центральной власти сведено до минимума. Внѣшнія формы общественнаго устройства отсутствуютъ, 2) направленіе или образъ мыслей сочувствующій соц. строю общ.

Соціальный—общественный, народный.

Сочетаніе—соединеніе.

Союзъ—1) соединеніе двухъ или нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, обществъ или націй для какой-либо общей цѣли; 2) грамматическая часть рѣчи соединяющая отдѣльныя предложенія или его части.

Спектакль — зрѣлище, театральное представленіе.

Спеціально—преимущественно, особенно.

Спеціальность — дѣятельность, которой данное лицо исключительно занимается и потому достигъ въ ней извѣстнаго совершенства.

Спиноза—философъ 18-го столѣтія.

Спичъ — публичная торжественная рѣчь.

Сплетничать — входить въ интимныя стороны чужой жизни и передавать ихъ часто съ прибавленіемъ клеветы.

Сплетня—слухъ, пущенный о комъ-либо съ примѣсью клеветы; перебираніе интимныхъ сторонъ чужой жизни.

Сплющить—придать плоскую форму, сдавить.

Спозаранку—съ утра, рано.

Спохватившись—опомнившись, вспомнивъ.

Спресованное—плотно сжатое ручнымъ или механическимъ способомъ.

Спроста—безъ задней мысли.

Спросъ—большая или меньшая потребность въ томъ или другомъ продуктѣ, выраженная въ требованіи его на рынкѣ.

Среда—1) окружающая матерія, 2) кругъ общества опредѣленнаго состава, 3) 3-й день недѣли.

Срокъ—время, назначенное для выполненія извѣстнаго принятаго обязательства.

Ссудить — выдать временное вспомоществованіе.

Ссыльно-каторжный сосланный по приговору суда или правительства и приговоренный къ принудительнымъ работамъ.

Ставни — деревянныя створки, прикрывающія окна.

Стадія—ступень въ развитіи.

Станъ—1) фигура человѣка, 2) стоянка казачьихъ войскъ.

Сторожилы—люди, очень давно поселившіеся въ извѣстномъ мѣстѣ, очевидцы давнишнихъ событій.

Старомодный—несоотвѣтствующій современнымъ вкусамъ и направленіямъ.

Старообразный—который на видъ старше своихъ лѣтъ.

Статика—наука о равновѣсіи силъ, о покоѣ.

Статный—стройный, красивый.

Статуя—изображеніе человѣка изъ скульптурнаго матеріала: бронзы, мрамора, гипса.

Статья—1) литературное произведеніе, трактующее объ отдѣльномъ предметѣ или явленіи, 2) всякая часть бюджета.

Степенность—чинность, выдержанная манера себя держать.

Степень—разрядъ, ступень, дѣленіе предметовъ и свойствъ по силѣ, величинѣ, достоинству и т. д.

Стимулъ—побужденіе, побудительная причина.

Стиснуть—сжать, уменьшить въ объемѣ.

Стихарь—длинная одежда съ широкими рукавами, носимая членами клира.

Стихія—силы природы, частныя метеорологическія явленія — вѣтеръ.

громъ, молнія, дождь и т. д.; у древнихъ грековъ—начала міра, которыми признавались огонь, воздухъ, вода и земля.

Стогъ—гора сѣна, соломы, хлѣбныхъ растеній, правильно сложенная.

Стоикъ—философская школа въ древности, проповѣдывавшая равнодушіе къ благамъ жизни.

Стойкій—крѣпкій, прочный, не колеблющійся.

Стойло—сооруженіе въ конюшнѣ въ родѣ корыта, изъ котораго ѣдятъ лошади.

Столбнякъ—болѣзненное состояніе выражающееся въ продолжительныхъ судорогахъ мышцъ, вызываемыхъ болѣзненно увеличеннымъ рефлекторнымъ раздраженіемъ спинного мозга.

Вообще, состояніе оцѣпенѣніе.

Столь—въ такой степени.

Сторицею—въ сто разъ больше.

Сточная труба—труба, по которой, при устройствѣ канализаціи, выпускаются нечистоты.

Странствовать—путешествовать, блуждать.

Страстно—горячо, съ чувствомъ, доходящимъ до болѣзненности.

Страсть—рѣзко выраженое желаніе, доходящее до болѣзненной потребности удовлетворенія.

Стремительно—энергично, быстро, живо.

Стропила—конструкція, составленная изъ деревянныхъ брусьевъ или желѣзныхъ сортовъ разнаго фасона для поддержанія покрытія зданія.

Строфа—опредѣленное число стиховъ.

Стружка—небольшіе обрѣзки дерева, отпадающіе при столярной работѣ.

Студентъ—слушатель лекцій въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Студія—рабочая комната живописца или скульптора.

Ступа—мѣдный или чугунный сосудъ, служащій для толченія какихъ-либо предметовъ.

Стушеваться—сдѣлаться незамѣтнымъ, исчезнуть.

Стычки—столкновенія.

Субъектъ—1) лицо; 2) въ грамматикѣ—предметъ въ предложеніи, о которомъ говорится.

Судорожный—прерывающійся, нервный, вздрагивающій.

Судьба—высшая сила, направляющая жизнь по вѣрованію нѣкоторыхъ народовъ.

Суевѣріе—вѣра въ чудесное и въ примѣты, свойственная людямъ низкаго умственнаго уровня.

Суета—безпорядочное движеніе; тщетность, пустота.

Суетливый—подвижной, любящій метаться попусту.

Сужденіе—положеніе, утвержденіе, мнѣніе, высказанное на основаніи какихъ либо фактовъ.

Сука—собака (самка).

Сулить—обѣщать.

Султанъ—1) титулъ магометанскихъ правителей на Востокѣ, преимущественно турецкаго императора; 2) украшеніе головного убора изъ перьевъ или конскаго хвоста, принадлежность формы нѣкоторыхъ кавалерійскихъ частей.

Сумасбродный—способный на странные поступки, неевойственные нормальному человѣку.

Сумасбродство—сумасшествіе, необыкновенная причуда.

Суматоха—безпорядокъ, вызванный волненіемъ.

Сумерки—время захожденія солнца, до наступленія полной темноты.

Сумма—результатъ сложенія.

Сумрачный—темный, мрачный.

Сумятица—переполохъ, безпорядокъ, вызванный тревогой.

Суровый—строгій, требовательный, неласковый.

Сутуловатый—дурно сложенный, съ короткой шеей, слегка горбатый.

Сухощавый—худой, костлявый.

Сфера—1) шаръ; 2) область, предѣлы чего либо; 3) область, описываемая кажущимся движеніемъ звѣзды.

Тема—главная мысль бесѣды, рѣ-

чи, литературнаго, музыкальнаго и др. художественнаго произведенія.

Темпераментъ — 1) общій характеръ душевнаго настроенія, свойственный данному человѣку; 2) нервная возбудимость человѣка.

Темпъ—1) степень скорости, съ какой выполняется музыкальная пьеса 2) ружейный пріемъ.

Темя—нижняя часть черепа.

Тенденціозный—имѣющій предвзятое направленіе.

Теноръ—высокій мужской голосъ.

Теологія—наука о религіяхъ.

Теорія—сумма законовъ, выводовъ и фактовъ, относящихся къ какому нибудь дѣйствію и входящихъ въ основаніе какой-либо науки или искусства. Законы и положенія науки; примѣненія къ практикѣ.

Терраса—1) широкая, открытая въ садъ площадка, пристроенная къ дачамъ, господскимъ домамъ въ деревнѣ и т. п.

Тяготѣть—склоняться, испытывать влеченіе въ извѣстномъ направленіи.

Тернистый — покрытый шипами.

Тернъ—ползучее растеніе съ крѣпкими шипами.

Тесаный — обработанный съ цѣлью приданія правильной наружной формы.

Тесъ—выпиленныя и выстроганныя доски, толщиною въ дюймъ, употребляемыя на наружную обивку зданій, на крыши и на подшивку потолковъ.

Тетеря—тетеревъ глухарь—дикій пѣтухъ, лѣсная птица; переносно въ насмѣшку — человѣкъ, тугой на ухо.

Типическій—встрѣчающійся у большинства однородныхъ предметовъ, характерный для извѣстнаго рода, вида, разряда лицъ, животныхъ, растеній и вообще однородныхъ предметовъ.

Типъ—1) первообразъ всякаго существа; 2) мысленная форма, соединяющая въ себѣ признаки общіе нѣсколькимъ предметамъ одного и того же рода или вида.

Тирада—рѣчь; растянутая, длинная рѣчь.

Тиранія—владычество въ древней Греціи тирана, т. е. лица, захватившаго насиліемъ государственную власть; такъ какъ тиранія могла поддерживаться только насильственными мѣрами, то всякій образъ правленія, поддерживаемый насиліемъ, и вообще всякое угнетеніе также называется тиранніей.

Тиранническій — жестоко самовластный.

Тисовое дерево — вѣчно зеленый кустарникъ.

Сфинксъ—1) чудовище съ львинымъ тѣломъ и человѣческой головой, предлагавшее загадки и убивавшее тѣхъ, кто не разрѣшалъ ихъ; таковъ сфинксъ у грековъ; 2) таинственный, загадочный человѣкъ.

Сцена—1) возвышенное мѣсто въ театрѣ, на которомъ представляется пьеса. 2) Часть дѣйствія въ пьесѣ; 3) случай, обратившій на себя наше вниманіе.

Сыворотка—свернувшееся молоко.

Сызнова—сначала, наново.

Сѣдло—часть лошадиной бруси, назначенная для сидѣнія.

Съежиться—сократиться въ объемѣ.

Сѣверъ—страна свѣта, на которую указываетъ магнитная стрѣлка.

Сѣменить — ходить мелкими шажками.

Сѣтованіе—жалоба.

Сэръ—(англ. sir) титулъ англійскихъ баронетовъ, предшествуетъ имени. Вѣжливая форма обращенія въ Англіи.

Сюжетъ—предметъ, явленіе или происшествіе, служащее содержаніемъ художественнаго произведенія.

Сюрпризъ —неожиданный подарокъ.

Табуретъ—деревянная мебель, состоящая изъ сидѣнія и четырехъ ножекъ, но безъ спинки.

Таверна—въ древнемъ Римѣ: 1) лавка на форумѣ или мастерская:

2 станція на военныхъ римскихъ дорогахъ; 3) харчевня, кабачекъ.

Такса — опредѣленная, установленная обществомъ цѣна на предметъ или трудъ.

Тактика—сумма ухищреній и обдуманныхъ дѣйствій для достиженія извѣстной цѣли. Наука о составѣ, устройствѣ и вооруженіи войскъ и о выполненіи плана сраженія.

Тактъ—1) умѣнье держать себя и дѣйствовать сообразно. съ обстоятельствами; 2) размѣръ музыкальнаго произведенія, ритмъ.

Талантъ—способность къ творчеству.

Талія—1) станъ. середина человѣческаго туловища; 2) одна изъ миѳическихъ 3-хъ грацій.

Таращить—(глаза) -выкатить, сильно расширить.

Тварь -созданіе.

Творчество — созиданіе какихъ-либо предметовъ подъ вліяніемъ вдохновенія.

Татральность—неестественность, искусственность, богатство внѣшними эффектами.

Тезисъ—положеніе, которое требуется подкрѣпить доказательствами. Предметъ ученаго эдиспута.

Тезка—человѣкъ, носящій то же имя.

Тэкерей—англійскій писатель романистъ, авторъ романа «Базаръ житейской суеты».

Титаническій — свойственный людямъ огромной силы, отъ слова титанъ—гигантъ миѳическій великанъ.

Титулы—прибавленіе почетнаго и оффиціальнаго названія къ имени лицъ извѣстнаго положенія и состоянія.

Ткать—переплетать особымъ механическимъ способомъ волокна шерсти или хлопчатбй бумаги для полученія изъ ихъ сплошной матеріи, ткани.

Тминъ—двулѣтнее растеніе изъ сем. зонтичныхъ; растетъ дико на лугахъ, разводится на огородахъ ради сѣмянъ, обладающихъ пріятнымъ запахомъ и вкусомъ.

Тождество—1) въ обыденной рѣчи,—т., понятіе. выражающее совершенно то же самое, что и другое съ нимъ «тождественное»; 2) въ математикѣ два количества, равныя другъ другу по величинѣ и внѣшнему виду, представляютъ тождество.

Токарный станокъ—служащій для выдѣлки всевозможныхъ предметовъ изъ дерева.

Токъ—1) на гумнѣ мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ; 2) головной уборъ въ средніе вѣка у мужчинъ, сохранившійся у женщинъ до XIX вѣка.

Толкъ—пониманіе; смыслъ; мнѣніе.

Томительно—мучительно.

Томный—усталый, безвольный, размягченный.

Томиться—изнывать, находиться въ мучительномъ состояніи.

Томъ—часть сочиненія, составляющая отдѣльную книгу.

Тонъ—высота музыкальнаго звука; оттѣнокъ цвѣта; выраженіе, съ которымъ произносятся какія либо слова.

Топорный—грубый, грубо сработанный.

Торжище—мѣсто производства торга, рынокъ.

Тормазъ — приспособленіе въ движущейся машинѣ для ея остановки; въ переносномъ смыслѣ—задерживающій элементъ.

Торная—избитая, проложенная другими.

Тостъ—застольная и заздравная рѣчь.

Трагедія — 1) драматическое произведеніе, изображающее борьбу сильныхъ личностей съ обстоятельствами, другими сильными характерами или съ самимъ собой; 2) всякое положеніе, въ которое входитъ элементъ сильнаго страданія.

Трагизмъ—положеніе, въ которое входитъ элементъ страданія.

Трагикъ—актеръ, исполняющій главныя роли въ трагедіяхъ.

Трагическій (обстановка) —носящій признаки большихъ страданій.

Традиціонный — принятый

для извѣстныхъ случаевъ, рутинный, обыкновенный.

Трактъ—1) международный договоръ, возлагающій различныя обязательства на договаривающіяся государства; 2) научное сочиненіе.

Трактирщикъ—содержатель чайнаго дома.

Трактъ—проѣзжая дорога, путь слѣдованія обоза, желѣзной дороги и проч.

Трапеза—ѣда за столомъ.

Трауръ—внѣшнее выраженіе печали по умершемъ; состоитъ въ прекращеніи разнаго рода увеселеній и въ ношеніи особой траурной (черной) одежды.

Трезвый—не пьяный; переносно—ясный, положительный, неспособный заблуждаться.

Третьестепенный—третьяго сорта, не особенно высокихъ достоинствъ.

Тріумфъ—вообще торжество, радость по случаю побѣды.

Тропинка—узкая дорожка.

Труппа—собраніе актеровъ, организованное однимъ руководителемъ.

Трущоба—узкое мѣсто, ущелье; непривлекательное, подозрительное, темное мѣсто.

Трупъ—мертвое тѣло.

Туалетъ—1) столъ съ зеркаломъ, принадлежность женскаго будуара; 2) дамскій нарядъ.

Тулья—головка шляпы.

Туманъ—скопленіе микроскопическихъ водяныхъ пузырьковъ, дѣлающихъ воздухъ непрозрачнымъ.

Тусклый—лишенный блеска безцвѣтный, слабо освѣщенный.

Тщательность—бережное отношеніе къ дѣлу, стараніе сдѣлать все, какъ слѣдуетъ, во всѣхъ подробностяхъ.

Тщеславіе—желаніе казаться лучше, чѣмъ есть, стремленіе къ пустой славѣ, успѣху.

Тщетно—напрасно.

Тыква—однолѣтнія и многолѣтнія растенія съ ползучимъ стеблемъ, плоды очень крупные и мясистые.

Тылъ—спина,—оборотная сторона, то, что позади.

Тюрьма—общественное учрежденіе, гдѣ находятся въ заключеніи лица, временно или навсегда изгнанныя изъ общества въ наказаніе за противозаконный поступокъ.

Тюфякъ—1) постельная принадлежность (отличающаяся отъ перины тѣмъ, что она набивается волосомъ шерстью, мочалой, но ни въ какомъ, случаѣ не перомъ или пухомъ; часто бываетъ складнымъ); 2) въ переносномъ смыслѣ—лѣнтяй, неловкій и нерѣшительный человѣкъ.

Тяготѣть—склоняться, испытывать влеченіе въ извѣстномъ направленіи.

Тяжба—производство судебнаго процесса.

Убаюкивающій—навѣвающій сонъ.

Убогій—бѣдный, обиженный природой.

Уборная—комната, гдѣ одѣваются, гриммируются и приготовляются къ выходу на сцену артисты; вообще комната для туалета.

Увалень—неловкій, неповоротливый, тяжеловѣсный человѣкъ.

Убѣдить—внушить свои мысли, доказать правильность своихъ воззрѣній.

Увертюра—вступительная часть какого-нибудь музыкальнаго произведенія.

Увлеченіе—состояніе сильной склонности или интереса къ какому-нибудь лицу или явленію.

Угловатость—неловкость манеръ.

Угнетать—систематически дурно обращаться, дѣйствовать подавляющимъ образомъ на кого-нибудь.

Угомониться—успокоиться, перестать шумѣть.

Удостовѣриться—убѣдиться, лично провѣрить.

Удочка—рыболовный снарядъ, состоящій изъ палки, веревки, груза, поплавка и крючка.

Удѣлъ—судьба, участь. Поземельная собственность, отдаваемая во владѣніе младшихъ сыновей; нынѣ назыв. помѣстья принцевъ крови.

Ужалить—укусить (про змѣю

или осу). Уязвить, задѣть чувствительное мѣсто.

Узда—1) часть лошадиной сбруи, служащая для управленія лошадью; продѣвается въ ротъ; лошади, а концы находятся въ рукахъ у проводящаго, 2) все, что способно насильно сдерживать волю, или дѣйствія человѣка.

Узникъ—человѣкъ, находящійся въ насильственномъ заключеніи.

Уклончивость — стремленіе уходить отъ прямого пути.

Укоризна—упрекъ.

Укропъ—растеніе сем. зонтичныхъ, разводится ради пахучей зелени и сѣмянъ, богатыхъ эфирными маслами.

Улетучиваться испаряться, исчезать.

Улика — наглядное доказательство виновности.

Уличать—явно доказать виновность.

Умалить—уменьшить, ослабить.

Умастить—обильно смазать,—фиг. упросить.

Умиленіе—душевное состояніе при видѣ трогательнаго явленія.

Университетъ—высшее учебное заведеніе, дающее общее образованіе.

Унція—1/12 аптекарскаго фунта, подраздѣляющаяся на 8 драхмъ=7 золотникамъ.

Унылый—находящійся въ подавленномъ состояніи.

Уныніе—подавленное состояніе духа.

Упоеніе—увлеченіе до потери сознанія окружающаго; наслажденіе.

Уполномочить — возложить на кого-либо извѣстныя обязанности, довѣрить какое-либо дѣло.

Упоръ—1) подставка, подпорка; 2) въ упоръ—прямо, непосредственно.

Упругость—свойство тѣлъ принимать первоначальную форму.

Ураганъ — сильный вѣтеръ, буря.

Уровень—1) горизонтальная поверхность; 2) ступень, степень.

Уродство—рѣзко выраженный внутренній или внѣшній недостатокъ.

Усадьба — имѣніе, господскій домъ съ садомъ и принадлежностями сельскаго хозяйства.

Усваивающій—понимающій, знакомящійся съ извѣстной мыслью.

Условіе — 1) договоръ, соглашеніе; 2) обстоятельства, изъ которыхъ вытекаетъ явленіе.

Усложнять — дѣлать болѣе труднымъ, запутаннымъ.

Усопшій—умершій.

Уста—ротъ, губы.

Усугублять—увеличивать, усиливать.

Утварь—посуда, хозяйственныя принадлежности.

Утверждать—защищать вѣрность своего положенія.

Утесъ—часть берега, выступающая въ воду узкой каменной скалой.

Утратить—утерять.

Ухищреніе — умѣніе обойти обстоятельства какимъ-нибудь особеннымъ, хитро придуманнымъ средствомъ.

Участіе — активный интересъ къ чужому горю или неудачѣ.

Учтивый—вѣжливый.

Ущербъ—потеря, понесенная въ какомъ-нибудь предпріятіи, или вредъ, причиненный несчастнымъ случаемъ.

Уязвить — задѣть, обидѣть, искусно угадавъ слабую сторону противника.

Уязвленный—обиженный, задѣтый; укушенный вреднымъ гадомъ или насѣкомымъ.

Фабрика—учрежденіе, въ которомъ обрабатываются естественные продукты посредствомъ рабочихъ рукъ и механическихъ приспособленій.

Фабрикантъ—владѣлецъ фабрики.

Факелъ — пучекъ осмоленныхъ пеньковыхъ волоконъ. Употреблялся для освѣщенія въ древнее время; нынѣ употребляется при нѣкоторыхъ торжественныхъ процессіяхъ, а также при ночныхъ работахъ, маневрахъ и пр.

Фактическій, фактически—на самомъ дѣлѣ.

Фактъ—совершившееся на самомъ дѣлѣ; не вымышленное событіе.

Фалды—складки платья.

Фальцетъ—искусственныя вы-

сокія ноты, которыя пѣвецъ беретъ горломъ.

Фальшь—обманъ, лукавство, невѣрность тона (напр. въ музыкѣ, въ пѣніи).

Фамилія—родовитое семейство; общее собственное имя цѣлаго рода.

Фамильный — семейный, родовой.

Фанаберія— спѣсь, надменность.

Фанатизмъ — религіозность, доведенная до ослѣпленія и умственной узости.

Фантазія—творческая сила воображенія.

Фантастическій (разсказъ)—повѣствующій о происшествіяхъ, невозможныхъ въ дѣйствительности, порожденныхъ воображеніемъ.

Фарисей- религіозно-политическая партія евреевъ, отличавшаяся фанатизмомъ и лицемѣрнымъ исполненіемъ правилъ наружнаго благочестія.

Фарсъ—малоправдоподобная шутка; въ драматургіи—пьеса, цѣль которой насмѣшить публику, ради чего нерѣдко авторы жертвуютъ здравымъ смысломъ.

Фартингъ—англійская монета= $^1/_4$ пенни.

Фартучекъ— 1) фартукъ—кусокъ матеріи, надѣвающійся спереди для защиты платья при работѣ; 2) кожаное покрывало въ экипажахъ, растегивающееся съ боковъ и защищающее ѣдущаго отъ дождя, снѣга и грязи.

Фарфоровый — сдѣланный изъ фарфора.

Фарфоръ—высшій сортъ глиняной посуды, обладаетъ твердостью, звонкимъ звукомъ, бѣлымъ цвѣтомъ и сравнительной прозрачностью.

Фаршированный — начиненный.

Фасадъ — наружная, передняя сторона зданія.

Фасонъ—форма, выкройка, модель.

Фасъ—передняя сторона зданія.

Фаталистическій—роковой, неизбѣжный.

Фатумъ--судьба, рокъ.

Фатъ — вертопрахъ; самодовольный франтъ, пошлый, пустой человѣкъ.

Фейерверки—взрывчатыя снаряженія, выбрасывающія при зажиганіи красивыя фигуры.

Феноменальный—въ высшей степени отличающійся отъ обыкновеннаго.

Ферма—имѣніе, въ которомъ особенно занимаются молочнымъ хозяйствомъ.

Фермеръ — владѣлецъ фермы (см. выше).

Фетишъ — человѣкъ, животное или неодушевленный предметъ, въ который переселился высшій духъ, по вѣрованію особаго вида язычниковъ, поклонниковъ фетишизма.

Фіалка—родъ растеній сем. фіалковыхъ; многолѣтнія и однолѣтнія травы съ красивыми неправильными цвѣтами.

Фіолетовый—темно-лиловый, различные оттѣнки изъ смѣси синяго цвѣта съ краснымъ.

Фибры -1) волокна мускуловъ и всякой органической (живой) ткани; 2) переносно: тончайшія струны или нити.

Фигура—1) въ геометріи: на плоскости фигуры составляютъ рядъ линій, замыкающихъ собою часть плоскости; въ пространствѣ—фигуры составляютъ рядъ плоскостей, замыкающихъ собою часть пространства; 2) переносно: фигура — внѣшній обликъ тѣлосложенія человѣка; 3) въ части теоріи словесности, стилистикѣ, «фигурой» называется выраженіе, украшающее рѣчь въ видѣ умѣстнаго повторенія слова, умолчанія или подобнаго пріема для приданія красоты и выразительности.

Фигурально—картинно.

Фижмы—юбки на китовыхъ усахъ, бывшія въ модѣ въ XVII вѣкѣ.

Физіологія—наука объ отправленіяхъ живого, здороваго организма.

Физіономія — внѣшній видъ; выраженіе лица; собраніе характерныхъ чертъ.

Физическій—1) тѣлесный, природный, матеріальный; 2) физическія явленія—такія, при которыхъ составъ тѣла не измѣняется.

Физически — матеріально, по законамъ природы, тѣлесно.

Филантропъ — человѣколюбецъ, благотворитель.

Филантропія — благотворительность.

Филиппики — рѣчи Демосѳена противъ Филиппа Македонскаго; Цицеронъ назвалъ свои рѣчи противъ Антонія также филиппиками; отсюда вообще названіе горячихъ обличительныхъ рѣчей.

Философія — наука объ основахъ познанія.

Философствовать — говорить объ отвлеченныхъ матеріяхъ.

Философъ — человѣкъ, занимающійся изученіемъ основъ человѣческаго мышленія и познанія.

Финалъ — заключеніе драматическаго дѣйствія или какого-либо событія.

Финтифлюшка — пустая вещица, не имѣющая никакого смысла и забавляющая людей несерьезнаго склада.

Фирма — имя торговаго дома или какого-либо предпріятія.

Флаконъ — небольшой стеклянный или фарфоровый сосудъ съ украшеніями; употребляется для духовъ, спиртовъ и вообще косметическихъ средствъ.

Фланелевая куртка, фланель — шерстяная ткань, прямая или киперная, мало валеная, ворсованная.

Фланель — теплая, мягкая матерія изъ чистой шерсти.

Фланеръ — человѣкъ, гуляющій безъ опредѣленной цѣли и дѣла.

Флейта — духовой деревянный музыкальный инструментъ.

Фляжка — дорожная бутылка, оплетенная соломой и снабженная ремешкамъ

Фокусъ — 1) въ физикѣ — мѣсто пересѣченія лучей, исходящихъ отъ свѣтящагося тѣла; 2) въ медицинѣ — мѣсто проявленія болѣзнетворныхъ бактерій; 3) зрѣлище — обманъ зрителей помощью ловкости рукъ, тайныхъ приспособленій или оптическихъ обмановъ.

Фонарь — 1) вмѣстилище свѣчи или лампы; 2) пространство въ зданіи, получающее свѣтъ сверху и освѣщающее смежныя темныя помѣщенія.

Фонъ — 1) задній планъ картины; 2) частица, прибавляемая къ нѣмецкимъ фимиліямъ для означенія дворянскаго происхожденія.

Форма — 1) внѣшній видъ предмета; 2) опредѣленный порядокъ; 3) установленная одежда для лицъ даннаго вѣдомства или учрежденія.

Форменный — сходный съ установленною формою; составленный по формѣ; оффиціальный.

Формула — выраженіе, служащее общимъ примѣромъ для единичныхъ случаевъ.

Фотографія — свѣтопись, воспроизведеніе изображеній механическимъ способомъ, посредствомъ фотографическаго аппарата.

Фраза — 1) предложеніе, мысль, выраженная словами; 2) наборъ красивыхъ словъ безъ внутренняго содержанія.

Фракъ — парадный мужской костюмъ.

Франтиха — женщина, неумѣренно любящая наряды.

Франтъ — человѣкъ, чрезмѣрно любящій наряды.

Франтоватый — чрезмѣрно нарядный.

Фрейлина — придворная дѣвица, состоящая въ штатѣ женскихъ особъ Царствующаго дома.

Фуляръ — мягкая матерія изъ несученаго шелка; шелковый шейный или носовой платокъ.

Фундаментъ — основаніе зданія или сооруженія, а затѣмъ и вообще основаніе всякаго дѣла.

Фурія — богиня мести, изображалась со змѣями на головѣ, съ бичемъ въ одной рукѣ и свѣтильникомъ въ другой.

Футляръ — коробка, устроенная для храненія какого-либо предмета.

Футъ — мѣра длины $=^1/_7$ сажени.

Халатъ — народное одѣяніе туземцевъ Средней Азіи.

Хандра — тоскливое настроеніе, неимѣющее никакихъ опредѣленныхъ причинъ.

Ханжа лицемѣръ, притворно-набожный.

Ханжество — наружное, ложное выраженіе религіозности.

Хаосъ—въ Библіи—состояніе вселенной до сотворенія міра; всякій безпорядокъ.

Характерный—представляющій особенность даннаго лица или предмета, дающій о немъ представленіе.

Характеръ—1) совокупность нравственныхъ свойствъ, желаній, привычекъ, чувствъ, способностей, данныхъ человѣку природой и воспитаніемъ; 2) совокупность особенныхъ чертъ и свойствъ, отличающихъ одинъ предметъ отъ другого, одну группу предметовъ отъ другой, одно явленіе отъ другого или одну эпоху отъ другой; 3) воля, способность настаивать, добиваться.

Харчевня — деревенская гостиница.

Хворостъ—сухія вѣтки.

Хересъ—1) городъ въ испанской провинціи Кадиксъ; 2) родъ вина, выдѣлываемаго изъ лозъ, растущихъ въ г. Хересѣ.

Херувимъ -- ангелъ.

Хижина—бѣдное жилище.

Хирургъ — спеціалистъ по хирургіи врачъ, занимающійся производствомъ операцій.

Хихикать—посмѣиваться, писклово хохотать.

Хляби — въ Библіи — означаетъ облака, запасы воды, находившіеся въ небесахъ.

Хмѣль—видъ изъ семейства конопляныхъ. Многолѣтнее растеніе, стебель вьющійся, листья лопастные. Употребляется въ пивоваренія для сообщенія пиву горькаго вкуса.

Ходатай—лицо, берущее на себя за извѣстное вознагражденіе хлопоты по чужимъ дѣламъ.

Холмъ — небольшое возвышеніе на земной поверхности.

Холостякъ—неженатый человѣкъ.

Хористы—пѣвцы, участвующіе въ хоровомъ пѣніи.

Храбрость—мужество, сильная воля, неустрашимость.

Христіанинъ — человѣкъ, принадлежащій къ христіанской церкви, послѣдователь ученія Іисуса Христа.

Хроническій - долго длящееся, трудно искоренимое явленіе.

Хрупкій — легко ломающійся, непрочный.

Художникъ—человѣкъ, изображающій жизнь или природу, живописецъ.

Центавръ—въ греческихъ миѳахъ—существо, представлявшее человѣка, сросшагося съ туловищемъ лошади.

Центральный—находящійся въ центрѣ, служащій центромъ, имѣющій отношеніе къ центру. Переносно—главный, наиболѣе важный.

Центръ — средоточіе; главный пунктъ.

Церемонія—1) внѣшнія формы, соблюдаемыя при богослуженіи и публичныхъ торжествахъ; 2) то же, что жеманство.

Цивилизація—сумма умственныхъ и нравственныхъ пріобрѣтеній народа, ставящая его на высокую степень развитія.

Цивилизующій — просвѣщающій; выводящій общество изъ грубости и невѣжества на путь знанія, мысли, развитія утонченныхъ нравовъ и пр.

Цимбалы — музыкальный инструментъ; по струнамъ, натянутымъ на ящикѣ, ударяютъ палочками.

Циникъ—безстыдный человѣкъ, грубый на словахъ и нерѣдко безнравственный; прежде — философская греческая секта, пренебрегавшая земными благами.

Цитата—подлинныя слова какого-нибудь автора, приводимыя для подтвержденія высказываемой мысли.

Цитировать—приводить цитаты, ссылаться на чьи-либо слова, приводя ихъ въ подлинномъ видѣ.

Циферблатъ — въ часахъ, телеграфѣ и пр. доска съ цифрами или буквами.

Цифра — знакъ, выражающій число.

Цѣль—пунктъ, къ которому стремятся, все, ради чего совершается вся-

кое дѣйствіе; точка, въ которую нужно попасть пулей при стрѣльбѣ.

Цѣпи грѣха—цѣпи здѣсь употреблено переносно въ томъ смыслѣ, что нельзя освободиться отъ сознанія грѣха и отъ его послѣдствій.

Цѣпъ — земледѣльческое орудіе, служащее для молотьбы.

Чадо—дитя.

Чадолюбивый—любящій дѣтей.

Чадъ — дымъ; переносно — полубезсознательное состояніе одурманеннаго человѣка.

Чары—средство плѣнять.

Чахлый—нежизнеспособный.

Чахотка — болѣзнь, выражающаяся въ постепенномъ разрушеніи какого-нибудь органа, производимомъ особой туберкулезной бактеріей; всякая изнурительная болѣзнь, въ коей силы организма исчезаютъ и тѣло видимо худѣетъ.

Чахоточный — страдающій особою болѣзнью легкихъ или горла, производимой туберкулезной бактеріей.

Чело—1) лобъ; 2) верхняя часть устья печи; 3) потолокъ овина; 4) лучшая часть зерна, предназначаемая для посѣва.

Челюсть — часть черепа, принадлежащая къ костямъ лица; верхняя челюсть неподвижна, нижняя подвижна; на обѣихъ насажены зубы.

Челядь—собраніе слугъ.

Чемоданъ — дорожный кожаный или парусинный сундукъ для вещей.

Чередъ—очередь, смѣна.

Черенокъ—костяная или деревянная оправа на рукояткѣ ножа.

Черепица—строительный матеріалъ изъ обожженной глины съ пескомъ. Даетъ крѣпкую, стойкую, но тяжелую крышу.

Черная година — тяжелый годъ.

Черника—видъ изъ сем. брусничныхъ; плоды съѣдобны и имѣютъ медицинское употребленіе.

Чернь—простой народъ.

Черствый—суровый, твердый, сухой.

Чертить—воспроизводить рисунки при помощи различныхъ приспособленій, какъ-то линейки, циркуля, лекала, треугольника, транспортира и пр.

Честолюбіе—сильное желаніе славы и почестей.

Чертогъ—дворецъ, прекрасное зданіе.

Четкій—разборчивый.

Четъ и нечетъ — 1) четъ — число, дѣлящееся на 2; нечетъ—недѣлящееся, 3) азартная игра, воспрещенная правительствомъ.

Чешуя—роговыя пластинки, покрывающія тѣло рыбы или гада и ежегодно мѣняющіяся; переносно — всякое постороннее наслоеніе, могущее спадать.

Чинный—сдержанный, серьезный, сознающій внѣшнія обязанности положенія.

Чириканье — крикъ, издаваемый птицами.

Членъ общины—лицо входящее въ составъ общины.

Чопорный — важный, надменный, не въ мѣру строго придерживающійся внѣшнихъ правилъ приличія.

Чудакъ — странный человѣкъ, поступки котораго не похожи на поступки обыкновенныхъ людей его среды.

Чуланъ—маленькое помѣщеніе при квартирѣ для храненія домашняго скарба.

Чума — инфекціонная болѣзнь, производимая особой бактеріей—чумной палочкой и быстро разрушающая организмъ.

Шаблонъ—установленный, общепринятый образецъ, исключающій какое-либо самостоятельное усовершенствованіе.

Шалашъ—палатка, складной домикъ.

Шаль — большой платокъ изъ шерсти кашмирскихъ козъ, разнообразныхъ рисунковъ.

Шансы—большая или меньшая вѣроятность успѣха.

Шарахнуться—быстро рвануться.

Шарманка—ящикъ съ орган-

ными трубами или гармоническими клапанами (языками), которые при посредствѣ вала со шпеньками, вращаемаго за рукоятку, издаютъ рядъ звуковъ, образующихъ мелодіи.

Шарфъ—теплый шерстяной или легкій кружевной длинный, узкій платокъ, шейный или головной.

Шаткій — не крѣпко стоящій, неустойчивый.

Шахматы—игра, заключающаяся въ передвиженіи фигуръ разнаго вида, названія и старшинства по чередующимся чернымъ и бѣлымъ квадратамъ. Цѣль игры — взять старшую фигуру противника.

Шахта—горная выработка, проведенная съ поверхности земли въ глубь, преимущественно вертикально, по пустой породѣ или наклонно по рудному мѣсторожденію.

Шелкъ—ткань, полученная изъ волоконъ коконовъ шелковичнаго червя.

Шемизетка—женская манишка.

Шерифъ — въ англіи высшее должностное лицо въ графствѣ, — исполняетъ приговоры суда, составляетъ листки присяжныхъ, разбираетъ мелкіе гражданскіе иски, руководитъ парламентскими выборами и пр.

Шестъ—длинная палка.

Шиллингъ—англійская монета въ 20 фунта.

Шиповникъ — растеніе изъ сем. розоцвѣтныхъ.

Шорникъ — мастеръ, изготовляющій предметы конской упряжи.

Шпалера—то же, что обол.

Шпинатъ—травянистое растеніе сем. маревыхъ; разводится на огородахъ, ради зелени, въ нѣсколькихъ разновидностяхъ.

Штора—подвижная занавѣска у окна разнаго устройства.

Штрафъ—наказаніе, въ особенности въ видѣ денежнаго взысканія.

Штрихъ—черта.

Шуршать — издавать легкій шумъ.

Шуры-муры—проказы, тайныя продѣлки.

Шутъ—человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ приведеніе присутствующихъ въ веселое настроеніе.

Щадить—жалѣть, осторожно касаться чуствительной стороны.

Щеглёнокъ — пѣвчая птичка изъ ряда воробьиныхъ, рода вьюрковъ.

Щегольской—нарядный,

Щедро—не жалѣя средствъ.

Щеколда—желѣзный запоръ у дверей и калитокъ, подымающійся при помощи язычка.

Щекотливый — неудобный, затруднительный, чего можно касаться только съ большой осторожностью, обладая большой деликатностью.

Щелкоперъ — человѣкъ, безъ пользы для себя и другихъ занимающійся литературнымъ трудомъ.

Щелочка—маленькое узкое отверстіе.

Щепа — длинный обструганный кусокъ дерева.

Щепетильность — обидчивость, свойство заставляющее держаться на, сторожѣ, чутко относиться къ своимъ и чужимъ поступкамъ.

Щиколка—часть ноги, немного выше ступни.

Щитъ—1) оружіе, имѣющее видъ доски; круглой, прямоугольной или другой неправильной формы изъ разн. матеріала для отвода непріятельскихъ ударовъ у древнихъ народовъ и средневѣковыхъ воиновъ; 2)въ переносн. смыслѣ—защита убѣжище, прикрытіе.

Эгоизмъ—собялюбіе.

Эгоистичный—себялюбивый.

Эгоистъ—себялюбецъ, человѣкъ думающій только о себѣ, своихъ удобствахъ и выгодахъ.

Эзопъ — древнегреческій баснописецъ.

Экземпляръ—образецъ, одинъ изъ предметовъ одного рода.

Экипажъ — 1) общее названіе каретъ, дрожекъ и пр.; 2) во флотѣ — экипажъ совокупность всѣхъ служащихъ на кораблѣ; въ Россіи экипажъ—часть морской команды, соотвѣтств. полку въ сухопутной арміи.

Экономическій—разсчетливѣй, хозяйственный, денежный; связанный съ наукой о народномъ хозяйствѣ.

Экономія—домоводство, береж-

ливость. Политическая экономія—наука о народномъ хозяйствѣ.

Экономъ—домоправитель, лицо, наблюдающее за хозяйствомъ.

Экранъ — 1) обтянутая свѣтлой матеріей рама, на которой получаются изображенія волшебнаго фонаря и пр.; 2) стеклянный, деревянный или матерчатый заслонъ передъ каминомъ или на окнѣ.

Экскурсія—поѣздка, путешествіе съ ученою цѣлью; также увеселительная поѣздка.

Экспериментальный — опытный, воспроизводящій искусственно явленія, съ тѣмъ, чтобы отыскать ихъ причину или изучить ихъ обстоятельства.

Экспериментальный философъ — человѣкъ, провѣряющій опытомъ свои выводы относительно законовъ человѣческаго мышленія и познанія.

Экспериментъ—опытъ.

Экстазъ — болѣзненно - восторженное состояніе.

Эластичность—упругость.

Элегантность — изящество, красота въ соединеніи съ простотой.

Электрическій толчекъ —толчекъ сопровождающій разрядъ электрической энергіи, т. е. соединеніе извѣстнаго количества электричества одного знака съ количествомъ электр. обратнаго знака.

Элементъ—начальное вещество, стихія.

Эль — крѣпкое англійское пиво, желтоватаго цвѣта содержащее много алкоголя.

Эмаль — финифть, стекловидная масса, безцвѣтная сама по себѣ, окрашенная въ различные цвѣта отъ примѣсей металлическихъ окисловъ; переносится для украшеній на металлическія пластинки.

Энергія—способность неутомимо стремиться, добиваться цѣли, большой запасъ воли, нравственныхъ силъ.

Энергическій—сильный духомъ, способный къ продолжительной и трудной дѣятельности.

Энтузіазмъ — воодушевленіе, подъемъ духа вслѣдствіе увлеченія чѣмъ нибудь.

Эпиграмма — краткая стихотворная надпись, заключающая въ себѣ какую-либо остроумную мысль и имѣющая сатирическій характеръ.

Эпизодъ — отдѣльное происшествіе, входящее въ содержаніе повѣсти, романа, драму и др. р. литературное произведеніе, но не служащее его главной темной; вообще всякій случай изъ жизни.

Эпикуреецъ — 1) въ обыденной рѣчи – человѣкъ, стремящійся только къ удовлетворенію своихъ страстей къ удовольствіямъ; 2) принадлежащій къ древней философской школѣ аѳинскаго философа Эпикура. Эпикурейцы учили, что страданіе—зло, удовольствіе —добро, но удовольствіемъ они считали душевное спокойствіе и сознаніе своей добродѣтельности. Въ боговъ они не вѣрили, но уважали ихъ за добродѣтели, которыми награждалъ ихъ народъ. Все въ природѣ они считали происходящимъ по вѣчному непреложному закону. Природу они представляли состоящей изъ ничтожно мелкихъ частицъ «атомовъ».

Эпикурейская—беззаботная не въ мѣру наслаждающаяся жизненными богами, любящая жизненныя наслажденія.

Эпилогъ — заключеніе, послѣдняя глава драматическаго или повѣствовательнаго произведенія.

Эпитетъ — качественный признакъ предмета, кот. прибавляется къ названію предмета.

Эпоха — время извѣстной продолжительности, характеризующееся какимъ-либо направленіемъ или событіями.

Эрмитажъ — 1) дворецъ французскихъ королей; 2) дворецъ Екатерины II нынѣ превращенный въ картинную галлерею; собственно значитъ пустыня. Названіе это придается иногда строеніямъ, садамъ, музеямъ.

Эстампъ — рисунокъ, служащій моделью для срисовыванія.

Эстетическій—имѣющій отношеніе къ эстетикѣ, изящный.

Эстрада—возвышеніе для трона, каѳедры, оркестра и т. п.

Этажерка — соединеніе нѣсколькихъ полокъ, приспособленное для стоянія или висѣнія.

Этажъ—рядъ, ярусъ зданія.

Этика—ученіе о нравственности отдѣлъ философіи, занимающійся изслѣдованіемъ вопросовъ и законовъ нравственности.

Этюдъ—упражненіе для развитія техники въ искусствѣ; наброски, сдѣланные съ натуры, по которымъ создается литературное или художественное произведеніе.

Эффектный—бросающійся въ глаза блестящей внѣшностью.

Эффектъ результатъ физическаго или химическаго дѣйствія; сильное впечатлѣніе, производимое блестящей внѣшностью.

Эхо—1) какъ бы самопроизвольное повтореніе словъ и звуковъ вообще; происходитъ вслѣдствіе отраженія звуковыхъ волнъ отъ какой-нибудь твердой преграды. Если звукъ отражается отъ нѣсколькихъ преградъ, то происходитъ многократное эхо.

Ювелирная лавка—лавка, въ которой продаются издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ и камней.

Ювелиръ—человѣкъ, занимающійся обработкой драгоцѣнныхъ камней и выдѣлкой украшеній изъ драгоц. металловъ и камней.

Юморъ—особенное настроеніе, проникающее литературное произведеніе или свойственное человѣку, котораго характерная черта—насмѣшливое отношеніе ко всему окружающему, соединенное съ глубокой скорбью о недостаткахъ его и глубокимъ къ нему участіемъ.

Юридическій относящійся къ наукѣ о правѣ.

Юристъ — человѣкъ, изучившій науку о правѣ.

Языческій — язычникъ — вѣрующій въ силы природы или въ человѣческія изображенія какъ въ боговъ; вѣрующій во многихъ боговъ.

Якорь—1) желѣзный предметъ заостренный въ концѣ и снабженный для цѣпкости остріями съ боковъ, служитъ для остановки судна, брошенный въ море на цѣпи, онъ по тяжести своей тонетъ, упирается остріями въ морское дно и задерживаетъ судно.

1) Символическое (образное) изображеніе надежды.

Ямщикъ—извозчикъ служащій на почтовой станціи.

Ярдъ—въ Англіи и сѣв. Америкѣ—мѣра длины=3 рус. фут.=0,914 метра.

Ярлыкъ—1) у монгольскихъ хановъ—письменное приказаніе хана; въ эпоху татарскаго ига—жалованныя грамоты хановъ на различныя льготы; 2) этикетъ на товарѣ; 3) пропускъ на товаръ въ таможнѣ.

Ярмарка - Рынокъ, на которомъ производится торговля разъ въ году въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ, для сбыта или обмѣна товара и всякихъ продуктовъ цѣлаго края и заключенія крупныхъ торговыхъ сдѣлокъ.

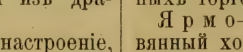
Ярмо—1) иго, тяжесть; 2) деревянный хомутъ для упряжи рогатаго скота.

Ярость—Высшая степень гнѣва.

Ясень—дерево изъ рода маслиничныхъ.

Яхта—паровая лодка.

Ѳома Кемпійскій—авторъ книги «Подражаніе Христу».



25 –
081080/10.50

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 068574851